

М. К. Любавский

Обзор истории
русской
КОЛОНИЗАЦИИ

Издательство
Московского университета

М.К.Любавский

Обзор истории
русской
колонизации
с древнейших
времен
и до XX века

М.К.Любавский

Обзор истории
русской
колонизации
с древнейших
времен
и до XX века

Ответственный редактор
А.Я.Дегтярев

Издательство
Московского университета
1996

ББК 63.3(2)

Л93

Редакционная коллегия:

Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.К.Егоров, Д.В. Карев, С.Г.Кашенко,
И.В.Купцова, И.В.Левочкин, В.Д.Назаров, И.Я.Фроянов, А.Л.Шапиро,
С.О.Шмидт, В.Л.Янин (председатель)

Рецензенты:

В.М. Воробьев, В.Ф. Андреев

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 95-06-32022

Любавский М.К.

Л93 Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX
века / Отв. ред. А.Я. Дегтярев. Вст. статья А.Я. Дегтярева, Ю.Ф. Иванова,
Д.В. Карева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.- 688 с.

ISBN 5-211-03551-8

Впервые публикуемая фундаментальная монография академика М.К. Любавского, завершенная им к началу 1930-х годов, является первым обобщающим трудом по истории заселения и освоения русским, украинским и белорусским народами пространств Евразии. Привлечение огромного массива источников, обобщение многочисленных работ по истории освоения отдельных земель, данных антропологии, этнографии, археологии, географии, геологии России позволили автору выполнить исследование, которое безусловно должно быть отнесено к выдающимся явлениям отечественной историографии.

Для специалистов-историков, преподавателей вузов, студентов и всех интересующихся историей России.

Л 0503020000-042 Без объявления
077(02) - 96

ББК 63.3(2)

ISBN 5-211-03551-8

© Дегтярев А.Я., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В., вст. статья, 1996

© Издательство Московского университета, 1996

ОТ РЕДАКТОРА

Преемник Василия Осиповича Ключевского по кафедре русской истории Московского университета, академик Матвей Кузьмич Любавский принадлежал к цветку исторической науки России конца XIX — начала XX века. В академической среде он был широко известен как крупнейший специалист и знаток истории славянства, средневековой Литвы, исторической географии России, архивоведения и других разделов исторического знания. Он являлся и одним из крупных практиков-организаторов высшего образования в России. Многие годы М.К. Любавский возглавлял историко-филологический факультет, а с 1911 по 1917 год — в период, во многом ставший драматическим для судеб российской высшей школы, — являлся ректором прославленного Московского университета. В послереволюционные годы им были разработаны принципиальные основы постановки архивоведческого образования в стране.

Однако творческое наследие ученого, уже в преклонные годы осужденного и сосланного по абсурдным обвинениям, до сих пор не оценено по достоинству. Более того, его главный труд — «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века» все еще не увидел света. Его публикацией мы хотели бы исправить давнюю несправедливость, дорого стоившую нашей науке. Мы благодарны всем, кто в той или иной мере и форме поддержал эту идею — Санкт-Петербургскому и Московскому государственным университетам, Российскому гуманитарному научному фонду, Аналитическому центру Миннауки РФ, отделу рукописей Российской государственной библиотеки. Нашу особую благодарность мы приносим дочери М.К. Любавского Вере Матвеевне и его внучке Татьяне Германовне Ливановой, бережно сохранившим значительную часть творческого наследия ученого и инициировавшим этот проект.

Ныне, на излете XX столетия, после совершившегося катаклизма, каким стал еще не осознанный нами до конца распад исторической России, особенно остро ощущается значение проблемы, которой М.К. Любавский отдал десятилетия высокопрофессиональной исследовательской работы.

Расселение, историю которого применительно к русскому народу изучал М.К. Любавский, является универсальной формой бытия людских сообществ. Вне этой формы нет речи о человеческом обществе как таковом — и с этой точки зрения им исследовалась главная составляющая жизни русского общества. Расселение русских, или, как было принято обозначать этот процесс в старой историографии, «русская колонизация»,

хозяйственное освоение огромных пространств шло под воздействием большого числа разнообразных факторов — от естественно-географических условий, которые были весьма различны на огромных пространствах Евразии, до религиозных феноменов вроде староверчества или монастырского экономического могущества в средние века. Анализ этих сплетенных в реальной жизни в неразделимый континуум воздействий представляет сложнейшую исследовательскую задачу. Ее решение даже для короткого хронологического отрезка и небольшого региона — вещь чрезвычайно трудоемкая, требующая не только освоения нескольких смежных областей научного знания, но и особого исследовательского дара, заключающегося в редкой способности к синтезу данных из, казалось бы, совершенно разных областей — филологии и демографии, религиоведения и агрикультуры, ландшафтоведения и права, геологии и этнографии.

Труд М.К. Любавского носит выраженный итоговый характер. Выдающийся ученый взял на себя задачу исключительной трудности — обобщить все, что было достигнуто русской историографией в главной области истории любого народа — истории его пребывания на земле и движения по земным пространствам. Им были обобщены разнообразные результаты изучения этой проблемы целым рядом наук. Задача, которую он взялся решать и решил за три десятилетия упорного труда, подавляющему большинству знатоков и до сих пор кажется непосильной для одиночки. Тем более значительным представляется результат, достигнутый ученым.

...Занявшись лет двадцать назад изучением сельского расселения в старой России, я с некоторым удивлением обнаружил один историографический казус, причины которого поначалу — до знакомства с судьбой исследователей, занимавшихся этой проблематикой, — объяснить не мог. Российская историческая литература XIX — начала XX века изобилует трудами на эти темы. То была мощная полнокровная ветвь изучения прошлого, реально влиявшая на понимание современниками путей исторического движения России. А за последние полстолетия обнаруживается лишь слабый, подчас на годы исчезающий ручеек, который прокладывает себе дорогу усилиями немногих загнанных на периферию науки исследователей. Причиной прерывания этой важнейшей для истории любого сообщества линии явилось уничтожение плодотворной научной школы, одним из самых ярких представителей которой был М.К. Любавский. Сам он, сосланный по “академическому делу 1929—1931 гг.” в Уфу, ставшую его последним пристанищем, не надеялся увидеть свой труд изданным. “Может быть, со временем, — трезво размышлял опальный историк, — ...труд мой и будет напечатан когда-нибудь, хотя бы после моей смерти.”

Общепризнанная математическая теория утверждает, что в сверхсложных системах нет второстепенных факторов. То, что вчера представлялось обстоятельством совершенно незначительным, сегодня вдруг выходит на первый план и начинает определять жизнь... Как знать, будь в свое время опубликованы этот и другие труды ученого и не оказались разгром-

ленной великолепная, тесно сомкнутая с географией, демографией, экономикой школа российской исторической науки, которую представлял М.К. Любавский, в нашем обществе взросло и укрепилось бы иное понимание путей и перспектив исторического движения России. Тогда не появились бы на свет и не набрали силу абсурдные проекты о "неперспективных деревнях" или переброске северных рек в пустыни. А возможно, и судьба самой большой страны мира оказалась бы иной. Но история не знает сослагательного наклонения. Однако мы уверены, что фундаментальный труд М.К. Любавского, впервые являемый кругу профессионалов, не столько принадлежит прошлому нашей науки, сколько служит будущему России.

Александр Дегтярев,
доктор исторических наук

А.Я. Дегтярев, Ю.Ф.Иванов, Д.В. Карев

АКАДЕМИК М.К. ЛЮБАВСКИЙ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

І. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ УЧЕНОГО

Формирование общественно-политических и исторических взглядов (1870-е — начало 1900-х гг.)

Будущий известный историк родился 1(14) августа 1860 г. в селе Большие Можары Сапожковского уезда Рязанской губернии в семье дьячка. Детство Матвея Кузьмича было голодным, рано заставившим думать о хлебе насущном. Первоначальные азы грамоты Любавский получил от своего деда, заштатного дьячка, дед учил его церковнославянской азбуке и чтению. Дальнейшим его домашним образованием занимался дядя, священник с. Меньших Можар, обучивший мальчика арифметике, грамматике и орфографии.¹

В 1870 г. мальчик поступил в Сапожковское духовное училище, после окончания которого в 1874 г. продолжил учебу в Рязанской духовной семинарии. Уже здесь из всех предметов семинарского обучения его заняла больше других “гражданская история в талантливом и одушевленном преподавании Н.З.Зиорова (позднее архиепископа варшавского Николая)”.² Учился он блестяще. Из всех оценок, выставленных в аттестате Любавского до 4-го класса, числится только одна четверка — по истории философии.³ В 1878 году Любавский заканчивает 4-й класс семинарии и прибывает в Москву поступать в университет на историко-филологический факультет.

Труdolюбие и практическая сметка помогали молодому студенту выходить из тяжелого, подчас отчаянного положения. Единственной радостью в эти полные забот о куске хлеба годы был университет, его историко-филологический факультет. Здесь было у кого учиться и чему учиться. Всеобщую историю читал маститый В.И.Герье, русскую — декан историко-филологического факультета Н.А.Попов, историю русского языка и

литературы — Ф.И.Буслаев, славянскую филологию — известный языковед Дювернуа.⁴ В первые годы учения сильнейшее влияние на круг исторических интересов Любавского оказал Н.А.Попов. От тематики его семинаров и пошли те работы Любавского по истории Великого княжества Литовского, которые создали ему имя в науке.

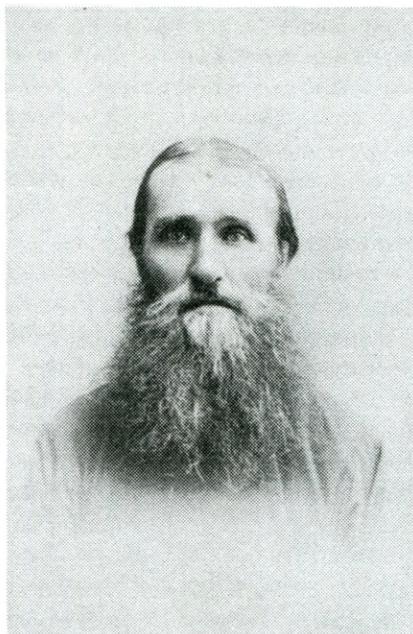
В 1878 году в семинаре В.И.Герье для младшего отделения разбирались “Анналы” Тацита, источники времени правления Тиберия. Приходилось много читать, много думать, много работать.

На II курсе прибавились новые дисциплины, появились новые преподаватели. Помимо семинаров В.И.Герье и Н.А.Попова, где разбирались источники по истории средних веков, источники по истории Ливонского края и Вольнская летопись, читались лекции по логике (М.М.Троицкий), греческим и римским древностям (И.В.Цветаев), истории русского языка и литературы (Н.С.Тихонравов) и всеобщей литературе (Н.И.Стороженко), всеобщей истории (П.Г.Виноградов). В 1879 г. Советом университета был утвержден в звании доцента по кафедре русской истории В.О.Ключевский.⁵

На III курсе М.К.Любавский участвовал в общем семинаре В.И.Герье, где занимался разбором статей по новой истории, и в семинаре В.О.Ключевского, в котором изучались “Русская Правда” и “Псковская судная грамота”. К читавшимся ранее курсам лекций добавился новый курс по психологии (М.М.Троицкий).

Прослушав лекции по истории философии (М.М.Троицкий), всеобщей истории (В.И.Герье, В.Ф.Миллер), русской истории (В.О.Ключевский), истории церкви (А.И.Иванцов-Платонов), теории и истории искусств (К.К.Герц), политэкономии (А.И.Чупров) и плодотворно поработав в семинарах В.И.Герье (средневековая история и история XVIII в.) и В.О.Ключевского (Судебник 1550 г.)⁶, Любавский написал кандидатское сочинение “Дворяне и дети боярские в Московском государстве”. Написано оно было под руководством Н.А.Попова. Матвей Кузьмич был удостоен за него премии им.Исакова, золотой медали⁷ и кандидатской степени.⁸ По представлению Попова и Ключевского от 31 мая 1882 г. он был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории.⁹

Первое исследование (неопубликованное) ученого носило историографический характер. Сам Любавский считал свою работу преимущественно критическим разбором мнений, существующих в русской исторической литературе XVIII—XIX вв. по вопросу о происхождении и составе дворян и детей боярских Русского государства.¹⁰ Но глубокая, внимательная проработка первоисточников позволяли выходить за круг чисто историографических задач работы.

Отец М.К.Любавского Кузьма Иванович

Мать М.К.Любавского Матрена Федотовна

Тема таила много неразрешенных вопросов, имеющих первостепенное значение для понимания истории Русского государства XV—XVII вв. Почему и откуда возникло привилегированное положение дворянства в Русском государстве? Почему оно так дорого оплачивало службу этого сословия? Почему правительство ставит целую массу производительного населения в экономическую, а затем и юридическую крепостную от него зависимость? Ученый считал, что на многочисленные “почему” можно будет ответить, если выяснить вопрос, как возник “служебный класс дворян и детей боярских в Московском государстве и из каких общественных элементов он составлялся”.¹¹ Налицо отчетливо выраженный интерес автора к проблеме социальных отношений в Русском государстве. Ответы на эти вопросы социальной истории решаются им в русле чичеринско-соловьевской “государственной” теории. Повышение социального статуса дворянства связывается, прежде всего, с его положением как главной фундаментальной части военных сил государства, конницы, особенно необходимой в постоянных схватках “лесной” Руси с кочевыми и полукочевыми

чевыми народами. Одновременно с этим дворяне и дети боярские представляют у него класс, “прикрепленный к военной службе”.¹²

Высшее общественное положение части дворянства он правомерно считал наследием старого времени, традицией удельного периода. Одна его часть комплектовалась сверху, из аристократических слоев обедневших княжеских и боярских служилых родов (до XIV в.), другая же — снизу, из простонародья “за службу” (особенно интенсивно с XVI в.).¹³

В сочинении Любавского помимо интересных частных наблюдений уже видно желание работать в области исторической географии. Историко-географический элемент в нем весьма значителен (наблюдения об особенностях положения дворянства в зависимости от района службы, своего рода “словесная карта Московского государства XVII в.”).¹⁴

Из стен университета Любавский вынес прочные и глубокие знания и вкус к работе с первоисточниками, привитый Н.А.Поповым и В.О.Ключевским. Там он завязал личное знакомство с учившимися с ним в одни годы В.Е.Якушкиным, М.С.Корелиным, Р.Ю.Виппером, П.Н.Миллюковым. С двумя первыми у него на долгие годы установились прочные дружеские отношения.

После отъезда товарищей из Москвы наступила пора одиночества и умственного метания; одна мысль о количестве предстоящего труда и цели его, не совсем еще ясной, приводила “чуть ли не к отчаянию”. Любавский “погряз в книги. Естественно, что все другие интересы жизни отошли временно на второй план”.¹⁵ Об этом он не раз пишет своему приятелю В.В.Розанову. Занятие историей учило критически мыслить, много работать, превращало Любавского, по его словам, в Фому неверующего, который, “прежде чем не видит своего перста, не верит”. Кропотливые изыскания по исторической географии, работа над родословными книгами требовали затраты массы времени и большого напряжения сил, тем более, что заниматься по одной литературе Любавский не хотел и не любил.

Уважение к факту-первоисточнику, своего рода преклонение перед ним вытекало из позитивистских установок, впитанных на лекциях М.М.Троицкого, представителя того течения в русской философии и психологии, которое соединяло позитивистские установки с религиозно-философскими учениями православной церкви. “В частности, почувствовал я, — писал Любавский Розанову, — необходимость факта при изучении истории... только сумма реальных фактов, осмысленных должным образом, возбуждает в душе известное чувство, которое я считаю жизнительным началом жизни: и чем более свидетельств от фактов, тем чувство интенсивнее... наш дух тут только простая возможность, способность получения впечатлений и образования идей”¹⁶

В напряженных занятиях незаметно подошел 1885 год. Н.А.Попов предложил ехать в Сибирский университет на кафедру русской истории. В Сибирь ехать не хотелось, “ибо в провинции дальнейшие занятия русскою историею немислимы”.¹⁷ Любавский начал уже работать над Литовской Метрикой, в связи с этим понятно его желание остаться в Москве. Начались долгие и мучительные хлопоты по трудоустройству. Со сдачей магистерских экзаменов прекратился такой источник существования, как стипендия. Хорошо хоть сохранился один “домашний урок”, иначе пришлось бы очутиться в “невозможном положении”.¹⁸ Одно время дела немного улучшились (помогли Герье и Попов), но ненадолго. “Домашний урок” кончился в мае 1886 г., и вопрос о существовании снова выдвинулся на первый план. Вопрос о хлебе насущном предстал в самой резкой форме. “До сих пор еще не нашел и мало питаю надежды на то, что найду, — писал Любавский Розанову. — Что буду делать, если действительно случится последнее, т.е. не найду занятий в Москве, об этом стараюсь не думать...”¹⁹ К сентябрю 1886 г. удалось устроиться в частную гимназию О.А.Виноградовой преподавателем истории.²⁰ В это же время возобновляется прерванная работа над диссертацией. Но и в последующие годы он был вынужден далеко не все свое время уделять научной работе. В 1891 г. Любавский женился на выпускнице гимназии О.А.Виноградовой Наталье Валерьяновне Зызькиной. С 1887 г. он начинает давать уроки географии во 2-й женской гимназии и Марининском училище.²¹ Своей преподавательской деятельностью в средних учебных заведениях Любавский не прекращал вплоть до революции 1917 г. Кроме того, он работал товарищем председателя исторической комиссии учебного отдела Русского Технического Общества (Московского его отделения).²² Но и при такой загруженности он сумел к 1892 г. напечатать свою магистерскую диссертацию “Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута”. 31 мая 1894 г. Любавский получил степень магистра и приступил к преподаванию в Московском университете,²³ где проработал вплоть до 1930 года.

Первое фундаментальное исследование Любавского по литовско-русской истории, большую помощь при подготовке которого советами и литературой оказали Любавскому его учителя Н.А.Попов и В.О.Ключевский,²⁴ было посвящено памяти Н.А.Попова, “человека, который так много содействовал его появлению”. Оно представило собой удачную попытку изображения социально-политических механизмов власти и социальной структуры Великого княжества Литовского в самостоятельный период его развития (до конца XV в.). Поставленная автором цель — уяснение государственного типа “Литовской Руси” — была достигнута с помощью детального показа истории происхождения системы местного управления

княжества и выявления ее роли в жизни Литовского государства. Изображение системы местного управления в тесной связи с эволюцией внутри самого социального организма государства позволяло раскрыть происхождение и состав его “социальных клеток” (историю классов, сословий, категорий населения).

Удачный выбор фактически неисследованной темы, имевшей крайне скудную и отрывочную литературу, и фундаментальная проработка вводимого в научный оборот огромного источникового массива Литовской Метрики (в основном из Отдела Записей) позволяли ученому пересмотреть ранее высказанные точки зрения, бездоказательность которых ему удалось обосновать (положения В.Б.Антоновича о происхождении крестьян-отчичей, М.Ф.Владимирского-Буданова о громадном влиянии немецкого права в Литве и др.).

Фундаментальность и глубина проработки источников позволили доказательно ответить на один из главных вопросов исследования — о причинах слабой государственной централизации как наиболее характерной черты в “конструкции Литовско-Русского государства”. Чтобы прийти к доказательным выводам о происхождении и устройстве областного деления, потребовалось специальное исследование неизученной политической географии государства в рассматриваемое время.

Не все задачи были решены успешно. К ним в первую очередь относилось решение вопроса о закреплении крестьянства. Здесь Любавский, несмотря на детальный показ конкретной эволюции различных категорий крестьянства Литвы и Белоруссии по пути к закреплению, объяснял право феодала на крестьянский труд действием принципа давности, “старинности”, господствовавшего якобы во всех сферах государственных отношений Великого княжества Литовского. Такой вывод был шагом назад даже по сравнению с современной ему историографической версией, представленной в трудах Ф.И.Леонтовича и М.Ф.Владимирского-Буданова, которые развивали теорию происхождения крепостного права в Литовском государстве из долговой зависимости крестьянства (т.е. из экономических условий).²⁵

Но и при некоторых недостатках эта работа Любавского не только поставила на прочную основу разработку истории Великого княжества Литовского XIII—XV вв., но и явилась фундаментом, необходимым для правильного изображения и оценки следующей эпохи в истории этого государства, ознаменовавшейся тесным сближением его с Польшей. Огромный пласт исторической “целины”, поднятый исследователем в работе, сделал ее отправной точкой для последующих изысканий в области изучения истории Литвы, Белоруссии и Украины. Исследование Любавского

было высоко оценено современниками, ему были присуждены премия Г.Ф.Карпова от ОИДР и премия гр. Уварова от Академии Наук.

В 1894 г. Любавский утверждается в должности приват-доцента по кафедре русской истории и начинает свою научную и преподавательскую деятельность в Московском университете.²⁶ В середине 90-х гг. на историко-филологическом факультете преподавали такие известные филологи, как Ф.Е.Корш, С.И.Соболевский, М.М.Покровский, С.В.Рождественский, слависты Р.Ф.Брандт, М.И.Соколов, историки искусств И.В.Цветаев, В.Г.Апфельрот, Ф.Ф.Фортунатов, историки В.И.Герье, М.С.Корелин, Д.М.Петрушевский, В.О.Ключевский.²⁷ Молодой приват-доцент Любавский читал в 1895/96 академическом году “Историю Западной Руси” с середины XVIII в.²⁸ В 1896 г. для желающих он ведет семинар, где разрабатываются земские привилегии Литовско-Русского государства.²⁹ В 1897—1899 гг. начинает читать курс “Историческая география России в связи с историей колонизации”. С 1899 г. по поручению факультета Любавский читает и курс “История западных славян” для исторического отделения и “Историю Литовско-Русского государства до Люблинской унии” для желающих.³⁰

Эта тематика была углублена и расширена в последующих работах М.К.Любавского.

Таким образом, мы видим, что к 1900 г. определяются три основные области его дальнейших исторических интересов: история Великого княжества Литовского, историческая география и история западных славян.

Напряженная преподавательская деятельность в эти годы помогла отработать многие положения нового капитального исследования Любавского по истории литовско-русского сейма.³¹ Истории происхождения областных сеймов достаточное место уделялось уже в IV главе первой монографии Любавского.

Сообщение “К истории литовско-русского сейма” — своего рода проспект-программа будущего исследования — было сделано Любавским еще в феврале 1896 г. на заседании Общества истории и древностей российских (ОИДР).³² После шести лет работы над темой тезисы выросли в фундаментальную монографию, основной задачей которой стало изучение того центрального учреждения Литвы, в котором выражен “наиболее общий итог социально-политической истории этого государства за время его самостоятельного существования”.³³

В сумме своей магистерское и докторское исследования давали возможность рассмотреть социально-политическую сторону внутреннего развития Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Успешному выполнению поставленных задач способствовало существование в русской

историографии конца XIX в. труда В.О.Ключевского о боярской Думе, основанного на материалах по истории Северо-Восточной Руси.

Разрешение такой сложной, не разработанной в историко-юридической литературе темы, как литовско-русский сейм, требовало глубокой самостоятельной проработки большого комплекса источников, начиная с древнейших летописей, кончая огромным актовым материалом, взятым из отечественных и зарубежных (польских, немецких) публикаций второй половины XIX в.

Основной объект изучения требовал анализа в первую очередь законодательных памятников. Здесь ученый с успехом применяет историко-сравнительный метод. Сравнение более ранних статутов с более поздними давало возможность проследить их эволюцию. А их проверка и дополнение по другим источникам (в первую очередь по актовому материалу, рисующему повседневную жизнь государства) позволяла решить вопрос о степени реализации законодательства в действительности. Источниковедческая критика проводилась и путем анализа содержания самого источника, и путем использования результатов самостоятельных генеалогических разысканий.

Ценной чертой источниковедческого анализа Любавского было умение выделять при изучении документов интересы того или иного социального слоя, накладывавшие свой отпечаток на характер, содержание источника. Выявляя их в документе, он исходил из вопроса “Кому это более всего выгодно?” Нередко он признавал при этом преобладание экономических интересов над политическими и правовыми.

Логичная структура работы позволяла не потеряться в море фактов, а целенаправленно двигаться к решению поставленных задач. Конкретные, доказательные ответы на главные вопросы исследования (социально-политическое устройство Литовского государства в XIV—XVI вв., история его сейма и двух его “станов” — шляхты и пановрады, внешнеполитические отношения Литвы с Москвой и Польшей, унии с Польшей, система внутреннего управления Литовского государства и т.д.) стали важным научным достижением отечественной историографии. В ее арсенал вошел и вывод Любавского о сейме как порождении особенностей внутреннего развития социально-политического строя Литвы. Рассматривая феодализм как форму организации власти и управления, ученый оставался на позициях государственной школы. Но понимание сущности социальных процессов в исследовании ученого было более глубоким. Это сказалось в трактовке привилегированного положения и видной роли правящего шляхетского сословия в делах управления государством как прямого следствия его экономического могущества по сравнению с другими слоями

населения. Справедливо отмечалось, что “экономические факторы берут обыкновенно свое вопреки юридическим ограничениям”.³⁴

Основанное на обильном и в значительной степени новом материале исследование М.К.Любавского “Литовско-Русский Сейм” было признано “ценным вкладом в историческую науку, восполняющим крупный пробел в русской и польской литературе по историографии Западной Руси”.³⁵ Автор его после защиты исследования как докторской диссертации 28 мая 1901 г. был единогласно удостоен степени доктора русской истории. Труды Любавского, по мнению одного из рецензентов, составили “новую эпоху в развитии научного изучения прошлого Литовско-Русского государства”.³⁶ Правда, в эти годы имели место не только попытки оспаривания выводов Любавского об организации центральных учреждений Литовского государства (М.В.Довнар-Запольский)³⁷, но и полное непризнание их правоты (Н.А.Максимейко, Ф.И.Леонтович).³⁸ Любавский детально и критически разобрал аргументацию рецензентов и отстоял правоту своей позиции.³⁹ Советская историография приняла выводы М.К.Любавского.⁴⁰

После успешной защиты докторской диссертации Любавский, утвержденный в 1902 г. в должности экстраординарного профессора, фактически становится преемником В.О.Ключевского на кафедре русской истории. Получение кафедры состоялось при личном содействии В.О.Ключевского.⁴¹

Новое положение обуславливало и иные масштабы работы. В 1902—1905 гг. Любавский читает курс по “Древней русской истории”, ведет семинары по теме “Главные источники древней русской истории” (летописи, Русская Правда, Судебник 1497 г.), по историографии и др.⁴² В эти же годы он продолжал читать курсы по исторической географии и истории западных славян, давал уроки в средних учебных заведениях, исполнял обязанности секретаря факультета, преподавал на Высших женских курсах.⁴³ В целом, его педагогическая нагрузка выглядит весьма внушительной.

В активе Любавского как исследователя к 1905 г. числилось около 25 печатных работ по истории Великого княжества Литовского и западного славянства. Как педагог и ученый Любавский предстает перед нами в расцвете сил.

В эпоху революций (1905-1917 гг.)

В период революционных бурь 1905—1907 гг. русская либеральная буржуазия стала ратовать за единение с царизмом, твердой законной властью. Это было характерно и для Любавского, показавшего себя “академически” мыслящим консерватором.⁴⁴ Под напором революционного движе-

ния правительство шло на уступки обществу. Подачку в виде “Временных правил” подбросили и либерально настроенной профессуре Московского университета. В университете вводилась ограниченная автономия. На основании “Временных правил” Совет избрал первого выборного ректора Московского университета. 3 сентября им стал князь С.Н.Трубецкой, известный русский философ-идеалист и сторонник конституционной монархии. Для управления хозяйственными и учебными делами университета была выбрана комиссия в составе Р.Ю.Виппера, В.О.Ключевского, М.К.Любавского, В.И.Вернадского, К.А.Умова, К.А.Тимирязева, П.И.Новгородцева, И.А.Каблукова, В.М.Хвостова, А.Б.Фохта, И.Г.Спижарного и Д.И.Дьяконова.⁴⁵

Отрицательно относясь к революционному движению в эти годы, Любавский считал, что революционные события станут причиной гибели высшей школы на несколько лет.⁴⁶ Революция определяет и его отношение к основным политическим партиям России. К кадетам он по своим убеждениям примкнуть не может, т.к. те “не провели достаточно резкой границы между собой и революционными партиями”. Умеренно-прогрессивная отгалкивает его своей “четырёххвостностью” (всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосов). Монархические партии “уж очень ветхозаветны”. “Скорее всего примкну к так называемой партии 17 октября”, — пишет Любавский Герье, — “хотя по-настоящему следовало бы организовать свою партию октроированной конституции”.⁴⁷ В предчувствии крайностей он начинает серьезно подумывать о перемене рода деятельности, поскольку ожидает в исторической науке “либо господства реакционного деспотизма, либо господства якобинского деспотизма”. “И то и другое, — пишет он, — одинаково для меня ненавистно”.⁴⁸

В 1908 г. Любавский избирается деканом историко-филологического факультета и снова активно включается в административную работу не без желания способствовать введению студенческой молодежи в русло академической науки.⁴⁹

В небольших статьях, посылаемых в “Голос Москвы” (финансировался Гучковым), где он вел отдел университетской жизни, Любавский раскрывает свое политическое credo, призывает водрузить в университете знамя “академизма”, покончить с ним как политическим клубом и “вернуть его к прямому назначению служения науке”.⁵⁰ Он критикует представителей “крайних” направлений (монархистов и социал-демократов) за “невнимание к условиям и данным текущей русской жизни, непонимание действительности” (первых — за попытки объяснить революцию как кару за отступление от истинно русского начала и введение конституции, а вторых — за их веру, что “все можно перевернуть в России вверх дном” путем революционного изменения общественного строя). Любав-

ский считает революционные потрясения, переживаемые страной, не случайными событиями, а явлением, которое “долгое время вскармливало и вспаивало отсутствием политической свободы, приказным гнетом и произволом, поверхностным образованием нашего общества, народным невежеством и нищетой. Теперь же оно только вышло наружу во всей своей красе и силе”.⁵¹ Это отнюдь не означало, что он признавал революцию закономерным явлением в жизни общества. “Мы — противники революции не только как практической политики, но и как исторической теории”, — писал он в работе “Конституционное движение в России”.

В 1910 г. Россия переживала период нового революционного подъема. Учащаяся молодежь активно включилась в общественное движение, выдвигая политические требования. Правительство обрушило на студентов репрессии. Министр народного просвещения Л.А.Кассо разослал 11 января 1911 г. циркуляр, в котором заявлял о недопустимости “публичных и частных студенческих собраний, за исключением собраний научного характера”. Если же вопреки усилиям администрации сходка все-таки собиралась, ректорам предписывалось вызывать полицию. Ряд профессоров Московского университета во главе с ректором А.А.Мануйловым в знак протеста против действий министра подали в отставку. 1 февраля (ст.ст.) Л.А. Кассо удовлетворил их ходатайство. Университет остался без руководства и лучших профессоров. Дело шло к тому, что Россия могла лишиться своего прославленного учебного заведения. Оно разваливалось на глазах — профессоров поддержали приват-доценты, большое число младших служащих также оставило должность в университете.

4 февраля, будучи больным, М.К.Любавский, отдававший себе ясный отчет о последствиях такого разрушения, обратился к членам Совета университета со своеобразным посланием: “Московский университет в настоящее время подожен и объят пламенем извне и внутри. Нам, его преподавателям, надо употребить все усилия, чтобы отстоять во что бы то ни стало нашу alma mater, спасти все, что только можно. При таких обстоятельствах считаю, что личные чувства преподавателей, как бы благородны сами по себе они ни были, должны отойти на второй план и уступить требованиям блага университета. С этой точки зрения считаю роковой ошибкой выход преподавателей в отставку и полагаю, что Совет должен исчерпать все средства, чтобы убедить их взять назад свои прошения об отставке...” С историко-филологического факультета уходил Д.М.Петрушевский. М.К.Любавский как декан пытался не допустить такого шага. Он обратился к попечителю учебного округа, отметив, что отставка выдающегося специалиста по средним векам скажется на качестве преподавания. Едва выздоровев от инфлюэнции, протекавшей в тяжелейшей форме, он поехал к Л.А.Кассо хлопотать за 25 студентов, которых полиция

переписала на одной из сходяк и которые подлежали увольнению. Преподаватели вступились за них и показали, что полиция ошиблась, студенты присутствовали на занятиях. Расправу удалось предотвратить.

Уже из этих действий и побудительных мотивов к ним видно, насколько несправедливым было обвинение М.К.Любавского в “лакейском прислужничестве власти”, которое сделали в свое время писавшие “Историю Московского университета” (М., 1955, т.1, с.379).

М.К.Любавский среди преподавателей и студентов Московского университета (1913 г.)

В апреле 1911 г. Совет университета избрал профессора М.К.Любавского ректором. На этой должности он пробыл до 1917 г., подвергаясь постоянным атакам то слева, то справа, так как радикалов не удовлетворяло его стремление поставить университет вне политики. Как он ни старался заниматься лишь учебными делами, на практике приходилось выполнять волю начальства, притом приказывало и начальство московское в лице попечителя, и начальство петербургское в лице министра просвещения. Часто их распоряжения вступали в противоречие друг с другом. Ректор не всегда угождал Совету, а уж сторонники университетской автономии были недовольны М.К.Любавским за одно то, что он согласился стать ректором. Но несмотря на все, он медленно, но неуклонно восстанавливал университет после разгрома 1911 г. При этом прежде всего ученый думал о необходимости университета для России,

а не о выполнении мероприятий по предписанию высших сфер. Не случайно на официальном заседании Совета, посвященном 300-летию дома Романовых, ректор “говорил больше о патриотизме народа, чем о заслугах династии”, что не ускользнуло от внимания современников.

Успешное “упорядочение” университета и умелое ведение его хозяйственных дел укрепили авторитет Любавского в глазах оставшейся профессуры. В марте 1914 г. он был избран ректором на второе трехлетие (67 избирательных шаров и 12 неизбирательных).⁵²

На этом посту и застала его первая мировая война. Патриотический шквал увлек многих русских интеллигентов; призывы правительства к войне против “немецких варваров” захватили даже таких демократически настроенных людей, как А.Н.Толстой, В.Г.Короленко.⁵³

Как и многие другие русские интеллигенты, из чувства патриотизма Любавский был сторонником войны до победного конца. Перед лицом немецкой опасности он призывает сплотиться, прекратить внутренние распри, применить суровые меры к спекулянтам, т.к. борьба, по его мнению, предстоит “на жизнь и на смерть”.⁵⁴ Как ректор Московского университета Любавский выступает инициатором “Ответов русских ученых на обращение немецких ученых к «культурному миру»”,⁵⁵ в которых критиковалась ложь по поводу предъявленных Германией обвинений в “вандализме” и нарушении законов международного права. Активное участие он принимает в работе университета на оборону страны.⁵⁶

Деятельно помогает Любавский становлению и работе периодического печатного органа русских историков “Исторические известия” (начал выходить с 1916 г.).⁵⁷ В эти же годы он выступает как один из инициаторов и организаторов намечавшегося на 1919 г. первого съезда историков.⁵⁸ Активно сотрудничает в ОИДР, секретарем которого он был с 1907 по 1917 г., а председателем — с 1917 по 1929 г.

Несмотря на значительно увеличивающийся объем административной работы, Матвей Кузьмич плодотворно и успешно занимался научной и преподавательской деятельностью. Помимо ставших традиционными у него курсов по истории западных славян, древней русской истории (до конца XVI в.), исторической географии, читаются новые — по истории Польши, Чехии, русской истории XVII в. и первой четверти XVIII в., XVIII в. Велись семинары источниковедческого характера, где разбирались литовские статуты, сочинение Котошихина, Русская Правда, общеземские и областные привилегии Великого княжества Литовского, Соборное Уложение 1649 г., Волоочная помера и уставы Сигизмунда-Августа.⁵⁹

Знаком признания и высокой оценки творчества Любавского со стороны русской научной общественности было его избрание действительным членом многих научных обществ и почетным членом ряда уче-

ных губернских архивных комиссий.⁶⁰ Группа ведущих представителей русской исторической науки подготовила к 30-летию научной и педагогической деятельности М.К.Любавского сборник статей в его честь.⁶¹ Московская университетская историческая наука того периода видит в Любавском крупного русского ученого, создавшего в науке русской истории совершенно новую область.⁶² По рекомендации М.А.Дьяконова в декабре 1917 г. ученый был избран в члены-корреспонденты Российской Академии Наук.⁶³ Он был не только крупным историком-исследователем, но и “выдающимся профессором”,⁶⁴ учителем видных советских историков: В.И.Пичеты, Н.Г.Бережкова, В.А.Панова, А.А.Новосельского, В.К.Никольского, руководителем магистерских занятий С.В.Бахрушина.⁶⁵

Из научных работ историка этого периода особого внимания заслуживал “Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно” (М., 1910). Своеобразный итог — обобщение положений магистерской и докторской диссертаций, эта работа знакомила с социально-политической эволюцией Великого княжества Литовского X—XVI вв.

В научной литературе в то время не было труда, который давал бы в известной степени общую концепцию “литовско-русской истории”. Любавский старался, по его словам, быть “на уровне существующих научных разысканий”. Поэтому, как ни важно было освещение экономической эволюции Литовско-Русского государства и истории его духовной культуры, автор вынужден был отказаться от всяких значительных попыток в этом направлении “ввиду отсутствия серьезных, достаточно широких и глубоких исследований по этой части”.⁶⁶ Сами экономические мероприятия правительства этого государства его интересуют, но не со стороны их экономического содержания, а со стороны публично-правового аспекта. В “Очерке...” формулируется вывод о том, что в “Литовско-Русском государстве господствовал такой же феодализм, как и на Западе в средние века”.⁶⁷ Интересна попытка Любавского раскрыть историю социально-политического организма Великого княжества Литовского в сравнении с Русским государством XIV—XVI вв. Она давала возможность проследить, как различные условия повлияли на развитие по разным направлениям двух государств, близких первоначально (XII—XIII вв.) по структуре их социально-политических институтов. Изучение внутренней истории ВКЛ, сохранившего больше традиций и архаических черт, чем Северо-Восточная Русь, позволяло уяснить особенности древнейшего и средневекового периода русской истории, помогало лучше представить своеобразие исторического процесса в Русском государстве XV—XVI вв.

Работа была признана “превосходной”⁶⁸, “очень ценным пособием”⁶⁹, удачной попыткой построения общего курса “литовско-русской”

истории на научных основаниях, крупным вкладом в науку, от которого, как от отправной точки, предстоит идти дальнейшим исследованиям.⁷⁰ Многие выводы и наблюдения, сделанные Любавским в этой работе, вошли в основной фонд отечественной литванистики и не потеряли своего значения и в наше время.⁷¹

Большая часть научных достижений ученого приходится на 1906—1911 гг. (литографированные курсы по исторической географии России, истории западных славян, “Очерк...”, ряд статей по истории России XIX в.). За 1912—1917 гг. вышли лишь “Лекции по древней русской истории до конца XVI в.” (М., 1915). Большая занятость Любавского служебными делами естественным образом оставляла меньше времени для исследовательской работы.

Из его работ второго десятилетия XX в. событием в российском славяноведении стал выход в свет “Истории западных славян”. Славянская тематика в творчестве М.К.Любавского появилась не случайно, это — не “проходная” тема. Уже в годы учебы в Московском университете ученый внимательно знакомился с литературой по истории западных славян. Этот интерес был вызван как влиянием одного из его учителей — проф. Н.А.Попова, так и необходимостью привлечения данных по истории Польши, после того как наметилась “ведущая” тема его ранних исследований — история Великого княжества Литовского. Изучение истории, местного и центрального управления “литовско-русского” государства было немислимо без знания социально-политической структуры и правовых институтов древнего польского государства, сначала соседа, а затем союзника Великого княжества Литовского, слившегося с ним в XVI в. в единый государственный организм — Речь Посполитую. Уже в процессе работы над магистерской диссертацией Любавский, помимо самостоятельного глубокого изучения Литовской Метрики, исследует и польские картографические источники XV—XVII вв., польские законодательные памятники XIV—XVII вв. С 1899 г. “славянская” тематика прочно и надолго входит в круг научных и преподавательских интересов ученого. По поручению историко-филологического факультета он начинает чтение “Истории западных славян” для студентов его исторического отделения.⁷² Курс этот, читавшийся Любавским в течение четверти века, впервые изданный в 1917 году, был весьма популярным у слушателей тех лет.

Издание его именно в 1917 г. было далеко не случайным. Сам автор недвусмысленно указывает на это во введении ко второму изданию курса, считая, что изучение истории западных славян “прежде всего должно раскрыть и объяснить факт тех народных потерь, которые понесло славянство по соседству с германским миром”.⁷³ Автора глубоко волновали вопросы, идущие от современности: как смогли западные славяне в боль-

шинстве удержать свою народность под напором чуждых стихий. при помощи каких средств и при содействии каких обстоятельств? Уяснение всего этого для русских, считает Любавский, имеет не только “теоретическое”, но и жизненное значение, ибо дает возможность оценить должным образом позицию, занятую западными славянами в семье европейских народностей и взвесить до известной степени их шансы в будущей.⁷⁴ Нацеленность работы на современность, продиктованная первой мировой войной, сказалась даже на расположении материала внутри курса. Стремление связать настоящее западного славянина с его прошлым заставило Любавского больше места уделить рассмотрению вопросов новой и новейшей истории Польши и Чехии.

Потребность слушателей русских университетов в учебном пособии такого рода продиктовала необходимость широкого хронологического охвата разрабатываемой проблематики (с VII в. до 1910 г.), привлечения большого круга источников и литературы. В курсе Любавского использованы работы более 100 авторов. Включены в него и собственные наблюдения автора, содержащиеся в его статьях по истории Польши.⁷⁵ Отличное знание источников позволяло использовать труды предшественников и современников критически, самостоятельно и четко решать ряд крупных, конкретных проблем истории западных славян.

Определенный вклад в науку внесли ценные наблюдения и замечания автора курса по ряду крупных вопросов социально-политической истории польского и чешского государств. В первых восьми главах курса Любавский рассматривает историю западного славянства VI—IX вв. как историю единого этнического целого, уделяя особое внимание вопросам их расселения в бассейне Вислы, Одера, Эльбы и Дуная, экономического и социального устройства, их борьбы с соседями, создания и форм первоначальных государственных образований. Он отметил огромное влияние торговли на процесс образования в них “общественных классов”. Признание этого факта вылилось в четкую, недвусмысленную формулу: “имущественное неравенство повело к изменению социальной структуры западно-славянских обществ” (факторы, способствующие этому — развитие торговли и земледелия, обогащение более зажиточной племенной верхушки — панов и князей).⁷⁶ Новым фактором, определявшим социальную эволюцию западно-славянского общества (с X в.), признавалась его напряженная борьба за существование с германской экспансией на Восток. Она содействовала созданию среди западно-славянских союзов крупных государственных образований,⁷⁷ которые характеризуются ученым как “патриархальные монархии, опиравшиеся на военно-служилый класс”. Опираясь на его силу, княжеская власть овладела народной массой.⁷⁸ Введение христианства привело к еще большему усилению роли княжеской

власти в политической жизни западно-славянских княжеств-государств. В социальной жизни этот момент способствовал выделению нового привилегированного класса — духовенства, получившего от княжеской власти материальные и правовые льготы. Рост прав и материальной мощи церкви способствовал ее превращению “в крупную общественную и политическую силу”.⁷⁹

В очерке по истории Чехии IX—XIX вв., огромное влияние на которую, по мнению ученого, оказало экономическое, социально-политическое и культурное воздействие Германии⁸⁰, наиболее интересными и верными с позиций современного славяноведения выглядят характеристики реформационного движения в этой стране в XV—XVI вв. В этом сложном явлении, в котором тесно сплелись религиозные, национальные, социальные и политические интересы чешского общества, исследователь справедливо выделяет его экономическую основу (недовольство чехов непрерывным ростом церковного землевладения),⁸¹ а под религиозной оболочкой движения видит его социальное содержание: “...народ стекался в Табор в чаянии улучшения не только церкви, но и своего материального положения и с решимостью содействовать этому. Движение охватило и панских крестьян, которые бросали свои хозяйства и шли в Табор, не обращая внимания на угрозы своих панов. И они также увидели в своих оброках и повинностях нарушение Божьего закона”.⁸² В социальном антагонизме политических группировок внутри гуситского движения, а не в разногласиях в догматах и обрядах видит Любавский главную причину междоусобной борьбы между ними.⁸³

Доказательными и достаточно полно раскрытыми выглядят выводы исследователя о том, что политика Габсбургов в Чехии XVI—XVIII вв. была направлена на уничтожение народных вольностей, всех особенностей ее строя и быта, унаследованных от эпохи самостоятельного существования,⁸⁴ и о росте экономического потенциала страны в XIX в. как основе ее национального возрождения.⁸⁵ Свежим и необычным для того времени выглядело включение в контекст очерка по истории Чехии главы, раскрывающей картину социально-политической жизни страны в новейший период ее истории (конец XIX — начало XX вв.), оценки которому даются с либеральных, панславистских позиций.⁸⁶

Социально-политическая история Польши (X—XIX вв.) дается ученым в тесной связи с историей Русского государства. Сравнение политических и правовых институтов феодальной Руси и Польши нередко давало возможность Любавскому делать оригинальные, интересные наблюдения и выводы. Один из таких интересных выводов — о наличии феодальных отношений в Польше. Он был ценным и новым для того времени, поскольку польская историография длительное время отрицала их наличие в

древнем Польском государстве. Вопрос о феодализме в Польше был поставлен только в 30-е гг. нашего столетия.⁸⁷ Следует отметить, что в своем понимании феодализма Любавский стоит на позициях юридической школы, хотя и неоднократно указывает на экономическую основу политического могущества польских феодалов-моновладельцев — крупные земельные владения.⁸⁸ Внимательное, мастерское “прочтение” источника позволило Любавскому указать на главную причину экономического и политического застоя Польши в XVIII в. и потери ею независимости. Это, по мнению ученого, — шляхетская “золотая вольность”, тесно связанная притом с “железным порабощением народной массы”.⁸⁹ Эти причины, усугубленные религиозной нетерпимостью, сопровождавшей наступление католической реакции в государстве, моральным упадком шляхты, развившимся “на почве полного безделья и барства”, привели к тому, что у Польши в XVIII в. осталось “очень мало шансов на сохранение своего существования”.⁹⁰

Пребыванию Польши в XIX — начале XX в. под “скипетрами” трех монархий: Пруссии, Австрии и России — ученым дается трезвая оценка. Позиция либерального и панславистски настроенного историка диктовала необходимость критики в первую очередь попыток Австрии и Пруссии “онемечить” Польшу. Но далеко не в радужном свете характеризуются и русификаторские потуги царского правительства после 1818 г., когда “реакционный дух, охвативший императора Александра в эту эпоху, проявился и в других сторонах его политики в Польше”.⁹¹ превратившейся после поражения восстания 1830 г. в “оккупированный край, имевший особое управление с участием туземцев”.⁹² В неприглядном для царского правительства свете показаны исследователем реакционные усилия самодержавия по русификации Польши в 60—80-е гг. XIX века.

“История западных славян” стала для исторической науки того времени не только ценным учебным пособием, но и во многих его разделах оригинальным научным исследованием (вопросы о классовом образовании и создании государств у западных славян, о взаимоотношениях германцев и славян, о польском феодализме и характере реформационного движения в Чехии). Превосходное знание источников и литературы позволило ученому нарисовать ясную, четкую картину истории многих правовых и политических институтов Чехии и Польши. Многие конкретные наблюдения и выводы Любавского по вопросам истории западного славянства неоднократно использовались в работах советских славяноведов.

Крупные заслуги ученого в области отечественного славяноведения, труд которого появился в то время, когда история западных славян оставалась еще, по выражению Г.А.Ильинского “золушкой исторического исследования”, дают возможность оспорить историографический “канон”,

который трактует его как историка “одной темы” (история Великого княжества Литовского).⁹³ Не учитывать то большое научное значение, которое имел курс в контексте своей эпохи, не учитывать того, что на нем учился ряд поколений русских и советских славяноведов (в их числе ученик М.К.Любавского — выдающийся советский славяновед академик В.И.Пичета) — значит отступать от принципов историзма.

Лекционные курсы М.К.Любавского по истории феодальной России⁹⁴ с очевидностью обнаруживают, что в условиях кризиса российской исторической науки ее развитие не прекращалось, а в рамках разработанных концепций исторического развития отдельные его стороны находили верное освещение. Это особенно ощутимо в курсе по древней русской истории, где автор акцентирует свое внимание на “материальных факторах” истории — географическом и экономическом. Продуктивную постановку и решение ряда крупных вопросов истории феодальной России во многом определяло широкое использование ученым данных большого комплекса источников, — результатов специальных историко-географических исследований, сравнительно-исторического метода. Любавский сумел сказать новое слово, продвинуть вперед исследование ряда проблем отечественной истории. К числу его творческих достижений можно отнести, например, понимание им истоков древнерусской истории отнюдь не как начала древнерусского государства; наличие историографических экскурсов по рассматриваемым вопросам; наблюдения и выводы о многоукладности восточно-славянского быта в VIII — начале IX в. В исследовании Киевской Руси историк внес ряд интересных наблюдений: 1) о не-повсеместности разрушения родовых союзов у восточных славян в эпоху активных миграций (VII—IX вв.); 2) о федеративном устройстве Киевской Руси IX—XI вв.; 3) о роли географического фактора в эпоху феодальной раздробленности; 4) о преобладании земледелия над торговлей со второй половины XII в. Не приняв версию В.О.Ключевского, он пришел к выводу об отсутствии “глубокой пропасти” между Киевской и “удельной” Русью. Иначе, более верно, чем С.М.Соловьев и В.О.Ключевский, решал он вопрос о влиянии татаро-монгольского нашествия на Русь. В вопросе о наличии феодализма на Руси М.К.Любавский, вопреки господствовавшим в историографии взглядам, поддержал выводы Н.П.Павлова-Сильванского. В трактовке проблемы централизации Русского государства им обоснована “демографическая” концепция “возвышения” Москвы.⁹⁵ Все вышесказанное позволяет высоко оценить курс по “древней русской истории”.

Положение в стране в эти годы становится весьма сложным и трудным. Коррупция, спекуляция, развал власти, близорукость царя, происки германофилов с царицей во главе — все это привело к тому, что Любав-

ский, “умеренный из умеренных”, в своей речи на Совете университета 26 ноября 1916 года подверг критике существующее положение вещей, а затем решился на “чтение телеграммы Родзянко с пожеланиями Государственной Думе одержать верх в борьбе с темными силами в защиту национального достоинства России”.⁹⁶ Февральскую революцию Любавский принял как должное и закономерное явление.⁹⁷ Скептически наблюдая за попытками Временного правительства обуздать ход событий, ведущий к новой революции, он считал, что Временному правительству судорожные усилия спасти буржуазную республику помогут как “мертвому припарки”.⁹⁸ Любавский оценивал грядущие события пессимистично и глубоко переживал их, как ведущие, по его мнению, государство к гибели.⁹⁹

Еще в марте 1917 года он решил устраниваться от административной деятельности; 29 апреля 1917 года ректором Московского университета был избран М.А.Мензбир (Любавский свою кандидатуру не выдвигал).¹⁰⁰ С этого времени он целиком посвящает свое время только преподавательской деятельности.

Советский период жизни и творчества М.К.Любавского (1917—1936 гг.)

Октябрьскую революцию, внесшую крутой перелом не только в жизнь страны, но и в его личную судьбу, М.К.Любавский, как и большинство либеральной профессуры, воспринял враждебно.¹⁰¹ Пятидесятилетнему маститому историку, добившемуся благодаря незаурядным способностям и огромной работоспособности высокого положения в ученой среде, тяжело было переживать крушение мира своих социальных и политических ценностей. Тем не менее он не бросал работу в университете и призывал русскую интеллигенцию “не уходить в сторону в тяжелый для Родины час”.¹⁰²

Основной работой ученого после революции становится деятельность в архивных органах республики. Университету он уделяет значительно меньшее количество времени. В июле 1918 г. он принимал участие в совещании Наркомпроса по реформе высшего образования.¹⁰³

В конце марта 1919 года Любавский был избран по конкурсу профессором ФОН МГУ 43 голосами за, 1 — против.¹⁰⁴ а фактически начал работать с сентября 1919 г.¹⁰⁵ когда было решено “просить профессора Любавского читать курс по истории Киевской Руси, ввиду того, что профессор Любавский является крупнейшим специалистом в данной области и подходит к ее изучению с новой и оригинальной точки зрения”.¹⁰⁶ В 1919—1920 гг. им намечалось чтение лекций по истории русской колони-

зации, истории Литовско-Русского государства и западных славян.¹⁰⁷ Насколько эта программа была им осуществлена, по источникам не прослеживается, поскольку в те годы в 1-м МГУ часто меняли не только руководящий, но и преподавательский состав.

Политика Наркомпроса, указывал В.П.Волгин, “по отношению к ФОНу исполнена противоречий и колебаний: ответственные лица Наркомпроса то заявляли о государственной важности факультета, то о возможности его закрытия”.¹⁰⁸ Эта тенденция особенно усилилась с сентября 1920 г., когда во главе МГУ был поставлен “левый коммунист” Д.П.Боголепов, часто увольнявший университетских профессоров лишь за то, что они “старые”.¹⁰⁹ Лишь в мае 1921 г., когда новым ректором стал пользовавшийся авторитетом среди университетских преподавателей историк-коммунист В.П.Волгин, учебная и научная работа в вузе нормализовалась.

В 20-е годы М.К.Любавский читал в университете лекции по истории Великого княжества Литовского, истории России XVIII в. и исторической географии. К 1927 г. им был подготовлен труд “Образование государственной территории великорусского племени. Заселение и объединение центра”, к 1929 г. — “История архивного дела в дореволюционной России в связи с историей учреждений”;¹¹⁰ вторая работа, к сожалению, не была опубликована. Влияние новой преподавательской среды сказалось на политических взглядах Любавского, его лояльности к Советской власти. Особенно плодотворны оказались в этом отношении его деловые и личные отношения с В.И.Невским и А.В.Адоратским, с которыми Любавский был тесно связан и по работе в Центрархиве. От этих лет сохранился проспект намечаемой работы “Русский кризис, его генезис и перспективы”. Это своего рода исследование-раздумье ученого о причинах революции в России. Судя по нему, он хотел показать социальные и культурно-бытовые противоречия в дореволюционной России, противоречия, которые “были более резкими, чем в какой-либо другой европейской стране”.¹¹¹ Ученый хотел понять и решить мучивший его вопрос — как и почему произошли события, перевернувшие жизнь огромной страны.

Как великолепный знаток исторической картографии, он принимал участие в качестве эксперта-консультанта в работе по заключению мирного Рижского договора РСФСР с Польшей.¹¹² В тяжелые и голодные для страны годы он не покинул Россию, несмотря на то, что получал неоднократные предложения выехать в Польшу и Германию; приглашали его работать и представители Литовской Республики, где труды Любавского ценились очень высоко.¹¹³

Помимо преподавательской работы в 1-м МГУ, Любавский продолжал свою деятельность в качестве председателя ОИДР вплоть до его

закрытия в 1929 г.¹¹⁴ В 1925 г. оно пополнилось новыми работниками — еще сравнительно молодыми, начинающими свой творческий путь учеными: И.И.Полосиным, Н.М.Дружининым, Б.Е.Сыроечковским, Г.А.Новицким, К.В.Базилевичем, К.В.Сивковым, С.Н.Черновым, С.Д.Сказкиным, М.Н.Тихомировым и Л.В.Черепнинным.¹¹⁵ Но, несмотря на это, ОИДР вести работу в прежних масштабах не смогло. В Обществе ученых не раз выступал с научными рефератами (“К истории колонизации Малорусской Украины” “Возвышение и присоединение Великого княжества Владимирского”, “Кто был Михайло Литвин, написавший в половине XVI века трактат “О нравах татар, литовцев и москвитян” и “Славяне и Литва в XI—XII вв.”).¹¹⁶

Интенсивную научно-исследовательскую и педагогическую деятельность в эти годы ученый сочетал с огромным подвижническим трудом в архивном деле. В этой области после победы Октября были созданы широкие возможности для осуществления полной его централизации. До 1920 г. М.К.Любавский являлся постоянным членом коллегии и заместителем заведующего Главного управления архивными делами (ГУАД) Д.Б.Рязанова.¹¹⁷ Его активная деятельность на архивном поприще развернулась с весны 1918 г., когда ученый возглавил Московское отделение ГУАД (Московское областное управление архивным делом). При его создании были использованы основные положения доклада “Об организации московских архивов”, прочитанного Любавским на коллегии ГУАД.¹¹⁸ Особое внимание он уделяет в это время задаче спасения материалов московских учреждений XIX — начала XX в.¹¹⁹ Он редактировал проект “Декрета о хранении и уничтожении архивных документов”. В декабре 1918 г. его редакционные замечания по проекту были заслушаны коллегией ГУАД. Ученый предложил распространить законодательство по обсуждаемым вопросам на местные архивы, наметил общую схему проведения архивной реформы на местах (создание губернских управлений архивными делами). Эти предложения были поддержаны и приняты коллегией ГУАД.¹²⁰ В 1918—1919 гг. работа ученого в области архивного строительства была связана также с деятельностью научно-издательской комиссии ГУАД, созданной с целью централизации издания архивных публикаций и руководства в методическом плане публикаторскими учреждениями РСФСР.¹²¹ Он неоднократно высказывался за необходимость издания в первую очередь документов и актов нового времени, имеющих первостепенное научное и политическое значение (докладов шефов жандармов, министров юстиции и внутренних дел царю, материалов о восстаниях Степана Разина, Емельяна Пугачева, о декабристах и др.).¹²²

М.К.Любавский среди преподавателей и слушателей Высших архивных курсов (1930 г.)

Практика советского архивного строительства настоятельно требовала теоретического обобщения накопленного опыта. Эту работу М.К.Любавский вместе с В.М.Фриче, А.А.Сергеевым проводил в руководимой В.В.Адоратским научно-теоретической коллегии (НТК) Главархива.¹²³ Ученый занимался распределением архивных собраний и фондов дореволюционных учреждений по секциям и внутри них,¹²⁴ вопросами концентрации документов монастырских и усадебных архивов.¹²⁵ Включение этих материалов в состав государственных архивов имело большое значение в деле обеспечения первоклассной источниковой базой научных исследований по истории хозяйства феодальной России.

Заместитель председателя поверочной (председатель — В.И.Невский) и научно-технической комиссий (председатель — В.В.Адоратский), М.К.Любавский принимал деятельное участие в разработке проблем экспертизы ценности, учета, описания и хранения документов.¹²⁶

Большая работа по концентрации, приведению в порядок и описанию документальных сокровищ велась под его руководством в 20-е гг. в Древлехранилище, директором которого он был с 1920 по 1930 г. (упорядочение 700 грамот Коллегии экономии, составление топографического указателя книг и связок Разрядного, Патриаршего, Дворцового приказов и Сената, выявление для публикации документов по истории стрелецких восстаний XVII в. и восстания под руководством С.Разина).¹²⁷

Любавский неоднократно и с большой пользой применял свои обширные и глубокие познания в области архивоведения, источниковедения и исторической географии как эксперт ряда правительственных комиссий. В 1922 г. — в комиссии по реализации условий Рижского мирного договора, в 1925 г. — в комиссии по передаче союзным республикам (УССР и БССР) материалов, хранящихся в РСФСР, и др.¹²⁸

Огромный вклад внес ученый в подготовку специалистов архивного дела. Еще в августе 1918 г. на заседании ОИДР он сделал сообщение об организации архивных курсов,¹²⁹ а с ноября 1918 до 1930 г. руководил их работой, читал лекции по исторической географии и истории архивного дела в России.¹³⁰

Успехи, достигнутые на этом участке архивного строительства, позволили уже в 1921 г. поставить вопрос об организации специального архивного вуза. Выступивший на I конференции архивных деятелей РСФСР М.К.Любавский выдвинул разработанный им проект организации в Москве и Петрограде двух архивно-археографических институтов. Проект получил положительную оценку участников конференции, и последующая разработка этих вопросов была поручена специальной комиссии.¹³¹

Созданный в 1929 г. при этнологическом факультете 1-го МГУ архивный цикл был своего рода промежуточной ступенью между архивными курсами и будущим институтом. М.К.Любавский читал его студентам лекции по истории архивного дела в России, вел семинарские занятия. Для слушателей курсов и студентов архивного цикла он написал учебное пособие “История архивного дела в России”,¹³² в десяти главах которого рассматривалась история происхождения и функционирования архивов центральных и местных государственных учреждений страны с X по XX в.¹³³ Появление в 1920 г. “Исторического очерка архивного дела в России” И.Л.Маяковского, а в 1929 г. — курса М.К.Любавского было делом, тесно связанным с практикой архивного строительства. Чтобы привести все многообразие документов в систему, соответствующую их исторической природе и в то же время отвечающую требованиям их использования, нужны были знания о составе и организации архивных богатств страны.

Научная общественность высоко оценила заслуги ученого как в деле разработки крупных проблемных вопросов отечественной истории, так и громадную работу на архивном поприще. В 1929 г. М.К.Любавский был избран действительным членом АН СССР по отделению общественных наук.¹³⁴

А в августе 1930 года ученый подвергся необоснованным репрессиям и был лишен звания академика.¹³⁵ Матвей Кузьмич был арестован по делу “о контрреволюционных замыслах” академиков и профессоров истории. После года предварительного заключения, десятков дневных и ноч-

ных допросов ему объявили постановление коллегии ОГПУ, по которому он признавался виновным сразу по нескольким пунктам 58 статьи Уголовного кодекса и приговорен к ссылке на 5 лет с зачетом предварительного заключения. Раскрученный с осени 1929 г. репрессивный маховик так называемого “дела академика С.Ф.Платонова” затянул в свой трагический водоворот к лету 1930 г. цвет российской исторической науки (в Петербурге — С.Ф.Платонова, Н.П.Лихачева, Е.В.Тарле, Б.А.Романова, П.Г.Васенко, С.В.Рождественского; в Москве — М.К.Любавского, Ю.В.Готье, Д.Н.Егорова, А.И.Яковлева, В.И.Пичету, С.В.Бахрушина). Дело об “академических вредителях”, практически не сходявшее со страниц печати, ясно показывало, что ни о каком объективном следствии “по делу Платонова” не могло быть и речи. В атмосфере вражды и подозрительности к старой интеллигенции, открыто обвиняемой во “вредительстве”, следователи ОГПУ усмотрели в группе ученых крупную контрреволюционную организацию, которая ставила своей целью ни много ни мало, а “свержение Советской власти и установление конституционно-монархического строя в стране”.¹³⁶ О том, как добывались доказательства по делу, академик Любавский оставил красноречивое свидетельство — так и оставшееся неотправленным из ссылки письмо к прокурору СССР И.А.Акулову.¹³⁷

Машина, в которую попал старый профессор, работала по неведомой ему логике — изматывающие допросы, обещания скорого окончания пустякового дела, за которым, как убеждал следователь, конечно, ничего не воспоследует, просто нужна чистосердечная истина, ценная сама по себе, а не как основание для наказания. Лишь позднее, уже в ссылке, выстроив профессиональным умом цепь и логику событий, старый академик вполне осмыслил и понял произошедшее, изложив свой взгляд в письме, о котором упоминалось выше.

“По окончании допроса следователь как бы во внимание к моему утомлению (было около 3 часов ночи) собственноручно написал краткий протокол моих показаний, по которому я как будто бы “чистосердечно” признавал себя монархистом-конституционалистом, в чем приносил искреннее раскаяние, признавал себя членом какого-то “Всенародного союза борьбы за свободную Россию”, поставившего себе целью низвержение советского строя и восстановление в России монархии...”

Я был поражен таким оборотом дела, указывал, что протокол совершенно неправильно излагает мои показания. Но следователь напомнил мне, что договорился с ним относительно незапирательства, что ему и его коллегам хочется поскорее закончить наше “пустяковое” дело и не затягивать его разнобоем в показаниях и что, наконец, никаких серьезных взысканий по этому делу не предстоит. В том состоянии, в котором я на-

ходилась после вступительной речи т.Жупахина, я оказался не в силах противостоять его настойчивым требованиям и, учитывая мысль, что дело мелкое по существу, пустяковое, подписал протокол.

Вернувшись в свою камеру и придя в себя, я понял, что попал в искусно расставленную ловушку, из которой мне уже не выпутаться...

Действительно, уже на следующий день подтвердилось на деле мое тяжелое предчувствие. “Черновой” протокол был уже перепечатан на машинке, и мне было предложено подписать его. Я было попытался вновь оспаривать, но следователь на этот раз уже строго заявил, что я не имею права менять свои показания, скрепленные моей подписью, что моя принадлежность ко “Всенародному союзу...” констатирована показаниями моих коллег и что я подлежу строгой ответственности за запирательство против явных улик. Потрясенный вновь этим заявлением, я уже не противился, понимая, что все более и более погружаюсь в трясину, что мне не за что уцепиться...”

С остальными арестованными учеными все, видимо, шло по такой же схеме. Попав в тяжелые жернова, они оказались быстро сломлены и обмануты, со всем соглашались, все подписывали и сами писали под диктовку.

“После того как из рога изобилия посыпались улики моей прикосновенности к делу. Эти улики содержались в предъявленных мне для прочтения показаниях академиков Платонова и Тарле, профессора Рождественского и Н.В.Измайлова, частью писанных ими собственноручно, хорошо известным мне почерком и стилем (акад. Платонова), частью уже перепечатанных на машинке, но скрепленных их подписями. Из этих показаний я постепенно узнавал, что я участвовал в создании указанного союза, в его заседаниях, когда приезжал в Ленинград, что академик Платонов имел в Берлине свидание с в. кн. Андреем Владимировичем, что в Берлине же он вел переговоры с немецкими националистами о возможности интервенции, что и я принимал некоторое участие в этих переговорах в бытность свою в Берлине, что немецкие националисты при мне выразили готовность оказывать денежную помощь... что такая же помощь получалась и от папы для русского духовенства и вручалась через австрийского и польского консулов... что образована была уже военная секция под руководством Н.В.Измайлова, который будто бы вошел в сношение с некоторыми бывшими офицерами царской армии, что филиал этого отделения предполагалось устроить в Москве, для чего приезжал в Москву акад. Платонов и имел совещание со мною и другими московскими историками; что уже сделаны были некоторые военные приготовления — привезены были с юга несколько ящиков с револьверами...”

Я ошеломлен был этими открытиями, следовавшими одно за другим с головокружительной быстротой в процессе допросов, и по временам начинал думать, не сон ли это, не заболел ли я душевно.

Я не знаю, в какой степени достоверны сведения, которые авторы показаний сообщали о себе лично. Могу сказать только, что они изумили и потрясли меня полным несоответствием со всем тем, что я раньше знал обо всех этих лицах, преисполненных трезвого житейского практицизма, чуждых всякой романтики и авантюризма. А между тем по показаниям выходило, что несколько человек кабинетных ученых, мало соприкасавшихся с обществом, еще меньше с народной массой, возомнили себя ядром общества, которое должно было восать в себя массу русского народа...”

Но, видимо, не все ладилось у следователей. Несоответствия и несообразности контрреволюционного дела, в котором ключевую роль играли семидесятилетние академики С.Ф.Платонов и М.К.Любавский, смущали многих. Поэтому в середине следствия была организована шумная кампания по научному разоблачению контрреволюционеров. На опальных ученых была пущена волна “научного гнева” со стороны правоверных коллег. В январе 1931 г. в Ленинграде прогремела дискуссия “Классовый враг на историческом фронте”. Ее стиль и характер вполне выступают даже из одного короткого пассажа, принадлежащего главным докладчикам — Г.Зайделю и М.Цвибаку: “Тарле — прямой агент антантовского империализма, находился в теснейшем союзе с германофилом-монархистом Платоновым. Вместе с такими людьми, как Любавский, Лихачев и др., они составили центр контрреволюционного вредительства!” Такая поддержка широкой научной общественности придала новые силы следствию.

“По всем показаниям, данным обо мне ленинградцами, — читаем в письме М.К.Любавского, — т.Жупахин настойчиво, по многу раз требовал от меня сознания в том, чего в действительности не было, ссылаясь на то, что эти показания не единичные, указывая, что, отвергая эти показания, я подвергаю себя большому риску, взывал к моему гражданскому мужеству, ставя мне в пример ленинградских историков, так откровенно рассказавших все о себе. Месяца три продолжались эти настойчивые допросы, измучившие меня до того, что я предлагал неоднократно следователю подписать все, что ему будет угодно, лишь бы положить тот или другой конец своим нервным пыткам и мучениям. Я неоднократно просил следователя дать мне очную ставку с оговорившими меня лицами, но следователь категорично отклонял мои просьбы, говоря, что в следственной практике ОГПУ этого не водится. Мне удалось поэтому остаться твердым в отвержении только того, что в отношении меня либо совсем не указывалось в

показаниях моих коллег, либо указывалось в показаниях одного кого-либо из них.

...Но “уличаемый” несколькими показаниями и обессиленный морально, памятуя предварительное вразумление всесильного т.Жупахина, при этом производившего на меня впечатление одержимого каким-то опасным психозом, я оказался не в состоянии отвергнуть целиком направленные против меня показания и старался только о том, чтобы как-нибудь смягчить и выгородить своих московских товарищей”.

Смирившись с обстоятельствами, получивший пять лет ссылки по фантастическим обвинениям академик не мог, однако, перестать быть самим собой. Его крепкое рациональное мышление не могло смириться с абсурдом, в который ввалилось общество, а гражданское чувство — с шокирующей бесчеловечностью. Потому, видимо, и появилось письмо. Ученый заключал его обращенным к прокурору СССР прошением, в котором явственно звучат вызывающий сарказм и скрытая непоправная гордость, горькая ирония и жесткая гражданская самооценка.

“По прошествии более трех лет с момента нашего осуждения и по смерти трех лиц из осужденных — акад.Платонова и профессоров Рождественского и Егорова, я не смею просить Вас о пересмотре заново нашего дела, но прошу только вникнуть в общий характер собранных показаний, рисующий какую-то нелепую, лишённую всякого здравого смысла затею нескольких русских ученых и давший повод в свое время т. Рыкову обозвать их публично дураками. Конечно, у привлеченных к делу русских ученых, как я познал на самом себе, мог обнаружиться недостаток крепости нервной системы, не тренировавшейся раньше в подобных испытаниях, но едва ли мог оказаться недостаток здравого смысла, который выступает в их показаниях и который граничит с безумием в форме “мания грандиоза”. За недостаток мужества я и, быть может, другие со мною наказаны уже невознаградиomo потерей самоуважения. Прошу освободить меня от наказания за недостаток здравого смысла, какое я несу незаслуженно, и так или иначе снять с меня клеймо, наложенное всем этим делом. Я счел своим долгом подать Вам это заявление не в одних только своих личных интересах, но и в интересах законности, дабы не было более невинных жертв...”¹³⁸

М.К.Любавский не отправил письмо, оно осталось в его архиве. Думается, он поступил так, видя, куда влечет страну рок разворачивающихся событий. “Дело историков” уже было забыто за громыханием новых политических процессов. Скорее всего, не отправлять письмо подсказали ему собственные же слова: “прошу освободить меня от наказания за недостаток здравого смысла...”. Именно здравый смысл и непотерянное

Сыльный М.К.Любавский с младшей дочерью Верой
(снимок сделан в 1932 г. во время их свидания в Перми)

самоуважение и убедили ученого — просить не стоит, дело это напрасное и унижительное.

В январе-феврале 1929 г. вместе с М.К.Любавским действительными членами АН СССР были избраны 38 человек. Многие из них составили славу отечественной науки — биохимик А.Н.Бах, биолог Н.И.Вавилов, геолог И.М.Губкин, химик Н.Д.Зелинский, энергетик Г.М.Кржижановский, геолог и географ В.А.Обручев, агрохимик Д.Н.Прянишников, оптик Д.С.Рождественский, химик-органик А.Е.Фаворский...

Личная судьба избранных этого академического призыва сложилась по-разному. Одних ждали признание и почет, премии и награды, долгая прижизненная и посмертная слава. Но есть внутри этой славной когорты и другой список. В 1940 г. погибли репрессированные режимом историк Н.М.Лукин, микробиолог Г.Н.Надсон, тюрколог А.Н.Самойлович, а еще через три года в сталинском лагере оборвалась жизнь гениального Н.И.Вавилова.

А открыл этот трагический ряд своей ссылкой в 1930 году старый профессор-историк, бывший ректор Московского университета.

После застенков ОГПУ уфимская ссылка с ее возможностями пусть ненадежного, но спасительного ухода от кошмара действительности в работу могла показаться чудом.

Последний период жизни М.К.Любавского был связан с Уфой. В Институте национальной культуры Любавский проработал научным сотрудником с 1932 по 1935 г.¹³⁹

Уфимский период творчества ученого был ознаменован крупными творческими достижениями. В эти годы он занимается новыми для него проблемами — историей аграрных отношений и социальных движений в дореволюционной России. Были написаны крупные, интересные по выводам монографии о вотчинниках Башкирии, “Очерки по истории башкирских восстаний XVII—XVIII вв.”, где были исследованы многие из ключевых проблем истории феодальной Башкирии.

Поднятый и введенный в научный оборот в этих монографиях Любавского пласт местной источниковой целины чрезвычайно повышает их ценность. Плохое состояние местной источниковой базы по истории феодальной Башкирии делает особенно актуальной необходимость публикации капитального исследования ученого по истории землевладения и землепользования в крае и двух подготовленных им к печати сборников документов по социально-экономической истории Башкирии XVII—XIX вв.¹⁴⁰ М.К.Любавскому принадлежит приоритет в постановке ряда крупных проблем, изучение которых продолжается советскими исследователями и в наши дни. Ученый задумал цикл исторических очерков по дореволюционной истории Башкирии. Много было сделано, но многое было в набросках и планах. Исполнить их помешала смерть — 22 ноября 1936 г. М.К. Любавский скончался в Уфе, где и похоронен.

В августе 1967 года дело по обвинению М.К.Любавского об участии в “контрреволюционном заговоре” было пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР, ученый был реабилитирован посмертно. В сентябре этого же года ввиду того, что действительный член АН Любавский Матвей Кузьмич был реабилитирован, Президиум АН СССР принял постановление: “Восстановить Любавского М.К. в списках действительных членов АН СССР”.¹⁴¹ М.В.Келдыш в личном письме поздравил В.М.Ливанову с реабилитацией ее отца.¹⁴²

II. ИСТОРИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДАХ М.К.ЛЮБАВСКОГО

Проблемы исторической географии России и расселения в трудах 1900-х годов

Методологической базой историко-географических исследований в русской историографии конца XIX — начала XX в. являлись позитивистские теории, которые получили обоснование прежде всего в широко распространенных среди историков России конца XIX — начала XX в. (П.Н.Миллюков, М.М.Ковалевский и др.)¹⁴³ идеях немецкой антропогеографии. Эти идеи в значительной степени обусловили повышенный интерес к исторической географии — научной дисциплине, для которой вопросы взаимодействия природы и общества в прошедшие эпохи являются центральными.

Русских историков-“государственников” эта наука привлекала потому, что историко-географический аспект изучения прошлого давал возможность, по их мнению, добывать точные знания о прошлом, поскольку историческая деятельность находит объективное отражение в источниках по исторической географии (акты, географическая номенклатура, данные археологии, исторического языкознания и т.д.). Разрабатывая проблемы исторической географии, “государственники” второго поколения искали дополнительные аргументы в защиту основных положений “государственной” теории. Из двух частей “формулы государства” у позитивистов — “власть плюс территория” — в историко-географических исследованиях конца XIX — начала XX в. на первый план выходит именно вторая. Эти работы имели целью исследовать “материальный фундамент” государственной власти для обоснования закономерности появления такого института, как государство.

Возросший интерес к исторической географии, совершенствование приемов историко-географического изучения объясняется рядом причин не только социально-политического, гносеологического характера. Влияли и внутренние законы развития самой исторической науки. Историко-географическое изучение страны было связано с общей тенденцией специализации исторических исследований во второй половине XIX века. В 70-е годы стремление к изучению “областной”, местной истории в историко-географическом разрезе определяло пристальный интерес к вопросам формирования территории, внутренней колонизации, поскольку, по мысли

одного из видных представителей этого течения, С.М.Середонина, “история окраин есть в то же время история колонизации”.¹⁴⁴

Исходным положением при построении курса исторической географии, доведенного Любавским до конца XIX в., было признание выдающейся роли колонизации в формировании государственной территории России. Основная задача автора — доказательство на конкретно-историческом материале тезиса о том, что русская история есть история непрерывно колонизирующейся страны.

Основные концептуальные положения В.О.Ключевского о ходе, особенностях русской колонизации и ее влиянии на экономический и общественный быт русского народа были той основой, на которой выросли конкретно-исторические наблюдения М.К.Любавского. Значительное влияние на теоретическую основу курса оказали также идеи о характере русского исторического процесса в XIII—XVI вв., которые он развивал в это время параллельно с П.Н.Милюковым.¹⁴⁵ Наиболее полно они изложены во “Введении” к курсу.¹⁴⁶ “В истории колонизации, — считает Любавский, — надо искать объяснение политическим делениям Руси в разное время... и объяснение разнообразию экономической деятельности русского народа в течение его истории, ибо многое тут зависело от занятий новых стран с новыми видами естественных богатств. Наконец, и племенное разнообразие уясняется из истории расселения русского народа”.¹⁴⁷ Так-вы “внешние”, по выражению Любавского, соображения, которые заставляют его связывать историю России с историей колонизации. Но еще важнее соображения “внутреннего” свойства, вытекающие из понятия об основной научной задаче исторической географии — “выяснение влияния внешней природы на человека”, изучение борьбы человека с ней, ее результатов.

Для историка главный вопрос истории колонизации страны — это вопрос о том, как и почему русский народ “разбросался” на территории, далеко не соответствующей его численности? По его мнению, этот фактор для России был сильным тормозом в ее культурном развитии, в экономическом, умственном и гражданском преуспевании.¹⁴⁸

Трактовка причин контраста между Россией и Западом, между “верхами” и “низми” русского общества, объяснение характера и формы политического устройства страны свидетельствует о приверженности М.К.Любавского положениям “государственной” школы. Он считает закономерной для России XIV—XVIII вв. такую политическую форму государства, как самодержавие. В объяснении причин “непомерного развития” государственной власти Любавский исходит из развивавшихся им одновременно и параллельно с П.Н.Милюковым положений (абсолютизм — следствие необходимости того, чтобы государственная власть взяла на

себя заботу об общих интересах “разряженной, а потому податливой массы” народа в период чрезвычайно напряженной военной деятельности).¹⁵⁰

При создании работы привлекался самый разнообразный и широкий круг научных исследований: по истории колонизации отдельных земель, по исторической географии Древней Руси, литература справочного характера. В тексте курса использованы наблюдения и выводы из исследований видных отечественных антропологов и этнографов (Д.Н.Анучина, Г.Н.Потанина и др.), археологов (А.С.Уварова, А.А.Спицина и др.), языковедов (А.А.Шахматова, В.Ф.Миллера, К.Р.Брандта), географов (П.П.Семенова-Тян-Шанского, А.А.Воейкова, Л.И.Мечникова, Л.Н.Майкова), почвоведов (В.В.Докучаева, Ф.И.Рупрехта), экономистов (А.А.Риттиха, А.А.Кауфмана).

Привлекался огромный массив источников, по существу из всех основных отечественных и зарубежных (немецких, польских, венгерских) изданий XIX в. Широко использовались картографические источники XV—XIX вв., данные топонимики.

Исторические факты, картины колонизационных процессов реконструируются исследователем с помощью умелого использования, детального сравнения данных разнотипных источников об одном и том же событии, исторической ретроспекции.

В историко-географическом обозрении России, которое дал М.К.Любавский, охвачены огромные территории: Вологодский и Архангельский края, Дон, Кубань, Терек и Левобережная Украина, Поволжье, Сибирь, Урал, Казахстан и Дальний Восток. Историю колонизации этих районов он рассматривал не столько в хронологическом порядке, сколько по направлениям “колонизационных потоков”.

В 24-х главах исследования содержится богатейшая россыпь конкретно-исторических наблюдений: о причинах, источниках, формах, путях, особенностях, темпах русского колонизационного процесса на различных этапах исторического пути России. Вопросы эти М.К.Любавский решал очень гибко, убедительно показывал и доказывал, что в зависимости от конкретно-исторических условий, в которых находилась страна, от целей и задач, стоявших перед народом и государством в освоении определенного географического района, преобладала та или другая форма (“вольнонародная”, “правительственная”, “монастырская”).¹⁵¹

Материал работы можно сгруппировать в шесть основных разделов. Основанием для подобного деления у Любавского были два момента: 1) характер колонизационного движения (“внешняя” или “внутренняя” колонизация), который прослеживался в тесной связи с социально-экономическим и политическим контекстом рассматриваемого исторического периода, и 2) его форма, зависимость которой от породившей ее истори-

ческой действительности отмечается историком на протяжении всего курса.¹⁵¹

Первая из тем, которую можно назвать условно “Историческая география Древней Руси” (IX — первая треть XIII в.), состоит из 10 глав работы. Для этого периода характерна “внешняя” (экстенсивная) колонизация восточно-славянскими племенами, а затем населением древнерусских княжеств северо-западных и северо-восточных районов Восточной Европы.

Причины, породившие интенсивное освоение Северо-Восточной Руси, по мнению ученого, носили комплексный характер. Первая из них — более высокий естественный прирост населения “на спокойном севере”, где оно не встречало таких препятствий, как “на опасном юге”. Вторая — прилив населения с юга, обусловленный натиском кочевников (печенегов, половцев) и частыми разорительными усобицами князей. Третья — влияние характера хозяйственной деятельности древнерусского населения (экстенсивное земледелие, рыбная ловля, охота, бортничество), которая заставляла его “раскидываться мелкими поселками на большом пространстве”. И, наконец, четвертая — “благоприятная этнографическая обстановка” на севере.¹⁵² Продвижение это происходило не без борьбы колонистов с аборигенами, но “нередко устанавливалось и мирное сожительство славян с финнами, которое, весьма вероятно, уже в древнейшие времена вело к их смешению”.¹⁵³

Этими факторами можно объяснить, считает Любавский, резкое усиление в конце XII — начале XIII в. Галицко-Волынского и Владимиро-Суздальского княжеств.

Изучение вопросов политической географии и географии населения Древней Руси IX—XIII вв. увязывалось у ученого не только с социально-экономическим и политическим фоном изучаемой эпохи, но и ее физико-географической основой. В IV главе курса (“Степь и лес в начальные времена русской колонизации”) Любавский на основе почвенных карт Европейской России и географической номенклатуры реконструирует ландшафт Восточной Европы XI—XIII вв. “Русская оседлость. — писал историк, — кончалась там, где кончались более или менее значительные леса и начиналось царство степи. Распределение же растительности в связи с соотношением речных систем определило и внутреннее размещение русского населения в древнейший период нашей истории”. Этот вывод выглядит как-будто традиционно, в русле взглядов Соловьева и Ключевского. Но Любавский идет дальше: “Это размещение не было равномерным: русские селения были раскиданы известными группами, как бы островами среди степей, лесов, болот”.¹⁵⁴ Подобная мысль, раскрытая им на конкретно-историческом материале, ведет его к интересному выводу, своеобраз-

разно объяснившему политическую “рознь в Древней Руси, отсутствие политического единства, деления по землям и княжениям”, которые “вытекали из одного и того же факта — физического пространственного разобщения различных групп русского населения”.¹⁵⁵

При изображении природы страны Соловьев и Ключевский, как известно, считали, что равнинный характер России, отсутствие внутри нее естественных преград и близость расположения крупных речных бассейнов способствовали государственному объединению.¹⁵⁶ Любавский же показывает, что внутри страны имелись мощные естественные преграды (дремучие леса, обширные болотные трясины), которые серьезно затрудняли общение проживавшего в Руси населения. Отсюда следовал принципиальный вывод о том, что природа страны с самого начала нашей истории “вовсе не содействовала образованию на Руси единого и тесно сплоченного государства, а, наоборот, обрекла русское население на более или менее продолжительное время сгруппироваться в мелких союзах, тяготеть к местным средоточиям, проникаться местными привязанностями и интересами”.¹⁵⁷ Вывод подтверждался и аргументами из области “экономического быта” русского населения того времени: тесная связь земельного владения с охотничьим, рыболовным и бортичным промыслами приводила к тому, что расселение русского народа не “могло быть поступательным движением густой массы народа, но совершалось взростом, мелкими группами на более или менее далекое расстояние”.¹⁵⁸

Любавский считает, что в теории “городовых волостей” Ключевского недостаточно подчеркнут географический фактор, действовавший при образовании земель, т.к. Ключевский не указывал, что земли эти обособлялись в отдельные группы естественно — “лесными пущами и болотными трясинами”. Границы земель, по мнению Любавского, были намечены до известной степени самой природой, а не были результатом случайных политических успехов главных городов земель или их князей. Этот вывод объективно наносил удар по схеме Ключевского в вопросе о “Киевском периоде” русской истории.

Критика эта¹⁵⁹ была попыткой обновить и подкрепить “государственную” схему русского исторического процесса новыми положениями. Они появились в ходе конкретно-исторической разработки тех вопросов, которыми первое поколение “государственников” занималось в общем плане, подходя к их изучению с позиций формально-юридического метода.

Татарские погромы XIII—XIV вв. и их влияние на размещение русского населения (гл. XI) — сюжет второй большой темы. В это время “началась новая эпоха в истории русской колонизации, подготовленная задержкой населения в лесной области и сосредоточением народных сил,

эпоха обратного наступления русского населения в степь, начавшаяся с образования государств Литовско-Русского и Московского”.¹⁶⁰

На основании данных летописей, исторической диалектологии и географической номенклатуры исследователь дает картину размещения восточнославянского населения к середине XIV в. и приходит к новым интересным выводам. Первый из них отмечал принципиальную неверность утверждений о совершенном отсутствии русского населения в Диком поле. Любавский аргументированно утверждал, что “южные пределы русской оседлости претерпели мало изменений по сравнению с тем, как они наметились еще при половцах... а часть населения, которая купила себе пошаду покорностью, была даже выгнута из своих пределов в более южные районы”.¹⁶¹

Влияние татарских набегов серьезнейшим образом сказалось в другом — в размещении населения в Галицкой Руси, в ее усилении (именно здесь с XIV в. появляется термин “Малая Русь”); в том, что в Ростово-Суздальской земле сбитое на север и запад татарской волной многолюдное население сделало Московское княжество самой крупной политической силой Северо-Восточной Руси.¹⁶²

В XIV — начале XV в. этот же прибой татарских волн, задержав распространение русского населения Ростово-Суздальской земли в юго-восточном направлении, заставил определенную его часть искать новые места для земледелия и промыслов на северо-востоке (Белоозеро, Молога, Шексна), что привело, по мнению ученого, к “столкновениям в этом районе с встречной волной новгородской колонизации”,¹⁶³ а впоследствии (в XV в.) к ожесточенной борьбе между Москвой и Новгородом за эти территории. Так Любавским была дана новая и очень основательная историко-демографическая трактовка давно дебатировавшегося в русской дореволюционной историографии вопроса о причинах “возвышения” Москвы. Она получила высокую оценку в историографии 10 — 20-х гг. XX в.¹⁶⁴

В тесной связи с “татарской эпохой” возникает, по Любавскому, новая по форме “ветвь” колонизации — монастырская колонизация русского севера и северо-востока. Третий очерк историка, состоящий из трех глав работы (XII—XIV), содержит в себе наблюдения об условиях, причинах, характере и последствиях для государства этой формы колонизационного движения в России XIV—XVIII вв. В трактовке причины ее появления ученый стоит на позициях идеализации, считая, что она была обусловлена фактором “чисто духовного свойства — стремлением к пустынножителству”. Реальная же картина изученного им явления, отдельные оговорки самого ученого противоречат этой установке. Так, он пишет, что вслед “за вождями отшельничества многие удалялись в пустыню и по соображениям и потребностям чисто материального свойства”, бежали в

спокойные места от татарских погромов. Любавский отмечает, что монастырская колонизация обходила районы колонизации княжеской; что монастыри и “тянувшее” к ним крестьянство пользовались экономическими выгодами и льготами.¹⁶⁵ Все это свидетельствует о социально-экономических причинах этого движения, а отнюдь не о “духовном факторе”, будто бы лежавшем в его основе.

Монастыри XV—XVII вв., как можно убедиться из авторского изложения, выступали как мощная экономическая и социальная сила, “формой общественной организации, близкой к казачеству”.¹⁶⁶ Причем ученый отмечал, что монахи разрабатывали свои земли, в основном, трудом крестьян.¹⁶⁷ Он делает важные выводы о роли и значении монастырей в заселении России: монастыри не только равномерно “разредили” по Руси ее жителей в XV—XVI вв., но и задержали их в центре страны в период колонизации юга и востока в XVII—XVIII вв.; они же содействовали ассимиляции “инородцев”.¹⁶⁸ Подобные наблюдения до сих пор представляют большой интерес и заслуживают пристального внимания историков и дальнейшей разработки.

Социальная подоплека колонизационного движения хорошо прослежена в четвертом очерке, посвященном заселению и освоению русским населением юго-восточных и южных степных пространств Восточной Европы (Поволжья, Степной Украины, Дона, Урала, Предкавказья). Покорение Казани и Астрахани было “исторической необходимостью” (обеспечение безопасности русских северо-восточных земель от набегов) и “сулило огромные экономические блага” (т.к. Казань и Астрахань были центрами восточной торговли).¹⁶⁹ Быстрое освоение завоеванного Казанского царства было бы невозможным, по мнению историка, если бы главная роль в заселении его земель не “принадлежала все-таки крестьянину-земледельцу и мелкому служилому человеку. Они, можно сказать, шли рука об руку, взаимно поддерживая друг друга, мало даже отличаясь друг от друга по роду своей деятельности...”¹⁷⁰ Историк отмечает, что причинами ухода русских людей на окраины были не только наличие там плодородных неистощенных земель, “но чаще всего — нужда, невозможность выполнить государственные и частные обязательства, угнетение со стороны властей и землевладельцев...”¹⁷¹

Такой же характер (сочетание государственной, военнотрудовой и крестьянской форм колонизации) имела, как считал Любавский, и колонизация степной Украины, где “оседлый человек при каждом своем шаге вперед создавал себе опору, твердыню, загораживавший все новыми и новыми перегородами степные шляхи, в конце оттеснил татарина к самому морю”.¹⁷² Освоение этих земель, обильно политых потом и кровью русского крестьянства и военно-служилого человека, оборона их от крым-

цев вместе с потомками ханов и мурзами, по наблюдению Любавского, стоили Русскому государству столько же, если не больше, сколько тот выход, который некогда платила Русь в Орду.¹⁷³ Колонизация Предкавказья была, как считал ученый, простым продолжением заселения степной Украины, последним ее моментом, и поэтому носила все тот же характер.¹⁷⁴

Область Дона, в отличие от предыдущих районов, была освоена в XVI—XVIII вв. “вольной народной колонизацией”, поэтому правительству осталось только позаботиться о включении в состав государства территории, уже приобретенной инициативой и средствами народа. Успехи ее в этих районах объясняются историком особой общественной организацией, приспособленной к условиям жизни в донских краях и особым подбором социальных сил, устремившихся на Дон особенно активно с XVII в., когда “государственное бремя тяжелее давило народную массу, чем прежде”.¹⁷⁵ Но и здесь переход казачества в начале XVIII в. к земледелию, а в конце XVIII в. — успехи “государственной” колонизации в крае сгладили бытовые особенности Дона, созданные историей его заселения, превратили укрепленные поселки казаков (“городки”) в типичные села, удержавшие только старинные названия станиц.¹⁷⁶

Особое внимание историка привлекает проблема колонизации Сибири в XVI—XIX вв. (главы XV, XX—XXIV). Оно было у Любавского не только отражением глубокого интереса к этому краю в русском обществе в начале XX в. Сибирь поражала богатством разнообразных форм ее освоения, позволяла выработать ретроспективно модель колонизационных процессов восточного славянства в Восточной Европе VII—IX вв.¹⁷⁷

Для создания своего “сибирского очерка” ученый привлек сравнительно небольшой круг литературы, но она обладала большой концепционной емкостью. Критическое использование разнообразного историографического наследия и самостоятельная проработка источников по истории колонизации Сибири (записки иностранцев XVI — первой половины XIX в.; материалы ревизий и законодательство XVIII—XIX вв.) позволили историку создать цельный очерк истории такого сложного явления, как колонизация Сибири, интересно решить вопросы соотношения форм колонизации, их значения в процессе освоения территорий.

Любавский рассматривал ход колонизации Сибири, предварительно разбив его на ряд этапов (отличающихся по целям и методам освоения края), как процесс сложный и длительный.

Уже на первом этапе колонизации Сибири (XVI—XVII вв.) историк выделяет две ее “струи”: “правительственную” и “вольнонародную”, отдавая предпочтение второй. Для него несомненно, что народ — герой колонизации Сибири, которая была освоена не столько путем блестящих по-

двигов, сколько путем водворения служилых людей и крестьян, постройки городов и острожков. При этом подчеркивалась огромная роль частной инициативы торгово-промышленных кругов русского Севера (городов Поморья и Приуралья), в известной степени стихийный характер освоения Сибири в конце XVI—XVII вв.¹⁷⁸ Желание правительства, главной целью которого в этот период было “подчинение инородцев и сбор ясака”, удерживать за собой занятую богатую территорию совпадало, по мнению Любавского, с интересами народных масс, искавших “лучших условий для своего труда, чем на родине”.

Описывая вольнонародную, крестьянскую колонизацию и государственное заселение Сибири “по указу” и по “прибору”, исследователь определил продвижение русского народа в этом районе как преимущественно мирное. Здесь очень ценны и интересны замечания о том, как и какими людьми по социальному и имущественному положению осваивались Сибирь и Дальний Восток, каким был тип расселения и чем он определялся.¹⁷⁹

XVIII — первая половина XIX в. в истории Сибири были, по мнению историка, эпохой “невольной” колонизации, носившей принудительный со стороны правительства характер (в основном — в форме ссылки). Колонизационное значение ссылки для освоения Сибири Любавский считал ничтожным. Уголовная ссылка поставляла нетрудовые контингенты, не обеспечивала материального их существования, обрекая на смерть или бегство из каторжной неволи. Невысоко оценивается им и крайне робкая, противоречивая переселенческая политика царского правительства, принятая с начала XIX в. как средство перевода избыточного населения из Европейского Центра на восток.

При изучении проблемы нельзя было обойти острый вопрос об этнических последствиях колонизации для аборигенов. К чести ученого, он сумел взглянуть на них трезво, оценив методы эксплуатации края как “грабеж” и причину “вымирания инородцев”.¹⁸⁰ Этот взгляд в области национального вопроса в либеральной историографии России был показателем той эволюции научных ориентиров, когда “великорусские позиции (учителей С.М.Соловьева, В.О.Ключевского) начинают заменяться российскими...”¹⁸¹.

Характеризуя колонизацию Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX в., Любавский отмечает “господство экономического фактора” (недостаточный размер наделных земель у крестьянства Европейской России — результат крепостного права и последствий реформы 1861 г., “искусственно задержавших земледельческое население в отдельных местностях”)¹⁸² как главную причину переселения. Господствующей формой колонизации Сибири в это время была, по его

мнению, народная колонизация. Исключением были Амурский и Уссурийский края, заселение которых обуславливалось военно-стратегическими и политическими соображениями.

Научные наблюдения и выводы по вопросам колонизации края внесли долю новизны в современную ему историческую науку (вопросы о соотношении форм колонизации, составе переселенцев, характере расселения, темпах колонизационных процессов, рассмотрении истории колонизации Сибири в связи с историей заселения других районов страны и др.).

В целом обобщающее исследование М.К.Любавского следует оценить как значительное научное явление, а самого ученого как виднейшего знатока исторической географии начала XX в. В своем труде историк впервые в отечественной историографии попытался создать сводный очерк исторической географии страны с точки зрения колонизации, реализовать и существенно уточнить схему Ключевского, одного из своих учителей, на конкретно-историческом материале.

Рожденная на пересечении научных интересов Любавского с возможностями и запросами времени конца XIX — начала XX в., эта работа несет на себе отпечаток как личности самого создателя, “государственника”-позитивиста либерального направления, так и эпохи. Основные установки “государственной” школы находят у него отражение в трактовке государственной власти феодальной России как силы, действующей в интересах всего общества; подчеркивании активной роли государства при колонизации некоторых районов страны (степная Украина XVI—XVIII вв., Сибирь XIX в.); идеализации монастырской колонизации русского Севера; недооценке сословных противоречий, которые часто заставляли народные массы осваивать окраинные территории “скорее вопреки крепостничеству, чем в русле его”¹⁸³.

По широте охвата затронутых проблем и поднятого источникового материала, по хронологической глубине их рассмотрения (с IX по начало XX в.) исследование Любавского выгодно отличается от историко-географических работ его предшественников и современников. В работе ученого ясно намечаются три сферы исторической географии: политическая историческая география, география населения и отдельные аспекты исторической географии хозяйства. Само понимание историком колонизации как освоения новых территорий прежде всего в хозяйственном отношении заставляло его включать в круг задач исторической географии и историческую географию народного хозяйства.

“Географическая” постановка вопросов применительно к рассмотрению социально-экономических и политических явлений русской истории IX—XX вв. в курсе привела историка к новой трактовке ряда ее

ключевых проблем. Отличный знаток источников и тонкий их истолкователь, Любавский сделал ряд интересных и важных для анализа политической истории Руси XI—XV вв. наблюдений. Роль географического фактора в политической раздробленности XI—XIII вв., “демографическая” трактовка причины возвышения Москвы как одного из важнейших вопросов образования Московского государства, татарское нашествие и география населения Руси в XIII—XVI вв. — таковы лишь некоторые новые аспекты, рассмотренные М.К.Любавским при решении проблемы особенностей политической структуры Киевской Руси и образования Российского государства.

Курс М.К.Любавского был до революции 1917 г. единственной специальной историко-географической работой, где предпринималась попытка изучения исторической географии России позднефеодального периода (XVIII—XIX вв.), в том числе вопросов колонизации Сибири и Дальнего Востока в связи с историей колонизации всей страны.

Наблюдения и выводы историка по частным, “специальным” историко-географическим вопросам колонизации страны (соотношение форм колонизации, состав колонистов, характер расселения и типы поселений, темпы колонизационных процессов и др.) вносили не только значительную долю новизны в современную ему историографию, но и не утратили своей научной ценности для современных исследователей социально-политической истории феодальной России, специалистов в области исторической географии.¹⁸⁴

Исследование проблем исторической географии и демографии России в трудах 20-х годов

Изучение послеоктябрьского этапа творчества М.К.Любавского дает все основания утверждать, что в центре его научных интересов в 20-е годы остаются проблемы исторической географии России. В это время появляются новые историко-географические работы ученого, большая часть которых до сих пор не опубликована. Создавая монументальные историко-географические труды, историк опирался на материалы своих ранних работ (курс 1909 г.) и доклады 20-х годов по истории колонизации отдельных районов страны: Северо-Восточной Руси в XIII—XIV вв.,¹⁸⁵ великорусского центра XIV—XV вв.,¹⁸⁶ Украины, Великого княжества Владимирского,¹⁸⁷ Великого княжества Литовского¹⁸⁸ и др. Последние он включал в текст монографий, порой даже без существенных изменений. Стержнем, пронизывающим все историко-географические “этюды” ученого с 1917 и до начала 30-х гг., была история колонизации России. Новые наблюдения и выводы, появлявшиеся в указанных трудах, включались в

лекции по исторической географии, которые он читал слушателям архивных курсов при Центрархиве¹⁸⁹ и студентам МГУ¹⁹⁰ вплоть до 1930 г.

При изучении проблемы истории территориального образования России, по мнению ученого, “на переднем плане должен стоять народ-строитель, колонизатор, а не народ-завоеватель, не громкие победы и трактаты, а зайка земель и заселение их, возникновение сел и городов”.¹⁹¹ Это продолжает интересовать историка в 20-е годы в еще большей степени, чем до Октябрьской революции.

Этот аспект творчества Любавского заслуживает особого внимания. С 1918 г. написание очерка по истории колонизации и создание историко-географического атласа феодальной России стало для ученого “жизненной задачей”.¹⁹² В 1918 г. в письме к Любавскому известный книгоиздатель М.В.Сабашников предлагает ему подготовить к печати книгу по истории колонизации русского народа.¹⁹³ К 1922 г. был создан первый вариант книги, подготовленный к печати под названием “Историческая география России в связи с историей расселения русского племени”. Во всяком случае, в списке книг, подготовленных издательством Сабашникова к опубликованию, она значится.¹⁹⁴ Но по неизвестным причинам публикация ее так и не состоялась. В архиве редакции издательства Сабашниковых сохранились восемь первых глав сверстанного текста этого исследования.¹⁹⁵ Дошла до нас и часть подготовительных материалов (выписки, оглавления, проспекты), которые позволяют судить о планах намечавшейся работы и о характере их изменений.¹⁹⁶

Неудача с публикацией задуманной книги и новые задачи, вставшие перед Любавским в связи с началом работы в Институте истории РАНИОН, привели к определенной корректировке первоначальных планов создания обобщающего очерка истории русской колонизации. С конца 1923 г. по заданию Института истории он готовит историко-географический труд по истории формирования территории и заселения великорусского центра (бассейны Верхней Волги, Оки и верховьев Днепра, озер: Ильмень, Чудского, Ладожского, Онежского и др., до Белого моря включительно).¹⁹⁷ Он по замыслу автора должен был состоять из двух частей. В первой предполагалось рассмотреть вопросы образования территории Русского государства к 30-м гг. XVI в. В центре внимания второй стояли вопросы формирования территории Новгородской и Псковской земель.

По исследуемым сюжетам Любавский сделал в 1924—1926 гг. в институте несколько докладов (24 марта 1924 г. — “Расселение русского народа к моменту окончательного образования Московского и Литовско-Русского государств”.¹⁹⁸ 23 февраля 1925 г. — “К вопросу о заселении Верхне-Волжского и Окского района”.¹⁹⁹ 8 марта 1926 г. — “Примыслы

великих князей Василия I и Василия Темного”²⁰⁰). К 1927 г. он подготовил первую часть работы,²⁰¹ а к 1928 г. — вторую.²⁰² Опубликовать удалось только первую.

По существу, эта работа была попыткой построить на историко-географическом материале общен историческое исследование по проблеме образования Русского государства с точки зрения его связи с колониационным процессом, т.е. процессом расселения великорусского этноса. Автор видел свою задачу в выяснении двух процессов: 1) создания территории великорусской народности “как территории этнографической, т.е. заселения ее славянскими племенами, из которых в смешении с местными “инородцами” образовалась великорусская народность”; 2) государственного объединения этой “этнографической территории”.

Оба эти процесса до выхода в свет работы историка не получили специального освещения в научных исследованиях по русской истории. Предшествующая научная литература была богата, с одной стороны, всевозможными общими соображениями (С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, Д.И.Иловайский и др.), не опирающимися на подробный анализ источников, с другой — частными наблюдениями, не связанными друг с другом (К.А.Неволин, И.Д.Беляев, и др.). Попытка свести воедино данные источников, относящиеся к истории заселения “коренной Великороссии до XVI в.”, не предпринималась.

В дореволюционной русской историографии объединение великорусской территории вокруг Москвы большинство историков изображало в русле идей Ключевского, как дело разбогатевших и усилившихся московских князей, стремившихся к властвованию над соседями и получению больших доходов. В своем “собрании” они находили поддержку со стороны бояр и духовенства, заинтересованных в успехе этого процесса и материально и морально, по побуждениям национального чувства и сознания. Но при этом не был выяснен в достаточной степени вопрос, откуда взялась сила Москвы? Недостаточно учитывались народно-хозяйственные и военно-политические факторы совершавшегося объединения, а само оно не было представлено в виде органического процесса.

В последней, до появления работы Любавского, попытке пересмотра вопроса о формировании Русского централизованного государства, предпринятой в докторской диссертации А.Е.Преснякова,²⁰³ внимание было сосредоточено на внутренней эволюции великокняжеской власти и междукняжеских отношениях. Пресняков подверг разрушительной критике те взгляды по вопросу о характере междукняжеских отношений, которые были высказаны В.О.Ключевским и В.И.Сергеевичем, но сам дал схему развития надклассовой княжеской власти, оторванную от процесса общественной эволюции.²⁰⁴ Он не уделил должного внимания тому эко-

номическому фундаменту, на котором возникло Русское централизованное государство. Его подход, по словам Любавского, заключался в своеобразной, но неверной формуле: “Объединение Великороссии под государством московских великих князей совершено путем собирания не земли, а власти в развитие и осуществление стародавней традиции о патриархальном великом княжении в “отца место”²⁰⁵.

М.К.Любавский, критикуя взгляды Преснякова, подходил к проблеме образования Русского централизованного государства с учетом экономического фактора (характеристика территории, населения)²⁰⁶. Историк считал, что Пресняков, выдвигая свою схему, упустил из виду два важных обстоятельства. Первое — то, что великое княжество Владимиро-суздальское с ослаблением ханской власти над Русью к концу XIV в., т.е. к моменту “слияния своего с московскою вотчиною, уже утратило свое прежнее властно-объединяющее значение, что наряду с ним образовался в бывшей Ростово-Суздальской земле целый ряд новых великих княжений — Московское, Тверское, Нижегородско-Суздальское, Ярославское с теми же функциями в отношении удельных княжеств, которые прежде принадлежали ему одному, и что, следовательно, из его стародавней традиции нельзя выводить объединение Великороссии в XV — нач. XVI в.”²⁰⁷ Второе — преувеличив силу и значение указанной традиции, Пресняков, по мнению Любавского, недооценивал значение великого княжества Владимиро-суздальского “как комплекса крупных и ценных территорий, источника больших военных и финансовых средств”. Именно благодаря последнему обстоятельству, а не стародавней традиции власти слияние его с московской вотчиной действительно было решающим фактором в деле государственного объединения Великороссии вокруг Москвы.²⁰⁸ Понимание ведущей роли экономического фактора в этом процессе позволило ему найти более верный подход к изучению этой проблемы, чем у его предшественников. Это был новый аспект ее исследовательского решения.

Исследование Любавского было результатом детального анализа огромного фактического материала русских летописных сводов и богатейшего комплекса актов XIV—XVI вв., как опубликованных (СГТД; АИ, ДАИ, ААЭ, АЮ, АЮБ; сборники: Муханова, кн. Оболенского, И.Д.Беляева; акты Ярославского Спасского монастыря; писцовые книги XVI в.) так и неопубликованных (грамоты Коллегии экономии). В значительном объеме привлекались источники из документальных приложений к работам Ю.В.Готье, М.М.Богословского, Н.П.Барсова, В.В.Зверинского, В.Н.Дебольского, К.А.Неволина; С.Б.Веселовский предоставил ученому свои копии грамот XIV—XVI вв. Отличный знаток и истолкователь источников, Любавский, используя такую особенность географической номенклатуры, как ее относительная устойчивость, в широких масштабах

применяет здесь ретроспективный метод исследования. По актам XV—XVI вв. он реконструирует территориальные и демографические изменения более ранних периодов (XII—XIV вв.).²⁰⁹

В первой части работы изучено расширение первоначально сложившейся государственной территории Московского княжества в результате колонизационных процессов в Северо-Восточной Руси и заселения основных ее областей. Любавский проследил ход заселения междуречья Оки и Волги, Заволжья, Суздальской земли, земель Московского, Тверского, Переяславского и других княжеств, территории которых являлись основными районами формирования великорусской народности. Детально изучены им вопросы политической географии Руси XIII—XIV вв. (постоянно изменяющаяся система удельных княжеств XII—XIV вв. с их территориями и границами, процесс роста территории Московского княжества в XIV в.) и объединение русских земель под властью московских князей в XV—XVI вв.

Историк нередко формулирует очень интересные соображения о характере и особенностях политической централизации на Руси. В 1-й главе работы (“Заселение славянами Верхне-Волжского и Окского бассейнов”) Любавский на основании изученной географической номенклатуры высказывает мнение, что наибольшее участие в образовании великорусской народности принадлежит словенам,²¹⁰ что быстрый рост княжеств Северо-Восточной Руси в XIII—XIV вв. был связан не только с размножением княжеского рода, но и умножением самих объектов дележа с расширением колонизации,²¹¹ наконец, что заселение этих территорий (в XI—XIII вв.) происходило путем внедрения в зону финно-угорского мира “поселков-городков” славян в ходе их стихийного движения на северо-восток.²¹² Любавский утверждает, что русские поселения XIV—XV вв. обязаны своим происхождением “организующей и устрояющей деятельности князей, бояр, духовенства”.²¹³ Причина активности княжеской “землеустроительной” деятельности — разорение крестьянства в результате татарского “пополоха”, которому поневоле пришлось подсаживаться к тем, у кого были средства для “организации хозяйства”. Поэтому “народные колонизационные потоки растекались по тем руслуам, которые уже открывали эти земельные владельцы”.²¹⁴ У Любавского в этой трактовке легко проглядывает юридическая фигура удельного порядка, предложенная в свое время его учителем В.О.Ключевским. Согласно Ключевскому, все население княжеств северо-востока было “временным съемщиком земли, находившейся в собственности князей”.²¹⁵ В этой формуле влияние идей Чичерина, Соловьева сказывается очень ясно.²¹⁶

Любавский сделал ряд интересных выводов и наблюдений, которые не утрачивают своей научной ценности и в наши дни. К их числу можно

отнести попытку ученого объяснить причины “собирательной” политики Москвы, исходя из ее экономико-географического положения (во второй главе работы — “Возвышение Московского княжества и первые примыслы московских князей”). Отправным моментом здесь служит тезис курса 1909 г. о демографических преимуществах Московского княжества как самого заселенного по сравнению с другими (вследствие наибольшей безопасности этого края в составе Ростово-Суздальской земли).²¹⁷ Но при этом, по мнению ученого, княжество обладало сравнительно скудными природными ресурсами и не имело значения крупного центра транзитной торговли, т.к. начала и концы водных торговых путей находились не у Москвы.²¹⁸ Отсюда — “агрессивность” московских князей, их стремление к выходу за узкие рамки своей государственной территории, к расширению арены властвования, политического воздействия и “экономической эксплуатации”. Делая это интересное и идущее вразрез с традиционными трактовками Забелина и Ключевского наблюдение, историк приходит, однако, к выводу в духе “государственной” школы с ее представлениями о государстве как силе, действующей в интересах всего общества.

Любавский справедливо утверждает, что с обладанием великим княжеством Владимирским был связан не только политический, но и “крупный экономический интерес”; борьба Москвы и Твери тоже была связана с “крупными экономическими и финансовыми интересами”.²¹⁹ Он дает трактовку проблеме изменения междукняжеских отношений в Северо-Восточной Руси во второй половине XIV в., которое объясняет новым взглядом ханов Золотой Орды на роль Москвы в этой системе отношений.²²⁰ Начало открытых конфликтов Москвы и Золотой Орды ученый трактует как процесс, начавшийся “стихийно, помимо инициативы московских князей”. Последние вынуждены защищаться, чтобы не платить второй и третий “выход”, размер которого часто менялся в период распада Золотой Орды.²²¹ Далее идут интересные конкретные наблюдения о чрезвычайной стратегической важности для Москвы овладения территориями по Оке,²²² об отрицательном значении для дела централизации Руси феодальной войны 30—50-х гг. XV в., которая “на четверть века приостановила процесс объединения великорусских земель”.²²³

Конкретные наблюдения и выводы ученого по отдельным аспектам проблемы образования Русского централизованного государства представляли и представляют поныне значительный интерес для российской историографии.²²⁴ Его ценное исследование по исторической географии Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., по мнению А.А.Юшко, отличается “широким историзмом”.²²⁵ Разработка указанной тематики с позиций изучения “материального фундамента” централизации имела особую значимость для отечественной историографии довоенного периода, поскольку

до конца 30-х гг. проблема образования централизованного государства в марксистской историографии по существу отсутствовала.²²⁶ Это исследование историка давало не только ценный конкретно-исторический материал, но и положило начало новому историко-географическому ракурсу ее изучения.

Вторая, неопубликованная, часть работы (“Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение с центром территории Новгорода и Пскова. Историко-географический этюд”)²²⁷ была попыткой исследования формирования территории Новгородской и Псковской республик в связи с их заселением. До появления труда Любавского имелась лишь работа А.И.Никитского по экономической истории Новгородской земли, в которой уделялось некоторое внимание и историко-географическим аспектам темы.²²⁸

Главными источниками для исследования были летописи и писцовые книги Новгородской и Псковской земель. Особенно высоко оценивал Любавский писцовые книги, т.к. они давали возможность приподнять завесу над тем, как происходило заселение Новгородской и Псковской земель славянскими колонистами, к чему в конце концов оно привело, какая судьба постигла прежних «насельников»²²⁹. Широко привлекался актовый материал из почти всех крупных серийных дореволюционных публикаций. Литература использовалась в меньших масштабах. Кроме монографии Никитского чаще всего в подстрочнике работы встречаются ссылки на исследования по истории церкви в России: Амвросия, Досифея, В.В.Зверинского, специальные историко-географические исследования П.И.Кепшена, К.А.Неволина, Е.К.Огородникова, А.А.Спицина, А.С.Уварова, Н.П.Тихомирова. Использовались работы общеполитического характера А.В.Экземплярского, А.И.Никитского, А.М.Гневушева, А.А.Шахматова, М.М.Богословского, А.А.Савича²³⁰. Сравнение актовых источников с повествовательными и с данными из литературы позволяло историку в широких масштабах применять один из своих излюбленных приемов — историческую ретроспективу. В этих целях привлекался даже такой, несколько неожиданный здесь источник, как перепись 1920 г. (по Карельской АССР). Данные письменных источников часто дополнялись и проверялись показаниями географической номенклатуры и ономастики.

Автор считал вторую часть своей работы естественным и необходимым продолжением первого очерка, поскольку в освоении территории Новгородской и Псковской земель принимали участие главным образом те же восточнославянские племена кривичей и словен, которые составили основу великорусской народности.²³¹ Любавский поставил перед собой и другую задачу: пересмотреть все данные источников об отношениях Новгорода и Пскова к Москве с целью выяснения тех причин, которые при-

влекли к “поглощению” этих республик могучим восточным соседом²³². Этот вопрос поднимался в работах его предшественников, но трактовался в слишком общей форме, без достаточного учета всех слагаемых этого процесса.

Работа состоит из пяти глав (текст I—III глав — машинописный с авторской правкой, IV—V — авторизованная рукопись). Истории колонизации Новгородской земли до XIII в. посвящена первая глава исследования (“Борьба новгородских славян с финскими племенами и занятие их земель”).²³³ Историк показывает, что начальное ядро Новгородской земли создали словене; местными старожилками здесь была чужь. В процессе освоения земли имела место борьба словен с туземными финскими и пришлыми германскими племенами.²³⁴ Причем в этом процессе, судя по данным топонимики и археологии, известную роль сыграли скандинавы. По мнению Любавского, легенда о призвании князей, как ни относиться к ее деталям, отразила в себе историческую действительность — утверждение в Новгороде варяжских князей. “Весьма вероятно, — писал он, — что этот факт был результатом древнего общения словен со скандинавами, давнего их международного сотрудничества, в том числе и продвижения их на северо-восток и восток”. Скандинавы сыграли крупную роль в “политическом конструировании восточнославянских племен”²³⁵.

Что же заставляло словенские племена вести борьбу с туземцами и пробираться в лесные и болотистые дебри Севера? Историк не без основания главным двигателем славянской колонизации считает особенности “экономического быта” новгородских словен (соединение экстенсивного земледелия и скотоводства с охотой, рыбной ловлей и бортничеством). Он и заставлял новгородцев расширять арену своей сельскохозяйственной и промысловой деятельности: “Увеличение населения, с одной стороны, известное оскудение почвы и естественных богатств, с другой стороны, должны были вызвать тягу на новые земли, на новые угодья, главным образом на север и северо-восток” (к богатейшим пушным промыслам этих районов).²³⁶

Вторая, центральная и самая большая, глава работы (“Ход новгородской колонизации и ее результаты к концу XV века”) решает задачу реконструкции истории ранней колонизации по более поздним фактам (конца XV—XVI вв.) и географической номенклатуре. Были поставлены и в значительной мере решены три основных вопроса истории колонизации Новгородской земли XIII—XV вв.: 1) о форме и типе поселений; 2) об участии различных социальных слоев и групп населения в ее освоении; 3) о роли “Заволочья в Новгородской земле”.

Детально исследуя процесс складывания административно-территориальной системы Новгорода, историк объясняет причины “скопления”

сел и “пустот” в различных областях этой земли.²³⁷ Особого внимания заслуживает обращение Любавского к социальному контексту колонизации Новгородщины; этого не было в первой части работы. Под влиянием работ А.И.Никитского и А.М.Гневушева автор показывает, что огромную роль в процессе освоения ее территории играла деятельность “лепших”, “вятших” людей. Эти подлинные хозяева Новгородской земли не “только закабалили в рабство измученных голодом людей, но, несомненно, скупали земли и угодья разорившихся землевладельцев и промышленников, захватывали покинутые земли и угодья и вновь заселяли их земледельцами и промышленниками, но уже на правах арендаторов, давая ссуду (серебро) на хозяйственное обзаведение”²³⁸. К моменту падения Новгорода большая часть его земель была уже в их руках²³⁹ и эксплуатировалась даже “без предварительного формального пожалования господина Государя Великого Новгорода”.²⁴⁰

Определяя (по типу поселения) социальный облик колонистов (частные лица — “капиталисты”, крестьяне, государство, церковь, князь) и устанавливая зависимость типа поселения от географического фактора (напр.: села чаще всего встречались в местностях с наиболее плодородными почвами), историк связывает с этими моментами и распространение “боярщины” именно в определенных районах внутри Новгородской земли (в Заволочье).²⁴¹ Бежецкий край стал центром боярского землевладения, поскольку всегда высокие цены на хлеб в Новгороде обуславливали такую экономическую конъюнктуру, что даже при неблагоприятных условиях “земледелие при всем риске в общем было выгодным промыслом, и в этот промысел все новгородские состоятельные люди охотно вкладывали свой капитал”.²⁴²

Уже в XIV—XV вв. земли Заволочья благодаря развитому земледелию и богатым промыслам (солеварение, салотопенный промысел) становятся, по мнению историка, тем “базисом государственного благосостояния, каким они выступают позднее, в XVI и XVII вв.”²⁴³ Роль этих районов в экономической жизни Новгорода была настолько велика, что вопрос о нем в споре Новгорода и Москвы стал “жизненным вопросом, решившим судьбу новгородской государственности”²⁴⁴. Интересные наблюдения Любавского о роли Заволочья в московско-новгородских отношениях XIV—XV вв. были новым и ценным вкладом в современную ему историческую литературу. В предшествующей историографии факты этой борьбы рассматривались как второстепенные эпизоды новгородской истории, вскользь и поверхностно. Не были установлены ни главные стадии этой борьбы, ни ее территориальные результаты.

В свете этой борьбы за экономические интересы рассматривается ученым вся история взаимоотношений Новгорода и Москвы в XIII—XV

вв., политика Московского княжества (“мирная” и “военная”) по отношению к своему западному соседу, взаимоотношения Новгорода с Великим княжеством Литовским в XV в. (глава третья — “Соединение новгородской государственной территории с московской”).²⁴⁵ Справедливо указываются две причины внутренней слабости Новгородской республики: 1) различная экономическая ориентация в стане новгородского боярства и купечества (“московская” и “литовская” партии) и 2) вражда в республике между “меньшими людьми” и боярами.²⁴⁶

Рассматривая в IV и V главах работы историю складывания и колонизации Псковской земли, ее взаимоотношения с Московским княжеством, историк приходит к выводам о преобладании там славянского населения в гораздо более ранние времена, чем на территории Новгорода;²⁴⁷ о сравнительно безболезненном характере присоединения Пскова к Московскому государству. Причины этих явлений Любавский видел в особенностях географического положения (пограничная территория) и внешнеполитической обстановки, в которых городу приходилось бороться за свою независимость: враждебные отношения с западными соседями (немцами и Литвой) и ненадежный союз с Новгородом ориентировали Псков на Москву.²⁴⁸ Поэтому, по его мнению, “Псковское взятие было естественным завершением отношений между Псковом и Москвой... Царь, взяв на себя дело защиты Пскова, естественно, хотел получать от него настоящие финансовые и военные средства”²⁴⁹.

Надо отметить, что во второй части работы шаг, сделанный на встречу экономическому материализму, был более последовательным, чем в первой. Наряду с явным подчеркиванием ведущей роли экономических факторов в изучаемых процессах, особенно характерным для “новгородских” глав, отмечается и социальная основа событий политической истории Новгорода (социальные конфликты между “лепшими” и “меньшими” людьми).

Историко-географический аспект рассмотрения вопроса, богатство и точность конкретно-исторических наблюдений делают эту работу значительным явлением отечественной историографии. Большой интерес представляют для современного исследователя многочисленные списки городов, монастырей-колонизаторов, данные о границах земель, “словесные” карты территорий, мастерски установленные на основе тщательной обработки огромного источникового комплекса. Аналогичные работы по данному вопросу советских историков-марксистов появляются с 50-х годов.²⁵⁰

Последним, заключительным трудом историко-географического цикла Любавского явился “Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века”.²⁵¹ Эта итоговая работа без сомнения может быть названа делом всей жизни исследователя — его предыдущие

работы по данной тематике были последовательными этапами осуществления грандиозного замысла. Завершенная к концу 1928 г.,²⁵² эта капитальная монография историка (750 листов машинописного текста) содержит важнейшие и интереснейшие наблюдения по истории заселения и освоения русским, украинским и белорусским народами огромных пространств нашей Родины.

Здесь следует еще раз специально подчеркнуть, что термин “колонизация” в старой русской историографии не нес того отрицательного идеологизированного отпечатка, который появился у него в рамках позднейшего марксистского обществознания. Следуя современной традиции, было бы точнее использовать для обозначения изучавшихся М.К.Любавским явлений термин “расселение”. Его труд преимущественно посвящен именно истории расселения тесно взаимодействовавших в историческом процессе русского, украинского и белорусского этносов на пространствах Евразии, изучению как самого процесса, так и факторов, двигавших его.

Историк был убежден в том, что колонизация русского народа, которая продолжалась вплоть до конца XIX в., оказывала “самое решительное влияние на народно-хозяйственную жизнь, политическое устройство и культурное развитие страны”.²⁵³ Правда, одного существенного сдвига в позициях ученого нельзя не заметить. Если курс 1909 г. освещал колонизацию только великорусской народности, то “Обзор...” включает проблемы колонизации украинской и белорусской народностей. Этот сдвиг был шагом вперед по пути отхода от великодержавных позиций учителей (Соловьева и Ключевского). Признаки этого сдвига имелись в работах Любавского и Преснякова еще дореволюционного периода их творчества.²⁵⁴ Этот новый аспект рассмотрения старой проблемы потребовал существенного дополнения фактическим и концептуальным материалом. Первый вариант книги, подготовленный к печати в 1922 г., явился своего рода первым “подходом” к теме. Ее разработка в первой половине 20-х гг. велась преимущественно в виде тщательного и фундаментального исследования отдельных вопросов (в частности — “этнодов” об образовании основной государственной территории великорусской народности). Второй (окончательный) вариант работы, задуманной еще в 1918 г., включил в себя содержание курсов 1909 и 1922 гг., “этнодов”, посвященных образованию основной государственной территории великорусской народности и докладов 20-х гг. Палеографические наблюдения над основным и подготовительными текстами показали, что “обзор” примерно на 60% состоит из материалов курса 1922 г. и других работ 20-х гг.

Какие же соображения заставили автора “Обзора” предпринять новую попытку общего, но более детального, по сравнению с курсом 1909 г.,

изложения истории русской колонизации? Прежде всего — отсутствие в русской исторической литературе работы, в которой сводились бы воедино все частные исследования по рассматриваемой проблеме. Первый опыт в этом направлении, предпринятый в конце XIX в. П.Н.Милоковым,²⁵⁶ давал лишь схему хода русской колонизации, но не живую ее картину. В частности, он не разъяснил такой важный, по мнению Любавского, вопрос: “Какие причины заставляли русский народ, обладавший просторной сравнительно со своей численностью территорией, занимать все новые и новые места, расширяя эту территорию, раскидываясь на ней редкими и большей частью малолюдными поселками?”²⁵⁷ Для его выяснения, для того, чтобы русский колонизационный процесс предстал живым, рельефным явлением, а не схемой, и необходимы были конкретно-исторические детали, “известные подробности” (по выражению Любавского): о природных свойствах и ресурсах “как заселенных, так и заселявшихся русским народом земель, о хозяйственном быте колонизаторов, о прежнем населении колонизируемых земель, его бытие и отношениях с соседями”.²⁵⁸ Уже в этом определении круга задач работы чувствуется гораздо более значительный крен интересов ученого в сторону исторической географии народного хозяйства.

По-видимому, в конце 20-х гг. ученый начинает осознавать и определенную ограниченность прежнего подхода к проблеме колонизации, слабо увязанного с социальными отношениями в государстве.

Появление этих новых акцентов, а также то, что значительная часть созданной работы была уже апробирована в печати, повлияли на ее архитектуру. Разные периоды истории русской колонизации освещены в “Обзоре” неравномерно. Отчасти на это повлияло состояние источниковой базы исследования. С наибольшей полнотой автор останавливался на тех моментах, которые лучше всего были изучены в исторической литературе или были наиболее характерными и типичными для русского колонизационного процесса. При изучении географической номенклатуры Любавский преимущественное внимание уделял тем древнейшим русским селениям заселяемых территорий, которые были “первыми вехами, намечавшими пути к дальнейшему заселению этих территорий”.²⁵⁹

Окончательный вариант этого фундаментального труда историка, публикуемый в настоящем издании, состоит из 22-х глав и резюме. К труду прилагались автором 5 карт, о которых он сообщал в апреле 1936 года в письме Н.М. Лукину. Использование самого разнообразного и широкого круга исследований по истории колонизации отдельных земель, антропологии, этнографии, археологии, географии и геологии России, привлечение огромного массива источников из серийных русских публикаций XVIII — начала XX вв., мастерская интерпретация данных географиче-

ческой номенклатуры — все это позволило историку охватить в работе огромные территории нашей страны (Европейский Центр, Белоруссию, Украину, Прибалтику, Северный Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию).

Особый интерес представляют новые главы работы М.К.Любавского, не встречавшиеся ни в курсах 1909 и 1922 гг., ни в первой и второй части его “Образования и заселения основной государственной территории” (главы I, IX, XIV—XVIII, XX—XXII). Имеет смысл дать им подробную характеристику, выделяя при этом круг основных вопросов, поднятых историком.

В первой главе “Древнейшие обитатели Восточной Европы”, посвященной истории Северного Причерноморья, начиная с эпохи скифов до времени господства готов в южно-русских степях, сообщаются известия о населении лесных пространств Восточной Европы — славянах, литовцах, финнах, местах их расселения. Дается критика теорий И.Е.Забелина, Д.Я.Самоковасова о скифах — якобы праславянах. Из рассмотренного материала делается вывод о том, что “до конца IV века славян не было в южных степных областях Восточной Европы”, а ко времени Геродота “Скифия” была уже чисто географическим термином, ее территория была населена в сущности разными народами.²⁵⁶

Глава IX (“Объединение Литвы и западно-русских земель в Великом княжестве Литовском, его пределы и размещение в нем населения к половине XVI века”) выросла из докладов, которые М.К.Любавский делал в 20-е годы в ОИДР и в Институте истории РАНИОН. Рассматривался ряд основных вопросов истории Западной Руси: географическое и политическое разобщение восточного славянства в XIII в., литовские племена и область их расселения в XIII в., объединение Верхней и Нижней Литвы с Черной Русью в Великое княжество Литовское, территориальные приобретения великого княжества в XIII—XIV вв., состав и границы расселения его населения к XVI в. и др.²⁶⁰

Глава XIV (“Борьба Московского государства с крымскими татарами и заселение черноземных степей”) освещает вопросы возникновения станичной и береговой службы на окраинах Русского государства, строительства засечных черт в XVI—XVII вв., образования и состава населения Слободской Украины. Рассматривая процесс колонизации Слободской Украины, ученый обращает внимание на соотношение форм колонизации (казацкая, государственная, вольнонародная) и справедливо утверждает, что в зависимости от обстоятельств в различные периоды времени господствовали разные формы.²⁶¹

Главы XVI—XVII (“Заселение Приднепровской Украины во второй половине XVI и в XVII веке”, “Заселение Новороссии”) рассматривают

проблемы колонизации и размещения населения в Правобережной Украине XVI в., панского землевладения на Украине в XVI—XVIII вв., истории украинского казачества, его борьбы с Речью Посполитой в XVII в.²⁶² Пристальное внимание историка обращено здесь к истории Войска Запорожского (в XV—XVIII вв.), образованию и заселению Новороссийской губернии после русско-турецких войн XVIII и XIX вв., дворянам и переселенцам. Обращается внимание на историю градостроительства в крае (в частности — Николаева, Одессы). Говорится о роли иностранных колонистов в освоении богатств Новороссии. Как почти во всех предыдущих главах, Любавский сообщает ценные и очень детальные сведения о количестве и форме поселений.

В очень интересно и живо написанной XVIII главе (“Занятие и заселение русскими людьми Предкавказья”) большое внимание уделяется истории Терского и Кубанского казачьих войск (первая половина XVI — вторая половина XVIII в.). Ярко обрисован и их быт, отношения с местным населением. Рассматриваются вопросы комплектования, состава, службы казачьих войск, а также политика правительства по отношению к Северному Кавказу на протяжении XVI—XIX вв.²⁶³ В итоге, по оценке историка, казачья и крестьянская колонизация Северного Кавказа, совместно с правительственными мероприятиями, привела к тому, что к середине XIX в. и в Предкавказье в конце концов протянулась такая же самая “засечная” черта, какие мы видели на степной Украине России, Поволжья, в Приуралье и Западной Сибири.²⁶⁴ В результате того, что правительство вело постоянные войны с горцами, казачьи войска находились в особом привилегированном положении. Власти смотрели на казачьи войска “как на стратегический пункт по борьбе с горцами”.²⁶⁵ Подробно освещаются проблемы социальных отношений внутри казачества, их отношений с беглыми, тип казацких поселений.

В XX главе (“Занятие и заселение русскими людьми Башкирии”) исследуется история башкир, начиная с первых веков нашей эры вплоть до конца XIX века. Дается краткая характеристика природы страны. Затрагиваются вопросы строительства укрепленных линий в Приуралье, истории Оренбургского казачьего войска. Анализируются особенности аграрных отношений в Башкирии XVIII—XIX вв.²⁶⁶

В предпоследней, XXI главе (“Занятие киргизских степей и Туркестана и русская колонизация в этих краях”)²⁶⁷ делается попытка обзора отношений между кочевыми сообществами Казахстана и государств Средней Азии с Россией XVIII—XIX вв., изучаются формы и пути расселения русского населения в этих районах. Ученый дал периодизацию этапов колонизации, особенно останавливаясь на переселенческой политике правительства в конце XIX в. Любавский считает, что “распространение

русского владычества в первую очередь вызывалось потребностями обр-оны западно-сибирского населения от беспокойства соседей с юга”.²⁶⁸

В последней главе работы (“Русская колонизация Прибалтийского края в XVIII и XIX веках”)²⁶⁹ историк, рассматривая правительственную политику по отношению к прибалтийским губерниям в XVIII—XIX вв., приходит к выводу о том, что к концу XIX в. русский элемент в этом крае составлял ничтожное меньшинство и край как был, так и остался “инородческим”.²⁷⁰

В пространном резюме суммировались “поглавные” выводы о формах, путях, типах и особенностях русского колонизационного процесса на различных этапах истории Русского государства. Ученым было подсчитано, что к 1912 г. в России из 22,7 миллионов кв. км ее территории на долю областей завоеванных, но не колонизированных приходилось в общем 2,5 миллиона кв. км, т.е. не более 12% всей территории огромной страны.²⁷¹

Изучение этой работы Любавского позволяет с уверенностью утверждать, что по широте поставленных задач и по охвату материала она не имеет прецедента в предшествовавшей отечественной историографии. В труде М.К.Любавского присутствуют указания на те темы и положения, которые будут впоследствии разработаны в исследованиях длинного ряда отечественных исследователей — В.А.Александрова, А.А.Введенского, С.Б.Веселовского, М.В.Витова, Н.Н.Воронина, В.А.Голобуцкого, И.А.Голубцова, В.В.Дорошенко, В.П.Загоровского, Е.И.Заозерской, А.А.Зиминой, М.К.Каргера, Б.Б.Кафенгауза, В.Б.Кобрин, Б.А.Колчина, А.И.Копанева, Е.Н.Кушевой, И.И.Ляпушкина, А.Н.Насонова, А.А.Новосельского, Н.Е.Носова, В.Т.Пашуто, А.Л.Перковского, Д.Л.Похилевича, П.Г.Рындзюнского, К.Н.Сербиной, П.П.Смирнова, А.Л.Станиславского, М.Н.Тихомирова, С.М.Троицкого, А.В.Фадеева, Л.В.Черепнина, А.Л.Шапиро, В.И.Шункова, В.К.Яцунского, Е.И.Дружининой, Б.А.Рыбакова, П.П.Толочко, О.Н.Трубачева, Я.Н.Щапова, В.Л.Янина, Ю.Г.Алексеева, Л.Г.Бескровного, М.Б.Булгакова, Ю.С.Васильева, Я.Е.Водарского, В.М.Воробьева, Н.А.Горской, М.М.Громыко, Я.Р.Дашкевич, А.Я.Дегтярева, Н.Ф.Демидовой, Т.Н.Джаксон, И.В.Дубова, А.В.Дулова, В.Л.Егорова, В.С.Жекулина, Л.И.Ивиной, Э.Г.Истоминой, В.М.Кабузана, С.М.Каштанова, А.Н.Кирпичникова, П.А.Колесникова, В.А.Кучкина, Х.М.Лиги, Н.Н.Масленниковой, Е.А.Мельниковой, Б.Н.Миронова, Э.М.Мурзаева, В.Д.Назарова, Е.Н.Носова, А.А.Преображенского, А.П.Пронштейна, Р.Н.Пуллата, Г.С.Рабинович, В.В.Седова, З.В.Тимошенко, И.Я.Фроянова, А.Л.Хорошкевич, С.З.Чернова, Е.В.Чистяковой, Е.Н.Швейковской, А.А.Юшко и многих других. Даже этот неполный перечень говорит о фундаментальной важности проблем, исследование которых стало делом жизни М.К. Любавского.

Труды М.К.Любавского сильны прежде всего своими конкретно-историческими наблюдениями и выводами, насыщенностью источниковым материалом и высокой культурой их источниковедческого анализа. Источниковедческое мастерство ученого, умелое применение сравнительно-исторического и ретроспективного методов позволили достигнуть значительных успехов в решении важных проблем истории феодальной России.

Изучение биографии ученого и его творческого наследия дает основание считать его не только наиболее крупным представителем отечественной литванистики, исследователем истории западных славян, но и выдающимся знатоком исторической географии, истории феодальной России, видным организатором высшего образования, деятельным участником архивного строительства в России. Богатые конкретно-историческими наблюдениями и выводами, основанные на изучении практически всех доступных источников, его работы не потеряли научной актуальности в наши дни и постоянно привлекают внимание современных исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ЦГА г.Москвы, ф.418, оп.492, д.186, л.9.

²ОР РГБ, ф.364, к.11, д.15, л.1.

³ЦГА г.Москвы, ф.418, оп.492, д.186, л.2.

⁴Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1878 г. — М., 1879, с.20—25.

⁵То же, за 1879 г. — М., 1880, с.24, 40, 108—109.

⁶То же, за 1881 г. — М., 1882, с.20, 96.

⁷То же, за 1882 г. — М., 1883, с.25.

⁸ЦГА г.Москвы, ф.418, оп.492, д.186, л.16.

⁹ОР РГБ, ф.364, к.11, д.15, л.1—2.

¹⁰ЦГА г.Москвы, ф.418, оп.513, д.5023, л.24.

¹¹Там же.

¹²Там же, л.1006.

¹³Там же, л.3, 5—7, 42 об.

¹⁴РГАЛИ, ф.419, оп.1, д.527, л.22—22об.

¹⁵Там же, л.24—25.

¹⁶Там же, л.20.

¹⁷Там же, л.9, 19.

¹⁸Там же, л.16.

¹⁹ОР РГБ, ф.364, к.11, д.15, л.2.

²⁰Там же.

²¹Вся Москва. — М., 1887, с.572, 578, 565.

²²ОР РГБ, ф.364, к.11, д.15, л.2.

²³ОР РГБ, ф.239, л.12, д.44; ф.131, п.32, д.57.

²⁴*Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. — М., 1892, с.Ш.

²⁵*Леонтович Ф.И.* Крестьяне Юго-Западной Руси по литовскому праву XV и XVI столетий // Киевские университет. известия, 1863, № 10, с.4, 18—21; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Вып.П. — Киев, 1880, прил.15, с.31.

²⁶Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1894 г. — М., 1895, с.67.

²⁷Обзор преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета на 1895—1896 гг. — М., 1895, с.3—32.

²⁸Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1896 г. — М., 1897, с.27.

²⁹Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета за 1897—1898 гг. — М., 1897, с.13.

³⁰Там же, за 1898—1899 гг. — М., 1898, с.14; Там же за 1899—1900 г. — М., 1899, с.13.

³¹*Любавский М.К.* Литовско-Русский Сейм. Опыт по истории учреждений в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. — М., 1901.

³²Чтения ОИДР. — М., 1898, кн.П. Раздел “Смесь”, с.47—49.

³³*Любавский М.К.* Литовско-Русский Сейм. с.1.

³⁴Там же, с.848.

³⁵Исторический вестник, т.85. — Спб., 1901, с.360—361.

³⁶Отчет о присуждении премии Г.Ф.Карпова имп. ОИДР при Моск. университете./ *И.И.Лаппо.* Разбор исследования М.К.Любавского “Литовско-Русский Сейм”. — М., 1903, с.9.

³⁷*Довнар-Запольский М.В.* Спорные вопросы в истории Литовско-Русского Сейма. — Спб., 1904, с.47 и др.

³⁸*Максимейко Н.А.* Литовско-русские сеймы. — Харьков, 1902, с.40.

³⁹*Любавский М.К.* Новые труды по истории Литовско-Русского Сейма // ЖМНП, 1903, № 2—3, с.121—167.

⁴⁰*Пичета В.И.* Белоруссия и Литва, с.186

⁴¹РГИА, ф.733, оп.151, д.158, л.329.

⁴²Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета за 1902—1905 гг. — М., 1902—1904, с.13—16.

⁴³ОР РГБ, ф.364, к.11, д.15, л.5.

⁴⁴ОР РГБ, ф.70, оп.48, д.13 (Письма М.К.Любавского к В.И.Герье от 11 октября 1904 г. и 8 декабря 1904 г.).

⁴⁵Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1905 г. — М., 1906, с.63.

⁴⁶ОР РГБ, ф.70, п.48, д.14 (Письмо М.К.Любавского к В.И.Герье от 27 декабря 1905 г.).

- ⁴⁷Там же, д.15 (Письмо М.К.Любавского к В.И.Герье от 2 января 1906 г.).
- ⁴⁸ОР РГБ, ф.70, п.48, д.15 (Письма Любавского к Герье от 2 января 1906 г. и от 12 февраля 1905 г.).
- ⁴⁹Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1908—1909 гг. — М., 1909, с.14 и др.
- ⁵⁰Голос Москвы, 1907, 1 апреля, 15 апреля.
- ⁵¹Голос Москвы, 1907, 8 мая.
- ⁵²ОР РГБ, ф.263, д. без шифра (А.Н.Савин. Дневник. Университетские дела, 1914, с.106); РГИА, ф.749, оп.7, д.500, л.26—26об.
- ⁵³Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. — М., 1972, с.31—32.
- ⁵⁴Любавский М.К. О значении переживаемого ныне исторического момента. — М., 1915, с.8.
- ⁵⁵ЦГА г.Москвы, ф.418, оп.92, д.747, л.5 об., 6.
- ⁵⁶Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1915 г. — М., 1916, с.221—228, 415; РГА г.Москвы, ф.418, оп.93, д.763, л.11—11об.
- ⁵⁷ОПИ ГИМ, ф.442, д.50, л.38; д.50, л.127.
- ⁵⁸ОР РГБ, ф.364, к.11, д.29 (Письмо Егорова Д.Н. к Любавскому М.К. от 19.VI.1916); д.28 (Письмо Любавского к гр.Игнатьеву А.Н. от 28.VI.1916).
- ⁵⁹Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете Московского университета за 1906—1915 ак. гг. — М., 1906—1916, с.7—14.
- ⁶⁰ОР РГБ, ф.364, к.11, д.15, л.9.
- ⁶¹Архив ЛОИИ, ф.29, д.1, л.2 (Сборник статей в честь М.К.Любавского. —Пг., 1917).
- ⁶²ОПИ ГИМ, ф.442, д.42, л.5.
- ⁶³РО РНБ, ф.270, д.11, л.1—4; Архив РАН (СПб.), ф.1, оп.1а, № 164, с.291.
- ⁶⁴Черепнин Л.В. И.А.Голубцов. — ученый и человек // Археографический ежегодник за 1969 год. — М., 1971, с.185.
- ⁶⁵ЦГА г.Москвы, ф.418, оп.476, д.35, л.26.
- ⁶⁶Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. — М., 1910, с.1.
- ⁶⁷Там же, с.132—133.
- ⁶⁸Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. — Пг., 1916, с.129.
- ⁶⁹Кизеветтер А.А. М.К.Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. — М., 1910 // Русская мысль, 1910, № 5, с.196.
- ⁷⁰Малиновский И. Новые труды по истории Литовско-Русского государства // ЖМНП, 1910, № 11, с.154, 159.
- ⁷¹Пашуто В.Т. Указ.соч., с.187—191.
- ⁷²Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете имп. Московского университета за 1899—1900 ак.гг. — М., 1899, с.13.
- ⁷³М.К.Любавский. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). 2-е изд. — М., 1918, с.1.
- ⁷⁴Там же, с.3—4.

⁷⁵Любавский М.К. Начальная история малорусского казачества // ЖМНП, 1895, № 7, с.217—244; *Его же*. Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше // Книга для чтения по истории средних веков/ Под ред. проф. П.Г.Виноградова. Вып.Ш. — М., 1899, с.427—447; *Его же*. Польский король Казимир Великий // Там же. с.442—470; *Его же*. Непгавские статуты Казимира Ягелловича и значение их в истории государственного развития Польши // Там же. с.471—493; *Его же*. Отзыв о сочинении А.В.Стороженко “Стефан Баторий и Днепровские казаки”, “Отчет о 48 присуждении наград гр.Уварова”. — Спб., 1908, с.1—41; *Его же*. Александр I и Польша // Отечественная война и русское общество, т.7. — М., 1912, с.88—104; *Его же*. Царство Польское и его конституция // Книга для чтения по истории нового времени, т.Ш. — М., 1912, с.687—710.

⁷⁶Любавский М.К. История западных славян, с.23.

⁷⁷Там же, с.24—25.

⁷⁸Там же, с.41, 44—47.

⁷⁹Там же, с.67.

⁸⁰Там же, с.92, 94, 106.

⁸¹Там же, с.123.

⁸²Там же, с.138.

⁸³Там же, с.142.

⁸⁴Там же, с.149.

⁸⁵Там же, с.208.

⁸⁶Там же, с.228—240.

⁸⁷Пичета В.И. и Шустер У.А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. — М.; Л., 1942, с.226.

⁸⁸Любавский М.К. История западных славян, с.247, 250, 268, 251, 270.

⁸⁹Там же, с.310.

⁹⁰Там же, с.316.

⁹¹Там же, с.385.

⁹²Там же, с.397.

⁹³Историография истории СССР. 2-е изд. — М., 1971, с.310.

⁹⁴Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. — М., 1915 (Второе и третье издания этого курса вышли в 1916 и 1918 гг.); Любавский М.К. Русская история XVII и первой четверти XVIII вв. Курс, читанный в весеннем семестре 1911 г. — М., 1911; Любавский М.К. Русская история XVIII века (По запискам слушателей). — М., 1913.

⁹⁵Любавский М.К. Лекции..., с. 65, 70, 73, 74, 81, 85, 88, 90—95, 101—103, 111—123, 146, 151—152, 164—171, 182—183, 217—220, 237, 255, 260—278.

⁹⁶ОР РГБ, ф.263, д. без шифра (Савин А.И. Университетские дела. 1916г.), с.255.

⁹⁷ОПИ ГИМ, ф.442, д.4, л.225об.

⁹⁸Там же, с.337.

⁹⁹Там же, л.252, 325.

¹⁰⁰ЦГА г.Москвы, ф.418, оп.95, д.926, л.1 об., 13.

¹⁰¹ОР РГБ, ф.585, оп.2, д.1196, л.30.

- ¹⁰²Любавский М.К. Основные моменты истории Белоруссии (доклад, читанный на I заседании Белорусского научно-культурного общества). — М., 1918, с.23.
- ¹⁰³ГАРФ, ф.2306, оп.18, ед.хр.28.
- ¹⁰⁴Архив МГУ, ф.18, оп.1, д.14, л.11; д.10, л.33.
- ¹⁰⁵Там же, д.12, л.85—85об.
- ¹⁰⁶Там же, д.7, л.14.
- ¹⁰⁷Там же, ф.18, оп.1, д.8, л.6.
- ¹⁰⁸Там же, ф.16, оп.1, д.15, л.4—5.
- ¹⁰⁹Федюкин С.А. Указ соч., с.325—326.
- ¹¹⁰ОР РГБ, ф.364, оп.1, д.13, л.2,3.
- ¹¹¹Там же, д.39, л.11.
- ¹¹²Там же, л.30.
- ¹¹³Там же, ф.203, оп.43, л.222, 224—225об., 229об.
- ¹¹⁴Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского гос. университета за 1925—1926 гг. — М., 1927, с.343.
- ¹¹⁵ОР РГБ, ф.203, п.48, л.52, 226об., 362.
- ¹¹⁶ОПИ ГИМ, ф.442, д.37, л.37.
- ¹¹⁷ГАРФ, ф.5325, оп.1, д.39, л.6—6об.
- ¹¹⁸Там же, оп.4, д.3, л.3—6.
- ¹¹⁹ОР РГБ, ф.364, к.11, д.22; Специально о деятельности М.К.Любавского в архивных органах РСФСР см.: Карев Д.В. Участие академика М.К.Любавского в советском архивном строительстве // Сов.архивы, 1978, № 2, с.31—34.
- ¹²⁰ГАРФ, ф.5325, оп.4, д.112, л.8—14.
- ¹²¹Там же, оп.5, д.100, л.2—2 об.
- ¹²²Там же, ф.5325, оп.1, д.37, л.9, 12—13.
- ¹²³Архивное дело, вып.2. — М.; Л., 1925, с.129—130.
- ¹²⁴ГАРФ, ф.4360, оп.1, д.4, л.17—25.
- ¹²⁵Там же, ф.5325, оп.2, д.42, л.1—1об.; д.170, л.1, 2, 13—15, 28, 29, 123об. — 124.
- ¹²⁶Максаков В.В. Архивное дело в первые годы Советской власти. — М., 1959, с.62.
- ¹²⁷Архивное дело, вып.2, с.130; Бюллетень Центрархива РСФСР, 1925—1927. — М., 1927, с.130.
- ¹²⁸ГАРФ, ф.532, оп.5, д.14, л.66; оп.7, д.174.
- ¹²⁹См.: Карев Д.В. Указ соч., с.38—41.
- ¹³⁰РГАДА, ф.184, оп.2, д.109, л.2.
- ¹³¹Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. Вып.2. — М., 1921, с.6, 36; ОР ГБЛ, ф.364, к.11, д.9, л.1—6.
- ¹³²Архивное дело, вып.1. — М.; Пг., 1923, с.120—130.
- ¹³³ОР РГБ, ф.364, к.11, д.11, 12; Архив МГУ, ф.18, оп.1, д.98, л.53; Архивное дело, вып.Х. — М., 1927, с.28. Специально о нем см.: Карев Д.В. История отечественного архивоведения в творческом наследии академика М.К.Любавского // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980, с.89—90.

¹³⁴Архив РАН (Спб.), ф.2, оп.17, д.166, л.1—2.

¹³⁵Там же, л.41, 43.

¹³⁶См. об этом: *Брачев В.С.* “Дело” академика С.Ф.Платонова // *ВИ*, 1989, № 5, с.117—129.

¹³⁷Цит. по тексту, приводимому в статье: *Дегтярев А.* Неотправленное письмо // *Советская культура*, 1990, 1 сентября, с.15.

¹³⁸Там же.

¹³⁹Научный архив БВ РАН, ф.3, оп.5, д.1, л.12; д.2, л.16 об.; ЦГА Республики Башкортостан, ф. — р.798, оп.1, д.2626.

¹⁴⁰ОР РГБ, ф.364, к.8, д.2.

¹⁴¹Семейный архив В.М. и Г.В.Ливановых.

¹⁴²Там же.

¹⁴³См. об этом: *Покшишевский В.В.* География населения. — М., 1979, с.15—16 и др.; *Дулов А.В.* Дореволюционные русские историки о роли географической среды в истории России (период феодализма) // *Сибирский исторический сборник*. Вып.Ш. — Иркутск. 1975, с.45—68.

¹⁴⁴*Середонин С.М.* Историческая география. Лекции, читанные в С.-Петербургском Археологическом институте и стенографически записанные. — Спб., 1906—1909, с.5.

¹⁴⁵См.: *Майков Л.Н.* Заметки по географии Древней Руси. — М., 1974, с.17—18.

¹⁴⁶*Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. — М., 1909, с.12.

¹⁴⁷Там же, с.78.

¹⁴⁸Там же.

¹⁴⁹*Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. 4-е изд. — Спб., 1905, с.148, 139; *Любавский М.К.* Историческая география России..., с.11—12.

¹⁵⁰*Любавский М.К.* Историческая география России..., с.68, 177—178, 205, 235, 275, 289, 295 и др.

¹⁵¹Там же, с.131 и др.

¹⁵²Там же, с.38, 39, 91, 120, 124.

¹⁵³Там же, с.125.

¹⁵⁴Там же, с.74. (Эта точка зрения принята и авторами учебника “Историческая география СССР”. — М., 1973.)

¹⁵⁵Там же, с.85.

¹⁵⁶*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т.I. — М., 1959, с.61; *Ключевский В.А.* Сочинения, т.I. — М., 1956, с.62.

¹⁵⁷*Любавский М.К.* Историческая география России..., с.86.

¹⁵⁸Там же, с.97—98.

¹⁵⁹Наиболее явственно она прозвучала в работах А.Е.Преснякова (см.: *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. — Спб., 1909, с.155, 156—157, 215, 219, 293, 294; *Он же.* Лекции по русской истории, т.1: Киевская Русь. — М., 1938, с.9, 137).

¹⁶⁰*Любавский М.К.* Историческая география России..., с.131.

¹⁶¹Там же, с.141, 143, 144.

- ¹⁶²Там же, с.145, 151, 153—155.
- ¹⁶³Там же, с.157, 162.
- ¹⁶⁴Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. — Пг., 1915, с.143; РГАЛИ, ф.449, оп.1, д.34, л.34.
- ¹⁶⁵Любавский М.К. Историческая география России..., с.163, 165, 166, 184.
- ¹⁶⁶Там же, с.177—178.
- ¹⁶⁷Там же, с.184.
- ¹⁶⁸Там же, с.178, 179, 187, 190.
- ¹⁶⁹Там же, с.209, 210, 237.
- ¹⁷⁰Там же, с.234.
- ¹⁷¹Там же, с.217.
- ¹⁷²Там же, с.255.
- ¹⁷³Там же, с.264.
- ¹⁷⁴Там же, с.288.
- ¹⁷⁵Там же, с.279—280.
- ¹⁷⁶Там же, с.282.
- ¹⁷⁷Багалея Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. — М., 1887, с.131.
- ¹⁷⁸Любавский М.К. Историческая география России..., с.321, 341.
- ¹⁷⁹Там же, с.296, 148—203, 301, 324 и др.
- ¹⁸⁰Там же, с.325—331, 338.
- ¹⁸¹Там же, с.342—361.
- ¹⁸²Там же, с.303, 316, 342.
- ¹⁸³Там же, с.364—365, 377—379.
- ¹⁸⁴Преображенский П.А. Рец.: Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода // Вопросы истории, 1972, № 9, с.170—173; Колесников А.Д. С.В.Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1973, с.177—178.
- ¹⁸⁵ОР РГБ, ф.364, д.4, л.9, 10.
- ¹⁸⁶Там же, д.4.
- ¹⁸⁷Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского государственного университета за 1925—1926 гг. — М., 1927, с.343; ОР ГБЛ, ф.203, п.48, л.226—229, 281—282.
- ¹⁸⁸Труды Института истории, т.1,3,7.— М., 1926, 1929, 1928.
- ¹⁸⁹Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. Вып.2. — М., 1921, с.6; ОР РГБ, ф.364, к.11, 9, л.1—6.
- ¹⁹⁰Архив МГУ, ф.16, оп.111, д.121, л.2; ф.18, оп.1, д.97, л.1об.
- ¹⁹¹Любавский М.К. Наступление на степь. — М., 1918, с.3—4.
- ¹⁹²РО РНБ, ф.585, оп.2, д.96 (письмо С.Ф.Платонову от 23 июля 1918 г.).
- ¹⁹³ОР РГБ, ф.261, к.1, д.29, л.2.
- ¹⁹⁴Там же, д.22, л.2 об.
- ¹⁹⁵Там же, д.16, л.1—96.
- ¹⁹⁶ОР РГБ, ф.364, к.2, л.1, 2а—6а, 7а, 8—10.

- ¹⁹⁷Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра, ч.1. — Л., 1929.
- ¹⁹⁸Труды Института истории. — М., 1926, с.537.
- ¹⁹⁹Ученые записки Института истории. Т.Ш. — М., 1927, с.391.
- ²⁰⁰Там же, т.IV. — М., 1929, с.221.
- ²⁰¹Архив МГУ, ф.18, оп.1, д.96, л.47.
- ²⁰²Ученые записки Института истории. Т.7. — М., 1928, с.162.
- ²⁰³Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. — Пг., 1918, с.458.
- ²⁰⁴Очерки истории исторической науки в СССР, т.IV. — М., 1966, с.314.
- ²⁰⁵Любавский М.К. Образование..., с.2.
- ²⁰⁶Там же.
- ²⁰⁷Там же.
- ²⁰⁸Там же.
- ²⁰⁹Там же, с.5, 13, 16 и др.
- ²¹⁰Там же, с.5.
- ²¹¹Там же, с.8.
- ²¹²Там же, с.12.
- ²¹³Там же, с.13, 16, 17, 30.
- ²¹⁴Там же, с.13.
- ²¹⁵Ключевский В.О. Соч., т.1. — М., 1959, с.338, 374.
- ²¹⁶Нечкина М.В. В.О.Ключевский. История жизни и творчества. — М., 1974, с.482, 483.
- ²¹⁷Любавский М.К. Историческая география..., с.153, 154, 155.
- ²¹⁸Любавский М.К. Образование..., с.38.
- ²¹⁹Там же, с.39, 49, 53.
- ²²⁰Там же, с.80.
- ²²¹Там же, с.83.
- ²²²Там же, с.88.
- ²²³Там же, с.104.
- ²²⁴Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси. — М., 1960, с.107.
- ²²⁵Юшко А.А. Историческая география Московской земли. XII—XIV вв.: Дис... канд. ист. наук. — М., 1973, с.8.
- ²²⁶Черепнин Л.В. Образование..., с.106.
- ²²⁷ОР РГБ, ф.364, к.1, д.4, л.1—153.
- ²²⁸Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. — М., 1883, с.2, 3, 13.
- ²²⁹ОР РГБ, ф.364, к.4, д.4, л.2об.
- ²³⁰Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. — М., 1807—1815, с.1—6; Зверинский В.В. Монастыри, закрытые до царствования Екатерины II. — Спб., 1897; Кеппен П.И. Об этнографической карте Европейской России Петра Кепшена. 2-е изд. — Спб., 1859; Неволин К.А. О пятинах Новгородской земли // Неволин К.А. Полн.собр.соч., т.6., — Спб., 1859; Спицин А.А. Историко-археологические разыскания. — Б.м., б.г.; Уваров А.С. Меряне и их быт по кур-

ганным раскопкам. — М., 1815; *Тихомиров Н.П.* Галицкая митрополия. — Спб., 1896.

²³¹ОР РГБ, ф.364, к.4, д.4, л.2а.

²³²Там же, л.3а.

²³³Там же, л.1—31.

²³⁴Там же, л.1—5, 8, 29.

²³⁵Там же, л.5—6.

²³⁶Там же, л.30—31.

²³⁷*Шаниро А.Л.* Русская историография периода империализма. — Л., 1962, с.57.

²³⁸ОР РГБ, ф.364, к.4, д.4, л.41.

²³⁹Там же.

²⁴⁰Там же, л.43—44.

²⁴¹Там же, л.60—63.

²⁴²Там же, л.86.

²⁴³Там же, л.94, 99, 108.

²⁴⁴Там же, л.108—109.

²⁴⁵Там же, л.111—125.

²⁴⁶Там же, л.112, 122об.

²⁴⁷Там же, л.127об.

²⁴⁸Там же.

²⁴⁹Там же, д.1, л.148.

²⁵⁰*Бернадский В.Н.* Новгород и новгородская земля в XV в. — М.; Л., 1961; *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. — Л., 1955; *Кафенгауз Б.Б.* Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. — М., 1960; *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. — М., 1975; с.144—201; *Подвигина Н.Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. — М., 1978; *Орлов С.Н.* Топография Новгорода Великого: Автореф. дис... д.и.н. — Л., 1967 (ЛГУ им.А.А.Жданова. Истфак); *Шаскольский И.П.* Этническая структура Новгородского государства // Восточная Европа в древности и средневековье. — М., 1978, с.32—39; *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV—XVII вв. Л., 1980; и др.

²⁵¹ОР РГБ, ф.364, к.3, д.3, к.4, ед.хр.2.

²⁵²ДГАОИ, ф.449, оп.1, д.34, д.34, л.31об.

²⁵³ОР РГБ, ф.364, к.3, д.2, л.7.

²⁵⁴*Пионтковский С.А.* Буржуазная историческая наука в России. — М., 1931, с.19.

²⁵⁵*Милюков П.Н.* Очерки истории русской культуры. 4-е изд. — Спб., 1905.

²⁵⁶ОР РГБ, ф.364, к.3, д.2, л.11.

²⁵⁷Там же.

²⁵⁸Там же.

²⁵⁹Там же, д.4, л.2—18.

²⁶⁰Там же, к.4, д.2, л.1—15.

²⁶¹Там же, л.175—212.

²⁶²Там же, л.245—250.

²⁶³Там же, д.75, л.104—168.

²⁶⁴Там же, д.11, л.131.

²⁶⁵Там же, л.160.

²⁶⁶Там же, д.2, л.348—389.

²⁶⁷Там же, л.390—401.

²⁶⁸Там же, л.398.

²⁶⁹Там же, л.402—414.

²⁷⁰Там же, л.414.

²⁷¹Там же, л.415.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во главе угла истории русского народа стоит его территориальная экспансия — расселение по обширным пространствам Восточной Европы и северной Азии, частью пустовавшим, а частью уже занятым раньше другими народностями, которые вынуждались вследствие этого жить совместно с пришельцами, а по временам уходить от них на новые места. Расселение это наполняет собою всю русскую дореволюционную историю. Начавшись в отдаленные времена общеславянского расселения в Средней Европе, оно продолжалось во все последующие века, до XIX в. включительно, оказывая самое решительное влияние на народнохозяйственную жизнь, политическое устройство и культурное развитие страны. Справедливо поэтому положение, выставленное видными русскими историками второй половины XIX и начала XX века, что русская история есть в сущности история непрерывно колонизирующей страны.

Русская историография потратила немало трудов и усилий на освещение этого процесса в исследованиях, посвященных начальным временам русской колонизации (труды Надеждина, Барсова, Грушевского, Середонина), заселению Великоорусского центра (труды Корсакова, Любавского и Готье), заселению Новгородского края (труды Огородникова и Богословского), степной окраины Московского государства (труды Багалея, Миклашевского и Соколовского), Польско-Литовской окраины (труды Владимирского-Буданова, Грушевского, Клепацкого и Яблоновского), Поволжья (труды Перетятковича и Фирсова), Новороссии (Скальковского, Багалея, Яблоновского), Сибири (Буцинского, Огородникова, Бахрушина) и других областей; высказала немало общих суждений о ходе этого процесса (Ешевский, Щапов, Бестужев-Рюмин). Но до сих пор в русской исторической литературе нет труда, который так или иначе сводил бы воедино все частные исследования по истории колонизации. Правда, опыт в этом направлении был сделан в первой части “Очерков по истории русской культуры” Милюкова, где дано схематическое изложение хода русской колонизации.

Но такое изложение, имея характер простой необходимой справки, совершенно не удовлетворяет научным запросам, связанным с историей русской колонизации, — в частности, не разъясняет, какие причины заставляли русский народ, обладавший просторной сравнительно со своей численностью территорией, занимать все новые и новые места, расширяя эту территорию, раскидываясь по ней редкими и большей частью малолюдными поселками. Для уяснения всего этого необходимы известные детали, известные подробности о природных свойствах и ресурсах как заселенных, так и заселявшихся русским народом земель, о хозяйственном быте колонизаторов, о прежнем населении колонизируемых земель, его быте и отношениях с соседями. Эти соображения и заставили автора настоящего обзора предпринять новую попытку общего, но более детального изложения истории русской колонизации на основании частных исследований ее с учетом изложенных научных запросов. Обзор хода русской колонизации в целом должен придать новое освещение русскому историческому процессу и внести существенные дополнения в научную концепцию русской истории.

Изложение истории русской колонизации в предлагаемом обзоре не выдержано одинаково равномерно во всех частях, отчасти по состоянию источников и литературы, отчасти по существу дела. С наибольшей подробностью автор, естественно, останавливался на таких участках этой истории, которые наилучше обследованы или наиболее характерны и типичны, считая, что при таких условиях и весь процесс получит достаточное научное освещение. Что касается фактического материала, то автор преимущественное внимание уделял тем русским селениям, которые были древнейшими на занимаемых территориях, первыми вежами, намечавшими пути к дальнейшему заселению этих территорий. Его обзор, таким образом, является обзором главным образом внешней колонизации, создававшей русскую государственную территорию. Не уснащая свой обзор частыми ссылками и примечаниями, автор считал долгом в конце каждой главы приложить указания на те научные труды, которые дали материал для ее построения, на тот случай, если бы понадобилось проверить утвержденные выводы автора или подвергнуть тот или другой вопрос более широкому и глубокому изучению. В качестве необходимого наглядного пособия при чтении настоящей книги прилагается несколько карт, назначение которых — иллюстрировать текст, насколько позволяет их масштаб. Автор будет считать свою задачу выполненной, если его книге удастся оживить интерес к тому процессу русской жизни, который в общих рамках научного изложения русской истории должен по справедливости занимать одно из первых мест.

М.Любавский

I. ДРЕВНЕЙШИЕ ОБИТАТЕЛИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Территория Восточной Европы, в которой родился и вырос русский народ, является давнишним жилищем людей. Древнейшие следы пребывания человека в Восточной Европе найдены в так называемых делювиальных пластах, образовавшихся в отдаленную от нашего времени и современных климатических условий геологическую эпоху. В эту эпоху громадные ледники покрывали Среднюю и Восточную Европу. Накопляясь, они сползали от собственной тяжести к морям, отрывали и перетирали залегавшие под ними каменные породы и, подтаивая, образовывали мощные потоки, которые сносили к морям, перетирали дальше и перемывали продукты разрушения камней — лёсс, глину, песок, гравий, гальку, валуны и т.д. Глубокие и широкие речные долины нынешней Европейской России — вымываны этих мощных потоков, устремлявшихся по покатолям к морям. Человек жил в это время к югу и юго-востоку от ледников, в окружении исчезнувших теперь и отчасти существующих животных, на которых он охотился, — мамонтов, носорогов, пещерных медведей, гиен, львов, волка-собака, северных оленей. Кости этих животных вместе с костями человека, грубо отесанными каменными орудиями, костяными поделками и кусочками угля найдены в разных местах Украины, в бывших губерниях Киевской, Полтавской, Черниговской, Волынской, Подольской, Екатеринославской, в губерниях Воронежской и южной части Владимирской и в пещерах Крыма. Местонахождения названных предметов считаются археологами *стоянками* первобытных людей. Подобные же предметы найдены были и в Западной Европе, из чего следует, что эпоха первобытной культуры была когда-то общая для всей Европы. Эпоху эту по преобладанию в стоянках грубо отесанных каменных орудий — молотов, топоров, ножей, наконечников копий или стрел — принято называть *палеолитической*, или древнекаменной. Наряду с этими древнейшими остатками человеческой жизни на территории Восточной Европы частью в делювиальных слоях, частью в аллювиальных найдены

были в разных местах остатки, характеризующие дальнейшее развитие жизни, — каменные орудия, отделанные искуснее и изящнее, чем палеолиты, костяные и роговые изделия, осколки глиняной посуды, плохо обожженной, кости нынешних домашних и диких животных — лошадей, кур, свиней, овец и коз, тулени и северного оленя, лося, кабана, медведя и домашней собаки и др. Предметы эти были найдены в пещерах и землянках, служивших, очевидно, жилищами людей, и в местах погребений, также главным образом на юге Восточной Европы, но отчасти и на севере (находки проф. Иностранцева на побережье Ладожского озера). Культуру, характеризующую перечисленными предметами, принято называть *неолитической*. Культура эта в Восточной Европе так же, как и в Западной, исподволь перешла в металлическую. На это указывает нахождение в обстановке неолитической культуры изделий из чистой меди и бронзы. Последняя стадия доисторической культуры характеризуется уже железными изделиями, найденными при раскопках полей погребения на юге Восточной Европы. Поля погребения — это обширные могильники без насыпей, расположенные на возвышенных плато или на склонах. На них на известной глубине находятся костяки, или урны с пережженными костями, а вокруг разбросаны стеклянные бусы, подвески из морских раковин с продетыми бронзовыми кольцами, бронзовые фибулы, пряжки, пластинки, шила, железные ножи и серпы, глиняные, а иногда стеклянные сосуды, серебряные и золотые украшения.

Вся эта смена культур осуществлялась в Восточной Европе в течение тысячелетий, и за все это время Восточная Европа была обитаема людьми. Естественно возникает вопрос, была ли эта смена результатом жизни одного и того же населения или же она стояла в связи со сменой самого населения. Антропологи, наблюдавшие черепа, найденные при археологических раскопках, высказали в свое время мнение, что палеолитическая и неолитическая культуры принадлежат населению, преимущественно длинноголовому, тогда как погребения, относящиеся ко времени металлической культуры, открывают перед нами существование в Восточной Европе нового короткоголового типа наряду с прежним длинноголовым. На этом основании ученые сначала склонны были предполагать, что каменная культура принадлежала в Европе особой, теперь исчезнувшей, первобытной расе, тогда как металлическая культура принадлежала короткоголовым арийцам, расселившимся в Европе и оттеснившим прежнюю первобытную расу. Но в настоящее время уже дознано, что короткоголовость не является устойчивым признаком арийцев. Народы индоевропейской семьи имеют смешанный тип, и это смешение встречается у одного и того же народа; так, например, северные германцы — длинноголовые, южные — короткоголовые; те же различия наблюдаются и у славян. Эти наблюдения, разрушая прежние предположения о смене культур в зависимости от смены населения Восточ-

ной Европы, однако, не дают возможности твердо установить, что смена культур была здесь только эволюцией жизни одного и того же населения. Дело в том, что как только проясняется мрак времен и доисторические времена сменяются историческими, Восточная Европа оказывается населенной народами все-таки разных рас, и при том меняющимися и наслаивающимися один на другой. При таких условиях приходится пока отказываться от этнографических приурочений доисторических культур, от установления прямой преемственной связи между народами, жившими в историческое время, с народами доисторической эпохи. Конкретное историческое повествование о древнейших обитателях Восточной Европы приходится все-таки начинать с определенных свидетельств о народностях, населявших Восточную Европу. Первые определенные свидетельства на этот счет имеются от V в. до Р.Х.

Задолго перед тем греки, увлекаемые торговой предприимчивостью, основали целый ряд колоний по северным берегам Понта Евксинского и Меотиды, т.е. Черного и Азовского морей. Наиболее значительными из этих колоний были *Тира* на Днестровском лимане, где ныне Аккерман, *Ольвия* на лимане Гипаниса, т.е. Буга, *Херсонес* на южном берегу Таврического полуострова, *Пантикапей* (ныне Керчь) на западном берегу Босфора Киммерийского, *Танаис* на низовьях Дона, *Фанагория* (позднее византийская Таматарха, русская Тмутаракань) на восточном берегу Босфора Киммерийского (Керченского пролива). Поселившиеся в этих колониях греки завязали оживленную торговлю с соседними степными варварами, покупая у них скот, кожи, шерсть, хлеб, меха, воск, мед и рабов и сбывая им ткани, вино, оливковое масло и различные предметы искусства и роскоши. Кроме торговли ловля рыбы и заготовление ее впрок разными способами составляли один из важнейших промыслов этих греков. Торговые сношения сблизили греков с варварами, которые не только наездом посещали греческие города, но и оставались в них на житье, научались греческому языку и усваивали греческие обычаи. При таких условиях греки должны были хорошо знать этих варваров и их житье-бытье. В V веке до Р.Х. одну из греческих колоний — именно Ольвию — посетил “отец истории” Геродот, прожил в ней довольно долгое время и, наслушавшись здесь от своих современников рассказов о варварах, припомнив то, что писалось раньше его об этих краях (напр., поэтом VII в. Аристеем), составил этнографическое описание Восточной Европы, помещенное им в IV книге его “Истории”.

Все пространство земель к северу от Понта Евксинского между *Истром* (Дунаем) и *Танаисом* (Доном) на двадцать дней пути к северу Геродот называет страной скифов. Скифы жили раньше в Азии, а затем, теснимые *массагетами*, перешли р. *Аксарт* (Сыр-Дарью), вторглись в землю *киммерийцев*, которые ушли в Малую Азию, оставив следы в Восточной Европе в

названиях Босфора Киммерийского, Киммерийских стен, бродов, Киммерийской могилы на Тирасе (Днестре). Земля скифов, пишет Геродот, представляя равнину, изобилует травой и хорошо орошена; на ней протекают реки: пятиуственный *Истр* (Дунай), за ним *Тирас* (Днестр), *Гипанис*, *Борисфен* (Днепр), *Пантикап*, *Ипакирь*, *Герр*, *Танаис*. Река Борисфен — самая прибыльная: доставляет стадам прекраснейшие и очень питательные пастбища, превосходные луга, рыбу в огромном количестве; вода ее очень приятна на вкус и отличается чистотой среди мутных рек Скифии; вдоль нее тянется превосходная пахотная земля или растет очень высокая трава там, где почва не засеивается; в устье ее сама собою залегают соли; в ней ловятся для соления большие рыбы без позвоночника, называемые осетрами. Страна скифов, по словам Геродота, производит хлеб, чечевицу, лук, чеснок, коноплю; из животных водятся в ней лошади, быки, ослы, кабаны, олени, зайцы, козы и пчелы. В общем, таким образом, Геродотова Скифия охватывает степную и, вероятно, лесостепную часть бассейнов Днестра, Буга, Днепра и Дона. “Численность скифов, — пишет Геродот, — я не мог узнать с точностью, но слышал два разных суждения: по одному их очень много; по другому, скифов собственно — мало, а кроме них живут и другие народы”. Сообразно с этим Геродот называет скифами то все племена, живущие в Скифии, то один только народ, который господствовал над всеми другими. И характеристика образа жизни скифов выходит у Геродота разная. С одной стороны, он говорит о скифах-пахарях, которые живут плодами своего земледелия и торгуют хлебом; с другой стороны, говорит о бедности и бездомности скифов, о том, что у них нет ни городов, ни укреплений, что они со своими семействами передвигаются на телегах, что все они — конные стрелки из лука и пропитание получают от скотоводства, а не от земледелия, употребляют в пищу мясо, кобылье молоко, масло, творог и особый напиток вроде кумыса. В частности, Геродот сообщает о народах Скифии следующее: ближайšie к Ольвии местности по Гипанису (Бугу) занимали *каллипиды*, а севернее их *алазоны* — народы оседлые и земледельческие, а еще севернее до самого истока Гипаниса — скифы-пахари. Каллипидов Геродот называет эллинскими скифами, отмечая этим культурное влияние греков на скифов и, быть может, этнографическое их слияние (позже их звали полуэллинами). По берегам Борисфена, выше лесистой местности Гилен на низовьях Борисфена, до реки Пантикапа на востоке жили также земледельцы, которых греки называли *борисфенитами*. За рекою Пантикапом начинались земли кочевых скифов — пастухов не сеющих и не папущих, на прострaнстве в 14 дней от запада к востоку до р. Герра (по-видимому, Донец). Далее за Герром жили царские скифы, храбрейший и многолюднейший народ, который считал всех прочих своими рабами, их земля простиралась до Танаиса, за которым на востоке жили савроматы, и до Таврической земли.

Савроматы занимали пространство на 15 дней пути к северу; во всей их земле нет ни диких, ни плодовых деревьев. Все эти народы говорили на разных языках, вследствие чего для сношения с крайним восточным народом — агриппиями скифы и эллины пользовались семью переводчиками и столькими же языками.

Таковы сообщения Геродота о населении Скифии. Из этих сообщений выносится впечатление, что имя Скифии во время Геродота было уже чисто географическим термином, что Скифия была населена в сущности разными народами, различной культуры, которые все назывались скифами, как обитатели Скифии, подобно тому, как назывались русскими разные народности, жившие в России. Это впечатление усугубляется сообщениями других писателей о населении Скифии. Современник Геродота врач Гиппократ в своей книге “О воздухе, водах и местностях” говорит, что скифы pochodят только на самих себя: цвет кожи их желтый, тело тучное и мясистое; они безбороды, что уподобляет их женщинам. Очевидно, что среди скифов были и монгольские племена.

Итак, скифы, населявшие Восточную Европу за пять веков до Р.Х., были не одним каким-либо народом, а конгломератом народов, называвшихся скифами не по происхождению, а по подчинению господствующему племени. Племя это было несомненно иранского происхождения, как об этом можно заключить по сохранившимся в собственных именах остаткам скифского языка. Уже Шафарик в своих “Славянских древностях” писал: “Даже при поверхностном знании языков зендского, мидийского и персидского замечается ясное и разительное сходство скифских слов с языком зендским и мидийским”. Между прочим Шафарик указывал на окончание *haís* в приводимых Геродотом личных именах скифских царей, которое аналогично с зендским *kšies*, с новоперсидским *šah*, на окончание *peites* в тех же именах, которое равняется зендскому *paítis*, и т.д. Позднейшие исследования К.Цейса, К.Мюллентофа, В.Томашека и В.Ф.Миллера над именами скифских царей и божеств вполне подтверждают эти первоначальные наблюдения и приводят к выводу, что скифы, если не все, то, по крайней мере, господствующие племена, были иранского происхождения. С этими выводами филологов совпадают и некоторые известия о родстве скифов с иранцами, идущие от древних писателей. Сам Геродот роднит скифов с савроматами, жившими за Доном, позднейшими сарматами. Но сарматов Диодор Сицилийский называет выходцами из Мидии; Плиний считает их также ветвью мидян, Аммиан Марцеллин считает самих скифов единоплеменниками персов. Все эти сообщения выходили из наблюдений над родством языков названных народов и потому заслуживают принятия.

Здесь сам собою вытекает вопрос, не было ли среди народов Скифии славян. Ряд русских ученых отвечал на вопрос утвердительно и, принимая

скифов за одну народность, просто отождествлял скифов и славян, основываясь на разных названиях, личных именах и на чертах быта Скифии, как он описывался Геродотом. Так, Забелин в своей “Истории русской жизни” указывал, что имена скифских рек, передаваемые Геродотом, звучат совершенно по-славянски. *Борисфен*, по догадке Забелина, испорченное греками имя Березины, как, вероятно, назывался в старину Днепр (теперь это название удержалось за его верхним притоком, принимавшимся прежде за его верхнее течение); *Тирас*, очевидно, испорченное греками Стрый, как и называется теперь один из притоков Днестра; *Истр* и *Пората* (Прут) — несомненно имена славянские. Забелин усматривал славянство и в самоназвании скифов, приводимом Геродотом: сколоты. Это-де то же, что позднейшие склавы греко-римских писателей, саклаб, секалиб, сиклаб — арабов. Аналогия быта скифов с бытом позднейшего приднепровского славянства также склоняет Забелина к мысли о тождестве скифов со славянами: то же самое занятие земледелием в среднем Приднепровье, те же морские набеги на берега Малой Азии. Легко видеть, как шатка вся аргументация, основанная на рискованных филологических сближениях или на аналогиях быта, которые могли проистекать вовсе и не из родства племен, а из одинаковых условий жизни Юго-Восточной Европы. Между тем в гипотезе Забелина не объясняется, почему же при исконно-славянском населении нашего юга исчезли якобы старые славянские имена рек: Борисфен, Тирас, Истр и заменились новыми: Днепр, Днестр, Дунай. Самоквасов в своих “Исследованиях и лекциях по истории русского права” также признавал тождество скифов и славян, основываясь на толковании личных имен скифов, сходстве их быта, верований и юридических обычаев с позднейшими славянскими и на том, что греко-римские писатели называли восточных славян обычно скифами, а их страну Скифией. Но сближение скифских имен со славянскими у Самоквасова отличается еще большей произвольностью, чем у Забелина. Указание на сходство верований и некоторых юридических обычаев не является доказательством неперемennого тождества скифов и славян. Ведь с подобными же верованиями (культ огня, неба, земли, солнца, луны и т. д.) и обычаями (сожжения покойников с женой, рабами, домашним скотом и скарбом) приходится встречаться и у других народов, напр. у германцев, а не одних славян. Что касается наименования славян у греко-римских писателей скифами, то это наименование было в употреблении по простой книжной традиции. По этой традиции установилось за югом Восточной Европы имя Скифии, вследствие чего и ее обитатели именовались скифами.

Итак, нет оснований отождествлять известных нам скифов со славянами. Это не значит, конечно, что славян вообще не было в Восточной Европе в скифскую эпоху. Они могли быть и, по некоторым основаниям, о кото-

рых речь будет впереди, были в Восточной Европе, но только вне скифского конгломерата, хотя и в непосредственном с ним соседстве.

Господство скифов в степных пространствах Восточной Европы заменилось с течением времени господством сарматов, вследствие чего и Восточная Европа получила у греков и римлян имя *Сарматии*, которое держалось в книжной традиции так же долго, как и имя Скифии.

Сарматы, или савроматы, во времена Геродота кочевавшие где-то за Доном. в IV веке до Р.Х. по свидетельству Скилакса, продвинулись на запад и жили уже по обеим сторонам Дона. В конце I века до Р.Х. и в начале I века после Р.Х., по известиям римских и греческих писателей Страбона. Овидия и Диона Хризостома, сарматы выступают уже как главное племя на всем протяжении от Меотиды до Истра, а Диодор Сицилийский поясняет, что сарматы, выведенные скифами из Мидии, со временем размножились, опустошили и обратили в пустыню большую часть Скифии и прогнали ее население. Но, как видно из показаний Страбона и других писателей того же времени, прежнее население Скифии не исчезло под сарматским натиском, а стало жить вместе и вперемешку с сарматами.

Новые племена, нахлынувшие в южные степи Восточной Европы, по словам римского писателя Страбона, в большинстве были кочевниками и только кое-где около Истра и Меотиды занимались земледелием. Они жили в войлочных кибитках, перевозимых на телегах, и переходили со своими стадами с места на место. Народ это был воинственный, славившийся умением вести войну на конях. Их всадники имели шлемы и панцыри — кожаные и металлические; в битве употребляли копья, луки и мечи. Изображения сарматов на римских барельефах колонны Марка Аврелия и на керченских фресках вполне подтверждают эти сообщения: варварские всадники имеют здесь на себе или короткие кифары, или длинные, ниже колен, халаты с нашитыми на них твердыми пластинками. Говоря о наружности сарматов, античные писатели отмечают, что сарматы отличались длинными рыжеватыми волосами, вид имели суровый и дикий, одежда их имела полное сходство с персидской.

В половине I века по Р.Х. господствовавшая на правом берегу Днепра сарматская орда *языгов* передвинулась на запад и заняла земли между Дунаем и Тиссой. После ухода языгов господствующим племенем в южных степях Восточной Европы стало другое сарматское племя — *роксоланы*, т.е. белые аланы. Во втором веке за кочевниками наших степей утверждается имя алан, которое вытеснило собою из употребления прежнее имя сарматов. Но название Сарматия остается за Восточной Европой. В конце II и начале III в. на Черноморье проникают с севера германские племена готов и герулов. Готы заняли земли по Днепру и далее на запад до Дуная и предгорий Карпат, разделившись на восточных — остготов, иначе грейтунгов, и

западных — визиготов, иначе тервингов; герулы распространились восточнее — над Меотидой и частью в Крыму. Под давлением готов аланы ушли в придонские и в предкавказские степи; кроме того, по-видимому, часть их была покорена готами и вошла в состав Готской державы.

К какой же ветви народов относили сарматов древние писатели? Плиний говорит, что по слухам сарматы родственны мидянам. Диодор Сицилийский прямо утверждает, что сарматы были выведены скифами из Мидии. Как же можно отнестись к этим утверждениям древних писателей? Здесь необходимо принять во внимание два факта. С одной стороны, римляне и, в особенности, греки хорошо знали персов вследствие давнишних мирных отношений и военных столкновений с персами. С другой стороны, должны они знать хорошо и сарматов, с которыми у них было так много дела в I, II и III вв. по Р.Х. С роксоланами они воевали в 69 г. по Р.Х. по случаю вторжения их в Мизию; чтобы избавиться от их нападений, римляне должны были посылать им ежегодно подарки. При Марке Аврелии (II в.) сарматские племена — языги, роксоланы, аланы и др. воевали с римлянами в союзе с германскими племенами маркоманами. Но особенно ожесточенную борьбу с сарматами империя вела в последние три десятилетия III в. — при императорах Аврелиане и Пробе, которые удостоились даже титула “сарматский”. Борьба эта продолжалась и при их преемниках, до Константина Великого включительно. Все это дает полное основание предполагать, что греки и римляне могли иметь некоторое знакомство с языком сарматов и убеждаться в его родстве с иранскими языками. Наблюдения новейших исследователей над остатками языка сарматов вполне подтверждают заявления древних писателей о родстве сарматов с мидянами и персами. Покойный профессор Московского университета В.Ф.Миллер указал, что имя царя языгов, приводимое Дионом Кассием, — *Vanadaspos* находит себе этимологическое объяснение в иранских корнях: *van* — побеждать, *aspa* — конь, *vanadaspos* — укротитель коней; воинственный сарматский крик *marha*, упоминаемый Аммианом Марцеллином, близок к авестийскому *mahrka*, новоперсидскому *mag* — смерть; имя языгов объясняется из иранского *uazu* — высокий, большой, имя роксоланов объясняется из иранского *gohs* — светлый (“роксоланы” значит “светлые аланы”). Иранство сарматов Миллер доказывает и другими косвенными данными. Одним из самых видных сарматских племен являются аланы. В средние века имя алан прилагалось к кавказскому народу, именуемому у грузин *os*, у нас в старину *ясы*, теперь *осетины*. Исследование языка осетин совершенно определенно указывает на его принадлежность к иранской семье. По историческим свидетельствам и данным лингвистическим, нынешние осетины являются только остатками крупного племени, которое кочевало когда-то на равнинах Предкавказья до самого Дона и даже на Дону. Но роксоланы, кочевавшие от Днепра до Дона, были теми

же аланами (светлые аланы). Значит, по всему протяжению наших степей до IV в. по Р.Х. включительно господствовал иранский элемент. Этим же объясняется название крупнейших рек нашего юга — Дон, Днепр, Днестр, в которых слышатся корни, родственные осетинскому *дон* — вода, река. Этим же объясняется, вероятно, существование многих имен в греческих надписях Ольвии, Пантикапея и особенно Танаиды, которые выводятся из иранских корней; этим же объясняются и старинные названия некоторых южных приморских городов, напр. Ардабда (Феодосия) — семистенный, Сугдая (Судак) — святой, чистый.

Ввиду всех этих разысканий, в настоящее время уже не приходится считаться с мнением (Забелина), что сарматы, так же как их соплеменники скифы, были славяне. Мнение это базировалось на сближениях племенных названий сарматов с племенными названиями славян: *тирегеты* это будто бы тиверцы нашей летописи, *языги* — языки (такого славянского племени и не было), *бастарны* — быстряне (такого племени не было), *роксоланы* — русь, *витиш* — вятичи, *стурны* — обитатели бассейна Стъри, *идра* — дреговичи, *хуны* — кияне и т.д. Легко видеть произвольность всех этих сближений, их неосновательность. Неосновательным является и утверждение Забелина, что сарматы, вопреки сообщениям современных греко-римских писателей, будто бы были оседлыми народами и что будто бы греко-римские писатели изображали быт сарматов не по действительным наблюдениям, а по установившимся представлениям о Скифии и ее обывателях. Скифия по древним понятиям означала степь: кто жил в Скифии, тот необходимо должен был быть кочевником. Выше было указано, что римляне слишком хорошо знали сарматов, и им незачем было свои действительные представления заменять ходячими трафаретами.

Итак, на памяти истории степи Восточной Европы в течение продолжительного периода, почти в тысячу лет, были обиталищем разных племен, среди которых иранцы занимали главенствующее положение. Как скифы, так и сарматы поддерживали деятельные сношения, с одной стороны, с греческими колониями, раскиданными по берегам Черного и Азовского морей, с другой стороны, с восточными соплеменниками иранцами, которые присылали их князьям оружие, драгоценные ткани и украшения и т.п. Таким образом, скифы и сарматы подвергались двойному влиянию, эллинской и иранской культуры, и под этим влиянием сложился у них своеобразный быт, своя собственная скифо-сарматская культура, памятники которой в большом количестве уцелели и в настоящее время усердно изучаются археологами. Семена этой культуры заносились далеко на север, к тем племенам, которые жили в лесных областях. Какие же это были племена? Геродот называет *агафирсов*, *невров*, живущих на север от верховьев Борисфена, *андрофагов*, живущих по среднему Днепру, *меланхленов* (черноризцев) — на

восток от андрофагов, *гелонов*, *будинов*, живущих на север от савроматов. Но что это были за племена и в каком отношении стоят они к позднему населению лесных пространств Восточной Европы, на этот вопрос мы не можем отвечать по состоянию источников. Первые определенные свидетельства о заселении лесных пространств Восточной Европы имеются от римских и греческих писателей I и II вв. по Р.Х.

По словам Плиния Старшего, возле Вислы, которая была западной границей Сарматии, на восток жили *венеды*. Тацит говорит, что венеды были рассеяны на огромном пространстве к востоку от Вислы, между *невкинами*, обитавшими у устья Дуная, и *финнами*. Александрийский географ и астроном Птоломей помещает венедов среди великих народов Сарматии вокруг Венедского залива (Балтийского моря). Под именем венедов выступают впоследствии западные, преимущественно прибалтийские, славяне. Но несомненно, что это имя было некогда общим для всех славян: у эстонцев земля славянская русская и теперь называется *vaņū*, а славянин *vāņe*; имя “анты”, которым обозначаются славяне у греческих писателей VI века, по-видимому, есть не что иное, как вариация того же самого имени венедов. Кроме венедов Птоломей среди обитателей Балтийского побережья называет *судинов* и *галиндов*, в которых исследователи видят литовцев (впоследствии те же имена носят ветви литовского племени пруссов).

Итак, три группы племен кроме греков, скифов и сарматов выдвигаются древнейшими историческими свидетельствами в Восточной Европе — славяне, литовцы и финны. Как же далеко распространялись по Восточной Европе в скифо-сарматскую эпоху все эти племена?

Ученые, определяя по данным географической номенклатуры и могильным раскопкам, по данным сравнительного языковедения исконное местожительство славян в Восточной Европе, склонны в настоящее время думать, что эта “славянская прародина” обнимала бассейн реки Вислы, Карпатскую горную страну, бассейн Припяти, среднего Днестра с низовьями Березины и Десны включительно и верховья Днестра и Южного Буга. На севере славянские поселения смыкались и мешались с поселениями литвы, на востоке — с поселениями литвы и финнов, а на юге оканчивались приблизительно на границе леса и степи, за которой начиналось царство иранцев и готов. Что касается литовской народности, то впоследствии, в XI—XIII вв., областью ее распространения был бассейн Немана. Но есть основания думать, что первоначальная территория литвы была шире, захватывала отчасти левые притоки Припяти, течение Березины, бассейн Западной Двины, верхнего Днестра и отчасти даже Верхнеокский бассейн. Исследователями было обращено внимание на тот факт, что реки, протекающие на территориях славянских племен дреговичей, кривичей и частью вятичей, имеют большей частью неславянские названия, данные им, очевидно, более ранними

населенниками. Анализируя эти названия, исследователи вскрывают во многих из них литовские корни, между прочим имя Упы прямо выводится из литовского нарицательного имени *ире*, что значит река. Но так как на этой же территории находятся реки с названиями на *-ва, -га, -за, -ма, -ра, -са, -ша* (напр., Зельва и Русса — системы Немана; Дрисса и Обша — системы Западной Двины, Вязьма — системы Днепра), обычно встречающиеся в финских областях, отсюда вытекло предположение, что литовцы жили в этих местах попеременно с финнами. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что в языке финнов не только западной группы (эстов и финнов) существует немало слов, заимствованных из литовского языка. Значит, было время, когда и восточные финны были в общении с литвой. Область финнов вообще была гораздо шире в скифо-сарматскую эпоху, чем впоследствии. Если финны были известны грекам и римлянам, надо думать, что они не были заброшены в северных областях, как позже, но жили гораздо южнее, соприкасаясь с населением степей. Финское имя Волги — Ра, приводимое Птоломеем, говорит в пользу этого предположения. К тому же ведет и вся вообще гидрографическая номенклатура лесной области Восточной Европы, обилие рек с названиями на *-ва, -га, -за, -ма, -ра, -са, -ша*, распространенных в финских именно областях. Но реки с подобными названиями мы встречаем также и в тех областях, где застаем впоследствии славянское население радимичей, северян и вятичей. Таковы: Вехра — приток Сожа, Нерусса с Севой — притоки Сейма, Крома, Зуша, Угра, Жиздра — притоки Оки; самая Ока по-фински значит река (йоки). Все это указывает, что финны до расселения славян в Восточной Европе жили гораздо южнее, чем позже, даже в начальные времена русской истории. При этом, несомненно, они соприкасались непосредственно с иранскими племенами, жившими во время оно на юге Восточной Европы. Этим и объясняется тот факт, что в финских языках встречаются корни и даже целые слова иранского происхождения. По этим заимствованным словам исследователи заключают о сильном влиянии иранцев на быт и культуру финнов. Между прочим при посредстве иранцев финны ознакомились с металлами — прежде всего с медью, а затем с золотом (зарни), серебром (вотяцк. азвезь, зырянское ёзис, венгерск. ezüst, осетинск. äзвист) и др. Иранцы же ознакомили финнов с начатками земледелия и домашними животными — коровами и овцами. Заимствованный термин для обозначения владыки, князя, хозяина — öksej — дает основание думать, что по крайней мере часть финнов, наиболее выдвигавшаяся на юг, пережила период некоторой зависимости от иранцев. Если так, то возможно, что и в том конгломерате племен, который Геродот обозначал именем "скифы", были также и финские племена.

Итак, рассмотренные нами исторические свидетельства и лингвистические аргументы приводят к утверждению, что до конца IV века по Р.Х.

славян не было в южных степных областях Восточной Европы, что они в то время держались в западной части лесной области, занимая бассейны Вислы, верхнего Днестра и правых притоков Припяти, нижней Березины и Десны, на пограничье, вероятно, меняясь с соседями: на севере и востоке с финнами, на юге с сарматами и частью с готами, стремясь, вероятно, расширить на их счет свою территорию. Великие народные передвижения, происходившие в Европе с конца IV, в V и VI веках, дали простор этому стремлению, и территория славян в Восточной Европе за это время и непосредственно за тем, в VII, VIII и IX вв., увеличилась до громадных размеров.

Более подробные сведения о доисторическом и древнейшем историческом населении Восточной Европы и расселении в ней славян можно черпнуть в трудах:

Грушевский М.С. Киевская Русь. Т.1. Введение. Территория и население в эпоху образования государства. — Спб., 1911. (Извлеч. из 2-го укр. изд.)

Багалеи Д.И. Русская история: Пособие к лекциям для высшей школы и руководство для учителей и самообразования. Т.1. Княжеская Русь (до Иоанна III). — М., 1914.

Середонин С.М. Историческая география: Лекции, чит. проф. С.М.Середониным в имп. Петроград. ин-те. — Пг., 1916.

Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч.1. Доисторическое время Руси. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1908.

Самоквасов Д.Я. Исследования по истории русского права. — М., 1896. — Вып. 1-2.

Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси: Вместо введения в русскую историю: С присоединением вопроса о гуннах. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1882.

Иловайский Д.И. Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому. — М., 1886.

Брун Ф.К. Черноморье: Сборник исслед. по ист. географии Южной России, 1852-1877 гг. — Одесса, 1879-1880. — Т.28,30. Ч.1-2 (Зап.имп.Новороссийского унта).

Голубовский П. Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире св. // Киев. старина. 1888. Т.22, июль.

Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии: География начальной (Несторовой) летописи. — 2-е изд., испр. и доп. — Варшава, 1885.

Погодин А.Л. Из истории славянских передвижений. — Спб., 1901.

Надеждин Н.И. Опыт исторической географии Русского мира: Ст.1// Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1837. Т.22.

Веске М.П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии /Казан. ун-т. — 1890. Т.8, вып.1.

Штакельберг Р.Р. Ирано-финские лексикальные отношения // Древности восточные: Тр. Вост. комиссия имп. Моск. археол. о-ва. 1893. Т.1.

Кочубинский А.А. Территория доисторической Литвы // Журн. М-ва нар. просвещения. 1897. Ч.309, янв.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч.3. Исследования. — М., 1887.

Браун Ф.А. Разыскания в области готско-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века: Первый период: Готы на Висле. — Спб., 1899.

II. ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И СЛАВЯНСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ

В последней четверти IV века по Р.Х. в наши степи нахлынул новый народный поток — пришли гунны. Китайцам они известны были задолго до Р.Х. как кочевые обитатели Монголии. В последующие века часть этих гуннов передвигалась на запад. По известию одного географа II века (Дионисия Перизгета), гунны уже пребывали на западном берегу Каспийского моря; армянские писатели знают их под именем *унк*; знал их, по-видимому, и Птоломей (*хуны*). Затем они появляются уже недалеко от Дона, к северо-востоку и востоку от него. Около 370 г. гуны разгромили аланов, живших около Меотиды и на левом берегу Дона, массу их перебили, остальных увлекли за собой и с увеличенными силами набросились на остготов, живших в Приднепровье.

По словам готского историка Иордана, подвластные готам роксоланы отделились от них при приближении гуннов и соединились с этими варварами. Остготы сами попали под власть гуннов, хотя сохранили своих королей, и до самой смерти Атиллы (453 г.) должны были ходить в гуннских полчищах даже против своих соплеменников вестготов. Последние, преследуемые гуннами, которые истребляли их со страшной жестокостью, в количестве 200 тыс. человек переправились на южный берег Дуная и выпросили у императора Валента позволение поселиться во Фракии (в 376 г.). Позже и остготы передвинулись из черноморских степей в придунайские области. На Черноморье удержались только небольшие остатки готов в Крыму и около Керченского пролива (готы-тетракситы). Крымские готы просуществовали до конца XVIII в. Средоточием их был город *Феодори*, позже Мангуп; кроме того, в средние века упоминаются готские общины в *Фаросе*, *Орианде*, *Ялте*, *Никате*, *Гурзуфе*, *Партенате*, *Ламбиде* и *Алуште*. Они смешались с местными греками. С присоединением Крыма к России они были переселены в Мариуполь и стали известны под именем мариупольских гре-

ков. За готами передвинулись в среднедунайские степи и гунны, увлекая за собой аланов и другие племена, ранее обитавшие в наших южных степях. В V веке уже застаем гуннскую орду на территории между Дунаем и Тиссой, где перед этим жили языги.

Гунны сделали таким образом соседями Восточной Римской империи. Римляне поспешили войти с ними в дружественные отношения и пользовались их помощью против других варваров и во внутренних усобицах. Римляне и греки имели, таким образом, возможность хорошо ознакомиться с этими варварами, и потому сведения, сообщенные о гуннах римскими и греческими писателями, являются особенно ценными. Больше других сообщает о гуннах Аммиан Марцеллин. “Когда рождаются у них дети мужского пола, — пишет он, — они изрезают им щеки, чтобы уничтожить всякий зародыш волос. Поэтому все гунны растут и стареют безбородыми, отвратительные и безобразные на вид, как евнухи. Однако у всех у них коренастый стан, члены сильные, шея толстая, голова огромная, спина так сутуловата, что придает строению их тела что-то сверхъестественное. Я сказал бы скорее, что это двуногие животные, а не люди, или каменные столбы, грубо выгесанные в образ человека, которые выставляются на мостах. Этой отвратительной внешности соответствуют их повадки, свойственные скоту: пищу они едят не вареную и ничем не приправленную; взамен обыкновенных съестных припасов они довольствуются дикими кореньями и мясом первого попавшегося животного, которое кладут себе под сиденье на лошади и так размягчают. У них нет домов, хотя бы тростниковых шалашей, и никакая кровля их не укрывает. Они живут, кочуя среди лесов и гор, закаленные от холода и голода. Они носят одежду вроде туники из холста или меха и, раз продевши в нее голову, не спускают ее с плеч, пока сама не свалится лохмотьями. Голову покрывают меховыми шапками с опушкой и свои волосатые ноги обертывают козлиною шкурою. Такая обувь, конечно, затрудняет ходьбу, отчего они вообще неспособны сражаться на ногах, пешими. Зато на своих лошадях, нескладных, но крепких, они точно прикованы; исправляют на их спинах всякого рода дела, иногда сидя по-женски. День и ночь они живут на лошади, на ней продают и покупают, так и спят, прилегши только к сухопарой шее своего коня, и грезят преспокойно. На лошадях же они рассуждают сообща о всяких делах своих. Царской власти они не знают, но подчиняются избранным вождям”. Рассказав о стремительности их нападения, о меткости их стрельбы и о ловкости в накидывании арканов, Аммиан Марцеллин продолжает: “Хлебопашеством гунны не занимаются и никто из них не дотрагивается до плуга. Все они, без крова, без отчизны, без всякой привычки к оседлому быту, блуждают в пространстве, как будто все бегут дальше, перевоза за собою свои повозки, где жены их работают им одежду, рожают и воспитывают их детей... Непостоянные и

вероломные в договорах, гунны тотчас же переменяют свой образ действий, как скоро почуют, где прибыль: они не больше зверей понимают, что честно и что бесчестно. Самый разговор они ведут двусмысленно и загадочно. Никакая религия не связывает их ничем. Они ни во что не верят и поклоняются только одному золоту. Нравы их так непостоянны и сварливы, что в один и тот же день они без всякого повода и ссорятся и мирятся”.

Римляне платили им ежегодную дань, чтобы они не нападали на пределы империи. Но это не всегда гарантировало от нападений варваров. Нападения эти участились в особенности с той поры, когда вождем гуннов стал Аттила. Он несколько раз из-за Дуная навещал со своими полчищами области Восточной империи и страшно опустошал их. Между прочим, грозил он этим областям войной и в 448 году. Чтобы предотвратить беду, византийский двор снарядил к Аттиле посольство с богатыми дарами и с просьбой о мире. В составе этого посольства был Приск, который и составил чрезвычайно любопытное описание своего путешествия в стан Аттилы и сообщил некоторые данные о гуннах.

Аттила встретил посольство недалеко от Дуная, на левом берегу его. Послы последовали за ним далее на север в его резиденцию. На пути им пришлось переправиться через несколько значительных рек. Их перевозили береговые жители на лодках, однодеревках и на плотах. В селениях отпускали им в пищу вместо пшеницы просо, вместо вина так называемый у туземцев *медос*. Служители послов получали то же просо и питье, добываемое из ячменя, которое варвары называют *камос*. “Переехав через некоторые реки, — продолжает Приск, — мы прибыли в одно огромное селение, в котором был дворец Аттилы. Этот дворец, как уверяли нас, был великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах. Он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянною оградюю, более служащей к украшению, нежели к защите... Внутри ограды было много домов, одни выстроены из досок, красиво соединенных с резною работою, другие из тесанных и выровненных бревен, вставленных в брусья, образующие круг”. Аттила, по словам Приска, был мал ростом, грудь у него была широкая, голова большая, глазки маленькие, борода редкая, волосы с проседью; был он черен и курнос, как и вся его порода.

Аттила после посещения его Приском прожил только пять лет. Со смертью Аттилы гуннская орда распалась, ибо между его сыновьями начались распри и усобицы. Подвластные гуннам народы восстали против них и выбили гуннскую орду из Паннонии. Часть гуннов поселилась на правом берегу Дуная в так называемой Малой Скифии (Добрудже) и в римских провинциях, под римским владычеством. Часть ушла обратно в черноморские степи. Иордан говорит, что они заняли те части Скифии, через которые проходит течение реки Днепра, называемой гуннами на их языке Вар.

Вслед за гуннской ордой в наших степях выступает в конце V века орда болгарская. Современники (напр., писатель VI века Прокопий) считали болгар теми же самыми гуннами. Мнение это вполне подтверждается остатками языка дунайских болгар. В одном из южнославянских хронографов сохранилось родословие болгарских князей, в котором изображена церковнославянскими цифрами продолжительность правления, а на каком-то неславянском языке продолжительность жизни каждого князя, например: Авитохол жил лет столько-то, род ему Доуло, а лет ему *дилом твирем*; дальше встречаются числительные: *шегор вечем, верениалем, сомор, алтен* и т.д. Исследователями (Радловым) было установлено, что эти речения принадлежат тюркскому племени, родственному нынешним чувашам, потомкам камских болгар. В Абобе (в Дунайской Болгарии) найдены надписи, в которых встречаем названия: *канос цвиги* (великий хан), *тархан, богатырь*. Все это тюркские термины. В VI веке болгары делились уже на две ветви — кутургуров, живших на запад от реки Дона, и утургуров, живших за Доном около Меотиды. С самого конца V века болгары почти непрерывно нападали на византийские земли, причем в этих нападениях участвовали и славяне. В половине VI века Византия платила болгарам-кутургурам ежегодную значительную дань, но все же они постоянно опустошали придунайские земли.

В половине VI века продвинулись через наши степи в соседство с Восточной империей *авары* (обры нашей летописи). Аварская орда была бесспорно тюркского происхождения. Это были близкие родичи и земляки гуннов. Они и называются в источниках аваро-гуннами: вар-гунны, вар-хониты. Такое племя обмонголившихся тюрков — уар-гунны — до сир пор известно в Западной Монголии. В 60-х годах VI в. авары завязали сношения с Византией и стали требовать себе таких же подарков, какие получали от Византии болгары. Этот “союз” был принят византийцами, и авары наняты были для борьбы с врагами Византии. По приглашению императора Юстина они воевали с франками, затем принимали участие в борьбе лангобардов с гепидами на среднем Дунае (567 г.). Истребив гепидов, авары по договору с лангобардами поселились на их месте, вместе со своими союзниками болгарскими-кутургурами. Так как вскоре же, в 568 г., лангобарды двинулись в Италию, авары остались господами всей Среднедунайской низменности. Вторжение аваров не прошло бесследно для болгарских орд нашего юга. Часть восточных болгар отодвинулась на юг и расположилась на восточном побережье Меотиды (позднейшие *черные болгары*), где была покорена хазарами (в конце VI в.). Западные орды частью ушли с аварами в Паннонию, а частью расположились в так называемом “углу” между Днестром и Дунаем, в безопасном и неприступном со всех сторон месте, защищенном болотами и реками. Описанные передвижения тюркских племен, происходившие в

южных степях России, имели важные последствия и для славянского племени. Прежде всего они выбили часть славянства, вероятно, ту самую, которая наиболее выдвинулась на юг в соседство с сарматами, из его местожительства и увлекли на юго-запад. Рассказ Приска дает полное основание думать, что Паннония в V веке была наводнена не только гуннами, но и славянами (а также и готами). Перевозчики, угощавшие византийских послов медом и просом, были несомненно славяне. По-видимому, славяне же и построили деревянные хоромы для царя кочевников Аттилы. Но самое главное — передвижения тюркских орд смели то оседлое и полуоседлое население, которое к тому времени так или иначе успело распространиться по степям нашего юга. Оседлое население в наших степях перед этим составляли германские племена готов, а также, по-видимому, и некоторые иранские племена. Готы, как уже сказано, ушли на запад, частью были истреблены, частью ушли на юг. Сарматские племена также отчасти были истреблены, отчасти ушли на запад и на Балканский полуостров. Кроме того, остатки алан удержались на Дону и в Предкавказье (ясы нашей летописи, позднее — *осетины*). С исчезновением оседлого населения и главных масс кочевников из южно-русских степей и двинулись в них славяне, потревоженные, всколыхнутые в своем старом местопребывании проходившими мимо них народными потоками. Славянская колонизация направилась двумя путями — на юг, к Черному морю и Дунаю, и на восток, обходя ближайшее побережье Азовского моря и низовья Дона, где владычествовали кочевники. Об успехах этой колонизации в половине VI века дают сведения современные ей историки: готский Иордан и византийский Прокопий. Иордан сообщает, что к Дунаю прилегает Дакия, как венцом, огражденная высокими горами, по левой стороне которых и от верховья реки Вислы на неизмеримом пространстве обитает великий народ *винидов*. Хотя имя их и меняется теперь в зависимости от племен и мест, но главные названия их — склавины и анты. Склавины живут от города Новисдунского и так называемого озера Мурсийского до Днестра и на север до Вислы; анты же, храбрейшие между ними, — над излучиной Черного моря от Днестра до Днепра. Это известие вполне подтверждает и Прокопий. По его словам, склавины и анты говорят одним языком и занимают великое пространство земли: большая часть земель по ту сторону Истра принадлежит им; область на север от Понта Евксинского занимают бесчисленные народы анты. В известиях Прокопия славяне являются уже обывателями и Донского бассейна. Описывая народы, жившие по обе стороны Меотиды, Прокопий говорит, что далее на север живут бесчисленные народы антов.

Итак, начальная славянская колонизация степных пространств нашего юга имела место не ранее первой половины VI века. Против этого положения стоят мнения ученых, отождествляющих славян с теми народно-

стями, которые сменялись в наших степях до того времени, как выступили на них славяне под своим собственным именем. Мы уже имели случай касаться мнений, отождествляющих славян со скифами и сарматами. Остановимся теперь на мнении, отождествляющем гуннов и славян, и посмотрим, насколько оно убедительно.

Славян в гуннах склонен был видеть покойный Забелин, но подробно это мнение развито было Иловайским в его “Разысканиях о начале Руси”.

Гуннов Иловайский считает давними обывателями степей нашего юга, указывая между прочим на “хунов” в “Географии” Птолемея. Чтобы помирить сообщения Аммиана Марцеллина о кочевом образе жизни гуннов с известиями Тацита и позднейших писателей об оседлом земледельческом быте славян, Иловайский считает винидов, т.е. склавинов и антов, западной ветвью славянства, а гуннов восточной, которая не успела еще перейти в такой степени к оседлому быту, как западная. Гуннов Иловайский не считает чистыми кочевниками-скотоводами и думает, что они занимались и земледелием, подобно позднейшим татарам. Переходя к наружности гуннов, как она описана у Аммиана Марцеллина, Иловайский не находит в ней характерных черт монгольской расы: Марцеллин не говорит ни об узких глазах, ни о широких скулах, ни об остром подбородке. Отсутствие волос на голове, по мнению Иловайского, могло происходить от того, что порезами щек уничтожали луковицы волос, как сообщает и Аммиан Марцеллин. Другой современный писатель (V века), Аполлинарий Сидоний, объяснял уродливый нос гуннов тем, что гунны нарочно сдавливали его у младенцев, чтобы он не слишком выдавался между щеками и не мешал надевать шлем. Иловайский не только принимает это известие, но и полагает, что сдавленный череп гуннов, вероятно, происходил от уродования. Кроме того, он указывает на преувеличение безобразия гуннов у Аммиана Марцеллина, который не видел их лично, а писал по рассказам напуганных ими людей.

Славянство гуннов, по мнению Иловайского, доказывается и данными их языка, именами их царей (*Баян, Борис, Валамир* и т.д.) и названиями напитков (мед, камос), похоронного пиршества (*страда*), которые переданы Иорданом со слов Приска, ездившего в стан к Аттиле.

Большое значение в разрешении вопроса о народности гуннов Иловайский (как и Забелин) придает сближениям славян и гуннов, которые попадают в источниках. Прокопий пишет, что склавины и анты соблюдают гуннские обычаи; Кедрин прямо говорит: гунны, или склавины. Из западных или латинских летописцев Беда Достопочтенный называет гуннами западных славян; Саксон Грамматик говорит о войне датчан с гуннским царем, причем под гуннами понимает западных славян, и т.д.

Доводы Иловайского не могут быть приняты в настоящее время. Во-первых, нельзя игнорировать тех свидетельств, которые идут из китай-

ских источников и которые именовались *Hiung-nu*, *Хун-ну*, обозначают тюркские народы на их прародине, затем указывают и на дальнейшее передвижение их на запад. Во-вторых, нельзя так относиться к сообщениям о наружности гуннов, как это видим у Иловайского. О наружности гуннов сообщает не один только Аммиан Марцеллин, кстати сказать, служивший в римском войске и имевший возможность и лично видеть гуннов. Припомним, что пишет Иордан со слов Приска о наружности Аттилы, которого он считает типическим представителем своего племени: узкие глаза, редкая борода, курносый, смуглый. “У них лицо, — пишет про гуннов Иордан, — безобразный кусок мяса с двумя дырами вместо глаз. Они малы ростом, но ловки в движениях и проворны на коне, широкоплечи, вооружены луком и стрелами, с толстым затылком, всегда гордо поднятым вверх”. Возражавший Иловайскому на диспуте по гуннскому вопросу, происходившем 30 декабря 1881 года в заседании этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Д.Н. Анучин сопоставил все черты гуннского типа, рассеянные в сообщениях писателей: невысокий рост, коренастое, плечистое сложение, коротконогость, толстую короткую шею, широкий плоский приподнятый сверху затылок, большую голову, плоское широкое лицо, как у грубо изваянных статуй, узкие глаза, приплюснутый нос, безбородость или редкую бороду, смуглый цвет кожи и пришел к такому выводу: “Черты эти, взятые в совокупности, едва ли могут оставлять сомнение, что характеризуемый ими народ представлял по своему типу значительно большее сходство с типом современных монгольских урало-алтайских племен, чем так называемых кавказских, и в частности арийских”. Д.Н. Анучин указал на невозможность с естественнонаучной точки зрения объяснить безбородость гуннов надрезами щек в младенчестве, так как зачатки волос являются позднее, в период полового созревания, и щеки, изрезанные в младенчестве, все равно обрастают потом волосами.

На этом же самом диспуте попытка Иловайского вывести сохранившиеся имена гуннских царей из славянского языка встретила решительные возражения со стороны филологов-специалистов В.Ф. Миллера и Ф.В. Корша, которые в уцелевших именах гуннских царей усмотрели тюркотатарские элементы. Некоторые из этих имен оканчиваются на *-ган*: Заберган, Ауган, Аиган. Миллер указал на аналогию в тюркском *-кан* или *-хан* (напр., у половцев Шарукан, Тугоркан и др.). *Ойбарс*, по Миллеру и Коршу, тюркское слово, аналогичное половецкому *Багубарс*, и значило, вероятно, тигр; *Берих* — тюркск. берик, крепкий; *Басых* — тюркск. басык, скромный; *Баян*, которое Иловайский считает несомненно славянским, есть чисто тюркское богатый; *Борис*, Богорис — имя, встречающееся у несомненных тюрков — аваров; *Валамир* или *Баламир* — тюркск. дитя, мальчик; и т.д. Остаются названия “медос” и “камос”, которые слышал Приск во время путешествия

к Аттиле. Но сам же Приск сообщает, что гунны были сборищем разных народов, что среди них были в употреблении разные языки, между прочим гуннский, готский, латинский. Могли быть среди них и славяне, увлеченные общим народным потоком в Паннонию или же покоренные здесь гуннами. Приск не говорит, что название “медос” было гуннское: он говорит только, что напиток назывался по-местному медом. Название “камос” едва ли можно приравнивать к славянскому “квас”. Римские писатели, как показал покойный академик Васильевский, констатируют существование этого напитка у иллирийцев еще в III в. по Р.Х. Что касается названия “страва”, сообщаемого Иорданом, то, если только это действительно славянское слово, оно могло быть услышано от какого-либо славянина, находившегося среди гуннов.

Сближения гуннов и славян у древних писателей не доказывают их тождества. Прокопий, например, говорит, что славяне и анты по простоте нравов во многом *походят* на гуннов, живут гуннским обычаем. Но из этого прямо следует, что он в сущности различает гуннов и славян. Прокопий был современник гуннов, а все другие писатели, на которых ссылается Иловайский, жили 300, 400 и 500 лет спустя, следовательно, их заявления нельзя принимать за свидетельства тождества гуннов и славян. Эти заявления указывают только на то, что память о гуннах долгое время сохранялась в европейском обществе, что имя их стало литературным синонимом для обозначения восточных варваров, подобно тому, как некогда таким именем было название “скиф”, что в разряд этих варваров западные народы склонны были относить и славян, с которыми они вели войны.

Итак, соображения Иловайского, на наш взгляд, не отодвигают занятия славянами нашего степного юга на более раннее, чем V и первая половина VI в., время.

В VII в. наступили особо благоприятные условия для упрочения и усиления славянской колонизации нашего юга. На востоке господами положения сделались хазары, между прочим, покорившие и подчинившие себе восточную орду *черных болгар*, кочевавшую в Предкавказье, где-то около Кубани. Хазары были давнишними обитателями нашего степного юго-востока. Под именем акациров они выступают в известиях V в. (Приск) где-то в области среднего Дона или Волги, по соседству с болгарами. При Аттиле они держались союза с Византией и воевали с Аттилой, но несколько позже добровольно подчинились гуннам. Какого происхождения были хазары, сказать трудно; арабский писатель X в. Истарки свидетельствует, что хазарский язык сходен с тюркским. И действительно, названия высших чинов у хазар — тюркские. В VI в. хазары представляли из себя уже могущественную силу на нашем юго-востоке, которая вступила в ожесточенную борьбу сначала с персами, а затем в VII в. с арабами. Арабы, овладев персидским

государством Сасанидов, стремились овладеть и Кавказом. В результате этой борьбы Закавказье осталось в руках арабов. Хазарское владычество на юге не простиралось далее Дербента, где еще Сасаниды построили стены для защиты от хазар. Но зато на север от Кавказских гор владычество хазар распространилось очень широко. В конце VII и начале VIII в. хазары господствовали около Керченского пролива и во всем Крыму; Корсунь вернула себе Византия, но в восточной части Крыма хазары остались. Средоточием хазарского государства были, однако, прикаспийские области. Здесь, при устье Волги, находилась их столица Итиль; далее к югу, невдалеке от устья Терека, находился славившийся своими виноградниками Семендер; тут же обитало и собственно хазарское население, по свидетельству Ибн Хаукаля, в плетеных из хвороста хижинах, обмазанных глиной.

Установление хазарского господства на нашем степном юго-востоке отразилось благоприятным образом на распространении славянской оседлости в степях Восточной Европы. Хазары принудили болгарскую орду, кочевавшую между Днестром и Дунаем, удалиться за Дунай, где эта орда слилась с местными славянами и основала там Болгарское царство. Другая болгарская орда, тоже отступившая перед хазарами, нашла себе убежище при слиянии Камы с Волгой, где, покорив местные финские племена, основала Камское Болгарское царство. Хазары преградили доступ в них кочевым ордам, напиравшим с востока уграм, печенегам, а со славянами, двигавшимися в степь, установили мирные, дружественные отношения. Под защитой и покровительством хазар славяне распространили свою колонизацию в области, занятые хазарами, стали обывателями Хазарии, подвластными кагану хазарскому. Арабский писатель Аль-Баладури, писавший в 60-х годах IX столетия, рассказывает про сирийского вождя Марвана, что он, вступив в Хазарию, вывел оттуда 20 тыс. оседлых славян. Хотя этот факт имел место в VIII столетии, но все ученые, изучавшие произведения Аль-Баладури, не сомневаются в достоверности его сообщения. Другой арабский писатель, Табари, рассказывая о том же самом факте, говорит, что Марван в погоне за каганом хазарским, вступив в его земли, расположился на “славянской реке” и здесь напал на неверных, перебил их всех и разрушил 20 тыс. домов. Масуди, живший в первой половине X в., славянской рекой в Хазарии называет Дон. “Между большими и известными реками, изливающимися в море Понтус, — говорит он, — находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северных краях”. Славяне, по словам Масуди, жили в столице Хазарии и служили в войске и при дворе кагана: “Руссы же и славяне, о которых мы сказали, что они язычники, составляют войско царя и его прислугу”. Итак, в область славянских поселений в VIII—IX вв. входил, несомненно, и бассейн реки Дона. Этим, по всей вероятно-

сти, объясняются многочисленные славянские названия рек его системы: Сальница, Красная, Боромля, Ольховата, Лугань — притоки Донца; Красивая Меча, Быстрая Сосна, Воронеж, Тихая Сосна, Черлений Яр, Осереда, Медведица, Иловля — притоки Дона. Эти названия попадают и в летописях и других памятниках до XV века, т.е. гораздо ранее позднейшей колонизации Дона, следовательно, надо думать, давнего происхождения. Известия арабских писателей подтверждаются и баварским географом IX века, который констатирует существование в Хазарии 100 городов. Развивавшаяся в Хазарии торговля с арабами и постоянная борьба хазар с восточными соседями мирно настраивали хазар по отношению к славянам нашего юга. Славяне высылали на хазарский рынок свое сырье для сбыта на Восток, причем каган брал десятину от всех товаров. Славяне же, как сказано, составляли и войско его. Хазары установили свою власть не только над славянами, расселившимися в непосредственном с ними соседстве, но и вообще над всеми славянскими племенами, расселившимися на южных областях. До начального русского летописца дошло предание, что дань хазарам платили поляне, радимичи, вятичи и северяне. Хазарский каган был первым государем у славян Приднепровья. Вот почему именем “каган” впоследствии пользовались для обозначения уже русского государя; первый митрополит из русских Иларион составил “похвалу” кагану Владимиру. По всем данным, славяне без особой борьбы подчинились хазарам именно потому, что хазары были для них оплотом, защитой от нападений с востока. Входя в состав хазарской державы, славяне и расселились так широко по степным пространствам нашего юга.

Приводимые данные о заселении славянами степного юга не совсем согласуются с той картиной славянской колонизации, которую рисует нам наша начальная летопись. Ввиду этого необходимо остановиться на этой картине и рассмотреть, в какой мере она верна и соответствует тому начальному моменту нашей истории, к которому она приурочивается.

Рассказывая о расселении славян с Дуная в разные стороны, автор “Повести временных лет” говорит между прочим: “Также и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася *поляне*, а друзии *древляне*, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припятью и Двиною и нарекошася *дреговичи*; инии седоша на Двине и нарекошася *полочане*, речки ради яже втечет в Двину имянем Полота... словене же седоша около озера Ильмеря, и прозвашася своим именем, и сделаша град и нарекоша и Новгород; а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле и нарекошася *север*”. Затем, перечисляя славянские племена, населявшие нашу страну, автор “Повести” называет *кривичей*. “иже седять на верх Волги и на верх Двины, и на верх Днепра”, *бужан*, которые прозвались этим именем, “зане седоша по Бугу, после же *вельяныне*”, *радимичей*, которые сели по Сожу, *вятичей*, севших по

Оке, хорватов, дулебов, которые сидели по Бугу, “где ныне вельняне”. А *уличи и тиверци*, говорит он, “седаюху по Днестру, приседаюху к Дунаеву, бе множество их, седаюху бо по Днестру оли до моря, и суть граде их до сего дне, да то ся ваюху их грек Великая Скуфь”.

По этим общим контурам, набрасываемым первоначальной летописью, получается такая картина расселения славян по нашей стране: славяне расселились по бассейнам Днестра, Западного и Южного Буга, Днепра и его правых притоков и левых: Сожа, Десны и Сулы, верхней Волги и Оки, верхней и средней Западной Двины и озера Ильменя. Славянская колонизация не захватывает бассейн нижнего Днепра, бассейна Дона, нижней Оки, где, по словам “Повести временных лет”, сидит *мурома*, “язык свой”, бассейн средней Волги приблизительно от впадения Тверцы, ибо дальше, по словам повести, расположены “инии языцы” — *весь, меря*. Весь север не охвачен еще славянской колонизацией: “в странах полунощных” живут *чудь, ямь, пермь, печера*.

Итак, наша начальная летопись не знает славян в степях на восток от Днепра и южнее Сулы, расходясь в данном случае с показаниями арабских писателей. Такое разноречие вполне понятно. Составитель нашей начальной летописи жил лет на полтораста позднее, когда размещение славянского населения в нашей стране уже значительно изменилось по сравнению с IX веком. Составитель “Повести временных лет” знает уже половцев; он современник зависимости хазар от русских князей, а эта зависимость падает на время между 1036 г., когда Ярослав наголову разбил печенегов и очистил от них Хазарию, и 1061 г., когда половцы завладели страной хазар. К тому времени, как увидим потом, радикально изменились условия жизни в наших южных степях и славянское население должно было покинуть их и отступить частью на север, частью на запад. Естественно поэтому, что бассейн Дона должен был выпасть у нашего летописца из области расселения славян.

За этим исключением картину расселения славян, начертанную нашим летописцем для конца IX в., можно считать в общем правильной. Она подтверждается и частными указаниями самой летописи, и современными иноземными свидетельствами. По летописи мы встречаемся с разными славянскими городами в той области, которая очерчена летописцем как область славянской оседлости. Таковы: *Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск, Любеч, Киев, Чернигов, Переяславль, Ростов, Муром*. Эти города являются древнейшими, происхождение их теряется во мраке времен.

Константин Багрянородный в своем сочинении “Об управлении империей”, в известном рассказе о торговле русов с Константинополем (гл. 9) перечисляет те же города: Киев, Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород, и отчасти те же племена: древлян, дреговичей, кривичей, севе-

рян и славян. Все эти данные относятся к первым десятилетиям X века. Но еще ранее того, от последних десятилетий IX в., имеем известия от анонимного географа, по местонахождению его рукописи называемого Баварским, известия, которые также во многом подтверждают нашего автора “Повести временных лет”. Он говорит о бужанах, волынянах, северянах, уличах, неопределенно указывая место их жительства к северу от Дуная и количество их городов. Эти данные утверждают нас в мысли, что составитель “Повести временных лет” более или менее правильно обозначил племенной состав восточного славянства, а известия Константина Багрянородного в известной степени подтверждают и самую картину расселения, даваемую “Повестью временных лет”.

Из этой картины обнаруживается, что к началу X в. славянское население уже далеко раскидалось по нашей стране не только в южном, но и в северном направлении. Область первоначальной славянской оседлости сильно увеличилась, славяне заняли огромную часть территории.

О гуннах, болгарях, аварах, хазарах и первоначальном расселении славян кроме указанных трудов Грушевского, Багалея и Середонина см.:

Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси: Вместо введения в русскую историю: С присоединением вопроса о гуннах. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1882.

Иловайский Д.И. Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому. — М., 1886.

Глубовский П. Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире св. // Киев. старина. 1888. Т.22, июль.

Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии: География начальной (Несторовой) летописи. — 2-е изд., испр. и доп. — Варшава, 1885.

Погодин А.Л. Из истории славянских передвижений. — Спб., 1901.

III. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

При расселении по Восточной Европе славянам пришлось встретиться с теми же приблизительно природными условиями, с какими приходится иметь дело русскому народу в настоящее время. И тогда, как и теперь, Восточная Европа представляла огромную, невысокую (теперь в 170 метров средней высоты) равнину, обставленную с востока Уральскими горами (в старину Камень), с юга Кавказскими и Таврическими, с запада Карпатами и Финляндскими возвышенностями. На юго-востоке эта равнина сливалась постепенно с огромною степной равниной Средней Азии, на западе со Среднедунайской и Прибалтийской равнинами. Так же, как и в настоящее время, на этой равнине проступали невысокие выпуклости: Среднерусская возвышенность (ныне 200—300 метров), служившая водоразделом между бассейнами Волги и Дона с одной стороны, Западной Двины и Днепра с другой; *Белорусско-Литовский отрог* этой возвышенности, служивший водоразделом бассейнов озер Чудского и Ильменя с одной стороны и Западной Двины с другой, и затем между бассейнами Днепра и Немана; *Приволжская возвышенность* (250 метров в среднем), образующая водораздел между бассейнами Волги и Дона, и продолжение ее — *Ергени*, образующие водораздел между Приазовской и Прикаспийской низменностями; *Северные увалы*, образующие водораздел между бассейнами Северной Двины, Мезени и Негоры с одной стороны, Волги с другой; *Общий Сырт* — отрог южного Урала, террасами спускающийся к Волге и служащий водоразделом Волги и Урала; *Прикарпатская возвышенность* (в среднем 300 метров), отходящая от Карпат по направлению к Днепру и служащая водоразделом между бассейнами Припяти и Днепра с одной стороны, Днестра и Южного Буга с другой; ее продолжение — *Каменная гряда*, которая обуславливает отклонение Днепра на восток и пересекается им в знаменитых днепровских порогах; дальнейшее продолжение ее за Днепром — *Донецкий кряж* между р. До-

нцом и берегом Азовского моря. Перечисленные возвышенности выделялись на общем фоне Восточно-Европейской равнины, делили ее и тогда, как и теперь, на несколько более или менее обособленных низменностей: *Северную*, идущую пологим склоном (80 метров средней высоты) по направлению к Белому морю и Ледовитому океану, *Прибалтийскую* (80—40 метров средней высоты), *Приднепровскую*, переходящую на юге в Черноморскую, *Окско-Донскую* (от 80 до 170 метров), на юге сливающуюся с Приазовской, *Приволжскую* по левой стороне средней Волги (от 80 до 170 метров) и *Прикаспийскую* (от 80 выше до 20 метров ниже уровня Балтийского моря).

Никоим образом нельзя предполагать, что рельеф Восточной Европы в начальные времена славянской колонизации мог сильно разниться от современного и что нынешние невысокие гряды и водоразделы в то время были высокими горами, которые потом стертые были временем. Дело в том, что за немногими исключениями везде в Восточной Европе верхние пласты осадочных горных пород — песчаников, глин, известняков, как древнего, так и нового образования, лежат горизонтально или со слабым наклоном в ту или другую сторону. Геологический возраст этих пород обнимает много тысячелетий. Таким образом, полторы-две тысячи лет тому назад поверхность Восточной Европы не была сильно взволнована или изломлена; в противном случае и земные пласты наложены были бы в них не горизонтально. И затем: хотя горы, несомненно, сглаживаются, рассыпаются и размываются, процесс этот идет очень медленно; высокие горы, которые по историческим свидетельствам существуют два-три тысячелетия, остаются высокими горами и по сие время, например древний Олимп.

Нет оснований к предположению, чтобы и климат Восточной Европы в начальные времена славянской колонизации значительно разнился от настоящего. Правда, геология учит нас, что климат Восточной Европы был некогда значительно холоднее и влажнее, чем теперь. Вся северо-западная часть была покрыта мощным ледяным покровом наподобие современной Гренландии. Лед покрывал Скандинавию, Финляндию и Северо-Западную Россию и несколькими языками по ложбинам нынешних рек Западной Двины, Северной Двины, Волги, Дона и Днепра спускался к морям. Об этом свидетельствуют камни, валуны и перетертые и перемытые ледником почвы — пески, глины и лесс, располагающиеся в нынешней России. Но все это было в такие отдаленные времена, которые измеряются не тысячелетием или двумя, а десятками и сотнями тысяч лет. За историческое же время климат не мог измениться значительно. Положение Восточной Европы относительно Солнца за это время почти не менялось, не изменялся значительно и рельеф страны, а следовательно, не мог измениться значительно и климат, обуславливаемый положением страны под известными широтами и ее рельефами. Климат был приблизительно такой же, как и ныне, т. е. в общем уме-

ренный; на севере холодный, на юге теплый, более влажный на северо-западе и более сухой, континентальный на юго-востоке. Если и произошло некоторое изменение в климате, то весьма незначительное. Несомненно, что климат Европы в начальные времена русской истории был несколько сырее, чем в настоящее время. В то время, несомненно, была более обильная лесная растительность, чем теперь, было гораздо больше болот, озер и рек. Леса продолжительное время на памяти истории истреблялись, а вместе с тем иссякли болота, источники, озера и реки.

Восточная Европа в настоящее время одета частой сетью рек, а некоторые части ее усеяны громадным количеством озер и болот. Речную сеть Восточной Европы составляют системы рек Урала, Волги, Дона, Днепра, Южного Буга, Днестра, Вислы, Немана, Западной Двины, Наровы, Невы, Онеги, Северной Двины, Мезени, Печоры и др. Что касается озер и болот, то они расположены главным образом на низменностях Северной и Прибалтийской и облегающих их возвышенностях — Северных Увалах, Финляндской и Среднерусской с Белорусско-Литовским отрогом. Никким образом нельзя думать, что в начальные времена славяно-русской колонизации поверхностных вод в Восточной Европе было меньше, чем в настоящее время. Количество атмосферных осадков при одинаковости тогдашнего климата с теперешним было приблизительно то же самое, что и теперь. Рельеф и грунт страны мало или почти не отличались от теперешних. И все известия, идущие от первых дней нашей истории, вполне подтверждают этот вывод и наводят на предположение, что в то время поверхностных вод, особенно болот, было даже больше в Восточной Европе, чем теперь. Болота на памяти истории иссякли вследствие обезлесения и дренажирования почвы. Некоторые озера заросли мохом и превратились в болота. Некоторые ручьи и речки заплывали песком, илом и глиной, мелели или превращались в сухие овраги и балки. На дне одной из таких обмелевших рек, Супоя (приток Днепра), найдены обломки большого речного судна, между тем как теперь по ней не пройдет и маленькая лодка. Иссякание болот и озер и обмеление рек и речек — процесс, явственно наблюдающийся в настоящее время, на виду отдельных лиц. Несомненно, следовательно, что Восточная Европа в начальные времена нашей истории имела поверхностных вод даже больше, чем в настоящее время.

В распределении этих поверхностных вод надо отметить ту особенность, что реки разных систем, разных бассейнов обычно сближаются своими верховьями, между которыми остаются небольшие пространства, в старину называвшиеся *волоками*. Это сближение облегчало расселение по Восточной Европе, особенно в лесной, изобиловавшей болотами и озерами области. Для экономической деятельности людей, а в связи с этим и для установления их местожительства имеют громадное значение почвенные усло-

виз страны, ее растительность и животный мир. Как обстояли эти условия в начальные времена славяно-русской колонизации?

В настоящее время вся северо-западная половина Европейской России покрыта глинистыми и песчаными почвами, кое-где по течениям рек иловатыми и кое-где каменистыми; юго-восточная половина Европейской России одета черноземом, за исключением Прикаспийской низменности, северной части Крыма и побережий Черного и Азовского морей, где преобладают глинистые и песчаные почвы со значительною примесью соли. Северная граница черноземного пространства идет с запада через верховья рек Случи и Горыни, придерживаясь затем линии рек Стугны, Десны, Сейма, Оки, Упы, Волги, Казанки, Вятки, Камы и Уфы. На юго-востоке граница чернозема обозначается по линии Общего Сырта, р. Еруслана и спускается далее на юг по Волге, Ергеням, к северному отрогу Кавказа почти до самого Эльбруса. Чернозем одевает и холмы, составляющие предгорье западного Кавказа за р. Кубанью. Очерченные пространства не сплошь, впрочем, одеты черноземом. По берегам Днестра, Буга и Днепра и его левых притоков, Донца и Дона и их притоков, по берегам Мокши и Цны, Суры и Волги встречаются почвы каменистые, песчаные и иловатые, которые образовались в местах, где с особенной силой проявляются механическая и химическая разрушающая деятельность воды. У нас есть неоспоримые основания к утверждению, что так же обстояло дело и в начальные времена славянской колонизации Восточной Европы.

Всякая почва есть не что иное, как верхний слой той каменной породы, которая одевает земную поверхность. Почва — это разрыхленная механически и химически, под действием воздуха и воды каменная порода и удобренная остатками растений и животных. Глины, пески, суглинки и супеси, покрывающие северо-западную половину Европейской России, чернозем ее юго-восточной половины образовались тут же, на местах, где они залегают и в настоящее время. Лед, покрывавший в отдаленное время северо-западную часть нынешней России, двигаясь к морям, отрывал, как скребок, подстилавшие его горные породы, сглаживал и перетирал их под собою и уносил с собою частью в мелконестертом виде, частью в форме более или менее круглых камней-валунов. После того, как ледник стоял, заключавшиеся в нем обломки пород, крупные и мелкие, остались на месте и образовали там отложения, которыми покрыта в настоящее время Восточная Европа, — глины и пески с валунами в северо-западной половине, лесс в юго-восточной половине Восточной Европы.

Глины и пески, отложившиеся в северо-западной половине Восточной Европы, лесс, покрывший юго-восточную половину, подвергались с течением времени дальнейшей переработке и перемыванию водой и удобрению растительным и животным перегноем, который и окрашивал их в бо-

лее или менее темный цвет. Глины и пески северо-западной половины благодаря сравнительной влажности климата переувлажались водой больше, чем лесс юго-восточной половины, вследствие чего выходили менее плодородными, чем лесс. Падавшая на глины и пески более обильная влага уносила вглубь пластов содержащиеся в них полезные минеральные частицы, вследствие чего на глинах и песках медленно развивалась растительность, преимущественно древесная, и они слабо удобрялись растительным перегноем (не более 2% массы). В юго-восточной же половине Восточной Европы благодаря сравнительной сухости климата отложившийся здесь лесс слабо переувлажнялся водой, содержащиеся в нем полезные минеральные частицы сохранились на поверхности в большем количестве, чем в глинах и песках, вследствие чего здесь развивалась буйная, роскошная травяная растительность. Эта растительность вместе с остатками животных и дала здесь в конце концов до 10% гумуса, т.е. перегноя, который окрасил лесс в черный цвет. Так образовался чернозем нашего юга, покрывающий в общей сложности до 100 миллионов десятин. Этот процесс образования почв совершался в течение огромного периода времени, идущего далеко назад за исторические времена. Но если так, то, следовательно, и в начальные времена нашей истории юго-восточная половина Восточной Европы была покрыта черноземом приблизительно в тех же границах, что и теперь, а северо-западная глинами, песками и их смесью. Валунные глины и пески, как наследие ледникового периода, конечно, оставались там, где они залегают теперь, а суглинки и супеси — только верхний слой этих глин и песков. Конечно, полторы-две тысячи лет тому назад эти суглинки и супеси содержали еще меньше растительного и животного перегноя, чем теперь, ибо как-никак в последующее время они удобрялись и самой природой и людьми. Точно так же и на юго-востоке в Прикаспийской низменности и на побережьях Азовского и Черного моря расстилались солоноватые глины и пески, еще более бесплодные, чем теперь. Эти глины и пески — обнажения морского дна, которые совершались чрезвычайно медленно.

При одинаковости климатических и почвенных условий и распределение растительности в Восточной Европе в начальные времена славянской колонизации в общем было такое же, как и теперь.

Несомненно, что и полторы-две тысячи лет тому назад в черноземной области степь преобладала над лесом. Нельзя думать, что теперешнее черноземное пространство было сплошь покрыто лесом. Дело в том, что и в настоящее время почва черноземного пространства на известной глубине содержит еще значительный процент вредных для древесной растительности солей. Обилие вредных солей в подпочве чернозема в свою очередь объясняется сухостью климата, сравнительным недостатком влаги, которая растворяет в почве соли и уносит их в море или вглубь напластований. Лес в

черноземной области может существовать только на верховьях рек, на ключах и болотах, по речным долинам, где почвы сильно перемыты речными и дождевыми потоками. Подготовка почвы на принятие древесной растительности совершается здесь исподволь, крайне медленно и в направлении с севера на юг. Такую подготовку получила до некоторой степени лесостепная область. В течение многих веков дождевые потоки растворяли и вымывали из-под почвы соли и подготавливали ее для произрастания леса. Но южные чисто степные пространства остаются пока еще не подготовленными и могут заниматься лесом исподволь, в течение многих и многих еще веков, если только люди не ускорят этот процесс или не будут ему мешать, истребляя леса.

Что в начальные времена нашей истории в черноземной области степь преобладала над лесом, это явствует и из самого происхождения чернозема. Чернозем есть результат многовекового развития травяной растительности на лессе, и все ранние свидетельства об этой части Восточной Европы говорят о ней как о степи. По этим свидетельствам, юго-восточная Европа является областью, где передвигаются кочевники-скифы, сарматы, позже гунны, еще позже печенеги, половцы, татары. Начальная летопись прямо называет “подем” область печенежских и половецких кочевий. Рассказывая о нападении печенегов на Киев в отсутствие Святослава, летописец говорит: “И собра вои многи и прогна печенеги в поле и бысть мир” (Лавр., 66). В 1103 г. князья, по рассказу летописи, предпринимали поход на половцев. Они шли на лодках и лошадях вниз по Днепру, прошли пороги и остановились на Хортице “и вседоша на коне, и пелици из лодей выседше, идоща в поле и придоша на Сутень”. К югу от Оки, по представлениям летописца, расстилается степь. В 1180 г., когда в Рязанскую область вступила рать Всеволода Юрьевича Суздальского, местный князь Роман после неудачного столкновения с нею “побеже в поле мимо Рязаню” и т.д. Таких примеров можно было бы привести и еще несколько, если бы была в том нужда.

Но хотя степь несомненно преобладала в черноземном пространстве Восточной Европы и в начальные времена нашей истории, было бы ошибочно думать, что в то время в ней было меньше лесов, чем теперь. Зная, как люди относились к лесной растительности на памяти истории, мы с уверенностью можем утверждать, что в начальные времена нашей истории черноземное пространство в общем все-таки было богаче лесом, чем теперь. И свидетельства источников говорят, что леса были там, где их нет теперь. Так, по свидетельству летописи, лес рос на р. Тясмине (правый приток Днепра). В этом лесу водилось множество зверей и в нем устраивали княжескую охоту. Где-то у верховьев Орели и Самары находились *Черный и Голубой леса*, около которых русские князья не раз настигали половцев. Эти леса целы были еще и в XVII в. Про Самару Боплан, французский инженер, стро-

ивший на Днепре укрепления для польского правительства, говорит, что эта река с ее окрестностями замечательна не только по обилию рыбы, но также воском, медом и строевым лесом, которым она богаче других рек. Подтверждение этому находим и в статейном списке (отчете) Московского посла Василия Тяпкина, ездившего в Крым в 1681 г.: “Около тех рек (Орели, Самары, Конских Вод и Овечьих) и на степях дубравы великие и леса, и терни, и тальники, и камыши, и зверь в лесах, и рыба в водах, и кормов конских всюду множество, и пашни можно завести великие”. Лес рос и при устье Днепра. Эта местность еще при Геродоте называлась Гилеей, лесной, а в начальные времена нашей истории Олешьем (от росшей здесь в изобилии ольхи). Лес сохранился здесь и в XV в.: в 1421 году в нем ночевал рыцарь Бургундский Гильберт де Ланнуа, ехавший в Кафу (Феодосию). В настоящее время в этих местах лесная растительность уже исчезла или почти исчезла. Значительные леса сохранились в степном пространстве до начала усиленной его колонизации в XVI в.

По данным польско-литовских люстраций и других источников XVI и начала XVII в., леса одедали побережье левых притоков Днестра с Мораховой включительно, верхнее течение Буга и его притоков с Савранью и Синюхой включительно. Голая степь расстилалась только южнее р. Савраньи и Синюхи и известна была под именем “поля очаковского”. Острова на нижнем Днепре были также покрыты лесами, в которых вырубали свои “сечи” казаки. Карта Федора Борисовича Годунова помещает *Черный лес* на верховьях Ингульца, а польско-литовские люстрации помещают леса на р. Роси (Каневский лес), по берегам Сулы, Псела, Ворсклы. “Книга Большому Чертежу” намечает леса на верховьях Сейма, Донца, Оскола, по Донцу и его притокам с Айдаром и Белой включительно. Лес находился в старину и на низовьях Дона. Венецианец Иосафат Барбаро, проживавший в городе Тане с 1436 по 1455 г., сообщает, что в трех милях от города находился лес, где скрывались разбойники, кроме того, в 60 милях от города находилось великое множество ивовых лесов, которые он видел, разрывая один курган. Уцелели до сих пор (и, надо думать, существовали и в старину) леса по р. Воронежю и на верховьях рек Хопра и Медведицы. Наши степи похожи были на американские саванны с их лесными островами и кустарниковыми зарослями.

Если даже в черноземной, собственно степной области в начальные времена нашей истории лесов было больше, чем теперь, то едва ли нужно доказывать это относительно нечерноземной области. Здесь на памяти истории в течение продолжительного времени истреблялся лес. Сначала его рубил, корчевал и выжигал наш земледелец, а затем стал вырубать фабрикант-заводчик, лесопромышленник. Об успешности, с какою шло здесь истребление лесов, могут дать наглядное представление, например, следую-

щие цифры. По данным генерального межевания конца XVIII в., лес покрывал Петербургскую губернию на 79% пространства, а в конце XIX в. — только на 41%, Новгородскую — соответственно на 73,6 и 42,5%, Псковскую — на 60 и на 30%, Тверскую — на 77,6 и 28%, Ярославскую — на 69 и 34,7%, Смоленскую — на 64 и 34% и т.д. Огромное уменьшение леса в нечерноземной области с течением времени — факт несомненный. И несомненно, следовательно, что в начальные времена нашей истории здесь было гораздо больше лесов, чем теперь. Гораздо важнее вопрос о распределении этих лесов, т.е. одевали ли леса сплошным покровом эту область или чередовались с безлесными и малолесными пространствами, как теперь.

Древнейшие известия, какие мы имеем относительно этого, говорят нам, что и в начальные времена нашей истории лес не одевал сплошным покровом нечерноземную область.

Прежде всего, у нас есть прямые свидетельства о безлесных местностях внутри этой области. Летопись говорит о *Белеховом* поле и *Юрьевском* поле на левом берегу Колокши. Самый город Юрьев назывался Польским, потому что лежал в степном оазисе. И донныне здешний край на протяжении от Юрьева почти до Владимира слывет под именем *Опольщины*. Лесов здесь очень мало и почва приближается к чернозему, что служит новым указанием на изстаринную безлесность этого края. Другая подобная же местность, но гораздо меньших размеров, находилась к северо-западу от Опольщины на берегу Волги. Об этом свидетельствует древнее название города Углича — Угличе поле. Суздальщина, по представлению летописи, вообще является как бы безлесной или малолесной страной, вследствие чего и называлась *Залесьем*, а главный ее город Владимир — Залесским. Упоминания летописи о различных больших лесах, находящихся в нечерноземной области, являются косвенными свидетельствами того, что леса не одевали эту область сплошным покровом. Уже начальная летопись говорит об *Оковском* лесе, из которого вытекает Волга. В области древлян летопись XII и XIII вв. помещает *Чертв лес*, в области Десны — *Болдыж лес*, на правом берегу Волги, на самом крутом изгибе ее повыше Ярославля, — *Ширенский лес*, где в 1238 году погиб князь Юрий Всеволодович после поражения на р. Сити, и т.д. Побережья Ледовитого океана и Белого моря и в старину, как и теперь, одеты были тундрами, т.е. зыбучими болотами, поросшими мхом, лишайником, ягодными растениями и разным кустарником. Причиной заболоченности является вечная мерзлота, т.е. никогда не оттаивающая почва, лежащая на глубине 0,7—1,5 метра и не пропускающая сквозь себя воду. Эта же мерзлота вместе с коротким (6—8 недель) летом препятствует здесь развитию леса и допускает лишь произрастание карликовых березок и сосенок. Все эти условия существовали на крайнем севере и в начальные време-

на славянской колонизации в Восточной Европе, а следовательно, существовали и тундры с их характерной растительностью.

В связи с большим обилием леса и с меньшей населенностью страны находилось большое богатство и разнообразие животного мира Восточной Европы в начальные времена нашей истории. В лесах водилось множество пушных зверей всякого рода — зайцев, белок разных пород, куниц, лисиц, медведей, волков, рысей; в бассейнах Двины и Печоры водились соболи; водились травоядные — олени, лоси, зубры, кабаны. Водились эти животные и в степных лесах; к ним прибавлялись здесь дикие козы, овцы, туры, или дикие быки, дикие лошади. Все ручьи и речки были густо заселены норками, выдрами и бобрами. В реках и озерах водилось множество рыб, в дуплах деревьев — диких пчел. Это общее впечатление, которое выносится из чтения всех древнейших памятников русской истории. Особенным же богатством животного мира отличалась черноземная степная область. Теперь здесь встречаем только мелких животных — сурков, полевых мышей, хомяков, сусликов, овражков и т.п. — и птиц разных пород. В старину здесь было изобилие всякого зверья, которое поражало даже жителей лесных областей. Вот что читаем, например, в описании путешествия митрополита Пимена в Царьград (при Димитрии Донском): “В неделю же св. Мироносиц поплыхом рекою Доном на низ. Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, быше бо пустыня зело всюду... нигде бо видети человека, точию пустыни великие и зверие множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, журавли и прочая. И быше вся пустыни великие”. Мы знаем по летописям, что и князья наши, когда ездили на охоту, то отправлялись обычно в степь, “*полевать*”. Значит здесь было больше даже добычи, чем в лесной области. Здесь было царство травоядных, на счет которых жили хищники.

Таковы были естественные условия нашей страны, в которые попали наши предки при своем расселении в Восточной Европе. Как определили эти условия их первоначальное расселение, об этом речь впереди. Здесь же нельзя не обратить внимания на обратное обстоятельство, именно на значительное воздействие, которому подверглась сама природа от русского человека в течение его истории. Там, где расстилались роскошные степи, в настоящее время тянутся необозримые нивы культурных растений. Поредели леса, высушены в значительной степени болота и озера; пашни и луга внедрились в прежние лесные заросли. Дикие животные большей частью истреблены и заменены домашними. Все это приводит к мысли, что в развивающемся процессе жизни земного шара человечество является не пассивным только воспринимателем внешних влияний, но известным трансформатором их, активной творческой силой, оказывающей самостоятельное

воздействие на жизненный процесс. Таким значением человечества и оправдывается существование особой об нем науки истории.

Важнейшая литература:

Рупрехт Ф.И. Геоботанические исследования о черноземе: С картою распространения чернозема в Европ. России. — Спб., 1866. (Прил. к 10-му т. Зап. имп. Акад. наук, N 6).

Докучаев В.В. Картография русских почв: Объяснит. текст к почв. карте Европ. России. — Спб., 1879.

Чаславский В.И. Почвенная карта Европейской России. — Спб., 1879.

Докучаев В.В. Русский чернозем: Отчет имп. Вольному экон. о-ву. — Спб., 1883.

Докучаев В.В. Методы исследования вопроса: Были ли леса в южной степной России? Сообщ. В.В.Докучаева в торжеств. собр. имп. Вольного экон. о-ва 31 окт. 1888 г. — Спб., 1889.

Докучаев В.В. Наши степи прежде и теперь. — Спб., 1892.

Костычев П.А. Почва // Сельское и лесное хозяйство России. — Спб., 1893. (Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго).

Сибирцев Н.М. Краткий обзор главнейших почвенных типов России: С схемат. почв. картою и таблицей классификации почв. — Варшава, 1898.

Танфильев Г.И. Пределы лесов на юге России — Die Waldgrenzen in Sudrussland. — Спб., 1894.

Танфильев Г.И. Физико-географические области Европейской России. — Спб., 1897.

Краснов А.Н. Травяные степи северного полушария. — М., 1894. (Изв. имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, Т.81. Тр. геогр. отд-ния, вып. I).

Майков Л. Критические и библиографические заметки [на] "Очерки русской исторической географии: География начальной летописи" Барсова Н.П. // Журн. М-ва нар. просвещения. 1874. Ч.174, авг.

Бекетов А.Н. География растений: Очерк учения о распространении и распределении растительности на земной поверхности: С особым прибавлением о Европ. России... — Спб., 1896.

Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России: С прил. материалов для ист.-геогр. атласа России XVI в. — Спб., 1884.

Тилло А.А. Орография Европейской России на основании гипсометрической карты: Речь председателств. в отд-нии географии мат. ИРГО А.А.Тилло на чрезвычайном собр. ИРГО по случаю VIII съезда рус. естествоиспытателей и врачей. — Спб., 1890.

Анучин Д.Н. Рельеф поверхности Европейской России в последовательном развитии о нем представлений. — М., 1895.

Иностранцев А.А. Геология: Общий курс: Лекции, чит. студентам С-Петербург. ун-та. Т.1. Современные геологические явления (динамическая геология), петрография и стратиграфия. — 3-е изд., значит. доп. — Спб., 1899.

То же. Т.2: Историческая геология. — 2-е изд., значит. доп. — Спб., 1895.

Мушкетов А.И. Физическая геология: Курс лекций, чит. студентам Горного ин-та и Ин-та инженеров путей сообщения. — Спб., 1888-1891. — Ч.2. — 1888; Ч.1. — 1891.

Веселовский К.С. О климате России. — Спб., 1857.

IV. ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ ЕВРОПЫ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛАВЯН НА ИХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАССЕЛЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Славяне жили издавна в обстановке древесной растительности и воды, пользуясь всеми их дарами и удобствами. “Живут они, — пишет византийский император конца VI века, — в лесах у рек, болот и озер, куда доступ труден”. Поэтому, двинувшись из своей прародины в южные области Восточной Европы, славяне стали заселять их не вплотную, не сплошь, а раскидываясь по берегам рек, под сенью прибрежных лесов и древесных порослей и во всяком случае поблизости от них. Здесь славянин находил все, что он привык получать от природы, и прежде всего защиту от бродячего хищного кочевника. Полной безопасности в южных степях Восточной Европы не было и после того, как отхлынули из них гуннские, болгарские и аварские орды. В степях держались остатки прежних кочевых орд и вообще разрозненные бродячие элементы (позже бродники, казаки). И наконец, всегда можно было опасаться прибытия новых орд. Поэтому, расселяясь по степям, славяне по одному инстинкту самосохранения должны были жаться к рекам и одевавшим их берега лесным порослям, которые давали им возможность не только строить себе удобные жилища, но и огораживаться укреплениями от врага. С другой стороны, к рекам и лесным порослям тянули славян рыбные, звериные и бортные угодья. В лице славян расселялся в Восточной Европе народ, давно сочетавший земледелие с эксплуатацией зоологических богатств. Как уже было сказано выше, южные области Восточной Европы особенно изобиловали рыбой, зверем и бортами. Поэтому и славяне Восточной Европы в древнейших источниках выступают не только как земледельцы, но и как звероловы, рыболовы и бортники. Начальный летописец, воспроизводя по данным своего времени начальные времена русской истории о легендарных братьях — основателях Киева, говорит, что они “бяху ловяще зверь”. Хазары, по его словам, брали дань на полянах, северя-

нах и вятичах, обитавших в лесостепной области, “по белой веверице от дыма”. Меха́ми же брали дань и русские князья; например, Олег взимал дань с древлян “по черне ку́не”. Реконструкция летописца вполне подтверждается современными иноземными свидетельствами. Арабский писатель Ибн-Хордадбе, умерший около 912 г., свидетельствует, что русские из племени славян вывозят меха выдры и черных лисиц из дальних концов Славонии к Румскому морю и царь Рума берет с них десятину; кроме того, они привозят меха и в столицу Хазарии, где владетель ее берет с них также десятину; по временам эти товары они нагружают на верблюдов и отправляют их в Багдад. Ку́ньи и другие меха находили легкий сбыт; благодаря этому и на внутренних рынках их везде можно было обменять на товары и деньги. Вследствие этого меха получили у наших предков значение меновых ценностей, денег, и именем *куны* стали называться именно деньги, а именами *векша*, *веверица* известные денежные единицы. Кроме мехов предметом вывоза в Хазарию от восточных славян, по известию арабского писателя Эль-Балки, были мед и воск. И наш летописец влагает в уста Святослава заявление, что из Руси идут в Болгарию шкуры, мед, воск и челядь. Об эксплуатации зоологических богатств восточными славянами свидетельствует, например, такой памятник, как “Русская Правда”. Здесь наряду со статьями, охраняющими пахотные межи, зерновой хлеб на гумнах или в ямах, домашний скот, мы встречаем целый ряд статей, охраняющих охотничьи угодья и снаряды, охотничьих животных, рыболовные принадлежности, бортные деревья и ульи и т.д. Очевидно, все это были важные хозяйственные статьи, требующие такой же защиты закона, как и земельные угодья и инвентарь.

Эксплуатация зоологических богатств вызывалась не только возможностью выгодного сбыта их на сторону, но и внутренним потреблением. Не говоря уже о рыболовстве, даже охота конкурировала с земледелием в отношении доставления нашим предкам пищи. Летописец, воспроизводя по наблюдениям над бытом славян глухих отдаленных от центра местностей и, быть может, по дошедшим до него преданиям быт славян в древнейшее время, говорит между прочим: “Древляне живяху звериньским обычаем... едяху все нечисто... и Радимичи, и Вятичи, и Север обдин обычай имяху: живяху в лесе, яко же всяка зверь, ядуще все нечисто...” Можно вполне верить этим домыслам, потому что они подтверждаются на действительных фактах более позднего времени. Несмотря на принятие христианства, русские люди продолжали употреблять в пищу мясо таких животных, которые считаются у христиан нечистыми. Епископ Новгородский Лука Жидята (1036—1058) в послании к новгородцам убеждал их: “Братие не ядите скверна”. В вопросах, предложенных диаконом и domestikом Антониева Новгородского монастыря епископу Нифонту (до 1156 г.), находится, между прочим, извест-

тие, что смерды по селам Новгородской волости ели “веверчину” даже в великое говенье; по свидетельству митрополита Иоанна (1077—1089) в послании к Иакову Черноризцу, русские люди ели мясо и скверное, например медведину; митрополит рекомендует возбранять это, а виновных в “ядении скверна” выдавать митрополиту “у вине и козне”. Дичина в большом изобилии подавалась на столах князей и зажиточных людей. У Владимира Святого, например, на пирах “бываше множество от мяс, от скота и от зверины, быше бо по изобилью от всего”, — говорит летописец. В “Слове о богатом и убогом” (до 1200 г.) читаем, между прочим: “Ты богато на земли живяше... на обеде же служба бе многа, сосуди златом сковани и сребром, брашно много и различно: тетеря, гуси, жерави, ряби, голуби, кури, елени, вепри, дичина, чамери, трътьве, течени, кръпаниа, шемьлизи, пиръве, потькы; множество сакачий, работаюче и делающе с потем и мнози текуще и на перстех блюда носяще, ини же махающе с боязнью”. Точно так же и воск с медом были предметами не только внешнего вывоза, но и внутреннего потребления. Между прочим, медом платилась дань князьям. Последние жаловали иногда эту дань на церкви и монастыри. Так, смоленский князь Ростислав Мстиславич дал епископу Мануилу “прощеники” с медом и куками, село Ясенское с бортником, а “на посвет” св. Богородице из двора своего 8 копий воску, а в Торопце, между прочим, берковец меду. Но большая часть медовой дани шла на изготовление напитка для княжеского двора. В погребке великого князя киевского Святослава Всеволодовича (1146г.) стояло 500 берковец сыченого или кислого меду. Князья так много готовили этого хмельного питья, что в походах могли угощать им всю свою дружину. Так обстояло дело в XI—XII вв. Нет никакого сомнения в том, что и в более раннее время мед был предметом широкого потребления у восточных славян.

Рыбные, звериные и бортные промыслы вели к экстенсивному расселению славян в черноземных местностях и степных областях. Экстенсивное расселение диктовалось славянам и природой лесных областей Восточной Европы. В лесные дебри сплошь и рядом можно было пробираться только по рекам, и во всяком случае следуя их течению. Для поселения приходилось выбирать поляны среди леса или места, покрытые мелкой лесной порослью, которую легче было вырубить или вычистить; пространства, покрытые крупным лесом, а в особенности моховые болота, приходилось обходить. Таким образом, в лесной области Восточной Европы славянское население должно было раскидываться островками и группами островков среди моря лесов, болот и озер. Это обстоятельство станет еще более ясным после того, как вникнешь в некоторые детали хозяйственной жизни восточных славян.

В настоящее время по данным сравнительного языковедения установлено, что земледелие составляло основу хозяйственного быта славян еще

до их расселения. Слова, относящиеся к сельскохозяйственным орудиям и операциям, культивированным растениям и способам подготовки почвы, звучат во всех славянских языках более или менее одинаково. Выводы сравнительного языковедения подтверждаются прямыми историческими свидетельствами. Так, в рассказе Менаандра о борьбе аваров со словенами в VI в. упоминаются “словенские поля”. Император Маврикий и Лев Мудрый (VI и VII вв.) свидетельствуют, что любимой пищей славян было просо. По словам Константина Багрянородного (X в.), хлеб и мясо были обычными жертвоприношениями у восточных славян. Из чего можно заключить, что хлеб и мясо были и обычной их пищей. Еврейский путешественник X в. Ибн-Якуб сообщает, что славянская земля обильна всякого рода жизненными припасами, что славяне народ хозяйственный и занимается земледелием усерднее, чем какой-либо другой народ. По нашим домашним источникам, земледелие является распространенным обычным занятием в нашей стране до принятия христианства. В языческих могилах, относимых археологами к полянам, древлянам и северянам, находятся железные серпы и даже зерна хлебных растений (ржи, ячменя, пшеницы). Начальная летопись, рассказывая о походе Олега на древлян, влагает в уста его следующие слова, обращенные к жителям Искоростеня: “А вси города ваши предашася мне и ялися по дань и делают нивы своя и земле своя”. В уста вятичей на вопрос Святослава, кому они дают дань, летопись влагает заявление: “Козаром пошьлягу от рала даем”. В памятниках XI и XII вв., т.е. в летописи, в древнейших частях “Русской Правды”, в житиях святых встречаем множество указаний на сельскохозяйственный быт восточных славян. Здесь упоминаются наиболее важные роды культурных растений: пшеница, рожь, овес, ячмень, просо, горох, мак, лен; общим названием зернового хлеба является жито. Из сельскохозяйственных орудий в русских памятниках XI—XII вв. упоминаются: орало, плуг, борона, мотыга, рыскаль (заступ), рогалия (род мотыги), цеп. Из сельскохозяйственных работ упоминается пахота лошадьми и волами, посев, жниво, упоминаются гумна и скирды, молотыба на току, веяние, помол на ручных жерновах, упоминаются мука и отруби, пшено, закрома (сусеки), где хранится зерно или мука, упоминаются, наконец, стога сена. В житии Феодосия Печерского рассказывается, как монахи копали в огороде “зелинного ради растения”, что в Вышгороде были не только огородники, но и старосты огородников, вероятно, княжеских. Все эти известия по сопоставлению их с более ранними показаниями источников являются удостоверением того, что земледелие в экономическом быту восточных славян было исконным и прочно утвердившимся занятием.

Развитие сельскохозяйственного хозяйства стояло у наших предков в связи с развитием скотоводства, разведением домашних животных, при помощи которых велись сельскохозяйственные работы, перевозились тяжести. Из до-

машных животных у славян еще до расселения их находились лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи. Названия — бык, вол, корова, теленок, конь, кобыла, жребя, овца, баран, ягня, свинья, вепрь, порося общи разным славянским языкам, как и названия некоторых продуктов скотоводства — молоко, сыр, мясо, руно, волна, или шерсть, и т.д. Известия арабов, восходящие к IX в., говорят, что славяне в большом количестве разводили домашний скот, специально свиней. Ибн-Фадлан, арабский писатель X в., рассказывая о русских похоронах, говорит, что в качестве жертвы приносятся быки, лошади, собака, петух и курица; в других случаях в качестве жертвы упоминаются овцы. В русских источниках XI—XII вв. упоминаются волы, лошади, овцы, свиньи, козы, даже ослы.

Итак, в лице восточных славян расселился на нашей стране народ, для которого земледелие и скотоводство составляли основу его хозяйственного быта, главный источник его пропитания. В южных областях, где под пашню шли плодородные черноземные земли, занятие сельским хозяйством само по себе не заставляло славян разбрасываться, расселяться на дальние расстояния, в мелких поселках. Экстенсивный характер расселения создавался здесь другими причинами, о которых уже отчасти сказано выше. Но в лесных нечерноземных областях с малоплодородной почвой дело обстояло иначе: тут именно земледельческий промысел сплошь и рядом заставлял славян расселяться на далекие расстояния. Здесь под пашню можно было сплошь и рядом занять из-под лесной заросли небольшой клочок относительно плодородной земли, на котором могло основаться только маленькое поселение. Другим земледельцам приходилось идти дальше, разыскивать другой такой же клочок земли и селиться особым поселком. Самые способы земледелия, которые практиковались с древнейших времен в лесной полосе, должны были также приводить к широкому расселению на больших пространствах земли. Новоселы в известном месте расчищали из-под лесной заросли участок, выдирали пни и корни, сжигали их и на удобренной золой земле заводили пашню. Возникала таким образом *деревня*. Засеяв несколько лет подряд расчищенное место, поселенцы в свободное время не переставали “теребить” земли по соседству, т.е. расчищать их из-под леса и кустарника. Эти “притеребы” и шли под новую пашню, когда старая истощалась. Старую оставляли залегать на несколько лет, пока она не набиралась вновь производительными силами. Обыкновенно старая пашня за это время зарастала мелким лесом, и ее вновь приходилось расчищать, хотя уже с меньшими усилиями, чем в первый раз. Но при соблюдении всех этих условий рано или поздно наступало в данной местности истощение почвы, и населению деревни в полном составе или в части приходилось сниматься с насиженного места и отыскивать другое. “От этого сельское народонаселение, — писал И. Д. Беляев в своей статье о земледелии в древней России, —

было у нас самое подвижное, что доказывают изумительные по своей многочисленности ряды пустошей, селищ и деревнищ, а также починков и поселков, свидетельствами о которых переполнены дошедшие до нас старые официальные памятники; так что при первом чтении свидетельств о пустошах, деревнищах и селищах можно подумать, что мор, война и другие бедствия ежегодно опустошали русскую землю, тогда как на самом деле главной причиною такового множества пустошей и селищ был указанный древний порядок сельского хозяйства”. Наблюдения Беляева относятся к более позднему времени, но несомненно, что и в начальные времена славянской колонизации дело обстояло так же. Эта подвижность земледельческого населения приводила все к одному и тому же результату — к разбрасыванию его по обширной территории.

Такое же действие оказывали и другие промыслы, которыми занялись славяне по расселении в Восточной Европе, т.е. охота, рыбная ловля и бортничество. Условия и порядки этих промыслов в то время были таковы, что заставляли промышленника устраивать свою оседлость по возможности ближе к местам, где водились звери, птица, рыба или пчелы. Зверей ловили и били большей частью облавой; птиц ловили тенетами или силками, перевесами или сетями, кляпшами или западнями. Самым распространенным способом рыбной ловли в древней Руси были езы, или язы, т.е. преграждение рек забором из жердей или плетнем, с оставлением окон с вершами или сетками, в которые и попадала рыба. Все эти способы ловли предполагают более или менее постоянное наблюдение, близкий глаз промышленника. То же самое справедливо и относительно бортного промысла, особенно в период роения пчелы. Способы охоты в связи с существованием множества людей, занимающихся этими промыслами, в связи с развитием хищничества по отношению к орудиям охоты и добычи приводили к тому, что промышленники старались селиться и устраивать свою пашню поближе к найденным угодьям. Самые угодья не оставались в общем пользовании всех, кто пожелает, а вместе с распаханной землей становились владением того, кто первый стал их эксплуатировать, осваивались им для себя и своих близких. Поэтому и в составе недвижимых имений древнейшие источники отмечают обыкновенно бобровые *гоны*, *зеремьяна* (гнезда бобров), звериные *ловы* или *ловища*, *перевесища*, *тони* и другие “пути”. Около 1192 г. некий старец Варлаам отказал Хутынскому монастырю свое имение. Это имение составляли земли, или нивы, огород, ловища рыбные и гоголиные на р. Волхове, челядь, скот. Позднейшие купчие грамоты XIV в. постоянно в составе имений обозначают и “путики”. “Секупи вотчину — читаем в них, — двор и дворище, оромыи земли с притеребы, и пожни с притеребы, и путики того села”. Что разумеет под “путиками” — это ясно дает знать, например, купчая, в которой читаем: “На земле оролой пятери гоне, а в заливе два перевесища,

в реке четвертая часть, а на песку в тоне четвертая часть” и т.д. Такая тесная связь земельных владений с владением охотничьими угодьями наглядно показывает, что и расселение русского народа совершалось в известной зависимости от распределения этих угодий. А если так, то и расселение это совершалось не поступательно, а вразброд, мелкими группами, на более или менее далекие расстояния. По части влияния бортничества на расселение русского народа чрезвычайно любопытны некоторые данные актов XVI века, относящиеся к Западной Руси. В XVI веке в западной Руси, находившейся под литовским владычеством, сплошь и рядом случалось следующее. В господарской (великокняжеской) пуще крестьянин находил бортные деревья, никем еще не заклеянные. Он ставил на них свое клеймо и сам или кто-нибудь из его семьи переселялся на лето из села в пущу для наблюдения за бортями и получения меда. Так как при этом у наблюдающего оставалось много свободного времени, он принимался за какую-нибудь работу — косил сено поблизости, где было можно, а если позволяла почва, пахал и севал сначала яровые, а потом и озимые хлеба. С течением времени на бортном угодье появлялись, таким образом, сеноката и нивы, которые и делались достоянием крестьянской семьи на праве первой заимки. При размножении этой семьи на бортном угодье появлялся новый крестьянский двор, отделившийся от старого, бортнический двор, или бортное сельцо. Подобное же должно было случаться и в более древние времена русской колонизации ввиду свидетельства источников о бортниках, бортных угодьях.

Итак, при своем первоначальном расселении в Восточной Европе славяне в силу ее природных условий должны были селиться не сплошь, а группами, островами, оставляя между ними большие незаселенные пространства; но даже и в пределах этих групп и островов славяне, по условиям своей экономической деятельности, не скучивались, а разбрасывались мелкими поселками на больших расстояниях. Славяно-русская колонизация Восточной Европы с самого начала приняла резко выраженный экстенсивный характер. Нападения, которым с течением времени стали подвергаться славяне в южных областях Восточной Европы, заставили их отхлынуть на север и охватить своими поселками новые пространства лесных областей.

Важнейшая литература:

Грушевский М.С. Киевская Русь. Т. I. Введение. Территория и население в эпоху образования государства. — Спб., 1911. (Извлеч. из 2-го укр. изд.)

Krek G. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte: Akad. Vorlesungen, Studien und kritische Streifzüge. — 2-te vollig. neu bearb. und erw. Aufl. — Graz, 1887. — XI. 887 S.

Будилович А.С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным: Исслед. в области лингвистической палеонтологии славян. — Киев, 1878—1881. — Ч. 1-2.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских: (С половины VII века до конца X века по РХ.). — Спб., 1870.

Гаркави А.Я. Дополнения. — Спб., 1871.

Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. — Спб., 1866.

Багалец Д.И. История Северной земли до половины XIV столетия. — Киев, 1882.

Ляскоронский В.Г. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. — 2-е изд. — Киев, 1903.

V. КОЧЕВНИКИ В ЮЖНЫХ СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В IX—XI вв. И ОТСТУПЛЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СО СТЕПНОГО ЮГА НА СЕВЕР И ЗАПАД

Расселение славян в лесостепных и степных областях сопровождалось устройством многочисленных городков и городов, которые были преобладающим типом славянских поселков в древнейшее время. Вот почему и географ Баварский так своеобразно описывал славянское население юга Восточной Европы. “Уличи, — читаем у него, — народ многочисленный: у них 318 городов (civitates); бужане имеют 231 город, вольняне (velunzani) — 70, северяне — 325”. В голос с географом Баварским говорит и наша летопись. Уличи и тиверцы, по словам летописи, жили прежде по Бугу и Днестру до моря и до Дуная; и было их множество, “и суть гради их до сего дне”. О многочисленности уличей и тиверцев летописец судит по обилию оставшихся от них “градов”, другими словами, городищ. В летописях мы встречаем много указаний на города, существовавшие в южно-русских землях в X—XIII вв. Но список городов, который можно составить по этим указаниям, все-таки далеко не соответствует тогдашней действительной их наличности. Летопись дает часто понять, что она называет только крупные, наиболее выдающиеся городские поселения. Так, например, под 1214 годом читаем в летописи: “Новгородцы начаша воевати по Днепру городе Черниговске и взяша Речице на щит и иные городе мнозе Черниговские и придоша под Вышегород”. Или под 1234 годом: “Поимаша (Даниил с союзниками) города многи по Десне, ту же взяша и Хорабар, Сосницю, и Сновеск и иные грады многие и придоша опять Чернигову”. Многие из этих укреплений были, несомненно, теми городами, которые ставили князья, начиная с Олега. Но, несомненно, князья были только продолжателями дела, совершавшегося ранее народными средствами.

Свидетельства древнейших источников о существовании многочисленных городов в древней Руси подтверждаются археологическими наблю-

днями над так называемыми городищами. Конечно, не все существующие городища можно отнести к начальным временам русской колонизации, многие представляют остатки позднейших укреплений, но несомненно, что многие городища относятся именно к начальному времени русской колонизации. Арабский писатель XI в. аль-Бекри рассказывает о русских славянах, что они строят свои укрепления таким образом: “Они направляются к лугам, обильным водами и камышом, и обозначат там место круглое или четырехугольное, смотря по форме, которую желают придать крепости, и по величине ее. Затем выкапывают вокруг него ров и выкопанную землю сваливают в валы, укрепивши ее досками и сваями наподобие битой земли, куда стена не дойдет до желанной высоты. И отмеряется тогда дверь с какой стороны им угодно, и к ней приходят по деревянному мосту”. Таких четверугольных и круглых земляных укреплений встречается в настоящее время множество на Руси, особенно в черноземной полосе. По восточным монетам и другим предметам, находимым в этих городищах, некоторые из них с уверенностью можно отнести к начальным временам русской колонизации. На такое же предположение наводят свидетельства актов и других источников XIV—XVI вв. о существовании городищ в разных местах Руси. Так, например, из описания Пименова путешествия в Царьград узнаем о существовании городищ на Дону. Но особенно многочисленные указания на существование городищ в черноземной полосе дает “Книга Большому Чертежу” конца XVI или начала XVII в. Любопытно, что большинство городищ с признаками языческой эпохи по своим размерам не больше того пространства, какое нужно для крестьянского двора. Что городки в древней Руси нередко огораживали однодворные и вообще мелкие поселения, на это намекает и летопись в своем рассказе о Кие. Кий ходил в Царь-Город: “идушу же ему вспять, приде к Дунаеву, возлюбил место и срубил градок мал, хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близ живущии; еже и доньне наричуть Дунайци городище Киевець”. Из рассказа летописи об основании Киева можно видеть, что городки возникали как убежища для жителей маленького поселка. Три брата Кий, Щек, Хорив поставили себе дворы на горах по соседству друг с другом; “и створиша град во имя брата своего старейшего и нарекоша имя ему Киев”. Эти легенды о Кие несомненно облечены чертами той действительности, которая была современна летописцу. Изображая Киев и Киевец, летописец представил их при первом основании именно такими городками, каких было много и в его время и какие создавались именно родами или семьями поселенцев.

Города и городки служили достаточным обеспечением славянского населения степного юга, пока там были остатки кочевых орд или различные бродячие элементы. Но с половины IX в. степи Восточной Европы стали заливаться новыми волнами кочевников. По известиям арабских писателей

IX в., в степях Восточной Европы уже хозяйничали *угры*, или венгры. Угры непрерывно нападали на славян, брали у них пленников, отводили их в Карх (Керчь) и променивали грекам на парчу, пестрые шерстяные ковры и другие греческие товары. По западным известиям, “они господствуют над всеми соседними славянами, отягощают их тяжелой данью и обращаются с ними как с своими рабами”. Очевидно, хазары уже не в состоянии были сдерживать напор кочевников с востока и сначала пропустили угров. Вслед за уграми в 70—80-х годах IX в. прорвались в наши степи *печенеги*, которых теснили с востока *узы*. Печенеги оттеснили угров на запад в области рек Днестра, Прута и Серета. По призыву византийского правительства угры приняли было участие в войне греков с болгарами в 892 году. Но болгары навели на них печенегов, и угры, попав между двух огней, бросились вверх по Дунаю, на кочевья гуннов и аваров, и тут утвердились окончательно на жительство. Об этом передвижении племен сообщает и Константин Багрянородный, византийский император, и западный летописец монах Регинон, разногласия только в хронологических приурочениях (Константин Багрянородный относит прибытие угров в среднедунайскую низменность к 898 году, а Регинон к 889-му). Регинон знает даже и о первоначальном жительстве угров. В 889 году, пишет он, вышел народ венгров из скифских болот, где течет Танаис, выгнанный из своего местожительства соседними народами, которые называются *ресинати*. Это сообщение о первоначальном местожительстве венгров в наших степях вполне согласуется с арабскими известиями, которые помещают угров на двух реках, текущих в Румское море вблизи Кавказских гор (т.е. на Дону и Кубани). Венгры ушли, а печенеги остались на юге нашей страны.

При Константине Багрянородном печенеги занимали уже все пространство степей от нижнего Дуная до Дона. От нижнего течения Дуная напротив Силистрии до Хазарской крепости Саркела на Дону простирается Печенегия, говорит император. Он сообщает, что печенежская орда состояла из восьми колен, или племен, из которых четыре располагались на левой стороне Днепра около Хазарии, Алании и на границах Херсона, а четыре — на правой: одно по соседству с болгарами, другое по соседству с венграми, третье по соседству с уличами, древлянами и ленчичанами, а четвертое по соседству с Русью. На первых порах они, по всем данным, находились в мирных отношениях к нашим славянам. В 915 г., по сообщению летописи, печенеги заключили с Игорем мир, а в 944 г. они как наемное войско участвовали в походе русских на греков. Но со времени Святослава начинается упорная борьба Руси с печенегами. Занятый беспрестанными походами, Святослав мало заботился об охране Руси. Благодаря этому печенеги сделались смелее. Они заняли самую важную местность по течению Днепра — его берега около порогов и сильно затрудняли сообщение Руси с Черным морем. Один

раз в бытность Святослава в Болгарии они напали на Киев и едва было не взяли его. При Владимире Святом борьба с печенегами была, по выражению летописи, “без переступа”. Они два раза проникали почти до Киева и один раз разбили киевского князя у Василева и едва не захватили его в плен. Для защиты от непрерывных набегов печенегов Владимир начал строить города по Десне, Осетру, Трубежу, Стутне и Суле. Ярослав продвинул линию укреплений на правом берегу Днепра несколько южнее и начал ставить города по Роси. Но скоро судьба освободила Русь от соседства печенегов.

В 1034 г. печенеги осадили Киев. На выручку его подоспел Ярослав с новгородцами и наемными варягами. Страшная битва произошла, по словам летописца, на том самом месте, где впоследствии была выстроена св. София. Печенеги были разбиты; много их погибло в реке Сетомле. Это была последняя битва, ибо, как говорит летопись, печенеги “погибоша, а проки их пробегоша и до сего дне”. От византийского писателя *Георгия Кедрина* узнаем, куда убежала большая часть печенегов. Оказывается, около 100 тысяч их перешло Дунай и поселилось в пределах империи. Кедрин сообщает и причину этого переселения. Печенегов из наших степей вытеснили узы.

Но кто такие были эти узы, откуда они вышли? Из сообщения Константина Багрянородного мы знаем, что узы в IX в. жили еще за Яиком в Азии, а затем, потеснив печенегов, заняли область между Яиком и Волгой; при этом, сообщает император, часть печенегов осталась там же и стала жить вместе с узями. Арабский писатель половины X в. Масуди застает их уже на правой стороне Дона, который отделяет от них Хазарию. Очевидно, следовательно, что узы в своем движении на запад последовали за печенегами и расположились в наших степях по соседству с печенегами, около Дона. Какой же народ знает наша летопись в степях около Дона в X в.? Печенегов и торков. Услугами последних воспользовался в 985 году Владимир Святой, когда шел на волжских болгар. “Иде Владимир на Болгары с Добрынею уем своим в лодьях, а Торкы берегом приведе на конех”, — сообщает летопись. Итак, узы то же самое племя, которое называется *торками* в наших летописях. Торки-узы, вытеснив печенегов из Приднепровья, заняли их место и стали тревожить своими набегами русскую Украину. Поэтому в 1060 г. Ярославичи — Изяслав, великий князь киевский, Святослав, князь черниговский и Всеволод, князь переяславский, решили одним ударом покончить с новым врагом Руси. “Совокупивше вся бесчислены”, они пошли на лодках и на конях на торков. “И се слышавши Торци, — рассказывает наш летописец, — убоявшесе пробегоша и до сего дни, и помроша бегающе гоними, одни от зимы, друзии же голодом, свии же мором и судом Божиим, и тако Бог избави крестьяны от поганых”. Одновременно с этим византиец *Михаил Атталеиота* сообщает о гибели узов. По его словам, они потерпели сильно от зимы, были изнурены болезнями и голодом. Случилось это уже в 1064 г.

в пределах империи, куда они прибежали, те же из них, которые ушли обратно за Дунай, сообщает Атталея. были рассеяны князем Мирмидоном около его городов. Из наших летописей узнаем, что оставшиеся в наших степях, по-видимому, в незначительном количестве, торки вошли в состав так называемых черных клобуков и поселились на Подолье в Киевском княжестве и на левой стороне Днепра в Переяславском княжестве в качестве союзников русских князей, которые стали пользоваться ими для своих домашних усобиц и для борьбы с другими степняками. В великокняжение Всеволода Ярославича переяславские торки было “заратились”, подняли восстание, но Всеволод в 1080 г. отправил на них сына своего Владимира, который “шед побив Торки”.

Итак, и этот враг славянского населения нашего юга сошел со сцены или, по крайней мере, перестал быть опасным для русских славян. Но на смену ему появился еще более опасный враг и все оттуда же, откуда пришли печенеги и торки. Вслед за известиями об отражении торков русскими князьями летопись сообщает о появлении на наших окраинах *половцев*. Они появились в 1061 г. и разбили Всеволода. Семь лет спустя Ярославичи вышли против них на р. Альту и потерпели полное поражение. По-видимому, и самое движение торков на запад вызвано было не столько поражением от русских князей, сколько натиском половцев. С 1071 г. начинаются их беспрепятственные набеги на Русь. Не проходило почти ни одного года, когда бы не горели русские города и села и русские жители не уводились в полон половцами. Больше всего терпели от половцев Киевское и Переяславское княжества, и особенно Посулье и Поросье. Современник-летописец яркими красками изображает бедствия, причиненные на Руси половцами. Рассказав об их нашествиях на Киевскую и Переяславскую земли в 1092—1093 гг., летописец говорит: “Створи бо ся плачь велик у земле нашей, и опустеша села наши и городе наши, и быхом бегающе и пред враги нашими... Ибо лукавии сынове Измайлове пожигаху села и гумна, и мнози церкви запалиша огнем. Земля мучена бысть: ови ведутся полонене, а друзии посекаеми бывають, друзии на месть даеми бывають, горкую приемлюше смерть, друзии трепещуть зряще убиваемых, друзии гладом умориваеми и водною жажею... овии вязани пятами тькаеми; на морозе держими и вкаряеми... и гряде вси опустеша, и перендем поля, и деже пасома быша стада коне, овце, волове, се все тще ныне видим, нивы порожше стоять, зверем жилища быша”. Нападения половцев не прекращались и далее в течение всего XII в. и затихли только в XIII в. незадолго до вторжения татар.

Печенеги и половцы, без сомнения, были тюрки. По свидетельству византийских писателей, печенеги говорили одним языком с половцами, а половецкий язык был несомненно тюркским. До нас дошел “куманский” (половецкий) словарь, составленный в 1303 г. и завещанный Петраркой Ве-

нецианской республике. Словарь этот составлен был для миссионеров и торговцев, ездивших в наши степи, где господствовали турецко-татарские народы, на основании языка куманов, живших в то время между Тиссой и Дунаем. Словарь заключает в себе 2500 наиболее употребительных слов и написан тремя колонками: первая — латинское слово, вторая — персидское и третья — куманское. Сходство словаря и грамматических форм не оставляет сомнения в ближайшем родстве куманского, т.е. половецкого, языка с другими тюркскими.

Появление новых кочевников в южных областях Восточной Европы не могло не отразиться на распределении в этих областях славянского населения. Мы видели, что уже в VIII в. славянское население Подонья сильно пострадало от войн, которые арабы вели с Хазарией. Еще большие бедствия должны были обрушиться на славян Подонья с передвижением в наши южные степи угров, печенегов, торков и половцев. Оседлое славянское и хазарское население не могло удержаться в этом крае и должно было покинуть его.

Куда же ушли славяне с Подонья? По всем данным, большая часть подонского населения передвинулась на север, на верховья Дона и в бассейн Оки, где в XI в. как раз замечается увеличение славянских поселений и, наконец, некоторая часть населения ушла, по-видимому, на юг, в область нижней Кубани. Этим приливом населения в область нижней Кубани, по всей вероятности, объясняется возникновение здесь особого русского княжества Тмутараканского на месте греческо-варварской колонии Таматархи (ранее Фанагория). Население Таматархи было смешанное, состояло из касогов (черкесы), ясов, или алан (осетины), греков и хазар. Русские князья могли устроить здесь особое княжение, только опираясь на пришлый славянский элемент. В разгаре их борьбы с печенегами, в начале XI в., княжество Тмутараканское играло даже крупную роль в судьбе Руси при Мстиславе Владимировиче: с силами этого княжества Мстислав добился от своего брата Ярослава дележа по Днепр. Позже сюда являлись обычно обездоленные князья или изгои вроде Ростислава Владимировича, Олега Святославича. В последний раз Тмутаракань упоминается в летописях в 1094 г.: в этом году Олег покинул ее, чтобы сесть в Чернигове. Девяносто лет спустя Тмутаракань считалась на Руси уже потерянной страной. Желанием вернуть ее певец “Слова о полку Игореве” объясняет поход северских князей 1184 г.: “Се бо два сокола слетеста съ огня злата стола поискати града Тьмутароканя, а либо испити шеломом Дону”. Славянский элемент, по всем признакам, растаял в Тмутараканском княжестве, растворился в варварской среде. Вот как описывает жителей Тмутаракани венгерский монах, посетивший Приазовье в 1237 г.: “Ее владетель (dux) и население называют себя христианами, имея книги и священников греческие. Говорят, что князь имеет сто жен, все муж-

чины бреют головы, а бороды растут умеренно, за исключением благородных, которые в знак своего благородства над левым ухом оставляют немного волос, причем вся остальная голова брита”. С утверждением на низовьях Дона и на Кубани татар Тмутараканское княжество исчезает совершенно с исторической сцены.

Итак, прибой тюркских волн разбил славянское население Подонья, которое ушло на север и юг. Та часть его, которая ушла на юг, на Кубань, не удержалась здесь, а с течением времени ушла отсюда или затерялась среди других племен. То же самое приблизительно произошло и в бассейнах Днепра, Буга и Днестра.

В эпоху составления “Повести временных лет”, во второй половине XI в., у современников сохранились воспоминания о многочисленных племенах уличей и тиверцев, живших по Днестру, Бугу, до Дуная и до моря. От этих племен сохранились в то время в названной местности уже одни только следы их поселений — городища. Летописец, упоминая о бывлом поселении уличей и тиверцев, говорит: “И суть гради их до сего дне”. Писавший в конце IX в. географ Баварский также знает уличей, про которых он пишет: “Уличи — народ многочисленный, городов 318”. Исчезновение уличей и тиверцев из Побужья и Поднепровья стояло в связи с тем же передвижением в наши степи кочевых тюркских племен. Уже в X в. печенеги проникли на запад от Днепра. Константин Багрянородный рассказывает, что на запад от Днепра кочевали четыре колена; при этом, как можно заключить, уличи и тиверцы были ими вытеснены из своих первоначальных поселений. По его словам, печенегов можно найти по берегам Днепра и Днестра, где они постоянно кочуют. Когда в 60-х годах XI столетия печенеги и торки очистили территорию южных степей, на запад от Днепра продвинулись половцы. В 1070 г. они сделали первый набег на Венгрию; следовательно, уже проникли до юго-восточного склона Карпат. Восемь лет спустя они уже принимали участие в смутах на Балканском полуострове, потрясавших Византийскую империю. Можно утверждать, что в 80-х годах XI в. половцы кочевали между нижним Днепром, Карпатами и Дунаем. Из поучения Владимира Мономаха ясно видно, что половцы кочевали по Южному Бугу: “и на Буг идохом с Святополком на Боняка на Рось”. Русские князья в начале XII в., гоняясь за половцами, нападавшими на Поросье, доходят до самого Дуная.

Куда же девалось оседлое славянское население Побужья и Приднепровья? Поселения уличей и тиверцев, как мы видели, простирались до Дуная; как далеко простирались они на запад, мы не знаем. По смыслу летописного известия выходит, что они группировались только у низовья этой реки. Сюда, вероятно, и выселилась часть славянского населения с берегов Буга и Днестра, когда появились кочевники. Анна Комнин рассказывает, что в разгар борьбы империи с печенегами какой-то род скифский, подвер-

гавшийся постоянному разбою савроматов, снявшись с родины, спустился к Дунаю. Переселенцы вошли в соглашение с князьями подунайских городов (Тата, Хале, Всеславом, Сатцо и другими) и стали без опасения переходить на другую сторону Дуная, опустошая прилежащую страну, так что они захватили даже и некоторые городки. После этого, пользуясь некоторым спокойствием, они пахали земли и сеяли овес и пшеницу. Ясное дело, что эти переселенцы были не кочевники, а оседлые земледельцы, и скорее всего славяне, ушедшие от напора кочевников. Впоследствии на нижнем Дунае и его левых притоках мы видим целый ряд городков, имевших связи с Русью. Таковы были: *Галич Малый*, ныне Галац, *Дичин* где-то около Силистрии, *Текуч* на р.Бырлат, *Берладь* на той же реке, впадающей в Серет, и др. Последний был главным городом и по нему вся эта местность называлась *Берладью*. Это было нечто вроде второго Тмутараканского княжества. И в этом оторванном от основной Руси уголке находили себе приют разные князья-изгои, которым не находилось волости в русской земле. В 30-х, 40-х и 50-х годах XII столетия здесь находил себе приют князь Иван Ростиславич, внук известного Володаря Ростиславича, князя Галицкого. Он поэтому получил прозвание Берладника. За это время Берладь не раз присоединялась к Галичу, но ненадолго. Берладники не сносили подчинения сильным князьям: они любили сами принимать к себе князей, давать им помощь и покровительство. В семидесятых годах XII столетия эта область считалась уже чем-то оторванным от Руси. Всеволод Суздальский послал сказать Давиду Ростиславичу (смоленского рода): “А ты пойдти в Берладь, а в Русьской земле не велю ти быти”. На месте этой Берлады и выросла позднейшая Молдавия.

Итак, часть наших улличей и тиверцев вошла в конгломерат племен, из которых составилось население Молдавии. По некоторым данным можно заключить, что часть их удержалась в приморских городах, а часть отодвинулась на верховья Буга и Днестра. В XI—XIV вв. на берегу Черного моря при устьях Днестра, Буга и Днепра существовали три города: Белгород, Черноград и Олешье. О Белгороде упоминает Константин Багрянородный; этот же город стоит в перечне “русских” городов, составленном в половине XV в. и помещенном в Воскресенской летописи. Нахлынувшие тюрки перевели его славянское название на свой язык: Аккермен (ак — белый и кермен — город). Название Ак-керман существует и теперь. Перечень русских городов, помещенных в Воскресенской летописи, упоминает на Черноморском побережье Черноград. Этот город существовал уже в X в., как видно из одного документа, известного под именем записки готского топарха (византийского наместника в Таврической Готии). Этот топарх по каким-то политическим делам ездил к русскому князю. На обратном пути он ехал сначала по северному берегу Днепра, а затем переправился на правый с тем, чтобы идти по направлению к Маврокастроу. Маврокастроу по-гречески значит

Черный город. Тюрки этим именем на своем языке стали обозначать *Очаков*, называя его *Кара-кермен*. Итак, Черноград — это нынешний *Очаков* при устье Буга. Что касается *Олешья*, то летопись упоминает об этом городе впервые под 1064 г. Но, по-видимому, город этот существовал и ранее: русь, ездившая в X в. в Царьград, останавливалась иногда зимовать в *Белобережье* при устье Днепра; останавливался здесь и Святослав. Но Олешье находилось как раз там, и весьма вероятно, что все эти зимовки имели место именно в Олешье. Город Олешье продолжал существовать и в XIII в. и был промысловым и торговым пунктом. Названные города уцелели отчасти благодаря своим укреплениям и морю, на котором всегда можно было жителям спасаться от кочевников, а отчасти благодаря своему значению рынков, где кочевники могли сбывать свою добычу и запасаться различными нужными для них предметами. Часть улчий и тиверцев под напором кочевников отодвинулась, вероятно, на север на верховья Буга и Днепра. И летопись и Константин Багрянородный говорят об улчихах рядом с древлянами. Говоря о печенегах на правой стороне Днепра, Багрянородный пишет, что улчи и древляне — их соседи. Сообщая о возложении дани на древлян Игорем, летописец вслед за тем говорит об обложении данью и улчий. Тиверцев летопись упоминает обыкновенно после хорватов и дулебов; но хорваты сидели по верхнему Днестру, а дулебы по Западному Бугу. Значит, и с утверждением на правой стороне кочевников названные племена остались соседями других славянских племен. Значит, и кочевники перерезали территорию оседлого обитания улчий и тиверцев, оттеснив часть их на север, а часть на юг и запад.

Итак, результатом вторжения в наши степи и утверждения в них тюркских орд было сокращение территории славянской оседлости в южных черноземных пространствах России. Славянское население покинуло бассейн нижнего и среднего Дона, нижнее Приднепровье, бассейн Южного Буга, за исключением верхней его части, Приднестровье в нижней части. От главной массы славянства откололось и обособилось население некоторых мест по берегам Черного и Азовского морей, что привело позже к исчезновению или перерождению этого населения. Но этим не ограничились последствия прибытия кочевников в наши южные степи.

Выше был приведен рассказ о тех бедствиях, которые обрушились на приднепровское население с прибытием половцев. В великокняжестве Мономаха и сына его Мстислава Русь успешно отбивала нападения половцев; князья даже стали сами ходить на половцев в степь. Но с половины XII в., когда пошла на Русь страшная внутренняя неурядица, обострились княжеские усобицы, половцы снова стали чинить великие бедствия “Русской” земле, т.е. Приднестровью. Князь Андрей Боголюбский, убежав из Приднестровья домой в Суздальскую землю, говорил о положении вещей на юге: “Всегда в

мятежи и в волнении вси бяху, и много крови лияшеса, и несть никому ни с кем мира, а от сего вси княжения опустеша и от поля Половцы выплениша и пусто сотвориша”. И действительно, не проходило года, чтобы половцы не жгли сел, не уводили в плен жителей. Некоторые нападения их были особенно опустошительны. Так, в 1112 г. половцы около Киева взяли села “без учета с людьми, и с мужи и с женами, и коне и скоты, и овце”. Больше всех пострадала от половцев Переяславская волость, как наиболее выдвинутая в степь, наименее защищенная лесами. В 1185 г. половцы взяли все города по Суле, и переяславский князь Владимир Глебович заявил великому князю киевскому Святославу Всеволодовичу: “Моя волость пуста от Половце”. Но не только Переяславская, а и более северная — Черниговская волость пострадала. Черниговский князь Святослав Ольгович, по рассказу летописца, относящемуся к 1159 г., сетовал по поводу того, что Чернигов достался ему с семью пустыми городами, “а в них седать псареве же и Половцы”. Все эти указания с совершенной очевидностью устанавливают факт уменьшения населения в Приднепровье, в землях Переяславской, Чернигово-Северской и, вероятно, также и в Киевской.

С прекращением возможности жительства в степных пространствах и в связи с крайней необеспеченностью жительства в лесостепных областях размножавшееся славяно-русское население должно было расселиться преимущественно в лесной области Восточной Европы. Сюда же должно было уходить и население окраинных областей, подвергавшихся нападениям кочевников. На очереди теперь и стоит рассмотрение тех успехов, которые сделала славяно-русская колонизация под защитой лесов ко времени нового катаклизма со стороны Азии, татарского нашествия и погрома. Начнем прежде с окраинных лесостепных областей.

Важнейшая литература:

Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар: История южно-русских степей IX—XIII вв. — Киев, 1884 .

Грушевский М.С. Киевская Русь. Т. I. Введение. Территория и население в эпоху образования государства. — Спб., 1911.

Грушевський М.С. Історія України—Руси. Т. I. — 2-е вид., розш. — Львів, 1904.

VI. СЛАВЯНО-РУССКАЯ ОСЕДЛОСТЬ В ЛЕСОСТЕПНЫХ ОБЛАСТЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КИЕВСКУЮ ЭПОХУ (XI-XIII вв.)

Волны кочевников, накатывавшиеся на южные степи Восточной Европы подобно приливам и отливам моря, смыли отсюда значительную часть оседлого славяно-русского населения, распространившегося здесь в VIII и IX вв. Вместе с тем эти волны намыли известные берега русской оседлости, которые установились более или менее прочно и держались долгое время и при новых кочевниках, прибывших в наши степи в конце 30-х годов XIII столетия, т.е. при татарах. Эти берега русской оседлости шли как бы несколькими ярусами, из которых наиболее выдвинутые по направлению к степи чаще заливались и размывались волнами кочевников. Эти берега проходили по всему пограничью леса и степи, совпадали с южными и юго-восточными пределами земель Галицкой, Волынской, Киевской, Переяславской, Чернигово-Северской и Муромо-Рязанской.

Галицкая земля примыкала к горам Угорским (Карпатским), занимая их северо-восточные склоны и предгорья. Значительная часть ее населения занимала бассейн р. Сана, впадающей в Вислу, с Вислокой включительно. Здесь стояли видные города этой земли — *Перемышль*, один из древних центров земли, *Санок*, *Переворьск* и *Ярославль*, основанный во второй половине XII в. Ярославом Осмомыслом, *Любачов*. Другая группа селений раскидалась по верхнему Днестру и его притокам до Серета включительно. Средоточием этой группы был сначала *Теребовль* на Серете, а затем, в XII в., *Галич* на Днестре, давший свое имя всей земле. Из других городов летопись упоминает здесь *Городок*, *Уручей*, *Тисмяницу* и *Толмач*, *Василев*, *Микулин*, *Быковен* и села *Вишню*, *Рогожину*, *Большово*, *Угольники*, монастырь в *Синеволодке* в Карпатах. Третья группа селений Галицкой земли располагалась около верховьев Западного Буга. Средоточием этой группы был сначала *Звенигород*, а затем, в XIII в., *Львов*. Эти три главных группы на-

селения и послужили основанием для первоначального деления Галицкой земли на три княжения — Перемышльское, Теревовльское и Звенигородское. По данным 1890 г., около 26% всей территории Галиции находилось под лесом; особенно большие леса тянулись по склонам Карпат и их ближайших предгорий. В старину, надо думать, лесов на верхнем Днестре и по Сану было еще больше, чем в настоящее время. Поэтому естественно, что именно в этой области, наиболее укрепленной природой (горами и лесом), и должно было преимущественно сосредоточиться население Галицкой земли.

Южнее, на самой окраине земли, лежали еще две области, но уже реже населенные, — *Понизье* на среднем Днестре, ниже впадения в него Серета, с городами *Бакотой*, *Усицей*, *Калиусом*, *Кучельминым* и *Онутом* и *Покутье* на верхнем Пруте с городом *Коломыей*, где производилась большая добыча соли. *Понизье* (позже *Подолье*) также по временам имело своего князя. Южнее расстилалась уже степная пустыня, и только поближе к Дунаю, на Берлади, и на самом нижнем Дунае держались кое-какие остатки славяно-русской оседлости, находившиеся в слабой политической связи с Галичем. О них уже была речь в предыдущей главе.

Угорские горы не были этнографической границей Руси. Очень рано славянское племя (по-видимому, белых хорватов) расселилось на западных склонах и предгорьях Карпат, в бассейне верхней Тиссы и ее притоков Гернада и Бодрога с их притоками. Горные проходы — “ворота Угорские” близ верховья Вислока и “ворота Русские” близ верховья Стрыя — поддерживали постоянное общение этих закарпатских славян со славянством Поднестровья и Поднепровья. Есть данные, что власть первых русских князей распространялась на означенную закарпатскую область; держава Владимирова, по словам летописи, соприкасалась с землями Стефана Угорского и Андриха Чешского (Лаврентьев., стр.124). Вследствие этого и утвердилось за этим закарпатским славянством имя Руси Закарпатской, или Угорской. Около половины XI в. эта Русь подпала под владычество угорского короля и на первых порах образовала в составе Угорской державы особое русское княжество (*ducatus Russiae*), отдававшееся в лен членам королевского дома. К концу XII в. Угорская Русь была поделена на комитаты Спишский, Шаришский, Землинский, Ужский и Бережский и роздана в управление королевским наместникам. Наиболее значительными населенными пунктами в XII и XIII вв. в Угорской Руси были города: *Уйвар* на р.Торице, *Шариш* и *Шовар* на Топле, *Шатор*, *Землин* и *Поток* на Бодрого. *Ужгород* на Уже, *Мункач* на Латорице, *Боршова* на Боршове, *Вишк* на р.Тиссе. Несмотря на ранний и обильный приток в эту местность инородных колонистов-мадьяр и немцев, угроруссы сохранили свою народность и говорят ныне языком, близким к украинскому, а на западе — к чешско-словацкому.

Следующей областью, где сбилось славяно-русское население на пограничье леса и степи, была земля *Волынская*, стоявшая в близкой географической и политической связи с Галицкой. Основное ядро этой земли составилось из поселков в бассейне Западного Буга, где жили дулебы, или бужане, и где возник город *Вольнь*, давший свое имя всей земле. Вольнь отодвинута была на задний план *г.Владимиром*, построенным Владимиром Святославичем недалеко от Вольни, на р.Луге. Из других селений летопись упоминает *Бужск* на самом пограничье леса и степи, *Турыйск*, *Любомль* и *Камень* на р. Турье, притоке Припяти, *Белз* и *Щекотов* в Забужье. К этому основному ядру приросли города Червенские, возникшие на водоразделе Западного Буга и Вепря и составлявшие Червенскую землю. Главным из них был *Червень*, впоследствии, уже при татарах, уступивший место *Холму*, основанному Даниилом Романовичем в 1259 году. К Червенским же городам принадлежали *Андреев*, *Угровеск*, *Верещин*, *Стольье*, *Комов*, *Ухань*, *Городло*, *Устилуг*, *Грубенов*, *Чернеческ*. Вместе со всеми этими городами Волынское Побужье образовало особое Владимирское княжение, которое с течением времени выделило из себя особое Белзско-Червенское княжество. В XIII в. при Данииле Романовиче Белзско-Червенское княжество отошло от Волынской земли и соединилось с Галицкой.

Очень рано с Волынским Побужьем связалась политически область *Лучан*, или бассейн р. Стыри с г. *Луцком* как главным средоточием. Эта область в половине XII в. также стала особым княжеством Волынской земли. Кроме Луцка здесь стояли города: *Кременец*, *Стожек*, *Дубен*, *Перемиль*, *Шеполь*, *Жидичин*, *Мельница*, *Черторийск*. Дальнейшим расширением Волынской земли в восточном направлении было последовавшее в третьей четверти XII в. присоединение к Луцкому княжеству *Погорины*, т.е. бассейна р.Горыни, впадающей в Припять, с городами: *Пересопницей*, *Дорогобужем*, *Мильском*, *Острогом*, *Изяславлем*, *Шумском*, *Гнойницей* и *Тихомлем*, *Чимериным* и *Заречьем*. Пересопница, Дорогобуж, Острог и Изяславль с течением времени становились центрами особых княжеств, которые выделились из Луцкого.

Самым поздним приростом к Волынской земле была земля *Берестейская*, занимавшая среднее течение Западного Буга с притоками Влодавской, Мухавцом, Лосной, Красной, Нуром, а также и течение реки Тисмяницы, притока Вепра. Берестейская земля, по всем данным, возникла на территории литовского племени ятвягов. С этим племенем русские славяне очень рано начали борьбу: на ятвягов ходил и занимал их землю еще князь Владимир Святой, после него сын его Ярослав, за ним Ярослав сын Святополка Изяславича (в 1112 г.). По-видимому, и город *Берестье* возник как опорный пункт в борьбе русских с ятвягами. Под натиском русских ятвяги отступали на север в Беловежскую Пущу и к Мазурским озерам, а на покинутой ими

территории возникли русские города и села. Кроме Берестья летопись упоминает здесь города: *Мельник*, *Дорогичин* и *Володаву* на Западном Буге, *Кобрин* на Мухавце, *Бельск* и селение *Воишь* на р. Тисмянице. Кое-какие ятвягские поселки, впрочем, остались на месте, вследствие чего в позднейших источниках фигурируют здесь селения с именами Ятвеск, Ятвеско и т. п.

Волынская земля значительной частью своей лежала в лесной области. Большие леса тянулись на низовьях рек Стыри и Горыни, по северным склонам Авратынской возвышенности (теперь так называемое Волынское Полесье), обособляя Волынь от болотистой Турово-Пинежской области. В общем, земля Волынская имела достаточно средств для обороны, чем, кроме плодородия почвы, и объясняется ее относительная населенность перед прибытием татар.

С востока к земле Волынской примыкала земля Киевская. Основным ядром этой земли была *Польская* земля, земля полян, лежавшая на правом берегу Днепра между его притоками Тетеревом и Росью. Земля эта специфически именовалась *Русской землей*. Судя по данным археологических раскопок, местность эта издавна, гораздо раньше поселения здесь славян, была местопребыванием людей довольно высокой культуры. И с расселением по Днепру она сделалась средоточием наиболее высокой культуры. Здесь находился политический и культурный центр восточного славянства *Киев* с его древнейшими пригородами — *Вышгородом* на Днепре, *Белгородом* и *Ярополчем* на Ирпени, *Котельничем* к югу от Ярополча, *Звенигородом*, *Василевым* и *Треполем* на р. Стугне, *Витчевом* и *Зарубом* на р. Днепре и др. Вследствие того, что местность эта была открыта для нападений с юга, киевские князья позаботились об искусственной защите ее не только крепкими городами, но и земляными валами и деревянными палисадами. Сначала, еще при Владимире Святославиче, таким образом была укреплена линия р. Стугны. До настоящего времени здесь сохранились остатки трех валов: один идет по левому берегу Стугны, а затем на северо-запад через р. Ирпень и Здвиг; другой идет по правому берегу Стугны, а затем по левому берегу р. Уновы и далее на юг, на верховья р. Раставицы; третья придерживается р. Красной. Позже, при Ярославе и его преемниках, укреплялась линия р. Роси. Здесь возникали города *Юрьев*, *Канев*, *Товаров*, *Корсунь*, *Богуславль*, *Володарев* и др., в которых поселены были, между прочим, пленные ляхи при Ярославе. Местность эта и теперь не лишена лесов, но в старину их было, несомненно, больше, чем теперь (Каневский лес). Городки воздвигались здесь благодаря той опоре, которую давал лес против кочевников и, так сказать, для усиления этой естественной защиты. Поросье укреплялось не только городами, но и земляным валом, остатки которого сохранились и по сие время по левому берегу Роси.

Но, очевидно, всего этого было мало для обеспечения безопасности Киевской земли с юга, и князья стали селить в Поросье печенегов и торков, попадавших к ним в плен или же добровольно поступавших к ним на службу. Тут жили берендеи, коуи, каспичи, турпен и боуты — по-видимому, отдельные колена все тех же печенегов и торков. Все они фигурируют в летописи под именем *черных клобуков*. Черные клобуки в массе вели кочевой образ жизни и со своими стадами и вежами передвигались по тучным пастбищам Поросья. В свои города, которые настроили для них князья (упоминается Торческ), они укрывались по зимам и во время половецких нападений. В массе они оставались язычниками и потому называются в летописях “погаными”. Как лихие наездники, черные клобуки были чрезвычайно полезны в борьбе со степняками, и князья киевские охотно давали им приют и жалованье. Впоследствии так же поступали и московские князья, принимавшие на службу отбившихся от своих орд татар и устраивавшие из них особое войско для борьбы с татарами же. Черные клобуки были, таким образом, предшественниками позднейших служилых татар. В летописях можно найти кое-какие указания на то, что черные клобуки ассимилировались с русским населением, как это было позднее и с татарами. Но главная масса их оставалась все-таки инородцами.

С земель полян под властью киевских князей очень рано (уже в X в.) связалась земля *Деревская*, или земля древлян. Древляне занимали главным образом лесистые бассейны рек Тетерева и Уши, вследствие чего и начальный летописец осмыслил имя древлян как лесных обывателей: “зане седоша в лесех”. Самый большой лес рос на верховьях р. Уши и слыл под именем Чертова леса. В общем, таким образом земля Древланская была в достаточной степени укреплена природой. Древнейшим средоточием этой земли был, как известно, *Искоростень* на реке Уше. Позже, когда земля Древланская стала делаться особым княжением киевской династии, значение Искоростеня перешло к городу *Вручому*, лежавшему севернее Искоростеня. Из других городов летопись называет в той же местности *Мичск* и *Городеск* на р.Тетерева, *Ушск*, *Воровичи* и *Чернобыль* на р. Уше. Земля Древланская шла, по-видимому, и дальше на север, захватывая оба берега нижней Припяти и течение р. Брягина. По крайней мере мы знаем, что здесь находились Киевские пригороды *Мозырь* и *Брягин*. Возможно, впрочем, что эта местность была частью территории дреговичей, которые по летописи жили между Припятью и Двиной, или же имела смешанное дреговическо-древлянское население. Деревская земля захватывала, по-видимому, и область р. Случи, где стояли Киевские пригороды — *Корческ*, *Возвягль*, *Полонный*, *Микулин* и др. По известиям Константина Багрянородного, печенежские кочевья приближались, между прочим, и к землям древлян, а это сближение не могло быть нигде, кроме бассейна верхней Случи и верхнего Побу-

жья. Возможно, однако, что и здесь, как и в соседней Погорине, которая в конце концов перешла к Вольни, было смешанное население из древлян, уличей и лучан, которые все, по словам Константина Багрянородного, жили в соседстве с печенежскими кочевьями.

Мы видели, что земля полян замыкалась с юга областью военных русско-инородческих поселений — Поросьем. Подобная же область замыкала с юга и Деревскую землю. То была так называемая *Волоховская земля*, включавшая в себя верхнее течение Случи и ее притоков, верховья Тетерева и верхнее *Побужье*. Здесь стояли города *Деревичь*, *Губин*, *Кобуд*, *Кудин*, *Городец Божский*, *Дядьков*, *Чернятин*, *Прилук* и др. Область эта, населенная отважным боевым людом, как и Поросье, стремилась играть самостоятельную роль в судьбах Приднепровья и принимала к себе князей помимо Киева из Владимира и Галича. Здесь в XIII в. вокняжились и галицкие бояре, и черниговские Ольговичи, а впоследствии здесь утвердились татарские баскаки.

Название “украины” летопись прилагает к *Переяславской земле*, лежавшей к востоку от Киевской, за Днпром. Переяславская земля охватывала течение рек Трубежа, Супоя, Сулы, Псела, Ворсклы, верхнего Донца с их притоками. Население этой земли составили северяне, расселившиеся по лесистым и болотистым берегам названных рек и понастроившие себе здесь множество городков и других твердынь. Самой главной из этих твердынь был возникший в незапамятное время город *Переяславль* на р. Трубеже, бывший вместе с тем и политическим центром земли, стольным городом Переяславского княжения. Прижимаясь к лесному пространству, занимавшему бассейн нижней Десны и правых притоков Трубежа, Переяславль с востока был защищен двойным валом, шедшим дугой от Днепра до Трубежа к устью Альты. Кроме Переяславля в этой местности было еще несколько городов: *Устье* при впадении Трубежа в Днепр, *Остерский городок* на Остре, *Песочен* на р. Супое и др. Но особенно много городов стояло на р. Суле и ее притоках. Здесь находились *Ромен*, *Конятин*, *Дубно*, *Слепород*, *Лукомль*, *Горошин*, *Желни*, *Волны* и др. на р. Суле, *Прилук*, *Переволока*, *Пирятин* на р. Удае и др. Кроме городов эту местность укреплял еще длинный вал, шедший по правому берегу Сулы и затем по левому берегу Днепра от устья Роси до устья Тясмина. Укрепления в Переяславщине, по рассказу летописи, строил Владимир Святославич непосредственно за своим крещением. “Не добро есть мало городов около Киева, — сказал он, — и нача ставита города на Десне и по Устри и Трубежеви и по Суле и по Стугне”. Преемники Владимира продолжали его дело. Так же, как и на Поросье, князья селили в Переяславской “украине” и пленных поляков и тюрок. Мы знаем, что Ярослав и Мстислав, набрав пленных поляков, поделили их между собой. Ярослав поселил их на Роси; надо думать, что и Мстислав обратил свою часть поло-

на на оборону своей стороны Днепра, т.е. Переяславщины. Позже так же поступил и князь Ярополк Владимирович с пленными дручанами, которых он поселил в Жолни на нижней Суле. После разгрома торков часть их осталась на житье в Переяславщине (летопись указывает их жилища около *Баруча* и *Бронькняжа*). Эти торки помогали переяславским князьям в борьбе с половцами, равно как и турпеи, жившие на побережье Днепра около вала. Но по временам “ратились”, поднимали мятеж и усмирялись князьями. Вообще надо сказать, что, несмотря на все меры, принимавшиеся князьями для обороны Переяславщины, область эта подвергалась постоянному опустошению со стороны половцев и русские селения часто делались здесь добычей кочевников. Так, в 1185 г. половцы взяли все города по Суле. Если такому разорению подвергалось наиболее укрепленное Посулье, то местности, более выдвинутые в степь, должны были страдать еще больше. Славяно-русская колонизация, несомненно, захватывала и бассейны Псла, Ворсклы и верхнего Донца. В бассейне Псла летопись указывает города *Хорол* и *Голтав*; в бассейне Ворсклы — *Лтаву*, в бассейне верхнего Донца — *Донецкий городок*. Но это не были единственные пункты славяно-русской оседлости в этом краю. Многочисленные городища по рекам Псле, Ворскле, Коломаку, Удам и верхнему Донцу, существовавшие в XVI в., указывают на то, что когда-то здесь проходили такие же укрепленные линии, как и по Суле. Когда снесены были эти линии, при печенегах, половцах или же татарах, неизвестно: скорее всего, надо думать, еще при печенегах, ибо на памяти летописца как оборонительная деятельность князей, так и борьба с кочевниками развивались уже в Посулье. Река Ворскла во всяком случае была крайней линией славяно-русской оседлости, за которой уже начинались половецкие кочевья. Переходя за Ворсклу и Мерл, русские обычно натывались на половцев, которые кочевали вдоль реки Угла, или Орели. Здесь в 1170 г. князь побрал много их “веж”; в 1174 г. князь Игорь Святославич, выехав со своими полками “в поле за Вороскол”, сейчас же натолкнулся на половцев, которые ловили здесь “языка”; в 1183 г. тот же князь с другими северскими князьями, выехав за Мерл, встретили тотчас же половцев; и т.д.

Северяне, расселившиеся в бассейне Десны и Семи, составили основную группу населения земли *Черниговской*. Центром этой земли был город Чернигов, основание которого теряется во мраке времен, так же как и основание Киева. Кроме Чернигова на Десне стояли города *Новгород*, *Трубчевск*, *Брянск*, *Вициж*, *Сосница*, *Моровийск*, *Лутова* и др.; на притоке Десны Сновы — *Сновск*, *Ройск*, недалеко от верховьев Сновы — *Стародуб*; на р. Судости — *Радош*, на р. Оргощи — *Оргош* и др. Опору славяно-русской оседлости в Подесенье давали значительные леса, которые тянулись по течению Десны, особенно на правом берегу ее, и остатки которых сохраняются здесь и по сие время. На р. Семи стояли города *Путивль*, *Рыльск*, *Ольгов*,

Курск и др., опираясь на леса, которые тянулись по берегам Семи и, в особенности, на верховьях Семи, Донца и Оскола. Часть северских городов лежала на водоразделе между Семью, Остром и верховьями Сулы и Псла, каковы были: *Бохмач, Всеволожь, Бояхат* и др.

Кроме северян в состав населения Черниговской земли вошли и радимичи, жившие по Сожу и частью по Днепру. Главными пунктами их оседлости были: *Любечь* и *Речица* на Днепре, *Гомий* и *Чечерск* на Соже. Последним приростом к Черниговщине (окончательно с начала XII в.) была земля вятичей, занимавшая бассейн верхней Оки и ее притоков и частью бассейн левых притоков Десны. Здесь в старину, как и теперь, было много болот и лесов, особенно в пространстве между верхней Окой и Десной. Из населенных пунктов до прибытия татар упоминаются летописью города *Севск, Глухов, Болдыж, Кром* на р. Оке, *Карачев, Мценск* и *Новосиль* на р. Зуше, *Дедославль* близ Упы, *Козельск* на р. Жиздре, *Вормынск* на Оке, *Серенск, Мосальск, Лопасна* на р. Оке и др.

Следующей окраинной областью Руси была земля *Мурома-Рязанская*, отделившаяся от Чернигово-Северской земли. До разделения ее на два княжения, Муромское и Рязанское, средоточием ее был город *Муром*, возникший на территории финского племени мурома. К нему после разделения присоединилась *Рязань*, возникшая на территории мещеры и уступившая впоследствии свое место *Переяславлю Рязанскому* на той же мещерской территории. Большая часть селений Муромо-Рязанской земли была расположена в лесной полосе, тянувшейся по берегам Оки и ее притоков Осетра и Прони. Здесь стояли города *Ростиславль, Коломна, Ожск, Переяславль, Ольгов, Рязань, Исады, Муром* на р. Оке, *Белгород* на р. Осетре, *Пронск, Добрый Сот* на р. Проне и др. Это было основное ядро земли, составившейся, по-видимому, из расселившихся среди финнов вятичей. Но кроме этого, в состав Рязанской земли входили и уцелевшие славянские поселения в области верхнего Дона и его притоков Быстрой Сосны, Воронежа, Хопра, Черленого Яра и Великой Вороны. Никоновская летопись рассказывает под 1156 годом: “Приходиша Половцы на Рязань на Быструю Сосну и многих полонивше, идоша во свояси”. О существовании рязанских селений на Воронеже свидетельствует следующий рассказ летописи. Когда в 1177 г. Всеволод Суздальский разгромил Рязань и посажал в тюрьмы ее князей, то один из них, Ярополк Ростиславич, убежал на Воронеж “и тако прехожахе из города в город”, пока не был выдан рязанцами по требованию Всеволода. Поэтому и при нашествии татар рязанские князья поехали против них “в Воронеж”. Бассейн р. Воронежа и в настоящее время имеет значительное количество лесов, а в старину этих лесов было гораздо больше, и потому, естественно, удержалось здесь славяно-русское население. Есть данные, указывающие на то, что рязанские поселения шли гораздо далее на юг. Никоновская лето-

пись под 1148 годом сообщает: “Князь же Глеб Юрьевич иде к Рязани, и быв в градах Черленого Яру и на Велицей Вороне, и паки возвратися к Черниговским князьям на помощь”. Но Черленый Яр — это, по-видимому, приток Дона с левой стороны между Битюгом и Тихой Сосной, Великая Ворона — правый приток Хопра. Что эта местность входила в состав Рязанской земли, на это указывает грамота митрополита Феогноста 1353 г., подтверждавшая, что область эта по старине должна принадлежать к Рязанской епархии, а не к Сарайской, возникшей в 1261 году. Русские селения на Черленом Яре и Великой Вороне держались также благодаря лесам, росшим по этим рекам и дававшим возможность оседлому населению воздвигать городки и другие укрепления. Славяно-русское население Муромо-Рязанской земли, разбросавшееся в Приокском крае, не поглотило и не оттеснило целиком прежних финских насельников. Правда, о судьбе племени “мурома” нет никаких данных в источниках. Можно только догадываться, что мурома была только разновидностью соседней мордвы, с которой пришлось вести жестокую борьбу муромским князьям (первый муромский князь Ярослав Святославич потерпел от нее поражение в 1103 г.). Но зато о мещере имеем определенные сведения. Мещера занимала бассейны рек Цны, Пры и Гуся, левых притоков Оки, и нижнее течение Мокши и Цны. Таким образом, мещера клином врезалась между русскими селениями Рязанской области с одной стороны и Муромской с другой. Племя это сохраняло свою национальность еще в XVI веке. Курбский в описании похода на Казань в 1552 г. говорит, что он прошел от Коломны через Рязанскую землю, а потом через Мещерскую, “иде же есть Мордовской язык”. Мещерский край сохранял свою инородческую физиономию даже во второй половине XVII в., и только в XVIII и XIX вв. произошло его обрусение (в конце XIX в. только четыре селения мещеры в Спасском уезде Тамбовской губ. говорили по-мордовски). До сих пор северная, заокская часть Рязанской губернии слывет в народе под именем Мещерской стороны. Часть мещеры, впрочем, под напором русской колонизации в XIV и XV вв. ушла на восток, в пределы Казанского царства, где мы и встречаем ее потом по летописям и актам, и там отатарилась.

Из представленного обозрения окраинных русских земель видно, что в общем пределы русской оседлости до татар держались линии верхнего Прута, среднего Днестра, верхнего Южного Буга, Роси, Ворсклы и ее притока Мерла, Уд и верхнего Донца, Быстрой Сосны, Черленого Яра и Великой Вороны. К югу от этой линии простиралось уже царство кочевников. Впрочем, и это царство не лишено было славяно-русского элемента. Кроме остатков славяно-русской оседлости на Черноморско-Азовском побережье и на нижнем Дунае, о которых уже была речь, в степях было немало бродячего люда. Много было причин, которые влекли русских людей в степь, в сожи-

тельство с кочевниками. Но главной причиной, по всем данным, были богатые звериные, рыбные и пчелиные угодья. Степная область в то время едва ли уступала лесной по богатству и разнообразию животного мира, скорее даже превосходила ее. На тучных пастбищах степей водилось множество травоядных — туры, дикие лошади, олени, лоси, дикие козы, а в прибрежных камышах, ольшаниках и ивниках дикие кабаны, бобры, куницы, белки и др. В теплых водах степных рек водилось великое множество рыбы, которая сравнительно мало вылавливалась, меньше мерла от духоты под зимним льдом, чем в северной лесной области. Лица, наблюдавшие природу южнорусских степей в XVI в., сообщают о рыбных богатствах степных рек вещи, которым теперь с трудом верится. Во время весеннего метания икры рыба в таких массах устремлялась на верховья степных рек и речек, что от тесноты и недостатка воздуха выпрыгивала на берег. В это время ее можно было наловить сколько угодно с берега. Значит, то, что в настоящее время бывает только в реках Охотского бассейна, в старину имело место и в степях Европы. Сюда нужно присоединить обилие гнезд диких пчел в каменистых крутых берегах некоторых степных речек или в дуплах деревьев, растущих по берегам степных рек. Если принять все это во внимание, тогда можно понять, что манило русских людей в степь, в соседство к “поганым”: они шли туда на промыслы. Многие так привыкали к степному приволью и раздолью, что оставались там на постоянное, хотя и не оседлое житье, являясь в область оседлого русского населения в качестве случайных гостей, для сбыта добытого. Весьма вероятно, что в рассматриваемое время, как и позднее, в степь уходили преступники от наказания, рабы от господ, неоплатные должники от кредиторов и разные отбившиеся от семьи и общества люди, простолодины-изгои, подобно тому, как уходили в эту же степь князья-изгои. В половине XII в. этого бродячего русского населения накопилось, по всем данным, довольно значительное количество, и оно подобно позднему казачеству начало играть известную роль в политических событиях страны. В 1147 г. бродники вместе с половцами приходили на помощь новгород-северскому князю Святославу Ольговичу, на которого поднялись великий князь киевский Изяслав Мстиславич и черниговские родственники Давыдовичи. Бродники участвовали и в Калкской битве, были на стороне татар. Когда Мстислав Киевский и другие два князя окопались на месте после поражения русских ополчений и были окружены татарами, “тут же, — рассказывает летопись, — и Бродницы быша старые и воевода их Плоскыня, и той окаянный целовав крест, ко князю Мстиславу и обема князема, яко их не изойти и пустити их на искупе и слгав окаянный предасть их связав татарам”. В начале XIII в. бродники стали известны и на западе Европы как обитатели наших степей наряду с половцами. Поэтому папа Григорий писал к Гранскому епископу в 1227 г.: “Мы удостоиваем дать тебе наше полномо-

чие в землях Кумании и Бродинии, соседней с ней, на обращение которых есть надежда, полномочие, по которому ты имеешь власть проповедывать, крестить и т.д.” Бродники, по свидетельству венгерских монахов-миссионеров, участвовали и в татарских опустошениях Руси и соседних с нею стран в 1241 и последующих годах. “И хотя они называются татарами, — пишут монахи, — но при их войске находится много злочестивых христиан”. Венгерский король Бела IV в письме к папе Иннокентию называет этих злочестивых христиан *brodnici*. Эти факты указывают на то, что бродячая жизнь в степях, вдали от оседлого русского населения, в близком соседстве и частом общении с тюрками-кочевниками не проходила бесследно для этих отбившихся от родины русских людей. Они постепенно отчуждались от оседлой Руси и сближались со своими кочевыми соседями в своих привычках, образе жизни, симпатиях и стремлениях. В степи, таким образом, тюркское кочевое население ассимилировало русские элементы в противоположность тому, что происходило на окраинах русской оседлости, где тюркские кочевые элементы ассимилировались с русским населением. Итак, в нашей степной полосе шла не только непрерывная борьба, но и совершалась ассимиляция, точнее сказать, своеобразное слияние и переработка двух культур: славянско-оседлой и тюркско-кочевой. Этот процесс, весьма вероятно, шел параллельно с антропологическим перекрещиванием самих рас. На почве этой антропологической и культурной ассимиляции, имевшей место в южных степях Восточной Европы, выросло и самое имя казачества, различные его установления и черты быта. Но самый процесс ассимиляции начался ранее, чем появилось имя “казак” в нашей истории и все, что связывалось с этим именем. Казаку в наших степях предшествовал его прототип и предок, от которого он шел по прямой линии, — это именно бродник XII и XIII в. Самое слово “казак” по смыслу своему близко стоит к слову “бродник”, и весьма вероятно, что одно есть замена другого. слово “казак” существовало уже у половцев для обозначения передового стража, передового бойца, которого можно встретить впереди остальной массы.

В а ж н е й ш а я л и т е р а т у р а:

Грушевський М.С. Історія України—Руси. Т.2. — 2-е вид., розш. — Львів, 1905.

Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия: (С картой Волынской земли). — Киев, 1887.

Иванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. — Одесса, 1895.

Молчановский Н.В. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. — Киев, 1885.

Голубовский П.В. История Северской земли до половины XIV столетия. — Киев, 1881.

Багаей Д.И. История Северской земли до половины XIV столетия. — Киев, 1882.

Ляскоронский В.Г. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. — 2-е изд. — Киев, 1903.

Иловыйский Д.И. История Рязанского княжества. — М., 1858.

VII. СЛАВЯНО-РУССКАЯ ОСЕДЛОСТЬ В ЛЕСНЫХ ОБЛАСТЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XI—XIII вв.

Большая часть славяно-русского населения ко времени прибытия татар ютилась уже к северу от перечисленных окраинных земель, в лесной области Восточной Европы. Как уже было сказано в своем месте, эта область и в старину, как и теперь, была одета неравномерно лесной растительностью. Густые, непроходимые леса в старину, как и теперь, тянулись преимущественно по верховьям рек, на разделах речных бассейнов, обычно изобиловавших озерами и болотами; мелкая лесная поросль покрывала речные долины и скаты; тут же чаще всего встречались и безлесные оазисы, луга и пастбища. Сообразно с этим и славяно-русское население, обходя густые лесные заросли с их глинистой и болотистой почвой, раскидывалось преимущественно по речным скатам и низинам, где мелколесье легче поддавалось корчеванью и где почва была более плодородная — суглинистая или супесчаная. Так и возникали в лесной области особые районы русской оседлости — земли, отделявшиеся друг от друга незаселенными или редко заселенными полосами, жившие в известном политическом и культурном обособлении друг от друга.

В непосредственном соседстве с землями Волынской и Киевской лежала земля *Турово-Пинская*, занимавшая верхнее и среднее течение р. Припяти, нижнее течение ее правых притоков Горыни со Случью, Стыри со Стоходью и правых притоков Яселди, Цны, Лани и Случи. Область эта, по видимому, имела смешанное население из дреговичей, древлян и, быть может, лучан. Связанная р. Припятью и Днепром с Киевской землей, область эта входила сначала в состав Киевской земли, а затем, с половины XII в., обособилась в самостоятельное княжение. Главными средоточиями ее были *Туров* и *Пинск*, *Дубровица*, *Городно*, *Черторыйск*, *Небль*, *Слуцк*, *Клецк* и *Копыль*.

Лесная пуца, тянувшаяся по водоразделу Припяти и Немана, обособляла Турово-Пинскую землю от Литовской земли. Но тем не менее славяно-

русское население пробралось сквозь эту пушу и расселилось в районе литовской колонизации, по левым притокам верхнего Немана. Ко времени татарского нашествия здесь лежала область, которую впоследствии называли Черной Русью, с городами *Городном* на правом берегу Немана, *Волковийском*, *Новгородком*, *Волонимом*, *Збытовом* на Яселде. Расселение в этой области славяно-русского населения оказалось возможным только при подчинении литовским князьям. Черная Русь с самого начала, как только начинают говорить о ней источники, является владением литовских князей.

На запад от Черной Руси, в бассейнах Нарева и Бобра, и в озерной области нынешней Восточной Пруссии обитало литовское племя ятвягов, с которым русские князья вели упорную борьбу в течение XI, XII, конца первой половины XIII в. Борьба эта имела своим результатом занятие южной части Ятвяжской земли и образование на ней Берестейской земли, о чем уже была речь выше. Значительная часть племени была, по всем признакам, истреблена русскими и польскими князьями, предпринимавшими частые походы на ятвягов, оставшиеся частью слились с западным литовским племенем, пруссами, и частью с верхней и нижней Литвой.

Верхняя Литва (*Auksztas*) и нижняя (*Жемойть*) занимали в XIII в. область р. Немана с правыми его притоками до р. Гавьи включительно, т.е. нынешнюю Ковенскую Литву, западную, большую часть Виленской и небольшую северную часть Гродненской губернии. Но есть основание думать, что первоначальная территория Литвы была шире, захватывала левые притоки Припяти, течение Березины, бассейн Западной Двины, верхнего и среднего Днепра и отчасти Верхнеокский бассейн. Исследователями обращено было внимание на тот факт, что озера и реки, протекающие на территории дреговичей, кривичей и частью вятичей, имеют большей частью неславянские названия, данные им, очевидно, прежними насельниками. Анализируя эти названия, исследователи открывают во многих из них литовские корни. Так, оз. *Пелик*, из которого вытекает Березина, выводится из латыш. *pelke*, болото; *Сергуть*, приток Березины, — из литов. *sergeti*, сторожить; другой приток Березины, *Клева*, — из литов. *klevas*, клен; *Свида* — из литов. *swidus*, блещущий; *Шара*, или *Шарья* — из литов. *saugas*, узкий; другой приток Немана, *Удра*, — из литов. *udra*, выдра; приток Птича *Ореса* — из литов. *agasus*, водяной дрозд. Литовским считается и название реки Рось, впадающей в Днепр (другая Рось впадает в Неман с левой стороны и самый Неман в нижнем течении называется Росс, Русс). Следы пребывания литовцев вскрываются в гидрографической номенклатуре даже Верхнеокского бассейна: р. Упа выводится из литов. *upe*, река. Самое племенное название дреговичей выводится от литовского корня *dreg*, означающего влагу, сырость и давшего основу для белорусского слова *дрягва* — болото. Но так как на этой же территории попадают реки с финскими именами на *-ва*, *-га*, *-за*, *-ма*, *-са*,

-ша, -ра (например, Зельва, Русса — системы Немана, Дрисса и Обша — системы Западной Двины, Вязьма — системы Днепра) и древние могилы финского типа, отсюда вытекает предположение, что до распространения славянской колонизации литовцы жили здесь попеременно с финнами. О тесном сожительстве литовцев и финнов свидетельствует и тот факт, что в языке финнов, как западной группы (эстонцев и финнов), так и восточной (мордвы), существует немало слов, заимствованных из литовского языка. Славянская колонизация, направившаяся на территорию верхнего Днепра, Западной Двины и верхней Оки, разрешила этот литовско-финский конгломерат и оттеснила литовцев и часть финнов на запад и северо-восток. В этом последнем направлении отступили финские племена. Несомненно, однако, что движение славянства отрезало и от литовцев некоторую часть, которая оказалась, таким образом, обособленной от главной массы своих соплеменников. Эта часть держалась на памяти истории в лице народа *голяди* на р. Протве. Известия летописи об этом племени крайне скудны и отрывочны. Под 1058 годом читаем: “Победи Изяслав Голядь”, а под 1147 годом: “Шед Святослав и взя люди Голядь верх Поротве”. Исследователи видят в голяди *галиндов* Птоломея, которые жили где-то к востоку от славян, и сближают ее с литовским племенем того же имени, упоминаемым в хронике Петра Дюсбургского в числе народов Пруссии. Очевидно, славянская колонизация разбила этих галиндов, из которых часть осталась на востоке, а часть ушла на запад к Балтийскому морю. Часть литовцев, быть может, прошла и дальше на восток. В бассейне Цны близ Тамбова найден могильник с такими же вещами, которые попадаются на западе в области латышей (близ Люцyna).

Результатом славянской колонизации на обозначенной литовско-финской территории было образование двух больших русских земель — Полоцкой и Смоленской. Полоцкая земля занимала бассейн средней Западной Двины, притока Днепра Друти и верхней Березины и ее притоков. Здесь к основному племени кривичей, составлявшему большую часть населения Полоцкой земли, присоединялись *дреговичи*, по-видимому, ветвь того же племени, получившая название от заболоченности своей территории. С севера Полоцкая земля обособлялась полосой больших озер, болот и лесов, тянувшихся по Белорусско-Литовскому отрогу Средне-Русской возвышенности, продолжение этой полосы в Режицком и Люцynском уездах отделяло в старину поселения кривичей от области литовского племени *летьголы* (ныне латыши). Леса и болота по Дисне, верхней Вилии и по правому берегу верхнего Немана отделяли Полоцкую землю от Жемгалы и верхней Литвы. На юго-западе и юге Пинские болота и леса Полесья обособляли Полоцкую землю частью от ятвягов, частью от Турово-Пинской земли. Леса и болота, находившиеся внутри Полоцкой земли, разбивали ее население на несколько групп. Основную группу составляли города и села, раскиданные по Запад-

ной Двине и ее притокам. Здесь были: *Полоцк, Стрежев, Неклочь, Витебск, Лукомль, Усвят, Еменец* и др. Другая группа селений располагалась на верхнем Друте: средоточием ее был город *Друцк*. Третья группа полоцких селений находилась на р. Березине и Свислочи и их притоках. Здесь были: *Меньск, Борисов, Изяславль, Логожск, Городец* и др. Это размещение населения сыграло известную роль при разделении земли на княжения, особенно впоследствии, в татарскую эпоху.

В начале XIII в. полоцкие князья владели целой группой городов и селений на нижней Двине в области Летьголы. Главными были города *Кукейнос* и *Герсика*. Судя по названиям, города и села были не русские, а латышские. Но надо думать, что с русскими князьями жила в них и русская дружина, на которую только и могли опираться в инородческом краю русские князья. Владычество русских князей прекратилось здесь с покорением Жемгалы и Летьголы немцами Ливонского ордена.

За болотами и селами, тянувшимися по теченью р. Друти к востоку от Полоцкой земли, организовалась земля *Смоленская*, население которой составили также кривичи. Основное ядро этой земли занимало бассейн верхнего Днепра и бассейны верхнего Сожа и верхней Десны — притоков Днепра. Здесь кроме главного города земли Смоленска находились *Вязьма, Дорогубуж, Войщина, Красный, Рша (Орша), Копыс, Мстиславль, Ростиславль, Пропойск, Ельня, Шуя, Пацынь, Изяславль*. Другая группа смоленских селений располагалась по верхней Двине и ее притокам Меже с Обшей, Каспле и Торопе. Главным средоточием этой группы был г. *Торопец*, ранее других ставший стольным городом особого княжения; в состав этой же группы входили *Клин* и *Дубровна* на Ловати, *Жижец, Белый, Каспля*. Третья группа смоленских селений располагалась по верхней Волге и ее притокам до озера Селигера; главным из них была *Ржева* на Волге, ставшая впоследствии центром особого удела. И наконец, в состав Смоленской земли входили селения по верхней Москве-реке, ее притоку Пахре, по верхнему и среднему течению Лопасни, Нары и Протвы. Грамота Ростислава Мстиславича, выданная в 1150 г. смоленскому епископу, перечисляет здесь *Исконь, Ветьск, Беницы, Бобровницы, Добрятино, Доброчков* и др. Средоточием этих селений был город *Можайск* на Москве-реке, ставший также центром особого удела. Обширные леса и болота, тянувшиеся между Сожем и его притоком Ипутью, по верхней Десне и ее притоку Волве, обособляли Смоленскую землю от Черниговской, а Оковский лес, покрывавший истоки Волги и соединявшийся с лесами на болотистом озерном водоразделе Западной Двины и оз. Ильменя, обособлял Смоленскую землю от Новгородской. Наиболее легкое и тесное общение по Днепру имела Смоленская земля с Киевской, чем и объясняется ее постоянное политическое тяготение к этой земле. Равным образом Западная Двина связывала ее с Полоцкой землей, которая в начале XIII в. находилась

даже в прямой зависимости от Смоленской. Реками Волгой и Москвой Смоленская земля связывалась до некоторой степени и с землей Ростово-Суздальской, чем объясняются и ее политические связи с этой землей. В общем, срединная Смоленская земля была ареной перекрещивающегося торгового движения и сложных политических осложнений.

К северу от земель Полоцкой и Смоленской простиралась земля *Новгородская*. Основное ядро ее составили *словене*, расселившиеся около озера Ильменя и по рекам его системы и удержавшие здесь свое родовое имя славян (эти словене, очевидно, и дали свое имя реке Славянке, входящей в Неву, и другим урочищам). Словене не были первыми насельниками этого края, ибо большинство здешних рек, речек, озер и разных урочищ носят не славянские названия. Названия эти, очевидно, были переняты колонистами у здешних старожилов. Наименование одного из озер около верховьев реки Полисти Чудским в противоположность находящемуся неподалеку озеру Русскому указывает, что здешними старожилами были “люди” финского языка — *thuidos*, чудь, как их называли русские. Словене оттеснили их частью на запад, частью на северо-восток. Но часть их осталась на месте сожительствовать с пришельцами. Исходя из факта этого сожительства, начальный летописец и строил свой рассказ о призвании варягов из-за моря, в котором участвовала, по его словам, и чудь, о военных походах первых новгородских князей, в которых участвовали словене, чудь и кривичи (изборские), о переводе лучших мужей “от словен, кривичей и чуди” для заселения южных охранных городов при Владимире Святом и т.д. Поселившиеся у оз. Ильменя словене, по рассказу летописца, сделали город и назвали его *Новгородом*. По-видимому, однако, это был не первый город словен: название его Новгородом предполагает существование более раннего, старого города. Этот более ранний город, надо думать, находился на месте Городища, неподалеку от Новгорода, там, где обычно проживали князья со своими дворами. Другим древнейшим городом Новгородской земли была *Ладога* на устье Волхова, возникшая, судя по названию, на месте какого-то финского поселка. Ладога очень рано стала известна на западе, имя ее упоминается в исландских сагах и норвежских летописях X в. Третьим средоточием словен, расселившихся в бассейне Ильменя и Волхова, был город *Руса* при слиянии Порусьи с Полистью, впадающей в Ильмень.

Это первоначальное ядро славянской колонизации с течением времени разрасталось во все стороны и охватывало не только бассейны притоков и истоков оз. Ильменя (на р. Ловати возник пригород Новгорода — *Великие Луки*), но и бассейн р. Луги и других рек, впадающих с юга в озеро *Котлин* (Финский залив), окрестности Ладожского и Онежского озер, бассейны рек Онеги и Северной Двины и бассейн Волги и ее притоков. Устав Ярослава “о

мостех”, относящийся к началу XIII в. (ко времени княжения в Новгороде Ярослава Всеволодовича), перечисляя участки, которые обязаны мостить новгородские волости, называет *Ржевскую волость* (Ржевская волость на водоразделе Ловати и Великой), *Лускую* (волость по Луге), *Лобьскую* (Лопская волость на южном побережье Ладожского озера), *Волховскую*, *Вотьскую* (Водская волость на юг от Финского залива), *Обонежскую* (Обонежье — окружение озера Онега), *Яжелбицкую* (Яжелбицы на р.Поламеди, впадающей в приток Ловати — Полу), *Бежитскую* (Бежичи на верхней Мологе). Словенская колонизация из Ильменского бассейна распространилась и дальше, в Верхневолжском бассейне и в междуречье Волги и Оки, и дала первый основной пласт русского населения в этом крае. Но возникшие здесь словенские поселки скоро обособились от ильменских словен и объединились вокруг своих политических центров, как Белоозеро, Ростов, Суздаль. Но часть их сохранила все-таки свою связь с ильменскими словенами, составила волости Великого Новгорода. Таковы были: *Волок Ламский*, *Торжок* и *Бежичи* — пригороды Новгорода Великого; волости *Мелеча* на реке того же имени из системы Мологи, *Шипино* и *Егна*, тянувшие к Бежичам. Устав новгородского князя Святослава Ольговича, выданный в 1147 г. Новгородскому епископу на сбор десятины от княжеских даней и судебных пошлин (вир и продаж), дополняет картину древней новгородской колонизации, распространяя ее на северный край. Устав предоставляет епископу собирать десятину в Обонежье: в *Олонци* (р. Олонке, впадающей в Свирь), на *Свери*, в *Юсколе* (озеро Юсковское, имеющее сток в Свирь), в *Тервиничах* (на одном из притоков Ояти), во *Вьюнице* (Веница на Ояти); на *Усть-Паше*, на *Кухуеве Горе* (Кокова на Паше), в *Липне* (на Сяси), у *Пахитка* на Паше, у *Пермина*, у *Кокорка*, у *Липсуевичев*, у *Тойвота*; в Онеге: на *Волдutowe* погосте, на *Тудорове* погосте, на *Иване* погосте; в Двинской земле: в *Ракуле* (на Двине), на *Спиркове*, в *Пинеге*, в *Кегрели* (позднее Кевроль на р. Пинеге), в *Усть-Емце* и в *Усть-Ваге*, в *Пуйте* (левый приток Ваги), в *Вели* (приток Ваги), на *Векшенге*, на *Борку* (на правом берегу Двины, ниже устья Тоймы), в *Отмине*, в *Тойме*, в *Поме*, в *Тотьме* (на р. Сухоне), в *Порогонутьцах* (Порог на Сухоне), на Волоке в *Моше* (правый приток Онеги), в *Еме* (по р. Емце). Таким образом, уже в XII в. поселки новгородских словен раскинулись почти по всей территории, которая была впоследствии государственным достоянием Великого Новгорода.

Распространение словенской колонизации в этом районе сопровождалось борьбой с прежними насельниками — финнами. Борьба эта приводила или к покорению старожилов, а в дальнейшем и слиянию их со славяно-русским населением, или же к отступлению прежних насельников на новые места. До нас не дошло известий о борьбе с финнами в Ильменском бассейне и Верхневолжском. Борьба эта, очевидно, уже закончилась ко вре-

мени возникновения русского летописания и других письменных памятников. По-видимому, чудь отступила на запад, за озеро Пейпус, которое и получило у славян специфическое наименование Чудского. Географическая номенклатура указывает, однако, что в районе словенской колонизации долгое время сохранялись островки прежнего финского населения. В дополнение к тому, что уже сказано о чуди, можно указать на существование в Бежицкой волости погоста Ильменского в *Веси* по соседству с остатками того же племени в Белозерском княжестве. Но в окраинных областях борьба с финнами продолжалась на памяти истории. Мы видели, что уже при Ярославе новгородская колонизация захватила территорию води. Но вожане не смирились с этим и по временам поднимали восстания. Так, в 1069 г. во время нападения на Новгород Всеслава Полоцкого вожане оказались в составе его рати. Среди вожан и чуди оказалось много “переветников” во время борьбы Александра Невского с немцами. После поражения на Псковском озере немцы отступились от води, и Водская земля наполнилась славяно-русским населением, в котором и растворились туземцы. Небольшая часть их, впрочем, уцелела до наших дней в виде народца *вадьа-лайзет* (людиводь) в Нарвском уезде. При Ярославе же славяно-русская колонизация основалась было и в земле *эстонской чуди*, облежавшей озеро Чудское с запада. Здесь возник русский город *Юрьев* на р. Омовже (Эмбах). Но чудь всячески старалась выбить отсюда русских и вела с ними ожесточенную борьбу до самого прибытия немцев. Борьба кончилась потерей Юрьева. На р. Неве и ее притоках распространявшемуся славяно-русскому населению пришлось иметь дело с финским племенем ижорой, а на южном побережье с частью *лопи* (лопча малая); о борьбе с этими племенами нет известий. Новгородское владычество и славяно-русская колонизация охватили и селения родственного ижоре корельского племени, рассеянные по северо-западному и северному побережью Ладожского озера. Корела в общем мирно была настроена к пришельцам и сообщала с ними вела борьбу с емью. В 1227 г. новгородский князь Ярослав Всеволодович “послав крести множество Корелы, мало не все люди”. Но отношения к русским изменились после утверждения в Финляндии шведов. В Обонежье славяно-русским колонистам пришлось встретиться с емью, или чудью. О борьбе их с этим племенем на этой территории нет сведений, но видны последствия этой борьбы. Емь была вытеснена отсюда и отступила частью в Северодвинский край (река Емца, приток Двины), а главным образом на запад, в нынешнюю Финляндию. Живущие на востоке Финляндии тавасты называют себя нате. В Обонежье, в Петрозаводском и Лодейнопольском уездах, до сего времени уцелела горсточка этого племени, называемая русским населением чудью. Изучение языка этого народа показало ближайшее родство с тавастами. С этими тавастами, или емью, новгородцы вели упорную борьбу на памяти истории. С половины XI века новгородцы

со своими князьями не раз ходили в земли еми и обогащались там полоном; с другой стороны, и емь не переставала нападать на русские селения и опустошать их. В 1249 г. шведский ярл Биргер покорил емь и основал в ее земле Тавастгусский замок; после чего Емская земля стала провинцией Шведского государства, куда уже не могла проникать новгородская колонизация. Имеются сведения и о борьбе новгородцев с той емью, которая отступила в Северодвинский край и называлась *заволоцкой чудью*. Так, в 1079 г. был убит за Волоком князь Глеб Святославич, ходивший туда, вероятно, на полюдье. В 1166 г. ходил за Волок новгородский князь Мстислав Юрьевич, очевидно, для усмирения тамошних обывателей. В 1187 г. были перебиты в Печоре, Югре и *Заволочье* новгородские данщики в числе 100. Отдельные мятежные всплшки бывали и позже, в XVI веке. В конце концов славяно-русский элемент возобладали в Двинском крае. Емь превратилась уже в емцу и с течением времени окончательно растворилась в массе славяно-русского населения.

Новгородцы собирали дань и с тех финских племен, которые жили к северу от корел и к востоку от заволоцкой чуди. К северу от корел жила лопь лещая, или *тре*. Тре упоминается в числе новгородских владений в договоре Новгорода с великим князем Михаилом Ярославичем 1265 г.; но о тверском даннике Семене Петриловиче упоминается в летописи уже под 1216 годом. В ближайшем непосредственном соседстве с Заволочьем на востоке, занимая бассейн Вычегды, бассейны Юга и верхней Камы, обитало финское племя *пермь*, а дальше на северо-востоке, в области реки Печоры, обитала та же самая пермь, называвшаяся русскими печорой, а также серьянами, позже зырянами. Название пермь и зыряне являются синонимами для обозначения украинских людей (украина *Syria, Permaa*). Пермь и печора соприкасались на севере с кочевым племенем *самоедов*, занимавших тундры Кониинскую, Тиунскую и Большеземельскую. Это урало-алтайское племя, отличающееся по языку и типу от финнов, передвинулось на север от верховьев Енисея и Оби на низовья этих рек, а отсюда в северные области Восточной Европы. Здесь оно пришло в соприкосновение и общение с лопью, от земли которой, называвшейся "самееднам", получило и свое имя. Хотя новгородцы в своих походах на печору и югру не миновали самоедов, но при всем том "Самоедь" не упоминается в числе новгородских "волостей", может быть, потому, что сбор дани с кочевых самоедов был не постоянным, а случайным явлением. За самоедью и печорой на восток, по склонам Северного Урала и его отрогов и дальше по обоим берегам нижней Оби, обитала *югра*, которая также платила дань новгородцам, но по временам восставала и избивала новгородских данщиков. Потомками этой югры являются в настоящее время финские племена, ближайшие родичи угров, или венгров, *вогулы* и *остяки*, которых их соседи зыряне зовут *jozga-joss* (*joss* — оконча-

ние множественного числа). В землях перечисленных новгородских данников славяно-русская колонизация в рассматриваемую эпоху не сделала еще никаких успехов, и все отношения Новгорода к этим землям ограничивались только посылкой вооруженных экспедиций для сбора дани.

Этнографическая обстановка, среди которой на памяти истории совершалась колонизация лесных областей Восточной Европы славяно-русским племенем, не была исконной. До начала расселения славян, по всем признакам, было иное размещение племен, изменявшееся в зависимости как от передвижения среди прежних насельников, так и от внедрения в их среду первых славянских колонистов. Во-первых, есть признаки, указывающие на то, что чужь прибалтийская — эсты, емь, корелы, распространявшиеся по берегам Балтийского моря, Финского залива, р. Свири, Онежского озера, Онеги, Северной Двины, жили раньше гораздо южнее и восточнее, чем позднее, на памяти истории, и притом в непосредственном соседстве с мордвой. Памятником этого соседства является особая близость западно-финских наречий, включая эстонское, к мордовскому. Например, эсты и мордва имеют одинаковые названия для лиственных пород, растущих в средней России — яблони, клена, рябины, ореха, смородины, а также для разных предметов, относящихся к земледелию и домашнему хозяйству. Принимая во внимание, что мордва на памяти истории жила в бассейне южной Оки, надо думать, что западные финны жили, главным образом, в верхнеокском бассейне и далее на запад, в бассейне среднего и верхнего Днепра и Западной Двины, мешаясь здесь, как уже сказано, с литовскими племенами. Живя в этих областях, они и попали под влияние литовцев, иранцев и затем готов, чем и объясняются разные заимствования из литовского, иранского и готского языков в западно-финских языках. Во-вторых, есть признаки, указывающие на то, что и заброшенные на крайний северо-восток финские племена — пермя и югра жили когда-то гораздо западнее и южнее, чем позже, на памяти истории. Исследователями было указано на распространение в Северо-Двинском и Верхневолжском бассейнах названий рек с окончаниями на *-енга*, *-ега*, *-уга*, *-юга* (Печенга, Ширенга, Шарженка, Корегга, Чернега, Ветлуга, Мудьюга), *-гда* (Шишегда, Вологда, Елогда, Печегда), *-кша*, *-хта*, *-бол* (Колокша, Пекша, Селекша, Сорохта, Шолохта, Киболь, Кидабол и т.д.). Признано угорское происхождение этих названий. Но в том же районе констатируется немало рек с названиями зырянно-пермязского происхождения (по мнению проф. И.Н. Смирнова) на *-сара*, *-сора*, *-сар*, *-шера*, *-шира* (Сара, Вонгасара, Кумсара, Янгссар, Вокшера, Мусора и др.), которые являются вариациями *шор* (вода). Если эти наблюдения верны, то выходит, что угры (югра), обитавшие в лесостепных областях Западной Сибири, по соседству с тюркскими племенами (чем и объясняется значительная примесь тюркских элементов в их языке), передвинувшись в Восточную Европу, разде-

лялись: часть пошла в южные степи, оттуда, теснимая печенегами, ушла в Среднедунайскую низменность, а часть углубилась в лесные области, некоторое время там пребывала, а затем, под давлением южных финских племен, теснимых славянами, удалилась на северо-восток, на склоны Северного Урала. По стопам их отступила и зырянно-пермяцкая группа (коми). Но все эти предположения нуждаются в дальнейшем, более детальном изучении географической номенклатуры и языка угро-финских племен для того, чтобы стать твердыми научными положениями.

В последнюю очередь в лесной области Восточной Европы организовалась земля *Ростово-Суздальская*, занимавшая бассейн верхней Волги и междуречье Волги и Оки.

Начало заселения этого района уходит в доисторические времена. Еще до утверждения на этой территории русских князей здесь возникли славянские города *Белоозеро*, *Ростов*, *Суздаль*. Уже на памяти истории появились *Володимерь* на Клязьме, основанный князем Владимиром Святославичем вскоре после своего крещения, *Ярославль* на Волге, основанный сыном Владимира Ярославом, *Переяславль*, *Москва* (до 1147 г.), *Юрьев* (в 1152 г.), *Дмитров* (в 1154 г.), основанные правнуком Ярослава Юрием Долгоруким. Тогда же или при преемнике Юрия Андрее появляются *Зубцов*, *Углече Поле*, *Тферь*, *Кострома*, *Юрьев Польский*, *Унжа*, *Городец* на Волге, *Галич Мервский*, *Устюг Великий* — к северу от Волги; *Стародуб*, *Ярополч* и *Гороховец* на Клязьме и др. Все эти города, несомненно, были не одинокими селениями, а центрами, к которым тяготели целые группы других селений — волости. Во втором и третьем десятилетиях XIII в., накануне прибытия татар, большинство названных городов были уже центрами особых княжений Ростово-Суздальской земли. Уже в конце XII в. земля Ростово-Суздальская считалась самой многолюдной, самой населенной из всех русских земель, а ее старший князь самым могущественным из всех русских князей того времени. Автор южнорусского “Слова о полку Игореве” обращался к суздальскому князю с таким воззванием: “Великий княже Всеволоде, не мыслю ти прилетети из далече, отня слата стола поблюсти: ты бо можешши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти”. Так много воев мог собрать Всеволод III. Поэтому и на совещании князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей накануне их битвы с братом Константином (в 1216 г.), которому помогали новгородцы и смоляне, один из бояр, ободряя князей, говорил им: “Не было того ни при прадедах, ни при дедах, ни при отце вашем, оже бы кто вшел ратью в сильную землю в Суздальскую, оже вышел цел; хотя бы и вся Русская земля и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, никакого противу сей силе умеють; аже нынешнии полцы, право на вержем их селлы”.

Откуда набралось население Ростово-Суздальской земли? Первый основной пласт его дали, несомненно, те же словене, расселившиеся в бассейне озер Ильменя, Ладожского и Онежского и на верховьях Волги. С этих верховьев и по волокам, соединявшим Мсту и Тверцу, Тихвинку и Чагодощу, Вытегру и Ковжу, славянское население пробиралось в Поволжье, а отсюда через Волок Ламский в бассейн Москвы-реки и через Нерль Волжскую и Нерль Клязьменскую в бассейн р. Клязьмы. Наглядными этапами этого передвижения являются новгородские волости около оз. *Селигера*, *Торжок* на р. Тверце, *Бежичи* и другие волости по верхней Мологе и ее притокам, *Волок* на Ламе. Продвижение словен новгородских шло, несомненно, и дальше на юго-восток, до самой Оки. Едва ли не последним этапом была *Коломна* на устье Москвы-реки, которая напоминает Коломны, поставленные словенами на реках Волхове, Ловати и Мсте. Новгородцами же, очевидно, принесено и название р. Северки, впадающей в Москву-реку недалеко от Коломны и одноименной с Северкой, впадающей в Шелонь, и название р. Каширки, впадающей в Оку и одноименной с Каширкой, впадающей в Мсту, и название оз. Клещина, при котором возник Переяславль и которое является тезкой оз. Клещину в Никольском Поддубском погосте Бежецкой пятины, и название городков *Хотуня* и *Радонежа*. Вообще надо сказать, что географическая номенклатура Ростово-Суздальской земли насыщена новгородскими названиями. Приливом славянского населения с северо-запада объясняется и преобладание северо-великорусских городов в губерниях Тверской, Ярославской, Костромской, Московской и Владимирской. К этому главному течению с северо-запада с давних времен присоединилось колонизационное течение с запада, из земли кривичей смоленских. Наглядными этапами продвижения колонистов с этой стороны являются смоленские волости и села в области верхней Москвы с г. Можайском и в области притока Москвы Пахры, обозначенные в известной грамоте Ростислава Мстиславича 1150 г., данной Смоленской епископии. Быть может, эти же колонисты с запада занесли с собой и некоторые названия селений, как, например, село *Карачарово* в Можайском уезде, Карачарово в Ярославском и Муромском уездах, волость Пневичи в Можайском и волость Пневичи в Переяславском уездах; некоторые названия рек: *Воря* — приток Угры и Воря же — приток Клязьмы; *Яуза* — приток Гжати, *Яуза* — приток Ламы, *Яуза* — приток Москвы; *Истра* — приток Вори (системы Угры) и *Истра* — приток Москвы; *Уча* — приток Исконы и *Уча* — приток Клязьмы и т.д. Известная колонизационная струя шла и из вятичей, т.е. с верхней Десны и верхней Оки: *Стародуб* на Клязьме и *Стародуб Воцкий* являются повторением Стародуба Черниговского, *Перемышь* — на притоке Пахры Моче — повторением Перемышля Окского; и т.д. Наглядным этапом продвижения населения из Чернигово-Северской земли является черниговская волость Лопасна по обоим берегам Оки

недалеко от впадения в нее Лопасны. Запустение Донского бассейна, происшедшее после прибытия в южные степи Восточной Европы печенегов и половцев, заставляет думать об отступлении славянского населения из этого бассейна в Окский, причем оно оседало не только на правой стороне, но и на левой. Здесь этот колонизационный поток с юго-запада и юга покрыл старые новгородские колонии, и г. Коломна с его волостями стал еще до прибытия татар рязанским владением. Распределение говоров по рассматриваемой территории приводит к предположению, что колонизационный поток с юга разливался до самой Волги. Исследователями отмечено, что южно-великорусские говоры распространены не только в губерниях Рязанской, Тульской, Калужской и юго-западной Московской, но частью даже и Тверской. Так сливались, пересекали друг друга и смешивались в верхнем Поволжье и в бассейне Оки славянские колонизационные потоки, приходившие сюда с разных сторон.

Гуще всего до прибытия татар населился бассейн реки Клязьмы и прилегающие к нему местности по правой стороне Волги. Здесь стояли и более значительные города — Ростов, Переяславль, Юрьев, Владимир, Суздаль, Стародуб, Угличе Поле, Ярославль, Кострома и др. Наиболее раннее и густое заселение этой именно местности объясняется, по-видимому, тем, что она была наименее лесиста, имела много безлесных и малолесных оазисов, покрытых плодородной почвой (Юрьево Поле, Опольщина во Владимирском и Юрьевском уездах). Заволжье покрыто было громадными лесами, имело меньше плодородной земли и потому на первых порах заселялось меньше, чем указанный район.

Славяно-русское население, колонизовавшее Верхневолжский бассейн и междуречье Волги и Оки, расселилось на территории, уже имевшей насельников. Таковыми насельниками, по словам летописи, были на Белоозере, в северо-западной части, весь, а в Ростове меря. Сообщение это основано не на каких-либо темных фантастических преданиях, а на фактах живой действительности. О племени вису, жительствующем по соседству с варенгами и югрой, говорят арабские писатели, меря фигурирует в числе племен, по сказанию готского историка Иордана, подвластных готскому королю Германриху. Несомненно, что во времена летописца сохранились еще остатки инородческих племен на захваченных славянской колонизацией территориях. Эти остатки, островки инородческого населения, сохранялись долгое время и после, как можно судить по следующим, например, фактам.

В Белозерском крае на р. Шексне по актам XIV и XV вв. констатируются поселки, называвшиеся *Череповесь*, *Луковесь*, *Арбужовесь*, *Севесь Старая* (теперь Череповец, Луковец, Арбужево, Сивец); очевидно, все это были обрусевшие остатки жившей на Белоозере веси. По известию Герберштейна, впрочем, туземцы в Белозерской области еще в начале XVI в. име-

ли свой собственный язык. Такой же остаток сохранялся по соседству на Мологе — Весь Егонская (ныне Весьегонск) и, как мы видим, погост Ильинской в Веси. Необходимо отметить, что небольшой остаток финнов, напоминающий своим названием весь, уцелел и до настоящего времени на р. Ояти — *ояти-лайзет-венса*, т.е. весь оятская. Исследование языка этого народа показало родство его с нынешними тавастами, т.е. древней емью. Если так, то и в Белозерской области жила некогда та же самая емь, с которой мы встречались при обзоре новгородской колонизации. Такие же остатки можно указать и в отношении племени меря. В Звенигородском уезде в начале XVI века была целая группа сел и деревень с именами этого племени: Меря — монастырское село в Андреевском стане, две монастырских деревни *Старая Меря* в Сурожиковской волости, *Меря Старая* и *Меря Молодая* в Тростне. Такой же остаток обозначается по современной номенклатуре в противоположной, юго-восточной части Московского княжества. На речке Вохонке, впадающей в Клязьму близ нынешнего Павловского Посада, есть деревня *Меря*, несомненный обруселый остаток племени меря, жившего в этом краю и давшего свое имя, между прочим, и реке Мерьской, неподалеку начинающейся и текущей в Москву-реку. К западу от Костромы по актам XV в. выявляется целый стан Мерьский. Такой же стан под именем Мерещкого существовал и в Кашинском уезде. Город Галич Костромской в XIII в. и позже слыл под именем *Галича Мерьского*.

Географическая номенклатура Ростово-Суздальской области XIV и XV вв. дает основание к утверждению, что кое-где среди славяно-русского населения удержалась и мещера, которую начальный летописец обозначает в числе приокских племен, имеющих свой язык. Нам известны: коломенская волость *Мещерка*, деревня *Мещера* на р. Осеченке в нынешнем Богородском уезде Московской губернии, монастырское сельцо *Мещерка* во Владимирском уезде, *Мещерская волость* и с. Мещерское в Нижегородском княжестве. Впрочем, преобладающая масса мещерского племени до XVI в. оставалась вне сферы славяно-русской колонизации.

Русское население, окружавшее инородческие поселки, называло их часто и не собственными племенными именами, а общим именем *Чудь*, или *Чудца*. Селений с такими названиями встречается довольно много еще по актам XIV и XVI вв. Укажем, например, на село *Чудцу* в волости Череповеси Белозерского уезда, на *Чудский стан* в Кашинском уезде, *Чудскую волость* в Галицком, деревню *Чудскую* в Гороховецком и др.

О количестве инородческого населения, оставшегося сожительствовать со славяно-русскими колонистами, дает понятие громадное количество отдельных селений и населенных районов (волостей и станов), упоминаемых в актах XIV и XV вв., с самостоятельными, не заимствованными от рек, озер и других урочищ, нерусскими названиями. Не перечисляя здесь отдель-

ных селений, укажем волости и станы с нерусскими именами. На древнейшей территории Московского княжества встречаем волости *Вохну, Селну, Ижву, Сохну, Истерву, Кремичну, Негучу, Угожь*; в Коломенском уезде: *Брошеву, Гвоздну, Кочему*; в Дмитровском княжестве: *Атебал, Инобожь*; в Переяславском: *Кинелу, Серебожь*; в Углицком: *Киналу, Кой, Куткобал*; в Белозерском: *Ватбол, Ваипан, Ергу, Ирдьму, Каргободу, Колдому, Карголому, Куность, Патробал, Пунему, Чарому, Шигораш, Шубачь*; в Костромской области: *Иледам, Ликурги, Шачебал, Шухомаш*; в Суздальском княжестве — *Шухобал*, и т.д. Эти волости с самостоятельными нерусскими именами ведут свое происхождение, несомненно, от уцелевших инородческих обществ, которые прослоились русскими поселенцами и с течением времени обрусели.

Из совокупности всех этих данных выносятся определенное впечатление о сильной примеси инородческого населения к славянскому в верхнем Поволжье и в междуречье Волги и Оки. Это впечатление усугубляется географической номенклатурой этой территории. За небольшими исключениями все реки и речки, озера и другие урочища на рассматриваемой территории носят не русские, а инородческие имена. Так, финляндской Вуоксе, являющейся стоком из оз. Сайма, соответствует *Векса*, являющаяся стоком из оз. Галицкого, *Виокса* — сток из оз. Чухломского и т.д. Сохранение инородческой географической номенклатуры указывает на сохранение самого инородческого населения, от которого и перенимали славяно-русские новосельцы все эти чуждые русскому языку имена.

Не вся мери, впрочем, осталась на старых местах с прибытием славяно-русского населения. Между Ветлугой и Вяткой впоследствии встречаем *черемисов*, которые сами зовут себя *мари*: но судя по названиям сел и деревень Черемисино, Черемиска, Черемисское, речек Чармус, Черемиска и т.д., черемисы некогда жили и в Костромской губернии с прилегающими к ней частями Вологодской, и во Владимирской, и в Нижегородской. Ясное дело, что эта восточная ветвь мери отступила под напором славяно-русской колонизации на северо-восток за Волгу и Ветлугу, в тамошние леса, и по всем признакам здесь значительно одичала по сравнению с прежним своим житьем-бытьем, открывающимся из данных языка и могильных остатков.

Нижний Новгород, построенный великим князем Юрием Всеволодовичем при впадении Оки в Волгу, был крайним пунктом русской оседлости в среднем Поволжье в дотатарские времена. На пути к дальнейшему распространению славяно-русской колонизации в юго-восточном направлении стояло сильное мордовское племя и Болгарское царство, под властью которого находились черемисы, вотяки и другие обитатели среднего Поволжья.

Мордва жила в бассейнах Мокши и Суры. Племя это было известно и Константину Багрянородному, и арабским писателям в двух своих ветвях

(ерза, каратаи), и нашему летописцу, и, наконец, западным путешественникам XIII в. Рубруквису и Плано Карпини в третьей ветви — мокше. Тот факт, что мордовское племя уцелело до настоящего времени, несмотря на то, что давно уже со всех сторон охвачено русской колонизацией и подвергалось действию русской культуры, указывает и на численность его и на внутреннюю стойкость, на крепость всего его национально-бытового уклада, упорно сопротивлявшегося вторжению чуждых стихий. И летопись подтверждает это соображение, рассказывая об упорной и ожесточенной борьбе мордвы с русскими, борьбе, в которой последние не всегда оставались победителями. Так, первое крупное столкновение Руси с мордвой в 1103 г. под предводительством муромского князя Ярослава Святославича кончилось поражением русских. Особенной доблестью в борьбе с русскими выдвинулся мордовский князь Пургас в начале XIII в. В это время борьба с мордвой приняла истребительный характер. Суздальские князья разоряли Мордовскую землю, жгли селения мордвы и уводили в плен жителей. Но чаще всего мордва уходила в свои леса и запиралась там в своих “твердых”. Следовать за нею в чащу лесов русские дружины не всегда отваживались. Поэтому, несмотря на нападения русских и позднее татар, мордва уцелела и по сие время в бассейнах Мокши и Суры и распространилась отсюда даже далее на восток, в Поволжье и в бассейн Белой и Уфы.

Господствовавшее в Болгарском царстве племя, как показали исследования сохранившихся болгарских надписей XIII—XIV вв., было тюркского происхождения, родственное современным чувашам, которые, по-видимому, являются прямыми потомками этих болгар. Болгары не были автохтонами в своей стране. Они оторвались от орды, кочевавшей в наших южных степях в V и VI в., и, расположившись на южной Каме среди оседлого населения, долгое время придерживались некоторых обычаев кочевого, пастушеского быта. Так, по летам они выселялись в степь и жили в войлочных кибитках, питаясь преимущественно кониной, платили дань своему хану конями и конскими шкурами. Но внедрившись в среду оседлого населения, они подпали под влияние его быта — по зимам стали жить в деревянных избах, питаясь растительной пищей, преимущественно просом, и т.д. Сделавшись господствующим племенем в местности, собирая дань с местного населения и разнообразную добычу, болгары стали выменивать эту дань и добычу на разные восточные товары у живших южнее их по Волге народов — буртасов и хазар, а затем у арабских купцов, которые стали приезжать в Поволжье с VIII в. Эти торговые сношения с течением времени все более и более развивались, и болгары, сохраняя свое прежнее значение господствующего в стране племени, превратились вместе с тем в класс купцов, посредников в торговле с востоком всего среднего и частью верхнего Поволжья. Торговля принесла им и высокую культуру, богатство и просвещение. Бол-

гары приняли ислам, при посредстве выписанных от арабов мастеров строили каменные мечети и дворцы наподобие тех, что сохранились и по сие время в Средней Азии, научились разным мастерствам и художествам, завели известную роскошь в домашней обстановке, особенно в гаремах, которые переполнились женщинами, туземными и привозными. Женщина стала одним из главных предметов болгарской купли-продажи. Прежние аулы болгар превратились в города, среди которых первое место занимал *Великий город* на р. Волге против устья Камы, а затем богатый город *Ошел* на нижней Каме, *Бряхилув* и *Челмат* на Каме и др. Русские князья еще в X и начале XI в. вступили в борьбу с камскими болгарами, которые по временам обижали русских купцов, являвшихся к ним со своими товарами. Один из таких походов — Владимира Святого — кончился так же, как и походы на греков, заключением торгового договора с болгарами. Затихшая было в XI и первой половине XII в. борьба с болгарами возобновилась с особой силой во второй половине XII века. В это время причинами были уже чисто соседские недоразумения, нападения болгар на окраины русской оседлости, которая пододвинулась близко к Болгарскому царству. Русские дружины не раз входили в Болгарию, брали ее города, жгли села, облагали данью жителей, но не раз также терпели и поражения. Борьба шла, в общем, с переменным счастьем, и русским людям не удалось пока продвинуть свою оседлость в пределы Болгарии.

За этими двумя исключениями, расширявшаяся славяно-русская колонизация не встречала сильных помех в инородческом населении лесных областей Восточной Европы. Это население в общем было слабее расселявшейся массы славянства, слишком было разбросано по стране и потому либо отступало под напором славянских колонистов, либо принимало на свои земли и оставалось сожительствовать с ними. Это сожительство облегчалось известной близостью быта старожилов и новоселов.

В то самое время, от которого дошли до нас первые известия о славянах, славяне и финны, по-видимому, находились на разных ступенях культурного развития. Тацит, причисляющий венедов к земледельческому населению Средней Европы, изображает финнов бродячими дикарями-звероловами, которые влчат самое жалкое существование. “У финнов, — пишет он, — чистая дикость, гнусная бедность: нет ни оружия, ни коней, ни пенатов; их пища — трава, одежда — кожа, ложе — земля; вся надежда на стрелы, которые за неимением железа они заостряют костями. Охота кормит одинаково и мужчин и женщин, которые всюду сопровождают своих мужей и требуют себе части добычи; детям нет другого убежища от непогоды и зверей, кроме шалашей, сплетенных из ветвей; сюда идут юноши, сюда удаляются старцы. Они считают это состояние более счастливым, чем обрабатывать поля, строить дома, дрожать за свое имущество и завидовать друго-

му. Не опасаясь людей, не страшась богов, они достигли труднодостижимого: они ничего не желают”. Читая это описание, невольно переносишься мыслью к позднейшим диким представителям финского племени — бродячим вогулам, ютящимся в берестяных шалашах, одетым в олени шкуры и с тупым равнодушием взирающим на Божий мир. Но ко времени распространения славянской колонизации в лесных областях нашей страны финны уже не были такими дикарями, какими описывает их Тацит (весьма возможно, что и при Таците далеко не все племена были в том первобытном состоянии, которое изображает историк). Наблюдения финнологов над языком западных и восточных финских племен, констатируют, что благодаря жившим в южных областях Восточной Европы иранским племенам финны ознакомились с металлами, все финны — с медью, восточные — с золотом, серебром, оловом. Иранцы познакомили их и с железными орудиями — таковы: нож, топор, меч, стрела, молот, лемех. Появление *лемеха* в числе слов, заимствованных финнами у иранцев, свидетельствует, что иранцы ознакомили финнов и с зачатками земледелия. Кроме земледелия благодаря иранцам появились у финнов и домашние животные — коровы, овцы, названия которых являются в финских языках заимствованными из иранских языков. Тесное общение финнов с литовскими племенами сказало в их быту прежде всего расширением земледелия и скотоводства: финны познакомились с рожью, льном, изготовлением сена, содержанием свиней и коз. Изменились под литовским влиянием и жилища финнов: рядом с коническим чумом и бревенчатым шалашом без пола и потолка и окон явилась теплая изба — *piiti* (черемис. перт), служившая и баней и жилищем, и при ней двор. Раскопки курганов в области древних финских племен (например, мери) указывают на то, что у них в ходу были даже некоторые предметы роскоши: драгоценные камни и их подделки, бисер и бусы, золотые, серебряные и бронзовые цепочки, ожерелья, браслеты, кольца, пуговицы, застежки, привески, парчи, а равно и оружие — гарпуны, багры, булатные клинки, мечи и т.д. Часть этих предметов завезена была к ним с востока, часть с запада из Скандинавии, часть, быть может, приготовлена была уже домашними средствами, как приготовлены были полотняные и шерстяные ткани, также находимые в финских могилах. Многочисленные монеты халифов и иных азиатских династий, а также германские и саксонские, находимые в финских (мерянских) курганах, указывают, что и финны втянуты были в тот торговый круговорот между Востоком и Западом, в котором участвовали славяне, литовцы, германцы, кельты и другие племена Европы.

В общем, таким образом констатируется известная близость быта финнов и славян в эпоху разброда последних по Восточной Европе. Эта житейская близость должна была облегчать мирное сожительство славян с финнами и в конечном результате приводить к поглощению последних первыми.

Могучим фактором обрусения финнов, как это обнаруживается из фактов более позднего времени, было распространявшееся среди них христианство. Но несомненно, что процесс этого слияния начался еще задолго до распространения христианства, с самых первых времен расселения славян среди финнов. Смешение с финнами главным образом и внесло то разнообразие антропологического типа в среду восточного славянства, которое наблюдается в настоящее время. “Все они высоки и необыкновенно крепки телом, волосом не особенно светлы или русы, но и не черны, а скорее красноваты”, — писал о славянах византийский писатель VI в. Прокопий. “Славяне народ красного цвета, с русыми волосами, крепки телом” — характеризует их арабский писатель Абу-Мансури. Такие румяные, рослые типы встречаются и по сие время среди русского населения. Но наряду с этим нередко встретишь и низкорослые, приземистые фигуры, с черным цветом волос, скуластые, с вздернутыми или придавленными носами, “мордовские” физиономии. Очевидно, это либо потомки обрусевших финнов, либо потомки славян, смешавшихся с финнами.

Мы не знаем подробностей славяно-русской колонизации Верхневолжского бассейна и междуречья Волги и Оки, восходящей в доисторические времена и продолжавшейся в начальные времена русской истории в X—XIII вв. Но самые типы селений и их имена дают некоторую возможность угадывать, как происходило заселение. Несомненно, что вначале главная роль принадлежала чисто народному, стихийному движению сюда славяно-русского населения. Вторгаясь в страну, уже занятую другими племенами, славянские колонисты устранивались в укрепленных поселках-городках и из них уже расселялись по окрестностям селами и деревнями. Значительная часть городищ, находящихся на рассматриваемой территории, являются следами этого первоначального заселения. С течением времени эти городки делались ненужными и исчезали, но некоторые превращались в большие города, становившиеся торговыми, политическими и культурными центрами, как, например, Белоозеро, Ростов, Суздаль и др. Народной колонизации обязаны были происхождением погосты, села и деревни, имевшие патронимические, родовые наименования или чисто географические (по рекам, озерам и другим урочищам). Значительная часть селений, возникших позднее, обязана своим происхождением организующей, устрояющей деятельности князей, бояр и духовенства. Таковы прежде всего некоторые города, на памяти истории созидавшиеся князьями и носящие иногда их имена: Володимир, Ярославль, Юрьев Польский и Юрьев Повольский, Ярополч, Дмитров. Таковы свободы, или слободы, в которые князья собирали поселенцев с предоставлением им всяческих льгот. Свободы наряду с погостами были преобладающим типом поселков Ростово-Суздальской земли в момент татарского погрома. Таковы же княжеские села, центры собственного княже-

ского хозяйства, заселенные первоначально их челядью, позже крестьянами. Известная часть сел обязана была своим возникновением деятельности бояр (“села боярьские”), селивших при своих усадьбах или отдельно рабов, а позже и крестьян. И наконец, села сажало и духовенство, чаще всего — монастыри. Рассказывая о разорении половцами и татарами церквей и монастырей, о грабеже их имущества, летописец обычно упоминает и о селах, подвергнувшихся этому разорению.

Важнейшая литература:

Надеждин Н.И. Опыт исторической географии Русского мира: Ст.1 // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1837. Т.22.

Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии: География начальной (Несторовой) летописи. — 2-е изд., испр. и доп. — Варшава, 1885.

Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т.I. — Киев, 1885.

Дашкевич Д.П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. — Киев, 1873.

Кочубинский А.А. Территория доисторической Литвы // Журн. М-ва нар. просвещения. 1897. Ч.309, янв.

Погодин А.Л. Из древнейшей истории литовского племени // Вестн. археол. и ист. 1898. Вып.10.

Погодин А.Л. Древниси литовцы // Книга для чтения по русской истории / Под ред. М.В.Довнар-Запольского. — М., 1904. — Т.I.

Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. — Киев, 1896.

Sjogren A.-J. Ueber die Wohnsitze und die Verhältnisse der Jatwagen. Ein Beitrag der Geschichte Osteuropas um die Mitte des XIII Jahrhunderts // Memoires de l'Academie imperiale des sciences de Saint-Peterbourg. Ser.6. Sc.polit., hist., phil. 1859.Т.9.

Sjogren A.-J. Ueber die alteren Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte der Tschudischen Volker in Russland // Memoires de l'Academie imperiale des sciences de Saint-Peterbourg. Ser.6. Sc.polit., hist., phil. 1832. Т.I.

Середонин С.М. Историческая география: Лекции, чит. проф. С.М.Середониным в имп. Петроград. ин-те. — Пг., 1916.

Ибн-Даст А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, не известного доселе арабского писателя начала X века / По рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А.Хвольсон. — Спб., 1869.

Кузнецов С.К. Русская историческая география: Курс лекций, чит. в Моск. археол. ин-те в 1907—1908 г. С.К.Кузнецовым. Вып.I. Меря, мещера, мурома, весь. — М., 1910.

Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. — М., 1872.

Глава VII

Корсаков Д.А. Меря и Ростовское княжество: Очерки из истории Ростовско-Суздальской земли. — Казань, 1872.

Смирнов И.И. Финны // Книга для чтения по русской истории / Под ред. М.В.Довнар-Запольского. — М., 1904.

Смирнов И.И. Волжские болгары // Там же.

VIII. ПРИБЫТИЕ ТАТАР И ПЕРЕМЕНЫ В РАЗМЕЩЕНИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЛЕСОСТЕПНЫХ ОКРАИННЫХ ОБЛАСТЯХ

В четвертом десятилетии XIII в. в наши степи нахлынули новые кочевники — татары. В истории русской колонизации татары явились продолжателями дела печенегов и половцев. Благодаря им результаты предшествующей истории выразились яснее и полнее. Но вместе с тем в связи с задержкой населения в лесных областях и сосредоточением народных сил подготовилась и новая эпоха в истории русской колонизации — эпоха обратного движения в степь, начавшаяся с образованием государств Московского и Литовского.

Орда, нахлынувшая к нам в XIII в., была довольно сложного состава. Она, как снежный ком, прикатилась к нам из глубины Монголии, подобрав на своем пути разные народы, преимущественно турецко-татарского племени. Предводителем ее был племянник великого хана Огодая и внук знаменитого Чингиз-хана — Бату, или Батый. Вступив в 1236 г. в Приволжские степи, Батый отрядил часть войска для завоевания камской Болгарии, а сам пошел через Волгу в землю мордвы. Камская Болгария была завоевана татарами осенью 1236, а мордва весной 1237 года.

Зимой 1237 г., в самом начале ее, татары подошли к пределам Рязанской земли и остановились на берегах какой-то реки Онузы. Отсюда Батый отправил послов к рязанским князьям с требованием десятой части в людях и конях. Рязанские князья вышли было навстречу татарам к Воронежу, но, увидя невозможность бороться с ними в открытом поле, поспешили отступить и укрылись со своими дружинами за укреплениями городов. Вслед за ними полчища варваров хлынули в Рязанскую землю и по своему обычаю, охватив ее широкой облавой, принялись жечь, разрушать, грабить, избивать, пленить. По словам летописи, они “всю землю избивша, и не пощадеша отрочат до сосущих млека”. Многие селения и города были совершенно стерты с лица земли; некоторые известные имена их после того уже не встреча-

ются в истории. За Рязанской землей наступила очередь Суздальской земли. Татары взяли и разорили здесь Москву, стольный город Владимир и Суздаль, в то же время отдельные отряды, облавой охватывая землю, взяли Ярославль и попленили Поволжье до Галича Мерьского; в течение 1238 г. было взято до 14 городов кроме многих “слобод и погостов”. 4 марта 1238 г. татары разгромили на Сити великого князя суздальского Юрия Всеволодовича и вступили затем в пределы Новгородской земли. Наступавшая весенняя распутица помешала татарам производить дальнейшие опустошения в этом направлении. Батый повернул на юг и вступил в область вятичей, где разорил Козельск, отчаянно защищавшийся. Отсюда он двинулся в землю Половецкую.

Итальянский монах Плато Карпини, проезжавший через Половецкую землю в 1245 г., рассказывает, что половцы частью были истреблены татарами, частью обращены в рабство и частью бежали из отечества. Этих беглецов мы встречаем потом по нашим летописям на службе у князя Даниила Романовича, который пользовался ими как легким войском в своих походах на литву и ятвягов. Они поселены были в разных местах его княжения и должны были с течением времени перейти от кочевого быта к оседлому. У местного русского населения долго сохранялась поговорка: “Половец семь сел, а один вол”, из чего видно, что они долгое время не могли привыкнуть к новой жизни. Часть половцев поспешила спастись на Балканский полуостров. По рассказу *Георгия Акрополита*, половцы с женами и детьми на шкурах, наполненных сеном, переправились через Дунай, прорвались через Болгарию в Македонию и страшно ее опустошили. *Никифор Григора* сообщает, что половцев в Македонии было не менее 10 тысяч. Император Иоанн послал им богатые дары, включил их в состав армии и роздал им земли для поселения во Фракии, Македонии и Малой Азии. Знаменитый хан Котьян, тесть Даниила Романовича Галицкого, недолго продержался в степях с прибытием татар. Он выпросился на жительство с 40 тысячами половцев у венгерского короля Белы IV под условием принятия христианства. Половцам были отведены земли между Дунаем и Тиссой, где они долгое время держались особняком от местного населения. Часть половцев попала даже в Египет. Византийский историк *Георгий Пахимер* (описывающий время от 1261 по 1308 г.) сообщил, что султан Египта заключил договор с императором, в силу которого египетские корабли могли свободно ходить в Меотиду скупать рабов, ибо, говорит Пахимер, “султан, происходя из половцев, старался собирать около себя свое племя”. По-видимому, половцы попали в Египет в качестве рабов, которых распродавали татары. Часть бежавших от татар половцев, по словам Плато Карпини, вернулись назад на свои кочевья и, очевидно, слились там с татарами. Таким образом, и половцев постигла в конце концов та же участь, что их предшественников — печенегов и торков:

они были частью истреблены, частью схлынули на запад, частью слились с пришельцами.

Летом 1238 г. Батый послал отряд в Приднепровье. Татары “взяли копьем и избили весь Переяславль”. Затем они обступили “в силе тяжьце” Чернигов, взяли и сожгли его, истребив защищавшее его войско. Зимой 1239 г. Батый посылал отряд на север, чтобы закончить покорение Мордовской земли. Отсюда татары проникли в Муромскую область и сожгли Муром, а затем воевали по Волге и Клязьме. Это новое нашествие, по словам летописи, произвело “пополох” во всей Суздальской земле. Уцелевшие от прежнего погрома жители бросили свои дома и бежали куда глаза глядят; преимущественно спасались в леса. На следующую зиму (1240 г.) сам Батый направился в Приднепровье. Татары взяли Киев, побили его защитников и до такой степени разорили город, что проезжавший шесть лет спустя монах Плано Карпини насчитал в Киеве не более 200 домов. От Киева Батый направился на Владимир Волынский и по дороге взял несколько городов на Случи и Горыни; взяв Владимир и не оставив в нем ни одного живого человека, Батый направился на Галич и разорил также и этот город. Нет никакого сомнения, что этот опустошительный поток отделил от себя рукава в виде отдельных загонов. Летопись прямо говорит, что Батый кроме вышеупомянутых городов разорил “и иные грады многи, им же несть числа”. Народу погибло при этом множество. Францисканец Плано Карпини, которого папа Евгений IV отправил к татарам проповедывать христианство, в описании своего путешествия отмечает, что в степи лежало множество черепов и человеческих костей. По его уверению, большая часть руссов были перебиты или взяты в плен. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского, составленное, по всем признакам, немного спустя после его смерти современником и очевидцем татарского погрома, говорит, что жители, затворившиеся в городах, были перебиты; “а иные ж кряхуся в горах и пещерах, и в пропастях, и в лесех — мало от тех оцася”. В подтверждение этому и летопись рассказывает, что Даниил и Василько, возвращаясь из Венгрии после погрома и подойдя к Берестью, “не возмогоста ити в поле, смрада ради множества избияных: не бе бо на Владимире не остал живый, церкви святой Богородицы исполнена трупья, иные церкви наполнены быша трупья и телесе мертвых”. По пути из Венгрии Батый снова опустошил Вольты и Галицию.

Татары заняли своими кочевьями все Половецкие, или Кипчакские, степи, отчего и стали называться Кипчакской ордой. На окраинах южной Руси расположилось несколько отдельных орд под начальством особых темников, которые охраняли Кипчак и наблюдали за покорностью завоеванной страны. Степи Таврические и Азовские Батый отдал одному из своих родственников, а сам и сын его Сартак с главной ордой стали кочевать в степях

Поволжских и Подонских. Ставка, или орда ханская, от своих золотых урашений называлась “золотой ордой”; это название распространилось на все царство Батгя. Первоначально хан не имел определенного местопребывания, а впоследствии его резиденция, или *Сарай*, утвердилась на Ахтубе.

Даннические отношения, в которые Русь стала к татарам, не избавили ее от дальнейших погромов. Эти погромы продолжались до утверждения на великом княжении Владимирском Ивана Даниловича Калиты, когда произошла “ослаба от татарского насилия”. Погромы постигали как юго-западную, так и северо-восточную Русь, причем виновниками их были отчасти сами русские князья. Даниил Романович Галицкий, побывав в Орде, задался мыслью сбросить татарское иго и воздвиг рать на Болоховские и Побужские города, которые сидели за татарами. В ответ на это темник Куремса в 1259 г. вторгнулся внезапно в Вольнскую и Галицкую земли. Люди разбежались “в места лесна”, так что Даниил с Васильком не могли даже собрать войска, и только крепкие города спасли оставшихся людей. Но особенно пострадали Вольнская и Галицкая земли в 1283 г., во время похода татар на Польшу, в котором участвовали поневоле и русские князья. Главные силы татар под предводительством хана Телебути схлынули в Польшу, но часть осталась под Владимиром кормить коней. “Сиже, — говорит летописец, — учиниша пусту землю Володимерьскую, не дадяхуть бо из города ни лести в зажитье аще ли кто выехашеть, овы избиша, а другая поимаша, а иные лупяхуть и кони отымахуть, и во городе изомре в остую, Божиимъ гневом безчисленное множество”. То же самое произошло и в Галицкой земле, когда Телебуга гостил в ней две недели на возвратном пути из Польши. Князь Лев Данилович по уходе татар насчитал 12500 человек, “што поимано, избито, и што их Божию волею измерло”.

Но главным образом татары громили в XIII и XIV вв. Ростово-Суздальскую землю, где сосредоточивалось наибольшее количество русского населения. Таким образом, с перемещением главной массы русского населения переменялась и арена опустошений степняков. Этой ареной стала с половины XIII в. именно Суздальская земля, которой теперь пришлось испытывать то же самое, что ранее испытывало Приднепровье от печенегов и половцев. Природа Суздальской земли в такой степени уже не оберегала ее от татар, как в былое время от половцев. Во-первых, несомненно, что с приливом населения край в значительной степени утратил прежнюю дикость и непроходимость: больше стало полян среди лесов, больше дорог. Во-вторых, и татары по всем признакам были более привычны к зимней стуже и лесу, чем половцы. Татары, как мы уже видели, совершали свои вторжения в лесные области зимой, когда ни болота, ни реки не могли их задерживать. Половцы, как более южное племя, менее привычное к холодам, по зимам сидели в своих вежах. Они, по свидетельству Мономаха, нападали на Русь

большей частью весной, когда смерд выезжал в поле разделять свою роллю. Это обстоятельство в связи с большой дикостью страны спасало в свое время Суздальскую землю от половцев. Но татары опустошали преимущественно именно Суздальскую землю. И здесь, как некогда в Приднепровье, повод к вторжениям степняков подавали убоищы князей. Суздальская земля подвергалась страшным опустошениям во время междоусобья сыновей Александра Невского и во время борьбы Москвы с Тверью за великое княжение Владимирское.

Князь Андрей Александрович четыре раза приводил татар на старшего брата. В первый раз татары пожгли села переяславские и ростовские; во второй также произвели опустошения в Ростовской области; в третий приход, по выражению летописи, “много зла сотвориша христианам”. Но особенно тяжел был четвертый приход, когда татары взяли и разорили 14 суздальских городов: жителей они увели в плен, “многое число их разбегошася по лесам”. В долгую распрю между Тверью и Москвой, длившуюся четверть века, Ростово-Суздальская земля наводнялась татарскими полчищами, приводимыми то тем, то другим князем. Так, в 1318 г. лютый ордынский посол Конча пожег монастыри и села в Ростовском княжестве и побил много народа. Четыре года спустя Ахмыл выжег Ярославль мало не весь и перебил много христиан. В 1327 г., например, вслед за избиением татар в Твери, где неистовствовал ордынский посол Шевкал, пришла большая татарская рать в землю Ростово-Суздальскую, направляясь в Тверь, и на пути к ней “положища всю землю пугу”.

С утверждением на великом княжении Ивана Даниловича Калиты, по выражению летописи, “бысть тишина велика христианам по всей земле на многа лета”. С половины XIV в. возобновились частые нападения татар на Ростово-Суздальскую землю, но уже только на окраины; в глубь земли, к ее западным пределам, татары проникают реже и не в таком большом числе, как прежде. Только в 1383 году рать Тохтамышша опустошила всю Ростово-Суздальскую землю. Такое же опустошение последовало в 1408 г., когда Едигей приходил под Москву. В то время, как сам Едигей стоял под Москвой, татары разошлись по всей Ростово-Суздальской земле и много зла натворили христианам, иных перебили, а других увели в плен. “И бысть тогда во всей Руской земле всем христианам тута велика, плачь неутешен, и рыдание, и кричание, вся бо земля пленена бысь, начень от земли Рязанские и до Галича, и до Белоозера, вси бо подвизошася и вси смутишася”.

Все эти вторжения в недра русской оседлости, в общей сложности продолжавшиеся более полутора столетия, не могли не оказать своего действия на размещение русского населения. Переходя к рассмотрению этого действия, мы должны прежде всего отметить, что южные пределы русской оседлости на первых порах мало потеряли изменений по сравнению с тем, как

они наметились уже при половцах, остались почти те же самые. Это утверждение может показаться неожиданностью, принимая во внимание страшные погромы южных областей. В пояснение нужно указать на то, что русские селения, наиболее выдвинутые в степь и наименее защищенные, при приближении татар покорностью старались заслужить пощаду и нередко получали ее. Татары, щадя русское окраинное население, имели на него и особенные виды, о которых узнаем из сообщений летописи. Так, татары оставили в юго-западной Руси население в Побужье и в Болохове, т.е. на верховьях Случи и Горыни и Южного Буга, “да им орют пшеницу и просо”. Сами татары, хотя и были кочевники, но занимались отчасти и земледелием, сеяли яровые хлеба, и привыкли таким образом к растительной пище. Раз представилась возможность употребить чужие руки для обработки земли, они не преминули воспользоваться этим. Население Побожья сидело за татарами до тех пор, пока великий князь Ольгерд не разбил татар на Синей Воде около 1362 г. и не подчинил Побожье и соседнее Поднестровье, т.е. Подольскую землю, Литве. Летопись передает даже такой факт, что после погрома татарские баскаки устраивали на Украине слободы, куда привлекали разными льготами разбежавшееся русское население, очевидно с той же целью взимания натуральной подати хлебом. Такие слободы, например, были устроены баскаком Ахматом около Курска. Затем, несомненно, что под непосредственную власть татар попали и рязанские селения по Хопру, Ворскле и Черленому Яру. Этим объясняются и притязания на эти селения со стороны Сарайских епископов, которые поставлены были именно для русских, живших среди татар. Очевидно, что число этих русских людей было весьма значительно, если понадобилось основание особой епархии. Епархия называлась Сарайской и Подонской, по месту, где было главное кочевье Золотой Орды. К ней была причислена и епархия Переяславля южного, что может опять-таки служить косвенным указанием, что и в Переяславской области, наиболее опустошенной, уцелело кое-какое население и что это население попало в непосредственную зависимость от татар. Доказательством того, что в Переяславской области уцелела известная часть русского населения, служит и сохранение по традиции названий городов и селений по реке Суле, после татар лежавших в развалинах. Правда, бассейны Псла и Ворсклы, Орели и Самары после татар являются уже совершенной пустыней, но и до татар здесь почти не было населения или оно было крайне редкое. Пограничное русское население, состоявшее под непосредственной властью татар, управлялось татарскими баскаками и своими старшинами-атаманами, которые собирали дань и передавали баскакам. Такие атаманы, по известию литовско-русской летописи, были на Подолье. По актам конца XV в. мы встречаем этих же атаманов в Поросье, из чего можно опять заключить, что и здесь держалось при татарах кое-какое население, непосредственно им

подвластное. Итак, несомненно, что татары задержали окраинное русское население, если не все, то значительную часть его, на прежних населенных местах. Часть русского населения они даже вытягивали из прежних пределов оседлости в более южные местности. По известию Платона Карпини и Рубруквиса, татарские сборщики на первых порах уводили в орду пленниками всех тех, кто не мог заплатить дани. Часть этих пленных продавалась в рабство купцам, заезжавшим в порты Азовского и Черного морей, а часть оставалась в Орде в услужении татар. Их заставляли пасти стада и, весьма вероятно, также пахать землю. Некоторые из таких невольных людей поселились татарами на постоянное жительство. Так, Рубруквис нашел на Волге поселение, смешанное из татар и русских, которые перевозили послов и гонцов к Батю и от него. И бродячий русский элемент не исчез из степей с прибытием татар. Уже было указано, что в войско Батю шли, между прочим, и русские бродники. Татары, очевидно, пользовались ими как проводниками и переводчиками и потому щадили их при встрече с ними в степи. Сами бродники, сблизившиеся с половцами, очевидно, находили в себе достаточно умения и способности дружить и брататься с татарами. Степная жизнь отчуждала их от своих соплеменников и поневоле роднила с поганями. Тот же Рубруквис передает, что во время его пути по берегу Азовского моря к нему обращались с некоторыми религиозными вопросами какие-то русские, исповедывавшие христианство по греческому обряду. Очевидно, это были отщепенцы от своей земли, в степи позабывшие и свою веру. Они, по словам Рубруквиса, разбойничали в степи вместе с венграми и аланами. В начале следующего, XIV в., как свидетельствует одна из греческих надписей, найденных в Судак, бродники степей носили уже турецко-татарское название “казаки”. Итак, как при половцах, так и при татарах южнорусские степи не очищались совершенно от русских людей. По-видимому, не исчезли сразу и *черные клобуки*, державшиеся на окраинах русской оседлости. По крайней мере, память о них сохранилась в названиях отдельных поселений и урочищ, каковы, например, *Торчица* Тарашанского уезда Киевской губернии, *Черкасы* и др.

Но если южные и юго-восточные пределы русской оседлости в общем мало изменились в XIII и XIV вв. по сравнению с прежним временем, это не значит, что не произошло никаких перемен на окраинах славяно-русской оседлости. Среднее Приднепровье, несомненно, после татарского погрома еще более запустело, чем прежде, и если сохраняло кое-какое население, то крайне редкое, можно сказать, ничтожное. Татары завершили опустошение среднего Приднепровья, производившееся раньше половцами, и после них здесь уже оставалось очень мало народа. Факт этот помимо прямого свидетельства Платона Карпини вскрывается некоторыми косвенными данными, относящимися ко второй половине XIII и началу XIV в. Во-пер-

вых, после прибытия татар утрачивает значение старшего стола в Чернигово-Северской земле город Чернигов. Старший стол утверждается выше на Десне, в городе Брянске, лежащем среди лесистой и болотистой местности, а Чернигов отдается ханам в придаток к Брянску, хотя великие князья именуются все еще по старой традиции черниговскими. Наконец, запустение собственно Киевской земли доказывается тем, что на некоторое время и Киев перестает быть стольным городом. Князь Ярослав Всеволодович, которому Батый отдал Киев, держал еще в нем своего наместника (Дмитра Ейковича). Но сын его Александр Невский, когда Батый отдал Киев ему, ни сам туда не поехал, ни наместника не послал. Князь Даниил Романович собирался было занять Киев, но и он оставил свое намерение. Во второй половине XIII в. в Киеве, по всем признакам, совсем не было князей. Летописи, перечисляя русских князей, которые ходили с татарами в поход на Литву и Польшу, совсем не упоминают князей киевских. В начале XIV в. хан отдал Киевщину Ольговичам путивльским; в руках их Киев, по-видимому, оставался до занятия его Ольгердом в 1362 году. На разорение Киевщины косвенно указывает и переселение митрополитов из Киева во Владимир Залесский. Около 1300 г. митрополит Максим, не стерпя татарского насилия, переселился во Владимир “со всем житьем”. Тогда же, замечает при этом летописец — “и Киев весь разбежался”.

Но куда девалась большая часть населения Среднего Приднепровья? Часть, несомненно, была истреблена татарами, часть спаслась бегством. Есть данные, заставляющие думать, что за счет среднего Приднепровья увеличилось население некоторых соседних местностей, лежащих в лесной полосе. Выше указано на перенесение старшего стола из Чернигова в Брянск. Очевидно, Брянск сделался после погрома лучшей волостью в земле; а это в свою очередь можно объяснить отливом населения Черниговской земли из нижнего Подесенья и Посемья в эту глухую и дотоле малонаселенную местность. Синодик упраздненного Антониева Любечского монастыря дает прямое указание на то, что Брянское княжество сделалось самым населенным в Черниговской земле. Синодик поминает между прочим “великого князя Романа Старого Черниговского и княгиню его Анну и сына его князя Олега Романовича, великого князя Черниговского Леонтия, оставившего двенадцать тем людей и приемшего ангельский образ”. Но по летописи мы знаем, что это были князья брянские, сын и внук Михаила Черниговского, старшие в Чернигово-Северской земле. Очевидно, они именовались великими князьями черниговскими по старой традиции. Значит, и упоминание синодика о двенадцати тьмах людей относится если не целиком, то преимущественно к Брянскому княжению. Увеличилось население и в глухом, лесистом и болотистом краю вятичей, расположенном по верховьям Десны и Оки и их притоков. До татар мы встречаем здесь только одно княжество — *Козель-*

ское. После татар в XIII и XIV вв. здесь возникает несколько новых княжеств — Новосильское, из которого потом выделяются Одоевское, Вортыньское и Белевское, Карачевское, распавшиеся на уделы Козельский, Мосальский, Перемышльский, Звенигородский, Болховский; Торусское, из которого потом выделились уделы Мещовский, Брятинский и некоторые другие.

Летопись дает нам некоторые указания на передвижение населения из Приднепровья в Галицкую землю на северо-восточные склоны Карпат и дальше за Карпаты, в Угорскую Русь. Находившиеся поблизости лесистые Карпатские горы предоставляли надежное убежище населению, и потому неудивительно, что население с прибытием татар потянуло и в этот край. Князь Даниил Романович, возвращаясь из Венгрии и остановившись ночевать в Синеволодском монастыре, на рассвете увидел “множество бежащих от безбожных татар”. Общий народный поток увлекал и князей и бояр. В Галицкую землю бежали некоторые из черниговских князей и пытались там вокняжиться, опираясь на бояр из числа противников Даниила Романовича; бежали также и черниговские бояре. Князь Даниил Романович, со своей стороны, пошел навстречу этому народному движению и постарался использовать его в своих интересах. Когда пронеслась татарская гроза, он развил сильную колонизационную деятельность в Галицко-Волынском крае. По условиям времени эта деятельность выразилась в постройке городов. “Созда города многи, — говорит летопись, — и церкви постави и украси различными красотами”. В любимый свой город Холм Даниил, по словам летописи, созывал “прихожае, Немцы и Русь, иноязычники и Ляхы; идяжу день и во день и уноты и мастере всяции бежаху от татар, седельницы и лучницы и тульницы и кузнеце железу и меди и серебру, и бе жизнь, и наполниша дворы, окрест града поля и села”. Весьма вероятно, что такими “прихожаями” заселялись и другие города, созданные Даниилом, как, например, *Данилов, Стожек, Львов*. Ремесленники, бежавшие от татар, были русские пленные, которых татары удерживали у себя ради их мастерства. Заботясь о заселении страны, Даниил иногда и насильно переводил в нее жителей из соседних местностей. По взятии и разрушении Возвытия (ныне Новоград-Волынский) Даниил “люди изведе и вдасть я на подел сво братуси, ово же Львови, другие Шварнови”. Этим-то увеличением населения в Галицко-Волынской земле и объясняется значительная роль, которую играл Даниил Романович со своей братьей в политических событиях своего времени. Его самочувствие в этом отношении хватало так далеко, что он хотел даже остаться независимым от татар и после подчинения делал попытки к низвержению их ига. Вообще из всех галицко-волыньских князей Даниил Романович явился самым сильным, самым могущественным. Этот факт можно объяснить не чем иным, как усилением его военных и финансовых средств, а это в свою очередь, несомненно, стояло в связи с приливом населения в Галицко-Волынскую землю.

В XIV в. Галицко-Волынская Русь называлась уже Малой Русью, очевидно, в отличие от другой, Великой Руси, сосредоточившейся в Окском и Верхневолжском бассейнах. Юрий II, последний галицкий князь, в одной грамоте 1335 г. называет себя *dux totius Russiae Minoris*. Из грамоты прямо видно, что название относилось к землям Галицкой и Волынской. Название “Малая Русь” встречается и в грамотах Константинопольской патриархии XIV века. Появление этого названия служит характерным указанием на то, что Юго-Западная Русь к тому времени сосредоточилась преимущественно в Галицкой и Волынской землях, что здесь она нашла свои политические, религиозные и культурные центры.

Это сосредоточение Юго-Западной Руси несомненно сыграло свою роль и в этнографической эволюции русского народа. способствовало племенной консолидации и обособлению малорусской, украинской его ветви. Южно-русские племена, под натиском татар сбившиеся на север, в лесные области Волыни и Киевщины, и на северо-запад, на предгорья Карпат, сплотились теперь окончательно в одну народность, говорившую на одном языке, с небольшим различием говоров по отдельным местностям.

Итак, по отношению к этнографической эволюции Юго-Западной Руси татары явились только завершителями дела своих предшественников — печенегов, торков и половцев. В северо-западном же направлении, по всем признакам, отступила и значительная часть населения Муромо-Рязанской земли, подвергшейся страшному опустошению в 1237 г., а затем в 1281 и 1288 гг. (Муромская земля). Из договора рязанского князя Олега Ивановича с Димитрием Донским узнаем, что в области р. Протвы были рязанские города *Новгород, Верея и Боровск*, перешедшие тогда к Москве. Эти рязанские города, не упоминаемые в источниках дотатарской эпохи, и возникли, по-видимому, после татар в связи с отступлением рязанского населения в западные лесистые области Верхнеокского бассейна. Татарские погромы оказали свое действие и на распределение населения Ростово-Суздальской земли. Но об этом речь будет впереди.

Важнейшая литература:

Грушевский М.С. История Украины—Руси. Т.3. 2-е вид., розш. — Львів. 1905.
Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции М.Погодина о русской истории. Т.7. Период удельный / Имп. Моск. о-во ист. и древностей рос. — М., 1856.

Максимович М.А. Собрание сочинений: В 3 т. — Киев. 1876--1880.

Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т.1. Киев. 1885.

Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. -- Спб., 1892.

Владимирский-Буданов М. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века // Архив Юго-Западной России. — Киев, 1886. — Ч.7, т.1.

Дашкевич Н.П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. — Киев, 1873.

Дашкевич Н.П. Болеховская земля и ее значение в русской истории: Эпизод из истории Южной Руси в XIII и XIV столетиях. — Киев, 1876.

Соболевский А.И. К вопросу об исторических судьбах Киева // Унив. изв./ Киев. ун-т. — 1885. — Авг. — Рец. на кн.: Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т.1. — Киев, 1885.

Клепацкий П.Г. Очерки по истории Киевской земли. Т.1. Литовский период. — Одесса, 1912.

Крымский А.Е. Филология и Погодинская гипотеза: Дает ли филология малейшие основания поддерживать гипотезу г.Погодина и г.Соболевского о галицко-волыньском происхождении малоруссов? 1—4: Разбор общих ист.-филол. данных и обзор писем. памятников старо-киевских. — Киев, 1904.

Василенко Н.П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. — Киев, 1916. (Русская история в очерках и статьях / Под ред. М.В.Довнар-Запольского. Т.3, прил.)

IX. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЛИТВЫ И ЗАПАДНО-РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ, ЕГО ПРЕДЕЛЫ И РАЗМЕЩЕНИЕ В НЕМ НАСЕЛЕНИЯ К ПОЛОВИНЕ XVI В.

Итак, к концу XIII в. в Восточной Европе было уже иное распределение славянского населения, чем в начальные века русской истории. В X, XI и начале XII в. большая часть восточного славянства жила в бассейне Днепра, Западной Двины и оз. Ильменя. От этой главной населенной полосы, как от ствола ветви, раскидывались в разные стороны сравнительно слабо и редко населенные колонии. Но к концу XII в. восточное славянство разбилося географически. Главная масса его сосредоточилась в бассейнах верхней Волги и Оки, в Ростово-Суздальской земле. Многолюдство ее засвидетельствовал великий князь Андрей Боголюбский, заявивший в совете с боярами по поводу учреждения митрополии во Владимире, что он всю Белую Русь городами и селами великими населил и многолюдну учинил. Другая значительная масса сосредоточилась на северо-восточных склонах Карпат и в бассейне верхнего Днестра, Сана и Западного Буга в землях Галицкой и Волынской. Многолюдством Галицкой земли объясняется и политическое могущество ее князя, воспетое в “Слове о полку Игореве”: “Высоко седиши на своем златокованнем столе, подпер горы Угорьския своими железными плъкы, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, мечя бремены чрез облакы, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землям текуть, отворяеши Киеву врата, стреляеши с отня злата стола салтани за землями”. Значительная часть славяно-русского населения сосредоточилась затем и на верхнем Днепре, в земле Смоленской, которая в конце XII и начале XIII в. также обозначилась как одна из сильных земель наряду с Суздальской и Галицкой.

Новое размещение населения совершилось под действием разных причин. Княжеские усобицы и опустошительные набеги половцев, ареной которых было среднее Приднепровье, заставляли тамошнее население покидать насиженные места и уходить туда, где было безопаснее, на запад в

Прикарпатье, на север в лесистый бассейн верхнего Днепра, на северо-восток в бассейн верхней Десны и Оки; опустошительные набеги литовцев заставили население Полоцкой земли спасаться на восток в землю Смоленскую, частые холода, падеж скота и людской мор гнали население Новгородской земли на восток в Ростово-Суздальскую землю. В общем, таким образом обозначились три района наибольшей населенности — земли Ростово-Суздальская, Смоленская и Галицко-Волынская.

Сообразно с этим новым размещением населения изменилась и его политическая группировка. Прежний союз русских земель, средоточием которого был Киев, распался. Взамен его создались три политические группы. Самую большую и самую сильную из этих групп образовали земли Суздальская, Новгородская и Муромо-Рязанская. Между этими землями к концу XII в. установилось известное единение. Новгородцы со времени Андрея Боголюбского брали себе князей из руки сильных суздальских князей. Рязанские князья находились уже в полном подчинении у суздальского “великого князя”. Всеволод III рассаживал их по волостям по старшинству, судил их в распрях и отряжал на войну. Другую группу образовали земли Смоленская, Киевская и Полоцкая. Большая часть великих князей киевских во второй половине XII в. выходили из рода княжеского в Смоленске. Киев стал как бы придачей к Смоленску. Уходя туда княжить, смоленские князья не порывали своих связей со смоленскими родичами, раздавали им пригороды в Киевской земле, действовали заодно в столкновениях с другими князьями и вообще с внешними врагами. Полоцкие князья находились уже в формальной зависимости от великого князя смоленского. Поэтому и Мстислав Давыдович, великий князь смоленский, заключил в 1229 году договор с Ригой и Готландом не за себя только, но и за князей полоцкого и витебского. На юго-западе Руси составила третья политическая группа из земель Волынской и Галицкой, в конце XII в. соединившихся под управлением князей одной ветви княжеского рода (от внука Мономахова — Изяслава Мстиславича), и Турово-Пинской, князья которой обычно подчинялись галицко-волинским.

Так в конце концов наметились те три народных ядра, которые легли в основу нового племенного деления восточных славян, заменившего собой прежнее разнообразие, — на великорусов, белорусов и малорусов, или украинцев.

Нашествие татар довершило описанную работу жизни. После произведенного ими погрома и опустошения среднего Приднепровья большая часть населения Юго-Западной Руси сбилась в Галицко-Владимирской земле, которая и стала называться в официальных актах ее князей и иноземных *Малой Русью*, в отличие, очевидно, от *Великой Руси*, сосредоточившейся в Верхневолжском и Окском бассейнах. Долгое время при татарах русское население

ние задерживалось в этих районах, не имея возможности расселиться по степям, и за это время сглаживались среди него прежние племенные различия и слагались новые этнографические особи — народности великорусская и малорусская, или украинская. Консолидация белорусской народности завершилась в недрах образовавшегося в XIV в. Великого княжества Литовского, которое объединило в себе западно-русские земли, и в первую очередь земли кривичей и дреговичей.

В XI и XII вв. литовское племя состояло из нескольких народцев, занимавших особые территории. Таковы были: *прусы* между нижней Вислой и Неманом, *жемойты* (нижняя Литва) на правых притоках нижнего Немана до Невяжи включительно, *аукштас* (верхняя Литва) в бассейне Вилии и других правых притоков среднего Немана, *жемгала* на левом берегу нижней Западной Двины, *летьгола* — на правом берегу нижней Западной Двины до р. Аа, *ятвяги* — в междуречье Западного Буга и Немана. Каждый из народцев в свою очередь представлял группу мелких общественных союзов, во главе которых стояли местные старшины или князьки. Пользуясь этим разделением литовцев, русские и польские князья с начала XI века предпринимали частые походы внутрь Литвы для захвата добычи и пленных, которых они обычно превращали в рабов. Эти вторжения вызывали в литовцах стремление к объединению, обостряли в них национальное чувство. В борьбе с соседями литовские вожди стали уже выступать сообща, соединяя силы не только одного, но и нескольких народцев, причем не ограничивались одной только обороной, но и сами стали нападать на соседей. Все эти временные соединения племенных литовских сил были прелюдией к образованию постоянного крупного союза литовского племени — Великого княжества Литовского. Образование это произошло под натиском на Литву немцев Тевтонского и Ливонского орденов.

К началу XIII в. русские и польские соседи перестали быть опасными для Литвы. Как Русь, так и Польша ослабели в княжеских усобицах. Пользуясь этим, литовцы сами перешли в наступление на русских и поляков и часто навещали их земли для грабежа и полона. Но зато явился у них новый, опасный враг в лице немецких рыцарей Тевтонского и Ливонского орденов, которые задалась целью покорить литовские племена и обратить их в христианскую веру. Они успели сделать это сначала в отношении к жемгале и летьголе (латышам), а затем в отношении к пруссам. Но в верхней и нижней Литве они натолкнулись на энергичное сопротивление со стороны одного из князей — Миндовга, который сумел объединить под своей властью всю Литву, образовать из нее крупное государство и совокупными силами Литвы отразить немецкие поплзновения.

Миндовг на первых порах выступал только как старейший среди литовских князей, предводитель в совместных военных операциях. Но с

1248 г. его положение в Литве резко изменилось. Волынская летопись сообщает, что Миндовг коварно захватил волости и имущество своих родственников, отправившихся воевать к Смоленску, и сделался таким путем самым могущественным владельцем, полным хозяином во всей Литовской земле: все другие литовские князьки должны были ему подчиниться. Между прочим он захватил в свое владение и *Черную Русь*, т. е. область правых притоков Немана с Новгородком, главным городом. С силами объединенной Литвы и Черной Руси Миндовгу удалось отстоять независимость Литвы от немцев. Миндовг пал в 1263 г. жертвой заговора князей, недовольных его самовластием. Но не пало дело, созданное им: "великое княжество Литовское" оказалось уже настолько крепким политическим сооружением, удовлетворявшим народной потребности в единении, при натиске со всех сторон, что не разложилось среди междоусобий преемников Миндовга и сделалось основным ядром, вокруг которого объединилась вся Западная Русь и выросло обширное Литовско-Русское государство.

В первую очередь соединилась с Литвой земля *Полоцкая*. Географическая близость обусловила между ними давнишнее житейское общение и мирного и немирного характера. В течение XI и первой половины XII в. полоцкие князья со своими дружинами много раз навещали Литовскую землю в поисках добычи и полона. С половины XII в., наоборот, литовцы стали частыми гостями в Полоцкой земле. Полоцкая земля к тому времени разделилась на несколько княжеств, как то: Полоцкое, Витебское, Минское, Друцкое и др. В усобицах из-за столов полоцкие князья, как и южно-русские, стали призывать на помощь "поганых", но только этими "погаными" были уже не половцы, а литовцы. Литовцы стали часто являться в Полоцкую землю и самостоятельно. К тому времени они привыкли уже соединяться в большие партии, разлакомились добычей и начали промышлять войной. В 20-х годах XIII столетия литовцы рыскали по Полоцкой земле, как по своей собственной, проходили по ней из конца в конец, устремлялись на черниговские, смоленские, тверские и новгородские волости. Заливаемая чуть не ежегодно литовскими полчищами, Полоцкая земля все более и более спаивалась с Литвой. Разоряемое литовцами русское население вынуждалось искать себе спасения либо в уходе на восток в Смоленскую и Черниговскую земли, либо в покорности литовским вождям. После этого не неожиданным является утверждение на столе в Полоцке литовских князей. Некоторое время, впрочем, они сидели в Полоцке попеременно с русскими князьями местной династии Изяславичей. Но в 1326 г. в Полоцке утвердился брат тогдашнего великого князя литовского Гедимина (1316—1341) Воин, и с того времени Полоцк стал уже постоянным владением литовских князей. Еще ранее этого, в 1320 г., по смерти витебского князя Ярослава Васильевича, не оставившего после себя мужского потомства, в Витебске утвердился на княже-

ные зять Ярослава, литовский князь Ольгерд. Вслед за тем подручниками Гедимины стали и другие князья Полоцкой земли — минский, друцкий, лукомский, так что в конце концов вся Полоцкая земля стала достоянием Литвы.

В 20-х же годах к Литве присоединились земли *Берестейская с Подляшьюм, Турово-Пинская и Деревская*. Еще в 1315 г. литовский князь Гедимин захватил Берестье и Дорогичин и затем продвинулся к самой столице Волынской земли — Владимиру. В произошедшей под стенами Владимира битве пал князь Юрий Львович, внук Даниила Романовича. Его сыновья продолжали борьбу, но безуспешно. Гедимин, ставший вскоре великим князем на Литве, удержал за собою Берестейскую землю с городами Берестьем, Каменцом и Дорогичиним и посадил здесь на княженье своего отважного сына Кейстута. Известно далее, что Гедимин посадил другого своего сына, Наримунта, в Пинске. Но когда и при каких обстоятельствах произошло присоединение к Литве Турово-Пинского Полесья, неизвестно. После похода на Киев, в 20-х годах XIV столетия, присоединено было к Литве и Киевское Полесье, или земля *Деревская*, с городами *Мозырем, Овручем и Житомиром*. Таким образом, коренная Литовская земля окружилась целым поясом русских земель с востока и юго-востока и Великое княжество Литовское по составу своего населения стало государством не чисто Литовским, а Литовско-Русским.

При великом князе Ольгерде (1341—1377) Литва начала окружать себя вторым поясом русских земель, в состав которого вошли Волынь с Подольем, Киевщина, Чернигово-Северские княжества и земля Смоленская. Во второй четверти XIV века в Галицко-Волынской земле перевелись князья из рода Даниила Романовича, и земля эта стала аренной домогательств польского и венгерского королей и литовских князей и происходивших одновременно и в связи с этим внутренних смут. После довольно продолжительной борьбы за Галицко-Волынское наследие Польша и Литва поделили его между собой. По договору 1366 г. Галицкая земля досталась Польше, а Волынь — литовским князьям.

Одновременно с Волынью Литва овладела Киевской землей. Опустошенная татарами Киевщина с начала XIV в. находилась во владении князей путивльских, сначала князя Святослава, а затем сына его Федора, посаженных в Киеве татарами. В 1312 г. Ольгерд взял Киев под князем Федором и посадил в нем своего сына Владимира. В то время в битве на Синей Воде (Днепробугском лимане) Ольгерд разбил трех татарских князьков, которые властвовали на Подолье и при помощи выборных атаманов собирали дань с местного русского населения. После того на Подолье отправились племянники Ольгерда, сыновья Кориата Гедиминовича, и, войдя в приязнь с местными атаманами, заняли Подолье, которое таким образом связалось с Лит-

вой. Немного позднее Ольгерд занял Чернигово-Северские княжества — Брянско-Черниговское, где шла в то время “замятня от лихих людей”, Новгород-Северское. Русское население охотно шло под власть великих князей литовских, ища у них защиты от татарского насилия. Во второй половине XIV в. это насилие обострилось в связи с внутренними смутами в татарской орде, с постоянной сменой лиц на ханском престоле, с их междоусобиями.

Последними приобретениями Литвы на Руси было присоединение *Смоленской земли* и подчинение “верховских”, т.е. верхнеокских княжеств. Смоленские великие князья уже со времени Гедимины находились в зависимости от великих князей литовских. Великий князь Витовт (1392—1430), для укрепления центральной власти уничтоживший областные княжества, в 1405 г. выгнал из Смоленска местного князя Юрия Святославича и посадил там своих наместников. С могущественным великим князем литовским должны были соединиться и верхнеокские князья — новосильский, воротынский, одоевский и др.; они обязались платить ему “полетнее”, ежегодную дань, и ходить с ним на войну, с условием, что он будет оборонять их от татар и других недругов.

Так сложилось крупное государство, вобравшее в себя, кроме верхней и нижней Литвы, землю Полоцкую с выделившейся из нее Витебской землей и княжествами Минским, Друцким и др., земли Берестейскую с Подляшьем, Волынскую с Подольем, Турово-Пинскую с Черною Русью и Смоленскую. Присоединяя русские земли и княжества, Литва не трогала их старины, их внутреннего уклада и обычая, и посаженные в этих землях и княжествах литовские князья, позже замененные великокняжескими наместниками, продолжали править ими на тех же основаниях, как и прежде русские князья, и даже с теми же самыми сотрудниками — русскими боярами и вечами главных городов. Литовско-Русское государство вышло, таким образом, федеративным соединением земель, сохранявших под верховной властью великого князя литовского свою внутреннюю автономию.

Территория Литовско-Русского государства заняла бассейны средней и верхней Западной Двины, верхнего и среднего Днепра, часть Верхневолжского и Верхнеокского бассейнов, бассейны Западного и Южного Бугов, часть Днестровского бассейна. К западу от Днепра территория Великого княжества Литовского доходила до Черного моря. При Витовте она была обставлена целой линией крепостей по Днепру (*Кременчуг, Мишурун Рог, Тавань* около переправы через Днепр, *Бужин, Баргунь, Тягинка*), по берегам Черного моря около гаваней (*Очаков, Качибей*) и по берегам Днестра (*Нараул, Герберде-ев, Упек, Тягинь*, ныне Бендеры). На левой стороне Днепра литовско-русская территория охватывала бассейны Десны и Сейма, Трубежа, Суполя, Сумы, Псла, Ворсклы, Орели, Самары, верхнего Донца и Оскола. В таком протяжении она вырисовывается в акте разграничения, которое производил с ко-

чевьями Перекопской орды черкасский наместник киевского князя Семена Олельковича Свиридов, и в ханских ярлыках, выданных великим князем литовским в XV и первой половине XVI в.

Большая часть населения Великого княжества Литовского сосредоточилась на территории, бывшей основным ядром этого государства, т.е. в Великом княжестве Литовском в тесном смысле с древнейшими наростами его второй половины XIII и первой половины XIV в. Территория эта состояла из собственно Литовской земли, обнимавшей бассейн реки Немана, из так называемой Руси в особо тесном обозначении, простиравшемся на города и волости по Березине и ее притокам, по среднему Днепру и Сожу, по нижней Припяти, и из земли Берестейской с Подляшьем и Полесья. Территория эта предоставляла наибольшую безопасность, будучи окаймлена с разных сторон лесами и болотами, и хорошие условия для приложения человеческого труда. Сравнительно мягкий климат и плодородная почва по возвышенностям и холмам давали возможность с успехом вести здесь хлебопашество, обилие лугов и пастбищ — скотоводство, обилие лесов — звероловство и бортничество. О развитии всех этих промыслов имеются многочисленные свидетельства и в летописях, и в актах, и в описаниях иностранцев, например Герберштейна, Матвея Меховского, и, наконец, в хозяйственных правительственных описаниях XVI в. вроде, например, “Ревизии пуцц и переводов звериных в Великом княжестве Литовском”. В силу всех этих условий область Великого княжества в тесном смысле стала самой населенной частью литовской государственной территории. Здесь было раскидано большинство великокняжеских волостей с дворами и дворцами, служившими средоточиями собственного великокняжеского хозяйства, и даннических волостей, большая часть имений литовских князей и панов и рядовых служащих людей — бояр, шляхты. По окраинам область эту, кроме лесов, защищал целый ряд укрепленных городов, каковы были Ковен, Троки, Городно, Волковыйск, Слоним, Берестье, Дорогичин, Бельск, Кобрин, Пинск, Городок Давыдов, Клецк, Городец, Слуцк, Копыль, Бобруйск, Борисов, Речица, Могилев, Мстиславль, Кричев. Центральными опорными пунктами была столица государства Вильна, древняя столица Новгородок и Менск.

Второй по населенности областью Великого княжества Литовского была земля Волынская. Здесь кроме великокняжеских городов Луцка, Владимира и Кременца с тянувшими к ним селами было много крупных княжеских имений, каковы Острог, Вишневец, Збараж, Заслав, Черторыйск, Корец и другие. Леса и перечисленные укрепления давали возможность держаться здесь значительному населению, несмотря на опасное соседство с юго-востока, со стороны татар, и с запада, со стороны Польши. С Волынью в тесной связи было Побужье, или Литовское *Подолье*. Русское население держалось здесь вокруг городов Браслава, Веницы и Звенигорода, причем

границей русской оседлости был левый приток Буга — Синюха с Черным Тикичем (на этой последней реке и стоял разрушенный в 1482 г. Звенигород). Когда и при каких обстоятельствах возникли эти города, не упоминаемые в источниках до татарской эпохи, неизвестно. Возможно, что они получили начало при Витовте, который, как уже было сказано, постройкой укреплений старался закрепить за Литвой все пространство между Днепром и Днестром до Черного моря. Достигнуть этой цели, однако, в конце концов не удалось. Татары частью снесли, частью заняли литовские крепости на нижнем Днепре, по берегам Черного моря и на нижнем Днестре, и “Очаковское поле”, т. е. голая степь, расстилавшаяся к югу от рек Синюхи и Савранки, снова вошло в состав татарских кочевий, хотя литовское правительство не отказалось от своих прав на эту территорию.

Соединенная с Вольнью Галицкая земля, как уже сказано, с 1366 г. стала областью Польского государства. В составе Польши она образовала воеводства Русское, Белзское и Холмскую землю. В течение XIV, XV и первой половины XVI в. Галицкая земля усиленно колонизовалась внутри своих пределов и сделалась одной из населеннейших областей Польши. Увеличилось население и на Галицком Понизье, или Подолье: к старым городам (Бакота, Упица и Калиус) здесь уже в XIV в. присоединились новые — Червоноград, Скала и Смотрич, которые созданы были литовскими князьями Кориатовичами, получившими во владение Подольскую землю. К половине XVI в. в Галичине чувствовалась уже земельная теснота и обнаруживалась тяга за рубеж, в пределы Великого княжества Литовского. Эта тяга проявлялась и в распространении землевладения галицкой шляхты в земле Вольнской, и в переходах за рубеж крестьян, и в домогательствах польской шляхты, которая в лице своих вождей, преимущественно послов Русского воеводства, добивалась осуществления унии Польши с Литвой, и в частности открьгтия литовской границы для польского землевладения.

Земля Киевская в литовскую эпоху обнимала собственно две земли, древнюю Киевскую на правой стороне Днепра и древнюю Переяславскую на левой стороне. Большая часть ее населения сосредотачивалась на правой стороне Днепра, в лесистых бассейнах нижней Припяти и ее притоков Пчича и Брагинка слева, Славечны, Уши, Тетерева и Случи и их притоков справа, Ирпени, Стугны и Красной — притоков Днепра. Население образовало здесь пять групп, или поветов: Мозырский с городом *Мозырем* на Припяти, Чернобыльский с г. *Чернобылем* при впадении Уши в Припять, Овруцкий вокруг г. *Вручия*, Житомирский с городом *Житомиром* и *Чудновым* на Тетерева и *Звяголем* (летописный Возвягль) на р. Случи (ныне Новоград-Вольнск), собственно Киевский с городами *Киевом* и *Вышгородом* на Днепре, *Белгородом* на Ирпени и *Васильковым* на Стугне. Шестой, уже окраинный повет, занимавший бассейн р. Роси и Тясмина, был Черкасский с городами

Каневым и Черкасами на Днепре и Белой Церковью на Роси. Таким образом, на правой стороне Днепра русская оседлость в Киевской земле в литовскую эпоху доходила до тех же пределов, какие наметились еще до прихода татар, в Киевскую эпоху.

Но иное положение вещей создалось в левобережной “украине”, бывшей Переяславской земле.

В XIV и первой половине XV в. в бассейнах Семи, Трубежа, Сулы, Псла, Ворсклы, верхнего Донца и Оскола так же, как и в Киевскую эпоху, держалось еще кое-какое русское население. На Семи стоял старинный город Путивль, к которому тянул целый ряд северских волостей по той же реке и частью по верховьям Сулы и Псла. В трактате великого князя Свидригайла с орденом 1402 г. упомянуты *Курск* на Семи, *Мужеч* на р. Мужече, впадающей в Сейм, *Оскол* на р. Осколе, *Милолюб*. Ярлыки ханов Менгли-Гирея и его преемников перечисляют еще *Слепорож* (при впадении Слепорода в Сулу), *Синечь* (на р. Суле), *Лосичи* на р. Псле, *Хотмышль* на Ворскле, *Курск*, *Оскол*, *Мужечь*. Перечень русских городов, помещенный в русских летописях и составленный в начале XV в., на этой территории упоминает еще Переяславль Русский на р. Трубеже, *Сокнятин* (на р. Суле), *Чемосов*, *Клянец*, *Грошин* на р. Суле, *Ковыло*, *Вороно*, *Сал*, *Песьи Кости*, *Ничан* на р. Псле. Но вторжения татар Перекопской орды, и в частности погром, произведенный Менгли-Гиреем в 1482 г., отодвинули границу русской оседлости к северу. В первой половине XVI в. бассейны рек Трубежа, Супоя, Сулы, Псла, Ворсклы, Орели, Самары, верхнего Донца и Оскола являются уже лишенными постоянного русского населения. Литовские описи украинских замков 1545 и 1552 гг. перечисляют здесь только “земли” или “уходы”, которые эксплуатируются обывателями Канева и Черкас и пришлыми казаками. Что касается бассейна нижней Десны и Семи, то по договору 1503 г. он отошел к Москве со здешними городами *Любечем*, *Остром*, *Путивлем* и *Рыльском*. За Литвой остались здесь только остатки селений, получивших название Сиверы, Сиверских волостей.

В Черниговской земле население держалось главным образом в лесистых бассейнах р. Десны и частью Сожа, левых притоков Угры. Здесь стояли города *Чернигов*, *Новгород-Северский*, *Трубчевск* и *Брянск* (на Десне), *Стародуб*, *Гомий* на Соже, *Белев*, *Перемышль* и *Воротыньск* на Оке, *Козельск* на р. Жиздре, *Карачев* на р. Снежети системы Жиздры, *Мезоческ* (Медовск) на р. Туре системы Угры, *Тобольск* на р. Можайке системы Угры. Все эти города были центрами особых княжений, к которым тянуло довольно значительное количество волостей. За Окой к востоку было уже незначительное население. Здесь на р. Уше стоял город *Одоев*, центр особого княжества Одоевского, приютившегося в лесистом бассейне Упы, *Новосиль* на р. Зуше, разоренный татарами еще в XIV в., *Мценск* на Зуше и *Любутск* на

Оке. Последние два города были передовыми укреплениями литовского правительства, выстроенными для защиты “верховских” княжеств от татар и вместе с тем для удержания их в покорности. Они часто подвергались нападениям со стороны Москвы и татар и в конце концов были разорены. Бывший в Москве Герберштейн сообщает в своих записках, что Мценском называется “болотистая местность, где некогда была крепость, следы которой существуют и поныне”. Около этого места, говорит он, доселе еще некоторые живут в шалашах и в случае необходимости убегают в эти болота, как в крепость. Черниговская земля “верховскими” княжествами по договору 1503 г. отошла к Москве.

Смоленская земля в течение XIV и XV вв. претерпела значительные территориальные изменения. Прежде всего она потеряла Можайский удел на верховьях Москвы-реки и Гжати, захваченный Москвой, позже она потеряла Ржевское княжество на верхней Волге, захваченное Литвой, а в конце XIV в. перехваченное у Литвы Москвой; затем она потеряла Белую с волостями в бассейне Межи и Обши, также захваченную Литвой и составившую отдельное княжество; потеряла и часть волостей по Днепру и Сожу (Орша, Мстиславль, Кричев и Пропойск), отошедших частью в состав Витебской земли, частью в состав Литовской Руси. Но за всем тем в ее составе осталось значительное число волостей, тяготеющих к главному городу Смоленску и удельным столицам Дорогобужу на Днепре и Вязьме на р. Вязьме. Судя по расположению смоленских волостей, наиболее густая населенность создавалась в рассматриваемое время в бассейнах верхнего Сожа, верхней Десны, верхней и средней Угры и их притоков. Смоленская земля по частям в силу договоров 1503 г. и затем 1522 г. отошла к Москве.

Земля Полоцкая в рассматриваемое время также претерпела значительные территориальные изменения. Во-первых от нее обособилось княжество Витебское, составившее особую землю с г. Витебском, Оршей и Друцком, стольным городом дружских князей. Затем от нее отошло княжество Минское в области Свислочи и верхней Березины, вошедшее в состав Литовской Руси. Полоцкая земля, таким образом, сузилась в своих размерах до одной приблизительно трети прежнего пространства. Население в Полоцкой и Витебской землях по сравнению с другими областями Литовско-Русского государства было незначительное. Под хоругвю Полоцкого княжества выходило 712 ратников земского ополчения, а под хоругвю Витебского всего 91 ратник, тогда как из Литвы в Литовской Руси выходило на войну 14353 ратника, из Волынской земли 1247 ратников и т.д. Ратник ставился с каждых восьми “служб” тягловых крестьян, так что по приведенным цифрам до известной степени можно судить о количестве населения в указанных областях. Как и раньше, население в Полоцкой и Витебской землях группировалось главным образом на побережьях Западной Двины и по ни-

зовьям рек и речек, впадавших в Западную Двину. Тянувшийся на север водораздел Западной Двины и рек бассейнов оз. Ильменя и Чудского был покрыт многочисленными озерами и болотами и глухими лесами, которые и до сих пор слабо населены.

Важнейшая литература:

Любавский, М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. — М., 1892.

Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно: С прил. текста хартий, выданных великому княжеству Литовскому и его областям. — 2-е изд. — М., 1915.

Владимирский-Буданов М. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века // Архив Юго-Западной России. — Киев, 1886. — Ч.7, т.I.

Х. ЗАСЕЛЕНИЕ РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ЭПОХУ ТАТАРСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Разоренная татарами Батыевой орды Ростово-Суздальская земля подвергалась неоднократным погромам и после того, как стала улусом хана Золотой орды. Так, зимой 1239 г., после занятия Мордовской земли, татары взяли и сожгли Муром, повоевали Клязьму и сожгли Гороховец. Вторжение это вызвало сильную панику среди населения, еще не пришедшего в себя после Батыева погрома. “Бе же пополох тогда зол по всей земли, сами бо себя людие не ведеху кто где бежит от страха”. В 1252 г. татары под предводительством Неврюя, перейдя под Владимиром Клязьму, напали на князя Андрея Ярославича под Переяславлем, разбили его рать и попленили весь Переяславль, уведя в Орду множество людей. Это нападение также вызвало “пополох” и бегство жителей, так что князю Александру Ярославичу, приехавшему тогда из Новгорода во Владимир, пришлось собирать разбежавшихся людей и водворять их на прежнее местожительство. Большой разгром произошел затем в 1281—1282 гг. Князь Андрей Александрович Городецкий выпросил себе в Орде великое княжение Владимирское под своим старшим братом Димитрием и для утверждения своего на великом княжении два раза приводил татар. Объектом военных операций должен был быть Переяславль, где сидел с дружиной великий князь Димитрий. Но татары, вступив в Ростово-Суздальскую землю, рассыпались по всей стране, повоевали Муром, все запустошили и пограбили около Владимира, Юрьева и Переяславля и повели в плен мужчин, женщин и детей, также около Ростова, Торжка и Твери. Опустошению и ограблению подверглись города, волости, села и погосты, монастыри и церкви; много людей было перебито, а другие погибли от холода. В 1293 г. Андрей в третий раз приводил татар, которые опустошили Муром, Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль, Москву, Коломну, Можайск, Волок Ламский, Дмитров, Углич и другие города и уезды. В 1318 г. лютый ордынский посол Конча пожег села и монастыри в Ростовском княжестве и побил много народа. Четыре года спустя Ахмыл выжег

Ярославль, мало не весь, и перебил много христиан. В 1327 г., после убийства в Твери ханского посла Шевкала, хан посылал для наказания тверичей войско. Татары взяли Тверь и Кашин, опустошили прочие города и волости, много людей перебили, а других забрали в плен. Вся Тверская земля, по словам летописца, была после того пуста, “и все быша лесы и пустыни непроходимые”. А было тогда, говорит он, всей Русской земле тягость и томление и кровопролитие от татар, убили тогда и князя Ивана Ярославича Рязанского и много христиан перебили и пленили. С половины XIV в. татары нападали главным образом на восточные и южные окраины Ростово-Суздальской земли. Но в 1383 г. рать Тохтамыша опустошила всю Ростово-Суздальскую землю. Такое же опустошение последовало и в 1408 г., когда Едигей приходил под Москву. В то время, как сам Едигей стоял под Москвой, татары разошлись по всей Ростово-Суздальской земле и много зла натворили христианам, иных перебили, а других увели в плен. “И бысть тогда во всей Русской земле всем христианам туга велика, плач неутешен, и рыдание, и кричание: вся бо земля пленена бысть, начень от земли Рязанские и до Галича, и до Белоозера; вси бо подвизошася и вси смутишася”.

Все эти погромы и опустошения не могли остаться без влияния на распределение населения в Ростово-Суздальской области. Спасаясь от них, многие люди бросали свои насиженные места и уходили на более безопасные западные окраины, в области Москвы-реки и верхней Волги и в Заволжье. Об этом имеем прямое сообщение летописи. В 1292 г., во время ушибы между сыновьями Александра Невского Дмитрием, князем Переяславским, и Андреем, князем Городецким, татары, приведенные Андреем, направились, между прочим, и на Тверь. Тверичи сначала сильно перепугались, так как и князя их в этот момент не было в городе. Но вскоре, однако, они ободрились и целовали крест на том, чтобы всем воедино биться с татарами, “бе бо множество людей сбеглося во Твери изо иных княжеств перед ратию”. Далеко не все беглецы возвращались по миновании погрома на свои старые пепелища. Многие предпочитали устраниваться на новых местах, куда они бежали. Этим стечением населения объясняется тот факт, что в начале XIV в. самыми сильными княжествами в Ростово-Суздальской земле являются княжества Тверское и Московское, владельцы которых и получают от хана ярлык на великое княжение Владимирское. Часть населения, по всей видимости, искала себе убежища и в глухих местах Заволжья, где с конца XIII в. возникают одно за другим новые княжества в качестве уделов княжества Ростовского. Кроме Белозерского княжества, здесь появляются княжества *Углицкое* и *Ярославское*. Белозерское княжество выделяет из себя *Кемское* и *Сугорское*, *Ухтомское*, *Вадбольское*, *Белосельское* и др.; Ярославское — княжества *Моложское*, *Юхотское*, *Ухорское*, *Шехонское*, *Заозерско-Кубенское* и др. Умножение удельных княжеств не было только резуль-

татом размножения княжеских семей, но стояло, несомненно, в связи с увеличением самого объекта княжеского дележа, с возможностью не держать младших родичей на одном хлебе со старшими, а сажать их на отдельные княжения. Татары, таким образом, разогнали по окраинам население Ростово-Суздальской земли, ранее скучившееся главным образом в бассейне р. Клязьмы, вокруг озер Переяславского и Ростовского и по ближайшим притокам Волги. В общем, пределы населенности Ростово-Суздальской земли при татарах расширились по сравнению с дотатарской эпохой.

Кроме этого чисто внешнего фактора на увеличение населенных мест в Ростово-Суздальской области, конечно, влияло и размножение самого населения. Это размножившееся население стало заселять не только окраины, но и внутренние пространства Ростово-Суздальской земли, почему-либо обойденные при первоначальном заселении, внутренние пустыри, которых было немало в стране после начального ее заселения. Но народная инициатива в данное время должна была уже отступить на задний план: колонизация совершалась уже преимущественно под руководством и при содействии князей, их бояр и слуг и церковных учреждений. Князья, бояре и церковные учреждения, ставшие владельцами земель, стали прилагать все усилия, чтобы они не оставались впусе, созывали на них колонистов и устраивали свои села, где вели собственное землевладельческое хозяйство, и слободы. Княжеские и боярские села обычно устраивались в местностях, издавна уже бывших под культурой, но разоренных татарами, причем рабочую силу для них дал тот сельскохозяйственный пролетариат, который образовался в большом количестве с прибытием татар. Татарские погромы лишили многих земледельцев и промышленников их крова, скота, хлеба и орудий производства. Они уже не могли собственными силами восстановить свое хозяйство, и поневоле им приходилось подсаживаться к тем, у кого оставались еще кое-какие хозяйственные средства — постройки, скот, инвентарь, семена, в качестве “подсосудков”, сотрудников, если то были землевладельцы, чаще же всего в качестве арендаторов у землевладельцев — князей, бояр и монастырей, которые давали и необходимые средства для хозяйственного обзаведения — ссуду и подмогу. Слободы устраивались землевладельцами — князьями, боярами и монастырями — обычно на нови, в местах, еще не заселенных, причем землевладельцы прибегали на помощь колонистам, освобождая их на первых порах, на время их хозяйственного утверждения, от платежа податей и оброков и несения разных повинностей. Народная колонизация теперь стала растекаться, таким образом, по тем руслуам, которые открывали князья, бояре, монастыри и другие состоятельные люди, освоившие земли.

Источники татарской эпохи говорят о значительной колонизаторской деятельности князей. В связи с образованием многочисленных уделов возни-

кали укрепленные резиденции удельных князей и пограничные крепости уделов, и новые города в рассматриваемую эпоху были уже делом князей. Таковы были, например, резиденции московских удельных князей: *Серпухов* на Наре, близ впадения ее в Оку, *Верея*, *Ярославль Малый* на реке Луже, резиденции тверских удельных князей — *Кашин*, *Микулин*, *Дорогобуж*, *Городня* и др.; *Романов городок* — резиденция одного из ярославских князей; *Федосьин городок* — резиденция одной из белозерских княгинь; князьями же созданы были и некоторые города на окраинах их княжеств, как *Радонеж*, *Перемышль*, *Хотунь*, *Руза* на окраинах Московского княжества и др. Но в особенности колонизаторская деятельность князей проявилась в устройстве слобод. Так как доходы от даней и пошлин с населения при раздроблении княжества на уделы и платеже “выхода” в Орду мало обеспечивали князей, им приходилось всемерно заботиться об увеличении населенности своих уделов. С этой целью они созывали колонистов и устраивали слободы на пустых, еще не заселенных пространствах, которыми одно княжество обычно отделялось от другого. Духовные и договорные грамоты князей XIV и XV вв. упоминают значительное число княжеских слобод, возникших на окраинах княжеств. Таковы, например, на северной окраине Московского княжества *Великая Юрьева слобода* (Юрия Даниловича), *Замошская*, *Скирменовская*, на южной окраине — *Дмитриева слободка*, *Истерова слободка*, *Ростунова*. Целый ряд слободок (*Софрониевская*, *Данилищева* и др.) выступает по актам на восточной окраине Московского княжества, в Радонежском краю. Начало колонизации этого пустынного в начале XIV в. края положил князь Иван Данилович Калита. По словам биографа Сергия Радонежского Епифания, Иван Данилович посадил в Радонеже наместника Терентия Ртища, даровал людям “лготу многу” и обещал дать “великую ослабу” (от налогов и повинностей), вследствие чего, а также “ростовские ради нужда и насилования” в Радонежском краю собралось много народа. Но особенно выдался своей колонизаторской деятельностью внук Калиты — удельный князь Владимир Андреевич Серпуховский. Получив от великого князя Василия Димитриевича ряд волостей на восточной окраине Московского княжества, он продолжал колонизацию этой окраины, начатую его дедом. Его духовная 1410 г. упоминает здесь новые слободки — *Яковлю* и *Кишкину*. Больше всего, однако, он постарался о заселении своего наследственного удела Серпуховского, расширившегося на счет рязанских владений в области Протвы. Его духовная грамота в числе Серпуховских волостей называет *Круглую слободку*, *Бодаеву*, *Львову*, *Ярославлю*, *Остаткову*, *Мокрую*, *Мошневскую*; в числе боровских волостей — *Хопилу*, *Истью*. На р. Луже, притоке Протвы, духовная называет город *Ярославль* (Малоярославец), предназначенный для его сына Ярослава и отданный по духовной именно ему, слободки *Ярьцеву*, *Якимову*, *Ортемову*, *Скомантову*, *Терехо-*

ву, Спиркову, Гриди Ярьцева, Михалкова Степана Осипова, Дынка Мосолова, Гриди Федотова Лукина. Эти имена вскрывают недавнее происхождение этих слободок. Очевидно, все это были имена “слободчиков” (осадчиков), которые садили на князя все эти слободы, остававшиеся пока еще безымянными. Большой частью за ними и закреплялись имена слободчиков, хотя и не всегда. Заселение этого района, охватывавшего бассейны Протвы и Шани с Суходревом и Медынкой и Извери, притока Угры, продолжалось и в последующее время. Духовная грамота великого князя Ивана Васильевича 1504 г. говорит о слободках на Шане, что садили Василий Карамышев и Андрей Картмазов, Митя Загрязской, Товарков и Ивашко Гладкий. Видно, что край этот принадлежал к местностям, обойденным первоначально славянской колонизацией (поэтому-то, вероятно, и держался здесь долгое время литовский народец голядь, родня прусским галиндам), и только в XIII—XV вв. русское население в достаточной степени его заселило.

Слободами и слободками обрастали по своим пустынным окраинам и другие княжества бывшей Ростово-Суздальской земли. Так, соседнее с Московским княжество Дмитровское (к северу) имело на юго-западе *Берендеевскую слободу*; лежавшее на восток княжество Переяславское на своей западной окраине имело *Великую слободу* на р. Серой, *Маринину слободу* (целая волость) на р. Кирчаке и др.; княжество Ростовское — *Святославлю слободку*, Суздальское — *Шопкову слободу*, Нижегородское — *Чернякову* и *Корякову* (на северной окраине); Костромское на северо-западной окраине — слободы *Любим* и *Буйгород* и др. Обширное, но малонаселенное Белозерское княжество покрывалось слободами не только по окраинам, но и внутри. Таковы: *Рукина слободка*, *Романова*, *Васильевская*, *Долгая*, *Федорова* и др.; Тверское княжество имело *Задубровскую слободу* в соседстве с *Бежецким верхом*, *Пригарину* — в соседстве с Переяславским княжеством.

Кроме слобод князьями, несомненно, устраивались и села, в которых поселялись их холопы и крестьяне. Здесь велось собственное княжеское хозяйство. Но больше всего сел устраивали в своих владениях бояре. Духовные и договорные грамоты московских князей, конфисковавших или купавших боярские села, упоминают много сел без собственных имен, с указанием только владельцев их. Очевидно, что это были новые села, только что устроенные и не получившие еще собственного постоянного имени. Таковы были села *Хвостовские* на Клязьме у города Москвы и в Перемышле, принадлежавшие боярину Алексею Петровичу Хвосту и конфискованные у него, когда он вошел в “коромолу” против великого князя Семена Ивановича, *Федоровские Свибловы* на р. Яузе близ Москвы, в Вологде, в Отводном, на Сяме и в Ростове, принадлежавшие боярину Димитрию Донского Федору Андреевичу Свиблу и конфискованные у него великим князем Василием

Димитриевичем, село *Григорьевское Хаустова*, позже просто *Хаустовское*; села *Белоутовские* на Волоке, в Угличе и Звенигороде, принадлежавшие боярину Александру Белеуту; сельцо *Ивановское Новосильцева* в Серпуховском уезде, села *Турабьевские* в Юрьеве, Костроме и других местах. Некоторые из этих безымянных сел позднее являются уже с постоянными названиями по прозвищам владельцев: *Свиблово* на Яузе, *Белоутово* на Волге, *Афинеево* близ Юрьева, *Турабьево* в Юрьевском уезде, *Турабьевское* в Костромском и т.д. Громадное количество сел, упоминаемых в актах XIV—XVI вв., носят такие же имена основателей и первых владельцев. Приведем еще несколько примеров: в Московском уезде — *Аминево* (боярина Аминя), *Воронцовское* на Яузе, *Домонтовское*, *Дьяково*, *Кольчевское*, *Рассудовское*, *Шараповское*, *Щукинское* на р. Москве; в Коломенском уезде — *Свербеевское*, *Черкизовское*, *Кольчевское* и др.; в Звенигородском — *Юматовское*, в Дмитровском — *Боборыкино*, *Протасьевское*, *Ратиславле*, *Слепушкинское*; в Переяславском — *Рюминское*, *Самаровское*, *Зубачевское*, *Суровцево*, *Торбеево*, *Шараповское* и т.д. Многие из тех лиц, которые дали свои имена перечисленным селам, принадлежат именно XIV—XV векам. Значительная часть сел ведет свои названия не от фамилий и прозвищ, а от личных имен бояр-основателей — *Константиновское*, *Михайловское*, *Павловское*, *Борисовское* и т.д.

Если сопоставить номенклатуру селений великорусского центра с номенклатурой селений Новгородской области и Белоруссии, не подвергавшихся таким погромам и потрясениям, как великорусский центр, можно заметить громадную разницу между ними. В номенклатуре Новгородской земли и Белоруссии мы видим громадное число имен с патронимическими окончаниями на *-ичи* и *-овичи*; в номенклатуре великорусского центра эти имена крайне редки и преобладают названия по основателям и владельцам. Новгородские и белорусские наименования селений носят архаический характер, имеющий свои созвучия в историко-географической номенклатуре южных и западных славян. Таковы, например, Молвятичи, Кременичи, Лосичи, Чайковичи, Холгостичи, Губанычи, Хотыничичи, Баяничичи, Люджеричицы, Летошицы, Дорогожичичи, Неговичичи, Радгостичичи, Славонежичичи, Хотемричичи, Хотславичичи. Очевидно, эти названия возникли еще при первоначальном заселении названных областей и устойчиво продержались там и в последующее время. В номенклатуре центра такие названия уже крайне редки. Все это и служит указанием на то, что первоначальная оседлость в Ростово-Суздальской области в значительной степени была снесена татарскими погромами и страна подвергалась вторичной колонизации.

Крупную роль в заселении центральной великорусской территории сыграли монастыри. Они сами по себе увеличили количество селений на

этой территории и, кроме того, создали много новых сел, деревень и починок на укрепленных за ними пустых землях.

В дотатарское время монастыри возникали обычно в крупных городах, на окраинах их и в окрестностях. Некоторые из них основывались князьями, боярами и другими богатыми людьми для своих семейных, так сказать, надобностей. Здесь строители и их потомки калялись перед смертью, т.е. принимали монашество или схиму, здесь они иногда погребались и здесь же должен был совершаться вечный помин по их душам. Некоторые монастыри основывались в память каких-либо событий из жизни князей, в благодарность за спасение от вражеского нападения и т.п. К монастырям этой категории принадлежали, например, *Боголюбов* Рождества Богородицы, основанный Андреем Боголюбским в 10 верстах от Владимира, при впадении Нерли в Клязьму; *Нерлинский* Покровский в версте от Боголюбова, также основанный Андреем Боголюбским; *Борисоглебский* на Кидекше, основанный Юрием Долгоруким на том месте, где съезжались князья Борис и Глеб перед отправлением в Киев; *Благовещенский Богородицкий* монастырь, основанный князем Юрием Всеволодовичем под самым Нижним Новгородом; *Спасо-Преображенский* под Муромом, основанный первым князем муромским Глебом на своем дворе (здесь погребен был позже сын Владимира Мономаха Изяслав); *Борисоглебский на Горе* в г.Переяславле и др. Те монастыри, которые учреждались по инициативе духовенства, предназначались быть очагами религиозной жизни для городского населения, которое в первую очередь подвергалось христианской пропаганде. Таковы были, например, монастыри: *Авраамиев-Богоявленский*, основанный проповедником христианства в Ростовской области Авраамием у самого въезда в город при Ростовском озере; *Никитский*, основанный в XII в. подвижником Никитой Столпником в трех верстах от Переяславля, и др. Строение монастырей в городах и около городов продолжалось и в татарскую эпоху. Не перечисляя всех этих монастырей, назовем для примера некоторые из них. Таковы: *Спасский на Песках Княгинин*, основанный в одной версте от Ростова вдовой князя Василька, убитого татарами в 1238 г. (основательница и погребена в этом монастыре); *Петровский на Поле*, основанный царевичем ордынским Петром во второй половине XIII в. в трех верстах от Ростова, на берегу Ростовского озера; *Троицкий Усть-Шехонский*, основанный князем Глебом Васильковичем в 1251 г. при истоке Шексны из Белоозера в память избавления сына его Михаила от слепоты; *Тольцкий* монастырь, основанный в 1314 г. недалеко от Ярославля на Волге епископом Прохором; *Евпатьевский*, или Ипатский монастырь под Костромой, основанный в 1330 г. мурзой Четом, во крещении Захарием, и др.

Но особенно много монастырей возникло около новых выдвинувшихся политических центров, столиц великих князей московского, тверского и ря-

занского. На окраинах города Москвы возникли в рассматриваемое время: *Данилов монастырь*, основанный князем Даниилом Александровичем; *Зачатьевский Алексеевский* (ныне на Остоженке), основанный в 1360 г. митрополитом Алексеем; *Спасо-Андрониев* на р. Яузе, основанный учеником Сергия Радонежского Андроником, *Симоновский* на берегу Москвы-реки, основанный в 1379 г.; *Новоспасский*, основанный великим князем Иваном Васильевичем, *Новодевичий*, основанный в 1525 г., *Николо-Угрешский*, основанный Димитрием Донским в 14 верстах от города, при впадении речки Угрешы в Москву, и др. Соперница Москвы Тверь не отставала от нее в украшении своих окрестностей монастырями. Из 14—15 монастырей, возникших под Тверью и в ее окрестностях, наиболее известным был *Отрочь монастырь* под Тверью, возникший во второй половине XIII в. Переяславль Рязанский, заступивший в качестве стольного города Старую Рязань, также обставился за это время монастырями.

Появились монастыри: *Троицкий* под самым городом, при впадении Павловки в Трубеж, *Ольгов* в 12 верстах на Оке, построенный великим князем Олегом Ивановичем в 1355 г. Обставлялись монастырями и центральные города московских и тверских уделов. Так, в четырех верстах от Коломны возник в XIV в. Богоявленский *Голутвин* монастырь, около Звенигорода *Саввин Сторожеский* монастырь, основанный князем Юрием Димитриевичем около 1380 г.; около Боровска в трех верстах *Пафнутьев*, основанный в 1444 г., *Спасо-Прилуцкий Димитриевский* в пяти верстах от Вологды, основанный в 1371 г.; около Кашина *Клубуков* и т.д.

Но главным образом монастыри в татарскую эпоху устраивались в тех промежуточных или окраинных местностях, где сажались обычно и слободы. Монастыри в то время были не только церковными, но и хозяйственными организациями, ибо монахи жили не только церковными, но и хозяйственными доходами, которые они извлекали частью личным трудом, но главным образом трудом монастырских служек и крестьян. Естественно поэтому, что и монастырская колонизация направлялась туда, где было много пустой земли и угодий и где легче всего было получить княжеское подтверждение или пожалование. С другой стороны, и религиозные потребности новозаселявшихся пространств требовали сплошь и рядом устройства в них монастырей. Князья и епископы, устраивая в таких местах монастыри, шли навстречу этим потребностям.

Среди самих монашествующих в XIV и XV вв. было сильное стремление к пустынножительству, к уходу из многолюдных монастырей в пустыни и скиты. Печальная русская действительность того времени порождала в обществе удрученное, подавленное настроение, мысль о тщете и суетности мирского житья гнала и богатых и убогих в монастыри. Городские и подгородные монастыри не могли уже вмещать всех желающих

удалиться от суеты мира. С другой стороны, и самое удаление от мира стало пониматься грубее, буквальнее. Немало влияло в данном случае и простое подражание. В XIV и XV вв. установилось общение русских монахов с Афонскими монастырями, где велось строгое иноческое жительство по скитам. Русские монахи ездили на Афон и возвращались оттуда с желанием устраивать у себя на родине пустыни наподобие афонских. С другой стороны, с Афона прибывали иногда монахи и становились учредителями пустынножительских обителей на Руси. Это направление приводило сплошь и рядом к тому, что монастырская колонизация промежуточных и окраинных пустынных пространств опережала и княжескую. Всего можно насчитать более 100 монастырей, возникших в “пустынях”. Наиболее известными из этих монастырей были: *Троице-Сергиева* обитель, возникшая в 1337 г. в колонизовавшемся тогда Радонежском краю; *Иосифов-Волоколамский*, основанный в 1479 г. в 18 верстах к северо-востоку от Волока Ламского; *Колоцкий* на притоке Москвы Колоче, *Оптина пустынь* на р. Жиздре в четырех верстах от Козельска, *Макарьев Калязинский* на левом берегу Волги против устья Жабны, *Нилова пустынь* на Столбенском острове озера Селигера, *Кириллов Белозерский*, *Ферапонтов*, *Павлов-Обнорский*, основанный в 1414 г. на берегу р. Нурмы, впадающей в Обнору, *Корнильев Комельский*, основанный на той же реке Нурме, *Шартоминский* в двенадцати верстах от Шуи, при впадении речки Молохты в Тезу, основанный в начале XV в., *Александров Кушитский* на юго-восток от Кубенского озера, основанный в начале XV в., *Спасо-Каменный* на острове Кубенского озера, *Дионисиев-Глушицкий* на р. Глушице, впадающей в Сухону, основанный в 1420 г., и др.

Громадное количество монастырей и монашествующих производили сильное впечатление на иностранцев, особенно на протестантов, приезжавших в Московию в XVI в. Флетчер, посетивший Московию при Федоре Ивановиче, характеризует ее как страну монастырей. “Монашествующих, — пишет он, — у них бесчисленное множество, гораздо более, чем в других государствах, подвластных папе. Каждый город и значительная часть страны ими наполнены... Все лучшие и приятнейшие места в государстве заняты обителями”.

Монастыри, как самостоятельные поселки, были не одинаковы по своей величине. Были такие многолюдные монастыри, как Троице-Сергиева обитель, в которых жило до 100 монахов, т.е. столько, сколько было в это время всех жителей в Ростове, и гораздо более, чем в Коломне, Кашире, Можайске, Рузе и др. Но таких монастырей было, конечно, немного. Большая часть их по величине своей приближалась к тем мелким поселкам, которые под именем погостов, деревень и починков преобладали на великорусской территории. Кроме монахов в монастырях, или, точнее, при монастырях, устраивались нищие, кормившиеся за счет богомольцев. В пис-

цовой книге по Муромскому уезду читаем: “Село Дуброво на реке Ушне. У того же села монастырь, а на монастыре церковь Фрола и Лавра древена, вверх, да теплая церковь преподобного Сергия древена же; да на монастыре ж келья игуменская, да четыре кельи, а в них шесть братьев старцев. У монастыря ж за рошей слободка, а в ней живут нищие, питаются от церкви Божии, дворов десять”. К числу призываемых надо отнести и монастырских детенышей, бесприютных или брошенных детей, которые, придя в возраст, становились монастырскими служками и исполняли разные работы по монастырскому хозяйству.

Монастыри сыграли крупную роль в заселении рассматриваемой территории не только тем, что увеличили собой число селений на этой территории, но и тем, что содействовали возникновению новых слобод, сел, деревень и починков. Разными путями — займкою, пожалованиями князей и дарениями частных лиц, а также покупками монастыри сосредоточили в своих руках огромное количество земли. Адам Климент, посетивший Москву в 1553 г., говорит утвердительно, что монахи владеют третьей частью государственных земель (*tertiam partem fundorum tenent manachi*). Царь Иван Васильевич на церковном соборе 1551 г., по рассказу Горсея, также указывал, что духовенство владеет третьей частью государства. И отдельные данные источников также говорят о сильном развитии монастырского землевладения. Так, Калызинскому монастырю уже в конце XV в. принадлежало чуть не 2/3 нынешнего Калызинского уезда. В Горетовом стану Московского уезда под поместьями и вотчинами по описи 1586 г. было 5780 четей пахотной земли; порожней и оброчной земли было 8639 четей, а церковных земель 9422 чети. Значительная доля, едва ли не большая часть этих земель, поступила в монастырское владение пустой и не разработанной. Монахи обрабатывали часть своей земли личным трудом своим и своих послушников, но еще более трудом крестьян, которых они получали вместе с землями или созывали со стороны. Приобретая земли, монастыри обыкновенно получали при этом различные льготы для себя и своих крестьян. Крестьяне, сажившиеся на пустошах и угодьях монастыря, освобождались от государственных повинностей на 3, 5, 10, иногда и более лет, от юрисдикции местной власти, от обязательства давать корма и подводы проезжающим чиновникам, обязывались вносить подать через своих монастырских сборщиков и т.д. Все эти льготы и привилегии, разнообразившиеся в частных случаях, привлекали на монастырские земли крестьян. Благодаря этому совершилось заселение разных пустынных пространств, обойденных при первоначальной колонизации страны. Так заселился глухой Радонежский край в Московском княжестве после того, как появилась там Троице-Сергиева обитель. Подобный же пример заселения под влиянием монастыря представляет Белозерский край. До основания Кириллова монастыря это

место было пусто и скудно для жизни, говорит биограф Кирилла; там был большой бор и лесная чаща, и не было человеческих жилищ. Но с течением времени здесь образовалось около 400 селений. Они возникли преимущественно на монастырских землях, пожалованных монастырю князьями и княгинями, а частью скупленных монастырем у князей и княгинь.

В общем, монастыри прямо и косвенно оказали большое влияние на заселение внутренних и частью внешних пространств Верхневолжского и Окского бассейнов.

Население монастырских вотчин частью раскидывалось селами, деревнями, починками на монастырских землях, а частью сбивалось около монастырей, в подмонастырских слободах и слободках, переживших впоследствии самые монастыри. Около значительных и популярных монастырей возникали целые посады торгово-промышленных людей. Известно, что торги и ярмарки устраивались у нас в старину в пунктах, наиболее посещаемых окрестным населением, например около церквей на погостах. Такими же пунктами были и монастыри, которые обычно выхлопывали себе право собирать в свою пользу торговые и ярмарочные пошлины и различными льготами по этой части старались привлекать как продавцов, так и покупателей на торги и ярмарки, происходившие около них. Таким образом монастыри превращались в крупные торгово-промышленные поселения наподобие городов. Если при этом монастырь отгораживался от своего посада и села деревянной или каменной стеной, он становился совершенно похожим на город. С течением времени обросшие посадами и слободами монастыри превратились в города. Так, например, *Антониев Покровский* монастырь превратился потом в город Покров б. Владимирской губернии, *Благовещенский Киржачский* — в город Киржач, *Макарьев Желтоводский* и *Макарьев Унженский* дали начало двум Макарьевым: б. Нижегородской и Костромской губерний, *Варваин* — городу в Костромской губернии. Но большая часть обросших слободами монастырей превратились в села, как, например, *Сновидский* около Владимира, *Волосов*, *Михайлова пустынь* около Стародуба (ныне погост) и др.

Усиленное заселение рассматриваемой территории продолжалось до окончательного сложения Московского государства, почти до половины XVI в. В процессе этого заселения, сопровождавшегося перетасовкой этнографических элементов, сглаживались их племенные особенности и различия и образовывалась единая великорусская народность. Политическое объединение, совершавшееся одновременно и параллельно с этим заселением, сплачивало и консолидировало эту народность. К началу XVI века этот процесс консолидации можно уже считать закончившимся.

Важнейшая литература:

Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности: Заселение и объединение центра. — Л., 1929.

Дебольский В.Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. I. Грамоты XIV века // Зап. имп. Рус. археол. о-ва. — 1901. — Т.12, вып.1 и 2, нов. сер. — (Тр. Отд-ния слав. и рус. археол.; Кн.5).

Дебольский В.Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. 2. Грамоты XV века // Зап. Отд-ния рус. и слав. археол. имп. Рус. археол. о-ва. — 1903. — Т.6.

Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. — Спб., 1890—1897. — Т.1—3.

Иконников В.С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. — Киев, 1869.

XI. ЗАСЕЛЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ НОВГОРОДА И ПСКОВА В XIII—XV вв.

Уже до прибытия татар, как мы видели, наметились общие контуры территории Новгородской и Псковской колонизации. Но эта колонизация носила пока еще крайне экстенсивный характер. Славяно-русское население разбросалось чрезвычайно редкими поселками, мелкими островками среди моря болот и лесов. Колонизация эта еще недостаточно укрепилась в окружении и среди старожильцев-финнов, далеко еще не замиренных. В последующее после прибытия татар время продолжалось дело этого замирения и одновременно с тем шла более интенсивная славяно-русская колонизация оккупированной страны, увеличивалось население старых славяно-русских поселков, появлялись около них и на новых местах новые города, погосты, монастыри, села, деревни, починки и происходило слияние, ассимиляция старожильцев-финнов с пришельцами.

Прежде всего новгородцам пришлось утверждать окончательно свою власть в земле води, или чуди, которая уже в начале XIII в. считалась достоянием Новгорода. Прибывшие в Ливонию немцы после покорения эстонской чуди пытались овладеть и водью и поставили в ее земле город Копорье, по всей видимости, не без содействия туземного населения. Но новгородский князь Александр взял этот город, выгнал немцев и перевешал “переветников” вожан и чудцу. По мирному договору 1242 г. немцы отказались от своих притязаний на Водьскую землю, после чего мы уже не встречали известий о борьбе вожан с новгородцами. Для утверждения своей власти над водью и защиты ее от соседних немцев и подвластной им чуди новгородцы поставили в 1283 г. свой город Копорье на р. Копорье, который стал судебно-административным центром Водьской земли, а позднее, в 1384 г., еще другой каменный город, Яму. На этих городах они стали сажать не простых наместников, а князей, которые приезжали к ним на службу и на “кормление”. Как показывают писцовые книги Водьской пятины конца XV в., эта область довольно густо покрылась новгородскими деревнями, селами и по-

гостами, наполнилась славяно-русским населением, в котором растворился туземный финский элемент. Часть его, впрочем, уцелела до наших дней в виде народца *вадья-лайзет*, или *чудья*, в б. Ямбургском уезде Петербургской губ. (в 1848 г. насчитывалось его 5148 душ обоего пола).

Как уже сказано, новгородская власть охватила и родственное води племя — ижору, обитавшую к востоку от води по берегу Финского залива, по р. Неве и ее притокам Ижоре и Охте. Ижора оставалась верной Новгороду и сообщая с новгородцами отражала нападения еми и шведов из Финляндии. В 1323 г. для защиты ее от шведов новгородцы поставили “на устье” (на истоке) Невы, на Ореховом острове, город *Ореховой*, или Ореховец. В 1348 г. шведский король Магнус взял было этот город и начал крестить ижору в свою веру. Но новгородцы отбили у шведов этот город и посадили в нем своих посадников для суда и управы над населением, а позже — князей “кормленных” с военной силой. В земле Ижорской распространилось землевладение новгородских бояр и своеземцев, появились новгородские деревни, села и погосты. Вместе с распространением христианства начался процесс ассимиляции ижорского племени со славяно-русским. Этот процесс, однако, не привел к окончательному исчезновению этого финского народца. Ингры уцелели до наших дней в б. Петергофском уезде (по переписи 1920 г. — 1018 человек) и в Ямбургском (1113 человек). Но в конце XV в., после падения новгородской самостоятельности значительная часть этого племени еще сохранялась на своей исконной территории. По крайней мере среди податного населения Ореховского уезда писцовые книги регистрировали немало лиц либо с нерусскими именами, либо с нерусскими отчествами, либо с теми и другими.

О столкновениях новгородцев с *лопью малой*, или *лоптой*, жившей в соседстве с ижорой, но по южному побережью р. Невы, нет никаких известий в источниках. По-видимому, их и не было и это слабое племя рано подчинилось пришельцам.

Родственная ижоре *корела*, жившая по западному и северному побережьям оз. Ладожского и между Ладожским и Онежским озерами и далее к северу до самых берегов Белого моря (Корельский берег от устья Выга до устья Онеги, Корельская волостка по Вышепорогу на р. Онеге, Никольский Корельский монастырь при устье Северной Двины), в XII и первой половине XIII в. была покорна новгородцам, вместе с ними ходила на емь (тавастов) и шведов, тревоживших из Финляндии новгородские владения, а также по временам и на русских князей. Но с появлением в Финляндии шведов *корела* по временам стала склоняться на их сторону, и новгородцам пришлось усмирять ее. Так, в 1278 г. князь Димитрий Александрович “казнил” *корелу*, взял всю землю ее на щит. Для обеспечения своей власти над *корелой* новгородцы в самом конце XIII или в начале XIV в. выстроили на запад-

ном берегу оз. Ладожского Корельский городок (ныне Кексгольм). В 1314 г. корелы избили “городчан”, т.е. русских жителей этого города, и призвали в него шведов. Новгородцы выступили против корелы, взяли обратно Корельский городок и побили находившихся там шведов и “переветников” корел.

В 1337 г. корелы снова позвали шведов, побили много новгородцев и гостей ладожен и кто из христиан жил в Кореле, а затем убежали в Выборг, построенный шведами на Корельской земле в 1292 году. Отсюда они произвели в 1338 г. ряд опустошительных набегов на новгородские владения. В 1339 г. новгородцы и шведы поделили корелу и условились казнить перебежчиков с той и другой стороны, чтобы они их не вводили в ссоры. В подчинении Новгороду остались те корелы, которые были крещены в русскую веру. Корельский городок стал судебно-административным центром края, защиту которого новгородцы стали вручать обычно тем же “кормленным” князьям, которым они поручали Ореховец и которым в подспорье Корельскому городку новгородцы выстроили город *Тиверьский* на р. Тивре, на самой границе Корелии. С распространением славяно-русской колонизации известная часть корел обрусела, но значительная часть их сохранила свою народность и по сие время.

Жившая в Заволочье, т.е. в бассейне Северной Двины и Онеги, чудь, или емь, среди которой уже в XII в. разбросались новгородские колонии и с которой новгородцам пришлось вести довольно продолжительную борьбу, даже в XIV в. по временам проявляла враждебные чувства к новгородской власти и новгородским колонистам. При помощи “емчан” своевольный новгородский боярин Лука Варфоломеевич в 1342 г. взял землю Заволоцкую, все погосты по Двине, на щит. Для защиты от чуди и удержания ее в покорности новгородцы поставили в Заволочье несколько городов — *Колмогоры*, *Емецкий*, *Усть-Важский*, из коих Колмогоры стали военно-административным центром области, управлявшейся посадниками. От второй половины XIV и по XV в. уже нет известий о каких-либо мятежных движениях среди заволоцкой чуди, следы которой в Заволочье выслеживаются по актам XV и даже XVI вв.

Нет никаких известий о борьбе с распространением новгородской власти среди суми, т.е. *квен*ов и *лопи*, живших на севере нынешней Финляндии и на Кольском полуострове. Область квен, или Каяния, обнимавшая бассейн р. Олуя (Улео), Сиговки (Сиккийоки), Лименги, Ил (Иийоки), Кемп, Торноя (Торнео) и Кейнты, признана была за Новгородом и по договору со Швецией 1323 года. Лопь лещая (тре) фигурирует в качестве новгородской волости во всех договорах Новгорода с князьями начиная с 1265 года. По всем данным, племена, обозначаемые именами суми и лопи, были очень малолюдны и слабы и без всякого противодействия покорялись чужезем-

цам. Славяно-русская колонизация не проникла, однако, в область квенов, и Каяния скоро отошла к Швеции. На Лопьском же и Терьском берегах Студеного моря в XV в. возникли села и деревни новгородских бояр и некоторых монастырей (Соловецкого и Кирилло-Белозерского). Наиболее значительными из этих селений были: *Кемь*, принадлежавшая Марфе Борещкой и пожалованная ею Соловецкому монастырю, промысловые погосты *Кандалакша*, *Умба* и *Варзуга*.

На территории Новгорода была и часть той веси, которая обитала преимущественно в Белозерском крае. О борьбе новгородцев с ней нет никаких известий. Под именем вепсы она уцелела и до настоящего времени на верхней Суде и ее притоках — Калпи, Веси и Курбе; по верховьям Паши и ее притоков — Шолы и Ивады и на верхней Ояти. По переписи 1920 г. ее насчитывалось 15 708 человек. Наблюдения Шегрена над языком этого народа показали, что он родня той самой чуди, или еми, которая известна в Финляндии под именем тавастов.

Финские племена, жившие к востоку от Заволочья, — пермь, печора и югра — продолжали быть только данниками Новгорода, с которых ему, как и раньше, не всегда удавалось собрать дань. Пермь, впрочем, с конца XIV в. хотя и считалась волостью Великого Новгорода, фактически перестала быть ею и находилась в зависимости от Москвы. Новгородская колонизация охватила только ближайшие к Заволочью части пермской территории — низовья Вычегды и бассейн р.Пинегы. Туземцы удерживались здесь в виде небольших островков среди русского населения. К таким островкам относилась, между прочим, волость Перемь на Пинеге, впоследствии обрусевшая.

С устанавлением мирного сожительства новгородских словен с туземцами и оттеснением их на окраины новгородской территории утратили свое значение укреплений многочисленные городки, построенные славянскими колонистами при первоначальном заселении страны, и превратились в погосты, села, деревни, пустоши. По писцовым книгам конца XV и XVI вв. можно насчитать около 100 деревень, починков, пустошей, селец с названием “городок, городец”, более 30 с названием “городище”, около 50 с названиями “городень”, “городня”. Из первоначальных городов уцелели лишь немногие, имевшие военно-оборонительное или административное значение. Таковы были кроме самого Новгорода Ладога, Руса, Великие Луки, Новый Торг (Торжок), Городец в Бежичах, Волок на Каме, Вологда. К ним в XIII и XIV вв. присоединялись города и городки, выстроенные на окраинах для защиты от немцев и литвы. Для обороны от немцев ливонских кроме упомянутых уже Копорья и Ямы новгородцы поставили ряд городов на Шелони: *Опоки*, *Порхов*, *Высокий*, *Вышгород*. Все эти “городцы” срубили князь Александр Ярославич Невский с новгородцами. Эти города служили

опорными пунктами защиты и от нападений литвы. Для обороны от литвы к г. Великим Лукам были присоединены Куреск, или Кур-город, на Ловати, выше его *Холм*, *Дёман* в Деревях на р. Явони, притоке Полы, *Любно* на Поле, а также *Стерж* и *Березовец* около верхневолжских озер (эти селения поименованы в числе городов в известном списке “А се грады Русьстии”, нач. XV в., помещенном в 1-й Новгородской и других летописях). О городах на северо-западной окраине и в Заволочье уже была речь.

В рассматриваемое время Новгородская область уже перестала быть страной городов (Гардарикия), каковой представлялась в IX и X вв. Русь посещавшим ее норманнам. В ней приобладали уже сельские поселки, называвшиеся деревнями. Значительная часть всех этих селений вели свое начало от родовых поселков, как об этом свидетельствуют их названия с патронимическими окончаниями на *-ичи*, *-вичи*, *-овичи*, *-ицы*. Архаический характер некоторых из этих наименований, имеющих свои созвучия в номенклатуре селений других славянских стран, заставляет относить возникновение их к древнейшей эпохе славянской народной колонизации Новгородской земли. Таковы, например, имена погостов: *Ясеновичи*, *Боровичи*, *Молвятицы* (чи), *Морозовичи* (в Деревской пятине), *Бегуничи* (в Воцкой), *Чайковичи* (в Шелонской), *Шереховичи* (в Бежецкой), *Ярославичи*, *Кремничи* (в Обонежской). С такими же наименованиями зарегистрировано в писцовых новгородских книгах и много сел и деревень, как, например, *Дорогожицы*, *Жаденовичи*, *Любовицы*, *Лютювичи*, *Неговичи*, *Радгостицы*, *Тешковичи*, *Славонежицы*, *Унежковичи*, *Хотовичи*, *Хотемирицы* и т.п. Водичи устраивались на жительство вместе, ибо сообща легче было расчищать из-под леса пашни и луга, ловить рыбу, бить зверей и обороняться от чужеродцев и лихих людей. Расселение родственными группами продолжалось и после первоначального занятия славянами новгородской территории. Все такие селения, как *Андреевичи*, *Васильковичи*, *Даниловичи*, *Ермоличи*, *Ильиничи*, *Лукиничи*, *Моисеевичи*, *Нестеровичи*, *Павишичи*, *Семеновичи*, *Федоровичи*, *Юрьевичи*, *Яковлевичи* и др. возникли в более позднее время, когда уже была в полном ходу христианская ономастика.

Но эти сгустки населения в большинстве случаев не отвердевали на долгое время и не достигали значительных размеров, а все время распылялись, отделяли от себя новые поселки, починки и деревни (города-выставки) в один-два двора. При тогдашней системе земледелия, обходившейся без нарочитого удобрения почвы, основанной на соединении трехполья с перелогом, занятые земли скоро истощались. Оскудевали с течением времени и другие природные богатства — рыбные и звериные ловли, и в местах первоначального населения рано или поздно начинал чувствоваться недостаток жизненных ресурсов. Вследствие этого отдельные лица с семьями уходили от первоначального поселка и устраивались особняком, образуя

ли новые поселки — починки и деревни. По архаическим именам многих новгородских деревень и починков можно заключать, что процесс этого распыления шел с древнейших времен. Таковы, например, *Быслав, Быславле, Гомысль, Гомысле, Гореслава, Гославль, Гостелюбль, Доброславль, Любогляд, Любонег, Любонеза, Милонезь, Миронег, Мирославль, Ондромир, Радало, Радомле, Радонезь, Радославль, Ратмер, Ратмирово, Твердомир, Чеславие, Ярилово*. Эти имена идут либо от первых поселенцев, либо от землевладельцев, основателей починков и деревень. Но еще больше починков и деревень, перечисляемых в новгородских писцовых книгах, фигурируют с именами поселенцев или основателей-христиан: *Абакумово, Андреево, Анисимово, Ананьево* и т.д. и т.п. Преобладание христианской ономастики в названиях новгородских деревень и починков заставляет думать, что и распыление новгородской оседлости происходило главным образом уже в христианскую эпоху и после покорения и замирения финнов, старожилы края. В момент падения Новгородского государства преобладающим типом поселков в Новгородской земле были мелкие поселки в один, два, три двора.

В устройстве новгородской оседлости, так же как и в заселении великорусского центра, с течением времени деятельное участие приняли землевладельцы разного звания и состояния, освоившие большую часть новгородских земель. Первоначальная оседлость, бывшая результатом главным образом вольной народной колонизации славяно-русского племени, и здесь не устоялась окончательно, срывалась, хотя и не в такой степени, как в “низовской” земле. Новгородская область благодаря своему географическому удалению и природным свойствам поверхности, покрытой многочисленными озерами и болотами, почти не подвергалась татарским погромам. Но зато новгородские окраины подвергались опустошениям с юго-запада и запада, со стороны литвы, чуди, немцев и шведов, а вся область в большей степени, чем великорусский центр, опустошалась и разорялась от разных стихийных бедствий — неурожая, людского мора, падежа скота, а также от торговых блокад со стороны “низовских” князей, не пропускавших хлеб в Новгород. В среднем каждые десять лет новгородское население подстерегала та или другая беда. В 1215 г. вследствие прекращения подвоза хлеба из Суздальской земли в Новгороде были страшная дороговизна и недостаток продовольствия; люди ели сосновую кору, липовый лист и мох, продавали своих детей “одерень” (в полное холопство), многие перемерли от голода. “Итак по грехом нашим, — пишет летописец, — разидеся власть наша и град наш”. В 1230 г. ранний мороз побил “обилье” в Новгородской земле, и установилась опять страшная дороговизна. “И разидеся град наш, — снова жалуется летописец, — и полны быша чужин гради и страны братье нашей и сестер, а остан к почаше мереть”. Мор был колоссальный; людей не успе-

вали хоронить, и трупы валялись по улицам и дорогам. С 1445 г. в течение целых десяти лет стояла дороговизна на хлеб. “И бысть, — пишет летописец, — скорьбь и туга христьяном велми, толко слышети плач и рыданье по улицам и по торгу; и мнози от глада падающе умираху, дети пред родители своими, отцы и матери пред детьми своими”; много людей, по словам летописца, разошлось кто в Литву, а кто в латинство (в Ливонию), а другие отдавались в рабство “жидам и бесерменам”. Новгородские власти принимали свои меры к возвращению беглецов на покинутые места. Так, князь Михаил Черниговский, приглашенный новгородцами на княжение, согласно договору с ними, освободил от платежа дани смердов, кто с 1215 г. “сбежал в чюжу Землю”. Но подобные меры не могли быть особенно действенными. Трудно было возвращаться к себе домой людям, у которых сплошь и рядом не было уже средств к восстановлению своего хозяйства — хлеба на пропитание, семян, скота, земледельческих и промысловых орудий.

Больше в данном случае делали капиталисты разных званий и состояний — бояре, житьи люди, кушцы, своеземцы, которые очень рано выделились в составе новгородского общества. Они не только закабалили измученных голодом людей в рабство, но скупали земли и угодья разорившихся и ослабевших земледельцев и промышленников, вероятно, иногда просто захватывали брошенные участки и вновь заселяли их земледельцами и промышленниками, но уже на правах арендаторов, которым они давали “серебро” на хозяйственное обзаведение. И вновь земли и угодья стали заниматься преимущественно теми же капиталистами, устраивающими свои села, на которых они селили своих холопов, *свободы*, или *слободы*, на которые они созывали свободных, не связанных своим хозяйством земледельцев и промышленников с освобождением их от платежа оброка и несения повинностей на известное число лет. В погосте Богородицком Залазенском встречаем по писцовым книгам конца XV в. *слободку Спасского Хутынского монастыря*, да *слободку Залазну* Василия Есипова в Богородицком погосте в Слезкине, в волости Ивана Лошинского Павска — *слободку Верхнюю Семитино* и т.п. Этот факт нашел отражение в номенклатуре новгородских поселков, зарегистрированных в писцовых книгах конца XV и начала XVI в. Некоторые села не имеют никаких названий, кроме имен владельцев, которыми они, очевидно, были устроены. Так, Тимофею Квашнину в Шегринском погосте принадлежали село *Квашнино* и целый ряд деревень, составлявших его “волостку” (среди них ряд “селищ”). В числе владений купца Андрея Аврамова видим сельцо *Аврамовское* в Щепецком погосте Шелонской пятины и деревню *Андреевскую Аврамова* в Струпинском погосте. В Курском уезде в Рамышовском погосте писцовая книга отмечает сельцо Якима Рамышовского *Якимово*, в котором “жил сам Яким” и который он же, очевидно, и устроил; в Локуцком погосте писцовая книга отмеча-

ет Никитинскую Ондронова, владычна слуги; в Карачунском погосте д. Плюснину, принадлежавшую Офонасу Плюснину, и т.д. Такое же боярское происхождение имеют и другие села и деревни, носящие названия по фамилиям новгородских землевладельцев, хотя и сменившие своих владельцев: д. Волнякицыно в Ручьевском погосте, д. Брайцыно в Луговешском погосте, сельцо Гурьево в Радчинском погосте, д. Кипрово и др. Новые поселки в составе владельческих волостей отмечаются в писцовых книгах сплошь и рядом именем “Новина”. Такие “новины” мы встречаем, например, во владениях вышеупомянутого купца Андрея Аврамова, Микиты Ондронова, владычна слуги, своеземцев Сеньки и Петруши Киповых в Городенском и Локоцком погостах, Деревской пятине и др. Имена, подводящие нас к землевладельцам — устроителям селений, носит огромное количество поселков Новгородской земли, что служит указанием на размеры землевладельческой колонизации.

Из видов новгородских поселков землевладельческой колонизации преимущественно обязаны своим происхождением села и сельца. Села и сельца устраивались первоначально землевладельцами для ведения собственного хозяйства при помощи страдников, или холопов, и других зависимых людей. Писцы конца XV в. застали в этих селах и сельцах “большие дворы”, служившие местопребыванием владельцев или их поселских и ключников. Села и сельца устраивались обыкновенно на нови (в таких случаях они носили обыкновенно имя устроителей) или в существующих уже деревнях или починках, тем или другим путем приобретенных. С течением времени в некоторых селах и сельцах прекращалось собственное хозяйство землевладельцев и трудовое население переводилось на оброк. Села, по существу, превращались в деревни и удерживали свое старое обозначение сел и селец только по традиции. Как бы то ни было, но села и сельца являются показателями значительного участия, которое принимали землевладельцы в колонизации Новгородской области. Особенно много сел и селец выступает по писцовым книгам в области води, в уездах Ямском и Копорьском, занимавших возвышенную местность от р. Ижоры и Ордежи до р. Луви. Подпочвою в этой местности является силурийская плита, сильно дренирующая верхний почвенный слой, что при чрезвычайном обилии осадков и влажности климата является благоприятным условием для земледелия. Архаический характер славянских названий здешних сел и селец (много с патронимическими окончаниями) указывает на то, что относительное плодородие почвы привлекло в этот край очень рано земледельцев-славян и что первыми устроителями славянских селений не были землевладельцы, что последние завладели уже насиженными местами и только поддерживали и развивали дальше первоначальную оседлость. Довольно значительные ступки владельческих сел выступают по писцовым книгам и в холмистой Лусской

волости, в районе верхней Луги и ее притока Оредежи (27 сел и селец), и в возвышенной местности на верхней Плюсе и ее притоках. Сеть сел и селец, хотя и не столь частая, одевала и те погосты, которые расположены по левой, возвышенной стороне Волхова и его притокам, по возвышенным побережьям оз. Ильменя и р. Шелони и, наконец, по Валдайской возвышенности, между реками Ловатью, Мстой и верхневолжскими озерами. Сравнительно мало сел и селец (29) выявляется по писцовым книгам в погостах по р. Мологе и ее левым притокам и многочисленным озерам на верховьях этих притоков. Ничтожное количество сел и селец выявляется в обширной области Обонежья (по данным 1582 и 1583 гг., 10 сел и 56 селец) и в южных уездах Новгородской области, со включением Русского, и в северных — Ладожском, Ореховском и Корельском.

Землевладельческой колонизации, как мы уже видели, обязана была своим происхождением и часть деревень: землевладельцы сажали на своих землях на нови крестьян, которые основывали деревни и платили землевладельцам оброки. Эти деревни получали свое название по принадлежности их тому или другому землевладельцу. Но, несомненно, часть деревень обязана была своим происхождением и непосредственной, вольной заимке и разработке землевладельцами нови на государственных землях, причем в состав частных волостей такие деревни входили большей частью уже после их возникновения. К земельной колонизации края подводят нас такие названия деревень, как Сенькино сиденье, Грихново сиденье, Ескино сиденье, Кузнецово сиденье, и еще больше — названия деревень от уменьшительных личных имен, как *Андрейково*, *Анашкино*, *Андрюшкино* и т. д. В большинстве случаев в этих деревнях по писцовым книгам живут уже другие крестьяне, не те, что дали им свое имя. Попадают, однако, случаи, когда обывателями таких поселков выступают эти последние или их ближайшие потомки. Так, в писцовой книге Водской пятины встречаем д. Пашково на устье Мойки, в которой живет Пашко Васильев да Офромейко Еремин; в деревне Минино Деревской пятины живут Кирилко и Ларивоник Минины и т. д. Все это указывает на непрерывную колонизацию страны, продолжавшуюся до самого падения новгородской государственности. Об этом свидетельствует также и обилие деревень, не получивших еще никаких названий и отмечаемых в писцовых книгах посредством разных топографических приурочений, например, деревня на Мойке вверху, д. на Мойке ж в верховье, деревня на устье Мьи и т. д.

Развитие боярского землевладения и сельского хозяйства вопреки всем неблагоприятным условиям края объясняется тем, что в Новгороде цены на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты всегда были высокие. Хлеба не хватало для прокормления населения, и Новгородская земля должна была получать хлеб со стороны по высоким ценам. Эти цены определяли и цены

на местный хлеб. Таким образом, земледелие при всем риске в общем оказывалось выгодным промыслом, и в этот промысел все новгородские состоятельные люди охотно вкладывали свой капитал. У новгородских бояр в их дворах в Новгороде обычно были “житницы” с большим запасом хлеба не только для домашних потребностей, но и для снабжения рынка. Иногда бояре для безопасности ссыпали свой хлеб в монастырские житницы. Во время голодных бунтов 1418 г. народ разграбил монастырь св. Николы на Поле, “где житницы боярские”. Но кроме хлеба с собственных запасов и хлебного оброка с крестьян (половников) землевладельцы извлекали доход и из разных промыслов, которые велись в их имениях их “людьми” (холопами) и крестьянами. В особенности справедливо это относительно боярских вотчин на севере, в Заволочье.

Из духовного завещания Ивана III видно, что название “Заволочье” обнимало весь бассейн реки Онеги и ее притоков — Поонежье и Двинскую землю, к которой кроме течения Северной Двины и ее притоков (за исключением Вычегды) относилось и все побережье Белого моря и Ледовитого океана от устья Онеги до устья Мезени. Заволочье представляло край, обособлявшийся от основной государственной территории Новгорода и Ростово-Суздальской земли большими лесами и болотами по водоразделам оз. Онега и р. Выга и Выгозера с одной стороны, р. Онеги с другой, рек системы Шексны и Белоозера, Костромы, Унжи и Ветлуги с одной стороны, Сужани и Вычегды с другой. Сообщение с этим изолированным краем долгое время производилось только через волоки, в местах сближения рек вышеупомянутых систем (отсюда и название Заволочья — области за волоками). Таких волоков по источникам насчитывается несколько: *Немецкий*, соединявший верхнюю Вытегру с Ковжей и проложенный в древнейшее время едва ли не варягами, *Словинский*, соединявший приток Шексны Словянку с Порозовицей, впадающей в Кубенское озеро, и проложенный новгородскими словенями. К этим древнейшим волокам, соединявшим между собою Новгородскую и Ростово-Суздальскую землю и обе земли с Заволочьем, присоединились позже: волочок *Кенской* между притоком Водлы Черевами и р. Коной, притоком Онеги, и волочок *Лежский* между притоком Костромы Обнорой и Лежей, притоком Вологды, соединявший Ростово-Суздальскую землю с ее колонией, Устюжской землей и Заволочьем. Волоки служили путями сообщения и внутри самого Заволочья. Поонежье соединялось с Двинской землей волоком между Мошей, притоком Онеги, и Супондой, притоком Северной Двины, и волоком “у Ями”, т.е. между Емцой, притоком Северной Двины и р.Онегой; *Кегрольский* волок между рекой Кегролой и оз. Шайским соединял бассейн средней Пинеги с Нижнедвинским, *волок Пинежский* — бассейн нижней Пинеги с Мезенской губой и т.д.

Новгородская колонизация Заволочья, как уже было сказано, началась в давнее время, и в XII в. здесь были уже новгородские погосты и селения. Новгородцы явились сюда частью с промышленными целями — добывать соль и меха, а частью для сбора дани с туземного населения — *еми*, или *ями* (заволоцкая чудь). Более поздние источники говорят о развитии здесь рыболовства и салотопен из морских зверей — тюленей, моржей и белух. Солеварение, охота и морские промыслы были главными, хотя и не исключительными двигателями новгородской колонизации Севера в эпоху новгородской самостоятельности. Колонизация эта была и народной, т.е. совершалась артелями крестьян-промышленников, ходивших в Заволочье за солью, салом и рыбой и оседавших там в конце концов, и землевладельческой. Последняя особенно развивалась в XIV и XV вв. Одним из видных колонизаторов края выступает в начале XIV в. боярин Василий Матвеев. Он захватил в Шенкурье у местной чуди огромное пространство земель по р. Ваге, Шенье, Паденге и Понце и по верховьям левых притоков Северной Двины до Ваймуги включительно. Чудские старшины позвали его на суд к новгородскому князю Афанасию Даниловичу (1314—1322), но он, “не идучи к суду”, урядился с ними, дал им 20 000 белок и “пополонка” 10 рублей и получил в вечное владение “что Шенкурского погоста и земли, и воды, и леса ленные, и реки, и ленные реки, и мхи, и озера, и сокольи гнезда, где ни есть Шенкурского погоста”. Так образовалась крупная вотчина бояр Шенкурских, из которых особую известность приобрел Василий Степанович, бывший посланником в Новгороде в 1447—1457 гг. Дети боярина Ивана Васильевича в начале XV в. владели крупной волостью *Борок* на Двине, отчего и прозвались Борецкими. Акты XV века упоминают и о других боярах, имевших свои волости в Двинской земле: Степане Есиповиче, Ондреяне Александровиче, Савелье Григорьевиче и др. Владыке новгородскому принадлежала волость *Вель* на реке этого же имени, впадающей в Вагу. Поонежье в момент присоединения Новгорода к Москве составляло волость Настасьи Ивановны, жены Григорьева, одного из последних посадников новгородских. Кроме течения р. Онеги “Настасвинская волость” захватывала также течение притока Емцы Мехренги и течение самой Емцы, вследствие этого в XVI веке эти владения составили одно административное целое — Каргопольский уезд со станowymi пунктами в *Каргополе*, на *Усть-Моши* в *Турчасове*, на *Усть-Мехренги* и на погосте на *Усть-Емцы*. Эта Настасьинская волость была продолжением ее к волости в Воклозерском погосте и связывалась с ней через волочок Кенской, который имел важное торговое значение: через него торговые люди из Новгородской земли ходили водным путем на судах в Заволочье и обратно, причем крестьяне Настасьинской волости “через тот волочек товар волочили”, взимая по денге “з беремени”. В половине XV в. новгородская боярская колонизация охватила уже и Лопь-

ский берег Белого моря от устья р. Нюхчи до устья р. Нивы. Здесь раскиданы были “страдаемые” деревни разных новгородских владельцев, из которых самыми крупными были Борецкие. Вдова Исаака Борецкого Марфа владела в Спасском Выгорецком уезде у самого моря по р. Ваге и Нюхче 78 деревнями (148 дворов). Ей же принадлежали погост и деревни (около 20) на р. Суме, которые она подарила Соловецкому монастырю, на *Колежи* и *Вирме*. Во владение Соловецкого монастыря перешла и Кемская волость Марфы Исааковой. В Выгорецком уезде находились также деревни новгородских бояр Федора Остафьева сына Глухого, Михаила Берденева, Луки Федорова и др. Около этих деревень и торговых пунктов выступают в писцовых книгах многочисленные солеварни и “салницы”, а также рыбные ловли. Солеварни, салотопки и рыбные ловли упоминаются в источниках и при новгородских поселках, расселенных по Корельскому и Летнему берегу (от устья Нюхчи до устья Двины). Эта промысловая колонизация перенеслась и на Терьский берег Кольского полуострова между Умбой и Варзугой. Здесь также находились промысловые пункты Марфы Борецкой и других бояр, от которых получил их Соловецкий монастырь.

Как в великорусском центре, так и в Новгородской области деятельное участие в устройении оседлости принимали многочисленные монастыри. По писцовым книгам конца XV и XVI в. можно насчитать до 150 монастырей, земельные владения которых были раскиданы по всей новгородской территории. Древнейшие на них возникли в ближайших окрестностях Новгорода. Таковы были: *Юрьев* монастырь, основанный, по-видимому, еще князем Ярославом Владимировичем в трех верстах от Новгорода в честь своего патрона великомученика Георгия, *Аркадь*-монастырь, основанный игуменом Аркадием в двух с половиной верстах к югу от Новгорода, *Пантелемонов* на Горке в трех верстах к югу от Новгорода, *Варлаамиев Хутынский* на Волхове в десяти верстах ниже Новгорода, *Спас-Нередицкий* близ княжеской резиденции Городища и др. И в последующих XIV и XV вв. окрестности Новгорода продолжали усаживаться монастырями. Всего здесь возникло около 30 монастырей. Если прибавить к этому 50 с лишком монастырей, которые насчитываются по источникам в самом Новгороде, на разных его улицах, то выходит, что больше половины всех монастырей во время новгородской самостоятельности сосредоточивалось в самом Новгороде и его окрестностях. В большинстве случаев они возникали по инициативе и на средства самостоятельных людей Новгорода — бояр, житых людей, купцов и высшего духовенства. Такие же монастыри были и в пригородах Новгорода Великого. Их основатели имели в виду обеспечить себе пострижение в монахи перед смертью, погребенье и вечный помин по своим душам. Несколькo иногo происхождения были монастыри, возникшие в отдаленных, глухих местах Новгородского края. Они основывались отшельниками, ис-

кавшими душеспасительных подвигов в удалении от мира по примеру древних пустынников. Из них наибольшей известностью пользовались: *Валаамский* на острове Валамо Ладожского озера (существовал уже в XIII в.), *Коневский* на Коневом острове того же озера, основанный в 1398 г. иноком Арсением, *Палеостровской*, основанный на острове Онежского озера Палье выходцем из Валаамского монастыря Корнилием; *Муромский*, основанный около половины XIV в. иноком Лазаретом на восточном берегу Онежского озера при впадении речки Муромки; *Соловецкий*, основанный в 1429 г. иноками Германом и Савватием на Соловецком острове Белого моря. Чисто народного происхождения были монастыри, основанные местными сельскими обществами и заменявшие собой приходские церкви. Таковыми были, например: *Никольский Понедельский* на погосте того же имени (существовал в XV в.) на р. Понедели, впадающей в оз. Ильмень, *Пречистые Усть-Воломский* при впадении Волмы в Мсту, *Никольский Чухченемский* в Двинской земле, поставленный в первой половине XV в. крестьянами двух волостей. Монастыри с течением времени путем дарения, покупки, а иногда простой заимки приобретали земли и угодья, на которых они селили крестьян и своих страдников, становились землевладельцами наравне с боярами, житейными людьми и купцами. Большое земельное имущество скопилось и в руках новгородского владыки, который был одним из самых крупных землевладельцев Новгорода. В своих волостях владыка развивал такое же хозяйство, как и бояре в своих вотчинах, и был таким же колонизатором страны, как и эти последние.

В момент падения новгородской государственности большая часть эксплуатируемых земель и угодий Новгородской земли была уже во владении бояр, купцов, житейных людей, своеземцев, владыки и монастырей. По подсчету Гневушева, на территории позднейших “пятин”, поскольку имеются данные в напечатанных тогда писцовых книгах, было до 1632 частных владельцев — бояр, житейных людей и своеземцев, которым принадлежало 2966 волостей и волосток. Эти волости и волостки обнимали собой до 60% обрабатываемой земли, причем 30% их принадлежало 22 боярским фамилиям. Новгородскому архиепископу и 137 монастырям и церквям принадлежало до 21,7% обрабатываемой земли. По сравнению с владельческими волостями государственных волостей оставалось уже немного. Таковы были волости на юге и юго-востоке Новгородской земли: *Молвятичи, Курск, Стерж, Морева, Жабно, Лопастницы, Буец, Любоково, Заклинье, Ржева, Великие Луки, Холм, Деман и Колоново*. Население этих волостей, расположенных на лесистом водоразделе, покрытом лесами, многочисленными озерами и болотами, жило главным образом охотничьими, бортными и рыбными промыслами и потому в меньшей степени страдало от хозяйственных потрясений, чем население центральных областей с преобладающим земле-

дельческим хозяйством, и имело более устойчивую оседлость. Поэтому здесь удержались самостоятельные крестьяне, платившие государству дань — “черные куны”. “Чернокунские” волости выявляются также по писцовым книгам в Корельском уезде, население которого также жило главным образом промыслами и платило “черные куны” с луков. Часть этих волостей отдавалась в кормление корельским наместникам, а часть в пользование новгородскому владыке. Были государственные населенные земли и в Ореховском уезде, например волость Лахта, “что живет за наместники Ореховскими из старины”. В Ямском уезде государственным владением были село *Куровичи* и деревня *Варива*, “что живут за наместники Ямскими из старины”. В центральных частях новгородской территории остатками государственных волостей были: волость *Смерде* в Михайловском погосте и волость *Березовская Смарда*, доходы с которых, однако, шли попам Михайловским с Городища.

Селения в Новгородской земле, как и в других частях Великороссии, разбросаны группами, островами среди лесов, озер, моховых болот. Центрами этих групп были погосты, расположенные большей частью на реках и озерах. Судя по названию, погосты первоначально были торговыми пунктами, куда съезжались гости, купцы, для скупки местной добычи и продукции и продажи иноземных товаров. Они рано стали административно-финансовыми центрами, где велся сбор денег с населения и откуда выходили распоряжения по исполнению повинностей, например мостовой. После принятия христианства погосты стали приходскими центрами, где стояла приходская церковь и жил церковный причт. Ко времени падения новгородской самостоятельности не все погосты сохранили все эти значения, некоторые были только приходскими центрами и не имели никакого другого населения, кроме причта, жившего около приходской церкви; в других сверх того жили земледельцы-крестьяне и разные торгово-промышленные люди; а в некоторых также государственная или владельческая администрация — волостели, тиуны, поселские, ключники, старосты. Во всяком случае погосты основывались центрами известных исторически сложившихся округов, к которым приурочивались селения, когда это требовалось в правительственной и житейской практике. Округа эти также назывались погостами.

Погосты в свою очередь группировались в более крупные административные и судебные областные единицы. Основы этой группировки первоначально были частью племенные, частью географические. Грамота князя Всеволода Мстиславича (1134—1135) устанавливала платеж пошлин в пользу церкви св.Ивана с гостя новгородского, бежицкого, деревского и со всего Помостья (по р. Мсте). Бежичи и дерева выступают здесь, по всем признакам, в качестве обозначений известных племенных ветвей новгородских словен. Грамота Святослава Ольговича, выданная в 1147 г. на десятину от

вир и продаж св.Софии, говорит об *Обонежье* и *Бежичах* как известных совокупностях погостов и селений и перечисляет ряд погостов в Заволочье, т.е. в бассейнах Северной Двины и Онеги.

В уставе Ярослава Всеволодовича о мостах (первая четверть XIII в.) выступают волости: *Ржевская, Бежицкая, Водьская, Обонежская, Лусская, Лопьская, Поволховская, Яжолвичская*. Водьская и Лопьская волости названы, несомненно, по имени живших в них води и лопи. Такого же происхождения и название Ржевской волости. Ржева, по-видимому, была ветвью племени кривичей, которые осели в Псковской земле, в Великих Луках и далее на восток, на верхней Волге, где была также ржева, и перемешались во всех этих местностях со словенами, отчего в этой полосе образовался своеобразный акающий говор с белорусским наслоением. В 1346 г. великий князь литовский Ольгерд, предпринявший карательную экспедицию на Новгород, взял на щит *Шелонь* и *Лузу*. Некоторые из этих областных единиц удержались до самого падения Новгорода. Договорные грамоты Новгорода с великими князьями говорят о Бежичах как территории, в которой великим князьям запрещается покупать села, в которой суд сдается на откуп самим жителям. Центром этой территории был *Городец Полечь* в Бежецком Верху (фактически до оккупации всего Бежецкого Верха Москвой). Из этих же договоров и откупной грамоты 1434 г. видно, что и Обонежье оставалось особой волостью, в которой суд отдавался целиком или в части (на некоторых погостах) на откуп. Лусская волость, отдававшаяся в кормление служилым князьям, также оставалась, по всем данным, особым судебно-административным округом, центром которого было *Лусское село* на р. Луге. Лопьская волость с *Лопьским погостом* в центре держалась в виде особой области Новгорода еще в 1471 г.: с нее за проезжий суд предположено было давать королю рубль через год. Все другие из перечисленных волостей при расширении новгородской колонизации, умножении сел, деревень и погостов, при построении новых городов распались на несколько округов или присудов. Таким образом Поволховская волость выделила из себя кроме *Новгородского* присуда еще *Ладожский*; Ржевская волость выделила из себя два судебно-административных округа, центрами которых были *Ржева* и *Великие Луки*; Водьская волость, центром которой стал город *Копорье*, выделила из себя *Ямский* присуд; Деревская, центром которой были первоначально *Яжолвицы*, распалась на присуды *Даманский* и *Курский*, причем Яжолвицы утратили свое центральное значение, из крупного торгового пункта превратились в простой рядок, Шелонская волость, центром которой был *Порхов*, с течением времени выделила из себя ряд небольших присудов вокруг городов *Высокого*, *Вышгорода* и *Кошкина*. Особый присуд образовался вокруг одного из старейших пригородов Новгорода — *Русы*, в Ижоре — вокруг города *Орехового*, в Кореле вокруг Корельского городка; Двинская земля

образовала один присуд с центром в *Холмогорах*, где сидели двое посадников двинских. Новгородские селения, вдвинувшиеся в район ростово-суздальской оседлости, образовали три судебно-административных округа, центрами которых были *Волок на Ламе*, *Новый торг*, или *Торжок*, на Тверце и *Вологда* на реке того же имени.

Некоторые волости на пограничье с Великим княжеством Литовским находились в совместном управлении и пользовании Новгорода и Литвы. Волости эти образовались путем колонизации пустых промежуточных пространств, шедшей из Новгорода и Литвы и образовавшей полосу спутанного, чересполосного владения подданных обоих государств. Здесь уже не было возможности произвести “розвод” землям и водам, не захватывая заимок соседей. Выход был найден в том, что волости были целиком примежованы к Новгородской земле, но с обозначением материальных интересов Литвы. Таким образом, по договорам 1440 и 1471 гг. великий князь литовский имел право держать на Луках (Великих) своего тивуна рядом с тивуном новгородским (“а суд им из полы”), получать черные куны в определенном количестве с Холмского погоста, черные куны и тивуну за петровщину (вместо кормов на Петров день) с Молвятиц, Кунска, Березовца, Стержа, Моревы, Жабна, Лопастниц, Буйца, Любокова и Заклинья.

Много общего в процессе своего заселения имела с Новгородской землей и земля *Псковская*, бывшая сначала округом Новгородского пригорода, а с 1348 г. сделавшаяся уже самостоятельной государственной территорией державного города Пскова, который из пригорода превратился в “младшего брата” Новгорода Великого. И здесь славянскому племени кривичей пришлось расселяться на территории, уже занятой финскими племенами, а частью литовским племенем (летьгола, латыши). На это указывают имена здешних рек Пскова, Гдова, Кухва, Долва, Лудва, Моложва, Пиавя, Многа, Мца, Ремле, Лья, Лбужа, Пивжа, Коруза, Черма, Кира, Иса, Плюса, Череха, Утруха, Велья, Куля, Милья, Утроя, Кебь, Кулец, Кунеть, Пять и др.; озер Врев, Калка, Коложа, Кудо, Сево и др. Но эти племена-старожилы, по всем признакам, очень рано сошли со своей территории. Летописи не сохранили нам никаких известий о борьбе славянских пришельцев с туземными старожилами в Псковской земле. Мало сохранилось в географической номенклатуре и следов, указывающих на совместное в течение известного времени проживание туземцев с колонистами, т.е. самостоятельных инородческих названий волостей и отдельных селений. Здесь можно указать, например, на Корельскую губу (волость) с погостом *Корелы* в центре, *Сумскую губу*, губу *Руху* и *Уситовскую* с погостом *Уситва* в центре; из названий отдельных деревень: *Сикуюво*, *Гармуево*, *Тесуево*, *Кукуносова*, *Куево* и др. Поселенческая и гидрографическая номенклатура Псковской земли отличается столь решительным преобладанием славянских имен над инородческими, какое

не наблюдается не только в номенклатуре Новгородской земли, но даже в номенклатуре великорусского центра. Из этого видно, что в большинстве местностей Псковской земли славянским колонистам приходилось быть пионерами заселения, называя своими собственными именами реки, речки, ручьи и озера и свои селения на них.

Славянский колонизационный поток, разрезая чудскую оседлость, направился первоначально вдоль реки Великой к озеру Великому (Псковскому). Славянских колонистов привлекло сюда изобилие рыбы в этом озере и впадающих в него реках и близлежащих озерах. Берега и окрестности р. Великой и оз. Великого в первую очередь покрылись славянскими поселками. Между прочим, на берегах озера Великого и при устьях впадающих в него рек возникло множество рыбацких поселков, или исадов (писцовые книги XVI в. зарегистрировали их свыше 100); но рыболовством промышляли и жители всех вообще селений в окрестностях оз. Великого. В этом рыболовном районе и образовалось первоначальное ядро Псковской земли. Оборонительными базами этого ядра и были древнейшие города Изборск и Псков. И в последующее время эти города были главными оплотами Псковской земли, непрерывно укреплялись псковичами и об их каменные твердыни разбивались навалы ливонских немцев и Литвы. Завязавшаяся с начала XIII в. затяжная борьба с ливонскими немцами и затем с Литвой заставила псковичей воздвигать целый ряд вспомогательных укреплений. Для обороны подступа к Пскову по р. Великой были воздвигнуты города *Остров* на р. Великой и *Коложа* на реке того же имени, а после разорения последнего Литвой в 1404 г. — город *Опочка*, в ближайшем соседстве к западу г. *Велье*, на северо-востоке *Вороночь* на р. Сорота, *Врев* при озере того же имени, *Котельно*, а после уничтожения последнего пожаром в 1428 г. город *Выбор* на р. Выборке “в Котеленском обрубе”. С течением времени, когда основное ядро Псковской земли обрастало новыми поселениями на окраинах, псковичи воздвигали новые укрепления. Таким образом, для обороны промыслового и земледельческого населения, раскидавшегося по восточному берегу Чудского озера, псковичи в 1421 г. поставили при устье Гдовы г. *Гдов*, причем “кережские земцы” дали 300 руб. на сооружение каменной стены “с приступной стороны”. Город был построен “на обидном месте”, часто навещавшемся немцами, приезжавшими сюда для ловли рыбы и разорявшими псковские исады. Другим таким же “обидным местом” было урочище *Кобылово* на восточном берегу Псковского озера. В 1462 г. псковские мастера и местные “волощане” поставили здесь г. *Кобылье*. В 1464 г. поставлен был на устье р. Суми, на территории, оспаривавшейся немцами, г. *Красный*. В 1476 г. слобожане пограничной Кокшинской волости, тревожимые непрерывными нападениями немцев, исходатайствовали о постройке у них города. Так возник последний пригород Псковской земли — *Вышгородок*, в по-

стройке которого местные слобожане участвовали доставкой строительных материалов.

Города, строившиеся в Псковской земле на памяти истории, не были пионерами, рассадниками славянской колонизации, как древние городки или городки позднейшие на степной Украине или в Сибири. Они только закрепили состоявшуюся уже колонизацию края, были пунктами обороны уже возникших поселков. В древнейшее время эти поселки и здесь основывались семейно-родовыми партиями кривичей или семьями, превращающимися скоро в роды. Номенклатура селений Псковской земли, зарегистрированных в писцовых книгах XVI в., содержит некоторое число имен с патронимическими окончаниями. Таковы *Кривовичи, Славковичи, Эряковичи, Неваличи, Оключи, Добровичи, Ветвеничи, Мыслогостичи, Шемеричи, Сигоричи, Голубиничи*. Эти имена относятся к губам, или целым группам поселков, выросших из первоначальных семейно-родовых поселений. Но такое же название сохранили и одиночные поселки: *Боровичи, Лозоговичи, Туховитичи, Мягковичи, Писковичи, Жуковичи* и др. К древнейшим поселкам принадлежали и поселки с такими архаическо-славянскими прозвищами, как: *Будовиж, Гостиж-бор, Люботиж, Хотиж, Выбуть, Стремуть* и др.

Первоначальная славянская оседлость в Псковской земле, как и в Новгородской, не стабилизировалась прочно. С начала XIII в. Псковская земля подвергалась частым неприятельским вторжениям, которые сопровождались сожжением селений, грабежом скота и уводом в плен жителей. Разоренная оседлость восстанавливалась уже большей частью не самостоятельными усилиями земледельцев, а при помощи состоятельных землевладельцев, которые снабжали всем необходимым для ведения хозяйства разоренных земледельцев и сажали их в своих имениях на правах арендаторов (изорники) или же принимали их на тех же правах с их деревнями, или "сиденьями". Таким путем возникали новые селения и восстанавливались старые. Старые земледельческие поселки обыкновенно сохраняли и старые названия по именам их основателей: *Кустово сиденье, Сухнево сиденье, Рахново сиденье, Стежново сиденье*, но чаще просто по уменьшительным именам: *Алексеяково, Гришкино, Давыдково, Ескино, Илейкино, Онашкино, Сидорково* и т.д. Новые поселки, основанные землевладельцами, выступают уже с названиями по полным именам основателей, особенно села, центры собственного хозяйства землевладельцев. Древнейшие из них носят названия архаические: *Будимерово, Белодедово, Белохвостово, Гологляд, Доможирка* и т.п. Более позднего происхождения владельческие села и деревни носят названия псковских бояр, житейных людей и купцов, их основателей. К сожалению, сравнительно мало этих названий можно приурочить к известным определенным боярам и житейным людям, известным по источни-

кам: *Быково, Волосово, Кормавово, Кротово, Насоково, Полтораново, Пятково, Трубицыно, Лебедево*; большинство же их по простым личным именам, как *Аристово, Борисово, Кириллово* и т. д., не поддается приурочению. Но одно несомненно, что владельческая колонизация в Псковской земле, как и в Новгородской, сыграла колоссальную роль. Не замирала, впрочем, и вольная, чисто народная, земледельческая и промысловая колонизация. Выше было упомянуто о слобожанах пограничной Кокшинской волости, ходатайствовавших о постройке у них города. Писцовые книги и летописи упоминают еще о существовании *Качановой слободы* в Бельской губе Псковского уезда. Надо вообще сказать, что частное землевладение в Псковской земле не вытеснило в такой степени государственное, как в Новгородской, и класс государственных крестьян, или смердов, в Пскове занимал более видное место, чем в Новгороде.

В заселении Псковской земли принимали известное участие и церковные учреждения, главным образом монастыри. В стране, так часто навещавшейся неприятелями, большая часть монастырей основывалась в городах или на их окраинах. По летописям и писцовым книгам XVI в. насчитывается до 55 монастырей в Пскове, до 25 в пригородах и столько же вне городов. Из последних наиболее известными и популярными были: *Святогорский* в 5 верстах от Пскова, *Елизарьев* в 25 верстах и *Крытецкий* в 30 верстах в Кривовицкой губе Псковского уезда. Все эти монастыри разными способами — вкладами, дарениями веча и частных лиц и покупкой приобретали земли и угодья в разных частях Псковской земли и, стремясь к их использованию, осаживали эти земли и угодья рабочим людом — изорниками, половниками, котечниками (на рыбных промыслах). Таким образом, оседлость в Псковской земле поддерживалась и заново устраивалась и этой категорией землевладельцев. К этой же категории принадлежали и некоторые богатые церкви, и прежде всего патрональная церковь Живоначальные Троицы в Крему, затем церковь Архангела Михаила в среднем городе, Варвары Великомученицы с Усохи в среднем городе, Василия Кесарийского с Горки и др.

Все селения Псковской земли — села, деревни и починки группировались по мелким округам, называвшимся губами. Губы представляли аналогию новгородским погостам, были административно-финансовыми и церковно-приходскими округами, центрами которых были погосты. Разница, таким образом, была лишь в том, что в Новгородской земле термин “погост” прилагался и к центру и к округу, в Псковской земле только к центру, а для обозначения округа служил термин “губа”. Сообразно с этим местные выборные власти в Псковской земле назывались губскими, а не погостскими старостами. Губы группировались в более крупные судебно-административные округа, центрами которых были города, где сидели наместники псков-

ского князя и вместе с местными выборными посадниками чинили суд и управу (в Пскове чинил суд и управу сам князь с псковскими посадниками). Самым большим из этих округов был Псковский уезд, заключающий в себе 45 губ и разделявшийся еще на 6 засад (военных округов, несших сторожевую, гарнизонную повинность в Пскове по очереди); округа пригородов все вместе заключали в себе 96 губ, причем многие из них имели значение только церковно-приходских округов, иногда — округов церквей, находившихся в пригородах. Из этого видно, что главная масса населения Псковской земли и в конце самостоятельного существования Пскова сосредоточивалась в том же районе, где происходила древнейшая колонизация этой земли и где, кстати сказать, уцелело и наибольшее число поселков с патронимическими и историческими названиями.

Важнейшая литература:

Глава эта представляет краткое изложение 2-й части историко-географического этюда автора “Образование основной государственной территории великорусской народности”, готовящейся к печати под заглавием: “Образование территории Новгорода и Пскова и соединение ее с московской”.

Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. — Спб., 1853 (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва, кн.8).

Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. — М., 1893.

Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. — Спб., 1873.

ХП. ОБЪЕДИНЕНИЕ ВЕЛИКОРУССКИХ КНЯЖЕСТВ И ЗЕМЕЛЬ

Территория, ставшая достоянием великорусской народности, долгое время пребывала в состоянии политического разделения. Сначала на ней появились три государственных образования: земли Новгородская, Суздальская и Муромо-Рязанская. Земля *Новгородская* в половине XIV века выделила из себя землю *Псковскую*, во главе которой стал пригород Новгорода — Псков, добившийся от Новгорода государственной автономии. *Муромо-Рязанская* земля, отделившаяся от Черниговской под властью князя Ярослава Святославича (внук Ярослава Старого), при сыновьях этого князя, около половины XII в., распалась на два княжества: *Муромское* под управлением Святослава Ярославича и его потомков и *Рязанское* под управлением Ростислава Ярославича и его потомков. *Суздальская* земля по смерти Всеволода III выделила из себя Великое княжество *Владимирское*, которое должно было быть переходным владением князей, признанных старшими, или великими, в роде Всеволода III, княжество *Ростовское*, доставшееся старшему сыну Всеволода Константину и удержавшееся во владении его потомков, *Переяславское*, доставшееся Ярославу Всеволодовичу и бывшее во владении его сына Александра, внука Дмитрия Александровича и правнука Ивана Димитриевича, *Юрьевское*, доставшееся следующему сыну Всеволода Святославу и удержавшееся во владении его сына, внука и правнука (до 1340 г.), *Стародубское*, доставшееся младшему сыну Всеволода Ивану и удержавшееся во владении его потомков. После прибытия татар из состава Великого княжества Владимирского выделились еще княжества: *Суздальско-Нижегородское*, которым наделил своего сына Андрея великий князь Ярослав Всеволодович и которое удержалось за его потомками; *Галицко-Дмитровское*, данное следующему за Андреем князю Константину Ярославичу и удержавшееся за его потомками; *Костромское*, доставшееся младшему сыну Ярослава Всеволодовича Василию. Одновременно с тем Ростовское княжество распалось на княжества: Ростовское, доставшееся старшему сыну Кон-

стантина Всеволодовича Васильку и удержавшееся во владении его потомков, *Ярославское*, доставшееся Всеволоду Константиновичу и удержавшееся за его потомками, *Углицкое*, доставшееся Владимиру Константиновичу, и *Белозерское*, выделенное из Ростовского Васильком Константиновичем для сына своего Глеба (ум. 1278 г.) и удержавшееся за его потомками. Княжество Переяславское в то же самое время выделило из себя княжества: *Тверское*, данное великим князем Ярославом Всеволодовичем второму сыну своему Ярославу и удержавшееся во владении его потомков, и *Московское*, выделенное князем Александром Ярославичем Невским для своего сына Даниила. В XIV и XV вв. все эти княжества поделились еще на много частей, или уделов, сохранивших, впрочем, некоторую связь между собой в виде общего владения князей главным городом и разными доходными статьями и в виде известного подчинения младших князей данной линии старшему.

Но параллельно с этим политическим дроблением Великороссии с начала XIV в. шел процесс объединения великорусских княжеств и земель.

В интенсивно заселявшемся междуречье Волги и Оки образовалось государственное ядро, к которому исподволь стали прирастать великорусские княжества и земли и которое в конце концов превратилось в громадное государство, объединившее в себе всю Великороссию. Таким первоначальным ядром было княжество Московское, выделившееся из Переяславского удела князя Ярослава Всеволодовича.

Княжество это занимало сначала небольшую территорию, в состав которой входило среднее течение р. Москвы с ее левыми притоками — Рузой, Озерной, Истрой, Восточной, Яузой и Похоркой, с правыми — Сетункой и Пахрой и их притоками, верхнее течение Клязьмы с ее левыми притоками Учей, Ворей и Шерной и правыми Вохонкой и Дрезной. Такая территория древнейшего Московского княжества обозначается по данным договорных и духовных грамот московских князей XIV в. Но эта небольшая территория к началу XIV в. была, по всем признакам, одна из населеннейших. Лежа на западной окраине Ростово-Суздальской земли, она меньше подвергалась нападениям и разорениям со стороны татар, чем другие местности Суздальской земли, не говоря уже о Муромо-Рязанской. Батыев погром захватил и город Москву, как и другие города, лежавшие в западной части Суздальской земли — Дмитров, Волок и Тверь. Но последующие погромы, за исключением погрома 1293 г., уже не касались города Москвы и его области. Так, зимой 1239 г. татары после занятия Мордовской земли сожгли Муром, воевали по Клязьме и сожгли Гороховец. “Бе же пополох тогда зол по всей земли, — пишет летописец, — сами бо себе людие не ведяху, кто где бежит от страха”. Надо думать, что беженцы направлялись главным образом в западные и северные части Суздальской земли, которых погром не коснулся.

В 1252 г. татары под предводительством Неврюя, перейдя под Владимиром Клязьму, напали на князя Андрея Ярославича под Переяславлем, разбили его рать и пополнили весь Переяславль, уведя в Орду множество людей. Это нападение также вызвало “пополох” и бегство жителей, так что князю Александру Ярославичу, приехавшему тогда из Новгорода во Владимир, пришлось собирать разбежавшихся людей и водворять их на прежнее местожительство. Таким образом, и этот новый погром не коснулся Московской территории. Следующий большой погром произошел в 1281—1282 гг. Князь Андрей Александрович выпросил себе в Орде великое княжение Владимирское под братом своим старейшим Димитрием и для утверждения своего на великом княжении два раза приводил с собой большую татарскую рать. Объектом военных операций должен был быть Переяславль, где сидел с дружиной князь Димитрий. Но татары, вступив в Суздальскую землю, рассыпались по всей ее территории. Они опустошили Муром, около Владимира, Юрьева и Переяславля все разорили и пограбили и повели в плен мужчин, женщин и детей. То же произошло около Ростова, Торжка и Твери. Опустошению и ограблению подверглись города и волости, села и погосты, монастыри и церкви; много людей было перебито, а другие погибли от холода. В числе разоренных татарами местностей Московская область опять-таки не упомянута. Только в 1293 г., во время нового привода татарской рати Андреем Александровичем, Москва подверглась татарскому опустошению вместе с Владимиром, Суздалем, Муромом, Юрьевом, Переяславлем, Коломной, Можайском, Волоком, Дмитровом, Угличем Подем и др. На этот раз уцелела Тверь, куда, между прочим, сбежалось множество людей перед ратью. Этому сбежавшему люду, однако, не суждено было осесть прочно в Тверском княжестве. В 1327 г., после убийства ханского посла Шевкала в Твери, хан послал на тверского князя Александра Михайловича пять темников и князей Ивана Даниловича Московского и Александра Васильевича Суздальского. Они взяли Тверь и Кашин, опустошили прочие города и волости, много людей перебили, а других забрали в плен, опустошили и Новоторжскую волость. Тверской князь Александр Михайлович бежал в Псков, а братья его Константин и Василий, по словам летописи, сели в Твери в великой нищете и убожестве, “понеже вся земля Тверская пуста, и все быша леса и пустыни непроходимые”. И была тогда во всей русской земле великая тягость и томление и кровопролитие от татар, убили тогда и князя Ивана Ярославича Рязанского и много христиан перебили и пленили, только “соблоде и заступи Господь Бог князя Ивана Даниловича и его город Москву и всю его отчину от пленения и кровопролития христианского”.

Итак, несомненно, что Московское княжество во второй половине XIII в. и первой четверти XIV в. было наиболее безопасным краем бывшей Восточно-Суздальской земли. Сюда поневоле должно было сбиваться насе-

ление соседних разоряемых областей. Поэтому-то в составе селений Московского княжества, упоминаемых в актах XIV и XV вв., мы и встречаем села с названием Рязанцы, Ростовцы и т.п. Духовные грамоты Ивана Даниловича Калиты вскрывают значительную населенность этого княжества. Здесь обозначаются два больших города, *Москва* и *Звенигород*, на р. Москве и небольшие городки на окраинах — *Перемышль* на р. Моче, притоке Пахры, *Руза* на р. Рузе, притоке Москвы и *Радонеж* на притоке Вори Паже, более 30 волостей и более 30 княжеских сел, равнозначительных волостям, не считая сел боярских и церковных.

Но это населенное княжество обладало сравнительно скудными природными ресурсами. Здесь относительно мало было хлебородной земли — преимущественно по правой стороне р. Москвы, не было таких крупных промысловых статей, какие были в других княжествах, — соляных источников, рыбных рек и озер, бортных угодий и т.д. Герберштейн, характеризуя естественные условия Московской области, т.е. бассейна Москвы-реки, говорит, что эта область была неплодородной, что ее плодородности вредит главным образом песчаная повсюду почва ее, которая убивает посевы при самом незначительном избытке сухости или влаги. В ней нет меду и зверей, за исключением зайцев; река Москва не очень рыбная: в ней не водится никакой рыбы, кроме “дешевой и обыкновенной”. По актам мы знаем только о бортниках “Васильцева веданья”, позднейшего Васильцева ста, или Васильцева стана, под самой Москвой. Исследователями отмечалось выгодное положение Московского княжества в торговом отношении, указывалось, что через него проходило несколько торговых путей, связывавших русский запад и северо-запад с востоком и юго-востоком Восточной Европы. С этим в связь ставилась и относительная населенность Московского княжества и его политическое возвышение. Нельзя, однако, преувеличивать значение этого фактора в жизни Московского княжества. Транзитное торговое движение, проходившее через Московское княжество, едва ли могло захватывать широкие массы местного населения и давать ему большие материальные ресурсы. Не нужно при этом забывать, что начала и концы путей, через которые шла транзитная торговля Московского княжества, находились не в руках московских князей, и свободный торговый обмен при разных политических конъюнктурах должен был часто встречать препятствие. Все эти обстоятельства в связи с непрекращавшимся приростом населения побуждали московских князей к выходу из узких рамок своей государственной территории, к расширению арены своего властвования, своего политического воздействия и экономической эксплуатации.

В настоящем случае личные и династические интересы московских князей тесно сплетались с интересами самого населения, взаимно поддер-

живали и питали устремления московской политики и с самого начала обусловили ее захватный характер.

Такой характер московской политики проявился очень рано. Уже первый московский князь Михаил Ярославич, по прозванию Хоробрый, в 1248 г., воспользовавшись отсутствием своих старших братьев Александра Переяславского и Андрея Суздальского, находившихся в Орде, согнал с великого княжения Владимирского дядю своего Святослава Всеволодовича и сел на его место во Владимире великим князем. Обладание великим княжением Владимирским давало князьям не только старшинство, известную власть над другими князьями, но и значительную населенную территорию, часть которой с плодородной, почти черноземной почвой (Опольский стан) была одной из житниц Ростово-Суздальской земли. Впрочем, Михаилу недолго суждено было владеть великим княжением Владимирским. В том же году он погиб в битве с литовцами на реке Протве.

Но стремления к расширению сферы властвования и экономической эксплуатации не заглохли при княжеском московском дворе и по условиям момента приняли только иное направление.

На первую очередь здесь стали рязанские владения, отделявшие Московское княжество от р. Оки, в частности *Коломна*, запиравшая устье р. Москвы. Московские князья, естественно, стали искать свободного выхода на р. Оку, которая была одним из главных водных путей на восток, связывала Московский бассейн и с Муромом, и с Нижним, и с татарскими ордами. Река Ока должна была прельщать и князей и население скудной природными дарами Московской области также своими рыбными богатствами. Ока, писал в первой половине XVI века Герберштейн, самая знаменитая из всех рек по множеству рыбы, которая предпочитается рыбе всех остальных рек Московии, в особенности же та, которая ловится около Мурома: в ней, между прочим, ловятся какие-то особенные рыбы, которые на их языке называются белугами, удивительной величины, без костей, с большой головой и широкой пастью. Стерляди, севрюга, осетры, белорыбица, т. е. белая рыба, весьма нежная вкусом; полагают, что большая часть этой рыбы заходит сюда из Волги. Рязанские заокские владения ценны были для Московского княжества и как территории для колонизации. Коломенский уезд, по всем признакам, был уже довольно густо населен, но находившаяся на западе от него Лопасна и другие владения по Наре и Протве и их притокам представляли пока еще глухой лесистый край, слабо заселенный и способный принять новых насельников. Неудивительно поэтому, если между соседями, Москвой и Рязанью, создались из-за этих заокских владений Рязани напряженные отношения. Эти отношения привели к походу московского князя Даниила Александровича в 1301 г. на Рязань, кончившемуся поражением и пленом рязанского князя Константина Романовича, оккупацией Коломны и, по

всем данным, также и соседних владений, приобретенных рязанскими князьями от черниговских князей. Даниил Александрович держал пленника в чести, но сын его Юрий Данилович, после Таирова похода на Москву осенью 1306 г., по-видимому, на выручку князя Константина, приказал убить пленного князя. Коломна, Лопасна и некоторые другие рязанские волости за Окой так и остались под властью Москвы.

Оккупация Коломны и бывших черниговских волостей увеличили и территорию и количество населения Московского княжества, если не вдвое, то по крайней мере на 2/3. После присоединения Коломны и Лопасны его территория занимала уже сверх прежней бассейны нижней Москвы-реки и ее притоков — Гжелки, Мерьской, Медведки, Семиславки, Мезинки, Велушки с левой стороны, Нищенки, Отры, Северки и Коломенки с правой стороны и их притоков, правых притоков Пахры, левых притоков Оки — Цны, Каширки, Лопасны, Рычмы и Нары.

Грамоты Калиты обозначают здесь около 20 волостей, перешедших в непосредственное владение московского князя, не считая владельческих сел, которых было здесь, как обнаруживается из позднейших грамот московских князей, немало число.

При Данииле Александровиче сфера властвования и экономической эксплуатации московских князей расширилась и в восточном направлении, на счет Переяславского княжества.

Переяславское княжество во второй половине XIII века было обычно наделом старшей линии потомков Ярослава Всеволодовича. В Переяславле княжил сначала старший сын Ярослава Александр, затем старший сын Александра Димитрий; и наконец, старший и единственный сын последнего Иван Димитриевич, умирая в 1302 г. бездетным и будучи не в ладах со старшим своим дядей Андреем Александровичем, занимавшим тогда великокняжеский престол, “благословил” своим княжеством младшего дядю Даниила Александровича. Так как выморочные княжества по тогдашнему обычаю спадали на великого князя, Даниил Александрович по смерти Ивана Димитриевича отправил было в Переяславль своих наместников, которые выгнали из Переяславля великокняжеских. Позже он посадил в Переяславле сына своего Юрия. В 1303 г. Даниил скончался. Переяславцы, опасаясь захвата города Андреем, не пустили Юрия на погребение отца. Переяславль, таким образом, остался за московскими князьями. В 1319 г. Юрий Данилович был утвержден ханом в великокняжеском достоинстве, в 1328 г. великим князем Владимирским стал брат его Иван Данилович Калита, а после Калиты великое княжество было последовательно в руках его сыновей Семена и Ивана. Переяславское княжество уже некому было оспаривать у московских князей, и оно фактически приросло к Москве.

Переяславское княжество представляло большой интерес для московских князей в разных отношениях. Прежде всего, оно занимало довольно обширную территорию, облежавшую Московское княжество с востока и соединявшую это княжество непосредственно с областью великого княжения Владимирского, в состав которой с 1303 г. входила и Кострома, к тому времени лишившаяся своих князей. Через Переяславль, по показанию Герберштейна, шла дорога из Москвы во Владимир, Кострому и Ярославль. По историко-географическим данным, рассеянным в разных грамотах XIV, XV и начала XVI вв., можно видеть, что Переяславский уезд, образовавшийся из княжества Переяславского, обнимал собой довольно значительную территорию. В состав ее входили бассейн правого притока Волги — Нерли и оз. Переяславского с их притоками, бассейн верхней Хотчи, бассейн р. Дубны до слияния ее с Сестрой, область верхней Шерны и ее притоков, бассейн реки Киржача (левого притока реки Клязьмы). Северная половина княжества обладала хорошими природными ресурсами. Здесь были богатые рыбные ловли (в Переяславском озере), соляные источники (Соль Переяславская около озера), боргные угодья (на верхней Хотче и Вьюлке) и значительное пространство плодородной земли вокруг озера Переяславского. Поэтому с давнего времени сюда сбивалось славяно-русское население, и Переяславская область была одной из самых заселенных частей Суздальской земли; поэтому же ко времени Ярослава Всеволодовича она и стала наделом старшего князя старшей линии его потомков. Правда, татарские погромы второй половины XIII в. должны были сильно разделить население Переяславского княжества, но природные его богатства оставались при нем. Учитывая все это, московские князья Даниил Александрович и его сыновья Юрий и Иван постарались не выпустить из своих рук попавшее к ним княжество. Прирост Переяславского княжества к Московскому значительно увеличил силы и средства последнего и поднял его политический вес и значение. Источники XV и начала XVI в. констатируют существование в этом княжестве до 30 станов и волостей и до 90 сел в этих станах и волостях, причем большая часть станов и волостей около оз. Переяславского и по р. Нерли и ее притокам, по верхней Дубне и Шерне и их притокам, судя по названиям, были давнишнего образования (в Московское же время возникли волости и станы в бассейне Киржача).

Такой же результат, как присоединение княжества Переяславского, имело и присоединение княжества Можайского. В 1303 г. князь Юрий Данилович с братьями ходил к Можайску, занял его, а князя Святослава Глебовича привел в плен в Москву. Князя он выпустил в конце концов на волю, а княжество его забрал к Москве. Духовная грамота Димитрия Донского в составе Можайского княжества перечисляет 11 волостей, расположенных, как показывают писцовые книги XVI в., по верхней Москве и ее притокам

Иноче и Исконе с левой стороны, Колоче с правой, по верхней Протве, Гжати и их притокам, верхней и средней Воре, притоку Угры, и ее притокам. Таким образом, и этот прирост к Московскому княжеству был значительным

С присоединением Коломны и Лопасны, Переяславля и Можайска Московское княжество не только округлило свою первоначальную территорию, включив в нее весь бассейн реки Москвы и ее притоков, не только достигло некоторых естественных границ на юге (р. Ока) и западе (полоса крупных лесов по водоразделу рек системы Волги и Днепра), но и значительно расширило эту территорию в юго-западном направлении и северовосточном. Вместе с тем княжество Московское стало самым крупным и самым населенным из всех княжеств Суздальской земли, что и не замедлило отразиться на его положении в системе этих княжеств.

Уже в 1304 г., когда только что присоединены были к Москве перчисленные владения, московский князь Юрий Данилович потянулся к великому княжению Владимирскому, ставшему вакантным, и вступил в борьбу из-за него с тверским князем Михаилом Ярославичем, имевшим по родовому старшинству большие права на него. Борьба продолжалась около двадцати лет с переменным счастьем. Все противники погибли в этой борьбе. Михаил, обвиненный Юрием в смерти его жены Кончаки, сестры хана, попавшей к Михаилу в плен, был замучен в Орде; Юрий пал в Орде от руки князя Дмитрия Михайловича, мстившего за смерть отца и за это самоуправство казненного по приказанию хана. Великим князем в 1325 г. стал второй сын Михаила Александр, но ненадолго. В 1327 г. в Твери был убит возмущенным народом ханский посол Шевкал, причем великий князь Александр Михайлович не оказал ему должной защиты. Хан вызвал в орду князя московского Ивана Даниловича и поручил ему наказать мятежного князя и его подданных. С большой татарской ратью под начальством пяти темников, с ополчениями княжеств Московского и Суздальского Иван Данилович вторгся в Тверскую землю. Произведенный этой ратью погром надолго вывел тверского князя из рядов конкурентов на великое княжение Владимирское. Великое княжение получил московский князь Иван Данилович; Александр Михайлович бежал сначала в Новгород и затем в Псков, а его братья Константин и Василий “сели в Твери в великой нищете и убожестве”, и им уж было не до великого княжения Владимирского.

С получением великого княжения значение и силы московского князя сразу же поднимались непомерно. Помимо почетного старшинства и известной власти над другими князьями, вытекавшей из положения его как ханского уполномоченного, великий князь Владимирский получал в свое обладание крупные населенные территории, увеличивавшие количество его ратных сил и доходов. Кроме княжества Владимирского в собственном тесном

смысле слова с великим княжением Владимирским в данный момент было связано обладание выморочным Костромским. Владимирское княжество (позднейший Владимирский уезд) обнимало среднее течение Клязьмы от устья Дубны и до устья Уводи и бассейны левых притоков Клязьмы: Вольги, Липны, Пекши, Ворши, нижней Колокши и ее левых притоков, нижней Нерли и нижней Уводи, правых: Сеньги, Ушмы, Поли, Судогды и Нерехты и верховья левых притоков Оки — Полы и Гуся. Костромское княжество занимало обширную территорию, по которой проходили: Волга от устья Солоницы до устья Елнади, Кострома (кроме верхнего течения) и ее правые притоки: Корега, Обнора, Соть и Касть с их притоками, левые: Векса с Шачей, Тебза, Писма, Шача, Андоба с их притоками; следующие за Костромой левые притоки Волги до Елнади Желоватой включительно: правые притоки Волги: Солоница, Шача, Сумжа и Елнадь; верховья левого притока Клязьмы Тезы и верховья притока Сухоны Лежи с Комелой и их притоками. На этих территориях было немало плодородных земель, удобных для хлебопашества. Под самым Владимиром расстился оазис такой земли, называемый Опольщиной. Южная часть Костромского княжества также имела плодородную почву, на которой местные бояре и духовенство вели земледельческое хозяйство. На р. Солонице и Нерехте были богатые соляные источники и вываривалась соль. Соляные ключи и варницы были и на нижней Уводи во Владимирском княжестве. Прорезавшая Костромское княжество Волга изобиловала рыбой. В южной части Владимирского княжества, к югу от Клязьмы, были богатые бортные угодья. Плодородные земли и угодья рано привлекли сюда значительное население, и хотя в XIII в. области эти сильно пострадали от татарских погромов, все же здесь собралось снова значительное население. С присоединением их к Москве открывалась возможность и для жителей Московского княжества — князей, бояр, духовенства, земледельцев и промышленников — устраивать здесь новые слободы, села и деревни. По актам XIV, XV и начала XVI века во Владимирском и Костромском уездах оказывается значительное число сел с деревнями, принадлежащих московским князьям, боярам и монастырям в 6 станах и 14 волостях Владимирского уезда, в 10 станах и 25 волостях Костромского уезда.

В 1341 г. великий князь Иван Данилович умер. За годы, протекшие со времени первых примыслов, и за 15 лет обладания великим княжеством Владимирским и пользования его материальными ресурсами московские князья настолько разбогатели и усилились, что соперничество с ними в получении ярлыка на великое княжение стало уже не под силу другим князьям. По смерти Ивана Даниловича в Орду отправились все русские князья, но спора о великом княжении не было никакого, хан отдал ярлык на великое княжение московскому князю Семену Ивановичу, и все русские князья были

даны под руки его. Материальные ресурсы его по сравнению с отцом увеличились включением в состав великого княжества выморочного Юрьевского княжества. Княжество это занимало небольшую территорию по верхней Колокше и ее притокам, но эта территория (поле) выдавалась своим плодородием, здесь также были богатые соляные источники — Великая соль. Московские князья скупали у здешних землевладельцев села даже прежде, чем установилось твердо их обладание этим краем; продолжали они здесь свои покупки и после того, как Юрьев вместе с великим княжением стал Московским достоянием; не только великие и удельные князья приобретали здесь имения, но и бояре и монастыри. Семен Иванович приобрел, кроме того, несколько волостей в области Протвы, частью покупкой у князя Семена Новосильского (волость Заберег), частью по духовному завещанию его тети, княгини Анны.

Но особенно большие приобретения в области Протвы, а также Медынки, Шани и Извери сделал брат Семена Ивановича Иван Иванович. По смерти Семена в 1353 г. о великом княжении “сперлись” в Орде Иван, юный московский князь (21 года), и сорокашестилетний суздальский князь Константин Васильевич, за которого хлопотал и новгородский посол. Но хан отдал великое княжение Ивану Ивановичу. Иван Иванович, уступив рязанскому князю ту часть Лопасны, которая лежала к югу от Оки, занял целый ряд мест на левой стороне, в бассейне р. Протвы и ее притоков, по притоку Угры Шане с Суходревом и Медынкой, по р. Извери до р. Вори, где проходила граница со Смоленской землей. К этим рязанским “отменным местам” принадлежали *Новый городок* на устье Протвы, *Боровск* и *Веря* на средней и верхней Протве и *Лужа* со всеми их станами и волостями. Среди этих волостей было, впрочем, много пустых земель, которые стали аренной энергичной колонизаторской деятельности князя Владимира Андреевича Серпуховского в конце XIV и начале XV в., а в конце XV в. — великого князя Ивана Васильевича.

По смерти Ивана Ивановича в 1359 г. на великом княжении Владимирском утвердился было князь суздальский Дмитрий Константинович, так как старшему сыну Ивана Ивановича Дмитрию было только 10 лет. Но бояре московские и “сродники” московского князя, князья тверские и ростовские, воспользовавшись усобицей в Орде и сменой ханов, стали хлопотать в Орде за юного Дмитрия Ивановича. Пять лет шла дипломатическая и вооруженная борьба за великое княжение. Богатая и сильная Москва взяла в конце концов верх, и Дмитрий Иванович утвердился на великом княжении. Дмитрий Иванович, став великим князем, воспользовался своей властью и своими материальными средствами для того, чтобы присоединить к Москве целый ряд владений. Ростовские князья еще со времен великого князя Ивана Даниловича были в зависимости от Москвы, которая рас-

поряжалась в их владениях, выколачивала, например, дань с жителей пражском. По смерти великого князя Ивана Ивановича ростовский князь Константин сделал попытку восстановить самостоятельность княжества. Он отправился в 1360 г. в Орду и вышел оттуда с честью и пожалованием на все Ростовское княжество, не только на свой удел — Борисоглебскую половину Ростова, но и на удел племянника Андрея Федоровича — Сретенскую половину. Андрей Федорович обратился за помощью в Москву, и в 1362 г. оттуда приходила рать на князя Константина. Московский князь взял волю над князем Константином после того, как окончательно утвердился на великом княжении. Князь Константин удалился в Устюг, где и умер в 1365 г. от чумы, а Москва воспользовалась случаем, чтобы захватить выморочный удел Ростова — *Углич*. Одновременно с этим Димитрий Иванович согнал с княжения князя Димитрия Борисовича Галицкого и присоединил его княжество к составу своих владений, выгнал из Стародуба князя Ивана Федоровича и посадил на его место брата его Андрея в полной зависимости от себя. Вышеупомянутые князья Ростовский, Галицкий и Стародубский навлекли на себя репрессии Москвы, по всем данным, за обнаруженную ими самостоятельность, за то, что в борьбе за великое княжение держались суздальской кандидатуры.

Углицкое княжество занимало на правой стороне Волги бассейн ее притока Улеймы, а на лесной стороне — бассейны р. Корожечны, Сутки и верхнего течения Сити. Княжество это, покрытое лесами (по свидетельству Герберштейна), было в то время еще не особенно густо заселено и стало объектом позднейшей колонизации, особенно монастырской. Грамоты XV и начала XVI в. отмечают в нем до 10 волостей (в числе них один стан) и до трех десятков сел в этих волостях, принадлежащих большей частью монастырям. Через княжество проходила зимняя дорога от Москвы на Белоозеро.

Галицкое княжество состояло из двух частей, отделенных друг от друга значительным пространством. Одна часть, собственно Галицкая, обнимала бассейны озер Галицкого и Чухломского, бассейн верхней Костромы и ее притоков, бассейн верхней и средней Унжи и ее притоков до Неи включительно и бассейн верхней и средней Ветлуги. Большая часть населения сосредоточивалась на западе, в бассейнах озер Галицкого и Чухломского и верхней Костромы. Здесь была наиболее плодородная почва и соляные источники. Кроме г. Галича с четырьмя городскими станами и г. Чухломы в Чухломской волости здесь отмечается актами еще шесть волостей. Бассейны р. Унжи и ее притоков и р. Ветлуги, покрытые громадными лесами, были еще слабо заселены русскими людьми и были местожительством черемис. Здесь к Галичу тянулась старая русская колония г. *Унжа* с его уездом и солью и две-три волости. Другая часть Галицкого княжения — *Дмитровская*

обнимала небольшой район между притоком Волги Дубной и ее притоком Сестрой, по верхней Истре и по верхней Клязьме и их притокам. Но этот небольшой край, лежавший вдали от разоряемых окраин русской оседлости, был столь же густо заселен, как и соседние с ним уезды центрального Московского княжества. Кроме города *Дмитрова* с тремя его станами здесь располагалось еще восемь волостей, в которых по актам XV и начала XVI в. можно насчитать около 100 сел. Конечно, трудно ручаться за то, что все эти села уже существовали в момент присоединения *Дмитрова* к Москве. Но во всяком случае это присоединение было одним из ценнейших приращений к старой Московской вотчине.

Кроме обладания территорией великого княжества и присоединения вышеупомянутых новых княжеств необходимо еще отметить, несомненно, усиление власти *Димитрия Ивановича* над другими князьями, бывшее предпосылкой к поглощению их княжеств Москвой. Летопись рассказывает, что после построения в Москве каменных стен в 1367 г. великий князь *Димитрий Иванович* уже всех русских князей стал приводить в свою волю, а кто не повиновался, на тех начал посягать. Таким образом, например, когда *Суздальский князь Борис Константинович* занял старший стан *Суздальского княжества* *Нижний Новгород* помимо брата своего *Димитрия*, хотя и по ханскому ярлыку, *Димитрий Иванович* дал *Димитрию Константиновичу* “силу многу” и заставил *Бориса* “сойдти с *Нижнего на Городец*”. Совершенно утратило свою самостоятельность княжество *Стародубское* на *Клязьме*. Князь *Андрей Федорович*, посаженный великим князем *Димитрием* в *Стародуб*, был его покорным слугою и ходил вместе с ним на войну. По смерти его собственно *Стародуб* перешел, по-видимому, во владение Москвы, а сыновья его получили волости — *Ряполово*, *Пожар*, *Палець* и *Ромоданово*, по которым их потомки и прозвались князьями *Ряполовскими*, *Пожарскими*, *Палецкими* и *Ромодановскими*. Все эти князья были уже только служебными князьями Москвы, а не самостоятельными владельцами. Из всех князей *Северо-Восточной Руси* в конце концов осталось двое, которые могли противопоставить свои действительные или мнимые права, хотя и без особого успеха. То были великие, т.е. старшие, князья *Тверской* и *Рязанский*.

Московский великий князь, приводивший в свою волю всех князей, между прочим, стал вмешиваться в счеты и распри из-за владений и князей *тверских*, разбирать эти распри, вызывать их в Москву на третейский суд и вооруженными силами поддерживать притязания одних против других. Когда один из этих князей, *микулинский князь Михаил Александрович*, враждебно относившийся к Москве, сел в *Твери* на старшем столе, на великом княжении, *Димитрий Иванович* собрал большую рать и выгнал его из *Твери*. *Михаил* убежал в *Литву* к великому князю *Ольгерду*, женатому на его

сестре, и привел Ольгерда с большим войском, которое произвело опустошения около Москвы. Димитрий должен был примириться с Михаилом. Но уже в 1370 г. он сложил крестное целованье к Михаилу, который вновь бежал в Литву, и принялся громить его волости, жечь села и пленить жителей. Не получив вовремя помощи от Ольгерда, Михаил отправился в Орду и выпросил себе у хана ярлык на великое княжение и посла Сарыхожу, который должен был посадить его на великое княжение. Но Димитрий Иванович по всем городам привел бояр и людей к крестному целованию не поддаваться Михаилу, а сам с войском стал в Переяславле. Когда Михаил с Сарыхожей прибыли к Владимиру, владимирцы не приняли его и не допустили сесть на великом княжении. Сарыхожа отправил к Димитрию посла звать его во Владимир “к ярлыку”, т.е. на торжество возведения Михаила Александровича на великое княжение. Но Димитрий заявил: “...к ярлыку не еду, в землю на княжение Владимирское не пуцу, а тебе послу путь чист”. Вместе с тем он послал Сарыхожу приглашение “с великою любовью приехать к нему”. Сарыхожа, взяв дары от Михаила, отдал ему ярлык на великое княжение, а затем поехал к Димитрию, от которого также получил “многу честь и дары”. Вернувшись в Орду, он расхвалил Димитрия за его добрый нрав и “смирение”. Подготовив таким образом почву, Димитрий Иванович поехал в Орду и “учтил добре” всесильного в Орде князя Мамай, царя, цариц и князей и снова был пожалован великим княжением. В Орде начался настоящий и притом бессовестный торг на великое княжение Владимирское. Хан отдавал его тому претенденту, который в данный момент давал ему больше мзды; но затем, не считаясь совершенно со сделанным пожалованием, выдавал ярлык на великое княжение его сопернику, если тот со своей стороны “учтил” хана дарами. Тверской князь в отношении даров не мог, конечно, угнаться за разбогатевшим московским князем.

Борьба Димитрия Ивановича с Михаилом Александровичем с участием Ольгерда продолжалась до 1375 года. Димитрий имел на своей стороне всех остальных русских князей — нижегородско-суздальских, ростовских, ярославских, белозерских, торусских, князей кашинского и молжского, оболенского и других, которые, по словам летописца, негодовали на Михаила за союз с Литвой и обращение к татарам, которые опустошали русскую землю. В 1375 г. был заключен между Димитрием и Михаилом мирный договор, по которому Михаил признал себя младшим братом Димитрия, обязался не подыскивать под ним великого княжения, разорвать союз с Литвой, не вступать в Кашин; все великие христианские князья (т.е. смоленский, суздальский и рязанский), а равно и князья ярославские объявлены были с “московским князем за един человек”.

Михаил не остался, однако, верен данным обязательствам. После погрома Московского княжества, произведенного в 1382 г. ханом Тохтамы-

шем, Михаил Александрович счел возможным отправиться в Орду и вновь искал там великого княжения Владимирского и Новгородского. Но Дмитрий в свою очередь поспешил отправить в Орду сына своего Василия с верными боярами тягаться о великом княжении. Василий перетягал Михаила. Хан, по рассказу летописца, на домогательство Михаила отвечал: “Я свои улусы сам знаю, и каждый князь русский на моем улусе, а на своей отчине, живет по старине, а мне служит правдою, и я его жалую; а что была неправда передо мною моего улусника князя Московского Дмитрия, и я его поустрашил, и он мне служит правдою, я жалую его по старине в отчине его, а ты пойди в свою отчину в Тверь и служи мне правдою, и я тебя жалую”. Так великое княжение Владимирское в конце концов и в Орде признано было отчиной великого князя московского. Факт, повторяясь из поколения в поколение, перешел в конце концов в право. Право это было осознано первоначально московскими князьями, которые на нем стали основывать свои притязания в Орде, а затем было признано в самой Орде. Домогательство Михаила Александровича было уже последним, и великий князь московский после того владел великим княжеством Владимирским вне спора и конкуренции со стороны других князей немосковского рода.

В отношениях к Рязани при великом князе Дмитрии Ивановиче главную роль играли вопросы общей политики по отношению к татарам и территориальные. Рязанский князь Олег в 1380 г. при нашествии Мамая держал дружественный нейтралитет по отношению к татарам. После поражения полчищ Мамая на Куликовом поле Олег Иванович поспешил пойти “в любовь и докончанье” с великим князем, признал себя младшим братом Дмитрия, обязался вотчину его блюсти и не обидеть — Москву и Коломну и все коломенские волости на Оке, быть с ними заодно против литвы и татар и всех вообще недругов. Договор окончательно утверждал тот обмен владениями, который был произведен при отце Дмитрия Ивановича: все рязанские места на московской стороне Оки — *Новый Городок, Лужа, Боровск, Верея* и другие отходили к Москве; места московские на рязанской стороне — *Лопасна, уезд Мстиславль, Жадене Городище, Жадемль, Дубок и Броднич* с местами, как уступили торусские князья Федору Святославичу, отходили Рязани, но Тула в тех пределах, как ведали ее баскаки при царице Тайдуле, *Берестий, Талица, Выползов и Такасов* признавались за Москвой. Олег обязался также не вступаться в ту часть Мещеры, которую Дмитрий Иванович купил у князя Александра Уковича, а также в татарские места, которые Дмитрий отнял для себя у татар (по-видимому, в той же Мещере). Но при нашествии Тохтамышша Олег не выполнил своего договора, не только не прибыл на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу, но встретил хана на крайних своей земли, бил ему челом, чтобы он не воевал его земли, и указал броды на Оке. Такое вероломство вызвало войну между Москвой и

Рязанью, которая была опустошительна для Рязани и неудачна для Москвы. По мирному договору Москва должна была отказаться в пользу Рязани от Тулы и Берестия.

К приобретениям от Рязани при Димитрии Ивановиче Донском приросли еще некоторые приобретения по соседству от них на запад. Во-первых, боярин Димитрия Ивановича Федор Андреевич на общем “рете” (съезде) 1371 г. оттягал у смолян *Тов* и *Медынь*, которые они захватили из состава рязанских “отменных мест”. Здесь образовался особый уезд, в состав которого вошли станы Городской, т.е. *Медынский*, и *Радомский* с городом *Радомлем*. Затем у тарусских князей, которые захудали и распродали свою вотчину по частям, Димитрий Иванович купил *Калугу* и *Роцу* (на р. Тарусе), боярин его Пересвет — землю на левой стороне Оки к востоку от Калуги (*Пересветова купля*) и митрополит Алексей — *Алексин* на Оке.

В последние годы своего великокняжения Димитрий Иванович присоединил к московской вотчине Белозерское княжество. Княжество это занимало обширную территорию, включавшую в себя бассейн Белого озера и его истока Шексны со всеми ее притоками и захватившую отчасти бассейны средней Мологи и Кубенского озера. По известиям Герберштейна, согласующимся и с современными данными, Белозерское княжество имело множество болот, лесов, рек и озер, слабо и редко было заселено. Но при всем том оно представляло большую ценность для великого князя московского. По свидетельству Герберштейна, рыба, в большом количестве ловившаяся в Шексне и Белом озере, превосходила своим вкусом волжскую; впоследствии здесь ловили на царский обиход белуг, севрюг, осетров, стерлядей и белорыбиц. Через это княжество проходил при посредстве волока Словинского ближайший водный путь в Заволочье, куда уже давно были устремлены помыслы и желанья великих князей московских. В зависимости от Москвы Белозерское княжество находилось со времени великого князя Ивана Даниловича: княжившие в нем потомки Василия Константиновича были подручниками великого князя московского. После гибели на Куликовом поле князя Федора Романовича и сына его Ивана великий князь московский взял его стольный город *Белоозеро* и целый ряд волостей по Шексне и ее притокам (четыре стана и пятнадцать волостей) и по Мологе (две) на себя, выделив в пожизненное владение княгине Федосье пять волостей в разных местах княжества и оставив за племянниками Федора Романовича (от брата его Василия) их уделы: *Сугорье* и *Кемь* по р. Кеми, впадающей в Белоозеро с севера, *Ухтому* и *Шелешпань* в бассейне Согожи и ее притока Ухтомы, *Карголому* по южному и восточному берегу Белого озера, *Андогу* по р. Андоге, притоку Суды, *Ватбал* на притоках верхней Андоги. Захват Белоозера, как захват Углича и Галича, совершенный не на основании права, а на основании силы, оправдывался великим князем тем, что это будто бы были

купил его деда. Так они и названы в его духовном завещании, где он распорядился ими, как и другими своими промыслами, в том числе и великим княжением, как своей отчиной. Младшие белозерские князья, оставленные на своих уделах, низошли на положение служилых землевладельцев Белозерского уезда.

Итак, при Димитрии Ивановиче Донском государственная территория Москвы увеличилась не только окончательным закреплением за нею великого княжества Владимирского, но и крупными присоединениями в Заволжье, в бассейне Клязьмы и на Оке. Благодаря этим присоединениям московские владения пришли в непосредственный контакт с новгородскими владениями на Севере, с Нижегородским княжеством на востоке и с Диким полем на юге. Увеличился контакт и с Тверским княжеством вследствие присоединения Дмитрова “с волостями, пути и селы”. Вследствие присоединения белозерских волостей на средней Мологе Москва стала соприкасаться больше с коренной Новгородской областью; с приобретением владений на верхней и средней Оке (Мещера) начался обхват Москвой рязанской земли с запада и востока; Суздальское княжество уже с трех сторон окружалось московскими владениями, врезываясь в них тупым клином. В общем, таким образом были подготовлены необходимые территориальные и материальные предпосылки для объединения всех великорусских земель. Москва соприкасалась со всеми ними, ко всем ним простирала свои руки и давала чувствовать свою силу и власть. Оставалось только устранить местные власти и посадить на их место московских князей или наместников. Эта задача и была выполнена преемниками Димитрия. Эти преемники получили уже такое политическое наследство, которое давало им возможность преодолевать все препятствия и забирать под свою власть великорусские княжества и владения, сохранявшие еще некоторую самостоятельность, не считаясь с их правами, и таким путем превращать свою отчину в великорусское государство. С конца XIV в. московская объединительная политика носит характер открытого попирания вотчинных прав, открытых захватов, санкционируемых обычно волей хана, а иногда и без всякой его санкции. Такой характер московской политики ярко обнаруживается с первых же дней великокняжения преемника Димитрия Донского, его сына Василия Димитриевича.

Уже в 1389 г. Василий, воспользовавшись междоусобиями литовских князей, наступившими по смерти Ольгерда, занял Ржеву на Волге, бывший смоленский удел, отторгнутый Ольгердом от Смоленска. *Княжество Ржевское* занимало довольно обширную территорию вокруг верхневолжских озер и по верхней Волге и заключало в себе (по актам XV и начала XVI в.) тринадцать волостей. Территория эта была, несомненно, ценна и по своим промысловым угодьям: здесь были княжеские “пути и борти”. С присоединением Ржевы московские владения обхватили Тверскую землю уже почти со

всех сторон, и только на севере ее, где находились Бежецк и Торжок, она граничила с Новгородом. По-видимому, одновременно с Ржевой Москва захватила и другой смоленский удел — княжество *Фаминско-Березуйское* на нижней Вазузе и ее притоке Осуге. Княжество это открывало возможность прямого сообщения Москвы с Ржевой. После Ржевского наступила очередь княжеств Муромского, Тарусского, Мещерского и Нижегородского. Присоединение их состоялось по соображениям военно-политическим и экономическим.

Во второй половине XIV в. расстроились регулярные отношения Северо-Восточной Руси к Золотой Орде, вытекавшие из ее подчинения хану как верховному государю Русского улуса. В Орде началась “великая замятня”, династические перевороты и междоусобия, и она стала распадаться и слабеть. Вместе с тем русские великие и удельные князья стали выходить из подчинения ханской власти и даже переходить в наступление на татар. Такая перемена в отношениях Руси к татарам должна была произойти стихийно, даже помимо воли правящих князей. При постоянной смене ханов, низвергавших друг друга, оспаривавших друг у друга власть, московские князья должны были попридерживаться в платеже обычной дани, дабы не заплатить двойного и даже тройного выхода. Но это воздержание неизбежно вызывало репрессии со стороны ханов, которым в данный момент удавалось утвердиться на ханском столе. Окраины русской оседлости с инородческим населением (болгарами, мордвой, бургасами и мещерой) стали захватываться ордынскими князьями, отделившимися от хана. В отношении к землям, находившимся под властью русских князей, эти новые ордынские владельцы взамен собирания дани, на которую они не имели права, стали практиковать открытый грабеж и хищничество. То же самое стали делать и эфемерные ханы. Русские князья поневоле должны были принимать меры к усиленной обороне границ. Чтобы не подпускать татар вглубь русской оседлости, они стали занимать татарские и мордовские места. Так, суздальско-нижегородский князь Константин Васильевич занял мордовские земли по Волге. Оке и Кудьме, и распространил пределы своего княжества до р. Пьяны, Тешы и Вады и стал селить здесь русских людей. Великий князь московский Димитрий Иванович и рязанский Олег Иванович также поотнимали у татар разные места около Мещерской земли. Русские князья, таким образом, волею судеб перешли в наступление на степь, которая и без того всегда манила русских людей своими промысловыми угодьями и своим тучным черноземом. Но это наступление должно было вызвать ответные действия со стороны татар. С шестидесятых годов XIV столетия завязалась поэтому напряженная борьба Северо-Восточной Руси с татарами, в которой-главная тяжесть, естественно, должна была пасть на великого князя московского и владимирского. Жизненный опыт показал московскому правительству, что

успех в этой борьбе сильно парализовался тем, что основная оборонительная линия — течение Оки и Волги от устья Унжи — находилась в руках разных владельцев, которые не всегда были заодно с Москвой и склонны были по временам вести самостоятельную политику по отношению к татарам (как, например, рязанский князь, нижегородский). Преемник Дмитрия Донского на великом княжении и поставил себе задачей по возможности соединить в своих руках владения, расположенные по указанной оборонительной линии.

В 1393 г. Василий Дмитриевич выхлопотал в Орде ярлык на княжество Муромское, владелец которого дружил с рязанским князем, а не с московским. Муромский князь был, по-видимому, бездетным, и Василий получил ярлык на владение его княжеством после его смерти.

В 1423 г. Муром был уже в полном распоряжении Василия Дмитриевича, который отказал его в своем духовном завещании старшему сыну Василию Васильевичу. Княжество Муромское занимало бассейны правых притоков Оки: Кутры, нижней Тешы и Велетьмы и левых: Мотры, Ушны, Унжи, верхнего Гуся, Пры и их притоков и захватывало верховья правых притоков Клязьмы — Ушмы и Полы. Русское население сосредотачивалось здесь преимущественно в восточной части княжества, в четырех станах; в западной, покрытой глухими лесами, болотами и озерами, оно было сравнительно редко. Здесь держались черемисы, остатки летописной мери, а на правой стороне Оки обитала мордва. Княжество Муромское, по свидетельству Герберштейна, изобиловало мехами, медом и рыбой (превосходные сорта ее водились в Оке). Благодаря своим лесным и болотным дебрям оно преграждало доступ к населеннейшим территориям великорусского центра — уездам Владимирскому, Переяславскому и Коломенскому. Поэтому-то великий князь московский и владимирский и постарался закрепить за собой Муром.

Чрезвычайно важное стратегическое значение имели для Москвы и княжества, расположенные на верхней Оке и бывшие во владении потомков Михаила Черниговского. Отсюда могла исходить фланговая помощь московским войскам, подошедшим к Оке или перешедшим ее; отсюда могла быть и некоторая защита населению, проникшему на юг от Оки. Ближайшим к Москве из этих княжеств было *Торусское*, занимавшее на левой стороне Оки пространство между Протвой, Угрой и Суходревом, на левой — между Тоболкой и Беспутой. Захудавшие торусские князья уже при великом князе Иване Ивановиче и Дмитрие продали часть своего княжества, а сами стали подручниками великого князя московского (между прочим, они участвовали в походе на Мамай). Василий Дмитриевич постарался закрепить создавшееся положение и выхлопотал ярлык на Торусу, после чего торусские князья уже утратили свою самостоятельность. Заключив в 1402 г.

договор с великим князем рязанским Федором Ольговичем, Василий Дмитриевич обязывал рязанского князя “взять любовь” и с князьями торусскими, “зане же те князе со мною един человек”. Когда при всем том эти князья, за исключением одного, не ужились с великим князем московским и отъехали в Литву, великий князь взял в свое непосредственное владение их город Торусу с тремя волостями. Удельные князья этого же рода, оболенские, остались на своем уделе *Оболенске* в качестве служилых князей московского великого князя.

Одновременно с княжеством Торусским в зависимость от Москвы попало и княжество *Новосильское*, расположенное на правой стороне верхней Оки и ее притоках Зуше и Упе. Начало подчинения Новосильского княжества Москве положено было еще при великом князе Дмитрии Ивановиче, который взял в плен князя Ивана Новосильского, зятя Ольгерда, со всей семьей. Брат Ивана Роман Семенович был верным союзником Дмитрия в его борьбе с тверским князем и татарами, вследствие чего подвергся репрессии со стороны татар, разоривших и попленивших его княжество. От “насилия татарского” Роман Семенович должен был покинуть *Новосиль* на Зуше и перенести свою резиденцию в *Одоев* на Упе. Сын князя Романа Семен был с великим князем московским Василием Дмитриевичем “за един человек”. Слугами Василия Дмитриевича были и удельные белевские князья и сообща с новосильским участвовали в войне Василия Дмитриевича с великим князем Витовтом. Но по смерти Василия во время московской усобицы князья одоевские и белевские, надеясь получить достаточную оборону от великого князя московского, перешли на службу к великому князю литовскому, который обязался боронить и защищать их от всех недругов.

Таким же, пока временным приобретением Василия Дмитриевича было княжество *Козельское* в бассейне Жиздры и верхней Оки. В XIV в. князья Козельские были подручниками князей рязанских и ходили с ними на татар. Но в самом начале XV в. Козельск “со всеми месты” был занят Москвой и отдан в 1405 г. “в вотчину и удел” князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому. Во время московской усобицы 1447 г. Козельск занят был Литвой и вернулся к Москве по договору 1494 года.

Одновременно с Муромом и Торусой великий князь Василий Дмитриевич пожалован был также и *Мещерой*. Эта область финского племени, вклинившаяся между Рязанской землей и Муромским княжеством по Оке и ее левым притокам Пре и нижнему Гусю и по р. Мокше и ее притокам, находилась под властью своих крещеных князей, по родословной традиции, татарского рода. Соседние русские владельцы великие князья московский и рязанский и их бояре стали раскупать Мещеру у ее князей. Но ханский ярлык, выданный Василию Дмитриевичу на всю Мещеру, создал высшее право владения ею для Москвы. Заключая в 1402 г. договор с великим кня-

зем рязанским Федором Ольговичем, Василий Дмитриевич обязывал его уже отказываться от всех рязанских приобретений в Мещере: "А земля в Мещере по данному; а порубежье Мещерским землям, как было при великом князе Иване Ярославиче (Рязанском, с 1300 по 1327 г. — *М.Л.*) и при князе Александре Уковиче". Из позднейшего договора великого князя московского Юрия Дмитриевича с великим князем рязанским Иваном Федоровичем 1433 г. видно, что князья мещерские остались на своих вотчинах и после присоединения их земли к Москве: великий князь рязанский обязался не принимать к себе этих князей и не держать их в своей вотчине, но "добывать" их для великого князя московского по целованью без хитрости. С приобретением Мещеры внутренние области великого княжества Московского получили еще большую защиту на Окской линии; мещерские города *Елатма* и *Кадам* получили московских наместников и московских служилых людей.

Но наиболее важным для охраны московской государственной территории было занятие *Нижегородского княжества*. Княжество это, выделившееся из Суздальского, с половины XIV в. стало плацдармом в завязавшейся напряженной борьбе с татарами. До 80-х годов XIV столетия нижегородские князья вели эту борьбу совместно с великим князем московским. Москва заинтересована была в охране Нижегородского княжества, ибо оно закрывало доступ к Владимиру, Юрьеву и Переяславлю с востока. С другой стороны, Москва не менее Нижнего Новгорода стремилась к устранению препятствий для русских промыслов и торговли со стороны татар, засевших в Болгарии, в Казани. Но со времени нашествия Тохтамыша установившееся было "одиначество" московских князей и нижегородских прекратилось. Нижегородские князья стали искать выхода из затруднений в покорности перед татарами и в союзе с ними. Тесть и союзник Дмитрия Ивановича Донского князь Дмитрий Константинович, когда Тохтамыш шел на Москву, не только не вышел на помощь к зятю, но послал к Тохтамышу двух своих сыновей, которые сопровождали хана в походе на Москву и сыграли предательскую роль, уговаривая москвичей отворить ворота хану и заверяя клятвенно, что им не будет от царя никакого худа. Брат Дмитрия Константиновича Борис Городецкий после смерти его проявлял большую инициативу и самостоятельность и вопреки воле Москвы утвердился на нижегородском столе, согнав с него племянника Василия Дмитриевича при помощи татар. Княжение ненадежного князя на такой опасной окраине было очень неудобно для Москвы, и новый великий князь московский Василий Дмитриевич решил раз навегда покончить с этим положением вещей. В 1393 г. он отправился в Орду к Тохтамышу "со многою честью и с дары" и стал просить под Борисом великого княжения Нижегородского. "Умздив" князей царевых, раздав им много золота и серебра, вручив много золота и серебра

самому царю, Василий получил великое княжение Нижегородское к Москве в нарушение всех владельческих прав. В Нижний приехали ханский посол со свитой и московские бояре для установления там власти великого князя московского. Нижегородские бояре и горожане отступились от своего великого князя, который был арестован. Вскоре в Нижний прибыл сам Василий Димитриевич, посадил в нем своих наместников, а князя Бориса Константиновича с женой и детьми и со всеми их доброхотами велел развести по городам и держать их в великой крепости в оковах. Прошло, однако, 30 лет, прежде чем великому князю московскому удалось окончательно утвердить свою власть в Нижнем. Сначала племянники Бориса Димитриевича, а затем сыновья его, освободившиеся из заключения, при помощи татар добивались возвращения своей отчины. Василий вынужден был даже выдать свою дочь за сына Ивана Борисовича Александра и признать его великим князем в Нижнем, а по смерти его в 1418 г. допустить на княжение князя Даниила Борисовича, который вышел от Махмета царя из Казани на свою отчину. Только составляя свою последнюю “душевную грамоту”, Василий Димитриевич оказался в состоянии “благословить” своего сына Василия примыслом своим Нижним Новгородом со всем.

Нижегородское княжество занимало довольно значительную территорию по Волге и ее правым притокам — Елнади, Балахонке, нижней Оке и ее притокам, Кудьме, Сундоваку, нижней Суре и ее левым притокам до Пьяны включительно; по левым притокам — нижней Немле и Унже, Моче, Узоле, Линде, Керженцу и нижней Ветлуге. В княжестве было четыре старых города — *Нижний, Городец и Юрьев Поволжский* на Волге и *Гороховец* на Клязьме и около 20 волостей. Бассейн Ветлуги представлял глухой лесистый край, в котором сидела черемиса, тянувшаяся к Нижнему Новгороду: русское население, главным образом в виде монастырских колоний (Варнавин монастырь), только начинало проникать в эту лесную глушь. Княжество сильно запустошено было татарскими нападениями, но при всем том оно было ценным приобретением для Москвы не только в военно-политическом отношении, но и в экономическом. Между прочим, Балахна была одним из значительных центров солеварения, а на Волге под Нижним были богатые рыбные ловли, к югу от Оки — плодородные земли.

Параллельно с укреплением за Москвой приокских княжеств и земель московская объединительная политика при Василии Димитриевиче направлялась на окраинные новгородские волости, вклинившиеся в район суздальской оседлости — Волок Ламский, Бежецкий Верх, Вологду и Заволочье. Волости эти, созданные общей чересполосной колонизацией из Новгородской земли, отделенные от Новгорода и находившиеся в тесном житейском общении с центральной Великороссией, уже с давних пор были объектом домогательств низовских князей, спора и борьбы их с Новгородом.

Со второй половины XIII в., при татарах, установилось совместное пользование этими волостями, которые считались новгородскими владениями. В Волоке стали держать свои села низовские князья, бояре и монастыри. В Заволочье, привлекая своим звериными, рыбными и соляными промыслами и плодородием речных наволоков, распространилось землевладение ростовских князей, их бояр и монастырей. При слиянии Сухоны с Югом создалась рядом с новгородскими владениями обширная ростовская колония — Устюжская земля, охватившая большую часть бассейна Сухоны. Владения ростовских князей внедрились и в Двинскую землю, в новгородские владения. Такое совместное владение и пользование было источником всяческих недоразумений — поводом к борьбе низовских князей с Новгородом. Москва, к концу XIV в. поглотившая большую часть великорусского центра, консолидируя свою территорию, не могла уже оставлять на прежнем положении новгородские земли, на которые у нее были известные права.

Уже в 1393 г. великий князь Василий Дмитриевич захватил *Торжок* с волостями, где новгородцы убили его боярина, *Волок Ламский*, *Вологду* и много других волостей. Поводом кроме убийства в Торжке были: отказ Новгорода уплатить великому князю черный бор (татарская дань), отказ от церковной юрисдикции митрополита и утайка новгородцами “княжчин”, т.е. разных доходных статей, принадлежавших по договорам великим князьям. Новгородцы в конце концов смирились, согласились дать черный бор и судиться у митрополита, обязались не утаивать “княжчин”. Но так как они не выполнили этого последнего обязательства или, по крайней мере, великий князь так полагал, то в 1398 г. Василий Дмитриевич снова захватил у Новгорода *Волок*, *Торжок*, *Бежецкий Верх* и *Вологду*, а затем отправил своего боярина Андрея Альбертовича с дружиной ко всей Двинской земле с предложением отступить от Новгорода и “задаться” за великого князя Василия Дмитриевича. Двинские бояре, благосостояние которых было всецело связано с Двинской землей, приняли во главе с Иваном Никитиным предложение и целовали крест великому князю Василию Дмитриевичу, который выдал Двинской земле свою уставную грамоту. Но крупные новгородские бояре, владевшие большими имениями в Двинской земле и Новгородской области, не примирились с этим и начали войну, повоевали Белоозеро, Кубену с волостями, Вологду, Устюг и Галич, забрали много пленных и имущество. Двинская земля снова была возвращена под власть Новгорода, причем бояре-изменники понесли кару. В конце концов был заключен мир по старине. Уступчивость великого князя Василия Дмитриевича была вызвана опасением, как бы новгородцы не поддались великому князю Витовту, в то время занятому мыслью о покорении Новгорода. Но так как вскоре (в 1399 г.) Витовт потерпел страшное поражение от татар на р. Ворскле и мож-

но было не опасаться его воинственных замыслов, Василий не соблюл старину, не вернул Новгороду Волока Ламского, Бежецкого Верха и Вологды. Основанием служило то, что новгородцы не отдавали великому князю его “княжчин”. Два раза после того, в 1424 г. и затем в 1435 г., уже при великом князе Василии Васильевиче, Москва обязывалась вернуть захваченные волости, а Новгород — “княжчины”. В последний раз было условлено выслать с обеих сторон бояр на развод земли. Новгород послал в назначенное время своих уполномоченных, но великий князь не выслал своих бояр, не отвел новгородцам их отчины, не учинил исправы. По договорам 1456 и 1471 гг. Волок, Бежецкий Верх и Вологда продолжали считаться в числе новгородских волостей, но на деле оставались во владении великого князя московского. В 1462 г., когда составлялась духовная грамота Василия Васильевича, эти волости были отказаны сыновьям Василия: Бежецкий Верх — Андрею Большому, Волок — Борису, Вологда — Андрею Меньшому. Таким образом, фактическое присоединение их к Москве состоялось в великокняжение Василия Димитриевича. Что касается Заволочья, то здесь великому князю Василию Димитриевичу удалось добиться от Новгорода уступки волостей по Пинеге и Мезени и отказа от Перми Удорской (по притоку Мезени Вашке).

Под именем *Волока Ламского* разумелась целая территория, включавшая в себя водораздел между Ламой, Лобью, Шошей и Держой с одной стороны, Истрой и Рузой с другой и верхнее течение всех этих рек и их притоков. По актам XV и начала XVI в. эта территория выступает довольно населенной. К городу Волоку тянет семь станов и две волости, в которых насчитывается до 50 сел. Территория *Бежецкого Верха* обнимала приподнятое плато, которое огибали реки Молога и Медведица и прорезывали своими притоками: первая — левыми, вторая — правыми. Этот край по сравнению с соседними болотными и лесными низинами выделялся плодородием земель. Он рано сделался ареной колонизаторской деятельности бояр и монастырей, а вместе с тем и мобилизации землевладения. Поэтому и в договорных грамотах Новгорода с великими князьями он фигурирует на первом месте в статье, запрещающей великим князьям, их княгиням и боярам приобретать села в новгородских владениях. Статья эта оказывалась бессильной, и низовское землевладение, особенно со времени оккупации Москвой этой новгородской волости, сделало там большие успехи. По актам XV и начала XVI в. к *Городцу*, бывшему центром территории, тянуло восемь станов и четыре волости, в которых можно насчитать свыше 30 сел, принадлежавших князьям, боярам и монастырям.

Вологда состояла из города Вологды, станов, волостей, сел и путей (угодий), тянувших к ней и расположенных по верхней Сухоне и ее правым притокам — Вологде, Леже, Б.Шингару, Толшме, Авнеге, левым — Пел-

шле, Двинице и их притокам, по верхней Согоже (приток Шексны) и ее притокам, по притокам Кубенского озера Сяме, Ельме, Воотче и Шуе. По актам XV и начала XVI в. к Вологде тянут два стана и свыше десяти волостей, в которых встречаем села известных московских бояр — Говорова, Головина, Турандая, Кобылы, Свибла и др., устроенные ими еще до окончательного подчинения Вологодского края Москве. Впрочем, главное значение Вологодского края было не землевладельческое, а торговое: Вологда стояла в центре путей, шедших из Новгорода и Низовской земли в северный край, благодаря чему скоро стала одним из крупнейших торговых центров Великороссии.

При Василии Димитриевиче в сферу Московского владычества попала еще более отдаленная новгородская колония — Вятка. Колония эта была основана новгородской вольницей. По отношению к своей метрополии — Новгороду Вятка держалась не только самостоятельно, но и подчас враждебно; вятчане предпринимали иногда военные походы в Заволочье и опустошали эту землю. В других случаях они вместе с новгородцами и устюжанами предпринимали походы на казанских татар и грабили их города, грабили купцов, плывших по Волге. Василий Димитриевич после присоединения Нижнего Новгорода решил овладеть беспокойным гнездом, вызывавшим часто ответные нападения татар. В 1425 г. он отправил войско для занятия Вятки. Великий князь отдал Вятку со слободами и всеми ее местами брату Юрию, владевшему Галичем.

С самого начала великокняжения Василия Димитриевича в его распоряжении была и отдаленная Ростовская колония на севере — *Устюг Великий* с волостями, путями и селами. Когда точно и при каких обстоятельствах Устюг попал под власть Москвы, неизвестно. Эта область также была отдана Юрию Димитриевичу впридачу к его уделу, полученному от отца, — Галичу и оставалась по смерти его во владении его сыновей. После победы великого князя Василия Васильевича над Шемякой Устюг перешел во владение великого князя, который и завещал его вместе с Галичем своему сыну Ивану. Устюжская земля занимала все течение р. Сухоны от устья Шуи и Двиницы и ее притоков, нижнее течение Вычегды и верхнее Северной Двины и верхних притоков Ваги. В состав ее входило 16 волостей, между прочим *Соль Вычегодская* на нижней Вычегде. Устюжский край в момент присоединения его к Москве был еще не вполне русским. Здесь держалось еще финское население (пермь) под управлением своих князей, о которых упоминают летописи. Устюжане, вычегжане и южане перечисляются среди находящихся около Перми (малой) земель и стран иноязычных в рассказе (под 1346 годом) летописца о просветительной деятельности епископа Пермского Стефана.

К концу великокняжения Василия Дмитриевича московские владения уже со всех сторон окружили княжества Суздальское, Ростовское и Ярославское (кроме Заозерско-Кубенских уделов), почти со всех сторон облегли Тверскую землю, с севера, запада и востока — Рязанскую. Княжества, очутившиеся внутри московских владений, уже не могли держаться самостоятельно, а только в вассальном подчинении Москве. Владельцы их стали распродавать свои вотчины, менять их на другие и т. д.

Если верить известиям родословных, князь Иван Андреевич Ростовский продал свою половину Ростова (Сретенскую) великому князю Василию Дмитриевичу. Преемник последнего Василий Васильевич завещал этот примысел своей княгине Марье. Эта княгиня купила у удельных ярославских князей Михаила Деева, детей Львовых и Давыда Засекина городок Романов на берегу Волги, а у князей Василия и Семена Шохонских — устье Шексны. К великому князю московскому Василию Васильевичу перешло из состава Ярославского княжества Заозерье с Кубеной, при каких обстоятельствах — неизвестно. Князья заозерские потеряли свою отчину, потому что находились в свойстве с Дмитрием Шемякой, оспаривавшим у Василия Васильевича великокняжеский престол, и держали его сторону. Заозерское княжество занимало земли, прилегавшие с севера и востока к Кубенскому озеру по Уфтоге, Кубене, верхней Ваге, Бохтюге и верхней Двинице с Сянжемой.

Суздальские князья Василий и Федор Юрьевичи потеряли свою отчину вследствие того, что во время борьбы Василия Васильевича с Шемякой также держали сторону последнего. Когда Василий Васильевич окончательно восторжествовал над своим противником, он заключил с князем Иваном Васильевичем Шуйским, удельным суздальским, около 1451 г. договор, по которому Иван Васильевич получал в удел и вотчину *Городец на Волге* с волостями и пошлинами, получал свой жребий в Суздале из того, чем владел его отец, выговорил жребий из отцовской вотчины для своих братьев Александра и Василия, если они добьют челом великому князю, но отказывался от всяких притязаний на главные города Суздаль и Нижний со всеми их волостями. К городу Суздалю по актам XV и начала XVI в. тянули пять станов и три волости, в которых отмечается значительное число сел (свыше 70), принадлежавших большей частью монастырям, суздальскому епископу и митрополиту; о боярских селах сведений не имеется.

Василий Васильевич продолжал также политику своего отца по освоенно и закреплению за Москвой Окской Украины, имевшей первостепенное оборонительное значение для образующегося великорусского государства. Нападения татар на Москву со стороны этой Украины не прекращались в течение всего великокняжения Василия Васильевича и шли по всей линии Оки. Эти непрерывные нападения, переносившиеся по временам в самую глубь русской оседлости, побуждали московское правительство всемерно

овладевать этой укройной и организовывать в ней непосредственно сторожу и оборону страны. У князя пронского Василий Васильевич купил *Венев, Ростовец, Тешилов* и другие места. *Тула и Берестий*, когда-то уступленные Рязани, вновь перешли к Москве. Места эти важны были для Москвы в целях обороны, ибо лежали между Окой и полосой лесов, по которой и прошла древнейшая засечная черта поперек пути татар к Окским бродам — Каширскому и другим. Но самой важной мерой Василия Васильевича было помещение на Окской уkraine казанского царевича Касима и его орды. Находясь в плену у царя Улу-Махмета, Василий Васильевич подружился с его сыновьями Касимом и Ягупом. Когда эти царевичи узнали, что великий князь находится в беде и что его братья учинили над ним измену, они поспешили прийти к нему на выручку и много способствовали его торжеству над противниками, а затем стали принимать участие в отражении набегов других татар. Эти услуги царевича Касима побудили великого князя удержать при себе и на будущее время этого союзника. Согласившись предварительно с великим князем Рязанским Иваном Федоровичем, Василий заключил с Касимом договор, в силу которого царевичу отводилась во владение часть Мещеры и уплачивалась как ему, так и его князьям, казначеям и дарагам ежегодно известная сумма денег как с великого князя московского, так и с Рязанской земли, своего рода “выход”. Оба великие князя обязались за себя и своих бояр не принимать ясачных людей, которые будут уходить от царевича, будь то бесерменин, мордвин или мочарин (мещерин). Так на средней Оке возникло особое татарское царство со специальной целью охраны русских земель от набегов хищных татарских орд. Резиденцией царевича и его преемников стал *Городец Мещерский*, получивший потом название *Касимова*.

В момент смерти Василия Васильевича (1462 г.) из верхневолжских княжеств оставались еще не поглощенными Москвой великие княжества Ярославское, Ростовское и Тверское. При великом князе Иване Васильевиче и эти владения были включены в состав московской вотчины, в первую очередь великое княжество Ярославское.

Великое княжество Ярославское занимало территорию, орошаемую Волгой и ее правыми притоками — Юхотью, Черемхой, Которослью, левыми — Суткой, нижней Мологой и ее притоками Саблой и Ситью, нижней Шексной и ее левыми притоками Ухрой и Итью, притоком Костромы — Кастью. Кроме главного города *Ярославля* с волостями, путями и селами в его состав входили владения князей Моложских с городом *Мологой*, князей Сицких, Прозоровских, Сутских и Шуморовских, князей Курбских, Ухорских и Юхотских. В 1463 г. великий князь ярославский Александр Федорович с сыном Даниилом при посредничестве дьяка Алексея Полуэктова уступили великое княжество Ярославское великому князю Ивану Васильевичу,

вероятно, за соответствующее вознаграждение. Великий князь московский взял в свое непосредственное владение город *Ярославль* с волостями, путями и селами, и с *Ухрою* и с селом *Петровским* с деревнями, вотчину князя Василия Щегинина *Касть*, *Инопаж* с сельцом и езом, что на Волге под *Рыбной слободой*, город *Мологу* с вотчиной Глебовых и с езами на Волге и Мологе. К городу Ярославлю тянули два стана и восемь волостей. Удельные князья остались пока на своих уделах, но на положении уже слуг великого князя московского.

В 1474 г. князья ростовские Владимир Андреевич и Иван Иванович со всеми своими детьми и племянниками последовали примеру ярославских князей — продали свою отчину, Борисоглебскую половину Ростова со всем, великому князю Ивану Васильевичу. *Ростовское княжество*, таким образом, уже в полном составе перешло во владение московского великого князя. Княжество это, по данным актов XV и первой половины XVI в., занимало территорию вокруг озера Неро, по рекам Устье и Саре, впадающим в это озеро, и их притокам, по верхней Которосли и ее притоку Лахости и вокруг озера Караша. Здесь были расположены восемь станов и одна волость. Территория Ростовского княжества имела довольно хлебородную почву и московские князья, бояре и монастыри приобретали здесь со времен еще Ивана Даниловича Калиты села для ведения своего хозяйства (по источникам XIV и XV вв. здесь насчитывается до 40 таких сел). Кроме относительно плодородной почвы ценной материальной статьей были и залежи соли около самого озера Неро. Эти богатства помимо всего прочего (относительной населенности) и влекли московских князей к овладению Ростовским краем. Сначала Москва привела в вассальную зависимость от себя ростовских князей, а затем скупила по частям город Ростов с волостями, оставив во владении князей-отчичей села и деревни, например *Пужбол*.

Вслед за Ростовом дошла очередь до Новгорода Великого и его территории. Вольный город Новгород, в XII и первой половине XIII в. выбиравший князей на всей своей воле, со времени установления татарского ига вынужден был приглашать к себе на княжение только тех, кто был или имел шансы быть великим князем владимирским. Этого требовали и торговые, и политические интересы Новгорода. К тому времени торговые интересы Новгорода связались главным образом с Суздальской землей и заставляли Новгород иметь у себя на столе самого сильного и властного князя этой земли, т.е. великого князя владимирского. Этот же великий князь, ставший представителем ханской власти на Руси, собиравший выход с русских княжеств, в том числе и с Новгородской земли, мог быть наилучшим посредником между ханом и Новгородом, мог наилучшим образом обеспечивать интересы Новгорода в Орде. Поэтому, выбрав в 1305 г. на княжение тверского князя Михаила Ярославича, новгородцы в договоре с ним и поставили условие:

“А вынести тебе из Орды княжение великое, нам еси князь великий; или пак не вынесут тебе княжения великого из Орды, пойти твоим наместникам из Новгорода прощ и из Новгородских пригородов, а в том Новгороде измены нет”. Но великое княжение Владимирское, попавшее в руки московских князей, с течением времени стало их отчиной и в таком качестве признано было, как указано выше, самим ханом. При таких условиях и Новгородская земля стала считаться отчиной великих князей московских и владимирских.

Но лишенный возможности свободного избрания князей, Новгород при всем том продолжал сохранять все другие свои державные права, приобретенные им в эпоху развития его вольностей. Сплошь и рядом он самостоятельно определял свои отношения к соседям, вел с ними войны, заключал договоры, проводил границы и т.д. Внутри он продолжал пользоваться самоуправлением, решал на вече все важнейшие дела, избирал своих должностных лиц по центральному управлению (посадников, тысяцких и др.), законодательствовал и судил выдающиеся преступления, жаловал земли во владение церковным учреждениям и частным лицам. Целым рядом статей в договорах с князьями, которые традиционно переписывались в течение XIII, XIV и XV вв., Новгород точно определял и ограничивал их финансовые, административные и судебные права. На этой почве у Новгорода с великими князьями происходили частые конфликты, приводившие иногда “к розни”, к открытым военным действиям. При этом до 70-х годов XV столетия со стороны Новгорода не проявлялось никаких стремлений к отложению от великого княжества Московского и Владимирского, а только желание заставить великих князей соблюдать договоры, новгородскую старину и пошлину. Новгородцы категорически отвергли предложения Витовта в 1399 г. и Казимира в 1445 г. отделиться от Москвы и задаться за великого князя литовского.

С конца XIV в. со стороны великих князей московских и владимирских пошел на Новгород большой нажим по поводу княжчин. Так назывались разные доходные статьи великих князей в Новгороде: предоставляемые им волости, доходы с которых — дань, судебные пошлины — они продавали, т.е. сдавали на откуп новгородским мужам, выры за убийство, собиравшиеся всеми судьями в Новгородской земле в пользу великих князей, дары с тех волостей, которые раздавались новгородским мужам в кормление, и т.д. Так как князья не имели возможности точно учитывать все эти доходные статьи и размеры приносимых ими доходов, то и в договорах они обязывали новгородцев не утаивать ни вир, ни оброков, ни каких-либо других пошлин. Но это плохо выполнялось, и за разными новгородскими сборщиками и арендаторами “залегали” княжчины. Чтобы вознаградить себя за эти недоимки, великий князь Василий Димитриевич, как мы видели, окку-

пировал новгородские волости Волок Ламский, Бежецкий Верх и Вологду, а сын его Василий Васильевич удержал за Москвой эти волости. В XV в. дело пошло дальше. На счет княжеских волостей разрослись земельные владения новгородского владыки, бояр, житых людей, купцов, и площадь населенных государственных земель сильно сократилась, что, разумеется, было не в интересах великих князей московских. Новгородские землевладельцы в погоне за расширением своих владений стали захватывать не только новгородские земли, но и соседние, за новгородским рубезом. Так, в Заволочье бояре Шенкурские, Селезеньевы, Тучины, Борецкие и др. позаняли не только волости великого князя в Двинской земле, но и купили или захватили силой целый ряд волостей в Ростовщине, оставшихся выморочными после князей ростовских Ивана и Константина Владимировичей, Ивана и Андрея Александровичей и Федора Андреевича (все эти князья жили в последней четверти XIV и первой XV века), вопреки договорам, запрещавшим новгородцам приобретать имения в отчине великого князя. Это боярское засилье вызвало поход великого князя Василия Васильевича на Новгород в 1456 году. На основании мирного договора новгородцы вынуждены были вернуть в пользование великого князя ряд волостей в Двинской земле и на побережье Белого моря и по приговору особого суда, учрежденного в Новгороде, все волости ростовских князей, вклинившиеся в новгородские владения в Заволочье.

Новгородские правящие бояре, более других пострадавшие от редукции княжеских волостей в Заволочье, конечно, не могли примириться с этим фактом. Сначала они либо не исполняли условий договора 1456 г. и судебных приговоров, либо вновь захватывали редуцированные волости. В 1471 г. они предприняли более решительный шаг — задались за великого князя литовского и короля польского Казимира и заключили с ним соответствующий договор, обязывавший его защищать Новгород от великого князя московского. Но Казимир оказался не в состоянии выполнить это обязательство. Великий князь московский мобилизовал все свои силы, захватил с собой тверские полки, призвал на помощь псковичей и вторгся в Новгородскую землю. Предоставленные самим себе, новгородцы не смогли выдержать натиска и после поражения их передового отряда на Шелони запросили мира. Одновременно с тем и в Заволочье новгородские войска потерпели поражение от воевод великого князя московского. Мирный договор, заключенный между Новгородом и великим князем московским, повторил обычные условия, содержащиеся в прежних договорах. Новгородцы вынуждены были уплатить великому князю контрибуцию в размере 15 тыс. рублей и вернуть в распоряжение великого князя волости в Заволочье, которые они было “позаняли за себя” и привели к крестному целованию “на Новгородское имя”.

Итак, и после разгрома 1471 г. Новгород удержал свою “старину и пошлину”. Но ненадолго. События 1471 г. ясно показали великому князю московскому опасность дальнейшего существования его новгородской отчины в качестве особого самоуправляющегося государства со своим собственным правительственным классом, со своими собственными военными и финансовыми ресурсами, связанного с московской отчиной только личной унией, в особе общего великого князя. Эта опасность настойчиво стала выдвигаться с тех пор, как обострились отношения с Великим княжеством Литовским из-за территориальных вопросов и католической пропаганды среди православного населения Великого княжества Литовского. Великий князь московский и решил покончить с самобытностью Новгорода и личную унию двух своих отчин, новгородской и московской, заменить слиянием их в единое государство.

Внутренняя борьба, разгоревшаяся в Новгороде после 1471 г., ускорила и облегчила выполнение этой задачи. Позорное поражение, которое потерпела политика правящего новгородского боярства в 1471 г., и вызванные ею народные бедствия до крайней степени обострили в населении те враждебные чувства, которые накопились в нем засильем этого боярства и его безудержным произволом. Суровая расправа великого князя с вожаками литовской партии (им отрубили головы) показала всем обиженным и угнетенным, где искать настоящей управы на насильников. Великий князь в 1475 г. получил приглашение приехать в Новгород и учинить суд и управу на насильников. Когда он приехал в Городище, то на другой же день оно наполнилось жалобщиками из Новгорода и ближайших мест. Несколько первостепенных бояр были арестованы вследствие этих жалоб и высланы в Москву. Не успев разобрать всех дел в Новгороде, великий князь продолжал разбор в Москве, куда стали ездить жалобщики и откуда стали даваться “позвы” на суд обвиняемым. Такой порядок противоречил всем договорам с великими князьями, которые обязывались не вызывать новгородцев и не судить их на “низу”, и, кроме того, был сопряжен с большими проторями и убытками. Умеренная партия бояр с архиепископом Феофилом во главе пыталась найти выход из положения в расширении великокняжеского суда в Новгороде, в учреждении особого суда на Ярославовом дворе и великокняжеских тиунов по концам Новгорода. Послы, отправившиеся к великому князю с предложением на этот счет, в изъяснении своих верноподданнических чувств допустили неосторожность, повеличали великого князя не господином, как обычно, а государем. Великий князь ухватился за это выражение и послал новгородцам запрос, какого они хотят государства. Инстинктивно он почувствовал, что в Новгороде созрела почва для утверждения его власти на новых началах.

Запрос великого князя вызвал, однако, страшное возмущение в Новгороде. Новгородцы убили бояр, которые были в Москве у великого князя, за превышение данных им полномочий, взбесились, как пьяные, по словам летописца, одни говорили одно, другие — другое и к королю опять захотели. Великому князю через послов отвечали, что Новгород не наказывал звать его государем, зовет его по старине господином, не хочет никакого другого суда, как только по старине, на Городище, хочет жить с великим князем по докончанью в Коростыне (1471 г.). Великий князь увидел отсюда, как еще зыбка почва, на которой он стоит в Новгороде, что сильна еще партия новгородской самостоятельности и что еще не исчезло среди нее тяготение к Литве. Поэтому он решил одним мощным ударом положить конец такому положению вещей.

Мобилизовав все свои ратные силы, полки удельных братьев и тверские, великий князь подступил к Новгороду. Новгородцы уже не оказали никакого сопротивления и после некоторых переговоров приняли условия, сформулированные великим князем в такой форме: “Вечю колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати; ино, на чем великим князем были в своей вотчине, волостем быти, селом быти, как у нас в низовской земле; а которые земли наши великих князей за вами, а то бы было наше”. Новгородцы приняли все эти условия и целовали крест. На первых порах великий князь взял в свое непосредственное владение десять волостей у владыки и половину волостей у шести монастырей, а затем при отъезде, арестовав всех главных вожakov литовской партии и отправив их в Москву, взял на себя все их “животы и волости”. Позже, в 1484 г., последовали новые аресты новгородских бояр и житых людей, вывод их в Москву и конфискация их волостей. В 1488 и 1489 гг. великий князь вывел из Новгорода до 1000 бояр, житых людей и гостей и роздал им поместья и усадьбы на Москве и в разных других городах, а их земли в Новгороде и во всей Новгородской земле роздал в поместья московским служилым людям, усадьбы в Новгороде — московским гостям. Бывшая Новгородская республика, таким образом, утрачивала не только свое самоуправление, но и свой правительственный и военный класс, на котором базировалось это самоуправление, утрачивала вместе с тем и все шансы к его возрождению. В 1499 г. с благословения митрополита Симона великий князь “пимал за себя” все вотчины монастырские и церковные и роздал их в поместья московским детям боярским, чем и завершились меры по уничтожению землевладения местных классов новгородского общества.

После покорения Новгорода оказалась окруженной со всех сторон московскими владениями и Тверская земля. Борьба великого князя Михаила Александровича с великим князем московским Димитрием кончилась, как было уже сказано, тем, что каждый из них получил свою отчину: Миха-

ил — Великое княжество Тверское, Димитрий — Великое княжество Московское и Владимирское. Великие князья заключили между собой равноправный договор на основах союза и полной самостоятельности, внутренней и внешней. Такой же договор заключали и их преемники: Василий Васильевич Московский и Борис Александрович Тверской, Иван Васильевич и Михаил Борисович. Но при всем том в Твери уже ясно почувствовали, что подходит конец тверской самостоятельности, что скоро московский колосс, охвативший со всех сторон Тверскую землю, поглотит и ее, так же как он поглотил другие княжества. В предвидении этого в 1476 г. в Москву переехало из Твери на службу к великому князю Ивану Васильевичу много бояр и детей боярских. Великий князь тверской Михаил Борисович, чтобы спасти свое великое княжение от предстоящего крушения, решился заручиться могущественным защитником на стороне и в 1483 г. заключил союзный договор с королем польским и великим князем литовским Казимиром. В Москве провели об этих сношениях, и великий князь сложил с себя крестное к Михаилу Борисовичу “за его неисправление”. Московская порубежная рать вступила осенью 1484 г. в Тверскую землю и начала ее опустошать. Литовская помощь не пришла, и Михаилу Борисовичу пришлось добить челом московскому великому князю на всей его воле. По договору Михаил Борисович признал себя уже “молодшим” братом великого князя московского, обязался разорвать союз с Литвой и не сноситься с ней и Ордой без ведома и согласия великого князя московского. Михаил Борисович, однако, не выполнил договора и опять начал сноситься с королем. Когда гонец с его грамотами был перехвачен, Иван Васильевич отдал приказ своему новгородскому наместнику идти на Тверь со всеми силами и сам выступил в поход с сыном и братьями и осадил Тверь. Михаил Борисович убежал в Литву, а Тверь сдалась 12 сентября 1485 года. Великое княжество Тверское перешло к Москве с городами *Кашин*ом на р. *Кашинке*, *Опока*ми, *Зубцов*ом, *Старицей*, *Тверью*, *Городенью*, *Кснятин*ом и *Белгород*ом на Волге, *Клино*м на Сестре, *Городцо*м на Холохольне, *Радило*вом, *Вобранью* и *Вертязин*ым и волостями (около 60), составлявшими владение великого князя тверского, и со всеми вотчинами князей удельных — Холмских, Микулинских и Дорогобужских.

Территория великого княжества Тверского была обширна. Она занимала течение Волги от устья Гойны до устья Корожичны, течение правых притоков Волги: Вазузы (нижней), Держи, Шоши с Ламой (за исключением верхнего течения последней), Сестры и Дубны (нижней). Хотчи (нижней), Нерли (нижней) и Жабны; левых: Гойны, Холохольны, Тьмы. Тверцы (нижней) с Кавой, Соси, Медведицы с Пудицей и Кашинки. Великий князь московский и в Тверской земле применил ту же систему обновления военно-служилого класса, что и в Новгородской: множество дворян и детей бояр-

ских из великого княжества Московского были испомещены в Тверской земле, а тверским боярам и детям боярским были розданы поместья в разных уездах великого княжения Московского.

Эту же меру великий князь Иван Васильевич употребил и в отношении своевольной Вятки, которая, не считаясь с подчинением Москве, напала на казанских татар и опустошала Устюг Великий. В 1489 г. 16-тысячная московская рать усмирила вятчан. Лучшие люди, купцы и земские, сведены были с Вятки и поселены — купцы в Дмитрове, а земские люди в Боровске и Кременце; только туземных князьков Арских и Каринских великий князь пожаловал, отпустил в свою землю. В вятских городах Хлынове, Орлове, Слободском и Котельниче были посажены московские наместники.

Поддержка, которую готовился дать король польский и великий князь литовский Казимир Новгороду и Твери, создала натянутые отношения между великими княжествами Московским и Литовским. Эти натянутые отношения все более и более обострялись переходами “верховских”, т.е. верхнеокских, князей с отчинами на службу к Москве. В 30-х и 40-х годах XV столетия, во время московской княжеской усабицы, новосильские князья Одоевские, Воротынские и Белевские перешли на службу к великому князю литовскому на условии, что он будет оборонять их от татар и других недругов (в этом смысле составлялись и договоры их с литовским великим князем). Но Литва и в отношении этих союзников плохо выполняла свои обязательства, плохо обороняла их от татарских приходов, хотя и держала в верхнеокском крае две крепости — *Мценск* на Зуше и *Любутск* на Оке. Более действительная защита оказывалась со стороны Москвы, которая испоместила в Новом Городке на устье Протвы служилого казанского царевича Муртозу с татарами для отражения татар. Поэтому “верховские” князья с начала 70-х годов один за другим стали переходить со своими отчинами к Москве. Пока они не перешли все, между ними создавались сложные и запутанные отношения, ибо они распределяли свои волости по старшинству и имели совместные владения (главные города княжеств). Между родичами начались споры и вооруженные столкновения, пошли жалобы в Москву и Литву, которые вызывали враждебные переговоры Москвы с Литвой и наоборот. Напряженные отношения между Москвой и Литвой в конце концов разрешились открытой войной между ними в 1492 и 1493 гг. Московские войска заняли весь Верхнеокский край и, кроме того, вотчины вяземских князей в Смоленской земле, лежавшие по соседству с Можайским уездом. Москва настолько показала превосходство своего оружия, что Литва вынуждена была оставить за нею ее завоевания. По договору 1494 г. великий князь литовский обязался не вступаться в город *Вязьму* и во все вяземские города и волости, земли и воды, не принимать к себе на службу вяземских князей с их отчинами, не вступаться в *Козельск*, *Серенск* и *Любутск* и во

все их места, признал, что князья Новосильские, Одоевские, Воротынские, Перемышльские с их вотчинами тянут к великому княжеству Московскому и обязался не принимать их к себе на службу с их отчинами; относительно князей Мезецких было установлено, что те из них, которые служили Москве, остаются и впредь со своими отчинами за Москвой, а которые служат Литве, остаются за Литвой. Оба великие князя дали друг другу обязательство быть заодно против татар, в силу которого украинные князья и воеводы при нападении татар на украинные места должны были “сослився” обороняться “с единого”.

Но все это не давало гарантии Москве в том, что она получит с запада достаточную помощь при отражении татарских набегов, особенно когда с Литвой произойдет “розмирье”. Поэтому великий князь московский воспользовался первым благоприятным случаем, чтобы включить в состав своих владений всю Верхнеокскую и Северскую Украину и протянуть линию охвата Дикого поля далее на юго-запад, чтобы иметь возможность своевременно подстерегать движение в степи татарских отрядов. В 1499 г. Иван Васильевич получил известие о том, что его зять великий князь литовский Александр не выполняет обязательства, данного при заключении брака с дочерью Ивана Васильевича Еленой, и принуждает ее к переходу в латинскую веру и что такое же понуждение обращено ко всем русским князьям, вилениским мещанам и ко всей Руси Литовской. Великий князь послал зятю представление, чтобы он не нудил к римскому закону свою жену и всю Русь, угрожая в противном случае стоять за них, сколько будет сил. Не успели сказаться какие-либо результаты этого представления, как явились из Литвы прежние московские перебежчики: князь Василий Иванович Шемячич (внук Шемяки), владевший по пожалованию Казимира *Рыльском* и *Новгородом Северским*, и князь Семен Иванович, сын Ивана Андреевича Можайского, владевший по тому же пожалованию *Черниговам*, *Стародубам* и *Гомелем*. Они также говорили, что на них пришла “великая нужда о греческом законе”, и просили великого князя Ивана Васильевича принять их с отчинами. Поддались в то же время и другие, более мелкие князья, все по причине гонения на веру. Великий князь московский принял всех князей на службу с их отчинами, послал зятю “розметную грамоту” и немедленно отправил свои войска воевать Литву. По договору 1503 г. великий князь литовский оставлял за Москвой не только все города и волости, уступленные по договору 1494 г., но и все города и волости, которые были за князьями Василием Ивановичем Шемячичем, Семеном Ивановичем Стародубским, Семеном Ивановичем Бельским, князьями Трубецкими, Мосальскими и другими, переехавшими на службу к Москве, а также завоеванные Москвой, а именно: *Чернигов*, *Стародуб*, *Путьиль*, *Рыльск*, *Новгород Северский*, *Гомий*, *Лю-*

беч, Почеп, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск и Мосальск, Дорогобуж в Смоленской земле, Белую и Торопец (из состава Витебской земли).

Таким образом, во владении Москвы оказывался уже весь бассейн верхней Оки со всеми ее притоками (Угрой, Жиздрой, Кромой и Упой), бассейн р. Десны со всеми ее притоками, бассейн Сожа (нижнего), верхнего Днепра и верхней Западной Двины. Все эти владения, кроме Любеча и Гомия, подтверждались за Москвой в последующих мирных договорах ее с Литвой. Преемник Александра на великом княжении Литовском брат его Сигизмунд пытался вернуть литовские потери, для чего вошел в союз с крымским ханом Махмет-Гиреем. Целых десять лет, с 1512 по 1522 г., шла с переменным счастьем война между Москвой и Литвой. Во время этой войны великий князь московский Василий Иванович взял Смоленск и занял всю остававшуюся еще за Смоленском часть Смоленской земли с 15 волостями и городом Рославлем с волостями. Договор 1522 г. утвердил за Москвой это завоевание.

После великого князя Ивана Васильевича, умершего в 1505 г., оставались не поглощенными Москвой только земли Псковская и Рязанская. Но при совершившемся объединении Великороссии самостоятельность их была уже анахронизмом, и они скоро ее потеряли и слились государственно с Москвой. Самостоятельность Псковской земли, впрочем, уж давно была весьма и весьма относительной. С того времени как Псков отделился от Новгорода (в 1348 г.) и стал самостоятельной республикой, он не переставал искать опоры и поддержки на стороне, подвергаясь постоянным нападениям соседей, главным образом ливонских немцев. Сначала он ориентировался на Литву и приглашал к себе оттуда на княжение разных русских князей. К концу XIV в., однако, сама Литва стала опасной для Пскова. Великий князь литовский, объединивший под своей властью западно-русские земли, не прочь был включить в свою державу и Псков. Попытки в этом направлении не раз делались великим князем Витовтом. Пскову пришлось иметь дело, таким образом, с посягательством уже не одного, а двух опасных соседей. В таких трудных обстоятельствах ему ничего не оставалось делать, как искать помощи и поддержки в сильной Москве. И действительно, дипломатическое и военное заступничество великого князя Василия Димитриевича спасло Псков от завоевания его Витовтом. К Москве притягивали Псков и отношения к татарам: великий князь московский, бывший сборщиком татарской дани с Новгорода, был таковым же и для Пскова, бывшего пригорода Новгорода. Поэтому с начала XV в. псковичи приглашали к себе на княжение либо родичей великого князя московского, либо других князей из его руки. Эти князья, пользовавшиеся в Пскове всеми княжескими правами и доходами, в то же время считались наместниками великого князя московского. При великом князе Василии Васильевиче эти князья стали уже целовать крест не

только Пскову “на всей Псковской старине и пошлине”, но и великому князю московскому в верности. Великий князь московский стал считать Псков уже своей отчиной, и сам Псков уже называл себя его отчиной в обращениях к нему. К концу своего великокняжения Василий Васильевич уже игнорировал желания псковичей при посылке к ним князей, и в Псков стали приезжать из Москвы князья незванные и негаданные. Эти непрошенные князья и вести себя в Пскове стали соответственным образом, перестали считаться с псковской “старинною и пошлиною”, в соблюдении которой они целовали крест. Псковичи жаловались на них великому князю в Москву, но он обычно держал сторону своих наместников. При великом князе Иване Васильевиче Псков уж находился в полной воле великого князя московского, ходил по его приказу на войну против Новгорода и Литвы, с его санкций заключал договоры; великий князь властно вмешивался во внутренние дела Пскова, например в дело о смердах, которых псковичи обвиняли в неисполнении государственных повинностей, причем великий князь явно принял сторону смердов. Так называемая псковская старина и пошлина отошли уже в область прошлого, стали простым пережитком, утратившим свою жизненную базу, равно как и величание себя псковичей “добровольными” людьми. Великий князь Василий Иванович в 1510 г. и покончил с этим пережитком — “обычай Псковский переменял и старину нарушил”. Когда он прибыл в Новгород, к нему явилось из Пскова множество людей с жалобами на князя Ивана Михайловича Репню и его пригородских наместников. Великий князь приказал всем жалобщикам стать перед ним всем вместе на один срок, на Крещеньев день, обещаясь всем им дать управу. Но вместо этой управы приехавшие в Новгород псковские посадники, бояре и купцы были арестованы и затем с семьями препровождены в Москву. Присланный от великого князя дьяк объявил на вече, что, если псковичи желают еще пожить по старине, они должны исполнить две его воли: чтобы не было у них впредь веча и вечаевого колокола; чтобы впредь быть у них двум наместникам (а не князю) и по пригородам наместникам же. Псковичи были, конечно, не в состоянии противиться этим требованиям и приняли их. По приезде в Псков великий князь приказал арестовать остававшихся там посадников, бояр и купцов и в количестве 300 семей выслал их в Москву. Земли “сведеных” бояр были розданы московским боярам; на место “сведеных” купцов прибыли гости из Москвы, получившие их усадьбы в Пскове. Псковское княжение было упразднено: суд и управа в Пскове были поручены двум наместникам, а в пригородах также наместникам на основании особой “уставной грамоты”, которую великий князь пожаловал Пскову; прекращена была чеканка особой псковской монеты и беспошлинная торговля в Пскове. Так покончила Москва с самостоятельностью Пскова и теми его общественными классами, которые были заинтересованы в сохранении этой самостоятельности.

Рязанское княжество уже с половины XV в. состояло под протекторатом Москвы и в вассальной зависимости от нее. Великий князь рязанский Иван Федорович, умирая в 1456 г., оставил свое княжество и сына Василия на попечение великого князя московского Василия Васильевича. Последний взял рязанского наследника и сестру его Федосью на воспитание в Москву, а на Рязань послал своих наместников. Великий князь Иван Васильевич в 1464 г. отпустил юного княжича на великое княжение в Рязань, а в следующем году женил его на сестре Анне. В течение 19 лет между московским и рязанским великокняжескими дворами были самые дружественные родственные отношения. Рязанская великая княгиня часто приезжала в Москву и подолгу гостила у своего брата. В 1483 г. Василий Иванович умер, оставив двух сыновей. Старшему, Ивану, он отказал *Переяславль Рязанский, Ростиславль и Пронск*, младшему, Федору, *Перевитск в Переяславле и Старицу Рязань* с волостями и отъезжими местами; братья поделили на три части все дворы в главном городе Переяславле, мельницы, луг, тамгу и судебные пошлины (третья часть была предоставлена матери), поделили села в Мордве, на Цне и на окраине, мещерские волости, бортников, рыбные ловли на Дону и звериные угодья и всех людей, занятых их использованием — истобников, подвозников медовых, рыболовов, неводных ловчих, псарей, бобровиков, садовников ястребьих, подвозников меховых и т. д. Новый великий князь рязанский по своем вступлении на великое княжение поспешил определить свои отношения к великому князю московскому новым договором. В этом договоре (1483 г.), признавая себя младшим братом великого князя московского настоящего и будущего (Ивана Ивановича), принимая на себя все обязательства, предусматриваемые прежними договорами, рязанский великий князь обязывался не канчивать и не ссылаться с великим князем литовским, не отдаваться со своей землей в его имя и не отступать от великих князей к литовскому никаким образом; великий князь московский в своих договорах с великим князем литовским должен был писать, что великий князь рязанский с ним за один человек; великий князь рязанский обязывался ни с кем, помимо великого князя московского, не канчивать и не ссылаться, быть с ним заодно против всякого недруга, в том числе и против татар, и т. д. Таким образом, великий князь рязанский оказался уже полным вассалом великого князя московского. В силу этого вассалитета рязанские полки под начальством князя Федора Васильевича и воеводы его старшего брата были в рядах московских войск и в войне с Литвой в 1492—1493 гг. Этот вассалитет, согласно условию, был подтвержден в договоре 1494 г. с Литвой: рязанские князья с их землей написаны были в стороне великого князя московского, и великий князь литовский обязывался не обижать их и не вступаться в их землю; если же они со своей стороны в чем-нибудь “сгру-

бят” великому князю литовскому, последний обязывался искать на них управы у великого князя московского.

Великий князь рязанский Иван Васильевич умер в 1500 г., оставив на попечении своей жены, великой княгини Аграфены, четырехлетнего Ивана.

В 1503 г. умер и удельный князь Федор Васильевич, завещав свой удел не племяннику, великому князю рязанскому Ивану Ивановичу, а дяде по матери, великому князю московскому Ивану Васильевичу. При такой конъюнктуре в Рязани стал распоряжаться безраздельно великий князь московский, сначала Иван Васильевич, а затем (с 1505 г.) Василий Иванович, которому отец отказал отчину князя Федора Васильевича в Рязани. Но хозяйничанье Москвы в Рязани сделалось в конце концов тягостным для некоторой части рязанских бояр и служилых людей, и они вовлекли юного великого князя в неосторожную авантюру, стоившую ему великого княжения на Рязани. Иван Иванович, отобрав бразды правления у матери, вступил в сношения с крымским ханом, чтобы при его помощи освободиться от московского засилья в Рязани и стать самостоятельным правителем. В Москве проведали об этом, и Иван Иванович был вызван вместе с матерью в Москву для объяснения. Как только он появился в Москве, так немедленно же был посажен в заключение в монастырь, а в рязанские города были посланы московские наместники. В июле 1521 г., воспользовавшись переполохом, произведенным нашествием Махмет-Гирея на Москву, Иван Иванович бежал по направлению к Переяславлю Рязанскому и с дороги завязал сношения с рязанскими боярами. Но в конце концов, убедившись в тщете своих усилий вернуть отчину, бежал в Литву, где получил в пожизненное владение имение Стоклишки. Там он и умер около 1534 г.

С присоединением к Москве всей Рязанской земли замкнулась окончательно Окская оборонительная линия и великий князь московский получил полную возможность по собственной инициативе и усмотрению организовывать и вести оборону южной украины своего государства.

Приобретение Рязанской области было чрезвычайно ценно и в экономическом отношении. Венецианец Иосафат Барбаро, посетивший Восточную Европу во второй половине XV в., писал про Рязанскую землю, что она изобилует хлебом, скотом, медом и другими ценными вещами. Герберштейн, писавший спустя полстолетия, характеризует Рязанскую область как самую плодоносную между московскими провинциями, дающую обильные урожаи хлеба, изобилующую медом, рыбой, птицами и зверями. Московское государство, таким образом, получило в Рязанской земле богатую житницу для снабжения своего разросшегося населения хлебом и вместе с тем территорию для испомещения служилого люда и вывода излишнего земледельческого населения. Рязанская земля занимала довольно обширное пространство по р. Оке от впадения в нее Смедвы до устья Пры и по правым притокам

Оки — Осетру, Воже, Проне, Паре и их притокам и другим речкам, текущим в Оку между перечисленными, по верхнему Дону; рязанским же князьям принадлежали некоторые волости в Мордве и Мещере по р. Цне и нижней Мокше и на левой стороне Оки между Прой и Гусем. Населены были местности на правой стороне Оки, где стояли города Ростиславль, Перевитск, Переяславль Рязанский и Старая Рязань на Оке, Пронск на р. Проне и раскиданы были села, входившие в состав пяти станов Переяславского уезда и уездов остальных городов. На южной окраине, на Дону, были пока только промысловые угодья; левая болотистая и лесистая сторона Оки была почти не населена; на восточной окраине были финские поселения. В общем, в Рязанской земле был большой земельный простор, и она не замедлила стать ареной усиленной колонизации с севера.

С присоединением Рязанской земли закончилась консолидация основной государственной территории великорусской народности, на которой она образовалась и на которой накопился колонизационный фонд для заселения пространств в Восточной Европе и Северной Азии, еще не занятых русским племенем.

Новообразовавшееся Московское государство поделилось на 117 уездов, состоявших более чем из 1000 станов и волостей. На древнейшей территории Московского княжества образовалось три уезда сообразно с прежним удельным построением — Московский, Звенигородский и Рузский. Древнейшие присоединения Москвы от Рязани образовали уезды Коломенский, Серпуховской, Боровский, Верейской и Малоярославецкий. Можайское княжество, древнейшее приобретение Москвы от Смоленской земли, образовало Можайский уезд; Переяславское княжество — Переяславский уезд; великое княжество Владимирское — Владимирский; присоединенные вместе с Владимирским княжества Костромское и Юрьевское — Юрьевский; Дмитровское — Дмитровский; Углицкое княжество — Углицкий; Галицкое княжество — Галицкий с Солью Галицкой и Чухломой; Белозерское — уезды Белозерский, Пошехонский и Устюженский; Ржевское княжество — Ржевский; Муромское — Муромский; Нижегородское — Нижегородский, Балахнинский, Юрьевецкий и Гороховецкий; Волоцкое княжество — Волоцкий; Бежецкий Верх — Бежецкий уезд; Суздальское — Суздальский уезд (в состав его вошло и бывшее княжество Стародубское), Шуйский и Лушский; Ростовское княжество — Ростовский уезд; Ярославское — Ярославский и Романовский; Тверское — уезды Тверской, Кашинский, Старицкий, Зубцовский и Клинский. Все эти уезды составили основную, центральную область Московского государства, получившую название Замосковного (около Москвы) края. Край этот в географическом отношении представлял известную цельность, обособляясь от окраинных областей большими лесами. По свидетельству Герберштейна, обширные леса одевали оба берега Оки; княжест-

во Муромское лежало в лесах; обширными лесами, по его словам, окружены были Смоленск и Белая; к ним принадлежал и Волконский, или Оковский, лес, в котором находились истоки Волги. За Волгой, на водоразделе между ее левыми притоками и притоками Северной Двины, были частые болота и обширные леса; между Галичем и Вяткой, следовательно в бассейне Ветлуги, тянулись обширные рощи и болота. За Нижним (по Керженцу) также простирались обширные леса, в которых жили черемисы. В этом более или менее обособленном природой крае и сосредоточилось большинство великорусского населения за время татарского господства.

Северо-западную окраину этой центральной области составляли города от Немещкой украины с их уездами, расположенные в областях, пограничных с владениями ливонских немцев и шведов. Это были города и уезды бывшей Новгородской земли и Псковской. От Новгородской земли Московское государство имело здесь уезды Новгородский, Ямский, Копорьский, Ореховский, Корельский, Ладожский, Вышегородский, Кошкинский, Высокого городка уезд, Порховский, Русский, Курский, Деманский, Холмский, Великолуцкий и Ржевский; при Иване III здесь были выстроены два города — Ивангород и Заволочье и организованы около них небольшие уезды.

От Псковской земли Москва имела Псковский уезд с пригородами Кобыльем, Островом, Красным, Опочкой, Володимерцем, Вревом, Выбором, Вороначем, Дубковым, Гдовский уезд, Вельевский и Изборский. Западную окраину Московского государства образовывали города с уездами от литовской украины. Эти города и уезды входили раньше в состав Смоленской земли и частью Витебской и Полоцкой. Таковы были: Смоленск, Рославль, Дорогобуж, Вязьма, Белая, Торопец, Велиж, Невель и Острий с уездами. Юго-западную окраину составляли прежде всего так называемые заочские города с уездами, находившиеся на территории верховских княжеств на левой стороне верхней Оки, в бассейнах Угры и Жиздры. Таковы были: Калуга, Воронеж, Перемышль, Лихвин, Козельск, Медьнь, Мещовск, Мосальск и Серпейск с уездами. Продолжением этого района были города северские с уездами бывшего Чернигово-Северского княжества: Брянск, Трубчевск, Новгород Северский и Чернигов по Десне, Мглин, Почеп и Стародуб, Путивль и Рьльск по нижнему Сейму. Южную украину составляли города “украинные”, на верхней Оке и ее притоках Упе и Зуше, и затем города рязанские с уездами, полученные Москвой от рязанского княжества. К первым относились Олексин, Белев, Болхов, Карачев, Мценск, Новосиль, Одоев; ко вторым — Переяславль Рязанский, Ростиславль, Кашира, Тула, Пронск, Старая Рязань. Мценск и Пронск были разорены татарами и представляли из себя городища, равно как и старый рязанский пригород Елец. Были снесены и старые рязанские селения по рекам Воронежу, Хопру, Черленому Яру и Великой Вороне (по-видимому, в Тамерланово нашествие). Область

верхнего Дона превратилась в район отхожих промыслов рязанского населения, и названия, фигурирующие в договорных грамотах князей (Тешев, Романцев, Братилов станы), относятся не к селениям, а к известным промысловым районам. Юго-восточную окраину составляла область Мещеры и Мордвы, т.е. бассейны рек Мокши с Цной и Суры. В Мещере были города Касимов — резиденция служилых татарских царевичей, Елатма и Кадом, в которых сидели московские наместники. Что касается Мордвы, то здесь еще при нижегородских князьях стала распространяться русская колонизация и был построен для защиты город *Курмыш* на нижней Суре. Василий III при самом устье Суры построил город *Васильсурск*. Позже для ограждения этой окраины со стороны поля были построены *Мокишан* на верхней Мокше (в 1535 г.) и *Алатырь* (в 1536 г.) при впадении Алатыря в Суру и новый *Темников* в восьми верстах от старого. На востоке Замосковный край Ветлужскими лесами соприкасался непосредственно с Казанским царством и с Вятской землей, в состав которой входили города Хлынов, Орлов, Котельнич, Шестаков и Слободской с их уездами. К Вятской земле на северо-востоке примыкала земля Пермская — область Великой Перми. Русская колонизация началась здесь непосредственно после того, как великий князь Иван Васильевич свел с Великой Перми отчича князя Матфея, резиденцией которого была Чердынь, и послал туда наместника со служилыми людьми. В новоприсоединенный край направились русские торговые и промышленные люди. Последних привлекали туда богатые соляные источники. Усолье на Каме, устроенное посадскими людьми Калинниковыми, дало начало городу Соли Камской. Чердынь и Соль Камская стали центрами особых уездов.

Вся обширная область, простиравшаяся к северу от Замосковного края, Вятской и Пермской земель и состоявшая из разных новгородских владений — Заволочья, в состав которого входили бассейн Онеги и Северной Двины с их притоками и все побережье Белого моря с Кольским полуостровом, Пермь Малая и Печора, а также из Устюжской земли, в Московское время получила название Поморья, Поморских городов. Здесь сформировались уезды — Двинский, Важский, Кеврольский, Мезенский, Каргопольский, Кольский, Яренский, Пустозерский, Устюжский и Тотемский. Начало Пустозерскому уезду было положено уже в Московское время построением в 1499 г. *Пустозерского острога*, после чего в этом крае стали селиться русские промышленники. Между прочим, новгородец Ивашко Ластва основал поселение *Усть-Цыльму* на черном лесу, который был дан ему на оброк с правом на том месте “людей называти”.

Фиксируя на карте владения новообразовавшегося Московского государства, видим, что почти все они лежали в лесной полосе, занимая бассейны рек, впадающих в Ледовитый океан и Белое море, начиная с Тенуя (Таны) и кончая Печорой, бассейны рек, впадающих в озера Онежское, Ладожское,

Чудское, Ильмень и вытекающих из этих озер (кроме впадающих с запада в Чудское озеро), бассейны верхней Западной Двины и верхнего Днепра, бассейны Десны и Сейма, бассейны верхней и средней Волги и ее правых притоков, кончая Окой, и левых, кончая Велугой, бассейны верхней Вятки и Камы и верхнего Дона. Окраинными городами на западе были Кола, Корела, Ореховец, Яма, Ивангород, Гдов, Псков, Остров, Опочка, Невель, Велиж, Смоленск, Рославль, Мглин, Почеп, Стародуб. За их уездами лежали владения норвежские, шведские, Ливонского ордена и Литвы; на юг, по соседству с Диким полем, стояли города: Чернигов, Путивль, Рыльск, Севск, Карачев, Болхов, Одоев, Тула, Венев, Старая Рязань, Касимов, Темников, Мокшан, Арзамас и Алатырь на юго-востоке; по соседству с царствами Казанским и Сибирским стояли г. Нижний, Юрьевец, Галич, Чухлома, Котельнич, Орлов, Хлынов и Чердынь. На востоке пределом Московского государства был Камень, т.е. Уральский хребет. Вскоре, однако, новообразовавшееся Московское государство вышло из своих пределов и стало расширяться в юго-восточном направлении на счет царств Казанского и Астраханского, т.е. в среднем и нижнем Поволжье, и на счет Дикого поля, где господствовали крымские и ногайские татары.

Важнейшая литература:

Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности: Заселение и объединение центра. — Л., 1929.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). 3-е изд. — Спб., 1910.

Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России: С прил. материалов для ист.-геогр. атласа России XVI в. — Спб., 1884.

Некрасов П.П. Очерки по истории Рязанского края в XVI в. // Журн. М-ва нар. просвещения. 1914. Ч.50, апр.

ХШ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ К МОСКВЕ ЦАРСТВ КАЗАНСКОГО И АСТРАХАНСКОГО И РАССЕЛЕНИЕ РУССКИХ ЛЮДЕЙ В СРЕДНЕМ И НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Татарская орда, занявшая южные степи Восточной Европы и надолго задержавшая славяно-русское население в лесных областях Восточной Европы, с течением времени раскололась на несколько орд, освоивших особые юрты и заживших каждая своей самостоятельной жизнью, нередко во вражде одна с другой. Раньше других еще во второй половине XIII в. обособилась от Золотой Орды раскинувшаяся по берегам Азовского и Черного морей орда Ногайская. Хан этой орды Ногай находился во вражде с ханами Золотой Орды. В XV в. размножившиеся ногайцы занимали своими кочевьями не только приазовские и причерноморские степи (Малая орда), но и степи к северу от Каспийского моря и далее на восток, за р. Яиком и до Аральского моря (Большая, или Синяя орда) и по р. Тоболу и Ишиму (шибанские, или сибирские татары). Около половины XV в. от Золотой Орды обособилась Перекопская, или Крымская, орда, составившаяся из черноморских татар, первоначально под властью мурзы Едигея и его сыновей, а затем Хаджи-Гирея (сына или внука низверженного хана Тохтамышша), ставшего родоначальником особой династии Гиреев. На Крымском полуострове часть этих татар, не покидая окончательно кочевой жизни, стала устраиваться на жительство в тамошних селах и городах, среди давнишнего населения Тавриды: греков, готов, караимов (потомки хазар), генуэзцев и армян — и кроме скотоводства заниматься земледелием и торговлей. Хан этой орды устроил себе резиденцию сначала в Солхате (ныне Старый Крым), а затем в Бахчисарае. Но большая часть подвластных ему татар кочевала по степям Яйлы и побережьям Черного и Азовского морей (белгородские татары, малые ногаи). В Поволжье образовался особый юрт в бывшем Болгарском царстве — Казанский. Здесь уже во второй половине XIV в. стали властвовать самостоятельно мурзы — Булак-Темир, Асан и другие, а в 30-х годах XV в. ут-

вердился низверженный хан Золотой Орды Улу-Махмет, после которого царствовали последовательно его сын Мамотяк и внук Ибрагим. Утвердившиеся в бывшем Болгарском царстве татары сделались уже оседлыми, занялись земледелием, скотоводством и разными сельскими промыслами — звероловством, рыболовством, пчеловодством и, кроме того, торговлей. Из них же преимущественно сформировался правительственный и военно-служильный класс среди пестрого населения бывшего Болгарского, теперь Казанского, царства — черемис, мордвы, чувашей, вотяков и башкир. Часть казанских татар отделилась от них и образовала в Мещерской области особое Касимовское ханство под управлением Касима (сын Улу-Махмета) и его потомков. Это ханство было в феодальном подчинении у великого князя московского. Все эти отделения в конце концов ослабили Золотую Орду, получившую название Заволжской (ввиду того, что в подчинении у ее хана были уже только татары, кочевавшие на левой стороне нижней Волги). В 1481 г. орду эту близ Азова разгромили шибанские татары и ногаи, причем хан Ахмат был убит. Сыновья его держались еще некоторое время, но в 1502 г. крымский хан Менгли-Гирей внезапно напал на орду, кочевавшую с Шиг-Ахметом, рассеял, истребил и взял в плен изнуренные голодом толпы. Часть их во главе с самим ханом спаслась бегством в Ногайскую степь (на север от Азовского моря), а оттуда в Литву. Так кончилось существование Золотой, или Заволжской, Орды. “После того цари ордынские, — говорит летописец, — начали жить в Астрахани, а большая орда опустела”, а место “ся области близ Астрахани, два днища по Волге вверх, именуется Сарай Большие”. По “Книге Большому чертежу” это место — “Золотая Орда” — находилось в 90 верстах от Астрахани на Ахтубе.

Таким образом, к началу XVI в. создалось положение вещей, диаметрально противоположное тому, какое было в момент утверждения татар в Восточной Европе. Если в то время татарская орда, как единое мощное целое, направляемое единой волей своего вождя, противостояла разбитой на множество земель и княжеств и оттого бессильной Руси, то теперь, наоборот, Русь, объединившаяся в два больших государства, противостояла нескольким татарским ордам, которые не только не направлялись единой волей, но и враждовали друг с другом и истощали друг друга в междоусобной борьбе. При создавшемся положении вещей Русь получила возможность расширять свою территорию на юг и на юго-восток, куда ее давно влекли плодородные черноземные земли и богатые угодья лесостепных и степных областей. Наступление в указанных направлениях властно диктовалось и военно-политическими факторами — той борьбой, которую Руси пришлось с половины XIV в. вести с татарами. Как уже было сказано в своем месте, с началом междоусобий в татарской орде расстроились мирные отношения Руси к татарам, прекратился регулярный взнос ордынской дани и начались

хищнические вторжения татар в недра русской оседлости. Вторжения предпринимались и теми вождями, которым в данный момент удавалось достигнуть ханской власти в Золотой Орде, и теми, которые повелевали ордами, отделившимися от главной орды. Татары жгли русские селения, грабили имущество жителей, убивали и уводили множество пленных. Таким путем татары силились либо восстановить прекратившийся выход в орду дани, либо возместить потерю этой дани, либо (наконец) ответить на другие обиды со стороны русских людей. Все это втянуло оба русских государства в продолжительную борьбу с татарами, которая силой вещей должна была принять оборонительно-наступательный характер. Замирение смогло последовать только с покорением татарских юртов.

По условиям географическим для новообразовавшегося Московского государства на первую очередь стало покорение Казанского юрта. Осевшие в Болгарском царстве татары под начальством обособившихся от Золотой Орды мурз стали пустошить соседние русские области во второй половине XIV века. Так, мурза Булак-Темир вторгся в 1367 г. в пределы Нижегородского княжества и разорил много сел на Волге. Суздальско-нижегородские князья выступили против татар и истребили хищников. Булак-Темир убежал в орду, где по приказанию хана был казнен. Заступивший на его место князь Асан продолжал враждовать с суздальско-нижегородскими князьями, которые в 1376 г. вынуждены были предпринять против него карательную экспедицию с согласия ордынского правителя Мамая. Хотя Асан смирился, вынес князьям дары, тем не менее на его место был посажен другой князь — Салтан, Баков сын. Однако он не удержался на предоставленном ему месте, и власть снова захватил Асан вместе с Махмет-Салтаном. Утверждение в Болгарии враждебных князей было не в интересах не только соседнего с Болгарией Суздальско-Нижегородского княжества, но и великого княжества Московского и Владимирского. Болгария и при татарах продолжала быть посредницей в торговых сношениях Руси с Востоком. В Болгарию приезжали степняки продавать скот и рыбу, приезжали и купцы с отдаленного Востока — из Персии и Бухары с редкими и дорогими товарами для закупки мехов и кож. Из Болгарии на Русь кроме восточных товаров привозился и хлеб. И наконец, через болгарские владения ходили русские промышленники на низ за рыбой. Поэтому в том же 1376 г. отправилась в Болгарию вместе с суздальской и московской рать. Русские пожгли много сел и зимовищ, уничтожили суда неприятеля. Болгарские князья вынуждены были покориться, заплатили контрибуцию в 5000 рублей и приняли в свой город Казань (заступил место разоренного Великого города) московского дарагу, т. е. сборщика дани и таможенника. Казань, таким образом, попала в зависимость от Москвы.

Но такое положение просуществовало, по всем данным, недолго. Уже в 1399 г. великий князь московский, только что присоединивший к своим владениям Нижний Новгород, должен был посылать в Болгарию свою рать для наказания за нападение на Нижний и разорение его. Русские взяли и разорили важнейшие города Болгарии — Великий, Жукотин, Казань и Кременчук и возвратились домой с богатой добычей. Сорок лет после того Москва пользовалась спокойствием с этой стороны. Но в 1439 г. в Болгарии утвердился изгнанный из Золотой Орды хан Улу-Махмет. К нему набежало много люда из Золотой Орды, Астрахани, Азова и Крыма, которые признали его своим ханом. Уже в следующем году Улу-Махмет сделал набег под самую Москву, сжег Коломну и вернулся в Казань с богатой добычей. В 1445 г. Улу-Махмет взял Нижний Новгород и разбил московские войска под Суздалем, причем сам великий князь Василий Васильевич был взят в плен. Захват Казани князем Либеем, происшедший в отсутствие Улу-Махмета, заставил последнего выпустить великого князя за умеренный выкуп. Улу-Махмет в следующем же году был убит собственным сыном Мамотяком. Водворение в Казани нового хана ознаменовалось рядом опустошительных набегов на Устюг Великий, Муромский и Владимирский уезды, заставивших великого князя московского для отражения их выслать рать. Враждебные отношения Казани к Москве продолжались и при сыне Мамотяка Ибрагиме и заставили великого князя Ивана Васильевича в 1467 г. отправить под Казань большое войско. Цель похода была низвергнуть Ибрагима и посадить на его место его отчима и дядю Касима, перешедшего на службу к Москве. Поход этот не достиг цели, вследствие чего в следующем 1468 г. два раза ходила под Казань московская рать. Ибрагим вынужден был взять мир на всей воле великого князя московского, между прочим, возвратить всех пленных, взятых в течение последних 40 лет. Десять лет спустя Ибрагим, обманутый ложным известием о поражении Ивана Васильевича под Новгородом, нарушил мирный договор и опустошил Вятскую область. Великому князю пришлось снаряжать новый поход на Казань — для усмирения Ибрагима. После Ибрагима, умершего в том же 1478 г., в Казани произошли внутренние смуты: одни хотели иметь ханом его сына Мегмет-Аминя, мать которого вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея; другие держали сторону старшего сына Алегамы и при помощи ногаев сделали его ханом, после чего Мегмет-Аминь отъехал в Москву и получил от великого князя в кормленье Каширу. Алегам стал во враждебные отношения к Москве и опустошил ее пограничные области, вследствие чего великий князь московский должен был не раз высылать для отражения татарских набегов войска. Наконец, в 1487 году он отправил на Казань большую рать под начальством князя Даниила Холмского и царевича Мегмет-Аминя. Холмский взял Казань, посадил на место Алегамы Мегмет-Аминя, а Алегамы прислал

в Москву. Мегмет-Аминь правил уже в качестве московского присяжника и данника; при нем был московский сборщик пошлин Федор Киселев, и великий князь московский присоединил к своему титулу эпитет “Болгарский”.

Но до окончательного покорения и замирения Казани было еще далеко. Московский ставленник Мегмет-Аминь своим произволом и злоупотреблениями возбудил против себя казанских мурз, которые призвали шибанского царевича Мамука и прогнали Мегмет-Аминя. Но затем спохватились и послали в Москву послов с жалобами на Мегмет-Аминя и с просьбой дать им в цари второго Ибрагимов сына Абдул-Летифа. Великий князь согласился, и Абдул-Летиф стал казанским царем в 1497 году. Но и этот московский ставленник, как писал Иван Васильевич его отчиму, крымскому хану Менгли-Гирею, “начал лгати и ни в каких делах не учал управ чинить, да и земле Казанской учал лих быти”. Вследствие этого в 1502 г. великий князь приказал взять его и привести в Москву и заточил его на Белоозеро, а в Казань вторично отправил Мегмет-Аминя. Мегмет-Аминь пробыл только три года послушным вассалом Москвы. В 1505 г. 24 июня, во время Казанской ярмарки, казанцы схватили великокняжеского посла и русских купцов, приехавших на ярмарку, ограбили их, многих побили с женами и детьми, а других отправили в ногайские улусы. Все это произошло с разрешения хана, которого, по слухам, возбудила против русских его жена, вдова Алегамы, принцесса ногайская. С 40 тыс. казанцев и 20 тыс. ногайцев Мегмет-Аминь вторгся в пределы бывшего Нижегородского княжества, побил много крестьян и осадил Нижний, но был отражен литовскими пленниками, находившимися в крепости. Великий князь снарядил карательную экспедицию. Но московские воеводы, имея под своим начальством 100 тыс. войска, не пошли далее Муромы и дали возможность татарам удалиться спокойно восвояси. Великий князь Василий Иванович в следующем году снарядил новую карательную экспедицию на Казань, и хотя она также не имела успеха, но Мегмет-Аминь счел благоразумным изъявить покорность, освободил захваченного московского посла, купцов и всех ратных людей, захваченных в плен. Перед московским послом Мегмет-Аминь дал шерть и прислал с ним шертную грамоту “о дружбе и братстве, как было с великим князем Иваном Васильевичем”.

В 1515 г. он сильно занемог и незадолго до смерти прислал в Москву послов, которые просили назначить по его смерти ханом Абдул-Летифа, обзаваясь и впредь принимать ханов из руки великого князя московского. В этом смысле был написан договор, который утвердили в Казани хан и мурзы.

В 1518 г. Мегмет-Аминь умер и, согласно договору, великий князь отправил в Казань Ахматова внука Шиг-Алея, который приехал в Москву со своим отцом и был посажен ханом в Касимове (Абдул-Летиф умер еще

раньше Мегмет-Аминя). Казанцы, приняв хана из руки великого князя московского, принесли присягу в верности московскому государю. Шиг-Алей, угождая великому князю московскому и оказывая полное доверие находившимся при нем московским советникам, возбудил сильное неудовольствие национальной партии вельмож, которые тяготились зависимостью от Москвы, и они снеслись с крымским ханом Махмет-Гиреем, который прислал в 1521 г. своего брата Саип-Гирея с войском. Он без сопротивления вступил в Казань и был признан ханом. Шиг-Алей был отпущен из Казани и еле добрался до Москвы, приведя с собой более 1000 русских рыбаков, которые по летам обычно ловили рыбу на Волге под горами Девичьими и до Змиева Камени и до Увска, за 1000 верст от Казани.

Из нежелания обострять и без того враждебные отношения с Крымом великий князь московский терпел Саип-Гирея в Казани и даже сделал попытку восстановить прежние отношения Казани к Москве. В Казань отправился посол великого князя и с ним поехали московские купцы. Саип-Гирей как раз в это время получил известие о том, что брат его Махмет-Гирей овладел Астраханью. Полагая, что наступает конец засилью Москвы, Саип-Гирей приказал перебить москвитян, посла и купцов. Но Махмет-Гирей вскоре был убит в Астрахани своим прежним союзником ногайским князем Мамаем, и крымцы должны были покинуть Астрахань. Великий князь Москвы в 1523—1524 гг. слал против Казани одно войско за другим. Тогда Саип-Гирей удалился в Крым якобы за помощью турецкого султана, оставив в Казани малолетнего племянника Сафа-Гирея. Подступившись к Казани, московские воеводы в конце концов заставили казанцев отправить посольство к великому князю с изъявлением покорности и просьбой о мире и об утверждении Сафа-Гирея в ханском достоинстве. Целые пять лет тянулись переговоры, в продолжение которых прекратились неприязненные действия с той и другой стороны. Наконец Сафа-Гирей изъявил согласие быть присяжником великого князя и дал шертную запись. Великий князь отправил от себя посла со своей грамотой. Но Сафа-Гирей переменял свои мысли и грубо обесчестил московского посла. Вследствие этого великий князь отправил под Казань в 1530 г. огромное войско на судах и берегом. После кровопролитных боев, в которых на стороне казанцев принимали участие 30 тыс. ногайцев из улуса тестя Сафа-Гирея Мамая и черемисы, русские заставили казанских муруз послать в Москву послов с просьбой, чтобы великий князь простил хана и народ, и уверением, что впредь они будут верны великому князю. Но Сафа-Гирей не обнаружил к тому особой склонности, вопреки уверениям послов. Тогда последние просили великого князя дать в Казань другого хана, Шиг-Алея, вместо Сафа-Гирея, который делает что хочет со своими крымцами и ногаями, распуская слух, что московские полки идут на Казань, мутит умы, не держит слова и вводит их в стыд. Послы

утверждали, что казанцы жаждут мира и прогонят Сафа-Гирея. Великий князь внял этим представлениям и отправил было Шиг-Алея. Но казанцы, свергнувшие тем временем Сафа-Гирея, причем перебито было много бывших в Казани крымцев и ногаев, боясь мести со стороны Шиг-Алея, запросили брата его Еналея, владевшего Городцом Мещерским. Великий князь согласился, и казанцы с торжеством возвели на ханский престол Еналея и присягнули на верность великому князю. Казань как будто бы окончательно покорилась Москве, и в Москве государевым словом стали решаться не только важнейшие политические дела Казани, но и внутренние земские.

Казанцы со своим ханом принесли присягу на верность и малолетнему преемнику Василия на московском престоле — Ивану Васильевичу, но не сдержали своей клятвы. В 1535 г. они низвергли и умертвили Еналея и вызвали из Крыма Сафа-Гирея. Московское правительство по приглашению своих сторонников в Казани отправило войско, чтобы посадить в Казани снова Шиг-Алея. Поход не имел успеха и вызвал только ответное вторжение казанцев в Нижегородскую область. В 1537 г. казанцы подвергли опустошению Костромской, Галицкий и Муромский уезды. Особенно свирепствовали они в правление бояр, в малолетстве Грозного. По словам летописца, казанские татары, “аки злые звери”, хватали христиан в соседних русских областях, в уездах Нижегородском, Балахнинском, Муромском, Гороховецком, Владимирском, Шуйском, Юрьево-Польском, Костромском, Кинешемском, Галицком, Тотемском, Устюжском, Вологодском и Пермском. Во время похода на Казань в 1551 г. было освобождено великое множество пленных: 60 тыс. было только тех, которые получили государев корм в Свияжске, не считая тех, которые разошлись по домам и которых казанцы попрятали у себя по ямам. Безопасность русского северо-востока была совершенно не обеспечена при существовании Казанского царства — этого, по выражению князя Курбского, “сильнаго и можнаго мучителя христианскаго, производившего бесчисленное пленения и кровопролития”, так что за каких-нибудь 18 миль от Москвы все пусто было. Москва собралась наконец с силами, и в 1556 г. две рати, одна из Москвы, а другая из Вятки, сошлись под Казанью, пожгли окрестные селения, побили много народа, взяли знатных пленников и вернулись восвояси. Сафа-Гирей заподозрил, что москвичей привели некоторые князья и мурзы, его недоброхоты, некоторых из них казнил, других выгнал и своей тиранией вызвал всеобщее озлобление, разрешившееся его низвержением. Сафа-Гирей бежал в Крым, а казанцы — сеид, уланы, князья и все сановники — снова приняли к себе Шиг-Алея и принесли присягу на верность Москве. Но Шиг-Алей недолго просидел на ханском престоле. Казанские вельможи держали его как пленника, не позволяли ему выезжать из города, пиروвали во дворце, расхищали ханские сокровища, посажали в тюрьмы и умертвили его верных людей. Будучи не в состоянии обуздать их

своеволие, Шиг-Алей тайком уехал в Москву, а казанцы снова приняли к себе Сафа-Гирея, подошедшего к Каме с ногайцами. Сафа-Гирей ознаменовал свое третье властвование в Казани террором — побил много знатных людей и, ненавидя подданных, окружил себя крымцами. Семьдесят шесть казанских князей и мурз, спасаясь от его тирании, искали убежища в Москве. Вслед за ними явились послы от горных черемис с уверением, что весь их народ готов присоединиться к московскому войску, если оно вступит в казанские пределы. Вследствие этого в 1547 г. зимой царь Иван Васильевич лично повел большую рать на Казань. Но наступившая оттепель помешала развитию военных действий. Сам царь вернулся из-под Нижнего в Москву, а его воеводы с ханом Шиг-Алеем ходили под Казань и нанесли Сафа-Гирею поражение на Арском поле, но взять Казань не смогли.

По смерти Сафа-Гирея в 1549 г. казанцы возвели на ханский престол его двухлетнего сына Утемиш-Гирея. Царь Иван Васильевич задумал воспользоваться наступившим в Казани безначалием для того, чтобы окончательно прибрать ее к своим рукам. Зимой 1549—50 г. под его начальством отправилась большая московская рать; при ней находились бывший казанский хан Шиг-Алей и беглые казанские вельможи. 14 февраля русские подошли к Казани и начали громить ее стены стенобитными орудиями. Но в следующие дни наступила оттепель, пошли сильные дожди, пушки перестали стрелять, лед на реках взломало, дороги испортились, и царь поспешил вернуться. На обратном пути он остановился при устье Свяги и облюбовал место для построения русского города. Этот предположенный город должен был послужить исходным пунктом дальнейших операций против Казани, “что бы учинити тесноту Казанской земле”. Весной 1551 г. после присылки казанцами послов с просьбой о мире царь Иван Васильевич послал в Казань Шиг-Алея с 500 знатными казанскими беглецами и с сильным войском к устью Свяги, где им надлежало поставить город, укрепления, дома и церкви заранее были срублены в Углицком уезде и отправлены Волгой на судах к устью Свяги. Благодаря этому оказалось возможным соорудить город в четыре недели. В нем на первых порах были поселены жители рязанского пригорода Перевитска и многие казанские князья и мурзы с товарищами, ушедшие раньше в Москву. Следствия построения русского города в Казанской земле не замедлили обнаружиться. Обитатели горной стороны Волги — чуваша, мордва, черемисы — послали своих знатных людей в Москву, дали клятву в верности и получили от царя жалованную грамоту с золотой печатью. Они были приписаны к новому Свяжскому городу и на три года освобождены от платежа ясака. Чтобы удостовериться в их искренности, царь велел им воевать Казань, и они, переправившись на русских судах на луговую сторону Волги, имели битву с казанцами на Арском поле. Их князья, мурзы и сотники в течение лета непрерывно ездили в Москву, угоща-

лись и награждались шубами, тканями, доспехами, копьями и деньгами. И из Казани в Свияжск перебежало к Шиг-Алею много князей и мурз. Русские тем временем опустошали ближайшие села; их отряды расположились на берегах Волги и Камы от устья Суры и до Вятки и никого не пропускали к Казани. В Казани произошел мятеж против временщика улана Кошана и крымцев, заставивший их бежать из города. После этого казанцы заключили перемирие с московскими воеводами и отправили в Москву к царю Ивану Васильевичу посла с просьбой, чтобы он снова дал им ханом Шиг-Алея. Царь согласился, но велел отдать Шиг-Алею одну только луговую сторону, а горную, приписанную к Свияжску, удержал за собой. Вдова Сафа-Гирея Сююнбека с малолетним Утемиш-Гиреем была отправлена в Москву. Шиг-Алей торжественно был водворен московскими воеводами в Казани. Знать и народ шертовали на верность царю московскому.

Шиг-Алей ознаменовал свое возвращение к власти террором, перебил много князей и мурз, пересылавшихся с ногами и заподозренных в измене. Вместе с тем он надоедал Москве просьбами отдать ему и горную сторону, указывая, что из-за неотдачи горной стороны его ненавидят подданные. Казанцы послали в Москву послов с жалобами на Шиг-Алея и просили убрать его и заменить московским наместником. Это ходатайство шло навстречу и желанию Москвы, которая долголетним опытом уже убедилась, что вассальные казанские ханы не обеспечивают покорность Казани, особенно при тех связях, которые установились у Казани с крымцами и ногами. Шиг-Алей был сведен с Казанского царства, и в Казань был послан московским наместником князь Микулинский с военной силой. Когда он подходил уже к Казани, враждебные Москве казанские вельможи распустили в населении слух, что русские идут в Казань с намерением истребить всех жителей. Все уговоры сторонников Москвы остались тщетны: казанцы не пустили князя Микулинского в город, и он должен был удалиться в Свияжск. Взволновалась вслед за тем и вся горная сторона, приписанная к Свияжску. Русская ратная сила, стоявшая в этом городе, была в унынии и бездействии вследствие открывшейся тогда страшной эпидемии. Казанцы вызвали из нагайских улусов астраханского царевича Едигера, который и стал ханом в Казани. Московское правительство решило тогда во что бы то ни стало покончить с самостоятельностью Казани. В начале июля 1552 г. двумя путями направилось к Казани огромное московское войско, с которым поехал и сам царь. После месячной осады 2 октября 1552 г. пала столица Казанского царства: Едигер был взят в плен, а его союзники погибли в ожесточенных битвах. Лет пять после того московские воеводы с ратными людьми приводили в покорность бывших подданных казанского хана — чувашей, черемис, мордву, вотяков, башкир. В конце концов весь Казанский юрт был

присоединен к владениям московского царя, который с тех пор стал именовать себя и царем Казанским.

Последствием взятия Казани было превращение ее в новый пункт русской оседлости в завоеванном крае (после Свияжска). В Казани были оставлены наместники и воеводы для управления краем и при них дети боярские, стрельцы, пушкари и другие военно-служилые люди для удержания страны в покорности. В городе было выстроено несколько церквей и не один монастырь и поселились русские попы и монахи, а с 1555 года и особый архиерей.

Но скоро оказалось, что двух резиденций русской власти и силы далеко недостаточно, чтобы властвовать в крае. Черемисы, подчинявшиеся прежде Казани и одни из первых изъявившие готовность признать русскую власть, были теперь недовольны этой властью и поднимали восстания. За ними шли и другие племена завоеванного края. Поэтому для удержания их в покорности московское правительство сочло нужным построить на их земле целый ряд городов: *Чебоксары*, *Цивильск* и *Козьмодемьянск* на правом берегу Волги на земле чувашей и горных черемис, *Кокшайск* и *Санчурск* на левых притоках Волги Большой и Малой Кокшагах в земле луговых черемис. Кроме того, оказалось необходимым оберегать пределы новоприобретенной стороны от набегов ногаев, которые прикочевывали с юга до Камы и иногда переправлялись через Каму. Поэтому против прихода “ногайских людей” при Грозном построены были *Лаишев* на правом берегу нижней Камы и *Тетюши* на правой стороне Волги в 40 верстах ниже Казани, а также первая *Уфа* при впадении Уфы в Белую Воложку в земле башкир. В девяностых годах XVI столетия от Тетюш до р. Свияги была устроена засека в вековом лесу, который тянулся на десять верст в длину и на восемь поперек и непосредственно упирался в Свиягу.

Так во всех концах бывшего Казанского царства разбросались русские укрепленные пункты. Население этих городов состояло преимущественно из разных военно-служилых людей — детей боярских, стрельцов, казаков, которые, таким образом, были первыми русскими насельниками завоеванного царства. Но за этими первыми насельниками последовали и другие, и край скоро наполнился русскими людьми, которые основали в нем много новых поселков, а отчасти устроились в уже существовавших туземных.

Это дальнейшее заселение края русскими людьми стояло в связи с внедрением русского землевладения в завоеванном царстве. Пять лет спустя после взятия Казани, “когда Казанское дело в конечном смирении пришло”, казанский наместник князь Петр Иванович Шуйский взял на государя все села и земли, бывшие в непосредственном владении хана и казанских князей. Из этих земель часть была выделена наместнику, часть роздана духо-

венству, но большая часть служилым людям. Духовенство на первых порах содержалось из казны, а служилые люди — денежным и хлебным жалованием. Но такой порядок не смог продолжаться долго, и московское правительство спешило переводить и духовенство и служилых людей на самоснабжение, раздавая им для этого земли. В шестидесятых годах XVI столетия всем этим розданным землям, а равно и оставшимся во владении туземцев, по царскому повелению была произведена перепись. Это было сделано для того, чтобы знать, какие земли заняты и кем, какие лежат впусте и никем не заняты, “а впредь в поместье роздати доведется”. Данные этой переписи чрезвычайно любопытны. Они вскрывают факт быстрого и довольно значительного прилива русского земледельческого и промышленного населения в новозавоеванный край. Покорение Казани как бы прорвало запруды, сдерживавшую русское население от распространения в Поволжье ниже устья р. Судзы.

Оказывается, например, что около Свияжска на дворцовых землях в то время раскинулись уже довольно значительные слободы с населением в основном русским. Поселенцы этих слобод большей частью занимаются земледелием, но у некоторых пашни и сенокоса нет, и они промышляют различными ремеслами и заработками. Такие прозвища, как рыболов, кузнец, мельник, бочар, кожевник, скорняк, швец, кирпичник, серебряный мастер, ясно указывают на эти ремесла и заработки. Русские люди в нагорной стороне населили не только новопостроенный город *Свияжск* и подгородние слободы и села, из которых некоторые уже издавна существовали здесь, как, например, село *Маркваша*. Село это в то время находилось в поместье за служилыми людьми. Население в нем было уже большей частью русское, большинство имен крестьян — русские. В Марквашах находилась православная церковь с дворами причта. Русских людей встречаем в селах, деревнях и починках, находящихся на землях дворца, служилых людей и духовенства не только в Свияжском уезде, в нагорной стороне, но и в Казанском уезде, в луговой стороне Волги. Они носят большей частью прозвища, которые ясно показывают, откуда они пришли в Казанское царство: Васильгородец, Вятчанин, Галичанин, Муромец, Рязанец, Угличанин, Костромитин, Суздалец и т.д. Чаше всего поселенца называли просто “верховцем”. Даже в области географической номенклатуры уже обнаруживаются результаты заселения края русскими людьми. Значительные реки и притоки удерживают свои прежние нерусские наименования, но небольшие речки, горы, озера и овраги, на которых поселились русские люди, известны по писцовым книгам большей частью с русскими названиями. Из населенных мест нерусские названия носят почти все села. Это объясняется тем, что селения были основаны главным образом на местах, прежде населенных и уже наименованных, или же располагались на реках и озерах, от которых и получили

свои названия. Но селения, основанные не на больших реках и озерах, и притом вновь, имеют названия преимущественно русские. Таких селений по писцовым книгам больше всего в Казанском уезде. Русские названия носят чаще починки, чем деревни и села, что вполне естественно, ибо починки — это новые, только что возникшие поселки. Новозаселенными землями вполне являются по писцовым книгам земли духовенства. Казанскому архиерею были пожалованы обширные пространства, но без всякого населения, так что заселение их было уже делом самого архиерея. Об этом писцовые книги говорят в выражениях, не допускающих сомнения: "...села и деревни и починки архиепископли... которые после казанского взятия были пустоши". Земли, пожалованные казанским и свияжским монастырям, были тоже без населения, и монастыри должны были сами привлекать сюда людей льготами. Успех монастырей в этом отношении был так велик, что не только городища, селища и пустоши в монастырских имениях скоро населились разными людьми, но начали заселяться нови и стали "сечи на черном диком лесу и распахивати пашни и покосы рощищати". Поселение в таких местах чаще всего начиналось с починка, о котором обыкновенно говорилось: "стал ново на лесу" или же просто: "стал на лесу". Иногда монастырское население само от себя выделяло новые починки и заселяло таким образом пустоши, находившиеся около него.

Несмотря на то, что внутренние пространства Московского государства были редко населены, очевидно, не было недостатка в людях, которые удалялись из внутренних областей на окраины и заселяли их. На окраины влекло русского человека большое плодородие почвы, не истощенной в такой степени земледелием, как внутри государства, более богатые рыбные, пчелиные, звериные угодья, но чаще всего нужда, невозможность выполнять государственные и частные обязательства, угнетения со стороны властей и землевладельцев и, наконец, преступления. Нельзя отрицать в данном случае и известной страсти к перемене мест, привычки к бродяжничеству, житейского авантюризма, которым проникнуто было население в древней Руси, слабо населенной, непрерывно заселявшейся. Русскому человеку не сиделось на месте; все ему хотелось лучшего, все тянуло на новые места...

Четыре года спустя после завоевания Казани последовало занятие Астрахани; русская оседлость стала утверждаться и на нижней Волге.

Занятие Астрахани было естественным последствием завоевания Казани. Тот, кто стал владыкой в Среднем Поволжье и захватил в свои руки главный рынок, где Русь обменивалась товарами с Востоком, не мог не стремиться к утверждению своей власти и на низовьях Волги, по которой товары приходили с Востока в Казань и увозились из Казани на Восток. Сама Астрахань была довольно крупным рынком, где на русские меха выменива-

лись шелк и шелковые изделия, привозившиеся с Кавказа и из Персии; здесь же сбывался татарами и ясырь, т.е. пленные, нахвачанные в разных местах. И наконец, на нижней Волге были еще более богатые рыбные угодья, чем в пределах собственно Казанского царства.

Как уже было сказано, в Астрахани после падения Золотой Орды стали жить цари ордынские, родственники Ахмата, собравшие под своей властью малочисленные остатки Золотой Орды. Московское правительство сначала пыталось обеспечить свои интересы в Астрахани теми способами, какие употребляло оно по отношению к Казани до ее завоевания, т.е. путем договоров о дружбе и вассальном подчинении астраханских царей. Так, в 1534 г. царь Абдыл-Рахман дал на себя клятвенную запись московскому государю в истинном к нему дружестве. В 1551 г. в Москву приезжали послы от астраханского царя Ямгурчей бить челом “чтобы его государь пожаловал, велел себе служить и с юртом и жаловал бы, как и Шиг-Алея и иных царей, которые ему служат”. Но это средство, так же как и в отношении Казани, оказалось негодным. На дружбу и подчинение астраханских царей претендовали и враждовавшие с Москвой ногайские князья и крымские ханы и им удавалось взять верх над Москвой. Царь Абдыл-Рахман, присягнувший на верность Москве, был низвержен ногаями, которые взяли Астрахань и посадили на его место царевича Дербыш-Алея. Ямгурчей, выразивший желание служить московскому государю со своим братом, пристал к его врагам — крымскому хану Девлет-Гирею и ногайскому князю Юсуфу. В 1554 г. 30-тысячное московское войско, посланное на судах к Астрахани, выгнало Ямгурчей и посадило на царство царевича Дербыша. Астраханские князья, мурзы и уланы и черные люди присягнули “царю и великому князю и Дербыш-Алею царю служити прямо и полон русский весь отдати, откуда ни веден и в которой ни буди орде куплен”; после же Дербыша, кого им ни назначат из Москвы царем, тот будет им и люб. Сам Дербыш обязался посылать в Москву ежегодно 40 тыс. алтын и три тысячи рыб. Кроме того, царские рыболовы получили право ловить рыбу от Казани до самого моря безданно и беспошлинно вместе с астраханскими ловцами. Но и этот московский ставленник оказался не в состоянии держать своих подданных в подчинении московскому государю и даже вынужден был изменить ему и соединиться с крымцами и ногайцами против Москвы. Вследствие этого Москва в 1556 г. отправила рать на Астрахань, и город покорился без сопротивления. Князья, мурзы и вся чернь астраханская присягнули на подданство московскому государю. Им раздали острова на Волге и пашни по старине с обязанностью черным людям платить ясаки, как платили прежним царям. Для удержания Астрахани в покорности в ней были оставлены воеводы со служилыми людьми, стрельцами и казаками. Астрахань, таким образом, сделалась первым по времени пунктом русской оседлости в Нижнем Повол-

жье, а служилые люди низших разрядов вместе с духовенством — ее первыми русскими насельниками.

Этот первый пункт русской оседлости в Нижнем Поволжье оказался, однако, слишком отрезанным от остальной России. Поэтому он в достаточной степени не обеспечивал те интересы, которые были связаны с обладанием Нижним Поволжьем, и даже сам не был обеспечен от всевозможных опасностей, как чересчур отдалившаяся колония. Этот пункт соединяла с остальной Россией река Волга. По ней сплавлялись суда со съестными и боевыми припасами для служилых людей Астрахани, со стрельцами и казаками, которыми пополнялся комплект астраханских служилых людей. Волгой ездили в Астрахань воеводы и приказные люди. По реке ходили и купеческие суда за рыбой и солью. Но путь этот был чрезвычайно опасен. Суда подвергались нападениям русских казаков, крымских и ногайских татар. Все это наводило московское правительство на мысль о постройке укреплений в разных местах Волги для обеспечения водного пути. Такая мера диктовалась московскому правительству и отношениями татарских орд между собой. Переправы через Волгу соединяли ногайских татар с крымцами. Переправы с ногайской стороны на крымскую чаще всего совершались при впадении в Волгу рек Самары и Иргиза, по которым кочевали ногайцы, а с крымской стороны на ногайскую — на так называемой Переволоке, т.е. на том месте, где Волга сблизается с Доном, по левым притокам которого кочевали крымцы. В интересах московского правительства было разъединять эти орды, не допускать перехода крымцев к ногайцам и наоборот. Средством для этого прежде всего могла быть постройка укрепленных городов в местах обычной переправы татар через Волгу.

Любопытно, что применить это средство предлагали Москве даже сами татары. В 1556 г. расположенный к Москве ногайский князь Измаил прямо указывал царю, что ему следует построить города при устье Самары, Большого Иргиза и на Переволоке, чтобы враждебные ему ногайские мурзы, отъехавшие от него на крымскую сторону, не переходили обратно на левую, и наоборот, чтобы с левой стороны больше никто не уходил на правую. Царь отвечал, что он, “в тех местах учиня крепости, велит многим людям стоять и беречи мирз накрепку”. Но подоспела Ливонская война, поглотившая все внимание правительства, и постройка городов на Волге была отложена. Ограничились только тем, что поставили на Волге постоянные сторожи для наблюдения за переправами и воспрепятствования татарам переезжать с одной стороны Волги на другую, а также и для преследования воровских казаков¹. Но эта мера оказалась совершенно недостаточной. В последние годы царствования Грозного на Волге усилились казацкие грабежи и раз-

¹Свидетельство Хр. Борро, путешествовавшего по Волге в 1579—1581 гг. См.: Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. — Саратов, 1892. С.44, 51.

бои, причем терпели от них не только торговые караваны, но и послы. Особенно подвизался на этом поприще атаман Иван Кольцов с товарищами. Чаще всего суда подвергались нападению, проходя изгибом Волги, образующим Самарскую луку. Здесь к реке подступал кряж довольно высоких утесистых гор, подошвы которых были изрыты естественными пещерами. Сами горы в прежнее время покрыты были лесом-частиком. В этих пещерах и лесах казаки находили для себя надежный приют.

Нападением казаков на суда благоприятствовала и река Уса, прорезывающая Самарскую луку. Заприметив с вершин гор купеческие суда, казаки на своих легких стругах неожиданно налетали на них из реки Усы. Иногда этой же рекой, которая своим верхним течением сближается с Волгой на южном конце Самарской луки, казаки обгоняли купеческие суда и нападали на них ниже луки, переволакивая свои стружки из Усы в Волгу. Вследствие всего этого при Федоре Ивановиче правительство прежде всего обратило внимание на Самарскую луку и в 1586 г. при устье Самары на левом берегу Волги построило город Самару. Вслед за Самарой был основан в 1589 г. Царицын при впадении речки Царицы в Волгу, на так называемой Переволоке¹. Назначением этого города было препятствовать сближению ногайских татар с крымскими. Затем приблизительно на полпути между Самарой и Царицыным был построен (в 1590 г. упоминается как существующий) город Саратов. Он имел своим назначением быть вспомогательным стратегическим пунктом для Самары и Царицына.

Покорение Казанского и Астраханского царств и построение русских городов в их пределах и на перепутье между ними не только обезопасили старую территорию Московского государства с юго-востока и открыли новую огромную и богатую территорию для приложения русской предприимчивости к труду, но имели и другие последствия первостепенного государственного значения. После того как русская оседлость перерезала область татарских кочевий, татарам стало труднее соединяться для борьбы с русскими, и отдельные их орды стали слабеть. Ближайшим образом это сказалось на Ногайской орде, часть которой к концу XVI в. была приведена в зависимость от московского государя. Ногайский князь Урус в 90-х годах посылал по этому поводу посла к турецкому султану и просил его, чтобы он “на Уруса и на всех мирз не пенял, что учинили в воле государя Московского”: чья будет Астрахань, Волга и Яик, того будет вся Ногайская орда. Другая часть этой орды — ногайцы Казыева улуса, возбуждаемые друг против друга астраханскими воеводами, беспрестанно воевали между собой и, наконец, “от той войны оскудеша так, что отцы детей своих продаваху в Астрахани, а Казиев улус мало не весь запустел”.

¹ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье... С. 53.

До начала XVII в. русское население расселялось в том же районе бывшего Казанского царства, который с юга защищался Тетюшевской засекой и затем рекой Камой.

В XVII в. население понемногу стало проникать южнее этой линии, в степь, ближайшим образом из того же Казанского царства. Преображенский Казанский монастырь, получив во владение рыбные ловли за Камой (на р. Чертыке, Красном озере и других водах), завел около этих ловель двор, в котором стали жить поочередно старцы монастыря и монастырские детеныши. Это было в самом начале XVIII века. Несколько позже на этом месте находится уже целый монастырский поселок, в котором выстроена церковь и поселены на жительство 30 старцев и служек. Обитатели поселка не только ловят рыбу, но и пашню пахут и сено косят. Неподалеку возникает монастырская деревня, где по писцовым книгам мы встречаем особого монастырского приказчика, несколько крестьянских и бобыльских дворов, пашни и перелог. Другой монастырь, Троицкий Елабужский, в 1638 г. выпрашивает себе землю по рекам Зае и Бетке с санными покосами и рыбными ловлями уже с прямым намерением заселить ту землю крестьянами.

По следам монастырей за Каму потянулись и крестьяне из соседних местностей Казанского уезда и стали основывать там новые поселки. Так, например, в 20-х годах XVII столетия в дворцовом селе Елабуге составила артель из “новых крестьян елабужан”, которая решила поселиться “подле Камы на уфимской стороне”. Эти крестьяне образовали селение Чалну на речке того же имени близ впадения ее в Каму. В 40-х годах XVII столетия около этого селения было уже восемь деревень и два починка, основанных крестьянами села Чалны, которое стало, таким образом, рассадником целой группы колоний.

Какие же причины гнали на новые места русских людей, недавно еще устроившихся на жительство в бывшем Казанском царстве? Ответ на это дают писцовые книги. Оказывается, за время, протекшее между первой описью Казанского царства в 60-х годах XVI столетия и описью, произведенной в конце первой четверти XVIII в., производительность земель в некоторых местах Казанского уезда понизилась. Те земли, которые прежде обозначались “добрыми”, в писцовых книгах XVII столетия называются уже средними, а иногда и худыми. Очевидно, что они с течением времени “выпахались”. В странах севернее Казанского царства земледелие велось при еще более неблагоприятных условиях. В 30-х годах XVII столетия жители Пермского края докладывали царю: “...а у них де у Перми место подкаменное, студеное, хлеб не родится, побивает мороз по вся годы, и от наших (царских) денежных сборов... и от хлебного недороду они, пермичи, обнищали и одоужали великими долги и врозь разбрелися по льготным местам”. При таких обстоятельствах русские поселенцы, переселяющиеся за Каму,

не могли испытывать недостатка в товарищах, являвшихся для эксплуатации еще нетронутого пахотой чернозема и богатых угодий в здешних лесах и лугах.

Заселение закамских земель в первые три десятилетия XVII в. произошло при благоприятных внешних условиях. Ногайцы, которые по летам прикочевывали к Каме из прикаспийских степей, благодаря умелой и ловкой политике московского правительства при Грозном и Федоре Ивановиче были постепенно приведены в зависимость от Москвы. В начале XVII в. они уже отдавали в Астрахани русским воеводам в “аманаты” своих “лучших людей”, которые содержались там на закладном дворе как залог покорности ногаев московскому правительству. Кроме того, Ногайская орда сильно уменьшилась количественно отчасти вследствие внутренних усобиц, а отчасти вследствие голода. Русский посол, гостивший в Ногайской орде между 1552 и 1556 гг., писал оттуда царю: “Ногаи, государь, изводятца, людей добрых у них мало. Да голодны необычно и пеши ногаи, много с голоду людей мрет, а друг другу не верят меж себя и родные братья. Земля, государь, их пропала, друг друга грабят”. Сам князь ногайский Измаил в то же время писал царю: “А мы года три-четыре уже многим волнением отбили есмя животов и лошадей и одежи... А наши улусы оголодали” и т.д.”

Ногаи стали выпрашивать себе у московского правительства даже хлеба и денег на пропитание. При таких условиях они перестали быть опасными соседями, и русское население, пользуясь этим, вышло за линию укреплений и стало понемногу подвигаться на юг по степному чернозему, раскинувшемуся вперемежку с лесами за Камой.

Но обстоятельства резко изменились в 30-х годах XVII столетия. В 1634 г. ногаи, отправившись на свои старые кочевья вверх по Волге, неожиданно для себя натолкнулись на калмыков, которые во множестве прибывали из Азии, с берегов верхнего Иртыша и Ишима. Произошел бой, из которого калмыки вышли победителями. Часть ногайцев прошла тогда на правый берег Волги и откочевала на юг, в Предкавказье, а остальные обратились за помощью к астраханским воеводам. Но и воеводы не помогли, и ногаи принуждены были подчиниться калмыкам. Калмыки от этого еще более усилились и сделались очень опасными для окраинного населения Московского государства. Эту опасность должны были испытать в особенности те поселенцы, которые имели смелость обосноваться на левой стороне Камы. Калмыки начали громить их поселки, уводить в плен жителей, грабить имущество. Поэтому постройка укреплений для защиты закамского населения явилась крайне необходимой. В 40-х годах XVII столетия за Камой было построено два острожка — *Ахтачинск*, *Шешминск* (на р. Шешме) и *Мензе-*

Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI в. — М., 1877. С. 277, 278.

линск (на р. Ике). В 1650 г. на реке Чалне при впадении ее в Каму был построен город *Чална*, в котором были поселены 100 белопапашенных казаков “для обереганья от приходу калмыцких и ногайских людей”. Эти казаки набраны были из охочих гулящих людей. Судя по их прозвищам, они вербовались в разных местах и городах: тут мы встречаем Елабужца, Сарапульца, Лашшевца, Пермитина, Устюжанина, Двинянина, Ярославца и т.д. Им были даны поблизости от города пахотные земли по 20 четвертей на человека и сенокосы по 5 десятин, лес на дрова, дворовые строения и хоромы.

Но эти отдельные укрепления недостаточно оберегали закамское население от калмыков, несмотря даже на то, что в конце царствования Михаила Федоровича калмыки присягнули “быть под высокою царскою рукою, а войною им на государевы города и уезды не приходити”. Поэтому правительство царя Алексея Михайловича решилось провести непрерывную черту укреплений от р. Волги до р. Ика для защиты Казанского царства вообще и закамского населения в частности от набегов калмыков и ногайцев. Работы по проведению закамской черты начались летом 1652 г. и кончились осенью 1656-го. Закамская черта укреплений была протянута на 175 тогдашних тысячасаженных верст с лишком. В состав ее входил целый ряд городков, построенных вдоль р. Большого Черемшана и его притока Малого Черемшана и на левых притоках Камы до Ика включительно, а именно: *Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Билярск, Новошешминск, Кичуевск, Заинск и Мензелинск*. Промежутки между городами были заняты валами, засеками и надолбами. По окончании постройки черты из Москвы был послан для ее осмотра дворянин, который составил обстоятельное описание ее.

Ввиду того огромного значения, которое имело проведение укрепленных черт в истории колонизации, и ввиду того интереса, который сама по себе имеет эта строительная деятельность Московского государства, не лишним будет познакомиться поближе с этим типом укреплений. Начнем с городков. Центральную часть городка составлял острог. Это была небольшая, средней площадью 1000 кв. сажен, четырехугольная или круглая площадь, огороженная валом в две-три сажени вышины и две-три сажени толщины. Тарасный вал состоял из ряда срубов, наполненных землей и крытых драпью. По углам острога и в середине стен возвышались башни в несколько ярусов, деревянные и крытые тесом. Под некоторыми из этих башен делались проезжие ворота. Одна из башен, самая высокая, предназначалась для наблюдения над окрестностями. На ней висел “государев вестовой колокол”, в который караульные били при появлении “воинских людей”, а также в случае пожара. Другие башни служили для верхнего боя, на них ставились одна-две пушечки и несколько затинных пищалей. Для верхнего боя и по стенам острога делались особые крытые площадки, откуда стрельцы вели

огонь из ручных пищалей или самопалов. Внутри острога находились обыкновенно церковь и дворы причта, государева приказная изба, караульная изба у ворот, иногда несколько дворов служилых людей, погреб с военными и съестными припасами, амбары и житницы. Сажени две отступя от стены острога шел кругом него ров. За рвом находились слободы служилых людей города — стрелецкая, пушкарская и др. Эти слободы иногда были огорожены надолбами, т.е. высоким тыном из бревен, глубоко забитых в землю и крепко связанных поперечниками.

В промежутках между городками тянулись ровные укрепления. На открытых местах шел такой же вал, каким был обнесен острог. По валу на известных расстояниях строились миниатюрные городки, называемые выводами. Параллельно с валом шел глубокий ров сажени в две глубины и в три ширины. На болотах взамен этих укреплений вбивались обыкновенно высокие надолбы. В лесах делались засеки. На аршин и на два от корня рубились деревья и валились вершинами в сторону неприятеля полосой сажень в 40—60 ширины. Этот валежник в соединении с пнями должен был затруднять вторжение конных неприятелей. Из приведенных подробностей можно видеть, какую важную роль играл при создании укреплений Московского государства лес. Самое направление укрепленных черт зависело от распределения лесов. Т.к. укрепленные черты были оплотом подвигавшейся вперед русской колонизации, то, следовательно, мы имеем в данном случае новое показание великого значения леса в расселении русского народа по Восточно-Европейской равнине.

Городки, воздвигнутые на укрепленной черте, были не только обеспечением русских колоний, выдвинувшихся вперед, но и сами сделались первыми русскими колониями. В них были поселены служилые люди по прибору разных наименований — стрельцы, казаки, солдаты, копейщики и т.д. Они получили земли и угодья на содержание, обзавелись здесь семьями и хозяйством. Этим служилых людей набирали из разных охочих людей, как русских, так и инородцев, или же переводили из других городов, как ближайших, так и отдаленных, о чем свидетельствуют прозвища поселенцев. Тут мы встречаем и Тетюшан, и Чебоксарян, и Цывилян, и Саранцев, и Арзамазцев, Нижегородцев, Владимирцев, Торопчан, и Пермьяков, и Вятчан и т.д. Здесь же московское правительство поселило и испоместило довольно значительное количество смоленской шляхты и казаков, взятых в плен во время войны с Польшей. Читая обо всем этом в тогдашних актах, невольно вспоминаешь деятельность Владимира Святославовича по укреплению границ, о котором летопись говорит: “Нача ставити городы по Десне и по Востри и по Трубежеви и по Суле и по Стугне, и поча нарубати муже лучьшие от Словень, и от Кривичь, и от Чюди, и от Вятичи, и от сих насели грады: бе бо рать от печенег”. Если вспомнить при этом еще и о Ярославле, который посе-

лил пленных ляхов по Роси, аналогия выйдет полная. Как однообразны явления нашей истории на протяжении многих веков. Все та же борьба со степью, все те же средства защиты. Вероятно, и вал, проведенный Владимиром, и частокол, который видел монах Бруно, были в том же роде, как новейшие московские валы и надолбы.

С проведением Закамской черты заселение закамских земель усилилось. Их плодородие привлекло сюда множество крестьян из внутренних областей государства. Показания этих крестьян, занесенные в писцовые книги конца XVII в., прямо говорят, что они ушли сюда “от хлебного недороду”. Первые поселенцы, устроившись хорошо на новых местах, перетягивали к себе своих земляков. Поселок, сначала незначительный, превращался в людное селение. По следам русских людей за Каму стали переселяться туземцы. Они и ранее бывали за Камой, но только временно. Там у них находились сенные покосы, бортные и звериные угодья, для пользования которыми они и являлись сюда по временам. С приливом русского населения явилась опасность захвата всего этого пришельцами. Чтобы сберечь свои угодья, туземцы стали селиться подле них. Русское и туземное население, таким образом, всё более и более перетасовывалось. Для вящего обеспечения края московское правительство в 60-х годах XVII столетия поместило здесь новую группу литовских пленников, именно полоцкую шляхту. Для обеспечения новых помещиков крестьянским трудом велено было из дворцовых сел разных уездов Казанского царства выбрать с двадцати дворов по человеку и поселить их на землях, отведенных полоцкой шляхте. В самом конце XVII в. за Камой были испомещены новые партии иноземцев полковой службы и рейтаров. Мелкое служилое землевладение вследствие этого достигло здесь большого развития, и край между Камой и Закамской чертой получил довольно значительное население.

Одновременно с заселением закамских земель совершился подобный же процесс на правом берегу Волги. Здесь на первую очередь стало заселение Самарской луки. По своим природным свойствам Самарская лука была одной из лучших местностей Поволжья. Ее покрывал тучный степной чернозем вперемежку с прекрасным строевым лесом, который изобиловал зверьем и пчелиными бортями. Луку прорезывали в разных направлениях Уса и другие речки, изобиловавшие рыбой и орошавшие превосходные луга. Посреди одной из этих речек, Усолки, били ключи, насыщенные солью. Самарская лука пользовалась и относительной безопасностью. С трех сторон ее защищала широкая и глубокая Волга. К этой природной защите присоединилась в конце XVI в. и искусственная в виде укрепленного города Самары, построенного на луговой стороне Волги при устье р. Самары. А в XVII в., в начале царствования Михаила, для охраны рыбопромышленников и купеческих караванов, плавающих по Волге, от нападения казаков, кроме

того, были построены два острожка на самой луке. При таких условиях не замедлило последовать заселение края русскими людьми. Купец Надей Светешников обратил внимание на соляные ключи р. Усолки и завел здесь соляные варницы, около которых вскоре возникло несколько русских поселков. Царь Михаил особой грамотой подтвердил гостю Надею Светешникову и сыну его Семену заимку. Алексей Михайлович выкупил у Светешниковых Надеинское Усолье и пожаловал его Саввину Сторожевскому монастырю “с варницы и ворнишными заводы и со крестьяны и с бобыли и с рыбными ловлями и со всякими угоды”.

С переходом Усолья к Саввину монастырю заселение Самарской луки пошло еще быстрее. Монастырю была пожалована грамота, по которой “с работных людей и бобылей Надеинскаго Усолья с деревнями, которыя работают в соляных варницах, никаких податей и стрелецкого хлеба иметь не велено”. Эти льготы, естественно, должны были привлечь население на землю Саввина монастыря, и через шестнадцать лет после выдачи жалованной грамоты мы встречаем на этих землях несколько деревень с населением в 283 крестьянских и бобыльских двора. С особой энергией действовал в интересах монастыря в 80-х годах XVII столетия старец Леонтий Маренцов. Он захватил громадное количество земли по соседству с Усольем, не стесняясь тем, что земля частью была приписана к городу Самаре, а частью взята на дворец. На этой земле он селил беглых крестьян и чувашей, которых переманивал даже с дворцовых земель. Благодаря его деятельности, на Самарской луке возникло несколько новых сел и деревень и пополнились прежние: в одном Усолье в конце 80-х годов XVII столетия было уже более трехсот дворов.

Параллельно с заселением земель Саввина монастыря на Самарской луке совершалось заселение земель служилых людей, патриарха и дворцовых. Опись 1647 г. показывает, что заселение это совершалось “прихожими людьми разных городов”. Тут нам встречается и Арзамасец, и Алаторец, и Тетюшанин, и Нижегородец, и Балахонец, и Свияжец и т.д. Но в особенности успешно стала заселяться правая сторона Волги после основания г. Симбирска в 1642 г. и проведения в 1648—1654 гг. так называемой Симбирской черты от Симбирска до *Верхнего Ломова* включительно. Расстилавшиеся к югу от Тетюшинской засеки земли в половине прошлого столетия возбуждали восторг специалистов, посещавших эти местности. В более раннее время плодородие этих земель, несомненно, было еще более значительно. Поэтому служилые люди из соседних уездов стали выпрашивать себе здесь поместья и вотчины. Когда была выстроена Симбирская черта, тяга служилых людей на эти земли еще более усилилась. Они стали приезжать сюда не только из соседних, но и из отдаленных внутренних уездов Московского государства и выхлопывать себе здесь именья. Но распространение

служилого землевладения неизбежно влекло за собой и заселение этого края. Служилые люди не только сами с семьями селились на отведенных им поместьях, но и переводили своих крестьян, у кого они имелись, и край, таким образом, постепенно наполнялся русскими людьми.

В 60-х годах XVII столетия констатируется и вольная крестьянская колонизация на правом берегу Волги. Крестьяне заняли ниже Симбирска обширную полосу, примыкавшую к Волге и называвшуюся Арбугинской землей. По книгам 1669 г. слободы этих крестьян являются приписанными к дворцовому ведомству; пахотные земли их обозначены на правой стороне Волги, а сенные покосы — на левой. Этот пример увлек некоторых “захребетников”, живших в Белярском городе на Закамской черте. Они составили артель, перешли на правый берег и поселились на р. Сентилейке, обязавшись нести службу станичных казаков. Правительство отвело им пашни и сенные покосы. В 60-х годах XVII в. русские селения за валом Симбирской черты выдвигаются и гораздо западнее Волги. Пионерами по большей части являлись мелкие служилые люди с черты вроде, например, пахотных солдат и дворяне и дети боярские, выпрашивавшие себе здесь поместья. На эти поместья они переводили крестьян из внутренней России, не стесняясь дальностью расстояния. Многие из них принимали к себе беглых крестьян, пользуясь отдаленностью окраин. По донесению сыщиков, отправленных в эти места, за дворянами и детьми боярскими жило много беглых крестьян.

Московскому правительству пришлось позаботиться о защите населения, вышедшего южнее Симбирской укрепленной черты. Вероятно, с этой целью и построен в 60-х годах XVII столетия город *Пенза* на р. Суре. Появление этого города еще более подвинуло заселение земель за Симбирской чертой. Вследствие этого в 80-х годах XVII в. созревает мысль провести новую черту укреплений — южнее Симбирска. Для осуществления этого плана правительство сначала расселило в разных пунктах предположенной черты служилых людей, которые должны были составить контингент ее охраны. Так, в 1681 г. по царскому указу были переведены служилые люди из Саранска в восточную часть Пензенского уезда “для засечной и сторожевой службы”. Они поселились на городище на р. Луевке и были наделены землей и угодьями на 100 человек. В 1683 г. был построен город *Сызрань* на Волге, на нижнем конце Самарской луки, а в следующем году были переведены на вечное житье в этот город из Казани и Тетюш 236 солдат с женами и детьми и 239 человек из Чебоксар; всем им были отведены пахотные земли. Кроме того, приказано было селиться в Сызрань симбирским казакам, дворянам и детям боярским. Когда таким образом набралось достаточно служилых людей, была проведена и самая укрепленная черта от Сызрани до Пензы.

С замирением Поволжья после разгрома казацкой вольницы, участвовавшей в Разинском мятеже, русская колонизация на правой стороне Волги сделала новые успехи. (Далее в рукописи не сохранилась одна машинописная страница. — Изд.) ...служб” были переведены служилые люди из Казани и других верховых городов. Отсутствие укрепленной черты все-таки сильно давало себя чувствовать населению правого берега Волги и южнее Сызранской черты. Кириллов в своем труде “Цветущее состояние Всероссийского государства” говорит, что до 1720 г. жители при городах Саратове и Царицыне “ничего сеять в полях и степях не имели за опасением внезапных приходов Кубанской орды, которая чинила всякие озлобления российскому народу, живущему в низовых местах, брали людей в полон и скот отгоняли”. Поэтому по распоряжению Петра в 1718—1720 гг. была проведена укрепленная черта между Царицыным и Доном протяженностью 60 верст. “Итак, за Божью помощью, — говорит Кириллов, — Низовая Украйна от тех Кубанских набегов успокоена, и где было не токмо прежние жильё, но и в новых пустых местах селитба умножается”¹.

Одновременно с заселением правой стороны нижнего Поволжья заселялась и левая его сторона южнее Закамской линии. Но это заселение шло гораздо медленнее и кончилось гораздо позднее, только в 50-х годах прошлого столетия. Медленное распространение русской колонизации на левом берегу Волги обуславливалось соседством калмыков и башкир, кочевавших южнее Закамской линии. Иностраный путешественник Корнель де Брунн, проезжавший по Волге в самом начале XVIII в., говорит в описании своего путешествия, что татары делают набеги из этих мест вплоть до Казани и “захватывают все, что могут или сумеют: людей, скот и проч.” По нашим собственным известиям, земли между Камой и Самарой, сверх того, подвергались нападениям башкир. Из-за этого не могли даже эксплуатироваться сенокосы и другие уголья, отведенные на луговой стороне Волги жи-

¹ Кириллов И. Цветущее состояние Всероссийского государства. Часть II. М., 1831. С.29—30.

И действительно, после проведения Царицынской линии Саратовское Поволжье стало заселяться. Сюда стали переселяться мордва и чуваша из Казанского царства и малороссы — чумаки, возившие эльтонскую соль. Но более усиленная и систематическая колонизация края относится к царствованию имп. Екатерины, которая селила здесь раскольников и иноземцев-колонистов. Особенно сильно переселение русских людей из внутренних областей происходило в последней четверти XVIII в., когда многие знатные помещики, получившие здесь огромные имения, как, например, Нарышкины, Разумовские, Куракины, Голицыны, стали переводить сюда своих крестьян. Посредством таких переселений население Саратовского Поволжья быстро возрастало. В 1777 г. при учреждении Саратовского наместничества в нем было около 640 тыс. душ обоего пола. К 1830 г. население уже увеличилось вдвое. Вследствие переселений из внутренних областей Саратовское Поволжье имеет чрезвычайно пестрое по этнографическому составу население. Тут кроме великороссов живет много малороссов, немцев, мордва, чуваша, мешера, поляки, евреи, цыгане и даже калмыки.

телям нагорной стороны. Так, в 1710 г. старожилы монастырских поселков Мальковки и Терсы свидетельствовали, что земли и угодья, отведенные их монастырю на левой стороне Волги, остались не меряны и не межеваны, т.к. по Иргизу и по степи калмыки и башкирцы кочуют зимовьями, и крестьяне “тою землею не владеют; а опроч татарских кочевей на той луговой стороне русских людей жилья ничего нет”.

Заселение луговой стороны Волги южнее Закамской черты пошло с проведением там новых укрепленных линий. В 1732 г. для охранения русских поселков, выдвинувшихся за Закамскую черту, от набегов калмыков, башкир и киргизов была проведена новая Закамская линия. Она шла от городка Алексеевского на р. Самаре до Кичуевского фельдшанца на старой Закамской черте. По этой линии был выстроен ряд городов, из которых уцелел до настоящего времени г. Сергиевск. Но скоро эта линия оказалась ненуждой, т.к. в 1737 г. была проведена новая черта от г. Самары до Оренбурга, только что построенного в земле башкир. На этой черте возник и нынешний город Бузулук. Постройка Самарской черты сильно подвинула вперед русскую колонизацию луговой стороны Волги южнее старой Закамской черты. В 1738 г. здесь возник город Ставрополь, в котором были поселены крепные калмыки.

Заселение луговой стороны Волги южнее Самарской черты началось после издания манифеста 1764 г., которым приглашались селиться в России иностранцы и бежавшие за границу русские, особенно раскольники. Для их поселений предназначались земли по берегу Волги вниз от Самары по Большому Иргизу, Еруслану, Тарлыку и их притокам. При этом поселенцам были обещаны разные льготы и особые преимущества. Первыми явились раскольники, основавшие несколько селений по р. Иргизу, монастырей и скитов. Между прочим, раскольниками основано было село *Мечетное*, в 1835 г. превратившееся в город Николаевск Самарской губернии (ныне Пугачевск). Колонизация пространств стала возможна вследствие того, что к тому времени русскому правительству удалось в значительной мере обуздать калмыков; к калмыкам в улусы даже стали назначаться особые русские пристава. Это обстоятельство вызвало бегство большей части калмыков. Бежавшие в Джунгарию калмыки в 1771 г. в большинстве были истреблены киргизами, через кочевья которых они бежали, и только незначительное количество их добралось до Джунгарии, где они и живут до сих пор. В русских пределах осталась только относительно небольшая часть калмыков, а именно: калмыки, поселенные еще в 1710 г. в земле войска Донского между Доном и Донцом — около Новочеркасска, и калмыки, кочевавшие в 1771 г. на правой стороне Волги. Эти последние не могли присоединиться к главной орде потому, что лед на Волге растаял и переправа была невозможна. Вскоре после бегства калмыков распространился Пугачевский бунт на Волге, задержав-

ший на некоторое время мирное развитие края и расширение колонизации. По усмирении бунта в 1787 г. была возведена *Узенская крепость* (позднее село Новоузенского уезда), от которой шли кордоны с одной стороны к Волге, с другой — к Уралу.

Таким образом, проведена была четвертая укрепленная линия, под защитой которой заселение бассейнов Большого Иргиза, Еруслана и Узеней пошло быстрее. Сюда явились иностранные колонисты из Бюртемберга, Бадена, Швейцарии, Пфальца и Голландии. Особенно усилилось переселение сюда выходцев из великороссийских и малороссийских губерний в 1816—1834 гг., так что в 1835 г. понадобилось устроить здесь два новых уезда Самарской губернии, Николаевский и Новоузенский. В город Николаевск, как уже сказано, превращено раскольничье село Мечетное на Иргизе, а Новокузнецком стала раскольничья деревня Чертанла на р. Большой Узень. С 1835 по 1855 г. сюда переселилось казенных крестьян более 20 тыс. семей. В то же время было выселено более 120 дворянских семейств из Смоленской губернии. В конце 50-х годов XIX в. сюда переселилось около 200 семейств немецких меннонитов. По данным переписи 1897 г., Самарская губерния являлась уже довольно плотно заселенной — более 1000 человек на квадратную милю (2 763 478 человек на 2743,09 кв. миль).

Бассейн нижней Волги в силу своего географического положения и природных условий должен был колонизироваться русским народом позже и слабее, чем более верхние области. Оседлое население сосредоточилось здесь, главным образом, на берегах реки Волги и ее рукавов, а равно на островах, образуемых этими рукавами. Первоначальным пунктом русской оседлости в этом крае сделалась, как уже сказано, татарская столица Астрахань, где были поселены разных чинов служилые люди и духовенство. Кроме того, по соседним местностям — рыбным “учугам” расселились русские промышленные люди, привлеченные сюда обилием и легкостью добычи. С 1619 г. правительство разрешало селиться в Астрахани на Садовом бугре особой слободой иноземным торговым людям в целях развития астраханской торговли. Из иноземных гостей более других прибыло в Астрахань армяны, значительно меньше “кизилбашей” — персияны и еще меньше индийцев, получивших в свое пользование казенный индийский двор. С появлением в заволжских степях калмыков остатки татар Золотой Орды под именем “юртовских” двинулись к Астрахани и поселились частью в городе особой слободой (Царево), а частью в уезде, в дельте Волги, где ими были основаны селения *Каракалин, Кизань, Майлегул, Басламгул, Машаик, Джамель* и др.

Появление калмыков и грабежи, производимые русскими “воровскими людьми”, заставили московское правительство озаботиться укреплением всего нижнего течения Волги южнее Царицына. Ранее других в 1627 г.

был построен *Черноярский* новый острог, в 1634 г. перенесенный на место, ныне занимаемое городом Черным Яром. Затем, в 1655 г., был выстроен *Красный Яр* для обуздания казаков, засевших на островах и камышах устья Волги и беспокоивших судовые караваны. Наконец, в 1741 г. для предотвращения калмыцких набегов была сооружена земляная крепость *Енотаевская* (позднее уездный город Астраханской губернии). Первоначальными засельниками этих новых городов были крепостные служилые люди и сосланные сюда за вины посадские люди и крестьяне. Под прикрытием этих городов и множества мелких острожков, рассеянных по всему нижнему течению Волги, стали возникать по берегам ее русские поселения, в которые были водворяемы сосильные и бродяги, давшие свое имя (безродных, беспутных) некоторым деревням бывшей Астраханской губернии.

В половине XVIII в. для охраны караванов, почты и рыбных промыслов был образован из местных казаков и всякого пришлого сброда Астраханский казачий полк. До 1757 г. он пребывал в г. Астрахани, но с 1757 г. казаки были выселены за четыре версты от города на казачий ярлик и образовали станицу *Казачебугровскую*. С 1764 г. устраивались по берегу Волги и другие станицы — всего 13. Наиболее людные станицы *Копановская*, *Ветлянская* и *Грачевская* возникли выше Енотаевска и только одна *Замьяновская* ниже его.

Станицы Астраханского казачьего войска получили земельные наделы по берегам Волги и стали быстро пополняться беглым людом, пока не последовало (в 1762 году) запрещение принимать здесь беглых. Состав Астраханского казачьего войска увеличивался потом присоединением к нему команд Енотаевской, Красноярской и Черноярской (1784—1786 гг.). В начале XIX века к Астраханскому казачьему войску были присоединены городовые команды Саратова, Камышина и Царицына. Составился, таким образом, значительный контингент, который был разделен уже на три полка под начальством особого атамана. На астраханских казаков возложили обязанность содержать кордоны на Ахтубинской линии, посты в Букеевской и Калмыцкой степях, на рыбных ловлях и соляных промыслах. Войско было наделено землей в количестве без малого 300 000 десятин, преимущественно на луговой стороне Волги, от Астрахани до Саратова верст на 700. В свободное от службы время казаки занимались хлебопашеством, скотоводством, торговлей и другими промыслами. В 1860 г. в войске Астраханском числилось уже 19 000 с лишком человек.

Наряду с военной колонизацией Астраханского края шла колонизация землевладельческая и промысловая. После того, как большая часть калмыцкого народа, кочевавшая на луговой стороне Волги, ушла (в 1771 г.) в Джунгарию, в степях на правой стороне Волги осталось только 13 000 калмыцких семейств. С этого времени в Астраханском крае устанавливается

земледельческая и промысловая колонизация. В Заволжских степях получают разрешение селиться выходившие из-за границы раскольники, потом стали переселять туда казенных крестьян, преимущественно из Воронежской и Рязанской губерний, и, наконец, стала практиковаться раздача земель и участков морских вод частным лицам в полную собственность. Переселенцы располагались на морском побережье, на берегах Волги и ее рукавов, на островах, лежащих в устье Волги, и на гряде, составлявшей пограничную окраину со стороны войска Донского, — Ергенях. Внутренние же части степи оставались в пользование кочевых народов, за исключением местностей, по которым проложены тракты. Из наиболее крупных селений, возникших в связи с этой колонизацией, следует отметить г. *Царев*, основанный в 1805 г. выходцами из Воронежской губернии по соседству с татарской слободкой Солодовской. Заселение Ергеней происходило одновременно. Некоторые селения в северной части, как, например, *Аксай*, *Большие и Малые Чепурники*, *Цаца*, *Дубовый овраг*, существовали уже с начала XIX в.; другие появились в силу инструкции 1846 г. о заселении дорог в Калмыцкой степи, расстилающейся на запад от Волги. По этой инструкции предполагалось устроить 28 селений из калмыков и русских по 50 дворов из каждой народности. Возникшие в высокой степи по царьцынско-ставропольскому тракту 12 поселков получают сначала наименование станиц, а затем в 1861 г. переименовываются в селения. Линия их, открываясь селением *Плодовитым* на верховье р. Уласта, замыкается *Приютным* на Каменной балке. Юго-восточная окраина Калмыцкой степи также замкнулась целым рядом селений, возникших в половине прошлого столетия на буграх “мочагов”. Линия их, состоящая из небольших поселков *Николаевки*, *Линейного*, *Басинского*, *Караванного*, *Михайловки*, *Яндыковки*, *Промыслового* и *Оленичева*, простирается не далее 150 верст от Астрахани. Населены все эти пункты малоземельными крестьянами, преимущественно выходцами из Воронежской, Харьковской и других южных губерний. После обследования Кумо-Маньчской экспедиции 1860—1861 гг. в центральной части Калмыцкой степи по дорогам тоже стали устраиваться поселения, но за недостатком хорошей воды они слабо развивались.

К исходу XIX в. общее количество населения Астраханской губернии с включением кочевников дошло до миллиона (994 775 душ обоего пола). Большая часть русского и вообще оседлого населения сосредоточивалась на Волге, ее рукавах и островах и на морском побережье, не заходя далее внутрь края. Расстилающиеся к западу и востоку от течения Волги степи неудобны для оседлой жизни и потому остались за кочевниками. Западной степью и прилегающей к Волге полосой восточной степи пользовались семь улусов калмыцкого народа. Восточная степь была занята киргизами Внутренней, или Букеевской орды и так называемыми кундровскими татарами, потомка-

ми ногайцев, переселившихся с Кубани в XVIII веке. Киргизы Букеевской орды стали кочевать в Прикаспийских степях с 1801 года. Хан Букей, избегая ссор со своими родичами, отделился от Малой Киргизской орды и выпросил у русского правительства разрешение перейти с подвластной ему ордой (5000 кибиток) в Прикаспийскую степь, опустевшую после бегства калмыков в 1771 году. Прибыв на новые места, Букей устроил свою ставку на урочище Нарын-Пески, которое сделалось пунктом оседлости с 1827 г., когда хан Джангер поставил здесь первый деревянный дом. Возникшее таким образом селение стало известно как *Ханской ставкой*.

Важнейшая литература:

Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI вв.: (Очерки из истории края и его колонизации). — М., 1877.

Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (Очерки из истории колонизации края). — Одесса, 1882.

Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель // Уч. зап. / Казан. ун-т. 1871.

Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. — Саратов, 1892.

Хованский Н.Ф. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии: С биогр. А.Н.Радищева и др. Вып. I. — Саратов, 1884.

XIV. БОРЬБА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С КРЫМСКИМИ ТАТАРАМИ И ЗАСЕЛЕНИЕ ЧЕРНОЗЕМНЫХ СТЕПЕЙ

Татарская орда, обосновавшаяся в Крыму под властью особой династии Гиреев, в великокняжение Ивана III пребывала в мирных отношениях с новообразовавшимся Московским государством. Москва и Крым в то время нуждались друг в друге для борьбы с общим врагом — ханом Золотой Орды и великими князьями литовскими, которые поддерживали его. В 1473 г. крымский хан Менгли-Гирей заключил с великим князем Иваном Васильевичем договор, по которому стороны обязались пребывать в любви, братстве и мире, быть везде заодно, другу другом быть и недругу — недругом. Менгли-Гирей дал слово за себя, своих уланов и князей не воевать земли великого князя и тех князей, которые “на него смотрят”, если же без его ведома люди его людей великого князя повоюют и придут к нему, то ему их казнить, взятое отдать и головы людские без откупа выдать. Послам с той и другой стороны разрешалось ездить свободно, без платежа пошлин. “Пошлинам даражским и никаким другим не быть”, — говорилось в договоре. Менгли-Гирей добивался от великого князя присылки ежегодных поминков, но великий князь не дал формального обязательства в этом смысле, хотя и посылал подарки хану, его женам и вельможам. В течение всего великокняжения Ивана Васильевича Менгли-Гирей, ведший неустанную борьбу с ханом Ахматом и его сыновьями, не раз изгоняемый из Крыма (братом Айдаром и ханом Ахматом), оставался верен союзу с Москвой в расчете найти у нее помощь и в случае нужды убежище. Зато с Великим княжеством Литовским он почти все время пребывал во вражде, и его набеги непрерывно пустошили польско-литовскую Украину.

Но при сыне Ивана III изменили отношения Крыма с Москвой резко изменились. Менгли-Гирей окончательно доконал Золотую Орду, и всякая опасность для него с этой стороны исчезла. Польско-литовское правительство, угнетаемое частыми вторжениями крымцев в свои Украины, стало щед-

рее отзываться на запросы “упоминков”, чем скупая и прижимистая Москва, и в конце концов оказалась на положении должника Крыма, регулярно платившего выход (15 тыс. золотых). Король Сигизмунд получил от Менгли-Гирея ярлык на “столец” в Литовской земле с землями Киевской, Вольнской, Подольской, Северской, Псковом, Великим Новгородом и Рязанью, пожалованными будто бы еще великому князю Витовту и Казимиру дедами и отцом Менгли-Гирея. Крым теперь стал дружить с Литвой больше, чем с Москвой. Несмотря на то, что Менгли-Гирей дал Василию шертную грамоту в соблюдении прежнего союза, какой был у Москвы с Крымом при Иване III, летом 1507 г. в Москву пришла весть, что по степи идет множество татар и надо ждать их прихода на Белевские, Одоевские и Козельские места. Василий поспешил выслать на эту Украину воевод с ратными людьми. Хотя они не успели помешать татарам набрать в ней большой полон и добычу, но пустились в погоню за ними, нагнали их на верхней Оке, разбили и отняли весь полон и добычу. Урок этот подействовал, и до 1512 г. крымцы оставляли в покое московскую Украину. Хан ограничивался только непрерывными вымогательствами от великого князя поминков для него самого, для своих мурз и князей, указывая, что если поминки не будут присланы, то они, князь и мурзы, скажут: “Шерт с нас долой!” и станут этим ему, хану, сильно докучать. Он добивался также бесполошинной торговли для своих купцов-ордобазарцев, которые поедут в Москву и другие города. Это требование было удовлетворено; по мере возможности удовлетворялись и запросы относительно поминков. Но в мае 1512 г. двое сыновей Менгли-Гирея с многочисленным войском повоевали московскую Украину — Белев, Одоев, Ворытск и Алексин, взяли пленных и отступили с большой добычей. Московские воеводы не догнали их. В октябре царевич Буриаш-Гирей напал на Рязань. Города он взять не смог, но земле Рязанской причинил много вреда и ушел с большой добычей.

В 1515 г. умер Менгли-Гирей, так или иначе связанный клятвенным договором с Москвой. Его сын и наследник Махмет-Гирей начал с того, что прислал в Москву посла с упреком, как великий князь посмелся взять у короля Сигизмунда Смоленск, который отец его, Менгли-Гирей, пожаловал к литовскому юрту. Хан потребовал также, чтобы великий князь вернул пожалованные его отцу от Менгли-Гирея города Брянск, Стародуб, Почеп, Новгород Северский, Рьльск, Путивль, Карачев и Радогощ, ибо эти города он, хан, отдал королю. Доброхот Москвы в Крыму Аптак-мурза писал великому князю, что хан уступит ему эти города, если он пришлет ему столько же казны, сколько король присылает, “а с королем им друзьями как не быть: и летом и зимою казна от короля, как река, безпрестанно так и течет, и малому и великому всем уноровил”. Московские купцы в Крыму стали терпеть много докучи от придворных хана, его князей и мурз, нагло требовавших от

них поминков, и даже подвергались прямому ограблению. Москва, однако, не уступала, давала поминки не по запросам и требовала от нового хана шертной грамоты. Кроме уплаты поминков хан ставил условием помощь ему против Астрахани. Дело совсем сладилось, но Сигизмунд поспешил прислать хану 30 тыс. золотых, и царевич Богатырь, сын Махмет-Гирея, устремился на московскую Украину и опустошил рязанские и мещерские села. Когда московский посол пожаловался на это Аппаку-мурзе, тот ответил: “Все это делается великому князю самому от себя; говорил я, чтобы великий князь столько же присылал, сколько король присылает”. Сам хан писал великому князю: “А что наши люди Мещеру воевали, то я не ручаюсь, что и впредь этого не будет, хотя я с братом моим великим князем буду в дружбе и братстве; людей своих мне не унять, пришли на меня всю землю, говорят, что не будут меня в этом слушаться; а Ширипы мимо меня вздумали воевать Мещеру, потому что ныне на Мещере — наш недруг, а из старины этот юрт наш. Нынче брат мой, князь великий, зачем не просит у меня на Мещеру брата или сына. Когда наш род был на Мещере, то смел ли кто из наших смотреть на нее”.

Великий князь велел своему послу предложить Мещеру Махметову брату Ахмат-Гирею, обещал хану помощь на Астрахань, надеясь получить от хана шертную грамоту и отвлечь его от союза с Литвой. Но король Сигизмунд успел вовремя послать хану 20 тыс. золотых, и летом 1517 г. 20-тысячное войско татар появилось около Тулы. Князя Воротынский и Одоевский распорядились, однако, очень удачно: пешие ратники обогнали татар, засекали им дороги в лесах, много их там побили, а конные стали преследовать хищников по дорогам, по бродам, потопили их много в реках, много взяли в плен, так что из 20 тыс. немногие вернулись в Крым, да и те пришли пеши, босы и наги. С другой стороны князь Василий Иванович Шемячич за Сулой побил татарский отряд, приходивший грабить Путивльские места.

Несмотря на эти удачи, Москва не прекратила переговоров с Крымом. Хан добивался от великого князя не только Мещеры, где одно время сидел от великого князя его брат Нордоулат, но и Казани для брата Мегмет-Аминя Абдул-Летифа. Василий, не желая усиливать и без того опасный Крым, по смерти Мегмет-Аминя послал в Казань астраханского царевича, внука Ахметова, Шиг-Алея. Это было уже прямым вызовом крымскому хану, и в 1521 г. брат Махмет-Гирея Саип-Гирей с полками явился под Казань, прогнал Шиг-Алея и сел на его место, а сам Махмет-Гирей, подняв всех крымцев и ногаев и соединившись с литовскими казаками под начальством Евстафия Дашковича, устремился к берегам Оки. Высланное против него московское войско было опрокинуто превосходящими силами неприятеля. Татары, перейдя Оку, рассыпались для грабежа от самой Коломны до Москвы. Под Москвой с силами Махмет-Гирея соединились казанские полки, приведенные

Саип-Гиреем и опустошившие Нижегородскую и Владимирскую области. Великий князь уехал в Волок собирать новые полки. Осажденные в Москве бояре, будучи не в состоянии выносить осаду вследствие переполнения города беженцами и недостатка боевых припасов, вступили с ханом в переговоры и дали запись, что великий князь будет платить хану дань, после чего хан отошел от Москвы, грабя и разоряя селения и увозя в плен жителей. При осаде рязанского кремля он потерял много людей, крепости не взял, и в руках осажденных осталась выданная ему московскими боярами запись, которую он посылал к осажденным в подкрепление своего требования о сдаче. Полученное им известие о нападении астраханцев на Крым заставило его поскорее убраться восвояси с добычей и с колоссальным количеством пленных.

Хан собирался в том же году, осенью, повторить нашествие на Москву, но этот поход не состоялся. А весной 1522 г. великий князь приготовился встретить хана и выступил к Оке с многочисленным войском и пушками. Хан не явился, т.к. был занят другим предприятием. Соединившись с ногайским князем Мамаем, Махмет-Гирей овладел Астраханью, хан которой, Усейн, вел в то время переговоры о тесном союзе с великим князем московским. Но союзники Махмет-Гирея ногайские князья догадались, что им грозит большая опасность от усиления Гиреев, неожиданно напали на Крымский стан, убили хана, перерезали множество крымцев, по следам бежавших сыновей Махмет-Гирея вторглись в Крым и страшно опустошили его, в то время как с другой стороны крымскую землю опустошал Евстафий Дашкович со своими казаками.

Междоусобия, наступившие в Крыму после гибели Махмет-Гирея, на некоторое время ослабили натиск на Москву со стороны Крыма, где утвердился брат Махмет-Гирея Сайдет-Гирей. Но уже в 1527 г. ханский племянник Ислам-Гирей опустошил рязанскую Украину и устремился было на Коломну и Москву. Но московская рать, выстроившаяся по берегам Оки, не пустила татар за Оку и отогнала их с большим уроном в степь. То же самое повторилось и в 1533 г. при нашествии ханских племянников Ислам-Гирея и Сафа-Гирея. Заместивший Сайдет-Гирея Саип-Гирей, враждебный Москве по казанским отношениям, прямо и откровенно требовал от Москвы откупа от вторжения татар. “Ведь ты нашу землю хорошо знаешь, — говорил он великому князю московскому через своего посла, — наша земля войной живет”. Положение московского правительства затруднилось тем более, что вскоре Крым разделился между Саип-Гиреем и его племянником Исламом и оба соперника обращались к Москве с требованиями поминков.

Так как Москва не обнаруживала склонности к удовлетворению этих требований в полном размере и, в свою очередь, требовала от татар гарантировать неприкосновенность своих украин, враждебные действия со

стороны татар не прекращались. Так, в 1535 г. Саип-Гиреев вельможа князь Булгак подошел с большой силой к берегам Оки и отвлек часть московских сил от Северской земли, которую в то время добывал король Сигизмунд. В 1541 г. хан Саип-Гирей, получив известие, что великий князь московский отправил свое войско на Казань, где сидел брат Саипа Сафа-Гирей, с огромным полчищем направился к Оке. Но на берегу его встретила большая московская рать и не допустила до переправы. Хан отступил, побросав часть обоза и огнестрельных орудий, пытался взять Пронск, но не смог и удалился восвояси. Весной следующего 1542 г. старший сын его Имин-Гирей напал на Северскую область, но был разбит московскими воеводами. В 1544 г. Имин-Гирей напал на Белевские и Одоевские места и ушел в степь с большим полоном. Хан писал великому князю: “Король дает мне по 15 тыс. золотых ежегодно, а ты даешь меньше того; если по нашей мысли дашь, то мы помиримся, а не захочешь дать, захочешь заратиться — и то в твоих же руках; до сих пор был ты молод, а теперь уже в разум вошел, можешь рассуждать, что тебе прибыльнее, и что убыточнее”. Великий князь рассудил, однако, что нельзя и не стоит обязываться уплатой определенной дани, т.к. татары все равно не держат своего слова и не могут держать при их порядках. Усилившееся и окрепшее Московское государство не ограничилось одной обороной, а стало уже переходить в наступление на степь.

Наибольшего напряжения борьба с Крымом достигла после взятия Казанского и Астраханского царств. Крым почувствовал, что после завоевания Казани и Астрахани и его самостоятельность поставлена под знак вопроса, и потому старался бросать против Москвы не только свои силы, но и силы своих единоверцев — турок, ногаев и др. Уже летом 1552 г. хан Девлет-Гирей, прослышав о походе Москвы на Казань, со многими людьми направился к Туле с тем, чтобы по взятии ее идти на Москву. С ним были также турецкие янычары и большой “наряд”. Приступ к Туле был отбит, и хан, получив весть о приближении московского царя с войском, бежал из-под Тулы в степь. Московские воеводы погнались за татарами, разбили их на реке Шивороне, отполонили много своих пленников, взяли телеги и ханских верблюдов. По возвращении Ивана Васильевича из-под Казани Девлет-Гирей завел пересылку с Москвой, прислал даже шертную грамоту, однако по-прежнему жаловался, что царь присылает ему мало поминков, если пришлет больше, то он и помирится крепче. Но царь велел сказать хану, что дружбы подарками не покупает. Летом 1555 г. Девлет-Гирей вздумал опять напасть на московские украины и с 60-тысячным войском направился к Туле и Рязани. Царь выступил против него к Туле, но хан и на этот раз не принял боя и ушел в Крым, потеряв весь свой обоз (60 тыс. лошадей, 200 аргаманов и 60 верблюдов); но и русские при преследовании его потерпели поражение при Судбишах, в 150 верстах от Тулы. Ранней весной 1556 г. хан снова со-

брался было напасть на московскую Украину, но вернулся, получив известие, что его улус разоряют московские люди. То были ратные люди, которых московское правительство отправило к Перекопи под начальством Дьяка Ржевского для добывания вестей о движении крымцев. К ним на Днепре присоединилось до 300 черкас, т.е. казаков из Канева. Ржевский был под Ислам-Керменью, отогнал татарских лошадей и скот, затем взял Очаковскую крепость, около которой побил много турок и татар.

Хан после того снова завел переписку с царем, писал ему, что если он будет присылать ему поминки и ту дань, которую дает литовский король, то “правда в правду дружба будет”; если же царь не захочет, то пусть разменяется послами. Царь отвечал, что ханские требования не ведут к дружбе, и в начале 1558 г. отправил на Донец пять тысяч войска под начальством атамана запорожских казаков князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, пригласив вместе с тем и днепровских казаков к общему действию против татар. Хан поспешил стянуть всех своих татар за Перекоп, а сам сел в осаде и не выходил в поход ни летом, ни осенью. Зимой в конце 1558 г., получив от каких-то татар из Москвы весть, что царь со всеми своими силами отправился в Ливонию, Девлет-Гирей собрал до 100 тыс. войска и отправил его тремя отрядами на Рязань, Каширу и Тулу. Но на р. Мече царевич Махмет-Гирей, узнав, что царь находится в Москве, князь Дмитрий Вишневецкий в Белеве, а Иван Шереметьев в Рязани — два человека, более других знакомые и страшные крымцам, — повернул назад и, благодаря зиме, переморил много людей и лошадей. Так как на весну 1559 г. можно было ожидать нового вторжения хана, царь принял, со своей стороны, меры: князь Вишневецкий с 500 человек был оправлен на Дон, а окольный Данило Адашев с 8000 в городок на Псле, чтобы оттуда промышлять над Крымом. Весной Вишневецкий около Азова побил крымцев, пробиравшихся в Казанскую область, а Адашев, спустившись на лодках в устье Днепра, высадился в Крыму, опустошил татарские улусы и освободил русских и литовских пленников. Татары насилу опомнились. Хан гнался за Адашевым вверх по Днепру до Ненасытецкого порога, но не решился напасть на него и ушел назад. После этого московские полки целое лето поджидали хана на Украине, но он не приходил: его улусы тревожили своими нападениями и днепровские казаки и дружественные Москве ногаи. От него приходили в Москву послы с обычными предложениями и запросами и с жалобами на нападения. Царь отвечал ему, чтобы он “оставил безлепицы”: когда будут добрые дела между ними, тогда никто не будет нападать на Крым; он отдавал на рассмотрение хана, что лучше — вражда или мир с Москвой, и указывал, что русские люди узнали дорогу в Крым “и полем и морем”.

На некоторое время борьба с Крымом затихла. Московский государь все свои силы напряг на борьбу с Литвой и Польшей. Чтобы быть спокой-

ным со стороны Крыма, Иван Васильевич в 1563 г. отрядил в Крым большого посла Афанасия Нагого с богатыми дарами и поручением уговорить хана дать шертную запись. Хан долго ломался, требовал от московского царя казны, какая давалась Саип-Гирею, да и той казны, которую король ему дает, да сверх королевской казны поминков. Нагой отвечал: “В пошлину государь наш никому не даст ничего, государь наш дружбы не покупает; станет между вами доброе дело, так государь наш тебе за поминки не постоит”. Один из крымских князей говорил Нагому: “Татарин любит того, кто ему больше дает, тот ему и друг”. Когда из Москвы привезли хану такие поминки, которые ему полюбились, хан дал шертную грамоту царю. Нагой собирался уже отбыть из Крыма, как приехал литовский гонец с известием, что король посылает двойную казну и берется присылать Саип-Гиреевские поминки, которые обещает царь, если только хан разорвет с Москвой. Это дало повод хану возобновить торг с московским послом. Он послал спросить Нагого, ручается ли он, что царь будет присылать ему Махмет-Гиреевские поминки. Нагой отвечал, что не ручается. Тогда хан решил, что дружба короля выгоднее, и выступил к московским украинам, ибо король писал ему, что все царские войска на литовской границе. Однако рязанцы отбили все приступы татар. Хан, услышав о приближении московских воевод, не стал их дожидаться и ушел назад, потерпев значительный урон в людях, потому что отдельные его отряды, рассеявшиеся для грабежа, были побиты.

Неудача не помешала хану не только настаивать на уплате ему Махмет-Гиреевских поминков, но и требовать от Москвы Казани и Астрахани. Разумеется, Москва осталась глуха к этому требованию, и осенью 1565 г. хан с пушками подступил к Болхову. Но там были воеводы с ратными людьми, которые сделали удачную вылазку и не дали татарам даже сжечь посад. Когда стало приближаться большое московское войско, хан бежал назад. И после этого нападения хан продолжал требовать Казани и Астрахани для вечного мира и богатых даров для перемирия. Московское правительство, разумеется, не могло исполнить требования относительно Казани и Астрахани, но при всем том вынуждено было быть уступчивей. Дело в том, что в это время турецкий султан задумал овладеть Астраханью и снарядил под начальством кафинского паши Касима экспедицию, которая должна была подняться Доном до переволоки, каналом соединить Дон с Волгой и затем спуститься по Волге к Астрахани и занять ее или построить около нее город. Экспедицию должен был сопровождать и крымский хан с 50 тыс. своих татар. Хотя на этот раз поход не удался, но не было гарантии, что он не возобновится, и Москве важно было отвлечь хана от активной помощи турецкому предприятию. Крымскому послу объявили в Москве, что царь за поминками не постоит, нужно только выяснить, сколько платилось Махмет-Гирею; царь

изъявил желание дать кому-нибудь из крымских царевичей Касимов. Но это не удовлетворяло хана.

Между тем турецкий султан категорически потребовал от Москвы отдать Казань и Астрахань, и хан воспользовался этим для нападения на Москву. Весной 1572 г. он со 120 тыс. татар подошел к Оке, переправился через нее в местах, указанных перебежавшими к нему детьми боярскими, и 24 мая подступил к Москве, куда сбежалось множество народа из окрестностей. Московские правящие и военные круги были деморализованы и терроризованы тиранией царя, которая в данный момент достигла кульминационного пункта, и сопротивление татарам было слабо организовано (царь заподозривал даже, что бояре привели хана). Татары сожгли все посады, причем, по иностранным известиям, войска и народу погибло до 800 тыс. Пожар помешал татарам грабить в предместьях; осаждать Кремль хан не решился и, услышав о приближении большого царского войска, ушел со множеством пленных, по некоторым известиям, до 150 тыс. человек.

Царь сделался еще уступчивее. Уклонясь от прямого ответа на требование отказаться от Казани и Астрахани, он соглашался давать Махмет-Гиреевские поминки либо такие, какие посылает король, и даже те и другие вместе. Но хан понял, что царь только тянет время, и летом 1572 г. со 120 тыс. войска опять двинулся к Оке. На Оке у Серпухова его поджидало русское войско под начальством князя Воротынского. Хан, оставя отряд “травиться” с этим войском, сам с главными силами перешел Оку. Воротынский погнался за ним и настиг в 50 верстах от Москвы на берегу Лопасни в Молодях. Произошло несколько сильных схваток, неудачно кончившихся для хана, и он принужден был бежать, потеряв много войска. После этого он стал требовать от московского царя уже одной только Астрахани. “Только царь даст мне Астрахань, — говорил он проживавшему у него московскому послу, — и до смерти на его земли ходить не стану; а голоден я не буду: с левой стороны у меня Литовский, а с правой — черкесы, стану их воевать, и от них еще сытей буду”. Но царь отвечал ему, что он не надеется на обещание хана довольствоваться только Литовской да Черкесской землей. “Теперь, — писал он, — против нас одна сабля — Крым; а тогда Казань будет вторая сабля, Астрахань — третья, Ногаи — четвертая.” Девлет-Гирей уже не предпринимал нападений на Москву. Его отряды, впрочем, появлялись на рязанских и других окраинах для грабежа и полона, и царь должен был ежегодно держать войско на берегу Оки для их отражения.

В 1577 г. Девлет-Гирей умер. Новый хан, сын его Махмет-Гирей, дружелюбно известил московского государя о своем воцарении. Так как одновременно с тем он погромил владения московского недруга — короля польского и великого князя литовского, Иван Васильевич послал к нему знатного посла с поздравлением, богатыми поминками и с обещанием ежегодных

поминков за дружбу. Но хан через послов потребовал за эту дружбу Астрахань, свода казаков с Днепра и Дона и 4 тыс. рублей. Послам отвечали в Москве, что днепровские казаки служат королю, а донские — беглецы московские и литовские, коих велено казнить, где они появятся; оружие и вера утвердили Астрахань навеки за Москвой, ибо там уже построены церкви и монастыри и живут коренные христиане. Чтобы так или иначе задобрить хана, царь послал ему тысячу рублей, много даров для его жен, князей и мурз. Махмет-Гирей был вскоре убит своим братом Исламом, который потребовал от преемника Ивана Васильевича Федора 10 тыс. рублей, будто бы присылавшихся хану его отцом сверх драгоценных мехов. Пока тянулись переговоры, шайки крымцев вместе с азовцами и ногаями Казыева улуса в числе 30 тыс. жгли селения в Белевском, Воротынском, Козельском, Мещовском и Мосальском уездах. “Легкие” московские воеводы с немногими людьми разбили их наголову и несколько тысяч потопили в Оке либо поймали живыми. Это было в 1584 году. В 1586 г. на московскую Украину приходило до 40 тыс. татар, с ними царевич-калга Али-Гирей с двумя братьями. Около 30 тыс. было побито московскими ратными людьми, до 2 тыс. взято в плен, в том числе несколько именитых мурз. В следующем году приходили к городу Кропивне и взяли острог царевичи Саламет-Гирей и Фети-Гирей. Войска с ними было до 40 тысяч.

С Ислам-Гиреем Москва так ни до чего и не договорилась. Его брат Казы-Гирей, вступивший на ханский престол в 1588 г., сначала также вел нескончаемые переговоры с Москвой о дружбе, но затем узнал, что Москва ведет переговоры с Литвой об общих действиях против Крыма, и, побуждаемый шведским королем, предпринял грандиозный набег на Москву летом 1591 года. Хотя главные ратные силы Москвы в это время были отвлечены войной со Швецией, правивший тогда Борис Годунов успел организовать оборону Москвы. В удивительно короткий срок московские посады были обнесены деревянными стенами с бойницами, а Даниловский, Новоспаский и Симонов монастыри превращены в крепости. Войско встало в двух верстах от города между Тульской и Калужской дорогами. Там соорудили дощатый подвижной городок на колесах и установили многочисленную артиллерию во всех бойницах. 4 июля хан подошел близко к городу и был встречен выстрелами из бойниц и из стана. Множество татар полегло в сече, множество было ранено, много взято в плен. Хан бежал, оставляя по пути добычу, лошадей, рухлядь и припасы; много людей он потопил при переправе через Оку и немало потерял в степях, где их настигла московская погоня. Крымцы вернулись домой числом не больше трети, пешие и голодные.

Через два месяца хан прислал к царю своих гонцов с объяснением, что он послушался наговоров злых людей, которые захотели их поссорить, и с уверением, что он хочет “отстать от турецкого султана”, вывести все свои

улусы из Крыма, основаться на Днепре на Кошкине перевозе выше порогов, всей душой соединиться с царем и быть его оплотом против турок. Хан просил прислать ему несколько пудов серебра на построение будущего города и в виде задатка своих будущих услуг предлагал нападение на польско-литовскую Украину. Переговоры со стороны хана оказались хитростью с целью усыпить бдительность Москвы. Не успел московский гонец доехать до Крыма, как в мае 1592 г. царевич-калга Фети-Гирей безвестно ворвался в рязанские, каширские и тульские земли. Татары побили много людей, пожгли много сел и деревень, побрали в плен много дворян и детей боярских. Полону, по словам летописца, было сведено так много, что и старые люди не запомнят такой войны от поганых.

Несмотря на явное коварство, Москва не порвала переговоров с ханом, который требовал 30 тыс. рублей “на городской харч”. Денег этих ему не дали, но все-таки послали 10 тыс. рублей и поминков на 40 тыс. рублей. Когда московский посол князь Щербатов прибыл с этими поминками в Крым и к нему в стан приехали князья, мурзы и уланы за государевым жалованьем, то некоторые не хотели его брать, ссылаясь на то, что прежде они получали больше; царевич-калга требовал себе 5 тыс. рублей, в то время как хану царь прислал 10 тыс.; сам хан требовал себе ежегодной присылки 10 тыс. руб., на что московский посол не соглашался. В конце концов хан дал послу шертную грамоту. Щербатов настаивал на безденежном освобождении пленных с обеих сторон. Но хан отвечал: “Которые пленники у князей и мурз, тех мне взять нельзя; в Крымском юрте не ведется, чтоб царю отнимать пленных у князей и мурз. Они тем живут, а у которых татар братья и племя в плену у вашего государя, тех они окупают и меняют сами”. При таких условиях ханская шерть мало давала гарантий безопасности со стороны Крыма. Князья и мурзы не стеснялись этой шертью и на свой риск производили нападения на московские Украины с целью полона. Так, в 1595 г. эти разбойники навестили Мещеру и уезды Козельский, Воротынский и Перемышльский. Калужский воевода встретился с ними на берегах р. Высь и побил их наголову.

Крымский юрт стал, таким образом, гнездом хищников, которых нельзя было сдерживать никакими дипломатическими средствами. На упрек хану в нападении у него всегда был готовый ответ, что оно сделано без его разрешения, что ему людей своих не унять, что Москва сама виновата — не дает достаточно поминков князьям, мурзам и уланам, и т.п.

Почти не проходило года, чтобы татары не навестили украинные московские и литовские места, иногда даже несколько раз. Неизменно повторялось одно и то же. Лишь только начиналась в Крыму весна, татары покидали своих жен, детей и стариков, а сами подвигались медленно на север по мере того, как таял снег и в степи появлялась трава. Каждый вел за собой

две-три лошади с плетеными корзинами, веревками и ремнями на спинах. Татары двигались обычно по водоразделам. Эти места ранее других обнажались из-под снега, обсыхали и одевались травой. Сама природа, таким образом, указывала кочевникам наилучший беспрепятственный путь. Водоразделы сделались их излюбленными дорогами, или шляхами, по которым они подходили к русским селениям. Главный шлях назывался *Муравским*. Он шел от Крымского перешейка, или Перекопа, по водоразделу сначала между Днепром и Донцом, а затем между Окой и Доном и упирался прямо в Оку около Серпухова. От него ответвлялся *Изюмский* шлях, который пересекал Донец около Изюмки, шел далее между Донцом и Осколом и, обойдя Донец, соединялся опять с Муравским шляхом. Севернее, на верховьях Быстрой Сосны, с этим же шляхом соединялся Калмиусский шлях, шедший от Азовского побережья через р. Донец (выше Айдара), а потом между Осколом и Доном. Такая же торная татарская дорога проходила на западе от Днепра по водоразделу между Днепром и Южным Бугом в виде дуги и подходила к самому Львову. Это так называемый *Черный шлях*. Еще западнее между Южным Бугом и Днестром шел *Кучманский шлях*, приводивший к тому же Львову. Наконец, по водоразделам правых притоков Дона и левых притоков Дона, левых притоков Дона и правых Хопра и Оки проходила *Ногайская дорога*, которая пересекала верхний Воронеж и Дон, соединяясь с Муравским шляхом.

Подойдя по этим шляхам к русским селениям, татары обычно рассыпались мелкими отрядами, или загонами, и старались понахватать побольше всякого добра и полона, сопровождая свое движение пожарами и убийствами сопротивляющихся. Захватив женщин и детей и что поценнее из имущества, татары взваливали все это на спины запасных лошадей, притягивали плотно ремнями и веревками и быстро мчались обратно в степь. В *Кафе* (нынешней Феодосии) и в *Суроже* (нынешнем Судаке) их уже поджидали купцы, скупавшие живой товар и добычу. Иногда татары являлись не весной во время пахоты, а летом во время уборки хлебов. Иногда татарские полчища во главе с самим ханом вторгались в недра русской оседлости даже зимой. От их нападений, как показывали примеры Махмет-Гирея, Девлет-Гирея и Казы-Гирея, небезопасна была даже сама Москва. Вот почему в XVI и XVII вв. она укреплялась каменными и деревянными стенами и земляными валами; вот почему каждый год составлялись в ней росписи, кому из обывателей, где и с каким оружием стоять при появлении “воинских людей”.

Река Ока и стоящие на ней города — Нижний, Муром, Касимов, Рязань, Переяславль Рязанский, Коломна, Кашира, Серпухов, Алексин, Калуга, Перемышль, Белев, Болхов, Одоев и Тула на р. Упе, Мценск на р. Зуше, Козельск на Жиздре были первоначально базами обороны Московского

государства с южной стороны. В качестве вспомогательных укреплений служила линия засек, которая шла от устья Вожи к Веневу, Туле, Одоеву, Белеву и вдоль р. Жиздры, с валами в безлесных промежуточных пространствах, с острожками и укрепленными воротами. Брянск и Новгород Северский на Десне, Путивль и Рьльск на Сейме защищали новоприсоединенную северскую Украину. В этих городах всегда пребывало известное число ратных людей под начальством городских воевод, которые высылали в степь дозоры и отражали мелкие татарские отряды. Кроме того, на случай прихода больших неприятельских сил каждый год мобилизовалась московская рать из дворян и детей боярских и располагалась на берегах Оки (“береговая”, или “весновая” служба); большой полк у Серпухова, полк правой руки у Калуги, полк левой руки — у Каширы, передовой полк — у Коломны, сторожевой — у Алексина. Вперед выдвигался ертаул для разъездов. При получении вестей о приближении татар эти полки в известном порядке трогались с Оки к степной границе. Если из степи не приходило тревожных вестей, они стояли на своих местах до глубокой осени, “доколе большие снега не укинут”, и тогда разъезжались по домам. Но эти меры обороны не всегда достигали своей цели. Татары обманывали бдительность сторожей, внезапно приходили под русские города, жгли села, убивали, грабили и уводили в плен жителей. Русская оседлость к югу от Оки была поэтому крайне неустойчивой.

Но после разгрома и покорения Казанского и Астраханского царств Московское государство получило возможность сосредоточить на южном фронте больше сил, чем прежде, и с большим успехом организовать оборону. Сама природа, до известной степени, подсказала русскому человеку способы успешной борьбы с ордой. Татары, как сказано выше, проникали в недра русской оседлости степными водоразделами, которые врезывались клиньями, языками в лесную область. В свою очередь, по течению рек заходили в степь лесные полосы. Русский человек и пошел в степь навстречу татарину, цепляясь за лесные места, воздвигая в них укрепления и стараясь подстергать татарина на его торных дорогах, пересекать ему эти дороги. Таким образом, в черноземную степь, в “дикое поле” направили русских людей не только экономические, хозяйственные побуждения, но и инстинкт народного самосохранения, военно-оборонительная тактика.

Поступательное движение в степь началось тотчас же после завоевания Казани. Уже в 1552 г. на р. Шати, притоке Цны, у “Шатских ворот” близ Ногайской дороги, был построен город *Шацк*. Затем появился на конце “Ряского поля” (Ряса — приток Воронежа), также у Ногайской дороги, на р. Хупте, в окружении лесов и болот город *Ряск* (позднее Рязск). По обеим сторонам Муравского шляха — главной татарской дороги — стали русские города: на западе *Кративна* (в 1555 г.), *Чернь* и *Орел* (на верхней Оке), на

востоке Делилов, Епифань и возобновленный Донков (на верхнем Дону). Эти новые города вместе с прежними, возникшими к югу от Оки, составили новую оборонительную линию, которая шла от Путивля на Семи до Тетюш на Волге, включая в себя Новгород Северский, Путивль, Рыльск, Карачев, Орел, Новосиль, Мценск, Чернь, Крапивну, Тулу, Делилов, Епифань, Донков, Ряжск, Шацк, Кадом, Темников, Алатырь, Тетюши. Близ этих украинских городов были поделаны засеки, забои в реках, рвы и валы и разные другие “крепости”. По вестям о приближении неприятелей воеводы укрепленных городов отряжали на засеки, топкие места и другие крепости голов, “дворян добрых”, которые собирали уездных всяких людей “со всякими бои” и должны были “худые места на засеках поделать, засесть и завалить лесом, а в иных местах и рвы покопать” и “промышлять над воинскими людьми, сколько милосердый Бог помочи подаст”.

Украинные города были средоточиями местной и пришлой вооруженной силы, оперировавшей против татар. С постройкой новых городов часть московской рати передвинулась с берега Оки из-под Серпухова, Каширы и Коломны на юг и расположилась в украинских городах, готовая каждую минуту встретить на шляху татарские полчища, преградить им путь, сжать их с флангов, перерезать на части. Украинные города сделались также базами для широко организованной сторожевой и станичной службы в степях. Из каждого города по очереди выезжали далеко в степь на определенные урочища — к верховьям и устьям рек, к колодцам или родникам, на курганы, городища, к лесам, на перевозы, броды и перелазы сторожа из служилых людей — дворян и детей боярских и казаков, а иногда из посадских. Из своих стоянок они разъезжали в определенных направлениях до известных пунктов и сторожили “гряды”, т.е. степные водоразделы, дороги, переправы через реки и т.д. Кроме сторожей выезжали в степь конные разъезды или станицы, объезжавшие более обширные районы; станицы эти составлялись также из дворян и детей боярских и казаков. Из опроса станичных голов, станичников и вожей, произведенного в 1571 г. князем Михаилом Ивановичем Воротыньским, видно, что московские караулы и дозоры из Путивля, Рыльска и Новгорода-Северского охватывали бассейны и водоразделы Семи и ее притоков, верхнего Псла и Ворсклы, Северского Донца и его притоков до Адалаги (справа) и Айдара (слева) включительно; караулы и дозоры из Орла, Карачева, Мценска и Новосила — верховья Оки, Зуши, Сосны и их притоков, а также Свопи и Очки (система Семи); караулы и дозоры из Делилова, Епифани и Донкова — течение верхнего Дона и его притоков Непрядвы, Мечи, Быстрой Сосны, Воронежа с Рясой; караулы и дозоры из Ряжска, Шацка, Кадома, Темникова и Алатыря — бассейн Мокши и Цны с притоками и Суры с притоками.

После издания в 1571 г. общего устава о сторожевой и станичной службе, выработанного совещанием детей боярских — станичных голов и станичников под председательством князя Михаила Ивановича Воротынского, район сторожевой и станичной службы еще более расширился. Линия Рыльских и Путивльских сторож охватила течение верхней Орели, Самары, Тора (приток Донца) и Миуса (впадает в Азовское море), а линия Мещерских сторож — бассейн Дона до самой Переволоки. Перенесены были подальше в степь и пункты, откуда должны были разъезжать во все стороны станицы и где должны были пребывать так называемые стоялые головы. Дальнейшим шагом стало основание новых городов как постоянных приютов сторожей и станичников. Этот шаг сделало правительство царя Федора и Бориса Годунова. В 1586 г., 1 марта, состоялся приговор выстроить два новых города: Ливны на Сосне и *Воронеж* на Дону и Воронеже. Они предназначались именно для пребывания сторожей и станичников. Из Ливен было расписано посылать 13 сторож, а из Воронежа 12. Тогда же был возобновлен и Курск на Семи. В 1592 г. на Быстрой Сосне выстроили новый *Елец*, из которого посылали по известным урочищам 9 сторож. После основания этих городов упразднили было стоялого голову на р. Осколе при устье Убли. Но в 1593 г. признали необходимым устроить и в этом пункте городок: так появился Оскол (Старый). Он возник не один. “Царь Федор Иванович, — говорит летописец, — видя от татар государству своему частые войны и многие разорения, послал воевод своих с ратными людьми и велел им построить города *Белгород* на Донце, *Оскол* и *Валуйки* (ниже на Осколе). Воеводы построили города и населили их ратными людьми, казаками и стрельцами и жителями многими людьми”. В 1595 г. князь Владимир Кольцов-Мосальский по повелению царя Федора выстроил острог на Кромском городище в области верхней Оки; из него было расписано посылать на разные урочища в степь 6 сторож. Борис Годунов к этим городам присоединил еще *Царев-Борисов*, выстроенный по его повелению Богданом Бельским на Нижнем Осколе в 14 верстах от Изюмской сторожи.

Таким образом, к концу XVI в. укрепленные селения Московского государства клином углубились на юг до слияния Оскола с Донцом и близко подошли к татарским кочевьям. С постройкой новых городов в бассейне Оки и Дона, на Донце и Осколе русские укрепления стали уже не только вдоль Муравского шляха, но и Изюмского и Калмиусского. В новопостроенных городах кроме постоянного контингента служилых людей стояли попеременно прибылые люди из разных городов — дворяне и дети боярские. По вестям сторожей и станичников они выходили из городов на шляхи и нападали на татар, когда они шли за полоном или уже возвращались с добычей. При таких условиях жизнь в черноземных пространствах становилась все более и более безопасной, и русское население все более и более стало под-

вигаться в степь, держась по возможности ближе к городам. В этом наступательном движении оно шло совершенно другими путями, чем татары в своих набегах на Русь. Татары вторгались в недра русской оседлости по степным водоразделам; русское население медленно, но неуклонно проникало в недра татарской степи по лесистым берегам рек и речек. Победил, в конце концов, оседлый человек, при каждом шаге вперед создававший себе опору, новую твердыню, загораживавший все новыми и новыми преградами степные шляхи и в конце концов притиснувший татарина к самому морю.

Вникнем теперь в самые подробности этого наступательного движения русской колонизации, как оно разворачивалось во второй половине XVI и в начале XVII века. Каждый новопостроенный город становился не только простым укреплением, но и пунктом постоянной русской оседлости. В городе поселялись на вечное житье с женами и детьми дети боярские, получавшие поместья и денежное жалование и несшие полковую, городовую и сторожевую и станичную службу, а также низшие разряды служилых людей — стрельцы, казаки, пушкарни, затынщики и воротники. Их усадьбы располагались около центрального укрепления — острога — особыми слободами и от поля также отгораживались валом или же одним тыном (надолбами). Эти служилые люди отчасти составлялись из “переведенцев” других городов, а отчасти набирались вновь из разных вольных и гулящих людей. Такие люди чаще всего встречались на окраине в лице так называемых казаков, ходивших в степь за рыбой, солью, медом и зверьем. Как уже сказано, черноземные степи никогда не лишались русского населения, несмотря на господство в них кочевников, но это население не имело там прочной оседлости, было бродячим. Теперь московское правительство старается привлечь его в свои города. Когда был построен, например, город Царев-Борисов, воеводам велено было выяснять число юртов по рекам Осколу и Донцу и количество жившего в них населения. В этих юртах жили атаманы, казаки и черкасы. Черкас воеводы должны были согнать, а атаманов и казаков вербовать на службу, обещая хлебное и денежное жалованье и право безданно и беспошлинно владеть теми юртами, которые ими заняты. На службу в украинные города вербовались и все отбившиеся от тягла посадские люди и крестьяне внутри государства.

Уже в XVI в. московское правительство стало набирать сюда на службу выходцев из-за рубежа, преимущественно черкас, т.е. малороссов. Эти низшие служилые люди в украинных городах долгое время составляли преобладающее население, а во многих даже и единственное. Торговля, ремесла, какие только здесь существовали, сосредоточились в их руках. Это было вполне естественно и по значению украинных городов как передовых пунктов подвигающейся колонизации, и по происхождению этих служилых людей из посадских крестьян. Но чаще всего эти служилые люди совмещали

свою военную профессию с земледельческим занятием. Правительство, поселяя их в украинских городах, давало им денежное и хлебное жалованье только на первых порах, пока они не обзавелись еще хозяйством, не построили себе дворов и не распахали пашню. Но постоянным обеспечением для них предназначались земельные наделы, которые отводились им в разных местах и которые они должны были обрабатывать. Воеводам украинских городов предписывалось строго следить за тем, чтобы присланные на вечное житье в эти города люди немедленно распахивали пашню и сеяли хлеб. В случае надобности воеводы заставляли их пахать пашню “в неволю”.

Часть земель отводилась служилым людям под самым городом, а часть — вдали от него, иногда на весьма значительном расстоянии. Эти последние земли назывались “отхожими” или землями “в отъезде”. Служилые люди долгое время не имели на них никаких хозяйственных построек и приезжали туда только для исполнения сельскохозяйственных работ, а весь собранный урожай увозили в город. По условиям соседства служилые люди отправлялись на работы с оружием в руках и работали по сменам: в то время, как одна партия пахала или косила, другая стояла на карауле. Но с течением времени, когда в местности устанавливалась большая безопасность, на этих отъездных полях появлялись выселки из городов. Служилые люди ставили здесь дворы сначала для приезда, а затем поселяли в них либо своих детей и родственников, либо крестьян, пристраивавшихся к ним в качестве захребетников, подсосудков или же подрядившихся к ним во крестьянство. В писцовой книге города Воронежа читаем, между прочим: “На Воронеже, на атаманских и на казачьих придаточных землях деревни, в тех деревнях дворы атаманские и казачьие, поставлены на приезде, а за ними живут бобыли, пахут их землю”. Так было не в одном Воронеже.

В писцовых книгах южной окраины сплошь и рядом вслед за описанием города следует описание одного или нескольких сел и деревень, а затем подводится общий итог дворам, населению и землям как города, так и сел и деревень. Ближайшее изучение этих случаев обнаруживает, что эти села и деревни — не что иное, как выселки из городов, построенные на дальних землях служилых людей и еще не настолько обособившиеся, чтобы быть записанными самостоятельно. Таким образом, украинные города были рассадниками сел и деревень, возникавших в их окрестностях.

Но было бы ошибочно представлять себе, что все села и деревни, возникавшие на Украине, были выселками из городов. Параллельно с этими выселками возникали села и деревни самостоятельно и независимо от города. Служилые люди, особенно высших разрядов, т.е. дворяне и дети боярские, иногда прямо поселялись вне города в особом селении, где-нибудь в безопасном месте и около своих усадеб поселяли крестьян и бобылей. Так, в

Коренском стану Белгородского уезда по лесистым берегам р. Корени, Корочи и Нежеголи в начале XVII в. стояло несколько сел по тогдашнему времени крупных (дворов по 40—50), принадлежавших детям боярским и станичным атаманам и населенных их крестьянами и бобылями. Кроме служилых людей такие села и деревни устраивали монастыри на пожалованных им землях. Так, по писцовым книгам 1615 и 1629 гг. за Воронежским Успенским монастырем в уезде числится деревенька Клементьевка, в которой живет приказчик и 15 монастырских работников и, кроме того, в 24 дворах крестьяне. Некоторые монастыри по писцовым книгам являются сами самостоятельными поселками. Например, в Воронежском уезде в начале XVII в. существовали два монастыря, Боршевский и Карачунский, около которых сгруппировались два селения. Некоторые из монастырей по писцовым книгам являются починками русской оседлости. В Коренском лесу Белгородского уезда в начале XVII в. застаем две полянки, на которых живут два старца-пустынника, Иона и Пимен. Писцы 1626 г. отметили этим старцам “в тех поминках на пашню 4 чет в поле и лесу на полверсты”. Такие же пустыни отмечены и в лесах при впадении р. Волчьих Вод в Донец и под Нежегольском; им также были отведены пашни, сенокосы и уголья.

Мелкие поселки в уездах украинских городов создавались и чисто народными средствами, были результатами вольной народной колонизации, привлеченной сюда плодородными почвами, мягким климатом и богатыми угольями. Особенно замечательны в этом отношении пасеки, основанные выходцами из Приднепровья в разных бортных уюжах московской Украины. Бортные деревья с приливом русского населения на Украину стали предметом хищничества, особенно со стороны служилых людей, которые выбирали мед, портили знамена на деревьях, надрубали самые деревья. Ввиду этого бортники, приходившие большей частью из Приднепровья, из Черкас, стали поселяться на своих уюжах, подрубать бортные деревья и составлять из них пасеки. Эти пасеки скоро стали превращаться в хутора с постройками, пашнями, скотом и земледельческим хозяйственным инвентарем. Таких мелких поселков особенно много возникло в Путивльском и частью Белгородском уездах. Все они располагались преимущественно вблизи лесов, которые, таким образом, были проводниками русской колонизации на юг.

“Великая разруха” Московского государства не только приостановила дальнейшее движение русского населения в степь, но и уничтожила в значительной части уже достигнутые результаты. Воздвигнутые при царях Федоре Ивановиче и Борисе Федоровиче города Ливны, Воронеж, Оскол, Валуйки, Царев-Борисов, Белгород оказались “от черкас пожжены и разорены и были пусты”. Но с окончанием Смуты оборонительная и колонизаторская деятельность московского правительства на степной Украине немедленно

возобновилась. Борьба с Крымом продолжалась и после Смутного времени. Правда, таких татарских “приходов”, какие были в XVI в., уже не случилось, но нападения мелкими шайками происходили ежегодно по всему степному пограничью. В XVII и XVIII вв. Крым был втянут в орбиту турецкой политики и в качестве турецкого вассала должен был по временам принимать деятельное участие в войнах с Россией.

Докладная записка, представленная в 1681 г. из разряда в боярскую думу, гласит: “Со 1621 году блаженные памяти великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович, всея Руси самодержец, указал для защищения святых Божьих церквей и целось и покою христианского от бусурманских татарских безвестных приходов на поле построить черту: и от Крымские стороны через Муравскую и Калмийскую сакмы, от р. Псла к реке Дону до Воронежа на 377 верстах, а от Воронежа через Ногайские сакмы вверх по реке Воронежу к Козлову и Тамбову на 205 верстах, а от Тамбова до р. Волги и до Симбирска на 374 верстах, всего — на 956 верстах; и по черте построить городы, а промежь городов по плям земляной вал и рвы и остроги и надолбы, а в лесах засеки и всякие крепости, чтобы на его государевы украинны теми местами татарского приходу не было”. Таков был грандиозный план обороны, задуманный правительством царя Михаила. Но ему не удалось осуществить этот план полностью и должным образом.

На проектированной черте были возобновлены: на р. Воронеже, близ р. Дона, г. *Воронеж* в 1626 г.; на Муравской сакме, на вершинах Северского Донца, *Белгород* в 1627 г.; вновь построены: в 1636 г. на Ногайской сакме *Козлов* на р. Воронеже, причем по направлению к р. Цне от этого города был проведен земляной вал, на котором поставлены земляные городки *Бельский* у реки Польного Воронежа и *Челнавский* на р. Челнавой; *Тамбов* на верхней Цне, *Верхний и Нижний Ломовы* на р. Ломове; на Калмиусской сакме на р. Тихой Сосне город *Усерд* в 1637 г.; на Изюмской сакме на Яблонном колодезе *Яблонов* в 1637 г.; *Короча* на речке Короча в 1639 г.; от Малороссийского края, от Поставских мест по р. Ворскле, на Бокаевом шляху *Вольный и Хотмышской* в 1640 г.; на р. Тихой Сосне на Калмиусской сакме *Ольшанский* в 1645 г. Сверх того боярин Иван Никитич Романов в 1616 г. построил в своей вотчине на р. Воронеже г. *Романов*. Между этими городами на поле через татарские сакмы был сделан земляной вал в вышину сажень, в ширину полторы, а в иных местах деревянные крепости (надолбы). Во многих местах, однако, этого вала и крепостей не было. Южнее черты на Калмиусской сакме на речке Валуе близ реки Оскола был возобновлен в 1621 г. город Валуки, а в 1640 г. между Муравской и Изюмской сакмами на р. Северском Донце построен город *Чугуев*.

Черта в том виде, в каком она была устроена при Михаиле, не достигала своей цели. Города были недостаточно снабжены людьми, отстояли друг

от друга на больших расстояниях, “а вал и всякие крепости были немногие; крымские и азовские воровские и ногайские кочевые татары много раз пробирались через черту и приходили на государевы украинные города для войны”. Поэтому царь Алексей Михайлович указал по черте устроить “прибавочные города и населить большим многолюдством, и земляной вал устроить больше прежнего, по размеру в подошве в ширину 3 сажени, в вышину 2 сажени с четвертью и 2 сажени в своде, и подле валу с полевую сторону выкопать рвы, в глубину 2 и полторы сажени, также и надолбы большие и стоялые острожки частые и лесные завалы и иные многие крепости, где какие доведется”.

Во исполнение этого указа на черте были выстроены: на реке Ворскле *Алешня* в 1647 г., между *Алешней* и *Вольным Бороваля* в том же году; на *Муравской сакме* между *Хотмышском* и *Белгородом* на р. Ворскле *Карнов* в 1645 г., *Болховой* в 1646 г., между *Белгородом* и *Корочей Нежегольской* в 1657 г., *Верхососенский* в 1648 г., между *Ольшанском* и *Воронежем* на р. *Сосне Острогужской* в 1652 г.; на р. *Дону* близ устья *Сосны Костенской* в 1648 г., *Коротояк*, *Урыв* в 1648 г.; между *Воронежем* и *Романовым* на р. *Усмани Усмань* в 1645 г., *Орлов городок* в 1647 г., на р. *Воронеже Белоколотской* острог в 1663 г.; между *Романовым* и *Козловым* на р. *Воронеже Сокольский и Добрый* в 1647 г. “А промеж тех городов по поляне (по степям. — М.Л.) через татарские сакмы сделан был земляной вал, а подле валу с полевую сторону копаны рвы, а подле рек на бродах и на перелазах ставлены надолбы, а по лесам лесные засеки, а в реках на бродах биты частики и сваи и рогатки и всякие крепости, а в иных местах приведены крепости к крепким и заповедным лесам и к топким лесам, и во многих местах поставлены караульные башни и стоялые острожки, а в тех башнях и в острожках в летнее время для береженья от приходу воинских людей велено стоять на сторожах днем и почти беспрестанно тех же городов всяких чинов служилым людям”.

Все эти городки, валы, надолбы и другие “крепости” строились силами и средствами ратных людей, мобилизованных на черту. Во главе дела стоял белгородский воевода князь Никита Иванович Одоевский; ему помогали воеводы других городов и полков — курский, тульский, рязанский, кропивенский и вневский. На левой стороне Дона и от Козлова до Воронежа “промеж городов земляной вал делали и дубовым острогом осланивали и всякие крепости строили воеводы, которые в то время в тех городах были, тех городов служилыми всяких чинов людьми”; “для того строения к тамошним людям в прибавку были многие прибылые люди из городов, которые к тамошнему краю податны”. “А делали то валовое дело бояре и воеводы и полковые их ратные люди с поместей своих и с вотчин с крестьянских

и с бобыльских дворов по развытке, с 20 дворов по сажени, а однодворцы всякой человек по сажени, а иные по 2 и по 3 сажени”.

Так была окончена Белгородская черта, ставшая основной оборонительной линией Московского государства со стороны степи. Результаты построения этой черты были огромны. Вышеупомянутая докладная записка из разряда констатировала, что “через тое черту воинским людям на украинные города безвестно приходить стало не мочно”, на черте было поселено много служилых людей, которые служили частью полковую, частью городовую службу в Белгородском и Тамбовском разрядах (военные округа) и оберегали черту от прихода “воинских людей”; благодаря этому “в Рязских и в Рязанских, и в Тульских, и в Орловских, и в иных многих к тому времени краю прилежащих местах и многие государевы ближние и московских чинов люди, помещики и вотчинники в диких полях построили многие села и деревни и завели большие пашенные заводы, а тем в московском государстве хлеба и всяких съестных припасов перед прежними годами учинилось множество, и в покупке того всего цена дешевая, а торговым людям промыслы и пожитки, и в пошлинах с того сборы большие”. Под заслоном черты совершалась усиленная колонизация черноземной степной Украины Московского государства.

Белгородская черта упиралась в лесную заросль по верхнему течению Воронежа, Цны и Мокши, которая сама по себе представляла преграду для вторжения кочевников и, кроме того, на открытых местах была, как сказано выше, обставлена укреплениями (города Романов, Сокольский и Добрый на р. Воронеже, Усмани на р. Усмани и Орлове, Тамбов на Цне, Верхний и Нижний Ломов на притоке Мокши Ломове). Но система укреплений на степной Украине Московского государства этим не ограничивалась. Необходимо было преградить ногайские сакмы в междуречьях Мокши и Суры, Суры и Волги. Правительство царя Алексея выполнило эту задачу. В 1648 г. по приказу правительства боярин и оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово заложил город *Симбирск* на Волге на месте ее сближения со Свягой.

Для постройки города и укреплений, примыкавших к нему, были вызваны “посошные люди низовых городов, с русских с 5 дворов, а с ясашных — с 3 дворов по человеку”. От Симбирска на запад стала вестись Симбирская укрепленная черта в виде земляного вала, увенчанного тыном, с широким и глубоким рвом с внешней стороны. По этой черте непосредственно перед валом на известном расстоянии друг от друга были построены укрепленные городки. Последние имели четырехугольную форму и были обнесены со всех сторон валом с частоколом и рвом, а на углах имели небольшие башни. Между Симбирском и *Уренским* городком было два таких городка — *Юшанск* и *Тагай* (по 400 квадратных саженей); затем на р. Барыше был выстроен *Карсун*, далее на запад *Сурск* на р. Суре и *Саранск* и

конечным пунктом черты *Инсар*. Здесь Симбирская черта стыковалась с Нижнеломовской. Симбирская черта с укреплениями строилась в продолжение шести лет, причем “работных людей у валового острожного дела во всякое лето было по 3326 и по 4898 человек”.

Итак, была полностью решена задача, которую ставило себе московское правительство со времен царя Михаила, — выстроена непрерывная укрепленная линия, начинавшаяся у верховьев Ворсклы и оканчивавшаяся у Волги. Выполнение ее потребовало от русского народа больших средств и усилий, но зато и вознаграждено было с лихвой. Русский народ получил возможность развивать свое земледельческое хозяйство на тучном черноземе при более благоприятных климатических условиях, чем в лесной области, и последствия этого факта выявились вскоре же по окончании постройки черты, как видно из приведенной докладной записки, поданной из разряда в боярскую думу. К черте хлынуло земледельческое население, и черноземные степи наполнились новыми селами и деревнями.

Но эта тяга населения на юг проявилась не сразу. На первых порах московскому правительству приходилось селить людей на черте и около не только по прибору, но и по указу, ибо желающих обычно оказывалось недостаточно. Таким способом, например, было переведено на Симбирскую черту население большого села Федоровского, находившегося близ Тетюшинской засеки, вместе с тянувшими к нему деревнями. На небольшом расстоянии от черты с внутренней ее стороны было основано несколько слобод, которые заселялись переведенцами из других городов. Своими названиями они указывают, откуда пришли эти поселенцы: Карлинская (из Буинского уезда), Арская, Тетюшская, Уржумская, Холмогорская. Для заселения города Инсара было взято в 1647 г. 300 служб из ближайшего города Темникова; сюда же перевели с тяглых жеребьев мордву и поверстали в казачью службу. В Карауп были переведены из Алатырского уезда станичные мурзы “для вестей от приходу воинских людей”. Некоторые татары из деревень Свяжского уезда были переведены “в государеву конную службу по городу Симбирску в слободу Елховку на вечное житье”. Из города Лаишева в 1649 г. было переселено 40 человек конных казаков в Симбирский уезд в слободу Лебяжна; и т.д. Правительство без стеснения брало людей церковных земель и водворяло их на черте. Например, в 1648 г. были взяты 54 бобыльских двора у Спасского монастыря и переведены с монастырских выгонных земель в Воронцовскую, Тагайскую и другие слободки “в тягло и в посад”. Таким же путем на первых порах заселялись города, построенные на Белгородской черте.

Все люди, выселяемые в города, острожки и слободы, получали деньги на дворовые строения и хлебное жалованье на первых порах, пока не обзаведутся собственным хозяйством. Им отмерялись земли на пашню, сен-

ные покосы и другие уголья, причем не только наличным членам общества, но и “на прибавочных людей”. Т.к. земля не всегда отводилась вблизи местожительства, то переведенцы с течением времени образовали на этих местах новые слободки.

Плородордие земель, огражденных чертами, с течением времени вызвало и добровольные переселения. Сюда стали стремиться служилые люди не только из соседних, но и из отдаленных внутренних уездов. Прибывший на место служилый человек сам отыскивал себе свободную землю и подавал челобитье об отводе ему найденной земли. Назначенный воеводой “откащик” отправлялся “на порозжую землю, на дикое поле”; он расспрашивал “тутошних и сторонних людей, сколько пригоже”, о найденной челобитчиком земле и, если те показывали, что она ни в поместье, ни в оброк никому не отведена, отводил ее челобитчику. Распространение служилого землевладения, как видно из приведенной докладной записки разряда, неизбежно вызывало и заселение края. Служилые люди не только сами со своими семьями селились на новых землях, но и переводили своих крестьян или принимали новых, охотно шедших на новые места. То же делали и монастыри, выхлопатывавшие себе здесь земли. Заселение края совершалось преимущественно правительством и землевладельцами. Но в единичных случаях села и слободы на Украине основывались и артелями предприимчивых и промышленных крестьян, искавших на новых местах лучших условий для приложения своего труда. Совершенно исключительную роль в данном случае сыграло переселение казаков и крестьян из Приднестровья, из пределов Речи Посполитой. Этому переселению обязана своим происхождением целая область, примыкавшая к Белгородской черте, так называемая Слободская Украина Московского государства.

С конца XVI в., после неоднократных казацких восстаний и их усмирения, началось переселение на степную Украину Московского государства черкас, т.е. приднепровских казаков и крестьян. Черкасы приходили небольшими партиями, человек по 10—20, с женами, детьми, скотом и домашним скарбом. Вследствие недостатка в людях московское правительство охотно принимало этих выходцев и предписывало своим воеводам как можно мягче обращаться с ними, чтобы не оттолкнуть их и привлечь новых поселенцев.

После поражения Хмельницкого под Берестечком по Белоцерковскому трактату число реестровых казаков с 40 тыс. было сведено до 20 тыс.; оставшиеся за штатом должны были вернуться в сословие “посполитых” и давать “стации”, т.е. кормы расставляемым по Украине жалнерам; все холопы, выбившиеся из подчинения “своим панам, возвращались в прежнее состояние”. Результатом этого был массовый уход казаков и крестьян из Приднестровья на московскую Украину, где они начали оседать городами и села-

ми. Во время вторичного гетманства Юрия Хмельницкого, по словам Грбянки, “со всего Заднепра, даже из Заднестра, люди бесчисленные на сию сторону Днепра повольно, для там всегда будучих от ляхов и от татар воин под царскую руку пушени, котори, не зместившись у Малой России и далее за границу у Великую Россию пустивши, многие пустя земле даже за реки Донец и Дон великими городами и селами густо населили”. Но особенно значительно было передвижение украинского малорусского населения на восток в эпоху “руины”, т.е. в гетманство Брюховецкого, Многогрешного и Самойловича (1663—1687). В это время Украина, раздиравшаяся внутренними усобицами, подвергалась беспрестанным опустошениям со стороны турок и татар. Особенно сильно страдала правобережная Украина, население которой поэтому переправлялось на левую сторону Днепра и далее на восток в московские пределы.

Московское правительство охотно принимало этих беженцев и населяло ими новые города, которыми обставляло Муравскую и Изюмскую сакмы. Часть этих городов была построена внутри пространства, огороженного Белгородской чертой, как-то: Суджа, Мирополье, Сумы, Лебедин на верхнем Псле и его притоках, но большая часть выстроена была за Белгородской чертой — на притоках верхней Ворсклы и на Северском Донце и притоках. По притокам верхней Ворсклы были выстроены: на Ахтырке — *Ахтырский город* в 1657 г., на Рябине — *Сенное Приворожье* в 1671 г., на Мерчике и ее притоке Мерли — *Богодухов* в 1668 г., *Городное* в 1672 г., *Краснокутск* в 1668 г., *Колонтаев* в 1665 г., *Рублев* в 1677 г., *Мурахва* в 1665 г.; на притоках Северского Донца: на Харькове, притоке Уд, — *Харьков* в 1656 г., на Удах — *Золочев* в 1676 г. и *Ольшанка* в 1674 г., на Може — *Валки*, *Мерехва* в 1656 г., *Соколов* в 1675 г., *Змиев* в 1657 г., на притоке Можа Водолаге — *Водолага* в 1677 г.; на самом Северском Донце: *Маяцкий городок* в 1664 г., *Салтов* в 1665 г., *Лиман* в 1672 г., *Бишкін* в 1673 г., *Андреевы Лозы* в 1672 г., *Балаклея* в 1658 г., *Савинский* в 1672 г., *Изюм* в 1664 г. и, наконец, на Осколе, недалеко от впадения его в Донец, возобновлен *Царев-Борисов*.

Черкасы, поселенные в этих городах, устроились частью на казацком положении, частью на положении посполитых. Из них образовалось два полка: Харьковский и Ахтырский, во главе которых стояли выборные полковники, полковые и сотенные старшины, так же как и в полках гетманщины. В военном отношении полки были подчинены Белгородскому разряду; в гражданском пользовались свободой от податей и всяких повинностей и внутренним самоуправлением. Так возникла Слободская украиня Московского государства.

Но и к этим новопостроенным городам были частые приходы крымских и ногайских татар и калмыков, чинивших большое разорение их жителям. Вследствие этого царь Федор Алексеевич указал “около трех полевых

городов, рассмотря удобных мест, устроить вновь крепости, чтобы и в те полевые городы приходы воинских людей перенять и учинить тех городов жителям защиту". Во исполнение этого указа в 1679 г. началась постройка укрепленной черты от г. Усерда на Тихой Сосне до Валуек на Осколе и затем до Царева-Борисова вдоль Оскола. По "перепольям" строились земляные валы в подошве до 3 сажень, высотой до 2, наверху в своде 1 сажень и рвы шириной 2 сажени с половиной, глубиной 2 сажени. Валы и рвы перемежались "деревянными крепостями" и лесными засеками. Черта эта должна была служить защитой от нападения татар, приходивших по Калмиусской сакме. Для защиты от нападения татар, приходивших по Изюмской и Муравской сакмам, правительство царя Федора распорядилось построить черту от г. Царева-Борисова вверх рекой Северским Донцом и от Донца "по перепольням" до Валок и до речки и города Коломака. На этой черте были построены три черкасских жилых городка — *Высокополье*, *Перекоп* и *Коломак* на р. Коломаке, притоке Ворсклы. Валы, деревянные крепости и засеки строили бояре и воеводы и ратные люди их полков своими людьми, с 10 дворов по сажени. В 1681 г. между Царевым-Борисовым и прежним Изюмом вновь появился город Изюм же на Изюмской сакме.

Новая черта охватывала все селения, возникшие южнее Белгородской. С верхнего течения Тихой Сосны она переходила на Оскол, от устья Оскола шла по Северскому Донцу и затем переходила на приток Ворсклы Коломак. "И та новопостроенная черта, — констатирует вышеприведенная записка из разряда, — и по ней новопостроенные городы от приходов воинских людей прежней Белгородской черты и по ней построенным городам и городам же, которые за тою чертою, стали много в защиту и в оборону и в надежную крепость, и тех прежде построенных городов жителем за прежнюю чертою в новопостроенной черте в угодьях и в лесах... учинилось пространство, а в рыбных ловлях и в звериных и в иных промыслах довольство большое"¹.

Проведение новой черты вызвало скорое заселение черкасами бассейна р. Оскола. Возникшие здесь поселки вошли в состав особого Изюмского полка, образованного в 1685 году. Центром этого полка был г. Изюм, построенный в 1681 г. как раз на том месте, где татары переправлялись вброд через Донец, двигаясь на север по Изюмской сакме. Малорусская колонизация подошла даже к бассейну Дона, вследствие чего к полкам Харьковскому, Сумскому, Ахтырскому и Изюмскому присоединился пятый полк — Острожский.

Казачья колонизация Слободской Украины не была исключительной. Одновременно с казаками приходили из Малороссии мещане и крестья-

¹ Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии, выпуск XXXIII. — Тамбов, 1892. С. 49—56.

яне; позже сюда направилось переселенческое движение из Велико-россии. Казацкие старшины и дворяне льготами перезывали крестьян на свои земли и образовывали новые слободы и поселки. Так же действовали и возникшие здесь монастыри. Отдельные из них сами были пионерами русской колонизации. Например, *Святогорский Успенский монастырь* на Донце ниже Изюма существовал уже в 1624 г., гораздо раньше заселения края малорусскими казаками. Раньше других селений возник и *Дивногорский монастырь* на Дону, верстах в семи ниже Коротоюка. С Петра II началась здесь раздача обширных поместий петербургским вельможам, которые стали переселять сюда своих крепостных крестьян из великорусских губерний. К примеру, так возникли здесь села Андреевка и Старый Салтов, принадлежащие царедворцам Апраксину и Шафирову. Этим объясняется значительная примесь великорусского населения к преобладающему здесь украинскому. Некоторую роль, хотя и незначительную, сыграли в заселении Слободской Украины иноземные элементы. При Петре Великом здесь были поселены 4000 молдаван, переехавших в Россию со своим господарем Кантемиром, небольшое число сербов и около сотни семейств калмыков.

В царствование Анны Ивановны, в 1731—1735 гг., была проведена новая линия укреплений на окраине России южнее той, которая появилась в конце 70-х и начале 80-х годов XVII в. Постройка этой линии была вызвана тем обстоятельством, что Левобережная Малороссия, заграждавшаяся прежде запорожцами, с 1711 г., когда Запорожье было уступлено Турции, очутилась в непосредственном соседстве с турецкими владениями. Когда началась война с Турцией, правительство Анны Ивановны позаботилось о скорейшей постройке укрепленной линии по соседству с Запорожьем. Новая линия протянулась от крепости св. Петра на Донце до Днепра на протяжении 400 верст вдоль реки Береги, впадающей в Донец, Березовой и Орели. На ней было выстроено 14 крепостей и множество редутов. Для защиты этой линии были поселены 9 ландмилицких полков — Борисоглебский, Лихвинский, Рязский, Козловский, Белевский, Орловский, Ефремовский, Слободской и Тамбовский. Под этим именем выступают в настоящем случае все те же служилые люди, которых селило московское правительство в украинских городах и которые были известны под именем детей боярских, солдат, драгун, стрельцов, казаков и т.д. Петр Великий, как известно, перевел их на подушную подать и причислил к разряду государственных крестьян. Но вместо рекрутской повинности на них была наложена служба в особом ландмилицком корпусе, предоставленном в распоряжение Киевского генерал-губернатора для борьбы с татарами. Часть этого ландмилицкого корпуса и была поселена на новой Украинской линии. Манштейн, видевший эту линию, сообщает в своих записках, что ее охраняют 20 тыс. драгун из милиции, размещенных по крепостям и селам, нарочно для них выстроенным. В

мирное время они получают на одну треть менее обычного войскового жалования, а взамен им отданы участки пахотной земли, которую они обрабатывают. Это войско набрано в Курской и Рыльской областях из 20 тыс. бедных дворянских семейств, так называемых однодворцев, т.е. владельцев одного только двора, которые сами пахут свои земли.

С устранением военной опасности со стороны татар и турок ландмилиционеры превратились в крестьян-землевладельцев, а их поселения из солдатских сел в обыкновенные земледельческие села и деревни.

Украинская линия весьма скоро была закрыта русскими селениями, возникшими южнее ее. Во-первых, в начале 40-х годов возвращаются под власть России запорожские земли с существовавшими на них казацкими поселками по р. Самаре и ее притокам и Конской. Во-вторых, на р. Бахмуте и Лугани в начале 50-х годов XVIII столетия поселяются в качестве ландмилиционеров сербские полки Шевича и Прерадовича. Помимо славян южнее Украинской линии селятся огромные массы беглых крестьян и раскольников, которым правительство дает на это разрешение. Вследствие всего этого Украинская линия теряет свое стратегическое значение и упраздняется вовсе, а вместо нее строится в 1770 г. Днепровская линия на границе позднейших Екатеринославской и Таврической губерний. С присоединением Крыма к России заселяется и Ногайская степь, лежавшая южнее этой линии. В течение всей первой половины XIX в. здесь селились немцы меннониты, беглые крестьяне и крепостные, переводимые сюда из внутренних губерний в помещичьи имения, и, наконец, раскольники и сектанты (молокане, духоборцы).

Вместе с жившими здесь татарами, евреями-караимами и греками все эти элементы образовали чрезвычайно пестрое по своему составу население бывшей Таврической губернии. Подробнее об этом будет сказано при рассмотрении заселения Новороссии.

Важнейшая литература:

Багaley Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т.1. История колонизации. — М., 1887.

Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч.1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. — М., 1894.

Беляев И.Л. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича — М., 1846.

Савельев А. О сторожевых засечных линиях на юге Древней России. — Спб., 1876.

Головинский П. Слободские казачьи полки. — Спб., 1864.

Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. — М., 1883—1897. — Вып. 1—6.

Герберштейн С. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве: С прил. 2 портр. в красках, 8 рис. на отд. л., 34 рис. в тексте и подробных указ. / Введ., пер. и прим. А.И.Малеина. — Спб., 1908.

Флетчер Д. О государстве русском. — Спб., 1905.

XV. ЗАСЕЛЕНИЕ ДОНСКОЙ И УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Ранняя славянская колонизация, как уже было сказано, захватила бассейн Дона не только в верхнем, но и в среднем и нижнем течении. Но последовавшие одно за другим в IX—XIII вв. вторжения кочевников вытеснили отсюда оседлое население. Остатки его, как мы видели, держались только на верхнем Дону и его притоках, на р. Хопре, Черленом Яру и Великой Вороне. После нашествия Тамерлана в 1395 г. исчезли и эти остатки. Проезжавший Доном в конце XIV в. митрополит Пимен и его спутники не встречали на своем пути человеческого жилья, а одни только развалины городов и селений по берегам реки и сплошную пустыню, наполненную множеством диких животных. Венецианский посол Контарини и его спутник Руф, проезжавшие в то же время донские степи, не видели ничего, кроме неба и земли, не находили ни дорог, ни мостов, сами делали плоты для переправы через реки и были несказанно рады, когда добрались до Рязанской земли.

Но как другие степи, так и Донские не упускались из виду русскими людьми. Из письма великого князя Ивана Васильевича к рязанской великой княгине Аграфене от 1502 г. узнаем, что на Дон ходили из Рязанской земли “в молодечество”. “А послушается кто и пойдет самодурью на Дон в молодечество, — писал великий князь, — их бы ты, Аграфена, велела казнить, вдовым да женским делом не отпираясь. А по уму бабью не учнешь казнить, ино мне велети казнити и продавати: охочих на покуп много”. Такое грозное предписание великого князя объясняется тем, что эти удалые добры молодцы, ходившие на Дон, забирали турок и татар, грабили купцов, проезжавших через степи, и причиняли дипломатические неприятности московскому правительству.

Но остановить это хождение на Дон не было никакой возможности. Слишком заманчивы были естественные богатства края. Дон, и теперь одна из самых рыбных рек России, в то время кишмя кишел рыбой. В степях, как сообщает спутник митрополита Пимена, описавший его путешествие, води-

лось множество всякого зверья. И тогдашнее общество постоянно выделяло из себя предприимчивых людей, стремившихся уходить на прибыльные промыслы, на вольную волошку, молодецкую удаль, как поется в казачьих песнях. Тот самый процесс, который до татар создавал бродников степей, продолжался и при татарах и позже, с образованием Литовского и Московского государств, и создавал казаков запорожских и донских.

Партии молодцев, ходивших на Дон на промыслы, как видно из приведенного письма Ивана III к рязанской великой княгине, первоначально возвращались с добычей домой, на родину. С течением времени, однако, привольная жизнь на Дону стала поглощать навсегда часть ходивших туда русских людей, и они становились уже постоянными, хотя и без прочной оседлости, обывателями Дона, а на Русь появлялись только спорадически, для сбыта добычи. По условиям края, чуть ли не со всех сторон подвергавшегося вторжениям кочевников — крымских и ногайских татар, казаки стали устраиваться на жительство в своих “юртах”, или угодьях, где они промышляли, в городках. Городки эти сильно напоминают те селения славян, которые описал в свое время (VI в.) византийский историк Прокопий. Это были группы шалашей и землянок среди прибрежной лесной поросли и болот или на речных островах, обнесенные плетнем, обвешанным терном, с присыпным валом. В таком виде наблюдал еще при Петре казачий городки адмирал Крюйс. Таким образом, и здесь, как и в других местах степной области, мы встречаемся с городками как первым и долгое время даже исключительным типом поселков. О казаках как постоянных обывателях нижнего Дона сведения идут с самого начала XVI века. Великий князь московский Василий Иванович в грамоте к крымскому хану писал, между прочим, о казаках, “которые на Дону живут, давно бегая из нашего государства”. О казачьих городках на Дону писал в 1549 г. царю Ивану Васильевичу ногайский князь Юсуф, жалуясь на обиды со стороны казаков: “Холопи твои, некто Сарыязман словет, на Дону в трех и четырех местах города поделали”. Эта жалоба любопытна и в том отношении, что открывает и энографический состав донского казачества. Видно, что оно набиралось не только из беглецов Московского государства: Сарыязман, конечно, был татарин.

Из городков, поделанных казаками на Дону, раньше других упоминаются *Раздоры* на острове, образуемом слиянием Донца с Доном при подошве крутой горы. Этот городок был первоначально главным гнездом донского казачества. Позже эта роль перешла к *Монастырскому*, а затем в самом конце XVI в. к *Черкасскому* городку, основанному, по некоторым известиям, черкасами, выходцами из польской украины (Малороссии). Черкасский городок, основанный в дельте Дона, на островах, образуемых Доном и его рукавами, был окружен валом и рвом и болотными топиями, которые делали его совершенно недоступным. Здесь и утвердилось в конце концов “главное

войско”, около которого сплачивались для совместных военных предприятий силы донского казачества, рассеянные по другим городкам.

В последние два десятилетия XVI в. и в первое десятилетие XVII в. военные предприятия в жизни донского казачества стали играть главную роль, оттеснив на задний план охоту и рыболовство. Война, можно сказать, стала основным промыслом донских казаков, военная добычка — основным доходом.

Вместе с запорожскими казаками донцы громили купеческие корабли на Черном и Азовском морях, опустошали берега Малой Азии, в 1590 г. сожгли и разорили Синоп и Трапезунд, опустошали окрестности самого Царьграда. Азовские турки подвергались постоянным нападениям с их стороны.

Московское правительство и лаской и угрозами старалось удержать казаков от нападений на соседей, но безуспешно. Казаки не слушались указаний из Москвы, да и сама Москва была непоследовательна: удерживая казаков от нападений на одних соседей, она в то же время натравливала их на других. Так, в 1593 г., строго запрещая казакам ходить на море и громить турок, грозясь послать войско и согнать казаков с Дона, московское правительство в то же время приглашало их погромить Арслана Дивеева улус на Калмиусе и раздобыть там языков, чтобы узнать про намерения крымского хана. Вообще же московское правительство стало ценить донское казачество как военную силу и пользоваться им в своих больших войнах. Еще в 1579 г. 3000 донских казаков участвовали в ливонском походе и получали из государственной казны жалованье. По мере роста крепостной неволи и всяческого угнетения во внутренних областях Московского государства перед “великой разрухой” усилилось и бегство населения на Дон. Проторенной “сиротской” дорогой шли на Дон и холопы от своих “государей”, и крестьяне от землевладельцев, и мелкий служилый люд из украинских городов. В конце концов на Дону образовалось великое скопище вольницы, которая хлынула в Московское государство, коль скоро там разложилась верховная власть и началась Смута. Казаки разбрелись по внутренним областям государства, и Дон, наполнившийся было народом, опустел. Но с восстановлением государственного порядка казачья вольница частью была истреблена и частью должна была покинуть внутренние области государства и уйти обратно на Дон. И вот опять возобновились набеги донского казачества на соседей, стали возможны такие военные предприятия, как опустошение окрестностей султанской столицы в 1624 г., разорение монастыря св. Иоанна Предтечи, опустошение крымских берегов в 1630 г. и, наконец, взятие Азова в 1637 г. и опустошение берегов Анатолии в 1633 году. Контингент донского казачества за это время сильно пополнился и от прилива малорусских казаков после усмирения восстаний в первой половине XVII века. Героическая борьба с тур-

ками за Азов сильно ослабила и истощила донское казачество. Турки разорили все низовые городки до Раздоров — Монастырской, Яр, Маныч, Черкасск и др. Станичники, прибывшие в Москву в 1648 г. с просьбой о помощи, говорили, что многие из них побиты и умерли от ран, а другие разошлись, что казакам “от приходу басурманского стоять стало невмочь”. Казаки просили московского государя прислать им помощь людьми. Правительство отправило в Черкасский городок дворянина Андрея Лазарева с 1000 солдат.

Прилив вольных людей на Дон не прекратился и после Азовской неудачи. Вследствие общего разорения Московского государства в Смутное время и вследствие новых политических задач, поставленных ему жизнью, государственное бремя чрезвычайно тяжело давило на народную массу и по-прежнему вытесняло в казачество множество народа. Военные промыслы казачества на Азовском и Черном морях продолжались и в 40-х, и в 50-х, и в 60-х годах XVII столетия. В 1648 и 1649 гг. донские казаки погромили берега Крыма и Предкавказья, в 1650 г. — берега Анатолии, в 1652 г. — окрестности Константинополя, в 1653 г. — берега Анатолии и Крыма, в 1654 г. — берега Крыма, в 1655 г. взяли город Тамань и опустошили берега Таманского полуострова и Крыма и пыгались занять Азов, в 1657 и 1659 гг. снова опустошили берега Крыма и Предкавказья. Военные промыслы привлекали на Дон авантюристов не только из Московского государства. На требование турецкого султана свести казаков с Дона московское правительство отвечало в 1647 г., что учинить этого нельзя: “Донские казаки бежали из Московского государства, заворовав, от смертные казни и живут в тех местах изстари кочевым обычаем, и с ними живут разные веры люди — литва и немцы, и горские и запорожские черкасы, и крымцы, и ногайцы, и азовцы, а не одни они, Донские казаки”; царского повеленья они не слушают и т.д. Крымскому хану на подобное же требование московское правительство ответило отказом, мотивируя его тем, что донские казаки — “людишки худые и от государевых украинных городов удалены и живут в разных местах по займищам и по малым речкам и проточинам”.

Исчерпав дипломатические средства, татары и турки от слов перешли к делу. В 1660 г. на низовья Дона пришли крымский хан и царевич, а с ними крымских татар, черкас темрюцких, кабардинских и горских, ногайских мурз с татарами тысяч с 40, да работных людей — венгров, волохов и молдаван с 10 тысяч. Придя под Азов, они поставили на Дону на перевозе повыше Каланчи, где принимают и отдают государевых послов, две каменных башни на обоих берегах и протянули между башнями через весь Дон железные цепи; кроме того, при устье протока Донца построили каменный городок, в башнях и городке поставили большой и малый наряд (артиллерию) и в башнях оставили человек по 300, а в городке 500. Устье Дона,

таким образом, было замкнуто и казакам был прегражден выход в море. Но казаки в конце концов обошли преграду. После двукратной неудачной попытки взять укрепления приступом, казаки, прокопав засыпанный татарами и турками “казачий ерык”, по которому они проплывали раньше в обход Азова, прорвались в море, имели бой с турецкими кораблями и опустошили Крымское побережье около Судака (в 1661 г.). То же самое проделали они и в последующие годы, причем кроме “ерыка” использовали для выхода в море и реку Миус. Казачьи набеги на татар и турок продолжались до самого 1667 г., когда был заключен мир между Россией и Крымом. Мирный договор, между прочим, устанавливал, что московский государь запретит донским казакам производить морские поиски по Азовскому и Черному морям и нападать на улусы, подвластные крымскому хану.

Разумеется, при той массе своевольного люда, которая скопилась в то время на Дону, эта статья договора осталась бы мертвой буквой, если бы силы донских казаков в то время не нашли другое применение. Казак средней станицы (слободы) Черкасского городка Степан Тимофеевич Разин направил поиски вольного казачества не на Азовское и Черное моря, а на Волгу и Каспийское море и затем внутрь государства. Как известно, в движении Разина приняла участие главным образом гольтыба, т.е. люди, сравнительно недавно явившиеся на Дон и не успевшие еще нажить себе зипунов и домов. При усмирении бунта гольтыба частью была истреблена, частью рассеялась, а на Дону осталось преимущественно домовитое, оседлое и более или менее состоятельное казачество.

Из показаний, данных в Москве атаманом прибывшей станицы Фролом Минаевым 7 декабря 1672 г., и других источников видно, что это казачество обитало главным образом на самом Дону в 48 городках. Часть казаков, как видно из показаний станичного атамана Алексея Еремеева 12 июня 1671 г., жила также на Хопре, Медведице и Донце. На Дону и близ него вниз по течению стояли городки *Мигулин, Тишанской, Решетов, Вешки, Усть-Хопра, Усть-Медведица, Роспопин, Клеуцкой, Кременской, Перекопской, Григорьевский, Сиротин Новый, Сиротин Старый, Илава, Калачи, Паншин* (ныне Трех-Островянской станица), *Голубые, Пятиизбы, Чир Верхней, Чир Нижней, Кобылин, Ясаулов, Зимовейко* (ныне Потемкинская станица), *Верхний Курманяр, Нагайкин, Нижней Курманяр, Терновые, Цыгла, Кумшак, Романовской, Каргалы Верхней, Камышник-Иванов, Быстрянской, Каргалы Нижней, Михалев, Тройлин, Кагольник, Ведерников, Бабей, Кочетов, Семикаракорск, Раздоры, Мелехов, Бесергеев* на устье Маньча, *Бугай, Маньч, Черкасской*¹. На Донце раньше других упоминаются казачьи городки *Каменской, Гундоровской и Луганской*; на Хопре — *Бурацкой*; на

¹ Донские дела в б. Архиве Мин. ин. дел, кн. N 3.

Медведице — *Етеревской*. О количестве казаков, живших в этих городках в начале 70-х годов XVII в., можно судить по сообщению станичного атамана Еремеева в Посольском приказе. Для предполагавшейся тогда экспедиции под Азов по войсковым грамотам, разосланным во все казацкие городки, с Дона и Донца собралось около 10 тыс. человек, причем в каждом городке четвертая часть казаков оставалась дома для охраны жилищ. “А как де будут с Хопра и с Медведицы, и в то время будет больше и десяти тысяч”, — говорил атаман.

В последние три десятилетия XVII в. население Донской области сильно возросло. Так как земли на Дону уже были захвачены казацкими городками и их юртами, то новые казацкие городки стали осаживаться преимущественно по рекам Донцу, Медведице, Хопру и Бузулуку. На Донце кроме упомянутых уже городков появились: *Митякинский, Калитвенский, Усть-Калитвенский* и др. — всего до 30 городков; на Медведице — *Островский, Березовский, Малодельский, Скуратинский, Кенинский, Глазуновский* и др. — всего 11 городков; на Хопре — *Михайловский, Добринский, Урюпинский, Тепикий, Луковский, Акишевский, Усть-Бузулуцкий, Арженовский, Зотовский, Федосеевский, Кумылженский, Слащевский* и др. — всего до 20 городков; на Бузулуке — *Филоновский, Ярыжанский, Дурновский, Алексеевский* и др. — всего до 10 городков. Население этих городков составилось частью из раскольников, прибывших сюда в 70-х и 80-х годах (ими было основано также несколько скитов на р. Медведице), а главным образом из беглых холопов и крестьян, спасавшихся сюда от крепостной неволи, тяжелых повинностей и военных наборов, от разорения и бедности.

Относительно раскольничьей колонизации воронежский воевода в 1686 г. доносил в Москву, что в “донских городках по реке Медведице поселились в горах и под горами многие воровские люди, и живут для воровства и раскола. У них построена часовня и чинят соборной и апостольской церкви всякую противность и раскол, с приезжими людьми не говорят и не едят. Пушей у них вор и раскольник елчанин Куземко Косой, прозвище Святогорской, велит себе поклоняться и целовать в плечико. Собрано у них девок не малое число и живут с ними для воровства. Новопостроенные городки: один, верх реки Медведицы, слывет Островской, а от старого городка, от устья той реки в десяти верстах; от Островского городка построены городки воровские многие до сакмы и выше сакмы, что гоняют выгон астраханцы по Царицынской степи через реку Медведицу, а всех городков семнадцать; укреплены тыном и плетнем, и городок от городка по пяти и по десяти верст, а куреней в городке по двадцати и по пятнадцати. А поселилось тому лет с восемь и больше, а схожие с украины из разных мест и с Москвы и с Кодашевой слободы, с женами и детьми, и все те жители раскольщики живут в лесу. Да крепости ж у них — лес превеликий и непроходимой. В тех же

городках бывает непрестанно донских казаков человек по сту и больше для звериной ловли. Близко те места к Тамбову, к селу Кузьминской Гети”. Правительство распорядилось: “Поелику оные люди живут зазорно и на войско Донское наводят безчестную и недобрую славу, переимать и разогнать, и их пристанище и крепости пожечь и разорить, а пуших заводчиков переимать и прислать к Москве”. Результатом этого распоряжения было бегство в 1688 г. значительного числа раскольников на р. Куму. Здесь они, однако, не утвердились прочно. Часть их вскоре ушла на Терек, где соединилась с тамошними казаками. Другая партия в 1692 г. перешла на Кубань под покровительство крымского хана и выстроила Каменный городок на острове, образуемом Кубанью и Лабенчиком. Оставшиеся на Дону раскольники наружно смирились, но втайне продолжали держаться раскола.

Затем дошла очередь и до беглых крестьян. В 1686 г. последовал указ, запрещающий казакам верховых городков принимать к себе свободных и помещичьих крестьян. В разных местах по дорогам были учреждены заставы для преграждения ухода крестьян на Дон. Но все это мало помогало. Крестьянские побегии усилились до такой степени, что многие из соседних с землей войска Донского уездов совершенно запустели. Поэтому в 1703 г. на Дон были отправлены стольники Кологривов и Пушкин с поручением переписать наличные казачьи городки по Хопру, Медведице, Бузулуку, Дону и Донцу до Паншина городка, выслать на прежние места всех людей, которые зашли туда после 1695 г., атаманов и казаков этих городков подписками обязать, под страхом смертной казни, впредь беглых не принимать. В 1705 г. последовал еще более решительный указ — уничтожить все те городки, которые возникли самовольно после 1695 г., жителей переселить на левую сторону Донца, а беглых выслать вон в Россию и впредь без разрешения не занимать места под поселения. Для понуждения казаков к исполнению этого указа отправлен был сначала стольник Леонтий Шеншин, а затем полковник князь Долгоруков.

Сыск и возвращение с Дона беглых, производившиеся Долгоруковым, как известно, вызвали возмущение под предводительством бахмутского старшины Булавина. Склонив на свою сторону расположенные на Донце и по запольным речкам городки, населенные большей частью новоприбывшими людьми, подговорив казаков хоперских городков, где было много последователей “древлего благочестия”, Булавин напал на князя Долгорукова, убил его и истребил сопровождавший его отряд в 1000 человек. Затем он разослал окружное послание к казакам, в котором приглашал их стать за дом пресвятой Богородицы, за истинную христианскую веру и за все великое войско Донское против супостатов, которые умышляют на них зло, жгут и казнят напрасно, вводят “еллинскую веру” и от истинной отвращают, перевели все старое казацкое поле. Послание Булавина подняло возмущение

по всей верхней части Дона и по рекам Хопру, Медведице, Бузулуку и Донцу, т.е. как раз в тех местах, где сосредоточивались новопробытые люди в казачестве.

Булавинский бунт в конце концов был подавлен. Сам Булавин застрелился; более 7000 его сообщников было побито и казнено; его правая рука Игнат Некрасов с 6000 или 7000 раскольников ушел на Кубань и устроился там в трех селениях на Таманском полуострове (Себелей, Кара-Игнат и Контиде) вместе со своими единоверцами, ушедшими туда с Дона же в 1688 и 1692 годах. Были уничтожены все городки по Донцу выше Луганского — Старо-Айдарский, Бобровский, Краснянский и Сухоревский до Изюма; все городки по Айдару, Деркулу, обеим Калитвам и другим речкам, впадающим в Донец; все городки по Хопру выше Михайловского, по Бузулуку выше Филоновского, по Медведице между Арчадинским и Етеревским и выше Березовского, вдоль Иловли по Иловлянский городок. Земли по Донцу, где были уничтожены городки, с некоторой частью оставшихся были причислены к Бахмутской провинции; земли по Айдару пожалованы слободскому Острогожскому полку; земли на верховьях Хопра, опустевшие после разорения городков Пристанского, Беляевского, Григорьевского и др., причислены к Воронежской губернии. За этим последовало новое подтверждение прежних указов о высылке с Дона людей, ушедших туда после азовских походов и запрещения принимать и передерживать беглых. Войско Донское, со своей стороны, постановило казнить каждого десятого из городка, который будет принимать беглых, и от юрта отказывать. Невзирая на все строгости, казаки продолжали передерживать беглых по Дону, Хопру и прочим рекам, вследствие чего распоряжение о высылке беглых подтверждалось указами 1721, 1724 и 1726 гг., а в 1728 г. для приведения в исполнение этих указов был прислан на Дон генерал-майор Тараканов. Но по прошению войскового атамана и всего войска Донского указом 9 сентября 1728 г. велено было произвести высылку только тех, которые зашли на Дон с 1710 г., со времени усмирения Булавинского бунта. Приток беглых в казачество сильно уменьшился, и количество казаков более или менее установилось твердо. В царствование Петра количество казаков, состоящих на государственной военной службе, доходило до 20 тыс., а с женщинами и детьми приблизительно до 60 тыс. человек.

Царствование Петра Великого в истории донского казачества было вообще началом нового периода, в течение которого и юридическое и экономическое положение казачества коренным образом изменилось и в связи с этим установился другой порядок заселения Донской области.

В XVI и XVII вв. отношения донского казачества к московскому государю не шли дальше тех, которые обычно бывают у вассалов к сюзерену. Московское правительство было заинтересовано в донском казачестве с внеш-

неполитической стороны как в военной силе, которая могла быть полезной или вредной в отношениях с соседями. Правительство не посягало ни на его территорию, ни на его внутренние порядки, ни на его хозяйственную жизнь; чтобы иметь его на своей стороне, пользоваться его военными услугами, Москва ежегодно посылала донским казакам денежное и хлебное жалование, сукна, порох и свинец, иногда пушки. Размер этого жалования устанавливался прецедентами и требованиями момента. За это жалование казаки и служили московскому государю постольку, поскольку могли и хотели; но обязательной и нормированной военной службы казачество не несло.

После Разинского бунта казаки были приведены к присяге. Письменная формула этой присяги, однако, не содержит никаких положений, кроме верности государю, династии и Московскому государству. В своих челобитьях и донесениях донские казаки называли по временам свою землю отчиной московского государя. Так в отписке, посланной в Москву в октябре 1694 г., войсковой атаман доносил, что к 500 рублям, которые были пожалованы калмыкам, казаки уделили им часть своего жалования, дабы “они держались в вашей великих государей отчине и вам служили”. Но при всем том московский государь не распорядился в этой своей мнимой отчине ничем: ни землями, ни угодьями, ни людьми. Власть принадлежала войсковому кругу и избираемому на нем на год войсковому атаману, есаулам и дьяку, а также атаманам отдельных городков и станиц. “Со всего казацкого ума в войсковом кругу” обсуждались “походные дела”, когда казакам нужно было раздобыть себе зипунов или выместить басурманам обиды. Здесь же судились и наказывались ослушники приказов войска, тяжкие преступники. Войсковой же круг разрешал основание новых городков на войсковых землях, утверждал разграничение юртов отдельных городков или станиц и выдавал так называемые “разводные грамоты”. В войсковом же кругу казаки делили добычу и присылаемое из Москвы царское жалование и решали всякие другие общие дела. На местных собраниях в отдельных городках таким же порядком избирались местные власти, разбирались ссоры и столкновения между местными казаками и решались разные местные дела.

В этот период казацкой автономии главными занятиями на Дону были военный промысел, охота, рыбная ловля и скотоводство; хлебопашество же и вообще земледелие почти не играли никакой роли. Характерным доказательством промыслового значения казацких походов является, между прочим, тот факт, что некоторые зажиточные казаки снаряжали в походы вместо себя других, строили им на свой счет лодки, снабжали их конями, оружием, запасом и одеждой с условием получения по их возвращении половины следующей им добычи. Гулебщики (охотники) ездили отрядами человек по сто и более по задонским степям, Хопру, Медведице и даже по Куме для ловли зверей и проводили там часть лета и почти всю зиму. Камышники

живали по камышам, охотясь за кабанями, выдрами и бобрами. Но в особенности усердно занимались казаки рыболовством на нижнем Дону и его притоках. Кроме коней водили также рогатый скот и овец. Собственного хлеба в Донской области не производилось. В челобитной, присланной в Москву в октябре 1694 г., казаки, жалуясь на недостаток в хлебных запасах, писали: "Известно вам, великим государям, что из хлебного вашего жалования достается нам по разделу по четверти только на брата; недостающее покупаем дорогою ценою из получаемой добычи". Казаки просили пожаловать их за службу, за кровь, за раны и за полное терпенье милостивым годовым жалованием, "перед прошлым годом с прибавкой".

Но жизнь исподволь изменяла это положение вещей и подготавливала донскому казачеству и новое правовое положение и новый хозяйственный быт. Постоянная служба московскому государю и получение от него жалования, становясь обычаем, постоянным прецедентом, фактически превращали донское казачество в служилое сословие Московского государства и приучали правительство смотреть на него так же и юридически. Наглядными этапами в развитии этого сознания являются присылки царем Алексеем Михайловичем атаманам, казакам и всему войску Донскому похвальной грамоты и царского знамени за службу и раденье о государском деле (25 сентября 1645 г.), приведение к присяге всех донских казаков вместе со всеми подданными в 1676 г. при восшествии на престол Федора Алексеевича и затем в 1682 г. при восшествии на престол царя Петра Алексеевича и, наконец, пожалование царем Петром в 1706 г. за верную службу войсковых "клеянотов" войсковым атаманам в знак их управления пернача серебряного вызолоченного, с камнем, бунчука с яблоком и доской и с трубкой серебряной золоченой и большого знамени, писанного на камне золотом, станичным атаманам и казакам — шести знамен камчатых, писанных золотом.

В связи с этим изменялось и отношение к территории Донского войска и его внутренним распорядкам. Территория эта стала рассматриваться как земля, состоящая в действительном обладании и распоряжении русского государства, а казацкое самоопределение и самоуправление стали признаваться лишь постольку, поскольку они согласовывались с государственными интересами и нуждами. Мы видели, что заимка юртов и разграничение их между отдельными городками производились с разрешения и утверждения войскового круга. При Федоре Алексеевиче такие отводы донских земель совершались кругом же от имени великого государя, на имя которого подавалось и самое челобитье. В 1681 г. января в третий день великому государю били челом в кругу словесно казаки из Кагальницкого городка Михайло Иванов с товарищами, "а в словесном своем челобитье сказали, чтоб их великий государь пожаловал, велел им занять юрт Гундоровской". "И по указу великого государя и по нашему войсковому приговору, — гласит

войсковое определение, — мы все великое войско Донское велели ему Михайле Иванову с товарищи в Гундоровском юрту поселиться и станицу собрать, сколько им угодно, чтобы прокормиться”.

При Петре, как уже было сказано выше, земли казакам отводились по распоряжениям из центра, казаки переводились из одних городков в другие, некоторые городки упразднялись совсем, часть земель, занятых казаками, отделялась от области войска и присоединялась к соседним территориям. Эта практика стояла в связи с непризнанием самого важного из прав казачества, составлявших его автономию, — права принимать к себе кого угодно. Право это давно оспаривалось Московским государством как особенно нарушавшее его интересы, но казачество упорно отстаивало его и на деле и в принципе. В 1675 г., когда Москва потребовала выдачи некоторых казаков из обличенных в разбоях и грабежах, войсковой круг отвечал: “Наперед сего мы никогда не выдавали людей с Дону; мы поддерживаем свое существование приходящими к нам людьми, и если ты, государь, велишь их отбирать у нас, то и остальные разберутся врознь”. Но государство, как мы уже знаем, вступило в решительную борьбу с этим правом казачества, и если не успело совсем прекратить бегство на Дон, то во всяком случае сильно его стеснило и ограничило.

Не допуская приема в среду казачества беглых, правительство в то же время по своему усмотрению пополняло состав казачества инородными элементами. Так в 1699 г. Петр разрешил калмыцкому тайше Балхану, притесняемому ханом Аюкой, перенести свои кочевья на Дон к Черкасскому городу и отправлять службу наравне с донскими казаками. В 1710 г. по договору с Апраксиным хан должен был отпустить на Дон на вечное житье тайшу Мунка-Темура со всем его улусом (10 тыс. человек). Этим калмыкам Дербетовой орды были отведены кочевья по р. Маньчу. В 1723 г. Петр повелел всех кочующих на Дону калмыков оставить в казачьем звании и впредь уже никого не принимать. Несколько позже земли по рекам Тузлову и Санбеке были отданы в вечное владение однодворцам. Еще позже, при Екатерине II, на землях войска Донского поселились пришлые армяне. Так возникло в 1780 г. известное армянское поселение Нахичевань, или Кочевань, в четырех верстах от крепости св. Димитрия, нынешнего Ростова-на-Дону. С проведением точных границ области войска Донского с турецкими владениями, с постановкой регулярных войск сначала (с 1712 г.) в Монастырском ретраншаменте, а с 1731 г. в новопостроенной крепости св. Анны прекратились набеги донских казаков на татар, ногайцев, калмыков и турок и перестали обсуждаться в войсковом кругу походные дела этого рода, кроме тех случаев, когда само правительство приглашало казаков в поход.

Чтобы иметь в лице казацких старшин верных людей, готовых исполнителей правительственных распоряжений, государственная власть при-

своила себе право назначения войсковых атаманов. Назначенный Петром атаман Рамазанов оставался в этой должности бессменно. По смерти его в 1718 г. был назначен “по выбору войска” Василий Фролов, но не на год, а “до указа”. По смерти его в 1723 г. войско выбрало Ивана Матвеева, но правительством был назначен “до указа” Андрей Лопатин. В 1738 г. войсковым атаманом был прямо пожалован Данило Ефремов, и с того времени атаманы уже всегда назначались верховной властью. Функции войскового круга с начала XVIII в. были вообще почти прекращены и переданы канцелярии войсковых дел, состоявшей из старшин отдельных городков или станиц под председательством войскового атамана. Исполнение царских указов, все походные назначения и наряды очередной службы и вообще все дела стали производиться этой канцелярией; войсковой есаул докладывал дела, а войсковой дьяк подписывал их. Иногда по распоряжению войскового атамана для рассуждения о походном деле приглашались на совет люди разумные, бывалые; войсковые же круги стали созываться чрезвычайно редко, в особо важных случаях.

Петр решительно посягнул не только на права донского казачества, его самоуправление, но и на хозяйственный строй области. По свидетельству адмирала Крюйса, в то время хлебопашество у казаков было в презрении, им занимались только невольники из пленных, которые едва сеяли столько хлеба, сколько нужно было для прокормления семейств, которым они принадлежали. Казаки возмещали недостаток хлеба рыбой, мясом, молоком и яйцами, ибо всего этого у них было в изобилии: им стоило только бросить сеть, чтобы иметь рыбу, а рогатого скота, овец, свиней и всякой дичи на Дону было множество. Петр распорядился, чтобы во всей Донской земле разводились сады и огороды и непременно сеялось столько хлеба, сколько нужно для ежегодного содержания населения области. Конечно, это распоряжение осталось бы на бумаге, если бы сама жизнь не заставила казаков перейти к сельскому хозяйству. В XVIII в. не стало тех доходов, которые доставлялись казакам военными экспедициями, начали иссякать и доходы от рыбной ловли и охоты, особенно в “верховых” городках или станицах. Здесь-то прежде всего и стало развиваться казачье земледелие, а в связи с этим и колонизация края стала осуществляться иными путями, чем прежде.

Как только начался переход к земледелию, так сейчас же стала производиться заимка земель старшинами и рядовыми казаками. При том земельном просторе, который был на Дону в XVIII в., не было нужды в планомерном разделе земель на участки. Каждому казаку позволялось занимать земли столько, сколько он хотел и в состоянии был обработать. Земля считалась общей собственностью войска и ее нельзя было ни продать, ни заложить; селить на ней крестьян можно было не иначе, как с тем, чтобы по

востребовании перевести их на другие места. Пользуясь этим, богатые, именитые казаки, имевшие связи с войсковым управлением или власть в своих руках, получали земли без ограничения; многие безо всякого разрешения захватывали лучшие участки, иногда по 40 тыс. десятин и больше, строили на них хутора и деревни, частью обрабатывали их, а большей частью отдавали в аренду сторонним людям.

Беглые из Великороссии и Малороссии, не поступая больше в ряды казачества, теперь уже зарегистрированного, направлялись на эти земли казацкой старшины и рядовых казаков и становились их крестьянами. Появились особые агенты, которые, получая деньги от донских землевладельцев, сманивали крестьян и уводили их на Дон целыми деревнями. Переход крестьян на Дон происходил явно, но, несмотря на это, редкому русскому помещику удавалось открыть убежище своих беглых людей, а если кто и открывал, не мог получить их обратно. Некоторые казаки стали покупать крепостных на свод. Указом 1799 г. войсковые старшины были уравнены по рангам и правам с армейскими. Вследствие этого многие казаки стали попадать в дворяне, а крестьяне, поселившиеся на их землях, были признаны крепостными. Таких крестьян по ревизии 1811 г. числилось за казаками-дворянами без малого 77 тыс. душ. Но этим далеко не исчерпывалось количество крестьян на Дону. Немало беглых, проживавших за дворянами и недворянами, не попали в ревизские сказки, и процессы о беглых продолжались чуть ли не до отмены крепостного права.

Как бы то ни было, но до 30-х годов XIX в. земледелие на Дону все еще не было достаточно распространено. Низовые казаки и в то время занимались почти исключительно скотоводством и рыболовством. Земледелие получило известное распространение у верховых казаков, живших на верхнем Дону, по рекам Хопру, Медведице, Бузулуку и Иловле. Кроме того, значительное количество крестьян-землепашцев находилось в Миусском округе, где по распоряжению особого комитета, учрежденного в 1819 г., землевладение казацких чиновников было сосредоточено искусственно. В этом округе в 30-х годах XIX столетия не имелось ни одной казачьей станицы, а только одни слободы (66), поселки и хутора (всего 312), в которых жили крестьяне, принадлежащие донским чиновникам.

В 1832 г. крестьян обоего пола на Дону было всего 153 766 (из них 78 381 душ мужского пола) при общем количестве жителей 560 353 человека. Казаков обоего пола в этом же году числилось 389 371, калмыков 16 413 и татар 803.

Положение 1835 г., выработанное “Особым комитетом об устройстве войска Донского”, должно было подвинуть дальше земледельческую колонизацию края. Каждому рядовому казаку должно было отводиться 30 десятин на душу, а каждому войсковому офицеру, имеющему крестьян, по 15

десяти на каждую ревизскую душу в потомственное владение; беспоместные чиновники получали пожизненные участки, площадь которых соизмерялась с их чином. Это побуждало помещиков приобретать крестьян. В 1868 г. донским помещикам было предоставлено право полной собственности на их земли, и появилась, таким образом, возможность распродажи казацких земель сторонним людям по частям. Земледелие при таких условиях делало в Донской области все большие и большие успехи и в конце концов из последнего промысла стало первым. Много способствовала этому вывозная торговля, развившаяся в последнее десятилетие XIX в. через Ростов и Таганрог. В области сильно возросла численность как земледельческого, так и торгового населения, а открывшаяся разработка каменного угля и железных руд, учреждение разных фабрик, заводов и промышленных заведений вызвали прилив рабочих и ремесленников. Уже в 1882 г. население Донской области доходило до 1,5 млн, т.е. увеличилось более чем в 2,5 раза по сравнению с 1832 годом. В 1847 г., по данным всеобщей переписи Российской империи, число жителей Донской области перевалило за 2,5 млн (2575818 душ), причем сторонние, прибылые элементы уже превосходили количеством коренных: казаков насчитывалось 1051932 душ обоего пола, а всех остальных жителей — 1293165.

По данным административной статистики, в 1900 г. лиц войскового сословия было в Донской области 1125839, всех остальных — 1502913.

Из селений, возникших или процветавших в связи с приливом населения в Донскую область, заслуживает быть отмеченным *Ростов-на-Дону*. Этот город образовался при крепости св. Димитрия Ростовского, воздвигнутой в 1761 г. вместо упраздненной крепости св. Анны. До половины XIX в. он развивался медленно. В 1782 г. в нем было всего 1600 жителей, в 1850 г. около 9000. Но в 1897 г. здесь проживало уже без малого 120 тыс. человек. Население Ростова увеличилось благодаря развитию экспортной торговли хлебом, внутреннего рынка и фабрично-заводской промышленности.

Значительную прибыль населения дала Донской области развившаяся во второй половине XIX в. горная промышленность. Из селений, обязанных этой промышленности своим происхождением, может быть отмечен город *Александровск-Грушевск*, возникший близ хутора Власьевского, около богатейших антрацитовых копей.

В начале XIX в. переместился и административный центр войска Донского. Вследствие того, что Черкасский город подвергался частым наводнениям, атаман Платов ходатайствовал в 1805 г. о перенесении Черкасска на новое место. Так возник *Новочеркасск* на урочище Бирючий Кут, на возвышенном холме, омываемом с трех сторон реками Аксаем и Тузловом. В 1850 г. в Новочеркасске было более 20 тыс. жителей, а в 1897 г. 67 тыс. с лишком.

Итак, заселение Донской области совершалось главным образом во второй половине XIX века. В течение же XVI—XVIII вв. она имела ничтожное по численности население, несмотря на постоянный приток на Дон вольных гулящих людей разного рода и беглых. Объясняется это, с одной стороны, тем, что до последней четверти XVIII в. эта территория была ареной постоянной и ожесточенной борьбы с татарами, ногаями и калмыками, в которой гибло немало народа, а с другой стороны — отливом казачества на сторону. Часть донских казаков переселялась в государевы украинные города, версталась там на службу и оставалась на постоянное жительство в подгородных слободах, часть уходила на Яик, Терек и в Сибирь по собственному желанию или по распоряжениям центральной власти. На новых местах казачество либо смешивалось с остальным населением, либо оседало особо, образуя казацкие общины, как бы колонии донской метрополии. Древнейшей из таких колоний было войско Яицкое, устроившееся на нижнем и частию среднем течении Яика; после подавления Пугачевского мятежа оно было переименовано в Уральское.

Первые известия о казаках на Яике относятся ко времени царя Ивана Васильевича Грозного. В 1577 г. ногайский князь Тинахмет жаловался русскому послу, что в *Сарайчик* (зимовище на устье Яика) “приходили государские люди и над его мертвым отцом изругались”. В 1581 г. казаки снова напали на Сарайчик и, овладев им, перебили обывателей, сожгли город и разорили ногайские кладбища. Ногайцы жаловались, “что им самим и животине их от русских казаков на Яику и на Волге добре тесно”. Яик привлек казаков обилием рыбы и тучными пастбищами, расстилавшимися по его берегам. Рыболовство и скотоводство стали основными промыслами казаков, утвердившихся на Яике. К концу XVI в. казаков на Яике накопилось уже значительное число: в 1591 г. 500 яицких казаков принимали участие в походе на шамхала Тарковского.

Сошедшие с Дона яицкие казаки считали Дон своей метрополией, с которой они старались быть в контакте и согласии. В 1690 г. донской атаман Фрол Минаев показывал в Посольском приказе: “Яицкие де казаки издавна Донскому войску в послушании и обо всяких делах меж себя пересылку имеют и больших дел без всякого их права не вершат, а присылают к ним на Дон”. Самоуправление яицких казаков было сколком с самоуправления казаков донских: здесь высшая власть также принадлежала войсковому кругу, был свой войсковой атаман, есаул и дьяк, были свои старшины с теми же функциями и правами, как и на Дону.

На Яике, так же как и на Дону, первоначально жили скученно в одном городке. Этот городок первоначально был поставлен на острове Кош-Яике, находившемся против устья Илека на так называемом Голубом Городище. В половине XVII в. его перенесли на то место, где находится теперь

Уральск, т.е. к устью Чагана, впадающего с правой стороны в Урал. Долгое время яицкое казачество ютилось в этом *Яицком городке*, выезжая отсюда вниз по Яику для рыболовного промысла и другой добычи. Кроме рыболовства казаки кормились еще и скотоводством. Для присмотра и ухода за скотом они держали хутора и зимовища на правой стороне Яика. Впоследствии часть яицких казаков устроилась на жительство еще в двух городках — *Илецком* и *Сакмарском*, отдельно от остального войска, и занималась здесь земледелием и даже разработкой леса. Со времен царя Михаила яицкие казаки состояли уже на службе государства и получали от казны, как и донские, государево денежное и хлебное жалование, за которым приезжали в Москву их “зимовья” станицы. Они так же, как и донские казаки, ведались сначала в Посольском приказе, а с 1670 г. в приказе Казанского дворца, откуда и наряжались на внешнюю и внутреннюю службу. При Петре Яицким войском ведали сначала сенат, затем короткое время Коллегия иностранных дел, а с 1721 г. Военная коллегия. Ввиду того, что оно принимало в свою среду беглых, Военная коллегия для прекращения дальнейшего их притока отрядила на Яик в 1722 г. полковника Захарова с поручением переписать всех казаков. По этой переписи в Яицком войске оказалось 5771 казак (годных к службе 3196) и 353 пришлых, которые жили своими домами. Перепись констатировала, что в его состав вошли кроме выходцев с Дона и беглых крестьян самые разнообразные элементы. Тут были стрельцы, пушкари, посадские люди, государевы неводчики, сарматские дворяне, подьячие, грбенские казаки, запорожцы, волохи, черкесы, татары, мордва, чуваша, вотяки, калмыки, несколько пленных турок, шведов, поляков и немцев.

Перепись не остановила притока беглых на Яик. Наряжаемые на службу казаки охотно ставили вместо себя пришельцев, а последние охотно шли на службу, укрываясь таким образом от кар и преследований. Войсковые атаманы и старшины иногда даже за деньги верстали таких людей в казаки и посылали на службу. Независимо от этого и инстинкт самосохранения заставлял яицкое казачество принимать в свою среду новых людей. С конца XVII в. Яик стал также убежищем преследуемых раскольников. В отдаленном Яицком городке крепко держалась церковная старина: здесь крестились двумя перстами, носили бороды, имели старопечатные книги и по ним совершали церковную службу. Поэтому преследуемые раскольники стремились сюда; приютом их стал Шацкий монастырь, особая слобода в Яицком городке.

Правительство принимало разные меры для прекращения притока беглых. Так, в 1727 г. штаб-офицеру было приказано идти с конвоем в Сакмарский городок, бывший тогда главным притоном беглых заводских, помещичьих, архиерейских, монастырских и дворцовых крестьян, переловить всех скрывавшихся там беглых и отправить в Уфу, а оттуда под конвоем

разослать их по местам прежнего жительства. В конце 30-х годов в Самаре и Сызрани были устроены крепкие заставы, которые получили предписание наблюдать, чтобы люди, отправляющиеся на Яик, возвращались обратно все сполна. В 1738 г. состоялся новый указ о неприеме на Яик пришлых великороссийских людей. Но все эти меры не достигали своей цели; народ бежал на Яик и находил там убежище.

Яицкие казаки тем охотнее стали принимать в свою среду новых людей, что как раз в конце 30-х и начале 40-х годов на них легла новая и тяжелая повинность — сторожить все нижнее течение Яика, начиная от *Разсыпной* крепости до городка *Гурьева* при устье. Здесь на протяжении более 600 верст было только два укрепления: Яицкий городок и Гурьев. Вследствие этого киргизы и каракалпаки свободно перекатывались на правую сторону Яика, производили грабежи и угон скота у казаков и кочевавших по рекам Яику и Волге калмыков. Нередко казаки терпели неприятности и от кочевавших близ Урала калмыков, которые отгоняли у них лошадей и рогатый скот. Управляющий Оренбургским краем В.Н.Татищев подал было в кабинет министров проект, в котором предлагалось поселить по р. Яику ниже Яицкого городка Казанский драгунский полк и под его прикрытием иррегулярное войско самарских и алексеевских дворян. Проект был утвержден, но в течение нескольких лет не приводился в исполнение. Между тем яицкие казаки всполошились. Они опасались, что новые поселенцы отобьют у них рыбные промыслы на Яике. Еще в XVII в. они упорно боролись против рыбопромышленника Гурьева, который занял устье Яика, основал городок Гурьев и получил в безобразное содержание Яицкий учуг и Эмбенские воды до 1653 года. Из актов видно, что казаки мешали строить Гурьев: в 1649 г. атаман Кондырев с товарищами “городовые многие запасы погромили и дров и всяких запасов на городовое дело припасать вверх по реке Яику не дали”. В 1667 г. они под командой Васьки Касимова спустились по Яику, разграбили Гурьев и ушли в Каспийское море, где на разных островах делили свою добычу. Кроме ущерба для своего рыболовного промысла казаки не хотели иметь на устье Яика препятствия для своих походов на Каспийское море, где у них были пристанища на островах Камынине, Каменном, Святом и Песчаном. Но им не удалось избавиться от этих стеснений. Городок Гурьев был взят в конце концов в казну.

При Петре при самом устье Яика устроили брандвахту, которая должна была наблюдать, чтобы в море не было “грабительства, неуказанного рыболовства и проезжих судов без вида”. В самом же городе была расположена рота Астраханского гарнизона для защиты рыбопромышленников от киргизов и других кочевников. Под прикрытием Гурьева был устроен на устье Яика учуг или перебой из бревен поперек всей реки, который преграждал главный ход морской рыбе вверх по Яику (рыба входила только рукавами).

С поселением команд ирегулярных войск по Яику казаки опасались нового ущерба для своих промыслов. Поэтому они обратились к правительству с ходатайством, в котором, обязываясь построить близ урочищ Калмыкова Яра и Кулагина Яра две крепости и охранять всю линию до Гурьева городка своими силами, просили не заводить на этом пространстве предположенного поселения драгун и дворян, освободить войско от внешних командировок и отворить ворота на восемь сажень с каждого конца Гурьевского учуга. Императрица Елизавета по представлению управляющего Оренбургским краем Неплюева отменила постановление кабинета о поселении на Яике драгун и дворян и 23 апреля 1743 г. выдала Яицкому войску особую грамоту, в которой жаловала его отворением Гурьевского учуга на 8 сажень с каждой стороны для прохода рыбы из моря вверх по Яику, “дабы через то казаки в службы Ея Величества являлись исправны”. Казакам позволено было селиться ниже Яицкого городка сначала только в двух избранных ими пунктах, т.е. около урочищ *Калмыкова Яра* и *Кулагина Яра* с обязательством устроить здесь крепости и содержать в них по пятисотенной команде, в первое время ежегодно переменяемой, а потом как в упомянутых крепостях, так и в промежуточных пунктах “основаться фундаментальными жилищами” и своими разездами из этих крепостей до Яицкого городка и до Гурьева и между крепостями охранять границу от кочующих по берегам реки калмыков и киргизов. Так возникли крепости *Калмыковская* и *Кулагина*, которые, в свою очередь, положили начало форпостам Нижнеяицкой линии — целой цепи укрепленных поселений, чьи передовые казачьи пикеты находились на левой стороне Яика. Форпосты Нижнеяицкой линии были следующие: Сарайчиков, Яманхалинский, Баксаев, Тополевой, Зеленый Колок — между Гурьевым и Кулагинским городком; Гребенщиков, Кош-Яик, Харькин, Красный Яр — между городками Кулагинским и Калмыковым; Котельный, Антонов, Каменные Орешки (ныне Каленовский), Сахаров, Мергенев, Сундаев, Кожухаров, Бударин, Кош-Яик, Чаганский — между Калмыковым и Яицким городками. При всех форпостах имелись высокие маяки, обвязанные камышом или сухой травой. При появлении хищнических шаек они зажигались один за другим и в несколько часов давали знать по всей линии о приближающемся нападении. Каждый форпост имел команду не менее ста человек, укрепления и пушку, а крепость — две пушки. В названных выше форпостах казаки обязаны были постоянно содержать два полка в одном комплекте, т.е. вместе со старшинами 1016 человек.

Севернее Яицкого городка, где также нередко появлялись киргизы, Неплюев приказал до самого Илецкого городка устроить зимовки и содержать при них постоянные караулы зимой и летом. Из этих зимовок и возникли впоследствии так называемые реданки и трети-пикеты, расположенные по правому и левому берегам Яика. Паллас в своем “Путешествии” уже

в 1769 г. записал следующие форпосты на верхней линии: Заживный (в 7 верстах от Илецка), Кинделинский (25 верстами дальше), Иртецкий (в 25 верстах), Январцев (в 18 верстах), Рубежный (в 25 верстах), Гниловский (в 22 верстах). В Гурьев предназначались к поселению 100 казачьих семейств, причем Гурьевская слобода, где намеревались разместить казаков, была укреплена высоким и частым палисадом с каменными барбетами, или фланками по углам, имевшими чугунные пушки и мортиры.

Яицкие казаки должны были, согласно рапоржениям Неплюева, заботиться не только о низовой линии и Гурьеве, но и об Илецкой станице и ее казаках, чтобы они были "небезконны и небезоружны и в городе б добрый порядок и осторожность держали". Илецкие казаки, кроме того, в числе пяти человек должны были делать разезды по двум направлениям: к Разсыпной крепости и Иртецкому форту. Неплюев установил даже штат илецких казаков в 464 рядовых с атаманом, есаулом, пятью сотниками и писарем. Каждый казак обязан был иметь доброго коня, исправное ружье, сайдан или, по крайней нужде, длинное копье. Казацким старшинам было назначено постоянное жалованье, а рядовые казаки должны были содержать себя земледелием, звериными и рыбными промыслами. Яицкий войсковой атаман имел контроль над расходом станичных сумм; недовольные решением станичного атамана должны были апеллировать к войсковому атаману. Такое же устройство Неплюев дал и Сакмарскому городку, основанному выходцами из Яицкого войска в 1725 г. в 30 верстах от устья Сакмары на высоком мысу, недоступном с двух сторон. В Сакмарском городке находилось до 200 русских казаков и до 50 иноземцев: они были употребляемы по разным делам и нарядам в Оренбург, но в службе собственно яицких казаков не участвовали. Тем не менее и они были подчинены яицким властям. Таким образом, различные казацкие поселения, раньше не имевшие между собой прочной связи, теперь были объединены под главным управлением яицкого войскового атамана, подчиненного, в свою очередь, оренбургскому губернатору.

Вызываясь сторожить Нижнеяицкую линию, чтобы предотвратить поселение драгун и дворян, яицкие казаки, как уже сказано выше, просили освободить их от внешних нарядов. При всем желании правительство не могло исполнить этой просьбы. Конечно, можно было не брать казаков в походы на запад, но нельзя было обойтись без них в преследовании тех же киргизов, в охране соседних укрепленных линий, например Сибирских. А между тем количество их было не особенно значительно. Неплюев застал в Яицком городке в 1748 г. лишь около 3000 дворов, а здесь жила большая часть яицкого казачества — до 5/6. Казакам было очень трудно нести свою службу и в то же время добывать себе пропитание. Неудивительно поэтому, что они не прекращали принимать беглых, несмотря на неоднократные за-

прещения и розыски. В ноябре 1746 г. Неплюев получил из Военной коллегии указ, которым предписывалось отправить на Яик особого штаб-офицера с “пристойною командою” и поручить ему “беглых, всякого звания служилых и других чинов шатающихся там людей, кроме природных казаков... сыскивать и высылать с конвоем на войсковом коште, помещиковых к их помещикам, а служилых людей определять по-прежнему в полевые и гарнизонные полки”. Неплюев приказал войсковому атаману проверить наличность жителей Яицкого городка сравнительно со списком, составленным в 1723 г. полковником Захаровым. Оказалось, что во всех трех городках в перепись 1723 г. не вошли многие сотни людей разного звания: посадских, ясачных, бобылей, ямщиков, синодальных, архиерейских, монастырских, помещичьих крестьян, разночинцев, не помнящих родства и т.д. Неплюеву крайне не хотелось возвращать всех этих прибылых людей и он сделал соответствующее представление в Военную коллегия, в котором, указывая, “какой важный военный корпус есть упомянутое Яицкое войско не только для здешней безопасности от степных кочующих народов, но и для других государственных польз”, выражал мнение, что, чем оно люднее будет, тем лучше. Коллегия смолчала, и розыск беглых на время прекратился.

Но не успокоились духовные власти, возмущавшиеся тем, что Яик стал притоном “раскольников”. И вот в 50-х годах начинаются на Яике новые розыски, снаряжаются команды для ловли беглых и последние выводятся с Яика. Эти розыски в связи с недовольством действиями старшин, являвшихся усердными слугами начальства и притеснявших рядовое казачество, привели в конце концов ко взрыву 1772 года. Казаки убили своего атамана Тамбовцева и вырвали у него из груди сердце, изрубили саблями генерал-майора Траубенберга, перебили многих старшин и казаков их партии, разграбили их имущество и т.д. Потребовались энергичные меры для усмирения бунта, начались розыск и наказания виновных. Многие разбежались, но при всем том местные тюрьмы были переполнены. К этому времени разразился Пугачевский бунт, в котором яицкие казаки приняли самое деятельное участие. Это заставило правительство по усмирении мятежа покончить с казачьим самоуправлением. Екатерина II 15 января 1775 г. подписала указ, в котором повелевалось “для совершенного забвения кровавых происшествий на Яике” переименовать реку Яик в Урал, Яицкое войско в Уральское и Яицкий городок в Уральск.

С 80-х годов XVIII столетия казачья колонизация направилась вовнутрь страны, на север, северо-восток и запад, в район теперешней хлебопашотной полосы, ближе к границам войсковой территории. Такое направление расселения вызвано было прежде всего хозяйственными мотивами. Размножившееся казачество перестало удовлетворяться своими исконными промыслами — рыболовством и скотоводством и потянулось на землю, на

ее обработку. На севере освоенной казаками территории лежали черноземные и суглинистые почвы, дававшие прекрасные урожаи пшеницы. И вот уже в 1780 г. появились казацкие хутора на верховьях рек Чагана и Таловки; в 1790 г. возникли селения по рекам Чижам; в 1798 г. многие из войсковых чиновников (Бородины, Буренины, Донсковы, Михайловы) завели хутора по рекам Иртеку и Ташле. В 1831 г. казаками были основаны форпосты по Общему Сырту, так называемые Приобшинские: Царево-Никольский, Цесаревичев, Благодарский и Варшавский. Жители этих форпостов посвятили себя уже исключительно хлебопашеству, выезжая только на зимний лов рыбы. Они и расселились здесь для того, чтобы защищать войсковые земли от соседних бузулукских крестьян. Незадолго перед тем в Самарских степях, пограничных с войсковыми владениями, с разрешения правительства поселились государственные крестьяне. В первое время они, не разбирая границ, вторгались в войсковые земли, что и послужило стимулом для образования здесь упомянутых форпостов.

Вторжение киргизов Букеевской орды заставило Уральское войско устроить в 1815 г. ряд пикетов по р. Малому Узеню. В этой местности расселились прекрасные пастбища, и зажиточные казаки стали нагуливать здесь свой скот, а позже переселились сюда на постоянное жительство. В 1816 г. для охраны солевозного тракта от Илецкой защиты на Самару и конвоирования казенных транспортов соли была устроена Новоилецкая дистанция, часть которой — форпосты Затонный, Сухореченский и Озерский — заселили уральские казаки.

В конце концов расселение уральского казачества на север, северо-восток и запад привело к иному распределению войскового населения, чем было раньше. В 1816 г. на низовой линии жило 6000 человек, на верхней, выше Уральска, 6000 человек, в городе Уральске 17 тыс. человек. В 1857 г. на низовой и внутренней линиях жило 21 тыс., по верхней линии и вообще до города Уральска более 45 тыс. человек, в самом Уральске 11 тысяч. Таким образом, более населенными оказались северные хлебородные части земли войска Уральского.

До половины XVIII в. пришлое население большей частью попадало в ряды казачества. Но с тех пор как казачество консолидировалось в особое сословие, пришедшие люди уже не смешивались с казачеством и составили невойсковое, или иногороднее население земли войска Уральского. Резкое увеличение оседлого невойскового населения последовало с 1867—1868 гг., когда невойсковым лицам было разрешено приобретать на казачьей земле недвижимую собственность (усадебные места). Большая часть этих людей держалась в городах, занимаясь торговлей и ремеслами. Несмотря на быстрый рост, численность невойскового населения не смогла превысить численности казачества. В 1900 г. войсковое население насчитывало 126313 душ

обоего пола, невойсковое — около 105744. Главная причина этого — исконные общинные порядки пользования землей и угодьями. Они держались у уральских казаков крепко и не допускали развития частной собственности и частной промышленной деятельности. Здесь не повторилось то, что имело место на Дону, где возникли частные владения казацкой старшины и имения безземельных и мелкопоместных чиновников, превратившиеся потом в их частную собственность, которую они широко распродавали земледельцам-крестьянам. Поэтому на территории войска Уральского иногородние не только не заслонили собой истинных владельцев и хозяев земли — казаков, но и не сравнивались с ними количественно.

Если древнейшей колонией донского казачества было войско Яицкое, или Уральское, то ближайшей колонией было войско Волжское, поселенное на Волге и составлявшее как бы продолжение войска Донского. Его набрали по указу сената в 1732 г. из донских казаков для того, чтобы стеречь старую Ногайскую дорогу и переправы через Волгу от вторжения калмыков, татар и ногайцев. Во владение ему были отданы земли по р. Иловле от границы Донской области до г. Дмитриевска. Донцы основали здесь пять станиц — *Дубовскую, Средневожскую, Балыклейскую, Караванную и Антиповскую.*

Волжское войско, впрочем, недолго оставалось на Волге. В два приема, в 1770 и 1777 гг., оно было переслано на Терек и образовало там два войска — Моздокское и Волгское, которые вместе с Терским, составившемся также из выходцев с Дона, стали защищать линию Терека от вторжений кавказских горцев. Все эти три войска, таким образом, были колониями донского казачества. Подробнее о заселении ими бассейна Терека и образовании Терской области речь будет впереди.

Важнейшая литература

Броневский В.Б. История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских Минеральных Вод. — СПб., 1834 — Ч. 1—4.

Сухоруков В.Д. Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск, 1867—1872. — Т. 1—2.

Савельев А. Трехсотлетие войска Донского, 1570—1870 гг.: Очерки из истории донских казаков. — СПб., 1870.

Хорошихин М.П. Казачьи войска: Опыт военно-стат. описания. — СПб., 1881.

Абаза К.К. Казаки: донцы, уральцы, кубанцы, терцы: Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе. — СПб., 1890.

Рябинин А. Уральское казачье войско. Ч. 2. Приложения. — СПб., 1866. (Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами Ген. штаба).

Витевский В.Н. Яицкое войско до появления Пугачева // Рус. Архив. — 1879. Кн. I, тетр. 3—4

Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. — Казань, 1889—1897. — Вып. 1—5.

Рычков П.И. Оренбургская история (1730—1750) / Под ред. и с прим. Н.М.Гутяра. — Оренбург, 1896.

Рычков П.И. Топография оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и имп. Акад. наук корреспондентом П.Рычковым. — Спб., 1762. — Ч. 1—2.

Бородин Н.А. Уральское казачье войско: Стат. описание. — Уральск, 1891. — Т. 1—2.

Картов А.Б. Уральцы: Ист. очерк. Ч. I. Яицкое войско от образования войска до перенеси полковника Захарова (1550—1725 гг.). — Уральск. 1911.

XVI. ЗАСЕЛЕНИЕ ПРИДНЕПРОВСКОЙ УКРАИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI И В XVII В.

Одновременно с заселением степной Украины Московского государства происходило заселение таковой же Украины государства Польско-Литовского.

Термин “украина” в отношении к территории Польского государства имел и общий нарицательный смысл и специальный — собственный. Украйной называлась в Литве и Польше вся южная окраина обоих государств, соприкасавшаяся с кочевьями татар, владениями турок и волохов, украинскими людьми, украинцами назывались обыватели и Киевской земли, и Волынской, и Подольской, и даже русских воеводств Польши (т.е. Галиции). Акты говорят по временам не об одной, а о нескольких украйнах. Так, например, наказ короля Стефана Батория от 1590 г. предписывал хватать своих людей на украине русской, киевской, волынской, подольской и брочлавской, которые беспокоят татар, турок и волохов. В таком же общем смысле употребил название “украина” и инженер Боплан в своем знаменитом “Описании Украины, т.е. провинции королевства Польского от границ Московских до пределов Трансильвании”. Но преимущественно и предпочтительно это название со второй половины XVI в. стало утверждаться и закрепляться за Киевским и Брацлавским воеводствами. Эти воеводства, соприкасавшиеся со степной пустыней и сами заключающие в себе часть этой пустыни, должны были особо выделяться среди других областей Польского государства, как области конечные, украйные. Украина в этом тесном обозначении стала противопоставляться Волыни, Подолью и русским воеводствам. С 1618 г., после Деулинского перемирия, этим названием стала обниматься и та часть Чернигово-Северской земли, которая отошла к Польше от Москвы и в 1635 г. образовала Черниговское воеводство.

Усиленное заселение пришлым населением во второй половине XVI и первой половине XVII в. происходило в этой именно Украине в тесном смысле. Другие южно-русские области — Волынь, Подолье, Галичина в это

время населялись в порядке внутреннего роста населения, отдавая часть его Украине в тесном смысле.

Территория Киевского воеводства издавна заключала в себе все пространство земель, которое орошалось нижней Припятью и другими правыми притоками Днепра до Ингульца включительно, нижней Десной и другими левыми притоками Днепра до Конских и Овечьих Вод включительно. На востоке пределы Киевщины доходили до Муравского шляха, а на западе до Черного шляха. Брацлавское воеводство идеально обнимало собой весь бассейн Южного Буга, за исключением его верховьев. Его пределы на востоке доходили до Черного шляха, а на западе до Кучманского шляха и Днестра. Все эти пределы в свое время, т.е. во второй половине XIV и первой четверти XV в., намечены были оружием великих князей литовских Ольгерда и Витовта и до поры до времени имели совершенно реальное значение. В XV веке литовско-русская государственная территория между Днестром и Днепром действительно доходила до самого Черного моря. Для ее охраны, как мы уже видели, на нижнем Днестре, по берегу Черного моря и на нижнем Днепре был поставлен целый ряд крепостей. На левой стороне Днепра в границах, проведенных наместником киевского князя Семена Олельковича Свиридовым по рекам Суле, Пслу, Ворскле, верхнему Донцу и Осколу, стояли русские города и села. Ярлыки перекопских ханов, выдававшиеся литовско-русским господарям, утверждали за ними эту территорию. Но со времени страшного разгрома Украины, произведенного Менгли-Гиреем в 1482 г., действительные пределы Украины значительно отступили на север. Как было сказано в своем месте, русская оседлость на правой стороне Днепра уже не простиралась южнее линии рек Савранки и Синюхи, впадающих в Южный Буг, и Тясмина, впадающего в Днепр. Южнее находилось Очаковское поле, на котором пасли свои отары овец и гурты рогатого скота татары и волохи под покровительством и защитой турок. Правда, Литва не отказывалась от своего права на Очаковское поле и при удобном случае напоминала о нем туркам. Литовские уполномоченные, ведшие в 1540 и 1542 гг. переговоры с турками об установлении точных границ великого княжества с Белгородом (Аккерманом) и Волошской землей, имели наказ настаивать на том, что нельзя отграничивать Очаковское поле от Великого княжества Литовского, что Очаков принадлежит королю и стоит на собственном грунте Великого княжества; если турки станут указывать на татарские грабы, повсюду видимые на Очаковском поле, литовские послы должны были говорить, что господарь великий князь разрешал татарам пасти здесь свои стада ради услуг, которые они оказывали Великому княжеству, молчит об этом и теперь ради дружбы своей с царем турецким и впредь будет разрешать татарам пасти свои стада наймом, за справедливую плату. Но эти претензии не имели реальных последствий, и Очаковское поле продолжало оставаться в распоря-

жении турок и татар. На левой стороне Днепра после Менгли-Гиреева “вынятья” запустели бассейны рек Трубежа, Супоя, Сулы, Псла, Ворсклы, Донца и Оскола, и хотя они продолжали считаться частями Каневского и Черкасского поветов Киевского воеводства, но и тут не смогло установиться твердо и бесспорно владение Литовского, а затем Польского государств. Соседи из Московского государства хозяйничали на верхнем Донце и Осколе, как у себя дома. Они появлялись даже к западу от Муравского шляха, ставили своих сторожей, захватывали земли на верховьях Сулы, Псла и Ворсклы. Эрих Ласота, бывший на Украине в 1594 г., пишет, что от Лубни (на Суле) до московских границ только две мили. При впадении Коломака в Ворсклу (недалеко от Полтавы) стояла уже московская сторожа, которую разгромили казаки в 1577 году. И позже Москва распоряжалась на верховьях Сулы, Псла, Ворсклы. Известно, что на верхней Суле в XVII столетии стал город *Недригайлов*; тракт Гадяцкий на верхнем Псле держала также Москва, пока не обменяла его на тракт Трубежской; на верхней Ворскле стал московский город *Ахтырка* и т. д.

Таким образом, ко второй половине XVI в. большая часть Украины лежала впусе. Население ютилось преимущественно в Киевском и Северском Полесье, в бассейнах нижней Припяти, правого притока ее Уши, Тетерева, Ирпени и Стугны, нижней Десны и левого притока ее Остра, а также на верхнем Буге и его притоках, т. е. в поветах Мозырском, Овруцком, Чернобыльском, Житомирском, Киевском и Остерском, а также в Винницком; самые же обширные степные поветы Брацлавский, Каневский и Черкасский были почти пустынями. Но и существовавшего населения было очень мало. По данным последних литовских люстраций, в Мозырском повете было всего 69 сел, в Овруцком 45, в Житомирском 60, в Киевском 30, в Чернобыльском 32, в Остерском 9, в Винницком 48, в Брацлавском 36, в Каневском 26, в Черкасском 8. Городских поселений — замков и мест на всю Украину было всего 13: Киев, Мозырь, Овруч, Житомир, Чуднов, Чернобыль, Любеч, Остер, Канев, Черкасы, Брацлав, Винница и Белая Церковь. Подавляющее большинство селений были с ничтожным количеством дворов. В центре здешнего края Киеве в 1552 г. насчитывалось всего 487 домов — только вдвое больше того количества, которое застал в Киеве Плато-Карпини после Батыева погрома; в Виннице было 429 домов, а в других городах и того меньше — 257, 226, 224 и т. д.; в селах же насчитывались десятки и единицы домов.

Такое малолюдство польско-литовской Украины во второй половине XVI века находит свое объяснение, разумеется, не в природных условиях страны, а исключительно в неблагоприятном соседстве ее. Украина подвергалась постоянным нападениям крымских и буджакских татар (отчасти и турок), которые уничтожали возникавшую здесь русскую оседлость, разоряли хозяйство, уводили в плен жителей. По своим же природным условиям Украй-

на была благоприятной обетованной землей, которая манила в свои объятия и земледельца, и промышленника, и служилого человека, обещая всем богатую поживу. Таковой она выступает во всех свидетельствах и своих и чужих наблюдателей современников.

Вот, например, какие свидетельства мы имеем о плодородии украинской земли. Польский историк XV в. Длугош писал о Побожье (позднейшая Брацлавщина): “Земля там так плодородна, что дает полный урожай на следующий год без обработки и посева, от одних вытекших зерен”. О Киевском Приднепровье Михайло Литвин сообщает: “Грунт земли Киевской до такой степени плодородный и легкий для обработки, что земля, раз вспаханная парю волов, дает обильный урожай. Даже необработанные степи дают растения, кормящие людей своими корнями и стеблями”. Сто лет спустя инженер Боплан пишет об обитателях Украины: “Земля их так тучна, доставляет им так много хлеба, что часто они не знают, что с ним делать”. Степная в общем Украина при всем том не бедна была и древесной растительностью. Не говоря уже о северной ее части, представлявшей Полесье, и степь украинская была испещрена лесами и перелесками, лесными “островами” и полосами на истоках рек и по их течению, в ложбинах “бояриков”.

Комиссия, проводившая разницу между Киевским и Брацлавским воеводствами, нашла на правой стороне Роси большие Каневские леса, с которыми были связаны, как часть, леса Болкуновские и Богатырские, покрывавшие и верховья Гнилого Тыкича. Гетман Язловецкий, придя с войском на Украину в 1572 г., встречал на своем пути леса по левой стороне Роси. Как богата была лесами вся эта местность, можно заключить и из того, что в 30-х годах XVII столетия староста Кажавский отдавал на откуп гданьским купцам право жечь здесь золу. Цесарский посол Э. Ласота, проезжая Украину в 1594 г., встретил леса сейчас же за Черкасами. По свидетельству Боплана, леса одевали берега Тясмина и тянулись отсюда к верховьям Ингульца, покрывали они и левый берег Ингульца. Между прочим, рос с незапамятных времен Черный лес, в котором обычно разбивали коши татары перед вторжением в Украину. К востоку от верховьев Ингульца к верховьям Цыбульника тянулся Плоский лес с многочисленными буераками. На верховьях Выси (притока Синюхи) и мелких притоков Тясмина рос большой Лебединский лес. По обеим сторонам Южного Буга около Винницы также были леса; один из них, ниже Винницы, назывался в источниках (1564 г.) “великим” Винницким лесом. Перелесками были покрыты берега рек Соба и Десницы около Брацлава. Леса тянулись и южнее Брацлава по притокам Южного Буга Тростянице, Бершади и Синей Воде (Синюхе). К востоку рос Уманьский лес, в котором спасался в 1596 г. Наливайко от преследования Жолкевского.

Берега Днепра и его многочисленных островов были покрыты лесами, в которых, между прочим, казаки устраивали свои укрепления — “сичи”. По левой стороне Днепра леса тянулись по левому берегу Удая, притока Сулы, берегу Сулы около Лубен (свидетельство Гойденштайна 1596 г.). Междуречье Псла и Ворсклы было покрыто лесами и болотами, а на лесных полянах казаки пасли своих коней и волов. Боплан отмечает лесные полосы по левому берегу Псла и по верхней Ворскле, от Полтавы до московской границы, а также по левому берегу притока Ворсклы — Коломака. На Орелке источниками 1822 г. свидетельствуются пуша Козловская, а на верховьях лес Кош-Кайран. Берега же Самары покрыты были прекрасным строевым лесом, из которого казаки брали материал для постройки своих “чаек”, а инженер Боплан доставлял бревна для постройки крепости Кодака. Но раз и по степи были раскиданы леса, неудивительно, если на таком в общем степном фоне все-таки некоторые места особо выделялись, как безлесные. Таковы были: Перепетово поле под Белой Церковью, упоминавшееся уже Очаковское поле и др.

Сочетание степи и леса в связи с малолюдством страны порождало необыкновенное богатство украинской фауны, которое резко бьет в глаза при сопоставлении с современной скудностью. Лесостепи и степи полным полны были всякими животными. “Дикого зверя, — писал Михайло Литвин, — быков, диких коней и оленей такое множество в лесах и степях, что охотятся на них ради шкур, мясо же бросают, кроме полендвицы, ланями же и кабанами и совсем пренебрегают. Дикие козы в таком большом количестве перебегают зимой из степей в леса, а весной обратно — из лесов в степи, что каждый сельчанин много набьет их в течение года. По берегам рек встречается много бобровых гнезд. Птиц такое огромное количество, что хлопцы весной наполняют свои челны яйцами диких уток, гусей, журавлей и лебедей, а потом их цыплятами наполняют птичьи. Орлят замыкают в клетки ради их перьев, которые приматываются к стрелам. Псов кормят мясом диких зверей и рыбой”. На низу Днепра было такое же изобилие животных. Самуил Зборовский встретил там в 1583 г. рысей, диких свиней, ланей, а Эрих Ласота в 1594 г. даже медведей. В Брацлавщине, так же как и в Приднепровье, по отчету ревизора 1552 г., зубров, оленей, лисиц и других зверей было великое множество, а равно и бобров на тамошних ручьях и речках. Боплан рассказывает, что серны и олени паслись по Украине целыми стадами, кабаны водились непомерной величины, дикие лошади ходили стадами голов по 50—60, а под самой московской границей попадались буйволы и другие крупные животные, тут же водились белые зайцы, дикие кошки и др.

Не меньше богатств заключали в себе и реки Украины. “В Киеве, — писал Длугош, — такое великое обилие рыбы, что рыбу меньше пол-локтя

обыкновенно выбрасывают на корм диким зверям”. По свидетельству Михайла Литвина, реки Украины изобиловали неслыханным количеством осетров и другой крупной рыбы, приходящей с моря вверх к пресной воде. Особенно Припять, сообщает Литвин, в одном месте в начале марта наполняется таким множеством рыбы, что копье, брошенное в реку, стоит в ней, как бы вбитое в землю: так густо сбивается там рыба. Тысячи возов набирают ее купцы, съезжающиеся туда в эту пору. “Псел, — рассказывает Боплан, — река очень рыбная, а Ворскла и Орель еще богаче рыбою. Я сам видел, как за один заброс сети на Орели вытащили до двух тысяч рыб, из которых самые мелкие были не менее фута длины. В обоих Омельниках (правые притоки Днепра ниже устья Псла), равно как в Домоткани, сверх того, великое обилие раков, и притом крупных, доходящих до 9 дюймов длины. На Днепре против устья Самары лежит Конский остров, заливаемый весной. Сюда прибывает множество рыбаков; по недостатку соли они держат рыбу в золе и сушат ее. Улов ее происходит в Самаре, которую называют святою рекою, может быть, по изобилию в ней рыбы”. К Брашаву, по свидетельству ревизии 1552 г., подходило с моря рекой Бугом множество всякой рыбы, особенно вырезубов и рыбцов.

Необыкновенно богата была Украина и пчелами, которые на севере водились в бортиях, а на юге, в степной полосе, в ульях и пасеках. Пасеки в 500—1000 ульев здесь не были редкостью. Нельзя не упомянуть, наконец, о некоторых исключительных богатствах Украины — железной руде и залежах селитры, образовавшихся на прежних городищах и селищах и в степных могилах.

Все эти данные, сведенные в одну картину, воскрешают перед нами то же богатство природы, которое в древнейшее время, в V—VI вв., заставляло восточных славян в первую очередь разбрасывать свои селения по этой именно благословенной стране. Как мы уже знаем, их отсюда постепенно выбили кочевники — печенеги, половцы и затем татары, но выбили все-таки не всех. В лесной окраинной полосе страны удержалось русское население; кое-какие остатки его уцелели и в лесостепном пограничье этой полосы. Эти люди не выпускали из поля своего зрения покинутой земли, старались так или иначе пользоваться ее богатствами, а при первых благоприятных обстоятельствах и населяли ее вновь. Мы видели, что и при господстве половцев множество русских людей пускались в степь на промыслы. То были бродники, в таком большом числе обретавшиеся в степях, что эти степи на западе прослыли как земли половцев и бродников (*terra Cumaniae et Brodiniae*). При татарах бродников заменили русские казаки. Но вот к концу XIV в. ослабели татары, разбившиеся на несколько орд и начавшие внутренние усобицы. Литва выбила часть их из Побожья и Приднепровья (при Ольгерде и Витовте). И снова потянулись русские люди в степь, на извест-

ные им и прежде населенные места. Городища и селища, лежавшие развалинами, стали превращаться в города и села. Ожили вновь некоторые селения, разрушенные половцами и татарами, и под теми же самыми именами. Традиция географических названий дотатарской эпохи перешла, таким образом, в XIV и XV века. В особенности этот факт дает себя проследить по отношению к бывшей Переяславской земле и Чернигово-Северской. Ханские ярлыки, утверждающие за литовско-русским господарем эти земли, повторяют множество названий Киевской эпохи. Некоторые из них относились, по-видимому, к пустым городищам, селищам и урочищам, но некоторые, несомненно, имели в виду уже ожившие поселения. При короле Казимире из этих поселений уже привозили в Вильну медовую; поселения раздавались в управление в качестве “волоостей” киевским боярам, жаловались иногда в вотчину или поместье и т.д.

В 1482 г. над Приднепровьем снова пронеслась татарская гроза — погром, учиненный перекопским ханом Менгли-Гиреем. Погром этот снес множество оживших было селений. Был взят и разорен Киев и долгое время не мог оправиться. Мы видели, что в половине XVI века в нем было только 487 домов, т.е. только вдвое больше против того, что было в Киеве в 1246 г., после Батыева погрома. После этого участились набеги крымцев на литовско-русскую Украину, и большие пространства ее стали пустынями. Но и на этот раз русские люди не мирились с потерей богатых земель и угодий и так или иначе пользовались ими. Лица, тем или другим путем приобретшие себе или освоившие земли и угодья в местностях, подвергшихся погрому, не отказывались от них после опустошения, продолжали считать их своими владениями и извлекать из них доход либо путем личной их эксплуатации, либо путем сдачи в аренду пришлым промышленникам.

Таким образом, прежние городища и селища, пашни и угодья превращались в “урочища”. Названия этих урочищ, сплошь и рядом по имени первого заимщика, вместе с правом владения переходили из поколения в поколение, пока не вымирал род. Когда же род вымирал, эти владения по общему праву спадали на господаря или же захватывались под тем или иным предлогом сторонними людьми. На этой почве рождались разные генеалогические фикции, сфабриковывались поддельные документы и т.д. Характерные примеры в данном случае можно почерпнуть из истории владения на Украине князей Глинских и сомнительных князей Половцев со Сквиря Рожиновских. Мелкие князья смоленской ветви Глинские, переселившись на Украину, поселились на Ворскле и основали селение Глинск. Затем пошли в гору и захватили огромное пространство земель на Суле и Ворскле с тамошними городищами, селищами и угодьями. Чтобы оправдать владение ими, они стали выводить свой род от какого-то Лаксы, потомка Мамая, который будто бы получил их от великого князя Витовта. Заселившиеся было,

эти земли снова были превращены в пустыни Менгли-Гиреем, но тем не менее продолжали оставаться во владении князей Глинских, пока одна из наследниц в половине XVI в. не внесла их в дом черкасских землян Байбузов-Грибуновичей в качестве приданого. Под конец XVI в. Глинск, Бельск и Вороскол перешли во владение землянам Проскурам, а Посулье — князьям Вишневецким. Все эти права владения осуществлялись над землями пустыни, незаселенными. Только с переходом их во владение князей Вишневецких они стали быстро заселяться и образовали целое удельное княжество — Вишневетчину.

Что касается князей Половцев со Сквиря Рожиновских, то дело тут, по всем признакам, происходило так. В бассейне Роси существовала целая местность, носившая название Половетчина с городищем Сквирой. Очевидно, Половетчина была когда-то местопребыванием половцев, устроенных тут на житье либо киевскими еще князьями, либо татарами. Эту местность захватили какие-то Рожиновские, по всем признакам бояре из Черниговщины (там у них были именья Рожны, Светильнов и др.). Чтобы оправдать свое владение, они стали выводить свой род от половцев, ни больше ни меньше, как от Тугоркана, тестя Святополка II, и назвались князьями Половцами со Сквиря Рожиновскими. Был сфабрикован подтверждающий привилей Владимира Ольгердовича от 1390 г., выданный будто бы одному из предков их Юрию Ивантичу на “отдел Сквирский” с целым рядом других имений по правой и по левой стороне Днепра, бывших большею частью пустовщинами. Привилей и по содержанию и по языку не оставляет сомнения в том, что мы имеем дело с подложным документом. Как бы то ни было, но пустовавшие земли и угодья — городища, селища, острова лесные, пустыни и разные угодья — не оставались *res nullius*, но считались либо господарскими, либо княжескими, панскими и боярскими, хотя и не имели точных и определенных границ. Обо всех них у правительства и населения были известные сведения, все они были зафиксированы под известными именами. Эти имена удержались, как наследие двукратного заселения Приднепровья, в киевскую и затем в литовскую эпоху, и как результат продолжительного знакомства с ними русских бродников степей и казаков.

Наглядную иллюстрацию дает описание Каневского и Черкасского староств, составленное в 1552 году. Бассейн Сулы, принадлежавший к Каневскому староству, описывается таким образом: на нижнем течении Сулы уход перед самым ее устьем до речки Переволочны — монастыря Пустинского; выше этой речки под Войном — городище, прежде местское, теперь замковое; выше, на два дня пути и больше, три ухода и одно знамя занял боярин каневский Драб; на правом притоке Сулы Жице — уходы: один замковый, другой местской и земля Кошина — боярская; уход Гостиловский от Володины горы до Лубок — замковый, потом четыре земли местских, а

сама земля Лубны — замковая; на Суле и Слепороде — земля Гольцовщина; на притоке Сулы Удае земли и уходы замковые, церковные и боярские, из них земля Пирятинская — отчина боярина Чайки; обозначены также четыре земли в Ровни на р. Многе (приток Нижнего Удая); повыше на Суле пять земель и уходов замковых и два, Чекмаково и Макарино, церкви Зарубской (у Трехтемирова). К Каневу тянула и земля Чабановская на рубеже Путивльском под Княжей горой на речке Сулице. Канев имел свои уходы и на Псле: у устья Хорола, четыре мили от Сулы, замковые, а на самом Псле все заняты боярином Драбом. Таковую же картину рисует и описание Черкасского староства, обнимавшего на правой стороне Днепра весь бассейн Тясмина и обоих Ингулов, а на левой — бассейны Ворсклы, Орели и Самары.

На Днепре, по правую сторону, начиная с границы Каневской, прежде всего вход (промысловое угодье) и стан Дубослей, ниже на Днепре вход Еланский, потом Воловский, Тясминский на р. Тясмине, вход на Ревучем; на левой стороне Днепра Кременчукский — у устья Псла. Посельский на самом Псле, Кашинский у устья Ворсклы, Орельский на Орели, выше еще два, Романовский и Протолч; далее к порогам: Кошоум, Билоозеро, Отмуть; входы на порогах: Ненасытец, Волнец, Плетеница, Бозовлук, Носовский, Томаковка, Артачин и на Товени; в стороне от Днепра вход на Самаре, начиная с Ольховского Пlesa и Волчьей Воды до верху, а по Тясмину от устья до верху.

Итак, украинские земли, два раза заселявшиеся русскими людьми, несмотря на запустение продолжали быть в обладании и пользовании русского народа. Каждый уголок в них, каждый участок, тем или другим способом обособлявшийся и выделявшийся — городище, селище, курган, могила, лесной остров, промысловое угодье, — хорошо были известны русским людям, имели свои названия, традиционно сохранившиеся. Только Ногайская степь, расстилавшаяся к юго-востоку от Конских и Овечьих Вод, находилась вне владения и пользования русских людей и была им менее известна. Это обстоятельство необходимо иметь в виду для надлежащего представления о характере малорусской колонизации Украины. Много писалось о вольной народной колонизации Украины, о займке пустых земель и угодий, причем исследователи, особенно народнического направления, склонны были рассматривать украинскую пустыню XV—XVI веков как землю никому не принадлежавшую. Это совершенно неверное представление. На эту пустыню уже установили свои права Литовско-Русское, а затем Польское государство, и многочисленные частные владельцы. Займка совершалась либо в государственных, либо в частных владениях, и поэтому речь может идти не о вольной, а самовольной народной колонизации. Эта самовольная колонизация и породила ту самую борьбу малорусского народа с

Польским государством и панами, которая привела в конце концов к отпадению левобережной Украины от Польши.

Более полстолетия после Менгли-Гиреева погрома русские люди выдерживались, однако, от заселения опустошенных местностей. За это время размножавшееся население Украины расселялось главным образом в северных, лесных ее частях. В южных, степных частях велись отхожие промыслы как местными, так и пришлыми людьми, которые ходили туда ловить рыбу, бить зверя, добывать мед, соль и селитру. Из местных жителей Украины этими промыслами жили преимущественно те, которые обитали в непосредственном соседстве с пустыней. Таковы были, прежде всего, жители Черкас на Днепре. На нижнем Днепре, по свидетельству ревизии 1552 г., черкасский староста сдавал в аренду местным боярам и мещанам все уходы Черкасского повета, кроме пяти, получая с каждой ватаги по 30 рыб, по осетру и по два бобра, одного в свою пользу, другого в казну. На левом берегу Днепра на лесные и степные звериные уходы по Удаю, Суле, Пслу и Ворскле, называвшиеся Сиверами, ходили промышлять “сеvрюки”. Так назывались, по-видимому, остатки северянского населения, удержавшиеся в бывшей Переяславской земле. Наименование самих уходов Сиверами, по-видимому, также говорит о северских угодьях, бывших во владении и пользовании северян. По крайней мере, акты второй половины XV и начала XVI в. прямо говорят о северских волостях, о северской дани, которую привозили в Киев старцы этих волостей. Уходы на правой стороне Днепра, в Брацлавщине, эксплуатировали промышленники с верховьев Случи, Южного Буга, Тетерева и Роси, по старой памяти называвшиеся болоховцами. В половине XVI в. такие болоховцы снимали у владельцев уходы в тринадцати селищах на верховьях Соба и Краснянки, платя по 3—4 гроша с человека. Щенный Гербур в своем проекте “Способы укрощения татар” (*Sposoby zatrzumania tatarow*) рекомендовал поставить на верховьях Синей Воды укрепленный лагерь и рассылать отсюда не войсковую стражу, а за деньги болоховцев, которые привыкли ходить всюду в диких полях за рыбой и зверем и лучше других знают все места, переходы и поля.

Но кроме черкасов, сеvрюков, болоховцев богатые угодья Украины привлекали промышленников издалека, из Киевского Полесья, Поднепрских волостей и других частей Руси Литовской, т. е. Белоруссии. “Киевщина, — писал Михайло Литвин, — знаменита скопищем люда на ее пространствах. На Днепре и его притоках лежат людные места и села, обыватели которых с детства привычны до плавания, судоходства, охоты и рыболовства. Много из них, уходя от родительской власти, неволи, кар, долгов и других неприятностей, либо просто ища более прибыльного заработка и лучшей местности, направляются в Киевщину, особливо весною. Познав приволье жизни в низовых местах, они уже никогда не возвращаются к своим, быстро приобре-

тают опыт и мужество и свыкаются с опасностями, охотясь на медведей и зубров. Поэтому в крае так легко наwerbовать хороших жолнеров". Этот пришлый люд с течением времени все более и более стал затирать местных промышленников. Описание Черкасского замка и повета 1552 г. свидетельствует, что черкасский староста Иван Хоцонович стал раздавать все уходы на Днепре (прежде отдавалось только пять) пришлым промышленникам — киевлянам, чернобыльцам, мозырянам, петриковцам, быховцам и другим "чужегородцам", т.к. они повышали арендную плату: "бо уходники, одни перед другими опережаючи, повышают укупууючися". Пришлых промышленников стали предпочитать и другие старосты. Под Войном городищем на Суле в Каневском повете были четыре еза и бобровые гоны на три мили. Эти угоды эксплуатировались местными мещанами, но староста стал сдавать их "чужегородцам" с выги с седьмой части рыбы; в 1552 г. их "ходили" киевляне, а в предыдущем могилевцы.

Так же, как господарские, т.е. казенные, именья, эксплуатировались на Украине и именья частных владельцев. В описании Канева 1552 г. читаем, между прочим: "Селище Дерлово пусто, Земянское, — Богуш Морозов держит, а отдает уходникам на рыбу с третьей части, на бобров — исполу; а кто на пасеке сядет, с того 12 грошей". Князь Василий Домонт, имевший пустое селище Мощны в трех милях от Черкасского замка, отдавал там рыбные ловли за 4 копы грошей; сверх того, ему принадлежали там же ловы звериные и осетринные луки на Днепре, на которые он пускал уходников с выги. Иван Зубрик, владевший тремя селницами в Звенигородчине, брал по 12 грошей с того, кто там пасекой станет, от 5 до 12 грошей с тех, кто там в стрельбу ходит.

Известную часть пришлых промышленников составляли казаки. Это были те самые люди, которые, по свидетельству Михайла Литвина, порывали связь с родиной, жили уже исключительно промыслами на реках и в степях Украины, присоединяя к ним поживу от нападений на татар, турок и проезжих купцов. И этот казацкий промысел был обложен своего рода арендной платой. Люстрация 1552 г. отмечает, что когда приходят в Черкасы или Канев казаки, захватив добычу в неприятельской земле, с того добытка идет старосте наилучшая вещь. На зиму казаки стягивались вверх по Днепру распродавать свою добычу и рассенвались по городам Украины. Часть их оставалась в Черкасах и Каневе. Люстрация 1552 г. говорит: "Кроме оседлых бояр и мещан бывают в Черкасах прихожие люди, казаки неоседлые, а бывает их не равное число, как в которм году". В половине XVI в. казаки стали оставаться и на зиму на землях и угодьях, где они промышляли. Люстрация 1552 г. отмечает те убытки, которые происходят от казаков в Каневском повете: эти казаки не сходят с уходов Сиверских, где они промышляют, но живут там постоянно на мясе и рыбе, на меду с пасек и свепетов и

сытят там себе мед, как дома. Не являясь в Канев, казаки не платили старосте и условленной выги; эти-то убытки и отмечает люстрация. Казаки, таким образом, из пришлых, временных обывателей Каневского и Черкасского поветов начали превращаться в постоянных, хотя еще и без прочной оседлости. Люстрация поэтому противопоставляет их оседлым боярам и мещанам, имеющим свои дома и усадьбы и несущим все повинности по месту своего жительства. Но, во всяком случае, перед нами начальный момент казацкой колонизации, которая приобрела более широкие размеры и более устойчивые формы позднее, в конце XVI и начале XVII века.

Начавшаяся казацкая колонизация Украины была не каким-либо одиноким явлением, а частичным проявлением общего стремления к переселению на Украину жителей разных, но преимущественно соседних областей Литвы и Польши. Люстрации 1552 г. обнаруживают в городах Киевского Полесья много пришлого люда с верхнего Днепра и Припяти и их притоков, из так называемых Поднепрских волостей и Руси Литовской, т.е. Белоруссии. Тут мы видим и туровцев, и случан, и копылян, и глушан, и бобрян, и чечерян, и петриковцев, и свислочан, кричевцев, могилевцев, мстиславлян и даже москалей (вероятно, с Московского рубежа), северюков, литву и волынян. Но одновременно в том же Киевском Полесье замечается отлив населения из сел. Например, в Олевской волости на р. Уборти, принадлежавшей панам Немиричам и состоявшей из пяти сел, на 47 оседлых домов приходилось уже 39 сбежавших; в имение Бабинских Каменном на Случи на 24 оседлых дома приходилось 10 сбежавших и т.д. Видно по всем этим данным, что началась передвижка населения с севера на юг, тяга в южные, более богатые области Литовско-Русского государства. Крымская орда к тому времени набрасывалась, главным образом, на московскую Украину; татарские нападения на литовско-русскую Украину стали реже и менее опустошительны, и вот сейчас же началась тяга населения на богатую Украину.

До Люблинской унии 1569 г., впрочем, это движение шло мелкими, еле заметными струями, не приобретало больших размеров. Массовый характер оно приняло позже, под конец XVI и в начале XVII в., когда Украина находилась уже под непосредственным владычеством Польши. Усилению колонизационного движения в эту область способствовали некоторые меры, принятые польским правительством в отношении Украины.

Присоединение Украины, равно как и Волыни, к Польше, совершившееся на Люблинском сейме 1569 г., было осуществлением давнишнего желания польских панов и шляхты, стремившихся к увеличению своих земельных имуществ за счет богатых, но пустовавших южнорусских областей.

В Польше уже давно чувствовалась некоторая земельная теснота, ощущался недостаток удобных для хлебопашества и скотоводства земель. Но особенно остро почувствовали это сельские хозяева Польши с того вре-

мени, когда с присоединением Данцигского порта (по Торунскому договору 1466 г.) стала развиваться отпускная торговля Польши хлебом, скотом и другими сельскохозяйственными продуктами. Польские землевладельцы жаждали теперь новых земель и угодий для расширения своего хозяйства и увеличения своих доходов. Поэтому и на Люблинском сейме 1568 г. их представители страстно добивались “экзекуций” мнимых прав Польши на Волынь и Украину и успели склонить своего короля и литовско-русского государя к передаче Украины вместе с Волынью и Подляшьем Польскому государству. Домогательства поляков нашли себе поддержку в южнорусских землевладельцах, особенно крупных, которые надеялись в тесном единении с поляками надежнее отбиться от татар и турок и успешнее вести свое хозяйство. Поэтому, как только была заключена уния между Польшей и Литвой и южнорусские области, т.е. воеводства Подляшское, Волыньское, Брацлавское и Киевское, отошли к короне Польской, так сейчас же встали на очередь дня вопросы о наилучшей обороне Украины и о ее заселении и были приняты в этом направлении некоторые меры.

Немедленно по заключении унии, в том же 1569 г., польское правительство послало на Украину ревизоров с поручением осмотреть пустоши, которые могут быть раздаваемы на вечность или менным правом для заселения. На первый план было выдвинуто, естественно, развитие на Украине шляхетского землевладения. Двадцать лет спустя, в 1590 г., сейм предоставил короне право раздавать пустоши не только за Белой Церковью, но и на левой стороне Днепра до самого рубежа Московского, раздавать, разумеется, вельможным панам и заслуженным шляхтичам, как полагалось по законам Речи Посполитой. Кроме удовлетворения сословных appetитов тут имелась в виду, конечно, и оборона Речи Посполитой, базировавшаяся в то время на шляхетском ополчении и наемных, отчасти на средства шляхты, войсках. Некоторые современники, впрочем, шире смотрели на дело и предлагали правительству ряд других мер для обороны государства. Посланные в 1569 г. ревизоры по окончании своего поручения доносили: “Городищ в том воеводстве Киевском пустых очень много: если бы отстроить их, то большая оборона и безопасность установилась бы не только для воеводства Киевского, но и для всей Речи Посполитой Польской”. Ревизоры представили и список этих городищ, который, к сожалению, не дошел до нас. Ксендз Грабовский в своем памфлете “Низовая Польша или польская осада” рекомендовал неустанную военную колонизацию “диких полей”, раздачу земель заслуженным людям всякого звания, причем каждый отдел, уже заколонизованный, переходил бы по очереди под посполитое право Речи Посполитой. “Этим способом, — заявлял Грабовский, — можно привести к делу, порядку и послушанию и дикую казацкую дружину”. Симон Старовольский в сочинении “Вотум о реформе Речи Посполитой” (*Votum o prawie*

Rzeczypospolitoj) предлагал обеспечивать безопасность Украины через колонизацию, которая должна поддерживать стратегическую линию замков и фортеций по Днепру и Днестру. В общем, названные лица рекомендовали польскому правительству ту же систему обороны Украины и наступления на степь, которая практиковалась на степной Украине Московского государства.

Но центральная власть в Польше была слишком слаба для такой деятельности. Будучи органом панства и шляхты, польское правительство предоставило дело обороны и заселения Украины главным образом частной инициативе, частным усилиям местных землевладельцев, а само ограничивалось только тем, что регулировало частную инициативу и усилия, да и то далеко не достаточно и не планомерно. Оказывая всемерное содействие развитию и укреплению панского, шляхетского землевладения на Украине, оно не использовало здесь в должной мере и должном направлении народную колонизацию. Вследствие этого на Украине водворился хаос аграрных и повинностных отношений, приведший к ожесточенной социально-политической борьбе казачества и холопства с панам и их правительством. В результате левобережная Украина совсем отпала от Польши, а правобережная, только что заселившаяся, запустела снова, чтобы еще раз колонизоваться уже в XVIII веке.

Итак, на первую очередь после присоединения Украины к Польше стала раздача пустынь с целью их заселения, в теории “добре заслуженным”, на практике “вельможным” панам. В течение пятнадцати лет со времени заключения унии Украина покрылась целым рядом громадных имений русских и польских магнатов. Как велики были эти имения, можно судить, например, по таким примерам. Король Стефан Баторий утвердил за князем Вишневецким все Посулье от Московского рубежа до самого устья р. Сулы, Удай и Солоницу со всеми речками и озерами. Пану Валентию — Александру Калиновскому была пожалована вся пустыня Умань с ее урочищами. По данным ревизоров, она лежала между двумя татарскими шляхами — Кривошаровским и Удычским, и между реками Удычем, Южным Бугом, Синей Водой, Ятранью и Рябанью. Эта территория, как вычислил А. Яблоновский, заключала в себе до 80 кв. миль. Громадные имения оказались в руках вольнских князей — Острожских, Корецких, Збаражских, Ружинских и др. Владельцами латифундий были также и польские паны — Замойские, Жолковские, Сенявские, Потоцкие, Конещпольские и др.

Надо оговориться, впрочем, что далеко не все эти латифундии были получены путем прямых пожалований короля и “станов” Речи Посполитой. Многие из них образовались путем покупки или скупки городищ, селищ и полей у действительных или мнимых владельцев. При неопределенности границ размеры владений, по молчаливому соглашению сторон, определя-

лись на глазомер. Так, князь Вишневецкий приобрел все Посулье от земель Байбузов-Грибуновичей, которые будто бы унаследовали его полностью от князей Глинских. По указаниям актов XV и даже XVI в. далеко не все Посулье было во владении Глинских: там были и господарские северские волости, с которых дань шла в скарб великого княжества и которая раздавалась в управление киевским боярам. Но при запусении Посулья в XVI в. и Байбузы имели возможность при передаче своих прав на него не обозначать точно, что принадлежит им здесь и что не принадлежит; не было никакой охоты вникать в это и князю Вишневецкому, к которому переходило владение. Не разбирался в этом и король Стефан, под видом утверждения частновладельческой сделки раздававший в сущности государственные территории, раз ему предоставлено было право жаловать пустовавшие земли “добре заслуженным”.

То же самое наблюдалось и при утверждении сделки Калиновских в соседней с пожалованной им Уманью Звенигородчине. Эту Звенигородчину они купили у пана Юрия Струся. Струсь, в свою очередь, купил ее в 1592 г. у потомков одного из первых поселенцев в этой местности Федора Базановича, прозванного Казаком-Звенигородцем. Этот казак, не довольствуясь “отчиной”, которую составляли Соколков и Мытковцы на Конели и Тыкине, распространил свое владение за эту реку, осадив местечко *Буки* и повернув к нему большую полосу земли из Белоцерковского староства. Струсь также увеличил это владение, скупив и остальную часть Звенигородчины у действительных или мнимых владельцев — Козаров, Золотаров и др. Для вящего закрепления за собой и наследниками местечка Буков он переименовал его в *Струсь-город*. Калиновские, со своей стороны, расширили Звенигородчину скупкой новых пустошей по соседству. Все эти приобретения были утверждены за ними выдачей соответственных “привилеев”.

Такими путями, при неопределенности границ имений и подчас сомнительности самого права владения ими, осуществлялся, в сущности, захват украинских земель польскими и русскими магнатами, шла та же заимка, которая одновременно с тем наблюдалась и со стороны низших классов, с той, впрочем, разницей, что последняя не получала санкций короля. Этот захват украинских земель под конец XVI и в начале XVII в. шел лихорадочным темпом и порождал множество соседских недоразумений, ссор, тяжб и даже вооруженных столкновений. Книги Люблинского трибунала, где разбирались все подобные дела, полны в этом отношении характерными подробностями. Примеру магнатов следовало духовенство и мелкая шляхта — мещане и, наконец, казаки. Борьба за землю в Украине стала, можно сказать, всеобщей и приняла довольно ожесточенный характер.

В такой обстановке происходило усиленное заселение панами украинских земель под конец XVI и в первой половине XVII века. Заселение это

началось с постройки городков, или, как говорилось на западе Руси, замков и замочков. Созывая население на свои земли, прежние и новые владельцы прежде всего заботились о создании опорных пунктов, мест защиты и убежища на случай неприятельских вторжений. В конце XVI и первой четверти XVII в. Украина покрылась множеством замков и острожков с местами и местечками. Эти опорные пункты возникали как в глубине Киевского Полесья, так и в лесостепном Пограничье и затем в степной полосе. В глубине Киевского Полесья к прежним замкам Мозырю, Лобичу, Овручу, Чернобылю, Житомиру, Киеву и Остру присоединились: господарский замок на *Лоевой горе*, поставленный старостой Любецким пред 1580 г., *Брагин* на р. Брагинке, левом притоке Припяти, — князей Вишневецких, *Олевск* на правом притоке Припяти Уборти — панов Немиричей (пред 1611 г.), Искоростень на другом правом притоке Припяти, Уше, основанный в 1589 г. Мерзвицкими, *Горинск* на Норыни, слева впадающей в Ушу, основанный в 1590 г.; на р. Тетерева, правом притоке Днепра: *Чуднов* — князей Острожских, *Денеша* — панов Вороничей, *Коростышев* — панов Ольяров-Волковичей, *Родомысль* — архимандритов Печерских; *Иванков* — землян Проскуров (основан в 1590 г.); на правом притоке Тетерева Здвиже: *Брусилон*, поставленный Бутовичами с разрешения короля Стефана в 1574 г. “на шляхах патерских” для собственной пользы владельцев и других меньших имений и сел господарских и шляхетских и всего этого края, *Рожев* — землян Лозков, *Макаров* — землян Квашенцевичей (основан в 1590 г.); на другом правом притоке Тетерева, Буйве: *Белополь* — панов Тышкевичей (основан в 1592 г.), *Лешин* — панов Горностаев (1586 г.), *Кодня* — панов Тышкевичей (1593 г.), *Нахвороща* — королевский, возобновленный в 1580 г.; на третьем правом притоке Тетерева, Гнилопьяте: *Махновка* (возобновл. в 1593 г.), *Бердичев* на старом городище Берендичеве (основан в 1593 г.), *Слободище* (1593 г.) — все панов Тышкевичей, *Троянов* (ок. 1598 г.) — землян Вороничей; на истоках Тростяницы, впадающей в левый приток Тетерева Иршу, *Чернехов* — панов Немиричей (основан в 1583 г.); на р. Ирпени: *Ходорков* — Тышов-Быковских (основан под конец XVI в.), *Корнин* — Проскуров-Сушанских, *Черногородко* на старом городище — бискупов Киевских, *Бышев* на старом городище (основан перед 1607 г.) — землян Хорленских, *Белгородко* на развалинах старого Белгорода Киевской эпохи — князей Острожских, а затем Корецких, *Мотыжин* — землян Мопаревичей (основан в 1602 г.); *Гостошив* — землян Харленских (превращен в замок ок. 1619 г.); на Унаве, левом притоке Ирпени, возникли замки, стерегущие черный шлях: *Романовка* — князей Ружинских (ок. 1595 г.), *Хвастов* — бискупов Киевских (основан ок. 1595 г.), *Гулянки*, или *Мотовидловка* — землян Аксаков (основан пред 1617 г.); на р. Стугне *Васильков* — замок Печерского монастыря, основанный в 1586 г.

на старом городище; ниже устья Стугны на Днестре *Триполь* (основан в 1594 г.); на речке Красной Германовке — панов Фирлеев (нач. XVII в.).

В лесостепной и степной части правобережной Украины к господарским замкам Каневу, Черкасам, Белой Церкви, Брацлаву и Виннице присоединились на р. Днестре: *Ржищев* — панов Хонецких (сущ. в 1594 г.); *Трехтемиров*, укрепленный монастырь, пожалованный королем Стефаном казакам в качестве убежища и госпиталя; на левом притоке Роси Каменице: *Тридисы*, укрепленный сторожевой пункт, с 1622 г. замок, около Белой Церкви; на другом левом притоке Роси, Раставице: *Белловка* — князей Корецких, (основан после 1612 г.), *Ружин* и *Паволоч* — князей Ружинских; на Березке *Антонов* — князей Збаражских (основан в 1594 г.); на самой Роси: *Потребиче* (основан ок. 1590 г.) и *Володарка* — князей Збаражских; *Рокитка* (ок. 1600 г.) — князей Острожских; ниже по Роси господарские замки: *Богуслав* на стороне селища (возобн. ок. 1622 г.), *Стоблов* (ок. 1622 г.), *Корсунь* на старом селище — укрепленное место, возобновленное в 1585 г.; на Роске *Тетиев* — князей Острожских, заложенный после 1605 г.; на правом притоке Днестра Ольшанице *Мощны* — князей Вишневецких (сущ. в 1594 г.), на Боровице — *Боровица*; на Тясмине: *Данилов*, или *Медведевка* — укрепленное местечко (сущ. в 1522 г.), *Чигирин* — укрепленное место, основанное в 1589 г., *Крылов* — укрепленное местечко с 1622 г.; на левом притоке Южн. Буга Синей Воде *Пиков* — панов Канитов (сущ. в 1594 г.), *Глинск* — князей Друцких-Горских, наследников Кмитов (основан ок. 1598 г.), *Янов* — землян Стрижевских (1596 г.); на Деснице *Прилука* — князей Збаражских, на старом городище; на Собе: *Куна* — землян Слупцов (основан ок. 1620 г.), *Гайсин* — королевский замок, *Дашов* — князей Збаражских (ок. 1590 г.), *Кальник* на старом городище, а также *Липна* (основан ок. 1620 г.) — князей Корецких; на верховьях Ятрани *Умань* — панов Калиновских (с 1609 г.); на Угорском Тыкиче *Монастырица* — князей Вишневецких (ок. 1635 г.). Бужипанов Струсей, позже Калиновских (ок. 1595 г.); на Гнилом Тыкиче королевские замки: *Ставица*, *Лисянка*; на самом Южном Буге: *Браилов*, *Немиров* (в нач. XVII в.), *Вышковицы* близ Брацлава — землян Шашкевичей (основан ок. 1592 г.), *Соколец* — князей Збаражских (ок. 1606 г.), *Ладыжин*; на правом притоке Южного Буга Згаре *Литин* — королевский замок (основан перед 1618 г.); на Рогозне, или Краснянке, *Красне* — князей Острожских (в 1586 г.); на Дождне *Бершаоа* — князей Збаражских; при устье Кодымы *Конецполь* — панов Конецпольских; в Приднестровье: *Буша* при впадении Буши в Мурахву, *Ямполь* (ок. 1600 г.) и *Рошков* на месте древнейшего Калаура — панов Замойских; *Ягорлык*, последний замок на Днестре, в 1586 г. сожженный низовцами.

Из представленного перечня замков и укреплений Правобережной Украины видно, что местные крупные землевладельцы укрепили течения

всех главнейших рек в обозначившихся уже пределах русской оседлости, включая притоки Буга Кодыму и Синюю Воду (Синюху) и приток Днепра Тясмин.

В Правобережной Украине, таким образом, создание городов и мест в конце XVI и первой четверти XVII в. не расширяло, а только укрепляло и уплотняло уже определившуюся территорию русской оседлости.

Карты, составленные Бопланом, ясно указывают, что это уплотнение совершалось в районах, изобиловавших лесной порослью, дававшей материал для постройки не только жилищ, но и укреплений. По течению всех рек, на которых возникли перечисленные селения, у Боплана отмечены леса.

В левобережной Украине в это самое время происходил процесс, главным образом, расширения территории русской оседлости. Городками там обставлялись как раз долины рек, пустовавшие в половине XVI века. На первом месте здесь надо поставить возобновление *Переяслава* киевским воеводой князем Константином Острожским в 1585 году. Но больше всего сделали по этой части князья Вишневецкие, получившие в свое владение бассейны Сулы и Псла. Михаил Вишневецкий возобновил в 1591 г. *Пирятин* на Удае и *Лубны* на Суле (названные после Александровом); к 1617 году на Удае были уже *Многа*, *Курыпка*, *Журавка*, *Переволока* и *Прилуки*; на Суле: *Жовник*, *Буремль*, *Снятынка*, *Сенча*, *Лохвица*, *Глинск* и *Ромно*; на Хороле, притоке Псла, *Хорол*. Все эти замки были выстроены князьями Вишневецкими, которые, таким образом, повторяли древнейшую строительную деятельность киевских князей и позднейшую великих князей литовских Витовта и его преемников. Большинство укреплений были сооружены ими на старых городищах Киевской и Литовской эпохи. Средствами государства несколько позднее воздвигнуты: *Гадяч* и *Кременчуг* при устье Псла на старом татарском городище, называемом Керменчик (т.е. городок). (*Гадяч* позже перешел во владение Станислава Жолковского, а от него к Конецпольским.) Замки, выстроенные частными землевладельцами, ближайшим образом предназначались для охраны их имений. Но при этом не упускалась из виду и общегосударственная польза, которую приносили укрепления на землях частных владельцев. Поэтому частновладельческие земли состояли под известным надзором и контролем государства.

В 1590 г. состоялось определение сейма, в силу которого паны, желавшие содержать свои земли, должны были снабжать их "людьми, стрельбою и живностью" в достаточной мере для того, чтобы они могли устоять и отразить неприятеля; и наоборот, должны были разрушать или жечь замки, не могущие противостоять неприятельским нападениям, когда наступит для того время и нужда. Такое же полномочие дали и гетману Польскому, который был сделан начальником обороны Украины. В большинстве случаев

как частновладельческие, так и королевские замки и острожки возникали на старых городищах и селищах, под защитой прибрежных лесов.

Воздвигнутые замки и острожки редко оставались одиночными. С ними прежде всего крепко срастались их места и местечки (посады), которые основывались, как правило, одновременно с замком, так что и королевские привилегии выдавались обыкновенно на основание замка с местом. В качестве первых поселков в разных местностях Украины места и местечки возникали и независимо от замков, как особые селения, обычно укрепленные тыном или частоколом и снабженные кое-каким вооружением. Возникли они в большом числе после унии 1569 года. По данным, собранным Яблоновским в его историко-географическом описании Украины (*Zrodta dziejowe*, tom XVII), к концу первой четверти XVII в. по Украине было уже 323 места, 226 в Киевском воеводстве и 117 в Брацлавском; из них королевских было только 54, а остальные частновладельческие. Места и местечки сыграли крупную роль при заселении Украины, будучи вместе с замками передовыми, исходными его пунктами. При заселении Украины, тревожимой набегами татар, люди первоначально обосновывались группами по местам и местечкам и уже отсюда растекались по селам и хуторам.

Нет, конечно, возможности перечислить здесь места и местечки, возникшие на Украине после Люблинской унии. Желаящие могут найти наиболее полные сведения по этой части в названном выше труде Яблоновского. Здесь укажем только важнейшие места, возникшие от замков в виде самостоятельных поселков. Таковы были королевские места: в Овруцком повете *Межиречь* на Уборгии; в Чернобыльском *Дыма*; в Киевском *Демидов* и *Гуляники*; в Остерском *Бобровица*; в Черкасском *Арклай* и *Кропивна* на левой стороне Днепра; в Переяславском *Яготын* и *Миргород*; в Брацлавском *Маноха*; частновладельческие: в Овруцком повете *Базар* и *Городница* — князей Корецких; в Житомирском *Котельня* — князей Ружинских, *Червона* — панов Тышкевичей; в Чернобыльском повете: *Хабное* — землян Харленских; в Киевском повете: *Плисецкое* — Капитулы Киевской, *Снятынка* — бискупов Киевских; *Дидово* — Софийского монастыря, *Обудов* — панов Фирлеев, *Базань* — землян Крыноцких, *Борисполь* и *Барышов* на левой стороне Днепра — панов Долкевских; в Остерском повете: *Светильнов* — землян Аксаков, *Русанов* — князей Корецких; в Белоцерковском повете: *Березка* и *Рогачев* — князей Збаражских; в Черкасском повете: *Домонтов* — землян Олексичей; в Винницком: *Руловцы* — панов Калиновских, *Липовец*, *Лобачев*, *Петигоры* — князей Острожских; в Брацлавском: *Черновцы* — панов Замойских, *Адамград* — панов Калиновских, *Бадовка* — князей Збаражских, *Каменец Новый* — князей Четвертинских, *Кублич* *Гродек*, *Гранов* — панов Сенявских, *Маньковка* — панов Калиновских.

Большинство всех этих нововозникших мест по нынешнему масштабу были мелкими поселками, не насчитывавшими у себя и сотню домов. Наиболее многолюдные места, за исключением, конечно, Киева, осели в степных частях Украины. По данным налоговых тарифов 1615, 1622 и 1628 гг., после Киева, насчитывавшего 1750 домов, наибольшее количество домов имели Канев (свыше 1500), Черкасы (1150), Липовец князей Острожских (1100), Умань Калиновских (1067), Маньковка Калиновских (949), Черновцы Замойских (894) и другие королевские и частновладельческие места Брацлавского воеводства. На степном пограничье население, естественно, стремилось образовывать крупные поселения в целях наилучшей обороны. Скучиваясь при замках и в местах, население меньше растекалось здесь по селам и хуторам. Поэтому наблюдается прогрессивное уменьшение количества сельских поселков в Украине по направлению с севера к югу. Сельские поселки вообще оседали во вторую очередь, жались к укрепленным пунктам и замкам и местам и раскидывались по всему пространству данной местности лишь тогда, когда в разных частях ее возникали укрепленные пункты. Многие сельские поселки, особенно хутора и пасеки, первоначально имели временный характер. В них проживали летом, в период сельскохозяйственных работ, люди, имевшие коренную оседлость в замках и местах.

Из каких же общественных элементов и откуда набиралось в Украину население в конце XVI и первой четверти XVII века? В ее заселении, как мы уже видели, принимали деятельное участие князья и паны с Волыни, Подолья, русских воеводств Польши, отчасти из Литвы. Став землевладельцами Украины, они устраивали замки, места и села, созывали население в свои имения. Такую же роль играли они отчасти, становясь управителями королевских имений — старостами и державцами. В большинстве случаев, однако, они не переселялись на Украину, продолжали жить в прежних своих резиденциях, поручая устройство своих украинских имений и управление ими доверенным шляхтичам, а устройство и управление королевскими имениями — своим подстаростам. Некоторые, впрочем, как, например, князь Вишневецкие, проживали и в своих украинских имениях. Лубны были столицей Вишневетчины. Но магнаты со своими семействами не увеличивали собой сколько-нибудь значительно население Украины.

Более заметным прибавлением был пришлый вольный люд, который набирали старосты и державцы королевских имений и землевладельцы и который группировался вокруг местных замков и центральных экономий. (Высший разряд его составляли земляне — шляхтичи, переселившиеся на Украину из Волыни, Подолья, русских воеводств, отчасти из Литвы и Белоруссии и получившие от короля или князей и панов имения под условием службы. Они отправляли военную службу либо в поветовых ополчениях, либо в отрядах, “почтах” местных магнатов. Из них же обыкновенно наби-

рался штат должностных лиц по придворной службе, гражданскому и хозяйственному управлению королевщинами и магнатскими латифундиями. Этой военной силы было недостаточно, и местные старосты и землевладельцы набирали для замковой, сторожевой и “путной” службы “бояр” и “слуг” частью из местных, частью из пришлых элементов. Они получали небольшие имения обыкновенно поблизости от замков, сплошь и рядом эксплуатировали их личным трудом, заменяя обычные крестьянские повинности своей службой. Это был давнишний институт Литовско-Русского государства, унаследованный им едва ли еще не от Киевской Руси.)

Для тех же надобностей использовались казаки, которых было так много на Украине. Землевладельцы держали их отчасти на жалованье, как жолнеров и драбов на замках, а отчасти на землях, которую казаки занимали сами и с соизволения владельцев. Казачество хлынуло к замкам, самовольно поселялось в местах и местечках сначала на временное, а потом и на постоянное житье, причем обычно уклонялось от несения всяких тяглых повинностей, но охотно, по роду своих занятий, шло на военную службу. В качестве местной военной силы при господарских замках казаки фигурируют по источникам с конца XV века. Сначала это были небольшие отряды, роты. Но во второй половине XVI в., когда казаков стало набиваться в Украину множество, эти отряды становятся все более и более многочисленными. Польское правительство начинает пользоваться этим беспокойным элементом не только для обороны Украины, но и для войн с соседями. Составляются реестры казаков, состоящих на службе Речи Посполитой, назначаются особые для них командиры и “старшие” с военной и гражданской властью над ними. Казачество, таким образом, получает особую, военно-гражданскую организацию. Число казачества, обнимаемого этой организацией, с нескольких сотен при Сигизмунде-Августе доходит до тысячи при Стефане Батории, до 2000 при Сигизмунде III в самом конце XVI в. и до 6000 в конце первой четверти XVII в. (на основании постановления Куруковской комиссии). Но когда ведутся крупные внешние войны, как Ливонская, Шведская и Московская, эти рамки раздвигаются и казаков вербуются до 20 тыс. (в Московскую войну 1618 г.). Казаков пристраивают на военную службу не только правительство, но и владельцы латифундий по Украине. В войнах конца XVI и первой четверти XVII в. на помощь коронному войску приходят казаки князей Збаражских, панов Калиновских и др. Так, в Волошской войне участвовали княжеские казаки с Погребищ. Эти же казаки под начальством своего старшего Пясенского отличились мужеством “по-казацки” в Московской войне 1609 г. и благополучно вернулись домой, обремененные богатой добычей. В Волошской войне 1620 г. принимали деятельное участие уманские казаки Калиновских; в погоне за татарами в 1626 г. отличились прилуцкие казаки тех же князей Збаражских; и т.д. Наконец, и на

малорусской Украине, так же как и на великорусской, в целях обороны использовали татары и разные другие инородцы — волохи, перебежавшие казанские черемисы (конечно, в незначительном количестве) и др.

В общем, и польское правительство и польское панство для защиты Украины поселяли или допускали селиться приблизительно те же самые общественные элементы, которыми пользовалась и Москва на своей степной Украине. Дворянам и детям боярским великорусской Украины соответствовали земляне, т.е. шляхтичи, бояре и слуги Украины малорусской; московским стрельцам, солдатам и драгунам соответствовали слуги замковые, жолнеры и драбы, конные и пешие; казаки и служилые татары были общим явлением на той и другой Украине. Разница состояла лишь в том, что на великорусской Украине все эти разряды населения находились в непосредственном распоряжении государства, а на малорусской значительная часть их была под властью и в распоряжении местных крупных землевладельцев. Разница эта объясняется отличием социально-политического уклада Речи Посполитой, проникнутого феодальной децентрализацией, от социально-политического уклада централистской и абсолютистской Москвы.

При замках, в местах и местечках Украины кроме военнотружашего люда оседали и пришельцы из разных мест Речи Посполитой, жившие торговлей и ремеслом, мещане вольнские, подольские, польские и литовские, евреи, армяне, волохи и цыгане. Богато заселившаяся Украина, естественно, должна была привлекать и капиталы к торговле и некоторым отраслям промышленности, а также ремесло.

Кроме торговли привозимыми из-за границы товарами, там была более распространена торговля хмельными напитками и съестными припасами. Что касается промышленности, то в этой области капиталы и предприимчивость находили применение в некоторых лесных промыслах (добывание смолы, поташа, выделка клепок), отчасти в винокурении, добыче селитры, железной руды и т.п. Некоторые отрасли ремесла на Украине также были привлекательны для известного контингента специалистов. Правительство и частные землевладельцы поощряли приток торговцев и ремесленников на Украину, жалую или выхлопатывая для своих мест и их обывателей различные привилегии по магдебургскому праву. До унии 1569 г. магдебургским правом пользовались только три места на Украине: Киев, Житомир и Брацлав. После унии его получили королевские места: Корсунь (1594 г.), Чигирин (1592), Канев (1600), Крылов (1610), Лисянка (1622), Винница (1630); частновладельческие: Васильков Киево-Печерского монастыря (1596 г.), Александров, или Лубны князей Вишневецких (1591 г.), Михайлов, или Пирятин князей Вишневецких (1591 г.), Хвастов бискупов Киевских (1601 г.), Гостосиль Харленских (1616 г.), Брусилов Бутовичей (1585 г.), Тетиев князей Острожских (1606 г.) и др.

Но в общем при господстве мелкой добывающей промышленности и сельского хозяйства большого притока людей чисто городских профессий не было. На Украину тянулись главным образом “уходники” и земледельцы ловить рыбу, бить зверей, добывать мед, сеять хлеба, разводить сады и огороды и домашний скот. Даже те колонисты, которые оседали в местах, в большинстве промышляли тем же самым. Так, например, в местечке Любечке в 1571 г. из 88 мещан было 50 “людей на пашнях”, 23 драба и только 15 ремесленников. В Черкасах, по данным люстраций, мещане пахали “в поле”, где хотели, и, кроме того, ходили известные уходы на Днепре и его притоках. Некоторые земледельцы селились не в самых местах, а под местами, в хуторах. Они так и назывались “подмещанами”, или “селянами”. Вообще и земледельческая и промысловая колонизация Украины начиналась именно с мест при замках и с одиночек, а затем уже продолжалась селами и хуторами.

Заселение совершалось разными способами: либо по инициативе сверху, от правительства и частных землевладельцев, либо по инициативе снизу, от самих колонистов, но с разрешения собственников земель и угодий и по соглашению с ними, либо, наконец, самовольно, без всякого участия и содействия землевладельцев и без соглашения с ними. Приобретая тем или другим способом именья на Украине, владелец объявлял “волю” от платежа оброков и несения панщины на известное число лет для всех, кто пожелает сесть на землю в его именье. Желаящие набирались либо сами собой, либо при посредстве особых агентов — *осадчих*, которым владельцы за их старания и труды давали разные льготы и преимущества — увеличение наделов, свободу от платежа оброка и несения панщины, иногда наследственное воеводство в устроенном ими селе. В королевских именьях осадничеством обычно занимались старосты и державцы или же их заместители — подстаросты. В те именья, где природные условия были наилучшие, “воля” продолжительнее, колонисты приходили и сами собой, без всякого посредничества. Начавшееся заселение Украины сильно взбудоражило народную массу Речи Посполитой, и среди ее низов было немало охотников идти на новые места. Развитие сельского хозяйства в Речи Посполитой приводило к усилению крестьянской неволи и увеличению панщины, оброков и других повинностей “холопов” и заставляло их искать воли на необжитых землях. Значительная часть пришельцев поселялась в королевских и панских именьях и самовольно, с поущения, так сказать, собственников. На земельном просторе пустынной Украины собственникам было трудно, иногда невозможно осуществлять свои владельческие права. Сплошь и рядом они были не в состоянии мешать самовольному вселению в их именья пришлого люда, да и не имели к тому настоятельных побуждений. Их заветной мечтой было тем или другим способом населить свои именья. Предоставляя обычно мно-

голетнюю “волю” своим колонистам, они и самовольных поселенцев трактовали как колонистов “на воле”, надеясь с течением времени обложить их оброками и повинностями.

При таких условиях и развивалась на территории Речи Посполитой, в украинских воеводствах, казачья колонизация, принявшая там более широкие размеры, чем в украинских уездах Московского государства. Основная масса великорусского казачества освоила себе, как известно, “вольный тихий Дон”, территорию, на которую не простирало своих прав ни Московское государство, ни московские землевладельцы. Эта территория, главным образом, и была объектом великорусской казачьей колонизации. Правда, служилое казачество испомещалось и в украинских уездах, но оно тонуло там в массе другого мелкого военно-служилого люда. Малорусское казачество, наоборот, расселялось преимущественно в пределах государственной территории Речи Посполитой, по королевским и панским именьям, и притом в количествах, затмевавших другие слои населения. Специфическая территория “вольности запорожских казаков” образовалась позднее, во второй половине XVI в., когда запорожцы оторвались от реестрового казачества и совсем вышли из подчинения государственной власти.

Люстрации королевских имений, производившиеся в первой четверти XVII в., и данные других актов того же времени свидетельствуют о широком расселении казачества по королевским и панским именьям малорусской Украины. Казачество просочилось даже в гущу населения северных, лесных ее частей. Так, в Нехореше, поблизости от Житомира, по люстрации 1616 г. оказалось “казаков, которые не хотят быть под послушанством замковым, домов 24, кроме гулящих людей (гултаев), которые при них живут”. В Гуляниках в 1622 г. из 236 домов 30 было стрелецких и казачьих. Но особенно много казаков расселилось по селениям южных, степных частей Украины. В Белой Церкви, например, на 300 мещанских домов было более 300 казачьих. Ниже по Роси, в *Богуславе*, домов мещанских в 1616 г. было 200, а казачьих 400; в 1622 г. мещан послушных было уже только 100 домов, а остальные перешли в казаки; в 13 хуторах Богуславского староства почти не было послушных подданных, а все казаки. В *Корсуни* на 200 мещанских домов было 1300 казачьих; в *Стеблове* на 100 мещанских домов 400 казачьих; в Чигирине на 50 мещанских 500 казачьих, в Крылове на 50 мещанских 400 казачьих; в Данилове на 20 мещанских 280 казачьих; сел в этом старостве совсем не было, а одни только казачьи хутора. В Каневе было 100 домов мещан послушных, а казачьих 1346; по хуторам преобладали казаки. Люстрация отмечает, что всякими пожитками, как в степях, так и на реках, завладели казаки. В Переяславе на 300 мещанских домов было 700 казачьих в 1616 г.; в 25 хуторах этого староства на 280 послушных подданных было более 1000 казаков. В *Черкасах* на 150 домов послушных мещан

в 1616 г. казачьих домов было 800, а с хуторами более 1000 (в 1622 г.); в *Иркле* на 50 домов послушных мещан в 1622 г. было 400 казачьих, в *Крапивне* на 60 послушных 230 казачьих и т.д. Таким образом, уже в конце первой четверти XVII века малорусская Украина в значительной степени оказичилась. Казачьих домов по люстрациям 1616 и 1622 гг. было до 10100; считая в среднем 5 человек на казачью семью, можно вывести общее число оседлого казачества приблизительно в 50 тыс. человек. Боплан насчитывал казаков до 80 тыс. человек, и эта цифра, по-видимому, соответствует действительности, если к 50 тыс. причислить казаков Брацлавского воеводства, о которых не имеется сведений. Эти цифры относятся собственно к казакам, расселившимся по королевским землям. Но к общему числу казаков надо прибавить еще и тех, которые были на постоянной службе у князей и панов и проживали в их имениях. И по роду своих занятий и по социальным навыкам и стремлениям они составляли в сущности один класс с казаками, осевшими на государственные земли.

Это расселение казачества послужило в последующий период, когда оно стало уже политически господствующим классом, основанием для нового административного деления Украины на полки. В гетманство Хмельнишкого образовалось шестнадцать полков: девять на правой стороне Днепра (с захватом приднепровских земель и на левой стороне) и семь на левой. В бассейне Южного Буга расположились полки *Брацлавский*, *Кальницкий* и *Уманский*; в бассейне Тясмина — *Чигиринский*; в бассейне Роси — *Белоцерковский* и *Корсунский*; между Росью и Тясмином — *Черкасский*; между Росью и Стугной — *Каневский*; севернее — *Киевский*. На левой стороне Днепра: в бассейне Трубежа и по нижней Десне расположился *Переяславский* полк; по берегам Остра, притока Десны, — *Нежинский*; по берегам Десны (до устья Сейма) — *Черниговский*; по берегам Удая, притока Сулы, — *Прилуцкий*; между Супоем и Сулой — *Крапивенский*; по Суле, Хоролу и их притокам — *Миргородский* и, наконец, по берегам Псла и Ворсклы — *Полтавский*. Места и местечки, сосредоточившие в себе наибольшее количество казачества, стали административными центрами новых округов и дали им свое имя.

Полки Нежинский и Черниговский располагались на территории Черниговского воеводства, образованного в 1635 г. из земель, отошедших к Польше от Москвы по условиям Деулинского перемирия 1619 года. Эти земли достались Польше в крайне разоренном и опустошенном виде. Поэтому в первую очередь при устройении нового края началось его заселение. Здешние покинутые земли и уголья раздавались панам и земьянам, которые объявляли “волю” и созывали на них население. В короткое время здесь распространилось в широких размерах панское землевладение, возникли имения Хвощей, Панов, Харленских, Потоцких, Оссолинских, Солтыков и др. Колони-

сты охотно шли в эти именья, привлекаемые разнообразием и богатством здешних угодий. В Черниговщине стало развиваться не только хлебопашество и скотоводство, но и борничество, добывание поташа, железной руды, селитры и т.д. Панской колонизации обязаны своим происхождением, между прочим, *Карон* на Десе, основанный Пясочинским на месте древнего Хорабра, *Батурин* на Сейме и *Конотоп*, пожалованные в виде пустошей канцлеру Юрию Оссолинскому в 1634 г., и др. Паны занимались осадничеством не только в качестве собственников-землевладельцев, но и в качестве старост-держателей королевских имений. Особенно по этой части выдается Александр Пясочинский, староста новгород-северский. Он и его подстароста Стахорский основали или возобновили многие селения Новгород-Северского староста, в том числе место *Глухов* “на старосветском городище”. К этой же эпохе относятся основание *Нежина* на месте древнего Упенежа в 1624 г., местечка *Борзны*, заложенного подкоморием новгородским Вышлом, местечка *Королевца* на р. Свидке и др.

Оказалась Черниговщина уже позднее, в эпоху Хмельницкого.

Какие же общие результаты имела усиленная колонизация Украины, начавшаяся в последние два десятилетия XVI века? Состояние изучения этого вопроса позволяет определить эти результаты пска только для первой четверти XVII столетия. К исходу этого времени территория украинской оседлости значительно подвинулась на юг на левой стороне Днепра и немного на правой. На левой стороне Днепра вновь, в третий уже раз в истории, заселились бассейны рек Трубежа, Супоя, Сулы, Псла и Ворсклы. На правой стороне русская оседлость расширилась в бассейне Южного Буга и Тясмина; здесь были заняты и заселены пустыни, лежавшие по соседству с полем Очаковским, Уманская и др. Сильно увеличилось население в существовавших уже селениях Украины, и не столько за счет естественного прироста, сколько за счет притока колонистов. В Киеве, например, количество домов с половины XVI в. поднялось от 481 до 1750, в Каневе от 226 до 1500, в Черкасах от 258 до 1000 и т.д. Некоторые вновь возникшие селения в короткий срок стали по тогдашнему времени многолюдными. Так, возобновленный в конце XVI в. Переяслав имел уже 1000 домов, Корсунь 1500, Богуслав 600, Чигирин 550 и т.д. Увеличилось общее число селений по сравнению с 50-ми годами XVI века. Вместо 13 господарских мест на Украине было уже 42 значительных королевских места и сверх того множество мест и местечек частновладельческих. По подсчету Яблоновского, около 1625 г. на Украине было 323 места и местечка, а в них 51160 домов и 341960 душ жителей. Соответственно увеличилось и количество сел. В Овруцком повете их было уже 180 вместо прежних 45, в Житомирском 200 вместо 60, в Чернобыльском 100 вместо 32, в Киевском 145 вместо 30, в Остерском 65 вместо 9, в Винницком 150 вместо 48, в Брацлавском 105 вместо 86, в Канев-

ском 85 вместо 26, в Черкасском 80 вместо 9 и т.д. Всего, по подсчету Яблоновского, около 1625 г. на Украине было 1400 сел, а в них 334570 домов, 208500 душ жителей.

Таким образом, в конце первой четверти XVII в. население Украины все еще обитало в основном по местам и местечкам, а не по селам. Впрочем, не надо упускать из виду, что большая часть этих мест и местечек мало отличалась от сел, была населена теми же землепашцами и “уходниками”, имела такие же грунты и угодья, как и села. Местечко Крылов на Днепре при своем основании в 1616 г. получило привилей, утверждающий за ним грунты по Днепру на Белобережье и на Пивном за Днестром по самый Кременчуг. На этих грунтах обывателям предоставлялось пользоваться землями и угодьями, как пользуются обыватели и других украинских мест, а также держать хутора по обеим сторонам Днепра. Границы местечка Корсуня в 1584 г. шли от Ольшаницы до Синей Воды. Чигирин обладал еще более обширными грунтами, захватывающими течение Тясмина и даже Южного Буга с пахотными землями, лесами, борами, гаями, реками, озерами, ставищами, пасаками, рыбными, бобровыми и другими угодьями.

Из каких же местностей преимущественно прилиvalo население на Украину с конца XVI века?

Люблинской унией 1569 г. Украина заселялась преимущественно с севера из своего Полесья и отчасти из поднепровских волостей — так называемой Руси Литовской. Население переливало отсюда на юг мелкими, еле заметными струями. После Люблинской унии Украина заселялась уже преимущественно с запада: левобережье Заднепровья — с правого Приднепровья, правое Приднепровье — с Волыни, Подолья и Галичины. Заселение носило характер постепенного продвижения населения, причем привычные условия жизни определяли направление колонизации. Жители лесных частей передвигались на восток по лесной же полосе, жители степей — по южному степному приволью. Отчасти это происходило в форме свободного перехода вольного, незакрепощенного еще люда, бояр, мещан и вольных “похожих”, т.е. обладающих правом перехода, крестьян, отчасти в форме бегства крепостных, “отчинных”, “непохожих” людей и людей, высидевших “волну”. Акты Люблинского трибунала, содержащие тяжбы землевладельцев, полны данными о крестьянах, бежавших от своих панов или ушедших до окончания урочных лет. Изучение этих данных и вскрывает указанное движение с запада на восток по лесной и степной полосам. Таким направлением малорусской колонизации и объясняется деление малорусского языка на поднаречия северное и южное, или украинское. Первое установилось среди потомков древних северян и полян, смешавшихся с потомками дреговичей и кривичей, т.е. белорусов, и поселившихся преимущественно в северной, лесистой части Малороссии; второе — среди малорусов, пришедших с

Волыни, Подолья и Галичины и распространившихся по степной полосе Украины далеко на восток, даже в пределах Слободской Украины, нынешней Харьковской губернии (там преобладает южно-малорусский, украинский говор).

Южный поток нанес население, которое покрыло собой в степной полосе Украины все элементы, притянутые было сюда с севера, и обусловил, таким образом, отличие здешнего поднаречия от северно-малорусского.

Вторая четверть XVII в. в истории малорусской Украины пошла на устройство сожительства между различными общественными элементами, которые заселили Украину, на определение их взаимных юридических и экономических отношений. Как известно, это не удалось осуществить мирным путем. Украина сделалась ареной упорной и продолжительной гражданской войны между землевладельцами и правительством с одной стороны, казачеством и крестьянством с другой. Посредствующие классы — мещанство и духовенство — либо держали нейтралитет, либо колебались из стороны в сторону. Во время этой борьбы, в которую были вовлечены и москвитяне, и татары, и турки, только что заселившаяся и достигшая значительного благосостояния Украина снова подверглась разорениям и опустошениям. Разруха и суровые репрессии польского правительства снова погнали население благословенных степей и лесов Украины на новые места, на этот раз в пределы Московского государства. И прежде, даже в XVI в., небольшие партии черкас переходили Московский рубеж и располагались пасаками и хуторами в пограничных московских уездах — Путивльском, Оскольском и др. или поступали на службу в украинные московские города. С 30-х годов XVII в. начинаются уже массовые переселения на восток. После восстания Павлюка, Острианина и Гуни в 1631—1638 гг., когда производилась жестокая расправа с его участниками, явились в Белгород казаки с гетманом Яцком Острианиным во главе. Их было около 900 человек. Они пришли как переселенцы, с женами, детьми, с лошадьми, коровами, свиньями. Среди них не все были воинами; немало было пашенных мужиков и мастеровых. Им разрешено было поселиться на Чугуевском городище. В 1639 г. 300 черкас были поселены и наделены землями в Курске, 130 семейств в Черни, 150 в Кромах, 57 в Белгороде. В Корочи в 1640 г. насчитывалось уже 466 человека. После поражения Хмельницкого под Берестечком по Белоцерковскому договору 1652 г. число реестровых казаков с 40 тыс. было сведено до 20 тыс. Оставшиеся за штатом казаки должны были вернуться в сословие посполитых и давать стацию, т.е. кормы расставленным на Украине жолнерам. Тогда Хмельницкий, избегая народного недовольства, дал разрешение казакам уходить с мест своего жительства на москов-

ские грунты и там оседают городами и селами. Так образовалась Слободская Украина Московского государства, о которой уже была речь в своем месте.

“Хмельничина” принесла страшное разорение и опустошение Юго-Западной Руси, преимущественно землям Волынской и Подольской. Присяжные показания 1650—1658 гг. яркими штрихами набрасывают картину постигшего Волынь бедствия. В Кременецком повете город Кременец был разрушен; в Дубенском предместье из 85 домов осталось всего 19. В местечке Ляховцах и 27 селах той же волости из 276 домов сохранилось 55. причем в 9 селах не осталось ни одного человека. Особенному опустошению подвергались именья князей Вишневецких. В местечке Вишневец, например, уцелели два дома, да и те необитаемые; во многих селах не оставалось ни одного жителя. В г. Збараже и его волости, состоявшей из 35 сел, сохранилось только 19 домов, причем в 22 селах не было уже ни одной хаты. Прежде большой и богатый город Владимир, по показаниям райцев и мещан, в 1650 г. имел 50 домов, а в 1658 г. только два. В городе Луцке в 1649 г. 137 усадеб стояли пустыми, а к 1658 г. здесь было всего 14 домов. Города Старый и Новый Заслав в 1655 г. вовсе лишились жителей, за которых присягали мещане, живущие в Дубне, и т.д. Множество сел не имели ни одного жителя, снесены были до остатка.

Показания объясняют и причины этого запустения. Самое обычное объяснение такое: мол, “неприятели коренные казаки, с татарами соединившись, все указанные села снесли огнем, так что ни одного дома в них не осталось”.

В г. Берестечке несколько домов осталось, но оба предместья сожжены; оставшиеся жители все умерли с голоду. Или: “подданные забраны в Орду”. Большая часть показаний приписывает опустошения татарам. Но с татарами конкурировали в данном случае польские жолнеры, караульные войска, литовские войска и надворные хоругви магнатов. Так, ротмистрами королевских хоругвей разорены местечко *Новомалин* и его села: жолнеры преследовали крестьян, бежавших в лес, били и мучили, иных забили до смерти, а весь хлеб и разное имущество разграбили. Предместье города Кременца и подгородние села были разорены жолнерами; люди вымерли от голода или разошлись. Всего в Кременецком повете было разорено жолнерами около 250 городов, местечек и сел, в Луцком и Владимирском поветах — 370 селений. Надворные хоругви магнатов — князей Вишневецких, Заславского, Чарнецкого и др. — были, в сущности, такими же бушующими толпами, как и казацкие полки, и были столько же враждебны государству и его порядкам. Они продолжали грабить и разорять население даже и тогда, когда правительство заключало мир с казаками. Соседские распри и столкновения крупных магнатов, превращавшиеся сплошь и рядом в феодальные войны, также причиняли немало разорения мирному населению.

Так гибли тысячи народа от меча, голода и язвы. Но не следует думать, что гибли все. Еще больше народа бежало с насиженных мест. Часть беглецов скрывалась в ближайших местах и потом возвращалась на старые пепелища. Здесь они поселялись на первое время в погребах или землянках или продолжали проживать в шалашах, внутри лесных трущоб. Но многие не могли уже основаться на прежних местах и уходили на Украину. Показания, данные при сборе подымного, сплошь и рядом подтверждают, что жители такого-то места или села одни умерли с голода, а другие ушли на Украину на заработки или казаковать. Уцелевшее еврейское население, которое вообще яростно истреблялось и казаками и татарами, бежало не на восток, а на запад, в Польшу. Благодаря приливу населения с запада Украина не только компенсировала свои потери в населении, происходившие от утчки за Московский рубеж, но и наполнялась все больше и больше народом. Притягательная сила свободы действовала все настойчивее и привлекала население к новообразующемуся казацкому государству. Число городов, мест, местечек и сел на Украине все более и более росло. Одних городов в момент присоединения Украины к Московскому государству было более 200.

Большая часть украинского населения и в половине XVII в. жила в укрепленных селениях — городах, местах и местечках; даже и села нередко имели укрепления. Центральную часть укрепленного поселения представлял замок, или острог, обнесенный либо земляным валом, либо дубовыми бревнами. Размеры его обычно были небольшие. Поэтому внутри замков или острогов сплошь и рядом не было дворов. Например, в г. Березке. По свидетельству описи, в г. Сиволочи “жилых дворов в том остроге нет”; в г. Ворзне “жилых дворов в том среднем городе нет”; в г. Конотопе в земляном городе стоят одни только панские хоромы. Около замка или острога обычно располагалось место или слобода, которые также огораживались тыном. Но были и одинокие остроги. Дело в том, что назначением таких укреплений было охранять не только местное, но и окрестное население, сбегавшееся под их защиту во время татарских наездов. Гетман Многогрешный, извещая Стародубский полк о нашествии татар, писал, чтобы жители, “не имея безопасного жилья в селах, городов держались”. С другой стороны, немало было укрепленных поселений — мест, местечек и даже сел — без острогов. Острог в таких селениях иногда заменяла соответственная церковная ограда. Например, в селе Лежнинском “около церкви погост был огорожен в забор бревеньем вместо острога”; то же — в селе Стольном.

Таким образом, оборонительная часть на малорусской Украине устроилась несколько иначе, чем на Украине великорусской. Здесь не было таких черт, которые проводились на степной Украине Московского государства, не было поползновений оборонять всю границу или, по крайней мере, большие районы оседлости, укреплять от татарской войны те или другие

места. На малорусской Украине население оборонялось вразброд, заботилось само о себе. Государство не брало на себя оборонительных задач в таком масштабе, как Московское государство, и оборону организовывали собственными силами и средствами либо местные землевладельцы, либо местные и городские и сельские общества. Правда, по временам правительство мобилизовывало так называемых добродеревцев, т. е. древоделов с Припяти и верхнего Днестра, но не для проведения черт, а для ремонта и расширения господарских замков, пришедших в плохое состояние.

Украинское население старалось обезвредить татарские вторжения на территорию Украины многочисленностью частных укреплений, а не общими укрепленными линиями. Система обороны малорусской Украины соответствовала общему складу Польско-Литовского государства с бессилием его центра, всесилием феодалов-землевладельцев, автономиями городских и сельских общин на Украине.

В эпоху так называемой руины, т. е. в гетманство Брюховецкого, Многогрешного и Самойловича (1663—1687), Украина, раздираемая внутренними усобицами, подвергалась беспрестанным разорениям от татар и турок. Больше всего пострадала правобережная Украина, которая к концу XVII в. снова превратилась почти в пустыню. Самуил Величко, проезжавший по ней в начале XVIII в., внес в свою летопись следующую картину состояния правобережной Украины того времени: “Я видел многие города и земли безлюдные и пустые валы, некогда трудами людскими, как горы и холмы насыщенные, а теперь только приютом диким зверям служащие. Стены Константинова, Бердичева, Збаража, Сокола и др., которые встретились на нашем походе, одни бедны жителями, другие пусты, развалились, заплесневели и поросли травой; только змеи и разные гады в них. Я видел пространные поля тогбочной Украины, широкие долины, леса, обширные сады, красные дубравы, реки, пруды и озера запустевшие, поросшие мхом и тростником. Не все поляки в своих университетах называли тогбочную Украину раем польского света; перед войной Хмельницкого она была, как вторая обетованная земля, медом и млеком текущая. Я видел по разным местам много костей человеческих, иссохших, обнаженных и только небо покровом себе имеющих”.

Запустенье прибрежной Украины нельзя, однако, приписывать исключительно истреблению жителей, опираясь на последние слова приведенного сообщения. Из других источников мы узнаем, что одновременно с тем, как пустела правобережная Украина, населялась левобережная и московская Украина, и притом выходцами с того берега Днестра. Так, в 1665 г. вследствие неистовств польского военачальника Чарнешкого православные жители Корсуня, Черкас, Белой Церкви и других городов и селений “нестерпимого ради гонения лядского десятками семей выезжали из своей родины, пере-

правлялись через Днепр и просили себе новоселья у православного царя Московского”. Тогда же казаки полковники левобережной Украины доносили, что “в городах (правобережных) счетом люди остались, толпами бегут на левую сторону в наши грады и все наги, от неприятелей вконец обнажены”. Сообщения о массовых передвижениях малороссов с правого берега Днепра, подобные только что приведенным, идут от 1673, 1674, 1675 годов.

О размерах этих передвижек мы можем судить по таким, например, известиям. Гетман Дорошенко встретил более 10 тыс. человек, переправлявшихся из Поднестровья и Побужья на левую сторону Днепра. В 1675 г. у гетмана Самойловича набралось около 20 тыс. семейств переселенцев. То были казаки 11 заднепровских полков (Чигиринского, Красницкого, Паволецкого, Брацлавского, Кальницкого, Могилевского, Белоцерковского, Каневского, Черкасского, Уманского и Тарговицкого). Около двух третей этих переселенцев водворилось на жительство на степной Украине Московского государства, южнее Белгородской черты, и только треть осталась в гетманщине. В 1679 г. Самойлович задался намерением перевести и тех жителей, которые еще остались на Правобережной Украине. Он послал своего сына Семена, и тот взял Ржищев, Корсунь, Мошны, Грабовку, Черкасы, Жаботин и другие города, жителей их согнал на левый берег Днепра. Об этом сыне гетман донес царю, изъявляя вместе с тем желание получить под свой “регент” все казацкие слободы, стоявшие южнее Белгородской черты, или так называемую Слободскую Украину. Из этого видно, что эту Украину преимущественно населили выходцы из-за Днепра.

Результатом малорусской колонизации на степной Украине Московского государства было появление новых городов и селений в бассейнах верхнего Сейма, Сулы, Псла, Ворсклы и, главным образом, Донца, Оскола и Айдара. Между прочим, этой колонизации обязаны своим возникновением города *Недригайлов* бывшей Полтавской губернии, *Мирополье* и *Суджа* бывшей Курской, *Острогомжск* бывшей Воронежской, все города бывшей Харьковской губернии и значительное количество слобод в уездах названных городов. Селившиеся на московской Украине казаки получали земли, угодья и разные льготы с обязанностью нести военную службу. В 1700 г. Петр выдал слободским казакам конфирмацию, в которой говорилось, что государь разрешил казакам Ахтырского, Сумского, Изюмского, Острогомжского и Харьковского полков безобразно заниматься всеми промыслами, владеть землями и всякими угодьями, мельницами, рыбными ловлями, курить беспощинно вино и шинковать им, не платить никаких податей и таможенных денег. За все это они должны были только нести воинскую службу — сражаться с татарами и доносить обо всех движениях их на государственные украинны. Эта конфирмация была только общим подтверждением частных привилегий, выдававшихся казакам предшественниками Петра.

Последним массовым передвижением населения с Правобережной Украины на восток был сгон жителей, произведенный гетманом Самойловичем по поручению Петра в 1711—1712 годах. Этот сгон запустошил всю степную часть Киевщины.

Итак, к началу XVII в. оказалась более или менее густо заселенной Левобережная Украина с ее придатком Слободской Украиной; Правобережная же Украина была запустошена в третий раз в истории и снова ожидала людей, которые бы могли заселить ее. Эти люди и не замедлили появиться.

Важнейшая литература

Jabłonowsky A. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. T. 6. Czesc 1. Podlasie (Wojewodztwo). — Warszawa, 1908. — (Zródta dziejowe. T. 17. Czesc 1).

Jabłonowsky A. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. T. 6. Czesc 2. — Warszawa, 1909. — (Zródta dziejowe. T. 17. Czesc 2).

Jabłonowsky A. Pisma. — Warszawa, 1910—1913.

T. 1. Ziemie ruskie rzeczypospolitej. — 1910.

T. 2. Kresy Ukrainne. 1910.

T. 3. Ukraina. 1911.

Владимирский-Буданов М. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века //Архив Юго-Западной России. — Киев, 1886. — Ч. 7, т. 1.

Владимирский-Буданов М. Население Юго-Западной России от 2-й половины XV в. до Люблинской унии (1569 г.) //Архив Юго-Западной России. 1890. Ч. 7, т. 2.

Владимирский-Буданов М. Кому принадлежит главная роль в деле заселения Украины в конце XVI и начале XVII в.? //Архив Юго-Западной России, 1905. Ч. 7, т. 3/1.

Владимирский-Буданов М. Передвижение южно-русского населения в эпоху Богдана Хмельницкого //Киев. старина. 1888. Т. 22, июль.

Грушевский М.С. Історія України—Руси. Том 7. — Київ; Львів, 1909.

Василенко Н.П. Очерки по истории западной Руси и Украины. — Киев, 1916. (Русская история в очерках и статьях / Под ред. М.В.Довнар-Запольского, Т. 3, прил.).

Ласкоронский В.Г. Гильом Левасир де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. I. Описание Украины. II. Карта Украины. — Киев, 1901.

XVII. ЗАСЕЛЕНИЕ НОВОРОССИИ

Колонизация польско-литовской Украины, начавшаяся после Люблинской унии 1569 г., продолжалась до “хмельничины”, т.е. приблизительно до половины XVII в., и охватила на левой стороне Днепра бассейны Сулы, Псла и Ворсклы, а на правой дошла до Тясмина, Синюхи и Кадымы, притоков Южного Буга. Южнее линии этих рек лежали *Низ*, или Запорожье, *Ногайская степь* и *поле Очаковское*. Эти области долгое время, почти до половины XVIII в., залегали впусе частью потому, что уже был исчерпан колониционный фонд Украины, главным же образом вследствие крайней неустойчивости жизни при продолжительных смутах и усобицах и частых внешних вторжениях. Во второй половине XVIII в. эти области образовали в составе Российской империи так называемую Новороссию. Из них в первую очередь стало заселяться Запорожье, или Низ.

Под именем Запорожья, или Низа, в XVI—XVIII вв. разумелся бассейн нижнего Днепра от р. Тясмина до р. Каменки на правой стороне, от Орели и до Конских Вод на левой. На востоке пределы Запорожья доходили до водораздела Днепра и Донца, по которому шел знаменитый Муравский шлях, и до р. Калмиуса, впадающей в Азовское море, а на западе до р. Буга от впадения в него Синюхи и почти до самого устья. Эти пределы были начертаны казаками, промышлявшими на Днепре за порогами и на реках и речках, впадающих в Днепр в области порогов и ниже их. Самым значительным из этих притоков Днепра на левой стороне была Самара с Волчьими Водами и другими притоками, а на правой стороне Ингулец с Желтыми Водами и другими реками. Западное Запорожье орошали отчасти левые притоки Южного Буга — Синюха с Высью и двумя Ташлыками — Сухим и Черным, Ингул с притоками; восточные пределы Запорожья пересекались реками, впадающими уже в Азовское море — Калмиусом, Кальчиком и тремя Бердами.

Но главной рекой — жизненной артерией Запорожья был Днепр с его порогами, многочисленными рукавами, островами, гирлами и плавнями. Пороги начинались ниже устья Самары. Было их собственно девять:

Кадацкий, Сурский, Лоханный, Звонец, Ненасыгтецкий (Дид), Волниговский (Внук), Будило, Лишний (Лесной) и Вольный. Эти названия, впрочем, менялись в течение веков. Боплан в своем “Описании Украйны” приводил названия тринадцати порогов. Кроме перечисленных выше у него еще Стрельчий (после Лоханного), Княжий (после Звонца), Воронова Запора (после Ненасыгтецкого) и Таволжанский (после Будила). Но это были скорее “запоры”, или “заборы”, чем пороги в собственном смысле с значительным падением воды. По описанию немецкого путешественника конца XVI в. Э. Ласоты и того же французского инженера Боплана (XVII в.), пороги представляли собой ряд каменных плотин, которые перегораживали реку, причем глыбы отчасти находились под водой или на уровне ее, отчасти же высоко над водой. Встречая эту запруду, Днепр высоко поднимался и, прорвавшись сквозь скалы, падал с высоты 5 или 6, а в некоторых местах и 7 футов; весной при таянии снегов Днепр покрывал все пороги, кроме Ненасыгтецкого, самого страшного, поэтому и опасного.

Миновав пороги, Днепр тек по широкой долине, перерезанной многочисленными рукавами (“ветками”), гирлами и заливами, образующими множество озер, затонов и островов. Знатоки местной топографии насчитывают до 263 больших и малых островов, рассеянных между порогами, выше и ниже их. Наиболее известные среди них — Монастырский, Хортица, Тамаковка, Тавань, Бургун и др.; самый значительный — Хортица, высокий, окруженный утесами и не затопляемый весенними разливами. Большая часть островов и прибрежные низменности затоплялись весенними разливами и были покрыты болотной растительностью и густо растущим, как щетина, камышом. Это и были знаменитые днепровские плавни. Плавни от острова Хортицы до Микитина Рога, известные под именем *Великого Луга*, были главным гнездом запорожского казачества. В непроходимых дебрях плавней умели ориентироваться только казаки. Турецкие суда, попавшие в 1626 г. в плавни, едва выбрались из них и больше уже не решались проникать в их гущу.

Днепровские острова были покрыты дубровами, гаями и мелкой лесной порослью. Преобладали дуб, осина, ольха, осокорь, ветла и другие малопригодные для построек деревья. Лесной порослью были одеты до известной степени и берега как самого Днепра, так и других рек и речек, протекавших в пределах Запорожья. Особенно большим был так называемый Черный лес, располагавшийся между верховьями Ингульца и Ингула. Хороший строевой лес, как уже говорилось в своем месте, рос по течению р. Самары; отсюда доставлял дерево при постройке крепости Кодака инженер Боплан; здесь же запорожцы брали материал для постройки своих чаек. Кроме крупных деревьев в долине Днепра, на его островах, по течению речек, впадающих в Днепр и Южный Буг, по балкам и оврагам было много

всякой мелкой древесной поросли и кустарников — дикая яблоня, груша, терн, вишня, барбарис, калина, ежевика, шиповник, виноград. Но преобладала в крае травяная, степная растительность на тучном черноземе, которым была одета большая часть Запорожья, поля Очаковского и Ногайской степи. Исключение представляли речные долины с песчаной и иловатой почвой и побережья Черного моря, покрытые песками, глиной и солончаками. Совершенно бесплодную местность представляла из себя Кинбурнская коса, называвшаяся у казаков *Прогноями*.

Жизнь в этом крае была тяжела, полна всякими лишениями и невзгодами. Зимой в степи господствовали сильные морозы, ветры и вьюги. По рассказу Боплана, польская армия, преследовавшая татар зимой 1646 г., потеряла от холода до 2000 человек. Французский писатель барон де Тотт рассказывает, что во время зимнего похода татар на Новую Сербию в 1769 г., в котором он принимал участие, погибло более 30 тыс. лошадей. Весна отличалась большой переменчивостью погоды. Летом при господстве восточных ветров стояла страшная сушь, от которой высыхала вся трава в степях и по временам свирепствовали степные пожары. Бичом для людей и животных были разные насекомые — комары, мошки и оводы в плавнях, саранча, истреблявшая хлебные злаки, траву и листья на деревьях. Вероятно заносным путем распространялась в степях чума. И наконец, до самой последней четверти XVIII в. край не переставали навещать татары, истреблявшие и уводившие в плен жителей, похищавшие скот и имущество, сжигавшие жилье. Но при всем том были и условия, которые должны были привлекать сюда русских людей. Помимо тучной, плодородной почвы край изобиловал разными готовыми естественными богатствами. Днепр и его притоки Орель и Самара, Буг и Ингул, по отзывам очевидцев XVII и XVIII вв., кишели рыбой. Ловились белуга, осетр, севрюга, стерлядь, сом, лещ, скумбрия, камбала, тарань и др. Озера также изобиловали рыбой. “Озеро Тилигул, — говорит Боплан, — так обильно рыбою, что стоячая вода оного получает запах несносный. Озеро Куяльжик столь же обильно рыбою, как и Тилигул. Ватаги рыбаков приезжают на эти два озера далее, нежели за 50 миль, и ловят карпов и щук необыкновенной величины”. В прибрежных камышах водилось множество диких свиней и кабанов необыкновенной величины; в степях множество травоядных — олени, сайгаки, дикие козы, сугаки (дикие овцы), дикие лошади и др. Кроме того, неисчерпаемые залежи минералов (главным образом каменного угля и железа) находились в недрах земли, но сделались известными и стали разрабатываться уже позднее, на нашей памяти.

Длительное время в Запорожье можно было встретить только казаков, ходивших промысливать на “низ” рыбой, зверем, грабежом и войной с соседями. Большая часть казаков проводили здесь весну, лето и осень, а на

зиму поднимались вверх и рассеивались по городам и селениям Украины. Запорожье долго не принадлежало к числу местностей, где развивалась казачья оседлость. В 50-х годах XVI столетия казацкий предводитель князь Димитрий Иванович Вишневецкий попытался было утвердиться здесь и построил замок на острове Хортица. Но замок подвергся двукратному нападению крымских татар, и в конце концов князь Вишневецкий должен был покинуть его и уйти к своим казакам в Черкасы и Канев. Польский хронист Иоахим Бельский рассказывает под 1574 годом, что казаки пребывали на “низу” для всяких своих промыслов только с весны и до конца осени, а затем уходили, оставляя за порогами “на куренях” (т.е. в бараках) стражу при артиллерии, смотря по надобности.

С течением времени, однако, создались такие условия жизни в Запорожье, которые стали привязывать казаков к местности, удерживать их на постоянное житье за порогами. В последние десятилетия XVI и в первую половину XVII в. в экономическом быту запорожского казачества получил большое значение военный промысел. Участились нападения казаков на крымских татар и турок; на своих чайках казаки выходили даже в море и громили прибрежные турецкие города; казаки стали вмешиваться во внутренние усобицы Молдавии и Валахии, наниматься на военную службу Речи Посполитой. Промысловые ватаги объединялись в военное “товариство”, которое и стало располагаться военными лагерями — кошами на островах и берегах Днепра под начальством своих старших, или кошевых, атаманов, называвшихся иногда и гетманами. Такое “товариство” нашел в Запорожье Самуил Зборовский, отправившийся на “низ” набирать казаков с целью нападения с ними на московскую Украину. Доехав по Днепру до устья Самары, Зборовский наткнулся на казаков, промышлявших рыболовством. Их было человек двести. На предложение Зборовского примкнуть к его отряду самарские казаки ответили, что для решения этого вопроса ему надо спуститься за пороги, где находится главное казачье войско. Зборовский отправился далее и, пройдя через пороги, на острове Токмаковке застал до 3000 казаков. Они занимались рыбной ловлей, охотой и войной. Казаки принимали в свою среду всякого, кто к ним приходил. Предложение Зборовского было встречено сочувственно. Собрали войсковой круг, провозгласили Зборовского запорожским гетманом и вручили ему булаву как символ гетманской власти.

Императорский посол Эрих Ласота, ездивший в Запорожье в 1594 г. нанимать казаков на службу, нашел их на острове Базавлуке при Чертомлыцком рукаве Днепра. Их гетман Богдан Микашинский был в походе на 50 галерах с 1300 казаками, и Ласоте пришлось ожидать его возвращения. Посла и его свиту разместили в шалашах, называемых кошами. Коши были сделаны из хвороста и покрыты для защиты от дождя лошадиными кожами.

По возвращении гетмана собрался казацкий круг, на котором после некоторых трений между старшиной и чернью было принято предложение императора. Из всех этих подробностей обнаруживается, что в конце XVI в. казаки еще не заселяли Запорожье, а занимали его военным лагерем, который располагался то в одном, то в другом месте, то на острове Токмаковке, то на Базавлуке и др. Гетман Сагайдачный предпочитал стоянку на острове Хортице; в конце первой четверти XVII в. военное средоточие Запорожского казачества переносится ниже, в область Великого Луга, на Микитин Рог. Казаки располагали свои военные лагеря не только на открытых местах, но и в укреплениях, за деревянными палисадами, в *сичах*. Поэтому гетман Жолковский в грамоте от 1616 г. называл низовых гулящих людей *сичовцами*.

Одновременно с организацией в Запорожье постоянного военного лагеря происходила и другая важная эволюция в жизни днепровского казачества. Большая часть его оседала на Украине в замках, местечках, селах и хуторах, превращалась в особый класс земледельцев и промышленников. Часть этого городского казачества получала также военную организацию от польского правительства, которое нанимало казаков для обороны Украины и для внешних войн, составляло им реестр, ставило им старшего, или гетмана, его поручника, или товарища, и другие власти. Оставшееся в Запорожье казачество, таким образом, обособилось от украинского, городского, хотя и не утрачивало с ним связи. Запорожцы бывали по зимам в городах, селах и хуторах Украины. Верховые казаки искали промысла и добычи в Запорожье, соединялись с запорожскими для общих, более или менее значительных предприятий, боролись сообща с поляками и т. д. Недовольная казацкая старшина и рядовые казаки при столкновениях с польским правительством и землевладельцами уходили обыкновенно в Запорожье и оттуда предпринимали враждебные действия против ляхов. Так поступил, как известно, и Богдан Хмельницкий, поднимая общее восстание казаков и холопов против Польши. Эта связь днепровского казачества наглядно выражалась в названии, которое они приняли и которое было признано и со стороны, — войско Низовое, Запорожское.

При Хмельницком украинское казачество окончательно организовалось в особый военный класс, которому вместе с тем принадлежало и политическое господство в крае. Организация, зародившаяся и развившаяся в Запорожье, с выборным гетманом, есаулом, обозным, войсковым писарем, выборными полковниками, сотниками и атаманами перенеслась и на Украину, причем полки и сотни получили значение не только военных, но и территориальных делений. Но само-то Запорожье, которое было питомником казачества, осталось вне этой организации и в неопределенном положении. По-прежнему здесь было скопление пришлого военного люда, стоявшего кошем, избравшего своего кошевого атамана, ставившего себя неза-

висимо от гетмана, а по временам и выше его. Андрусовский договор между Москвой и Польшей санкционировал это особое и вместе с тем неопределенное положение запорожского казачества. Договор, как известно, поделил Украину по Днепру: левая сторона Днепра отошла к Москве, правая осталась за Польшей, за исключением г. Киева и ближайшего к нему округа. В составе украинской территории числилась и территория Запорожья, которое, таким образом, оказалось как бы разрезанным пополам. Но договорившиеся стороны считались до известной степени с действительным положением вещей, с совершившимся объединением запорожского казачества. Поэтому в договоре было сказано, что “запорожские казаки остаются в обороне и под послушанием обоих государей, должны быть одинаково готовы на службу против неприятелей королевских и царских; оба государя, однако, должны запретить им, как и вообще всем черкасам, выходить на Черное море и нарушать мир с турками”. Таким образом, Запорожье было признано областью казачества, находившегося как бы в двойном подданстве. От гетманщины оно совершенно отделилось, не обнималось ее военной и гражданской организацией, ее делением на полки и сотни, имело собственную администрацию, свои учреждения и порядки. Запорожье получило известную независимость, стало областью вольного казачества, аналогией вольного Дона с его строем и бытом и с отношением к государству.

Двойное подданство Запорожья не осуществилось. Запорожье знать не хотело Польши и тяготело к Москве, сносясь с нею через особых посланцев и получая от нее жалованье. По договору с Польшей 1686 г. Запорожье отошло к Москве. Впрочем, и царю оно далеко не всегда выказывало послушание. Так, вскоре же по заключении Андрусовского договора в Запорожье вследствие народного возбуждения против Москвы был убит посол Ладженский, ехавший с царскими грамотами в Крым. Запорожцы якшались затем с самозванцем, назвавшим себя царевичем Семеном Алексеевичем, во время борьбы Москвы с Крымом и Турцией заключали мирные договоры с ними. В последнее десятилетие XVII в. отношения Запорожской Сечи с гетманщиной и Москвой окончательно испортились. Запорожцы были недовольны проникновением на Украину московских людей, московских порядков. Дело дошло до вторжений части запорожцев с крымцами на Украину. В 1701 г. в Сечи было решено заключить союз с Крымом и воевать Московское государство; план этот не осуществился только вследствие отказа хана. Часть запорожцев принимала участие в Булавинском бунте. Когда совершилась измена Мазепы, кошевой атаман Петр Гордиенко 28 марта 1709 г. передался Карлу XII с 8000 войска и почти всей старшиной. Тогда Петр отправил полковника Яковлева с отрядом разорить мятежное гнездо. 14 мая Яковлев взял Сечь приступом; пленные казаки были казнены, а укрепления разрушены.

26 мая 1709 г. Петр издал манифест, предписывавший впредь запорожцев в русские пределы не пускать, за исключением тех, которые придут поодиночке с повинной, без оружия. Таких дозволялось селить в Малороссии в качестве обыкновенных поселян. Ушедшие после Полтавской битвы с Карлом XII запорожцы попытались было в 1710 г. основать новую Сечь при впадении р. Каменки в Днепр (старая находилась при устье Чертомлыка), но в следующем же году по приказанию Петра и эта Сечь была разорена гетманом Скоропадским и генералом Бутурлиным. Тогда запорожцы с дозволения хана Каплан-Гирея основали сечь в *Алешках*. По договору, заключенному с турками в 1711 г., за Россией на западной стороне Днепра был признан только Киев с прилегающими к нему землями и местами, от казаков же, живущих на западной стороне, и от полуострова Сечи царь “отнял свою руку”. В мирных переговорах, продолжившихся в 1713 г., турки добились того, чтобы граница между Россией и Запорожьем была проведена между реками Орелью и Самарой, но не добились того, чтобы при границах были поселены казаки, изменившие России.

Потеря земель и угодий и притеснения от ногайцев и татар вскоре породили в запорожцах стремление к примирению с русским правительством и к возвращению на старые места. Попытки, делавшиеся в этом направлении при Петре, были безуспешны. Но уже с Петра II русское правительство, нуждаясь в войске для охраны южных границ государства от набегов татар, стало подавать запорожцам надежду на возвращение их в русское подданство. Это возвращение состоялось при Анне Ивановне. Генерал фон Вейсбах, которому поручено было устройство и охрана украинской линии крепостей, вошел в сношения с кошевым Иваном Милашевичем и подготовил отпадение Запорожья от Турции и Крыма. Запорожцев было в то время около 10 тысяч. В Сечи находилось 38 куреней, а людей тысячи полторы; другие запорожцы кочевали куренями по рекам Бугу, Ингулу, Исугти, Ингульцу, Саксагани, Бузулуку, Малой и Великой Каменкам и по Суре, на левой стороне Днепра по р. Протовче и Самаре и по Днепру до устья.

Когда разразилась война России с Турцией в связи с вмешательством в польские дела, запорожцы получили от хана приказание двинуться в Польшу. Они двинулись вверх по Днепру и стали кошем на урочище Красный Кут на р. Подпольной в 8 верстах от старой Чертомлыцкой Сечи. Получив от Вейсбаха грамоту императрицы Анны Ивановны, прощавшую им старые вины и принимавшую их вновь в подданство Российской империи, они здесь и основали *Новую*, или *Подпиленскую Сечь* и приняли на себя пограничную, сторожевую службу, заняв свои старые земли. Земли эти не имели точных, определенных границ, ибо и прочной оседлости на них еще не было, и запорожцы передвигались на них своими куренями. Новая Сечь просуществовала до 1775 г., до самого уничтожения войска Запорожского.

С возвращением Запорожья под власть России житье-бытье запорожского казачества получило известную устойчивость. Запорожцы окончательно утвердились на своих землях и угодьях, перестали метаться с одного места на другое, и это не замедлило отразиться соответствующим изменением в их быту. В последние 40 лет своего существования запорожцы, не оставляя лагерной жизни, исподволь переходили на оседлую. Не переставая заниматься военным промыслом, рыбной ловлей и охотой, они мало-помалу приобщались к земледелию, превращались в семейных, домовитых казаков. В конце концов и возникла своеобразная казацкая колония, представлявшая из себя какое-то сочетание постоянного военного лагеря с состоявшими при нем селами, хуторами, зимовниками и летними шалашами.

Центральным местом Запорожья была *Новая Сечь* на р. Подпольной. Она была основана в низкой котловине, опоясанной с востока, юга и запада обширными плавнями и перерезанной несчетным числом маленьких речек ("веток", "ериков" и т.д.), озер и озерков; северную ее сторону от степи защищали сильные засеки и ограды. Сечь состояла из трех частей: коша внутреннего, коша внешнего и цитадели. Внутренний кош (иначе: замок, крепость) имел 200 сажень в окружности. Середину его занимал просторный плац, на котором происходили войсковые рады. На восточной окраине коша стояла деревянная церковь Покрова Богородицы, выстроенная в 1734 г.; неподалеку находилась колокольня в два яруса с четырьмя окнами для пушек. Поблизости находилась пушкарня, или артиллерийский цейхгауз с подземельем, которое было и местом заключения; дальше стояли скарбницы, или "замок" (называвшийся также "станком") — жилище кошевого, над которым развевалось белое знамя. В виде подковы вокруг плаца были размещены 38 куреней, деревянных барачков, в которых жили казацкие части, составлявшие войско Запорожское. Имена куреней происходили либо от фамилий атаманов, которые их когда-то организовывали (Броховецкий, Кореневский, Пашковский, Сергиевский, Щербиновский и т.д.), либо от названий местностей, из которых прибыли первые пришельцы (Батуринский, Донской, Ирклеевский, Каневский, Крыловский, Паволоцкий, Переяславский и др.), либо, наконец, от названий профессий (Платнеровский). Курени были столь обширны, что могли вмещать по 600 человек и более; в них проживали казаки во время общего сбора войска и, кроме того, жили постоянно неженатые и бездомные казаки. Около куреней стояли куренные скарбницы и частные домики войсковой старшины.

Внутренний кош отделялся от внешнего особым валом, на южной стороне которого находились ворота с башней для пушек. Внешний кош (называемый также форштатом, гассан-базаром, слободой) обнимал пространство в 200 сажень длины и 70 ширины; в нем находилось до 500 домов казаков, торговцев и ремесленников, приписанных также к куреням. Было также

около ста лавок, не считая общественных “яток” и шинков. Внешний кош замыкали широкие ворота на западной стороне. Юго-восточный угол внешнего коша занимала цитадель (или “ретраншамент”) в виде четырехугольника в 85 сажень длины и 50 ширины. Она была воздвигнута в 1735 г. якобы для вернейшей защиты запорожцев от татар и турок, а на деле также и для удержания запорожцев в покорности. Здесь находились дом коменданта и казармы и стояли две роты регулярных русских войск. Цитадель вместе со всем внешним кошем окружал высокий вал и глубокий ров. Сверх того, вся Сечь была опоясана валом, обнесена частоколом и окопана рвом от берега и до берега р. Подпольной. К востоку от этого общего вала вдоль реки вниз тянулись зимовники, или хаты запорожцев, где проживали их семьи. На берегу Подпольной, против внутреннего коша, была устроена пристань, до которой доходили мелкие купеческие суда из Черного моря и Днепровского лимана.

Земли и угодья, которые запорожцы считали своим достоянием, своими вольностями, делились до 1768 г. на пять, а с 1768 г. на восемь паланок, или округов. Самая западная паланка носила название *Богогардовской*, от сторожевого “гарда” на р. Буге. Она обнимала пространство между Бугом и Ингульцом, границей Речи Посполитой и лиманом Днепра. Центром ее был Гард на Буге; сверх того, тут были зимовники в Соколах, Вербове, Балацком, Корабельном, Громоклее и других местах. Паланка *Ингульская*, или *Перевиская*, простиралась между нижним Ингульцом и Днепром. Центром ее была *Перевиска* на Днепре, близ устья Ингульца, или *Каменка*, где находилась Сечь во время турецко-татарского суверенитета над Запорожьем; были также села и несколько зимовников: Белая Криница, Давидов Брод, Шестерня, Кривой Рог, Золотая Балка, Осокоровка, Терновка и др. Паланка *Кодацкая* простиралась между Днепром, Базавлуком, верховьями Ингульца и Тясмином. Средоточием ее было местечко *Новый Кодак*; из сел и зимовников известны: Старый Кодак, Волощские хутора, Половица (впоследствии Екатеринослав), Микитино, Кичкас, Тарасовка, Медовец, Романково, Мишуринов Рог, Томаковка и др. Паланка *Самарская* обнимала целый бассейн р. Самары. Центральным пунктом ее было место *Самар*, или Новоселица (ныне Новомосковск); сверх того, были села Чапле, Песчаная Самара, Каменка, Ревовка и др. Паланка *Калмиусская* находилась между Волчьей рекой, Калмиусом и Азовским морем. Главным опорным пунктом ее было селение *Домаха* у устья Калмиуса (с 1779 г. здесь стал город *Мариуполь*); сверх того, были села *Ясеноватое* и *Макарово* и 28 зимовников, между прочим, в Лозовом овраге на Терсе, в Широком на Каменке, в балках Холодной и Сухой, в баераке Каменном и др. После 1768 г. прибавились еще три паланки — Орельская, Протовчинская и Прогноинская. *Орельская* паланка занимала пространство между Орелью и Самарой. Средоточием ее была *Козырицина*; сверх

того, было пять сел — Чаплинская Каменка, Гупаловка, Колонтаевка и др. Паланка *Протовчинская* занимала течение р. Протовчи и отчасти Орели. Главным селением ее было *Лычково*; сверх того, было более 25 сел — Котовка, Китай-город, Могилев, Кильчень, Балабановка, Сирковка и др., а также хутора на Царичанке и Маячках. *Прогноинская* паланка лежала на левой стороне Днепровского лимана, против урочища Прогноев, находившегося в 35 верстах выше Кинбурнской косы. Средоточием ее был *Прогноинск* — местопребывание передней стражи запорожцев, имевших там соленые озера.

Из перечисленных восьми паланок четыре северные, прилегавшие к населенным местностям, т. е. Кодацкая, Орельская, Самарская и Протовчинская, имели села, деревни и хутора, в которых постоянно жили казацкие команды, неженатые казаки и посполитые. В остальных обиталищами казаков были камышевые шалаши и землянки, в которых они проводили весну, лето и осень для рыболовства и добывания соли, и так называемые зимовники, в которые они переходили на зиму. Зимовники располагались главным образом по берегам Днепра и впадающих в него речек, а также на островах. Это были своего рода хутора, при которых казаки, по словам князя Мышецкого, содержали рогатый скот, лошадей и овец, имели пасеки, сенокосы, разводили сады и огороды, засевали поля разным хлебом, били в степях и лесах зверей и ловили рыбу. В них было, таким образом, известное постоянное население, которое на зиму увеличивалось казаками, возвращавшимися с промыслов. Постоянно жили в зимовниках либо родные этих казаков, их семьи, либо их компаньоны по промыслам, либо наемные работники. Жилищами были либо хаты, рубленные из леса, либо мазанки; при них были дворы, обнесенные плетнем, с разными хозяйственными пристройками. Таким образом, зимовники в Запорожье являлись первичной формой постоянных селений и с течением времени превращались в села. Большая часть зимовников превратились в села и деревни уже после уничтожения Сечи, но с некоторыми из них такое превращение произошло еще во время самостоятельного существования Запорожья.

Любопытный пример обращения зимовника в село представляет слобода Николаевка-Рудева (позже Павлоградского уезда Екатеринославской губернии). В 30-х годах XVIII в. здесь жил зимовником старшина Руд, который ходил отсюда со своими “хлопцами-малюками” на Старо-Крымский и Муравский шляхи, напал на турок и татар, возвращавшихся с “ясырем” из Украйны, отбивал у них пленников. В сентябре 1739 г. у него было освобожденного “ясыря” 426 душ обоего пола. Кош подарил Рудю землю, где стоял его зимовник, со всеми угодьями, и тот основал здесь целую слободу Николаевку, населил ее народом семейным и оседлым, пригласив из-под Конотопа своих родных и знакомых, и дозволил своим хлопцам также вы-

звать к себе своих кровных и близких. В 1752 г. здесь уже числилось 315 душ мужского пола и 196 душ женского; в 1754 г. была построена церковь. Значительный контингент для подобных слобод доставляла гетманщина, где оставались родственники и свойственники тех лиц, которые уходили в Запорожье. Сюда же бежали и посполитые, т. е. крестьяне после ограничения права вольного перехода.

Как бы то ни было, но к концу своего существования войско Запорожское стало уже переходить к постоянной оседлости, к мирным занятиям. По официальной ведомости, составленной полковником Текелли в момент уничтожения Запорожской Сечи, в ней было кроме Сечи в тесном смысле 45 деревень и 1601 зимовник; всех жителей насчитывалось без малого 60 тыс. душ обоего пола, причем в большинстве (именно 35891 человек) это было посольство, т. е. женатые поселяне; и большинство казаков жили уже не в Сечи, а в деревнях и зимовниках, где занимались скотоводством, земледелием и другими мирными промыслами, имели семьи. Цифры, сообщаемые Текели, не точны. По другим данным, в одной только Самарской паланке было 1600 зимовников, а в Протовчинской 1100, всех же зимовников, по сообщению князя Мышецкого, было до 4000. Несомненно, что большинство населения Запорожской Сечи в год ее уничтожения составляли женатые казаки и посполитые, преданные почти исключительно мирным культурным занятиям. Правда, среди них были и такие люди, как псары, табунщики, чабаны, которые вели полукочевой образ жизни, защищались от непогоды в так называемых кошах с очагом, или котигах, т. е. палатках на двух- или четырехколесных арбах, совершенно напоминающих ногайские, но в общем о населении Запорожья следует сказать, что в последние годы Сечи оно решительно повернуло к мирной оседлой жизни. Уничтожение Сечи и предложение казакам превратиться в поселян не было каким-либо переломом в жизни запорожского казачества, а только некоторым ускорением его эволюции, естественного конца его старого уклада.

Переходившие к оседлой жизни казаки в общем чрезвычайно слабо заселяли свои земли и угодья. Количество их по сравнению с территорией их владений было ничтожно. В момент перехода казаков под власть России при Анне Ивановне их было не более 10 тыс. человек. В 1755 г. в целом "компуте" со стариками и женщинами в зимовниках было показано 27 тыс. запорожцев. В 1762 г. на верность императрице Екатерине присягало 20 тыс. запорожских казаков. При уничтожении Запорожской Сечи, по официальным данным, там было около 60 тыс. жителей. Даже если считать это число преуменьшенным и доводить его по Скальковскому до 100 тыс. человек, все равно нельзя не признать, что запорожские казаки слабо заселили свои вольности.

Но с самого перехода Запорожской Сечи под власть России в 1734 г. земли ее уже перестали быть в безраздельном владении запорожского казачества и сделались аренной вольной народной и государственной колонизации. Вскоре в запорожские палестины потянулись выходцы из польской малорусской Украины, гетманщины, Слободской Украины и других мест. На самой границе с Польшей, при впадении р. Тарговицы в Синюху, возник таким путем *Архангельский городок* (ныне Новоархангельск), население которого составилось главным образом из малорусских крестьян польской Украины. Правительство оценило значение этой колонизации запорожского пограничья и со своей стороны стало принимать меры к его заселению. Киевскому полковнику Танскому было поручено возобновить и заселить села, лежавшие по русской стороне Синюхи и разрушенные татарами во время последней турецкой войны. В селе Цыбулев (в 70 верстах от Архангельского городка) был назначен атаманом и осадчим Леонтий Сагайдачный, казак Миргородского полка, которому удалось поселить более 300 дворов выходцев из Польши. Поляки, недовольные этим уплывом населения, предприняли ряд нападений на новые русские селения и стали уводить к себе здешних новоселов. Тогда правительство распорядилось построить здесь укрепления-крепости и шанцы и расставило в разных местах караулы. Под защитой укреплений население здесь продолжало расти. В 1744 г. в этой местности было уже 13 слобод и в них 357 казацких и 563 посполитых двора, а к 1752 г. — более 4000 дворов. Вместе с малорусами селились тут и великорусы-раскольники. В царствование Анны Ивановны они основали здесь Цыбулев и Бешку (ныне Александрия); но число их было невелико. Эти переселенцы и составили первоначальный и основной контингент жителей края, получившего вскоре имя *Новой Сербии*.

Одновременно с тем пошло наступление на запорожские земли и на левой стороне Днепра. По указу Сената в 1743 г. малороссиянам было дозволено строить хутора и пользоваться землей по р. Самаре. Этим воспользовались жители Полтавского полка и заняли полосу земли между левым берегом Орели и правым Самары, которую запорожцы считали своей землей; чтобы упрочить свои позиции, они захватили и город *Старую Самару*. По предписанию Сената город вскоре был возвращен запорожцам, но захваченные земли остались за полтавцами. В то же время на востоке стали посягать на вольность запорожских казаков донские казаки. Чтобы покончить распри между запорожцами, украинцами из Гетманщины и донскими казаками, правительство Елизаветы издало указ, предписывавший считать границами запорожских вольностей с северной и восточной стороны реки Самару, Волчью, Берду, Кальчик и Калмиус с впадающими в них реками и принадлежащими к тем рекам косами, балками и всякими угодьями “по

прежнюю 1714 года границу, которая оставлена в стороне Российской империи и по последнему разграничению с Оттоманскою портою”.

С 1752 г. территория запорожских вольностей еще более сократилась вследствие отдачи некоторой части их под поселение вышедших в Россию сербов, болгар, молдаван и валахов. В этом году явился на службу в Россию сербский полковник Иван Хорват и привел с собой целый отряд сербов с военной границы, черногорцев и других выходцев, а в следующем, 1753 г., пришли полковники Иван Шевич и Райко де Прерадович и также привели разный сброд из славянских земель. Правительство решило использовать эти элементы для охраны окраины от татар и частью от запорожцев. Отряд Хорвата был водворен на жительство в заселившемся и отчасти уже укрепленном районе по верхнему Тясмину, Выси и Синюхе и верхнему Ингулу. Центром этого района сделалась крепость св. Елизаветы (позднее *Елизаветград*), которую выстроил Хорват. Сверх того был сооружен ряд земляных шанцев и форпостов, в которых должны были стоять поселенцы. Край этот и получил название *Новой Сербии*. Отряды Шевича и де Прерадовича были водворены на востоке запорожских владений, между Северским Донцом, Бахмутом и Луганью. Центром поселений стали крепости *Бахмутская* (сущ. с 1703 г.) и *Белевская* (основана в 1731 г.), а самый округ получил название *Славяносербии*.

Новым поселенцам были отведены в вечное и потомственное владение удобные земли, определено денежное жалованье, предоставлены беспштинные промыслы и торговля. Со своей стороны, они должны были распашать пожалованные им земли, завести хозяйство, построить дома и деревни и нести пограничную военную службу в гусарских полках. Большинство этих выходцев были мало пригодны как для мирного труда, так и для военной службы. По словам одного из их командиров, Ст. Пишчевича, лица, прибывшие из Триеста, были “все вор на голо и пьяницы прегорькие, наволочью такая была, что хуже съискать нигде не можно; между ними были оружейные лесовые настоящие разбойники”; много было между ними дезертиров, “которые по несколько раз из одного государства в другое переходили и служили и потом уходили и на последок дошли в Россию”. С ними было чрезвычайно трудно справляться. “Все было строптиво,— пишет Пишчевич, — развращено, пьяно, и всякий день происходили между ними и обывателями драки и ссоры”. Этим людям чрезвычайно трудно было приспособиться к новым условиям жизни, в особенности заводить хозяйство на пустом месте и с пустыми руками, и в общем из них составилось незначительное количество военных поселян. В 1770 г. собственно сербов насчитывалось не более 1000 человек, т.е. 1/25 всего населения Новой Сербии и Славяносербии. Но в образованный ими кадр, на тех же основаниях, влилось много других элементов. В Славяносерию в 1752—1755 гг. явились молда-

ване, валахи, болгары, черногорцы и образовали ряд военных поселений, называвшихся ротами. Здесь же селились в то время бежавшие и прощенные правительством раскольники. Из описания Елизаветградской провинции, составленного академиком Гюльденшtedтом, видно, что состав населения Новой Сербии в 1773—1774 гг. был самый разнообразный: сербы, болгары, молдаване, валахи, греки, малорусы из Гетманщины и запорожцы, великорусы раскольники и православные, выходцы из Польши и беглые из Центральной России, греки и т.д.

Вскоре к двум военным поселениям — Новой Сербии и Славяносербии прибавилось еще и третье поселение внутри запорожских вольностей. Указом сената от 18 августа 1752 г. велено было поселить поблизости от Новосербии малороссийский Слободской полк. За ним были утверждены речки Самоткань, Бешка и Верблюжка. Полк должен был состоять в ведомстве коменданта крепости св. Елизаветы. В 1764 г. “Новосербский корпус” был преобразован в Новороссийскую Слободскую губернию, а Славяносербия с Украинской линией в Екатерининскую провинцию, подчиненную Новороссийской губернии. При этом Украинская линия, проведенная в 1731 г. для защиты русских пределов со стороны Запорожья, была уничтожена и взамен ее воздвигнуты были крепости *Богородицк* (на Самаре) и *Луганск* (на Лугани, правом притоке Донца). В следующем, 1765 г., Новороссийская губерния состояла уже из трех провинций — Елизаветинской, Екатерининской и Бахмутской.

Дальнейшая военная колонизация края стояла в связи с успехами русского оружия в первую турецкую войну при Екатерине II. В 1770 г. были заняты Азов и Таганрог, которые турки не успели укрепить. Для обеспечения новоприобретенного Азовского побережья и селений, раскидавшихся к югу от старой Украинской линии, в том числе запорожских, правительство немедленно распорядилось провести новую укрепленную линию — *Днепровскую*. Она шла от Днепра к Азовскому морю по Конским Водам и Берде и пересекала Ногайскую степь приблизительно по старым ее границам с Запорожьем. На этой линии были воздвигнуты крепости *Александровская* (позднее г. Александровск Екатеринославской губ.), *Никитинская*, *Григорьевская*, *Кирилловская*, *Захарьевская* и *Петровская*. Последняя крепость была выстроена у самого моря, близ нынешнего Бердянска (основанного в 1827 г. князем М. С. Воронцовым) и прикрывала небольшую бухту. Кроме того, было возобновлено Троицкое укрепление, что на Таганроге, выстроенное еще при Петре; из него вырос нынешний город *Таганрог*. По Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г. земли, прихваченные Днепровской линией, отошли к России вместе с Керчью-Еникале, Кинбурном и побережьем Черного моря между Днепром и Бугом. Приобретенное Азовское побережье вместе с землями запорожских казаков на левой стороне Днепра образовали Азовскую гу-

бернию с провинциями Азовской, Бахмутской и Славянской, а запорожские земли на правой стороне Днепра с новоприобретенным Черноморским побережьем — Новороссийскую губернию с провинциями Елизаветинской и Херсонской. Это новое административное деление воследовало в результате тех перемен, которые произошли в судьбах Запорожской Сечи и в колониационной политике правительства.

После того, как русское государство вплотную подошло к берегам Азовского и Черного морей и к Крымскому ханству, дальнейшее существование Запорожья как военно-промышленной организации на днепровском низу, жившей на счет степной пустыни, татар и турок, стало невозможным, недопустимым. В 1775 г. по распоряжению правительства полковник Текелли с отрядом занял Сечь и распустил ее войско. Казацкую старшину разослали в заточение, а рядовым казакам предложили перейти в разряд поселян. Вольности запорожских казаков были у них отобраны в казну и начали переходить новым владельцам и заселяться людьми разного звания и состояния.

Немедленно после разрушения Сечи (в 1775 г.) запорожские земли стали раздаваться чиновникам, штаб- и обер-офицерам и иностранцам. Условия получения земель были очень выгодные: на 10 лет давалась льгота от всех повинностей, в течение этого времени владельцы должны были заселить свои участки с таким минимумом, чтобы на каждые 1500 десятин приходилось по 13 дворов. Величина участков колебалась от 1500 до 120000 десятин. Впрочем, были такие лица, которые получали по несколько десятков тысяч десятин и даже больше, а Сечь, переименованная в село *Покровское*, была пожалована при 200 тыс. десятин тогдашнему генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому. Эти 200 тыс. десятин были заселены 3000 душ крестьян и впоследствии проданы наследниками князя Вяземского еврею Штиглицу, нажившему колоссальные суммы денег от содержания соляных озер в Тавриде. По истечении 10 лет заселенные земли обрались в собственность новых владельцев. При таких условиях Новороссия оказывалась каким-то Эльдorado для разных секунд-майоров, регистраторов, архивариусов и т. п. Без всякого риска можно было укрепить за собой прекрасный участок земли, лишь бы только там поселились 13 дворов. Нашлось поэтому немало охотников для получения этих участков. В течение 10 лет Новороссийской и Азовской губернскими канцеляриями было роздано помещикам и под казенные селения без малого 4 1/2 млн десятин земли, на которых поселилось 53511 душ мужского пола и 44098 женского; в среднем на каждую душу мужского пола приходилось более 83 десятин. Новые владельцы отчасти переводили сюда своих крепостных, но главным образом старались приманить людей со стороны — выходцев из польской Украины, гетманщины и даже Великороссии.

Особую и чрезвычайно многочисленную группу среди колонистов составляли беглые, принадлежавшие и к великорусской и к малорусской народностям. Чтобы скорее заселить Новороссийский край, правительство, можно сказать, негласно санкционировало здесь право убежища. Оно не только не преследовало беглецов, селившихся в помещичьих и казенных слободах, но и рекомендовало в своих секретных инструкциях местным властям “под рукою и без всякой огласки” приписывать бродяг к городским и сельским обществам, смотря по их состоянию (письмо графа Зубова екатеринославскому наместнику Хорвату).

Одновременно с раздачей земель частным лицам и заселением помещичьих имений происходило заселение государственных земель под покровительством и по инициативе государства. Правительство использовало прежде всего начавшееся среди самих запорожцев стремление к мирной оседлой жизни и оказывало ему всяческую поддержку. Например, запорожец Горленко, произведенный азовским губернатором Чертковым в волководского комиссара, при содействии преданных ему запорожцев скоро основал таким образом в казацких зимовниках слободы и стал заселять их семейным и оседлым народом. Лейб-компания священник Кирилл Тарловский, ближайшее и самое доверенное лицо Черткова, при содействии монахов Самарского монастыря оживил и заселил степи Самарские и Терновские; в короткое время он основал 24 слободы и устроил в них 12 церквей со шпиталями и школами при них. “Хлопец и малец” запорожского полковника Афанасия Федоровича Колпака Сергей Лот осадил в его зимовнике 50 дворов казаков и основанную таким образом слободу назвал в честь своего отца *Колпаковской*.

Малороссийские слободы в пределах бывшего Запорожья в большинстве случаев обязаны своим происхождением энергии и колонизаторской деятельности отдельных лиц — так называемых *осадчих*. Вот как, например, образовалась государственная слобода *Вязовок*. В 1775 г. азовский губернатор Чертков пожелал основать эту слободу. Межевая экспедиция отвела земли, а вахмистр Василий Мураев вызвался быть осадчим. Поручив своему доверенному Белостоцкому строить в указанном месте землянки и хаты-мазанки, Мураев отправился в разные дозволенные места приглашать семейный народ на жизнь в новую слободу. На его зов уже в 1776 г. в слободу Вязовок набралось “значительное количество насельников — людей семейных, оседлых из народа вольного, свободного”. Таким же приблизительно путем возникла слобода *Гродовка* в плодородных степях между Торцом и Солонеевкой (позднее Бахмутского уезда Екатеринославской губ.). После уничтожения Сечи жившие в Холодной балке запорожцы, согласно видам и желанию губернатора Черткова, со всех сторон начали привлекать к себе на жительство семейных и оседлых малорусов; в 1788 г. в государственной сло-

боде Гродовке постоянных жителей обоего пола было уже свыше 800 душ. В основанные бывшими запорожцами селения шло много народа из гетманщины — по большей части их родственников и свойственников. Иногда выходцы закладывали самостоятельные селения в пределах бывшего Запорожья. Таково, например, происхождение слободы *Пологов*. Начало ей дали выходцы из Переяславского полка.

О размерах колонизационного движения из гетманщины в Запорожье можно судить по тому, например, факту, что в одном Херсонском уезде выходцами из Черниговщины было основано частью или целиком 32 селения. Одни из этих переселенцев (бывшие казаки) пользовались правом вольного перехода и потому переселялись в Новороссию на законном основании; другие же, бывшие посполитые, просто убежали от своих владельцев. То же самое надо сказать и о переселенцах из Слободской Украины. Громадную массу переселенцев для казенных слобод и сел, как и для помещичьих, доставила Правобережная Украина, находившаяся тогда под властью Польши.

Значительное число поселян в казенных селениях бывшего Запорожья составили великорусы — государственные и экономические крестьяне, однодворцы, отставные солдаты и матросы, раскольники и др. По указу 1781 г. велено было переселить в Новороссию до 20 тыс. экономических крестьян. И наконец, в состав населения бывшей запорожской области и присоединенных к ней по договору земель вошли прибывшие из-за границы элементы.

После того, как Крым был признан независимым, из него началось сильное переселенческое движение в Россию местных христиан — греков и армян. В 1779 г. вышло в Россию до 20 тыс. крымских греков, подвергшихся значительному давлению со стороны татар. Часть их погибла в пути от болезней и лишений, а уцелевшие основали в 1780 г. город *Мариуполь* и 20 селений в его окрестностях.

С 1769 г. началась иммиграция в Новороссию евреев из Западной России и Польши. Их селили в городах и местечках в расчете на развитие торговли и ремесел. Льготы, предоставлявшиеся им, были невелики по сравнению с льготами других иностранцев. Дома и школы они должны были построить себе сами на свой счет, освобождение от постоев и повинностей, исключая, однако, казенные подати, давалось им всего на год, так же как и от пошлины за горячее вино. Они имели право содержать винокурни и броварни, нанимать себе русских работников и т.д. Расселение евреев по городам Новороссии происходило не без успеха. Правительство оставило им кагальное устройство, предоставило полное внутреннее самоуправление.

Так путовавший при запорожцах край все более и более наполнялся разнородными этнографическими и социальными элементами. С конца 70-х

годов XVIII в. стала осуществляться программа *градостроительства*, навеянная, с одной стороны, экономическими соображениями, а с другой — политическими обстоятельствами.

Успешное заселение края, развитие его материального благосостояния были связаны с организацией рынков, пунктов для сбыта продуктов сельского хозяйства и промыслов, вывозной и привозной торговли. С другой стороны, после присоединения Крыма к России в 1783 г. приходилось опасаться ответных действий со стороны Турции, с которой могла соединиться Польша для отражения наступления России на юго-запад. Поэтому надо было закрепить получше территорию, вошедшую в состав русского государства после войны с Турцией. В 1784 г. было решено выстроить целый ряд укрепленных городов — при впадении Тясмина в Днепр, при впадении Синюхи в Буг, при впадении Ингула в Буг, на нижнем Днепре, Днепробутском лимане и Таврическом полуострове. За это дело взялся управляющий краем Г.А. Потемкин.

Первый город, сооруженный под его руководством, был *Херсон*. Еще в 1778 г. императрица поручила Потемкину найти место для гавани и верфи на нижнем Днепре и построить здесь город. Потемкин выбрал Александршанц в 35 верстах от днепровского устья. В короткое время он хотел сделать его столь же цветущим и знаменитым, как древний Херсонес Таврический, устроить в нем все, что Петр Великий устроил в Петербурге, — крепость, адмиралтейство, верфь, карантин, пакгаузы, каменные дома, коммерческий и военный флот. Постройка, впрочем, не представляла особенных затруднений: каменоломня была почти в самом городе, по Днепру привозили лес, железо и все необходимые материалы. На расходы по строительству города и флота в распоряжение Потемкина отпускались неограниченные суммы; к его услугам были войско, техники, ученые специалисты и казенные и вольные рабочие. Работы, начатые в 1781 г., производились с лихорадочной поспешностью. Потемкин ожидал скорого посещения императрицы и хотел блеснуть перед нею своими успехами. Также заботился он и о быстрой постройке кораблей. Для этого постоянно нанимались плотники в Петербурге, Олонце и других местах, присылались казенные охтенские плотники, из Москвы немцы-кузнецы и т.д. Эти усилия увенчались на первых порах известным успехом: через два года в Херсон уже приходили корабли под русским флагом; свои коммерческие дома и конторы здесь открыли французские торговые фирмы, польская (Заблочкого), константинопольская (Фрадинга), австрийская (Фабри), русская (купца Масленникова). Особенно важную роль в расширении торговых сношений Херсона с Францией сыграл барон Антуан. Русский хлеб, пеньку, льняное и конопляное семя, чай и другое сырье он отправлял на Корсику, в Ниццу, Геную, Марсель и даже Барселону. При его посредстве через Херсон шли товары из Южной Польши.

Императрица, приехавшая в Херсон в 1787 г., осталась очень довольна всем, что нашла там, — и казармой, и крепостью, и каменными строениями, и церковью, и адмиралтейством, и кораблями, и множеством разноязычного населения. Но при всем том расцвет этого города оказался кратковременным. Со взятием Очакова и постройкой Николаева пало значение Херсона как крепости и адмиралтейства. Отпускная торговля вскоре перешла в другие города — Таганрог, Очаков и Одессу; Херсон удержал за собой первенство только в отпускной торговле лесом. Дело в том, что место, выбранное Екатериной и Потемкиным, в 35 верстах от моря, в устье реки, прегражденной порогами, оказалось неподходящим. Быстрый и сказочный рост Херсона был искусственным: город вырастал не сам по себе, а благодаря помощи, оказывавшейся ему всемогущим князем Тавриды, располагавшим громадными средствами.

Другим городом, воздвигнутым во славу Екатерины, был *Екатеринослав*. Потемкин спланировал его в необычайных размерах. Город должен был находиться между двумя фортштадтами — Старым и Новым Койдаками и заключать в себе пространство в 300 квадратных верст; улицы должны были быть шириной в 30 сажен; одного выгона для скота предполагалось отвести 80 тыс. десятин. Потемкин намеревался выстроить великолепный храм Преображения в подражание храму св. Петра в Риме, судилище наподобие древних базилик, лавки полукружием наподобие афинских Пропилей с биржей и театром посередине, государственные палаты, где жить генерал-губернатору, во вкусе греческих и римских зданий, с великолепной и пространной сенью посередине, инвалидный дом со всеми удобствами и великолепием, дома губернаторский, вице-губернаторский, дворянский, университет с музыкальной академией, или консерваторией, аптеку, суконную и шелковую фабрики. В 1787 г. императрица посетила строящийся Екатеринослав и заложила грандиозный соборный храм, который по величине должен был превосходить храм св. Петра в Риме: на один аршин длиннее последнего. Вся эта программа осуществилась в самых скромных размерах. Собор, заложенный Екатериной, не был выстроен: дело ограничилось одним фундаментом, который обошелся казне в 71102 рубля и ныне служит оградой выстроенного собора. Прав был Иосиф II, который сказал, что он с императрицей совершил великое дело: она положила первый камень нового собора, а он второй и последний. Университет с академией и другими учреждениями не осуществился. Шелковая чулочная фабрика была скоро закрыта, а суконная провлячила свое существование до 1836 года. Заготовленные для построек материалы были частью проданы с публичного торга, а частью получили другое назначение. Был выстроен теперешний Потемкинский дворец и некоторые другие скромные здания. Город в 80-х годах имел только 2201 человек мужского пола, из которых половина были купцы и

ремесленники, а половина разночинцы, и в дальнейшем развивался крайне туго. Для развития не было благоприятных условий. Город строился в пустынной местности и совершенно искусственно. Позднейшим своим процветанием Екатеринослав обязан изменившимся условиям — заселению страны и развитию в ней сельского хозяйства и добывающей горной промышленности.

Более удачным вышло построение города Николаева — при впадении Ингула в Буг. Сначала, в 1788 г., Потемкин распорядился построить здесь верфь, а в следующем, 1789 г., и город *Николаев*. Свое имя он получил от первого корабля св. Николая, построенного на его верфи. Глубина Ингула позволяла строить на этой верфи и выводить в море крупные корабли. Поэтому сюда перенесли адмиралтейство, а в Херсоне оставили только постройку мелких судов и магазины. Город, основанный в удобном месте, не захирел, подобно Херсону, а быстро развивался. Николаев скоро стал местопребыванием Черноморского флота, резиденцией главнокомандующего. В нем были учреждены училища штурманское и корабельной архитектуры. Вследствие своего положения Николаев скоро перегнал Херсон и по отпускной торговле хлебом.

Свою колонизационную деятельность Потемкин распространил и на новоприсоединенное в 1783 г. Крымское ханство. В первую очередь на левом берегу нижнего Днепра, на месте Олешья, где одно время устроились было запорожцы (после разорения Сечи Петром I), был основан город *Алешки* — позднее уездный город Днепровского уезда. В нем поселили донских казаков. Укрепленный город *Перекоп* на перешейке был превращен в русскую крепость и сделан уездным городом Таврической области (с 1801 г. губернии). Резиденция калги-султана Ак-Мечеть, переименованная в *Симферополь*, стала областным, а затем губернским городом Тавриды. Близ древнего Херсонеса Таврического на месте татарской деревеньки Ахтиары был заложен *Севастополь*, предназначенный быть военным портом. Все эти начинания произведены в 1784 году. В том же году город *Гезлев*, известный русским под названием Козлов, был переименован в *Евпаторию* и сделан уездным городом Таврической области. В 1787 г. город Кафа, переименованный в *Феодосию*, также сделался уездным городом. С превращением перечисленных городов и селений в русские административные и военные центры они стали быстро обрастать русскими поселенцами в лице чиновников, офицеров и солдат, торговых и промышленных людей разного звания. В 1785 и 1786 гг. сюда явились значительные партии раскольников и поселились в Днепровском уезде Таврической губернии на р. Белозерке. Для поселения старообрядцев Екатерина II назначила, между прочим, места, лежащие между Днепром и Перекопом, и вызвала новых поселенцев из их среды, позволяя им отправлять богослужение по старопечатным книгам и

брать себе священников от архиерея, назначенного для Таврической области.

Программа градостроения, осуществлявшаяся Потемкиным, продолжала развиваться и выполняться и после его смерти. По Ясскому миру 1791 г., которым закончилась вторая турецкая война, Россия получила Очаковскую область между Бугом и Днестром. Предстояло теперь и ее оградить линией пограничных укреплений по Днестру от впадения в него Ягорлыка и по берегу Черного моря до Очакова. Область была почти пустынная. До присоединения к России в ней было 4 города: *Очаков, Аджибер, Хаджибей* и *Дубоссары*, около 150 сел, населенных татарами и молдаванами, и ханские слободы, заселенные беглыми украинцами и великорусами. Но во время войны большая часть населения разбежалась, и на месте оставалось не более 20 тыс. человек мужского пола. Екатерина поручила екатеринославскому губернатору Каховскому обозреть область, разделить ее на уезды, назначить места под города и представить обо всем этом план; затем отводить землю как под казенные слободы, так и для помещиков по той норме, которая была установлена для Екатеринославской губернии, с обязательством заселить эти земли; принять меры для поселения арнаутов и, наконец, оказывать особенное преимущество в получении земель молдавским боярам.

Для приведения в исполнение этих предначертаний в 1792 г. была учреждена экспедиция строения южных крепостей, которую возглавил Каховский. Новые крепости решено было выстроить на Днестре против Бендер, на Днестровском лимане и у Хаджибейского замка. Так и возникли нынешние *Тирасполь, Овидиополь* и *Одесса*. Из этих городов наибольшего развития с самого начала достигла Одесса.

Указ императрицы о постройке военной и купеческой гавани и города Хаджибея (так называлась раньше Одесса) состоялся в 1794 году. Постройка была поручена де Рибасу. Первыми насельниками Одессы кроме русских военных был греческий дивизион — выходцы из Греческого архипелага, удалившиеся оттуда во время известной архипелагской экспедиции, так что и город имел на первых порах два форштадта — военный и греческий. К ним присоединились и выходцы из Крыма. Эти греки пользовались значительными льготами и, можно сказать, положили основание одесской торговле. В надежде на большие выгоды здесь стали селиться как русские купцы, так и иностранные — евреи, болгары, молдаване и даже поляки, получившие “открытые листы” на все усадьбы, с 1803 г. — десятилетнюю льготу от податей, денежные ссуды на обзаведение и проч. В Пересыпи, предместье города, поселились черноморские (бывшие запорожские) казаки. В 1796 г. в Одессе было 2349 душ жителей обоего пола, а в 1802 г. уже более 9000. В последующее время под управлением дюка де Ришелье Одесса развивалась еще быстрее. Ришелье устроил порт, карантин, таможенно,

театр, госпиталь, докончил начатые постройки церквей, учредил учебно-воспитательное заведение — лицей, поощрял частные постройки, которых при его отъезде насчитывалось уже до 2000. Страстно любя садоводство и разведение деревьев, он всячески покровительствовал владельцам дач и первым выписал из Италии семена белой акации, роскошно принявшейся на русском юге. При Ришелье Одесса сделалась узлом торговых связей Новороссийского края с европейскими приморскими городами: ее торговые обороты в 1814 г. уже превысили 20 млн рублей. Расширение торговых оборотов и увеличение богатств вызвали рост потребностей и привели к общему подъему культуры. Одесса превратилась в бойкий торговый и благоустроенный европейский город.

Одновременно с градостроительством выполнялись и другие задания Екатерины по части заселения новоприсоединенной области, т.е. раздавались земли помещикам, основывались казенные слободы и селения, привлекались иностранные колонисты. Казенным поселенцам и горожанам было роздано 545 тыс. десятин, а помещикам 1634800 десятин, т.е. втрое больше. Лица привилегированного сословия получали не менее чем по 1500 десятин удобной земли, чиновники военного и гражданского ведомства — не менее чем по 1000 десятин. Лучшие и наиболее крупные дачи получили разные сильные мира сего — гр. Салтыков, Безбородко, Рибас, Витт и др. Помещики переводили своих крепостных, принимали беглых, которые обрабатывали им землю за десятую часть урожая (десятинники); в помещичьих крестьян превращались многие из бывших “подданных” или “челяди” войска Запорожского, а также и выходцы из польской Украины.

Выходцев из польской Украины ценили и лица, устраивавшие казенные поселения в Очаковской области. Каховский даже тайно посылал эмиссаров в Польшу для вербовки населения в Новороссию. Великорусы также привлекались к поселению в казенных селениях. Так, в 1795 г. вышли из Турции и поселились в Очаковской области 6524 старообрядца. В том же году Платон Зубов, принимавший всяческие меры для заселения созданной им Вознесенской губернии, вызывал казенных крестьян из Ярославской, Костромской и Владимирской губерний, знающих какое-либо ремесло. Каховский предполагал заселить побережье Днестра отставными солдатами и матросами.

Что касается иностранцев, то первое место в ряду колонистов Очаковской области заняли *молдаване*. Они устроились на жительство в городах и селениях по Днестру — *Овидиополе* (на месте прежнего Аджибера), *Новых Дубоссарах*, *Тирасполе* и др. Тогда же 26 молдавских бояр и чиновников получили в Тираспольском и Ананьевском уездах до 260 тыс. десятин земли и основали 20 деревень и несколько хуторов. Каждый из них обрел по несколько тысяч десятин (от 4 до 24 тыс.); свои деревни молдавские поме-

щики заселили по большей части русскими крестьянами; они сумели также закрепить за собой и до 1000 свободных своих земляков. Живя смешанно с русским населением, молдаване скоро обрусели.

Кроме молдаван из-за Днестра и частью с Кавказа прибыла в Очаковскую область значительная партия *армян* и основала город *Григориополь*. Екатерина рекомендовала Каховскому оказывать им всевозможное содействие и поддержку, чтобы “не только все перешедшие в пределы наши сохранены были, но и чтобы находящиеся за границей их единоземцы, видя их благоденствующих, к ним присоединились”.

К молдаванам и армянам в города Тирасполь, Новые Дубоссары и Григориополь приселились в конце XVIII в. *болгары*, водворившиеся также и в Одессе и разных сельских поселках. Болгарские колонии имели важное влияние на развитие местной земледельческой культуры, в особенности огородничества и садоводства.

Небольшую часть населения Очаковской области и остальной Новороссии составили *поляки*. Некоторые из них поселились с торговыми целями в новых городах — Одессе, Херсоне и др.; другие были завербованы в Бутские казачий и гусарский полки; наконец, некоторые польские магнаты, получив от русского правительства земли в Новороссии, перевели туда из Польши крепостных крестьян. Но вообще число польских выходцев было невелико.

В состав населения Новороссии вошли также меннониты и другие немецкие выходцы. Меннониты выехали из Пруссии из окрестностей Данцига в 1784 г. в числе 228 семей и заключили через своих депутатов специальный договор с правительством. Они выговорили себе свободу вероисповедания, 10-летнюю льготу от всяких податей, освобождение от подвод, работ, постоев и военной службы, подводы до места назначения, известную сумму на путевые расходы, кормовые деньги и ссуду в размере 500 рублей на семью, семена для посева, право заводить фабрики, заниматься торговлей, вступать в гильдии и цехи, по 65 десятин земли с обязательством уплачивать за нее по истечении 10-летнего срока по 15 коп. за десятину и, наконец, лес на постройки. Им были сведены земли на правом берегу Днепра с островом Хортицей, где они и основали 8 деревень; с 1793 по 1796 г. 118 других семейств поселились на тех же условиях, частью среди прежних выходцев, частью на новых местах (*Шенвиз* в Павлоградском уезде, *Кронсгартен* в Новомосковском уезде). Меннониты на первых порах попали в неблагоприятные условия и, несмотря на все свое трудолюбие и порядливость, бедствовали. Земледелие на острове Хортице страдало от засухи, скотоводство от бескормицы. Они оправались, стали на ноги и достигли благосостояния только на новом месте, куда их переселили, на Молочных водах,

и только после того, как успели приспособиться к местным почвенным и климатическим условиям.

На первых порах плохо устраивались и другие немецкие колонисты — иозефталские (основавшие колонию *Иозефтал*), ямбургские (поселившиеся в Старых Койдаках), данцигские, шведские (основавшие “Шведскую колонию” в Херсонском уезде). Но в конце концов и они акклиматизировались. Цветущего состояния достигли в конце концов меннониты, бывшие у себя дома образцовыми хозяевами; переселились к тому же из них только зажиточные семейные люди, с имуществом и скотом. Переселения эти происходили в течение всей первой половины XIX века. С 1803 по 1806 г. из Пруссии прибыло 362 семьи, которые основали 19 колоний в нынешнем Бердянском уезде на реках Молочной и Токмаке; затем до 1825 г. прибыло еще 400 семей, поселившихся там же. В 1837—1852 гг. возникло несколько новых меннонитских колоний в той же местности, основанных выходцами из Киевской и Виленской губерний, жившими ранее на помещичьих землях. В 1845 г. немецких поселенцев в Новороссии было 95700 душ обоего пола.

Так исподволь заселялся, наполнялся народом пустовавший до последней четверти XVIII в. Новороссийский край. В 1768 г. общее число жителей Новороссии не превышало 100 тыс. человек, в 1797 г. превысило 850 тыс., а в 1822—1823 гг. — 1млн 500 тыс. душ обоего пола.

Важнейшая литература

Багалей Д.И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры //Киев. Старина, 1889. Т. 25.

Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730—1823. Ч. 2. С 1796-го по 1823-й год. — Одесса, 1838.

Скальковский А.А. Очерки Запорожья // Журн. М-ва нар. просвещения. 1840. Ч. 25, N 3.

Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского: Сост. из подлинных док. Запорожского, Сечевого арх. А.Скальковским.... — 2-е изд., испр. и знач. умнож. — Одесса, 1846. — Ч. 1—3.

Эварницкий Д.И. Вольности запорожских казаков. — Спб., 1898.

Эварницкий Д.И. Очерки по истории запорожских казаков и Новороссийского края. — Спб., 1889.

XVIII. ЗАНЯТИЕ И ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКИМИ ЛЮДЬМИ ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Покорение Казани и Астрахани, открывшее русским людям дорогу по Волге к Каспийскому морю, скоро завлекло их в местности, орошаемые другими реками Каспийского бассейна, в частности в Предкавказье.

В XVI в. Предкавказье было малолюдной страной, открывавшей большой простор для разных промысловых предприятий — рыболовства, охоты, пчеловодства и для колонизации. Край имел в общем малочисленное и крайне пестрое население. В бассейне нижнего Терека, с правой его стороны, между Терекон и Сулаком жили *кумыки*, народ татарского происхождения, но отличавшийся от татар, приведенных Чингизханом. Они получили некоторые зачатки культуры еще от арабов, завоевавших Кавказ в IX веке. Кумыки управлялись своими беками, которые признавали над собой власть шамхала Тарковского. Западнее их между Андийским хребтом и р. Сунжей обитали *чеченцы*, которых соседи называли мичигиш. Мелкие чеченские князья также признавали над собой власть шамхала Тарковского, владыки северного Дагестана. За р. Сунжей на запад и до Терека находилась Нижняя Кабарда, а дальше на запад от Терека по его левым притокам Уруху, Лескеру, Аргудану, Нальчику, Чегему, Баксану, Гунделеку, Малке и затем по притоку Кумы Подкумку лежала Большая Кабарда. *Кабардинцы* принадлежали к группе племен адыгского, или черкесского корня. Это было самое многочисленное и влиятельное племя на Северном Кавказе, за которым шли и другие племена в своем внешнем быту. Кабардинцы распались на отдельные роды, или колена, управлявшиеся князьями — паши. Эти князья постоянно враждовали между собой и обессиливали своими усобицами все племя. В соседстве с кабардинцами на западе, по Куме и Подкумку, по Кубани и ее левым притокам Малому и Большому Зеленчукам, Урупу и Лабе с ее притоками жило другое черкесское племя — *абазинцы*, также распадавшиеся на несколько колен под управлением особых князей; в этой же области жили черкесские племена *бесленейцев* и *темиргойцев*. Дальше на запад по рекам

Белой, Пшишу и другим левым притокам Кубани до Афиписа жили черкесские же племена *бжедухов*, *абадзехов* и *шапсугов*. Наконец, на Каракубанском острове, образуемом двумя рукавами Кубани, жило многочисленное черкесское племя *жан*, или бжан. В среду всех этих племен как в бассейне Терека, так и в бассейне Кубани, проникли с Приволжских, Донских и Крымских степей татары и ногайцы, а с юго-запада, с Южного Кавказа, абхазы. В самом центре Кавказа, по обеим сторонам главного перевала, жили *осетины*, потомки древних алан, ясов нашей летописи, народа иранского племени, называвшего себя *ир* или *ирон*, а свою страну — *Иронистан*.

Все эти многочисленные народности находились в состоянии непрерывной внешней и внутренней борьбы. С одной стороны на них напирали турки, стремившиеся подчинить себе черкесские племена, ногаев и татар, с другой наступали персы, стремившиеся к господству над кумыками, чеченцами и дагестанцами. При всем том турки и персы не могли разделить между собой сферы господства и влияния, соперничали и боролись друг с другом, втягивая в борьбу и туземные кавказские племена. Край раздирался, сверх того, нескончаемыми мелкими усобицами кабардинских князей, их столкновениями с шамхалами Тарковскими и еще чаще с кумыцкими беками и чечней, столкновениями других черкесских племен между собой и с абхазами. Столкновения происходили из-за земель и угодий, а чаще всего из-за кражи скота и людей. В большом кумыцком местечке *Эндери*, стоявшем при входе в горы, на большой торговой дороге между Каспийским морем и Черным, существовал постоянный торг краденными и пленными людьми, которых, скрывая попарно, еврей-торгаши уводили в Крым для перепродажи в Константинополь.

Эта разноплеменная и неурядица и должна была облегчить русским людям водворение в крае. В новоприбывших русских туземцы видели воинственных людей, владеющих “огненным боем”, тогда еще мало распространенным на Кавказе, людей, способных и за себя постоять и оказать поддержку тому или иному из враждующих соседей. Обычай гостеприимства, свято соблюдавшийся у кабардинцев по отношению к чужеземцам, в особенности если они носили оружие, также содействовал утверждению русских людей в их крае. К русским пришельцам располагала туземцев, в особенности кабардинцев и других “черкас”, и надежда на помощь со стороны московского государя против стремившихся поработить их турок и персов. Как только пали Казань и Астрахань, один за другим стали являться в Москву кабардинские, бесленейские и даже ближайšie к Крыму жанейские князья адыгской крови с просьбами о принятии их в подданство и на службу государству. Некоторые из этих князей оставались навсегда в Москве, крестились в русскую веру и становились московскими боярами. Особенно большое посольство прислали от Малой Кабарды пятигорские черкасы, пред-

ложившие царю Ивану Васильевичу принять их землю под царское покровительство. Все это и объясняет, каким образом русские люди могли утвердиться в таком отдаленном от их родины крае, среди чуждого им по языку, быту и нравам населения.

Первыми русскими пришельцами в крае были казаки, утвердившиеся на нижнем Тереке. В дельте этой реки было старинное кумышское владение Теменское с приморским городком *Теменом* и со смешанным населением из кумыков, кабардинцев, ногаев, астраханских и казанских татар и персидских таджиков, или тезиков (гостей). Здесь был приток разных выходцев, привлекаемых торговлей, рыболовным промыслом и морскими разбоями. Тарковские шамхалы претендовали на этот торгово-промышленный пункт, но фактически в нем хозяйничал один из родичей Темрюка, будущего государева тестя, нижне-кабардинский князь Джанклиш (по московским документам Янглыч). В 1557 г. он приезжал в Москву и бил челом царю Ивану Васильевичу о принятии в русское подданство с сыном Сунчалеем и со всем Теменским владением. По-видимому, не без содействия этого князя и утвердились в городе Темене русские казаки с Дона, Волги и Яика. Они обнесли город большим окопом в форме трехугольника, отчего и город стал называться *Трехстенным*. Этот город и стал опорным и сборным пунктом *терского казачества*. Казаки же расселились разбросанными юртами по разметам Терского устья и ватагами по ближайшим островам (между прочим, на острове Чечене) для рыбного промысла.

Бездомовное казачество часто приливало с Волги в терские юрты и столь же часто отливало отсюда на Волгу. Такой неустойчивый элемент не мог быть достаточной опорой русского владычества и влияния в крае и защитой инородцев, искавших покровительства Москвы. Поэтому в 1567 г. из Астрахани на Терек были отправлены воеводы князь Андрей Семенович Бабичев и Петр Протасьев “с огненным боем и многими людьми”, которые и построили крепкий город “у усть-Сунчи-реки” (т.е. Сунжи). Посылка воевод состоялась, по-видимому, по просьбе князей Нижней Кабарды, как и постройка города как раз на границе их владений и владений шамхала Тарковского. Но эта постройка отвечала вместе с тем интересам и видам московского правительства. Москве важно было стать твердой ногою в Предкавказье, чтобы предупредить окончательное утверждение здесь турецко-татарского или персидского владычества и предотвратить возможные нашествия отсюда на Астрахань. Кроме того, Москве было выгодно держать в своих руках и сухопутную торговую дорогу, которая пролегалла через Терек из Закавказья и Персии. Открывалась перспектива развития торговых сношений между Астраханью и Закавказьем и даже политических связей Москвы с единой Грузией.

В Крыму и Турции хорошо понимали значение появления русских городов на Тереке. Хан и султан настойчиво стали требовать от Москвы “казаков с Терека свести, город, поставленный на Кабардинской земле, снести, Астраханскую дорогу отпереть и отовсюду людей проезжих пропускать”. Султан настаивал даже на возвращении Астрахани, считая ее своим юртом как халиф всех мусульман. Не довольствуясь одним предъявлением этого требования, весной 1569 г. султан отправил кафинского пашу Касима с 17 тыс. янычар и спагов и крымского хана с 50 тыс. татар отбирать у Москвы Астрахань. Раздоры с ханом и бунт янычар заставили пашу уйти из-под Астрахани ни с чем, причем на возвратном пути от голода, болезней и нападений кабардинцев он потерял более половины своего войска. В Москве, однако, сочли благоразумным пойти навстречу турецким требованиям. Царь Иван Васильевич написал в 1571 г. султану Селиму, что, желая быть с ним впредь в братстве и любви, он велел город с Терека-реки, из Кабардинской земли, снести и людей своих свести оттуда в Астрахань; что же касается Астраханской дороги, говорилось в послании, то она была заперта оттого, что многие люди ходили на нее воровским обычаем, измены многие и убытки городу Астрахани наделали, но теперь царь велел для султана эту дорогу отпереть всяким проезжим людям.

Но от слова было еще далеко до дела. Московское правительство не любило торопиться с исполнением своих обещаний и обязательств. Терский городок “у усть-Сунчи-реки” продолжал стоять еще в 1577 г., а на Тереке продолжали хозяйничать казаки. В этом году крымский калга, идя на помощь к турецким войскам, действовавшим против персов во владениях шамхала Тарковского, присылал к воеводе Терского города “прошаги дороги, и казаков бы государевых в то время велети уняти, что бы им (т.е. крымцам — *М.Л.*) Сунчук реку от казаков перелезти здорово”. Пропуск был дан, но затем, когда татары потерпели в Дагестане поражение и возвращались домой, русские из Терского городка еще раз побили их и отняли у них много лошадей. К концу царствования Ивана Васильевича данное им султану Селиму обещание было выполнено — московские служилые люди были уведены из Терского городка “у усть-Сунчи-реки”. Но как только служилые люди покинули его, так в нем немедленно утвердились казаки. Посланник царя Федора Ивановича Благово в 1584 г. объяснял султану Амурату, что, хотя из города, построенного в прошлое царствование на Тереке, и выведены царские ратные люди в угоду султану Селиму, но в этом брошенном городе самовольно завели себе притон волжские казаки, “безгосударные люди”.

В конце концов и казаки покинули этот город, закопав в землю наряд (пушки), спалив частокол, надолбы и все строения. Часть казаков удалилась к своим на устье Терека, но часть подвинулась выше по Сунже на *Гребни* — хребет, из ущелья которого вытекает Сунжа, по-видимому, по приглашению

кабардинских князей, и расположилась здесь в нескольких городках среди кабардинских кабаков (селений). Эти городки или “острожки” в горах, выше кабаков Илдара и Кельмамета, сыновей Ибак-мурзы, владельца малокабардинского, и видели в 1628 г. немецкие минералоги Фрич и Герольд, отправленные московским правительством для отыскания в Кавказских горах серебряной и медной руды. Так положено было начало *Гребенскому войску*. Гребенские казаки держались в горах благодаря дружественным отношениям с кабардинцами, видевшими в них своих “тегачей” (гостей народа), которые их взаимно поддерживали. Но эти казаки не порывали связей и со своими соплеменниками на нижнем Тереке, служили службу московскому государю. По присылкам терских воевод они ходили к ним на помощь, оберегали большую торговую дорогу, отбывали опасные посылки в обе Кабарды, в Кумыки и Ногаи, Чечню и Дагестан. Вышеупомянутые немецкие минералоги в своих донесениях московскому правительству с похвалой отзывались о гребенских казаках как о людях, “на верность которых можно положиться”. Терские воеводы, со своей стороны, писали в Москву, что “если казаков по Тереку и Гребням не будет, то Терскому городу будет большая теснота”.

Речь здесь идет о *втором городе*, построенном русскими, на этот раз уже ближе к устью Терека. Он был основан в 1588 г., после того, как в Москве побывали послы от кахетинского князя Александра с ходатайством о принятии его со всем народом в подданство православного царя и о защите от турок и персов. Московское правительство, выведшее своих служилых людей из города “у усть-Сунчи-реки”, решилось снова создать на Тереке свой форпост и операционный базис. В новом городе был посажен особый воевода под начальством астраханского и гарнизон из детей боярских и стрельцов. К службе были привлечены и терские казаки, особенно семейные, жившие поближе к городу, в пригородных слободках. Известное число их, обыкновенно сот до пяти, находилось на постоянной службе при терском воеводе, под начальством особого головы. Они назывались зимовными (т.е. оседлыми) или жалованными, т.к. получали царское жалованье. В особых случаях, для усиления обороны или для походов, собирались иногда все казаки. В их состав кроме русских людей входили и разные инородцы, селившиеся слободами около города Терка. — черкасы, охочане, юртовские татары, мечкисы (чеченцы), новокрещены и др. Эти новокрещены и другие служилые инородцы наряжались преимущественно для сопровождения торговых караванов и на разведки в шамхальские, кабардинские и ногайские земли, на Куму, Кубань и даже в Крым. Ближайшая власть над всеми казаками-инородцами принадлежала владельцам Темена — князьям черкесским Сунчаю, затем сыну его Муцалу, внуку Каспулату. По временам, при отражении неприятельских набегов и в походах, эти князья начальствовали над всеми казаками.

Предвидя протесты против построения нового города на Тереке, московское правительство наказывало в 1593 г. астраханским воеводам князю Федору Ивановичу Хворостинину и Богдану Яковлевичу Бельскому говорить крымским и турецким властям: “Города на Тереке поставлены в государя нашего имя для Кабардинских Черкас, а Кабардинские Черкасы — искони вечные холопы Государевы, а бежали из рязанских пределов, из прародителя нашего государя вотчины, из рязанской земли, и в горы вселились и служили отцу нашего государя, царю Ивану Васильевичу всея Руси, и дочь Кабардинского князя Темрюка была за отцом государя нашего, и ныне все Кабардинские и Горские Черкасы и Теменские князья по прежнему государю нашему служат”. Так московское правительство, начав с обещания спести с Терека свой городок и свести своих людей в Астрахань, кончило определенным заявлением своих прав на бассейн Терека и всю прилегающую к нему страну. С той поры русские люди не покидали Терека, прочно стали на нем и распространились по его течению и в его бассейне.

Итак, к концу XVI — началу XVII в. русское население сосредоточилось в бассейне Терека в двух отдаленных друг от друга значительным расстоянием группах: на устье Терека и на Гребнях. На устье располагались в Терке царские служилые люди и около них, в Трехстенном городке, в слободах и юртах — терские казаки; на Гребнях — гребенские казаки. Наступившее Смутное время и последовавшее ослабление государства прекратили наступательную политику Москвы, и в этой оторванной колонии прекратились присылки новых партий служилых людей, строение новых городов и крепостей. Оставшиеся на Тереке казаки перестали задираť соседей, старались установить с ними добрые отношения, сосредоточились на мирном труде, на промыслах и торговле. В первой половине XVII в. Терский город стал пунктом оживленной торговли с Кавказом и Персией. В нем были караван-сарай, торговые ряды и базары, роскошные сады, общественные бани, таможенный и кружечный дворы, аманатный двор, деловой, соборная и приходские церкви, монастырь, где крестились инородцы; Терское казачье войско было многолюдно и жило привольно. Неплохо жилось в то время и гребенским казакам. По донесению терских воевод 1651 г., в казачьих гребенских городках было “виноградного кустья добре много” и казаки приготавливали из его плодов “виноградное питье”, которое продавали в Терке и про себя держали; кроме того, они занимались шелководством, разводили туювые деревья и шелковичных червей. По показанию астраханского посадского человека Анисима Грибова, данному в Приказе Казанского дворца, гребенские и терские казаки копали около Терека красящую траву морену и продавали ее кизильбашским купеческим людям. Экономический расцвет предкавказских русских колоний много зависел от добрых отношений, установившихся между Московским государством и Персией при Михаиле Фе-

доровиче, и примирительной политики московского правительства в отношении Турции.

Но уже в 30-х годах XVII в. для русских людей на Тереке наступили тревожные времена. Им пришлось принять участие сначала в борьбе с ногаями Малой орды, или Казыева улуса, а затем с татарами и турками, пытавшимися разорить на Дону Черкасский город. Ногаи Казыева улуса еще в XVI в. откочевали от Большой орды на правую сторону Волги и стали кочевать по Манычу в приазовских и прикаспийских степях до Кумы и до селений кабардинцев. Между прочим, они вступили в приятельские отношения с кабардинцами и склоняли их на сторону Крыма, против Москвы. Снаряженное в 1633 г. московское войско, в котором приняли участие терские служилые люди и казаки и гребенские казаки, нанесло им сильное поражение и на время сократило их дерзновения. Затем терцам в составе большого русского войска, набранного из русских людей и инородцев, пришлось в 1645 и 1646 гг. выручать Черкасский городок на Дону, осаждавшийся крымскими, азовскими и кубанскими татарами и темрюцкими черкасами (жанами). Наконец, уже в начале 50-х годов пришлось выдержать натиск шамхала Тарковского. Царской грамотой от 31 марта 1651 г. велено было поэтому астраханскому воеводе кн. Михаилу Пронскому поставить на р. Сунже “стоялый острог для береженья от приходу воинских людей, и всякими крепостями укрепить и для береженья в тот острог посылать терских служилых людей, переменяя по сколько человек пригоже, смотря по вестем”. Острог был возведен на Сунже между гребенскими городками и брагунскими “кабаками” и занят терскими стрельцами, гребенскими казаками и служилыми инородцами князя Муцала Сунчелеевича.

Возведение острога на р. Сунже возбудило вражду против русских со стороны шамхальского хана Хосрева. Дело в том, что сидевшие в остроге гребенские казаки заперли “черкасскую дорогу” для кизильбашских купцов, т.е. прекратили непосредственные торговые связи Персии с кабардинцами в обход Терского города и без сношений с терским воеводой. Эти препятствия возмутили хана, и он потребовал снести Сунжинский городок. В 1653 г., после того, как казаки побили каких-то важных купцов, хан направил на Сунжинский городок тарковского шамхала Суркая и эндерийского мурзу Казакалпа со значительным подкреплением из Дербента и двумя пушками. Острог отбил нападение, но не смог отстоять предместья, которое было выжжено дотла. После этого неприятели, отступив от острога, напали на Брагуны, на казачьи городки и на Муцаловы улусы, где захватили множество лошадей, верблюдов, крупного рогатого скота и овец. Тогда сидевшие в остроге инородцы и гребенские казаки бросились к своим жилищам, а оставшиеся стрельцы, не надеясь отстоять острог одними своими силами, сняли с валов наряд, забрали зелье, свинец и другие запасы, сожгли острог и

ушли в город Терк. Царь милостливо похвалил стрельцов и казаков за их службу, а Сунжинского острога до государева указа строить не велел, очевидно не желая раздражать персов. Так в третий раз не удалось утвердиться на Сунже.

Опасаясь в дальнейшем новых нашествий уже на Терк, московское правительство всячески старалось усилить гарнизон города. В 1653 г., вслед за оставлением Сунжинского острога, оно наспех послало с воеводами Плещеевым и Лазаревым “солдатского строя полковников и урядников и с ними русских солдат, многих людей с огненным боем”. Пять лет спустя туда же было отправлено 1400 стрельцов “на вечное житье”, с женами и детьми. Стрельцы были поселены под городом в особых слободках и составили “приказы” конных и пеших стрельцов; им были предоставлены те же права на производство торговли и промыслов, какими пользовались стрельцы в Москве. В то же время сюда начали ссылать пленных литовцев, поляков и немцев, а также опальных людей, преступников и, наконец, раскольников. Но несмотря на эти прибавления, население в Терке все более и более убывало и городок все более и более приходил в упадок. Лихорадка и другие болезни уносили в могилу больше народу, чем его прибывало. Затем последовал ряд катастроф, подорвавших благосостояние Терского города и казачества. В 1688 г. кубанский сераскир Казы-Гирей с многочисленной ордой подступал к Терку и делал отчаянные усилия, чтобы овладеть городом. Неприятель был храбро отбит от городских валов, но все, что было вне их, жестоко пострадало. Затем последовало наводнение со стороны моря, произведенное землетрясением и заставившее перенести город. Не успел он обстроиться на новом месте, как в 1707 г. должен был выдержать нападение кубанского же сераскира Эмштег-Султана. Такие бедствия привели город в крайний упадок, а ряды Терского войска так поредели, что в 1720 г. в нем насчитывалось уже не более тысячи человек с охочанами, новокрещенами и другими инородцами.

Тут приходилось в то время и гребенским казакам. Они держались на своих Гребнях благодаря поддержке нижнекабардинских князей, землю которых они прикрывали, и приятельским отношениям с маловоинственными и немусульманскими еще тогда чеченскими обществами, из которых даже брали себе жен. Но к концу XVII в. среди чеченцев распространился воинственный ислам. Долго длившаяся приязнь к гребенским казакам начала остывать и наконец перешла во вражду. Кроме того, гребенские казаки стали дружить с калмыками, появившимися в то время в Предкавказье и разорявшими чеченские аулы. Заодно с чеченцами стали выступать против казаков и эндерийские кумыки, т.к. казаки были в дружбе с их врагами — кумыками брагунскими. Между эндерийскими и чеченскими кутанами (хуторами), с одной стороны, и гребенскими городками, с другой, стали все чаще и чаще

происходить баранты, т.е. угоны рогатого скота, лошадей и захваты пастухов. Чеченцы и эндерийцы, воспользовавшись каким-то расплохом или, быть может, нарядом казаков на службу, напали на казачьи городки и сильно их разгромили и даже забрали жен и детей. Тогда гребенцы увидели, что дальше держаться им на Гребнях нельзя. В 80-х годах XVII столетия они покинули свои городки, сады и виноградники и поселились на мысу, образуемом слиянием Сунжи с Тереком. Здесь они прожили около 30 лет. В 1711 г. казанский губернатор Петр Матвеевич Апраксин, предпринимавший на Кубань военную экспедицию, в бытность свою у гребенских и терских казаков уговорил гребенцев в интересах наибольшей безопасности и защиты города Терка переселиться на левый берег Терека и образовать здесь линию укрепленных пунктов. Казаки так и сделали — выстроили свой главный город *Чераленый* несколько выше Сунжинского устья, на высоте Брагунских горячих источников, а от Червленого вниз по течению Терека и другие четыре городка — *Шадринский* (Щедринский) против устья Сунжи, *Новогладковский*; *Старогладковский* и *Кордюковский* — на протяжении всего 80 верст. Так было положено начало Терской кордонной линии, на которой развернулась потом от моря и до моря Кавказская линия. Переселившись на левый берег Терека, гребенские казаки удержали за собой и угодя, оставленные ими на правом берегу, т.к. неширокая полоса годной земли между Тереком и бесплодной степью, расстилающейся на север к Куме, была недостаточна для их существования. И на новом месте они принялись разводить виноградники, сады, тутовые плантации и стада лошадей, крупного рогатого скота и овец. На службу они ставили не менее тысячи человек, из которых половина получала от правительства хлебное и денежное жалованье и была обязана ходить в походы, а другая половина оставалась при обороне своих городков и служила “с воды да травы”, т.е. без всякого содержания от казны.

Вскоре пришлось переселиться и терским казакам. В 1722 г. во время похода на Персию прибыл на устье Терека с частью войска сам император Петр Великий. Осмотрев лично город Терк и устье реки, он приказал бросить его и передвинуться всем жителям на р. Сулак. Была заложена новая крепость в том месте, где от Сулака отделяется рукав, называемый Аграханью и впадающий в Аграханский залив. Этот залив, по-видимому, больше всего и соблазнил Петра. В память существовавшей здесь некогда греческой колонии Ставрополиса и новое сооружение было названо *крепостью Св. Креста*. С перемещением сюда гарнизона старого Терка терские казаки были также переведены на Аграхань и назвались *Аграханским войском*. Они должны были прикрывать 30-верстное пространство, отделившее новую крепость от гавани, устроенной в Аграханском заливе. Т.к. терских казаков было мало, то в 1724 г. были переведены с Дона из разных станиц 1000 семей и поселены в пяти городках по Сулаку и Аграхани. Переселенцы попали в убийст-

венные условия. Потерявши свое хозяйственное обзаведение и не находя строительного материала в безлесной местности, они вынуждены были копать землянки для жилья. Эти сырые, недоступные для солнечного света жилища, лишения всякого рода и зловредное действие лихорадочного климата сводили чуть ли не каждого третьего человека в могилу, а некоторые семейства вымирали поголовно. К этому присоединились упорные нападения чеченцев и лезгин. Трудно сказать, чем бы кончилось такое положение дел, если бы не переменялась правительственная политика. Императрица Анна Ивановна прекратила борьбу с Персией и, заключив в 1735 г. союз с шахом, возвратила ему все завоевания русских. В том числе был брошен и Сулак. Крепость Св. Креста и казачьи городки были разрушены, а гарнизон и казаки отведены на Терек, который и остался рубежом по-старому. На его притоке Кизляре, в большем отдалении от моря, чем находился Терк, была построена в 1736 г. новая крепость *Кизляр*. При ней терское казачество водворилось уже таким малолетством, что едва могло поставлять на службу 200 человек. Несмотря на это, оно продолжало существовать как самостоятельная организация, называясь *войском Терско-Кизлярским*. Донские казаки, приведенные на Аграхань в подкрепление терским (452 уцелевших семейств), также были отправлены на Терек, но поселены особо на землях выше Кизляра и ниже гребенских городков, в трех городках — *Бороздинском*, *Дубовском* и *Каргалинском*. Они образовали особое войско, называвшееся *Терско-Семейным*. Из прошения, поданного императрице Анне Ивановне, видно, что на них была возложена, так же как и на гребенских казаков, охрана линии Терека и что жилось им на новых местах довольно плохо. “Пришли мы, — писали они, — в крайнее убожество и живем с женами и детьми в землянках, с великою нуждою, и постройиться некогда и нечем, понеже расставлены мы по р. Тереку на бродах, по заставам и содержим в степях разъезды и командирujemy в партии и разные посылки непрестанно”. Как бы то ни было, это вмещавшееся в трех городках войско просуществовало в качестве самостоятельной организации до 1832 г., когда наряду с другими подобными ему единицами вошло в состав Кавказского линейного войска под именем Терско-Семейного полка. В 1836 г. этот полк был соединен с остатком стародавнего терского казачества — Терско-Кизлярским полком и они составили *Кизлярский полк*.

Итак, к половине XVIII в. на Терек осели три казачьих войска, живших особо и самостоятельно: на низовье — Терско-Кизлярское, рядом с ним выше — Терско-Семейное и еще выше — Гребенское. Городки этих войск составили сплошную укрепленную линию, охранявшую все нижнее течение Терека от впадения в него Сунжи. Для целей обороны эта линия оказалась, однако, слишком коротка, ибо оставались незащищенными среднее течение Терека и Малки, не говоря уже о верхней Куме и ее притоке Подкумке. Рус-

ское правительство начало думать о наборе для продолжения линии в казачью службу разных народов — черкес, грузин и армян, “которые в войне были бы обычны и во всем исправны”, обещая по 15 рублей и более годового жалованья на человека.

Навстречу этим стремлениям пошел малокабардинский князь Коргок Кончокин, принявший христианство и побывавший в столице. На левом берегу Терека, выше гребенских городков, в лесистом урочище Моздогу (дремучий лес) он основал поселок, названный *Моздоком*, с целью привлекать туда выходцев из Кабарды, Осетии и других горских обществ. Для прикрытия этого поселения при нем было построено в 1763 г. небольшое укрепление, куда стали присылаться команды от кизлярского гарнизона, терские и гребенские казаки. Для обращающихся в христианство там соорудили небольшую деревянную церковь, а для сбора доходов от торговли учредили таможду. Поселявшимся в Моздоке выходцам назначались пособия, но при этом требовалось, чтобы Моздокский край “сколь можно военными, а не другими людьми умножен был”, чтобы выходцы писались в казаки и из них была бы составлена Моздокская горская команда по утвержденному штату.

Кабардинские князья и уорки относились враждебно к занятию Моздокского урочища, считая это нарушением своих владческих прав, и к заманиванию горцев в казаки. В 1769 г., когда началась война с Турцией, они соединились с кубанскими татарами и двинулись большими силами против Моздокского поселения с намерением снести его с лица земли. На р. Калаусе их разгромили калмыки. Но это движение показало, что для защиты Моздокской колонии недостаточно слабого форпостного укрепления. В 1770 г. этот форпост был превращен в сильную крепость, вооруженную 40 орудиями и занятую постоянным самостоятельным гарнизоном с комендантским управлением по примеру Кизлярской крепости. Для обслуживания крепостных орудий было переселено с Дона сто семей казаков со званием канониров (в XVII в. пушкари); поселение этих казаков образовало нынешнюю *Луковскую* станицу.

К гарнизону новой крепости причислили и Моздокскую горскую команду, в которой насчитывалось, правда, всего 104 всадника. Т.к. она слабо пополнялась новыми выходцами из гор и эти выходцы нередко уходили обратно в горы, правительство обратилось к более надежной мере — занятию Моздокской линии русскими казаками. В том же 1770 г. из Волжского войска, образованного первоначально для охраны Царицынской линии, было выведено 517 казачьих семейств, которые и поселены в линию по левому берегу Терека пятью станицами (*Калиновской, Мекенской, Наурской, Ишорской и Калюгайской*) между Моздоком и Гребенским войском на протяжении 80 верст. Ввиду враждебного настроения кабардинцев станицы были снабжены каждая четырьмя пушками, а для обслуживания их переселено

еще 250 семейств канониров с Дона, по 50 на каждую станицу. Это линейное поселение образовало из себя новую самостоятельную казачью часть, выставлявшую по числу семейств, не включая канониров, 500 казаков и 17 страшин. Эта часть, получившая название Моздокского полка, сохранила здесь внутренний строй и управление Волжского войска, но во главе ее вместо атамана стоял полковой командир. Позднее состав полка увеличивался: в 1777 г. к нему было приписано 200 кибиток крещеных калмыков, в 1799 г. переведена была из Саратова Московская легионная казачья команда в составе 335 семейств. С присоединением их образовалась в полковом округе новая станица *Стодеревская*, а число строевых чинов полка вместе с пушкарями возросло до 1030 человек. В состав Кавказского линейного войска Моздокский полк вступил, имея в строю 1250 чинов при народонаселении около 11500 душ обоего пола.

Поселением Моздокского полка Терская укрепленная линия была продолжена к западу еще на двести с лишком верст. Вскоре понадобилось провести ее еще дальше. По Кучук-Кайнарджийскому трактату с Турцией (1774 г.) Россия приобрела Азов со всем низовьем Дона, Азовское море и Керченский пролив с опорными пунктами на обоих его берегах. Теперь предстояло так или иначе оградить Азов и низовье Дона от враждебных племен, живших в бассейне Кубани. Поэтому в 1777 г. был поставлен длинный ряд укреплений от впадения Малки в Терек по направлению к Азову — по рекам Куре, Цалуге или Золке, по верхней Куме и верховьям Карамыка, Домузлова, Бувалы, Калауса, потом по Егорлыкам и Маньчу до низовьев Дона. Для поселения на этой линии была взята остальная часть Волжского войска, остававшегося еще на Волге после выселения первой его части на Терек. Поселенцы сели станицами при крепости *Екатерининской*, которую назвали позже *Екатериноградской*, в устье Малки; при крепости *Павловской* на р. Золке; при крепости *Георгиевской* близ впадения Подкумка в Куму; наконец, на верховье р. Домузлова при крепости *Александровской*. Они составили особый *Волжский казачий полк*, обязанный выставлять 514 казаков, не считая начальствующих. Число жителей в сформированном войске простиралось до 4640 душ обоего пола. Севернее Волжского войска при крепостях *Северной*, *Ставропольской*, *Московской* (на р. Ташле) и *Донской* в том же году были поселены хоперские казаки из Воронежской губернии, жившие на Хопре при Новохоперской крепости. Они составили особый *Хоперский полк*.

Не успела заселиться укрепленная линия от устья Малки до Азова, как пришлось укреплять Кубань и продолжать Терскую линию в ином направлении, придерживаясь ближе к Кавказским горам. В 1783 г. признало над собою власть России Крымское ханство. Вместе с этим отходили к России и прикубанские степи, где кочевали зависимые от Крыма татары и ногаи. По Ясскому миру 1791 г. Турция признала за Россией эти ее новые при-

обретения. Но для фактического утверждения русской власти в Прикубанье надо было оградить эту область со стороны Кавказских гор от вторжений воинственных горских племен, умиротворить племена, жившие на равнинах, и так или иначе заселить область русскими людьми. Занять Кубанскую область было необходимо и для обеспечения приазовских и прикаспийских владений России от разных диверсий Турции со стороны Кавказа. Поэтому вскоре после окончания второй Турецкой войны началось укрепление и заселение русскими людьми течения Кубани и прилегающих к ней с севера и востока пространств. Оно шло одновременно по всему течению Кубани. В то время, как нижнее течение Кубани заселялось бывшими запорожцами и другими малорусскими элементами, на среднем и верхнем течении оседали донские и слободские казаки и казаки с Терской линии. Казацкие селения на верхней и средней Кубани явились продолжением укрепленных поселений по Терку и верхней Куме. Поэтому история их возникновения должна быть рассмотрена в первую очередь.

В 1794 г. были выселены на Кубань возмущившиеся донские казаки и размещены в шести станицах: две станицы появились при *Усть-Лабинской* и *Кавказской* крепостях, две при *Григориополисском* и *Прочноокопском* укреплениях, одна при *Темнолесском* ретраншементе, одна при *Воровсколесском* редуте, причем каждая станица получила имя того укрепления, при котором ее zaloжили. Т.к. промежутки между *Усть-Лабинской* и *Кавказской* станицами, между *Кавказской* и *Григориополисской* были слишком длинны, то в 1803 г. по ходатайству генерала Кнорринга в этих промежутках были основаны и населены выходцами из Слободской Украины четыре станицы — *Телишбекская*, *Казанская*, *Ладогская* и *Тифлисская*, а в следующем, 1804 г., еще одна — *Воронежская* ниже *Усть-Лабинской* станицы. Все эти станицы образовали два территориальных казачьих полка — *Кубанский* и *Кавказский* с причислением к Кавказскому полку станиц *Воронежской*, *Усть-Лабинской*, *Ладогской*, *Тифлисской* и *Казанской*, а к Кубанскому — станиц *Кавказской*, *Телишбекской*, *Григориополисской*, *Прочноокопской*, *Темнолесской*, *Воровсколесской*. Впоследствии, преимущественно в 1825 г., возникло еще восемь станиц в районе между *Баталпашинским* постом и *Прочноокопской* станицей. Наконец, для усиления линейного казачества на верхней и средней Кубани в 1833 г. были превращены в казачьи станицы 17 крестьянских селений, в 1848 г. еще четыре. Поселенные на линии казаки заводили свои хутора к северу от Кубани, так что количество поселков в Кубанской области все более и более возрастало.

Линия Волжского войска кроме большой протяженности, несообразной с силами населения, страдала еще и отсутствием географической твердости. Раскинувшиеся на разных реках казачьи станицы не имели здесь такого сплошного прикрытия, которое представляли из себя реки Терек и

Кубань. Ввиду этого начальствовавший на Кавказе в 1816—1828 гг. генерал А.П. Ермолов признал полезным занять несколько передовых пунктов ближе к Кавказскому хребту и заселить их новыми станицами. Но при недостатке годных для этого элементов пришлось переводить сполна или частями население тех же станиц Волжского войска. Так, из Александровской станицы было выведено в 1825 г. 385 семейств; 100 из них поселились на Подкумке у крепости Кисловодской, где и образовали станицу *Кисловодскую*, 50 семей положили начало станице *Бугурустанской* близ укрепления того же имени и 235 семей основали на р. Бурунте станицу *Ессентукскую*. Из Георгиевской станицы вышло 250 семей; 200 из них водворились около Горячих Вод (нынешнего Пятигорска) и образовали станицу *Горячеводскую*, а 50 семей приселились к Бабуковскому аулу на Подкумке и образовали станицу *Бабуковскую*. Станицы Мариинская и Павловская были передвинуты в 1829 г. на Малку и названы по именам бывших там постов *Беломечетской* и *Приближенной* (Новопавловской), а в 1832 г. обращены в казаки причисленные к Волжскому войску четыре гражданских селения, лежавших на Куме: *Нижнеподгорное*, *Верхнеподгорное*, *Александрийское* и *Незлюбное*, в которых насчитывалось до 4050 душ обоего пола. Одинодворцы и экономические крестьяне названных селений, испытывая частые тревоги, были уже настолько оказачены, что у них нашлось до 2400 лошадей и 850 исправных ружей. В ущельях гор, ведущих на Кабардинскую плоскость, были воздвигнуты укрепления *Баксанское*, *Мечетское*, *Чеченское*, *Нальчинское*, *Урвинское* и *Черекское*, заняты солдатскими постами и командиремыми казаками.

В стратегических же целях генерал Ермолов признал необходимым организовать в 1824 г. особую линейную часть между Моздокским полком и Волжским. Эта часть получила название *Горского полка*. В состав его вошли: горская казачья команда, образовавшаяся в Моздоке из кабардинских и других горских выходцев; *Луковская* станица, образовавшаяся там же из донских казаков для несения пушкарской службы; два селения осетинских выходцев, образовавшие *Черноярскую* и *Новоосетинскую* станицы; четыре русских гражданских селения, превратившихся в станицы *Павловскую*, *Приближенную*, *Прохладную* и *Солдатскую*; и, наконец, станица *Екатериноградская* Волжского войска. Через четыре года, в 1829 г., полк был увеличен еще станицами *Государственной* и *Курской*, обращенными из гражданских поселений тех же названий. Всего он выставлял в строй более 800 казаков.

Итак, и в Предкавказье в конце концов протянулась такая же черта, какие были на степной Украине Московского государства, в Поволжье, в Приуралье и Западной Сибири. Укрепления здесь, пожалуй, были в большинстве проще, примитивнее, чем в названных местах. Это были те же самые казацкие городки, которые строились на Дону и на Яике, т.е. большие села, окопанные рвом, обнесенные земляным валом и плетневым тыном с

терновой оторочкой. Въезды и выезды загораживались рогатками, затворялись воротами, выкрашенными по форменному военному рисунку. Над воротами стояли на четырех столбах вышки и на них часовые. У съезжей станичной избы висел колокол, который звонил сполох в случае набегов неприятелей или пожаров. Между укрепленными станицами как связующие их звенья стояли посты в недалгих один от другого расстояниях. Это были небольшие плетневые крепостцы с вышками, на которых ставились караульные, и с какой-нибудь мазанкой или шалашом для отдыха постовых казаков, которых отряжалось на пост человек пять-шесть. Караульные днем наблюдали за движением неприятелей с вышек, а ночью залегали в секретях. О приближении врага они давали знать, зажигая на местах пучки соломы или травы и другими способами.

В высшей степени тревожную жизнь приходилось вести обывателям станиц на линии, особенно по соседству с чеченцами. Несмотря на то, что Терек отделял чеченские аулы от казачьих селений, он не составлял неодолимой преграды. Уровень воды в нем иногда понижался, и реку можно было переходить вброд. Но чеченцы и переплывали ее в полном вооружении, подвязывая кожаные меха под мышки. Казаки должны были принимать крайние меры предосторожности. С заходом солнца убиралось под защиту станичной ограды все живое — и люди, и животные. И с рассветом никто не выезжал из станицы и не выгонял скота, пока не возвращались утренние разъезды и не объявляли, что опасности не предвидится. Казаки ни на какую работу, ни в какую поездку не отправлялись без оружия; когда казачки шли работать в свои сады или на виноградники, их сопровождали казаки-подростки с ружьями и охраняли, заняв сторожевые посты на высоких деревьях. Черкесы нападали в большинстве случаев открыто, но чеченцы были настоящие шакалы в деле засады и внезапных нападений. При малейшей оплошности казаков они появлялись, как из-под земли, мгновенно производили резню и хватали добычу: угоняли скот и лошадей, уводили в плен детей; чего нельзя было унести, они разрушали или сжигали. В темные ночи они подползали вдвоем, втроем под самые городки, вырезывали кинжалами проходы в плетневой ограде и похищали волов и коров из закут. На такие проделки особенно были способны и неутомимы абреки, отпетые люди, бездомовники. По тревоге снаряжалась из станицы погоня, которая неслась за Терек, обыкновенно на один перегон доброго коня. Если не всегда, то и нередко погоня отбивала полон и добычу; но случалось, что она натькалась на засаду, и тогда уже приходилось биться не на живот, а на смерть. Донимали казаков не одни только чеченцы, но и ногайцы, кочевавшие на левой стороне Терека. Ногайцы занимались извозом, служили пастухами и работниками у казаков и других поселян и потому хорошо знали тыл линии. Они

крали лошадей, якшались с чеченскими абреками и водили их шайки на русскую сторону.

В такой обстановке русским людям, поселившимся на линии, приходилось содержать себя почти исключительно трудами своих рук. На этой отдаленной окраине государство имело еще меньше возможности содержать казаков на жалованье, чем, например, на Дону, и казаки не только воевали, но и промышляли, добывали себе пропитание. Хлеба им никогда не приходилось сеять вдоволь. Вдоль левого берега Терека тянулась узкая полоса иловатой земли, шириной от 10 до 20 верст, а далее тянулись песчаные буруны, перемежавшиеся удобными для земледелия балками и низменностями, к которым стремились кочевники, вступавшие из-за них в борьбу с казаками. Раздвигавшаяся казаками земля не поднимала густых посевов и не производила ни рослого стебля, ни доброго зерна в колосе. По снятии трех хлебов с поля оно уже не давало урожая, и его приходилось забрасывать лет на 15—20. Из озимых хлебов казаки возделывали пшеницу и рожь, а из яровых ячмень, просо и кукурузу. Удачнее других возделываемых растений произрастали здесь кукуруза, подсолнух, конопля, арбузы и дыни. Для скотоводства и коневодства условия были благоприятнее, но развитию их мешало близкое соседство хищных чеченцев, кумыков и кара-ногайцев. Гребенские казаки, как уже сказано, выручались виноградарством и виноделием, шелководством и отчасти рыболовством в устье Терека и на взморье, терские — виноградарством и рыболовством. Большим подспорьем была и охота. Близ казачьих станиц водились дикие кабаны, козы и кошки, много пернатой дичи, из которой по своим достоинствам выделялись фазаны. Растянность линии и сравнительное малолюдство казаков поглощали их время и мало оставляли его для хозяйства, которое лежало преимущественно на женщинах, подростках и стариках.

Кроме службы обременяли казаков и разные натуральные повинности — крепостные, подворные и дорожные. Так, при постройке крепостей Св. Креста, Кизляра и Моздока казаки исполняли работы по доставке леса и другого строительного материала, по возведению здания и укреплений; они же возводили постовые постройки, рвы и стены у станиц, прорубали в лесах просеки и т. д. Позже они бесплатно содержали по Тереку почтовые станции, строили на свой счет паромы и каюки для переправы и т. д. С развитием военных сил в крае подводная повинность настолько увеличилась, что для отбывания ее не хватало мужчин и приходилось наряжать женщин. Одной из наиболее тяжелых натуральных повинностей было укрепление левого берега Терека на протяжении почти двухсот верст. Наводнения Терека принимали подчас катастрофические размеры. В 1767 г., например, затопило сады, виноградники, станицы, хлебные поля и сенокосы; в 1810 г. была залита даже почтовая дорога из Георгиевска в Кизляр. Для предотвращения

бедствий нужно было заготавливать зимой сотнями тысяч фашины и колья, а с весны вести самые работы по укреплению берегов. Особенно тягостны и убыточны были летние разливы Терека вследствие таяния снега на горах. В самый разгар жатвы и уборки хлебов приходилось бросать работу и спешить на борьбу с надвигающимся потопом.

В общем, можно сказать, на линии сложилась незавидная жизнь для русских людей и уже в XVIII в., а равно и в первой половине XIX в., мало находилось охотников идти на линию в казаки. Мы видели, что контингент казачества на Тереке в это время пополнялся большей частью переводом казаков с Дона и Волги. В 1829 г. для увеличения сил казачества было приказано бродяг, задерживаемых в Кавказской области, в малороссийских, новороссийских и некоторых других губерниях, отдавать в работники на три года линейным казакам, по истечении трех лет эти работники, если они оказались доброго поведения, должны были зачисляться в казачье сословие. Поселянам Кавказской и других губерний было предоставлено право поступать в казаки даже без согласия мирских обществ и без перевода на них податных платежей. Но эти постановления имели мало результатов. Крепко боялся мужик, а особливо бродяга, тогдашних тягостей военной службы и крепостной замкнутости казачьего сословия. В большинстве случаев попадали в казаки принудительно, по распоряжениям государственной власти. Выше приведены примеры обращения в казацкие станицы гражданских поселений. В 1832 г. таким же порядком были обращены в казачье сословие 26 селений Кавказской области. Власти причислили эти селения к уже существующим линейным полкам, за исключением нескольких селений, находящихся близ Ставрополя, из которых сформировали особый полк под названием *Ставропольского* с назначением в его состав двух или трех станиц полков Кубанского и Хоперского. Сверх того, к Кизлярскому казачьему войску были присоединены 5 армянских и одно татарское селение, а к Гребенскому селения *Шелкозаводское* и *Парабочевское*, возникшие еще при Петре и населенные армянами, государствен...

(Далее в рукописи отсутствует одна машинописная страница. —

Изо.)

...и наказной атаман, если войсковой отправлялся в поход, пятидесятники и десятники, сверх того для каждой сотни есаул и хорунжий. По возвращении из похода начальники и подчиненные делались по-прежнему равными. Описанная организация казачества была собственно древняя: в XVIII и XIX вв. она уже менялась и притом в том же самом направлении, как и на Дону. Права круга все более и более суживались; атаманы и другие административные и строевые лица из избираемых становились назначаемыми. Принцип назначения применялся даже при самой организации некоторых казацких общин, получавших сразу командиров полков.

Линейное казачество, как мы видим, восприняло в свою среду значительное количество туземного элемента. Казаки, особенно на первых порах, брали себе жен-туземок, главным образом кабардинского племени. Туземцы-мужчины поступали в казаки. С течением времени все эти туземцы ассимилировались с русскими, принимали христианство, усваивали русский язык. Но и русские люди в своем быту подвергались известному воздействию туземцев и их культуры, преимущественно кабардинской. Казак заимствовал у кабардинца его легкую и удобную одежду, легкое и удобное воинское снаряжение, военную выучку, джигитовку и т.д. Казачка переняла костюм и украшение от кабардинской и чеченской женщины. Вместо русской избы явилась кабардинская уна (хата) с открытой галерейкой и внутренним кабардинским устройством и убранством; уцелела только русская печь. Русская телега, рабочая лошадь и упряжь тоже были брошены: взамен их появилась двухколесная арба, быки и ярмо и т.д. Но при всем том русская стихия в природе казака и в укладе его жизни осталась преобладающей, и терские казаки, оторванные от Руси, на далекой окраине остались русскими людьми, которые сберегли свой язык, свои национальные традиции, свою веру, и даже по старому, дониконовскому образцу.

В 1832 г., по представлению графа Паскевича, все казацкие общины, жившие по Тереку, на верхних течениях Кумы и ее притоков и в Верхнекубанском бассейне, были объединены в одно *Кавказское линейное войско* с территориальным протяжением в 700 верст, от Изрядного источника на Кубани (пограничного поста с Черноморским войском) до впадения Терека в Каспийское море. Те из общин, которые именовались войсками, получили название полков, а их начальники — полковников; во главе всего войска был поставлен наказной атаман. Сформирование единого Кавказского линейного войска не приостановило дальнейшего развития казацкой колонизации в Предкавказье и скоро к сформированному войску приросли новые территориальные полки.

Еще в 1784 г., при перевале через Кавказский хребет, в начале проложенной тогда дороги в Грузию основан был редут *Владикавказ*, позднее, в 1800 г., названный крепостью. Но эта крепость была слишком отдалена от линии, и дорога от Екатеринодара до Владикавказа постоянно подвергалась нападениям горцев. Для охраны ее заведены были военные поселения женатых солдат — *Александровское*, *Котлярское* и *Николаевское*. Этой охраны оказалось недостаточно, поэтому в 1837 г. были поселены на кабардинском берегу Терека, вдоль дороги, на протяжении 100 с лишком верст семьи двух малороссийских казачьих полков, сформированных в 1831 г. малороссийским дворянством для действий против польских повстанцев. К ним были присоединены несколько десятков семейств из старых линейных станиц и переселенцев Черниговской, Харьковской и Воронежской губерний, а также

солдатских семей из упраздненных в то же время отдельных военных поселений. Так появился *Владикавказский полк*, расселившийся восемью станицами и выставлявший на службу шесть сотен. Он прикрывал дорогу к Владикавказу с запада. Но она оставалась не обеспеченной с востока, со стороны Сунжи, от нападений ингушей и чеченцев. Еще в 1820 г. генерал Ермолов осматривал Сунжу и по его распоряжению была воздвигнута на ее нижнем течении *крепость Грозная*. Необходимо было связать ее с Владикавказом рядом станиц. Постройка их началась в 1845 году и продолжалась 15 лет. Линейные казаки по жребию, по общественным приговорам и по охоте покидали Терскую линию и шли строиться на Сунже. Здесь таким путем сформировалось три территориальных полка. Один занял верховья Камбилоя, Сунжи и длиннейшего из ее притоков Ассы семью станицами (*Назрановская, Сераль-Юртовская, Казак-Кичинская* и др.) и получил наименование Второго Владикавказского полка. Другой заселил среднее течение Сунжи и прикрыл сообщение от нее к Моздоку также семью станицами; третий — нижнее течение Сунжи до Брагун (чеченского поселения) и Горячих Вод восемью станицами. Эти полки получили названия Первый Сунжинский и Второй Сунжинский. В состав Сунжинской линии кроме крепости Грозной вошли *Закан-Юртовское, Горячеводское, Умахан-Юртовское, Таш-Кичинское*, крепость Внезапная и укрепление при Ойсун.

С начала 40-х годов велась постройка третьего ответвления от главной линии по направлению к Кавказскому хребту — так называемой *Новой линии*. В первую очередь было обеспечено течение реки Лабы устройством на правом берегу ее форпостов *Зассовского, Махошевского и Темиргоевского* (впоследствии здесь возникли станицы Зассовская и Темиргоевская). Затем, в 1841 г., стали воздвигаться казачьи станицы позади передовых пунктов: *Лабинская* на р. Лабе, *Чамлыкская* и *Вознесенская* на правом притоке Лабы Чамлыкке и *Урупская* на левом притоке Кубани Урупе. Эти станицы послужили как бы отправными точками, от которых пошло заселение края между верхней Кубанью и Лабой. В течение следующих восьми лет, с 1841 по 1849 г., было основано еще 7 станиц, с 1852 по 1860 г. — 15; всего в крае появилось 32 станицы.

Край между верхней Кубанью и Лабой заселился почти исключительно казаками со старой линии. Только в 1849 г. здесь было поселено 250 семей малороссийских переселенцев, да в разное время потом несколько десятков семей с Дона и из внутренних губерний; сюда же надо отнести некоторое количество беглых и беспаспортных, которыми был тогда богат весь Северный Кавказ. Т.к. охотников переселяться сюда среди казаков находилось мало, правительство принудило их высылать переселенцев по жребию. Тогда станичные общества стали нанимать охотников, и из них-то главным образом и составилось русское население беспокойного Лабинского края.

Казацкие станицы были выдвинуты здесь в самую территорию горских племен и поэтому должны были быть особо на военном положении. Начальство тут не только назначало места для поселений, но и до мельчайших подробностей регламентировало жизнь казачества. Оно издавало распоряжения, как ставить плетни и приспособливать терновник, “чтобы неприятель не мог повалить плетня или перелезть через верх”, как косить сено и складывать его в стога, “чтобы оградить от нападения хищников”, “от зажигательства” и т.д. При таких условиях поселенцы сосредоточивались здесь исключительно в укрепленных станицах и почти не разбрасывались хуторами до самого замирения Кавказа.

Устройством “новой линии” закончилась военная колонизация восточной и средней части Предкавказья. К концу 60-х годов XIX в. Кавказ был замирен и не было больше надобности в устройстве новых военных поселений. Возобладавшая мирная гражданская колонизация края русскими людьми была тесно связана с переменами в положении и быте казачества. Но эту колонизацию удобнее рассмотреть после анализа военной колонизации Западного Предкавказья.

В военной колонизации Западного Предкавказья главная роль принадлежала не великорусскому, а украинскому населению, и прежде всего бывшему запорожскому казачеству.

В 1775 г. Екатерина II повелела генерал-поручику Текелли занять Запорожскую Сечь регулярными войсками и Манифестом 3 августа совершенно уничтожила ее. Казаки частью были распределены в регулярные полки, частью обращены в подушный оклад и наименованы казацкими поселянами; те запорожцы, которые не желали подчиняться распоряжениям русского правительства, в количестве 5000 человек ушли на низовья Дуная, получили от турецкого султана землю для поселения и основали в урочище *Сейменах* на Дунае, выше крепости Гирсова, так называемую *Задунайскую Сечь*. Но и оставшиеся в России запорожцы не мирились с утратой своих вольностей и мечтали о восстановлении своего войска. Обстоятельства им благоприятствовали. В 1787 г., когда началась война с Турцией, императрица Екатерина совершила путешествие по Днепру. В бытность ее в Кременчуге к ней обратились с прошением о восстановлении Запорожского войска бывшие запорожские старшины Сидор Белый, Захарий Чепега и Антон Головатый. Потемкин, бывший в то время всемогущим человеком, не только не мешал старшинам возбуждать это ходатайство, но, напротив, содействовал им советами и предстательством у императрицы, надеясь на большую помощь запорожцев в войне с Турцией. Екатерина разрешила восстановить войско Запорожское под именем “коша верных казаков”. Главное начальствование над казаками, согласно их желанию, было поручено Сидору Белому, который принял титул кошевого атамана, войсковым судьей был назна-

чен Головатый, писарем — старшина Подлисецкий; войску были возвращены знамена, булава кошевого и перначи и дана собственная печать; в войско имели право зачислиться все бывшие запорожские казаки.

Реставрация Запорожского войска вышла, однако, неполной. Сечь была только временным станом, частью действующей русской армии, всецело находившейся в распоряжении русских генералов. У войска не было надлежащей опоры для самостоятельного существования — собственной земли. Правда, императрица обещала пожаловать запорожцам землю в Керченском Куте или на Тамани, но в самый разгар военных действий против турок медлила с выполнением этого обещания. Наконец ордером от 19 апреля 1790 г. Потемкин уведомил кошевого атамана о последовавшей высочайшей милости войску: ему жаловались для поселения земли на Кинбурнской стороне, не принадлежавшие помещикам, прибрежная полоса от Буга и до Днестра, ограниченная линией, обозначенной на карте, и, сверх того, “округ Еникольский с Таманом”. В войне с турками запорожцы оказали большую услугу русской армии как гребная флотилия (при ее содействии были взяты Очаков, Измаил и остров Березань). Поэтому правительство решило устроить запорожцев вблизи морского берега, чтобы и впредь пользоваться их услугами на море. От себя Потемкин дарил войску принадлежавшие ему на Тамани “места с рыбными ловлями самыми изобильными”. Войско получило название “*верного Черноморского войска*”.

Казаки поспешили воспользоваться оказанной милостью и стали селиться на отведенных им землях по берегу Черного моря. В короткое время они основали здесь 25 крупных селений — куреней и немало хуторов. Селение *Слободзея* стало местом пребывания коша и войскового правительства — атамана, судьи и писаря. Были учреждены даже три полковые паланки — Поднестрианская, Березаньская и Кинбурнская.

Но не долго пришлось жить здесь запорожцам. Окончание войны с Турцией ставило перед русским правительством более важную и настоятельную задачу, чем содержание гребной флотилии на Черном море. Надо было позаботиться об обеспечении новоприобретенных Тамани и кубанских земель от набегов враждебных народов, населявших Предкавказье и тяготивших к Турции, и самих турок. И вот в 1791 г. черноморцы получили повеление стянуться из-за Буга на Таманский, или Фанагорийский остров (точнее, полуостров, отделяемый от суши рукавами и протоками Кубани). Черноморцам, таким образом, предстояло бросить несколько насиженных уже мест в Забужье и получить нечто худшее: Таманский остров представлял из себя такой клочок земли, на котором было бы тесно войску даже в его тогдашнем составе. Но запорожцы блестяще вышли из затруднительного положения. Прежде всего, они отправили опытных людей, войскового есаула Мокия Гулика с командой, для осмотра Тамани и прилегающих к ней

земель, а затем отправили к императрице депутацию — войскового судью Головатого с товарищами — для исходатайствования прав “на вечно спокойное потомственное владение” той землей, которую наметило себе казачество. Войско скромно просило об отдаче ему в это владение земель на Тамани с окрестностями, а окрестности эти раз в тридцать превышали самый полуостров. Депутация блестяще выполнила данную ей инструкцию. В особенности постарался глава ее Антон Головатый. Пустив в ход и свое знакомство с сильными людьми, и малорусскую песню, и бандуру, и чудачество казака-малоросса, этот замечательно умный и ловкий человек настолько успешно довел до конца возложенное на него дело, что главнейшие желания войска были занесены в жалованную грамоту в подлинных почти казачьих выражениях.

На основании этой грамоты, выданной 30 июня 1792 г. Черноморскому войску, на которое возлагались “бдение и стража пограничная от народов закубанских”, жаловался в вечное владение *остров Фанагория* со всей землей, лежащей на правой стороне реки Кубани, от устья его и до устья р. Лабы и редута. Границы этого владения определялись рекой Кубанью и Азовским морем до *Ейского городка*, а с другой стороны рубежи должны были быть установлены землемерами, высланными генерал-губернатором кавказским, губернаторами екатеринославским и таврическим при депутатах от войск Донского и Черноморского.

Войску отпускалось ежегодно из казны 20 тыс. рублей на жалованье кошевому атаману с прочими старшинами, на отряды, посылаемые для стражи и на прочие расходы по войску, была дарована свободная внутренняя торговля и вольная продажа вина на войсковых землях; было пожаловано войсковое знамя и литавры, а также подтверждено употребление других регалий — знамен, булав и перначей бывшей Запорожской Сечи. Войско было подчинено таврическому губернатору. Он сообщал ему правительственные узаконения и распоряжения и предложения о нарядах на службу по назначению военного начальства. А войско, в свою очередь, обо всем сносило с губернатором и через каждые две недели присылало ему донесения о благосостоянии и о всех происшествиях.

Внутреннее управление его вверялось “войсковому правительству” из войскового атамана, судьи и писаря. Этому органу власти предоставлялись “расправа и наказание впадающих в погрешности в войске”, и только “важных преступников” повелевалось отсылать к таврическому губернатору “для осуждения по законам”. Земское управление Черноморского войска “для улучшения порядка и благоустройства” должно было вестись в духе изданных предписаний об управлении губерниями. Т.к. жалованная грамота начертала только общие контуры, рамки войскового управления, войско воспользовалось этим и уложило в эти рамки свои старые запорожские поряд-

ки. В 1794 г. войсковое правительство издало “Порядок общественной пользы”, в котором, “вспоминая первобытное войска под названием запорожцев состояние”, постановило: “Быть в сем войске войсковому правительству из кошевого атамана, войскового судьи и войскового писаря для управления на точном и непоколебимом основании всероссийских законов; ради войско- вой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению состоя- щих на пограничной страже кордонов при реке Кубани и Карагунском Куте воздвигнуть град, наименовав его в честь всемилостивейшей государыни *Екатеринодар*”; “ради собрания войска, устроения довлеемого порядка и прибежища бездомных казаков” выстроить в городе Екатеринодаре сорок куреней, причем 38 дать те же названия, что были и в Сечи, а двум названия — Березанского по имени крепости, взятой черноморцами у турок, и Екатери- новского в честь государыни; все войско расселить куренными селениями, “где какому куреню по жребию принадлежать будет”; в каждом курене еже- годно 29 июня избирать куренного атамана; куренные атаманы обязаны без- отлучно находиться при куренях, делать наряды по службе, примирять тя- жущихся и разбирать устно маловажные ссоры и драки, “а за важное пре- ступление представлять под законное осуждение войсковому правитель- ству”; “для заведения и утверждения во всей войсковой земле благоустроен- ного порядка” разделить ее на пять округов и завести окружные начальства под названием Екатеринодарское, Фанагорийское, Бейсугское, Ейское и Гри- горьевское, причем в четырех последних выстроить города — Фанагорию, Бейсуг, Ейск и Григорьевск; окружное правление должно состоять из пол- ковника, писаря, есаула и хорунжия, которых назначает войсковое прави- тельство ежегодно 29 июня; обязанности окружного правления: “чинить не- прерывное и немедленное исполнение” письменных распоряжений войско- вого правительства, иметь попечение об экономических нуждах населения, разбирать устно ссоры и драки, заботиться об исправном и своевременном вооружении казаков, о дорогах и местах, о благоустройстве и чистоте в ку- ренных селениях, о пожарной части, о преследовании воров и разбойников, о мерах против эпидемий и эпизоотий; всем старшинам и казакам, служив- шим в последнюю войну с Оттоманской Портой, разрешить в городах и се- лениях, по их желанию, иметь собственные дворы, а в степи хутора и мель- ницы, заводить леса, сады, винограды, хлебопашество и скотоводство, а на приморских юсах и других удобных местах рыболовные заводы; “выше- описанным старшинам и казакам на вечно спокойное показанными двора- ми, хуторами, мельницами, лесами, виноградными и рыболовными заводами владение выдать открытые листы с тем, чтобы до оногo, кроме хозяина и законного их наследия ю владению никто права не имел, да и землей не утеснял; старшинам, яко вождям, наставникам и попечителям об общих сего войска благах, в отменное воздание их заслуг позволить селить при своих

хуторах родственников и вольно-желающих людей и определить под оные земли, при прилагаемой у сего штатной росписи”, но с тем, чтобы старшины не считали поселенных в их хуторах людей своими подданными и чтобы этим людям вольно было уходить со старшинских хуторов на войсковые земли, куда пожелают, “кроме долгов, коими ежели кто будет обязан, не имеет воли выйтить, дондеже долг хозяину не возвратит”.

Так воскресла на новом месте упраздненная Запорожская Сечь. Конечно, сообразно с изменившимися обстоятельствами, нельзя было восстановить полностью все старое, надо было считаться с интересами, притязаниями и требованиями государства. Поэтому казакам не удалось установить у себя выбранное и вполне независимое войсковое правительство; пришлось поставить его в подчиненное положение не только к центральной, но и к местной русской власти (таврическому губернатору); пришлось подчиниться в управлении действию общих русских законов, сообразоваться с учреждением о губерниях. Но зато удалось удержать другие права и вольности, которыми пользовались в Запорожье, и внешние черты запорожского устройства — войсковые регалии и куренные поселки с их самоуправлением, паланки и выбираемую ежегодно, если не казаками, то их войсковым правительством, администрацию паланок.

Центральное правительство ласкало и всячески улаживало запорожцев, как бы стараясь загладить свою вину за уничтожение днепровской Запорожской Сечи. Поэтому черноморское казачество с самого начала устраивалось лучше и привольнее, чем линейное. И самая земля, отведенная ему на жительство, была гораздо богаче, гораздо обильнее дарами природы, чем земля по Тереку, Куме и верхней Кубани. По своим природным условиям Кубанская область сильно напоминала казакам их прежнюю Сечь. Место Днепра занимала здесь большая горная река Кубань, вздувавшаяся постоянно от дождей и таяния снегов в горах, заливавшая широко свои берега и разветвлявшаяся на множество рукавов, между которыми лежали многочисленные острова. Так же, как и на Днепре, по берегам Кубани тянулись бесконечные плавни, поросшие камышом, ветлами и ольхой. У берегов Черного моря лежали многочисленные лиманы, частью с пресной водой, пополняемые степными реками и речками, частью с морской водой и большими осадками соли. Кубань и приморские лиманы изобиловали рыбой. Тут ловились осетр, севрюга, белуга, судак, лещ, тарань, сазан, сельдь, шамая, рыбец, кефаль, камбала и др. В камышах и прибрежных лесных зарослях водились кабаны, олени, дикие козы, волки, лисицы, фазаны, лебеди, тетерева и другая дичь. Подальше от берегов расстилались необозримые степи, покрытые тучным черноземом и поросшие дикими травами. Здесь бывший запорожец находил такое же приволье и для скотоводства, которым он занимался в Приднепровье, и для земледелия, которым стал заниматься в по-

следнее время перед уничтожением Сечи. Кубанская область повторяла все природные условия днепровского низа с тем, пожалуй, различием, что была в общем богаче, обильнее дарами природы, имела более теплый и мягкий климат. Но зато и некоторые неблагоприятные условия здесь были более губительными: обилие комаров, мошек и других жалящих насекомых, знойная лихорадка, от которой чуть не повально страдало население, чумные эпидемии и эпизоотии, а главное — соседство с хищными, коварными, до безумия отважными горскими племенами, с которыми казакам пришлось вести борьбу на жизнь и на смерть, которые ни минуты не давали им покоя, постоянно тревожили их своими нападениями, отрывали от мирных занятий.

Несмотря на то, что целью поселения казаков в Кубанской области была охрана границы, каковой являлось течение Кубани, черноморское казачество не сбилось исключительно к этой реке, а расселилось по всей пожалованной ему территории от Кубани до Еи. Здесь было воспроизведено то, что имело место в Запорожье, где казацкие села, хутора и зимовники размещались не только по Днепру и его островам, но и по степным речкам, оврагам и балкам. В первую очередь, конечно, и здесь было заселено пограничье — земли по течением Кубани и Еи. Весной 1793 г. кошевой атаман Захарий Чепега с войсковым правительством и конницей прибыл на р. Кубань и расставил кордоны по ее течению от Изрядного источника до устья: *Воронежский* и *Константиновский* против темиргойцев; *Александрин*, *Павловский* и *Велико-Марьянский* против чеченцев; *Екатеринодарский* и *Александровский* против бжедухов; *Елинский*, *Марьяновский*, *Ново-Екатериновский*, *Ольгинский*, *Славянский* и *Протоцкий*, *Копыльский*, *Петровский*, *Андреевский*, *Григорьевский*, *Фанагорийский* и *Платаногорский* против натухайцев.

Кордонные посты и батареи были расставлены большей частью на расстоянии 7—8—9 верст, некоторые — на расстоянии 19—20 верст. Это были четырехугольные редуты с земляным бруствером и небольшим рвом. Бруствер обсаживался терновником и колючим боярышником. Посты и батареи были вооружены старой разнокалиберной артиллерией. Над каждым укреплением была возведена на четырех высоких подпорках “наблюдательная вышка”, покрытая камышом, с высоким шпилем, на который насаживали поперечную перекладину. К концам этой перекладины на бечевке прилаживались огромные шары, сплетенные из ивовых прутьев. Эти шары в случае угрозы нападения подтягивались вверх и маячили тревогу. На некотором расстоянии от укрепления врывалась в землю высокая жердь, обмотанная пенькой и сеном или соломой, иногда со смольной кадкой наверху. В темные ночи, когда неприятель прорывал кордонную линию, эти фигуры или вежи зажигались и таким путем давали знать об опасности по линии. В каж-

дом посту должны были стоять на страже от 50 до 200 казаков, в батарее — от 8 до 25. В промежутках между постами и впереди их устроены были “бикеты” (т.е. пикеты) — укрепления того же типа, что и посты. В них должны были сторожить по 3—10 казаков. На вышках казаки сторожили днем; по ночам же одни из них залегали на берегу человека по два-три, а другие разъезжали на конях по стежкам в камышовой чаще. В камышах же залегали бездомовные казаки-пластуны, промышлявшие охотой на кабанов и дичь и оказывавшие большую помощь кордонной страже.

Вслед за устройством кордонной линии были основаны две паланки — одна на месте Тамани, а другая на р. Ее; последней был поручен надзор за рыболовными промыслами на косах Ейской, Долгой и Камышеватой. Спустя некоторое время в том же году кошевой атаман с войсковым правительством, войсковые старшины и атаманы на общем совете постановили построить войсковой город *Екатеринодар*, а по границе “для скорейшего снискания с закубанскими народами соседственной дружбы и для прекращения им свободной переправы через Кубань” устроить при кордонах военные селения и дать им “звание куреней” “по примеру бывших некогда в Сечи Запорожской”. Действительно, курени были основаны при всех вышеперечисленных кордонах, а также при р. Ее у Сладкого лимана, при Горьком Бурлацком броде, у колодцев выше устья Сасык-Еи; в куренях поставлено 2727 дворов и поселено 7308 человек мужского пола и 5975 женского. Кроме того, был основан город Тамань. В нем поселились 516 человек мужского пола и 480 женского, выстроено 129 дворов.

Так были расселены казаки, пришедшие на Кубань первыми. Приходившие впоследствии расселялись или по этим куреням, согласно желанию каждого, или по новым, учреждавшимся смотря по надобности. Войсковое правительство, приводя в исполнение изданный им в 1794 г. “Порядок общественной пользы”, наметило устройство следующих куренных селений: на левом берегу р. Еи, снизу вверх: *Щербиновское*, *Конеловское*, *Шкуруинское*, *Кушовское* (при впадении в Ею Кугу-Еи), *Кисляковское*, *Екатериновское*, *Незамаевское*, *Калниболотское*; на левом берегу Сасыка, левого притока Еи: *Минское* (*Переяславское*) и *Уманьское*; на р. Большом Чалбасе с левой стороны: *Деревянковское*, *Крыловское* и *Леушковское*; на берегу р. Бейсужка: *Ирклиевское*, *Батуриновское*; на левом берегу Большого Бейсуга *Берзаньское*; на левом берегу Малого Бейсуга: *Брюховецкое*, *Дадыковское* и *Кореновское*; по р. Кирпилах: *Сергиевское* и *Платнеровское*; на левых притоках Кирпилай: на правом берегу Кубани: *Васюринское*, *Корсунское*, *Пластуновское* и *Динское* (в 1808 году переселены к северу на р. Кочати), *Пашковское*, *Величковское* (переселены на р. Конуру), *Тимошевское*, *Роговское* (переселены на р. Кирпилай), *Поповичское* (переселено на р. Конуру), *Мышастовское* (переселено на р. Кочати); на Сухом Ерике *Полтавское*;

Ивановское и Нижнестеблиевское по направлению к Сухому лиману; в Курнах: Джерилиевское, Каневское и Ведмедовское; на Таманском полуострове: Татаровское и Вышестеблиевское. В том же 1794 г. для приюта престарелым, раненым и увечным казакам была основана на р. Бейсужке Екатерино-Лебяжья пустынь.

По этим селениям было размещено 25 тыс. казаков, уцелевших от запорожского войска, с женами и детьми. Казачья колонизация в Прикубанье, таким образом, не теснилась у р. Кубани, но с самого начала широко разбросалась по всей пожалованной войску территории. В 1808 г. войсковой атаман Бурсак к перечисленным выше куренным селениям присоединил *Новотатаровское* на р. Конуре, которое он составил из жителей Татаровского селения и Екатеринодара и разных хуторов, *Новокорсунское* на р. Бейсужке из жителей Корсунского куреня; *Новонижнестеблиевский* курень, составленный из жителей Джерилиевского куреня, он перенес на правый берег реки Кирпили и назвал *Новоджерелиевским*. Всего, таким образом, на территории войска Черноморского наметилось 63 куренных селения.

Но одними куренными селениями количество возникавших в крае русских поселков не ограничивалось. Одновременно появлялись более мелкие поселки — хутора, зимовки, коши. Хуторские обзаведения были занесены сюда поселенцами вместе с хозяйством. Главную статью переселенческого хозяйства составлял в то время скот, а скотоводческое хозяйство тогда было неразрывно связано с хутором и его первообразом — зимовником или кошом. И русское население Кубанской области с самого начала не исчерпывалось одним только запорожским казачеством. С первых же шагов заселения края начался постоянный приток сюда беглых, долго не прекращавшийся и в последующее время. И это вполне понятно. Черноморья оказалась наследницей Запорожья, которое само составилось из таких же элементов и охотно принимало их в свою среду; беглые, стало быть, потянули в Черноморию в силу обычая, установившихся прецедентов. И они не обманывались в своих надеждах найти там приют. Хотя грамота Екатерины от 1 июля 1792 г. категорически воспрещала черноморским казакам принимать беглых российских подданных и Александр I в грамоте от 31 мая 1803 г. выражал надежду, что войско “не позволит себе принимать изнутри России никаких людей, под каким бы то ни было предлогом, ибо подобные переходы противны общему порядку и благоустройству государства”, казаки охотно принимали к себе “российских подданных”, да и не могли не принимать. Им нужны были рабочие руки вследствие постоянного отвлечения мужчин войной и пограничной службой; дома у них жили почти исключительно старики, больные и увечные, женщины и малые дети. Кроме того, из-за постоянной убыли мужского населения в губительной войне с черкесами надо было пополнять и ряды самого казачества. Поэтому казаки не только не от-

казывали беглым в приеме, но даже всячески привлекали их в область. Министр внутренних дел докладывал в 1808 г. императору Александру, что Черноморское войско вынуждено “посредством своих поверенных” тайно склонять из разных мест полуденного края Малороссии людей всякого звания к побегу в их сословие. Беглые, если они были семейные, приставали к какому-нибудь казаку-хуторянину, наживали некоторое имущество (худобу) и сами становились хуторянами, а иногда и богачами казаками.

Надо сказать, что вначале не было правильного распределения войсковой земли. Каждый казак занимал ее где хотел и сколько хотел, сколько в состоянии был обработать. Наиболее сильные семьи, особенно казацкая старшина, захватывали лучшие и большие участки, устранивали на них хутора и, чтобы не выпустить их из рук, старались обеспечивать себя работниками, принимая в свои хутора всякий пришлый люд. С изданием положения 1842 г., отводившего рядовым казакам в пожизненное пользование 30 десятин, обер-офицерам 200, штаб-офицерам 400, генералам 1500 десятин, казацкое землепользование было урегулировано, но потребность в сторонних рабочих руках не исчезла. Беглые одиночки шли “в заброд”, т.е. на рыболовные промыслы, где ютились самые отчаянные головы, воры и разбойники.

Но и беглые не могли восполнять ту убыль людей, которую порождала ожесточенная борьба с горцами и губительные лихорадки в Прикубанском крае. Поэтому по ходатайству войскового атамана Бурсака и по представлению генерал-губернатора дюка де Ришелье в 1809—1811 гг. в Черноморию было переселено из Полтавской и Черниговской губерний 22206 душ мужского пола и 19328 женского, в 1820—1825 гг. по ходатайству министра внутренних дел графа Кочубея — соответственно 25627 и 22755 душ, в 1845—1850 гг. из тех же губерний, а также из других мест Малороссии и Харьковской губернии — 8500 и около 7000. Кроме того, в 1808 г. правительство разрешило переселиться в Черноморию 500 запорожцам, вышедшим из Турции, из Задунайской Сечи (буджакским казакам). Таким образом, в течение 50 лет первоначальное население Черномории, состоявшее из 25 тыс. душ обоего пола, одними правительственными мероприятиями было увеличено в пять раз, независимо от тех увеличений, которые давали естественный прирост и не прекращавшийся приток беглых. Вместе с возрастанием числа жителей увеличивалось и количество селений в Черномории. К концу 50-х годов здесь было уже три города (Екатеринодар, Ейск, Тамань), 63 куренных поселка или станицы (в том числе две при городах Екатеринодаре и Тамани), 5 поселков и до 3000 хуторов. Всего же населения было до 185 тыс. душ обоего пола.

В 30-х годах к курдонной Черноморской линии приросла с юга Береговая Черноморская линия, проведенная по берегу Черного моря к югу от Таманского полуострова. По Адрианопольскому миру 1829 г. Россия полу-

чила от Турции восточное побережье Черного моря с г. Анапой. На этом побережье было, однако, много пунктов, где горцы сообщались с турками и продавали пленных и откуда иностранные агенты доставляли им оружие, военные припасы и воззвания. Начальствовавший на Кавказе барон Розен летом 1834 г. отрядил генерала Вельяминова с войском для устройства кордонной линии от Анапы до Геленджика. Эта линия завершилась возведением укрепления *Николаевского*. В 1837 г. отряд генерала Вельяминова проник южнее, к устьям Пшады, и заложил там укрепления *Ново-Троицкое* и *Михайловское*. В 1838 г. на Черноморском побережье были построены укрепления *Навагинское*, *Вельяминовское* и *Тенгинское* и начата постройкой крепость *Новороссийская* (где был турецкий Суджук-Кала) с военной гаванью. В следующем, 1839 г., отряд генерала Раевского возвел на Черноморском побережье новые укрепления — форты *Головинский*, *Лазарев* и *Раевский*. К этим укрепленным пунктам вскоре стало приливать русское население — беглые крепостные, бродяги и беспаспортные. Местные военные власти, нуждаясь в людях, прописывали их в качестве местных жителей и выдавали им паспорта. С этими паспортами они ходили в Россию в помещичьи имения и подговаривали других к побегу. Само центральное правительство вынуждено было примириться с этим явлением. По докладу министра внутренних дел графа Блудова, было разрешено принимать беглых в Анапе и других закубанских владениях; не велено было только сообщать об этом в печати во избежание соблазна и смуты среди помещичьих крестьян. В начале 60-х годов, в эпоху военной колонизации Закубанья, сюда прибыли азовские казаки в количестве 200 семей. Их расселили по частям в станицах *Константиновской* (названной потом Новороссийской), *Анапской*, *Благовещенской* и Анапском поселке. Вокруг вышеперечисленных укреплений возникли также новые станицы. Так было положено основание особому Черноморскому округу Кубанской области, преобразованному впоследствии в Черноморскую губернию.

Последним моментом военной колонизации Предкавказья и расширения здесь русской территории является заселение Закубанских земель в 60-х годах XIX века.

К этому моменту произошли некоторые видные изменения в административном устройстве Предкавказья. В 1860 г. казачье селения Черноморского войска, Береговой Черноморской линии, Лабинской, или Новой, и Старой линий по верхней Кубани и ее притокам были объединены в одно целое и составили одно *Кубанское войско* с единой территорией — Кубанской областью; из остальных частей Старой линии было образовано *Терское войско*. Бассейн Кубани был занят русскими селениями по обеим сторонам ее только в верхнем течении до Лабы, а ниже — только по правой стороне. Область левых притоков Кубани, бегущих с Кавказского хребта, ниже Лабы

оставалась еще не заселенной русскими людьми. Правда, жившие за Кубанью татары в три приема, в 1800, 1806 и 1810 гг., вышли оттуда и были поселены частью в Крыму, а частью на Тамани и северо-восточной косе Азовского моря; выселилась из-за Кубани в 1806 и 1810 гг. и часть черкесов, которая была размещена в Екатеринодарском округе и Кавказской области и с течением времени вошла в состав местного казачества. Но большинство черкесов продолжали держаться в ущельях Западного Кавказа и, спускаясь оттуда на склоны и равнины до самой Кубани, делали Закубанье необитаемым для русских. После замирения Восточного Кавказа к началу 60-х годов правительство решило во что бы то ни стало замирить и Западный Кавказ и занять с этой целью все закубанские земли.

Это дело было поручено усмирителю Чечни генералу Евдокимову. Летом 1861 г. он вступил с двумя отрядами в закубанские земли. Один был направлен с запада к р. Адагуму для действий против шапсугов, другой с востока, от Лабы, для действий против бжедухов и абадзехов. Осенью и зимой 1861 г. под прикрытием Адагумского отряда были устроены казачьи станицы в Натухайском округе; войска же, действовавшие со стороны Лабы, закончили устройство станиц между Лабой и Белой (11 станиц, в которых было поселено 1736 семейств), прорезали просеками все лесистое предгорное пространство между этими реками. Это понудило тамошние горские общества частью переселиться с гор на плоскость, частью уйти за главный хребет. В конце февраля 1862 г. отряд Евдокимова перешел за Белую и двинулся к р. Пшехе (левый приток Белой), к которой, несмотря на упорное сопротивление абадзехов, была прорублена просека и проложена удобная дорога. Горцам, жившим между реками Лабой и Ходзью, было велено немедленно переселиться на Кубань или Лабу. В течение марта переселилось 90 аулов. В апреле Евдокимов, перейдя Черные горы, спустился в Даховскую долину по дороге, которую горцы считали недоступной, и устроил там новую казачью станицу (*Даховскую*), замкнув ею Белореченскую линию. Результатом было установление русского владычества на пространстве, ограниченном с запада реками Пшишем, Пшехой и Курджипе (левые притоки Белой). В этом году в разных местах Закубанского края было основано уже 28 станиц и помещено в них 4387 семей переселенцев.

В 1863 г. русские войска распространяли русскую колонизацию в Закубанье одновременно с двух сторон, опираясь на Белореченскую и Адагумскую линии; было основано 200 станиц с населением в 3541 семейство. Между прочим, прибыло 509 семейств азовских казаков числом 2530 душ обоего пола. Их поселили в станицах *Абинской*, *Хобльской* и *Грузинской*. Горцы увидели себя в безвыходном положении. Уже с половины лета 1863 г. многие из них стали выселяться в Турцию или на южный склон хребта; большая часть их покорилась и к концу лета переселилась на плоскости по Куба-

ни и Лабе (до 30 тыс. человек). В начале октября абадзехские старшины явились к Евдокимову и подписали договор, в силу которого все их единоплеменники, желавшие принять русское подданство, должны были не позже 1 февраля 1864 г. начать переселяться на указанные им места, остальным давалось два с половиной месяца для выселения в Турцию.

Покорение северного склона хребта подходило к концу. Оставалось перейти на юго-западный склон, чтобы очистить прибрежную полосу и приготовить ее к заселению. В октябре русские войска поднялись на перевал и заняли ущелье р. Пшада и устье р. Джубги. С конца февраля 1864 г. велись военные действия, которые закончились покорением округа в верховьях реки Мзымты (впадает в море близ нынешнего Адлера). Массы туземцев были отнесены к морскому берегу и отвозились прибывшими турецкими кораблями в Турцию.

Одновременно продолжалось заселение Закубанья. В 1864 г. было основано 17 станиц и 7 поселков с населением в 4417 семейств. Между прочим, по высочайшему повелению переселились 300 семей азовских казаков, которые основали станицы *Северскую* и *Азовскую* на р. Рубине, впадающей в Афипс, *Дербентскую* и *Папаяскую*. С занятием верховьев Мзымты окончилось замирение Западного Кавказа и расширение территории русской оседлости в этом крае. В течение четырех лет здесь было основано 83 крупных казачьих поселения и поселено в них 14081 семейство.

Большинство жителей новых станиц составилось из казаков и других военно-служилых элементов. Из общей массы переселенцев 58,9% приходится на долю кубанских казаков, 25,3 — на долю казаков из других войск и отставных сил и только 15,8% на долю государственных крестьян и людей других сословий. Станицы располагались в тесной связи с военными соображениями. Руководившие колонизацией смотрели на закубанскую станицу прежде всего как на стратегический пункт, как на опорную точку при вытеснении горцев из неприступных мест их жительства. Поэтому одни из станиц, как, например, *Белореченская* (на р. Белой), *Ново-Дмитриевская* (на р. Афипсе, левом притоке Кубани), *Абинская* (на р. Абике, левом притоке Адагума) и др., возникли на местах уже существовавших здесь укреплений; при расположении других стратегическим соображениям отдавалось преимущество перед экономическими. В ближайшие годы после замирения Западного Кавказа происходила некоторая перестановка селений и перерасположение жителей уже согласно экономическим требованиям.

С занятием предгорий Кавказа почти закончилась военная колонизация Кубанской области. После 1864 г. возникло уже немного казачьих станиц по распоряжениям начальства. Так, до 1865 и 1866 гг. были основаны станицы *Курчинская*, *Славянская* и *Анастасьевская* на правой стороне Кубани, на ее притоках, *Георгие-Афипская* на левом притоке Кубани Афипсе.

Мингрельская на р. Адагуме, Троицкая на его правом притоке, в 1871 г. станицы Копанская и Ясенская (к северу от Хапского соленого озера). Места для этих станиц были избраны администрацией, а население взято из уже существовавших казачьих селений, в которых оно особенно сильно возросло. С течением времени расселение по распоряжениям центральной власти прекращается и становится делом станичных общин: администрация только дает в таких случаях свою санкцию. Таким путем на дополнительных станичных участках и на местах, занятых группами хуторов, возникли поселки Албашский на севере Кубанской области на р. Албашах, Ахтарский на лимане того же имени, Черноерковский также на лимане к северу от Темрюка и многие другие.

С умиротворением Кавказа и прекращением военной казацкой колонизации Предкавказья не прекращалось, однако, заселение этого края пришлыми элементами. Только элементы эти были другие: с начала 70-х годов возобладала мирная земледельческая и торгово-промышленная колонизация.

Гражданская колонизация края развивалась, впрочем, и раньше, под заслоном военных поселений. Еще при Екатерине II по замыслу Потемкина началось водворение русских крестьян в степи между реками Калаусом и Кумой. Многие земли были пожалованы здесь в частное владение князю Трубецкому, графу Зубову, графу Воронцову и стали быстро заселяться из внутренних губерний. Между прочим, Воронцов основал на р. Куме село Александровское, Воронцовка тож — центр бывшего Александровского уезда Ставропольской губернии. Много гражданского населения сбилось около крепости Ставропольской, основанной в 1776 или 1777 году. К началу XIX в. там возник уже целый город, который в 1802 г. стал уездным, в 1822 г. областным центром Кавказской области, а в 1847 г. губернским городом Ставропольской губернии. Гражданская колонизация развивалась также и в области Минеральных вод близ Константиногорской крепости. С 1812 г. у подошвы Машука при горячих серных источниках стали строиться постоянные дома. Новое поселение называлось то Горячеводском, то Пятигорском, но в 1830 г., с переводом сюда уездного управления из Георгиевска, город получил уже определенное название Пятигорска. Кроме русских людей в Пятигорск и его окрестности направилась иноземная колонизация. В селениях Каясовой Яме и Св. Креста поселились армяне, в Карресе, Кинове, Николаевской и Константиновской станицах немцы, в Нагинской эстонцы, в Султанском греки; в Пятигорске впоследствии поселилось много выходцев из Польши и Украины. Переселившееся в нынешнюю Ставропольскую губернию гражданское население занималось хлебопашеством, садоводством, огородничеством, виноградарством, скотоводством. Рабочих рук не хватало для обработки занятой земли, поэтому в 60-х и 70-х годах

XIX столетия сюда направлялось множество крестьян из внутренних губерний на летние заработки; некоторые из этих пришлых рабочих оставались по окончании полевых работ на зиму, а затем приобретали усадьбы и дома, земельные участки, на которых и обзаводились собственным хозяйством. Население Ставропольской губернии в последние два десятилетия XIX века сильно увеличилось вследствие этого прилива со стороны. За время с 1886 по 1897 г. оно возросло на 210 тыс. человек, т.е. на 32%, а всего к 1898 г. в губернии насчитывалось 921639 человек. Из селений Ставропольской губернии, обязанных своим возникновением гражданской колонизации края, заслуживают упоминания *Новогригорьевка*, *Федоровское тож* на р. Куме и *Медвежье* на р. Егорлыке. Все это центры позднейших уездов Ставропольской губернии.

Гражданская колонизация Терской области пошла усиленным темпом с конца 60-х годов XIX столетия. В 1869 г. было утверждено мнение Государственного совета, согласно которому вся земля Терского войска разделялась на три категории: одна поступала в надел станичным обществам и, оставаясь неотчуждаемой, считалась в общинном владении; другая отводилась офицерам и чиновникам (по 400 и 200 десятин, смотря по рангу) и составляла их полную собственность и, наконец, третья сохранялась как войсковой запас. В том же году последовало разрешение поселаться в станицах иногородним без приписки к войсковому сословию. Эти постановления открыли широкие ворота для иммиграции в область гражданского населения. Из внутренних, преимущественно малороссийских губерний потянулись сюда малоземельные и безземельные крестьяне и стали присаживаться к казакам, арендуя землю у частных собственников, покупая у них участки, арендуя войсковые земли, соединяясь в компании с казаками для заимки и обработки станичных общественных земель и угодий (в станичных обществах не было урегулировано пользование общественной землей и угодьями). Кроме земледельческого населения в связи с открывшейся разработкой нефти и других минералов в край пришло известное количество рабочего и торгово-промышленного населения.

Вследствие всего этого в последние десятилетия XIX в. население Терской области быстро возрастало. В 1886 г. в области проживало 692494 человека, а в 1897 г. уже 933485 человек. Таким образом, за 11 лет население увеличилось на 241 тыс. человек, или почти на 35%. Этот прирост произошел, главным образом, за счет переселенцев. Но как ни велик был их прилив, они все-таки не превысили собою численности казачества: в 1897 г. русских неказачьего сословия насчитывалось в области 98330 человек, а казачьего — 170016. В общем, все русское население не превосходило еще своей численностью инородческое, состоящее из калмыков, кочующих на левом берегу Терека, ногаев, кочующих на севере области и частью живу-

щих оседло на правой стороне Терека, кабардинцев, живущих на равнинах Малки и на правом берегу Терека, чеченцев между Терекком и южной границей области, кумыков на правой стороне нижнего Терека, осетин около Владикавказа, черкесов в Нальчинском округе, армян, грузин, евреев, поляков, расселившихся по городам области, немцев и итальянцев в колониях. По данным переписи 1897 г., русских среди населения области было всего 34,7%, а остальное приходилось на долю инородцев, причем горцы составляли 55,8% всего населения, кочевники 4,8, армяне 1,6, немцы 0,9, грузины, поляки, евреи и др. 2,2%.

В Кубанской области тоже были примеры гражданской колонизации еще до окончательного замирения Западного Кавказа. Так, в 1834 г. на Кубани горскими армянами было основано селение *Армавир*; в Черномории возникли немецкие колонии *Михельсталь* и *Александровская*. Одновременно с занятием закубанских предгорий и непосредственно вслед за этим такие примеры учащаются. Греки, немцы, молдаване, болгары и русские крестьяне на отведенных у горцев землях основали несколько крупных селений: *Витязевское* (в дельте Кубани), *Греческое*, *Мерчанское*, *Молдаванское* и *Русское* к югу от течения Кубани и Адагума, колонии *Александрфельд*, *Розенфельд* и *Эйнфельд* в Кавказском округе, селения *Богословское*, *Козьминское*, *Ольгинское* и *Успенское* на правом берегу Кубани между Армавиrom и Баталпашинском. Но при всем том гражданская, неказачья колонизация Кубанской области до конца 60-х годов XIX столетия была незначительна.

Закон 1868 г., дозволивший лицам невоинских сословий приобретать в собственность усадебные строения на казачьих землях, вызвал громадный наплыв в Кубанскую область "городовиков", т.е. жителей других местностей России. Получив возможность жить оседло в Кубанской области, крестьяне, преимущественно южнорусских губерний, двинулись целыми тысячами на Кубань. В течение первых 15 лет с 1868 г. количество их в области возросло до 250 тыс. душ, что составило 25% тогдашнего населения. Вся эта масса взялась, главным образом, за земледелие, арендуя земли войсковые, станичные и частные. В войске Кубанском, так же как и в Терском, за отмежеванием участков отдельным куренным селениям или станицам, была оставлена запасная земля, из которой отводились участки новым станицам и пожизненные владения войсковой старшине (200, 500 и 15000 десятин, смотря по офицерскому рангу). В станицах за удовлетворением наличных казаков (по положению 1842 г. 30 десятинами) также оставалась запасная земля, из которой отмерялись наделы вновь прибывшим членам станичных обществ. Эта запасная земля и сдавалась войсковым правительством в аренду своим казакам и пришлым крестьянам. В аренду же сдавались владельцами офицерские участки войсковой старшины, с 1870 г. став-

шие потомственными владениями, и наделы, принадлежавшие малосильным казацким семьям.

Пришлые крестьяне арендовали войсковые, станичные и частные земли не только непосредственно, но и в компании с казаками, к которым они поступали в работники из известной доли урожая. Некоторые покупали у частных собственников участки земли. Размещаясь первоначально по станицам, изредка в поселках и хуторах, крестьяне с течением времени образовывали целые хуторские поселения на землях частных владельцев. Иногда эти арендаторы переставали даже платить “ренду”, считая обрабатываемую ими землю своей. Так было, например, в округе Неберджаевской станицы, на Средних Чалбисах. Отыскала группа переселенцев пустующие владельческие земли за Кубанью и водворилась на них, как дома, считая их божьими землями, по праву займки. На Кубани станичные общества принимали в конце концов таких заимщиков в число своих членов.

Вообще и после замирения Кавказа станичные общества пополнялись пришлыми элементами как по распоряжениям властей, так и по приговорам самих обществ. В приговоре общества станицы Ивановской за 1871 г. упоминается, что в эту станицу велено было зачислить 25 семей беспаспортных. Жители станицы Курчанской в 1872 г. ходатайствовали о дополнительном наделе земли на 147 душ бродяг и беспаспортных, зачисленных в их общество, и т.д.

Земельное приволье и другие естественные богатства Кубанской области быстро привлекли сюда многочисленное население, как только пали преграды, препятствовавшие уходу из внутренних губерний и водворению на Кубани. В конце XIX в., по данным переписи 1897 г., в Кубанской области было 1926323 жителя, из них казачьего сословия — 784616 душ, остальных — 1141707 душ. И здесь, как и на Дону, гражданский элемент в конце концов превысил численность первых колонизаторов края — казаков. Русское население в конце концов стало многочисленнее инородческого: черкесов, абхазов и других, которых насчитывалось в области около 95 тыс. человек. Инородцы в течение столетий борьбы с ними частью истреблялись, частью уходили в Турцию (с 1871 по 1884 г. ушло 13586 человек), частью ассимилировались, растворялись в русской массе.

Важнейшая литература

Дебу И.Л. О Кавказской линии и просоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседних горских народах, с 1816 по 1826 г. — СПб., 1829.

Бентковский И.В. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта // Кубанский сборник: Тр. Кубан. обл. стат. ком. — Екатеринодар, 1883. — Т. 1. (Материалы для истории колонизации Северного Кавказа).

Попко И.Д. Терские казаки с стародавних времен: Ист. очерк. Вып.1. Гребенское войско. — Спб., 1880.

Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, общества, вооруженной силы и службы: В семнадцати рассказах, с эпилогом, картою и четырьмя рисунками с натуры. — Спб., 1858. — Ч. 1—2 (в одной книге).

Максимов Е.Д. Терское казачье войско: Ист.-стат. очерк. — Владикавказ, 1890.

Короленко П.П. Черноморцы. — Спб., 1874.

Короленко П.П. Азовцы //Киев. старина. 1891. Т. 34, июль; Т. 34, авг.

Щербина Ф. Беглые и крепостные в Черномории //Киев. старина. 1883. Т. 6, июнь.

Щербина Ф. Колонизация Кубанской области //Киев. старина. 1883, дек.

Щербина Ф. История самоуправления у кубанских казаков //Киев. старина. 1884. Т. 8, февр.

Фелицин Е.Д. Краткий очерк заселения Кубанской области: Пояснит. зап. к 20-тиверстной карте Кубан. обл. //Изв. Кавказ. отч. имп. Рус. геогр. о-ва — Тифлис, 1884—1885. — Т. 8.

Туренко А. Исторические записки о войске Черноморском //Киев. старина. 1887. Т. 17, март; Т. 17, апр.; Т. 18, май; Т. 18, июнь и июль.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. — Екатеринодар, 1910—1913. -- Т. 1--2

ХІХ. ЗАНЯТИЕ И ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКИМИ ЛЮДЬМИ СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В конце XVI в. русская колонизация перекинулась за Камень (Уральские горы) и в течение века с небольшим охватила всю нынешнюю Сибирь до Ледовитого океана. Была занята огромная территория, почти в 11 раз превосходящая всю Европу, с суровым климатом, дикой природой и в большей своей части с неплодородной почвой. Русские люди закрепляли за собой эту страну в то самое время, когда у них под боком, на юге, расстились огромные слабонаселенные или совсем не заселенные пространства тучного чернозема с мягким климатом, с богатыми рыбными, пчелиными и звериными угодьями. Русский народ, как мы видели, исподволь занимал южные места, но русские колонии неустанно разбрасывались и по необъятному пространству Сибири редкими и малолюдными поселками.

Естественно возникают вопросы, что привлекало русских людей в суровую Сибирь, что заставляло их так разбродиться по необъятной стране, расселяться редкими и мелкими поселками, захватывать пространство, не имея ресурсов для надлежащего его заселения.

Чтобы получить ответы на все эти вопросы, необходимо обратить внимание прежде всего на природные условия страны, куда направлялась русская колонизация, на состав ее коренных жителей, их расселение и культурное состояние.

Перевалив через Уральские горы, русские люди вступали в огромную Западно-Сибирскую низменность, слабо наклоненную к Ледовитому океану и обставленную с запада Уральскими горами, с юга невысокой грядой холмов, отделяющих эту низменность от Туркестанской, с юго-востока высокими снежными горами *Алтая*, с востока крутыми обрывами, составляющими правый, высокий берег Енисея. Почти вся Западно-Сибирская низменность является бассейном двух длинных и полноводных рек — *Оби* (3200 верст) и ее левого притока *Иртыша* (3800 верст), начинающегося в

Южном Алтае и протекающего через озеро Зайсан. Целый ряд больших притоков изливаются в эти реки с запада, юга и востока. В Иртыш текут с юга *Илим* (1550 верст) и *Тобол* (1600 верст), последний в свою очередь принимает в себя с Уральских гор *Исеть* с *Миасам*, *Туру* с *Тагилом* и *Нейвой*, *Тавду* с *Сосьвой*, *Лозьвой* и *Пельюмом*; в Обь текут с Атайских гор *Бия* и *Катунь*, с их северных отрогов *Томь* (700 верст) и *Чулым* (1000 верст), из болот по левому побережью Енисея *Кеть*, *Тым* и *Вах*, из болот Васюганской степи *Васюган* (около 800 верст). На восток от Оби, изливаясь в Обскую губу, течет р. *Таз* (1100 верст).

В северной своей части, по побережью Ледовитого океана, Западно-Сибирская низменность представляла тундру, покрытую грязно-желтыми мхами. Имея вечно мерзлую подпочву, тундра летом превращается в болото, среди которого тянутся невысокие холмики, покрытые кустарниками. Южнее тундры тянулась западно-сибирская тайга — хвойный лес, среди которого попадались полоски лиственного леса и кустарников. Часть этого пространства, между Обью и Иртышом, занимает *Васюган*, волнистая поверхность которого на высоких местах покрыта сочной густой травой, кустарником и лесом, а в низких сплошь заболочена. Южнее Васюгана простиралась *Барабинская степь*, усеянная березовыми рощицами, болотами и озерами, из которых одни проточные, а другие соленые. Барабинская степь на юге переходила в *Кулундинскую*, усеянную множеством соленых и даже горько-соленых озер, а на западе, между Иртышом и Ишимом, в *Ишимскую степь*, так же как и Бараба, усеянную березовыми рощами с плодородной, черноземной почвой. Удаленная больше, чем Европа, от влажного дыхания Атлантического океана, загороженная Уралом, обвеваемая холодными ветрами с Ледовитого океана, Западная Сибирь имела более суровый, континентальный климат, чем Московия. Зимы здесь значительно холоднее, чем в Европейской России, а летние температуры приблизительно такие же, вследствие чего колебание температуры здесь сильнее: разность июня и января доходит до 35—40 градусов. Т.к. местность Западной Сибири ровная, а давление колеблется, то и климат отличается большим непостоянством.

За Енисеем русские люди вступали в еще более дикую и суровую страну. Восточная Сибирь почти сплошь покрыта горами. Низменные полосы встречаются только по низовьям рек и по морскому побережью; кроме того, обширная низина в виде котловины, окруженной горами, лежит по среднему течению р. Лены и ее притоку Вилюю. На южной границе Сибири от Енисея до южного берега Байкальского озера, выдаваясь дугообразно на север, тянутся высокие *Саянские горы*, к северу от них между Енисеем и Леной лежат невысокие плоские возвышенности, которые образуют водоразделы притоков Енисея. На востоке водораздельные возвышенности между притоками Лены имеют вид горных хребтов и достигают более значитель-

ной высоты. Вдоль восточного побережья с юго-запада на северо-восток тянется *Становой хребет*. Началом его на юге служит *Яблоновый хребет*, который разделяет горную область между Байкалом и горами *Хинган* на две части: западную — *Даурское нагорье* и восточную — *Нерчинское*. В своей северной части Становой хребет дает несколько боковых отрогов, идущих на северо-запад. Из них самый значительный — *Верхоянский хребет*, образующий водораздел между Леной и Яной. Местность от Станового хребта и до берега Японского моря и Татарского пролива занята несколькими хребтами меридионального направления, между которыми по рекам лежат широкие равнинные полосы, называемые здесь степями (Зейская и Бурейская степи). *Уссурийский край* отделяется от Японского моря лесистым горным хребтом *Сихотэ-Алинь*, тянущимся почти по самому берегу этого моря до нижнего течения Амура. Местность между Становым хребтом и Беринговым морем занята обширным невысоким нагорьем, по которому тянется несколько цепей невысоких гор. Эти цепи сходятся на перешейке Камчатского полуострова и расходятся в широкой его части, охватывая собой целое плоскогорье с высокими снежными вершинами и несколькими действующими вулканами (*Ичинская* и *Ключевская* сопки высотой 17000 футов).

Вся описанная горная страна в разных направлениях изрезана реками преимущественно трех систем — Енисея, Лены и Амура, сближающихся своими притоками. *Енисей* начинается в китайских пределах, на южных склонах Саянских гор, пересекает эти горы и течет на север, в Ледовитый океан на протяжении приблизительно 4000 верст. Справа он принимает три больших притока: *Верхнюю Тунгуску* или *Ангару* (1600 верст) с Илимом (правый приток), *Окой* и *Чуной*, или *Удой* (левыми притоками), *Среднюю Тунгуску* (1500 верст) и *Нижнюю* (3300 верст). *Ангара* вытекает из большого (в 600 верст длины и 30—60 верст ширины) и глубокого озера Байкальского, в которое впадает *Селенга* с *Удой*, *Баргузин* и *Верхняя Ангара*. *Лена* стекает с Байкальских гор, расположенных на западном берегу Байкала, и течет сначала на северо-восток, а затем, упершись в Верхоянский хребет, поворачивает на северо-запад и впадает в Ледовитый океан, пройдя около 4600 верст. Справа в Лену текут три больших притока: *Витим* (2000 верст), *Олекма* (до 1000 верст) и *Алдан* (2000 верст) с *Маей*. Слева в нее впадает *Виллой* (до 1800 верст) с *Чоной*. Западнее Лены и восточнее Енисея в Ледовитый океан текут значительные реки *Хатанга*, *Анабара* и *Оленек* (1700 верст), восточнее Лены — *Яна* (1500 верст), *Индигирка* (1400 верст) и *Колыма* (1500 верст). Река *Амур* (до 3000 верст), изливающаяся в Татарский пролив против острова Сахалина, образуется из слияния рек *Шилки* и *Аргуни*, из которых первая, в свою очередь, имеет два истока — *Ингоду* и *Онон*. Из его притоков наиболее значительны: слева *Зeya* (до 1100 верст) с *Гилюем*

и Бурея (до 600 верст), справа Уссури (до 1000 верст), изливающаяся из озера Ханка.

Побережье Ледовитого океана в Восточной Сибири, как и в Западной, занято тундрой, но она вследствие большой сухости климата покрыта большей частью белесоватым ягелем. Южнее тундры раскинулась тайга — девственный хвойный лес, покрывающий все нагорье и скаты горных хребтов, а также низины. Преобладает пихта, но растут также лиственница, сосна, ель, кедр; из лиственных деревьев распространены береза, осина и тополь. По характеру растительности Амурская область резко отличается от остальной Сибири. Благодаря влажному и более мягкому климату в области за Становым хребтом произрастают дуб, орешник, ильм, ясень, яблоня, сирень и даже виноград. Вообще растительность здесь очень богата и разнообразна и становится все более роскошной по мере приближения к Тихому океану. Амурский край представляет собой исключение для Восточной Сибири, имеющей в общем еще более суровый климат, чем Западная Сибирь. В Восточной Сибири зимы самые холодные на всем земном шаре для соответствующих широт; в Верхоянске, например, средняя температура января падает до $-50,8$ градусов по Цельсию, а по отдельным дням морозы доходят до 60 градусов; даже в Забайкалье средняя температура зимы ниже 25 градусов и морозы в 40 градусов не редкость. Зимы стоят большей частью безветренные и ясные, что объясняется рельефом Восточной Сибири, обставленной горами. Холодный воздух стекает с окружающих гор на плато и низины, продолжает здесь охлаждаться и задерживается со всех сторон стенами гор, оставаясь неподвижным в течение значительной части зимы. При этом из-за сухости климата зима в Восточной Сибири не отличается обилием снега, вследствие чего почва сильно охлаждается и на известной глубине держится вечная мерзлота. Но та же сухость климата порождает сравнительно жаркое лето, дающее возможность даже в Ленском крае выращивать некоторые полезные для человека растения.

Побережья Ледовитого океана, Берингова, Охотского и Северо-Японского морей имеют свои особенности в климатическом отношении.

На морях в течение зимы образуется так много льда, что на Ледовитом океане и Беринговом море он не успевает растаять и летом; на Охотском лед исчезает лишь в августе, а на Северо-Японском — в июне. Но и после таяния льда вода в море остается очень холодной, вследствие чего дующие с моря ветры сильно охлаждают воздух побережий. При этом от смешения холодного и влажного воздуха морей с более теплым воздухом материка образуются густые туманы. Такие же туманы образуются и на морях там, где в холодную воду врываются струи теплого японского течения Куро-Сиво. Летние туманы — обычное явление на берегах Сибири и омывающих ее морях.

Преграждая доступ солнечным лучам, эти туманы еще более понижают летнюю температуру. Поэтому лето во Владивостоке под 43 градусом с.ш. холоднее, чем в Благовещенске на Амуре под 50 градусом с.ш. и под 54 градусом в Западной Сибири; на берегах Берингова моря совсем нет леса и он появляется лишь в некотором расстоянии от берега. С другой стороны, влажное дыхание Ледовитого океана порождает в северных тундрах по зимам страшные снежные метели.

Но как ни суров климат Сибири, эта громадная, необъятная страна при всем том обладает колоссальными ресурсами для жизни и деятельности в ней человека. Здесь залегают в разных местах громадные горные богатства. В Алтайских горах имеются богатые месторождения железа, медных и серебряноцинковых руд; в Кузнецкой котловине лежат мощные пласты каменного угля. Северные склоны Саянских гор по богатству и разнообразию рудных залежей не уступают Алтаю: здесь также имеются медные, серебряноцинковые и железные руды, каменный уголь и графит. Много этих ископаемых открыто в Ленском крае и Забайкалье. Кроме того, в разных местах Сибири имеются цинк, олово, ртуть, умбра, лазоревая краска, слюда, соль, яшма, порфир, мрамор и многие полезные глины. Особенное значение имеет золото. Почти все горы Сибири богаты этим металлом.

В степной и лесостепной полосе Западной Сибири имеются обширные площади плодородных черноземных почв, удобных для земледелия. Черноземные площади распространены и по верхнему течению Енисея. Сверх того, как в Западной, так и в Восточной Сибири имеется немало земель с суглинистой и супесчаной почвой, также вполне пригодной для земледелия. Колоссальные природные богатства Сибири представляют и ее леса; богат до сих пор, а в старину, разумеется, был еще богаче мир животных, за которыми охотится человек. В Ледовитом океане водятся тюлени, моржи, киты, белые медведи, в Охотском море морские котики, в тундровой полосе белые и бурые медведи, северные олени, лисицы красные и чернобурые, песцы, северные зайцы; из пернатых белые куропатки, а в летнее время массы водоплавающих птиц: уток, гусей, лебедей, гагар и т.д., в сибирской тайге — бурые и черные медведи, волки, лисицы, соболи, куницы, белки, северные олени, горностаи и проч., из птиц глухари, тетерева, рябчики; в степях Западной Сибири — речные выдры; в горных хребтах и зарослях — сайгаки, зерны и кабаны; в Амурском крае и частью в Забайкалье водятся тигры, барсы, енотовые собаки, мелкие безрогие олени, маньчжурские олени, кабарги и т.д. Богата Сибирь и рыбой. В Оби и ее притоках водится осетр, стерлядь, нельма, сазан и др., в Байкальском озере — омуль, бычки, хариус, горбуша и др., а также нерпа. Особенно же богат рыбой Амур. В нем водятся в огромном количестве кета и горбуша, а на взморье сельдь.

В XVI и XVII вв. Сибирь представляла почти пустыню, по которой были раскиданы на неизмеримых расстояниях малолюдные племена бродячих и кочевых дикарей — звероловов, рыболовов и скотоводов. Оседлое земледельческое население, до известной степени культурное, но крайне малочисленное, русские люди встретили только в бассейне Амура, в областях, находившихся в сфере китайского владения и господства. В эпоху занятия и первоначального заселения Сибири русскими людьми в ней жили исключительно племена монгольской расы, разделенные на семь: урало-алтайскую и древнеазиатскую. Большая часть населения принадлежала к урало-алтайской семье, включавшей в себя пять групп: самоедскую, угро-финскую, тунгусскую, монгольскую и тюрко-татарскую.

Самоеды со своими оленями и собаками кочевали по необозримой западно-сибирской и затем таймырской тундре до самых устьев р. Хатанги. Новгородцы в незапамятные еще времена познакомились с “самодью”, живущей “над морем”, “вверху Оби реки великия”. На основании рассказов очевидцев создано летописное “сказание о человецех незнаемых в Восточной стране”, кратко, но изобразительно описывающее как наружность, так и быт самоедов. Они “не велики возрастом, плосковиды, носы малы, но резвы весьма, и стрельцы skóry и горазды, а яздыть на оленях и собаках”. “Ядь их мясо оленье, да рыба, да межи собою друг друга едят. (Это, по-видимому, осмысление имени народа. — *М.Л.*) А платье носят соболье и оленье, и товар их соболи”.

Из тех сведений, какие даются в актах XVII в. об общественном быте самоедов, можно сделать заключение, что в старину, как и в последнее время, они жили родами, управляясь своими старейшинами, которые чинили им суд и управу, и владели на общинных началах известными частями тундры, обычно бассейнами рек и речек. Были у них и какие-то “князцы”, старейшины главных родов, но зависимость от них других старейшин была чрезвычайно слаба, так что в сущности самоеды жили в состоянии мелкого общественного раздробления. При этом отдельные роды кочевали обыкновенно на громадных расстояниях друг от друга.

Самоеды, по-видимому, обитали некогда южнее и были вытеснены на север другими народами. По крайней мере, в Саянских горах до сих пор живут родственные им племена, которые сто лет тому назад говорили на своем родном языке, близком к самоедскому, а теперь уже отатарились (карагалы, сойоты, или уряххайцы, и др.). В конце XIX в. самоедов насчитывалось около 15 тыс. душ обоего пола.

На юго-восток от самоедов, между Обью и Енисеем жило более многочисленное угро-финское племя остяков. Сами остяки именовали себя асяг, т.е. обским народом (Обь называлась у них Ас; народ — яг). Татары звали их “уштяк”, т.е. грубый, дикий народ. От этого татарского именованья по-

шло и русское “остяк”. Сообразно с природными условиями местности, главными занятиями у них были рыболовство и звероловство. Перед революцией остяки были более культурным народом, чем самоеды, жили в землянках и деревянных избах, а в шалашах только летом, одевались не в одни только шкуры животных, но и в ткани, имели разнообразные домашние орудия и утварь, которые они не только покупали, но и изготавливали сами (большие мастера по части изделий из бересты), питались не только мясом и рыбой, но и привозным хлебом. По-видимому, и в эпоху первоначального занятия русскими Сибири остяки были несколько более культурным народом, чем самоеды. Общая численность остяцкого племени к концу XIX в. доходила до 25 тыс. человек.

На склоне Уральских гор русские люди нашли давнишних своих знакомцев — ближайшую родню остяков — вогульчей. Вогулы, впрочем, только небольшой своей частью обитали за Уральским хребтом, главным же образом они жили по эту сторону Урала. Это были в основном оленеводы и звероловы. Но уровень общественной организации у них был выше, чем у самоедов и остяков, группировавшихся родами. Отдельные вогульские роды соединялись под управлением каких-то меньших князей, подчинявшихся в свою очередь “большому князю”, и в военном отношении вогуличи представляли более значительную силу, чем самоеды и остяки; они упорнее защищались и храбро нападали. Но уцелело их в Западной Сибири к концу XIX в. гораздо меньше, чем самоедов и остяков, с небольшим 6500 человек.

Вогулы и остяки были частью подвластны сибирскому хану, который собирал с них ясак. *Сибирские*, или *шибанские* татары, отделившись от Золотой орды, первоначально кочевали в Илимской и частью Барабинской степи, по верхней Оби и ее притокам Томи и Чулыму. Оттесненные из Ишимской степи ногаями, они подались на север, на нижний Иртыш, Ишим и Тобол и образовали здесь особое царство, резиденцией которого, точнее — зимовищем, стала *Чинги* на месте нынешней *Тюмени*, а позднее *Искер*, или *Сибирь*, на правом берегу Иртыша, против устья Тобола, в 16 верстах выше нынешнего Тобольска. Сибирские татары были кочевники-скотоводы, но часть их по р. Тоболу занималась уже земледелием. Сибирская орда как внешняя сила была гораздо слабее Казанской, с которой в половине XVI в. покончила Москва. Перед Европейской войной татар в Западной Сибири насчитывалось около 185 тыс. человек.

Южнее Сибирского царства кочевала более многочисленная “казацкая” татарская орда, т.е. киргиз-кайсаки (в 1914 г. в Западной Сибири и Степном крае их насчитывалось около 2200000 человек). Киргизы устроились на этих кочевьях, вытеснив с них ногаев, которые стали кочевать на верховьях Ишима и Тобола; часть киргизов — кара-киргизы — остались на северных предгорьях Алтайских и Саянских гор. В начале XVII в. ногаи

были окончательно вытеснены на юго-запад монгольскими племенами — калмыками, которые пришли сюда из долины р. Или, т.е. из Джунгарии. Все эти орды распались на родовые колена, мало объединяемые между собой, во главе которых стояли старейшины, называвшиеся султанами (у киргиз-кайсаков), мананами (у кара-киргизов), тайшами (у калмыков), а в русских источниках обычно князьями. Стада верблюдов, лошадей и овец давали им почти все средства к жизни — пищу, одежду и жилище (войлочные юрты). Для общих военных предприятий родовые колена соединялись под предводительством какого-либо из старейшин. Но эти соединения были временные и в общем орды пребывали в состоянии племенного раздробления.

Русские люди приняли за отдельные племена калмыков *телесов*, *телензитов*, *телеутов* (белые калмыки) и других — отатарившихся народцев финского племени, живших между Обью и Тоболом, Бией и Катунью, и *чатов*, или *нарым* (пегие калмыки) на средней Оби, по-видимому, того же происхождения.

За Енисеем, в тундровой полосе и по глухим таежным дебрям на огромных пространствах были раскиданы дикие племена тунгузов. Русские люди впервые встретили их на правом берегу Енисея и его притоках трех Тунгусках, а затем на верхней и нижней Лене, по р. Вилую, Витиму и его притокам, верхнему Алдану и его притокам, на побережье Ледовитого океана от Хатанги и до Колымы, по побережью Охотского моря (*ламуты*, т.е. морские тунгузы, от “лам”, море), в бассейне Шилки и на верхнем Амуре (ныне *орочоны*); на среднем Амуре жили также соплеменники тунгузов — *дауры*, *маньчжуры* и др., а на нижнем *гольды* (теперь около 5000 человек). До последнего времени тунгузы вели бродячий образ жизни, питаются главным образом от звероловства, рыболовства, морских промыслов и частью от оленеводства. Летом они жили в урасах, т.е. в конусообразных шалашах из жердей, прикрытых чем попало — берестой, покупными тканями и т.п., зимой — в урасах, покрытых оленьими шкурами, или в “утанах” из приставленных друг к другу плах, переложенных мхом и покрытых дерном или снегом, причем дым из очага выходил через щели и входное отверстие. Одевались тунгузы в одежды из оленьих и звериных шкур. Тунгузы настоящие знатоки тайги: расставив свои западни, самострелы и капканы на разного рода дичь и зверя, они уходили от них на сотни верст и легко находили их опять. Общение с русскими внесло кое-какие новые предметы в их жизненный обиход — огнестрельное оружие, котлы, чайники, ткани и т.д., ввело номинальное христианство, но в общем они и теперь почти такие же дикари, какими были до первоначального занятия русскими Сибири. В другой обстановке жили морские тунгузы — ламуты. Они были оседлыми, имели постройки, напоминающие русскую избу, занимались земледелием и были

довольно зажиточными. В эпоху занятия русскими Сибири, по рассказам участников первой Амурской экспедиции, такую жизнь вели дауры. Так же как и другие туземцы Сибири, тунгузы распались на множество родовых колен, управляемых старшинами, связь между отдельными родами была крайне слабая. Тунгузов перед войной насчитывалось в Сибири до 75 тыс. душ.

В бассейне средней и южной Лены русские люди нашли татарское племя *якутов*, перемешавшееся в значительной степени с тунгузами и маньчжурами. Как и другие татарские племена, якуты жили главным образом коневодством, а на севере, по берегам Ледовитого океана, по низовьям рек и около тамошних озер — охотой и рыбной ловлей. Так же как и тунгузы, они жили летом в урасах, крытых берестой, а зимой в урасах, обложенных дерном, одевались в кожаную и меховую одежду. Общественная организация их была родовой: якуты делились на “джоны”, “улусы” и “наслеги”, являвшиеся земельными общинами. Из всех восточно-сибирских туземцев они оказались наиболее восприимчивыми к русской культуре и ко времени революции в обстановке своего быта уже далеко ушли от того состояния, в котором застали их русские. Они уже занимались земледелием, строили более прочные и удобные жилища — деревянные “балаганы” из стоячих бревен, обмазанных глиной, одевались не только в кожи и меха, но и в покупные ткани, питались не только мясом и рыбой, но и мукой и маслом (“саламата”). В последнее время среди них распространялось низшее и среднее образование. Всех якутов насчитывалось перед войной около 250 тыс. человек.

Другим племем с относительно высокой культурой, встреченным русскими среди туземцев Восточной Сибири, было монгольское племя *бурят*, или *братских*. Буряты обитали между Ангарой и ее притоком Окой и верхней Леной и вокруг Байкальского озера до Онона, одного из истоков р. Шилки. Все они были кочевники-скотоводы, жившие летом в круглых войлочных юртах, а зимой в восьмиугольных деревянных. Юрты членов одного рода ставились рядом и составляли бурятский улус, находившийся под управлением родового старейшины (шуленги). Родственные роды находились под управлением наследственных тайшей. Роды сообща владели и пользовались известными угодьями — пастбищами, на которых они пасли свои стада, реками, речками, в которых ловили рыбу, лесными зарослями, в которых ловили зверей. Буряты, как и другие монголы, подверглись известному воздействию китайской культуры во внешнем обиходе жизни и в религиозных верованиях. Среди них была распространенной желтая вера — ламаизм в тибетской форме рядом с примитивным шаманизмом, или “черной верой”, обожествляющей как добрые, так и злые силы природы, от которых зависит жизнь и благоденствие человека. Буряты оказались восприимчивы-

ми и к русской культуре, особенно в Забайкалье. С течением времени у них привилось земледелие, стали распространяться христианская вера и школьное образование. Буряты стали мешаться с русскими; между прочим, из этих метисов образовалось Забайкальское казачье войско. Всех бурят насчитывалось перед войной около 330 тыс. человек.

На крайнем северо-востоке Сибири — по Яне, Индигирке и Колыме, на Чукотском полуострове и Камчатке, на островах Берингова моря, на низовьях Амура и отчасти на Енисее русские люди встретили особую группу народов, отличных от народов урало-алтайской семьи, но сходных между собою по языку, физическому типу и образу жизни. То были *енисейские остяки* (на Енисее при впадении Средней Тунгуски и Южной Тунгуски), *юкагиры* на Яне, Индигирке и Колыме, *чукчи* на Чукотском полуострове, по берегам Ледовитого океана, Берингова пролива и Берингова моря, по низовьям рек Колымы и по р. Анадыри, *чуванцы* на Колыме и Анадыри, *коряки* к юго-западу от чукчей и на севере Камчатки, *камчадалы* на средней и южной Камчатке, *эскимосы* на берегах Берингова моря, *алеуты* на Командорских островах и *гиляки* на низовьях Амура. Исследователи (Шренк и др.) принимают их за остатки племен, преобладавших в Сибири до вторжения в нее с юга тюркских и монгольских народностей. Поэтому и принято обозначать эту группу именем *палеазиатов*.

В начале XX в. вся численность этой группы достигала приблизительно 30 тыс. человек. Можно предположить, что при первоначальном занятии русскими людьми Сибири палеазиатов было гораздо больше, принимая во внимание процесс позднейшего вымирания и обрусения инородцев Сибири. Землепроходец Посник Иванов, побывавший впервые в Юкагирской земле, доносил правительству: "И в Индигер де, государь, реку многие реки впали, а по всем де по тем рекам живут многие пешие и оленные люди, а соболя и зверя всякого много по тем рекам и землям".

Оленеводство и охота были главными занятиями не только юкагиров, но и других палеазиатов, особенно чукчей, самоназвание которых — чаучу — обозначает именно "оленных" людей. Они охотились за дикими оленями, пушным зверем и водоплавающими птицами. По берегам Ледовитого океана и Берингова моря с этими занятиями соединялся морской промысел: били моржей и тюленей и ловили рыбу. Наиболее обрусевшие из этих племен камчадалы в настоящее время занимаются и земледелием, но оно имеет у них второстепенное значение. Обычным жильем у этих народов является переносная палатка, крытая оленьими шкурами; те из них, которые занимаются речными морскими промыслами, строят и более постоянные деревянные жилища — полуземлянки или избы, обложенные землей. Пищей служит мясо оленей, зверей и птиц, рыба, северные ягоды, коренья, стебли и листья некоторых растений. Одежда шьется из оленьих и тюленьих

шкур, мехов пушных зверей. Особенной дикостью и неукротимостью отличались чукчи, оказывавшие упорное сопротивление русским при распространении их владычества.

Итак, обозрение природных условий Сибири, состава и распределения ее туземного населения и его культурного уровня дает возможность понять, почему русское население в Сибири с самого начала своего появления в ней должно было распространяться по ее необъятному пространству, раскидываться по нему редкими и мелкими поселками. Сибирь была именно такой пустыней, которая должна была засасывать в себя русского человека, завлекать его все дальше и дальше в свои объятия. Большая часть ее представляла собой лесную и болотную десь, которую перерезали многочисленные полноводные реки, сближавшиеся своими верховьями. Преимущественно около этих рек были раскиданы в тундрах и особенно в тайге дикие туземные племена Сибири. По рекам вниз и вверх пробирались в сибирскую пустыню и русские люди в поисках добычи и ясака, причем малолетние туземные племена не задерживали этого движения. Русские могли разбредаться и оседать по стране мелкими партиями. В Сибирь на первых порах должны были манить их те самые естественные богатства, которые издавна эксплуатировались русскими людьми и в Восточной Европе, т.е. пушнина, а затем руды и уже в последнюю очередь плодородные земли, расстилавшиеся на юге.

С северо-западной частью Сибири русские люди так или иначе были знакомы с давних времен. Новгородцы много раз собирали здесь дань с югры, т.е. вогуличей и остяков. Сюда же ходили они с карательными целями против непокорных туземцев. Так, в 1364 г. вернулись в Новгород с Югры новгородские дети боярские и молодые люди, “воеваша по Оби реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша”. Новгородцы показали путь в Югорскую землю Москве. Еще до присоединения Новгорода, в 1465 г., великий князь Иван Васильевич посылал из Устюга охочих людей воевать Югорскую землю. Посланные привели Югорскую землю за великого князя, вывели много полона, двоих князей югорских доставили в Москву, где великий князь пожаловал их их же княженьем Югорским и отпустил домой, наложив дань. В 1483 г. великий князь московский снарядил из Устюга карательную экспедицию на вогуличей, которые нападали на пермь, подвластную Москве. Московская рать повоевала не только Югорскую землю, но и Сибирскую, взяла в плен большого югорского князя Молдана и других князей, которые, впрочем, были отпущены после клятвенного обещания не нападать на пермяков и платить дань. В 1499 г. в Югорскую землю было отправлено 5000 человек устюжан, двинян и вятчан. Русские бились не только с вогуличами и остяками, но и с самоедами, взяли 84 “города” и вывели тысячу пленных. Все эти экспедиции в конце концов достигли своей цели. В

бытность в Москве царского посла Герберштейна (при Василии III) племена самоедов, вогуличей и остяков были данниками московского государя, и Герберштейн занес этот факт в свои записки о Московии. Сообщает он и о маршруте, каким ходили из Московии в Югорскую землю. Начальным сборным пунктом было устье р. Ижмы, оттуда шли Печорой вверх, дальше ее притоком Щугуром, затем переваливали “щелью” через Камень, т.е. Уральские горы, и оказывались в долинах рек Сыгвы и Сосьвы, в самом центре Югорской земли. В составе этой земли различали Югорию в тесном смысле по Сосьве и Сыгве с главным городом *Лапиным* при их слиянии, *Конду* и *Куду* — область реки Конды, впадающей в Иртыш, и *Обдорье* — низовья Оби. Как владелец всех этих земель, московский государь и включил в свой титул новые эпитеты Югорский, Обдорский и Кондинский.

Но распространить свою власть дальше Югорской земли Москва до поры до времени была не в состоянии. До половины XVI в. она еще не управлялась с более близкими к ней казанскими и астраханскими татарами и потому довольствовалась номинальными изъявлениями покорности со стороны сибирских владетелей и присылаемыми от них время от времени подарками или “данью”. Но со времени падения Казани и Астрахани отношения Москвы и Сибири изменились. Сибирские владетели почувствовали, что рушится ограда, отделявшая их царство от Москвы.

В 1555 г. сибирский князь Едигер просил московского царя “взять Сибирскую землю в свою волю и под свою высокую руку”. Помимо впечатления, произведенного падением Казани, тут действовал и расчет получить помощь от Москвы против шибанского царевича Кучума, решившего согнать Едигера с трона. Посланные из Москвы служилые люди после переписи ясачных людей Сибирской земли, которых оказалось 30400 человек, наложили на них дань в 1000 соболей. Но Едигер вскоре погиб от руки Кучума, который в союзе с ногаями и киргизами напал на него и захватил его владения. Вначале Кучум также признал себя данником московского государя, но затем, когда утвердился прочно в Сибирском царстве и когда, с другой стороны, Москва потерпела ряд неудач в Ливонской войне, он не только перестал платить дань, но и начал ряд враждебных действий против восточной московской украины. Сибирские татары стали волновать подвластных Москве вогуличей, остяков и даже башкир и сообща с ними нападать на русские поселки и на туземцев, оставшихся верными Москве.

Дальнейшая инициатива в деле покорения Сибирского царства и утверждения в нем русских людей вышла уже не из центра, а с северо-восточной окраины Московского государства, из новозаселившейся Пермской земли.

Ко второй половине XVI в. население северного края заметно увеличилось по сравнению с эпохой новгородского владычества. Признаком слу-

жит умножение административных округов — уездов. К прежним округам присоединяются новые: *Кольский*, *Кеврольский* (по верховьям Пинеги), *Мезенский* (по нижнему течению Мезени и Кульи), *Яренский* и *Пустозерский*. Увеличившееся население начинает искать новых угодий, нового приложения своего промышленного труда и находит его сначала в Камском крае, а затем за Камнем, в Сибири.

Дорогу в этом направлении открыли богатые солевары Строгановы, владевшие соляными варницами у Соли Вычегодской. Сначала объектом их стремлений и деятельности была область верхней Камы и ее притоков, где уже в начале XVI в. были открыты и разрабатывались русскими людьми соляные источники (Усолье на Каме), затем их поползновения пошли дальше, за Камень, в царство Сибирское, где они надеялись разрабатывать не только соль, но и руду, эксплуатировать и другие естественные богатства.

В 1558 г. Григорий Строганов подал царю Ивану Васильевичу челобитную, в которой указывал, что в отчине государя, в Великой Перми, по обеим сторонам Камы от Лысьвы до Чусовой лежат места пустые, леса черные, реки и озера дикие, острова и наволоки необитаемые и никому не описанные. Челобитчик просил пожаловать Строгановым это пространство с правом лес рубить, пашни пахать, дворы ставить, людей “неписьмянных” и нетяглых призывать, варницы заводить и соль варить. Со своей стороны он обещал поставить там город, снабдить его пушками, пищальями, пушкарями и воротниками, чтобы оберегать государеву отчину от ногайских людей и от иных орд. Царь пожаловал просимую землю на протяжении 146 верст по Каме с правом заводить слободы, населяя их нетяглыми людьми, за исключением воров и разбойников, освободил будущих слобожан от платежа податей и от земских повинностей на 20 лет и предоставил суд над ними самому Строганову. Десять лет спустя, в 1568 г., брат Григория Яков Строганов бил челом царю о пожаловании ему на таких же условиях всего течения р. Чусовой и 20-верстного пространства по Каме ниже Чусовой. Царь согласился на его просьбу; только льготный срок был назначен теперь 10-летний. Строгановы действительно завели здесь в нескольких местах соляные варницы. Скоро присоседились к ним и другие русские люди. Так, Пыскорский монастырь, основанный Строгановым в 1560 г., устроил соляные варницы по р. Каме в Рождественском усолье, или *Дедюхине*. В писцовых книгах Ивана Яхонтова (1579 г.) упоминается семь варниц на р. Вишере, да, кроме того, семь же варниц посадских и волостных крестьян за р. Вишерой на Тольгче, на речке Усолке. В 1610 г. выходец из Балахны Соколов завел солеварни на речке Ленве, где потом появляются варницы и других четырех промышленников. В 1623—1624 гг. второй писец Перми Кайсаров насчитал в Соликамской на посаде и на речке Зырянке 37 варниц частных лиц.

Так быстро развивалось солеварение в Пермском крае. Развивавшаяся вместе с этим русская колонизация края не могла быть исключительно промысловой. Край этот слишком далеко отстоял от коренной Руси, и русские промышленники по необходимости должны были заводить здесь пашни, чтобы иметь свой хлеб. Поэтому и Строгановы, как сказано, выпросили у царя право пахать землю и селить в своих владениях крестьян. Таким образом, *с промысловой колонизацией тесно сплеталась земледельческая*. Мало того, условия соседства вызвали и военно-служилую колонизацию в вотчинах Строгановых. Строгановым была отдана южная часть Великой Перми, подвергавшаяся нападениям приволжских и сибирских ногаев. По всей вероятности, от их нападений эта часть Пермской земли и была пустой. Чтобы завести здесь соляные промыслы, необходимо было обеспечить безопасность края, поэтому Строгановы и выговорили себе право строить города и заселять их служилыми людьми. Григорий Строганов сначала построил город на правом берегу Камы против устья Пыскорки и назвал его *Канкар*, т.е. по-туземному Камский городок. Одного городка оказалось мало, и шесть лет спустя после основания Канкара, в 1564 г., Григорий Строганов с дозволения царя основал новый городок, на двадцать верст ниже первого, *Кергелан*, или *Орел*, при впадении р. Орла в Каму. Яков Строганов построил два городка на р. Чусовой. Позже, в конце XVI в., Строгановыми были построены *Кай* на верхней Каме и *Очерский острожек* на р. Очере, притоке Камы (подле Перми); затем острожки *Яйвенский* (на Яйве, левом притоке Камы, ниже Соликамска) и *Сылвенский* (на р. Сылве, притоке Чусовой).

Все эти городки были обнесены стенами, вооружены огнестрельным нарядом и имели горнизон из разных вольных людей. Кроме русских тут были литва, немцы и татары. Постройка городов обеспечила достаточную защиту, и край стал быстро заселяться. Мы имеем возможность иметь об этом наглядное представление благодаря тому, что край был описан в самом начале заселения, в 1579 г., Яхонтовым, а 44 года спустя Кайсаровым. По писцовым книгам Яхонтова, у Строгановых было 4 слободы, 11 деревень и 28 починков, а по списку Кайсарова — уже 9 слобод, 42 деревни и 60 починков с 1032 дворами и населением 1482 души мужского пола. Таким образом, количество селений и жителей в вотчинах Строгановых увеличилось более чем вдвое. Еще заметнее рост населения в соседнем Соликамском уезде, куда направилось это эмиграционное движение. В 1579 г. здесь кроме города было только 23 деревни и 14 починков; всех посадских и уездных крестьянских дворов насчитывалось 352 с населением 406 душ мужского пола; 44 года спустя в одном Соликамском посаде было уже почти столько же дворов, сколько в 1579 г. имелось во всем уезде, а количество душ мужского пола превышало 520. В уезде за эти годы прибыло вновь 3 погоста, 26 деревень, 19 починков, 400 дворов крестьянских и посадских с 634

душами мужского пола. Немаловажную роль в истории заселения края сыграли и возникшие здесь монастыри, получившие огромные земельные наделы и привлекавшие льготами поселенцев на свои земли. Самым значительным из этих монастырей был *Пыскорский*, основанный Строгановыми недалеко от города Канкара под горой на р. Нижней Пыскорке. В половине XVII в. в его вотчинах существовало уже 365 дворов крестьян — количество, значительное для тогдашнего населения Пермского края.

Итак, область русской оседлости увеличилась еще новой территорией, по которой разбросалось русское население, привлеченное сюда соляными залежами и различными льготами, предоставлявшимися землевладельцами-солеварам. Население это пришло сюда главным образом из Северо-Двинского края, где также издавна велся соляной промысел. Эта колонизация прикамских земель в свою очередь завлекла русских людей на восток, в царство Сибирское.

Как сказано выше, сибирские татары стали нападать на восточные окраины Московского государства. От их нападений страдали, между прочим, вотчины и промыслы Строгановых в Пермской земле и по ту сторону Урала. Надо сказать, что Строгановы нашли на р. Сосьве серебряную руду, а в верховьях р. Туры — железную и начали их разрабатывать. Для упрочения своих владений они просили царя пожаловать их реками Турой, Лозьвой, Тавдой и Тоболом, обещая со своей стороны поставить там крепость, содержать на свой счет сторожей и огненный наряд, вырабатывать железо, заводить пашни. Правительство исполнило эту просьбу и выдало им в 1574 г. соответствующую грамоту. При этом Строгановы получили право собирать охочих людей, русских и инородцев, и воевать сибирского “салтана”, брать сибирцев в плен и облагать их ясаком в пользу царя. Кроме того, им поручалось следить за другими русскими промышленниками, которые станут разыскивать и разрабатывать разные руды, и давать знать о них царю, с тем чтобы можно было их изоброчить. Отсюда ясно, какие мотивы склонили московское правительство дать свое согласие для распространения русской оседлости за Уралом: во-первых, с этим связывалась надежда на умиротворение восточной окраины, тревожимой нападениями татар и подвластных им туземцев Сибири; во-вторых, Москва надеялась обеспечить таким путем исправный взнос ясака сибирскими туземцами и приобрести новых плательщиков ясака; в-третьих, к тому же склоняли давно ходившие на Руси и уже подтверждавшиеся слухи об ископаемых богатствах Сибири, которыми можно было воспользоваться с поселением там русских людей.

Только семь лет спустя после получения вышеупомянутой грамоты Строгановы снарядили экспедицию для завоевания Сибирского царства. Экспедицию составили казаки, поступившие к ним на службу с Волги, откуда бежали от преследования за разбой. Их было 540 человек во главе с ата-

маном Ермаком. С ними было 300 служилых людей из вотчин Строгановых. Осенью 1580 г., перевалив Уральский хребет, экспедиция по р. Туре вступила во владения татарского князька Епанчи и вскоре достигла его городка (ныне Тургинск). Устрашенные выстрелами из пищалей, татары Епанчи обратились в бегство, а Епанчин городок и окрестные селения были разграблены казаками. Доплыв до Чинги-Туры (ныне Тюмень), который также не оказал большого сопротивления, казаки зазимовали, употребляя свободное время на сбор провианта и ясака с окрестных жителей. Весной 1581 г., после вскрытия рек, казаки поплыли дальше по р. Туре и затем по Тоболу вниз, отстреливаясь постоянно от татар и туземцев, пытавшихся преградить им путь. У Карачинского улуса — местопребывания знатного мурзы — произошла жаркая битва, доставившая казакам много добычи — золота, серебра и дорогих камней, а также провианта и скота. Продвижение по Туре и Тоболу заняло целое лето. В сентябре казаки дошли до устья Тобола, повернули вверх по Иртышу и в октябре достигли Кучумовой столицы Искера, или Сибири. Во время их приступа был ранен руководивший обороной царевич Маматкул, после чего татары пришли в замешательство, а помогавшие им остяки и вогуличи покинули их. В ночь на 26 октября бежал и сам хан Кучум, захватив родственников и что поценнее из своих богатств. Казаки нашли в столице Кучума много оставленного имущества, дорогих мехов и всякого продовольствия. Татары покинули окрестности, а соседние остяки и вогулы поспешили признать владычество более сильных пришельцев — русских.

Несмотря на такой блестящий успех, положение Ермака было в высшей степени трудное и опасное. Из его небольшой дружины более ста человек пали в битвах, умерли от тяжелых трудов и постоянного напряжения. Ермак видел, что ему не справиться с враждебным населением Сибирского царства не только с помощью оставшейся дружины, но и с теми подкреплениями, которые могли прислать ему Строгановы. Поэтому он решил обратиться за помощью к самому царю и снарядил в Москву гонца бить челом Сибирским царством и просить о присылке ратных людей, огнестрельных и съестных припасов, с гонцом послал и собранный ясак — меха соболей, чернобурых лисиц и бобров. Царь ласково принял гонца, простил старые прегрешения Ермака, пожаловал его шубой со своего плеча и дорогими подарками и обещал прислать помощь.

Тем временем казаки продолжали борьбу с татарами и подвластными им туземцами. Посланный с 50 казаками атаман Брязга взял Рачевский, Цингалинский, Нарымский, Колтуховский и Самаровский городки на Иртыше ниже Искера, Кондинское село на Оби и Казымский улус на верховье притока Оби Казыме. Летом 1583 г. сам Ермак выступил навстречу ожидавшемуся московскому войску вверх по Туре и Тавде, объясачивая по пути

вогулов, местами оказывавших сопротивление, взял их городки Лабутинский, Кошухи и Табары. В ноябре прибыла и московская помощь, но незначительная, перенесшая на пути голод и болезни, от которых много людей померло, измученная долгой дорогой и всяческими лишениями. В конце зимы русские были окружены в своем стане со всех сторон татарами с Карачей во главе. После вскрытия рек русские сделали удачную вылазку, разгромили и прогнали татар. По следам бежавшего Карачи Ермак отправился с дружиной вверх по Иртышу и взял целый ряд городков — Богишевский, Шамшинский, Ряпчинский, Залу, Каурдак, Саургат, Табегу и Ташаткан. Таким образом, все главное гнездо сибирских татар — Искер (Сибирь) с окружающими городками было занято русскими. Получив известие, что к Искеру идет купеческий караван из Бухары, а Кучум его не пропускает, Ермак отправился по р. Вагаю навстречу ему. Но по дороге он узнал, что это был ложный слух, пущенный татарами, чтобы заманить русских в засаду. Казаки повернули назад по Иртышу, и здесь во время ночлега на одном из островов в темную дождливую ночь татары напали на спавших казаков. Ермак пытался спастись вплавь, но в тяжелом панцире утонул (6 августа 1584 г.). Остатки его дружины и вспомогательный московский отряд вскоре после того оставили Сибирь.

Таким образом, экспедиция Ермака оказалась в конце концов простой рекогносцировкой, которая убедила Москву, что Сибирь можно и стоит покорить, но сама по себе еще не привела к ее покорению.

По получении известия о гибели Ермака московское правительство, озабоченное судьбой посланных к нему вспомогательных отрядов и не желая упускать из своих рук только что занятую территорию, откуда, между прочим, прибыл в Москву с изъявлением покорности остяцкий князь Лигуй, отправило в 1585 г. в Сибирь новую рать в 300 человек под начальством воевод Сукина и Мясного. Им было приказано, придя в Сибирь, построить город, укрепиться в нем и уже отсюда предпринимать походы для покорения туземцев. Эта программа стала применяться здесь и в дальнейшем. Воеводы, выполняя наказ, в 1586 г. основали город *Тюмень* на р. Туре, на месте прежнего татарского городка Чинги-Тура.

С тех пор почти не проходило года, чтобы в Сибири не возникал новый русский город. В 1586 г. правительство отправило в Сибирь новый отряд и поручило письменному голове Чулкову проникнуть поближе к столице Кучумова царства Искеру и на удобном месте построить город, откуда можно было бы вести дальнейшие военные операции. Так возник *Тобольск* на Иртыше ниже впадения в него Тобола и несколько выше кучумовой столицы. Вскоре после основания Тобольска, в 1590 г., московское правительство распорядилось построить городок на р. Лозьве, притоке Тавды, в том месте, откуда начинался за Уралом водный путь в Сибирь. Здесь предполагалось

строить суда для отправки в Сибирь служилых людей, съестных и боевых припасов и держать склад этих припасов. Городок имел цель также способствовать сбору ясака с вогулов, которые присудны были к Чердыни. Для этой последней цели, впрочем, понадобилось вскоре основать новый городок. Вогульский пельмский князек Аблегирит не только перестал платить ясак, но и начал нападать на московские владения по эту сторону Урала. Московское правительство в 1593 г. отправило против него специальную экспедицию с целью известить его и разорить его разбойничье гнездо; для приведения его людей к покорности воеводы должны были построить русский городок в его земле. Так возник *Пельм* на р. Тавде, при впадении в нее речки Пельма. В 1594 г. на нижней Оби был построен *Березов*, для того чтобы держать в покорности тамошних самоедских и остяцких князьков. Еще ниже на Оби в 1595 г. был поставлен *Обдорский* острожек. Отсюда собирали ясак с самоедов и остяков и пошлину с русских людей, отъезжавших в Лукоморье на промыслы и для торговли с инородцами.

В том же 1595 г. московское правительство распорядилось заложить город *Сургут* на р. Оби, чтобы привести в покорность остяцкого князя Воню и его людей. Для более успешной борьбы с Кучумом, который укрывался в Барабинской степи и оттуда нападал на татар и остяков, плативших дань московскому государю, в 1585 г. был построен город *Тара* на Иртыше при впадении р. Тары. После построения Сургута русские промышленники и казаки, поселившиеся в нем, скоро обследовали р. Обь выше этого города и привели в покорность московскому государю живших по ней нарымских остяков. Для сбора с них ясака около 1595 г. был сооружен город *Нарым*. Подвигаясь вверх по Оби, русские люди достигли ее притока Кети, на которой сочли нужным построить (в 1596 г.) *Кетский* острожек, опорный пункт для дальнейших разведок в крае.

До той поры сношения с Сибирью производились водным путем, в состав которого входили реки Вишера (приток Камы), Лозьва и Тавда. Этот путь был слишком длинным. Поэтому правительство царя Федора поручило соликамскому посадскому человеку Бабинову разыскать новый, более короткий путь в Сибирь. Бабинов нашел удобную сухую дорогу на р. Туру. Вскоре эту дорогу привели в порядок, а на Туре в том месте, откуда начинался уже водный путь, в 1598 г. построили город *Верхотурье*. Так как он выполнял те же функции, что и Лозьва, велено было упразднить Лозьвенский город, а жителей его перевести в Верхотурье. В том же 1598 г. был отправлен маленький отряд под начальством Федора Дьякова для разведок в самоедской области Мангазее, на р. Тазе. Дьяков исполнил поручение, собрал с мангазейских самоедов ясак и в 1600 г. вернулся в Москву. Согласно с полученными от него сведениями московское правительство послало экспедицию для построения города *Мангазеи* на р. Тазе, что и было испол-

нено (в 1601 г.). Этот город стал новым опорным пунктом русской власти не только среди мангазейских самоедов, но и туземцев, живших по нижнему Енисею и на Нижней Тунгуске. В 1601 же году на р. Туре возник другой русский городок, *Туринск*. Его постройка была вызвана необходимостью устроить русский ям на дороге между Верхотурьем и Тюменью и защищать здешних остяков от нападений ногайских татар.

С возникновением на р. Оби русских городов Сургута и Нарыма признало над собою власть московского государя и одно татарское племя, жившее на р. Томи. Князь этого племени Томяк явился лично в Москву и бил челом царю Борису о принятии его в подданство со всем родом, причем обещался помогать русским против других татар, киргизов и телеутов, живших по верхней Оби и ее притокам, прося со своей стороны оберегать его от их нападений и построить в его земле русский город. Правительство приняло предложение, и в 1604 г. возник русский город *Тамск* на р. Томи, а в 1608 г. *Кузнецкий острожек* на той же Томи и *Чулымский* на р. Чулыме. С постройкой этих городов были объяснены телеуты, татары и киргизы, жившие по верхней Оби и ее притокам, и даже часть татар, живших по верхнему Енисею и его притокам, у подошвы Саянских гор. Это уже произошло в царствование Василия Ивановича Шуйского.

Но вообще с наступлением Смутной эпохи распространение русской колонизации в Сибири приостановилось. Москве было не до Сибири; посылка туда новых партий русских людей прекратилась. Оставшиеся в Сибири заняты были не столько приискиванием новых ясачных людей московскому государю, сколько борьбой с покоренными уже инородцами, которые, как только началась Смута, повсеместно восстали против русских. Поступательное движение русской колонизации возобновилось только с окончанием Смуты. Прежде чем продолжать следить за движением русских людей в Сибирь, полезно будет оглянуться назад и подвести итоги распространению русского владычества в Сибири до наступления Смутного времени.

До Смуты русская оседлость охватила огромную территорию в 1 млн 421 тыс. с лишком квадратных верст. На этом огромном пространстве возникло, однако, только 14—15 русских колоний, т.е. городков и острожков с лежащими вокруг них слободами, селами и деревнями. Такая разбросанность колоний была обусловлена самой целью, для которой они возникли: держать в подчинении сибирских туземцев и собирать с них дань. Туземцы жили отдельными кучками, на огромных расстояниях друг от друга. Их было в сущности очень мало. Сибирский князь Едингер, отдаваясь в подданство московскому государю, показал у себя черных людей 30700 человек. Не все туземцы Западной Сибири были ему подвластны, и это число приходится увеличить, но не намного. В Югорской земле, которая с начала XVI в. была подвластна Москве, т.е. в позднейших Березовском, Пелымском, Верхотур-

ском и Туринском уездах, по ясачным книгам, составленным в царствование Михаила Федоровича, можно насчитать с небольшим 2000 человек. Таким образом, Западная Сибирь, в которой утверждались русские люди, в рассматриваемое время была в сущности почти пустыней. Этим объясняется легкость и быстрота, с какими русское население заняло Западную Сибирь, количественная незначительность и смелость, с какой колонисты расселялись небольшими кучками на огромных расстояниях друг от друга.

То же самое справедливо будет сказать и относительно Восточной Сибири, которую русские люди стали занимать со времени окончания Смуты в Московском государстве. Частная инициатива при этом играла еще большую роль, чем при занятии Западной Сибири. Обыкновенно новые землицы и новых плательщиков ясака отыскивали московскому государю партии служилых людей, преимущественно казаков, отправлявшихся под предводительством “опыговщиков” на свой страх и риск на лодках и на лыжах за тысячи верст по рекам Восточной Сибири. Найдя какое-нибудь племя, казаки собирали с него ясак, строили поблизости острожек, оставляли в нем часть людей, а остальные шли дальше, проводить все новые и новые места. В какие-нибудь 20 лет казаки прошли таким образом всю Сибирь до Охотского моря. За казаками или вместе с ними ходили с теми же целями промышленные люди, также ставившие городки, острожки и зимовья. По их следам шла уже правительственная колонизация, строились более или менее значительные города и остроги, поселялись на постоянное жительство служилые люди, окончательно приводились в покорность туземцы.

Какая же сила влекла в Восточную Сибирь казаков-разведчиков, заставляя их претерпевать холод, голод, невероятные труды и лишения? Конечно, не служебное усердие, а собственный интерес. Дело в том, что, собирая ясак на государя, казаки не забывали при этом и себя и брали с инородцев второй ясак в свою пользу, так сказать, за труды по сбору. Они брали столько, сколько можно было взять, и не одни только меха, но и все, что понравилось. Казацкие экспедиции в Восточную Сибирь предпринимались в сущности для грабежа, как и экспедиции казаков на Волгу, на Каспийское море, на Азовское и Черное, с той только разницей, что в Сибири им покровительствовало государство. Там, где грабить было трудно, казаки старались завязать торговые сношения с туземцами и таким образом извлекать для себя прибыль от своих экспедиций. Нельзя, конечно, отрицать и то, что своеобразная жизненная обстановка формировала и людей соответственного психического склада, искателей приключений, которых манила к себе необъятная таинственная даль, возбуждавшая фантазию призраками несметных богатств, по ней рассеянных. Но таких людей были единицы. Большинство же шли по мотивам реального свойства, возникавшим на почве действительности, увлекаемые жадой добытка.

Что касается правительства, то его колонизационная политика в Восточной Сибири, как и в Западной, определялась довольно разнообразными мотивами. Подчинение инородцев с целью сбора с них ясака играло в данном случае первенствующую роль. Сибирская мягкая казна уже при царе Федоре стала большим подспорьем для московского государственного казначейства. Из Сибири стало поступать ежегодно 5000 сороков соболей, 10 тыс. черных лисиц, полмиллиона белок. С увеличением русских владений в Сибири возрастала и сибирская мягкая казна. По свидетельству Котошихина, при Алексее Михайловиче из Сибири и Приуралья в царскую казну поступало разнообразных мехов на сумму около 600 тыс. рублей. Такой доход нельзя не признать значительным, если принять, например, во внимание, что торговых и таможенных пошлин разного рода в приказ Большой казны в то же время поступало на 500 тыс. руб. Сумма эта в общем превышала 1/4 всего государственного дохода того времени. Естественно, московское правительство должно было покровительствовать и содействовать всеми зависящими от него средствами расширению своих владений в Сибири, что достигалось только распространением там русской оседлости. Движение на восток было тем более настоятельно, что с течением времени пушные богатства Западной Сибири стали истощаться, туземцы стали добывать меньше мехов и качеством хуже и надо было отыскивать новых ясачников. По словам Котошихина, в это время, т.е. в половине XVII в., в ближних сибирских городах “звериный лов помешался”, стали ловить соболей только средних и плохих и количество их умалилось; лучших соболей доставали “в самых ostatnich городах” на Лене. Сбор ясака с инородцев был, таким образом, реальным мотивом, двигавшим первоначальную правительственную колонизацию Сибири.

Но надо признать, что правительственная политика относительно Восточной Сибири определялась также и различными надеждами, которые порождались слухами о ее ископаемых богатствах. Занятие Забайкалья, например, как увидим ниже, вызвано было сообщениями о залежах там серебряной, медной и свинцовой руд. Эта информация основывалась на действительных наблюдениях, сделанных туземцами. И хотя русским людям в XVII в. не удалось найти руды (за редкими исключениями), тем не менее слухи об их существовании манили и частных людей и правительство. С подчинением туземцев русской власти, с появлением русских поселков нередко возникала необходимость защищать их от нападений непокорных еще племен. Для этого создавались новые городки, новые пункты русской оседлости, и таким образом ее район все более и более расширялся. Этому распространению могли положить конец только естественные преграды или достижение границы оседлости какого-либо могущественного и более или менее культурного народа.

Поступательное движение русских людей в Восточной Сибири совершалось главным образом двумя путями, образуемыми сближением систем Енисея и Лены. Северный из этих путей образуется реками Нижней Тунгуской, притоком Вилюя Чоном, Вилюем и Леной, южный — Верхней Тунгуской, ее притоком Илимом, притоком Лены Кутом и, наконец, Леной. У устья притока Лены Алдана эти два пути сходятся в один, идущий вверх по Алдану и его притоку Мае, которая своим верховьем близко подходит к верховью р. Ульи, изливающейся в Охотское море. По этим рекам главным образом и подвигались русские люди при занятии и заселении Восточной Сибири.

Начало этому было положено еще при царе Василии Шуйском. Русские промышленники из Мангазеи проникли на Енисей и здесь при устье реки Турухана основали в 1607 г. *Туруханское зимовье*. Это зимовье позже сделалось местопребыванием казаков, которые были посланы для объяснения здешних самоедов. Жившие по Енисею и далее на восток тунгузы не только не поддались сами, но и стали нападать на остяков, плативших ясак московскому государю. Вследствие этого в 1618 г. из Тобольска выступил отряд служилых людей для построения острога на земле тунгузов с целью приведения их в покорность. Посланные построили прежде всего *Маковский острог* на верховье р. Кети для охраны оставленных здесь судов и припасов, а потом в 1619 г. *Енисейский острог*, который и дал начало нынешнему городу Енисейску. Появление Енисейска произвело радикальный переворот в настроении енисейских туземцев, которые сами стали приезжать в город для уплаты ясака. Нападение с юга киргизов и татар и с востока бурят повело к застройке в 1628 г. города *Красноярска* служилыми людьми из Енисейска. Результатом постройки этого города было покорение татар и других племен на верхнем Енисее и его притоках и в предгорьях Саянских гор.

Из Енисейска местное начальство стало снаряжать экспедиции вверх по Верхней Тунгуске для обложения ясаком туземцев и для приведения их в полную покорность. Кроме того, имелось в виду добраться до земли бурят, в которой предполагалось существование залежей серебрянной руды: русские люди заметили у бурят серебро. Результатом этих экспедиций было построение сначала *Рыбного острога* на Верхней Тунгуске (выше впадения в нее Уды) и затем *Братского острога* при впадении Оки в Ангару (1631 г.), что в свою очередь имело последствием покорение живших в этой местности тунгузов и бурят. Другие казачьи партии с верхней Ангары по ее притоку Илимму и далее по притоку Лены Куту пробралась на Лену и стали собирать здесь ясак с туземцев, а затем познакомились с якутами. Для обеспечения сбора ясака и на будущее время казаки построили остроги *Илимский* на р. Илимке, *Усть-Кутский* и *Тутурский* при впадении р. Тутура в Лену. Эти

остроги сделались точками отправления при дальнейшем движении вниз по Лене. В 1632 г. казаки уже добрались до якутов, живших на средней Лене, и соорудили в их земле *Якутский* острог.

Но в то же самое время, когда казацкие партии, двигавшиеся по южным путям, добрались до средней Лены, поспели туда и другие казацкие партии, из Мангазеи, двигавшиеся северным путем по Нижней Тунгуске, Чону и Вилую и подобно первым ставившие на своем пути зимовья и острожки (Виллойск, Усть-Виллойск). Произошли вооруженные столкновения между этими партиями казаков за право собирать ясак с якутов. Они продолжались довольно долго, пока не были прекращены вмешательством центрального правительства. В 1636 г. отряд енисейских казаков и промышленных людей под начальством десятника Бузы спустился вниз по Лене до ее устья, а затем переплыл морем до устья р. Оленека, по которому поднялся вверх. Здесь он нашел тунгузов и объяснил их в пользу московского государя. Вернувшись с Оленека сухим путем на Лену, Буза предпринял затем вторичное путешествие вниз по Лене и, выйдя в море, достиг устья реки Яны, поднялся по ней вверх, построил *Верхоянский* острожек и наложил ясак на якутов и юкагиров, встреченных в этом крае. Это произошло в 1638 году. В том же году другая партия енисейских казаков под начальством Посника Иванова пробралась с Лены на верховье Яны сухим путем, через Верхоянские горы, и наложила дань на здешних юкагиров. С Яны этот отряд проник на Индигирку, где построил *Индигирское* зимовье. На встреченных здесь юкагиров также была наложена дань. Позже, в самом конце царствования Михаила Федоровича, русские люди поставили зимовья уже на р. Колыме — *Верхнеколымское* (в 1644 г.) и *Среднеколымское* в тех пунктах, где завязался меновой торг с местными юкагирами. Эти юкагиры тоже стали платить ясак в пользу московского государства.

В 1638—1639 гг. русские люди двинулись и в других направлениях. Отряд томских казаков под начальством атамана Копылова по рекам Алдану и Мае достиг Станового хребта и, перевалив через него, рекой Ульей спустился в Охотское море. Казаки обследовали берега Охотского моря до р. Туи на севере и до р. Уда на юге и при устьях этих рек построили зимовья *Усть-Туйское* и *Усть-Удское*. Жившие по Алдану и Мае тунгузы и по берегам Охотского моря ламуты были обложены ясаком. Енисейские казаки под начальством атамана Перфирьева ходили вверх по р. Витиму и собрали дань с живших там тунгузов. И Копылов и Перфирьев получили от тунгузов разнообразные сведения о реке Амуре и живших на ней племенах. Тунгузы рассказали им, что там живут люди, сеющие хлеб, имеющие домашний скот, добывающие серебряную, медную и свинцовую руду, ловящие ценных соболей и т. д. По этим вестям якутский воевода отправил письменного голову Пояркова в 1643 г. на реки Зею и Шилку “для государева ясачного сбора, для

приема вновь неясчных людей, серебряной, медной и свинцовой руды и для хлеба”. Поярков со 133 казаками отправился из Якутска вниз по Лене, потом Алданом вверх, затем волоком на приток Зеи Гиллой, потом Зеей до Амура. Амуром он прошел до самого устья этой реки и, проведя там зиму, весной пошел на судах морем к устью Ульи и отсюда уже Ульей, волоком, Маей, Алданом и Леной вернулся в Якутск. Поярков подтвердил отчасти сообщения тунгузов об Амурском крае и донес, что “те землицы людны и хлебны, и собольны, и всякого зверя много” и что великому государю будет большая прибыль от овладения этим краем. Но попытки занять Амурский край были сделаны уже в следующее царствование.

Одновременно с Амурским краем было обследовано озеро Байкал и его побережья. Якутский воевода с этой целью отправил казацкого пятидесятника Курбата Иванова с 75 служилыми и промышленными людьми. Курбатов высадился на острове Ольхоне, покорил там тунгузов и отсюда сам вернулся в Якутск, а для исследования берегов Байкала послал половину своих людей под начальством десятичника Скорохода. Скороход прошел берегом Байкала до устья Баргузина, покорил тунгузов, живших на верхней Ангаре, но далее идти не мог по малочисленности своего отряда.

Идя на восток все дальше и дальше, русские люди в то же время укрепляли свои позиции с юга. В 20-х годах на верховьях Иртыша и Илима калмыки не только сами стали нападать на русские селения, но и увлекали за собой киргизов и татар и волновали туземцев, покоренных русскими. Для защиты страны от их набегов были построены в 1639 г. *Ялutorовский* острог при впадении Исети в Тобол, *Ачинский* острог на р. Чулыме в 1642 году, *Канский* острог на притоке Енисея Кане в 1640 году. Стремление к окончательному покорению тунгузов и бурят, живших в области верхней Лены, вызвало постройку в 1635 г. *Олекминского* острога при устье Олекмы.

При Алексее Михайловиче продолжались поиски новых “землиц для великого государя” и, кроме того, совершались походы в обследованные, но еще не покоренные области. В результате этого были заняты *Анадырский край* и *Забайкалье*; предпринятая же попытка овладеть Амуром не удалась.

В 1649 г. пребывавший на р. Колыме сын боярский Власьев отправил служилых и промышленных людей на верховья Анюя, впадающего в Колыму. Посланные отыскивали на Анное дикарей, погромили их и от пленных довелись, что недалеко от верховья Анюя за камнем начинается новая река Анадырь. По возвращении их на Колыму немедленно подобрались две партии охочих служилых и промышленных людей и отправились разыскивать эту реку. Они нашли ее и, спускаясь по ней вниз, встретились с третьей русской партией, которая подвигалась вверх по Анадырю. Эта партия под начальством служилого человека Семена Дежнева еще в 1648 г. вышла р. Колымой в море, подвигаясь на восток подле берега Сибири, прошла через

нынешний Берингов пролив в Берингово море, которым и достигла устья Анадыря. При встрече партии Дежнева с вышеупомянутыми отрядами чуть было не произошло кровавое столкновение между русскими людьми из-за ясака, вследствие чего Дежнев с товарищами поспешил удалиться на судах обратно в море. Здесь в 1652 г. он бил моржей и собирал их клыки, причём ему пришлось сражаться с коряками и чукчами. По вестям от Дежнева немедленно был отправлен стрелецкий сотник для утверждения власти великого государя в новой землице и для установления порядка на вновь открытом промысле с соблюдением казенного интереса.

Одновременно с тем русские люди становились твердой ногою и в Забайкалье. Из Енисейска на Байкал был отправлен атаман Василий Колесников проводить о серебряной руде. Идя по северо-восточному берегу Байкальского озера, он достиг верхней Ангары и здесь в 1646 г. построил *Верхнеангарский острог* для удержания в покорности тамошних тунгузов. От монголов, живших в Забайкалье, Колесников узнал, что серебряная руда находится не здесь, а привозится китайцами. Но еще прежде, чем он привез эти вести, для поисков серебряной руды на Байкал отправились еще две партии служилых людей, одна вслед за другой. Вторая партия, состоявшая из 60 человек, под начальством сына боярского Ивана Галкина в 1648 г. построила на р. Баргузине *Баргузинский острог*. Из него были произведены разведки относительно верхних притоков Витима, системы Селенги и Шилки и племен, живших по этим рекам. Эти разведки повели к закладке в 1652 г. острогов *Баунтовского* и *Верхнеудинского*, в 1653 г. *Иргенского* и в 1654 г. *Нерчинского*. Баунтовский острог был построен при озере Баунтовском, из которого вытекает приток Витима Цыпа, Верхнеудинский — на р. Уде, притоке Селенги, Иргенский — на озере Иргенском, из которого вытекает приток Селенги Хилок, Нерчинский — при впадении Нерчи в Шилку.

В то же самое время, т. е. в конце 40-х и начале 50-х годов, русские люди пытались утвердиться на Амуре. В 1649 г. старый “опытовщик” Ерофей Павлович Хабаров набрал в Якутске партию казаков и промышленных людей в 70 человек и снабдил их деньгами, хлебными запасами, судами, ружьями, зельем, свинцом. Воевода дал разрешение, и Хабаров отправился на Амур новым путем — р. Олекмой, ее притоком Тунгиром, затем волоком в р. Урку, приток Амура. Войдя в Амур, Хабаров и его товарищи нашли прибрежные города и селения пустыми. Жители, прослышав о приближении казаков, снялись со своих мест и ушли с женами и детьми и имуществом. Хабаров не пошел далеко вниз по Амуру. Оставив часть своих товарищей на Амуре, он воротился в Якутск за подкреплением. Хабаров рассказывал, что по Амуру живут даурские люди пахотные и скотные, что в земле их родится ячмень и овес, просо, гречиха, горох и конопляное семя, что в Амуре много всякой рыбы, больше, чем в Волге, а по берегам луга великие и

пашни, леса темные, большие, соболя и всякого зверя много; если покорить эту землю, государю будет большая прибыль, можно будет вывозить отсюда хлеб на Лену. Рассказы Хабарова произвели то действие, что около него тотчас же собралось 170 человек охотников. Якутский воевода со своей стороны дал ему двадцать казаков, и Хабаров в том же 1650 году отправился на Амур, везя с собой три пушки. На этот раз пришлось уже вступить в упорную борьбу с туземцами, которые выходили большими массами против русских.

Русские заняли городок местного князька, поставили *Ачинский* городок и городок на устье Зеи. Но затем на помощь даурам прибыло войско, присланное наместником китайского богдыхана, которому дауры платили дань. У него было уже огнестрельное оружие — ружья и пушки. Хотя в первой встрече русские ратные люди и русские пушки оказались лучше китайских и обратили в бегство китайское войско, тем не менее Хабаров и его товарищи сочли благоразумным отступить. Они предвидели, что на следующую весну придет еще более многочисленное китайское войско, между тем как русский отряд потерял много людей в битвах; к тому же часть его самовольно отделилась и ушла грабить туземцев. Поэтому Хабаров, расположившись при устье Зеи, послал за подкреплением. Ему не пришлось продолжать борьбу, т.к. весной 1653 г. его вызвали в Москву. Оставленный им начальствовать Онуфрий Степанов целых пять лет провел на Амуре, плавая вверх и вниз по этой реке и сражаясь с туземцами и китайцами. В 1658 г. большое китайское войско, плывшее на 47 бусах, настигло его на Амуре ниже устья реки Имнгала. Степанов погиб с 240 казаками; государева ясачная казна досталась китайцам. Несмотря на гибель Степанова и его отряда, русским людям удалось временно утвердиться на Амуре. Енисейский воевода Афанасий Пашков в 1669 г. послал казачий отряд на Амур для возобновления города Албазина, покинутого туземцами. В Албазине были оставлены казаки, которые и стали собирать дань с туземцев и других народов, отчасти подвластных китайскому богдыхану. Это вызвало сначала столкновения, а потом дипломатические переговоры с китайцами, приведшие в конце концов к уступке Китаю всего течения Амура и его притоков по Нерчинскому договору 1689 года. Границу провели по р. Аргуни до ее устья, а затем она шла вверх по р. Шилке до впадения в нее Горбицы и по Яблоновому хребту до речки Уды, впадающей в Охотское море. Так русские границы в Сибири получили некоторую устойчивость по соседству с Китаем.

Одновременно с продвижением в Забайкалье и на Амур русские люди старались закрепить свои позиции на территории, занятой бурятским племенем и бывшей как бы преддверием к Забайкалью. В начале 50-х годов был построен *Удинский* острог на р. Уде, или Чуне, для защиты ясачных бурят от нападений монголов. В 1653 г. на р. Ангаре возник *Балаганский*

острог в местности, очень удобной для земледелия и скотоводства, куда были переселены 60 крестьянских семейств. Кроме плодородия почвы русское население привлекало сюда и залежи железной руды. Построение Балаганского острога вызвало бегство части бурят, живших по Ангаре, в Монголию. Для прекращения сношений остальных бурят с монголами в 1661 г. был выстроен при впадении Иркута в Ангару Иркутский острог (на месте прежнего Иркутского зимовья, основанного еще в 1651 г.).

По сравнению с поступательным движением на северо-восток продвижение на юго-западе Сибири в царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича было незначительным. Заняв область татарского Сибирского царства в тесном смысле и построив в ней ряд городков для удержания ее населения в покорности, русские в дальнейшем должны были вести не столько наступательную, сколько оборонительную политику. К югу от Сибирского царства расстились степи кочевников — киргизов и калмыков, которые постоянно нападали на новые русские владения. Для защиты от этих нападений в 30-х годах XVII в. были поставлены городки *Тарханский*, *Атьямский* на Вагае, притоке Иртыша, *Каурский*, *Тебендинский* и *Ялуторовский* (1639 г.) на Тоболе, а затем в 50-х годах *Исетский* и *Катайский* на Исети, притоке Тобола; в 1670 г. появился острог *Коркинский*, ныне Илим, на р. Илеме, в 1680 г. — острог *Абатский* на той же реке и *Устяцкий* на Вагае. Для упрочения связи далеко выдвинувшегося на юг Кузнецкого острога с Томском в 1657 г. на р. Томи были поставлены остроги *Мунгетский*, *Верхне-Томский* и *Сосновский*; в 1668 г. на Оби выше впадения в нее Томи возник *Уртамский* острог.

В общем, при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче русские люди заняли колоссальную территорию, заключавшую в себе более 7 млн 350 тыс. квадратных верст. Но на этом огромном пространстве разбросалось только 50 с лишком русских колоний, т. е. городков и острожков с окружающими их поселками. Таким образом, и на этот раз мы встречаемся с той же особенностью русской колонизации, которую отметили в заселении Западной Сибири, с тенденцией разбрасываться на громадных расстояниях. И причина этого была та же, что и в Западной Сибири. Иностранцы Восточной Сибири, для покорения которых основывались главным образом русские колонии, при своей малочисленности жили вразброд по всему ее необъятному пространству, занимаясь такими промыслами, которые не позволяли им скучиваться. В поисках за ними и русские люди разбрелись по всей Сибири и поставили как бы станции для себя — свои городки, острожки и зимовья. Самые промыслы, к которым обратились здесь русские люди, заставили их также расселяться по Сибири.

Это расселение совершалось главным образом по водным путям, нередко единственным в такой дикой стране, какой была Сибирь в то время.

Порядок, в каком происходило занятие и первоначальное заселение Сибири русскими людьми, любопытен не только сам по себе, но и по той аналогии с древнейшей русской колонизацией Восточной Европы, которую он дает. Следуя по источникам за тем, как сибирские служилые и промышленные люди пробирались все далее и далее на восток по рекам Сибири, как строили свои городки и острожки, как покоряли и частью истребляли, частью ассимилировали диких туземцев, как распространяли земледельческую культуру в крае, где царил перед тем охотничий быт, невольно переносясь мыслью в начальные времена русской колонизации в Восточной Европе, в VII—IX вв., и оживляешь ее картину подробностями сибирской колонизации. Представляется, что и в то время, как и в XVII в. в Сибири, по рекам Восточной Европы во все стороны отправлялись партии отважных людей, которые и строили городки и острожки и покоряли финнов, а по их следам шли уже мирные земледельческие семьи и роды, селившиеся около этих городков и острожков и утверждавшие земледельческую культуру. Эти черты картины, которую набрасывает воображение по аналогии с данными сибирской колонизации, вполне совпадают с теми, правда скудными, указаниями древнейших источников о Восточной Европе. С ними вполне согласуются, например, сообщения источников о многочисленных укреплениях, покрывавших Восточную Европу в начальные времена русской колонизации, сведения былин и летописей о новгородских ушкуйниках и т.д. Если так, то и начальная колонизация Восточной Европы и начальная колонизация Сибири сливаются в одно многовековое и единообразное поступательное движение русского населения на восток, которое временно, в XV и первой половине XVI в., прерывалось вследствие внедрения татар в область этого движения.

Занятие сибирской территории, как видно из всего сказанного, на первых порах носило характер военной оккупации и выражалось в построении в землях туземцев русских городов, городков и острогов. В этих пунктах поселялись прежде всего казаки, стрельцы, различные иноземцы и другие служилые люди; одновременно с ними или несколько позже селилось духовенство, а затем уже в Западной Сибири пашенные крестьяне и посадские люди. Выше сказано, что ранее других в Сибири был построен город Тюмень (в 1586 г.). Из челобитной, которую подали в 1600 г. обыватели Тюмени о разрешении им построить церковь в остроге, узнаем, что в этом городе жили литва, казаки, стрельцы и другие служилые люди, а также пашенные и что там были уже две церкви и стало быть, духовенство. Вторым по времени основания городом в Сибири был Тобольск (1587 г.). Когда в 1624 г. производилось описание Тобольска, в нем оказалось десять церквей, 325 дворов служилых людей — боярских детей, стрельцов, конных и пеших казаков, казаков литовского списка, иноземцев, служилых татар, затем — 53 двора посадских людей и 9 дворов пашенных крестьян. В Пельме, основан-

ном в 1593 г., жили в 1625 г. 10 боярских детей, 50 конных казаков, 100 пеших казаков, поп, дьякон и около 70 семей посадских и пашенных крестьян. Основанный в 1594 г. город Тара имел в 1624 г. 263 двора, из которых только 7 дворов принадлежали пашенным крестьянам, несколько дворов белому и черному духовенству, а большинство служилым людям — боярским детям, конным и пешим казакам, стрельцам, пушкарям и т. д. В 1598 г. было основано Верхотурье. В нем были поселены воеводы и приказные люди, дети боярские, причт, монахи. Можно продолжить и далее это обозрение, которое даст все те же результаты. В качестве обывателей первых русских селений в Сибири мы повсюду встречаем служилых людей и духовенство с незначительной примесью других элементов.

Но как попадали в Сибирь эти служилые люди? Московское правительство в данном случае практиковало два способа — прибор и перевод. Воеводе или голове, отправляемому в Сибирь, давалось поручение набрать себе отряд из служилых и всяких “охочих людей”. Воевода набирал сотников, сотники — десятников, а десятники рядовых казаков и стрельцов. Десятники с рядовыми давали на себя запись, в которой под круговой порукой обязывались жить в таком-то городе в стрельцах или казаках, служить государеву службу, корчмы и блядны не держать, зерню не играть, не красть и не бежать. Прибранным служилым людям давалась на дорогу подмога, и на казенных подводах они отправлялись в Сибирь. Иногда же московское правительство просто переводило в Сибирь служилых людей из того или иного города на службу. Эти переведенцы также получали обыкновенно подмогу и при переезде пользовались казенными подводами. Кроме переведенцев не по своей воле попадали в Сибирь военнопленные, особенно литовцы и поляки, и малорусские казаки-черкасы.

С течением времени стали ссылаться в Сибирь и свои провинившиеся служилые люди. По свидетельству Котошихина, этих людей в тамошних городах верстали в службу, смотря по человеку, и в дворяне, и в дети боярские, и в казаки, и в стрельцы. Таким образом в Сибирь пошли многие сотни казаков Степана Разина по усмирении его бунта, а в конце XVII в. бунтовавшие стрельцы.

Но заселение военными людьми необходимо влекло за собой заселение страны людьми мирных профессий. Раз появлялись постоянное селение, город, обосновавшиеся в нем русские люди не могли обойтись без церкви, без духовенства. Когда строились сибирские города, то церкви бывали обыкновенно первыми зданиями, которые воздвигались после стен острога. Поэтому вместе со служилыми людьми в городах Сибири поселялось обыкновенно духовенство. Когда в Сибири была учреждена архиерейская кафедра и в Тобольск был назначен архиепископ Киприан, он повел за собой несколько белых и черных попов, набранных в Москве. И преемники Киприа-

на при своем отправлении на кафедру прибирали черных и белых попов. Не всегда находились охотники ехать, так что правительство должно было давать большую подмогу в 40, 35, 30 рублей, чтобы склонять духовенство к переселению в Сибирь. С черными попами шли обыкновенно в Сибирь их братья, наемники, келейники; с белыми — их жены, дети, разные свойственники и работники. Сами служилые люди, отправляясь на вечное житье в Сибирь, брали с собой или выписывали по прибытии на место свои семейства — жен, детей и живших с ними родственников, а у кого были — и холопов и разных захребетников. С самого начала, таким образом, около военного люда в сибирских городах накоплялся известный контингент мирного населения, который с течением времени все более и более увеличивался. К семьям служилых людей присоединялись пашенные крестьяне.

Служилые люди и духовенство, поселенные в Сибири, на первых порах всецело находились на иждивении государства, получая денежное и хлебное жалованье. Позже они обыкновенно получали земли и должны были сами производить хлеб. Но это было возможно далеко не везде и притом лишь после покорения инородцев и крепкого утверждения русского владычества в Сибири. Казне вследствие этого приходилось иметь в Сибири большие запасы хлеба для раздачи “рутным” служилым людям и духовенству. Подвозить хлеб из Европейской России было тяжело даже в Западную Сибирь, а тем более в Восточную. Поэтому вслед за служилыми людьми, а иногда даже одновременно с ними правительство отправляло в Сибирь крестьян-земледельцев. Эти крестьяне получали участки земли, которые обрабатывали в свою пользу, а в виде главной казенной повинности возделывали десятинную пашню, с которой урожай шел в государевы житницы на “руту” служилым людям и духовенству. В некоторых местностях государственной пашни не заводилось вовсе, а крестьяне взамен “издоля” вносили в казну хлебный оброк натурой. Московское правительство очень заботилось о развитии хлебопашества в Сибири, без которого там не могли держаться русская жизнь, русское владычество. Поэтому оно всякими мерами старалось увеличить земледельческое население в Сибири. Крестьяне отправлялись в Сибирь так же, как и служилые люди, либо по прибору, либо по указу. На первых порах набор крестьян, как и служилых людей, производился преимущественно в северных уездах местными правительственными агентами или же присланными от сибирских воевод детьми боярскими, приказчиками и слободчиками. Желающим переселиться в Сибирь на государеву пашню обещались льготы от платежей и повинностей на два, на три года и более, подмога и ссуда в разных размерах. Иногда же правительство возлагало прибор известного количества крестьян на какую-нибудь область в виде повинности. Например, в 1590 г. было велено прибрать в Соли Вычегодской и в уезде в Сибирь пашенных крестьян 30 семейств, причем у каж-

дой семьи должно было быть: по три меры добрых, по три коровы, по две козы, по три свиньи, по пяти овец, по два гуся, по пяти кур, по две утки, хлеба на год, соха для пашни, сани, телега и “всякая житейская рухлядь”. Жители не только должны были прибрать крестьян, но и дать им подмогу, развешивая посошно, вследствие чего и прибранные крестьяне назывались “посошными”. Подмога давалась различная: 50 рублей, 100 и даже 125 — деньги по тому времени немалые. По указу переводились в Сибирь прежде всего дворцовые крестьяне, которым также давалась подмога, а затем в состав пашенных крестьян попадали и военнопленные и ссыльные. Таким образом, например, когда был основан Пельм, туда выслали из Каргополя девять семей опальных москвичей и 30 семей провинившихся угличан. Всех их велели посадить там на пашню. В 1617 г. в Тобольск было отправлено 60 захваченных в плен литовских пахолков и велено раздать их пашенным крестьянам “для пашенного науку”. В 1623 и 1624 гг. туда же перевели 40 запорожских черкас, находившихся на службе в Алатыре. За воровство и измену их полагалось казнить, но государь пожаловал им жизнь, велел устроить на пашню и дать подмогу “для пашенного заводу”. Из 560 человек, сосланных с 1614 по 1624 гг., на пашне было устроено 348 человек. Чем дальше, тем больше увеличивалось количество этих элементов в Сибири. Туда, между прочим, было отправлено много украинских казаков и поселян, недовольных присоединением Малороссии к Московскому государству, много упорствовавших раскольников.

В Западную Сибирь пашенные крестьяне переводились по прибору и указу из Европейской России, а в Восточную, кроме того, из Западной Сибири. Для сибирских городов правительство набирало не только пашенных крестьян, но и посадских людей, хотя и в незначительном количестве. Предполагалось, что с течением времени в стране разовьется торгово-промышленный оборот, для которого понадобится особый класс людей. Главным же образом имелось в виду обеспечить людьми государеву службу в таможенных, кабаках, на промыслах, создать контингент лиц, могущих быть финансовыми агентами правительства — служить в разных головах, целовальниках, сборщиках и т. д. Кроме военной и финансовой службы, в Сибири требовалось много людей для обеспечения правильных сношений между населенными пунктами, для ямской гоньбы. Для этой службы правительство тоже переводило иногда в Сибирь людей по прибору и указу. Когда проложили в Сибирь дорогу от Соликамска на Верхотурье, то по ней на известных расстояниях устроили ямы, а в них поселили ямщиков. Им были розданы поблизости пашни и уголья. Особенно много ямщиков было поселено в Туринске на перепутье между Верхотурьем и Тюменью. В 1636 г. для обеспечения правильных сношений между Тобольском, Березовом и Сургутом были устроены на р. Иртыше две ямщицких слободы — *Демьяновская* и *Самаров-*

ская, для которых прибрано 100 человек ямщиков с женами и детьми в поморских городах. Им дали подмоги по 5 рублей на пай, да конные подводы для переезда в Сибирь.

Но кроме прибора и перевода стала давать людей для заселения Сибири и вольная народная колонизация.

После того, как были покорены инородцы и появились русские города и селения, в Сибирь стали приливать разные гулящие люди, казаки и безземельные крестьяне, подчас беглые люди — крестьяне и холопы, преступники. Весьма характерен отзыв одного из воевод о составе сибирского населения: “Все мужики схожие из разных городов, всякого воровства бегаячи”. Часть этих людей местные правительственные агенты выбирали в казаки, стрельцы и пашенные крестьяне, часть устраивалась в так называемые половники и захребетники к землевладельцам и земледельцам, а часть обосновывалась в Сибири и самостоятельно. Тяжелые социально-экономические условия гнали немало русских людей в Сибирь, где они надеялись на более легкое и привольное житье. В конце XVII в., после указа царевны Софьи 1684 г., грозившего упорствующим в расколе сожжением на костре, пошла значительная раскольничья эмиграция в Сибирь, особенно из Северного края. В промежутке времени между 1686 и 1708 гг. из 41 тысячи дворов, числившихся по переписным книгам в поморских городах и их уездах, убыло около 2/3. Раскольники бежали из Северного края на Дон и Яик, но большей частью в Сибирь.

Таковы были разнообразные притоки в Сибирь мирного земледельческого и промыслового населения. С его появлением и умножением возникали и новые виды русских поселков в Сибири.

Выше было сказано, что служилые люди и духовенство, поселившиеся в сибирских городах, только на первых порах находились на полном иждивении казны, а затем они получали земли для заведения хлебопашества. Земли раздавались поблизости от города и в стороне, так называемые отъезжие поля. Эти поля приходилось обрабатывать наездом из города: служилые люди и духовенство во время летних работ должны были со всеми своими работниками ездить за 20, 30, 50, а иногда и за 100 верст пахать, сеять, убирать хлеб и т.д. С течением времени землевладельцы стали на этих землях строить дворы и селить бывших у них холопов, которых они привозили с собою или же покупали в Сибири, разных гулящих людей, которые делались их захребетниками или половниками, родственников. Так возникли выселки на отъезжих полях. Чем больше прилиvalo в Сибирь рабочего люда, которым могли воспользоваться землевладельцы, тем дальше от города получали земли служилые люди и духовенство, тем больше возникало на этих землях самостоятельных поселков, деревень. Когда в 20-х годах XVII столе-

тия производилась опись сибирских городов, то оказалось, что чуть не у большинства служилых людей есть выселки и деревни.

Пашенные крестьяне и посадские люди так же, как и служилые, селились поначалу в городах, и описи 20-х годов XVII столетия застают еще в них известное количество крестьянских дворов. На первых порах они получали земли также под городом. Но скоро этих земель оказалось недостаточно, и им отводились земли в стороне, отъезжие поля. На этих отъезжих полях пашенные крестьяне и посадские люди устраивали дворы, в которых поселяли своих родственников, а иногда и своих “крепостных” или гулящих людей в качестве половников и захребетников; иногда и сами с семьями переезжали туда из города. Так появились деревни посадских людей, пашенных крестьян, ямщиков.

Из всего сказанного можно видеть, что и в Сибири города были рассадниками русской колонизации. Возникавшие вокруг них селения либо были выселками из городов, либо основывались состоятельными городскими жителями. Но так было только в самом начале заселения края русскими людьми. С большим приливом колонистов поселки вне городов стали возникать самостоятельно и независимо от городов. Например, в конце 30-х годов XVII в. таким образом возникла в 50 верстах от Тобольска при озере Куларовском слобода *Куларовская*, где поселились 14 человек пашенных крестьян. В 1621 г. появилась *Невьянская* слобода в Верхотурском уезде. Правительство узнало, что на р. Невье при слиянии ее с р. Режем есть прекрасная земля, на которой можно завести государеву пашню, и прислало туда 41 семейство пашенных крестьян, набранных в дворцовых селах Казанского царства. Из этих “переведенцев” 10 семейств поселилось на южном берегу Невьи и основали Невьянскую слободу, а остальные расселились вверх по Невье и Режу и основали пять деревень. В том же 1621 г. Федька Тараканов прибрал охочих людей 47 семейств, которые заложили еще десять деревень по Невье. Невьянская слобода со всеми этими деревнями составила в Верхотурском уезде особую волость — *Невьянскую*. Вскоре в этой волости возник монастырь Преображенский для удовлетворения духовных нужд населения, а для воинской охраны *Невьянский острожек*. В том же Верхотурском уезде позже появились: слобода *Ницинская*, в которой были поселены охочие и ссыльные люди для обработки государевой пашни; слобода *Ирбитская*, *Усть-Ирбитская*, *Белослудская* с той же целью; *Рудная* для разработки железной руды. Все эти слободы также окружались деревнями, укреплялись острожками и превращались в центры особых волостей.

Так, не только изнутри, но и извне прирастали к сибирским городам русские поселки и формировались их уезды с подразделениями-волостями. Если мы примем во внимание, что сибирские города были раскиданы друг от друга на огромных расстояниях, а выросшие из них или около них посел-

ки отстояли сравнительно близко от них, то должны будем представить русскую оседлость в Сибири в XVII в. островами, оазисами среди лесной и болотной пустыни.

К каким же результатам привела русская колонизация Сибири к концу рассматриваемой эпохи? Количественно эти результаты, можно сказать, ничтожны. Когда в 1711 г. была учреждена Сибирская губерния, в ней насчитывалось 49824 двора, т.е. около 50 тысяч. Но в состав этой губернии входило и Приуралье. В 1719 г., когда вводилось деление на провинции, собственно Сибирь имела 37096 дворов. Словцов на основании неизвестных источников насчитывает в Сибири в 1709 г. 229227 душ обоего пола, кроме инородцев. Эта цифра до известной степени совпадает с той, которую дает расчет по количеству рекрутов, выставлявшихся в 1710 г.: 143 тыс. мужчин податного состояния. Такой ничтожный результат заселения Сибири объясняется помимо других причин главным образом ничтожностью самого колонизационного фонда России. По исследованиям историков, Россия в XVII в. насчитывала не более 16 млн человек. Русское население Сибири, следовательно, составляло около 1,5% общего числа.

Не нужно, кроме того, забывать, что русский народ в XVII в. усиленно колонизовал и другие местности — Поволжье, степную Украину, так что на долю Сибири приходилась только часть колонизационного потока. Колонизационное движение в Сибирь шло преимущественно из Северного края, из так называемых поморских уездов. Здесь набирались и служилые люди, и пашенные крестьяне, и посадские для заселения сибирских городов; отсюда же преимущественно шли в Сибирь и охочие люди. Великорусы Севера составляли основное ядро сибирского населения, которое и до сих пор говорит большей частью северными говорами.

С расселением русских людей в Сибири начался тот же самый этнографический процесс слияния народностей, который происходил в свое время в Европейской России. Часть инородческого населения крестилась и роднилась с пришельцами. Особенно часто крестились инородческие князьки и старшины, которых сибирские воеводы верстали в государеву службу — в дети боярские и стрельцы. Рядовые новокрещенцы зачислялись в пашенные крестьяне.

Т.к. в Сибирь попадало гораздо больше русских мужчин, чем женщин, то смешанные браки стали обычным явлением. Партии казаков, рыскавшие по лесной пустыне Сибири, встретив инородческие юрты, сплошь и рядом брали ясак бабами и девками, которых уводили с собой в свои острожки и зимовья. Позже русские прямо скупали себе девок у инородцев и даже в XIX в. сибирским властям предписывалось (указом 11 февраля 1825 г.) покупать детей женского пола у инородцев для отдачи их впоследствии замуж за русских людей. В результате получилось широкое и повсеместное

смешение русского населения с инородческими племенами. В бывших Березовском и Сургутском уездах русские старожилы напоминают остяков своими скуластыми лицами и узким разрезом глаз. В Барабе и приалтайских местностях русскими восприняты татарские и киргизские черты. В Восточной Сибири многие потомки русских старожилов приняли почти инородческое обличье. Так, от смешанных браков с бурятами получилось потомство смуглое, черноволосое и черноглазое, сплошь и рядом скуластое и узкоглазое. По Лене и ее притокам иные русские обьякутились и наружно и внутренне, хорошо говорят по-якутски и плохо по-русски. В Колымском крае попадаются русские люди малого роста, с головой, похожей на якутскую, с косым разрезом глаз, выдающимися скулами, большой нижней челюстью, почти без волос на лице, плохо говорящие по-русски. В бывших Кузнецком, Бийском и Барнаульском уездах, наоборот, русские оказали могущественное расовое влияние на инородцев, которые значительно обрусели и наружно и внутренне. Целые волости населены здесь как бы особой разновидностью русского племени, представители которой говорят на несколько испорченном русском языке. Чистый русский тип сохранили, как и естественно ожидать, крестьяне-старообрядцы в Забайкалье, называемые "семейскими". В этой группе населения до настоящего времени остается в полной неприкосновенности не только тип, но и обычай и вообще весь старорусский жизненный уклад. В южном Алтае жило до 30 тыс. староверцев, прозванных "поляками", которые ни с кем не смешивались, красивы, стройны, особенно женщины, волосы имеют светлые или русые, лоб прямой и широкий, глаза большие, правильный нос и вообще правильные черты лица.

Наряду с ассимиляцией туземного населения с русским происходило и несомненное уменьшение его численности в некоторых местностях Сибири. С приближением русских некоторые туземные племена отходили подалее вглубь лесов и тундр. На новых местах туземцы попадали обыкновенно в худшие условия существования и среди них начинал развиваться процесс вымирания. Этот процесс ускорялся тем, что русские занесли в Сибирь некоторые опустошительные болезни (оспу, сифилис и др.), и тем, что туземцы при столкновении с русскими теряли своих женщин и детей и им в одиночестве приходилось доканчивать свое жалкое существование. К 1641 г. в восьми волостях Тарского уезда умерло 147 ясачных людей, из них только у пяти остались жены и дети — факт в высшей степени знаменательный, прекрасно иллюстрирующий начавшийся процесс смены народностей в Сибири. В начале XVIII в. (в 1709 г.), по вычислениям Словцова, инородческое население в Сибири было уже в меньшинстве: на 229227 душ русских людей числилось около 200 тыс. инородцев.

В XVIII и XIX вв. происходило уже не столько расширение русской территории в Сибири, сколько заполнение уже занятой новыми русскими

селениями. Но при всем том и за эти века были сделаны некоторые приращения территории как на западе Сибири, так и на востоке.

В Западной Сибири, как уже было сказано, после покорения владений Сибирского хана, русские пришли в непосредственное соприкосновение с кочевниками — киргизами, калмыками и некоторыми другими племенами. Эти кочевники в отношении русских селений в Сибири стали выполнять ту же роль, какую играли их соплеменники — татары, ногаи и калмыки, кочевавшие в южных степях Восточной Европы в отношении окраинного русского населения, т. е. непрерывно нападали, жгли селения, грабили и убивали жителей, уводили пленных. И средства борьбы с ними здесь применялись те же самые, что и в Восточной Европе, т. е. постройка сначала городков и острожков, а затем непрерывных укрепленных линий. Выше было указано на сооружение в XVII в. отдельных городков и острожков на юго-западе Сибири. В XVIII в. эта работа продолжалась. В 1707 г. был построен на верхнем Енисее *Абаканский острог*. В 1709 г. появился *Бийский* на р. Бие для защиты от нападений калмыков. В 1713 г. для защиты от нападений киргизов возник на р. Оби, выше впадения Томи, *Чаусский острог*, переименованный в 1722 г. в *Колывань*. Для обеспечения свободного добывания соли из озера Ямышевского в 1715 г. была построена крепость *Ямышевская*, а затем возникают по Иртышу крепости *Омская* (1716 г.), *Железинская* (1717 г.), *Павлодар*, *Семипалатинская* (1718 г.) и *Усть-Каменогорская* (1720 г.). Они должны были защищать водный путь по Иртышу, которым Петр предполагал проникнуть к г. Эркети (Ярхенд), где, по слухам, были богатые золотые россыпи, и вместе с тем оборонять русские поселки в бассейне верхней Оби от нападений с запада калмыков и киргизов. Позже стали проводиться в Западной Сибири укрепленные линии вроде тех, какие мы видели в Поволжье и степной Украине Московского государства.

В конце 30-х годов XVIII в. была проведена так называемая Ишимская линия. От укрепления *Чернолуцкого* на Иртыше, ниже Омска, она направлялась к северо-востоку по течению Иртыша до укрепления *Пустынного*, где поворачивала к северо-западу до *Зудилова*, а отсюда уклонялась к юго-западу до *Ишима*, от Ишима шла к северо-западу до *Усть-Ламинского*, от которого принимала направление к юго-западу и потом к югу. Главными укрепленными пунктами этой линии были крепости: *Чернолуцкий острог*, *Пустынная*, *Большерецкий острог*, *Зудиловский*, *Абацкая*, *Кош-Карагайская*, *Корхино*, *Безруково*, *Усть-Ламинская*, *Олутное*, а затем форпосты *Суерский*, *Арнагульский*, *Моравский*, *Максимовский*, *Марковский*, *Верхне-Утяцкий*, *Чернавский* и *Лебяжий*. Продолжением этой линии за Иртышом служили остроги *Каминский*, *Бийский*. В укреплениях, состоявших из деревянных стен, рогаток и надолб, были поселены главным образом ссыльные — стрельцы, казаки, старообрядцы, пленные, которые обязаны были наблюдать

за границей. отражать по мере возможности нападения кочевников и прокармливать себя и свои семейства собственным хозяйством.

В царствование императрицы Елизаветы, в начале 50-х годов XVIII в., была сооружена новая линия южнее Илимской — Пресногорьковская, или Горьковская. В состав ее входили крепости *Омская, Лебяжья, Полуденная, Петропавловская, Николаевская и Покровская*, а далее к западу — станицы *Скопинская, Становая, Пресновская, Кабанья, Пресногорьковская и Звериноголовская*. В последней эта линия смыкалась с Уйской линией укреплений, проведенной на пограничье Оренбургского края. На юго-восток от Омска вверх по Иртышу шла Иртышская линия, в состав которой вошли крепости *Железинская, Павлодарская, Ямышевская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская*. Последней укрепленной линией в Западной Сибири была Кольвано-Кузнецкая, воздвигнутая от Усть-Каменогорска до Кузнецка в конце 50-х годов XVIII столетия. Она была проведена для охраны горных заводов, Кольванского и других, возникших в Алтайских горах. В состав ее вошли укрепления: Согра, Бобровская защита, Сеитовский редут, Верхне-Убинская защита, Большерецкая, Плоская, Ключевский маяк, Верхне-Белорецкая защита, Гигерецкий, Яровский, Тулатинский, Чарышский, Сосновский, Шанцы, Маралий рог, маяк Слоденский, форпост Антоновский, маяк Николаевский, крепости Терская, Ануйская, Катунская, Енисейская, Бехтемирская, форпосты Новиковский и Кузодеевский. С построением Кольвано-Кузнецкой линии образовалась непрерывная линия укреплений, начиная от устья р. Самары и до города Кузнецка на р. Томи; в состав ее входили Самарская, Оренбургская, Пресногорьковская, Иртышская и Кольвано-Кузнецкая линии. Они защищали русские поселки от нападений кочевников, главным образом калмыков и киргизов.

Далее на восток проходила уже естественная граница по горам, окаймляющим Восточно-Азиатское плоскогорье с севера, начиная с Шабин-Дага на верховьях Енисея до р. Аргуни. Здесь не было нападений кочевников, как в западно-сибирском южном пограничье, и по этой границе меры предосторожности ограничивались только выставлением пикетов и караулов с той и другой стороны в перевальных пунктах.

В Восточной Сибири в XVIII и XIX вв. русская оседлость распространилась на Камчатку и Приамурье. Еще в 1697 г. боярский сын Владимир Атласов проник из Анадырска в Камчатку и основал в ней *Нижне-Камчатский острог*. Восемь лет спустя, в 1705 г., Кобелев достиг уже южных берегов Камчатки, основал *Большерецк* и обложил камчадалов ясаком. После того русские люди стали ездить в Камчатку из Охотска, они скоро исследовали ее подробно и окончательно покорили. Ими были выстроены еще несколько острогов — *Верхне-Камчатский, Тагильский* и др. Послед-

ним этапом в занятии Камчатки было устройство *Петропавловского* острога в 1840 году.

К половине XIX в. объявилась настоятельная необходимость защиты русских промыслов на Беринговом и Охотском морях и на всем вообще Охотском побережье Сибири. Иностранные суда, преимущественно английские, стали все чаще и чаще появляться в названных морях, делать промеры и наносить их на карты, бить китов, моржей, тюленей и котиков. Кроме того, обрисовалась опасность захвата англичанами низовья Амура, т.к. здесь не было произведено точного разграничения между Россией и Китаем и эта область ни за кем не была признана. Стало ясным, что для защиты восточного побережья и морей русским необходимо овладеть Амуром, ибо только эта река в то время представляла удобный путь к побережью. За выполнение этой задачи и взялся тогдашний генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев. Ему пришлось преодолевать не только внешние затруднения, но и внутренние, ставившиеся ему Министерством иностранных дел. В капитане Невельском Муравьев нашел убежденного и искусного исполнителя своих планов. В 1850 г. Невельской на транспорте “Байкал” якобы самовольно, вопреки данной ему инструкции, вошел в устье Амура, радушно был принят гиляками, которые просили защитить их от насилий иностранцев, и заложил зимовье *Петровское*, а в 25 верстах выше поднял русский флаг на вновь устроенном посту, названном *Николаевским* (в 1851 г.). В 1854 г. сам генерал-губернатор Муравьев с разрешения императора вышел с Шилкинского завода с целой флотилией карбасов и поплыл вниз по Амуру, поднимая на пути русский флаг. В *Мариинском* посту он встретился с Невельским. Экспедицией Невельского был поднят русский флаг и на побережье южнее устьев Амура — в заливе де-Пастри, бухте Императорской; тогда же была занята и северная часть Сахалина. Китай, разумеется, протестовал, но обе стороны скоро пришли к соглашению. В 1858 г. был заключен Айгунский договор, по которому река Амур признавалась границей между Россией и Китаем, а плавание по Амуру и Усури позволялось только судам этих соседей. Еще до заключения договора русские спешили укрепиться на Амуре и основали на левом его берегу несколько военных постов. Один из этих постов на устье р. Зеи в 1858 г. был переименован в г. Благовещенск и назначен быть центром управления вновь организованной Амурской области, а другой пост, Хабаровский, ниже устья Усури, стал административным центром Приморской области позже, в 1880 г. (до этого времени этим центром был город Николаевск, выросший из вышеупомянутого поста Николаевского). В 1860 г. Айгунский договор был дополнен Пекинским, по которому Китай признал за Россией Усурийский край, т.е. земли между правым берегом Усури и Тихим океаном. В том же году появился военный пост

Владивосток, превратившийся с течением времени в крупный порт и наилучший город России на Великом океане.

Русская власть и русская колонизация перекинулись было с азиатского материка на острова Великого океана и на материк Америки. После Камчатки русские промышленники заняли один за другим Курильские острова. В 1786 г. были присоединены к России шесть Алеутских островов. Особенную энергию в этом направлении проявил промышленник Г.И.Шелехов, уроженец Рыльского, еще в молодости переселившийся в Сибирь. Он не раз снаряжал промышленные экспедиции к Курильским и Алеутским островам; во время одной из этих экспедиций была открыта на Беринговом море целая группа островов севернее Алеутских. Затем в 1784 г. сам Шелехов с тремя кораблями пристал к острову Кадьяку, у полуострова Аляски, построил там постоянное селение, а в следующем году перенес свою деятельность на материк и таким образом положил начало русским владениям в Америке. Щедро награжденный Екатериной II, Шелехов до самой своей смерти продолжал в компании с другими развивать свое промышленное дело. После его смерти торговые товарищества, захватившие отдельные острова, слились в одну Российско-Американскую компанию (1798 г.). В последующие годы компания значительно расширила свою территорию. В 1804 г. на острове Ситхе возникло поселение *Ново-Архангельск*, ставшее главным пунктом Русской Америки. В 1825 г. русские владения были отграничены от британских: граница начиналась на берегу Тихого океана на 54 градусах 49 минуте с.ш. и шла к 141 меридиану (от Гринвича), по которому и доходила до Северного океана. Российско-Американской компании, однако, не удалось покорить все туземное население края: большое племя все время оставалось независимым, и компания должна была держать много редутов и укреплений. В 1867 г. все владения компании, кроме Курильских островов, были переданы Северо-Американским Соединенным Штатам. Затем наступила очередь и Курильских островов. В 1875 г. Россия уступила их Японии в обмен на южную часть Сахалина. Но в 1905 г. по Портсмутскому договору Россия вынуждена была полностью отказаться от этого острова. В конце концов у России остались во владении северная часть Азии и некоторые острова на Беринговом, Охотском и Японском морях.

Расширяя в XVIII и XIX вв. свои сибирские владения, русское правительство не прекращало и усилий по заселению края. Открытые в Сибири горные богатства требовали рабочих рук, которыми она была крайне бедна. С другой стороны, требовались люди для защиты южных окраин Сибири. В течение XVIII и первой четверти XIX в. правительство направляло в Сибирь преимущественно такие элементы общества, которые почему-либо оказывались негодными для жительства в Европейской России. Ссылка в Сибирь за провинности и преступления стала в ту эпоху господствующим ви-

дом правительственной колонизации. По временам, однако, правительство прибегало и к старому способу — прибору людей.

Эпоха принудительного заселения Сибири открылась усиленной ссылкой мятежных стрельцов при Петре Великом. В Сибири в то время не существовало почти ни одного острога, где бы не было сосланных стрельцов. В 1708 г. для большинства донских казаков, участвовавших в Булавинском бунте, повешение было заменено ссылкой в Сибирь. В 1711 г. были высланы в Сибирь из Казанской губернии за попытку бегства пленные шведы, в 1715 г. — керженские раскольники и т.д.

Правительства послепетровского времени усвоили взгляд на Сибирь как на колонию для преступных и порочных элементов и в соответствии с этим приняли целый ряд указов о заселении Сибири. Так, например, в 1729 г. было велено ссылать в Сибирь разных беглых и бродяг, которых помещики не пожелают принять обратно, “дабы через то шатающихся и праздных без дел и платежа подушных денег никогда не было”, в 1730 г. — пойманных беглых, стремившихся уйти за границу, в 1733 г. — всех виновных в делании золотых и серебряных вещей ниже пробы, в подделке их и торговле ими, в 1737 г. — негодных к военной службе лиц, виновных в продаже, покупке или отдаче в рекруты чужих людей и крестьян, в 1739 г. — заводских мастеровых и рабочих людей за пьянство и игру в кости и карты. Все эти указы разумели административную ссылку. Наряду с ними действовали старые московские законы, изданные во второй половине XVII в., о ссылке за некоторые уголовные преступления по суду, как-то: за повторную кражу, за разбой и наезд, за укрывательство воров и разбойников, за корчемство, за непредумышленное убийство и т.д. В 1753 и 1754 гг. Елизавета присоединила к этим законам указы о замене смертной казни за общегражданские преступления политической смертью и ссылкой в Сибирь навсегда. Она же положила начало ссылке крестьян в Сибирь их владельцами.

В 1760 г. был издан известный указ, предоставлявший право всем лицам и учреждениям удалять в Сибирь своих крестьян, почему-либо для них неудобных, с зачетом их за рекрут и с получением платы из казны по таксе за их жен и детей. Этот вид поселенцев получил особое название сосланных “за предерзости”. Преимущественно этого рода ссылными были заселены местности по Барабинской степи до Томска.

Елизавета и Екатерина ссылали в Сибирь беглых раскольников, вывозимых из Польши с Ветки (из стародубских лесов), и беспокойных казаков. (В 1770 г., например, в Сибирь было сослано 150 семей запорожцев.) Возвращаемых из Польши раскольников поселяли частью на Алтае, частью по Селенге. Их потомки до последнего времени были известны в Сибири под именем “поляков”. Они представляли собой самое зажиточное население

ние Сибири и обыкновенно имели большие семьи, что вызвало и местное прозвание их “семейскими”.

Как же устраивались в Сибири эти невольные колонисты? Люди вольные попадали большей частью в состав служилых людей, живших по городкам и острожкам для охраны занятой территории. Ссылавшиеся в начале XVIII в. стрельцы и в течение всего XVIII в. казаки вошли в состав сибирских войск. Часть ссыльных сажали в XVIII в. на пашню, чаще всего крестьян, сосланных владельцами “за предерзости”. Как уже говорилось, большинство их были поселены в Западной Сибири в Барабинской степи. Многие, впрочем, попали в Забайкалье и в нынешний Нерчинский и Селенгинский округа и составили вместе с “полями” земледельческое население этого края. Собственно преступные элементы, ссылавшиеся в Сибирь в XVIII в., устраивались на работы на горных промыслах и заводах. В 1704 г. в Нерчинском крае была найдена серебряная руда и устроены сереброплавильные казенные заводы. В 1725 г. Акинфий Демидов открыл на Алтае медную руду и основал Колыванские медеплавильные заводы, впоследствии (в 1747 г.) перешедшие в казну. Восемнадцать лет спустя, в 1744 г., на Алтае были найдены богатейшие серебряные рудники, вызвавшие постройку ряда заводов для выплавки серебра. В 1745 г. открыли золото на Урале и началась разработка Березовского рудника. Для работ на рудниках и заводах Сибири правительство стало пристраивать ссыльных, преимущественно преступников. На основании узаконений 1735 и 1737 гг. колодники направлялись в приуральскую Сибирь и в Нерчинский край, а с 1747 г., когда Колыванские заводы перешли в казну, и на Алтай.

Итак, правительственная колонизация Сибири в XVIII в. носила преимущественно принудительный характер. Только в самом конце века было сделано некоторое исключение. В 1799 г. появился указ о добровольном переселении отставных солдат в Забайкалье, где из них предполагалось образовать особый класс “государственных поселян”. Правительство в то время было увлечено мыслью заселить этот край, “одаренный от природы как плодотворным кряжем земли, так и благорастворенным климатом”, развить в нем земледелие и скотоводство, завести суконные и юфтевые фабрики в видах развития торговых сношений с Китаем. Добровольным поселенцам предполагалось давать по 30 десятин на душу земли, готовые дворы, сельскохозяйственные орудия и семена на первоначальное обзаведение, хлеба на полтора года и свободу от податей на 10 лет. Результаты этих усилий правительства из-за отсутствия должной организации переселений оказались ничтожными. К 1805 г. в Забайкалье было водворено только 610 душ переселенцев, притом не одних только добровольных, но и невольных.

Вольная колонизация Сибири в XVIII в. совершалась большей частью помимо правительства и вопреки его усилиям. Каждая подушная пере-

пись открывала в Сибири так называемых “прописных людей”, не попавших в предшествующую перепись. Нет сомнения, что значительная доля этого “прописного” населения была осадком вольной народной колонизации, а именно бегства от крепостной зависимости, от рекрутчины и тому подобных тягостей. Это видно из целого ряда указов, требовавших возвращения из Сибири беглецов на прежние места их приписки к прежним владельцам. Иногда беглые основывали в Сибири целые группы поселков, которые долгое время оставались неизвестными властям. Таким образом, например, в недоступной части Букшарминского края, известной под именем Камня, в горах возникло 30 поселков вольных поселенцев. “Каменьщики” жили тихо и смиренно и лишь изредка в одиночку появлялись в селениях округа Алтайских заводов доставать себе соль. К 80-м годам столетия приисковые заводские партии стали все ближе и ближе подходить к Камню, и его обитатели из страха перед русским правительством пытались в 1786 году поступить в китайское подданство; когда же эта попытка кончилась неудачей, они решились в 1790 г. объявить правительству о своем существовании и были прощены. Вообще правительство вследствие недостатка в людях вынуждалось сплошь и рядом делать послабление для беглых. В 1735 г. оно разрешило впредь до указа не возвращать тех беглых крестьян, которые уже положены при заводах в подушный оклад. В 1744 г. было повелено навсегда оставить в казачьем звании тех беглецов, которые уже успели к тому времени зачислиться в казаки.

Каковы же были результаты русской колонизации Сибири к концу XVIII в.? По данным Гагемейстера, составленным согласно итогам пятой ревизии 1796—1797 гг., в доенисейской Сибири в то время жило 575800 человек русских, из них 293800 мужчин. Данные Щеглова несколько расходятся с этим исчислением. По Щеглову, русских во всей Сибири в 1797 г. было 553766 человек, из которых 110222 человека приходилось на Иркутскую губернию с Забайкальем. Можно сказать в общем, что в XVIII в. по сравнению с XVII в. русское население Сибири удвоилось. Это увеличение надо отнести, однако, главным образом на счет естественного размножения русского населения Сибири, утвердившегося здесь по указу и прибору Московского правительства с семьями. Ссылка в XVIII в. не могла дать здесь значительного прироста русского населения, ибо ссыльные попадали в Сибирь в большинстве случаев без семьи, а обзаводиться семьями в Сибири не имели возможности из-за большой нехватки женщин. Это предположение подтверждается и устойчивостью сибирского говора. Старожильцы Сибири и по сие время говорят теми самыми говорами, какие распространены на Севере Европейской России, откуда вышло большинство насельников Сибири XVIII века. Что касается туземцев, то, по Гагемейстеру, их число к концу XVIII в. увеличилось до 363362 человек (с 200 тыс. человек в 1709 г.).

Таким образом, прирост туземного населения Сибири совершался гораздо медленнее, чем русского, которое и размножалось успешнее, живя в лучших условиях и, кроме того, пополнялось пришлыми людьми.

В дореформенную эпоху XIX в. продолжалась ссылка в Сибирь на каторгу и на поселение по приговорам судов, распоряжениям администрации и владельцев. К этому присоединилась еще ссылка по приговорам мещанских и крестьянских обществ, желавших избавиться от порочных и беспокойных элементов. Это право было признано за обществами Сводом Законов и они стали пользоваться им в довольно широких масштабах: в 30-х и 40-х годах этим путем попало в Сибирь около 6000 человек с семьями. Приблизительно такое же число отправили помещики (в общей сложности около 8000 человек за все время царствования Николая I). По приговорам судов и распоряжениям администрации в тот же период было сослано в Сибирь более 350 тыс. человек. В первой четверти XIX в. правительство стремилось возможно лучше использовать колонизационный материал, который давала ссылка. В качестве районов для колонизации Положение 1806 г. определяло Забайкалье и часть Иркутской губернии по эту сторону Байкала (Нижнеудинский уезд). Но при усиленном росте числа ссылаемых в Сибирь (главным образом бродяг) местной администрации не удавалось справиться с возлагаемыми на нее задачами. Ссылаемые устраивались в Сибири где и как придется.

Из мероприятий по принудительному заселению Сибири в начале XIX в. необходимо отметить еще и указы 1811 г. о водворении 360 семейств в Туруханском крае для обслуживания ямской гоньбы и правила об устройстве зимовий между Якутском и Охотском. В почтовых станциях и зимовьях предполагалось населить людей, впавших в маловажные преступления, а также добровольцев. Но последних не оказалось.

Параллельно с этим Сибирь все более и более стала привлекать внимание правительства как колония для оттока избыточного населения. Этот избыток чувствовался в некоторых местностях уже в самом начале XIX века. Положением 1806 г. государственным крестьянам, испытывающим недостаток земли, было разрешено водворяться на удобных пустопорожних землях с получением от казны денежных пособий и пятилетней льготы от всех податей и повинностей, кроме рекрутской. Предоставленным правом не замедлило воспользоваться довольно значительное число крестьян. В Томскую губернию переселилось до 3200 семейств, пока в 1812 г. действие Положения 1806 г. не было приостановлено. Оно было возобновлено в 1822 г. по представлению Сперанского, который указывал на двоякую выгоду для государства от добровольных переселений в Сибирь — на возможность заселять этот пустынный малолюдный край и на доставление крестьянам, обитающим в губерниях, скудных землями, потребного изобилия. Указ от 10

апреля 1822 г. дал всем казенным крестьянам право переселяться в Сибирь с разрешения местных казенных палат и по уплате всех числящихся за ними недоимок. Значительного передвижения крестьян в Сибирь в 20-х и 30-х годах XIX столетия, однако, не последовало. Главная причина этого заключалась в отсутствии сведений о количестве и местонахождении свободных и удобных для хлебопашества земель в Сибири. Крестьянам предоставлялось самим описывать эти земли через своих ходоков, но это было для них не по силам при тогдашней дороговизне пути в Сибирь.

Переселение в Сибирь государственных крестьян пошло успешнее лишь с того времени, когда это дело взяло в свои руки учрежденное в 1837 г. Министерство государственных имуществ. Это министерство во главе с Киселевым задало общей целью поднять материальное и культурное состояние государственных крестьян предоставлением им большого земельного пространства. Оно организовало ряд мер по переселению крестьян, сначала во внутренние губернии (Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую, Самарскую, Уфимскую, Оренбургскую и Харьковскую), где было много свободной земли, а потом в сибирские — Тобольскую, Томскую и Енисейскую. Переселенцам выдавалась безвозвратная ссуда деньгами (до 50 рублей), земледельческими орудиями и скотом и предоставлялась 8-летняя льгота от податей и повинностей и 3-летняя от рекрутчины; с переселенцев даже снимались недоимки по прежнему их местожительству. Для следования переселенческих партий назначались особые проводники, причем по пути переселенцам отводились бесплатные квартиры и давалось продовольствие. Одновременно с этим были приведены в известность удобные земли в Сибири и во множестве намежованы переселенческие участки в 15 десятин. После этого переселение казенных крестьян ускорилося: к 1851 г. в одной Тобольской губернии, главным образом в Курганском округе, было поселено 19500 государственных крестьян. В течение 1852—1854 гг. в Сибирь переселилось 38225 человек, из которых около 25 тыс. в Тобольскую губернию, а остальные в Томскую. Министерство государственных имуществ стало вызывать желающих крестьян даже в Енисейскую губернию. На зов откликнулись крестьяне из Вятской, Пермской и Орловской губерний, и в 1858 г. их переселилось в Сибирь около 6000 человек. Все “киселевские” переселенцы хорошо устроились на новых местах благодаря плодородию отведенных им земель и своевременно оказанным пособиям и льготам.

Переселение государственных крестьян в Сибирь, несомненно, приняло бы еще большие масштабы, если бы оно не было обставлено разными ограничениями и стеснительными условиями.

Согласно уставу о благоустройстве в казенных поселениях (1842 г.), переселение разрешалось только из таких селений, в которых приходилось меньше пяти десятин на душу, и только тем крестьянам, которые не подле-

жали рекрутской повинности, участвовали в жеребьевке, не состояли под судом и следствием и не были связаны никакими договорами и обязательствами. Переселяться в Сибирь могли только крестьяне тех губерний, где не было казенных свободных земель для их испомещения. Для переселения требовались увольнительные приговоры обществ, ибо эти общества обязывались погасить все недоимки, числившиеся за переселяющимися, и в течение трех лет платить за них все подати и повинности, и, наконец, разрешение Министерства. Удовлетворить всем этим условиям было очень трудно, и потому казенные крестьяне иногда оставляли свою родину целыми семействами, не дожидаясь законного разрешения, с лежавшими на них недоимками. Министерство государственных имуществ считалось с совершившимся фактом и не возвращало самовольных переселенцев обратно на родину, принимая во внимание, что это привело бы их хозяйства к совершенному расстройству, не принеся при этом никакой пользы казне. Самовольные переселенцы лишь не получали льгот и пособий, но земля им отводилась. Некоторые из них, впрочем, пользуясь обширностью и малозвестностью страны, занимали земли без ведома властей. Таким путем в Томской губернии основалось много деревень, о существовании которых местная администрация узнала только при начавшемся межевании. К концу 50-х годов почти прекратилось переселение в Сибирь государственных крестьян с разрешения и при пособии правительства и продолжались одни только самовольные переселения.

В XIX в., как и раньше, в Сибири проводилась колонизаторская деятельность правительства с военно-стратегическими целями.

Не отличалась устойчивостью и безопасностью южная граница Сибири, тревожимая нападениями киргизов. Для более успешной борьбы с ними прежде всего были объединены все пограничные военные силы. В 1808 г. казаки Иртышской, Ишимской и Кольвано-Кузнецкой пограничных линий числом 6177 человек составили общее Сибирское линейное войско. Во главе его был поставлен выборный войсковой атаман. За казаками сохранились земельные наделы и права на Бухтарминские рыбные ловли и был предоставлен беспоплинный ввоз из киргизской степи рыбы и хмеля.

Однако шести тысяч казаков для охраны постоянно нарушаемой киргизами границы не хватало, и недостаток этот стал особенно ощутителен, когда в степи стало вводиться русское управление и в связи с этим в конце 30-х годов XIX в. начались киргизские бунты, продолжавшиеся десять лет. Для увеличения военных сил сначала было причислено к войску 9000 душ крестьян Курганского, Ишимского, Омского и Бийского округов, а затем последовало повеление о водворении на пограничье 3600 душ крестьян из малоземельных внутренних губерний. Всех этих переселенцев зачислили в казаки и для обучения их военному делу между ними поселили старых каза-

ков. В 1849 г. численность линейных казаков увеличилась еще переселением 4000 душ малороссов из Полтавской губернии.

С военно-стратегическими целями начата была в конце 50-х годов и *колонизация Амурской области*.

В 1855 г. русская эскадра, стоявшая раньше в Петропавловске, была переведена в устье р. Амура. Для закрепления этого пункта за Россией генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев в том же году набрал 51 семью крестьян из Иркутской губернии и Забайкалья и поселил их пятью поселками на низовьях Амура. Затем, в 50-х же годах из Забайкальского казачьего войска было сформировано Амурское, которое расселили пикетами по Амуру и Уссури (к 1862 г. — около 14 тыс. душ обоего пола). Одновременно состоялся вызов желающих переселиться на Амур из государственных крестьян Вятской, Тамбовской и Воронежской губерний с предложением им разных льгот и пособий. Таким путем в 1859 г. было переселено на Амур 240 человек, в 1860 г. — 524, в 1861 г. — 249 человек и т. д.

Так совершалась колонизация Сибири в XIX в. в дореформенную эпоху. В 1858 г. русских людей в Сибири насчитывалось уже 2288036 душ обоего пола, а туземцев всего 648 тысяч. Таким образом, Сибирь стала еще более русской землей, чем в начале XVIII века.

Широкая народная волна хлынула в Сибирь уже после освобождения крестьян, в 80-х и 90-х годах XIX в. и позднее, и окончательно покрывла собой туземное население Сибири.

На первых порах после отмены крепостного права в правительственных сферах создалось, впрочем, неблагоприятное настроение по отношению к крестьянским переселениям. Возобладало мнение, что после освобождения правительству нет надобности оказывать крестьянам в данном случае какое-либо содействие и что малоземельные крестьяне в сущности не имеют нужды переселяться в Сибирь, т. к. всегда могут найти заработки в качестве сельских рабочих или арендаторов у землевладельцев. Возникло также опасение, что предоставление освобожденным крестьянам широкой возможности переселения в Сибирь на казенные земли разовьет среди них вредную подвижность и бродяжничество. Землевладельцы, со своей стороны, ратовали против переселений в Сибирь, опасаясь лишиться рабочих рук и арендаторов их свободных земель. Поэтому уже в Положение 19 февраля вошли некоторые правила, которые, не касаясь прямо переселений, косвенно должны были их затруднять. Правила эти касались перехода бывших помещичьих крестьян в другие общества. Переход дозволялся только при условии, что крестьянин уплатил все недоимки, не состоит под судом и следствием, не имеет бесспорных взысканий на себя и обязательств, отказывается от надела и имеет приемный приговор от того общества, куда он переходит. Для крестьян, обязанных вносить выкупные платежи, выход из обще-

ства был затруднен рядом условий по уплате выкупа, а временнообязанным крестьянам выходы разрешены были только с согласия помещика. Все эти правила должны были затруднять переходы крестьян в другие общества, на крестьянские же земли, а следовательно, и переселения в Сибирь, где новоселы сплошь и рядом устраивались в существовавших уже селениях. Вслед за этим последовали узаконения, по которым права водворения на казенных землях получили кроме государственных крестьян только крестьяне мелкопоместных владельцев, однодворцы западных губерний, безземельные батраки и бобыли некоторых уездов Витебской губернии, горнозаводские мастеровые и отставные солдаты, которые не могли получить надела от своих обществ по малоземелью и другим причинам. В 1866 г. последовало стеснение переселений даже государственных крестьян. Взамен свободного переселения им было предоставлено лишь право ходатайствовать о переселении части членов их обществ в многоземельные губернии. Государственное казначейство прекратило кредиты для оказания вспомоществования переселяющимся государственным крестьянам.

Но жизнь брала свое, и законодательство оказалось не в силах остановить ее ход. Население Европейской России после отмены крепостного права быстро возрастало (к началу 90-х годов на 50%), между тем земельный фонд, предоставленный в его пользование, мало изменился. В некоторых местностях стала ощущаться земельная теснота, особенно среди бывших помещичьих крестьян. Результатом была тяга крестьянства на новые места, несмотря на все поставленные законодательством препятствия. Для обхода установленных правил люди пускались на все. Одни ликвидировали постепенно свое имущество и отправлялись как бы на заработки. Другие украдкой, ночью, в наскоро сколоченных повозках с самым необходимым скарбом двигались искать земли и простора. При этом уходило много времени, энергии и средств. Приходилось с семьями скитаться в беспредельной пустынной степи, в дремучих, труднопроходимых лесах, ютись у сел за околицей, т.к. приют у придорожных обывателей, опасавшихся ответа за “странных” людей, не всегда можно было найти. Целые месяцы, а порой даже годы протекали в поисках новых мест, куда добирались иногда без сил и средств и уже без возможности строить свое хозяйство. Такое положение дела мало-помалу вынуждало правительство изменять свою политику в переселенческом вопросе. Могучее народное движение прорывало все преграды, воздвигавшиеся законодательством, и в конце концов заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им.

Непосредственно после освобождения переселенческое движение направилось на кабинетские земли в Алтайский горный округ, куда доселе было запрещено переселяться. В этот округ, отличающийся плодородием почвы и

богатством разных угодий, стали прибывать “самоходы” из внутренних губерний и устраиваться в деревнях алтайских крестьян, освобожденных от обязательных заводских работ; часть прибывавших подвергалась выселению со стороны местной администрации. Генерал-губернатор Западной Сибири, найдя, что заселение Алтайского округа будет выгодно для горных промыслов Алтая, т.к. увеличит число рабочих рук, запросил кабинет, на каких основаниях могли бы быть водворяемы переселенцы из Европейской России в Алтайском округе. Кабинет нашел возможным допустить водворение государственных крестьян в уже существующие общества при их согласии, с наделом из дач, находящихся в пользовании этих обществ, а также и водворение на новых местах с наделом в 15 десятин на душу. На это последовало высочайшее соизволение 30 июля 1865 г. и, таким образом, положение “самоходов” на Алтае, поскольку они выходили из государственных крестьян, было легализовано.

Самовольные переселенцы тем временем наполняли и другие губернии Западной Сибири: с 1868 г. их накопилось там до 8000 с лишком душ. Власти не знали, что с ними делать, ибо вернуть их на родину были не в состоянии, и обратились по этому поводу с запросом к центральному правительству. В ответ на это последовало распоряжение о перечислении всех переселенцев, водворившихся до 14 декабря 1876 г. в Тобольской и Томской губерниях, из прежних обществ по местам их нового жительства с переводом на них долгов прежних недоимок и с рассрочкой уплаты этих недоимок на 4 года. И после 1876 г. самовольное переселение в приуральские губернии и Западную Сибирь продолжалось. Распоряжения о водворении самовольных переселенцев породили среди крестьян слухи о готовящихся новых законах земельного характера, о новой воле, об общем переделе земли и т.п., которые волновали крестьян, поднимали их с насиженных мест. Сюда же присоединились неурожаи и повышение наемных и продажных цен на землю. К концу 70-х годов переселенческое настроение среди крестьянской массы стало проявляться настолько резко, что земство, дворянские собрания, некоторые губернаторы Средней и Южной России начинают обращаться к правительству с настоятельной просьбой о принятии мер к упорядочению переселения, к облегчению условий и способов перехода на новые места нуждающимся в том крестьянам. Между прочим, черниговское земство в 1879 г. ходатайствовало перед Комитетом министров о предоставлении всем вообще крестьянам Черниговщины права водворяться на землях Уфимской и Оренбургской губерний. Часть печати также взывала к правительству о легализации и облегчении переселений. Все это в общей сложности не могло не повлиять в конце концов на политику правительства, которое признало, что оставлять переселенческое дело “в его настоящем неопределенном положении” больше нельзя. Последовало высочайшее повеление об учреж-

дении особой комиссии для выработки общего переселенческого закона, а до создания этого закона были введены в действие (10 июня 1881 г.) секретные временные правила о переселении.

Новые правила облегчали условия переселения в том смысле, что можно было не представлять приговоров от тех обществ, в которых намеревались устроиться новоселы, а равно не уплачивать вперед всех казенных и земских недоимок и податей по 1 января следующего года. Предполагалось переселяющимся отводить в краткосрочное пользование, впредь до окончательного разрешения в законодательном порядке, участки на казенных землях в южных, восточных и сибирских губерниях, причем величина участков не должна была превышать величины наделов по Положению 19 февраля 1861 года. Правила 1881 г. имели в виду оказывать содействие переселенцам выдачей сведений об участках, оказанием материальной и врачебной помощи на пути. С этой целью в селе Батраках была учреждена переселенческая контора, которая должна была обслуживать переселенцев, направляющихся в Оренбургскую и Уфимскую губернии и Западную Сибирь. Но все это касалось лишь тех крестьян, “экономическое положение которых к тому понуждает”, а определение этого положения принадлежало министрам внутренних дел и государственных имуществ, которые и выдавали разрешения на переселение. Таковых за три года выдано было всего 975 при движении в среднем 60 тыс. человек ежегодно. Таким образом, временные правила не достигали цели, не упорядочивали переселений в Сибирь.

Закон о переселении был издан только в 1889 году. Он мало изменял положение дела. В силу этого закона переселение возможно было только по разрешению министра внутренних дел, выдаваемому с согласия министра государственных имуществ, если имелись уважительные причины к тому и если в наличности были участки, предназначенные к заселению. Для водворения переселенцев министру государственных имуществ было предоставлено право образовывать особые участки из казенных земель в Европейской России, в Тобольской и Томской губерниях и в Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской областях. Эти участки отводились переселенцам в бессрочное постоянное пользование без права отчуждения и обременения долгами. Министры внутренних дел, финансов и государственных имуществ могли по взаимному их соглашению оказывать в случае необходимости особое содействие отдельным переселенцам выдачей им ссуд на путевые издержки и первоначальное обустройство, отпуском леса на постройки, освобождением от платежей в казну в течение двух лет в Европейской России и трех в Сибири, сложением с них недоимок и выкупных платежей по месту прежнего жительства. В 1891 и 1892 годах район переселений был расширен Енисейской и Иркутской губерниями и Уральской и Тургайской областями.

Пока вырабатывался этот закон, переселение все более и более увеличивалось, причем без разрешения уходило за Урал по крайней мере 75% из 100 тыс. человек, переселявшихся ежегодно. Большинство их смутно представляло себе, что ожидает их в Сибири. Многие даже не знали, куда направлялись, шли на “Мамур-реку”, на “Китайский клин”, в “Беловодье”, но где были эти места и какими путями достигнуть их, переселенцы не могли сказать. Лишь немногие посылали предварительно ходяков, остальные же направлялись по письмам родных и знакомых, а чаще по слухам. Слухи эти сплошь и рядом были нелепыми и фантастическими. Сибирь представлялась страной, изобилующей не только ценным зверьем и рыбой, но и садами. Сенокосы представлялись беспредельными, сибирский чернозем не знающим неурожая. Распространялись сказки и о том, что переселенцам на местах дают большие деньги, готовые усадьбы, скот и инвентарь, а главное — землю, которая сама собой родит хлеб и вату. Понятно, что народ повалил на новые места, несмотря на то, что многим приходилось разочаровываться и возвращаться обратно совершенно разоренными.

Действие закона 1889 г. не устранило притока самовольных переселенцев в Сибирь. На основании этого закона в 1890 и 1891 гг. разрешения на переселение были выданы 14289 семьям, а перевалило через Урал за это время, по данным регистрации переселения, около 28 тыс. семей. Определились и те излюбленные места, куда устремлялось большинство переселенцев. Это были Омская губерния с Алтайским горным округом, степная часть Тобольской губернии, юг Енисейской и киргизская степь в Акмолинской и Тургайской областях. После неурожая 1891 и 1892 гг. из пределов Центральной России ушло за Урал в один год около 95 тысяч душ, большинство самовольно. Обнаружилось, таким образом, что законом 1889 г. не достигнута первая и главная его цель — упорядочение переселенческого движения и предупреждение самовольных переселений. Приток переселенцев совершенно задавил местную администрацию, которая не знала, что с ними делать. Возвращать их обратно в Европейскую Россию у администрации не было средств; отводить им участки она не успевала, т. к. в ее распоряжении не было достаточного числа землемеров. Неудивительно поэтому, что в 1892 г. последовало прекращение выдачи разрешений на переселение, причем губернаторам вменялось в обязанность не допускать выхода самовольцев. Но как бы в ответ на означенную меру в следующем году перевалило за Урал 100 тыс. душ обоего пола.

Вскоре отношение правительства к крестьянским переселениям в Сибирь изменилось. Это изменение последовало в связи с постройкой Сибирской железной дороги.

Было решено перерезать всю Сибирь до Великого океана сплошным железнодорожным путем. Предприятие это сулило в будущем громадные

выгоды государству от транзитного движения товаров и пассажиров из Западной Европы в Китай, Японию и другие страны Восточной Азии и, кроме того, должно было крепче связать с Европейской Россией Сибирь, над которой стала надвигаться угроза отторжения со стороны держав Азиатского Востока. Но для поддержания в исправности железнодорожного пути, для погашения колоссальных затрат на его проведение и для достижения той самой политической цели, которую имело в виду проведение через Сибирь железной дороги, требовалось заселение Сибири и подъем ее экономического благосостояния хотя бы в районе железной дороги. В эту сторону и направилась в конце концов правительственная политика. Особое совещание по постройке Сибирской дороги, созданное в 1892 г., определило образовать особый 14-миллионный фонд на “вспомогательные предприятия, связанные с постройкой Сибирской железной дороги и имеющие целью как облегчение этой постройки, так и содействие заселению и промышленному развитию прилегающих к дороге местностей”. Было решено учредить особый Комитет Сибирской железной дороги и поручить ему распоряжение суммами, предназначенными на вспомогательные предприятия, а также рассмотрение и разрешение всех вопросов, связанных с осуществлением вспомогательных предприятий, а следовательно, и с заселением местностей, которые новая дорога будет соединять.

Новое направление правительственной политики в отношении переселения сказалось в первых же мероприятиях, осуществленных после учреждения Комитета. Для переселенцев был введен пониженный тариф по железным дорогам, устроены врачебно-продовольственные пункты на пути их следования, организован санитарный надзор над ними и установлены путевые ссуды. Были начаты обширные исследования новых колонизационных районов, работы по осушению и орошению земель и снабжению будущего населения питьевой водой, учреждены землеустроительные партии по отводу участков и выработаны инструкции для них; пересмотрены законы по ссудной помощи переселенцам и увеличены кредиты на эти цели; увеличен состав чиновников, надзирающих за переселением и руководящих водворением переселенцев, и т. д. Видно было, что правительство в разрешении переселенческого вопроса вступает на совершенно новый путь.

В 1896 г. было издано узаконение, допускавшее устройство в Сибири самовольных переселенцев на общих основаниях с переводом на них недоимок всякого рода по прежнему месту жительства. Самовольным переселенцам не давались только льготы по отбыванию воинской повинности, и следовали они в Сибирь не по льготному, а по обыкновенному тарифу.

Другой важной мерой было разрешение отправлять в Сибирь доверенных лиц — ходоков — для предварительного ознакомления с условиями, которые ожидали переселенцев в Сибири. Ходоки имели право ехать в

Сибирь по льготному тарифу. Эта мера оказалась чрезвычайно жизненной и повлияла на увеличение сознательности в переселенческом движении. С той же целью Комитет Сибирской железной дороги распорядился широко осведомить население в местах выхода с действующими узаконениями, касающимися переселений, и распространить в народе популярные описания “новых мест” и их жизненных условий, справочные книжки и т.д. Для облегчения выдачи разрешений на переселение это дело было поручено одному министерству внутренних дел (взамен двух ведомств в прежнее время), а 2 декабря 1896 г. при этом министерстве было организовано особое Переселенческое управление, на которое возложили центрально-исполнительные функции и общее руководство переселенческим делом как в центре, так и на местах (через чиновников особых поручений), а также предварительную разработку законопроектов и мероприятий для доклада Комитету Сибирской железной дороги. Таким образом, переселенческое управление явилось вспомогательно-исполнительным органом Комитета.

Деятельность Комитета продолжалась двенадцать лет, до 1904 года. За это время было израсходовано на одно только переселение до 30 млн рублей и устроено в Сибири до 400 тыс. новоселов.

С закрытием Комитета все его функции отошли к Переселенческому управлению при министерстве внутренних дел. Т.к. главнейшие заботы правительства теперь были направлены уже не столько на передвижение переселенцев, сколько на отвод земли и хозяйственное устройство переселенцев и старожилов, было решено включить Переселенческое управление в состав Главного управления землеустройства и земледелия. В этом учреждении в конце концов и сосредоточились все заботы о колонизации окраин, начиная с подготовки участков под заселение и устройства на них переселенцев и кончая созданием общих условий, благоприятных для укрепления хозяйств новоселов на новых местах.

Изменение правительственной политики в отношении переселений в Сибирь и облегчение передвижения туда с открытием железной дороги сразу же сказалось на численности переселяющихся. В начале 90-х годов средним числом в Сибирь переселилось 50 тыс. человек в год. Но в 1896 г. в Сибирь ушло уже 190 тыс. человек с лишком, в 1898 г. — 202 тыс. с лишком, в 1899 г. — 223 тыс., в 1900 г. — 219 тыс., в 1901—1903 гг. — до 120 тыс. человек в год в среднем. Разразившаяся на Дальнем Востоке война, почти прекратившая перевозку переселенцев по железным дорогам, сократила количество переселенцев в Сибирь до 45 тыс. человек в год. Но в следующие за японской войной годы (1906—1908) обнаружился небывалый подъем переселенческой волны, значительно превысившей даже движение первых лет после открытия Сибирской железной дороги. В 1906 г. в Сибирь ушло 215 тыс. человек с лишком, в 1907 г. — 577 тыс., в 1908 г. — 758 тыс.

с лишком. Затем поток несколько уменьшился: в 1910 г. ушло 358 тыс., в 1911 г. — 226 тыс., в 1912 г. — 259 тыс., в 1913 г. — 327 тыс. человек с тишком.

В самый разгар переселенческого движения, в 1895 и 1896 гг., предпринимались статистические исследования, имевшие целью выяснить как общие причины, заставившие крестьян выселяться в Сибирь, так и районы эмиграции в Европейской России. Оказалось, что около одной трети переселенческих семей были на родине безземельными или же имели весьма скудные земельные наделы, до одной десятины; другая треть была также слабо обеспечена в земельном отношении; и лишь одна треть имела сравнительно удовлетворительные наделы. Большинство не прокармливалось своим наделом, купленной и арендованной землей: из переселенцев 1895 г. до 61% прикупали хлеб, из переселенцев 1896 г. — до 73%.

В общем, выяснилось, что главными причинами переселений в Сибирь были: недостаточный размер наделных земель, неблагоприятное распределение земельных угодий и односторонний их состав (“земли мало стало”, “кола вырубить негда”, “утеснение скотины” и т.д.) и, наконец, низкая урожайность выпаханных и истощенных полей, короче, малоземелье при данном состоянии агрокультуры.

Все эти неблагоприятные условия с особой силой сказались в губерниях черноземной полосы, которые и дали наибольшее число переселенцев в Сибирь в 1896—1912 гг.: Полтавская — 399431, Черниговская 312834, Курская — 263383, Воронежская — 250107, Киевская — 220281, Харьковская — 219314, Екатеринославская — 204404, Орловская — 171680, Самарская — 167655, Тамбовская — 162302, Херсонская — 143965, Таврическая — 118342, Саратовская — 104889, Пензенская — 94594, Подольская — 88412, Волынская — 68051, Симбирская — 60382, Рязанская — 54092, всего 3160118 человек, т.е. более 3/4 всего количества переселенцев. Еще в дореформенную эпоху занятия здешних крестьян имели крайне односторонний характер, будучи направлены исключительно на земледелие. При освобождении крестьяне большинства черноземных губерний были наделены меньшим количеством земли по сравнению с крестьянами других губерний, причем значительное число их получило даровые наделы в размере 1/4 высшего или указного. Таким образом, уже в самый момент освобождения в черноземных губерниях было малоземелье. Оно должно было еще более почувствоваться с естественным умножением населения, вызвавшим уменьшение величины наделов и увеличение количества безземельных, которое в северных черноземных губерниях в 1893 г. составило 6% общего числа крестьянских дворов. При этом крестьянские земли прогрессивно ухудшались, т.к. стали распахиваться выгоны и уменьшаться количество скота. В таком же направлении действовала и вырубка лесных площадей, заставившая кре-

стьян с течением времени обращать часть навоза на топливо. При недостатке удобрения почва стала истощаться, а урожайность в большей степени, чем прежде, зависеть от совокупности метеорологических явлений того или иного года. В результате уже в 70-х годах выяснилось, что казенные платежи с крестьянских земель во многих местностях превышают их доходность. Крестьянству трудно было бороться с малоземельем путем прикупки земель и аренды. Дело в том, что уже к 1890 г. покупные цены на земли в черноземных губерниях возросли на 100—200% по сравнению с началом 60-х годов, а арендные на 200—300% вследствие усиленного спроса, вызвавшего даже спекуляцию. Местные промыслы также не могли восполнить крестьянам недостаток земельного обеспечения. Фабрично-заводская промышленность, направленная в том районе преимущественно на переработку продуктов сельского хозяйства (винокуренные, пивоваренные и свеклосахарные заводы, мельницы), не могла занять достаточного количества свободных рабочих рук, равно как и каменноугольная и металлургическая промышленность, развивавшаяся в последнее десятилетие XIX и первое десятилетие XX в.; кустарные промыслы (тканье полотна, сукон, плетение лаптей и т.д.) удовлетворяли преимущественно потребность самих производителей. Поэтому огромное количество сельского населения черноземных губерний должно было отыскивать себе пропитание в отхожих промыслах. Часть его отправлялась на фабрики и заводы центрального промышленного района, но большинство, в особенности из северного черноземья, уходило на земледельческие работы в Новороссию, в Донскую область, на Северный Кавказ и в приволжские губернии. Но эти передвижения были сопряжены с большими трудностями по неимению средств и с риском, когда неурожай постигал южные области. Когда же было организовано движение рабочих поездов по дешевому тарифу, в южных губерниях уже не было недостатка рабочих рук вследствие прироста населения почти вдвое и распространения земледельческих машин. Малоземельным и безземельным крестьянам остался единственный выход — эмиграция в Сибирь. Этим и объясняется, главным образом, тяга в Сибирь, все более и более увеличивавшаяся.

Из нечерноземных губерний наибольшее количество переселенцев в Сибирь дали опять-таки те губернии, где население жило преимущественно земледелием: Могилевская — 254162 человека, Витебская — 172048, Вятская — 128301, Минская — 106593, Смоленская — 75443 человека. Остальные губернии сравнительно мало дали переселенцев. Население в них жило больше обрабатывающей промышленностью — фабрично-заводской, ремесленной и кустарной, чем земледелием. Те из здешних крестьян, которые занимались преимущественно земледелием, имели возможность больше, чем крестьяне других регионов Европейской России, увеличивать по-

севную площадь съёмкой казенных и удельных земель, которые занимали в этих губерниях 44% площади.

Целый ряд правительственных мероприятий содействовал переселенческому движению в Сибирь в половине 90-х годов XIX столетия.

Выше было указано на льготный тариф по железным дорогам и на пароходах для всех переселенцев, которые отправлялись в Сибирь при правительственном участии. Независимо от этого Комитетом Сибирской железной дороги были приняты другие меры к облегчению передвижения переселенцев. Когда Сибирская железная дорога была еще не готова, в некоторых пунктах происходило скопление переселенцев. Для их эвакуации зафрахтовывались баржи на казенный счет и переселенцы с их имуществом переправлялись по рекам. Заготавливались даже плоты для следования по рекам из Забайкальской области в Амурскую. В городах Ачинске, Красноярске и Омске переселенцам продавали лошадей и телеги по удешевленным ценам. С развитием движения по Сибирской железной дороге правительство озаботилось устройством особых переселенческих поездов по образцу воинских с вагонами, снабженными разными приспособлениями — лестницами, железными печами и т.д. Была организована врачебно-продовольственная помощь переселенцам как на пути их следования в Европейской России, так и в Сибири. С этой целью в Рязке, Сызрани, Челябинске, Нижнем Новгороде, Казани и Перми и затем на некоторых станциях Сибирской железной дороги были устроены особые врачебно-питательные пункты — всего 57. На каждом пункте имелись помещения для временного приюта и отдыха переселенческих семей, производилась регистрация их в связи с медицинским осмотром, причем за снабжение лекарствами и врачебную помощь не взималось никакой платы; в наиболее важных пунктах открывались больницы. Продовольственная помощь выражалась в продаже по заготовительным ценам съестных припасов и горячей пищи и в выдаче последней бесплатно детям моложе 10 лет, а в крайних случаях и взрослым. Такие же пункты были устроены кое-где и на грунтовых дорогах, которые вели в заселяемые местности. Кроме того, переселенческие поезда сопровождалась медицинским персоналом в особых санитарных вагонах. Переселенцам, отправляющимся в Сибирь с разрешения правительства, давались путевые ссуды, особенно тем из них, которые ехали в Амурскую область.

На местах водворения существенная помощь оказывалась переселенцам прежде всего отводом земельных участков. Для этого были организованы особые межевые отряды, которые вымеряли для поселенцев земельные участки в общинное или единоличное пользование. Участки отводились или на пустых, никем не занятых местах, или на землях старожилов, оказывавшихся излишними за удовлетворением прежних поселенцев 15-десятинным наделом, или на землях кочевников за удовлетворением последних доста-

точными пастбищами. Для разыскания новых земель, годных под земледельческую культуру, снаряжались экспедиции в урманьные и таежные места, а также в степные. Сначала земля отводилась в скромных размерах — на два-три десятка тысяч душ, но затем появились отводы на 200—300 тыс. душ, количеством до миллиона с четвертью десятин, из которых половина шла в единоличное пользование переселенцев. Особые партии гидротехников производили на новозаселяемых землях либо осушительные, либо обводнительные работы, смотря по их природным условиям; между прочим, ими было вырыто множество колодцев для снабжения населения питьевой водой. Допускалась и личная инициатива самих переселенцев в прискании подходящих земель в урманьных и таежных местах.

Организована была разнообразная помощь переселенцам при хозяйственном обзаведении. Переселенцы получали ссуду из казны деньгами и лесными материалами, для чего в некоторых местах были устроены лесные склады. Новоселам продавали по дешевым ценам лошадей, сельскохозяйственные машины, семена и т. д. Казна расходовала на эту помощь в последние годы перед мировой войной до 28 млн рублей в год.

В последние два предвоенные десятилетия переселенческое движение в Сибирь приняло громадные размеры, и некоторые ее местности быстро заселялись. Характерной иллюстрацией является быстрое развитие некоторых сибирских городов, например *Ново-Николаевска* (ныне Новосибирск) на р. Оби. В нем было свыше 80 тыс. жителей, тогда как 20 лет тому назад не существовало и самого города (первоначальное селение возникло в 1891 г., город — в 1894 г.). Кроме Ново-Николаевска по линии железной дороги в Томской губернии в 90-х годах возникли: *Боготол*, насчитывавший в 1911 г. около 6000 жителей, *Татарск*, насчитывавший 7600 жителей, *Тайга* — 10 тыс. с лишком. В стороне от железной дороги возник *Славгород*. В 1909 г. на месте этого города стояла первая веха переселения — землянка топографа. В последнее время перед войной этот город насчитывал более 7000 жителей, имел паровые мельницы, электрическое освещение, вел крупную торговлю, соединялся автомобильным движением и подъездным путем со станцией Татарской на Сибирской железной дороге.

Большинство переселенцев, искавших в Сибири лучших условий для земледельческого труда, расселились там, где была подходящая почва.

С 1893 по 1912 г. на черноземных землях Томской губернии устроилось 1109200 переселенцев, в Акмолинской области — 640800; в Тургайской области и прилегающей части Уральской — 464600; в южных округах Енисейской губернии — 372800; в южных уездах Тобольской губернии — 318600; в Иркутской губернии — 117000; в Семипалатинской области — 101300; в Уссурийском крае — 143200; в Амурской области — 96900; в Семиреченской области — 64600; в Забайкальской области — 6400. Таким

образом, большинство переселенцев устроилось в той полосе Сибири, которая является продолжением лесостепной черноземной полосы Европейской России, откуда вышло большинство колонистов. Первоначальное промысловое занятие и заселение Сибири, как мы видели, шло главным образом из северных, поморских уездов Московского государства, было продолжением распространения русского племени в северных областях Европы и Азии. Конечная земледельческая колонизация Сибири была продолжением колонизации степной Украины русского государства, начинавшейся еще с московских времен.

До сих пор мы имели дело с чисто народным движением в Сибирь, которое правительство старалось сначала сдерживать, а потом регулировать и руководить. Но в пореформенную эпоху продолжалась и правительственная колонизация Сибири и притом обоих старинных типов — по указу и по прибору. К первой категории относились прежде всего ссылки на поселение по суду, прекращенная только в 1899 г., и ссылка на каторгу, по отбытии которой сосланные, как известно, переходили в разряд ссыльнопоселенцев. Эта последняя колонизация сосредоточивалась преимущественно на острове Сахалине. К этому же разряду колонизации относится и поселение на нижнем Амуре 2500 человек штрафованных нижних чинов внутренней стражи для несения сторожевой кордонной службы.

В Приамурье Россия приобрела огромный (1722138 квадратных верст) край с выдающимися естественными богатствами. Среди них прежде всего надо отметить ископаемые — золото, встречавшееся на верховьях Зеи, Селенги, Буреи, Амгуни и других левых притоков Амура в большом количестве, первосортный каменный уголь, железо, медь, олово, свинец и разнообразные глины, пригодные почти для всех видов керамики. Большим богатством края являлся прекрасный строевой лес (кедр, дуб, сосна и др.), покрывавший до 70 млн десятин. Рыбные же богатства низовьев и лимана Амура и морского побережья Приморской, Сахалинской и Камчатской областей были настолько велики и разнообразны (кета, горбуша, сельдь, треска, камбала, сиг, навага), что по сравнению с ними даже богатства Ньюфаундленда, Исландии, Доггер-Банки и др., из-за которых в течение столетий велись войны, выглядят незначительными. Воды и суша изобиловали животными всякого рода, из которых промышленное значение имеют кит, нерпа, морская кошка, бобр, соболь, белка и тигр. Наконец, долины Амура и его притоков обладают прекрасной почвой, которая при сравнительной мягкости здешнего климата гарантирует большие успехи земледелию.

Но для эксплуатации всех этих природных богатств нужны были рабочие руки, которых недоставало краю.

Уже вскоре после присоединения Амурского края к России генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев-Амурский выработал "Правила для

поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской области”. Прежде всего, переселенцы освобождались навсегда от подушной подати и на десять наборов от рекрутской повинности; приписывавшиеся к городам Амурского края освобождались от всякого рода платежей и повинностей на десять лет. Колонисты получали земельные участки размером до 100 десятин либо в полную собственность по 3 рубля за десятину, либо же в бесплатное пользование (в течение двадцати лет) с правом покупки также по 3 рубля за десятину. Во владении и землепользовании колонистам предоставлялось право устраиваться или подворно или обществами (не менее 15 дворов).

Слухи о предоставлении крупных льгот охотникам переселяться на Амур быстро распространились среди сельского населения Европейской России и вызвали множество прошений о переселении. Правительство было вынуждено даже сдерживать начавшееся движение. Оно не разрешало переселений из тех обществ, где имелось более 5 десятин на душу, и требовало от переселяющихся удостоверений, что у них есть достаточно средств для переселения. При таких условиях в первой половине 60-х годов число переселенцев достигло 1000—1500 человек в год. В 70-х и 80-х годах они продолжали безостановочно прибывать на Амур преимущественно по Зее и Буре. Часть их из Амурской области стала переселяться в Уссурийский край. Правительство поощряло эти переселения и с 1866 г. даже выдавало переселяющимся в Уссурийский край ссуды до 100 руб. на первоначальное обустройство. В конце 70-х годов, когда начались политические осложнения с Китаем, правительство еще более стало стремиться к заселению Уссурийского края. Необходимо было создать здесь русское хлебопашество, способное на месте снабжать войска продовольствием. Поэтому по предложению генерал-губернатора Восточной Сибири Анучина правительство для ускорения заселения края в 1882 г. ввело перевоз переселенцев на казенный счет на пароходах Добровольного флота в количестве 250 семей ежегодно. Переселенцев набирали преимущественно из Черниговской губернии, где особенно ощутительно сказывалось малоземелье. Новоселам кроме земельного надела давался казенный лес для построек, по одной лошади и по одной корове, семена, сельскохозяйственные орудия и разные домашние принадлежности. Для водворения и устройства переселенцев было образовано особое Южноуссурийское переселенческое управление, функционировавшее до 1899 г. включительно. При таких условиях численность русского населения в Южноуссурийском крае к началу нынешнего века превысила 46 тыс. душ обоего пола. Это население сосредоточивалось в 118 селениях на равнине, прилегающей к озеру Ханка и в долине реки Суйфуна.

Для несения пограничной стражи и для организации правильной почтовой гоньбы в 1882 г. казаки, поселенные по Уссурю, были выделены в

особое Уссурийское войско. Но т.к. численность его оказалась невелика, то было разрешено переселяться на Уссури казачьим семьям из других войск, а крестьянам поступать в казаки. Эту меру при Николае II распространили и на Амурское казачество. Благодаря ей в Амурское и Уссурийское казачьи войска двинулись переселенцы из войск Донского (наибольшее количество), Кубанского, Терского, Уральского, Оренбургского и Забайкальского. Таким образом мало-помалу образовалась и дотянулась до самого Японского моря казачья линия, охранявшая всю русско-китайскую границу.

Постройка Сибирской железной дороги значительно увеличила масштабы переселенческого движения на Дальний Восток. С 1901 по 1912 г. включительно в Приамурье было водворено 230200 душ обоего пола, т.е. в 2,5 раза больше, чем за весь предшествовавший период со времени присоединения Приамурья к России. Специальные партии по отводу земель для переселенцев обследовали за это время огромные земельные площади: в Амурской области свыше 13 млн десятин и в Приморской около 20 млн десятин, из которых в первой из этих областей было обращено под переселенческие участки 3 млн 460 тыс. десятин, а во второй — 3 млн 24 тыс. десятин.

Для предварительной разработки проблем колонизации Дальнего Востока был учрежден Комитет по заселению Дальнего Востока из представителей всех ведомств. Работами этого Комитета был освещен вопрос о колонизационном фонде Амурской и Приморской областей, намечен план сети подъездных путей к Амурской железной дороге и выработана программа борьбы с желтым трудом. В 1910 г. в Приамурье отправилась особая экспедиция под начальством генерал-губернатора Приморской области Гондатти для всестороннего изучения района Амурской железной дороги и выработки необходимых колонизационных мероприятий. Она состояла из уполномоченных различных ведомств и ученых специалистов по обследованиям почвенно-ботаническим, агрономическим, статистическим, гидротехническим, лесным, дорожным и геологическим. Экспедиция проработала в крае два года и издала свыше 20 томов своих трудов, которые касались сельскохозяйственных и торгово-промышленных нужд края и его средств сообщения; был составлен подробный план колонизации Приамурья, содержащий как необходимые мероприятия на целый ряд лет, так и расчет потребных для того денежных средств. Между прочим, эта экспедиция проектировала постройку двух грунтовых магистралей от станций Амурской железной дороги *Рухлова* и *Алексеевска* (вновь возникшие большие населенные пункты) на Якутск и Николаевск, через богатейшие золотые прииски на р.Тимитоне, притоке Зеи, и Амгуни — притоке Амура; проектировала продолжение Амурской железной дороги от Хабаровска до Императорской гавани и т.д. Вся

эта деятельность, равно как и колонизация Дальнего Востока, была прервана мировой войной и последовавшей за ней разрухой Российской Империи.

Громадный прилив русского населения в Сибирь в пореформенное время привел к тому, что она окончательно стала русской землей. По статистическим данным сибирских губернаторов, население Сибири в 1911 г. равнялось 9366335 человек, из них только 972866 человек, т.е. менее 1/9, приходилось на долю туземцев-старожилов. Инородцы преобладали в областях Тургайской (68,9%), Семипалатинской (80%), Камчатской (88,3%) и Якутской (93,5%), в остальных же областях соотношение численности инородцев и русских было обратное.

Важнейшая литература

Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке... Иоганном Эбергардом Фишером. — Спб., 1774.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. Кн. I. — 2-е изд. — Спб., 1787.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. — 2-е изд. — Спб., 1886. — Кн. 1—2 (в одном томе).

Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака: (Древнерусское сказание “О человецех незнаемых в восточной стране”) // Древности: Тр. / Имп. Моск. археол. о-во. 1890. Т. 14.

Пытин А.Н. Первые известия о Сибири и русское ее заселение //Вестн. Европы. 1891. Кн. 8, авг.

Замысловский Е.Е. Занятие русскими Сибири //Журн. М-ва нар. просвещения. 1882. Ч. 223, окт.

Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические сведения о России: С прил. материалов для ист.-геогр. атласа России XVI в. — Спб., 1884.

Замысловский Е.Е. Объяснения к учебному атласу русской истории. — Спб., 1887.

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. — Харьков, 1889.

Димитриев А. Пермская старина: Сборник ист. статей и материалов преимущественно о Пермском крае. — Пермь, 1889—1900.

Вып. 4: Строгановы и Ермак. — 1892.

Вып. 5: Покорение Угорских земель и Сибири. — 1894.

Вып. 6: Первые годы после Ермака и Смутное время. — 1895.

Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. — Спб., 1900.

Головачев П.М. Очерк заселения Сибири в XVI и XVII столетиях. — Спб., 1906.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настол. и дорож. кн. для рус. людей / Под ред. П.П.Семенова-Тянь-Шанского; Общ. рук. П.П.

Семенова-Тянь-Шанского и В.И. Ламанского. — Спб., 1907. — Т. 16: Западная Сибирь / И.П. Толмачев и др.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: Опыт изучения обществ. строя и сословных отношений в Смутное время. — 3-е изд. — Спб., 1910.

Азиатская Россия / Под общ. рук. Г.В.Глинки. — Спб., 1914. — Т. 1—3.

Вернадский Г.В. Против солнца: Распространение русского государства к востоку. — М., 1914.

Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. — М., 1927.

Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. 1. Введение. История дорусской Сибири. — Иркутск, 1920.

Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: Этногр. и стат. исслед. — Спб., 1891.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения России, язык и роды инородцев: На основании данных спец. разработки материала переписи 1897 г. — Спб., 1911—1912. — Т. 1—3. — (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию стат.; Т. 11, вып. 1—3.).

Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. — Пг., 1922.

Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ее до настоящего времени. — Спб., 1861—1863. — Ч. 1—2.

Пытин А.Н. История русской этнографии. Т. 4. Белоруссия и Сибирь. — Спб., 1892.

Межов В.И. Сибирская библиография: Указ. кн. и ст. о Сибири на рус. яз. и одних только кн. на иностр. яз. за весь период книгопечатания. — Спб., 1903. — Т. 1—3.

XX. ЗАНЯТИЕ И ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКИМИ ЛЮДЬМИ БАШКИРИИ

Заняв Казанское царство и затем Сибирское, русские пришли в соприкосновение со значительным тюркско-татарским племенем *башкир*.

Племя это в то время занимало земли по р. Белой и ее притокам, частью по Каме, затем по Самаре и Узеням, по верхнему Яику (т.е. Уралу) и его притокам, по Исети с Миасом, Ую и верхнему Тоболу. Оно не было аборигеном в своей стране. Еще до башкир в этой области проживало племя, давшее некоторым здешним горам, рекам и озерам свои имена, совершенно чуждые башкирскому языку. Исследователями неоднократно высказывалось предположение, что этими старожилами были приуральская *чудь*, или *югра* (иначе — *угры*, или *венгры*). Оно основывалось на существовании в Башкирии могил, копей и городищ, слывших в населении под именем чудских, и на долго державшейся в средневековой географии традиции, именовавшей область башкир Великой Венгрией. Но возможно, что и население, передавшее башкирам чуждые их языку географические имена, само в свою очередь усвоило их от более ранних старожиллов. Вопрос этот остается до сих пор открытым. Для его решения требуется тщательный и всесторонний лингвистический анализ географических имен Башкирии, не выводимых из языков народностей, населяющих ее в настоящее время. Равным образом остается пока нерешенным и вопрос о приурочении к чуди и югре всех археологических памятников, находимых в Башкирии. Следы существования человека идут и здесь на много тысячелетий вглубь веков, и за этот период времени могла иметь место смена многих народов.

Весьма правдоподобным является предположение, что башкирское племя было прибито к южному Уралу великим народным потоком, шедшим из степей Монголии со II в. н. э. и увлекшим с собой на запад кочевавшие в Средней Азии тюркские племена. Как бы то ни было, но арабские путешественники, посещавшие район Южного Урала в IX и X вв. с миссионерскими и торговыми целями, встретили здесь башкир уже в качестве господствующей

щего племени. Ибн-Фадлан, посол халифа Муктадира (907—932) к волжским болгарам, сообщает о *турсукам* народе *башдджарт*, который кочевал за волжскими болгарами, в соседстве с печенегами. По прибытии в область Южного Урала башкиры, по всем данным, не вытесняли сразу прежних обитателей края — чужь или угров, но внедрялись в их среду, как позднее внедрялись в среду самих башкир ногаи, частью калмыки, черемисы, чувашы, вотяки и т. д., и некоторое время сожительствовали с ними. Тогда-то и переняли они от угров-старожилов многие названия гор, озер, рек и других урочищ. С течением времени, однако, они так затеснили угров, что последние в большой массе снялись со своего приуральского местожительства, в конце IX в. двинулись на запад и утвердились на кочевье в степях Среднедунайской низменности (более северная струя угров разлилась по лесам Восточной Европы среди других финских племен). Сожительство башкир и угров должно было повести к известному их сближению и антропологическому смешению. Этим объясняется и известие византийского императора Константина Багрянородного о том, что в составе угров, переселившихся в Паннонию, были и жившие с ними тюркские племена. Отсюда же, вероятно, пошло и отождествление башкир с уграми у западных писателей XIII в. — итальянского монаха Плато Карпини, ездившего к татарам в 1245 г., и французского королевского посла Рубруквиса, побывавшего там же в 1237 году. Плато Карпини в числе народов, окружающих Куманию, т. е. Половецкую землю, называет *бастарков* и поясняет, что страна их есть Великая Венгрия; Рубруквис также говорит о стране *паскатир* как о Великой Венгрии и утверждает, что язык паскатирский и венгерский один и тот же. Во всяком случае уход с Южного Урала большей части угров в конце IX века должен был обусловить здесь торжество тюркизма, а угорская народная стихия была затерта и сглажена.

Башкиры основывались на жительство в стране, на редкость богатой естественными ресурсами. В недрах ее залежали медные и железные руды и много других полезных ископаемых. Но эти богатства, которыми пользовались предшественники башкир, до поры до времени для башкир не имели значения. Важнее для них были флора и фауна. Южный Урал и его западный склон приблизительно до р. Белой были одеты, как и теперь, лиственными лесами, в которые вкраплялись значительные полосы степи на тучном черноземе. Большие леса покрывали и южные части Башкирии между реками Яиком (Уралом) и Сакмарой, между Сакмарой и Иком. Северо-Западную Башкирию по левую сторону реки Белой приблизительно до реки Стерли занимали степные луга вперемежку с участками лиственных лесов. Такой же растительный покров имела и северо-восточная часть области, занятой башкирами, до верхнего Урала и р. Уя приблизительно. Остальная часть Башкирии представляла собой ковыльную степь на тучном черноземе с остро-

вами лиственных лесов. Как и во всех диких странах с сочетанием леса и степи, в Башкирии водилось множество животных: медведей, волков, рысей, лис красных и чернобурых, куниц, белок, горностаев, бобров, выдр, лосей, оленей, диких коз и т. д. Богато и разнообразно было и царство пернатых — гуси, лебеди, утки, журавли, аисты и др. В дуплах деревьев гнездились несметное количество пчел, собиравших мед с лесных и луговых цветов. Реки и озера изобиловали всевозможной рыбой, в том числе осетрами, белугами и стерлядями, заходившими сюда с Волги.

Придя в страну, столь богатую естественными произведениями, скотоводы и звероловы башкиры нажились прежде всего, конечно, на готовые дары природы и стали пасти своих коней и овец на тучных пастбищах Южного Приуралья, бить и ловить зверей в его лесах, рыбу в озерах и реках и выбирать пчелиный мед из дупел деревьев. Этих готовых даров природы было такое изобилие и они были так неистощимы, что скотоводство, звероловство и боргничество оставались главными занятиями башкир почти до самых наших дней. Сообразно со своим занятием башкиры вели полукочевой образ жизни: летом отправлялись со своим скотом в коши в степи, а зимой сидели в юртах, пуская скот в “тебеневку” — добывать корм из-под снега. Косность экономического быта башкир обусловила и известную косность их общественного строя. Как и у других пастушеских и охотничьих племен, у них крепко и долгое время держался родоплеменный строй и общинно-родовое владение землями и угодьями (родственные юрты).

С образованием на средней Волге и нижней Каме Болгарского ханства Башкирия, по-видимому, вошла в состав подчиненных болгарскому хану земель. Болгария, как известно, завела обширную торговлю с восточными странами, вывозя, между прочим, меха, кожи, воск и мед. Башкирия, изобиловавшая этими товарами, не могла не сделаться поставщицей их для Болгарии путем уплаты ясака болгарским ханам и добровольной продажи болгарским купцам. Политические и торговые связи с Болгарией повели к известному культурному воздействию ее на Башкирию. Отчасти затронул Башкирию распространявшийся в Болгарии ислам. Памятниками этого являются найденные в Башкирии плиты на могилах некоторых мусульманских проповедников, умерших, судя по надписям, как раз во время существования Болгарского ханства.

С завоеванием татарами Болгарского ханства попала под власть золотоордынского хана и Башкирия. Об этом имеется прямое свидетельство Плано Карпини. Когда же Золотая Орда распалась, Башкирия оказалась во владении казанских ханов. В первой половине XVI в. установились тесные отношения казанских татар с ногаями, кочевавшими в заволжских степях, по соседству с Башкирией.

В борьбе с Москвой казанцы обычно опирались на Ногайскую орду. Ногайцы ставили в Казани своих ханов; последним из них был астраханский “царевич” Едигер. Во время этого единения с Казанью и установилась власть ногайских мурз, или князей, над теми башкирами, через земли которых ногаи прикочевывали к Каме. В момент падения Казани едва ли не большая часть Башкирии находилась в сфере ногайского господства; часть башкир, живших в предгорьях Урала и за Уралом, подчинялась власти сибирских ханов.

Татарское владычество над Башкирией заменилось московским владычеством. Сначала, вскоре же после падения Казани, подчинились Москве башкиры, платившие ясак непосредственно казанскому хану. Произошло это после пятилетней борьбы московских воевод с подчинявшимися казанским ханам князьями и племенами. Казанский воевода писал в 1557 г. царю в Москву, что Енебяк с товарищами добились челом, а башкирцы ясак платили. Поэтому царь Иван Васильевич в своем духовном завещании, писанном в 1572 г., отказал своему сыну Казанское царство “с Башкирдою”. Что касается ногайских башкир, то первая попытка утверждения над ними московского господства была сделана в 1574 г., когда московский воевода Иван Нагой, посланный на р. Уфу, заложил при впадении Уфы в Белую город *Уфу*. Но эта Уфа, по всем данным, не была достроена. Следующую попытку Москва предприняла 12 лет спустя, уже в царствование Федора Ивановича, в связи с постройкой новой Уфы, на нынешнем ее месте. Хотя этот город и был сооружен и в нем были устроены на жительство русские ратные люди, но их сил не хватало для уничтожения ногайского господства в Башкирии. Ногаи продолжали кочевать по прежним местам и собирать с башкир ясак, а русские люди охраняли от их нападений башкир, плативших ясак в Казань. Ногайское господство в Башкирии прекратилось ко времени окончания Смуты в Московском государстве. В Смутное время ногаев погромили на реках Самаре и Токе и завладели их кочевьями калмыки, после чего ногайские мурзы со всеми своими улусными людьми откочевали под Астрахань. Со времени царя Михаила ясак с ногайских башкир стало собирать уже московское правительство. Но при этом Москве пришлось вести продолжительную и упорную борьбу с калмыками, которые не прочь были сделать башкир своими данниками и будоражили их против Москвы. Борьба эта кончилась только в начале XVIII в., когда калмыки признали над собою власть Москвы. Калмыки оспаривали у Москвы владычество не только над бывшими ногайскими башкирами, но и над сибирскими, и Москве приходилось в течение XVII в. не раз снаряжать экспедиции за Урал против калмыков и башкир.

С появлением русской власти в Башкирии появилось в ней и русское население, которое с годами стало все более и более умножаться. Первона-

чальным его контингентом являлись русские люди, водворенные на жительство в резиденцию воеводы Уфы и составившие гарнизон города. То были дети боярские, стрельцы конные и пешие, пушкарн, воротники, сторожа. В их число включались годные к военной службе иноземные элементы — черкасы (украинцы), литовцы, немцы, крещеные инородцы и т.д. Эти элементы скоро ассимилировались с русскими людьми, увеличивая собой *русское* население Башкирии. С построением в Уфе церквей появилось русское духовенство, а затем и разные торгово-промышленные люди, поселившиеся на посаде города, и деловые люди (ремесленники). Число русских людей в Уфе в первой половине XVII в. было невелико. В 1625 г. при воеводе Семене Волынском здесь находилось детей боярских 31 человек, новокрещенов — 2, слободских татар — 3, толмачей — 16, пушкарей — 4, вожей — 1, воротников — 1, переводчиков — 1, литвы — 1, немцев — 2, черкас — 2, стрельцов — 218 с головой и двумя сотниками. Всего, следовательно, 279 человек. В 1635—1636 гг. при воеводе Вельяминове было детей боярских 48 человек, конных стрельцов — 100, пеших стрельцов — 200 с головой и тремя сотниками, переводчиков — 1, толмачей — 9, пушкарей — 4, новокрещенов — 10, татар — 3, черкас — 3, воротников — 1, сторожей — 1, деловых людей — 46, посадских — 9. Всего 433 человека. Московское государство при своей бедности людьми не могло уделить для Башкирии значительного количество русских поселенцев, тем более, что одновременно ему приходилось колонизовать и степную Украину, и Поволжье, и Сибирь.

Служилые люди первоначально, как и во всех вновь создававшихся городах-крепостях, были на полном казенном иждивении, получали государево денежное и хлебное жалованье. Но скоро их начали наделять под городом и в ближайших окрестностях землями, которые они обязательно должны были возделывать и тем содержать себя и свои семьи; хлебное государево жалованье переставали им отпускать. Раздачи земель производились обычно “в диком поле”, “в залежах”, в пустых, не освоенных башкирами, или опустевших, покинутых ногайцами и башкирами, местах. Переписная книга 1647 г., составленная по приправочной книге 30-х годов, устанавливает, что первоначальное русское служилое землевладение сосредоточилось главным образом около г. Уфы и верст на 30 кругом по рекам Белой, Уфе и мелким речкам, в них впадающим, и около рассеянных в этом районе озер Соснового, Ольхового, Лебяжьего, Круглого, Кошкодамого, болот и ключей. Успехи этой служилой колонизации по вышеупомянутой переписной книге были невелики. Всего в Уфе было 66 дворов (кроме стрельческих), а в них 260 человек; за служилыми людьми разных наименований, кроме стрельцов, в Уфимском уезде состояло 92 поместья, в которых, помимо самих владельцев, было крестьянских и бобыльных дворов 566, а людей в них 1303 человека.

С постройкой города Уфы и утверждением в Башкирии русской вооруженной силы на богатые земли и уголья здешнего края направилась и вольная крестьянская колонизация. Она на первых порах сосредоточилась также в том же самом районе, что и военно-служилая колонизация. Здесь возникли: дворцовое село *Богородское* в 18 верстах от Уфы (в 1647 г. в двух его деревнях было 50 крестьянских дворов, а в них 197 человек), село *Красный Яр*, основанное в 12 верстах от Уфы дворцовыми крестьянами, *Государственные Дуванеи*, основанные около 1647 г. переселенцами из села Богородского и отставными стрельцами, деревня *Бирь* на р. Белой близ озера Шамсадинского (в 1647 г. в ней было всего 27 дворов с населением 127 человек); *Монастырские Дуванеи*, пожалованные царем Михаилом Федоровичем Успенскому монастырю, деревня *Чесноковка* того же монастыря (в 1647 г. в ней было 29 дворов с населением 81 человек) и некоторые другие селения. Кроме окрестностей Уфы переписные книги 1647 г. отмечают островки русских поселков: около Камы при устье р. Челны *Челнинский* починок в 119 крестьянских и бобыльских дворов с населением 424 человека и близ него 10 деревень, в которых вместе с починок было 224 двора с населением 951 человек; близ Осы, на р. Тулве деревню *Красный Яр*, неподалеку от нее село *Покровское* (28 дворов с 96 крестьянами). К этим селениям вскоре присоединились *Каракулино* и *Пьяный Бор* на р. Каме. Для охраны прикамских поселков при царе Михаиле был построен *Мензелинский острожек*.

Дворцовые села и деревни и выделившиеся из них монастырские возникли первоначально также на пустой земле, не состоявшей ни в чьем владении, или “в диком поле”. По политическим соображениям, чтобы не раздражать башкир, и по финансовым, чтобы не уменьшать земель и угодий, с которых шел в казну прибыльный куничный и медовый ясак, московское правительство на первых порах тщательно охраняло башкирское землевладение. Башкирам-вотчинникам выдавались предварительные грамоты на земли и уголья, которыми они истари владели и пользовались, выдавались “оберегательные” грамоты, охранявшие их вотчины от вторжения в них и вселения сторонних людей и, наконец, Соборным уложением 1649 г. русским людям разного звания было запрещено приобретать от башкир их земли и уголья. Правда, эти меры не всегда достигали своей цели. Русские крестьяне из Челнинских поселков захватили у соседних башкир немало земель и угодий, что вызвало восстание местных башкир, которые осаждали даже Мензелинский острожек, желая совершенно вытеснить отсюда русских.

Но этот эпизод, по всем признакам, был пока единственным, и до 60-х годов XVII столетия отношения между башкирами и русскими пришельцами были мирными. Русские люди, находясь в незначительном числе в Башкирии, не чувствовали себя на твердой почве, тем более, что помимо

башкир им приходилось иметь дело с враждебными им калмыками. При таких обстоятельствах простой инстинкт самосохранения должен был подсказывать им, что надо держать в отношении башкир “ласку”, не ожесточать их, чтобы иметь в них не врагов, а союзников. С другой стороны, и башкиры в первой половине XVII в. нуждались в помощи русских людей против калмыков. Это дикое племя, чуждое по языку, обычаям и верованиям, стало кочевать по башкирским степям, грабить и уводить в плен башкир, попадавшихся им на промыслах, разорять башкирские селения. Москве пришлось защищать своих ясачных людей и дипломатическими и военными средствами. Все это в общей сложности заставляло башкир мириться с московским владычеством. Но с течением времени это владычество становилось для края все более и более тягостным, что в конце концов привело к хроническим волнениям и мятежам башкирского населения.

В царствование Алексея Михайловича, во время напряженной борьбы Московского государства с Польшей, Турцией, Крымом и Швецией за Малую и Белую Русь, Литву и Ливонию, как известно, прямые и косвенные налоги с населения были увеличены. Не избежала этого и Башкирия, где увеличился ясак, который до этого башкиры платили по нормам, унаследованным еще от казанского владычества. Московское правительство добралось и до татар, черемис, вотяков, мордвы и чувашей, которых башкиры припускали в свои вотчины на разных условиях — из платежа им оброка или из помощи в платеже ясака и отправлении разных повинностей вечно или на срок — для пользования землями и угодьями сообща с самими вотчинниками или отдельно. Эти припущенники также были обложены особыми *бобьельскими* ясаками, что явилось косвенным увеличением обложения башкирских вотчин, поскольку припущенники владели и пользовались этими вотчинами сообща с вотчинниками. Ставшие в обязательные отношения к государству башкирские припущенники приобретали известную независимость от вотчинников и попадали под опеку и покровительство государственной власти. В царствование Алексея Михайловича увеличились и военные тягости башкир, которых стали мобилизовать на войну не только с сибирскими царевичами, калмыками и ногаями, но и в отдельные походы на Крым и Литву.

Угнетения пошли не только от общей политики центрального правительства, но и от частных действий местных русских властей. После того, как Смута в Московском государстве была так или иначе ликвидирована, центральная власть более или менее окрепла и жизнь вошла в привычную колею, местные московские власти, воеводы и состоявшие при них приказные люди распоясались, как говорится, вовсю. Не было уголка в Московском государстве, откуда бы не шли жалобы населения на злоупотребления воевод и приказных людей. Эти злоупотребления вызвали мятежи и в Мо-

ске, и в Новгороде, и в Пскове, и во многих других городах и уездах, причем в них участвовало как русское, так и инородческое население. Самыми крупными движениями были Разинское, охватившее все Поволжье ниже Казани, и башкирское, в котором участвовали башкиры и другие инородцы Южного Приуралья. Башкирское движение имело затяжной характер: начавшись в начале 60-х годов, оно затихло только в конце 80-х, т.е. длилось без малого 30 лет. Агитация шла от казанских татар, недовольных утверждением московского владычества в Поволжье и мечтавших о реставрации Казанского царства при помощи башкир, которые также уже тяготились московской властью, и соседних кочевых народов. Движение поддерживалось этими кочевыми народами — калмыками, ногаями и киргизами и имело моральную поддержку со стороны Крыма и Турции, с которыми в то время боролась Москва. Против мятежных башкир московское правительство направляло прежде всего своих русских служилых людей, сосредоточенных в Уфе и ее окрестностях. К ним присоединялись обычно служилые татары из Казанского уезда, а также *мещеряки*, тоже служилые татары из разных уездов Мещерской области — Кадомского, Темниковского, Арзамасского и Свияжского. Они еще раньше были переведены или “накликаны” в Башкирию в подкрепление русским служилым людям для борьбы с калмыками и помещены в Башкирии, а частью устроились на башкирских землях в качестве припущенников. Из центра в подкрепление местным служилым людям по временам присылались ратные люди — солдаты, рейтары и даточные люди с посадских и уездных крестьянских дворов из Перми Великой — из Чердыни, Соли Камской и Кайгородка.

Неспокойное состояние инородцев, обнаружившееся уже в конце 40-х годов, и разразившийся затем мятеж по всей Башкирии заставили московское правительство усилить здесь крепостную оборону. В 1647 г. был построен город *Кунгур* на речке Кунгурке, впадающей в Каму, в 1650 г. — остроги *Исетский* и *Колчеданский* на р. Исети, в 1657 г. — *Катайский* на той же реке, в 1658 г. — *Челябинский*, в 1660 г. — *Мехонский* на Миасе, в 1662 г. — *Шадринский* на р. Исети. Возникшие на той же реке монастыри *Далматов* и *Рафаилов* были обнесены стенами с башнями и бойницами и снабжены пушками и затинными пищалями. В 1663 г., когда уже разразился башкирский бунт, крестьяне села Архангельского (на р. Белой при впадении Бира) доносили правительству, что уфимские башкиры совсем разорили село, сожгли церкви и крестьянские дворы, многих крестьян побили, многих захватили в плен. Крестьяне били челом, чтобы им разрешили построиться на прежних местах и около того села соорудить острог, а для обороны от изменников-башкир дали ружья, зелья (пороху) и свинцу. Вследствие этой просьбы уфимскому воеводе велено было в селе Архангельском, Бирю тож, построить острог. Так возник городок *Бирск*. В том же году велено было в

Уфимском уезде на речке Усоле в *Табынском городке* “для воинского береженья устроить острог тутошними жилецкими людьми” и поместить в нем конных и пеших стрельцов. Так как старый город Уфа, обнесенный тыном, и острог в нем в то время подгнили и развалились, правительство в 1664 г. распорядилось устроить на Уфе новый город, земляной или деревянный.

Напор мятежных башкир на Мензелинск и другие закамские пригороды побудили московское правительство создать в Мензелинске второе средоточие русской вооруженной силы и второй военно-административный центр. В Мензелинск был назначен особый воевода, в распоряжение которого поступил усиленный местный гарнизон. Для увеличения местной вооруженной силы правительство поселило здесь на жительство и испоместило шляхту Полоцкого и Смоленского воеводств, принявшую московское подданство после взятия Смоленска; часть этой шляхты была поселена в соседних пригородах Заинске и Шешминске, небольшая часть в Уфе. Кроме этой шляхты в Уфимском уезде были испомещены и другие иноземцы (украинцы, поляки, литва и др.), писавшиеся по особому иноземному списку. В боевую готовность были приведены некоторые прикамские села, как *Каракулино*, *Пьяный Бор*, население которых было вооружено и подчинено особым управлениям на правах военных комендантов. В Исетском крае появились новые крепости *Окуневский острог*, *Миасская* и *Чумляцкая* на р. Миасе.

Пока продолжались мятежи башкир, должен был сократиться приток русских земледельцев и промышленников в Башкирию. Но с прекращением этих мятежей, с середины 80-х годов XVII в. началась усиленная тяга как русского, так и инородческого населения на башкирские земли и захват башкирских земель и угодий пришельцами, благо что далеко не все эти земли и угодья были укреплены формально за их владельцами и обмежеваны. И вот в 1694 г. к московскому правительству поступила жалоба от башкир всех дорог. В ней они заявили, что на их старинных вотчинах и угодьях, которыми они владеют исстари, по наследству от предков, по тамгам и урочищам и на которые они не имеют письменных крепостей, поселились пришлые русские люди и татары, и чувашы, и черемисы, и вотяки из Казанского, Тобольского и Кунгурского уездов и Солеварного городка (Соли Камской) многими деревнями, пашни распахали, сено косят, лес рубят, между прочим, и бортовые их деревья; “и от того многоплодства в вотчинах их всякий зверь их — и медведи, и лисицы, и куницы, и белки отошли, и бобровые вижи (гнезда. — *М.Л.*) запустели, им зверя бить и рыбу ловить, и конских стад, и скотины выпускать стало негде... и ясаку и всяких податей платить стало негде”. Русские люди и инородцы ухитрялись водворяться на башкирских землях и угодьях. По челобитьям в приказе Казанского дворца и в городах, где они жили, выдавали эти земли и угодья за пустопорожия, никому не принадлежащие. По просьбе башкир правительство отдало распоряжение как в при-

каз Казанского дворца, так и уфимскому воеводе башкирских земель и угодий русским пришлым людям и иноверцам в оброк и в тягло и в службу не отдавать, а башкиры получили соответствующую “оберегательную грамоту”.

Многочисленные налоги и тяготы, наложенные на податное население Московского государства в царствование Петра, породили новую волну иммиграции в Башкирию русских и инородцев, которые старались укрыться здесь в качестве захребетников башкир, припущенников в их вотчины. Бегство в Башкирию обратило на себя внимание московского правительства в связи с возобновлением в 1705 г. волнений башкир, которым помогали их припущенники. Правительство стало требовать от башкир выдачи беглецов и отряжать команды для их ловли. Между прочим, полковник Головкин, посланный с вооруженными силами для умиротворения Башкирии за время с 7 июня 1720 г. по 1 марта 1722 г. вывел из этих мест 4965 семей, 19815 душ обоего пола. Опустошения, производившиеся башкирами во время восстаний, отразились на распределении старого русского населения Башкирии. Оно сосредоточилось главным образом в городе Уфе, где по ландратской переписи 1718 г. было уже 1222 двора с населением 5590 душ, тогда как в 100 поместьях служилых людей находилось всего 193 двора с населением 1413 человек. Башкирия, следовательно, к концу царствования Петра оставалась раздольем коренного населения и его “припущенников”, преимущественно из так называемых иноверцев, т.е. нехристиан.

Петр был сильно заинтересован в усмирении башкир. Как раз по соседству с Башкирией находились устроенные им заводы для разработки руд: *Невьянский* (устроен в 1699 г.), *Каменный* (в 1700 г.), *Акапаевский* (1704 г.), *Верхне-Тагильский* (1716 г.), *Нижне-Тагильский* (1725 г.). В 1723 г. был основан *Екатеринбург*, ставший центром горного управления и промышленности на Урале. Петр имел в виду распространить горнозаводскую деятельность и на Башкирию. Посылая Головкина на усмирение башкир, он велел ему объявить им, чтобы они не чинили никаких “помешательств”, а оказывали всяческое содействие офицерам берг-коллегии и прочим служителям “в искании и копании руд” и в строении заводов, причем всем сыскавшим руду обещал платить за это, “как и российскому народу, определенно без задержания”. Но эти перспективы не только не соблазнили башкир, а, наоборот, волновали их, как и другие меры, например запрещение рубить заповедные леса, показывавшее намерение русского правительства распоряжаться в их земле как в своей собственной. Поэтому в 1724 г. в этом крае снова обнаружили все признаки готовящегося мятежа. Башкиры перестали платить положенный ясак, по-прежнему принимали к себе беглецов и против сыщиков выходили “с огненным боем”. Башкирский край стал своего рода колонией враждебных России мусульманских элементов, мечтав-

ших поднять окрестные тюркские и монгольские племена для низвержения господства России. Ближайшим образом имеются здесь в виду киргиз-кайсаки, каракалпаки и калмыки, и без того враждовавшие с русскими, нападавшие на их украины и уводившие в плен жителей. Зачинщики снарядили нарочных и в отдаленные кубанские и крымские улусы приглашать идти войной на Русь. Нарочные были перехвачены, и подготовлявшееся восстание на этот раз не состоялось. Но враждебное настроение, подогреваемое поборами русских властей и захватом башкирских земель русскими, мещеряками и другими пришельцами, не улеглось.

В 1730 г. правительство получило подробную записку, в которой неизвестный автор, по-видимому, Волынский, бывший тогда казанским губернатором, доказывал, что нельзя уповать на кроткие поступки башкир и верить им; несмотря ни на какие указы, они по-прежнему принимают беглых, не платят никаких податей и живут по своей воле, как хотят; пока Россия не связана войною, они обнадеживаются быть овцами, а если случится война, да притом оборонительная, да к тому же, например, с турками, то “оной народ не токмо может нанести государству вред, но и великое учинить разорение”. Не надо забывать, говорилось в записке, что “они имеют магометанский закон, и по закону своему, конечно, должны быть христианам неприятели”, “злота их явию показана не токмо прямою войною, но и тиранскими поступками над престарелыми людьми и младенцами, которых они, не хотя в полон брать, сажали на кольях при деревнях по изгородям, а живых давили в заборах”. Народ этот, считал автор, тем более опасен, что “непрестанно умножается и растет”: двадцать лет тому назад прямых башкир было не более 35 тыс., много 40 тыс. человек, а ныне стало больше 100 тысяч. “Казанские, сибирские и прочих уездов ясачные татары больше половины в башкиры перешли; прочие иноверцы — мордва, чуваша, черемисы, вотяки целыми селами и деревнями с ясаков к башкирам же перешли; а ныне и русских не малое число, от подушных податей беглецов, в башкиры перешли, и множество уже сел в Башкирии, в которых не сыщется ни одного иноверца”. В предотвращение опасности от башкир автор предлагал усилить гарнизон в Уфе и назначить в воеводы или коменданты благонадежного человека, снять ландкарту края для большей успешности военных операций, стараться ссорить башкир с каракалпаками “и всеми мерами их искоренять и до умножения не допускать”; для успешного сбора податей содержать в исправности крепости и построить новые, снабдив их гарнизоном из регулярных войск.

Эти представления возымели свое действие. Сенатский указ 18 марта 1731 г. велел произвести разбор пришлого иноверческого населения Уфимского уезда и оставить на местах только таких пришлох иноверцев, деда и отцы которых и они сами написаны в ясачных книгах и платили ясак, а

остальных выслать на прежние места. Одновременно было решено построить новую черту укреплений за Камой — от *Самары* до *Алексеевска* по р. Самаре, от Алексеевска к северу до *Красного Яра*, от Красного Яра по р. Сок до *Сергиевска*, от Сергиевска до р. Кичуя, где новая линия смыкалась со старой Закамской чертой. На новой черте в пригородках велено было поселить служилых людей со старой Закамской черты, человек по 500 в каждом пригородке, и два полка служилых людей старых служб, поселенных было на Царицынской линии. Независимо от этого русское правительство пришло к решению воздвигнуть ряд укреплений и на внешних окраинах Башкирии — южных и восточных. Это решение было подсказано отношениями башкир с тамошними соседями — каракалпаками, кочевавшими на нижней и средней Сыр-Дарье, и киргизами, кочевавшими к северу от них. Учитывались и торговые интересы России.

Киргиз-кайсаки, кочевавшие на севере Туркестана, в начале XVII в. были вытеснены со своих кочевий затайским ханом Галдан-Чириним. Из трех орд, на которые делились киргиз-кайсаки, одна только Большая орда осталась на прежнем месте, на верхней Сыр-Дарье и ее притоках, покоренная зюнгорами, которые и заняли ее главные города Туркестан, Ташкент и др. Средняя орда передвинулась на север от Сыр-Дарьи на реки Тургай, Ишим, Тобол и Уй, вытеснив отсюда часть башкир. Маленькая орда, вопреки своему названию самая многочисленная, перешла Эмбу, прогнала кочевавших тут калмыков за р. Яик и пододвинулась вплотную к южным пределам Башкирии. Это новое соседство скоро дало себя знать большими неприятностями для русского правительства. Отдельные партии киргизов, увлекая за собой каракалпаков, стали принимать участие в набегах восстававших башкир на русские города и села в Башкирии и на Закамской черте. С другой стороны, башкиры и калмыки, недовольные передвижением киргизов, нападали на непрошенных гостей, отгоняли у них скот, забирали пленных. Русскому правительству в таких случаях выпадала неприятная роль посредника и умиротворителя. Хищная орда чинила большие препятствия и торговым сношениям России со Средней Азией. Эти отношения велись в XVII в. через Хиву, купцы которой приезжали в Астрахань с азиатскими товарами, а отсюда увозили русские. Петр, наслышанный о богатствах Восточного Туркестана и Индии, пожелал проложить туда дорогу русским купцам и снарядил во владения хивинского хана вооруженную экспедицию под начальством князя Бековича-Черкасского. Ей поручено было обследовать водные пути, ведущие к городу Еркети (Яркент) и в Индию и построить крепость для закрепления этого водного пути за Россией. Хивинцы внезапно напали на эту экспедицию и истребили большую ее часть, причем погиб и князь Черкасский. Неудача не обескуражила Петра, он стал искать других путей для установления торговых сношений со Средней Азией и обратил свое внима-

ние на Киргизскую орду. Теснимые зюнгорами, калмыками и частью башкирами, киргизы еще в 1710 г. обращались к Петру с просьбой принять их в подданство России.

По окончании Шведской войны, в бытность в 1723 г. в Астрахани, Петр, по свидетельству находившегося в его свите переводчика мурзы Тевкелева, через многих людей осведомлялся о киргиз-кайсацкой орде и высказывал мнение, что “хотя де оная киргиз-кайсацкая орда — степной и легкомысленный народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата; и той ради причины оная де орда потребна под Российской протекцией быть, что бы только через их во всех странах коммуниканцею иметь и к Российской стороне полезные, способные меры взять”. По словам обер-секретаря Кириллова, стремясь “отворить путь во всю полуденную Азию”, Петр имел при этом в виду “своевольный башкирский народ на вечное время обуздать”, но печальная его кончина “все оное в действо производить не допустила”.

Как бы то ни было, но экономическими и политическими соображениями была поставлена определенная задача, и за ее осуществление взялось правительство Анны Ивановны. Дело получило движение по импульсу со стороны самих киргиз-кайсаков, поддержанному докладом обер-секретаря Кириллова “Изъяснение о Киргиз-кайсацкой и Каракалпацкой ордах”.

В 1730 г. хан Меньшей орды Абулхаир через специальное посольство выразил желание быть в российском подданстве и с подданными российскими, башкирцами, быть в миру, служить верно, как служат башкирцы, чтобы от подданных российских обид и разорений не было, чтобы в случае нападения на киргизов зюнгор или калмыков им оказывалась помощь российскими войсками. Предложение было принято, и в мае 1731 г. к хану отправилось посольство во главе с мурзой Тевкелевым для вручения ему грамоты и подарков и для принятия присяги от киргизского народа. Киргизы, узнав о цели прибытия посольства, взволновались и чуть было не убили Тевкелева. Чтобы сломить упорство недовольных, Абулхаир перекочевал в область каракалпаков, у которых он пользовался расположением и популярностью, и склонил каракалпакского правителя Каип-хана также к принятию российского подданства. После этого и среди киргизов партия сторонников подданства усилилась, и Абулхаир оказался в состоянии снарядить ко двору посольство для торжественного изъявления покорности хана и всего киргиз-кайсацкого народа и для объявления о нуждах хана. Между прочим, Абулхаир просил утвердить ханское достоинство в его роде на вечные времена и построить при впадении р. Ори в Яик город с крепостью, в которой он мог бы в случае опасности и невзгоды найти себе убежище.

Во время рассмотрения этого предложения правительство получило от сенатского обер-секретаря Кириллова “Изъяснение о Киргиз-кайсацкой и

Каракалпацкой ордах”, в котором он также рекомендовал постройку города на р. Ори. Кириллов был одним из способнейших выучеников и сотрудников Петра, “великим рачителем и любителем наук”, как отзывается о нем его современник и сподвижник капитан Рычков, особенно механики, металлургии, истории и экономии. В географии и статистике России он являлся замечательным для того времени мастером. Его труд “Цветущее состояние России” и атлас Российской Империи служили тому доказательством. Петр Великий очень ценил ум и познания Кириллова, имел с ним беседы о восточных делах и посвящал его во все свои виды и намерения относительно восточной окраины. В своем “Изъяснении...” Кириллов указывал на город Ори как на исходный пункт распространения русского владычества и колонизации в Средней Азии. Он доказывал, что из этого города русские без особых затруднений будут держать в повиновении и покорности тамошних наклонных к мятежу и грабежам кочевников, ибо они враждуют между собой и надо только поддерживать между ними ту вражду: “Ежели калмыки какую противность покажут, то можно на них киргизцов обратить, а напротив того: буде киргиз-кайсаки что сделают, то на них калмык и башкирцев послать и так друг другом смирять и к лучшему послушанию приводить”; управляя ими таким образом, можно будет не только сдерживать усиливающееся могущество Галдан-Чирина, зюнгорского властителя, опасное для России, но и овладеть бухарскими землями, богатой золотом и дорогими камнями Водокшанской (Бадахшанской) областью. Но и независимо от этого, имея на Ори город, по мнению Кириллова, можно приобрести великие выгоды: через этот город можно проложить дорогу для русских товаров в Бухару, Бадахшан, Балх и в Индию, чего Петр Великий весьма домогался. Город на Ори будет отстоять от Аральского моря верст на 500. Аральским озером и рекой Аму-Дарьей можно будет ходить не только в Бухару, но и почти до самой индийской границы, а те купеческие караваны, которые для покупки русских товаров ходят ныне в Бухару, будут приезжать в новый город и даже основываться в нем на жительство, лишь бы им была пожалована пристойная привилегия. В заключение Кириллов указывал, что у киргиз-кайсаков и каракалпаков есть во владении горы подле Сыр-Дарьи, обильные свинцом, есть самородные квасцы, довольно много серы и селитры, можно надеяться при содействии Абулхаира найти и золотую руду; в башкирском владении много богатых медных и других руд и лучшая слюда; лошади киргиз-кайсацкие и башкирские добрые и крепкие и их можно получать на всю российскую кавалерию за дешевую цену; можно вывозить отсюда шерсть для российских фабрик и другие товары.

Все эти доводы были признаны основательными, и решение о постройке города на р. Ори было принято (1 мая 1734 г.). Воздвигавшийся город Оренбург предназначался быть не только укреплением и администра-

тивным центром, но и средоточием торговли. Поэтому ему давалась особая привилегия. Всем русским свободных состояний и иностранцам всяких вероисповеданий и званий предоставлялась полная свобода приходить туда и селиться, жить, торговать и опять уходить на прежние места с льготой в платеже пошлин с товаров в течение трех лет; давалось право не только занимать безденежно земли под постройку, но и пользоваться ссудой от казны в течение 10 лет без процентов. Город получал самоуправление: всеми делами, касающимися суда, финансов и полиции, должен был заведовать магистрат из девяти выборных членов — трех бургомистров и шести ратсгеров. Всякий гражданин, какого бы вероисповедания он ни был, мог быть выбран в члены магистрата с тем только ограничением, что таких выборных не могло быть более половины числа выборных русских и они не могли “первенствовать у главных дел”. Во всех других отношениях иноверцы были уравниены с русскими: им предоставлялось “свободное содержание их вер и духовных персон и строение по своим законам церквей”; иноверец, как и русский, имел право с позволения магистрата устраивать заводы и фабрики на порожних местах как в городе, так и в его окрестностях на расстоянии 100 верст, занимать для этого земли безденежно, за исключением башкирских земель, которые могли приобретаться только по письменным договорам с их владельцами. Все граждане освобождались от обязательных казенных служб; дома их объявлялись свободными от постоя. Им предоставлялось право свободно варить пиво, вино и мед, делать водки про себя и на продажу и держать вольные дома.

Для устройства нового города и осуществления связанных с ним планов и видов было образовано особое ведомство — Оренбургская экспедиция, которую возглавили Кириллов и мурза Тевкелев. Последний имел чин полковника и предназначался преимущественно для командования военными силами и для исполнения разных поручений, как знаток местного края и его жителей. Экспедицию снабдили всеми средствами, нужными для исполнения возложенного на нее дела: ей дали войско, рабочие руки, лошадей, оружие, провиант и прикомандировали разных техников и специалистов. Чтобы рассеять всякие опасения башкир, в земле которых ставился новый город, им пожаловали ряд льгот и милостей. Но все это не помогло: в постройке нового города башкиры справедливо усмотрели меру, направленную против их вольностей, рассудив так, что когда русские поселятся между ними и позади их, то вольности отымутся. Поэтому, как только Кириллов двинулся по Башкирии к устью Ори, башкиры напали на передовой отряд русских и разбили его. Получив об этом известие, правительство предложило Кириллову вернуться, но тот продолжил свой путь к устью Ори. Он писал всемогущему тогда Бирону, что если по случаю такого “малого нападения” будет оставлено такое “зачатое к великой славе и пользе” дело, то Россия не

только потеряет народы, пришедшие в подданство и еще желающие подданства со многими городами, как Ташкент и Арал, но и упустит нынешний случай “к подборанию рассыпанных Бухарских и Самаркандских провинций и богатого места Бодокшана” и, кроме того, старым подданным башкирам подастся повод “злодействовать по их магометанству и вражде к христианству”; “а ежели не послаблено и не оставлено будет, то башкирцев за городкою нового Оренбурга и других по Яику и Белой реке городов со временем в такое подданство удобно будет примать как казанских татар, причтя к потерянии их вольностей явное их воровство”. Кириллов представлял далее, что с устройством новых крепостей “страх на обе стороны будет, что во время какого воровства башкирцев кайсаками, а кайсаков башкирцами смирать будет можно”. Отправив это письмо, Кириллов продолжал движение к устью Ори и, достигнув его, послал императрице поздравление с Новой Россией, которая “почтена быть может не меньше сысканных от европейских держав земель, прославленных металлами и минералами”.

15 августа 1735 г. был заложен *Оренбург*. А между тем уже почти всю Башкирию охватило восстание. Оно было подавлено генерал-лейтенантом А.И. Румянцевым. Вернувшийся к месту службы в Уфу, Кириллов осуществил целый ряд мер к предотвращению мятежей на будущее время. Указом Сената 11 февраля 1736 г., принятым вследствие представления Кириллова, велено было всех пойманных во время бунта и виновных в нападении на войска казнить, а других сослать в ссылку; зачинщиков сыскать во что бы то ни стало и казнить жестокой смертью; людей, оказавшихся виновными в малом воровстве, сослать в гарнизонные остзейские полки или в Рогтервик и другие места на работу; населению волостей, участвовавших в мятеже, запрещалось носить при себе оружие или держать его в домах, села и деревни не могли иметь кузнецов и кузниц, не разрешалось продавать башкирам оружие. Следующая мера должна была разъединить разнородные элементы населения Башкирии — старые башкирские роды, которым принадлежала большая часть земель, мешеряков, тептерей и бобылей, позднейших пришельцев, которые составляли род крепостных у настоящих башкир. Указ 11 февраля предписывал отдать навечно и безоброчно служивым мешерякам, оставшимся верными правительству, земли тех башкир, которые участвовали в мятеже; застарелых тептерей и бобылей освободить от послушания башкирам и от платежа оброков, оставив их при одном ясачном платеже в казну, и т. д.

Но самым главным средством к предотвращению восстаний башкир Кириллов признал увеличение в крае населения русского происхождения. С этой целью отменялось действовавшее по прежним узаконениям и воеводским наказам запрещение покупать земли у башкир в собственность и разрешалось тамошним жителям — дворянам, офицерам и мешерякам по-

купать земли и уголья и крепить их за собой; кроме того, в тех местностях дозволялось селиться торговым и мастеровым людям, разночинцам, отставным солдатам, матросам и офицерам; отставных солдат решено было селить и не спрашивая их согласия; туда же стали пересылать преступников, подлежащих ссылке в Сибирь, определяя их кого в нерегулярную службу, кого на пашню, а кого в тяжкие работы.

Чтобы дать необходимую защиту и опору для предположенной русской колонизации в крае, склонном к мятежам, Кириллов счел необходимым окружить его и перерезать линиями русских военно-земледельческих поселений. В своем докладе правительству от 18 августа 1736 г. он вновь доказывал, какую пользу принесет постройка новых городков от Волги и до Сибири, от Оренбурга и до Аральского моря (он проектировал построить 45 городков): *прибудет под Российскую державу несколько новых провинций "с таким подземным плодом, о котором еще многие не верят; страждущие в мусульманских руках (т.е. Хиве, Бухарах, Балхе, Бодохшане и иных) свободу получают и впредь зайицким татарам уже нельзя будет красть и брать в полон из крайних русских селений"* и т.д. Еще во время первого похода для закладки Оренбурга Кириллов распорядился построить *Верхне-Яикскую крепость* и *Губерлинскую* (ниже устья Ори на Яике). В июне 1736 г. флотский поручик Бахметьев получил от него приказ плыть с командой из Уфы вниз во Белой, затем по Каме и Волге до устья Самары, а далее, войдя в Самару, плыть вверх по ней и строить городки с расстоянием один от другого на 20, 30 и 40 верст и в каждом из них оставить людей, где сколько можно. Бахметьев заложил две крепости на Самаре — *Красносамарскую* и *Ворскую*. В последней он сошелся с самим Кирилловым, который с Вологодским полком поднялся из Уфы вверх по Белой и оттуда перешел на Самару. Двигаясь в этом направлении, Кириллов заложил в *Табинске* земляной город о пяти бастионах и назначил быть тут медеплавильному заводу. Достигнув казачьего Сакмарского городка, он отправил майора Останкова основать казачье селение при урочище *Озерный* близ Яика. Перейдя затем на Самару и следуя течению, Кириллов намечал места для будущих военных поселений и в некоторых из них основывал казачьи станицы. Между прочим, им были заложены здесь крепости *Сорочинская*, *Тоцкая* и *Бузулукская*.

Из таблицы, представленной Кирилловым кабинету министров в конце 1736 г., видно, что на Яике кроме вышеупомянутых крепостей были уже в наличии городки *Средний*, *Бердский*, *Крылов*; на Самаре — *Каракульный* и *Верхний*; внутри Башкирии *Красноуфимск*, *Елдецкая крепость* и *Кубовская*; по Оренбургской дороге в сибирскую сторону по Миасу и около — *Калмыцкий брод*, *Миасская крепость*, *Кизилтажская* и *Чебаркульская*. Все эти крепости имели земляной вал со рвом, башнями, рогатками и частую-

лом, медной и чугунной пушками. Население их было весьма разнообразно. Тут были уфимские, яицкие и самарские казаки, крещеные и некрещеные калмыки, ногайцы, сибирские недоросли, мешеряки и др. Стремясь во что бы то ни стало увеличивать население этих крепостей, Кириллов принимал в них вольных гулящих людей, объявлявших себя прописными от подушной подати. Кроме того, материал для заселения края он думал найти в отставных солдатах, преступниках, приговоренных к ссылке, служилых людях, оберегавших Закамскую черту. Кириллову не удалось закончить свои начинания: в 1737 г. он умер от чахотки.

Продолжать его дело было поручено известному историку В.Н.Татищеву. Татищев несколько изменил и дополнил колонизационный план Кириллова. Между прочим, он возвел новые укрепления: *Тевкелев брод* (на р. Самаре), переименованный потом в *Новосергиевск*, *Переволоцкую* крепость (на верховьях Самары), *Камыш-Самарскую* (при впадении Камыш-Самары в Яик), переименованную потом в *Татищеву*, *Чернореченскую* на Яике (ниже устья Сакмары), *Ельшанскую* (Ольшанскую на р. Самаре), *Карагайскую* (к северу от Верхнеяицка) и *Эткульскую* (там же). Кроме того, он предложил продлить линию вверх по Яику и отсюда по р. Ую до Царева городища, а также сделать укрепления по р. Сакмаре. В отношении заселения края Татищев начал было держаться практики Кириллова и селить вольных гулящих людей, не допытываясь, какого они были прежде состояния и откуда пришли, но это ему было строго запрещено указом свыше. Точно так же шел он по стопам Кириллова и в мероприятиях по умиротворению края. По его предложению правительство постановило: землями, взятыми у башкирцев и отданными мешерякам за их верность, владеть им, мешерякам, вечно без платежа ясака; мешеряков, чувашей и татар поселить особыми деревнями.

Татищева, впрочем, скоро удалили с его поста вследствие разных обвинений, возведенных на него сослуживцами по экспедиции. На его место назначили генерал-лейтенанта князя Урусова. При нем снова началось восстание башкир, которые не хотели подчиняться распоряжениям правительства о переписи и о замене родовых старшин выборными есаулами, писарями и сотниками. Башкиры провозгласили своим ханом человека, который называл себя Кубанским владельцем каракасалом Салтан-Гиреем (в действительности он был бедным башкиром Миндигулом). Власти подавили восстание со страшной жестокостью: сожгли и разорили 696 деревень, казнили и убили в боях 16893 человека, сослали в остзейские полки и Рогтервик 3236 человек, роздали жен и детей 9182; кроме того, 301 человека наказали отрезыванием носа и ушей; отобрали множество лошадей, верблюдов и рогатого скота.

Князь Урусов умер в 1741 году. Его преемником по Оренбургской экспедиции стал Иван Иванович Неплюев, государственный деятель пет-

ровской школы. Он устремил главное внимание на развитие русских военных поселений, как на самое верное средство умиротворения Башкирии.

Вскоре после своего назначения начальником Оренбургской экспедиции Неплюев считал долгом лично объехать и осмотреть все пункты, где были возведены или предназначены к возведению крепости, и сделать распоряжения об укреплении их “по правилам фортификационным и от степного народа к обороне достаточным”. Результатом его поездки прежде всего стало возведение укреплений по течению р. Сакмары. Были поставлены две крепости, *Пречистенская* и *Воздвиженская*, и два редута. В этих крепостях поселили солдат Шешминского и Алексеевского полков с закамских военных линий. Тогда же Неплюев нашел, что центральная крепость Оренбург возведена на неудобном месте как с военной, так и с других точек зрения, и по его предложению Оренбург в 1742 г. перенесли с устья Ори на то место, где он находится в настоящее время, а прежний Оренбург переименовали в *Орск*.

Затем Неплюев увидел существенный пробел и в том, что течение р. Яика ниже Яицкого города не имело никаких укреплений, кроме *Гурьева*, находившегося при самом устье реки и в значительной степени обветшавшего, и что яицкие казаки не были прочно введены в общую систему военных поселений. Для укрепления нижнего течения Яика была проведена на протяжении более 400 верст Нижнеяицкая линия, в состав которой вошли крепости, построенные Кирилловым и Татищевым — Бердская, Чернореченская, Татищевская и Рассыпная, *Илецкий городок*, *Яицкий городок*, два новых городка *Калмыков* и *Кулагин*, и конечным пунктом *Гурьев* и, сверх того, 19 форпостов. Постройка и оборона линии была возложена на яицких казаков, которых Неплюев ввел в систему военных поселений, причем им были даны жалованье и разные льготы по рыболовству на Яике. Яицкое казачество благодаря Неплюеву получило законченную организацию: различные казачьи поселения, дотоле не имевшие между собой прочной связи, были соединены под управлением яицкого войскового атамана, отданного под команду оренбургского губернатора. Неплюев считал нужным участить укрепления на Яике и выше Оренбурга и организовать на протяжении 560 верст Верхнеяицкую линию. К существовавшим здесь пяти крепостям: Красногорской, Озерной, Губерлинской, Орской и Верхнеяицкой Неплюев присоединил крепости *Ильинскую*, *Танальцкую* и *Уртасымскую* при впадении в Яик рек Таналыка и Уртасыма, *Кизильскую* при впадении Нижнего Кизила и *Магнитную* ниже устья Верхнего Кизила и между ними 16 редутов.

Неплюев считал нужным укрепить и Исетскую провинцию, которая не меньше Оренбургского дистрикта и Уфимской провинции подвергалась опасности нападений соседних кочевников. Отправившись в 1743 г. в Исетскую провинцию, он осмотрел тамошние крепости — Красноуфимскую, Миас-

скую, Иткульскую, Челябинскую и Чебаркульскую и распорядился привести их в боевую готовность, а затем отправился в Шадринск, куда к нему прибыл сибирский губернатор Сухарев для выработки общего плана по укреплению границ. В начале весны Неплюев выступил к Царево-Городищенской слободе на р. Тоболе с тем, чтобы осмотреть места, назначенные под новую линию. Через Утятский форпост он проследовал вверх по Тоболу до впадения в него р. Уя, затем по Ую вверх до Уйской крепости и далее до Верхнеяицкой пристани, назначив места для постройки новых крепостей и определяя в них гарнизоны. На новой Уйской линии им были таким образом намечены крепости *Куртамышская* близ реки Куртамыша (левый приток Тобола), *Бакланская* близ озера Баклана, *Усть-Уйская*, *Крутоярская* при урочище Крутой Яр, *Каракульская* близ озера Каракуль, *Троицкая* при впадении р. Увельки в Уй, *Стенная*. Дополнять эти крепости должны были старые: *Уйская* на верховье Уя, *Укыкарагайская* при озере Укы-Карагай и *Верхнеяицкая* пристань.

Уйская линия на протяжении 797 верст закрывала собой более северную линию укреплений, которые, захватывая с одной стороны левый приток Уя Увельку и близлежащие озера, а с другой реку Миасс, соединялись через нее с укрепленными местами как по реке Миассу, так и по реке Исети, и через последнюю входила в связь с укреплениями по р. Тоболу. В состав укреплений этой линии входили крепости: *Кичигина* на р. Увельке, *Коелгская* при впадении Коелги в Увельку, *Эткульская* при оз. Эткуль и *Чебаркульская* при оз. Чебаркуль. Течение Миасса, как мы уже видели, было обставлено городами, острогами и слободами еще в XVII веке.

Таким образом, от Оренбурга во все стороны разветвлялись линии укреплений, которые непрерывной сетью охватывали население края. Всех укреплений было 114; из них более половины были основаны, устроены и заселены благодаря заботам и энергии Неплюева. В 1755 г. по случаю башкирского бунта Неплюев признал, что и их оказалось недостаточно для удержания башкир в покорности, и потому к построенным крепостям начали добавлять новые. Им была основана крепость *Зилаирская* на речке Зилаир, впадающей в Сакмару.

В заселении укрепленных мест Неплюев, как и его предшественник Кириллов, держался старой практики московского правительства, которое, воздвигая городки и острожки на новозанимаемой территории, переводило в них на жительство прежде всего служивых людей из существовавших украинских городков, а затем уже пополняло их разными другими элементами. На военные линии Оренбургского края перешли прежде всего четыре ландмилицких полка: Шешлинский, Билярский, Сергиевский и Алексеевский. Эти полки были сформированы в 1731 г. из служивых людей Закамской черты, частью из служивых людей старых служб Казанской губер-

нии — городских дворян, солдат, драгун, рейтар и копейщиков, которые в 1724 г. были положены в подушный оклад и названы государственными крестьянами. Они предназначались для заселения Новой Закамской линии. Но эта линия оказалась уже ненужной, и служилых людей водворили на постоянное жительство с женами и детьми по Самарской и Яицкой линиям, по Сакмарю, верхнему Яику, Ую и другим местам. Поселенцев для укрепленных мест дали также Оренбургский и Уфимский гарнизонные полки, сформированные по представлению Кириллова в 1735 и 1736 гг. из городских служилых людей Уфы, Бирска и Мензелинска. Наконец, для заселения укрепленных мест Неплюев воспользовался Яицким и Оренбургским казачьими войсками. О яицких казаках была уже речь выше. Что касается Оренбургского казачьего войска, то ядро его составилось из самарских и алексеевских казаков, переведенных на службу в Оренбург еще Кирилловым. К этому ядру присоединились потом уфимские, донские и частью яицкие казаки с примесью татар, башкир, мещеряков и калмыков, казаки с Закамской линии и разные “сходцы”, поселявшиеся в укреплениях Оренбургского края. В 1755 г. был утвержден штат Оренбургского казачьего войска, по которому в составе войска числилось 5597 человек, из которых 1797 получали жалованье. Во главе управления был поставлен войсковой атаман, имевший те же права и обязанности, что и атаман Яицкого войска.

Но одной военной колонизацией Башкирии Неплюев не удовлетворялся и принимал все меры к тому, чтобы увеличить в крае количество русских земледельцев, купцов и ремесленников. Как уже сказано, в Башкирии был большой наплыв вольных гулящих людей, в основном беглых крестьян, спасавшихся от крепостного ига, тяжелых налогов, рекрутчины и религиозных преследований. В 1747 г. при производстве второй ревизии Неплюев получил приказ выслать на прежние места всех беглых, какие найдутся в Исетской провинции. Но он сделал представление в Сенат о невозможности привести этот приказ в действие: если выполнять его, то запустеют слободы, некому будет отправлять разные казенные повинности, кормить гарнизоны в крепостях и присылаемые регулярные команды, которые довольствуются десятиновым оброчным провиантом, доставляемым этими поселенцами; к тому же эти крестьяне в необходимых случаях употребляются и в военном деле вместо казаков, наконец, многие самовольные сходцы записаны в регулярные и другие службы в оренбургских крепостях, и если удалить их, то “в оных крепостях останется самое малое малолюдство”. Неплюев предлагал выслать на прежние места только тех беглых, которые поселились в Исетской провинции после первой ревизии и на которых прежние владельцы представляли крепости и выписи из переписных книг; тех же, которые уже записаны в службы при крепостях, зачесть в рекрутские наборы. Сенат вполне согласился со всеми предложениями Неплюева и издал

соответствующий указ. Благодаря этому для края было сохранено 5154 человека, в том числе дворцовых крестьян — 2779, синодальных и монастырских — 591, помещичьих — 308, купцов — 34, а остальные разночинцы. Не выдал Неплюев и тех беглых, которые были найдены в Уфимском уезде и казанских пригородках.

Еще в 1736 г. по представлению Кириллова было предписано “к умножению в тех местах русских людей” ссылать в Башкирию разных преступников, определяя одних в регулярную службу, других на пашню для обработки земли, третьих на работы в шахтах. Неплюев тоже не оставлял без внимания этот источник для заселения края русскими людьми. По его предложению в 1744 г. было подтверждено указание направлять в Оренбург тех купеческих, ремесленных и мастеровых людей, которые подлежали ссылке в Сибирь или на заводы. В 1846 г. Неплюев выхлопотал указ, которым повелевалось всех, кто не помнит своего родства и своих помещиков, отправлять в Оренбургский край, где они наделялись землей, освобождались на три года от всяких податей и рекрутской повинности. Неплюев подвел под эту категорию и тех беглых, которые оказались в Уфимском уезде и казанских пригородках (по Закамской черте) Башкирии, в том числе и иноверцев. Все они были поселены по так называемой Новой Московской дороге, проложенной от Оренбурга на Казань через Кичуевский фельдшанц. Здесь возникло несколько слобод, в которых под конец управления Неплюева губернией было русских государственных крестьян — 1650, иноверцев — 2001, помещичьих крестьян — 69, тептерей и бобылей — до 1000 человек; всего до 4720 человек. Татары и другие иноверцы, переведенные сюда из Уфимского уезда в числе 2001 человек, обязаны были содержать на Новой Московской дороге бесплатно почтовую гоньбу.

По представлению Неплюева порожние земли около Бугульмы и Бузулука были пожалованы офицерам ландмилицких полков в надежде, что они сами позаботятся об их заселении. Вследствие этого заселились слободы: в 1742 г. *Бугуруслан* отставными солдатами и не помнящими родства, в 1743 г. *Бугульма* пехотными солдатами, позже *Белебей* чувашами и другие места. Значительное добавление к населению края дали отставные солдаты. Еще в 1736 г. было разрешено, а затем предписано селить в Оренбургском крае отставных солдат, которые были еще в силах завести семью и хозяйство, наделять их землей (от 20 до 30 десятин) и выдавать им ссуды деньгами и хлебом на первоначальное обзаведение. С 1744 г. отставных стали размещать по городкам и селениям Новой Закамской линии, опустевшим после перевода ландмилицких полков на Оренбургскую линию, в дома и усадьбы прежних служилых людей. К 1758 г. на Закамской линии было уже столько отставных драгун и солдат, что не хватало поблизости земель для поселения в ее городках и форпостах новых людей.

Неплюев разрешил государственным крестьянам Исетской провинции переселяться со старых участков, уже вспаханных, на целину, внутрь Уйской линии, чтобы они могли поднять свое материальное благосостояние и более исправно выполнять государственные повинности. Так возникли новые слободы: *Куртамышская* в 1745 г., *Таловская* в 1747 г., *Каменная* в 1751 г., образовавшие особый Куртамышский дистрикт Исетской провинции, *Нижнеувельская*, *Верхнеувельская* и *Кундравинская*, из которых образовался Увельский дистрикт. Все эти слободы для безопасности от башкир и киргизов были обнесены заплотами и рогатками. К концу управления Неплюева Оренбургской губернией в Исетской провинции было 4 монастыря и 338 русских населенных пунктов (острогов, слобод, сел и деревень), где проживало 32879 податных крестьян, в числе которых было 3866 монастырских, 1116 — Тобольского архиерейского дома, 92 — помещичьи, 3361 — заводской, остальные — государственные.

Так Башкирия обрастала по своим окраинам русскими поселками. В центральной Уфимской провинции большинство населения по-прежнему составляли иноверцы. Здесь кроме города Уфы и трех пригородов — Мензелинска, Бирска и Уфы был ряд других русских поселений: два монастыря, четыре крепости — Ногайская, Табынская, Ельдяцкая и Красноуфимская, четыре села, 10 деревень. Помимо 2000 служилых казаков, двух рот драгун и четырех рот пехотных солдат в Уфимской провинции числилось монастырских крестьян — 271, помещичьих — 636, посадских — 37, не считая заводских и тех, которые находились в ведомстве Бугульминской земской конторы и жили в *Письменной*, *Кувацкой*, *Бугурусланской* и *Кандыжской* слободах и в деревнях и хуторах по Большой Московской дороге.

Увеличить торгово-промышленный элемент в крае Неплюев пытался путем приглашения к переселению в Оренбург желающих купцов и ремесленников. Но эти его усилия успеха не имели: под конец его управления губернией записанного в Оренбурге купечества насчитывалось только 20 душ, да и те были принудительно переселены из Уфы и Самары. Русские торговцы и ремесленники в большинстве были бедны и не имели средств тронуться с места. К тому же их выселению всячески противились местные общества, обязанные всем миром по раскладке отправлять разные казенные службы и нести казенные повинности. Призыв Неплюева имел большой успех у казанских татар, “людей торговых и пожиточных”, которые переселились в количестве 200 семей и образовали под Оренбургом так называемую *Сеитову слободу* (по имени их вожака Сеита Хаялина). Они сделали главными посредниками в торговых отношениях России со Средней Азией, завели в крае водяные мельницы, первыми стали разводить хлопчатник и сорочинское (сарацинское) пшено, т.е. рис.

Неплюев много содействовал развитию во внутренней Башкирии горнозаводской промышленности и русской заводской колонизации. Начало было положено еще Кирилловым, который поручил Балахонцу Утятникову построить завод для выплавки меди на р. Воскресенке в 10 верстах от Табынска. Но разразившийся мятеж помешал окончанию этого дела, а смерть Кириллова “сие его намерение и вовсе уничтожила”, по словам его сподвижника Рычкова. Дело устройства горных заводов в Башкирии перешло по наследству к Неплюеву, ставшему оренбургским губернатором.

К тому времени в правительстве изменился взгляд на способы ведения горнозаводского дела. Система казенной эксплуатации горных богатств, установленная для Башкирии указом 1720 г., была неэффективна. Поэтому предпочтение отдавалось частной предприимчивости. В берг-регламенте, изданном 3 марта 1739 г., говорилось, что “казенные заводы для многих околочностей и излишних иждивений не стали прибыточны и государству полезны, как оные, которые на иждивении частных людей содержатся: ибо партикулярные люди, имея заводы и фабрики в своем собственном владении, для лучшей своей пользы старание прилагают всяким удобо возможным образом те заводы и фабрики распространять... отчего те фабрики в государстве размножаются и в лучшее состояние приходят”. Этот взгляд совпадал с воззрениями Неплюева, и он ревностно принялся проводить его в жизнь. По его представлению Сенат в 1744 г. сдал заброшенный Воскресенский завод для достройки симбирскому купцу Ивану Борисовичу Твердышеву, который обязался достроить завод, уплатить казне деньги, израсходованные правительством на его строение, и пустить его в ход. Конкурентам Твердышева Демидову, Осокину и другим желающим предоставлялось право “медные и железные руды и минералы сыскивать в прочих той Уфимской провинции местах”. Были установлены “кондиции” для содержателей заводов. Они получали право для выработки каждых 1000 пудов меди иметь 50 крестьянских дворов с четырьмя работниками в каждом. Казна обязывалась отвести этим крестьянам земли под дворы, огороды и гумна, пашни, сенные покосы и лесные угодья. Заводчики со своей стороны обязывались отдавать землевладельцам 2% руды, за рубку леса и дров платить особо по надлежащей цене или же покупать у башкир столько земли, сколько понадобится для нужд завода, но не более, дабы не препятствовать и другим предпринимателям учреждать в той же местности заводы, на расстоянии, впрочем, не менее 50 верст один от другого. Для охранения заводов от “воровских набегов” правительство обязывалось командировать регулярных и нерегулярных людей, которых заводчики должны были содержать на собственный счет; для рабочих и крестьян заводчики обязывались иметь собственные ружья, порох и свинец. В один год вместо условленных трех Твердышев при содействии своих братьев Якова и Петра и сибирского купца

Ивана Мясникова возобновил и пустил в ход *Воскресенский* завод, но не на прежнем месте, а в 90 верстах от Табынска на р. Тор, впадающей в Нугуш (приток р. Белой). После того в компании с Мясниковым он устроил еще четыре медеплавильных завода: в 1748 г. *Преображенский* на р. Урман-Алаире (приток Сакмары), в 1751 г. *Богоявленский* на р. Бармети, впадающей в Зиган (приток Белой), в 1752 г. *Архангелогородский* на р. Ак-Сыме (приток Белой), в 1753 г. *Верхнеторский* на р. Торе. Примеру Твердышева последовали другие предприниматели: тульские заводчики Мосоловы, построившие в 1751 г. на р. Кане (приток Белой) *Каноникольский* медеплавильный завод; симбирский купец Матвей Мясников, основавший в том же 1751 г. на р. Укашле в 38 верстах от Уфы *Благовещенский* завод; тульские купцы Красильниковы, построившие в 1752 г. на р. Шарани, впадающей в Сюнь (приток Белой), *Архангельский* медный завод; симбирский купец Герасим Глазов, основавший на р. Кичуе (приток Камы) *Богословский* завод; балахонский купец Иван Осокин, пустивший на р. Ике *Троицкий* медеплавильный завод. Рудными богатствами Башкирии пожелали воспользоваться и некоторые петербургские вельможи. В 1754 г. на верховьях Большого и Малого Яика построил *Покровский* медный завод фельдмаршал граф Александр Иванович Шувалов; брат его Петр Иванович тогда же устроил три завода на речках Курпуте и Уреске; граф Карл Ефимович Сиверс на р. Иргизле, впадающей в Белую, основал *Вознесенский* медеплавильный завод.

Между тем в разных местах Башкирии, особенно по Сибирской дороге, были найдены богатые залежи железных руд, разработка которых сулила еще большие выгоды, чем выплавка меди. Заводчики не преминули обратить внимание на добывание и выделку железа. В 1746 г. тульский купец Коробков основал в Исетской провинции на Каминском истоке *Каминский* железный завод; в 1747 г. балахонец Петр Осокин на притоке Уфы Назе построил *Назе-Петровский* завод, перешедший позже к Никите Демидову, который владел уже Кыштымским железным заводом на р. Кыштыме (приток Уфы); в 1759 г. братья Мосоловы положили основание *Златоустовскому* чугунолитейному и медеплавильному заводу; граф Строганов выстроил два железодельных завода: *Троицкий*, или *Саткинский*, на р. Сатке (приток Ая) и *Артинский* на р. Арте (приток Уфы); граф Петр Иванович Шувалов в компании с Кузьмой Матвеевым в 1754 г. основал *Авзяно-Петровский* и *Нижне-Авзянский* железные заводы, а также на р. Каге, Зигане и Шишенге.

В общем, при Неплюеве возникло 28 заводов — 15 медных и 13 железных. При заводах состояло 2230 дворов, в которых было 11391 человек крестьян. Твердышев и Мясников получили право покупать крестьян для работ на заводах целыми деревнями и переселять их на приобретенные ими у башкир земли. Заводчики-дворяне переселяли сюда своих крепостных кре-

стьян. Некоторые крестьяне явились на предприятия Оренбургского края добровольно, привлекаемые выгодными заработками. Но в особенности заводы сделались приютом бедных, незаконнорожденных и не помнящих родства. Учитывая недостаток рабочих рук на заводах, правительство не настаивало строго на возвращении беглых, обязывая только заводчиков не принимать беглых впредь. По тому, что запрещение повторялось, видно, что его не выполняли: беглые и после устранивались среди заводских крестьян, а заводчики продолжали пользоваться их трудами.

Вся устроительная деятельность Неплюева в Оренбургском крае закончилась жестоким усмирением башкирского бунта, разразившегося в 1755 году. Этот бунт назревал постепенно и был вызван всем новым укладом, который налагало на жизнь башкир русское господство. Башкиры были крайне недовольны устройством заводов на их землях. “Народ этот, — по свидетельству Рычкова, — ничего так не бережет, как старинные свои вотчинные земли и отхожия, т.е. лесные угодья”; то же самое утверждал Неплюев в своем донесении Сенату. Возмущены были башкиры и обращением в христианство, которое производилось среди них внешними и грубыми приемами. Отстаивая свою веру, татарские муллы и ахуны говорили башкирам, что “российские архиереи, попы и другие насильством, нападками, лукавством и обманом, по крайней возможности, из магометанской веры в христианский закон обращают, написывая им прошения, яко по их просьбе и желанию написаны, к которым и тамги прикладывают”. Возбужденные муллами, башкиры, уже принявшие христианство, обращались иногда к своим начальникам с просьбой о дозволении снова возвратиться в магометанство. В большинстве такие случаи оставались без всяких последствий, но иногда просителей подвергали наказанию, что еще больше озлобляло башкир.

Не нравилось башкирам и то, что в волости вместо прежних волостных старост велено было выбирать по два или по три человека старшин и не более как на год и взыскивать с них всякое преступление и неисправу, а блюстителям магометанской веры ахунам позволялось быть на каждой дороге лишь по одному, с обязательством никого из другой веры “в свой закон не приводить и не обрезать, мечетей и школ без указов не строить”. Но число недовольных еще более увеличилось, когда в 1754 г. был издан указ, в силу которого башкиры обязывались взамен ясака покупать соль из казны, тогда как раньше они пользовались даровой солью из соленых озер, в изобилии находящихся в их земле. С их стороны заявлялось, что покупать соль они не желают, а будут брать ее как раньше “из казны Господа Бога наше-
..

Главой восстания недовольных и руководителем бунта стал мещерякский мулла Батырша Алеев, человек умный, хитрый, отличавшийся магометанской ученостью и непримиримой ненавистью к русским. Он послал

приглашение казанским татарам и киргизам, чтобы действовать заодно, и не ошибся в своих расчетах: и татары и киргизы обещались помогать башкирам в случае восстания. Казанские татары еще в 1748 г. замыслили бунт, предполагали действовать заодно с башкирами. Что касается киргизов, то они почти не прекращали враждебных действий против русских. Осведомившись о настроении своего народа, татар и киргизов, Батырша разослал по всему магометанскому Востоку России воззвание, в котором указывалось на насилия, чинимые русскими магометанам, — на разорение и разграбление, на обращение в рабство, на насильственное крещение, и все правоверные приглашались перестать служить русским, не позволять им строить на своей земле городов, крепостей и заводов и, наконец, взяться за оружие и идти на них священной войной. Башкиры начали нападать на русские селения и отряды даже раньше условленного в воззвании срока. Их отдельные шайки удалялись за Яик в Киргизскую орду, где должны были собраться главные силы мятежников.

Неплюев, опасаясь, что мятежники, одушевленные фанатической ненавистью к русским, в случае успеха не пощадят никого из них и могут уничтожить все плоды многолетней русской деятельности в крае, употребил все усилия, чтобы подавить мятеж при самом его возникновении. Прежде всего были приняты меры предосторожности относительно казанских татар, чтобы не допустить их помощи башкирам. Разосланные по Башкирии объявления обещали помилование всем, кто сложит оружие и принесет повинную, и угрожали жестокой расправой всем, кто этого не сделает. Мещеряки, тептери и бобыли приглашались не оказывать помощь своим всегдашним недругам — башкирам и идти на них с русскими. Были пущены в ход все средства — военные меры, подкуп влиятельных лиц, обман, милость, суровое преследование.

Усилия Неплюева увенчались успехом. Предоставленные только своим силам, лишенные возможности получить помощь со стороны других магометан, постоянно ослабляемые тем, что многие участники мятежа уходили к русским властям с повинной, сторонники Батырши вынуждены были искать спасения в горах и лесах. Но союзники русских — мещеряки и тептери — указывали дорогу к убежищам повстанцев военным отрядам, посылавшимся для их розыска. Сам Батырша был взят в плен мещеряками и отправлен в Петербург. Более 50 тыс. башкир, считая в том числе женщин и детей, бежали к киргизам. Неплюеву удалось возбудить киргизов против беглецов, и они отняли у них женщин и детей; башкиры вынуждены были вернуться с повинной на родину, а затем с негласного разрешения Неплюева внезапно напали на киргизов и произвели среди них страшную резню.

Бунт Батырши был последней самостоятельной попыткой башкир вытеснить русских с востока и воспрепятствовать их движению в Среднюю

Азию. Когда разразился пугачевский бунт, башкиры приняли в нем самое деятельное участие, надеясь получить от мнимого царя то, что не удавалось получить от цариц. Они были главными сподвижниками Пугачева, пока он держался со своими войсками в их крае. Но и на этот раз башкирам не удалось осуществить свои национальные стремления.

Окончательное усмирение башкир облегчило дальнейшую колонизацию края русскими людьми. С конца XVIII в. она совершалась главным образом путем покупки и аренды у башкир земли и угодий. Земли у башкир было много: даже в половине XIX в., после всех отчуждений на сторону, башкиры владели более чем 13,5 млн десятин. Но они не научились еще ценить и учитывать свое земельное богатство и легко растрачивали его, продавая или сдавая в аренду за бесценок громадные участки. При продаже и сдаче в аренду границы их земель определялись по урочищам, а сколько в тех границах заключалось земли мерой, башкиры обыкновенно не знали. Поэтому и случались такие курьезы: в конце XVIII в. *Белорецкий* завод, устроенный в 1762 г. Твердышевым, купил 300 тыс. десятин строевого леса за 300 рублей, а *Авзяно-Петровский* и *Кагинский* заводы "окортомили", т.е. заарендовали на вечные времена 180 тыс. десятин леса за 20 рублей в год. При таких условиях находилось немало охотников приобретать земли у башкир и устраиваться среди них на жительство.

В последние десятилетия XVIII в. и первые десятилетия XIX в. на башкирские земли неудержимо потянулись государственные крестьяне из Пермской, Казанской и других губерний, спасавшиеся от малоземелья и истощения своих наделов. Они входили в соглашение с малым числом вотчинников и, несмотря на незаконность таких сделок (по закону продажи и сдачи башкирами земли в аренду должны были совершаться с согласия всех волостных людей), поселялись на жительство на закупленных землях. Так, крестьяне Красноуфимского уезда Пермской губернии Ефим Топлин и Григорий Бабкин в 1789 г. заключили договор со старшиной и 70 башкирами Тарнаклинской волости об отдаче под поселение их артели из 50 семей Кунжевской, Катавской, Уйфейской и Амавской степей со всеми угодьями. Несмотря на то, что договор не был признан Троицким уездным судом (Тарнаклинская волость состояла из 600 с лишком душ), крестьяне не только продолжали оставаться на закупленной земле, но и от себя припустили еще к поселению на ту же землю 150 дворов своих земляков; в 1803 г. их было здесь уже не менее 250 дворов. В 1802 г. крестьяне Пермской губернии Дмитрий Гордеев с товарищами заключили с малым числом башкир Кушинской волости предварительный договор о поселении на их земле не более как четырьмя или пятью дворами, с условием, если и остальные башкиры будут согласны. Не обращая внимания на это условие и на данную по требованию земского суда подписку не устраиваться на жительство на башкир-

ской земле до совершения на нее крепостного акта, крестьяне в 1803 г. и в последующие годы селились здесь и распахивали землю в немалом количестве десятин.

По официальным данным, к 1826 г. таких переселившихся на башкирские земли крестьян было уже до 100 тыс. ревизских душ. К ним вскоре присоединились государственные крестьяне, поселившиеся на казенных землях по распоряжению учрежденного в 1837 г. министерства государственных имуществ, с пособием от казны на обустройство и с 8-летней льготой от податей и повинностей и 3-летней от рекрутчины. По соглашению с частью вотчинников, обычно при содействии башкирских старшин, удовлетворяли свои аппетиты на счет башкирских земель и отдельные лица, главным образом местные русские чиновники из дворян, помещиков и заводчиков. В судебных тяжбах особенно часто фигурируют в качестве таких приобретателей земские исправники (Можаров, Шамонин, Князев и др.), близко стоявшие к местному населению и имевшие возможность оказывать всяческое давление на башкир, а в губернаторских учреждениях, особенно в палате гражданского суда, совершавшей крепостные акты на землю, своих друзей и приятелей. Эти лица обычно выходили из мелкопоместных дворян и были особенно жадны до лакомых башкирских земель. На счет башкирских земель не прочь были поживиться и более крупные местные тузы, как, например, внук известного “Алексея Ивановича” Тевкелева Петр Тевкелев, оренбургский гражданский губернатор Невзоров и др. Все эти лица переводили на приобретенные ими от башкир земли своих крестьян и основывали на них новые села и деревни.

Новый закон 1832 г. о продаже башкирских земель по согласию 2/3 вотчинников облегчил совершение сделок. Правила, изданные 10 февраля 1869 г., внесли еще и новое облегчение для покупки башкирских вотчин. Приговоры башкирских обществ о продаже или сдаче в аренду земель должны были свидетельствоваться местными учреждениями по крестьянским делам, в ведение которых поступили башкиры с 1865 года, причем это свидетельство должно было касаться чисто формальной стороны дела, не касаясь выгодности или невыгодности сделки (по правилам 1833 г. сделки вступали в силу только после того, как военный губернатор удостоверился в убыточности их для башкир). В результате этого с начала 70-х годов громадные пространства башкирских земель стали переходить за бесценок в руки частных скупщиков по приговорам, постановляемым нередко при помощи обмана, подкупа, угроз и насилия. Всего в период времени с 1869 по 1878 г. частными лицами было приобретено от башкир по крепостным актам около 600 тыс. десятин. Эти скупщики в свою очередь перепродавали купленные земли переселявшимся крестьянам или же старались как можно скорее извлечь из них пользу рубкой леса. Этому хищничеству был положен

конец законом, изданным 15 июня 1882 г., в силу которого общественные башкирские земли могли быть продаваемы только в казну или крестьянским обществам, как существующим, так и вновь образуемым.

Одновременно с этим был положен конец хищничеству казенных и башкирских земель, толчком которому послужило издание Высочайшего повеления 4 июня 1871 года. Это повеление устанавливало продажу без торгов запасных казенных земель, предназначавшихся ранее для наделения государственных поселян, отставным или служащим чиновникам, которые навсегда пожелают водвориться в крае. Из свободных казенных земель должны были нарезаться участки от 150 до 500 десятин для продажи отставным чиновникам и от 1000 до 2000 — служащим. Благодаря злоупотреблениям местных властей продавались не только казенные, но под именем казенных и соседние башкирские запасные земли (сверх обязательного минимального надела по 15 десятин на душу), причем участками значительно больших размеров по сравнению с указанными в законе. В каких-нибудь несколько лет (1876—1881) были расхвачены таким путем все запасные казенные земли в Оренбургской губернии (180 тыс. десятин) и значительная часть (свыше 360 тыс. десятин) в Уфимской, отделившейся в 1863 г. от Оренбургской, а равно и значительная часть запасных башкирских земель. Издание закона 1882 г. и отмена закона 1871 г. положили конец этому расхищению и дали окончательный перевес стремлению правительства к непосредственному заселению края производительным крестьянским элементом.

Важнейшая литература

Рычков П.И. История оренбургская (1730—1750) / Под. ред. и с прим. Н.М.Гутьяра. — Оренбург, 1896.

Рычков П.И. Топография оренбургская, то есть: Обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и имп. Акад. наук корреспондентом П.Рычковым. — Спб., 1762. — Ч.1—2 (в одной кн.)

Иванин. Описание Закамских линий //Вестн. имп. Рус. геогр. о-ва. 1851. Ч.1, кн.1.

Фирсов Н.А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Гл.2. Служилый класс в инородческих землях // Учен. зап. / Казан. ун-т, 1866. Вып.1.

Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель // Учен. зап./ Казан. ун-т. 1871. Т. 6.

Новиков В. Очерк колонизации Башкирского края // Историческая библиотека. 1878. N 12.

Попов Н.А. В.Н.Татищев и его время: Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. — М., 1861.

Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. — Казань, 1889—1897. — Вып.1—5.

Ремезов Н.В. Землевладение в Уфимской губернии: Крат. ист. обзор образования, дробления и распределения в ней поземельной собственности. — Спб., 1889.

Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства межевых комиссий, их членов и землемеров при размежевании башкирских дач / Сост.: С.Д.Рудин, С.А.Плавский, Б.Н.Хавский. — Спб. 1899.

XXI. ЗАНЯТИЕ КИРГИЗСКИХ СТЕПЕЙ И ТУРКЕСТАНА. РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ЭТИХ КРАЯХ

С продвижением русских селений вверх по рекам Иртышу, Ишиму и Тоболу и с занятием Башкирии в непосредственном соседстве с русскими владениями оказались кочевья *киргиз-кайсаков*. Так называлось собрание разных тюркских родов, которые оторвались от своих основных орд и составили свои собственные орды под управлением выборных ханов. Это была своеобразная казацкая организация, отличавшаяся от русского казачества тем, что составлялась не из отдельных удалых добрых молодецов, а из родов, прикочевавших в полном составе со своими старшинами, женщинами, детьми, скотом и со всем домашним скарбом. В момент соприкосновения этих казаков с русскими они образовывали три орды — Маленькую, Среднюю и Большую. Кочевья Маленьей орды охватывали течения рек Эмбы, Иргиза, Кара-Тургая и Сары-Тургая — так называемый Дашти-Кипчак; кочевья Средней орды шли частью на север от кочевий Маленьей орды до рек Ори и Уя, частью на юг по Сыр-Дарье и ее притокам и до рек Чу и Сары-Су; кочевья Большой орды шли дальше на восток, захватывая озеро Балхаш и течения рек, в него впадающих, а также верхнее течение рек Яу и Сыр-Дарья, или Нарына.

Киргизы были беспокойными соседями, которые своими нападениями беспрестанно тревожили окраинное русское население и волновали подвластных России башкир. Правда, в царствование Анны Ивановны, в 1731 г., хан Маленьей орды Абулхаир признал над собою власть России, а вслед за ним подчинились и ханы Средней орды, но это мало гарантировало спокойствие с их стороны, и русские должны были обороняться от них, проводя целые линии крепостей на пограничье с киргизскими кочевьями. Для изоляции башкир от киргизов был, как мы видели, основан город Оренбург и проведена Оренбургская линия крепостей по р. Яику (Уралу) и притоку Тобола Ую и частью по Тоболу. Западно-сибирское население защищали

линии Ишимская, замененная вскоре Пресногорьковской, и Иртышская. Таким образом, русские крепости и военные посты облегли кочевья киргизов с запада, севера и востока, но не изолировали их от ханств Хивинского, Бухарского и Кокандского, откуда шли враждебные России влияния и внушения. Поэтому киргизы продолжали тревожить своими нападениями русские окраины, угоняли скот, уводили в плен жителей, жгли их селения и грабили имущество. Для обуздания киргизов русское правительство решило не ограничиваться номинальным их подчинением, а так или иначе осуществлять над ними действительную власть.

В 1822 г. был утвержден выработанный Сперанским устав о сибирских киргизах. Он ослаблял родовое начало и умалял власть ханов, обычно падких на всякие соблазны и внушения извне, со стороны хивинцев, бухарцев и кокандцев. Устав предоставлял народу выбирать себе правителей и переносил русские административные пункты по управлению краем вглубь степей. В связях с этим в киргизских степях был поставлен целый ряд русских крепостей и станиц: *Кокчетав* и *Каркаралы* (1824 г.), *Аягуз* (1831 г.), *Кокпекты*, *Баян-Аул* и *Акмолы* (1832 г.). В 1835 г. между Уралом и верхним Тоболом была проведена так называемая *Новая линия* с четырьмя укреплениями — *Императорским*, *Наследника*, *Константиновским* и *Михайловским*.

Усиление русской власти над киргизами вызвало восстание под предводительством Кениссары, одного из султанов Большой орды. Он сумел сплотить вокруг себя много родов этой орды и выступил с явным поползновением объединить всех киргизов в один независимый народ. Целых 6 лет (с 1838 по 1844 г.) боролся он с русскими, нападая то на русские отряды, то на русские укрепления, переходя из кочевий Большой орды в кочевья Меньшей и Средней и обратно. Его появление в кочевьях Меньшей орды заставило русское правительство для закрепления своей власти над ней выстроить в 1845 г. *Оренбургское укрепление* на р. Тургае (позднее г. Тургай) и *Уральское* на р. Иргизе, а года через три форт *Карабутаковский* на Верхнем Иргизе.

Предприятие Кениссары в конце концов провалилось. Враждебные ему султаны Большой орды, чтобы сохранить за собой власть, обратились к русскому правительству с просьбой принять их в русское подданство. Император Николай I изъявил на то свое согласие, и летом 1846 года пять родов Большой орды принесли присягу на верность России. Вместе с этим были отправлены русские отряды к озеру Балхаш на р. Или против Кениссары. Кениссара бежал в китайские владения, был там окружен каракиргизами и убит. Тогда и остальные киргизы Большой орды изъявили желание принять русское подданство. К ним было отправлено несколько сотен казаков, которые прошли весь Илийский край и верстах в 30 от китайской границы заложили город *Копал* (1847 г.). В 1854 г. для обеспечения новых под-

данных от набегов каракиргизов Заилийского Алатау было основано укрепление *Верное* на месте древнего города Алма-Аты (Яблонный). После этого в подданство России отдалась часть каракиргизов, живших в бассейне озера Иссык-Куля.

Для закрепления этого края за Россией сюда была переселена часть западно-сибирских линейных казаков, составивших *Семиреченское* войско. Для увеличения его численности сначала предложено было желающим из крестьян западно-сибирских губерний переселяться в Семиречье с зачислением в казаки. Но т.к. желающих оказалось мало, то в 1858 и 1859 гг. последовало повеление о переселении в киргизскую степь с обращением в казаки всех крестьян, самовольно водворяющихся в Западной Сибири, а равно и тех, за которыми числилась недоимка в размере более годового оклада. Предписывалось давать переселяемым льготы по службе и получению провианта и денежное пособие на первое обзаведение.

Чтобы смирить киргизов, необходимо было так или иначе изолировать их от соседних ханств Хивинского, Бухарского и Кокандского, которые были враждебно настроены против России и возбуждали киргизов. С этой целью в половине 40-х годов в устье Сыр-Дарьи было воздвигнуто укрепление *Аральское* (позднее *Раимское*), что дало возможность завести на Аральском озере военные шхуны и даже пароходы и передвигать по Сыр-Дарье войска с провиантом и боевыми припасами. В 1853 г. Оренбургский генерал-губернатор Перовский предпринял поход по Сыр-Дарье и захватил значительную часть ее течения верст на 400 вверх. Им были основаны форт N 1 (*Казалинский*) и форт N 2 (*Кармакчинский*), а на месте кокандской крепости Ак-Мечеть форт *Перовский*. Так было положено начало Сыр-Дарьинской линии.

Чтобы замкнуть Киргизский край с юга, оставалось соединить кордонной линией форт Перовский с укреплением Верным. События, разыгравшиеся в Семиречье в 1860 г., ускорили осуществление этой задачи. В этом году вторглись в Семиречье кокандцы и взволновали киргизов Большой орды. Двадцатитысячное кокандское войско осадило русский пикет Узук-Агач, недалеко от Верного, и едва было не взяло его, но подоспел на выручку полковник Колпаковский с отрядом в 800 человек при 6 орудиях. Несмотря на свою подавляющую численность кокандцы были разбиты наголову. Эта победа наглядно показала, как легко их можно одолеть. Поэтому уже в 1864 г. русскими отрядами под начальством Черняева, Веревкина и Колпаковского были взяты кокандские города *Аулие-Ата*, *Туркестан*, *Чимкент* и др. В следующем 1865 г. двухтысячный отряд под начальством Черняева при 12 орудиях взял один из важнейших городов края, *Ташкент*, окруженный 20-верстной стеной, имевшей 30 тыс. защитников при 50 орудиях. Так замкнут был и с юга Киргизский край и огражден от враждебных России влияний.

Но ни взятие этих городов, ни блестящие победы генералов Романовского и Кръжановского при Ирджаре, ни даже взятие крепостей *Ходжента*, *Ура-Тюбе* и *Джизака* не смирили туркестанских владетелей, которые продолжали нападать на небольшие русские отряды, задерживали не только русских торговцев, но и посольства и в конце концов объявили против русских газават, т.е. священную войну. Тогда назначенный туркестанским генерал-губернатором Кауфман с отрядом в 3500 человек предпринял поход на Бухару, 1 мая 1868 г. разбил огромную армию бухарского эмира и занял *Самарканд*. Эмир вынужден был заключить мирный договор, по которому признал прежние завоевания России, уступил долину р. Зеравшана и уплатил России контрибуцию. В 1873 г. генерал Кауфман предпринял поход на Хиву, во время которого русскому войску пришлось преодолеть страшные затруднения при переходе через пустыню. Хива была взята, хан признал себя вассалом Российской Империи, заплатил контрибуцию и уступил все свои земли на правом берегу Аму-Дарьи, из которых был устроен *Аму-Дарьинский отдел*. У села Ханки на правом берегу Аму-Дарьи Кауфман воздвиг крепость *Петро-Александровск*, которая стала административным центром отдела. Вслед за тем наступила очередь Коканда. В 1875 г. там вспыхнуло восстание против русских. Усмирение его, начатое Кауфманом, было докончено Скобелевым. Кокандское ханство было упразднено, и в 1876 г. из него образована *Ферганская область*.

Так были заняты Россией не только киргизские степи, но и Западный Туркестан. Из них были созданы области Уральская (частью), Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская, а также Туркестанское генерал-губернаторство, в которое вошли Семиреченская и Сыр-Дарьинская области, Зеравшанский округ, Аму-Дарьинский отдел и Ферганская область.

Распространение русского владычества в Средней Азии завершилось покорением туркмен, живших в Текинском и Мервском оазисах Закаспийской пустыни, и занятием Памира. Начало ему было положено еще в 1869 г., когда кавказские войска под начальством генерала Столетова высадились в Муравьевской бухте Краснодарского залива и zaloжили здесь военную базу в виде *Красноводского укрепления* (ныне г. Красноводск). Эта база дала возможность направлять сюда сокращенным и более легким путем русские войска и беспрепятственно высаживать их на восточном берегу Каспийского моря. Первая военная экспедиция для покорения туркмен была снаряжена в 1878 г., но она кончилась неудачей. В 1880 г. состоялась новая экспедиция в Ахал-Текинский оазис под начальством генерала Скобелева. После взятия сильных текинских укреплений при Черк-Тепе (12 января 1881 г.) русские войска заняли *Асхабад*. Туркмены Текинского оазиса были окончательно покорены. Из их земель с включением Закаспийского отдела (учрежден в 1873 г. из земель между Каспийским морем, реками Узбоем и

Атреком и линией от Аральского озера до залива Мертвый Култук) была образована *Закаспийская область*. В январе 1884 г. туркмены Мервского оазиса добровольно вступили в русское подданство. На южные части Мерва заявили было притязания афганцы, но были отбиты отрядом полковника Комарова при Кушке в 1885 г., после чего было установлено точное разграничение территорий между Афганистаном и Россией, и к России отошли земли по рекам Мургабу и Кушке (1887 г.). Несколько позже афганцы и китайцы начали было занимать безлюдное плоскогорье Памир, принадлежавшее раньше Коканду. Но русские отряды заняли Памир, очистили его от афганцев и китайцев и построили на нем укрепление (в 1895 г.). По заключенному русско-английскому соглашению русские владения только узкой полосой отделялись от Гиндукуша, составлявшего границу Британской Индии. Присоединением Памира было закончено распространение русского владычества в Туркестане.

Первыми русскими поселками в киргизских степях, как и в степях Восточной Европы, были города и городки-укрепления, населенные военно-служилыми людьми, главным образом казаками. Но вслед за ними появились и мирные земледельцы, частью случайно, частью по вызову казакородственников. То были частью мещане разных сибирских городов, а главным образом крестьяне Тобольской губернии из Курганского и Ишимского уездов, прилегающих к Акмолинской области. В этих уездах при установившемся экстенсивном землепользовании стала уже ощущаться относительная земельная теснота. Обыкновенно желавшие переселиться в Акмолинскую область высылали туда ходоков, которые высматривали подходящие места, арендовали у киргизов небольшие участки (исполу или за небольшую плату), делали распахки и посевы и, убедившись в доброкачественности почвы и угодий, законтрактывывали эти земли на известные сроки и вызывали к себе земляков или принимали странствующих русских переселенцев. Таким образом среди киргизских степей возникали русские крестьянские поселки со всем деревенским обзаведением. На почве таких арендных соглашений колонизовались и другие местности киргизской степи — Тургайская область и Павлодарский уезд Семипалатинской.

С течением времени между арендаторами-переселенцами и хозяевами-киргизами возникали недорозумения, вызывавшие вмешательство администрации и ходатайство русских поселенцев об образовании самостоятельных русских поселков. В 1879 г. это ходатайство было удовлетворено, ибо отвечало намерениям правительства. Генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков в 1875 г. сделал правительству представление о необходимости заселения края русскими земледельцами. “Доколе киргизы, — писал он, — будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевков, вдали от русского населения, они останутся верною

подданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписям”. Со времени принятия киргизами русского подданства, сообщал генерал-губернатор, успехи, сделанные ими в гражданственности, ничтожны. Попытки перехода к земледелию остались почти только те, которые были введены китайским правительством. Выход из этого положения Казнаков видел в заселении края крестьянами-земледельцами. “Осторожное, — писал он, — без стеснения кочевого населения, водворение внутри степей оседлого населения, частое общение русского населения с киргизами и наглядный пример более удобной жизни представляет единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа”.

Мнение Казнакова нашло сочувственный отклик в центральном правительстве. Решено было образовать на киргизских землях русские поселения, главным образом при почтовых и коммерческих трактах. Для проведения в жизнь этого проекта при главном управлении Западной Сибири была образована особая переселенческая комиссия. После предварительного изыскания удобных мест для будущих оседлых поселений началось образование переселенческих участков. Подготовительные работы продолжались около четырех лет, и с 1879 г. стали возникать новые русские селения (в Кокчетавском уезде). В них устраивались поселенцы, так или иначе уже обосновавшиеся в степи. Засельщикам предоставлялись следующие привилегии: 1) право выбора участка; 2) льгота от платежа податей и от исполнения натуральных повинностей, кроме воинской, на десять лет, если переселенцы в течение двух лет обзаведутся постройками и приступят к распахке надела; 3) получение безвозвратного пособия на постройку в размере 20 рублей и 100 корней деревьев, 20 рублей на приобретение скота и земледельческих орудий.

Но все эти усилия правительства колонизовать степи не увенчались успехом. На большинстве участков, отведенных переселенцам (сначала по 30, а с 1882 г. по 15 десятин на душу), почва оказалась очень дурного качества и ничего не родила; леса и лугов везде было нарезано в недостаточном количестве, а некоторые участки не имели питьевой воды. Много терпели новоселы и от климата: хлеб у них то погибал от засухи, то вымерзал от морозов, то, наконец, истреблялся кобылкой (саранчой). Новоселам пришлось пережить подряд три неурожайных года. Доведенные до крайности, они ежегодно обращались к правительству с просьбами о пособии не только на обсеменение полей, но и на пропитание. Целые семьи уходили на прииски и заводы в соседние уезды на заработки, а некоторые покидали свои участки и возвращались на родину.

Неудачи правительственной колонизации заставили местную власть со второй половины 80-х годов принять меры к приостановке прилива пере-

селенцев. Но оказалось, что остановить это стихийное движение в киргизские степи невозможно. Переселенцы направлялись главным образом на "Ишим", где находились прекрасные пахотные земли, заливные луга, росло достаточное количество леса, а в старицах (прежние русла рек) и озерах было много рыбы и на лугах много дичи. Число переселенцев прогрессивно возрастало с каждым годом: с 1800 душ в 1879 г. до 12 тыс. в 1890 году. С 90-х годов начался особо усиленный их наплыв в Акмолинскую область под влиянием неурожая, постигшего тогда Европейскую Россию. Летом 1890 г. в этой области скопилось до 17 тыс. человек, которые наводнили все казачьи и крестьянские поселения и в поисках пристанища бродили из одного поселка в другой. Преувеличенные слухи и письма переселившихся земляков о привольном житье на новом месте, с одной стороны, неурожай и вообще тяжелое экономическое положение на родине, с другой стороны, гнали крестьян в киргизские степи, равно как и в Сибирь. Для поземельного устройства этих людей в 1870 г. был командирован особый чиновник, который наспех и кое-как разместил переселенцев по участкам, но далеко не всех. В 1891 г. в Акмолинскую и Семипалатинскую области прибыла часть западно-сибирского переселенческого отряда, которая отвела для 11 тыс. душ, переселившихся в Акмолинскую область, 250 тыс. десятин и под четыре участка в Семипалатинской области 33 тыс. десятин. С проведением Сибирской железной дороги переселение в киргизские степи еще более увеличилось. В последние пять лет XIX столетия в одной Акмолинской области возникло 754 новых села с числом жителей 629473 человека; главную массу переселенцев дали соседние Пермская и Тобольская губернии, населившие главную часть края, где растут леса; южную, чисто степную часть края укрепляли своими поселками переселенцы из губерний черноземной полосы.

Колонизация западной части края (Тургайская и Уральская области) началась с конца 60-х годов и не приняла таких размеров, как в Акмолинской и Семипалатинской областях, ибо здесь было сравнительно мало мест, годных для земледелия. Больше всего переселенцев основалось на жительстве в Кустанайском уезде (г. Кустанай был основан в 1881 г.), как самом плодородном во всей западной части Киргизского края.

В Туркестанском крае первыми пунктами русской оседлости также были города, которые русское правительство или строило вновь, или же отнимало у туземцев и снабжало военной силой. Первыми русскими населенниками здесь, как и на других присоединяемых территориях, были военные люди разного звания — казаки, солдаты. Заново созданных русских городов в Туркестане насчитывалось небольшое число: Копал, Верный, Казалинск, Красноводск, Петро-Александровск, форт Александровский (на Мангышлаке), Скобелев (Новый Маргелан). Основные города края существовали в нем до русского завоевания и получили русское население уже после завое-

вания в лице военных, чиновников и служащих разных ведомств и частью торговцев. Это русское население в большинстве случаев устраивалось обособленно от местного, наполнявшего собою туземную часть городов. Число русских в городах Туркестана до 1914 г. было незначительно; в Ташкенте, например, на 236 тыс. жителей приходилось в 1911 г. 47,5 тыс. русских, в Мерве на 16 тыс. населения 5,5 тыс. и т.д.

Во всех областях русского Туркестана, кроме Семиреченской и Ферганской, городское русское население было многочисленнее сельского. В Закаспийской области в 1911 г. в городах проживало 27176 русских, а в уездах только 14495; в Сыр-Дарьинской — соответственно 66982 и 36518; в Самаркандской — 16783 и 6146; в Ферганской — 16565 и 17635; в Семиреченской — 49868 и 154439. В общем, число всего русского населения по сравнению с туземным — киргизами, сартами, таджиками, татарами, кипчаками, туркменами, каракалпаками, кашгарцами, таранчами и монголами (в Семиречье) — ничтожно. В 1911 г. в Закаспийской области на 472500 человек населения приходилось 41671 русских — менее 1/10; в Сыр-Дарьинской 103500 на 1816550, т.е. опять-таки менее 1/10; в Самаркандской — 22903 на 960202, т.е. менее 1/40; в Ферганской — 34200 на 2041900, т.е. менее 1/60. И только в Семиреченской области, наиболее вклинивавшейся в Западную Сибирь, наиболее близкой к ней по климатическим и почвенным условиям и поэтому захваченной общим колонизационным течением, направлявшимся в Западную Сибирь, в 1911 г. было 204307 русских на 1201540 человек всего населения.

Причины незначительного внедрения русского элемента в состав населения Туркестана заключаются в том, что этот край сравнительно недавно сделался русским владением, что во время его военного занятия большая часть земель, годных для земледелия, находилась в пользовании туземцев, в их же руках были торговля и лесные промыслы. Культура земель в крае, отличающемся крайней континентальностью климата, требовала таких приспособлений (в виде искусственной ирригации), навыков и знаний, которыми не располагала еще русская земледельческая масса. Поэтому переселенцы направлялись в более привычные для них места черноземной полосы Западной Сибири. В Туркестане же хозяевами земли как были, так и остались туземцы-киргизы преимущественно в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях (киргизов в русском Туркестане в 1911 г. насчитывалось 2480443 человек), сарты, узбеки преимущественно в Ферганской и Сыр-Дарьинской областях (1846855 человек), туркмены в Закаспийской области (290170 человек) и др. Всего из 6492653 человек, числившихся по официальным данным в 1911 г. в русском Туркестане, русских было 406607, т.е. менее 1/15 всего населения. Туркестан, таким образом, был не колонизованной, а начавшей колонизоваться русским населением областью.

Важнейшая литература

Мокшев А.М. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских. — Спб., 1890.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: С картами и планами. — Спб., 1906. — Т. 1—3.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: Настол. и дорож. кн. для рус. людей/ Под ред. В.П. Семенова; Общ. рук. П.П. Семенова и В.И. Ламанского. — Спб., 1903. — Т. 18: Киргизский край / А.Н. Седельников и др.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: Настол. и дорож. кн. для рус. людей/ Под ред. В.П.Семенова-Тянь-Шанского; Общ. рук. П.П. Семенова-Тянь-Шанского и В.И. Ламанского. — Спб., 1913. — Т. 19: Туркестанский край / В.И. Масальский.

XXII. РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ПРИБАЛТИЙСКОГО КРАЯ В XVIII И XIX ВВ.

С половины XVI и до самого конца XIX в. господствующими направлениями русской колонизации были южное и восточное. Русский народ занимал плодородные степи Восточной Европы и Западной Сибири, а также необъятные лесные заросли Сибири, привлекавшие богатством животного мира и залежами разных руд. С начала XVIII в. сильный колонизационный поток направился и на северо-запад, к побережью Финского залива, в новоприобретенную Петром Великим от шведов Ингерманландскую губернию. Этот факт стоял в связи с появлением Санкт-Петербурга — порта и новой столицы при устье р. Невы.

Область Прибалтики, как мы видели, вошла в сферу славянской колонизации в незапамятные времена. Не только течение р. Волхова, но и течение р. Луги было обставлено славянскими погостами и селами в X—XI веках. Новгородцам удалось заселить и течение Невы до ее устья включительно. По новгородским “старым книгам” селения, возникшие на правом берегу Большой Невы, принадлежали к Спасско-Городенскому погосту Ореховского уезда, а селения левого берега — к Николо-Ижорскому погосту Новгородского уезда. На р. Охте находилось пять деревень Тимофея Евтихиевича Грузова с 32 дворами и до 10 селений других владельцев, в каждом не более двух дворов. Фомин остров (нынешняя Петербургская сторона) имел 30 дворов и причислялся к волости Лахта, которую держали наместники города Орешка. Местность по левому берегу Невы напротив Фомина острова (нынешняя Адмиралтейская часть) имела три деревни с 8 дворами. Васильев остров (нынешний Васильевский) по “старым книгам” показан в общем владении двух посадников, Александра Самсонова и Елевферия Ивановича Вязгунова, по 12 дворов у каждого, частью пашенных, частью рыболовных. Еще гуще, чем Невская дельта, заселены были места по рекам Ижоре и Славянке; деревень, правда малолюдных, было здесь множество.

После присоединения Новгорода к Москве хозяйственная деятельность и заселение земель в крае не прекращались. Деревни бывших новгородских

посадников и других знатных новгородцев перешли к московским боярам и воеводам, некоторые были приписаны к великокняжеским оброчным волостям. Число селений, дворов и жителей в течение XVI в. значительно умножилось.

Но в Смутное время все эти погосты, села и деревни с городами Ямой, Иван-Городом, Копорьем, Орешком и Корелой подпали под владычество Швеции и формально были уступлены ей по Столбовскому трактату 1617 года. Для укрепления своей власти шведы в 1604 г. при устье р. Охты построили г. Ниен, а на противоположном берегу крепость *Ниеншанц* (на месте Новгородского острога). От этой крепости и до Орешка, переименованного в *Нотебург*, они провели вдоль Невы вал и ров. Вместе с тем шведы всячески старались выгнать отсюда расселившееся русское население и заменяли его финнами-протестантами из Финляндии.

Но такая ситуация была нетерпима для Московского государства. Узкой полосой оно было отрезано от Балтийского моря, лишено возможности непосредственно и прямым путем вести торговые сношения с Западной Европой. Поэтому, как только оно несколько оправилось от потрясений и разорений Смутного времени, так тотчас же вступило в борьбу со Швецией за обладание Финским побережьем. Война, начатая при Алексее Михайловиче, на первых порах имела успех: русские взяли Ниеншанц и Нотебург и опустошили Корелию, причем шведские переселенцы, даже финны, убежали, предав огню свои жилища. Но война, которую одновременно московское правительство вело за Малороссию, помешала довести борьбу со Швецией до желанного конца. По Кардисскому договору 1661 г. все завоеванные местности, как известно, снова были уступлены Швеции.

За выполнение жизненной задачи, поставленной Россией историей, взялся сын Алексея Михайловича Петр, вступивший в борьбу со Швецией. В октябре 1702 г. он подступил к крепости Нотебургу и после семидневного бомбардирования взял ее штурмом со всеми орудиями и запасами. Царь не возвратил городу старого названия, а наименовал его Шлиссельбургом, через который он надеялся отпереть и устье Невы, загороженное Ниеншанцем. 25 апреля 1703 г. Петр вместе с Шереметевым, имея 25000 войска, подступил к Ниеншанцу, подверг его сильному пушечному обстрелу и 1 мая взял эту крепость. Шведские корабли, вошедшие в устье Невы, были внезапно атакованы русскими лодками и разбиты. После этого 29 июня 1703 г. на Заячьем острове (Иени-Саари) царь заложил собор во имя апостолов Петра и Павла и земляную крепость, которую назвал *Петербургом* в "свое государство имя".

С самого начала Петр имел в виду прочное утверждение русского владычества на устье Невы. На примере Ниеншанца Петр мог наглядно убедиться, какое важное значение должно иметь обладание дельтой Невы для

России. К этому городу в конце XVII в. приходило свыше 100 кораблей в год. Развивавшуюся здесь морскую торговлю Петр и имел в виду перехватить для города, который он заложил при устье Невы. Но надо было всячески оградить новый город и с моря и с суши. Поэтому, как только шведский флот удалился от устья Невы, Петр вышел в море, осмотрел остров Рету-Саари, называвшийся по-русски Котлиным, и произвел промеры пролива, отделявшего остров от материка. Определив значение его в деле недопущения входа в Неву с моря, он решил выстроить укрепление на отмели, находившейся к югу от острова на расстоянии пушечного выстрела. В Воронеже Петр собственноручно сделал модель крепости, и по этой модели Меншиков в ту же зиму, несмотря на все препятствия природы, к 1 мая выстроил крепость *Кронштадт* (для фундамента на дно моря были опущены тарасы, т.е. срубы, в 30 футов длины).

Летом того же 1704 г. шведы попытались было с моря прорваться к устью Невы мимо Кронштадта, но их нападения были отбиты, так же как и в следующие два года. Одновременно с тем укреплялась дельта Невы и сооружались различные городские постройки. На правом берегу Невы продолжалось строительство деревянной Петропавловской крепости о шести бастионах и деревянного Петропавловского собора; в 1705 г. крепость и собор были готовы. Неподалеку от крепости был сооружен домик о двух комнатах с кухней для царя, на берегу Малой Невки появились палаты для Меншикова и других сановников, а подле них биржа, лавки, гостиный двор. На Аптекарском и Васильевском островах царь поставил батареи, прямо против шведских батарей, возведенных когда-то на Каменном острове. На левом берегу Невы строились деревянное Адмиралтейство с верфью, палисадами и земляным валом; рядом разводился парк; за этим парком на пустыре, отведенном для городского кладбища (ныне Александровский сад), было положено основание деревянному соборному храму во имя св. Исаакия Далматского. Неподалеку помещались домики морских служащих.

Первые, преимущественно земляные, работы при основании Петербурга производились находившимися в нем войсками, пленными шведами, а также собираемыми с окрестных местностей жителями. В момент закладки города в дельте Невы было раскидано до 40 мыз и деревень, населенных частью финнами-чухонцами, частью русскими. Затем стала привлекаться рабочая сила и из внутренних областей. В 1705 г. было решено отправлять на постройку Петербурга всех ссыльных дезертиров. В 1708 г. Петр велел выслать сюда на работы из внутренних уездов Московского государства уже 40 тыс. человек.

Работы по устройению Петербурга пошли более усиленным темпом после того, как Полтавская победа ясно предреказала исход борьбы с Шведией, и Петр получил окончательную уверенность, что его дело на берегах Невы

прочно, что “уже совершенно камень в основание Санктпетербурга положен с помощью Божию”. В декабре 1709 г. со всех посадов и уездов с дворцовых, монастырских и частновладельческих имений велено было собрать кроме каменщиков и кирпичников 40 тыс. человек и пригнать на работу в Петербург. Такие распоряжения издавались и в последующие годы. Лишь в 1718 г. подневольный труд был заменен вольнонаемным. Одновременно с тем появлялись распоряжения о заселении Петербурга. Петр переносит свою резиденцию в Петербург и строит для себя и членов своего семейства дворцы — Летний и Итальянский. С 1712 г. в Петербурге поселяется вся семья государя и издается приказ возносить на ектениях моления “о царствующем граде Петербурге”.

В то же время издается указ, предписывающий всем царедворцам и другим чинам, за которыми числилось не менее 30 дворов крестьян, строиться и жить в Петербурге. При этом помещики, имевшие во владении от 700 до 1000 крестьянских дворов, были обязаны строить каменные дома не менее как на 10 сажений, помещики, владевшие 500—700 дворами, — также каменные дома не менее как на 8 сажений; и только владельцам 100—300 дворов дозволялись мазанки или деревянные дома любых размеров. В 1714 г. приказано было поселиться в Петербурге 350 царедворцам и вдовам с детьми, владевшим не менее чем 100 дворами крестьян, московским торговым людям гостиной сотни и черных слобод, занимавшимся оптовой торговлей или имевшим заводы и промыслы (300 человек), и мастеровым “всех художеств” (тоже 300 человек). В 1717 г. 28 ноября Петр распорядился, чтобы земские люди во всех городах выбрали из своей среды торговых и ремесленных людей первостатейных и средних, добрых и пожиточных и выслали их с женами и детьми на житье в Петербург бессрочно. В следующем году было набрано преимущественно в Архангельской и Вологодской провинциях несколько сот семейств, занимавшихся плотничеством и судостроением. Их поселили на Охте, где были построены дома, заведены огороды и распахана земля для посева хлеба. Так возникла Охтинская слобода, составившая часть Петербурга.

Благодаря этим мерам Петербург быстро заселялся. При первой переписи петербургских дворов, производившейся в 1713 г., во всех частях нарождавшейся столицы, т. е. на островах Городском (Петербургском) и Адмиралтейском с Выборгской и Московской (Литейной) сторонами оказалось 1015 домов и 6 церквей. Перепись следующего года дала уже 34500 домов. В конце царствования Петра в Петербурге было около 70 тыс. жителей, а с пришлыми рабочими около 100 тыс.

Ранее других частей города заселился Городской, или Петербургский остров. О составе его населения дают понятие названия его старинных улиц: Дворянские, Посадские, Монетные, Пушкарские, Ружейные. Одновремен-

но, несколько отставая, заселялся остров Адмиралтейский (между Невой и Мойкой). Здесь вблизи здания Адмиралтейства был выстроен вместо прежнего деревянного кирпичный собор св. Исаакия, а в соседстве с ним канцлерский дворец (где потом был Сенат); по другую сторону собора был возведен Зимний дворец. Недалеко от Адмиралтейства же возникли слободы Морская, Конюшенная, Офицерская, давшие имена позднейшим улицам, немецкая слобода, где жили богачи-иностранцы (позднее Миллионная). За р. Фонтанкой, на берегу Невы Брюс устроил в 1712 г. Пушечный литейный завод, на котором работали немцы. Далее вверх по Неве на месте деревни Смоляны, где Адмиралтейство гнало смолу, был заведен *Смольный двор* с кунсткамерой. В густых лесах, покрывавших левый берег Невы, были сделаны широкие просеки, названные перспективами: Большая перспектива (позднее Невский проспект), Литейная, Загородная и Екатерингофская. В 1712 г. при впадении Черной речки в Неву появился первый храм Александро-Невской лавры, куда в 1724 г. перенесены из Владимира мощи Александра Невского.

Строящийся Петербург с лицевой, показной стороны должен был быть каменным. В апреле 1714 г. было дано указание на Городском и Адмиралтейском островах и везде по Большой Неве и большим протокам не строить деревянных строений, а ставить каменные; печи делать непременно с большими трубами, а строения крыть дерном или черепицей; на Выборгской стороне по берегу Невы следовало также строить здания непременно каменные, а далее от Невы — мазанки в два жилья, но на каменном фундаменте. Деревянные постройки в тех местах, где они дозволялись, должны были быть брусяные, обитые тесом и окрашенные в красный цвет или под кирпич. В это время Петр был занят мыслью о заселении Васильевского острова. Предполагалось застроить лучшими зданиями именно этот остров, изрезав его каналами наподобие Амстердама. Были сделаны просеки, означавшие направление главных каналов (где потом были Большой, Средний и Малый проспекты). Но оказалось, что многие пространства, намеченные под каналы, уже застроены или стеснены каменными и деревянными домами частных лиц. Для выполнения плана пришлось бы ломать дома и возводить новые, на что царь не решился. Пришлось ограничиться и здесь обычными распоряжениями: те дома, для которых были отведены места на берегу Невы, должны были строиться нарядные и иметь гавани, выходящие на Неву (каменные лестницы); лица, имевшие более 300 дворов, должны были строить каменные дома, а остальные — мазанки и деревянные домики.

Так строился новый город, которому суждено было стать столицей государства, первым торговым и военным портом и средоточием культурной жизни России.

Крепости Кронштадта оказалось недостаточно для защиты Петербурга от неприятеля с моря. Шведы пытались подойти к Петербургу с северной стороны острова Котлина. Поэтому в 1710 г. Петр повелел построить другую, более обширную, крепость на самом острове. Работу выполняли гвардейские солдаты и пленные шведы. Здесь же Петр решил оборудовать стоянку своего военного флота и купеческую гавань для судов, глубоко сидящих в воде. К 1720 г. были окончены гавани, стали строиться отдельные укрепления, дома вельмож и служащих. Так возник новый приморский город, названный *Кронштадтом* (Венец-город).

Еще раньше, в 1704 г., Петр положил основание другой подсобной для Петербурга крепости, *Новой Ладоге*, при впадении р. Волхова в Ладжское озеро. Здесь находился Никольский Медведский монастырь, подвергавшийся частым нападениям шведов. Осматривая местность, Петр нашел ее удобной для постройки города. Он распорядился обнести монастырь рвом и валом, а для заселения города перевел жителей Старой Ладоги. Позже здесь была поселена часть крестьян, высланных из внутренних губерний на работы по устройству Ладжского канала.

Сооружение новой столицы в новоприобретенном крае неизбежно вело к заселению этого края, к приливу в него населения со стороны, к возникновению новых поселков. Устроив столицу в Петербурге, царь поспешил раздать имения членам своей семьи и вельможам в его окрестностях. Жене он подарил дачу ниже устья Невы против острова Круглого и выстроил здесь для нее деревянный дворец. Эта дача получила название *Екатерингофа*. Кроме того, Екатерина получила мызы *Саареную* (названную впоследствии Царским Селом), *Дурголово* (Пулково), *Славянку*, *Антель* (Колпино), *Кононово* и *Мозино*, в которых насчитывалось тогда 95 деревень, 11 пустошей и 200 дворов финских и русских крестьян. К этим мызам были присоединены еще Кексгольмские (Корельские) погосты — *Кидельский*, *Угонемский* и *Токмоярский* с 7 мызами, 73 деревнями и 500 крестьянскими дворами. Царевич Алексей Петрович получил деревни *Кутчино* и *Сусари*, а царевна Наталья Алексеевна — мызу *Гатчину*. Для дочери Елизаветы Петр выстроил дворец *Стрельну* на берегу Финского залива при впадении в него речки Стрелки, для себя *Петергоф*. Из вельмож больше всех получил земель Меншиков. В пожалованном ему имении он соорудил роскошный дворец *Ораниенбаум*, завел при нем парк и прорыл канал до моря длиной около полутора верст. Все эти загородные усадьбы царской семьи и вельмож обрастали домами придворной челяди и прислуги, ремесленников и крестьян и превращались, таким образом, в крупные селения. Некоторые из них (Петергоф, Царское Село, Гатчина, Ораниенбаум) превратились впоследствии в города.

Петр принимал все меры к тому, чтобы как можно больше заселить край русскими людьми. В 1711 г. был произведен первый обмер удобной и неудобной земли в Ингерманландии и подсчет населения. Оказалось 1164313 десятин и 11554 крестьянских двора. В следующем 1712 г. велено было расписать всю землю в Ингерманландии и отвести участки под дворы и огороды в местах, назначенных для основания новых поселений. Расписанные земли с крестьянами и бобьльскими дворами стали раздаваться служилым людям разных чинов, которые переводились отовсюду в Ингерманландию и, в свою очередь, переводили сюда часть своих крестьян. Ремесленных крестьян переселяло в Ингерманландию правительство. Так, из дворцовых волостей Московского, Коломенского, Рязанского, Костромского и других уездов в течение 1715—1726 гг. было переведено более 4000 дворов крестьян-плотников. Переведенцы получали по 5 рублей на двор пособия от казны, отстроенные дома, землю, сенокосы и все домашнее обзаведение и освобождались на год от платежа оброка. Слобода *Рыбацкая* на Неве обязана была своим возникновением также колонизаторской деятельности Петра, который переселил сюда рыбаков с Оки. Так возобновилась русская колонизация Водской и Ижорской земли, начатая в свое время новгородцами, продолженная Москвой и прерванная столетним шведским владычеством над этим краем.

По смерти Петра заселение Петербурга и Ингерманландии на время приостановилось, и население их даже уменьшилось. С переездом двора в Москву выехали из Петербурга вельможи и переведенные сюда помещики с семьями и слугами, равно как и многие торговые и ремесленные люди. Но при Анне Ивановне возобновились принудительные меры к заселению Петербурга. Велено было немедленно возвратить в столицу уехавших из нее купцов, ремесленников и ямщиков с их семействами, а за неисполнение или медленность исполнения этого приказа конфисковывать имения и ссылать в каторгу. Более зажиточные люди обязаны были строиться в Петербурге под страхом конфискации всей недвижимости. Приказано было наржать на житье в Петербург дворянских недорослей. При Анне Ивановне в Петербурге появилось до 20 новых улиц. Меры Елизаветы шли еще дальше. Указом 1744 г. она велела не помнящих родства, называющих себя поляками, и незаконнорожденных, являющихся в казачьи городки, ссылать на поселение в Петербург. При Елизавете столица обогатилась множеством прекрасных зданий, отчасти существующих и доселе. Таковы сооруженные графом Растрелли Зимний и Аничков дворцы, дом графов Строгановых, Гостиный двор и др. Каменные дома были выстроены вдоль Невского проспекта до Фонтанки, а деревянными строениями уставились придворные слободы за Фонтанкой, так же как и Пески, отданные под квартирование Преображенского, Семеновского и Измайловского полков. К концу царствования Елизаветы в

Петербурге было уже около 150 тыс. жителей. Екатерина II, не прибегая к принудительным мерам, всячески поощряла переселение в Петербург, особенно торгово-промышленных людей, которым она предоставляла различные льготы. Она не жалела средств для устройства и украшения Петербурга. При ней Петропавловский собор принял свой нынешний вид; были выстроены собор Александровского монастыря и церковь Владимирской Божьей Матери. Зимний дворец был дополнен Эрмитажем, в котором поместились дворцовый театр, картины, статуи и библиотека. Были сооружены Мраморный дворец (для Орлова) и Таврический (для Потемкина), здание Публичной библиотеки, Государственного банка, почтамта, академии художеств и т.д. На протоках Невской дельты появилось много крепких мостов; набережные Невы, Фонтанки и Екатерининского канала оделись гранитом. К концу царствования Екатерины Петербург был уже вполне европейской столицей; в нем было 4000 домов и до 220 тыс. жителей.

Одновременно заселялись и окрестности столицы. По реке Неве по направлению к Шлиссельбургу основывались заводы и фабрики и возникали фабрично-заводские поселки. Возникло несколько немецких колоний: *Новосаратовская* в 13 верстах от столицы и *Среднерогатская* в 12 верстах, две *Ижорские* колонии в 14 и 16 верстах от Царского Села, основанные выходцами из Бранденбурга и Вюрттемберга; колонии *Луцкая*, *Порховская* и *Франкфуртская* близ Ямбурга, основанные выходцами из Пфальца. По Петергофскому шоссе строились дачи. Царское Село, где Екатерина проводила лето, стало уже городом; превратился в город и Ораниенбаум, конфискованный в свое время, в 1727 г., у Меншикова.

При Павле прилив населения в Петербург и его окрестности приостановился, но при Александре I возобновился с новой силой. Была застроена вся местность между Невой и Фонтанкой и значительная часть пространства между Фонтанкой и Обводным каналом; на Васильевском острове застроились все линии и Галерная гавань, а на Петербургской стороне — улицы у Большого проспекта и по берегам Большой Невки и Малой Невы. Домов в Петербурге в конце царствования Александра I насчитывалось уже до 8000, а жителей до 425 тыс. человек.

В царствование Николая I население Петербурга возросло сравнительно мало, с 425 тыс. до 491 тыс. человек. При Александре II оно почти удвоилось: по переписи 1881 г. в городе числилось уже 861303 жителей. Увеличению населения помимо естественного прироста способствовало торгово-промышленное оживление Петербурга, связанное с проведением к нему железных дорог и установлением умеренных пошлин на сырье для обрабатывающей промышленности. Новый прилив населения в Петербург последовал в 90-х годах XIX в. в связи с развитием фабрично-заводской промышленности в городе и на его окраинах. По переписи 1897 г. здесь насчитывалось

уже 1132677 человек, причем число жителей возросло главным образом в окраинных частях города: Александро-Невской, Выборгской, Нарвской, Петербургской и Рождественской.

По сравнению с Петербургом население Петербургской губернии увеличивалось гораздо медленнее. Кроме естественного прироста прибавление населения губернии состояло в связи с развитием фабрично-заводской промышленности, учреждением хлопчатобумажных, шелковых, льняных, шерстяных, писчебумажных, фарфоровых, фаянсовых, кожевенных изделий, спичечных фабрик, лесопильных, чугунолитейных, медеплавильных, оружейных, стеклянных, свечных заводов и других предприятий. Большая часть людей, работавших на этих фабриках и заводах, приходили сюда на заработки из внутренних губерний России. Но они уже теряли свою связь с родиной, являясь туда только летом и на короткое время. Некоторые из них совершенно отрывались от родных мест и проживали с семьями в фабричных и заводских поселках. В 1897 г. население Петербургской губернии, кроме Петербурга, состояло из 975014 человек, т. е. было на 157663 человека меньше населения столицы.

По Ништадтскому договору 1721 г. Россия приобрела не только Ингерманландию, но и Эстляндию и Лифляндию. Эти области имели достаточное население, верхний слой которого составляли немцы и отчасти шведы, а массу — финское племя эстов и литовское племя латышей. Для русской колонизации здесь было мало места. Русский элемент в этом краю скопился главным образом в городах в лице купцов, чиновников и лиц свободных профессий. Наибольшее количество русских людей поселилось в Ревеле (в 1897 г. до 9000 человек) и Риге (в 1897 г. более 60 тыс. человек). Нельзя не отметить некоторых успехов русской колонизации на восточных окраинах Эстляндии и Лифляндии. Здесь мы видим селения русских крестьян, выделившиеся из соседних русских территорий. Таковы, например, село Свиринец при истоке р. Нарвы из Чудского озера и деревня Яма на р. Нарове в Везенбергском уезде Эстляндской губернии, некоторые села Курляндской губернии. Но в общем русский элемент составил в этом крае ничтожное меньшинство населения, и край, как был, так и остался инородческим.

Важнейшая литература

Свиньин П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. — Спб., 1816—1828. — Кн. 1—4.

Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Петербургской губернии. — Спб., 1839—1842. — Т. I, в 4 ч.

Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. — Спб., 1853 — (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва; Кн. 8).

Грот Я. Известия о Петербургском крае до завоевания его Петром Великим // Журн. М-ва нар. просвещения. 1853. Ч. 77.

Городские поселения Российской Империи, Т. 7. — Спб., 1864.

Пекарский П.П. Петербургская старина //Современник. 1860, Т. 81, N 6; Т. 82, № 7; Т. 83, № 10.

Петров П.И. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие городского управления по учреждениям о губерниях, 1703—1782. — Спб., 1884 (обл. 1885).

XXIII. РЕЗЮМЕ ОБЗОРА

Занятием и заселением рассмотренных в настоящем обзоре пространств по существу кончилась территориальная экспансия русского народа и создание им его собственной территории. Правда, кроме этих областей Российская Империя путем завоевания включила в свой состав так называемый Прибалтийский край, т.е. Эстляндию, Лифляндию и Курляндию, Литву и значительную часть Польши, Финляндию, Бессарабию, Закавказье, Среднеазиатские владения. Но все эти области, имевшие достаточно своего местного населения или неподходящие по своим природным условиям, не сделались ареной сколько-нибудь значительной русской колонизации и были связаны с Империей только подчинением единой власти. Их территории не сделались поэтому прочным достоянием русского народа. Но и за исключением этих областей территория русского народа в конце концов достигла колоссальных размеров. Всего русское государство с включением Финляндии занимало в 1812 г., т.е. накануне Европейской войны, 22702976 квадратных километров, т.е. приблизительно половину Европы и треть Азии, причем на долю областей, завоеванных, но почти не колонизированных, приходилось около 2,5 млн квадратных километров, т.е. с небольшим 12% всей территории (Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Berlin, 1912).

Эта колоссальная территория создавалась веками. Начало ей было положено в незапамятные времена восточными ветвями славянского племени, утвердившимися в Прикарпатье и в бассейнах Припяти и частью среднего Днепра. Эта "исконная" территория восточного славянства расширилась первоначально расселением восточных славян в бассейнах Днестра, Южного Буга, нижнего Днепра, Донца и Дона, после того как южные лесостепные и степные пространства Восточной Европы в эпоху великого переселения народов (V и VI вв.) почти очистились от господствовавших в них долгое время иранских племен, готских и тюркских пришельцев. Восточные славяне, издавна соединявшие в своем хозяйственном быту земледелие с охотничьими промыслами, рыболовством и бортничеством, широко

разбросались по бережьям рек, вблизи покрывавшей их лесной поросли и вблизи лесных островов степи, где они могли не только возделывать тучную землю, но и бить зверей, ловить рыбу и добывать мед, каковыми дарами природы изобиловали в старину лесостепные и степные полосы Восточной Европы.

Отсутствие полной безопасности со стороны остатков прежних насельников также заставляли славян ютиться поближе к лесам, где они могли прятаться от хищников и получать материал для укрепления своих поселков — построения городков. Небольшие городки, создававшиеся силами одной разросшейся семьи или рода, были первыми широко распространенными поселками восточных славян в лесостепной и степной полосах Восточной Европы. Занимая выгодное географическое положение и сделавшись рынками, на которых восточные славяне сбывали добываемое ими сырье, средоточиями торгового обмена, они превратились в крупные города. Эти города — Киев, Чернигов, Переяславль, Волынь и др. — стали вместе с тем и политическими средоточиями поселков, тяготевших к ним экономически.

Широкому распространению славянской колонизации в лесостепных и степных областях Восточной Европы покровительствовала могущественная Хазарская орда, утвердившаяся на нижней Волге и нижнем Дону. Властитель этой орды облагал расселявшихся славян данью, а приезжавших в Хазарию славянских купцов — пошлинами и не пропускал в южные степи Восточной Европы рвавшиеся туда с востока и юга другие орды, пользуясь для этого отчасти силами самих восточных славян. Одновременно с распространением по южным лесостепным и степным областям Восточной Европы славяне исподволь продвигались на север и на северо-восток, в лесные области — бассейны Западной Двины, озер Чудского и Ильменя, верхнего Днепра и верхней Волги и Оки, на территории, редко заселенные литовцами и финнами отдельно и попеременно друг с другом. И здесь славяне, искавшие удобные места для земледелия, охотничьих, рыбных и бортных угодий, раскидывались на огромных пространствах по лесным полянам или среди мелкой древесной поросли, которую сравнительно легко было расчистить под пашню, главным образом по бережьям рек и озер, обходя крупные хвойные леса и болотные топи на водоразделах рек и озер. Внедряясь в страну, уже так или иначе занятую людьми других племен, славяне и здесь ставили для защиты городки, которые были их первыми поселками, и только позже, когда устанавливалось мирное сожительство пришельцев со старожилами, основывали деревни сначала поблизости от городов, а затем и в отдалении от них. Городки большей частью превращались за ненужностью в деревни либо исчезали вовсе. Некоторые городки и здесь, как и в лесостепной области, становились большими городами, торговыми и политическими центрами известных районов. Таковы были Полоцк, Смоленск, Нов-

город, Ростов, Суздаль и др. Предел распространению славян в лесистом Поволжье положила могущественная Болгарская орда, утвердившаяся на слиянии Камы с Волгой.

Территория, занятая восточными славянами в первые три века после великого переселения народов, подверглась в IX в. сильному уменьшению с юга, со стороны степи. Хазары, ослабленные борьбой с арабами, оказались не в состоянии сдерживать напор кочевых орд с востока, и в IX в. в степи и лесостепи Восточной Европы прорвались сначала угры, или венгры, а за ними последовали печенеги, которые оттеснили угров на запад, в придунайские степи, а сами расположились кочевьями на всем пространстве от Днестра до Дона. Славянские поселки на нижнем Дону, потерпевшие много еще от арабов, были разорены кочевниками, и славяне с нижнего Дона ушли на верхний Дон и его притоки и на Оку; незначительная часть ушла на юг, в болотистую дельту Кубани, и нашла убежище в византийской колонии Таматархе (русск. Тмутаракань). Должны были покинуть свои многочисленные городки и славяне, расселившиеся между нижним Днепром и Днестром. Они отступили частью на север, в бассейны верхнего Днепра и верхнего Южного Буга и правых притоков Припяти, под защиту тамошних лесов, частью на запад, в бассейны Прута и Серета и на нижний Дунай; небольшая часть их удержалась в приморских городах Олешье, Чернограде и Белгороде. Печенегов вытеснили из степей Восточной Европы около половины XI в. узы, или торки, которые, в свою очередь, скоро очистили свое место для половцев, или куманов.

Половцы господствовали в степях Восточной Европы более полутора века, до самого прибытия татар. Русским князьям окраинных славянских земель пришлось вести с ними напряженную борьбу, оборонять славяно-русскую оседлость от их вторжений или предпринимать против них карательные экспедиции в степь. Для защиты от их нападений они строили в своих княжествах крепкие города, проводили валы и деревянные стены в степи, устраивали военные поселения из разных кочевников, отбившихся от своих орд и поступивших на службу к русским князьям. За время господства в степи половцев славяно-русская оседлость в южном направлении не продвинулась. Ее южная граница стабилизировалась. Она захватывала бассейны верхнего Днестра и верхнего Южного Буга, переходила на р. Рось, впадающую в Днепр справа, за Днепром держалась течения р. Ворсклы, далее захватывала верхний Донец, затем переходила на р. Сосну, правый приток Дона, за Доном держалась рек Хопра и Великой Вороны. Была утрачена всякая связь с теми русскими селениями, которые удержались на берегах Черного моря, и русское население было затерто в них инородным пришлым. Происходило внутреннее заселение в установившихся уже пределах окраинных русских земель. К народной колонизации присоединилась здесь

колонизация, совершавшаяся силами и средствами выделившихся в составе славянского общества высших классов — князей, бояр и духовенства. Кроме городов князья основывали села, в которых поселяли своих рабов. Их трудами, а также трудами зависимого свободного населения — смердов, закупов и наймитов — они вели собственное земледельческое хозяйство и промыслы; то же делали и их бояре, селившие в своих селах рабов, и церковные учреждения, селившие зависимых от них людей — изгоев, прощеников и т.п. Но успехи всей этой колонизации значительно уменьшались вследствие того, что в недра русской оседлости постоянно вторгались половцы. От этих вторжений почти запустела Переяславская земля, обнимавшая бассейны Сулы, Псла, Ворсклы и верхнего Донца, и часть Чернигово-Северская, располагавшаяся в бассейнах Десны и ее притока Сейма и верхней Оки. Русское окраинное население, не имея возможности держать прочную оседлость, стало жить отходными промыслами в степях, и появились бродники, предшественники позднейших казаков.

С гораздо большим успехом в это время совершалась колонизация лесных пространств Восточной Европы, не тревожимых половецкими вторжениями. Размножавшееся славяно-русское население не только занималось внутренней колонизацией образовавшихся здесь русских земель, но и расширяло их пределы (особенно Новгородской земли и Ростово-Суздальской), все более и более поглощая и ассимилируя прежних насельников — финнов и частью литовцев. Эта колонизация, как и на юге, совершалась усилиями и средствами народной массы и высших классов — князей, бояр и духовенства. При этом погосты, слободы и деревни возникали в результате народной колонизации, а села и тянувшиеся к ним деревни — в результате колонизации княжеской, боярской и церковной. Особенные успехи по части своего заселения в XI и XII вв. сделала земля Ростово-Суздальская, ставшая к концу XII в. самой многолюдной, самой сильной. Ее называли Великой Русью.

Прибывшие в четвертом десятилетии XIII в. в степи Восточной Европы татары вытеснили из них и частью поглотили половцев. Они произвели страшное опустошение Рязанской и Ростово-Суздальской земель. Юго-Западная Русь — земли Чернигово-Северская, Волынская, Переяславская и Киевская — сильно обезлюдели, в особенности две последние. Но при всем том пределы окраинных русских земель мало претерпели изменений. Окраинное русское население старалось покорностью заслужить у татар пощаду и оставлялось ими: “Да им орют и сено косют”. Большие изменения произошли только в размещении населения. Значительная часть жителей Рязанской земли, спасаясь от татар, бежала в лесную глушь в бассейн р. Протвы и населила этот край. Уцелевшее от татарского избиения и плена население Чернигово-Северской земли частью ушло в лесистые и болотистые бассейны верхней Десны и верхней Оки, где в связи с этим возникло в XIII и

XIV вв. несколько новых княжеских резиденций, а частью искало спасения в лесистых предгорьях и склонах Карпат, так же как и многие жители Киевской и Волынской земель, увеличивая собой население Галицкого княжества. Большая часть южно-русского населения при татарах сбилась в Галицкой земле и соединившейся с ней политически Волынской. Это государственное образование стало именоваться Малой Русью в отличие от Большой, Великой Руси, сосредоточившейся в бассейнах верхней Волги и Оки.

Географическое разобщение Руси, начавшееся еще до прибытия татар, повлекло за собой политическое разделение (создание великого княжества Владимирского, с одной стороны, и Галицко-Волынского “королевства” — с другой) и содействовало процессу образования из восточнославянских племен двух народностей — великорусской и малорусской, или украинской. Восточно-славянские племена, сошедшие в бассейн Оки и верхней Волги, перемешались здесь друг с другом и, находясь в постоянном житейском общении, заговорили в конце концов одним общим великорусским языком. В его основу лег язык древнейших, так сказать, исконных славянских поселенцев, с различными говорами по местам. А у племен в предгорьях и на склонах Карпат сформировался общий украинский, или малорусский, язык, основой которого стал язык господствовавшего здесь исконного племени (по-видимому, белых хорватов), тоже с местными оттенками.

Менее всех восточно-славянских племен потревожены были татарами дреговичи, обитавшие в болотистом Полесье, а также кривичи смоленские в лесистом бассейне верхнего Днепра и кривичи полоцкие в лесистом и болотистом Западно-Двинском крае. Они продолжали сидеть на своем старом корню и развивать свои этнографические особенности, выдлившие их в конце концов в третью разновидность русского народа — белорусов. Подчинение их Литве в XIII—XIV вв. и соединение с другими племенами в одно государство — Великое княжество Литовское предохранило их от татарского ига и окончательно закрепило их этнографическое обособление от великорусской и малорусской народностей.

Из трех крупных государственных образований, между которыми поделились русские земли, ранее других пыталось перейти в наступление на татар и выбить их из южных степей Галицко-Волынского “королевства”. Но эта попытка, базировавшаяся на ожидаемой помощи католического Запада, не удалась, т.к. надежда на помощь не оправдалась. Дело ограничилось только внутренним собиранием сил, усиленной колонизацией страны, постройкой новых городов и укреплений. Галицко-Волынского “королевства” осталось под ярмом татар. Претерпевая разорения от татарских вторжений и внутренних династических усобиц, в которые вмешивались соседи — венгры и поляки, Галицко-Волынского “королевства” с течением времени захудало, ослабело и в конце концов сделалось жертвой захвата соседней —

Польши, присоединившей к себе Галицию, и Литвы, присоединившей Вольшь.

Во второй половине XIV в. в наступление на татар перешло усилившееся к тому времени Литовско-Белорусское государство. Великий князь литовский Ольгерд разгромил татар, кочевавших к западу от Днепра, присоединил к литовским владениям Киевщину, Чернигово-Северские княжества, Подолье и Вольшь и посадил в них на княжение своих сыновей и родственников, войдя при этом в известный компромисс с ханом Золотой Орды в виде уплаты с присоединенных земель дани. Витовт продолжил его дело — присоединил верхнеокские княжества и предпринял ряд мер к тому, чтобы закрепить за Литвой все пространство степей между Днепром и Днестром. На Днепре, Днестре и на берегах Черного моря им был воздвигнут целый ряд крепостей, которые должны были не пропускать в занятое пространство татар. Под их защитой и благодаря дружественным отношениям преемников Витовта с ханами Золотой Орды русская колонизация сделала было заметные успехи как в Приднепровье, в бассейне Сулы, так и в Подолье, на верхнем Буге и среднем Днестре. Но страшный погром Киевщины, произведенный крымским ханом Менгли-Гиреем в 1482 г., уничтожил все эти достижения. Границы русской оседлости снова отодвинулись на север, к берегам Синюхи и Саврани — притоков Буга, Роси — правого притока Днепра, Сулы — его левого притока. Степь на правой стороне Днепра (поле Очаковское) оказалась в фактическом владении белгородских татар, а Ногайская степь на левой стороне Днепра была отрезана от литовских владений определенной границей. Население на окраинах удержалось крайне малочисленное, жившее главным образом отхожими промыслами — охотой, сбором меда и рыболовством (севрюки и болоховцы). И так продолжалось лет пятьдесят, по истечении которых стали исподволь заселяться и Приднепровье и Побужье. Затем сюда хлынул колонизационный поток с запада, из русских воеводств Польши.

Третье государственное образование, великорусское, стало наступать на татар и расширять на счет их владений арену своей колонизации позже других, с половины XVI века. В течение второй половины XIII, в XIV и XV вв. размножавшееся население великого княжества Владимирского и Новгородской земли размещалось внутри своей территории, преимущественно в местах, первоначально обойденных. В заселении Верхневолжского и Окского бассейнов в это время главная роль принадлежала князьям, боярам и монастырям. После первых татарских погромов князья собирали на старые места разбежавшееся земледельческое и промысловое население, оказывая материальную помощь в его хозяйственном обустройстве, или устраивали новые слободы, в которых на льготных условиях селили крестьян, и новые села, в которых сажали своих холопов и вели собственное сельское хозяйст-

во их руками и руками крестьян окрестных деревень и вновь оседавших починков. Эта колонизаторская деятельность князей продолжалась и позже, в течение всего XIV и XV вв., т.к. оброчное и издольное сельское хозяйство княжеских людей стало главным источником доходов размножившихся и измельчавших князей, другие же источники в виде судебных и торговых пошлин оказывались едва достаточными для уплаты дани в Орду. Бояре и многочисленные монастыри, возникшие в главных городах и около них и в глухих, незаселенных еще местностях княжества, также созывали или принимали на свои земли крестьян-земледельцев, приманивая их подмогой и ссудой на хозяйственное обзаведение, и устраивали новые села и деревни, жители которых платили им оброк или работали в их собственном хозяйстве.

Едва ли не большая часть слобод, сел и деревень великорусского центра была обязана своим происхождением этой устроительной деятельности князей, бояр и монастырей. Старая оседлость бывшей Ростово-Суздальской земли, поскольку речь идет о погостах, селах, деревнях и починках, была почти без остатка снесена татарами. Трудовое население после погромов имело мало сил и средств к ее восстановлению и поэтому охотно шло на владельческие земли на положение арендаторов, с получением подмоги и ссуды. Вольная народная колонизация великорусского центра в рассматриваемое время по источникам не прослеживается, если не считать основания пустынь-монастырей.

Аналогичный процесс можно видеть в этот период и в заселении великорусских территорий Новгорода и Пскова. И в этих областях первоначальная сельская оседлость разрушалась. Причиной были частые стихийные бедствия, постигавшие Новгородскую область в виде неурожаев, падежа скота и моровых эпидемий, а также вторжения соседей — литвы и ливонских немцев. Разоряемое сельское население во многих случаях не могло собственными силами восстановить свое хозяйство и переселялось на земли городских капиталистов разного звания — бояр, житых людей, купцов и своеземцев, а также церковей и монастырей, получая от них подмогу и ссуду на хозяйственное обзаведение, или же, оставаясь на своих местах, переходило со своими землями на положение арендаторов у этих капиталистов. В конце XV и начале XVI в. в Новгородской и Псковской землях оставалось уже мало так называемых черных, т.е. государственных, волостей, появившихся в результате вольной, народной колонизации. Прежде всего новгородским капиталистам-землевладельцам обязан был своим заселением в XIV и XV вв. и новгородский север — бассейны Северной Двины, Онеги, Мезени и побережье Белого моря. Впрочем, заметная роль принадлежала здесь и вольной народной колонизации, совершавшейся артелями складников-промышленников и земледельцев-монахов.

Из всех княжеств бывшей Ростово-Суздальской земли наиболее плотно заселилось Московское. Во время татарских погромов, постигших Ростово-Суздальскую землю в последней четверти XIII и первые три десятилетия XIV в., это княжество потерпело меньше других и потому наполнилось народом, бежавшим от татар из других княжеств и оседавшим в этом более безопасном месте. Княжество стало многолюдным и сильным. Но так как природные его ресурсы были недостаточны для содержания увеличившегося населения, княжество стало исподволь расширяться на счет владений соседей — Рязани и Смоленска, захватило Переяславское княжество и, сделавшись благодаря этим присоединениям еще более сильным, закрепило за своим старшим князем обладание Великим княжеством Владимирским и двумя выморочными княжествами — Костромским и Юрьевским. Слияние Московского княжества с великим княжением Владимирским, осуществившееся при помощи задаривания верховного владыки Руси — хана Золотой Орды, дало московскому владельцу такую мощь и силу, при которых присоединение других великорусских княжеств и земель стало только вопросом времени. Во второй половине XIV, в XV и первой четверти XVI в. великорусские княжества и земли одно за другим утрачивают свою самостоятельность и сливаются с московскими владениями. Образуется огромное и по тому времени многолюдное Московское государство с сильной центральной властью, прикрепившее к службе и тяглу все классы великорусского общества — уцелевших князей, бояр, детей боярских, дворян, податных посадских людей и крестьян. Оно не только завоевывает независимость от хана, но и, пользуясь дроблением Орды, выделением из нее особых улусов, Казанского и Крымского, содействует окончательному падению ее власти и над татарами, превращению славной когда-то Золотой Орды в ничтожную Заволжскую (позже Астраханскую). Не довольствуясь этим, Московское государство приступает к покорению татар и расширению своей территории в Поволжье и черноземных степях юга.

Первый удар мощного кулака последовал на казанских татар. Последние утвердились в свое время на территории древних болгар, которые, как сказано выше, преграждали славяно-русскому населению продвижение по Волге и ее притокам, ниже впадения Оки. Так же как и болгары, татары обосновались здесь в качестве господствующей нации над местными финскими племенами — мордвой, черемисами и вотяками и тюркским племенем башкир, и, пока существовало Казанское ханство, великорусскому населению был прегражден путь к заселению земель в Поволжье, более плодородных, чем его коренные земли, и к использованию несметных рыбных богатств нижней Волги. Русские рыболовы, пробиравшиеся на нижнюю Волгу, терпели на возвратном пути обирательство и ограбление со стороны ханских чиновников и подданных. Такому же обирательству, а иногда и смерто-

убийству подвергались в Казани русские купцы, ездившие в Казань сбывать русское сырье приезжавшим туда восточным торговым людям. В руках казанских татар был первостепенный рынок, где Азия торговала с Европой, и Москве важно было так или иначе обеспечить этот рынок за собой. Первоначально Москва пыталась достигнуть своих целей дипломатическими средствами, подкупам ханских сановников, договорами, предусматривавшими подчинение ханов московскому государю, замещением ханского престола своими сторонниками. Но все эти средства оказывались негодными. Противники Москвы низвергали московских ставленников и вассалов и ставили своих ханов, которые не только не подчинялись Москве, но и подвергали опустошению ее восточную окраину. Все это заставило в конце концов Московское правительство в 1552 г. уничтожить Казанское ханство. После этого началось заселение новозавоеванного края русскими людьми.

Первая русская колония возникла в Казани, столице бывшего ханства. Казань стала резиденцией русской администрации и вооруженной силы, предназначенной для удержания края в покорности. Здесь были поселены дворяне и дети боярские, стрельцы, пушкарки, духовенство. Им отводились поблизости земли, которые они должны были для собственного содержания возделывать либо трудами рук своих, как стрельцы, казаки, пушкарки, затинщики и воротники, либо трудами холопов и крестьян, переселяемых из других вотчин или принимаемых вновь, как дворяне. В таком торговом городе, каким была Казань, вскоре появились русские торгово-промышленные люди и возникли посадские улицы.

Но одной этой резиденции русской вооруженной силы оказалось недостаточно. Подчиненные татарам инородцы не захотели признавать московской власти, и Москве пришлось вести с ними довольно продолжительную и ожесточенную борьбу. Окончательно они покорились только тогда, когда на их землях (главным образом по Волге и Каме) был построен целый ряд укреплений, снабженных русскими постоянными гарнизонами на тех же основаниях, как и Казань, т.е. с раздачей военно-служилым людям земель поблизости. По умиротворении таким путем края на богатые земли, конфискованные у казанского хана и мятежных казанских вельмож, потянулись крестьяне и разные ремесленные люди с верховьев Волги и ее притоков, где земли уже повыпахивались, уголья истощились, и бывшее татарское царство вскоре наполнилось русскими людьми, покрылось русскими селами, деревнями и починками попеременно с поселками прежних жителей.

В 1556 г. последовала оккупация Астрахани, где под начальством особых ханов держались остатки Золотой Орды. Астраханские татары держали в своем владении богатейшие рыбные ловли в низовьях Волги. Астрахань была важным рынком, куда приезжали восточные купцы, между прочим,

для покупки татарских пленников. Московский государь не мог оставить всего этого без внимания и сначала так же, как и в Казани, пытался обеспечить русские интересы путем вассального подчинения астраханских ханов, а когда из этой попытки ничего не вышло, занял Астрахань и уничтожил в ней татарское ханство. Астрахань, как и Казань, стала русской колонией в завоеванном крае, средоточием русской вооруженной силы, духовенства и торговых людей с той разницей, что военно-служилые люди долгое время не устранились здесь прочной оседлостью, не наделялись землями поблизости от города, не заводили своих сел и деревень, но служили сменно, заменяемые новыми партиями. Эта отдаленная и обособленная русская колония связывалась с метрополией рекой Волгой, по которой приходили суда со служилыми людьми, боевыми и съестными припасами и разными товарами. Путь этот был не безопасен от нападений казацкой вольницы, промышлявшей на Волге разбоем. Поэтому московское правительство в последней четверти XVI в. построило между Казанью и Астраханью укрепленные города Самару, Царицын и Саратов и снабдило их гарнизонами; в XVII в. оно участило эти укрепления и возвело еще ряд городов между означенными — Симбирск, Сызрань и др. Эта мера должна была не только обезопасить водный путь к Астрахани, но и воспрепятствовать крымским татарам переходить на левую сторону Волги, а ногайцам и прибывшим в XVII в. в поволжские степи калмыкам переправляться на правую сторону и соединяться для нападения на русские окраины.

До конца XVI в. русская колонизация бывшего Казанского царства на правом берегу Волги не заходила дальше Мордовской области, а на левом дальше течения Камы; исключением были вышеупомянутые города Саратов и Царицын на правом берегу Волги, Самара — на левом и, кроме того, город Уфа, построенный в 1586 г. на притоке Камы реке Белой, в земле башкир. Но плодородие черноземных земель, расстилавшихся по обеим сторонам Волги вплоть до Царицына, богатые пастбища, рыбные ловли и другие угодья неудержимо влекли сюда русских людей из более северных местностей, с суглинков и супесей, с истощенных пашен и оскудевших угодий. В XVII в. русские дворцовые и черные крестьяне начали переправляться из соседних уездов Казанского царства на левую сторону Камы, в приволжские лесостепи, и основывать там новые поселения. Их артели стали занимать плодородные земли и на правом берегу Волги. Торгово-промышленный человек Надей Светешников колонизовал Самарскую луку, где им были открыты соляные источники. Служилые люди окраинных уездов — дворяне и дети боярские запрашивали себе у правительства поместья на правой стороне Волги, в которые переводили из своих вотчин или набирали вновь крестьян. Так Поволжье все более и более обростало русскими селами и деревнями.

Для защиты этих селений от набегов татар, калмыков, ногайцев, подчас башкир и киргизов русское правительство стало строить в Поволжском крае городки, соединять их валами и рвами, в лесных местах засеками, в болотистых надолбах, в реках забоями, образуя таким образом непрерывную линию укреплений. Сначала была проведена *Закамская* черта вдоль р. Черемшана и далее до Мензелинска, затем *Симбирская*, смыкавшаяся на западе с Тамбовской, еще позднее *Сызранская* от Сызрани до Пензы и при Петре *Камышинская*; уже в 30-х годах XVIII столетия на левой стороне Волги появились *Новозакамская* линия от р. Самары до Кичуевска на старой *Закамской* черте и, наконец, *Самарская* линия вдоль р. Самары на соединение с линиями, ограждавшими новообразованную Оренбургскую губернию с юга и востока. В городках этих укрепленных линий поселялись на вечное жительство разные мелкие военно-служилые люди: малопоместные дворяне и дети боярские, конные и пешие стрельцы, казаки, пушкарки, затинщики и воротники, солдаты, рейтары, драгуны, пленная смоленская шляхта и т.д. Им отводили поблизости земли, на которые отдельные из них переводили своих крестьян, если имели их или смогли вновь прибрать из вольных гулящих людей, т.е. не записанных еще в тягло. Когда с проведением черты устанавливалась относительная безопасность внутри ее, крестьяне и сами прибывали из внутренних уездов Московского государства и селились как внутри черты, так и за чертой, расширяя таким образом территорию русской оседлости и вызывая проведение новой черты южнее предыдущей.

Во второй половине XVIII в. Поволжье стало ареной немецкой и раскольничьей колонизации по вызову правительства, а затем при Екатерине II и Павле здесь получили громадные имения разные вельможи, которые перевели в них много крестьян из других своих имений, не только великорусов и украинцев, но и мордву, черемисов, чувашей и т.п. В XIX в. на левой стороне Волги южнее Самарской линии было поселено значительное число государственных крестьян, терпевших нужду в земле, и некоторое количество малоземельных малороссийских дворян. На нижней Волге для защиты русских селений, возникших на островах и берегах Волги и ее рукавов и рыбных промыслах, от нападений кочевавших калмыков и киргизов было организовано Астраханское казачье войско, расселившееся в нескольких станицах. Последним моментом правительственной колонизации здешнего края было поселение по Ергеням на дороге от Царицына до Ставрополя кавказских государственных крестьян для отправления ямской гоньбы.

Одновременно и параллельно с заселением Поволжья происходило продвижение на юг русской оседлости и в черноземных степных и лесостепных областях, орошаемых верхней Окой, Доном, Днепром, Южным Бугом и Днестром и их притоками, причем в бассейнах верхней Оки и Дона русская колонизация распространялась преимущественно из Московского госу-

дарства, а в бассейнах Днепра, Южного Буга и Днестра преимущественно из Польско-Литовского.

Расстилавшиеся к югу от Оки лесостепные и степные пространства с тучной черноземной почвой и разнообразными угодьями привлекали внимание русского населения и после того, как татары заставили его сбиться в междуречье Волги и Оки. Русские люди уже в XV в. ходили на Дон промысливать зверем и рыбой; на верхнем Дону эксплуатировались пчелиные угодья. В бывшей Рязанской земле русские поселки были разбросаны и на юг от Оки, к северу от рек Прони и Упы. Но дальнейшее продвижение в южном направлении парализовалось крымскими татарами и частью ногайцами. Хан Крымской орды считал себя в отношении Руси правопреемником хана Золотой Орды, которую он разгромил, и потому требовал от московского государя ордынского “выхода”. Последний отказывался уплатить постоянную, точно зафиксированную дань и отделялся от претензий хана “поминками”, т.е. денежными подарками, сукнами, шелковыми материями, мехами и даже сладостями. Но этого хану и его вельможам было мало и они старались вознаградить себя вторжениями в недра русской оседлости. Крымская орда стала настоящей разбойничьей организацией, жившей не только своими местными промыслами — скотоводством, садоводством, но и грабежами и полоном, который она продавала в Кафе (Феодосия) чужеземным купцам, сбывавшим живой товар на азиатских и африканских рынках. Чуть не каждый год во время полевых работ, а иногда и осенью и зимой татары вторгались в пределы русской оседлости хорошо известными им путями или шляхами — Муравским, Изюмским и Калмиусским, Ногайской дорогой, которые все сходились близ Оки. Рассыпаясь на мелкие отряды, они нападали на русские села и деревни, хватали что поценнее из имущества, женщин и детей, зажигали строения и быстрым маршем скакали в степь.

Московское правительство ежегодно выставляло на берегу Оки конную рать, но это не помогало. Тогда решено было преградить татарам путь устройством непрерывной линии укреплений. Сначала в XVI в. была проведена так называемая Засечная черта, для которой использовали полосу лесов, тянувшуюся около рек Жиздры, Упы и Прони. Засечная черта должна была более надежным образом охранять русское население, перекинувшееся на правую сторону Оки. И действительно, как показывают писцовые книги Рязанской земли второй половины XVI в., русские поселки между Окой и чертой сильно возросли. Здесь было испомещено много служилых людей, которые перевели или посадили вновь в новые поместья крестьян. Но и эта засечная черта не всегда спасала от татар, которые проскальзывали через нее воротами или дорогами, проложенными крестьянами сквозь засеку. Поэтому была организована широкая станичная и сторожевая служба в степях. В разных местах стояли сторожа и разъезжали дозоры из служилых

людей, которые должны были выслеживать татар и заблаговременно давать знать о них в окраинные города и села для принятия необходимых мер.

Одновременно вблизи татарских шляхов в разных местах были построены новые города или же возобновлены старые, разрушенные еще половцами и затем татарами. Они стали базами русской вооруженной силы в степях. В них поселяли военно-служилых людей, которые несли сторожевую службу, выслеживали татар и бились с ними, когда они по шляхам пробирались на Русь. Им были розданы поблизости земли, которые они обрабатывали собственноручно (стрельцы, воротники, пушкари, затинщики) или же трудом переводимых сюда крестьян (дворяне и дети боярские). Т.к. под городами не хватало земли для полного удовлетворения служилых людей, то некоторым из них давались участки в отдалении, так называемые отъезжие поля, на которых они стали селить своих родных или крестьян и дворовых людей. Здесь, как и в Поволжье, города обрастали сельскими поселками — выселками, селами и деревнями. Кое-где возникали самостоятельные крестьянские поселки, а также монастыри и их села и деревни.

Начавшаяся во второй половине XVI в. усиленная колонизация степной Украины Московского государства была прервана в Смутное время, в начале XVII в.; значительная часть возникших здесь городов и селений была снесена. Когда Смута кончилась, правительство царя Михаила стало усиленно реставрировать разрушенные города и вновь заселять Украину. Для защиты русских селений от вторжений татар было сочтено целесообразным соорудить целую стену, которая ограждала бы русские поселки со стороны степи, — провести между возобновленными городами в степях земляные валы с глубоким рвом, в лесах засеки, в болотистых местах надолбы и т.д. Работа вчерне была выполнена в царствование Михаила, а исправлялась и доделывалась при Алексее Михайловиче. Снова испомещены были на укрепленной черте служилые люди, снова стали возникать выселки из городов, самостоятельные села и деревни. Непрерывная линия укреплений протянулась с верхней Ворсклы на северо-востоке до Волги, включая в себя Белгородскую черту, Тамбовскую и Симбирскую; за Волгой эта линия сомкнулась с Закамской чертой; длина ее составляла, таким образом, более 1600 верст.

Снабженная постоянным контингентом военно-служилого люда, эта линия стала служить не только охраной земледельческого и промыслового населения, обосновавшегося внутри ее, но и опорой для населения, выходявшего за эту линию на юг. Так было в Заволжье, так было и к югу от Белгородской черты. Создававшаяся здесь относительная безопасность привлекла сюда значительное количество малороссийских казаков и посполитых, уходивших с днепровской Украины по усмирении там “хлопских” восстаний. Московское правительство охотно приняло этих переселенцев на

льготных условиях, построило для них несколько городов и организовало из них несколько полков наподобие малороссийских казацких. Так возникла *Слободская Украина* Московского государства.

Для большей безопасности поселившегося здесь люда московское правительство сочло нужным и эту Украину огородить непрерывной чертой укреплений, после чего заселение ее пошло более быстрым темпом. В XVIII в. здесь было роздано много земель петербургским вельможам, которые поселили на них значительное число великорусских крестьян. Для усиления обороны правительство поселило здесь также молдаван, перешедших в Россию с князем Кантемиром, сербов и калмыков; все эти инородные элементы с течением времени растворились в русской народности, великорусской либо украинской. Русское правительство долгое время не проводило укрепленных линий западнее Белгородской черты — до Днепра. Украину и Приднепровье защищали казаки, состоявшие под гетманским “регламентом”, а также запорожцы. Но в 1711 г. Запорожье было уступлено Турции. Война с Турцией указала на необходимость оградить русские владения и здесь. В 1731 г. была проведена *Украинская линия*, на которой правительство поселило девять ландмилицких полков, сформированных из мелких служилых людей, беспоместных или малопоместных дворян, отставных солдат, драгун и т. п.

Вне русской правительственной колонизации степной Украины оставался бассейн среднего и нижнего Дона южнее рек Тихой Сосны и Витюга и бассейн нижнего Донца. Эта территория была ареной народной колонизации. Первоначальную славянскую колонизацию этого края, как уже сказано, снесли орды кочевников, нахлынувшие с востока в IX в., и он долгое время оставался пустынным. Русские и итальянские путешественники, проезжавшие рекой Доном во второй половине XIV и в XV в., не видели здесь оседлых людей, а одни только развалины городов и селений. Но значительные естественные богатства — обилие рыбы в Дону и его притоках и всякого зверья в лесных зарослях речных прибрежий и островов — привлекли сюда удалых молодцев из соседней Рязанской земли, которые, пренебрегая опасностями, проводили здесь весну, лето и часть осени в ловле рыбы и охоте. Сплошь и рядом они жилались и на счет татарских стад и имущества, а по временам не прочь были грабить и проезжавших купцов. Московское правительство, избегая осложнений с татарами, запрещало хождения на Дон “в молодчество”, но фактически было бессильно прекратить их, и число “молодцев” казаков из года в год возрастало. Скоро некоторые из них перестали уходить на родину по зимам, устроили себе примитивные жилища и огородили их земляной и деревянной оградой. На низовьях Дона, недалеко от впадения в него Донца, возник казацкий городок *Раздоры*, ставший резиденцией казацкой вольницы; позже резиденция была перенесена в *Черкасский* городок, ставший местопребыванием атамана и старшин. В конце XVI в.

число казаков на Дону возросло вследствие обнищания и угнетения народной массы во внутренних областях Московского государства; вместе с этим должно было увеличиться и количество казацких городков на Дону.

Умножившееся казачество, перестав довольствоваться рыбной ловлей и охотой, перешло также к военным промыслам, стало громить крымских и кубанских татар и предпринимать на своих чайках морские походы на турецкие берега. Часть казаков, впрочем, уходила внутрь государства и версталась на военную службу в окраинных городах, возвращаясь с нее подчас обратно на Дон. Донские казаки приняли деятельное участие в Смуте, влившись в состав войск самозванцев. После ликвидации Смуты они, воротившись на Дон, принялись за старые военные промыслы, но часть их обратилась к мирным занятиям — рыбной ловле, охоте, скотоводству, все более и более расселяясь для этой цели по берегам Дона и его притоков в новоустроенных городках. Казачество разделилось на домовитых и гольгтыбу. Последняя состояла из тех, кто, явившись на Дон, еще не успел разжиться, добыть себе “зипунов”. Гольгтыба приняла участие в Разинском движении и потерпела в нем разгром. Но приливы новых людей на Дон не прекращались. Сюда бежали холопы и крестьяне от своих господ, раскольники от преследований правительства и разные провинившиеся люди, увеличивая собой казачество и число его городков. Меры, принятые правительством по сыску и возвращению этих беглецов, вызвали бегство части их на Яик, Терек и Кубань, а затем восстание казаков под предводительством Булавина.

Правительство в конце концов справилось с этим восстанием и прибрало казаков к рукам. Казаки были переписаны и составили особое служебное сословие в государстве. Казацкое самоуправление было ограничено. Территория войска Донского вошла в состав государственной территории и земли казаков поступили в распоряжение государства, которое стало регулировать казацкие заимки, устанавливать размер наделов казаков и старшин, селить на казацкой земле неказачьих и т. д. С обеднением рыболовных и охотничьих угодий, с прекращением военных промыслов донские казаки вынуждены были взяться за сельское хозяйство.

К казацким городкам, превратившимся в станицы, присоединилось множество хуторов, которые завели казаки, особенно старшина. В хуторах они держали скот и зерновой хлеб, жили во время сельских работ сами и постоянно их работники. Пришельцы с Дона стали уже попадать не в казаки, а в батраки у казаков. С превращением казацкой старшины в дворян, в 1709 г., эти казацкие батраки, подобно крестьянам возделывавшие часть казацких земель на себя, превратились в крепостных у казацких помещиков, которые стали пополнять их число покупкой на стороне. Так все более и более увеличивалось количество неказачьего населения Донской области.

С изданием закона 1835 г., предоставившего казацким офицерам право полной собственности на их наделы в размере 15 десятин на каждую ревиз-

скую душу, число “иностранцев” в Донской области еще более возросло. Появились помещики со стороны, купившие имения у казацких помещиков, появлялись новые крестьяне, которых помещики покупали на стороне для увеличения наделов. Край вследствие этого все более и более утрачивал свой казацкий характер. Развитие хлебной отпускной торговли через Ростов и рост горнозаводской промышленности во второй половине XIX в. привлекли сюда немало торговцев, торговых служащих и рабочих из внутренних губерний. В конце концов “иностранное” население в Донской области стало больше, чем казаков.

Факт этот отчасти стоял в связи с тем обстоятельством, что число донских казаков в прошлом уменьшалось переселением в другие места. В XVII в. московское правительство вербовало их на службу в украинских степных городах, в Приуралье и в Сибири; часть из них поступила на эту службу и по собственной инициативе. Правительство создало из донских казаков Волгское войско, Астраханское, часть Терского и Оренбургское. Сами казаки еще в XVI в. образовали особую колонию на р. Яике — войско Яицкое, переименованное после Пугачевского движения в Уральское. На Яике они проделали приблизительно ту же эволюцию, что и на Дону: сначала устроились в трех городках — Яицком, Сакмарском и Илецком, занимаясь рыболовством, охотой и скотоводством; в половине XVIII в. по распоряжению правительства объединились, составили одно Яицкое войско с такой же организацией, какая была в то время на Дону, и были привлечены на службу государства по охране линии Яика, где, кроме прежних городков, заселили три новые крепости и промежуточные между ними форпосты. С течением времени и они должны были заняться земледелием и обосноваться в хуторах внутри и по окраинам своей области. И здесь правительство установило казакам реестр и положило конец приему в казачество пришлых людей. Пришлые и здесь с течением времени стали устраиваться на положении только батраков. И только после издания законов 1867—1868 гг., разрешивших приобретать недвижимую собственность на казацких землях, в Уральской области появились “иностранцы” землевладельцы и таким путем еще более увеличилось количество неказачьего населения, не превысившее, впрочем, числа коренных обывателей — казаков.

Одновременно с колонизацией степной Украины Московского государства, шедшей из внутренних его областей, происходила колонизация и Польско-Литовской Украины, шедшая из внутренних областей Литвы и Польши. Выше было сказано, что после Менгли-Гиреева погрома 1482 г. эта Украина, занимавшая бассейн левых притоков Днепра от Трубежа до Самары и правых от впадения Припяти до Тясмина и бассейн Южного Буга с его притоками до поля Очаковского, представляла собой почти пустыню. Немногочисленное население держалось только на севере Киевского воеводст-

ва и Брацлавского и Венецкого поветов под защитой тамошних лесов и болот; богатые рыбные, звериные и пчелиные угодья южных пространств эксплуатировались “уходниками”, прибывавшими на весну и лето с севера, главным образом северюками и болоховцами. Регулярный платеж “упоминков” крымскому хану в первой половине XVI в. доставил Киевщине и Брацлавщине относительное спокойствие. Они исподволь наполнялись населением и покрывались новыми поселками, а отсюда русское население стало постепенно продвигаться и на юг. Усиленная колонизация приднепровской и прибужской Украины началась только со времени Люблинской унии 1569 г., отдавшей Киевское и Брацлавское воеводства из владения Литвы во владение Польши. Польские землевладельцы, ведшие большую отпускную торговлю хлебом через данцигский порт и давно уже зарившиеся на плодородные украинские пустыни, получили теперь возможность приобрести на Украине земли и расширить свое сельское хозяйство. Сейм 1590 г. предоставил королю право раздавать украинские пустыни заслуженным людям. В силу этого постановления польские магнаты, преимущественно с Вольни и русских воеводств Польши, получили на Украине большие имения, которые они расширили позднейшей заимкой. Они стали переводить сюда своих крестьян из старых имений, относительно перенаселенных, и созывать вольных людей. Для защиты прибывающего населения они строили замки, в которых поселяли военно-служилых людей — шляхтичей, бояр и слуг, казаков, татар, волохов, которым давали земли в пользование или денежное жалованье; у замков возникали места, в которых обосновывались люди, промышленявшие кроме земледелия торговлей и ремеслом; вне замков появлялись земледельческие села и фольварки, а иногда и места. Замки для всего этого населения служили средоточием обороны, местами убежища. В последние два десятилетия XVI и в первой четверти XVII столетия Киевщина и Брацлавщина покрылись множеством княжеских и панских замков, мест, сел и фольварков. Между ними стараниями королевских старост возникли и королевские новые замки, места и села, но в количестве меньшем по сравнению с частновладельческими.

Земледельческое и торгово-промышленное население приходило на новые места частью с севера, из Киевского и Черниговского Полесья, из поднепровских волостей и Руси Литовской (Белоруссии), но большей частью из Малой России, т. е. из Вольни и Галиции. Это малорусское население в конце концов и закрыло собой все другие элементы, переселившиеся на Украину. Общая тяга к поселению на пустовавших землях Украины захватила и казаков, ранее промышленявших на этих землях рыбой, зверем и бортничеством. С увеличением числа казаков, с приливом новых насельников и, наконец, с обеднением охотничьих угодий казаки, естественно, стали оседать на своих ухожах, чтобы защищать их от захвата сторонних людей и

заниматься кроме прежних промыслов, земледелием. В последнее десятилетие XVI и в первую четверть XVII в. Украина, особенно Левобережная, покрылась множеством казацких хуторов, возникших на пустовавших дотоле землях. По праву первой заимки казаки считали эти земли своими, а между тем на них предъявляли свои права князья и паны, получившие их от короля в виде пожалования или приобретшие покупкой у старинных владельцев и на этом основании стремившиеся превратить вольных казаков в своих подданных. Разгорелась грандиозная борьба украинского казачества с польской властью и землевладельцами. Как известно, она окончилась эмансипацией Левобережной Украины и уничтожением в ней крупного княжеского и панского землевладения. За время этой борьбы и наступивших в связи с ней междоусобий в самой казацкой среде Правобережная Украина вместе с Вольнью не раз подвергалась опустошениям и разорениям. Результатом был прилив населения из Правобережной Украины на Левобережную, в гетманщину и далее на восток, на московскую Украину, и образование там так называемой Слободской Украины.

В XVIII в. ареной русской колонизации стали области, лежавшие на юг от гетманщины на левой стороне Днепра, воеводств Киевского и Брацлавского на правой, т.е. “Низ”, или Запорожье, Ногайская степь и поле Очаковское.

Территория Запорожья, обнимавшая бассейн нижнего Днепра от р. Тясмина до р. Каменки на правой стороне Днепра, от Орели до Конских вод на левой, не входила до последней четверти XVIII в. в состав ни польского, ни московского государства. Земли и уголья этой территории были “вольностями” запорожского казачества, располагавшегося кошами на днепровских островах, в особых укреплениях, или сичах. Долгое время это казачество промышляло здесь рыболовством, звероловством и пчелиными пасеками. Но с течением времени оно, как и донское, вследствие своего умножения и обеднения промысловых угодий вынуждено было перейти к сельскому хозяйству — скотоводству и земледелию. Территория Запорожья покрылась казацкими зимовниками, хуторами, в которых казаки стали держать скот и хлебные запасы, а затем появились села и деревни. В 1775 г. Запорожская Сечь была уничтожена, и ее земли перешли в ведение государства. Еще до этого времени, при Елизавете, русское правительство поселило на северной окраине Запорожья, на реках Тясмине, Выси, Синюхе и верхнем Ингуле прибывших в Россию сербов и черногорцев под начальством полковника Хорвата и сделало центром этой Новой Сербии крепость св. Елизаветы; между реками Донцом, Бахмутом и Луганью были размещены сербы и другие славяне под начальством Шевича и де Прерадовича, и центром этой Славяносербии стал Бахмут.

После уничтожения Запорожской Сечи происходила усиленная задача запорожских земель дворянам, чиновникам и военным, которые пере-

водили сюда крепостных крестьян, принимали в устраиваемые ими села выходцев из Польши и беглых из внутренних областей России. И само государство при помощи своих агентов — осадчих — устраивало здесь слободы, в которых поселились выходцы из гетманщины и Слободской Украины — казаки и посполитые, великорусские государственные и экономические крестьяне. По Кучук-Кайнарджийскому договору Россия приобрела от Турции побережье Азовского и Черного морей между Днепром и Южным Бугом. На побережье Азовского моря переселились из Крыма греки и основали здесь г. Мариуполь. Таким образом, русская оседлость пододвинулась к самым берегам Черного и Азовского морей. Для развития внешней торговли присоединенного Юга и для мореплавания были основаны города Херсон и Николаев. Присоединение в 1791 г. Очаковского поля между Южным Бугом и Днестром вызвало аналогичную колонизацию и этого пространства: возникло несколько городов на побережье Черного моря, в том числе Одесса; дворяне, военные и гражданские чиновники получили много земель, на которых поселились их крепостные крестьяне, беглые и выходцы из Польши, были основаны казенные слободы и селения, поселены в разных местах молдаване, армяне, болгары.

Занятие и заселение русскими людьми Азовских и Черноморских степей ограничило область татарских кочевий и оседлости Крымским полуостровом. Силы Крымской орды после признания ее независимости от Турции в 1774 г. были подорваны, и в 1783 г. Крымское ханство перестало существовать; его территория вошла в состав Российской Империи. Некоторые крымские города стали резиденциями русской вооруженной силы и чиновничества и получили новые наименования; было основано несколько новых русских городов, между ними Севастополь. К русской колонизации бывшего Запорожья, начавшейся в XVIII в., присоединилась в XIX в. иноземная немецкая колонизация, результатом которой стали расселенные в разных местах меннонитские и другие немецкие колонии.

Русская колонизация степного пространства Восточной Европы закончилась занятием и заселением Предкавказья — бассейнов рек Маныча, Кумы, Терека и Кубани. На Тереке русские казаки появились еще в 50-х годах XVI столетия, вскоре после утверждения московского владычества в Астрахани. Они пришли сюда сначала по инициативе теменского князя Джанклиша, искавшего в русских поддержки против своих недругов, затем по собственной инициативе для промыслов. Они утвердились частью в Терском городке на нижнем Тереке, частью на гребнях Кавказских гор и, кроме промыслов, стали получать жалованье от правительства, которое нуждалось в их службе для установления своего политического и экономического влияния на местных туземцев, облежавших сухопутный торговый путь в Персию. Мирные отношения, установившиеся у казаков с туземцами и продол-

жавшиеся до половины XVII в., способствовали экономическому процветанию этих колонистов, развивших у себя садоводство, виноделие и шелководство. Но с половины XVII в. горские племена подпали под политическое и культурное воздействие мусульманских государств — Персии и Турции, которые, враждуя между собой, при всем том неприязненно смотрели на утверждение русских в Предкавказье. Началась ожесточенная борьба, продолжавшаяся около двухсот лет. Вследствие натиска горцев русские казаки покинули Гребни и стянулись на Терек, где и основали несколько новых городков. Русское правительство, не желавшее сдавать приобретенную позицию на Тереке, стало переводить сюда в помощь терским и гребенским казакам и расселять в новых городках и станицах партии донских и волгских казаков. Из них были сформированы территориальные полки Кизлярский (в 1736 г.) и затем Моздокский.

Для обеспечения терских селений от нападений со стороны калмыков, кочевавших по рекам Куме и Маньчу и их притокам, правительство устроило целый ряд укреплений по верхней Куме и ее притокам, Егорлыкку и Калаусу и их притокам и расселило здесь большую часть Волгского казачьего войска и Хоперский казачий полк. После того как по договору в Яссах (1791 г.) к России отошел весь бассейн р. Кубани, русское правительство стало укреплять соседние с Терской областью земли по верхней Кубани и ее притокам. Были построены две крепости и переведены часть донских и часть слободских казаков, которые расселились в 29 станицах и образовали два территориальных полка — Кубанский и Кавказский. В 20-х годах XIX столетия в стратегических целях укреплялись течения рек Сунжи, Подкумка и Лабы и расселялись по ним казаки, образовавшие два Сунжинских полка, два Владикавказских, Горский. В 1832 г. все перечисленные территориальные полки были объединены и составили Кавказское линейное войско. Расселявшиеся по станицам казаки, как и повсюду в России, отправляя военную службу, должны были содержать себя собственным трудом на отведенных им землях, так что эти станицы были не только военными, но и земледельческими и скотоводческими колониями. В 1860 г. Кавказское линейное войско без тех его частей, которые осели на верхней Кубани, превратилось в Терское.

Если первое заселение восточного Предкавказья выпало на долю, главным образом, великорусских казаков, то западное Предкавказье заселялось украинскими казаками, бывшими запорожцами. Как уже сказано, запорожцы после уничтожения их Сечи были поселены на побережье Черного моря от устья Днестра до устья Южного Буга. За услуги, оказанные ими во второй Турецкой войне, императрица Екатерина пожаловала им остров Фанагорию и правый берег Кубани вверх до устья Лабы, на север до Азовского моря и Ейского залива, с тем чтобы они защищали здесь новые русские владения от

нападений черкесских горных племен. Запорожцы, поселившись на новой территории, воспроизвели на ней до известной степени свою Сечь в том виде, в каком она существовала в последнее время, ее жизненный уклад и хозяйственный быт. На р. Кубани они построили город Екатеринодар, который служил их военно-административным средоточием. Здесь было место-пробывание их кошевого атамана, войскового судьи и писаря, хранились их старые запорожские регалии; в городе так же, как и в старой Сечи, для собрания войска и прибежища бездомных казаков было устроено 38 казарм-куреней со старыми запорожскими названиями. Вдоль р. Кубани на известных расстояниях стояли сторожевые посты-кордоны и пикеты, в которых казаки наблюдали за движением горцев из-за Кубани. При кордонах были устроены военные поселения, получившие названия куреней. Хотя главным назначением переселившихся на Кубань запорожцев было оберегать территорию по течению Кубани, они не сбились, однако, к этой реке, а так же, как и в прежнем Запорожье, завели в степях хутора, зимовники, мельницы, в которых проживали их семьи и наемные рабочие или сами они в свободное от военных нарядов время, занимаясь хлебопашеством, садоводством, скотоводством, около рек и морских лиманов — рыбной ловлей.

Казацкими селениями покрылась в конце концов вся территория, пожалованная Черноморскому войску. Кроме куренных поселков, сел, хуторов и зимовников возникло два города — Ейск и Тамань. Контингент кубанских казаков пополнялся затем переводом сюда малороссийских казаков из бывшей гетманщины, буджакских и др. В 30-х годах XIX в. для обеспечения Кавказского побережья Черного моря, приобретенного от Турции по Адрианопольскому договору 1829 г., была проведена Береговая Черноморская линия и появился целый ряд крепостей, около которых возникли новые казацкие станицы. В 1860 г. Черноморское войско, казаки Береговой Черноморской линии, Лабинской, или Новой, линии и Старой линии по верхней Кубани были объединены под названием Кубанского войска. Последним моментом в казацкой колонизации Кубанской области было основание 83 станиц в Закубанье после удаления оттуда татар и черкесов.

С установлением относительной безопасности в Предкавказье началась и гражданская его колонизация. Еще при Екатерине II по замыслу Потемкина началось водворение русских крестьян в степи между Калаусом и Кумой. Многие земли были пожалованы здесь вельможам и стали заселяться их крестьянами из внутренних губерний. С увеличением гражданского населения прежняя Ставропольская крепость превратилась сначала в уездный, затем в областной и, наконец, в губернский город. Гражданская колонизация охватила далее район минеральных вод, где возник г. Пятигорск; в Пятигорске и его уезде кроме русских селились немцы, греки, армяне, выходцы из Польши и Украины. В 60-х и 70-х годах XIX столетия в Ставро-

польской губернии стало оседать множество крестьян, приходивших сюда на летние полевые работы. Они приобретали себе усадьбы и дома, а затем и земельные участки, на которых обзаводились собственным хозяйством.

Закон 1869 г., предоставивший офицерам Терского казачьего войска их земельные наделы в полную собственность, и другой закон того же года, разрешивший поселяться в казачьих станицах без приписки к казачьему сословию, открыли широкие ворота для иммиграции гражданского населения и в Терскую область. Из внутренних губерний сюда потянулись малоземельные и безземельные крестьяне и стали присаживаться к казакам, арендуя или покупая у них участки земли, арендуя войсковые земли или соединяясь в компании с казаками для обработки казачьих общественных земель. Кроме земледельческого населения в связи с открывшейся разработкой месторождений нефти и других минералов в край влилось известное количество рабочего и торгово-промышленного населения. Гражданская колонизация происходила и в Кубанской области. До 1868 г. сюда переселялись армяне, немцы, болгары, молдаване и частью русские крестьяне; из основанных ими селений наиболее известно армянское селение *Армавир* и русское *Баталпашино*. Закон 1868 г., предоставивший право лицам невойсковых сословий приобретать усадьбы на казачьих землях, вызвал громадный наплыв в Кубанскую область крестьян южнорусских губерний, которые стали арендовать земли войсковые, станичные (запасные) и частные, а затем приобретать участки у частных владельцев, а иногда прямо занимать пустовавшие земли и основывать на них хутора. Благодаря этому в конце XIX в. казачье население в Кубанской области оказалось в меньшинстве по сравнению с "городовиками", т.е. пришлыми людьми.

С половины XVI в. русские люди из Московского государства не только занимали лесостепные и степные области, расстилавшиеся к югу, но и раскидывались небольшими поселками в лесном и лесостепном Приуралье, по необъятным пространствам Сибирской тайги, тундры и степей.

К половине XVI в. в северных, так называемых Поморских, уездах сильно увеличилось промыслово-земледельческое население и обнаружилась среди него тяга на новые земли и угодья. Эта тяга в первую очередь охватила людей, занимавшихся соляными промыслами. Самыми выдающимися из них были сольвычегодские солевары, именитые люди Строгановы, старые заслуженные финансовые агенты московского правительства на севере. При помощи связей в Москве им удалось получить жалованные грамоты на пустовавшие земли по верхней Каме с правом заводить на них соляные варницы, созывать крестьян и заводить пашню, строить города, содержать в них на свой счет ратных людей и оберегать таким путем государеву Украину от набегов сибирских татар и других инородцев. Строгановым в короткое время удалось собрать в свою вотчину значительное число про-

мыслового и земледельческого люда, построить несколько городов и снабдить их гарнизонами и боевыми припасами. В соседство к Строгановым пришли и другие промышленники, которые тоже занялись солеварением. Наконец, завел свои варницы, села и деревни основанный Строгановыми Пыскорский монастырь. Благодаря этому пустовавшая часть Перми Великой вошла в состав русской оседлости. Строгановы вскоре разведали про серебряную и железную руду, залегающую по ту сторону Урала, и не прочь были приняться за ее разработку. Но этому мешали татары, утвердившиеся на Иртыше и Тоболе и подчинившие себе вогуличей восточного Приуралья и обских остяков. От их нападений много терпела и русская оседлость в Прикамье. Поэтому Строгановы выхлопотали у правительства новую грамоту, которая предоставила им право отыскивать и разрабатывать руду по ту сторону Урала и воевать сибирского “салтана”. Они на свой счет снарядили военную экспедицию из своих служилых людей и казаков, бежавших с Волги от преследований царских воевод, под начальством Ермака. Им удалось вновь привести в подданство московскому государю вогуличей, обьясаченных уже в начале XVI в. Москвой, а затем покоренных сибирским ханом, разгромить силы последнего, взять и разорить его резиденцию на Иртыше — Искер, или Сибирь. Но истомленные трудностями похода, потеряв много людей от битв, голода и болезней, казаки не смогли окончательно утвердить русское господство в крае и после гибели Ермака во время одного ночного нападения татар ушли из Сибири.

Экспедиция Ермака, таким образом, оказалась простой рекогносцировкой. Эта рекогносцировка показала, что покорение Сибирского царства вполне возможно и обещает, если не рудные, то большие пушные богатства в виде мехового ясака, который платят туземцы татарскому хану, а в будущем могут платить московскому государю. Проблема безопасности восточной окраины также заставила московское правительство продолжить начатое Строгановыми дело. В Сибирь один за другим отправлялись московские воеводы с ратными людьми — дворянами и детьми боярскими, стрельцами и казаками, которые стали приводить в подданство московскому государю и облагать ясаком местных туземцев — вогуличей, остяков, самоедов, татар и др. Для удержания их в покорности и сбора ясака в дальнейшем они воздвигали в местах пребывания этих туземцев городки, острожки, зимовья, оставляя в них часть своих людей. Городки эти расположились по рекам на огромных расстояниях друг от друга, сообразно с местожительством туземцев. В короткое время таким путем была занята вся Западная Сибирь, включавшая в себя весь бассейн р. Оби. На этой реке и ее притоках, на территории почти в 1 млн 400 тыс. квадратных верст, возникло около 15 русских колоний — городков с окружавшими их поселками.

Охватившая Московское государство в начале XVII в. Смута приостановила на время дальнейшее распространение русской колонизации в

Сибири. С окончанием Смуты колонизационное движение возобновилось, причем частная инициатива в данном случае играла выдающуюся роль. Новые земли и новых плательщиков ясака для Московского государства приискивали партии казаков и промышленников, проникавших по рекам в глубокие недра необозримой восточно-сибирской тайги и тундры. Найдя группу туземцев, они собирали с них ясак на государя и на себя, а для удержания их в покорности и сбора ясака в будущем основывали в разных местах городки и остроги. В царствование Михаила Федоровича партии казаков и промышленных людей прошли всю Восточную Сибирь от берегов Енисея до Охотского моря и объясчили племена, жившие по Енисею и Лене и их притокам, по Яне, Индигирке, Кольме и Анадыри, — самоедов, тунгузов, якутов, бурят и др. При Алексее Михайловиче была снаряжена экспедиция для обследования Забайкалья и покорения тамошних жителей — преимущественно бурят. Всего в общей сложности было выстроено в оба эти царствования до 40 городов и занята колоссальная территория в 7 млн 350 тыс. квадратных верст.

Первыми русскими колонистами Сибири были служилые люди, поселявшиеся на вечное жительство в городках — дети боярские, казаки, стрельцы, служилые татары и иноземцы и духовенство. Часть их водворялась в Сибирь по прибору, т. е. по доброй воле, а часть по переводу — принудительно (в их числе — ссыльные за разные преступления и провинности). Для содержания этих служилых людей там, где это было возможно по почвенным и климатическим условиям, отводились поблизости или на некотором отдалении от городов земли, которые они обрабатывали лично или трудом крестьян, привезенных с собой в Сибирь или подысканных в Сибири. Первоначально служилые люди и их крестьяне ютились в городах, а затем выселялись на отведенные им земли, на отхожие поля и образовывали на них выселки, деревни, села. В городах проживали первоначально и так называемые пашенные крестьяне, обрабатывавшие государеву десятинную пашню. Хлебом с этой пашни пополнялись казенные амбары для выдачи служилым людям, которые не получили еще земель и состояли на денежном и хлебном государевом жалованье. Пашенные крестьяне, так же как и служилые люди, явились в Сибирь по переводу и прибору. С течением времени московское правительство, заботясь о том, чтобы в Сибири производилось как можно больше собственного хлеба, основало на южных черноземных степях Западной Сибири слободы, в которые созывало крестьян из внутренних уездов государства с предоставлением им разных льгот в отношении податей и повинностей. Для защиты их от нападений калмыков и киргизов оно устроило на южной окраине своих владений в Сибири целый ряд городов и острожков.

В XVIII и XIX вв. продолжалось занятие и заселение русскими людьми новых территорий в Сибири. Еще в конце XVII в. особая экспедиция под

начальством боярского сына Владимира Атласова проникла на Камчатку, обложила ясаком чукчей и камчадалов и построила несколько городков. Последним этапом в занятии Камчатки было построение *Петропавловска* в 1840 г. В первой половине XVIII в. русские земледельческие селения все более и более продвигались в черноземные степи Западной Сибири. Для защиты их от калмыков и киргизов по Иртышу и Ишиму был выстроен целый ряд городов, а затем проведены линии укреплений — Ишимская, Пресногорьковская, Иртышская и Кольвано-Кузнецкая — наподобие тех, которые сооружались в Поволжье и степной Украине Московского государства. Для несения военной службы на этих линиях было сформировано Сибирское казачье войско, получившее земли близ линий.

Во второй половине XIX в. русское правительство в стратегических целях, для защиты морских промыслов на Беринговом и Охотском морях и всего вообще Охотского побережья, сочло нужным так или иначе обеспечить за собой плавание по р. Амуру. На Амуре было построено несколько русских городов, и по Айгунскому договору 1858 г. с Китаем плавание по Амуре дозволялось только российским и китайским судам. В 1860 г. Айгунский договор был дополнен Пекинским, по которому за Россией был признан Уссурийский край. Правительство приняло меры к заселению Амурского края и Уссурийского. Туда вызывали колонистов, которым предоставлялся бесплатный проезд на пароходах Добровольного флота, отводились на месте земли и уголья в большом количестве, выдавалась подмога натурой для хозяйственного обзаведения и предоставлялись разные льготы в отношении повинностей. Для их защиты правительство поселило в разных местах казаков и образовало из них два войска — Амурское и Уссурийское.

Но главной ареной русской колонизации в Сибири в течение XVIII и XIX вв. были не новые, а уже занятые территории. Основным видом правительственной колонизации Сибири в XVIII и первой четверти XIX в. являлась ссылка. В Сибирь ссылались мятежные стрельцы, казаки, участвовавшие в Булавином и Пугачевском бунтах, беглые и бродяги, разного рода преступники и провинившиеся люди, крестьяне за “продерзость” своим господам, раскольники и т.д. Часть этих невольных колонистов власти зачисляли в состав служилых людей, живших по городам и острожкам Сибири для охраны населения от нападений со стороны инородцев, и позже вводили в состав организованных местных войск, часть, а именно крестьян, сажали на пашни по селам и деревням Сибири, часть — наиболее тяжких преступников — отправляли на каторжные работы при рудниках и горных заводах, казенных и частных, на Урале, Алтае, в Нерчинских горах и других местах. Но по временам правительство для заселения Сибири прибегало и к вызову добровольных колонистов с предоставлением им подмоги и разных льгот. Такие колонисты в лице отставных солдат вызывались, например, в 1799 г.

для заселения Забайкалья. Вольная народная колонизация Сибири происходила отчасти без ведома и вопреки воле правительства. Туда отправлялось немало крестьян, бежавших от своих господ или не попавших почему-либо в подушную перепись. Вследствие нехватки людей в Сибири правительство не особенно преследовало этих беглых, в особенности если они успели зачислиться в какое-либо состояние.

С начала XIX столетия Сибирь стала все более и более превращаться в колонию для избыточного населения Европейской России, для переселения крестьян, испытывающих недостаток в земле. Это коснулось сначала государственных крестьян, а не помещичьих, ибо последние в случае земельного недостатка переводились в другие имения или продавались на сторону. Правительство издало целый ряд узаконений, разрешавших малоземельным государственным крестьянам переселяться на пустопорожные казенные земли как во внутренних губерниях, так и в Сибири. Этим разрешением, однако, не могло воспользоваться значительное число нуждающихся за неимением у них сведений о свободных и удобных для хлебопашества землях. Переселение в Сибирь государственных крестьян пошло успешно лишь с того времени, когда это дело взяло в свои руки учрежденное в 1837 г. Министерство государственных имуществ. Переселенцам выдавалась безвозвратная ссуда для переезда и устройства на новом месте и предоставлялись льготы от податей и повинностей на несколько лет. Для следования их партий назначались особые проводники, по пути отводились бесплатные квартиры и выдавалось продовольствие. Им предоставили сведения об удобных землях в Сибири и намежевали множество переселенческих участков по обычной для государственных крестьян норме — 15 десятин на душу. Большинство этих переселенцев устроилось в Тобольской и Томской губерниях, меньшинство в Енисейской.

Переселение государственных крестьян в Сибирь при содействии Министерства государственных имуществ могло бы принять еще большие размеры, если бы не было обставлено разными ограничениями и стеснениями. На основании устава о благоустройстве в казенных поселениях 1842 г. переселение в Сибирь разрешалось крестьянам только тех губерний, где не было свободных казенных земель для их испомещения; переселяться могли только из таких селений, в которых приходилось меньше 5 десятин на душу, и только те крестьяне, которые не подлежали рекрутской повинности, не состояли под судом и следствием, не были связаны никакими договорами и обязательствами и получили увольнительные свидетельства от своих обществ. Удовлетворить всем этим условиям было трудно, поэтому казенные крестьяне покидали иногда свою родину целыми семьями и переправлялись в Сибирь без законного разрешения. Министерство государственных имуществ не возвращало таких переселенцев, принимая во внимание, что это привело

бы их к совершенному разорению, не принеся вместе с тем никакой пользы казне, отводило им земли и только не выдавало пособий.

Широкая народная волна хлынула в Сибирь уже после освобождения крестьян и в конце концов увеличила собой ее население более чем в два раза. Во время освобождения крестьян возобладало мнение, что крестьянам незачем переселяться на новые места, что и при малоземелье они могут найти заработки в качестве сельских рабочих или арендаторов у землевладельцев; последние, опасаясь лишиться рабочих рук и арендаторов своих свободных земель, усиленно поддерживали это мнение. Поэтому уже в Положении 19 февраля 1861 г. вошли правила, которые, не касаясь прямо переселения крестьян, косвенно должны были крайне затруднить его. В частности, крестьянам разрешалось переходить в другие общества только при наличии приемных приговоров этих обществ. Получить их из Сибири было почти невозможно, а между тем новоселам хотя бы на первых порах необходимо было устраиваться в уже существовавших крестьянских селениях. Затем, в 60-х годах, последовал целый ряд узаконений, стеснявших переселения и на казенные земли. Кроме казенных крестьян переселяться могли только бывшие крестьяне мелкопоместных владельцев, однодворцы западных губерний, безземельные батраки и бобыли, горно-заводские мастеровые и отставные солдаты, которые не могли получить наделов от своих обществ по малоземелью. В 1866 г. и государственным крестьянам было предоставлено только право не переселяться, но ходатайствовать о переселении части членов их обществ в многоземельные губернии.

Но жизнь брала свое, и никакие закрепительные и ограничительные меры не в состоянии были затормозить ее ход. Крестьянское население Европейской России после отмены крепостного права быстро росло, а между тем предоставленный в его распоряжение земельный фонд не изменился. В некоторых местностях, особенно среди бывших помещичьих крестьян, получивших неполные наделы, стала ощущаться острая земельная нужда. Поэтому крестьяне, обходя все препятствия, потянулись на новые места, большей частью в Сибирь. Сначала они ехали главным образом в Алтайский горный округ, отличавшийся плодородием земель и богатством разных угодий, и устраивались в деревнях тамошних крестьян, освобожденных от обязательных заводских работ. По представлению генерал-губернатора Западной Сибири, находившего заселение округа выгодным для горных промыслов Алтая, кабинет легализировал это переселение, если оно касалось государственных крестьян, и разрешил наделять их 15 десятинами земли. Самовольные переселенцы стали вскоре наполнять и другие местности Западной Сибири. Власти, не имея возможности возвращать их на родину, поневоле должны были разрешать им водворяться на новых местах жительства, что неизбежно должно было вызывать новые приливы переселенцев.

Изменить такое положение было как в интересах правительства, так и в интересах крестьян, которые, пускаясь на новые места наугад, долгое время блуждали в поисках оседлости, претерпевая всевозможные лишения и полное разорение.

В 1881 г. были изданы временные секретные правила, призванные облегчать переселение и водворение на новых местах крестьян, экономическое состояние которых этого требовало. Но определение этого состояния зависело от министров внутренних дел и государственных имуществ, которые и должны были выдавать разрешения. Добиваться разрешений было очень трудно, и крестьяне продолжали самовольно переселяться в Сибирь в больших количествах (в среднем до 75 тыс. человек ежегодно), привлекаемые фантастическими слухами о богатствах Сибири, о легкости тамошней жизни. Не урегулировал переселения и закон 1884 г.: приток переселенцев, особенно после неурожая 1791 и 1792 гг., совершенно “задавил” местную администрацию, которая не знала, что с ним делать. Поэтому в 1892 г. последовало прекращение выдачи разрешений на переселение в Сибирь. Но это не остановило движения: в 1893 г. за Урал перевалило более 100 тыс. крестьян.

Правительство как следует взялось за переселенческое дело в связи с постройкой Сибирской железной дороги. Для поддержания железнодорожного пути в исправности, для погашения колоссальных затрат на его проведение, для извлечения из него всех экономических выгод требовалось заселить Сибирь и поднять ее экономическое благосостояние хотя бы в районе железной дороги. Ведать этим делом было поручено сначала особому Комитету Сибирской железной дороги, в распоряжение которого поступили большие денежные средства, и в качестве вспомогательного при нем органа Переселенческому управлению при министерстве внутренних дел. В 1904 г. Переселенческое управление вошло в состав Главного управления землеустройства и земледелия, преобразованного позже в особое министерство. Этими учреждениями был принят целый ряд мер для облегчения передвижения крестьян в Сибирь и для устройства их на местах нового жительства. Благодаря этим мерам колонизация Сибири пошла усиленным темпом: ежегодно стало переезжать в Сибирь от 100 до 200 тыс. человек; после русско-японской войны, на время затормозившей переселение, произошел небывалый подъем переселенческой волны, доходившей до 200, 300 тыс. с лишком ежегодно, а в 1908 г. до 758 тыс. с лишком. Результатом было возникновение в Сибири вдоль железной дороги множества сел и нескольких городов, которые стали быстро расти. Если в XVII в. преобладала промысловая колонизация преимущественно лесных пространств Сибири и прежде всего промысловым населением Севера Европейской России, то в XIX в. колонизова-

лись в основном лесостепные и степные ее полосы и преимущественно земледельческим населением таких же полос Европейской России.

Заняв Казанское царство и затем Сибирское, русские пришли в соприкосновение с тюркским племенем башкир, которые занимали земли по обоим склонам Южного Урала и вели здесь полукучевой образ жизни, занимаясь охотой, бортничеством и скотоводством. Часть башкир в то время была под непосредственной властью казанского хана и платила ему ясак мехами и медом, часть платила ясак ногайским князьям, которые со своими ордами прикочевывали в землю башкир, а часть, жившая за Уралом, платила дань сибирским ханам. Московское правительство сначала привело в покорность башкир, подвластных непосредственно казанскому хану, а затем и остальных. В самом центре их страны оно выстроило в 1586 г. город Уфу, который стал первой русской колонией в этом крае, средоточием московской вооруженной силы и администрации. Здесь на пустопорожных землях были поселены московские служилые люди — дворяне и дети боярские, стрельцы, пушкарки и т.п. — и духовенство. Все они получили неподалеку от Уфы поместья, в которых основали усадьбы, деревни и села и поселили дворовых людей (холопов и крепостных). В занятый край, изобиловавший плодородными землями, богатыми пастбищами и сенокосами, лесами и разными угодьями в них, скоро потянулись инородцы из Казанского царства и русские земледельцы из дворцовых сел. Первые стали устраиваться в качестве припущенников в вотчинах башкир и сообщая с ними эксплуатировать их земли и угодья, вторые — на пустопорожных землях, на диком поле, по отводу правительства. Дорожа башкирами как плательщиками ясака, составлявшего в XVI и XVII вв. главную статью приходного бюджета Московского государства, правительство оберегало башкирское землевладение от перехода в другие руки и не позволяло приобретать у башкир земли в собственность, а в деле заселения русскими людьми Башкирии ограничивалось необходимым для поддержания своей власти минимумом.

Неспокойное состояние Башкирии в царствование Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, происходившие тогда мятежи заставили Москву увеличить здесь количество русских городов и укрепленных пунктов; вместе с тем это состояние и обнаружившаяся национально-религиозная вражда к русским ограничивали самовольные вселения русских людей в Башкирию. Но в самом конце XVII и в начале XVIII в., несмотря на это, русские люди, преимущественно крестьяне, во множестве стали прибывать сюда и устраиваться на башкирских землях, спасаясь от тяжелых податей и повинностей у себя на родине и от преследований власти (раскольники, преступники). У них оказались известные общие интересы с мятежными башкирами, и они нашли у них приют. Правительство так или иначе боролось с этим явлением и возвращало беглых, но остановить их приток окончательно

оказалось не в силах. С 30-х годов XVIII столетия оно даже стало принимать меры к усилению русского элемента в крае. В Башкирии были найдены медные и железные руды, разрабатывать которые правительство разрешило частью предпринимателям из русских купцов и петербургских вельмож. Они получили право приобретать для работ на этих заводах крестьян, и заводы, таким образом, стали новыми русскими колониями в крае.

Т.к. мятежные башкиры получали помощь от соседних с ними киргизов, то для пресечения этого и для обуздания самих киргизов, которые держали в своих руках торговые пути в Среднюю Азию и Индию, русское правительство решило отгородить Башкирию от соседних степей линиями укреплений. Был выстроен город Оренбург, который стал главным военно-административным постом на этой русской окраине и вместе с тем рынком для торговли со Средней Азией. От него в разных направлениях пролегли линии крепостей по окраинам Башкирии — Самарская, Оренбургская, Верхнеицкая и Уйская. В крепостях были поселены солдаты, казаки, разные служилые инородцы, которые получили земли поблизости. Крепости, таким образом, и здесь стали русскими колониями; одновременно и внутри Башкирии появилось несколько новых городов-крепостей. Проведение этих линий дало возможность русским крестьянам из Западной Сибири устроиться в новых слободах и селах Зауралья, в Исетской провинции.

Постройка заводов и крепостей в связи с другими мерами, ограничивавшими вольности башкир, вызвали с их стороны целый ряд восстаний и мятежных движений, прекратившихся только во второй половине 50-х годов XVIII столетия. За это время вольная народная колонизация, естественно, должна была приостановиться. По усмирении восстаний началась землевладельческая колонизация Башкирии. Правительство в XVIII в. окончательно усвоило взгляд на Башкирию как на арену русской колонизации, и потому в 1736 г. разрешило русским людям приобретать и арендовать земли у башкир-вотчинников. Разразившийся в крае Пугачевский бунт на время приостановил эту колонизацию, но по усмирении его, с установлением в крае спокойствия, она возобновилась с новой силой. К землевладельцам с начала XIX в. присоединились государственные крестьяне, уходившие от малоземелья в Башкирию и приобретавшие здесь землю у вотчинников. В 70-х годах XIX столетия огромное количество башкирских земель было расхищено русскими чиновниками и разными предпринимателями, покупавшими их за бесценно у казны или вотчинников и при этом захватывавшими земли больше, чем следовало. Покупщики обычно перепродавали эти земли крестьянам. Закон 1881 г. положил конец этому и предоставил право покупки земель у башкир-вотчинников только крестьянским обществам, уже существующим или вновь образуемым. Когда началось общее переселенческое движение из внутренних губерний Европейской России на восток, зна-

чительная часть переселенцев стала оседать в Оренбургской и Уфимской губерниях на землях башкир, и Башкирский край наполнился русскими людьми.

С продвижением русских селений вверх по Иртышу, Ишиму и Тоболу и с занятием Башкирии в непосредственном соседстве с русскими владениями оказались кочевья киргиз-кайсаков. Для изоляции Башкирии от этих беспокойных кочевников были проведены, как сказано выше, линии Самарская, Оренбургская, Верхнеяицкая и Уйская, а для ограждения западно-сибирского населения — линии Ишимская, Пресногорьковская и Иртышская. Русские крепости, таким образом, облегли кочевья киргизов с запада, севера и востока, но не изолировали их от Хивинского и Кокандского ханств и Бухарского эмирата, откуда шли враждебные России возбуждения. Киргизы продолжали нападать на окраинные русские селения, грабить и пленить жителей. Для обуздания этих воинственных кочевников русское правительство решило не ограничиваться одним номинальным подчинением их, а так или иначе осуществлять над ними действительную власть. Согласно уставу о сибирских киргизах, изданному в 1822 г., административные пункты по управлению киргизским краем переносились вглубь степей. В связи с этим в киргизских степях в 30-х годах XIX столетия был поставлен целый ряд русских крепостей и станиц и появилась *Новая* укрепленная линия между Уралом и верхним Тоболом. Усиление русской власти над киргизами вызвало восстание одного из султанов Большой орды, Кениссары. Его появление в кочевьях Меньшей орды заставило правительство выстроить здесь в 40-х годах XIX столетия несколько новых укреплений на реках Тургае и Иргизе. Кениссары не нашел должной поддержки у киргизов Большой орды, которые изъявили покорность и приняли русское подданство. Для утверждения над ними русской власти в Илийском крае было основано несколько русских городов и водворена на жительство часть западно-сибирских казаков, которые и составили ядро Семиреченского войска; в это войско были зачислены и крестьяне, самовольно поселившиеся в Западной Сибири.

Чтобы изолировать киргизов от Хивинского и Кокандского ханств и Бухарского эмирата, в начале 50-х годов оренбургский генерал-губернатор Перовский предпринял военную экспедицию по р. Сыр-Дарье и воздвигнул целый ряд укреплений, положивших начало Сыр-Дарьинской линии. Вторжение в Семиречье кокандских войск заставило русское правительство в половине 60-х годов предпринять карательную экспедицию. Результатом было занятие целого ряда кокандских городов в бассейне Сыр-Дарьи (между ними Туркестан и Ташкент). Священная война против русских, объявленная эмиром бухарским и ханами хивинским и кокандским, повела к походам против них русских войск во второй половине 60-х и первой половине 70-х годов, которые кончились присоединением к России всех владений

кокандского хана и Самаркандской области и покорением Хивы и Бухары, превратившихся в вассальные владения России. Распространение русского владычества в Средней Азии завершилось покорением туркмен, живших в Текинском и Мервском оазисах Закаспийской пустыни, и занятием Памира.

Первыми русскими насельниками в киргизских степях были военно-служилые люди, главным образом казаки. Но вслед за ними появились и мирные земледельцы, частью по собственной инициативе, частью по вызову казаков-родственников, преимущественно крестьяне Тобольской губернии, искавшие большего земледельческого простора и более плодородных земель. Они заарендовывали у киргизов земельные участки исполу или за небольшую плату и, убедившись в доброкачественности земель и удобной, законтрактовывали их на продолжительные сроки и принимали на них новых поселенцев. Но т.к. между ними и владельцами происходили частые недоразумения, они обратились с ходатайством к правительству об образовании самостоятельных русских поселков в крае. Ходатайство это в 1879 году получило удовлетворение. При управлении Западной Сибири начала работать особая Переселенческая комиссия, были произведены изыскания удобных мест для будущих селений и стали нарезаться земельные участки. На эти участки переселились колонисты, ранее устроившиеся на арендованных у киргизов землях. Но участки оказались недоброкачественными; посевы пострадали от засухи и саранчи. Новоселы стали либо искать заработки на заводах, либо уходить на родину.

Неудачи правительственной колонизации заставили местную власть принимать меры к приостановке переселений в Киргизский край. Но на практике это оказалось невозможным. Крестьяне направлялись главным образом на "Ишим", в Акмолинскую область, где находились прекрасные пахотные земли, заливные луга, росло достаточное количество леса, в реках и озерах было много рыбы, а в лугах — дичи; значительная часть шла и в Семипалатинскую область. С проведением Сибирской железной дороги переселение в киргизские степи еще более увеличилось. Главную массу переселенцев дали соседние Пермская и Тобольская губернии, занявшие ту часть края, где растут леса; южную, чисто степную, часть покрыли своими поселками русские люди, прибывшие из губерний черноземной полосы.

В Туркестанском крае первыми пунктами русской оседлости также были города, которые русское правительство или строило вновь, или занимало у туземцев, снабжая русской вооруженной силой — казаками, солдатами — и служащими чиновниками, к которым присоединялись позже торговцы. В уездах этих городов почти не было русских поселков; большая часть территорий, годных под земледелие, находилась уже во владении и пользовании туземцев, и сама культура земли в крае, отличающемся крайней континентальностью климата, требовала таких навыков и знаний, которыми не

располагала еще русская земледельческая масса. Поэтому она и направлялась в более привычные для нее места черноземной полосы Западной Сибири и Киргизского края.

В начале XVIII в. колонизационная струя из внутренней России забилась и в северо-западном направлении, к побережью Финского залива. Оно давно, еще во времена новгородского владычества, вошло в состав русской оседлости. Но в Смутное время его заняли шведы. Такое положение вещей было нетерпимым для России, которая была лишена возможности вести непосредственно сношения с Западной Европой, кратким морским путем сбывать туда свое сырье и получать оттуда нужные ей товары. Возвращение этого побережья и овладение соседними прибалтийскими землями стало заветной мечтой русской политики. Мечту эту осуществил царь Петр, отнявший у шведов Ингерманландию, Эстляндию и Лифляндию. Чтобы утвердиться в новозавоеванном крае, он построил при устье Невы город с гаванью, назвав его Петербургом, перевел в него много жителей из Москвы и других городов и сделал столицей — местопребыванием двора и центрального правительства. Для защиты нового города были основаны Петропавловская крепость в самом Петербурге и Кронштадтский военный порт на острове Котлине. Устроивший столицу в Петербурге царь роздал членам своей семьи и вельможам имения в окрестностях Петербурга, в которых они выстроили себе дворцы и усадьбы. Некоторые из них стали селениями и превратились со временем в города (например, Царское Село, Ораниенбаум). В течение всего XVIII и XIX вв. русское население прибывало в столицу, увеличивая численность ее жителей. Развитие фабрично-заводской промышленности в Петербургской губернии во второй половине XIX в. привлекло сюда много рабочего люда, и население как самой столицы, так и ее окрестностей сильно увеличилось.

По Ништадскому договору 1721 г. Россия приобрела не только Ингерманландию, но и Эстляндию и Лифляндию. Области эти имели достаточное население, верхние слои которого составляли немцы и частью шведы (в Эстляндии), а массу — финское племя эстов и литовское племя латышей. Для русской колонизации здесь было уже мало места. Русский элемент в этом крае скопился главным образом в городах (более всего в Риге и Ревеле) в лице чиновников, купцов и лиц разных свободных профессий. Эстляндия и Лифляндия, подобно другим завоеванным на западе областям — Курляндии, Литве и Польше, не сделались поэтому прочным достоянием русского народа, неотъемлемыми частями национальной территории.

УКАЗАТЕЛИ

ПОЯСНЕНИЕ К УКАЗАТЕЛЯМ

Составление указателей к фундаментальной монографии М.К.Любавского оказалось сопряженным с большими трудностями. Одни из них были вполне ожидаемыми — они обычны для работ подобного жанра и таких размеров, ибо чрезвычайно велик объем той информации, которую необходимо систематизировать в индексах. Другие сложности проистекают из условий написания книги М.К.Любавского. На заключительном этапе автор, как правило, не мог обратиться заново для проверки фактологических данных к источникам и научной литературе. Еще существеннее, пожалуй, то обстоятельство, что прошло многим больше полувека с момента, когда М.К.-Любавский прекратил свою работу над монографией. Отечественная наука значительно продвинулась в решении многих вопросов, которые волновали М.К.Любавского, в том числе чисто фактического характера. Вот почему стала необходимой сверка фактологической информации о персоналиях и этногеографических названиях публикуемой книги по современным справочникам и исследованиям.

Работа над указателем персоналий сопровождалась специфическими осложнениями. В подавляющем большинстве случаев М.К.Любавский не приводит даже инициалов упоминаемых в его работе лиц. Между тем в тот или иной год, в определенный исторический период жили и действовали несколько носителей одной и той же фамилии, порой с одинаковыми или начинающимися на одну букву именами. Необходимость их различения очевидна, поскольку это связано с важной и порой необходимой информацией о жизни тогдашнего российского общества. Вот почему было признано необходимым раскрыть в указателе персоналий эти данные, сопроводив их сведениями о сословном статусе, чинах, должностях включенных в указатель исторических персонажей на момент их упоминания в книге М.К.Любавского и в ближайшее время. Для великих, удельных и владетельных князей титулы и в отдельных случаях происхождение даны в соответствии с выводами новейшей литературы. Такое отождествление оказалось чрезвычайно трудоемким делом, потребовало обращения к современным исследо-

ваниям, включая еще неизданные. Тем не менее, задача была выполнена за одним-двумя исключениями. Выявленные при этом фактические погрешности в работе были исправлены без дополнительных указаний. В соответствии с принятой практикой не раскрывались инициалы ученых и авторов.

Аналогичным образом была введена дополнительная информация в указатель географических, этнических и этногеосоциальных названий, извлеченная из современных работ и справочников. Она прежде всего связана с определением местоположения гидронимов, но не только. В ряде случаев текст Любавского содержал здесь неточности, равно как в написании некоторых гидронимов. Внесенные необходимые исправления специально не оговаривались.

Указатель персоналий составлен Е.Л.Назаровой при участии В.Д.Назарова, указатель географических, этнических и этногеосоциальных названий составлен Е.Л.Назаровой при участии В.В.Назарова.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

вол. — волость
вост. — восток, восточный
г. — город
гос. — государственный
губ. — губерния
д. — деревня
з. — земля
зап. — запад, западный
зам. — замок
кр. — крепость
лев. — левый
м. — море
о. — остров
обл. — область
оз. — озеро
полит. — политический
пог. — погост
посел. — поселение
пр. — приток
прав. — правый
р. — река
рос. — российский
сев. — север, северный
сел. — село, селение
слоб. — слобода
ст. — станция
у. — уезд
укр. — укрепление

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРСОНАЛИЙ

- Абаза К. К., историк 333
Абдул-Летиф, казанский хан 261, 287
Абдул-Рахман, астраханский хан 269
Аблегирит, вогульский князёк 445
Абдулхаир, хан Малой Орды киргиз-кайсаков 501, 502, 520
абу-Мансури, арабский писатель 158
Авитоход, болгарский князь 91
Аврамий, основатель ростовского Аврамяева Богоявленского м-ря 189
Аврамов Андрей, новгородский купец 201, 302
Аврелиан, римский император 82
Аграфена, великая княгиня рязанская 252, 312
Адам Климент, путешественник, писатель 192
Адашев Даниил Федорович, окольничий 290
Адоратский В. В., историк 28, 30
Аиган, царь гуннов 94
Айдар, брат крымского хана Менгли-Гирея 285
Аксаки, земляне 350, 353
Акулов И. А., прокурор СССР 32
Алаторец, поселенец 277
Алегам, казанский хан, сын казанского хана Ибрагима 260, 261
Алёев Батырша, мещеряцкий мурза 514, 515
Александр I, император 26, 66, 418, 419, 536
Александр II, император 536
Александр, кахетинский князь 396
Александр, великий князь литовский, король польский, сын Казимира IV 248, 249
Александр Белеут, московский боярин 188
Александр Васильевич, князь суздальский, великий князь владимирский 217
Александр Васильевич (Глазатый), служилый князь, сын суздальского князя Василия Семеновича, брат служилого князя Ивана Васильевича Горбатого, родоначальник фамилий Глазатых-Шуйских и Барбашиных-Шуйских 239
Александр Иванович (Взметень), князь суздальский, сын суздальского князя Ивана Борисовича 235
Александр Михайлович, великий князь тверской, великий князь владимирский 217, 222
Александр Укович, князь 228, 234
Александр Фёдорович, великий князь ярославский 240
Александр Ярославич Невский, великий князь владимирский, святой 147, 165, 168, 183-184, 198, 215-217, 219, 220
Александров В. А., историк 62
Алексеев Ю. Г., историк 62
Алексей Михайлович, царь 274, 277, 303, 321, 448, 451, 454, 495, 530, 551, 562, 567
Алексей Петрович, царевич 534
Алексий, митрополит 190, 229
Али-Гирей, крымский царевич-калга 293
Амвросий (Орнатский), архимандрит, историк церкви 54, 70
Аминь, московский боярин 188
Аммиан Марцелин, римский историк 79, 82, 89, 92, 93, 94
Амурат, турецкий султан 395
Андрей Александрович, князь городецкий, великий князь владимирский 165, 183, 184, 217, 220
Андрей Александрович, ростовский князь 243
Андрей Васильевич Большой, удельный князь угличский, сын московского великого князя Василия Васильевича, 237
Андрей Васильевич Меньшой, удельный князь вологодский, сын московского великого князя Василия Васильевича 237

- Андрей Владимирович (Романов), великий князь 33
Андрей Фёдорович, владетельный князь ростовский, владелец Сретенской половины 225
Андрей Фёдорович, князь стародубский 225, 226
Андрей Юрьевич Боголюбский, великий князь владимирский 127, 150, 172, 173, 189
Андрей Ярославич, князь суздальский, великий князь владимирский 183, 215, 217, 219
Андрей Альбертович, боярин 236
Андрих Чешский, король Чехии 130
Андряшев А.М., историк 139
Андроник, монах, ученик Сергия радонежского 190
Анна, великая княгиня рязанская 251
Анна, тётка Семёна Ивановича, великого князя московского, великого князя владимирского 224
Анна, княгиня черниговская 168
Анна Ивановна, императрица 309, 374, 378, 379, 401, 501, 520, 535
Анна Комнина, дочь византийского императора Алексея II, автор сочинения 125
Антонович В. Б., историк 13, 159, 170
Антуан, французский барон 385
Анучин Дмитрий Гаврилович, генерал-губернатор Восточной Сибири, позднее сенатор, генерал от инфантерии 485
Анучин Д. Н., этнограф, географ 40, 94, 109, 487
Аполлинарий Сидоний, римский писатель 93
Аппак, крымский мурза 286, 287
Аппельрот В. Г., историк, искусствовед 14
Апраксин Петр Матвеевич, граф, астраханский, затем казанский губернатор, позднее сенатор 400
Апраксин Федор Матвеевич, граф, сенатор, президент Адмиралтейств-коллегии, генерал-адмирал, член Верховного Тайного совета 309
Арзамасец, поселенец 277
Аристей, греческий поэт 77
Аристов Н. Я., историк 118
Аркадий, новгородский игумен 206
Арсений, инок 207
Арские, местные князьки на Вятке 247
Асан, ордынский мурза 257, 259
Агласов Владимир, землепроходец 464, 563
Аттила, царь гуннов 80, 92-95
Ауган, царь гуннов 94
Афанасий Данилович, новгородский князь, сын московского князя Даниила Александровича 205
Ахмат, хан Большой (Заволжской) Орды 258, 261, 285
Ахмат, золотоордынский баскак 166
Ахмат-Гирей, брат крымского хана Махмет-Гирея 287
Ахмыл, золотоордынский военачальник 165, 183
Аюка, калмыцкий хан 322
Бабинов, соликамский горожанин 445
Бабинские, землевладельцы 346
Бабичев Андрей Семёнович, князь, из рода Гедиминовичей, выборный дворянин, воевода на Тереке 394
Бабкин Григорий, крестьянин 516
Баварский географ IX в. 97, 99, 119, 125
Багалеи Д.И., историк 69, 73, 86, 99, 118, 140, 310, 391
Базанович Фёдор, землевладелец (см. также: Казак-звенигородец) 349
Базилевич К. В., историк 29
Байбуны-Грибуновичи, земляне 342, 349
Бак, ордынский князь 259
Баламир (см. также: Валамир) 94
аль-Баладури, арабский писатель 96
Балахонец, поселенец 277
Балхан, калмыцкий тайша 322
Барбаро Иосафат, венецианский дипломат, писатель 106, 252
Барсов Н. П., историк 51, 73, 109, 159
Бату-хан (Батый), основатель Золотой Орды 161-164, 167, 168
Бах А. Н., биохимик 36
Бахметьев Иван Ефимович, флотский поручик 505
Бахрушин С.В., историк 21, 32, 69, 73, 488
Баян, царь гуннов 93, 94
Беда Достопочтенный, хронист 93

- Безбородко Александр Андреевич, граф, фактический глава Коллегии иностранных дел, позднее князь, канцлер, владелец пожалованного имения в Новоросии 389
- Бекетов А. Н., географ, биолог 109
- Бекович-Черкасский Александр (Жансох, Давлет-Кизден-мурза), князь, гвардии капитан 500
- аль-Бекри, арабский писатель 120
- Бела IV, венгерский король 139, 162
- Белевские, служилые князья, отрасль черниговских (новосильских) Рюриковичей 247
- Белостоцкий, запорожец 383
- Белый Сидор, запорожский старшина 411
- Бельский Богдан Яковлевич, оружничий, затем окольный, боярин, воевода 298, 397
- Бельский Иоахим, польский хронист 371
- Бельский Семён Иванович, служилый князь из Гедиминовичей 248
- Беляев И. Д., историк 50, 51, 115, 116, 310
- Бентковский И. В., историк 426
- Берденев Михаил, новгородский боярин 206
- Бережков Н. Г., историк 21
- Бернадский В. Н., историк 71
- Бескровный Л. Г., историк 62
- Бестужев-Рюмин К. Н., историк 73
- Биргер, шведский ярл 148
- Бирон Эрнст Иоганн, курляндский герцог, гос. деятель в России 503
- Благово Борис Петрович, посол царя Федора Ивановича в Турцию, выборный дворянин 395
- Блудов Дмитрий Николаевич, граф, министр внутренних дел, позднее председатель Госсовета и комитета министров 420
- Богатырь, сын крымского хана Махмет-Гирея 287
- Боголепов Д. П., ректор МГУ 28
- Богословский М. М., историк 51, 54, 73
- Боняк, половецкий хан 125
- Боплан Гильом Левасир де, французский инженер, писатель 105, 335, 338-340, 352, 359, 367, 369, 370
- Борецкая Марфа, новгородская боярыня 198, 206
- Борецкие, новгородские бояре 206, 243
- Борецкий Исаак, новгородский боярин, посадник 206
- Борис (Богорис), царь гуннов 93, 94
- Борис Александрович, великий князь тверской 246
- Борис Васильевич, волоцкий удельный князь, сын московского великого князя Василия Васильевича 237
- Борис Владимирович, князь, святой, сын великого князя киевского Владимира 189
- Борис Константинович, великий князь нижегородско-суздальский 226, 234, 235
- Бородин Н. А., историк 334
- Бородины, войсковые чиновники Яицкого казачьего войска 332
- Борро Христофор, английский путешественник, писатель 266
- Брандт К. Р., языковед 40
- Брандт Р. Ф., славист 14
- Браун Ф. А., историк 87
- Брачев В. С., историк 68
- Бронеvский В. Б., историк 333
- Брун Ф. К., историк 86
- де Брунн Корнель (см. также: Корнель де Брунн) 279
- Бруно, монах 276
- Брюс Яков Вилимович, граф, воен. инженер, генерал-фельдцейхмейстер 533
- Брюховецкий Иван, украинский гетман 307, 365
- Брязга, казачий атаман 443
- Будилоvич А. С., историк 117
- Бужипаны-Струси, магнаты-землевладельцы 351
- Буза, десятник 450
- Букей, киргизский хан 284
- Булавин Кондрат предводитель восстания 318, 319, 553
- Булак-Темир, золотоордынский мурза 257, 259
- Булгак, крымский князь 289
- Булгаков М. Б., историк 62
- Буренины, войсковые чиновники Яицкого казачьего войска 332

- Бурнаш-Гирей, сын крымского хана Менгли-Гирея 286
- Бурсак, войсковой атаман 418, 419
- Буслаев Ф. И., филолог 9
- Бутовичи, землевладельцы 350, 356
- Бутурлин Иван Иванович, генерал-майор, генерал-поручик, позднее член Военной коллегии, генерал-аншеф 374
- Буциевский П. Н., историк 487
- Валамир**, царь гуннов 93, 94
- Вавилов Н. И., биолог 36
- Валент, римский император 88
- Валентий (см. также: Калиновский Александр) 348
- Варлаам, старец 116
- Варфоломеев Лука, новгородский боярин 197
- Васенко П. Г., историк 32
- Василенко Н. П., историк 171, 367
- Василий Васильевич Тёмный, великий князь московский 50, 232, 235, 237, 239, 240, 242, 243, 246, 249-251, 260
- Василий Васильевич (Гребенка), служилый князь в Пскове, Новгороде; брат суздальского служилого князя Ивана Васильевича Горбатого 239
- Василий Дмитриевич, великий князь московский 50, 186, 187, 228, 232, 233-239, 242, 249
- Василий Дмитриевич (Кирдяпа), суздальско-нижегородский князь, сын великого князя владимирского и суздальского Дмитрия Константиновича 234
- Василий Иванович, великий князь московский 249, 251, 252, 255, 261, 263, 285, 286, 313, 439
- Василий Иванович, великий князь рязанский, сын великого князя Ивана Фёдоровича 251
- Василий Константинович, князь белозёрский 229
- Василий Михайлович, удельный князь кашинский, великий князь тверской 217, 222
- Василий Романович, князь белозерский, брат белозерского князя Фёдора Романовича 229
- Василий Романович, князь галицкий 163, 164
- Василий, князь Шохонский, см.: Шохонский (Шехонский) Василий Афанасьевич 239
- Василий Юрьевич, князь нижегородско-суздальский, сын князя Юрия Васильевича Кирдяпина 239
- Василий Ярославич, князь костромской, великий князь владимирский 215
- Васильев Павел, новгородский крестьянин 203
- Васильев Ю.С., историк 62
- Васильевский В.Г., историк 95
- Васильгородец, служилый человек 267
- Василько Константинович, князь ростовский, сын великого князя владимирского Константина Всеволодовича 189, 216
- Введенский А.А., историк 62
- Вейсбах фон, генерал 374
- Величко Самуил, казачий старшина, историк 365
- Вельяминов Алексей Александрович, генерал-лейтенант, командующий войсками Кавказской и Черноморской линии 420
- Вельяминов (Обиняков) Никита Дмитриевич, уфимский воевода, московский дворянин, позднее окольничий 493
- Венгерский монах (аноним) XIII в., писатель 124
- Веревкин Николай Александрович, генерал-майор, командир Сыр-Дарьинской военной линии, позднее наказной атаман Оренбургского казачьего войска
- Вернадский В. И., академик 17
- Вернадский Г. В., историк 488
- Веселовский К. С., географ, климатолог 110
- Веселовский С. Б., историк 51, 62
- Веске М. П., историк 86
- Виноградов П. Г., историк 9, 66
- Виноградова О. А., владелица частной гимназии 12
- Виппер Р. Ю., историк 11, 17
- Витевский В. Н., историк 333, 519
- Витов М. В., этнограф 62
- Витовт (Витаутас), великий князь литовский 117, 179, 233, 236, 241, 249, 286, 336, 341, 352

- Витт де Иосиф (Осип), граф, генерал-майор, владделец пожалованного имения в Новороссии 389
- Вишневецкие, князья, магнаты, отрасль Гедиминовичей 342, 350-352, 354, 356, 363
- Вишневецкий Дмитрий Иванович, князь предводитель запорожских казаков 290, 371
- Вишневецкий Михаил Александрович, князь, брацлавский, затем киевский каштелян, лобечский староста 348, 349, 352
- Вишневецкий Михаил Михайлович, князь 352
- Владимир Андреевич, ростовский князь 241
- Владимир Андреевич, удельный князь серпуховской, сын удельного князя Андрея Ивановича, внук великого князя московского и владимирского Ивана Калиты 186, 224, 233
- Владимир Всеволодович Мономах, великий князь Киевский 123, 125, 127, 164, 189
- Владимир Глебович, князь переяславский 128
- Владимир Константинович, князь угличский, сын владимирского великого князя Константина Всеволодовича 216
- Владимир Ольгердович, литовский князь 176, 342
- Владимир Святославич, великий князь киевский, святой 97, 113, 122, 131, 132, 134, 145, 150, 156, 276
- Владимирец, поселенец 275
- Владимирский-Буданов М. Ф., историк 13, 64, 73, 171, 182, 367
- Власьев, сын боярский 451
- Водарский Я. Е., историк 62
- Войков А. А., географ 40
- Воин, литовский князь, брат великого князя литовского Гедимина 175
- Волгин В. П., историк 28
- Володарь Ростиславич, князь галицкий 126
- Волынский Артемий Петрович, дипломат, казанский губернатор, затем генерал-аншеф, кабинет-министр 499
- Волынский Семён Иванович, стольник, уфимский воевода, позднее в Астрахани 493, 499
- Воня, остяцкий князь 445
- Воробьев В. М., историк 62
- Воронин Н. Н., историк 62
- Вороницы, земляне 350
- Воронцов Александр Романович, граф, сенатор, президент Коммерц-коллегии, позднее канцлер, прикумский помещик 423
- Воронцов Михаил Семенович, генерал-губернатор Новороссии, а затем и Бессарабии, позднее наместник и главнокомандующий на Кавказе, генерал-фельдмаршал, светлейший князь 381
- Воротынские, служилые князья, отрасль черниговских (новосильских) Рюриковичей 247, 248
- Воротынский Михаил Иванович, князь, боярин, воевода, командующий войсками по южной границе 292, 297, 298
- Всеволод Константинович, князь ярославский, сын владимирского великого князя Константина Всеволодовича 216
- Всеволод Мстиславич, князь новгородский 208
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, великий князь владимирский, сын великого князя владимирского и киевского Юрия Долгорукого 105, 126, 136, 150, 173, 215
- Всеволод Ярославич, князь переяславский, великий князь киевский 122, 123
- Всеслав Брючиславич, князь полоцкий 147
- Вышл, новгород-северский подкоморий 360
- Вязгунов Елевферий Иванович, новгородский посадник 529
- Вяземские, князья, отрасль смоленских Рюриковичей 247
- Вяземский Александр Алексеевич, князь, генерал-прокурор, сенатор, гос. казначей, владделец поместей в Новороссии 382
- Вятчанин, служилый человек 267
- Гагемейстер, историк, демограф 469 /
- Галдан-Чирин, джунгарский ("зюнгорский") хан 500, 502

- Галичанин, служилый человек 267
Галкин Иван, сын боярский 452
Гаркави А. Я., востоковед 118
Гедимин (Гедеминас), великий князь литовский 175, 176
Герман, инок 207
Георгий Акрополит, хронист 162
Георгий, великомученик 206
Георгий Пахимер, византийский историк 162
Герберштейн Сигизмунд фон, барон, австрийский дипломат и писатель 109, 152, 178, 181, 218, 219, 221, 225, 229, 232, 252, 311, 439
Гербур Щенный, гос.деятель Великого княжества Литовского 344
Германарих, готский король 152
Геродот, греческий историк 60, 77-81, 85, 106
Герольд, немецкий минеролог XV в. 396
Герц К. К., историк 8
Герье В. И., историк 12, 14, 17, 64, 65
Гиппократ, 79
Гирей, крымская ханская династия 257, 285, 288
Гладкий Иван (Ивашка), слободчик 187
Глазов Герасим, купец 513
Глеб, князь муромский 289
Глеб Василькович, князь белозёрский 189, 216
Глеб Владимирович, князь, святой 189
Глеб Святославич, князь новгородский 148
Глеб Юрьевич, князь переяславский 137
Глебовы ("Глебовых вотчина"), сыновья и внуки владетельного князя Глеба Ивановича Шуморовского из младшей (моложской) линии ярославских Рюриковичей 241
Глинка Г. В., исследователь Азиатской России 488
Глинские, князья 341, 342, 349
Глухой Фёдор Остафьевич, новгородский боярин 206
Гневушев А. М., историк 54, 56, 207
Говоров, московский боярин 238
Годунов Борис Фёдорович, царь 293, 298, 301, 446
Годунов Фёдор Борисович, царевич 106
Гойденштайн (Гейденштейн), гос. деятель Речи Посполитой, писатель 339
Голицыны, князья, отрасль Гедиминовичей, помещики 279
Голобуцкий В. Д., историк 62
Головатый Антон, запорож. старшина, войсковой судья 411, 412, 413
Головачёв П. М., историк 487
Головин, московский боярин 238
Головинский П., историк 310
Головкин Иван Гаврилович, граф, полковник, позднее сенатор и дипломат 498
Голубовский П. В., историк 86, 99, 128, 139
Голубцов И. А., историк 62, 65
Гондатти Николай Львович, начальник Амурской экспедиции, затем приамурский генерал-губернатор 486
Гордеев Дмитрий, крестьянин 516
Гордиенко Пётр, кошевой атаман 373
Горленко, запорожец, волководский комиссар 383
Горностан, землевладельцы 350
Горсей Джером, английский купец и дипломат, писатель 192
Горская Н. А., историк 62
Готье Ю. В., историк 32, 51, 73
Грабовский, ксёндз 347
Грабянка Григорий Иванович, казачий полковник, историк 307
гранский епископ 138
Грибов Анисим, астраханец 397
Григорий IX, римский папа 73, 138
Григорьев, новгородский посадник 205
Григорьева Настасья Ивановна, вдова новгородского посадника Григорьева 205
Громыко М. М., историк 62
Грот Я., историк 537
Грузов Тимофей Евтихиевич, новгородский боярин и землевладелец 529
Грушевский М. С., историк 73, 86, 99, 117, 128, 139, 170, 367
Губкин И. М., геолог 36
Гулик Мокий, войсковой есаул 412
Гуня, казак, предводитель восстания 362
Гурьев, рыбопромышленник 328
Гутьяр Н. М., историк 334, 518

- Гучков Алексей Иванович, предприниматель, полит. и гос. деятель 17
- Гюльденштедт (Гильденштедт) Иоганн Антонович, российский путешественник, академик 381
- Давид Ростиславич, князь смоленский 126
- Давидовичи, князья черниговские (Рюриковичи) 138
- Даниил Романович, князь галицкий, великий киевский князь 119, 131, 162-164, 168, 169, 176
- Даниил Александрович, князь московский 122, 155, 190, 216, 219-221
- Даниил Александрович, князь ярославский, сын великого князя ярославского Александра Фёдоровича 240
- Даниил Борисович, князь нижегородско-суздальский 235
- Данилевич В. Е., историк 159
- Дашкевич Д. П., историк 159, 171
- Дашкевич Я. Р., историк 62
- Дашкович Евстафий, начальник литовских казаков 287, 288
- Двинянин, казак 274
- Дебольский В. Н., историк 51, 194
- Дебу И. Л., историк 426
- Девлет-Гирей, крымский хан 269, 289, 290, 292, 293
- Дегтярев А. Я., историк 7, 8, 62, 68, 71
- Деев Михаил Иванович, владетельный князь из ярославских Рюриковичей 239
- Дежнев Семён, служилый человек, землепроходец 451, 452
- Демидов Акинфий Никитич, заводчик 468
- Демидов Никита Никитич, заводчик 512, 513
- Демьян Многогрешный (см. также: Многогрешный Демьян), гетман левобережной Украины 307, 364, 365
- Дербыш-Алей, астраханский царевич 269
- Джаксон Т. Н., историк 62
- Джан-Али (Яналей), см.: Еналей
- Джангер, киргизский хан 284
- Джанклиш, кабардинский князь 394
- Джовио Паоло (Павел Иовий), см.: Иовий Павел (Джовио Паоло)
- Дивеев Арслан, правитель улуса Казанского ханства 314
- Дмитриев А., историк 487
- Диодор Сицилийский, греческий историк 79, 81, 82
- Дион Кассий, римский историк 82
- Дион Хризостом, римский писатель 81
- Дионисий Поризгета, географ 88
- Длугош Ян, польский историк 338, 339
- Дмитр Ейкович, наместник великого князя Ярослава Всеволодовича в Киеве 168
- Дмитрий Александрович, князь новгородский, великий князь владимирский 183, 184, 196, 215, 217, 220
- Дмитрий Борисович, князь галицкий 225
- Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский, великий князь владимирский 108, 170, 187, 190, 221, 224, 225-230, 232-234, 245, 246
- Дмитрий Константинович, князь суздальский, великий князь владимирский 224, 226, 234
- Дмитрий Михайлович, князь тверской, великий князь владимирский 222
- Дмитрий Юрьевич Шемяка, удельный князь галицкий, великий князь московский 238, 239
- Добрыня, воевода 122
- Довнар-Запольский М. В., историк 16, 64, 367
- Докучаев В. В., почвовед 40, 109
- Долгорукий (Долгоруков) Юрий Владимирович, князь, полковник 318
- Довмонт-Василий, псковский князь 345
- Донсковы, войсковые чиновники Яицкого казачьего войска 332
- Дорогобужские, князья, отрасль тверских Рюриковичей 246
- Дорошенко В.В., историк 62
- Дорошенко Пётр, украинский гетман 366
- Досифей, историк церкви 54
- Доуло, болгарский княжеский род 91
- Драб, каневский боярин 342, 343
- Дружинин Н. М., историк 29
- Дружинина Е. И., историк 62
- Друцкие-Горские, князья, отрасль Гедиминовичей 351
- Дубасов И. И., историк 310
- Дубов И. В., историк 62

- Дулов А. В., географ 62, 68
Дьяков Фёдор, казак 445
Дьяконов Д. И., историк 17
Дьяконов М. А., историк 21
Дювернуа, языковед 9
- Евгений IV, римский папа 163
Евдокимов Николай Иванович, граф, генерал-адъютант, командир левого фланга Кавказской линии, затем начальник отдельной экспедиции (военных) 421, 422
Егоров В. Л., историк 62
Егоров Д. Н., историк 32, 35, 65
Едигей, мурза, основатель Ногайской Орды 167, 257
Едигер (Ядигер, Ядигар), астраханский царевич, казанский хан 265, 492
Едигер (Эдигер, Эдигар), сибирский князь 439, 446
Елабужец, казак 274
Елена, дочь великого князя московского Ивана III Васильевича 248
Екатерина I, императрица 279, 534
Екатерина II, императрица 70, 322, 331, 378, 381, 386-390, 411, 418, 423, 466, 467, 536, 549, 559
Елизавета, императрица 329, 379, 464, 467, 534, 535
Еналей (Яналей, Джан-Али), хан в Касимове, казанский хан 263
Енебяк, предводитель башкир 492
Епанча, татарский князёк 443
Епифаний, монах, автор жития Сергия Радонежского 186
Еремеев Алексей, донской казак, станичный атаман 316
Ерёмин Офромей, новгородский крестьянин 203
Ермак Тимофеевич, атаман 443, 444, 487, 516
Ермолов Алексей Петрович, генерал-аншеф, командир отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий Грузией 405, 410
Есипов Василий, новгородский боярин 201
Ефремов Данила, атаман донских казаков 323
Ешевский С. В., историк 73
- Жекулин В. С., географ 62
Жолкевские, магнаты-землевладельцы 348, 353
Жолкевский Станислав, воевода киевский, польный, затем коронный гетман 338, 352
Жупахин С. Г., следователь 33-35
- Забелин И. Е., историк 60, 80, 83, 86, 93
Заберган, царь гуннов 94
Заблоккий, владелец польской торговой фирмы в Херсоне 385
Загоровский В. П., историк 62
Загрязский (Загрязский) Дмитрий (Митя) Давыдович, слободчик 187
Зайдель Г., историк 34
Замоysкие, магнаты-землевладельцы 348, 351, 353, 354
Замысловский Е. Е., историк 109, 256, 487
Заозерская Е. И., историк 62
Засекин Давыд Иванович, владетельный князь из ярославских Рюриковичей 239
Заславский Владислав-Доминик, князь (отрасль Гедиминовичей), сандомирский, затем краковский воевода 363
Захарий, см. Чет
Захаров, полковник 327, 331
Збаражские, князья с Волыни, отрасль Гедиминовичей, магнаты 348, 351, 353, 355
Зборовский Самуил, посол Стефана Батория, писатель 339, 371
Зверинский В. В., историк 51, 54, 70, 194
Зелинский Н. Д., химик 36
Зимин А. А., историк 62
Зноров Н. В., архиепископ Варшавский 8
Золотары, землевладельцы 349
Зубов Платон Александрович, граф, затем князь, новороссийский генерал-губернатор, генерал-фельдцейхмейстер 383, 389, 423
Зотов Р. В., историк 170
Зубатые-Ярославские, сыновья ("дети") владетельного князя Льва Даниловича Зубатого из ярославских Рюриковичей (см. также: Львовы "князьи дети") 239
Зубрик Иван, землевладелец 345
Зызыкина Наталья Валериановна, жена М. К. Любавского 12

- Ибак-мурза, владетельный князь Малой Кабарды 396
- ибн-Дастан Абу Али Ахмед бен Омар, арабский писатель 159
- Ибрагим, казанский хан 258, 260
- Иван Александрович, ростовский князь 243
- Иван Андреевич, удельный князь можайский, сын удельного князя можайского Андрея Дмитриевича, внук Дмитрия Ивановича Донского 248
- Иван Андреевич, владетельный князь ростовский, владелец Сретенской половины 239
- Иван Борисович, князь нижегородско-суздальский, сын великого князя Бориса Константиновича 235
- Иван (III) Васильевич, великий князь московский 187, 190, 204, 224, 238, 240, 241, 246-252, 254, 255, 260, 261, 285, 286, 312, 313, 438
- Иван (IV) Васильевич Грозный, царь 192, 263, 264, 289, 291-293, 313, 326, 394, 395, 397, 440, 492
- Иван Васильевич, великий князь рязанский, сын рязанского великого князя Василия Ивановича 251, 252
- Иван Васильевич, суздальский служилый князь, родоначальник фамилии Горбатьх-Шуйских 239
- Иван Владимирович, ростовский князь 243
- Иван Всеволодович, удельный князь стародубский, сын великого князя Всеволода Юрьевича 215
- Иван (I) Данилович Калита, великий князь московский, великий князь владимирский 164, 165, 186, 217, 218, 220-224, 229, 241
- Иван Дмитриевич, князь переяславский 215, 220
- Иван (II) Иванович, великий князь московский, великий князь владимирский, сын великого князя Ивана Калиты 220, 224, 225, 232
- Иван Иванович Молодой, великий князь московский, сын великого князя Ивана III Васильевича 251
- Иван Иванович, ростовский князь 240
- Иван Иванович, великий князь рязанский, сын рязанского великого князя Ивана Васильевича 252
- Иван Ростиславич Берладник, князь 126
- Иван Семёнович, князь новосильский 233
- Иван Фёдорович, великий князь рязанский, сын рязанского великого князя Фёдора Ольговича 234, 240, 251
- Иван Фёдорович, князь стародубский 225
- Иван Фёдорович, князь, сын князя Фёдора Романовича белозерского 229
- Иван Ярославич, великий князь рязанский, сын рязанского великого князя Ярослава Романовича 184, 217, 234
- Иванин, географ 518
- Иванов Курбат, казачий пятидесятник 451
- Иванов Михайло, казак 321, 322
- Иванов П. А., историк 139
- Иванов Посник, землепроходец 437, 450
- Иванов Ю. Ф., историк 8
- Иванцов-Платонов А. И., историк 9
- Ивина Л. И., историк 62
- Игнатъев А. Н., граф, адресат письма М.К.Любавского 65
- Игорь Рюрикович, великий князь киевский 121
- Игорь Святославич, князь новгород-северский 135
- Измаил, князь Ногайской Орды 270
- Измайлов Н. В., филолог 33
- Измайловы сыновья, потомки Измаила (половцы-тюрки) 123
- Изяслав Владимирович, князь, сын великого киевского князя Владимира Мономаха 189
- Изяслав Мстиславич, великий князь киевский 137, 173
- Изяслав Ярославич, князь новгородский, великий князь киевский 122, 143
- Изяславичи, полоцкие князья, отрасль Рюриковичей 175
- Иконников В. С., историк 194
- Иларион, митрополит 97
- Илдар, сын Ибак-мурзы 396
- Иловайский Д. И., историк 50, 86, 93, 94, 95, 99, 140
- Ильинский Г. А., историк 25

- Имин-Гирей, сын крымского хана Саип-Гирея 289
Иннокентий IV, римский папа 139
Иностранцев А. А., геолог 76, 109, 110
Иаков Черноризец 113
Иоанн, византийский император 162
Иоанн, митрополит 113
Иовий Павел (Джовио Паоло), епископ новокомский, писатель 311
Иона, старец-пустынный 301
Иордан, готский историк 88, 90, 92, 93, 94, 95, 152
Иосиф II, австрийский император 386
Ислам-Гирей, племянник крымского хана Сайдет-Гирея 288, 293
Истарки, арабский писатель 95
Истомина Э. Г., историк 62
- Каблуков И. А., историк 17
Кабузан В. М., историк 62
Кажавский, староста 338
Казак Звенигородец (см. также: Базанович Фёдор) 349
Казакалп, эндерийский мурза 398
Казимир III Великий, польский король 66
Казимир IV Старый, король польский, великий князь литовский 242, 243, 246, 247, 286, 341
Казнаков Николай Геннадиевич, генерал-адъютант, генерал-губернатор Западной Сибири, позднее член Госсовета 524, 525
Казы-Гирей, крымский хан 293, 295
Казы-Гирей, кубанский сераскир 399
Каип-хан, каракалпакский правитель 501
Кайсаров Михаил Федорович, писец, московский дворянин 440, 441
Калинниковы, горожане 255
Калиновские, магнаты-землевладельцы 349, 351 353-355
Калиновский Александр (см. также: Валентий) 348
Каниты, землевладельцы 351
Кантемир Дмитрий, князь, молдавский господарь 309
Каплан-Гирей, крымский хан 374
Карамышев Василий Семенович, слободчик 187
- Карача, татарский военачальник в Сибири 444
Каргер М. К., историк 62
Карев Д. В., историк 67
Каринские, местные князьки на Вятке 247
Карл XII, шведский король 373, 374
Карпов А. Б., историк 334
Карпов Г. Ф., историк 14, 64
Картмазов Андрей Акинфиевич (Рудный), слободчик 187
Касим, казанский царевич 240, 258, 260
Касим, кафинский паша 291, 395
Касимов Василий (Васька), яицкий казак 328
Каспулат, черкасский князь 396
Кассо Л. А., министр народного просвещения 18
Кауфман А. А., экономист 40
Кауфман Константин Петрович, генерал-адъютант, командующий Туркестанским военным округом и туркестанский генерал-губернатор, инженер-генерал 523
Кафенгауз Б.Б., историк 62, 71
Каховский Михаил Васильевич, екатеринославский губернатор, начальствующий над украинской армией, позднее граф, генерал от инфантерии 388, 389
Квашенцевичи, земляне 350
Каштанов С. М., историк 62
Квашнин Тимофей, новгородец 201
Кедрин Георгий, византийский писатель 93, 122
Кейстут (Кястутис), великий князь литовский 176
Келдыш М. В., академик, президент АН СССР 37
Кельмет, сын Ибак-мурзы 396
Кениссара, султан Большой киргизской Орды 521, 569
Кеппен П. И., историк 54, 70
Кизеваттер А. А., историк 65
Кий, легендарный киевский князь 120
Кипов Пётр, новгородский своеземец 202
Кипов Семён, новгородский своеземец 202
Киприан, тобольский архиепископ 456
Кирдяпа, князь, см.: Василий Дмитриевич (Кирдяпа), князь
Кирилл святой, основатель Кирилло-Белозерского м-ря 192

- Кириллов (Кирилов) Иван Кириллович, обер-секретарь Сената, начальник Оренбургской экспедиции, ученый 279, 501-510, 512
- Кирпичников А. Н., историк 62
- Киселев Павел Дмитриевич, граф, генерал-адъютант, министр государственных имуществ 471
- Киселев Фёдор, московский сборщик пошлин 261
- Клепацкий П. Г., историк 73, 171
- Ключевский В. О., историк 5, 9, 14-17, 26, 41, 42, 46, 50, 52, 57, 68, 70
- Кмиты, шляхетский род 351
- Кнорринг Карл Федорович, генерал-лейтенант, командующий Кавказской линией, главноуправляющий Грузией 404
- Князев, земский исправник 517
- Кобелев, землепроходец 477
- Кобрин В. Б., историк 62
- Кобыла (Андрей), родоначальник Захарьиных, Юрьевых, Яковлей, Романовых, Шереметьевых и иных фамилий, московский боярин 238
- Ковалевский М. М., историк 38
- Козары, землевладельцы 349
- Колесников А. Д., историк 69
- Колесников Василий, атаман 452
- Колесников П. А., историк 62
- Кологривов Максим Никифорович, стольник 318
- Колпак Афанасий Фёдорович, запорожский полковник 383
- Колпаковский Герасим Алексеевич, полковник, генерал-майор, военный губернатор Семиреченской области 522
- Колчин Б. А., историк 62
- Кольцов Иван, казачий атаман 271
- Кольцов-Мосальский Владимир Васильевич, князь, московский дворянин, воевода 298
- Комаров Александр Виссарионович, полковник, затем генерал-майор, начальник Закаспийской области, позднее генерал от инфантерии 524
- Комнина Анна (см. также: Анна Комнина) 125
- Концепольские, магнаты-землевладельцы 348, 352
- Константин Великий, римский (византийский) император 82
- Константин Багрянородный, византийский император 98, 99, 114, 121, 122, 125, 126, 127, 133, 134, 154, 480
- Константин Васильевич, князь суздальский, великий князь нижегородский 224, 231
- Константин Васильевич, князь ростовский 225
- Константин Владимирович, князь ростовский 243
- Константин Всеволодович, князь ростовский, великий князь владимирский 150, 215
- Константин Михайлович, удельный, затем великий князь тверской 217, 222
- Константин Романович, великий князь рязанский, сын рязанского великого князя Романа Ольговича 219, 220
- Константин Ярославич, князь галицкий и дмитровский 215
- Контарини Амброджо, венецианский посол, писатель 312
- Конча, золотоордынский посол 165, 183
- Кончака, жена Юрия Даниловича, князя московского 222
- Копанев А. И., историк 62
- Копылов, атаман томских казаков 450
- Коргок Кончокин, кабардинский князь (в Малой Кабарде) 402
- Корелин М. С., историк 11, 14
- Корецкие, князья с Вольны, отрасль Гедиминовичей 348, 351, 353
- Корнат Гедиминович, литовский князь 176
- Кориатовичи, литовские князья (Гедиминовичи), потомки Корната 179
- Корнилий, монах Валаамского м-ря 207
- Коробов, тульский купец 513
- Короленко В. Г., писатель 20
- Короленко П. П., историк 427
- Корсаков Д. А., историк 159
- Корнель де Брунн (см. также: де Брунн Корнель), путешественник, писатель 279
- Корш Ф. В., филолог 14, 94
- Костромитин, служилый человек 267

- Костычев П. А., почвовед 109
Котошихин Григорий Карпович., подъячий, эмигрант, писатель 20, 448
Котян, половецкий хан 162
Кочубей Виктор Павлович, граф, министр внутренних дел 419
Кочубинский А. А., историк 86, 159
Кошан, улан, правитель Казанского ханства 265
Красильниковы, купцы 513
Краснов А. Н., географ 109
Крыжановский Г. М., гос. деятель, ученый-энергетик 36
Крыжановский Николай Андреевич, генерал-лейтенант, оренбургский генерал-губернатор и командующий войсками округа, позднее генерал от артиллерии 523
Крымский А. Е., филолог 171
Крынецкие, земляне 353
Крюйс Корнелий Иванович, вице-адмирал 313
Куземю Косой, раскольник 317
Куза А. В., историк 71
Кузнецов С. К., историк 159
Куракины, князья, отрасль Гедиминовичей, помещики 279
Курбатов, см.: Иванов Курбат
Курбские, князья, из старшей линии ярославских Рюриковичей 240
Курбский Андрей Михайлович, князь, боярин, воевода, эмигрант, писатель 137, 263
Куремса, татарский темник 164
Кучкин В. А., историк 62
Кучум, шибанский царевич 439, 443, 444, 445
Кушева Е. И., историк 62
- Лаврентьев, историк 130
Ладыженский (Лодыженский) Федор Михайлович, стольник, посол России в Крымское ханство 373
Лазарев Андрей Тимофеевич, воевода на Дону, позднее на Тереке 315, 399
Лазорет, инок 207
Лакса. мнимый потомок Мамаю 341
Ламанский В. И., историк 488, 528
- Ланнуа, Гилберт де, бургундский рыцарь, писатель 106
Ланшевец, казак 274
Лаппо И. И., историк 64
Ласота (Лясота) Эрих, императорский посол, писатель 337, 338, 339, 371
Ласта Ивашко, новгородец 255
Лев Мудрый, византийский император 114
Лев Данилович, князь галицкий 164, 169
Леонтий, великий князь черниговский 168
Леонтович Ф. И., историк 13, 16, 64
Либей, татарский князь 260
Ливанов Г. В., муж дочери М.К.Любавского 68
Ливанова Татьяна Германовна, внучка М.К.Любавского 5
Ливанова Вера Матвеевна, дочь М.К.Любавского 5, 36, 37, 68
Лиги З. М., историк 62
Лигуй, остяцкий князь 444
Лихачёв Н. П., историк 32, 34
Лозки, земляне 350
Лопатин Андрей, атаман донских казаков 323
Лот Сергей, запорожский казак 383
Лошинский Иван, новгородский боярин-вотчинник 201
Лука Жидята, новгородский епископ 112
Лукин Н. М., историк 36, 59
Львовы, "князьки дети", из ярославских Рюриковичей, см.: Зубатые-Ярославские 239
Любавская Матрёна Федотовна, мать М.К.Любавского 10
Любавский Кузьма Иванович, отец М.К.Любавского 10
Любавский Матвей Кузьмич 5-32, 34-70, 73-74, 182, 194, 256
Любецкий, староста 327
Ляпушкин И. И., историк 62
Ляскоронский В. Г., историк 118, 140, 367
- Маврикий, византийский император 114
Магнус, король Швеции 196
Мазепа Иван Степанович, украинский гетман 373

- Майков Л. Н., географ и историк 40, 68, 109
- Мануил, смоленский епископ 113, 144
- Максаков В. В., историк 67
- Максим, митрополит 168
- Максимейко Н. А., историк 16, 64
- Максимов Е. Д., историк 427
- Максимович М.В., историк 170
- Малеин А. А., историк 311
- Малиновский И., историк 65
- Мамай, ордынский правитель 227, 228, 232, 259, 288, 341
- Мамай, князь Ногайской Орды 262
- Маматкул, царица, сын сибирского хана Кучума 443
- Мамогьяк, казанский хан 258, 260
- Мамук, шибанский царевич 261 (Мануил), смоленский епископ 144
- Мануйлов А. А., ректор Московского университета 18
- Манштейн Кристоф Герман, рос. военный и гос. деятель, мемуарист 309
- Марван, сирийский вождь 96
- Маренцов Леонтий, старец 277
- Мария Темрюковна, вторая жена Ивана Грозного, дочь кабардинского князя Темрюка 397
- Марк Аврелий, римский император 81, 82
- Мария (Ярославна), великая княгиня, жена великого князя московского Василия II Васильевича 239
- Масальский В. И., географ 528
- Масленников, купец, владелец фирмы в Херсоне 385
- Масленникова Н. Н., историк 62, 71
- Масуди, арабский историк и путешественник, писатель 96, 122
- Матвеев Василий, новгородский боярин 205
- Матвеев Иван, атаман донских казаков 323
- Матвеев Кузьма, заводчик 513
- Матфей, местный князь в Великой Перми 255
- Махмет, казанский хан 235
- Махмет-Гирей, крымский хан 249, 252, 262, 286-295
- Махмет-Салтан, ордынский князь 259
- Маяковский И. Л., историк-архивист 31
- Мегмет-Аминь, казанский хан 260-262, 287
- Межов В. И., историк 488
- Мезецкие, князья, отрасль черниговских Рюриковичей 248
- Мельникова Е. А., историк 62
- Менандр, греческий писатель 114
- Менгли-Гирей, крымский хан 180, 258, 260, 261, 285, 336, 337, 340, 342, 344, 544, 554
- Мензиби М. А., ректор Московского университета 27
- Меншиков Александр Данилович, светлейший князь, президент Военной коллегии, член Верховного тайного совета, генералиссимус 531, 534, 536
- Межецкие, землевладельцы 350
- Меховский Матвей, польский хронист 178
- Мечников Л. И., географ 40
- Микашинский (Микошинский) Богдан, казачий гетман 371
- Миклашевский И.Н., историк 73, 310
- Микулинские, князья, отрасль тверских Рюриковичей 246
- Микулинский Семен Иванович, боярин, князь, воевода 265
- Милашевич Иван, кошевой атаман 374
- Миллер В.Ф., филолог, этнограф 40, 79, 82, 87, 94, 487
- Милоков П. Н., полит. деятель, историк 11, 38, 39, 59, 68, 71, 73
- Минаев Фрол, донской казак, станичный атаман 316, 326
- Миндигул, предводитель башкирского восстания (см. также: Салтан-Гирей) 506
- Миндовг (Миндаугас), великий князь литовский, король 174, 175
- Минин Кирилл, новгородский крестьянин 203
- Минин Ларион, новгородский крестьянин 203
- Мирмидон, дунайский князь 123
- Миронов Б.Н., историк 62
- Михаил, князь черниговский, святой 162, 168, 201, 232
- Михаил Александрович, великий князь тверской 226-228, 245
- Михаил Агталейот (Агталиот), византийский историк 122, 123

- Михаил Борисович, великий князь тверской 246
- Михаил Глебович, князь, сын князя Глеба Васильковича белозёрского 189
- Михаил Фёдорович, царь, основатель царской (императорской) династии Романовых 274, 276, 277, 302, 305, 327, 397, 447, 450, 454, 494, 551, 562
- Михаил Ярославич Храбрый (Хоробрит), князь московский(?), великий князь владимирский 219
- Михаил Ярославич, великий князь тверской, великий князь владимирский, святой 148, 222, 241
- Михайло (Михалон) Литвин (Венцеслав Миколавич), литовский гос. деятель, писатель 29, 338-340, 344, 345
- Михайловы, войсковые чиновники Яицкого казачьего войска 332
- Многогрешный Демьян, гетман левобережной Украины (см. также: Демьян Многогрешный) 307, 364, 365
- Можаров, земский исправник 517
- Мокшев А. М., историк 528
- Молдан, югорский князек 438
- Моложские, владетельные князья, потомки Михаила Давыдовича Моложского, младшая линия ярославских Рюриковичей 240
- Молчановский Н. В., историк 139
- Мопаревичи, земляне 350
- Морозов Богуш, землевладелец 345
- Мосальские, князья, отрасль черниговских Рюриковичей 248
- Мосаловы, заводчики 513
- Мстислав Владимирович, великий князь киевский, сын великого князя киевского Владимира Святославича 124, 134
- Мстислав Владимирович, великий князь киевский, сын великого князя киевского Владимира Мономаха 127
- Мстислав Давыдович, князь смоленский 173
- Мстислав (Борис) Романович, великий князь киевский 137
- Мстислав Юрьевич, князь новгородский 149
- Муктадир, халиф 490
- Мунк-Темур, калмыцкий тайша 322
- Муравьев (Амурский) Николай Николаевич, генерал-губернатор Восточной Сибири 465, 473, 484
- Муравьев Василий, вахмистр, осадчий 383
- Мурзаев Э. М., историк 62
- Муромец, служилый человек 267
- Муртаза, казанский царевич 247
- Муханов П. А., историк 51
- Музал, черкесский князь 396, 398
- Мушкетов А. И., геолог 110
- Мышецкий, князь 377, 378
- Мюлленгоф К., филолог 79
- Мясников Иван, купец 513
- Мясников Матвей, купец 513
- Мясной, Иван Никитич, выборный дворянин, воевода в Сибири 444
- Нагой Афанасий Федорович, посол России в Крыму, позднее думный дворянин 291
- Нагой Иван Григорьевич, выборный дворянин, городской воевода, позднее воевода в Сибири 492
- Надеждин Н. И., историк 73, 86, 159
- Надсон Г. Н., микробиолог 36
- Назаров В. Д., историк 62
- Наливайко Северин, предводитель восстания 338
- Наримунт (Наримантас), князь литовский 176
- Нарышкины, помещики 279
- Насонов А. Н., историк 62
- Наталья Алексеевна, царевна 534
- Невельский Геннадий Иванович, адмирал, исследователь Дальнего Востока 465
- Невзоров, оренбургский генерал-губернатор 517
- Неволин К. А., историк 50, 51, 54, 70, 214, 537
- Неврой, ордынский темник 183, 217
- Невский В. И., историк, партийный деятель 28, 30
- Немиричи, польские землевладельцы 346, 350
- Некрасов Игнат, казак, соратник К. Булавина 319
- Некрасов П. П., историк 256
- Неплюев Иван Иванович, дипломат, затем начальник Оренбургской экспедиции,

- наместник Оренбургского края, позднее сенатор, конференц-министр 329-331, 507-511, 514, 515, 519
- Нечкина М.В., историк 70
- Нижегородец, поселенец 277
- Никита Столпник, монах-подвижник 189
- Никитский А.И., историк 54, 56, 70, 214
- Никифор Григора, хронист 162
- Николай, варшавский архиепископ (см. также: Зноров Н.В.) 8
- Николай I, император 470, 521, 536
- Николай II, император 486
- Никольский В.К., историк 21
- Нифонт, новгородский епископ 112
- Новгородцев П.И., историк 17
- Новиков В., историк 518
- Новицкий Г.А., историк 29
- Новосельский А.А., историк 21, 62
- Новосильские, удельные и служилые князья, отрасль черниговских Рюриковичей 248
- Ногай, золотоордынский хан (?) 257
- Нордоулат, брат крымского хана Махмет-Гирея, крымский хан 287
- Носов Е. Н., историк 62
- Носов Н. Е., историк 62
- Оболенские, князья, отрасль черниговских Рюриковичей 253
- Оболенский К. М., князь, историк 51
- Обручев В. А., геолог, географ 36
- Овидий, римский поэт 81
- Огодай, хан 161
- Огородников В. И., историк 73, 488
- Огородников Е. К., историк, 54, 73
- Одоевские, служилые князья, отрасль черниговских (новосильских) Рюриковичей 247, 248
- Одоевский Никита Иванович, князь, боярин, белгородский воевода 303
- Олег, князь Киевский 112, 114
- Олег Иванович, великий князь рязанский, сын рязанского великого князя Ивана Ивановича 170, 190, 231
- Олег Романович, князь брянский 168
- Олег Святославич, князь черниговский 119, 124
- Олексичи, земляне 353
- Ольгерд (Альгирдас), великий князь литовский 166, 168, 176, 177, 209, 226, 227, 230, 233, 336, 544
- Ольговичи, князья путивльские 168
- Ольговичи, князья черниговские 134
- Ольяр-Волжовичи, землевладельцы 350
- Ондрейан (Андрейан) Александрович, новгородский боярин 205
- Ондронов (Андронов) Никита, новгородский владычный слуга 202
- Орлов Григорий Григорьевич, граф, генерал-адъютант, генерал-фельдцейхмейстер 536
- Орлов С. Н., историк 71
- Осокин Иван, купец, заводчик 512, 513
- Осокин Пётр, купец, заводчик 513
- Оссолинские, магнаты-землевладельцы 359
- Оссолинский Юрий, канцлер 360
- Останков, майор 505
- Остранин Яцек (Яцко, Яков), казачий гетман 362
- Острожские, князья с Волыни, отрасль Гедиминовичей 348, 350, 351, 354, 356
- Острожский Константин (Василий) Константинович, князь, киевский воевода 352
- Павел Иовий, см.: Иовий Павел (Джовни Паоло)
- Павел I, император 549
- Павлов-Сильванский Н. П., историк 26
- Павлюк, предводитель казачьего восстания 362
- Палецкие, князья, отрасль стародубских Рюриковичей 226
- Паллас Янка, путешественник, писатель 329
- Панов В. А., историк 21
- Паны, магнаты-землевладельцы 359
- Паскевич Иван Федорович, граф, затем светлейший князь, генерал-фельдмаршал, наместник на Кавказе, позднее в Царстве Польском 409
- Паткачов С. К., историк 488
- Пашков Афанасий Истомина, енисейский воевода 453
- Пашуто В. Т., историк 62, 65
- Пекарский П. П., историк 538

- Пересвет, боярин великого князя московского Дмитрия Донского 229
- Перемышльские, князья, отрасль черниговских Рюриковичей (см. также: Воротыньские, князья; Одоевские, князья) 248
- Перетяткович, историк 284
- Перковский А. Л., историк 62
- Пермитин, казак 274
- Пермяк, поселенец 275
- Перовский Василий Алексеевич, генерал-адъютант, оренбургский генерал-губернатор, позднее граф, генерал от кавалерии 522
- Перфирьев, атаман 450
- Пётр Дюсбург, хронист 143
- Пётр I Великий, царь, император 279, 309, 313, 319, 321-323, 327, 328, 366, 367, 373, 374, 385, 387, 400, 408, 463, 467, 498, 500-502, 529-535, 537, 571
- Пётр II, император 309, 374
- Петр, ордынский царевич, святой 189
- Петрарка Франческо, поэт 123
- Петров П. И., историк 538
- Петрушевский Д. М., историк 14, 18
- Пимен, старец-пустынный 301
- Пимен, митрополит 108, 120, 312
- Пионтковский С. А., историк 71
- Пичета В. И., историк 21, 26, 32, 64, 66
- Пишчевич Станислав, сербский (?) офицер на рос. службе 380
- Плавский С. А., юрист 519
- Плано Карпини (Пьяно-Карпини дель Джованни), монах (архиепископ), путешественник, писатель 155, 162, 163, 167, 337, 490, 491
- Платонов С. Ф., историк 32-35, 65, 69, 256, 488
- Платонов Матвей Иванович, граф, атаман войска Донского 325
- Плещеев Андрей Львович, стольник, воевода на Тереке 399
- Плиний Старший, римский писатель 79, 84
- Плоскыня, воевода бродников 138
- Плюснин Офонас (Афанасий), новгородский боярин 202
- Погодин А. Д., историк 86, 99, 159
- Погодин М. П., историк 170
- Подвигина Н. Л., историк 71
- Подлисецкий, старшина запорожских казаков 412
- Пожарские, князья, отрасль стародубских Рюриковичей 226
- Покровский М. М., филолог 14
- Покшишевский В. В., географ 68
- Половцы, князья со Свира Рожиновские 341, 342
- Полосин И. И., историк 29
- Полуэктв Алексей, дьяк 240
- Попко И. Д., историк 427
- Попов Н. А., этнограф 8, 9, 11, 12, 22, 518
- Потанин Г. Ф., этнограф 40
- Потемкин Григорий Александрович, граф, затем светлейший князь, генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор Новоросси, Азовской и Астраханской губерний 385-388, 411, 412, 423, 559
- Потоцкие, магнаты-землевладельцы 348, 359
- Похилевич Д. Л., историк 62
- Поярков Василий Данилович, письменный голова, землепроходец 450, 451
- Преображенский А. А., историк 62, 69
- Прерадович Райко де, сербский полковник на рос. службе 310, 380, 556
- Пресняков А. Е., историк 50, 51, 57, 58, 68, 70
- Приск, участник византийского посольства к гуннам, писатель 90-95
- Проб, римский император 82
- Прозоровские, князья из младшей (моложской) линии Ярославских Рюриковичей 240
- Прокопий Кесарийский, византийский историк 90-93, 95, 158, 313
- Пронский Михаил Петрович, князь, стольник, затем боярин, воевода в Казани, затем Астрахани 398
- Пронштейн А. П., историк 62
- Проскуры, земляне 342, 350
- Проскуры-Сушанские, землевладельцы 350
- Протасьев Петр, выборный дворянин, воевода на Тереке 394
- Проходор, епископ 189
- Прияшников Д. Н., агрохимик 36

- Птоломей, александрийский географ 84, 88, 93, 143
- Пугачев Емельян Иванович, предводитель восстания 29, 333, 516
- Пуллат Р. Н., историк 62
- Пургос (Пургас), мордовский князь 155
- Пушкарев И. И., автор описания С.-Петербурга 571
- Пушкин Михаил Федорович, воевода, стольник 318
- Пыпин А. Н., литературовед 487, 488
- Пясенский, казачий старшина 355
- Пясочинский Александр, землевладелец, староста Новгорода-Северского 360
- Рабинович Г. С., историк 62
- Радлов В. В., востоковед 91
- Радищев А. Н., писатель 284
- Раевский Николай Николаевич (второй), генерал-лейтенант, начальник Черноморской береговой линии 420
- Разин Степан Тимофеевич, предводитель восстания 29, 30, 316, 456
- Разумовские, князья, помещики 279
- Рамазанов, атаман донских казаков 323
- Рамышовский Яким, новгородец 201
- Растрелли Бартоломео, зодчий 535
- Регион, монах, хронист 121
- Ремезов Н. В., историк 519
- Репнин (Репня) Иван Михайлович, князь, из рода князей Оболенских, отрасли черниговских Рюриковичей, наместник в Пскове 250
- Ржевский Дьяк 290
- Рибас Осип (Хосе) Михайлович де, адмирал, начальник экспедиции строения города и порта Одесса, владелец пожалованного имения в Новороссии, позднее генерал-кригс-комиссар
- Риттих А. А., экономист 40
- Решиль де, Арман Эммануэль дю Плесси, герцог, новороссийский генерал-губернатор 388, 419
- Родзянко Михаил Владимирович, председатель четвертой Гос. думы 27
- Рождественский Д. С., оптик 36
- Рождественский С. В., историк 14, 32, 33, 35
- Рожиновские, бояре 342
- Розанов В. В., публицист, философ 11, 12
- Розен Алексей Александрович, барон, генерал-майор, инспектор левого крыла Кавказской линии 420
- Роман Глебович, князь рязанский 105
- Роман Старый, князь черниговский 168
- Роман Семенович, брат Ивана Семеновича, князя новосильского 233
- Романов Б. А., историк 32
- Романов Иван Никитич, боярин, дядя царя Михаила Федоровича 302
- Романовский Дмитрий Ильич, генерал-лейтенант, генерал-губернатор Туркестанской области 523
- Романовы, царствующая династия 20
- Ромодановские, князья, отрасль стародубских Рюриковичей 226
- Ростислав Владимирович, князь, сын великого князя киевского Владимира Мономаха 124
- Ростислав Мстиславич, князь смоленский 113, 144, 151
- Ростислав Ярославич, князь рязанский 215
- Рубрук (Рубруквис) Виллем, путешественник, писатель 155, 167, 490
- Руд, старшина запорожских казаков 377
- Рудин С. Д., юрист 519
- Ружинские (Рожинские), князья с Волыни, отрасль Гедиминовичей, магнаты 348, 350, 351, 353
- Рума, царь Славонии 112
- Румянцев Александр Иванович, граф, генерал-лейтенант, казанский и астраханский губернатор, позднее сенатор 504
- Рупрехт Ф. И., почвовед 40, 109
- Руф, спутник венецианского посла Контарини 312
- Рыбаков Б. А., историк 62
- Рыков А. И., партийный и гос. деятель 35
- Рындзюнский П. Г., историк 62
- Рычков Петр Иванович, капитан, член Оренбургской экспедиции, историк и географ 334, 502, 514, 518
- Рябинин А., географ, статистик 333
- Рязанец, служилый человек 267
- Рязанов Д. Б., заведующий Главного управления архивными делами 29

- Ряполовские, владельцы и служилые князья, отрасль стародубских Рюриковичей 226
- Сабашников М. В., книгоиздатель 49
- Савватий, инок 207
- Савелий Григорьевич, новгородский боярин 205
- Савельев А., историк 310, 333
- Савин А. Н., историк 65, 66
- Савич А. А., историк 54
- Сагайдачный Леонтий, атаман 379
- Сагайдачный Пётр, украинский гетман 372
- Саип-Гирей, казанский хан 262, 287-289, 291
- Сайдет-Гирей, крымский хан 288
- Саксон Грамматик, хронист 93
- Саламет-Гирей, крымский царевич 293
- Салтан ("Баков сын"), ордынский князь 259
- Салтан-Гирей (см. также: Миндигул) 506
- Салтыков Николай Иванович, граф, генерал-аншеф, вице-президент Военной коллегии, воспитатель сыновей цесаревича Павла I, владелец пожалованного имения в Новороссии, позднее генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии 389
- Самойлович А. Н., тюрколог 36
- Самойлович Иван, украинский гетман 307, 365, 366, 367
- Самойлович Семён, сын украинского гетмана Ивана Самойловича 366
- Самоквасов Д. Я., историк 60, 86
- Самсонов Александр, новгородский посадник 529
- Саранец, поселенец 275
- Сарапулец, казак 274
- Сартак, золотоордынский хан, сын Бату-хана 163
- Сарыязман, татарин, служилый человек 313
- Сарыхожа, золотоордынский посол 227
- Сафа-Гирей, казанский хан 262-265, 288
- Светешников Надей, купец 277, 548
- Светешников Семён, сын Надея Светешникова 277
- Свибло, московский боярин (см. также: Свибло Федор Андреевич, московский боярин; Федор Андреевич, московский боярин) 238
- Свибло Федор Андреевич, московский боярин (см. также: Свибло, московский боярин; Федор Андреевич, московский боярин) 187
- Свидригайло, великий князь Литовский 180
- Свинный П. П., автор описания С.-Петербурга 537
- Свиридов, наместник киевского князя Семёна Ольельковича 178, 336
- Свияжец, поселенец 277
- Святогорской, см.: Куземко Косой
- Святополк Изяславич, великий князь киевский 125, 131
- Святополк II, князь черниговский 342
- Святослав, князь путивльский 176
- Святослав Всеволодович, великий князь киевский 113, 114, 143
- Святослав Всеволодович, князь юрьев-польской, великий князь владимирский 215, 219
- Святослав Глебович, князь можайский, удельный князь смоленский 221
- Святослав Игоревич, князь киевский 105, 112, 121, 122, 126, 127
- Святослав Ольгович, князь новгородский 146, 208
- Святослав Ольгович, князь новгородско-северский 137
- Святослав Ольгович, князь черниговский 128
- Святослав Ярославич, князь муромский 215
- Святослав Ярославич, князь черниговский 122
- Седельников А. Н., географ 528
- Седов В. В., историк 62
- Сент Хаялин, вожак казанских переселенцев в Оренбуржье 511
- Селезнёвы, новгородские бояре 243
- Селим, турецкий султан 395
- Семён Алексеевич, царевич-самозванец 373

- Семен Иванович, великий князь московский, великий князь владимирский, сын великого князя московского и владимирского Ивана Калиты 187, 220, 223, 224
- Семен Иванович, служилый князь, сын Ивана Андреевича, удельного князя Можайского (см. также: Стародубский Семен Иванович) 248
- Семен Олелькович, князь киевский, из Гедиминовичей 178, 338
- Семен Романович, князь новосильский 224, 233
- Семен Романович, сын князя Романа Семёновича 233
- Семен Петрилович, тверской данник 148
- Семенов В. П., географ 528
- Семенов-Тянь-Шанский П. П., географ 40, 487, 488, 528
- Сенявские, магнаты-землевладельцы 348, 353
- Сербина К. Н., историк 62
- Сергеев А. А., архивист 30
- Сергеевич В. И., историк 50
- Сергий Радонежский, святой, основатель Троице-Сергиева монастыря 190
- Середонин С. М., историк 39, 68, 73, 86, 99, 159
- Сибирцев Н. М., почвовед 109
- Сиверс Карл Ефимович., граф, владелец заводов в Башкирии 513
- Сивков К. В., историк 29
- Сигизмунд I, польский король, великий князь Литовский 249, 286, 287, 289
- Сигизмунд II Август, польский король, великий князь Литовский 20, 355
- Сигизмунд III король Речи Посполитой 355
- Симон, митрополит 245
- Сицкие, князья, из младшей (моложской) линии ярославских Рюриковичей 240
- Сказкин С. Д., историк 29
- Скальковский А. А., историк 73, 378, 391
- Скилак (Псевдо Скилак), греческий географ, писатель 81
- Скобелев Михаил Дмитриевич, генерал-майор, военный губернатор Ферганской области, затем генерал-лейтенант, командующий Ахал-текинской экспедицией, позднее генерал от инфантерии 523
- Скоропадский Иван, гетман левобережной Украины 374
- Скорород, десятник 451
- Словцов П. В., историк, этнограф 462, 487
- Слупцы, земляне 351
- Смирнов И. И., историк 160
- Смирнов И. Н., филолог 149
- Смирнов П. П., историк 62
- Смоленский епископ, см.: (Мануил), смоленский епископ
- Соболевский А. И., филолог 171
- Соболевский С. И., филолог 14
- Соколов, промышленник-солевар 440
- Соколов М. И., славист 14
- Соколовский П. А., историк 73
- Соловьёв С. М., историк 26, 41, 42, 46, 50, 52, 58, 68
- Солтыки, магнаты-землевладельцы 359
- Софья Алексеевна, царица 459
- Сперанский Михаил Михайлович, секретарь Гос. Совета, затем сибирский генерал-губернатор, член Гос. Совета и Сибирского комитета, позднее председатель департамента законов Гос. Совета, граф 470, 521
- Спичарный И. Г., историк 17
- Спицин А. А., археолог 40, 54, 70
- Станиславский А. Л., историк 62
- Старовольский Симон, автор сочинения 347
- Стародубский Семен Иванович, служилый князь (см. также: Семен Иванович, служилый князь, сын князя Ивана Андреевича) 248
- Стахорский, подстароста Новгород-Северского 360
- Степан Есипович, новгородский боярин 205
- Степанов Онуфрий, землепроходец 453
- Стефан, святой, епископ Пермский 238
- Стефан Баторий, король Речи Посполитой 66, 335, 348-351, 355
- Стефан Угорский, венгерский король 130
- Столетов Николай Григорьевич, генерал-майор, командир Закаспийского отряда, основатель Красноводска, позднее генерал от инфантерии 523
- Стороженко А. В., историк 66

- Стороженко Н. И., филолог 9
 Страбон, римский географ 81
 Стрижевские, земляне 351
 Строганов Александр Сергеевич, граф, сенатор, член Гос. Совета, позднее президент императорской Академии художеств, владелец заводов в Башкирии 513
 Строганов Григорий Аникеевич, вотчинник, промышленник 440, 441
 Строганов Яков Аникеевич, вотчинник, промышленник 440
 Строгановы, промышленники 440-443, 487, 535, 560, 561
 Струси, магнаты-землевладельцы 351
 Струсь Юрий, магнат-землевладелец 349
 Суздалец, служилый человек 267
 Сукин Василий Борисович, московский дворянин, воевода в Сибири, основатель Тюмени, позднее думный дворянин 444
 Сунчалей, черкесский князь 394, 396
 Суркай, тарковский шамхал 398
 Сутские (Судские, Суцкие), князья, из младшей (моложской) линии ярославских Рюриковичей 240
 Сухарев Алексей Михайлович, генерал-майор, сибирский губернатор 508
 Сухоруков В. Д., историк 333
 Сыроечковский В. Е., историк 29
 Сююнбека, вдова казанского хара Сафа-Гирея 265
- аль Табори, арабский писатель 96
 Таир, татарский военачальник 220
 Тайдула, ханша Золотой Орды 228
 Тамбовцев, атаман яицких казаков 331
 Тамерлан (Тимур), полководец, эмир, основатель империи 312
 Танский Антоний Михайлович, из сербов, казачий полковник, командир Белоцерковского, затем Киевского полка 379
 Танфильев Г. И., географ 109
 Тараканов Алексей Иванович, полковник, затем сенатор, генерал-майор, начальник Царицынской укрепленной линии 319
 Тараканов Фёдор (Федька), служилый человек 460
 Тарле К. В., историк 32-34
- Тарловский Кирилл, священник 383
 Татищев Василий Никитич, главный начальник горных заводов, затем генерал-поручик, начальник Оренбургской экспедиции, историк 328, 506, 518
 Тацит, историк 9, 84, 93, 156, 157
 Твердынцев Иван Борисович, купец 512, 513, 516
 Твердынцев Пётр Борисович, купец, 512
 Твердынцев Яков Борисович, купец 512
 Тевкелев Алексей Иванович, татарский мурза, переводчик Петра I 501, 503, 517
 Тевкелев Пётр, внук Тевкелева Алексея Ивановича 517
 Текелли Петр Абрамович, сербский дворянин на рос. военной службе, бригадир, затем генерал-поручик, позднее генерал-аншеф 378, 382, 411
 Телебуга, хан Золотой Орды 164
 Темрюк, князь Кабарды, отец Марии, второй жены царя Ивана IV Васильевича 394, 397
 Терентий Ртищ, наместник великого князя московского Ивана Калиты в Радонеже 186
 Терентьев М. А., историк 528
 Тетюшанин, служилый человек 277
 Тиберий, римский император 9
 Тилло А. А., географ, картограф, генерал-лейтенант 109
 Тимирязев К. А., 17
 Тинахмет, князь Ногайской Орды 326
 Тимошенкова З. В., историк 62
 Тихменев П. А., историк 488
 Тихомиров М. Н., историк 29, 62
 Тихомиров Н. П., историк 54, 71
 Тихонравов Н. С., филолог 9
 Товарков Фёдор Григорьевич, боярин, слободчик 187
 Толмачев И. П., географ, этнограф 488
 Толочко П. П., историк 62
 Толстой А. Н., писатель 20
 Томашек В., филолог 79
 Топлин Ефим, крестьянин 519
 Торопчанин, поселенец 275
 Тотт де, барон, писатель 370
 Тохтамыш, хан Золотой Орды 165, 184, 228, 234, 257

- Тояк, князь томских татар 446
 Траубенберг фон, Гавриил, генерал-майор, член Следственной комиссии в Яицком городке 331
 Троицкий М. М., логик 9, 11
 Троицкий С. М., историк 62
 Трубачёв О. Н., лингвист 62
 Трубецкие, князья, отрасль Гедиминовичей 248
 Трубецкой Петр Никитич, князь, обер-прокурор Сената, сенатор, владелец пожалованного поместья в Прикумье 423
 Трубецкой С. Н., князь, философ, ректор Московского университета 17
 Туторкан, половецкий хан 94, 347
 Турандай, московский (?) боярин 238
 Туренко А., историк 427
 Тучины, новгородские бояре 243
 Тышкевичи, магнаты-землевладельцы 350, 353
 Тышов-Быковские, землевладельцы 350
 Тяпкин Василий Михайлович, стольник, полковник, рос. посол в Крым, позднее думный дворянин и рос. резидент в Варшаве 106
 Уваров А. С., граф, историк 14, 40, 54, 66, 70, 159
 Угличанин, служилый человек 267
 Улу-Махмет, хан Золотой Орды 240, 258, 260
 Умов К. А., историк 17
 Урус, князь Ногайской Орды 271
 Урусов Василий Алексеевич, князь, генерал-поручик, начальник Оренбургской экспедиции 506
 Усейн, астраханский хан 288
 Устожанин, казак 274
 Утемиш-Гирей (Утямиш-Гирей), казанский хан, сын хана Софа-Гирея 264, 265
 Уятников, заводчик 512
 Угорские, князья, из старшей линии ярославских Рюриковичей 240
 Фабри, владелец австрийской торговой фирмы в Херсоне 385
 Фаворский А. Е., химик-органик 36
 Фадеев А. В., историк 62
 ибн-Фадлан, арабский писатель, посол халифа Муктадира 490
 Фёдор Алексеевич, царь 307, 321, 567
 Фёдор Андреевич, ростовский князь 243
 Фёдор Андреевич московский боярин (см. также: Свибло, московский боярин; Свибло Федор Андреевич, московский боярин) 229
 Фёдор Васильевич, рязанский удельный князь, сын великого князя рязанского Василия Ивановича 251, 252
 Фёдор Иванович, царь 191, 271, 273, 293, 298, 301, 395, 445, 492
 Фёдор Ольгович, великий князь рязанский, сын рязанского великого князя Олега Ивановича 233, 234
 Фёдор Романович, князь белозёрский 229
 Фёдор Святославич, князь рязанский 228
 Фёдор Святославич, князь путивльский, киевский 176
 Фёдор Юрьевич (Шуйский), князь, из нижегородско-суздальских Рюриковичей, служилый князь в Новгороде и Пскове 239
 Фёдоров Лука, новгородский боярин 206
 Федосья, дочь великого князя рязанского Ивана Фёдоровича 251
 Федосья, княгиня, жена Фёдора Романовича, князя белозёрского 251
 Федюкин С. А., историк 65, 67
 Фелицин Е. Д., историк 427
 Феогност, митрополит 137
 Феодосий Печерский, настоятель Киево-Печерского монастыря, святой 114
 Феофил, новгородский архиепископ 244
 Фети-Гирей, крымский царевич 293, 294
 Фирляи (Фирлеи), магнаты-землевладельцы 351, 353
 Фирсов Н. А., географ, этнограф 73, 284, 518
 Фишер Иоганн Збергард, историк 487
 Флетчер Джон, английский посол, писатель 191, 311
 Фортунатов Ф. Ф., историк искусства 14
 Фохт А. Б., историк 17
 Фрадинг, владелец константинопольской торговой фирмы в Херсоне 385

- Фролов Василий, атаман донских казаков 323
- Фрич, немецкий минеролог 396
- Фриче В. М., историк 30
- Фроянов И. Я., историк 62
- Хабаров Ерофей Павлович, землепроходец 452, 453
- Хавский Б. Н., юрист 519
- Хаджи-Гирей, крымский хан 257
- Харленские, земляне 350, 353, 356, 359
- ибн-Хаукаль, арабский писатель 96
- Хвольсон Д. А., востоковед 159
- Хворостинин Фёдор Иванович, князь, из ярославских Рюриковичей, астраханский воевода 397
- Хвост Алексей Петрович, московский боярин, тысяцкий 187
- Хвостов В. М., историк 17
- Хвощи, магнаты-землевладельцы 359
- Хитрово Богдан Матвеевич, стольник, затем окольный и воевода, позднее оружничий, боярин 304
- Хмельницкий Богдан Михайлович, украинский гетман 306, 359, 360, 362, 367, 372
- Хмельницкий Юрий Богданович, украинский гетман, сын гетмана Хмельницкого Богдана 307
- Хованский Н. Ф., историк 284
- Холмские, князья, отрасль тверских Рюриковичей 246
- Холмский Даниил Дмитриевич, из тверских Рюриковичей, служилый князь 260
- Хонские, землевладельцы 350
- Хорват Иван, сербский полковник на рос. службе 379, 283
- ибн-Хордадбе, арабский писатель 112
- Хорив, легендарный киевский князь 120
- Хорошихин М. П., историк 333
- Хорошкевич А. Л., историк 62
- Хосрев, шамхальский хан 398
- Цветаев М. В., историк искусства, основатель Музея изобразительных искусств 9, 14
- Цвибак М., историк 34
- Цейс К., филолог 79
- Цъвилянин, поселенец 275
- Чайка, боярин 343
- Чарнецкий (Чернецкий) Стефан, польский гетман 363, 365
- Чаславский В. И., почвовед 109
- Чебоксарянин, поселенец 275
- Чекадин Ф. Ф., историк 270, 284
- Чепега Захарий, кошевой атаман 411, 416
- Черепнин Л. В., историк 29, 62, 65, 70
- Чернов С. З., историк 62
- Чернов С. Н., историк 29
- Черняев Михаил Григорьевич, полковник, затем генерал-майор, военный губернатор Туркестанской области, позднее генерал-лейтенант 522
- Чертков, Василий Алексеевич, азовский губернатор, позднее воронежский и харьковский генерал-губернатор 383
- Чет (Захарий), золотоордынский мурза 189
- Четвертинские князья, из турупинских Рюриковичей, магнаты 353
- Чингиз-хан, основатель Монгольской империи 161, 392
- Чистякова Е. В., историк 62
- Чичерин Б. Н., историк 52
- Чулков Даниил Данилович, выборный дворянин, письменный голова и воевода в Сибири, основатель Тобольска 444
- Чупров А. И., преподаватель университета 9
- Шамонин, земский исправник 517
- Шапиро А. Л., историк 62, 71
- Шарукан, половецкий хан 94
- Шаскольский И. П., историк 71
- Шафарик П. Й., чешский общественный деятель, историк 79
- Шафиров Пётр Павлович, барон, вице-канцлер, затем президент Коммерц-коллегии, дипломат 309
- Шах-Али, см.: Шиг-Алей
- Шахматов А. А., филолог, историк 40, 54
- Шашкевич, земляне 351
- Шварн Данилович, князь, сын великого князя Даниила Романовича 169

- Швейковская Е. Н., историк 62
Шевич Иван, сербский полковник на рос. службе 310, 350, 556
Шевкал, золотоордынский посол 165, 184, 217, 222
Шегрен А., языковед 198
Шелехов Григорий Иванович, промышленник, основатель рос. поселений на Аляске 466
Шемяка Дмитрий Юрьевич, князь, см.: Дмитрий Юрьевич Шемяка, князь
Шемячич Василий Иванович, служилый князь, внук князя Дмитрия Юрьевича Шемяки 248, 287
Шенкурские, новгородские бояре 205, 243
Шенкурский Василий Степанович, новгородский боярин 205
Шенкурский Иван Васильевич, новгородский боярин 205
Шеншин Леонтий, стольник 318
Шереметев Борис Петрович, боярин, затем граф, генерал-фельдмаршал 530
Шереметев Иван Васильевич Большой, боярин, воевода 290
Шиг-Алей (Шах-Али), хан в Касимове, в Казани (трижды) 261-265, 287
Шиг-Ахмет, хан Заволжской орды 258
Шохонский (Шехонский) Василий Афанасьевич, владетельный князь из ярославских Рюриковичей 239
Шохонский (Шехонский) Семён Афанасьевич, владетельный князь из ярославских Рюриковичей 239
Шренк, этнограф 437
Штакельберг Р. Р., историк 86
Штиглиц, землевладелец, владелец соляных озёр 382
Шувалов Александр Иванович, граф, сенатор, генерал-фельдмаршал, конференц-министр, владелец заводов в Башкирии 513
Шувалов Пётр Иванович, граф, сенатор, генерал-фельдмаршал, конференц-министр, владелец заводов в Башкирии 513
Шуйский Василий Иванович, царь 446, 449
Шуйский Иван Васильевич, князь, см.: Иван Васильевич, суздальский служилый князь
Шуйский Пётр Иванович, князь, боярин, наместник Казани 266
Шуморовские, владетельные князья из младшей (моложской) линии ярославских Рюриковичей (см. также: Глебовы) 240
Шунков В. И., историк 62
Шустер У. А., историк 66
Щапов А. П., историк 73
Щапов Я. Н., историк 62
Щеглов, демограф 469
Щек, легендарный киевский князь 120
Щербатов Меркурий Александрович, князь, московский дворянин, рос. посол в Крыму, из младшей линии князей Оболенских 294
Щербина Ф. А., историк 427
Щетинин Василий Семенович, владетельный князь из старшей линии ярославских Рюриковичей 241
Эварницкий Д. И., историк 391
Эдигер (Эдигар), см.: Едигер, сибирский князь
Экземплярский А. В., историк 54
эль-Балка, арабский писатель 112
Эмштег-Султан, кубанский сараскир 399
Юрий Владимирович Долгорукий, великий князь суздальский, великий князь киевский 150, 189
Юрий II (Болеслав Тройденевич), последний галицкий князь 170
Юрий Всеволодович, великий князь владимирский, князь суздальский 107, 150, 154, 162, 189
Юрий Данилович, московский князь, великий князь владимирский, сын Даниила Александровича, князя московского 186
Юрий Дмитриевич, удельный князь галицкий, московский великий князь, сын великого князя Дмитрия Донского 190, 234, 238
Юрий Ивантич, предок князей Половцев 342

- Юрий Львович, князь волынский 176
Юрий Святославич, князь смоленский 177
Юстин, византийский император 91
Юсуф, князь Ногайской Орды 269, 313
Юхотские (Юхоцкие), владетельные князья из старшей линии ярославских Рюриковичей 240
Юшко А.А., историк 53, 62, 70
- Яблоновский А., историк 73, 353, 360, 361
Ягуп, казанский царевич 240
Ядигер (Ядигар) см.: Едигер, казанский хан
Ядринцев Н. М., историк 488
Язловецкий Иероним, коронный гетман 338
Яковлев А. И., историк 32
Яковлев Пётр Иванович, полковник, позднее бригадир, генерал-майор 373
ибн-Якуб, еврейский путешественник 114
Якушкин В. Е., историк 11
Ямгурчей, астраханский хан 269
Янин В. Л., историк 62
Ярополк Владимирович, князь, сын великого князя киевского Владимира Святого 134
Ярослав Васильевич, удельный князь витебский 175, 176
Ярослав Владимирович Мудрый, великий князь киевский, сын великого князя киевского Владимира Святого 98, 122, 131, 132, 134, 146, 147, 150, 206, 215, 276
Ярослав Владимирович, удельный князь, сын великого князя киевского Владимира Мономаха 124
Ярослав Владимирович, удельный князь, сын московского удельного серпуховского князя Владимира Андреевича 186
Ярослав Владимирович Осмомысл, великий князь галицкий 139
Ярослав Всеволодович, князь новгородский, переяславский, великий князь владимирский 145-147, 150, 168, 209, 215, 216, 220, 221
Ярослав Святополчич, князь волынский 131
Ярослав Святославич, князь муромский 137, 155, 215
Ярослав Ярославич, князь тверской, великий князь владимирский 216
Ярославец, казак 274
Ярославичи, князья, сыновья киевского великого князя Ярослава Мудрого 123
Яцунский В. К., историк 62
Яхонтов Иван Иванович, писец 440, 441
- Jablonowsky A., историк 367
Krek G., филолог 117
Sjogren A. F., языковед 159
Vanadaspos, царь языгов 82

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, ЭТНИЧЕСКИХ И ЭТНОГЕОСОЦИАЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ

- Аа, р. совр. Лиелупе 174
Абадзехи, сев.кавк. племя 392, 401
абазинцы сев.кавк. народ 392
Абаканский острог 463
Абакумово, д. Новг. з. 200
Абатский (Абацкий) острог. Абацкая крепость 454, 463
Абика, р., лев. пр. Адагума 422
Абинская ст. на Сев.Кавказе 421, 422
Абоба, г. в Дунайской Болгарии 91
абхазы, народ 392, 425
аваро-гунны, народ 91
Аварская Орда 91
авары, народ 91, 99, 111, 114, 121
Авнега, р., прав. пр. р. Сухона 237
Аврамовское, сельцо, Щепецкий пог. Новг. з. 201
Авратынская возвыш. (Волынское Поле-сье) 132
Австрия 25
Аграханский залив Касп. м. 400
Аграханское казачье войско 400
Аграхань, рукав р. Сулак 400, 401
Адалаг, р., прав. пр. р. Северский Донец 297
Адагум, р. в Закубанье 421, 422, 423, 425
Адагумская оборонит. линия 421
Адагумский казачий отряд 421
Адамград, г. в Брацлавском повете 353
Адждидер (Овидиополь), г. 388, 389
Адлер, г. 422
адыги, народ 392
Азия 77, 122, 128, 273, 466, 484
Азов, г. 258, 260, 290, 315-317, 381, 403
Азовская губ. 381, 382
Азовская пров. Азовской губ. 382
Азовская ст. в Закавказье 422
азовские казаки 421
Азовские степи 163
Азовское море 77, 83, 92, 101, 103, 104, 127, 167, 257, 258, 298, 315, 316, 368, 376, 381, 403, 413, 421, 447
Азовское побережье 295, 381
агафирсы, народ 83
агриппии, народ 79
Ай, р., лев. пр. р. Уфа 513
Айдар, р., лев. пр. р. Сев. Донец 106, 295, 297, 319, 366
акациры (хазары), народ 95
Акшиевский, город 317
Аккерман (Ак-кермен), г. 77, 126, 336
Ак-Мечеть, г. (Симферополь) 387
Ак-Мечеть, кр. на р. Сыр-Дарья 522
Акмолинская обл. 476, 477, 483, 523, 524, 526
Акмолы, кр. в Сев. Казах. 521
Аксай, р., рукав Дона 325
Аксай, сел. в Ергенях 283
Аксарт, р. (Сыр-Дарья) 77
Ак-Сым, р., пр. р. Белая (Камск.) 513
алазоны, народ 78
Алания 121
аланы, народ 81-83, 88, 89, 92, 124, 167, 393
аланы белые (роксоланы), народ 81
Алатырский, у. 305
Алатырь, р., пр. р. Сура 297
Алатырь, г. 255, 256, 297, 458
Албазин, г. 453
Албашах, р. в Кубан. обл. 423
Албашский, посел. Кубан. обл. 423
Алдан, р. прав. пр. р. Лена 430, 435, 449, 450, 451
Александрфельд, нем. колон. на Сев. Кавк. 425

- Александрийское, сел. на Сев. Кавк. 405
Александрин, кордон на р. Кубань 416
Александрия, г. (также: Бешка) 379
Александров, г. (ранее Лубны) 352, 356
Александровск, г. 381
Александровск-Грушевск, г. 325
Александровская, нем. колония в Причерноморье 425
Александровская, кр. (также: г. Александровск) 381
Александровская, кр. на р. Домузлов 403
Александровская, ст. на Сев. Кавк. 405
Александровский, кордон в Кубан. обл. 416
Александровский, у. Ставропольск. губ. 423
Александровский, форт на п-ве Мангышлак 526
Александршанц (позже г. Херсон) 385
Александровское, воен. посел. на Сев. Кавк. 409
Александровское, сел. (то же: Воронцовка) на р. Кума 423
Алексеевка, ст. на Амурской ж/д 486
Алексеевский, городок на р. Бузулук 317
Алексеевский городок, Алексеевск, г. на р. Самара (Волж.) 280, 500
Алексейково, пос. Псков. з. 212
Алексин, г. (то же: Олексин) 229, 286, 295, 296
Алеутские о-ва 466
алеуты, народ 437
Алешки, г. в Низовьях Днепра 387
Алешки, урочище ок. г. Херсон 374
Алешня, г. 303
Алма-Аты, г. 522
Алтай, Алтайские горы 428, 429, 432, 434, 462, 464, 467, 468, 475
Алтайские заводы 469
Алтайский горный округ 474, 475, 477
Алушта, г. 88
Алта (Альта), р. бас. р. Днепр 123, 134
Аляска, п-ов 466
Амавская степь 516
Амгунь, р., лев. пр. р. Амур 484, 486
Америка, материк 466
Америка Русская 466
Аминово, сел. Моск. у. 188
Амстердам, г. 533
Аму-Дарьинский отдел Туркестан. ген.-губ. 523
Аму-Дарья, р. 502, 523
Амур, р. 430, 432, 433, 435, 437, 450-453, 465, 473, 482, 484-486
Амурская ж/д 486
Амурская обл., край 47, 431, 432, 451, 465, 473, 482-486
Амурское казачье войско 473, 486
Анабар, р., впад. в м. Лаптевых 430
Анадырск, г. 464
Анадырский край 451
Анадырь, р. 437, 451, 452
Ананьево, дер. в Новг. з. 200
Ананьевский у. 489
Анапа, г. 420
Анапская, ст. 420
Анапский, пос. в Закубанье 420
Анастасьевская, ст. в Кубан. обл. 422
Анатолия, обл. 314, 315
Анашкино, дер. в Новг. з. 203
Ангара, р., прав. пр. р. Енисей (она же Верхняя Тунгузка) 430, 436, 449, 451-454
Андийский, хребет на Сев. Кавказе 392
Андоба, р., лев. пр. р. Кострома 223
Андога, удел Белозерск. кн-ва 229
Андога, р., пр. р. Суд 229
Андреев, г. 131
Андреевичи, сел. в Новг. з. 179
Андреевка, сел. в Слобод. Украине 309
Андреево, дер. в Новг. з. 200
Андреевский, кордон в Кубанск. обл. 416
Андреевская Аврамова, дер. в Струпином пог. Новг. з. 201
Андреевский, стан в Звенигород. у. 153
Андреевы Лозы, г. 307
Андрейково, дер. в Новг. з. 203
андрофаги, народ 83, 84
Андрюшкино, дер. в Новг. з. 203
Анисимово, дер. в Новг. з. 200
Св. Анны, крепость 325
Антель, мыза под Петербургом (также: Колпино) 534
Антиповская, ст. в Нижн. Поволжье 333

- Антонов, зам. на р. Березка 351
 Антонов, форпост на Нижнеяицк. оборон. линии 329
 Антоновский, форпост на Колывано-Кузнецкой оборон. линии 464
 анты, народ 84, 92, 93, 95
 Ануийская, кр. на Колывано-Кузнецкой оборон. линии 464
 Анной, р. прав. пр. р. Колыма 451
 арабы, народ 80, 95-97, 115, 124, 156
 Арал, г. 504
 Аральское море, озеро 257, 502, 505, 522, 524
 Аральское, укр. в устье Сыр-Дарьи (позже Раимское) 522
 Арбугинская земля в Средн. Поволжье 278
 Арбузовесь, посел. в Белозёрск. крае 152
 Аргудан, р., пр. р. Терек 392
 Аргунь, р., исток р. Амур 430, 453, 464
 Ардадба, сел. в Вост. Крыму 83
 Арженовский, г. на р. Хопёр 317
 Арзамас, г. 256
 Арзамасский, у. 496
 арзамасцы, выходцы из Арзамас. у. 275
 арийцы, этно-язык. общность 76, 94
 Аристово, сел. в Псков. з. 213
 Арклай, корол. город в Черкас. повете 353
 Армавир, сел. горских армян в Кубан. обл. 425
 армяне, народ 257, 281, 322, 356, 384, 390, 402, 409, 423, 425
 Арнагульский, форпост на Ишим. оборон. линии 463
 арнауты, народ 388
 Арская, слоб. на Симб. оборон. линии 305
 Арское поле 264
 Арт, р., пр. р. Уфа 513
 Архангельская провинция 532
 Архангельский городок (позже г. Новоархангельск), Нижн. Поднепр. 379
 Архангельский край 40
 Архангельское, сел. в Башкирии 496
 Арчадинский, г. в Подонье 319
 Ас, р. (также Обь) 433
 Асса, р., пр. р. Сунжа 410
 Астраханская губ., Астраханский край 282, 283
 Астраханская дорога 395
 Астраханское казачье войско 282
 Астраханское царство 256, 271, 289, 296
 Астрахань, г. 44, 258, 260, 262, 268-273, 281-283, 287-293, 397, 492, 500, 501
 асяг, см. остяки
 Асхабад, г. 523
 Атебал, вол. в Дмитровск. кн-ве 154
 Атрек, р. в Сев. Иране 524
 Атьямский, г. на р. Вагай 454
 Аукштайтяи (также Верхняя Литва) 142, 174
 Атлантический океан 429
 Аулие-Ата, г. в Коканд. ханстве 522
 Афганистан 524
 афганцы, народ 524
 Афинеево, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
 Афице, р., лев. пр. р. Кубань 392, 422
 Афон, гора 191
 Ахал-Текинский, оазис в Закаспийской пуст. 523
 Ахтарский, лиман Азовского моря 423
 Ахтарский, посел. в Кубан. обл. 423
 Ахтачинский, острог в Закамье 273
 Ахтиары, дер. в Южн. Крыму 387
 Ахтуба, р., рукав Волги 164, 258
 Ахтубинская оборон. линия 282
 Ахтырка, р., пр. р. Ворскла 307
 Ахтырский, Ахтырск, г. 307, 337
 Ачинский, Ачинск, г. 453, 482
 Ачинский, острог на р. Чулым 451
 Аягуз, посел. в Вост. Казахст. 521
 Бабей, г. на р. Дон 316
 Бабуковский, аул на р. Подкумок 405
 Бабуковская, ст. на Сев. Кавк. 405
 Багда, г. 112
 Бадахшан, Бадахшанская обл. 502, 504, 505
 Бадаева, слоб. в Серпуховск. у. 186
 Баден, маркграфство в Германии 281
 Бадовка, зам. в Браславск. повете 353

- Базавлук, о. на р. Днепр 372
 Базавлук, Бузулук, р., прав. пр. р. Днепр 319, 374, 376
 Базань, г. в Киевск. повете 353
 Базар, г. в Овруцком повете 353
 Байкал, оз. 429, 430, 432, 436, 451, 452, 470
 Байкальские горы 430
 Баклан, оз. на Южн. Урале 508
 Бакланская, кр. в Притоболье 508
 Бакога, г. в Галиции 130, 179
 Баксаев, форпост на Нижнеяицк. оборон. линии 329
 Баксан, р., пр. р. Терек 392
 Баксанское, укр. на Сев. Кавказе 405
 Балановка, сел. в Протовчинской паланке 377
 Балаганский, острог на р. Амур 453
 Балаклея, г. на р. Сев. Донец 307
 Балахна, г. в Нижегород. з. 235, 440
 Балахнинский, у. 253, 263
 Балахонка, р., прав. пр. р. Волга 235
 Балацкое, зимовник в Запорож. обл. 376
 Балканский, п-в 92, 125, 162
 Балтийское море 84, 101, 143, 149, 530
 Балтийское побережье 84
 Балх, район в Ср. Азии 502, 505
 Балхаш, оз. 520-522
 Балыклейская, ст. в обл. Волжских казаков 353
 Барабинская степь, Бараба 429, 434, 445, 462, 467, 468
 Баргузин, р., впад. в оз. Байкал, 430, 451, 452
 Баргузинский, острог на р. Баргузин 452
 Баргунь, кр. в Ниж. Поднепровье 177
 Барметь, р., пр. р. Зиган 513
 Барнаульский, у. 462
 Барселона, г. 385
 Баруч, посел. в Переясл. (Русск.) з. 135
 Барыш, р., прав. пр. р. Сура 304
 Барышов, г. в Киевск. повете 353
 Барятинский, удел Торус. княж-ва 169
 Басинский, посел. в Астрахан. у. 283
 Басламгул, сел. в Астрахан. у. 281
 бастарки (также: башкиры), народ 490
 бастарны, народ 83
 Батурич, г. на р. Сейм 360
 Баталпашинск, г. на р. Кубань 404, 425
 Батраки, сел. в Черниг. губ. 476
 Батуричское, курен. сел. на р. Бейсужжа 375, 417
 Баунтовский, острог в Бурятии 452
 Баунтовское, оз. в Забайкалье 452
 Бахмут, р., пр. р. Сев. Донец 310, 380
 Бахмутская, кр. в Славяносербии 380
 Бахмутская, провинция 319, 381, 382
 Бахмутский, у. 383
 Бахчисарай, г. 257
 башджарт (также: башкиры), народ 490
 Башкирия 37, 61, 489-500, 503, 504, 507, 509-513, 515
 башкиры, народ 61, 258, 265, 266, 279, 280, 430, 439, 491-504, 506, 509, 511, 512, 514-516
 Баян-Аул, ст. в Сев. Казахст. 521
 Баянич, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
 Бегунич, пог. в Новг. з. 199
 Бежецк, г. 231
 Бежецкая пятина 151, 199
 Бежецкий верх 187, 209, 236, 237, 243
 Бежецкий край Новг. з. 56
 Бежецкий у. 253
 Бежитская вол. (Бежичи) 146, 147, 151, 198
 бежичи, ветвь новг. словен 208
 Безруково, кр. на Ишимск. оборон. линии 463
 Бейсуг, г. 414
 Бейсугский казачий округ 414
 Бейсужжа, р. в бас. р. Кубань 417, 418
 Белая, г. Смол. з., Витебск з. 181, 205, 249
 Белая, р., лев. пр. р. Кубань 393, 421, 422
 Белая, р., лев. пр. р. Кама 155, 489, 490, 492-494, 496, 504, 505, 513
 Белая, р., пр. р. Сев. Донец 106
 Белая Воложка, р., пр. р. Белая (Камск.) 266
 Белая Криница, зимовник Перевитской паланки 376
 Белая Русь 172, 495

- Белая Церковь, г. 180, 337, 339, 347, 351, 358, 365
- Белгород, г. в Москов., Тверск. кн-вах 246
- Белгород Днестровский, г. 126, 336
- Белгород, г. на р. Ирпень 132, 179, 350
- Белгород, г. на р. Сев. Донец 298, 301-303, 362
- Белгород, г. на р. Остёр
- Белгородко, имение на р. Ирпень 350
- Белгородская засечн. черта 304-308, 366
- Белгородский, у. 301
- Белебей, г. в Башкирии 510
- Белёв, г. на р. Ока 180, 254, 286, 290, 295, 296
- Белёвская, кр. в Славяносербии 380
- Белёвские места 286, 289
- Белёвский, у. 293
- Белёвское кн-во 169
- Белехово поле 107
- Белз, г. на Волини 131
- Белзское воеводство 179
- Белзско-Червенское кн-во 131
- Белиловка, зам. в степ. части Правобер. Украины 351
- Белобережье, местность на р. Днепр 127, 361
- Беловежская Пуща 131
- Белодедово, сел. в Псков. з. 212
- Белое море 49, 101, 107, 196, 204, 206, 207, 245, 255
- Белое озеро 229
- Белозерка, р. в Таврич. губ. 387
- Белозёрский у. 153, 154, 230, 253
- Белозёрское кн-во 147, 184, 187, 216, 229, 253
- Белоозеро, г. 46, 150, 158, 165, 229
- Белоозеро, Белозёрская обл., край 43, 152, 153, 184, 189, 192, 198, 204, 225, 236, 261
- Белоколотский, г. на р. Воронеж 303
- Беломечетская, ст. на р. Малка 405
- Белополь, зам. на р. Буйва 350
- Белореченская, ст. в Закубанье 422
- Белореченская оборонит. линия 421
- Белоруссия (см. также: Литовская Русь) 60, 344, 346, 354
- Белорусская ССР 31
- Белорусско-Литовский отрог Среднерус. возв. 100, 102, 143, 188
- белорусы, народ 173
- Белосельское кн-во 184
- Белослудская, сл. в Верхотурском у. 460
- Белоутово, сел. в Верхневолж. р-не 188
- Белоутовские владельческие сёла в Волго-Окск. междуречье 188
- Белохостово, сел. в Псковск. з. 212
- Белоцерковский тракт 306
- Белоцерковский повет 353
- Белоцерковское староство 349
- Белоярский, г. в Закамье 278
- Белый, посел. в Смолен. кн-ве 144
- Белый Яр, г. в бас. р. Кама 274
- Бельск, г. в Вел. кн. Литовском 132, 178, 342
- Бельский, г. на Польный Воронеж 302
- Бельская губа в Псковск. у. 213
- Беляевский, г. на р. Хопёр 319
- Бендеры, г. 177, 388
- Беницы, сел. в Смолен. кн-ве 144
- Берда, р., впад. в Азовское м. 379, 381
- Бердичев, г. 365
- Бердичев, имение в Киевск. Полесье 350
- Бердская крепость, городок на р. Урал 505, 507
- Берды, три реки, впад. в Азовск. м. 368
- Бердянск, г. 381
- Бердянский у. 391
- Берега, р. пр. р. Сев. Донец 309
- Береговая Черноморск. оборонит. линия 419
- Береговой, г. в Зап. Сибири 458
- Бережский комитат 130
- Березань, о. 412
- Березаньская паланка 412
- Березаньское куренное селение на р. Б. Бейсуг 417
- Березина, р., прав. пр. р. Днепр 80, 84, 86, 142-144, 178, 181
- Берёзка, посел. в Белоцерковск. повете 353, 364
- Берёзка, р., пр. р. Рось 351
- Берёзов, г. на р. Обь 445

- Берёзовая, р. пр. р. Сев. Донец 309
 Берёзовец, сел. в Верхневолж. р-не 199, 210
 Берёзовая Смарда, вол. в Новг. з. 208
 Березовский, г. на р. Медведица 317, 319
 Берёзовский, рудник на Сев. Урале 468
 Берёзовский у. 446, 462
 берендеи, народ 133
 Берендеевская, слоб. в Дмитров. кн-ве 187
 Берендичево, городище в Киевск. Полесье 350
 Берестейская земля 131, 142, 176-178
 Берестечко, г. в Средн. Поднепровье 303, 306, 362
 Берестий, посел. в Москов. кн-ве 228, 229, 240
 Берестье, Брест г. 131, 132, 163, 177, 178
 Берингов пролив 452
 Берингово м. 430-432, 437, 452, 465, 466
 Берладь, г. в Подунавье 126, 130
 Берлин, г. 33
 Бершада, зам. на р. Дожна 351
 Бершадь, р., пр. р. Юж. Буг 338
 Бесергенов, г. на р. Маныч 316
 бесленейцы, сев. кавк. народ 392
 Беспута, р., прав. пр. р. Ока 232
 Бессарабия 539
 Бетка, р., пр. р. Кама 272
 Бешка, сел. в Запорожской обл. (позже Александрия) 379
 Бешка, р., в бас. Среднего Днепра 381
 Бехтемирская, кр. на Колывано-Кузн. оборон. линии 464
 бжан, народ (также: жан) 393
 бжедухи, сев. кавк. народ 393, 416, 421
 Бийский округ 472
 Бийский, острог на р. Бия 463
 Бийский у. 462
 Билярск, г. в бас. р. Кама 274
 Бир, р., прав. пр. р. Белая (Камск) 496
 Бирск, г. на р. Бир 496, 509, 511
 Бирь, дер. в Башкирии 494
 Бирючий Кут, урочище ок. Новочеркасска 325
 Битюг, р., лев. пр. р. Дон 137
 Бишкин, г. на р. Сев. Донец 307
 Бия, р., прав. пр. р. Обь 429, 435, 463
 Благовещенск, г. 432, 465
 Благовещенская, ст. в Закубанье 420
 Благодарский, форпост на Общ. Сырте 332
 Боборыкино, сел. в Дмитровск. у. 188
 Бобр, р., лев. пр. р. Березина 142
 Бобровица, корол. г. в Остерск. повете 353
 Бобровницы, сел. в Смоленск. кн-ве 144
 Бобровская защита, кр. на Колывано-Кузн. оборон. линии 464
 Бобровский, г. на р. Сев. Донец 319
 Бобруйск, г. 178
 бобряне, жит. Литовской Руси 346
 Богатырские леса 338
 Богишевский, г. на р. Иртыш 444
 Богогардовская паланка 376
 Богодухов, г. на р. Мерчик 307
 Боголюбово, сел. во Владим. кн-ве 189
 Богородицкая, кр. на р. Самара (Днепр) 381
 Богородицкий, пог. в Новг. з. 201
 Богородицкий, Залазенский пог. в Новг. з. 201
 Богородицкое, сел. в Уфимск. у. 494
 Богородицкий у. 153
 Богословское, сел. на р. Кубань 425
 Боготол, г. в Томск. губ. 483
 Богуслав, зам., господарский г. на р. Рось 351, 358, 360
 Богуславское старство 358
 Богуславль, г. на р. Рось 132
 Бодрог, р., пр. р. Тисса 130
 Бойна, р., пр. р. Волга 246
 Бокаевый шлях 302
 Болгария Дунайская, Болгарское царство 91, 96, 112, 122, 155, 156, 162
 болгары, народ 91, 95, 96, 111, 121, 122, 156, 231, 380, 381, 388, 390, 425
 Болгария Камская, Болгарское царство, ханство 96, 154-156, 161, 234, 257-260, 491, 541
 болгары восточные, камские 91, 156
 болгары-кутургуры, народ 91

- Болдыж лес 107
 Болдыж, г. в Чернигов. з. 136
 Болкуновские леса 338
 Болоховские города, Болохово 164, 166
 Болхов, г. 254, 256, 291, 295
 Болховий, г., на р. Ворскла 303
 Болховский у. 169
 Большая Кабарда 392
 Большая Кокшага, р., лев. пр. р. Волга 266
 Большая Московская дорога 511
 Большая Нева, р. 529
 Большая Невка, р. 536
 Большая Ногайская Орда (см. также: Ногайская Орда) 398
 Большая (также: Синяя) Орда 257
 Большая Орда киргиз-кайсаков 521, 522
 Большеземельская, тундра 148
 Большерецкий, острог на Ишимск. оборон. линии, Большерецк, Большерецкая защита 463, 464
 Большие Можары, сел. в Рязан. губ. 8
 Большие Чепурники, сел. в Ергенях 283
 Большово, сел. в Галицко-Волын. кн-ве 129
 Большой Бейсуг, р. в Кубанск. обл. 407
 Большой Зеленчук, р., лев. пр. р. Кубань 392
 Большой Ирғиз, р., лев. пр. р. Волга 270, 280, 281
 Большой Узень, р. в Сред. Заволжье 281
 Большой Урал (также: Большой Яик), р., исток р. Урал 513
 Большой Чалбас, р. в Кубанской обл. 417
 Большой Черемшан, р., лев. пр. р. Волга 274
 Большой Шингар, р., прав. пр. р. Сухона 237
 Борзна, местечко в Новгород-Сев. з. 360
 Борисов, г. в Полоцк. кн-ве 144, 178
 Борисово, сел. в Псков. з. 213
 Борисовское, сел. в Москов. кн-ве 188
 Борисоглебская половина Ростовск. кн-ва 225, 241
 Борисполь, г. в Киевск. повете 353
 Борисфен (также: Днепр), р. 78, 80, 83
 борисфениты, народ (по Геродоту) 78
 Боровица, зам. на р. Боровица 351
 Боровица, р., пр. р. Днепр 351
 Боровичи, пог. в Новг. з. 199
 Боровичи, посел. в Псковск. з. 212
 Боровля, г. на р. Ворскла 303
 Боровск, г. в Рязан., Москов. кн-вах 170, 190, 224, 228, 247
 Боровский у. 253
 Бороздинский, городок на р. Терек 401
 Борок, посел. в Двинск. земле 146
 Борок на Двине, вол. в Двинск. з. 205
 Боромля, р. в бас. р. Дон 97
 Боршов, р., прав. пр. р. Прут 130
 Боршов, г. 130
 Босфор Киммерийский, пролив 77, 78
 боуты, народ 133
 Бохмач, г. в Черниговск. з. 136
 Бохтюг (Бохтюга), р., лев. пр. р. Сухона 239
 Бояхать, г. в Чернигов. з. 136
 Брагин, зам. в Киевск. Полесье 350
 Брагинка, р., лев. пр. р. Припять 179, 350
 Брагунские горячие источники 400
 Брагуны, Брагунские владения в Кабарде 398
 Брагуны, посел. на р. Сунжа 410
 Браилов, кр. на р. Юж. Буг 351
 Браслав, г. в Побужье 178
 Братилов стан в Рязанск. з. 255
 Брайцино; дер. в Новг. з. 202
 Бранденбург, герцогство 536
 Братский острог, Братск, г. на р. Ангара 449
 Брацлав, г. 337, 339, 340, 351, 356
 Брацлавский повет 337, 353, 360
 Брацлавское воеводство 335-338, 347, 353, 354, 359
 Брацлавщина (также: Побожье) 338, 339, 344
 Британская Индия 524
 Бродиния 139
 бродники 111, 138, 167, 340
 Броднич, вол. в Московск., Рязанск. кн-вах 228
 Бронькняж, посел. в Переясл. з. 135

- Брошева, вол. в Коломен. у. 154
 Брусилов, зам. на р. Здвиж 350
 Брюховецкое, куренное сел. 375, 417
 Брягин, киевск. пригород 133
 Брягин, р., пр. р. Припять 133
 Брянск, г. 135, 168, 180, 249, 254, 286, 296
 Брянское княжество 168
 Брянско-Черниговское княжество 177
 Бряхимов, г. на р. Кама 156
 Бувала, р. на Сев. Кавказе 403
 Бугай, г. в Донской обл. 316
 Бугульма, г. в Средн. Заволжье 510
 Бугуруслан, слоб., г. 510, 511
 Бугурустанская, ст. на Сев. Кавказе 405
 Бударин, форпост на Нижнеяицк. обoron. линии 329
 Будимерово, сел. в Псков. з. 212
 будины, народ (по Геродоту) 84
 Будовиж, посел. в Псков. з. 212
 Буец, вол. в Новг. з. 207, 210
 бужане, вост. слав. племя 97, 98, 119, 134
 Бужск, г. на Волыни 121
 Бужин, кр. на р. Днепр 177
 Бужипанов, кр. на р. Угорск. Тыкич 351
 Бузулук, г. 280, 510
 Бузулук, р., пр. р. Хопёр 317, 318, 324
 Бузулук, р., см. Базавлук
 Бузулукская, кр. на р. Самара (Волжск.) 505
 Буинский у. 305
 Буйва, р., прав. пр. р. Тетерев 350
 Буйгород, слоб. в Костром. кн-ве 187
 Букеевская Орда (также: Внутренняя) 283, 284, 332
 Букеевская степь 382
 Буки, местечко ок. Белой Церкви 349
 Буков, местечко на р. Тыкине 349
 Букшарминский край 469
 Бурацкой, г. на Сев. Донце 316
 Бургун, о. на р. Днепр 369
 Буремль, зам. на р. Сула 352
 Бурейская, степь на Дал. Вост. 430
 Буря, р., лев. пр. р. Амур 431, 484, 485
 буртасы, народ 156, 231
 Бурунт, р. на Сев. Кавказе 405
 буряты, народ 436, 437, 449, 451, 453, 462
 Бухара, г. 259, 444, 502, 505, 523
 Бухарское ханство 521, 522
 Бухарские провинции 504
 бухарские земли 502
 Бухтарминские рыбные ловли в Вост. Казахстане 472
 Буша, зам. на р. Буша 351
 Буша, р., пр. р. Мурахва 351
 Быковен, г. 129
 Быково, сел. в Псков. з. 213
 Бырлат (Бырлад), р., прав. пр. р. Серет 126
 Быслав, дер. в Новг. з., 200
 Быславле, вол. в Новг. з. 200
 Быстрая, р., лев. пр. р. Сев. Донец 297
 Быстрая Сосна (также: Сосна), р., прав. пр. р. Дон 97, 136, 295, 298
 быстриане, народ (по И. Забелину) 83
 Быстрианской, г. на р. Дон 316
 Бышев, имение на р. Ирпень 350
 Вага, р., пр. р. Сев. Двина 146, 205, 206, 238, 239
 Вагай, р., лев. пр. р. Иртыш 444, 454
 Вад (Вада), р., пр. р. Мокша 231
 вадьялайзет (воть), народ 147, 196
 Важский у. 255
 Вазуза, р., прав. пр. р. Волга 231, 246
 Ваймуга, р., лев. пр. р. Сев. Двина 205
 Валаам, о. (Валамо) 207
 валахи, народ 380, 381
 Валахия 371
 Валдайская возв. 203
 Валки, г. на р. Можга 307, 308
 Валуй, р., лев. пр. р. Оскол 302
 Валуйки, г. 298, 301, 302, 308
 Вар, р. (также: Днепр) 90
 Варварин, г. в Костром. губ. 193
 Вадбольское кн-во 184
 варенги, вост. европ. племя у араб. писат. 152
 Варзуга, промысл. пог. на Белом м. 198, 206
 Варива, дер. в Ямском у. 208

- Варшавский, форпост на Общем Сырте 332
 варяги 122
 Василёв, г. 122, 129, 132, 356
 Васильковичи, сел. в Новг. з. 199
 Васильевская, слоб. в Белозёрск. кн-ве 187
 Васильков, зам. на р. Стугна, позже город 179, 350
 Васильсурск, г. 255
 Васильцев стан (Васильцево сто) на р. Москва 218
 Васильцево веданье, см. Васильцев стан
 Васюган, р., прав. пр. р. Обь 429
 Васюганская степь 429
 Васюринское, курен. сел. на р. Кубань 417
 Ватбол, удел Белозёр. кн-ва 154, 229
 Вах, р., прав. пр. р. Обь 429
 Вашка, р., пр. р. Мезень 237
 Вашпан, вол. в Белозёр. кн-ве 154
 Ведерников, г. на р. Дон 316
 Ведмеровское, куренное сел. в Кубан. обл. 418
 Везенбергский у. 537
 Векса, сток из Галицкого оз. 154
 Векса, р., лев. пр. р. Кострома 223
 Векшенга, сел. в Двинск. з. 146
 Велетьма, р., прав. пр. р. Ока 232
 Велеушка, р., лев. пр. р. Москва 220
 Велиж, г. 254, 256
 Великая, р. 146, 211
 Великая Венгрия 490
 Великая Ворона, р., прав. пр. р. Хопёр 136, 137, 254, 312, 541
 Великая Каменка, р. бассейна р. Днепр 374
 Великая Русь 170, 173
 Великая Пермь 255, 440, 441
 Великая Скуфь 98
 Великая, слоб. в Переясл. кн-ве 187
 Великая Соль, солян. источн. в Юрьев. кн-ве 224
 Великая Юрьева, слоб. в Москов. кн-ве 186
 Великие Луки, г., вол. 145, 198, 199, 207, 209, 210
 Великий, город на Волге (Булгар) 156, 259, 260
 Великий Луг, плавни на Днепре 369, 372
 Великий океан (также Тихий) 466, 477
 Великое, о. 211
 Великое княжество Литовское (см. также: Литовское государство) 22, 26, 174-179, 210, 336
 Великолуцкий у. 254
 Велико-Марьинский, кордон в Кубан. обл. 416
 Великороссия 208, 216, 235, 238, 249, 307, 309, 324, 382, 543
 великороссы, великорусы 173, 174, 253, 254, 279, 381, 384, 461
 Великорусский центр 73
 Величковское, куренное сел. в Кубан. обл. 417
 Вель, р., пр. р. Вага 146, 205
 Вель, вол. в Двинск. з. 205
 Велье, г. в Псков. з. 211
 Вельевский у. 254
 Велья, р. бассейна р. Великая 210
 Вельяминоское, укр. на Черномор. побережье 420
 вельянии, волыняне, вост. слав. племя 98, 99, 119
 венгерские короли 176
 Венгрия 125, 163, 169, 489
 венгры, народ 121, 130, 148, 167, 315, 489
 Венёв, г. 240, 256, 296
 Венедский залив (также Балтийское м.) 84
 венеды, народ 84, 156
 Веница, местность на р. Оять 146
 Веницы, г. в Побужье 178
 Вепрь, р. 131
 вепсы, народ 198
 Верблюжка, р. в Запорож. обл. 381
 Вербово, зимник в Запорож. обл. 376
 Верейский у. 253
 Верещин, г. 131
 Веряя, г. 170, 186, 224, 228
 Верное. кр., Верный (также: Алма-Ата), г. 522, 526
 Вертязин, г. в Тверск., Моск. кн-вах 246

- Верхнеангарский, острог на р. Ангара 452
- Верхне-Белорецкая защита, кр. на Колывано-Кузнецк. оборонит. линии 464
- верхневолжские озёра 199
- Верхневолжский бассейн, район 49, 52, 146, 149, 150, 152, 170, 173, 177, 193
- Верхнекамчатский острог 464
- Верхнекубанский бассейн 409
- Верхнеколымское зимовье 450
- Верхнеподгорное, сел. на р. Кума 405
- верхнеокские князья 177
- Верхнеокский бассейн, край 34, 142, 149, 170, 177, 247, 248
- Верхнетомский, острог на р. Томь 454
- Верхне-Убинская защита, кр. на Колывано-Кузнецк. оборонит. линии 464
- Верхнеувельская, слоб. на р. Увелька 511
- Верхнеудинский острог (также: г. Улан-Удэ) 452
- Верхнеутяцкий, форпост на Ишимск. оборонит. линии 463
- Верхе-Яицкая кр., Верхнеяицк 505, 506, 507, 508
- Верхнеяицкая пристань 507
- Верхнеяицкая оборонит. линии 507
- Верхний, г. на р. Самара (Волж.) 505
- Верхний Кизиль, р., прав. пр. р. Урал 507
- Верхний Курманяр, г. на р. Дон 316
- Верхний Ломов, г. на р. Ломов 277, 302
- Верхняя Ангара, р. 430
- Верхняя Литва (также: Аукштайтис) 60, 174, 177
- Верхняя Семитино, слободка в Новг. з. 201
- Верхняя Тунгузка (также: Ангара), р., прав. пр. р. Енисей 430, 435, 449
- верховские (верхнеокские) княжества 177, 181
- Верхнесосенский, г. на р. Сосна 303
- Верхнетурский у. 446, 447, 460
- Верхнетурье, г. 445, 446, 456, 458
- Верхоянский острожек, позже г. Верхоянск 431, 450
- Верхоянский хребет 430, 450
- вестготы 88
- весь, народ 98, 152, 153, 198
- Весь Егонская, Весьегонск, г. 147, 153
- Весь Оятская, посел. на р. Оять 153
- Весь, р., пр. р. Суда 198
- Ветвеничи, сел. в Псков. з. 212
- Ветка, лесист. местность 467
- Ветлуга, р. 149, 154, 204, 235, 254, 256
- Ветлужские леса 255
- Ветлянская, ст. в Астрахан. губ. 282
- Ветьск, сел. в Смол. кн-ве 144
- Вехра, р., пр. р. Сож 85
- Вешки, г. на р. Дон 316
- Византия (также: Восточная Римская империя) 89, 91, 95, 96
- византийцы 91
- визиготы (также: вестготы) 82, 88
- Виленская губ., Виленская Литва 142, 391
- Вилия (также: Нярис), р., прав. пр. р. Неман 149, 174
- Вильна (Вильно, Вильнюс), г. 178, 341
- Вилой, р., лев. пр. р. Лена 429, 430, 435, 449, 450
- Вилюйск, острожек на р. Вилой 450
- виниды (также: склавини), ветвь славян 92, 93
- Винница, г. 337, 338, 351, 356
- Винницкий лес 338
- Винницкий повет 337, 353, 360
- Виокса, сток из Чухломского оз. 154
- Вирма, р., впад. в Белое м. 206
- Висла, р. 23, 84, 86, 92, 102, 129, 174
- Вислока, р., прав. пр. р. Висла 129, 130
- вису (весь в араб. источн.) 152
- Витебск, г. 144, 175, 181
- Витебская губ. 474, 481
- Витебская земля, княжество 175, 177, 181, 249, 254
- вити, народ 83
- Витим, р., прав. пр. р. Лена 430, 435, 450, 452
- Витичев, г. 132
- Витязевское, сел. на р. Кубань 425
- Вишера, р., лев. пр. р. Кама 440, 445
- Вишк, г. на р. Тисса 130
- Вишневетчина, удельн. кн-во кн. Вишневецких 342, 354

- Вишневец, имение на Воыни, позже местечко 178, 363
- Вишня, сел. в Галицк. з. 129
- Владивосток, г. 432, 466
- Владикавказ, г. 409, 410, 425
- Владимир, г. на р. Клязьма 107, 150, 152, 158, 162, 164, 168, 172, 183, 189, 193, 217, 219, 221, 223, 227, 234
- Владимир Воынский, г. 131, 134, 163, 164, 176, 178, 363
- Владими́ро-Воы́нское княжество 131, 163
- Владимирская губ. 75, 151, 154, 193, 389
- Владимирский повет 363
- Владимирский (на Клязьме), у. 152, 153, 223, 232, 253, 260, 263
- Владимирское княжество, Великое княж. Владимирское 29, 41, 48, 53, 164, 165, 184, 216, 217, 219, 221, 222, 223, 224, 228, 230, 242, 246, 253, 259, 287, 288
- владимирцы, уроженцы Владимирск. кн-ва 275
- Власьевский, хут. ок. г. Александровск-Грушевск 325
- Влодава, р., лев. пр. р. Зап. Буг 131
- Влодава (Володава), г. 132
- Внезапная, кр. на Сунжинском лимане 410
- Внутренняя (Букеевская) Орда 283
- Вобрань, г. в Тверск., Москов. кн-вах 246
- Вогулы, вогуличи, народ (также: манси) 148, 157, 434, 438, 439, 444
- Водла, р. в Заволочье 204
- Водохпашанская обл., см. Бадахпашанская
- Водолага, г. 307
- Водолага, р., пр. р. Можга 307
- Водская пятина в Новг. з. 203, 209, 535
- водь, вожане, народ 146, 147, 195, 196, 210
- Водьская земля, вол. в Новг. з. 146, 147, 195, 196, 209
- Вожа, р., прав. пр. р. Ока 253, 256
- Возвягль (также: Звяголь), г., теперь Новоград-Воынск 133, 169, 179
- Воздвиженская. кр. на р. Сакмара 507
- Вознесенская губ. 389
- Вознесенская, кр. на р. Чамбык 410
- Войн, посел., городище на р. Сула 342, 345
- Войнь, сел. на р. Тясминица 132
- Войщина, г. в Смолен. кн-ве 144
- Воклюзерский, пог. в Поонежье 205
- Вокшера, р. в бас. Верхн. Волги 149
- Волва, р., пр. р. Десна 144
- Волга, р. 52, 85, 95-98, 100-103, 107, 122, 144-146, 150-152, 154-156, 158, 161, 163, 167, 172, 181, 184, 185, 188, 191, 209, 216, 219, 221-223, 225, 230-232, 235-236, 238, 239, 240, 241, 246, 254, 256, 258, 259, 262, 264-271, 273, 274, 276-283, 291, 297, 304, 305, 316, 326, 328, 333, 392, 394, 407, 442, 447, 452, 491, 505, 540, 541, 543, 546-551
- Волгское казачье войско, см. Волжское
- Волдутов, пог. Онежск. вол. 146
- волжские болгары (также: болгары камские) 122
- Волжское казачье войско 333, 402-405
- Волковский, г. 142, 178
- Волконский (также: Оковский) лес 254
- Волма, р., пр. р. Мста 207
- Волны, г. на р. Сула 134
- Волнякицыно, дер. в Новг. з. 202
- Вологда, г. 187, 198, 210, 235, 237, 243
- Вологда, р., прав. пр. р. Сухона 149, 204, 236, 238
- Вологодская губ. 154
- Вологодская провинция 532
- Вологодский край 40, 238
- Вологодский у. 263
- Володава, г. (также: Влодава) 132
- Володарев, г. на р. Рось 132
- Володарка, зам. на р. Рось 251
- Володимирец, г., пригород Пскова 254
- Володина гора у р. Жница 342
- Волок на Каме, г. 198
- Волок Ламский, г., территория 146, 183, 188, 194, 210, 216, 217, 235-237, 243, 287
- Волок в Моше, сел., территория в Двинск з. 146, 148
- Волоки: Каргопольский 204
- Кенский волочок 204, 205
- на р. Лама 151

- Лежский волочок 204
 Немецкий 204
 Переволока 270
 Пинежский 204
 Словинский 204, 229
 у Ями 204
 Волоним, г. в Чёрной Руси 142
 Волосов, сел. в Стародуб. у. 193
 Волосово, сел. в Псков. з. 213
 волохи, народ 315, 327, 356
 Волоховская земля 134
 Волоцкий у. 253
 Волоцкое княжество 253
 Волошская земля 336
 Волошские хутора, зимовник в Кодацкой паланке 376
 Волх, р. 116, 145, 151, 203, 206, 529, 534
 Волховская вол. 146
 Волчья, р., лев. пр. р. Самара (Днепров.) 368, 376, 379
 Волчьи Воды, р., пр. р. Сев. Донец 301, 343
 Волчьи Воды, р., см.: Волчья
 Волинская губ. 75, 480
 Волинская земля, Волянь 129, 131, 132, 134, 141, 163, 164, 170, 172, 173, 176, 178, 179, 181, 335, 346, 347, 354, 361, 362, 363, 540, 542, 543
 Волинское воеводство 347
 Волинское Побужье 151
 Волинское Полесье 132
 Волянь, г. 131
 воляняне, выходцы с Воляни 346
 Вольга, р., лев. пр. р. Клязьма 223
 Вольный городок на Бокаевом шляху 302, 303
 Вонгасара, р. в бас. Верх. Волги 149
 Воотча, р., впад. в Кубенское оз. 238
 Ворзна, г. 364
 Вормынск, г. на р. Ока 136
 Воровичи, г. на р. Уша 133
 Воровсколеская, ст. в Кубанск. обл. 404
 Воровсколесский, редут в Кубанск. обл. 404
 Воронач, г., пригород Пскова 211, 254
 Воронеж, г. 161, 254, 298, 301-303, 531
 Воронеж, р. 97, 106, 136, 161, 254, 295-298, 300, 302-304
 Воронежская губ. 75, 283, 319, 366, 403, 409, 471, 473, 480
 Воронежская, ст. в Кубанск. обл. 404
 Воронежский, кордон в Кубанск. обл. 416
 Воронежский у. 301
 Вороно, г. на р. Псел 180
 Воронцовка, сел. на р. Кума 423
 Воронцовская, слоб. в Симбирск. у. 305
 Воронцовское, сел. на р. Яуза 188
 Вороскол, г. 142, 342
 Воротынский, г. 180, 286
 Воротынский у. 294, 295
 Воротынское княжество 169
 Ворская, кр. на р. Самара (Волжск.) 505
 Ворскла, р. 106, 134-137, 166, 177, 180, 236, 297, 302, 303, 305, 307, 308, 336, 337, 339-343, 360, 366, 368, 541, 542
 Ворша, р., лев. пр. р. Клязьма 223
 Воря, р., лев. пр. р. Угра 151, 222
 Воря, р., лев. пр. р. Клязьма 151, 216, 218, 224
 Воскресенка, р., пр. р. Самара (Волжск.) 512
 Восточная Азия 478
 Восточная Европа 41, 44, 45, 60, 73, 75-77, 79-81, 83-86, 96, 100-105, 108, 111, 113, 116, 117, 119-121, 124, 128, 129, 139, 141, 149, 150, 152, 156, 157, 172, 218, 252, 253, 257, 258, 438, 455, 463, 490, 524, 529, 540-542, 557
 Восточная Пруссия 142
 Восточная Римская империя (также: Византия) 89-91, 123, 125
 Восточная Сибирь 283, 429, 431-433, 436, 447-449, 454, 457, 458, 462, 464, 465, 473, 484, 485
 Восточно-Азиатское плоскогорье 464
 Восточно-Европейская равнина 101, 275
 Восточно-Суздальская земля 217
 восточные славяне 26, 55, 80, 99, 112-115, 119-121, 131, 132, 172, 173
 Восточный Кавказ 421

- Восточный Туркестан 500
 Востря, р. (см.: Остер) 275
 Вотьская, вол. в Новг. з. 146
 вотяки, народ (также: удмурты) 154, 258, 265, 327, 499
 Вохна, вол. в Москов. кн-ве 154
 Вохонка, р., прав. пр. р. Клязьма 153, 216
 Воцкая пятина в Новг. з. 199
 Врев, г. в Псковск. з. 210, 211, 254
 Врев, оз. 210
 Вруч, Вручий, г. (также: Овруч) 133, 179
 Всеволожь, г. в Северной з. 136
 Веслав, г. на р. Дунай 126
 Веходня, р., лев. пр. р. Москва 216
 Вуокса, сток из оз. Сайма 154
 Вщиж, г. на р. Десна 135
 Выбор, г. в Псковск. з. 211, 254
 Выборг, г. 197
 Выборка, р. в бас. р. Великая 211
 Выбуть, посел. в Псковск. з. 212
 Выг, р., впад. в Белое м. 196, 204
 Выгозеро, оз. 204
 Выгорецкий у. 206
 Выползов, посел. в Тульск. у. 228
 Высокий, г. в Новг. з. 198, 209
 Высокого городка у. 254
 Высокополье, городок в Слободск. Ук-
 раине 308
 Высь, Выса, р., прав. пр. р. Ока 294, 368
 Высь, р., пр. р. Синоха 338, 380
 Вытегра, р. 151, 204
 Вычегда, р. 148, 198, 204, 238
 Вышгород, г. в Киевск. кн-ве 98, 114, 119, 132, 179
 Вышгород, г. на р. Шелонь 198, 209
 Вышгородок, пригород Пскова 211
 Вышегородский у. 254
 Вышепорог, местность на р. Онега 196
 Вышестеблиевское, куренное селен. на
 Таманск. п-ве 418
 Вышковцы, кр. на р. Ож. Буг 351
 Вьюлка, р. в бас. Верхн. Волги 221
 Вьюница, Веница, сел. на р. Оять 146
 Вюртемберг, герцогство 281, 536
 Вязовок, слоб. в Азовск. губ. 383
 Вязьма, г. 144, 181, 247, 254
 Вязьма, р., лев. пр. р. Днепр 85, 143, 144, 181
 вятичи, вост. слав. племя 83-85, 97, 112, 114, 136, 142, 151, 162, 168, 275
 Вятка, Вятская земля, Вятский край 238, 247, 254, 255, 256, 260, 263
 Вятка, р. 103, 154, 265
 Вятская губ. 471, 473, 481
 вятчане, выходцы из Вятского края 275, 438
 Гавья, р., пр. р. Неман 142
 Гадяч, кр. на р. Псел 352
 Гайсин, зам. на р. Десница 351
 галинды, народ (также: голядь) 84, 143, 187
 Галиция, Галичина (также: Русские вое-
 водства Польши) 43, 179, 335, 361, 362
 Галицкая земля, княжество 43, 129, 130, 131, 150, 163, 164, 169, 170, 172, 179, 543
 галицкие бояре 134
 Галицкий у. 150, 153, 253, 256, 263
 Галицко-Рюлынская земля, край 169, 170, 173, 176
 галицко-волыньские князья 173
 Галицко-Дмитровское княжество 215
 Галицкое, оз. 154, 225
 Галицкое Понижье (также: Подолье) 179
 Галич Костромской (также: Галич Мерь-
 ский), г. 150, 153, 162, 165, 184, 225, 229, 235, 238, 254
 Галич, г. на р. Днестр 126, 129, 130, 134, 163
 Галич Малый, Галац, г. в Силистрии 126
 Галич Мерьский, г., см. Галич Кост-
 ромской
 Гард на Буге, центр Богогардовской па-
 ланки 376
 Гармуево, дер. в Псковск. з. 210
 Гатчина, мыза под Петербургом 534
 Гвоздина, вол. в Коломенск. у. 154
 Гдов, г. 211, 256
 Гдова, р., лев. пр. р. Плюсса 210, 211
 Гдовский у. 254
 Гезлёв (также: Евпатория, Козлов), г. 387

- Геленджик, г. 420
гелоны, народ (по Геродоту) 84
генуэзцы 257
Генуя, г. 385
Георгие-Афипская, ст. в Кубанск. обл. 422
Георгиевск, г. на Сев. Кавказе 423
Георгиевская, кр. на р. Подкумок 403
Георгиевская, ст. на Сев. Кавказе 405, 407
гепиды, народ 91
Гербердеев, кр. на р. Днестр 177
Германия 24, 28
германцы, германские племена 25, 76, 80, 82, 92, 157
Гернад, р., пр. р. Тисса 130
Геродотова Скифия 78
Герр, р. в Скифии (по Геродоту) 78
Герсика, г. на р. Зап. Двина 144
герулы, народ 81, 82
Гетманщина 379, 381, 382
Гжать, р. в бас. Верх. Волги 151, 181, 222
Гжелка, р., лев. пр. р. Москва 220
Гилен, местность 78, 106
Гиллой, р., пр. р. Зезя 430, 451
гиляки, народ 437
Гиндукуш, горная страна 524
Гипанис (также: Южн. Буг) 77, 78
Гирсова, кр. на р. Дунай 411
Глазуновский, г. на р. Медведица 317
Глинск, сел. на р. Ворскла 341, 342
Глинск, укр. на р. Синяя Вода 351
Глинск, зам. на р. Сула 352
Глухов, г. 136, 360
Глушица, р., пр. р. Сухона 191
Гниловский, г. в обл. яицких казаков 330
Гнилой Тыкич, р., пр. р. Южн. Буг 338, 351
Гнилопят, р., прав. пр. р. Тетерев 350
Гнойница, г. на Вольны 131
Гойна, р. лев. пр. р. Волга 246
Голландия 281
Головинский, форт на Черном море 420
Гологляд, сел. в Псков. з. 212
Голтав, г. в бас. р. Псел 135
Голубиничи, сел. в Псков. з. 212
Голубое, городище на о. Кош-Яик 326
Голубье, г. на р. Дон 316
Голубой лес 105
Гольцовщина, земля по р. Слепород 343
гольды, народ 435
голядь, народ (также: галинды) 143, 187
Гомель, г. 248
Гомий, г. на р. Сож 136, 180, 248
Гомысле, дер. в Новг. з. 200
Гомысль, дер. в Новг. з. 200
Горбица, р., прав. пр. р. Шилка 453
Гореслава, дер. в Новг. з. 200
Горетов стан в Москов. у. 192
Городенский, пог. в Новг. з. 202
Городень, г. в Тверск., Москов. кн-вах 246
Городоск, г. на р. Тетерев 133
Городец, г. на р. Холохольна 246
Городец Мещерский (также: Касимов), г. 240, 263
Городец, г. на р. Волга 150, 226, 235, 239
Городец, г. в Полоцком кн-ве 144, 178
Городец в Бежичах, г. 198, 209, 237
Городец Божский, г. в Побужье 134
Городище, место в Москов. кн-ве 208, 228
Городище Рюриково, 145, 206, 244, 245
Городло, г. 131
Городница, г. в Овруцк. повете 353
Городно, Гродно, г. 141, 142, 178
Городное, г. в бас. р. Мерчик 307
Городня, г. в Тверск. кн-ве 186
Городок, г. в Поднестровье 129
Городок Давыдов, г. 178
Городской (также: Медынский) стан в Тарус. кн-ве 229
Гороховец, г. на р. Клязьма 150, 183, 216, 235
Гороховецкий у. 153, 253, 263
Горошин, г. на р. Сула 134
Горынь, р., прав. пр. р. Припять 105, 131, 132, 141, 163, 166
Горький Бурлацкий брод на р. Ея 417
Горьковская (также Пресногорьковская) оборонительная линия 464

- Горячеводск, Горячеводская станица (также: г. Пятигорск) 405, 423
- Горячие воды, Горячеводское, укр. посел. на Сев. Кавказе 410
- Гославль, дер. в Новг. з. 200
- Гостелюбль, дер. в Новг. з. 200
- Гостиж-бор, посел. в Псковск. з. 212
- Гостишив, имение на р. Ирпень 350
- Гостосиль, г. на Украине 356
- Государственная, ст. на Сев. Кавказе 405
- Государственные Дуваней, посел. в Башкирии 494
- Готланд, о. 173
- Готская держава 82
- готы, народ 81-84, 86, 88, 92, 149, 257
- готы крымские 88
- Грабовка, г. в Правобер. Украине 366
- Гранов, г. в Брацлавском повете 351
- Грачёвская, ст. в Астрахан. губ. 282
- гребенские городки 398-402
- Гребенское казачье войско, гребенские казаки 327, 396-402, 408
- Гребенщиков, городок на Нижнеяицк. оборон. линии 329
- Гребни, хребет на Сев. Кавказе 395, 396, 399, 400
- грейтунги (также: остпоты) 81
- греки, народ 77, 78, 80, 82, 84, 85, 89, 121, 124, 156, 181, 257, 381, 423, 425
- греки крымские 383
- греки мариупольские 88
- Гренландия, о. 101
- Греческий архипелаг 388
- греческие колонии в Причерноморье 83
- Греческое, сел. в Кубанск. обл. 425
- Григориополь, г. на р. Днестр 390
- Григориопольская, ст. в Кубанск. обл. 404
- Григориопольское, укр. в Кубанск. обл. 404
- Григорьевск, г. в Кубанск. обл. 414
- Григорьевская, кр. на Днепр. оборонит. линии 381
- Григорьевский, г. на р. Дон 346
- Григорьевский, г. на р. Хопёр 319
- Григорьевский казачий округ Черномор. каз. войска 414
- Григорьевский, кордон в Кубанск. обл. 416
- Григорьевское Хаустова, сел. в Ростово-Сузд. з. 188
- Гриди Федотова Лукина, слоб. в Малояросл. у. 187
- Гриди Ярьцева, слоб. в Малоярослав. у. 187
- Гринвич, г. в Англии 466
- Грихново сиденье, дер. в Новг. з. 203
- Гришкино, посел. в Псков. з. 212
- Гродек, укр. посел. в Брацлавском повете 353
- Гродненская губ. 142
- Гродовка, слоб. в Азовск. губ. 383, 384
- Грозная, кр. на р. Сунжа 410
- Громоклей, зимник в Богогардовской паланке 376
- Грошин, г. на р. Сула 180
- Грубенов, г. в Червенской з. 131
- Грузинская, ст. в Закубанье 421
- грузины, народ 82, 402, 425
- Грузия 394, 409
- Губанычи, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
- Губерлинская, кр. на р. Урал 505, 507
- Губин, г. в Волоховской з. 134
- Гуляники (также: Мотовидловка), зам. на р. Унава 350, 358
- Гуляники, г. в Киевск. повете 353
- Гундоровский юрт в Донск. обл. 321, 322
- Гундоровский, казачий городок на р. Сев. Донец 316
- Гунделек, р., пр. р. Терек 392
- гунны, Гуннская Орда 88-95, 99, 105, 111, 121
- Гупаловка, сел. в Орельской паланке 377
- Гурзуф, г. 88
- Гурылёво, сел. в Новг. з. 202
- Гурьев, г. на р. Урал 328, 329, 330, 507
- Гурьевская, слоб. на р. Урал 330
- Гурьевский учуг 329
- Гусь, р., лев. пр. р. Ока 137, 223, 232, 233, 253
- Давид-Городок (также: Городок Давыдов), г. на р. Горынь 178

- Давидов брод, зимовник в Перевитской паланке 376
 Давыдково, посел. в Псков. з. 212
 Дагестан 392, 395, 396
 Дадьковское, куренное сел. на р. М. Байсуг 417
 Дакия 92
 Дальний Восток 40, 46, 48, 60, 479, 486, 487
 Даманский присуд в Новг. з. 209
 Данилищева, слоб. в Радонежск. вол. 186
 Данилов, г. в Галицко-Волын. з. 169
 Данилов (также: Медведевка), укр. на р. Тясмин 351, 358
 Даниловичи, сел. в Новг. з. 199
 Данциг, г. 390
 датчане, народ 93
 Даурское нагорье в Забайкалье 430
 дауры, народ на Амуре 435, 436, 453
 Даховская долина в Закубанье 421
 Даховская, ст. в Закубанье 421
 Дашов, зам. на р. Десница 351
 данцигские колонисты 391
 Дишти-Кипчак, район в Сев. Казахст. 520
 Двина Западная, см.: Западная Двина
 Двина Северная, см.: Северная Двина
 Двиница, р., лев. пр. р. Сухона 238, 239
 Двинская земля, пятина, край по р. Св. Двина 146-148, 204, 205, 207, 209, 236, 243
 Двинский у. 255
 двиняне, выходцы из Двинской з. 438
 Девичьи горы на р. Волга 262
 Дедославль, г. в Черниговск. з. 136
 Дедюхино, см.: Рождественское Уесолие
 Делилов, г. на р. Дон-297
 Деман в Деревах, сел. в Новг. з. 199
 Деман, вол. в Новг. з. 207
 Деманский у. 254
 Демидов, г. в Киевск. повете 353
 Денеша, зам. на р. Тетерев 350
 Дербент, г. 96, 398
 Дербентская, ст. в Закубанье 422
 Дербетовская Калмыцкая Орда 322
 Деревичь, г. в Волоховской з. 134
 Деревская земля, см.: Древлянская
 Деревская пятина 199, 202, 203, 209
 Деревянковское, куренное сел. на р. Бол. Чалбас 417
 Держа, р., прав. пр. р. Волга 237, 246
 Деркул, р., пр. р. Сев. Донец 319
 Дерлово, селище у г. Канева 345
 Десна, р. 84, 86, 97, 98, 103, 107, 119, 122, 134-136, 144, 151, 168, 173, 177, 180, 181, 234, 249, 256, 275, 296, 336, 337, 359, 360, 542
 Десница, р., пр. р. Южн. Буг 338, 351
 Джамель, сел. в Астрах. у. 281
 Джерилевское, куренное сел. в Кубанск. обл. 418
 Джизак, кр. в Кокандском ханстве 523
 Джубга, р. в Закубанье 422
 Джунгария 280, 282, 435
 Демьяновская, слоб. на р. Иртыш 458
 Дидово, г. 353
 Дикое поле 43, 230, 248, 256
 Динское, куренное селение на р. Кубань 417
 Дисна, р., пр. р. Зап. Двина 143
 Дичин, г. в Силистрии 126
 Дмитриева слоб. в Моск. кн-ве 186
 Дмитриевск, г. на р. Иловля 333
 св. Дмитрия Ростовского кр. (также: Ростов-на-Дону) 322, 325
 Дмитров, г. 150, 158, 183, 216, 217, 226, 230, 247
 Дмитровская часть Галицкого кн-ва 225
 Дмитровский у. 188, 253
 Дмитровское княжество 154, 187, 253
 Днепр, р. 49, 78, 80-85, 90, 92, 97, 98, 100-103, 105, 106, 119, 121-127, 132, 134-137, 141-144, 149, 172, 173, 177-181, 222, 240, 249, 250, 256, 290-295, 307, 336-338, 342-348, 351-353, 357, 359-361, 365, 366, 368-371, 373, 374, 376, 377, 379, 381, 382, 385, 387, 390, 411, 415, 416, 539-541, 543, 544, 549, 552, 554, 556, 557
 Днепровская оборонительная линия 310, 381
 днепровские казаки 293

- Днепровский (Днепробугский) лиман 176, 374, 377, 385, 388
 Днепровский Низ, см.: Низ
 Днепровский у. 386
 Днестр, р. 78, 80, 83, 84, 86, 91, 92, 96, 98, 100, 102, 103, 119, 121, 125-127, 129, 130, 137, 172, 177, 179, 295, 336, 348, 351, 388-390, 412, 539, 541, 544, 557, 558
 Днестровский лиман 77
 Добринский, г. на р. Хопёр 317
 Добровичи, сел. в Псков. з. 212
 Доброславль, дер. в Новг. з. 200
 Доброчков, сел. в Смолен. з. 144
 Добруджа, обл. 90
 Добрый, г. на р. Воронеж 303, 304
 Добрый сот, г. на р. Проня 136
 Добрятино, сел. в Смолен. з. 144
 Донгер-Банк, отмель в Северн. море 484
 Дожна, р., пр. р. Южн. Буг 351
 Долгая, коса на Азовск. море 417
 Долва, р. в Псков. з. 210
 Долгая, слоб. в Белозёр. кн-ве 187
 Домаха, сел. центр Калмиусской паланки (позже Мариуполь) 376
 Доможирка, сел. в Псков. з. 212
 Домонтов, г. в Черкас. повете 353
 Домонтовское, сел. в Москов. у. 188
 Домоткань, р., пр. р. Днепр 340
 Домузлов, р. на Сев. Кавказе 403
 Дон, р. 44, 45, 77-79, 81-83, 88, 91, 92, 95-98, 100-103, 106, 108, 120-122, 124, 125, 127, 136, 137, 150, 251, 253, 255, 256, 279, 280, 291, 293, 295, 297, 298, 302, 303, 307-309, 312-324, 326, 327, 333, 373, 394, 398, 402, 403, 405, 407, 410, 426, 459, 539, 541, 549, 550, 552, 553
 Донец (также: Северский Донец), р. 78, 79, 97, 101, 103, 106, 134-136, 177, 180, 280, 290, 295, 297-299, 301, 302, 307-309, 313, 315-319, 336, 337, 366, 368, 380, 381, 539, 542, 552, 556
 Донецкий городок в бас. верх. Донца 135
 Донецкий кряж 100
 Донков, г. на р. Дон 297
 Донская, кр. на Сев. Кавказе 403
 Донская обл., обл. Войска Донского 40, 45, 312, 317, 318, 319, 321, 325, 333, 481
 Донские степи 393
 Донское казачье войско, донское казачество 280, 283, 313-315, 318, 319, 320, 321, 322, 326, 333, 379, 401, 402, 404, 486, 509
 Донской бассейн 152
 Донской курень 375
 Дорогичин, г. в Берестейской з. 132, 176, 178
 Дорогобуж, г. в обл. Погорина 131
 Дорогобуж, г. на р. Днепр 181, 249, 254
 Дорогобуж, г. в Тверск. кн-ве 186
 Дорогожицы, сел. в Новг. з. 199
 Дорогожичи, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
 древляне, вост. слав. племя 97, 98, 107, 112, 114, 121, 127, 133, 134, 141
 Древянская (также: Деревская) земля 133, 134, 176
 дреговичи, вост. слав. племя 83, 84, 97, 98, 133, 141-143, 174
 Дрезна, р. прав. пр. р. Клязьма 216
 Дрисса, р., прав. пр. р. Зап. Двина 85, 143
 Друцк, г. 144, 181
 Друцкое кн-во 175, 177
 Дубен, г. в обл. Лучан 131
 Дубенское предместье на Вольни 363
 Дубков, г. в Псков. у. 254
 Дубна, г. на Вольни 363
 Дубна, р., прав., пр. р. Волга 221, 223, 226
 Дубно, г. на р. Сула 134
 Дубовская, ст. на р. Волга 333
 Дубовский, г. на р. Терек 401
 Дубовый овраг, сел. в Ергенях 283
 Дубок, посел. в Рязанск., Московск. кн-вах 228
 Дубослей, стан на р. Днепр 343
 Дубоссары, г. 388
 Дубровица, г. в Турово-Пинск. кн-ве 141
 Дубровна, г. на р. Ловать 144
 Дуброво, сел. в Муромск. з. 198
 дулебы, вост. слав. племя 99, 127, 131

- Дунай, р. 77, 78, 80, 81, 84, 88-92, 96-99, 119-122, 130, 137, 162, 172, 411, 541
 Дурновский, г. на р. Бузулук 317
 Дыма, г. в Чернобыльск. повете 353
 Дынка Мосолова, слоб. в Малоюросл. у. 187
 Дьяково, сел. в Москов. у. 188
 Дядьков, г. в Волоховской з. 134
- Евксинский Понт (также: Черное море) 77, 92
 Евпатория (также: Гезлев, Козлов), г. 387
 Евразия 6
 евреи, народ 279, 356, 384, 388, 393, 425
 Европа (см. также: Восточная Европа) 75, 76, 86, 102, 138, 157, 428, 429, 484
 Европейская Россия 75, 101, 103, 429, 457, 458, 461, 466, 469, 474-476, 478, 480-482, 484, 485, 526
 Египет 162
 Егна, сел. в Новг. з. 146
 Егорлык, р. в Предкавказье 403, 424
 Ейск, Ейский, г. 413, 414, 419
 Ейская коса Азовск. моря 417
 Ейский казачий округ 414
 Екатеринбург, г. 498
 Екатерингоф, дача под Петерб. 534
 Екатерининская, кр. на р. Малка 403, 405
 Екатериновское, куренное сел. на р. Сасык 417
 Екатериновский, кордон в Кубанск. обл. 416
 Екатериноградская, кр., см.: Екатерининская
 Екатеринодар, г. 409, 414, 417, 418, 419
 Екатеринодарские курени:
 Березанский 414
 Екатериновский 414
 Корсунский 418
 Екатеринодарский, кордон на р. Кубань 416
 Екатеринодарский казачий округ 414, 421
 Екатерино-Лебяжья пустынь на р. Бейсужка 418
 Екатерининская провинция Новорос. губ. 381
- Екатеринослав, зимовник (ранее Половица) 376
 Екатеринослав, г. 386
 Екатеринославская губ. 75, 310, 377, 381, 383, 388, 480
 Елабуга, сел. на р. Кама 272
 Елатма, г. в Мещерск. крае 234, 255
 Елдецкая, кр. (также: Ельдяцкая) в Башкирии 505, 511
 Елец, г. 254, 298
 Елнадь, р., прав. пр. р. Волга 223, 285
 Елнадь Желтоватая, р., лев., пр. р. Волга 223
 Елизаветград, г. 380
 Елизаветградская провинция Новорос. губ. 381
 Елизаветинская провинция Новорос. губ. 381, 382
 св. Елизаветы, кр. (позже г. Елизаветград) 380
 Елинский кордон в Кубанск. обл. 416
 Елогда, р. в бас. Верх. Волги 149
 Елховка, слоб. на Симбирск. оборонит. линии 305
 Ельма, р., впад. в Кубенское оз. 238
 Ельня, г. 144
 Ельшанская (также Ольшанская), кр. на р. Самара (Волжск.) 506
 Еменец, г. в Полоцк. кн-ве 144
 Емская земля 148
 Емецкий город в Заволочье 197
 емца, народ 148
 Емца, р., пр. р. Сев. Двина 146, 147, 204, 205
 емь, народ (также: ямь) 98, 147-149, 153, 198, 205
 Емь, сел. в Двинск. з. 146
 Еникале, см.: Керчь
 Еникальский округ 412
 Енисей, р. 148, 428, 429, 430, 432, 433, 435, 437, 446, 449, 451, 463
 Енисейская губ. 471, 476, 477, 483
 Енисейский острог, Енисейск, г. 449, 452, 464
 Епанчин городок (также: Тургинск) 443
 Епифань, г. на р. Дон 297
 Енотаевка, казачья команда 282

- Енотаевская, кр., Енотаевск, г. в Астрахан. губ. 282
- Ерга, вол. в Белозерск. кн-ве 154
- Ергень, Ергени, продолж. Приволж. возв. 100, 103, 283
- ерза, эрза, часть мордвы 155
- Еркети (также: Яркенд), г. в Средн. Азии 500
- Ермоличи, сел. в Новг. з. 199
- Еруслан, р., лев. пр. р. Волга 103, 280, 281
- Ерыклинск, г. в бас. р. Кама 274
- Ескино, посел. в Псковск. з. 212
- Ескино сиденье, дер. в Новг. з. 293
- Ессентукская, ст. на Сев. Кавказе 405
- Етеревской, г. на р. Медведица 317, 319
- Ея, р., впад. в Таманск. залив 416, 417
- Жабна, р., прав. пр. р. Волга 191, 246
- Жабно, сел., вол. в Новг. з. 207, 210
- Жаботин, г. в Правобер. Украине 366
- Жадемель, посел. в Рязан., Моск. кн-вах 228
- Жадене, городище в Москов., Рязанск. кн-вах 228
- Жаденовичи, сел. в Новг. з. 199
- жан (также: бжан), народ 393
- Железинская, кр. на Иртышск. оборон. линии 463, 464
- Желни, г. на р. Сула 134
- Желтые воды, р., пр. р. Ингулец 368
- Жемгала (Земгале), обл. в Латвии 143, 144
- жемгала (земгалы), народ 174
- Жемойть, Жмуть (Жемайтя), обл. в Литве (также: Нижняя Литва) 142, 174
- Жидичин, г. в обл. Лучан 131
- Жижец, г. в Торопецк. кн-ве 144
- Жиздра, р., пр. р. Ока 85, 136, 180, 191, 233, 249, 254, 295, 296
- Житомир, г. 176, 179, 337, 350, 356, 358
- Житомирский повет 179, 337, 360
- Жовник, зам. на р. Сула 352
- Жолнь, г. на р. Сула 135
- Жуковичи, посел. в Псков. з. 212
- Жукотин, г. в Сред. Поволжье 260
- Журавка, зам. на р. Удай 352
- Забайкалье, Забайкальская обл. 431, 432, 437, 448, 451, 453, 462, 468-470, 473, 482, 483, 485, 486
- Забайкальское казачье войско 437, 473, 486
- Заберег, вол. в Юрьевск. кн-ве 224
- Забужье 131
- Заводы:
- Авзяно-Петровский железный в Башкирии 513, 516
- Акапаевский 498
- Артинский завододелательный на р. Арт 513
- Архангелогородский медеплавильный на р. Ак-Сым 513
- Архангельский медный на р. Шарынь 513
- Белорецкий на р. Белой (Камск.) 516
- Богословский на р. Кичуй 513
- Богоявленский на р. Барметь 513
- Верхнетагильский медеплавильный 498
- Верхнеторский медеплавильный на р. Тор 513
- Вознесенский медеплавильный на р. Иргизл 513
- Воскресенский на р. Воскресенке 512, 513
- Златоустовский чугунолит. и медеплавильный 513
- Кагинский железный 513, 516
- Каменный 498
- Каминский железный 513
- Каноникольский медеплавильный 513
- Киштымский железный 513
- Колыванский горный 464
- Колыванские медеплавильные 468
- Назе-Петровский на р. Наз 513
- Невянский 498
- Нижне-Авзянский железный 513

- Нижне-Тагильский 498
 Покровский медный 513
 Преображенский медеплавильный на р. Урман-Аир 513
 Саткинский железоделательный (также: Троицкий) 513
 Троицкий железоделательный на р. Сатка 513
 Троицкий медеплавильный на р. Ик 513
 Заволжская Орда (также: Золотая) 238, 258
 Заволжские степи 283
 Заволжье 52, 152, 184, 230
 Заволоцкий у. 254
 Заволочье, г. 254
 Заволочье, Заволочская земля 55, 56, 148, 197, 198, 199, 204, 205, 209, 229, 235, 236, 243, 255
 Заднепровье 361
 Задубровская, слоб. в Тверск. кн-ве 187
 Задунайская Сечь 411, 419
 Заживный, г. в обл. яицких казаков 530
 Зай, Зая, р., пр. р. Кама 272
 Заилийский Алатау 522
 Зайнск, г. в Башкирии 274, 497
 Зайсан, оз. на Алтае 429
 Закавказье 394, 539
 Закамская оборонительная линия, черта 274, 276, 278-280, 500, 508, 509, 510
 Закан-Юртовское укр. на Сунжинской оборонит. линии 410
 Закарпатская Русь (также: Угорская) 130
 закарпатские славяне 130
 Закаспийская пустыня 523
 Закаспийская обл. 223, 524, 527
 Закубань 420, 421, 422
 Закавказье 96
 Заклинье, вол. в Новг. з. 207, 210
 Залазна, слоб. в Новг. з. 201
 Залесье 107
 Залу, г. на р. Иртыш 444
 Замосковский край 253, 255
 Замошская, слоб. в Моск. кн-ве 186
 Замьяновская, ст. в Астрахан. губ. 282
 Заозёрское удельное княжество, Заозерье 239
 Заозёрско-Кубенское удельное княжество 184, 239
 Западная Двина, р. 84, 85, 97, 98, 100-102, 133, 142, 143, 144, 149, 172, 174, 177, 181, 182, 249, 256, 540
 Западная Европа 75, 76, 478, 530
 Западная Монголия 91
 Западная Русь, западно-русские земли 16, 60, 117, 173, 174
 Западная Россия 41, 384
 Западная Сибирь 61, 149, 405, 429, 432, 434, 446, 447, 454, 455, 457, 463, 464, 468, 475, 476, 522, 524, 525, 527, 529
 Западно-Сибирская низменность 428, 429
 Западное Предкавказье 411
 западные славяне 84, 93
 Западный Буг, р. 98, 127, 129, 131, 132, 172, 174, 177
 Западный Кавказ 103, 421, 422, 425
 Западный Туркестан 523
 Запорожская Сечь (см. также: Новая Сечь) 373, 378, 379, 382, 411, 413-417
 Запорожье, обл. в Поднепровье (также: Низ) 309, 368-378, 381, 383, 384, 416, 418
 Запорожское казачье войско, запорожские казаки 61, 313, 341, 374-376, 378, 380, 389, 404, 411, 412, 458
 Заречье, г. на р. Горынь 131
 Заруб, г. на Днепре 132
 Заслав, имение на Воляни 178
 Зассовский, форпост (позже станица) на р. Лаба 410
 Затонный, форпост на Новоилецкой дистанции 332
 Захарьевская, кр. на Днепровской оборонит. линии 381
 Заячий, о. см.: Иени-Саари
 Збараж, имение (позже город) на Воляни 178, 363, 365
 Збытов, г. в Чёрной Руси 142
 Звенигород, г. в Галицкой з. 129, 178, 179
 Звенигород, г., пригород Киева 132
 Звенигород, г. в Москов. кн-ве 188, 190, 218
 Звенигородский у. 153, 188, 253

- Звенигородское княжество в Галицкой з. 130
- Звенигородское удельное княжество Карачевского кн-ва 169
- Звенигородчина, обл. на р. Днепр 345, 349
- Звенигородская, ст. на Пресногорьковской оборон. линии 464
- Звягель, г., см.: Возягль (также: Новоград-Волинск)
- Згар, р., прав. пр. р. Юж. Буг 351
- Здвиж, р., пр. р. Тетерев 132, 350
- Зейская степь 430
- Зелёный Колок, форпост на Нижнеяцкой оборон. линии 329
- Зельва, р. в бас. р. Неман 85, 143
- Зеравшан, р. 523
- Зеравшанский округ 523
- Землин, г. в Угорск. Руси 130
- Землинский комитат 130
- Земляное селище у г. Канев 345
- Зез, р., лев. пр. р. Амур 430, 450, 451, 453, 465, 484
- Зимовейко, г. на р. Дон (также: Потемкинская ст.) 316
- Зжица, р., прав. пр. р. Сула 342
- Зиган, р., пр. р. Белая (Камск.) 513
- Зилаир, р., пр. р. Сакмара 508
- Зилаирская, кр. на р. Зилаир 508
- Змиев, г. на р. Можга 307
- Змиев Камень, место на р. Волга 262
- Золка, р., пр. р. Кума 603
- Золотая Балка, зимник в Перевиской паланке 376
- Золотая Орда 45, 53, 163, 164-167, 177, 183, 186, 202, 219, 224, 228, 231-234, 241, 242, 246, 253, 257-260, 269, 285, 393, 434, 491
- Золочев, г. на р. Уд 307
- Золотовский, г. на р. Хопёр 317
- Зубичевское, сел. в Переяслав. у. 188
- Зубцов, г. в Рост.-Сузд. з. 150, 246
- Зубцовский у. 251
- Зудилово, Зудиловская кр. на Ишимской оборон. линии 463
- Зуша, р., пр. р. Ока 85, 136, 180, 233, 247, 254, 295, 297
- зыряне, народ 148, 149, 150
- Зырянка, р., пр. р. Кама 440
- зюнгоры, народ 501, 502
- Ивада, р., пр. р. Паша 198
- Ивангород, г. на р. Нарев 254, 530
- Ивангородский у. 254
- Иванков, зам. на р. Тетерев 350
- Иван погост, пог. в Новг. з. 146
- Ивановская, ст. в Закубанье 426
- Ивановское, куренное сел. в Кубанск. обл. 418
- Ивановское Новосильцева, сельцо в Серпуховск. у. 188
- Идра, народ 83
- Иени-Саари, о. (также: Заячий) 530
- Ижва, вол. в Моск. кн-ве 154
- Ижма, р., лев. пр. р. Протва 439
- ижора, народ 147, 196
- Ижора, р., лев. пр. р. Нева 196, 202, 529
- Ижорская земля, присуд, волость 186, 209, 535
- Ижорские немецкие колонии ок. Царского Села 536
- Изборск, г. 211
- Изборский у. 254
- Изверь, р., пр. р. Угра (Окск.) 187, 224
- Измаил, кр. 412
- Изрядный, источник в Кубанск. обл. 409, 416
- Изюм, г. на р. Сев. Донец 307, 308, 309, 319
- Изюм, г. на Изюмском шляхе 308
- Изюмка, Изюмец, р., пр. р. Сев. Донец 295
- Изюмский шлях (сакма) 295, 298, 302, 307, 308
- Изяславль, г. на р. Горынь 131
- Изяславль, г. в Смоленск. кн-ве 144
- Изяславль, г. в Полоцк. кн-ве 144
- Иийоки, р., см.: Ил
- Ик, р., лев. пр. р. Кама 274, 513
- Ил (также: Иийоки), р. на Кольск. п-ве 197
- Илавла, г. на р. Дон 316
- Иледом, вол. в Костромск. у. 154
- Илейкино, посел. в Псков. з. 212

- Илек, р., пр. р. Урал 326
Илецкая оборонительная линия 332
Илецкая, ст. в обл. яицких казаков 330
Илецкий, Илецк, г. в обл. яицких казаков 327, 329, 330, 507
Или, р., впад. в оз. Балхаш 435, 521
Илийский край в Казахстане 521
Илим, р., прав. пр. р. Ангара 430, 449, 451, 454
Илим, г., Илимский острог на р. Илим 449
иллирийцы, народ 95
Иловля, р., пр. р. Медведица 97, 319, 324, 333
Иловлянский городок 319
Ильиничи, сел. в Новг. з. 199
Ильинская, кр. на р. Яик 507
Ильинский, пог. в Белозёрск. крае 153
Ильменский в Веси, пог. в Бежицкой вол. 146, 147
Ильмень, Ильмерь, оз. 49, 97, 98, 100, 144-146, 151, 172, 182, 203, 207, 256, 540
Имигал, р., пр. р. Амур 453
Императорская бухта в зал. де-Пастри 464
Императорская гавань в устье р. Амур 486
Императорское, укр. на Новой оборонит. линии 521
Ингерманландская губ. 529
Ингерманландия 535, 537
Ингода, р., исток р. Шилка 434
ингры, см.: ижора 196
Ингул, р., лев. пр. р. Юж. Буг 343, 368-370, 374, 380, 385, 387
Ингулец, р., прав. пр. р. Днепр 106, 336, 338, 368, 369, 374, 376
Ингульская паланка (также: Перевиская) 376
ингуши, народ 410
Индиگیرка, р. в Вост. Сибири 430, 437, 450
Индиگیرское зимовье на р. Индиگیرка 450
индийцы, народ 281
Индия 500, 502
индоевропейцы 76
Инобожь, вол. в Дмитров. кн-ве 154
Инопаж, сел. в Яросл. кн-ве 241
Иноча, р., лев. пр. р. Москва 222
Инсар, г. на Симбирск. оборонит. линии 305
Иозефталъ, нем. колония в Очаков. обл. 391
Ипакирь, р. в Скифии (по Геродоту) 78
Ипуть, р., пр. р. Сож 144
ир, ирион (также: аланы) 393
иранские племена, иранцы 79, 82-85, 91, 149, 157, 393
Ирбитская, слоб. в Верхнетурск. у. 460
Иргенский острог в Забайкалье 452
Иргенское, оз. в Забайкалье 452
Иргиз, р., прав. пр. р. Тургай 520, 521
Иргизл, р., пр. р. Белая (Камск.) 511
Ирдыма, вол. в Москов. кн-ве 154
Ирджар, г. в Коканд. ханстве 523
Ирклей, г. в Запорожье 359
Иркилевское, куренное сел. на р. Бей-сужка 375, 417
Иркут, р., лев. пр. р. Ангара 454
Иркутская губ. 469, 470, 473, 476, 493
Иркутский острог, Иркутск, г. (ранее Иркутское зимовье) 454
Иронистан 393
Ирпень, р., прав. пр. р. Днепр 132, 179, 337, 350
Иртек, р., лев. пр. р. Урал 332
Иртецкий форт, форпост в обл. яицких казаков 330
Иртыш, р. 273, 428, 429, 434, 443-445, 451, 454, 458, 463, 464, 493, 520
Иртышская оборонительная линия 462, 472, 521
Ирша, р., лев. пр. р. Тетерев 350
Иса, р. в Псковск. з. 210
Исады, г. в Муром.-Ряз. кн-ве 136
Исетская провинция 507, 509, 511, 513
Исетский, г. на р. Исеть 454
Исетский край 497
Исетский острог на р. Исеть 454
Исеть, р., пр. р. Тобол 208, 451, 454, 489, 496

- Искер-Сибирь, г. на р. Иртыш 434, 443, 444
- Искона, р., лев. пр. р. Москва 151, 222
- Исконь, сел. в Смолен. кн-ве 144
- Искоростень, г. 114, 133, 350
- Ислам-Кермень, турецк. кр. 290
- Исландия 484
- Иссык-Куль, оз. 522
- Истерва, вол. в Моск. кн-ве 154
- Истерова, слоб. в Моск. кн-ве 186
- Истр, р. (также: Дунай) 77, 78, 80-82, 92
- Истра, р., пр. р. Воря (Угрин.) 151
- Истра, р., лев. пр. р. Москва 151, 216, 237
- Истья, слоб. в Серпуховск. кн-ве 186
- Иеуть, р. в Причерноморье 374
- Италия 91, 389
- итальянцы 425
- Итиль, г. 96
- Иткульская, кр. в Исетской пров. 508
- Ить, лев. пр. р. Шексна (правильно: лев. пр. р. Волга — *ред.*) 240
- Ичинская сопка на Камчатке 430
- Ишим, р., лев. пр. р. Иртыш 257, 273, 429, 434, 463, 500, 520, 526
- Ишимская оборонительная линия 463, 472, 521
- Ишимская степь 429, 434
- Ишимский округ 472
- Ишимский у. 524
- Ишорская, ст. на р. Терек 402
- йозефальские колонисты 391
- Кабанья, ст. на Пресногорьковск. оборонит. линии 464
- Кабарда, Кабардинская земля 394, 402
- Кабарда Большая 392
- Кабарда Малая 393, 396
- Кабарда Нижняя 392, 394, 396
- Кабардинская плоскость 405
- кабардинцы, народ 392-394, 398, 425
- Кава, р., пр. р. Тверца 246
- Кавказ, геогр. обл., Кавказские горы 96, 100, 103, 121, 390, 392, 393, 396, 397, 403-405, 409, 410, 411, 420, 422, 423, 426
- Кавказская, кр. в Кубанск. обл. 404
- Кавказская оборонительная линия 400
- Кавказская губ., область, округ 408, 423, 425
- Кавказская, ст. в Кубанск. обл. 404
- Кавказские Минеральные Воды (см.: Минеральные Воды)
- кавказские племена 94
- Кавказский хребет 420
- Кавказское линейное войско (см. также: Терско-Семейный казачий полк) 401, 403, 409
- Кага, р. в Башкирии 513
- Кагальницкий, г. в Донской обл. 321
- Кагольник, г. на р. Дон 316
- Кадашева, слоб. в Москве 317
- Кадом, г. в Мецдерском крае 234, 255, 296
- Кадомский у. 496
- Кадым, р., пр. р. Юж. Буг 368
- Кадьяк, о. в Алеутском архип. 466
- казаки азовские 422
- казаки алексеевские 509
- казаки бурджанские в Задунайской Сечи 419
- казаки енисейские 450
- казаки западно-сибирские линейные 522
- казаки кубанские 422
- казаки прилуцкие 355
- казаки самарские 506, 509
- казаки слободские 404
- казаки уманские 355
- казаки уфимские 506, 509
- казаки хопёрские 403
- казаки черноморские 415; см. также в алфавитном порядке по названию казачьих войск
- Каза-Кичинская, ст. на р. Асса 410
- Казалинский форт, Казалинск, г. (также: форт № 1) на р. Сыр-Дарья 522, 526
- Казанка, р., пр. р. Волга 103
- Казанская губ. 467, 508, 516
- Казанская земля, область 261, 290
- Казанская Орда 434
- Казанская, ст. в Кубанск. обл. 404
- Казанский уезд 268, 272, 496, 497
- Казанский юрт 257, 259, 265

- Казанское царство, ханство 44, 137, 253, 255, 256, 258, 263, 265-267, 269, 272, 274, 276, 279, 289, 296, 460, 489, 492, 496, 541
- Казань, г. 44, 137, 234, 235, 259-263, 265-267, 278, 279, 291, 292, 296, 392, 393, 439, 443, 482, 492, 496, 510
- казахи 398
- Казахстан 40, 61
- Казиев (Казыев) улус (также: Малая Ногайская Орда) 271, 293, 398
- Казачебугровская, ст. в Астрах. губ. 282
- Казым, р., прав. пр. р. Обь 443
- Казымский улус в Сибирск. царстве 443
- Кай, г., Кайгородок, на р. Кама 441, 496
- Калаи́ча, место под Азовом 315
- Камур, зам. в Приднестровье 315
- Калаус, р. на Сев. Кавказе 402, 403, 423
- Калачи, г. на р. Дон 316
- Каменский городок (также: Каменные Орешки) на Нижнеяицк. оборон. линии 329
- Калиновская, ст. на р. Терек 402
- Калитва, р., пр. р. Сев. Донец 319
- Калитвенский, г. на р. Сев. Донец 317
- Калиус, г. в Галицкой з. 130, 179
- Калка, оз. в Псковск. з. 210
- каллипиды, народ 78
- Калмиус, Кальмиус, р. 314, 368, 376, 379
- Калмиусская паланка в Запорожск. обл. 376
- Калмиусский шлях (сакма) 295, 298, 302, 308
- калмыки, народ 273, 274, 279-281, 283, 322, 326, 327, 333, 399, 402, 403, 424, 435, 454, 463, 464, 492, 496, 499, 502, 506, 509
- калмыки пегие (также: нарым) 435
- Калмыковская кр., Калмыков городок в обл. яицк. казаков 329, 507
- Калмыков Яр, урочище в обл. яицк. казаков 329
- Калмыцкая степь 282, 283
- Калмыцкий брод, укр. на р. Миасс 505
- Калниболотское, куренное сел. на р. Сасык 417
- Калпъ, р., пр. р. Суда 198
- Калуга, г. 229, 254, 296
- Калужская губ. 152
- Калужская дорога 293
- Кальник, зам. на р. Десница 351
- Кальчик, р., впад. в Азов. м. 368, 379
- Калюгайская, ст. на р. Терек 402
- Калязинский у. 192
- Кама, р. 96, 103, 148, 155, 156, 255, 256, 264-266, 272-274, 276, 279, 440, 441, 445, 489, 491, 492, 494, 496, 500, 505, 513
- Камбиллой, р. на Сев. Кавказе 410
- Каменец, г. в Берестейск. з. 176
- Каменец Новый, зам., затем город в Брацлавск. повете 353
- Каменница, р., лев. пр. р. Рось 351
- Каменка, р., пр. р. Днепр 368, 374
- Каменка, сел. в Кодацкой паланке 376
- Каменка, сел. центр Перевиской паланки 376
- Каменная балка в Калмыцк. степи 283
- Каменная гряда 100
- Каменное, имение на р. Случь 346
- Каменные Орешки (также: Каленковский городок), форпост на Нижнеяицк. оборон. линии 329
- Каменный, о. в Касп. м. 328
- Каменный баерак в Запорож. обл. 376
- Каменный, г. в Кубанск. обл. 318
- Каменская, слоб. на Уйской оборонит. линии 511
- Каменской, г. на р. Сев. Донец 316
- Камень, посел. на Волыни 131
- Камень (также: Букшарминский край) 469
- Камень (также: Уральские горы) 100, 256, 439, 440
- Каминский исток в Исетской провинции 513
- Каминский острог на Сев. Алтае 463
- Камский, г. (также: Канкар) 441
- Камский край 440
- камчадалы, народ 437
- Камчатка, Камчатский п-в 430, 436, 437, 464-466

- Камчатская обл. 484, 487
 Камчатский острог 464
 Камынин, о. в Касп. м. 328
 Камышевская коса на Азов. м. 417
 Камышин, г. 282
 Камышник-Иванов, г. на р. Дон 316
 Камыш-Самара, р., прав. пр. р. Урал 506
 Камыш-Самарская, кр. 506
 Кан, р., прав. пр. р. Белая (Камск.) 513
 Кан, р., прав. пр. р. Енисей, 451
 Кандалакша, промысл. пог. 198
 Кандыжская, слоб. Бугульминск. конторы 511
 Канев, г. 132, 180, 290, 337, 343, 345, 346, 351, 354, 356, 358, 360
 Каневская граница 356
 Каневский лес 106, 132, 338
 Каневский повет 337, 345, 346, 360
 Каневское, куренное сел. в Кубанск. обл. 418
 Каневское староство 342
 Канкар, г. (также: Камский) в устье р. Пискорка 441, 442
 Канский острог на р. Кан (Енисейск.) 451
 Карабутакский, форт на р. Иргиз 521
 Караванная, ст. в обл. волж. казаков 333
 Караванный, посел. в Астраханск. губ. 283
 Карагайская, кр. в верх. р. Урал 505
 карагалы, народ 433
 Карагунский Кут, кр. (позже Екатеринодар) 414
 Кара-Игнат, сел. на Таманск. п-ве 319
 караймы, народ 257
 Каракалин, сел. в Астрахан. у. 281
 каракалпаки, народ 328, 499, 500
 Каракалпацкая Орда 501, 502
 Кара-кермен, г. (также: Очаков) 127
 кара-киргизы, народ 434, 435, 521
 Каракубанский, о. на р. Кубань 393
 Каракулино, сел. на р. Кама 494, 497
 Каракуль, оз. на Юж. Урале 508
 Каракульская, кр. на оз. Каракуль 508
 Каракульский, г. на р. Самара (Волжск.) 505
 Карамык, р. на Сев. Кавказе 403
 каратаи, ветвь мордвы 155
 Караул, г. на Симбирской оборонит. линии 305
 Карачарово, сел. в Можайском у. 151
 Карачарово, сел. в Муромск. у. 151
 Карачарово, сел. в Ярославск. у. 151
 Кара-Тургай, р., исток р. Тургай 520
 Карачев, г. 136, 180, 254, 256, 286, 297
 Карачевское княжество 169
 Карачинский улус в Сибирск. царстве 443
 Карачунский пог. в Новг. з. 202
 Караш, оз. в Ростово-Сузд. з. 241
 Каргалинский, г. на р. Терек 401
 Каргалы Верхней, г. на р. Дон 316
 Каргалы Нижней, г. на р. Дон 316
 Каргобода, вол. в Белозёрск. кн-ве 154
 Карголома, вол., удел в Белозёрск. кн-ве 154, 229
 Каргополь, Каргополье, становой пункт в Воротынск. у. 205, 458
 Каргопольский у. 205, 255
 Карельская АССР 54
 Каргалы, кр. в Сев. Казахстане 521
 Карлинская, слоб. на Симбирск. оборонит. линии 305
 Кармакчинский, форт на р. Сыр-Дарья 522
 Кароп, г. на р. Десна 360
 Карпаты, горы, геогр. обл. 81, 84, 100, 125, 126, 130, 168, 170, 172, 543
 Карпов, г. на р. Ворскле 303
 Каррис, немецк. сел. на Сев. Кавказе 423
 Карсун, г. на р. Барыш 304
 Карх (также: Керчь), г. 121
 Касимов, г. 240, 255, 256, 261, 295
 Касимовское ханство 258
 касоги, народ 124
 каспичи, народ 133
 Каспийское м. 88, 257, 316, 328, 392, 393, 447, 523
 Каспля, г. на р. Каспля 144
 Каспля, р., пр. р. Зап. Двина 144
 Касть, р. в бас. р. Кострома 223, 240
 Касть, сел. в Ярослав. кн-ве 241

- Катавская степь 516
 Катайский, г., острог на р. Исеть 454, 496
 Катунская, кр. на Колывано-Кузнецк.
 оборонит. линии 464
 Катунь, р., пр. р. Обь 429, 435
 Каурдак, г. на р. Иртыш 444
 Каурский, г. на р. Тобол 454
 Кафа (также: Феодосия), г. 106, 295, 387
 Качанова, слоб. в Псковск. з. 213
 Качибей, кр. на Черном м. 177
 кашгарцы, народ 527
 Кашин, г. в Тверск., Москов. кн-вах 184,
 186, 190, 217, 227, 246
 Кашинка, р., лев. пр. р. Волга 246
 Кашинский у. 153, 253
 Кашира, г. 191, 254, 260, 290, 295-297
 Каширка, р., пр. р. Мста 151
 Каширка, р., лев. пр. р. Ока 151, 220
 Каширский брод на р. Ока 240
 Каяния, земля квенов 197, 198
 Каясовая Яма, армян. сел. на Сев. Кавка-
 зе 423
 Квашино, сел. в Новг. з. 201
 квены, народ в Финляндии 197, 198
 Кебь, р. в Псков. з. 210
 Кевроль (также: Кегрель), сел. на р. Пи-
 нега 146
 Кеврольский у., округ в Поморье 255,
 440
 Кегрель (также: Кевроль), сел. на р. Пи-
 нега 146
 Кегрола, р. в Заволочье 204
 Кента, р. на Кольск. п-ве 197
 Кексгольм (также: Корельский), г. 197
 кексгольмские (также: корельские) погос-
 ты 534
 кельты, этнич. общность 157
 Кемская вол. в Двинск. з. 206
 Кемское княжество 184, 229
 Кемь, р., впад. в Белое озеро 229
 Кемь, сел. на Кольск. п-ве 197, 198
 Кепинский, г. на р. Медведица 317
 Кергелан, г. в устье р. Орёл 441
 Керженец, р., лев. пр. р. Волга 235, 254
 керженские раскольники 467
 Керменчик, татарск. городище на р.
 Днепр (позже г. Кременчуг) 352
 Керченский Кут, место на Керч. п-ве 412
 Керченский прол. 77, 88, 96, 403
 Керчь, г. 77, 381
 Кетский острожек на р. Кеть 445
 Кеть, р., прав. пр. р. Обь 429, 445, 449
 Киболь, р. в Верхн.-Волж. бассейне 149
 Кидабол, р. в Верхн.-Волж. бассейне 149
 Кидекша, р., пр. р. Нерль 189
 Кидельский, пог. под Петербургом 534
 Киев, г. 98, 105, 111, 120, 122, 128, 132-
 135, 163, 168, 172, 173, 176, 179, 189,
 337, 339, 341, 344, 350, 354, 356, 360,
 373, 374, 540
 Киевец, городище на р. Дунай 120
 Киевская губ. 75, 167, 391, 480
 Киевская земля, Киевское княжество
 123, 128, 129, 132, 133, 141, 144, 150,
 168, 170, 173, 176, 179, 180, 286, 335,
 336, 338, 344, 367, 542, 543
 Киевская Русь (см. также: Русь) 355
 Киевский повет 179, 337, 353, 360
 Киевское воеводство 335-338, 347, 353
 Киевское Полесье 176, 337, 344, 346, 350
 Киевское Приднепровье 338
 Кизань, сел. в Астрахан. у. 281
 кизилбаши, народ 281
 кизилбашские (также: кизильбашские,
 персидские, иранские) купцы ("купеч-
 ские люди") 397, 398
 Кизилтажская, кр. на р. Миасс 505
 Кизильская, кр. в устье р. Нижн. Кизиль
 507
 Кизляр, кр. на р. Кизляр 401, 402, 407
 Кизляр, р., пр. р. Терек 401
 Кизлярское казачье войско 408
 Кильчень, сел. в Протовининской паланке
 377
 Киммерийская могила на р. Днестр 78
 Киммерийские броды 78
 Киммерийские стены 78
 киммерийцы, народ 77
 Кинала, вол. в Углицком кн-ве 154
 Кинбурн, турец. кр. в устье р. Днепр 381,
 412
 Кинбурнская коса (также: Прогнои) 370,
 377, 412

- Кинбурнская паланка 412
 Кинделинский, г. в обл. яицких казаков 330
 Кинела, вол. в Переясл. (Залес.) у. 154
 Кинешемский у. 263
 Кинова, немецк. сел. на Сев. Кавказе 423
 Кипрово, дер. в Новг. з. 202
 кипчаки, народ 527
 Кипчакская Орда 163
 Кипчакские степи (также: Половецкие) 163
 Кира, р. в Псков. з. 210
 киргиз-кайсаки, народ 434, 435, 499, 500, 501, 502, 504, 520
 Киргиз-Кайсацкая Орда 501
 Киргизская Орда 501, 515
 Киргизская степь 522
 Киргизский край 522, 526
 киргизы, народ 283, 284, 328, 434, 435, 449, 451, 454, 463, 464, 496, 500-502, 515, 520, 521, 522, 524, 525, 527
 Киржач, г. 193
 Киржач, р., лев. пр. р. Клязьма 221
 Кирилловская, кр. на Днепровск. оборонит. линии 381
 Кириллово, сел. в Псков. з. 213
 Кирпили, р. в Кубанск. обл. 417, 418
 Кирчак, р. в Переясл. кн-ве 187
 Кисловодская, кр. на р. Подкумок 405
 Кисловодская, ст. на Сев. Кавказе 405
 Кисляковское, куренное сел. на р. Самык 417
 Китай-город, сел. в Протовчинской паланке 377
 Китай 453, 465, 468, 478
 китайцы, народ 88, 452, 453, 524
 Кичигина, кр. на р. Увелька 508
 Кичкас, зимовник Кодацкой паланки 376
 Кичуевск, г. на р. Кичуй 274
 Кичуевский фельдшанец в Сред. Заволжье 280, 510
 Кичуй, р., пр. р. Шешма 500, 513
 Кишкина, слоб. в Моск. кн-ве 186
 кияне, ветвь полян 83
 Клева, р., пр. р. Березина 142
 Клементьевка, дер. в Воронеж. у. 301
 Клецк, г. в Турово-Пинск. кн-ве 141, 178
 Клецкий, г. на р. Дон 316
 Клешино (также: Плещеево), оз. в Рос.-Сузд. з. 151
 Клешино, оз. в Новг. з. 151
 Клин, г. на р. Ловать 144
 Клин, г. на р. Сестра (Волжск.) 246
 Клинский у. 253
 Ключевская сопка на Камчатке 430
 Ключевский маяк, кр. на Колывано-Кузнецк. оборон. линии 464
 Клязьма, г. в Рост.-Сузд. з. 183, 185
 Клязьма, р., пр. р. Ока 150-153, 163, 183, 187, 189, 216, 221, 222, 223, 230, 232, 235, 256
 Кляпец, г. на р. Сула 180
 Княжья гора на р. Сулица 343
 Кобрин, г. на р. Муховец 132, 178
 Кобуд, г. в Волоховск. з. 134
 Кобылин, г. на р. Дон 316
 Кобылово, урочище на Псков. оз. 211
 Кобылье, г. на Псков. оз. 211, 254
 Ковен (Ковно, Каунас), г. 178
 Ковенская губ., Ковенская Литва 142
 Ковжа, р., прав. пр. р. Шексна 151, 204
 Ковыло, г. на р. Псе́л 180
 Кодак, кр. на р. Самара (Днепров.) 269, 339
 Кодацкая паланка 376, 377
 Кодня, зам. на р. Буйва 350
 Кодыма, р., пр. р. Юж. Буг 351, 352
 Коелга, р., пр. р. Увелька 508
 Коелгская, кр. в устье р. Коелга 508
 Кожухаров, форпост на Нижнеяицк. оборон. линии 329
 Козельск, г. на р. Жиздра 136, 162, 180, 191, 233, 247, 254, 295
 Козельский у. 293
 Козельское княжество 168, 169, 233
 козельские места 286
 Козлов, г. (также: Гезлѐв, Евпатория) 387
 Козлов, г. на р. Воронеж 302, 303
 Козловская пуца 339
 Козырщина, сел., центр Орельской паланки 376
 Козьминское, сел. на р. Кубань 425

- Козьмодемьянск, г. в Поволжье 266
 Кой, вол. в Переясл. кн-ве 154
 Коканд, Кокандское ханство 521-524
 кокандцы 522
 Кокова, сел. на р. Папша 146
 Кокорок, сел. в Обонежье 146
 Кокпекты, посел. в Вост. Казахстане 521
 Кокчетав, кр. в Сев. Казахстане 521
 Кокчетавский у. 525
 Кокшайск, г. в Средн. Поволжье 266
 Кокшинская вол. в Псков. з. 211, 213
 Кола, г. на Кольском п-ве 256
 Колдома, вол. в Белозёрск. кн-ве 154
 Колежа, р., впад. в Белое м. 206
 Колмогоры, г. в Заволжье 197
 Коложа, г. на р. Коложа 210, 211
 Коложа, р. в Псков. з. 211
 Коложа, оз. в Псков. з. 210
 Колокша, р., лев. пр. р. Клязьма 107, 149, 223, 224
 Коломак, р., пр. р. Ворксла 135, 308, 337, 339
 Коломак, г. на р. Коломак 308
 Коломенка, р., прав. пр. р. Москва 220
 Коломенский у. 154, 188, 219, 232, 253, 535
 Коломна, г. на р. Ока 136, 137, 151, 152, 183, 190, 191, 217, 219, 220, 222, 228, 253, 260, 287, 295, 297
 Коломья, г. в Поднестровье 130
 колонисты из Бадена 281
 колонисты из Вюртемберга 281
 колонисты из Голландии 281
 колонисты из Пфальца 281
 колонисты из Швейцарии 281
 Колоново, вол. в Новг. з. 207
 Колонтаев, г. в бас. р. Ворксла 307
 Колонтаевка, сел. в Орельской паланке 377
 Колоча, р., пр. р. Москва 191, 222
 Колпаковская, слоб. в Азовск. губ. 383
 Колпино, мыза под Петербургом 534
 Колтуховский, г. на р. Иртыш 443
 Колчеданский острог на р. Исеть 496
 Колывано-Кузнецкая оборонительная линия 464
 Колывано-Кузнецкая пограничная линия 472
 Колывань, г. (также: Чаусский острог) 463
 Колыма, р. в Вост. Сибири 430, 436, 450, 451
 Колымский край 462
 Колычевское, сел. в Коломенск. у. 188
 Колычевское, сел. Москов. у. 188
 Кольский п-в 197, 206, 255
 Кольский у. 255, 440
 Командорские о-ва 436
 Комела, р., пр. р. Лежа 223
 коми, народ 150
 Комов, г. на Вольни 131
 Кона, р., пр. р. Онега 204
 Конда, р., лев. пр. р. Иртыш 439
 Конда, обл. в Югорск. з. 439
 Кондинское, сел. на р. Обь 443
 Конель, р. на Звенигородчине 349
 Коневой, о. на Ладож. оз. 207
 Конеловское, куренное сел. на р. Ея 417
 Концеполь, зам. на р. Кодыма 351
 Конинская тундра 148
 Конкар (также: Камский), г. 441
 Кононово, мыза под Петерб. 534
 Конотоп, г. 360, 364, 377
 Конская, р., пр. р. Днепр 310
 Конские Воды, р., пр. р. Конская 106, 336, 343, 368, 381
 Конский, о. на р. Днепр 340
 Константинов, г. на Правобер. Украине 365
 Константиновская, ст. в Закубанье (позже Новороссийская) 420
 Константиновская, немецк. ст. на Сев. Кавказе 423
 Константиновский, кордон в Кубанск. обл. 416
 Константиновское, сел. в Моск. кн-ве 188
 Константиновское, укр. на Новой оборонит. линии 521
 Константиногорская, кр. ок. Минеральных Вод 423
 Константинополь, г. (также: Византия) 315, 393

- Константинопольская патриархия 170
 Контида, сел. на Таманск. п-ве 319
 Конура, р. в Кубанск. обл. 417, 418
 Конятин, г. на р. Сула 134
 Копал, г. в Илийском крае 521, 526
 Копановская, ст. в Астрахан. губ. 281, 283
 Копанская, ст. в Кубанск. обл. 423
 Копорье, г. в Новг. з. 195, 198, 209, 530
 Копорье, р. 195
 Копорьский у. 202, 254
 Копыль, г. в Турово-Пинск. кн-ве 141, 178
 Копыльский, кордон в Кубанск. обл. 416
 копыляне, жители Руси Литовской 346
 Копыс, г. в Смолен. кн-ве 144
 Корабельное, зимовник в Богогардовской паланке 376
 Кордюковский, г. на р. Сунжа 400
 Корега, р., прав. пр. р. Кострома 149, 223
 Корела, г. и пог. 197, 256, 530
 корела, корелы, народ 147-149, 196, 197
 Корелия 530
 Корелы, пог. в Псков. з. 210
 Корельская волостка на р. Онега 196, 197
 Корельская губа, вол. в Псков. з. 210
 Корельская земля, Корела, Корелия 197, 209
 Корельские (также: Кекегольские) погосты 534
 Корельский берег Белого м. 196, 197
 Корельский, г. (также: Кекегольм) 197, 209
 Корельский, г. в Кореле 209
 Корельский присуд в Кореле 209
 Корельский у. 203, 208, 254
 Коренский лес 301
 Кореновское, куренное сел. на р. Мал. Байсуг 417
 Коренский стан в Белгород. у. 301
 Корень (также: Коредя), р., пр. р. Нежеголь 301
 Корец, имение на Вольни 178
 Коркинский острог (теперь г. Ишим) на р. Ишим 454
 Кормавово, сел. в Псков. з. 213
 Корнин, имение на р. Ирпень 350
 Корожечна, р., лев. пр. р. Волга 225, 246
 Королевец, местечко на р. Свирка 360
 Коростынь, сел. в Новг. з. 245
 Коростышев, зам. на р. Тетерев 350
 Коротояк, г. на р. Дон 303, 309
 Короча, г. на р. Короча 302, 303, 362
 Короча, р., пр. р. Нежеголь 301, 302
 Корсика, о. 385
 Корсунское, куренное сел. на р. Кубань 417, 418
 Корсунь, г. на р. Днепр 365, 366
 Корсунь, г. на р. Рось 96, 132, 351, 360
 Корсунь, зам. на р. Рось 351, 356, 361
 Корческ, г., пригород Киева 133
 Коруза, р. в Псков. з. 210
 Корхино, кр. на Ишимской оборон. линии 363
 коряки, народ 437
 Корякова, слоб. в Нижегород. кн-ве 187
 Костенский, г. на р. Дон 303
 Кострома, г. 150-153, 188, 189, 221
 Кострома, р., лев. пр. р. Волга 204, 223, 225, 240
 Костромская губ. 151, 154, 193
 Костромское княжество 187, 215, 223, 253
 Костромской у. 154, 188, 223, 263, 535
 Котеленский обруб в Псков. з. 211
 Котельнич, г. в Вятской з. 132, 247, 255, 256
 Котельно, г. в Псков. з. 211
 Котельный, форпост на Нижнеяицк. оборонит. линии 329
 Котельня, г. в Житомирск. повете 353
 Котлин, оз. (также: Финский зал.) 145
 Котлин, о. в Финск. заливе (также: Рету-Саари) 351, 534
 Котлярское, воен. посел. на Сев. Кавказе 409
 Котовка, сел. в Протовчинской паланке 377
 Которосль, р., прав. пр. р. Волга 240, 241
 коуи, народ 133
 Кочать, р. в Кубанск. обл. 417

- Кочевань (также: Нахичевань), посел. на р. Дон 322
- Кочема, вол. в Коломенск. у. 154
- Кочетов, г. на р. Дон 316
- Кошина, боярск. земля в Посулье 342
- Кош-Карагайская кр. на Ишимск. оборон. линии 463
- Кош-Кайран, лес на р. Орель 339
- Кошкин, г. в Шелонск. вол. 209
- Кошкин перевоз на р. Днепр 294
- Кошкодамое, оз. в Башкирии 493
- Кошкинский у. 254
- Кошухи, г. вогулов 444
- Кош-Яик, г. на Нижнеяицк. оборон. линии 329
- Кош-Яик, о. на р. Яик 326
- Краменичи, пог. в Новг. з. 199
- Крапивна, г. на р. Ока 296, 297, 359
- Красивая Меча, р., пр. р. Дон 97
- Красная, р., пр. р. Сев. Донец 97
- Красная, р., пр. р. Зап. Буг 131
- Красная, р., пр. р. Днепр 132, 179
- Красная Германовка, р., пр. р. Стутна 351
- Красне, зам. на р. Рогозна 351
- Красноводский залив Касп. м. 523
- Красноводское, укр., г. Красноводск 523, 526
- Красногорская, кр. на Верхнеяицк. оборон. линии 507
- Красное, оз. в Закамье 272
- Краснокутск, г. на р. Мерчик 307
- Красносамарская, кр. на р. Самара (Волжск.) 505
- Красноуфимская, кр., Красноуфимск, г. в Башкирии 505, 507, 511, 516
- Красноуфимский у. 516
- Красноярск, г. 449, 482
- Красноярская команда Астрах. каз. войска 242
- Красный, г. на р. Сумь 211, 254
- Красный, г. в Смолен. кн-ве 144
- Красный Кут, урочище на р. Подпольной 374
- Красный Яр, г. на Ахтубе 281
- Красный Яр, дер. на р. Тулва 494
- Красный Яр, сел. ок. г. Уфа 494, 500
- Красный Яр, форпост на Нижнеяицк. оборон. линии 329
- Краснянка (также: Рогозна), р. 344, 351
- Краснянский, г. на р. Сев. Донец 319
- Кременец, г. в обл. Лучан 131, 178, 363
- Кременец (Кременеск), г. в бас. р. Угра 247
- Кременецкий повет 363
- Кременичи, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
- Кременской, г. на р. Дон 316
- Кременчуг, кр. на р. Днепр 177, 352, 361, 411
- Кременьчук, Кременчук, г. в Волжск. Болгарии 260
- Кремична, вол. в Москов. кн-ве 154
- св. Креста, кр. в Терской обл. 400, 401
- св. Креста, сел. на Сев. Кавказе 423
- кривичи, вост. слав. племя 84, 97, 98, 142-145, 151, 174, 210, 212, 275
- Кривовицкая губа в Псков. у. 213
- Кривовичи, сел. в Псков. з. 212
- Кривой Рог, зимник в Перевиской паланке 376
- Кривошаровский шлях 348
- Кричев, г. 178, 181
- кричевцы, жители Руси Литовской 346
- Кром, Кромы, г. на р. Ока 136, 362
- Крома, р., пр. р. Ока 85, 249
- Кромское городище на р. Ока 298
- Кронсгартен, местность в Новороссии 390
- Кронштадт, кр. 531, 534
- Кропивна, г. в Черкасском повете 293, 353
- Кротово, сел. в Псков. з. 213
- Круглая, слоб. в Серпуховск. у. 187
- Круглое, оз. в Башкирии 493
- Круглый, о. ниже устья р. Нева 534
- Круглый Яр, урочище на Южн. Урале 508
- Крутоярская, кр. на Уйской оборонит. линии 508
- Крылов, г. на р. Урал 505
- Крылов, местечко на р. Днепр 361
- Крылов, укр. на р. Тясмин 351, 356, 258
- Крыловское, куренное сел. на р. Б. Чалбас 375, 417

- Крым, п-ов, территория, государство (см. также: Крымское ханство) 75, 82, 88, 96, 103, 106, 121, 257, 260, 262, 263, 285-291, 293, 294, 315, 316, 373, 385, 388, 394, 396, 398, 421, 493, 495, 496
- Крымская Орда (также: Перекопская) 257, 346
- крымские степи 393
- Крымский перешеек (также: Перекоп) 295
- Крымский юрт 294
- Крымское ханство 106, 292, 302, 384, 385, 387, 403
- Кснятин, г. в Тверск., Моск. кн-вах 246
- Кубанская Орда 279
- Кубанское казачье войско 61, 420, 425, 486
- Кубань, обл., край 40, 124, 125, 284, 318, 319, 403, 404, 415-418, 420, 422, 423, 425, 426
- Кубань, р. 95, 103, 121, 318, 392, 393, 396, 400, 403-405, 410, 412-422, 425, 426, 541
- Кубена, р., пр. Кубенского оз. 239
- Кубена, удел Ярославск. кн-ва 236, 239
- Кубенское оз. 191, 204, 229, 238, 239
- Кублич Гродек, г. в Брацлавском повете 353
- Кубовская, кр. в Башкирии 505
- Кувацкая, слоб. в Башкирии 511
- Кугу-Ея, р., пр. р. Ея 417
- Куда, обл. в Югорск. з. 439
- Кудин, г. в Волоховской з. 210
- Кудо, оз. в Псков. з. 210
- Кудьма, р. в бас. средн. течен. р. Волга 231, 235
- Кусво, дер. в Псков. з. 210
- Кузнецк., кр. в Зап. Сибири 464
- Кузнецкая котловина 432
- Кузнецкий острог на р. Томь 445, 454
- Кузнецкий у. 462
- Кузнецово сиденье, дер. в Новг. з. 203
- Кузодеевский, форпост на Кольвано-Кузнецк. оборон. линии 464
- Кузьминская Геть, сел. в Тамбов. у. 318
- Кукенойс, г. на р. Зап. Двина 144
- Куконосова, дер. в Корельск. вол. 210
- Кукуева гора, Кокова, сел. в Обонежье 146
- Кулагин Яр, урочище в обл. яицких казаков 329
- Кулагин городок, кр. в обл. яицких казаков 329, 507
- Куларовская, слоб. в Тобольск. у. 460
- Куларовское, оз. ок. г. Тобольска 460
- Кулец, р. в Псков. з. 210
- Куликово поле 228, 229
- Кулундинская степь 429
- Кулья, р. в Псков. з. 210
- Кулья, Кулой, р., впад. в Белое м. 440
- Кума, р. на Сев. Кавказе 318, 320, 392, 396, 398, 400, 401, 403-405, 409, 415, 423, 424
- Кумания (также: Половецкая земля) 339, 490
- куманы, народ (также: половцы) 124, 541
- Кумсара, р. в бас. верхн. теч. р. Волга 149
- Кумшак, г. на р. Дон 316
- кумыки, народ 392, 393, 394, 396, 399, 425
- кумыки брагунские 399
- кумыки эндерийские, эндерийцы 399
- Кумылженский, г. на р. Хопёр 317
- Куна, укр. на р. Соб 351
- Кунгур, г. на р. Кунгурка 496
- Кунгурка, р., пр. р. Кама 496
- Кунгурский у. 397
- Кундравинская слоб. в Увельском дист-рикте 511
- Кунеть, р. в Псков. з. 210
- Кунжевская степь 516
- Куность, вол. в Белозёрск. кн-ве 154
- Кунск, сел. в Псков. з. 210
- Купчино, дер. под Петербургом 534
- Кура, р. на Кавказе 403
- Курба, р., пр. р. Суда 198
- Курганский округ в Зап. Сибири 471, 472
- Курганский у. 524
- Курджип, р., лев. пр. р. Белая (Кубанск.) 421

- Кур-город, Куреск, г. и вол. на р. Ловать
 (также: Курск) 199, 207
 Курильские о-ва 466
 Курлянская губ., Курляндия 537, 539
 Курмыш, г. на р. Сура 255
 Курны, местность в Кубанск. обл. 417
 Куровичи, сел. в Ямском у. 208
 Куро-Сиво, течение 431
 Курпут, р. в Башкирии 513
 Курск, г. на р. Сейм 136, 166, 180, 298,
 362
 Курск, г.; см.: Кур-город
 Курская губ. 366, 480
 Курская обл. 310
 Курская, ст. на Сев. Кавказе 405
 Курский присуд в Новг. з. 209
 Курский у. 201, 254
 Куртамыш, р., лев. пр. р. Тобол 508
 Куртамышская, кр. на р. Куртамыш 508
 Куртамышская, слоб. на Уйской оборон.
 линии 511
 Куртамышский дистрикт 511
 Курчанская, ст. в Закубанье 426
 Курчинская, ст. в Кубанск. обл. 422
 Курыпка, зам. на р. Удай 352
 Кустанай, г. 526
 Кустанайский у. 526
 Кустово сиденье, посел. в Псков. з. 212
 Кут, р., лев. пр. р. Лена 449
 Куткобал, вол. в Переясл. кн-ве 154
 Кутра, р., прав. пр. р. Ока (Волж.) 232
 кутургуры (также: болгары-кутургуры),
 народ 91
 Кухва, р. в Псков. з. 210
 Кучельмин, г. в Поднепровье 130
 Кучманский шлях 295, 336
 Кучумово царство 444
 Кушка, г. в Южн. Туркестане 524
 Кушка, р. в Южн. Туркестане 524
 Кушовское, куренное сел. на р. Ея 417
 Кушинская, вол. в Башкирии 516
 Куяльжик, дер. в Новороссии 370
 Кыштым, Киштым, р., пр. р. Уфа 513
 Лаба, р., лев. пр. р. Кубань 392, 410, 413,
 420-422, 558
 Лабенчик, р., пр. р. Кубань 317
 Лабинская, ст. на р. Лаба 410
 Лабинская (также: Новая), оборонитель-
 ная линия 420, 559
 Лабинский край в Кубанской обл. 410
 Лабутинский, городок вогулов 444
 Ладога, г. ок. устья р. Волхов 145, 198
 Ладогская, ст. в Кубанск. обл. 404
 Ладожский канал 534
 Ладожский присуд в Поволховской вол.
 209
 Ладожский у. 203, 254
 Ладожское оз. 49, 76, 145-147, 151, 196,
 197, 207, 255, 534
 Ладыжин, кр. на р. Юж. Буг 351
 Лазарев, форт на Черноморск. побер. 420
 Ланшев, г. на р. Кама 266, 305
 Лама, р., пр. р. Шоша 151, 237, 246
 Ламбида, г. в Крыму 88
 ламуты (также: морские тунгузы), народ
 435, 450
 лангобарды, герман. племена 91
 Лань, р., пр. р. Припять 141
 Лапин, г. в устье р. Сыгва 439
 Латорица, р., пр. р. Тисса 130
 латыши, народ 142-144, 174, 210, 537
 Лахость, р., пр. р. Которосль 241
 Лахта, вол. в Новг. з. 208, 529
 Лбужа, р. в Псков. з. 210
 Лебедево, сел. в Псков. з. 213
 Лебедин, г. на р. Псе́л 307
 Лебединский лес 338
 Лебяжий, форпост на Ишимск. оборонит.
 линии 463
 Лебяжна, слоб. в Симбирск. у. 305
 Лебяжье, оз. в Башкирии 493
 Лебяжья, кр. на Пресногорьковск. оборо-
 нит. линии 463, 464
 Ледовитый океан 101, 107, 204, 255, 428-
 432, 436, 437
 Лежа, р., прав. пр. р. Сухона 204, 223, 237
 Лежнинское, сел. на Украине 364
 лезгины, народ 401
 Лена, р. 429, 430, 435, 436, 448-451, 462,
 562
 Ленва, р., пр. р. Вишера 440
 Ленинград, г.; см.: Петербург
 Ленский край 431, 432

- ленчичане, славян. племя 121
 Лескер, р., пр. р. Терек 392
 Летошицы, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
 Летний берег Белого м. 206
 летьгола, народ 143, 144, 174, 210
 Летьгола, обл. 144
 Леушковское, куренное сел. на р. Бол. Чалбас 417
 Лешин, зам. на р. Буйва 450
 Ливны, г. 298, 301
 Ливония 9, 195, 201, 290, 495
 Ливонский Орден 144, 174, 256
 Ликурги, вол. в Белозёрск. кн-ве 154
 Лиман, г. на р. Сев. Донец 307
 Лименга, р. на Кольск. п-ве 197
 Линда, р., лев. пр. р. Волга 235
 Линейный, посел. в Астрахан. губ. 283
 Липна, дер. на р. Сясь 146
 Липна, кр. на р. Десница 351
 Липна, р., лев. пр. р. Клязьма 223
 Липовец, г. в Черкас. повете 353
 Липсуевичи, сел. в Обонежье 146
 Лисянка, королевские земли, г. на р. Гнилой Тыкич 351, 356
 Литин, зам. на р. Згар 351
 Литва, Литовское государство (также: Великое княжество Литовское) 5, 9, 13-15, 20, 21, 28, 48, 57, 60, 141, 143, 145, 161, 166, 168, 174-181, 201, 210, 226, 227, 233, 245-250, 252, 256-258, 285, 286, 290, 292, 293, 313, 335-337, 340, 346, 347, 354, 495, 539, 543, 544, 554, 571
 литва, литовцы, народ 29, 84, 85, 117, 143, 149, 157, 162, 173-176, 198, 199, 219, 290, 315, 346, 399, 441, 493, 542, 556
 Литовская Республика 28
 Литовская Русь 21, 181, 248, 344, 346, 361, 554
 Литовская Украина 254, 337
 литовские князья 142, 175, 178
 Литовско-Белорусское государство 544
 Литовско-Русское государство 12-14, 16, 21, 28, 43, 49, 175-177, 181, 336, 343, 355
 Литовское Подолье (также: Побужье) 178
 Лифляндия 537, 539, 571
 Лихвин, г. 254
 Лобачев, г. в Черкас. повете 353
 Лобич, зам. в Киевском Полесье 350
 Лобь, р., прав. пр. р. Шоша 237
 Лобьская, Лопская вол. на юж. берегу Ладожск. оз. 146, 209
 Ловать, р. 144-146, 151, 199, 203
 Лагожск, г. в Полоцк. кн-ве 144
 Лоева гора в Киевском Полесье 350
 Лозовой овраг на р. Терса 376
 Лозоговичи, посел. в Псковск. з. 212
 Лозьва, р., пр. р. Тавда 429, 442, 444, 445
 Лозьвенский, г. на р. Лозьва 445
 Локотский, пог. в Новг. з. 202
 Локоцкий, пог. в Новг. з. 201, 202
 Ломов, р., пр. р. Мокша 302, 304
 Лопасна, Лопасня, р., лев. пр. р. Ока 144, 151, 160, 219, 220, 228
 Лопасна, Лопасня, г. на р. Ока, также вол. 136, 151, 152, 220, 222, 224, 292
 Лопастинцы, сел., вол. в Новг. з. 210
 лопацкая, часть лопа 147
 лопь, народ 147, 148, 197, 210
 лопь лещая, часть лопа 148, 197
 лопь малая, часть лопа 196
 Лопьская, вол.; см.: Лобьская
 Лопьский берег Белого м. 198, 205-206
 Лопьский, пог. в Новг. з. 209
 Лосичи, г. на р. Псёл 180
 Лосичи, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
 Лосна, р., пр. р. Зап. Буг 131
 Лохвица, зам. на р. Сула 352
 Лтава, г. в бас. р. Ворскла 135
 Лубки, посел. на р. Жица 342
 Лубны, г. 337, 339, 352
 Лубны, замк. земля на р. Жица 343
 Лубня, г. на р. Сула; см.: Лубны
 Лувь, р. в Новг. з. 202
 Луга, р. в Новг. з. 146, 203, 209, 529
 Луга, р. на Волини 135, 145
 Луганск, кр. на р. Лугань 381
 Луганский, г. на р. Сев. Донец 316, 319
 Лугань, р., пр. р. Сев. Донец 97, 310, 381
 Луговешский пог. в Псков. з. 202
 Лудва, р. в Псков. з. 210
 Луевка, р. в Пенз. у. 278
 Лужа, г. в Рязанск. Московск. кн-вах 228
 Лужа, р., прав. пр. р. Протва 186, 224
 Лукиничи, сел. в Новг. з. 199

- Луковесь, посел. (совр. Луковец) в Бело-
зёрск. крае 152
- Луковская, ст. на Сев. Кавказе 402, 405
- Луковский, г. на р. Хопёр 317
- Лукоморье 445
- Лукомль, г. в Полоцк. кн-ве 134, 144
- Лукомль, г. на р. Сула 134
- Луская (Лусская), вол. на р. Луга 146, 202,
203, 209
- Луское, сел. в Псков. з. 209
- Лугова, г. на р. Десна 135
- Лудц, г. на Волыни 131, 178, 363
- Лудцкая, немецк. колония близ г. Ямбург
536
- Лудский повет 363
- Лучан, обл. в бас. р. Стырь 131
- лучане, вост. слав. племя 134, 141
- Лущкое княжество 131
- Лушский у. 253
- Лысьва, р., лев. пр. р. Чусовая 440
- Лычково, сел., центр Протовчинской па-
ланки 377
- Львов, г. 129, 169, 295
- Львова, слоб. в Серпуховск. кн-ве 186
- Льжа, р. в Псков. з. 210
- Любачов, г. в Галицк. з. 129
- Любечко, местечко на Украине 357
- Любечь, г. 98, 136, 180, 247-249
- Любим, слоб. в Костром. кн-ве 187
- Любно, г. на р. Пола 199
- Любогляд, дер. в Новг. з. 200
- Любовицы, сел. в Новг. з. 199
- Любоково, сел. и вол. в Псков. з. 207, 210
- Любомль, г. на Волыни 131
- Любонег, дер. в Новг. з. 200
- Любонег, дер. в Новг. з. 200
- Люботиж, посел. в Псков. з. 212
- Любутск, г. на р. Ока 180, 247, 249
- Люджеричи, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
- Люцин (Лудза), г. в Латвии 143
- Люцинский у. 143
- ляхи (также: поляки) 132, 169
- Ляховцы, местечко на Волыни 363
- Маврокастрон (также: Очаков), г. 126
- Магнитная, кр. на р. Урал 507
- Мазурские озёра 131
- Майлегул, сел. в Астрахан. у. 281
- Макаров, зам. на р. Здвиж 350
- Макарово, сел. в Калмиус. паланке 376
- Макаръев, г. в Костром. губ. 193
- Макаръев, г. в Нижегород. губ. 193
- Македония 162
- Маковский острог на р. Кеть 449
- Максимовский, форпост на Ишимск. обо-
ронит. линии 463
- Малая Азия 77, 80, 102, 314
- Малая Каменка, р. в бас. р. Днепр 374
- Малая Киргизская Орда 284
- Малая Кокшага, р., лев. пр. р. Волга 266
- Малая Нева, р., рукав р. Нева 536
- Малая Невка, р., рукав р. Нева 531
- Малая Ногайская Орда 257, 398
- Малая Русь 43, 170, 173, 495, 543, 555
- Малка, р., пр. р. Терек 392, 403, 405, 425
- Малодельский, г. на р. Медведица 317
- Малороссия, Малая Россия 307, 308, 313,
324, 361, 374, 419, 420, 459, 530
- Малорусская Украина 29, 365
- малорусское казачество 358
- малорусы, малороссы (также: украинцы)
173, 279
- Малоярославец, см.: Ярослав Малый
- Малоярославский у. 253
- Малые Чепурники, сел. на Ергенях 283
- Малый Бейсут, р. в Кубан. обл. 417
- Малый Зеленчук, р., лев. пр. р. Кубань
392
- Малый Узень, р. в Нижн. Заволжье 281,
332
- Малый Черемшан, р., пр. р. Большой Че-
ремшан 274
- Малый Яик, р. 513
- Малыковка, посел. в Средн. Заволжье
280
- Мангазея, г. на р. Таз 445, 449, 450
- Мангазея, обл. на р. Таз 445
- Мангуп, г. в Крыму 88
- Мангышлак, п-в 526
- Маноха, г. в Брацлавском повете 353
- манчжуры, народ 435, 436
- Маныч, г. в Донской обл. 315, 316, 322
- Маныч, р. 316, 398, 403, 557, 558
- Маньковка, г. в Брацлавском повете 353

- Маралий рог, кр. на Кольвано-Кузнецкой оборонит. линии 464
 мари (также: черемисы), народ 154
 Маринская, ст. на Сев. Кавказе 405
 Маринский, пост на р. Амур 465
 Маринина, слоб. в Переяслав. кн-ве 187
 Мариуполь, г. (см. также: Домаха) 88, 376, 384, 557
 Марквашин, сел. ок. г. Свяжск 267
 Марковский, форпост на Ишимской оборонит. линии 463
 маркоманы, герм. племя 82
 Марсель, г. 385
 Марьяновский, кордон в Кубанск. обл. 416
 массагеты, кочевые племена 77
 Махновка, имение в Киевском Полесье 350
 Махосевский, форпост на р. Лаба 410
 Машанк, сел. в Астрахан. у. 281
 Машук, гора на Сев. Кавказе 423
 Мая, р., пр. р. Адан 430, 449, 450
 Маяцкий, г. на р. Сев. Донец 307
 Маячки, посел. в Протогвинской паланке 377
 Малин, г. в Брянск. з. 254, 256
 Медведевка, г. (см. также: Данилов) 351
 Медведица, р., лев. пр. р. Волга 237, 246
 Медведица, р., лев. пр. р. Дон 97, 106, 316-318, 320, 324
 Медведка, Медьведка, р., лев. пр. р. Москва 220
 Медвежье, сел. на р. Егорлык 434
 Медовец, зимовник в Кодацкой паланке 376
 Медовск (также: Мезоческ), г. 180
 Медынка, р., пр. р. Шаня (Угринск.) 187, 224
 Медынский стан 229
 Медынь, г. в Рязанск., Московск. кн-вах 229, 254
 Мстиславль, г. в Смол. кн-ве 144, 181
 Межа, р., пр. р. Зап. Двина 144, 181
 Межиречь, г. в Овруцком повете 353
 Мезенская губа 204
 Мезенский у. 255, 440
 Мезень, р. 100, 102, 204, 237, 440, 545
 Мезинка, р., лев. пр. р. Москва 220
 Мезоческ (также: Медовск), г. на р. Тура (Угринск.) 180
 Мекенская, ст. на р. Терек 402
 меланхлены (также: черноризцы), народ у Геродота 83
 Мелеча, вол. в Новг. з. 146
 Мелеча, р., пр. р. Молога 146
 Мелехов, г. на р. Дон 316
 Мельник, г. на р. Зап. Буг 132
 Мельница, г. в обл. Лучан 131
 Мензелинск, Мензелинский острожек, г. на р. Ик 273, 274, 494, 497, 511, 549
 меннониты, колонисты-протестанты из Германии 281, 390, 391
 Менск, Минск, г. 144, 178
 Меньшая Орда киргиз-кайсаков 500, 501, 520, 521, 569
 Меньшие Можары, сел. в Рязан. губ. 8
 Меотида (также: Азовское м.) 77, 81, 82, 88, 91, 92, 162
 Мерв, г. 526, 534
 Мерв, Мервский оазис 523, 524, 570
 Мергенев, форпост на Нижнеяицк. оборонит. линии 329
 Мерехва, г. на р. Можга 307
 Мерецкий стан в Каширском у. 153
 Мерл, р., пр. р. Мерчик 135, 137, 307
 Мертвый Култук, зал. на Касп. м. 534
 Мерчанское, сел. в Кубанск. обл. 425
 Мерчик, р., пр. р. Ворскла 307
 Мерьская, р., лев. пр. р. Москва 153, 220
 Мерьский стан в Костром. у. 153
 Меря, дер. ок. Павловского Посада 153
 Меря, сел. в Звенигород. у. 153
 меря, вост. фин. народ 98, 152-154, 157
 Меря Молодая, дер. в Звенигород. у. 153
 Меря Старая, дер. в Звенигород. у. 153
 Мехонский острог на р. Миасс 496
 Мехренга, р., пр. р. Емца 205
 Меча, р., пр. р. Дон 290, 297
 Мечетное, сел. на р. Большой Иргиз 280, 281
 Мечетское, укр. на Сев. Кавказе 405
 мешера, вост. фин. народ 136, 137, 153, 231, 240, 279
 Мешера, дер. на р. Осеченка 153

- Мещерка, вол. в Коломенск. у. 153
 Мещерка, село во Владимир. (на Клязьме) у. 153
 Мещерская, вол. в Нижегород. кн-ве 153
 Мещерская земля, сторона, Мещерский край 137, 228, 230, 231, 234, 240, 255, 287, 294
 Мещерская обл., Мещера 233, 253, 258, 496
 мещерские сторожи 298
 Мещерское княжество 231
 Мещерское, сел. в Нижегород. кн-ве 153
 мещеряки, служилые татары 496, 499, 504, 506
 Мещовск, г. в Калуж. губ. 254
 Мещовский удел Тарус. кн-ва 169
 Мещовский у. 293
 Мзымта, р., впад. в Чёрное м. 422
 Миасс, р., пр. р. Исеть 429, 489, 496, 497, 505, 508
 Миасская, кр. на р. Миасс 497, 505, 507, 508
 Мигулин, г. на р. Дон 316
 Мидия 79, 81, 82
 мидяне, жит. Мидии 79, 82
 Мизия, обл. 82
 Микитин Рог, местность на р. Днепр 369, 372
 Микитино, зимник в Кодацкой паланке 376
 Микулин, г. в Тверск. кн-ве 129, 133, 186
 Милолюб, г. в Переяслав. (Русск.) з. 180
 Милонежь, дер. в Новг. з. 200
 Мильск, г. в бас. р. Горынь 131
 Милья, р. в Псков. з. 210
 Мингрельская, ст. на р. Адагум 423
 Минеральные Воды, г. на Сев. Кавказе 423
 Минино, дер. в Новг. з. 203
 Минск, см.: Меньск
 Минская губ. 481
 Минское княжество 175, 177, 181
 Минское (также: Переяславское), куренное сел. на р. Сасык 417
 Миргород, г. в Переяслав. повете 353
 Миронег, починок в Новг. з. 200
 Мирополье, г. на Белгород. засечн. черте 307, 366
 Мирославль, дер. в Новг. з. 200
 Митякинский, г. на р. Сев. Донец 317
 Миус, р., впад. в Азовск. м. 298, 316
 Миусский округ 324
 Михайлов, г. князей Вишневецких (см. также: Пирятин) 356
 Михайловка, посел. в Астрахан. губ. 283
 Михайловские "попы" с Городища 208
 Михайловский, г. на р. Хопёр 317
 Михайловск, пос. в Новг. з. 208
 Михайловское, сел. в Моск. кн-ве 188
 Михайловское, укр. на Новой оборонит. линии 521
 Михайловское, укр. в устье р. Пшада 420
 Михалёв, г. на р. Дон 316
 Михайлова Степана Осипова, слоб. в Малояросл. у. 187
 Михельсталь, немецк. колон. в Причерноморье 425
 мичигиш, мечкисы, см.: чеченцы
 Мичск, г. на р. Тетерев 133
 Мишурин Рог, зимовник в Кодацкой паланке 376
 Мишурин Рог, кр. на р. Днепр 177
 Мног, р., пр. р. Нижний Удай 343
 Многа, г. на р. Удай 352
 Многа, р. в Псков. з. 210
 Могилёв, г. 178
 Могилёв, сел. в Протовчинской паланке 377
 Могилёвская губ. 481
 могилёвцы, жители Литовской Руси 346
 Можга, р., пр. р. Сев. Донец 307
 Можайка, р. в сист. р. Угра 180, 183
 Можайск, г. на р. Москва 144, 151, 183, 191, 221, 222
 Можайский у. 151, 247, 253
 Можайское удельное княжество 181, 221, 253
 Моздог, урочище на р. Терек 402
 Моздок, кр. на Сев. Кавказе 402, 410
 Моздокская горская казачья команда (войско) 402
 Моздокская оборонит. линия 402
 Моздокский край 402

- Моздокское казачье войско (часть Волжского) 333, 402
- Мозино, мыза под Петербургом 534
- Мозырский повет 179, 337
- Мозырь, г. на р. Припять 133, 176, 179, 337, 350
- Моисеевичи, сел. в Новг. з. 199
- Мойка, р., лев. пр. р. Нева 203, 533
- Мокрая, слоб. в Серпуховск. у. 186
- Мокша, р., пр. р. Ока 103, 137, 154, 155, 233, 253, 255, 297
- мокша, ветвь мордвы 155
- Мокшан, г. на р. Мокша 255, 256
- Молвятицы, пог. в Новг. з. 199
- Молвятичи, вол. в Новг. з. 207
- Молвятицы, сел. в Великолукск. у. 210
- Молвятичи, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
- молдаване, народ 315, 380, 388, 390, 425
- Молдавия 126
- Молдавское, сел. в Кубанск. обл. 425
- Молога, г. в Ярослав. кн-ве 240, 241
- Молога, р., лев. пр. р. Волга 43, 146, 151, 153, 203, 229, 230, 237, 240, 241
- Молоди, сел. на р. Лопасня 292
- Моложба, р. в Псков. з. 210
- Моложское удельное княжество 184
- Молохта, р., пр. р. Теза 191
- Молочные Воды, Молочная, р. в Приазовье 390, 391
- Монастыри:
- Аврамиев-Богоявленский, на Ростовск. оз. 189
 - Александров-Куштский, ок. Кубенского оз. 191
 - Антониев Любечский 168
 - Антониев Новгородский 112
 - Антониев Покровский, во Владимирск. (на Клязьме) з. 193
 - Аркадь-, Аркажь-монастырь, в Новгороде 206
 - Афонский 191
 - Благовещенский-Богородицкий, ок. Нижн. Новгорода 189
 - Благовещенский-Киржачский (позже г. Киржач) 193
 - Боголюбов, Рождества Богородицы 189
 - Богоявленский Голутвин, ок. Коломны 190
 - Борисоглебский на Горе, в Переяславле (Залес.) 189
 - Борисоглебский на Кидекше 189
 - Борщовский, в Воронеж. у. 301
 - Валаамский 206
 - Варварин, в Костром. губ. 193
 - Варлаамиев Хутынский, в Новг. з. 206
 - Варнавин, в Нижегородск. губ. 235
 - Волосов, ок. Стародуба (на р.Клязьма) 193
 - Далматов, на р. Исеть 496
 - Данилов, в Москве 189, 293
 - Дивногорский, на р. Дон 309
 - Днионисиев Глушицкий, на р. Глушица 191
 - в сел. Дуброво 192
 - Елизарьев, в Псков. з. 213
 - Зачатьевский Алексеевский на Остоженке, в Москве 189
 - Ипатьевский (Ипатъевский), в Костроме 189
 - Св. Иоанна Предтечи 314
 - Иосифо-Волоколамский 191
 - Калязинский 192
 - Карачунский, в Воронеж. у. 301
 - Кириллов Белозёрский 191, 192, 198
 - Клобуков, ок. Кашина 190
 - Колоцкий, на р. Колоче (Москов.) 191
 - Коневский, на Коневом о. 207
 - Корнильев Комельский, на р. Нурма 191
 - Крынинский, в Псков. з. 213
 - Макарьев Желтоводский, в Нижегород. губ. 193
 - Макарьев Калязинский 191
 - Макарьев Унженский, в Костром. губ. 193
 - Михайлова пустынь, ок. Стародуба 193

- Муромский, на Онежск. оз. 207
 Нерлинский Покровский, ок. сел. Боголюбова 189
 Никитский, ок. Переяславля (Залес.) 189
 Никольский Медведицкий, в г. Новая Ладога 534
 Николо-Угрешский, в Москве 190
 св. Николы на Поле, в Новг. з. 204
 Никольский Корельский, в устье р. Сев. Двина 196
 Никольский Понедельский, на р. Понеделя 207
 Никольский Чухъенемский, в Двинск. з. 207
 Нилова пустынь на о. Селигер 191
 Новодевичий, в Москве 190
 Новоспасский, в Москве 189, 293
 Оптина пустынь, ок. г. Козельск 191
 Отрочь, под г. Тверь 190
 Павлов-Обнорский, на р. Нурма 191
 Палеостровский на Онежск. оз. 207
 Пантелемонов на Горке, в Новгороде 206
 Пафнугиев Боровский 190
 Петровский на Поле, ок. Ростова Великого 189
 Печерский, в Киеве 350
 Преображенский, в Невьянской вол. 460
 Преображенский Казанский, в Казанск. царстве 272
 Пустинский, на р. Сула 342
 Пыскорский, в Прикамье 440, 442, 551
 Рафаилов, на р. Исеть 496
 Пречистые Усть-Воломский, при впад. р. Волмы в Мсту 207
 Саввин-Сторожевский, в Звенигороде 190, 277
 Самарский, на р. Самара (Днепровск.) 383
 Святогорский в Псков. губ. 213
 Святогорский Успенский, на р. Сев. Донец 309
 Симонов, в Москве 189, 293
 Синеволодский, в Карпатах 129, 169
 Сновиденский, ок. Владимира (на Клязьме) 193
 Соловецкий 198, 206, 207
 Софийский, в Киеве 353
 Спас-Нередицкий, в Новгороде 206
 Спасо-Андрониев, в Москве 189
 Спасо-Каменский, на Кубенском оз. 191
 Спасо-Преображенский под Муромом 189
 Спасо-Прилуцкий Димитриевский, под Вологдой 190
 Спасский (Казанский?) 305
 Спасский на Песках Княгинин, ок. Ростова Великого 189
 Спасский Хутынский, под Новгородом 201
 Терехтемиров (см.: Терехтемиров)
 Тольский, ок. Ярославля 189
 Терехтемиров (также: Успенский Зарубский) 351
 Троице-Сергиева обитель 191, 192
 Троицкий Елабужский 272
 Троицкий, в Рязани 190
 Троицкий Усть-Шехонский, на Белоозере 189
 Успенский Зарубский (также: Терехтемиров) 351, 353
 Успенский, в Башкирии 494
 Успенский Воронежский 301
 Ферапонтов 191
 Хутынский 116, 206
 Шартоминский, ок. Шуи 191
 Шацкий, в Яицком городке 327
 Юрьев, в Новгороде 206
 Монастырские Дуванен, посел. в Башкирии 494
 Монастырский, г. в Донской обл. 313, 315
 Монастырский, о. на Днепр. порогах 369

- Монастырский ретраншамент в обл. Войска Донского 322
- Монастырщина, кр. на р. Угор. Тыкч 351
- Монголия 88, 161, 454, 489
- монголы, монгольская раса 93, 94, 433, 437, 452-454
- Моравский, форпост на Ишимской оборонит. линии 463
- Морахва, р., лев. пр. р. Днестр 106
- Мордва, Мордовская земля 155, 163, 183, 216, 251, 253, 255, 548
- мордва, народ 137, 143, 149, 154, 155, 158, 161, 231, 240, 265, 279, 327
- Морева, вол. в Новг. з. 207, 210
- Моровийск, г. на р. Десна 135
- Морозовичи, пог. в Новг. з. 199
- морские тунгузы (также: ламуты) 435
- Мосальск, г. на р. Ока (Волжск.) 136, 249, 254
- Мосальское удельное княжество 109
- Мосальский у. 293
- москали в Литовской Руси 346
- Москва, г. 8, 12, 31, 33, 43, 48, 50, 54, 150, 151, 162, 165, 170, 183, 184, 187, 192, 216-218, 220, 221, 224-226, 233, 236, 237, 244-248, 251-254, 260-265, 269, 273, 274, 286-295, 314, 316, 317, 320, 321, 327, 337, 373, 385, 393, 394, 396, 438, 439, 443, 445, 453, 456, 529, 535, 571
- Москва, р. 137, 144, 145, 151, 153, 184, 188, 216-220, 221
- Москва, Московия, Московское государство 10, 11, 15, 43, 48, 49, 53, 56, 57, 73, 161, 165, 180, 181, 187, 191, 198, 205, 209, 217, 221, 225, 226, 228-232, 235, 236, 238, 240, 241, 246, 249, 252-256, 259, 263, 268-271, 273-275, 277, 285, 289, 290, 292-296, 298, 304, 313-315, 320-322, 335, 337, 348, 356, 358, 363, 364, 366, 373, 395, 397, 405, 438, 439, 442, 444, 446, 447, 458, 484, 492, 493, 495, 496, 498, 530, 531, 546, 547, 549, 551, 553, 554, 560-562, 567
- Московская губ., обл. 151, 152, 153, 218, 219
- Московская, кр. на р. Ташла (Сев. Кавказ) 403
- Московская легионная казачья команда 403
- Московская Украина 286, 306
- Московский рубеж 346-348, 364
- Московский у. 188, 192, 253, 535
- Московское княжество 43, 52, 53, 57, 153, 154, 184, 186, 192, 216, 218, 220-223, 234, 242, 246, 253, 259, 546
- Мотовидловка, см.: Гуляники
- Мотря, р., лев. пр. р. Ока 232
- Мотыжин, имение на р. Ирпень 350
- Моча, р., пр. р. Пахра 151
- Моча, р., лев. пр. р. Волга 218, 235
- мочаре (также: мешера) 240
- Моша, р., прав. пр. р. Онега 146, 204
- Мошневская слоб. в Серпуховск. у. 186
- Мошны, г. в Правобереж. Украине 366
- Мошны, зам. на р. Ольшанка 351
- Мошны, селище ок. Черкас. замка 345
- Мста, р. 151, 203, 207, 208
- Мстиславль, г. в Белоруссии 178
- Мстиславльский у. в Моск., Рязанск. кн-вах 228
- мстиславляне, жители Литовской Руси 346
- Мудьюга, р., пр. р. Онега 149
- Мужеч, г. 180
- Мужечь, р., пр. р. Сейм 180
- Мунгетский острог на р. Томь 454
- Мункач, г. (совр. Мукачево) 130
- Муравский шлях (сакма) 295, 296, 298, 302, 303, 307, 308, 336, 337, 308, 336, 337, 368, 377, 550
- Муравьевская бухта на Касп. море 523
- Мурахва, г. в бас. р. Мерчик 307, 351
- Мургаб, р. 524
- Мурейское оз. 92
- Муром, г. 98, 136, 163, 189, 216, 217, 219, 232, 233, 261, 295
- мурома, народ 98, 136, 137
- Муромка, р., впад. в Онежск. оз. 207
- Муромо-Рязанская земля 129, 136, 137, 170, 173, 215, 216
- муромские князья 137
- Муромский у. 151, 192, 253, 260
- Муромское княжество. Муромская земля 136, 137, 163, 170, 215, 231-233, 253, 254

- Мусора, р. в Верхневолж. бас. 149
 Мухавец, р., пр. р. Зап. Буг 131, 132
 Муцаловы улусы 398
 Мца, р. в Псков. з. 210
 Мценск, г. 136, 180, 181, 247, 249, 254, 295, 297
 Мыслогостичи, сел. в Псков. з. 212
 Мытковцы, имение на Звенигородчине 349
 Мышастовское, куренное сел. в Кубан. обл. 417
 Мья, р. в Новг. з. 203
 Мягковичи, посел. в Псков. з. 212

 Навагинское, укр. на Черномор. побер. 420
 Нагайкин, г. на р. Дон 316
 Нагиская ст. на Сев. Кавказе 423
 Надеинское Усолье, р-н соледобычи на р. Усолка 277
 На, р., пр. р. Уфа 513
 Назрановская, ст. на Сев. Кавказе 410
 Нальчик, р., пр. р. Терек 392
 Нальчинский округ 425
 Нальчинское, укр. на Сев. Кавказе 405
 Нара, р., лев. пр. р. Ока (Волж.) 144, 186, 219, 220
 Нараул, кр. на р. Днестр 177
 Нарва, р., см.: Нарова
 Нарвский у. Эстлянд. губ. 147
 Нарев, р., прав. пр. р. Зап. Буг 142
 Нарова (также: Нарва), р. 102, 537
 Нарым, г. на р. Обь 445, 446
 нарым (также: калмыки пегие) 435
 Нарымский, г. на р. Иртыш 443
 Нарын, р. в Ср. Азии 520
 Нарын-Пески, урочище в Прикасп. степи 284
 Наследника, укр. на Новой оборонит. линии 521
 Насоково, сел. в Псков. з. 213
 Настасьинская, вол. в Поонежье 205
 нате, см.: тавасты
 Натухайский казачий округ в Закубанье 421
 натухайцы, горский народ на Сев. Кавказе 416
 Наурская, ст. на р. Терек 402
 Нахвороща, зам. на р. Буйва 350
 Нахичевань, посел. на р. Дон 322
 Неберджаевская, ст. на Средн. Чалбисах 426
 Небль, г. в Турово-Пинск. кн-ве 141
 Нева, р. 102, 145, 147, 196, 529-531, 533-536, 571
 Неваличи, сел. в Псков. з. 212
 Невель, г. в Полоцк. з. 254, 256
 неврь-, племя 83
 Невская дельта 529, 536
 Невья, (также: Нейва), р. 460
 Невьянская вол. 460
 Невьянская, слоб. в Верхотур. у. 460
 Невьянский острожек на р. Нейва 460
 Невьяжа, р., пр. р. Неман 174
 Неговичи, сел. в Новг. з. 199
 Неговичи, сел. в Рост.-Сузд. з. 121
 Негора, р. в бас. р. Сев. Двина 100
 Негуча, вол. в Моск. кн-ве 154
 Недригайлов, гор. на р. Сула 337, 366
 Нежеголь, р., пр. р. Сев. Донец 301
 Нежегольский, г. в Белгород. у. 303
 Незамаевское, куренное сел. на р. Сасык 417
 Незлобное, сел. на р. Кума 405
 Нейва, р., исток р. Ницы, притока р. Тура 429
 Неклочь, г. в Полоцк. з. 144
 Неман, р. 84, 85, 100, 102, 141-143, 174, 175, 178
 Немецкая Украина (также: Ливония) 254
 немецкие поселенцы 391
 Немиров, кр. на р. Юж. Буг 351
 Немля, р., лев. пр. р. Волга 235
 немцы, народ 130, 144, 147, 169, 174, 195, 279, 327, 385, 399, 423, 425, 441, 493
 немцы ливонские 198, 254
 Непрядва, р., пр. р. Дон 297
 Нерехта, р., прав. пр. р. Клязьма 223
 Нерль, р., лев. пр. р. Клязьма 151, 189, 223
 Нерль, р., прав. пр. р. Волга 151, 221, 246
 Неро, оз. 241

- Нерусса, р., пр. р. Сейм 85
 Нерча, р., лев. пр. р. Шилка 452
 Нерчинский округ, край 468, 563
 Нерчинский острог на р. Нерча 452
 Нерчинское нагорье 430
 Нестеровичи, сел. в Новг. з. 199
 Нехорош, г. на Житомирщине 358
 Нея, р., пр. р. Унжа 225
 Нива, р., впад. в Белое м. 206
 Ниен, г. в устье р. Охта 530
 Ниеншанц, г. в устье р. Охта 530
 Нижегородская губ. 156, 193
 Нижегородский у. 253, 263
 Нижегородское княжество 153, 187, 230, 231, 234, 235, 253, 259, 261, 288
 нижегородцы, выходцы из Нижегородского уезда 275
 Нижнее Поволжье 269, 270
 Нижнекамчатский острог на Камчатке 464
 Нижнеломовская оборонительная линия (черта) 305
 Нижнеподгорное, сел. на р. Кума 405
 Нижнестеблиевское, куренное сел. в Кубан. обл. 418
 Нижнеуельская слоб. на р. Увелька 511
 Нижнеудинский у. Иркутской губ. 470
 Нижнеяицкая оборонит. линия 329, 330, 507
 Нижний Кизиль, р., прав. пр. р. Урал 507
 Нижний Курманяр, г. на р. Дон 316
 Нижний Ломов, г. на р. Ломов 302, 304
 Нижний Новгород, г. 154, 189, 219, 226, 234, 235, 238, 239, 254, 256, 260, 261, 264, 295, 482
 Нижний Удай, р., пр. р. Удай 343
 Нижняя Литва (также: Жемойть) 60, 174
 Нижняя Пыскорка, р., пр. р. Пыскорка 442
 Нижняя Тунгуска, р., прав. пр. р. Енисей 430, 435, 446, 449, 450
 Низовская земля 238
 Низ (также: Запорожье) 368, 556
 Низовая Украина 279
 Никата, посел. в Крыму 88
 Никитинская кр. на Днепровской оборонит. линии 381
 Никитинская Ондропова, дер. в Новг. з. 202
 Николаев, г. 61, 386, 387, 557
 Николаевка, посел. в Астрахан. губ. 283
 Николаевка-Рудева, слоб. в Запорожье 377
 Николаевск, г. в Самарск. губ. 280, 281
 Николаевск на Амуре, г. (также: Николаевский пост) 465
 Николаевская кр. на Пресногорьковской оборонит. линии 468
 Николаевская нем. ст. на Сев. Кавказе 423
 Николаевский маяк, кр. на Колывано-Кузнецк. оборонит. линии 464
 Николаевский пост, см.: Николаевск на Амуре
 Николаевский у. Самарской губ. 281
 Николаевское, военное посел. на Сев. Кавказе 409
 Николаевское, укр. на Береговой Черноморской оборонит. линии 420
 Николо-Ижорский, пог. Новг. у. 529
 Никольский Поддубский, пог. Бежецкой пятины 151
 Никольский Понедельский, пог. на р. Понеделя 207
 Ницинская, слоб. в Верхнетурск. у. 460
 Ницца, г. 385
 Ничан, г. на р. Псел 180
 Нищенка, р., пр. р. Москва 220
 Новая Закамская оборонит. линия 509, 510
 Новая Ладога, кр., г. 534
 Новая Московская дорога 510
 Новая (также: Лабинская) оборонительная линия 410, 420
 Новая оборонительная линия между Уралом и Тоболом 521, 569
 Новая Сербия, обл. в Запорожье 370, 379, 380, 381, 556
 Новая Сечь (также: Подпиленская Сечь) 374, 375, 376
 Новая Сечь, курени:
 Батурицкий 375
 Брюховецкий 375
 Ирклевский 375

- Каневский 375
 Кореневский 375
 Крыловский 375
 Павлоцкий 375
 Пашковский 375
 Переяславский 375
 Платнеровский 375
 Сергиевский 375
 Щербиновский 375
 Новгород Великий, г. 43, 54-57, 98, 145-148, 183, 195, 197, 198, 200, 203-207, 209, 210, 213, 215, 217, 222, 235-239, 241-245, 247, 249, 250, 260, 286, 438, 496, 529, 540
 Новгород, г. на р. Протва 170, 224, 228, 247
 Новгород Северский, г. 135, 180, 248, 286, 296, 297, 360
 Новгород-Северское княжество 177, 254
 Новгородок, Новогрудок, г. 142, 175, 178
 Новгородская вол. 113
 Новгородская губ. 107
 Новгородская земля, Новгородский край 49, 54, 55, 56, 73, 144, 145, 150, 162, 173, 199, 200, 202-205, 206-208, 210, 211, 213, 215, 230, 231, 236-241, 242, 245, 246, 249, 254, 542, 544, 545
 Новгородская республика 54, 57
 новгородские волости 107
 Новгородский острог в устье р. Охта 561
 Новгородский присуд 209
 Новгородский у. 254, 529
 новгороды, выходы из Новгородской земли 119, 122, 147, 148, 151, 173, 196, 197, 205, 433, 438, 445
 Новиковский, форпост на Кольвано-Кузнецкой оборон. линии 464
 Новисдунский, г. 92
 Ново-Архангельск, г. в Рус. Америке 466
 Новоархангельск, г. в Запорожье (также: Архангельский городок) 379
 Новогладковский, г. на Сев. Кавказе 400
 Новоград-Волынский, г. 169, 179
 Новогригорьевка, сел. на р. Кума 424
 Новоджерелиевский курень (куренное поселение) в Кубанск. обл. 418
 Ново-Дмитриевская, ст. на р. Афипс 422
 Ново-Катериновский, кордон в Кубанск. обл. 416
 Новоакампская оборонительная линия 549
 Новоилецкая дистанция на Илецкой оборонит. линии 332
 Новокорсунское, куренное сел. на р. Бейсужка 418
 Новокузнецк, г. на р. Большой Узень 281
 Новомалин, местечко на Волыни 363
 Новомосковск (также: Новоселица), пос. сел. 376
 Новомосковский у. в Ниж. Поднепровье 390
 Новонижнестеблиевский курень (куренное поселение) в Кубанск. обл. 418
 Ново-Николаевск (теперь Новосибирск), г. на р. Обь 483
 Новоосетинская, ст. на Сев. Кавказе 405
 Новопавловская (также: Приближная), ст. на Сев. Кавказе 405
 Новороссийская губ. 381, 382
 Новороссийская, ст. в Закубанье (также: Константиновская) 420
 Новороссийский край, Новороссия 60, 61, 73, 310, 382-384, 389-391, 481
 Новосаратовская, нем. колония на р. Нева 536
 Новоселица (также: Новомосковск), см.: Самар
 Новосербский корпус (позже Новороссийская губ.) 381
 Новосергиевск, г. на р. Самара (Волж.) 506
 Новосибирск, г. 483
 Новосиль, г. на р. Зуша 136, 180, 233, 254, 297
 Новосильское княжество 169, 233
 Новотитаровское, куренное сел. на р. Конура 418
 Новоторжская, вол. 217
 Ново-Троицкое, укр. на р. Пшава 420
 Новоузенский у. Самарск. губ. 281
 Новохоперская, кр. на р. Хопер 403
 Новочеркасск, г. 280, 325
 Новошешминск, г. в бас. р. Кама 274
 Новые Дубоссары, г. 389, 390

- Новый Заслав, г. на Волини 363
 Новый городок, в устье р. Протва, см.: Новгород
 Новый Кодак, центр Кодацкой паланки 376
 Новый Койдак, форштадт в Екатеринославе 386
 Новый Маргелан (также: Скобелев), г. 526
 Новый Торг (также: Торжок), г. 198, 210
 ногаи, ногайцы, народ 257, 258, 261-263, 265, 266, 269, 270, 273, 274, 289, 290, 315, 326, 333, 393, 394, 396, 398, 406, 424, 434, 463, 491, 492, 493, 506, 549
 ногаи башкирские 492, 513
 ногаи малые 257
 ногаи приволжские 441
 ногаи сибирские 441
 Ногайская дорога (сазма) 295, 296, 301, 304, 333, 550
 Ногайская, кр. в Башкирии 511
 Ногайская степь 258, 310, 343, 360, 370, 381, 544, 556
 Ногайская Орда, ногайские улусы 257, 271, 273, 492
 Норинск, зам. на р. Норынь 350
 Норынь, р., лев. пр. р. Уша 350
 Нотебург (также: Орешек), г. 530
 Нугуш, р., прав. пр. р. Белая (Камск.) 513
 Нур, р., пр. р. Зап. Буг 131
 Нурма, р., пр. р. Обнора 191
 Ньюфаундленд, о. 484
 Нюхча, р., впад. в Белое м. 206
 Обдорский острожек, на р. Обь 445
 Обдорье, р-н Югорской з. 439
 Обнора, р., прав. пр. р. Кострома 191, 204
 Оболенское удельное княжество 233
 Обонежская вол., Обонежье 146, 147, 203, 209
 Обонежская пятина 199
 обры (также: авары) 91
 Обская губа 429
 Обь, р. 148, 428, 429, 433-435, 438, 439, 443, 445, 446, 463, 483, 561
 Обудов, г. в Киевском повете 353
 Обша, р. в сист. р. Зап. Двина 85, 143, 144, 181
 Общий Сырт, отрог Юж. Урала 100, 103, 332
 Овечьи Воды, р., лев. пр. р. Днепр 106, 336, 343
 Овидиополь, г. на Днепровск. лимане 388, 389
 Овлуй (также: Улео), р. на сев. Финляндии 197
 Овруцкий повет 179, 337, 353, 360
 Овруч (Вручий), г. на р. Тетерев 176, 179, 337, 350
 Одер, р. 23
 Одесса, г. 386, 388, 389, 390, 557
 Одоев, г. на р. Упа 180, 233, 254, 256, 286, 295, 296
 Одоевское княжество 169, 180
 Одоевские места 286, 289
 Ожск, г. на р. Ока (Волжск.) 136
 Озерная, кр. на Верхнеяицк. оборонит. линии 507
 Озерное, казач. сел. на р. Урал 505
 Озерна, Озернь, р., лев. пр. р. Москва 216
 Озерский, форпост на Новоилецкой дистанции 332
 Ойсун, укр. на Сунженской оборонит. линии 409
 Ока, р., прав. пр. р. Волга 49, 52, 85, 98, 103, 105, 124, 136, 137, 143, 146, 149, 150-152, 154, 158, 168, 172, 173, 180, 181, 186, 190, 216, 219, 220, 222-224, 228-230, 232, 233, 235, 239, 240, 247, 249, 252-254, 256, 286-289, 292, 293, 295-298, 535, 540-543, 546, 549, 550
 Ока, р., лев. пр. р. Ангара 430, 436, 449
 Оклюличи, сел. в Псков. з. 212
 Оковский лес 107, 144, 254
 Окская оборонит. линия 252
 Окская Украина Московск. княжества 239, 240, 253
 Окский бассейн, геогр. район 49, 52, 152, 170, 173, 193, 544
 Окско-Донская низменность 101
 Окуневский острог в Исетском крае 497
 Олевск, зам. на р. Уборть 350
 Олевская, вол. в Киевском Полесье 346

- Олекма, р., прав. пр. р. Лена 430, 451, 452
 Олекминский острог в устье р. Олекма 451
 Олексин, г. в Рязанск. з. 254
 Оленек, р. в Вост. Сибири 430, 450
 Оленичево, посел. в Астрахан. губ. 283
 Олешье, г. в низовьях р. Днепр 126, 127, 287, 541
 Олешье, местность в Нижн. Поднепрровье 106
 Олимп, гора 101
 Олонец, г. 385
 Олонка, р., пр. р. Свирь 146
 Олонцы, сел. в Новг. з. 146
 Олутное, кр. на Ишимск. оборонит. линии 463
 Ольвия, греч. колония 77, 78, 83
 Ольгинский курдон в Кубанск. обл. 416
 Ольгинское, сел. на р. Кубань 425
 Ольгов, г. на р. Семь (Сейм) 135
 Ольгов, г. в бас. р. Ока 136
 Ольховата, р., пр. р. Сев. Донец 97
 Ольховое, дер. в Башкирии 493
 Ольховский Плес 343
 Ольхон, о. на оз. Байкал 451
 Ольшанина, Ольшаница, р., прав. пр. р. Днепр 351, 361
 Ольшанка, г. на р. Уды 307
 Ольшанская (также: Ельшанская), кр. 506
 Ольшанский, г. на Кальмиус. шляхе 302
 Омельники, р., прав. пр. р. Днепр 340
 Омовжа (также: Эмбах, Эмайыги), р. в Эстонии 147
 Омск, Омская, кр. на р. Иртыш 463, 464
 Омская губ., округ 472, 477
 Онашкино, посел. в Псков. з. 212
 Ондромир, дер. в Новг. з. 200
 Онега, р. 102, 145, 146, 149, 196, 204, 205, 209, 255, 545
 Оного, Онежское оз. 49, 145, 146, 149, 151, 196, 207, 255
 Онежская вол. 146
 Онон, р., исток р. Шилка 430, 436
 Онуза, р. в Рязан. з. 161
 Онут, г. на р. Днестр 130
 Опоки, г. на р. Шелонь 198, 246
 Опольский стан в Рост.-Сузд. з. 219
 Опольщина, район в Рост.-Сузд. з. 107, 152, 223
 Опочка, г. в Псков. з. 211, 254, 256
 Оргощ, г. на р. Оргощ 135
 Оргощь, р., пр. р. Десна 135
 Оредежь, р., пр. р. Луга 202, 203
 Орелка, р., лев. пр. р. Днепр 339
 Орель, р., лев. пр. р. Днепр 105, 106, 135, 166, 177, 180, 298, 309, 340, 343, 368, 370, 374, 376, 377, 379, 556
 Орельская паланка 376, 377
 Орел, г. на р. Ока 296, 297
 Орел, р., пр. р. Кама 441
 Орел, Орлов, г. (также: Кергелан) 441
 Оренбург, г. 280, 330, 502, 504, 505, 507-511, 520, 568
 Оренбургская губ. 471, 475, 476, 511, 518, 549, 569
 Оренбургская дорога 505
 Оренбургская оборонит. линия 464, 510, 520, 568, 569
 Оренбургский дистрикт 507
 Оренбургский край 328, 329, 464, 508-510, 513
 Оренбургское казачье войско 486, 509, 554
 Оренбургское, укр. на р. Тургай 521
 Ореса, р., пр. р. Птич 142
 Ореховой. Ореховец, г. на о. Ореховом 196, 197, 209, 256
 Ореховский присуд в Новг. з. 209
 Ореховский у. 196, 203, 208, 254, 529
 Ореховый, о. в устье р. Нева 196
 Орешек, г. 529, 530
 Ораниенбаум, г., дворец 534, 536
 Орианда, посел. в Крыму 88
 Орлов, г. на р. Усмань 303
 Орлов, г. в Вятской з. 247, 255, 256
 Орловская губ. 471, 480
 Орловские места 269, 304
 орочны, народ на р. Амур 435
 Орск, г., Орская кр. в устье р. Орь 507
 Ортемова, слоб. в Малояросл. у. 186
 Орша (Рша), г. в Смолен. кн-ве 144, 181
 Орша, р., прав. пр. р. Днепр 143, 144, 181
 Орь, р., лев. пр. р. Урал 501-505, 507
 Оса, г. на р. Кама 494

- Осереда, р., пр. р. Дон 97
 Осеченка, р. в Москов. губ. 153
 осетины (также: ос , ясы, аланы), народ 82, 92, 124, 393, 425
 Осетия 402
 Осетр, р., пр. р. Ока (Волж.) 136, 253
 Оскол (также: Старый Оскол), г. на р. Оскол 180, 298
 Оскол, р., пр. р. Сев. Донец 106, 136, 177, 180, 295, 298, 299, 301, 302, 308, 337, 366
 Оскольский у. 362
 Осокоровка, зимовник в Перевиской паланке 376
 Остапюва, слоб. в Серпуховском у. 186
 остготы, герм. племена 81, 88
 Остер, р., лев. пр. р. Десна 122, 134, 136, 337, 359
 Остерский городок, Остер, г. на р. Остер 134, 136, 180, 337, 350
 Остерский повет 337, 353, 360
 Острий, г. в Смолен. з. 254
 Остров, г. в Псков. з. 211, 254, 356
 Островский, г. на р. Медведица 347
 Острог, г. на р. Горынь 131
 Острог, имяне на Волини 178
 Острогжской, Острогжск, г. на р. Сосна 303, 366
 остяки (также: ханты), народ 148, 434, 437, 439
 Осуг, р., пр. р. Вазуза 231
 Отводное 187
 Отмина, сел. в Двинск. з. 146
 Отра, р., прав. пр. р. Москва 220
 Оттоманская порта 380, 414
 Охотск, г. 430, 464
 Охотский бассейн 138
 Охотское море 431, 432, 435, 447, 449, 450, 453, 465, 470, 562
 охочане, инородцы 396, 399
 Охта, р., прав. пр. р. Нева 196, 529, 530, 532
 Очаков, г. 127, 177, 290, 336, 386, 388
 Очаковская обл. 388, 389, 390
 Очаковское поле 179, 336, 339, 360, 368, 370, 544, 554, 556, 557
 Очера, р., прав. пр. р. Кама 441
 Очерский острожек на р. Очера 441
 Очка, р., пр. р. Семь 297
 Ошел, г. на р. Кама 156
 Ояти-Лайзет-Вепсас (также: Весь Оятская) 153
 Оять, р., лев. пр. р. Свирь 146, 153
 Павловская, кр. на р. Золка 403
 Павловская, ст. на Сев. Кавказе 405
 Павловский, кордон в Кубанск. обл. 416
 Павловский Посад, г. 153
 Павловское, сел. в Моск. кн-ве 188
 Павловча, р., пр. р. Трубеж 123
 Павлоградский у. Екатеринославск. губ. 377, 390
 Павлодар, Павлодарская кр. на р. Иртыш 463, 464
 Павлодарский у. 524
 Павлолоч, зам. на р. Растиница 351
 Павска, вол. в Новг. з. 133
 Павшичи, сел. в Новг. з. 199
 Паденга, р. в Заволочье 205
 Пажа, р., пр. р. Воря (Моск.) 218
 Палдиски, г., см.: Роггервик
 Паленга, р. в Заволочье 141
 палеазиаты, этнич. группа 437
 Палечь, вол. в Стародубск. кн-ве 226
 Палье, о. в Онежском оз. 207
 Памир, горы, горн. страна 523, 524, 570
 Паннония, обл. на р. Дунай 90, 91, 95
 Пантикап, р. в Скифии (по Геродоту) 78
 Пантикапей, греч. колония в Крыму 77, 83
 Паншин, г. на р. Дон (теперь Трех-Остроянская ст.) 316, 318
 Папанская, ст. в Закубанье 422
 Пара, р., прав. пр. р. Ока (Волж.) 253
 Парабочевское, сел. на Сев. Кавказе 408
 Партената, посел. в Крыму 88
 де-Пастри, зал. в Татарском проливе 465
 Патробал, вол. в Белозерск. кн-ве 154
 Пахитск, вол. в Обонежье 146
 Пахра, р., прав. пр. р. Москва 144, 151, 216, 218, 220
 Пацынь, г. в Смолен. к-ве 144
 Паша, р. в Обонежье 196, 198
 Пашково, дер. в Новг. з. 203

- Пашковское, куренное сел. в Кубанск. обл. 417
- певкины, древ. племена на Дунае 84
- Пейпус, оз. (также: Чудское оз.) 147
- Пекша, р., лев. пр. р. Клязьма 149, 223
- Пелик, оз., исток р. Березина 142
- Пелшла, р., лев. пр. р. Сухона 238
- Пелым, г. на р. Тавда 445, 455, 558
- Пелым, р., лев. пр. р. Тавда 429, 445
- Пельмский у. 446
- Пенза, г. 278, 549
- Пензенская губ. 480
- Пензенский у. 278
- Перевиска на Днепре, посел., центр Перевиской паланки 376
- Перевиска (также: Ингульская) паланка 376
- Перевитск, г. в Рязанск. кн-ве 251, 253
- Перволока, г. на р. Удай, 134, 298, 352
- Перволоцкая, кр. в верх. р. Самара (Волж.) 506
- Перволочна, р., пр. р. Сула 342
- Перворыск, г. в Галицкой з. 129
- Перекоп (также: Крымский перешеек) 295, 387
- Перекоп, г. на р. Коломак 308
- Перекопская (также: Крымская) Орда 178, 257
- Перекопской, г. на р. Дон 316
- Перемиль, г. в обл. Лучан 131
- Перемышль, г. на р. Моча 151, 218
- Перемышль, г. в Галицкой з. 129
- Пермышль, г. на р. Ока 151, 181, 187, 254, 295
- Перемышльское княжество в Галицк. з. 130
- Перемышльское удельное княжество на р. Ока 169
- Перемышльский (на Оке) у. 294
- Перемь, вол. на р. Пинега 198
- Перепетово поле, под г. Белая Церковь 339
- Пересопица, г. в бас. р. Горынь 131
- Переяслав, г. 352, 360
- Переяславль (Залесский), г. 98, 150, 152, 183, 189, 217, 220-222, 227, 234
- Переяславль (Русский), г. на р. Трубуж 134, 163, 180, 540
- Переяславль Рязанский, г. 136, 190, 251-253, 295
- Переяславская епархия 166
- Переяславская земля, обл., Переяславщина 128, 129, 134, 135, 166, 179, 180, 341, 344, 542
- Переяславский повет 353
- Переяславский у. 151, 156, 188, 221, 232, 253
- Переяславское княжество 123
- Переяславское (Залес.) княжество 52, 187, 216, 220, 221, 253, 541
- Переяславское оз. 185, 221
- Переяславское, сел., см.: Минское
- Пермин, сел. в Обонежье 146
- Пермская губ. 471, 516, 526, 570
- Пермская земля, край 255, 272, 439, 441, 442
- Пермский у. 263
- Пермь, г. 440
- пермь (пермяки), народ 98, 148, 149, 198, 272
- Пермь Великая 255, 496, 561
- Пермь Малая 238, 255
- Пермь Удорская, тер. в Заволочье 237
- пермяки, выходы из Пермской з. 275
- Перовский, форт на р. Сыр-Дарья 522
- Персия 269, 394, 397, 400, 401, 557, 558
- персы, персияне, народ 79, 81, 82, 95, 281
- Песочен, г. на р. Супой 134
- Песчанная Самара, сел. в Самарской паланке 376
- Песчаный, о. в устье р. Урал 328
- Песьи Кости, г. на р. Псел 180
- Петербург, Петроград (также: Ленинград) 31, 33, 385, 515, 529-537, 571
- Петербург - части города
- Смоляны, дер. на р. Нева 533
- острова:
- Адмиралтейский 532, 533
- Алтекарский 531
- Васильев, Васильевский 529, 531, 536
- Городской 532, 533

- Заячий 530
Иени-Саар, (также: Заячий) 530
Каменный 531
Петербургский 532
Фомин (позже Петербургская сторона) 529
Пески, район в Петербурге 535
Стороны:
Выборгская 532, 533, 537
Литейная (также: Московская) 532
Московская (также: Литейная) 532
Петербургская 529, 536, 537
Части:
Адмиралтейская 529, 536
Александро-Невская 537
Нарвская 537
Рождественская 537
Слободы:
Конюшенная 533
Миллионная 533
Морская 533
Офицерская 533
Охтинская 532
Проспекты:
Большая перспектива (позже Невский проспект) 533
Екатерининская перспектива (проспект) 533
Загородная перспектива (проспект) 533
Литейная перспектива (проспект) 533
Большой пр. Васил. острова 533
Большой пр. Петерб. стороны 536
Малый пр. 533
Невский пр. 533, 535
Средний пр. 533
Улицы:
Дворянские 532
Монетные 532
Посадские 532
Пушкарские 532
Ружейные 532
Александровский сад 531
Дворцы:
Аничков 535
Зимний 533, 535, 536
Итальянский 532
Летний 552
Мраморный 536
Таврический 536
Эрмитаж 536
Дворы:
Гостинный 535
Смольный 533
Петропавловская крепость 531
Пушечный литейный завод 533
Водные сооружения:
Галерная гавань 536
Екатерининский канал 536
Обводной канал 536
Культовые места и сооружения:
Александро-Невская лавра 533
Александровский монастырь 536
Владимирской Божьей Матери церковь 536
св. Исаакия Долматского собор 531
Петра и Павла собор 530, 531
Полки: Измайловский 568
Семеновский 568
Преображенский 568
Петербургская губ. 107, 196, 537, 571
Петергоф, дворец и г. под Петербургом 534
Петергофский у. 196
Петигоры, укр. и г. в Черкас. повете 353
св. Петра, кр. на р. Сев. Донец 309
Петро-Александровск, кр. на р. Аму-Дарья 523, 526
петриковцы, жители Литовской Руси 346
Петровская, кр. на Днепровск. оборонит. линии 381
Петровский, кордон в Кубанск. обл. 416
Петровское, зимовье в устье Амура 465
Петровское, сел. в Ярослав. кн-ве 241
Петрозаводский у. 147
Петропавловская, кр. на Пресногорьковской оборонит. линии 464
Петропавловский, острог на Камчатке, г.Петропавловск 465, 473, 563

- Печенга, р., впад. в Баренц. м. 149
 Печегда, р. 149
 печенеги, народ 96, 98, 104, 105, 120-122, 124, 127, 133, 135, 150, 152, 161, 162, 164, 170, 541
 Печенегия, Печенежская Орда 121
 Печора, р. 102, 108, 148
 Печора, обл. на р. Печора 147, 255
 печора, печера, народ 98
 Пиawa, р. в Псков. з. 210
 Пивжа, р. в Псков. з. 210
 Пивное, местность на р. Днепр 361
 Пишов, укр. на р. Синие Воды 351
 Пинега, р. 146, 198, 204, 237, 440
 Пинега, вол. в Двинск. з. 146
 Пинск, г. 141, 176
 Пинские болота 143
 Пирятин, г. на р. Удай (также: Михайлов) 134, 352
 Пискатур, то же, что Великая Венгрия 490
 Писковичи, посел. в Псков. з. 212
 Писма, р., лев. пр. р. Кострома 223
 Письменная, слоб. ок. Бугульмы 511
 Пластуновское, куренное сел. на р. Кубань 417
 Платаногорский, кордон в Кубанск. обл. 416
 Платнеровское, куренное сел. на р. Кирпили 417
 Плещеево оз., см.: Клешино
 Плисецкое, г. Киевской капитулы 353
 Плодовитое, сел. в Калмыцк. степи 283
 Плоская, кр. на Кольвано-Кузнецк. оборонит. линии 464
 Плоский лес на р. Ингулец 338
 Плюса, р. в Псков. з. 203, 210
 Плюснина, дер. в Новг. з. 202
 Пневичи, вол. в Можайск. у. 151
 Пневичи, вол. в Переяслав. у. 151
 Побужье, Побожье (также: Литовское Подолье), геогр. обл. 125, 133, 134, 164, 166, 178, 338, 340, 366, 540
 поволжские степи 164
 Поволжье 44, 61, 73, 74, 151, 152, 154, 155, 162, 256, 257, 267, 276, 279, 405, 461, 463, 493, 496, 541, 546, 548, 549, 551, 563
 Поволжье Верхнее 49, 154, 155, см. также: Поволжье
 Поволжье Нижнее 269, 270
 Поволжье Среднее 268, см. также: Поволжье
 Поволжская вол. в Новг. з. 209
 Погорина, геогр. обл. в бас. р. Горынь 131, 134
 Погребищи, район в Запорож. обл. (?) 355
 Подесенье, геогр. обл. 135, 168
 Подкумок, р., пр. р. Кума 392, 401, 403, 405, 558
 Подляшское воеводство 347
 Подляшье, геогр. обл. 176, 177, 178, 347
 Поднепровские волости 346
 Поднепровье, см.: Приднепровье
 Поднестровье, геогр. обл. 130, 166, 366
 Поднестровская паланка 412
 Подольская губ. 480
 Подольская земля, Подолия, Подолье 130, 166, 176-179, 286, 335, 354, 361, 362, 544
 Подолье в Киевск. кн-ве 123, 166
 Подольская губ. 75
 Подонская епархия 166
 Подонские степи 164
 Подонье, геогр. обл. 124, 125, 152
 Подпиленская Сечь (также: Новая Сечь) 374
 Подпольная, р., пр. р. Днепр 374-376
 Пожар, вол. в Стародуб. кн-ве 226
 Покров, г. во Владимир. губ. 193
 Покровская, кр. на Пресногорьковской оборон. линии 464
 Покровское, сел. на месте Новой Сечи 382
 Покровское, сел. на р. Тулова 494
 Покутье, г. в Галицк. з. 130
 Пола, р., пр. р. Ловать 146, 199
 Пола, р., лев. пр. р. Ока (Волжск.) 223, 232
 Поламедь, р., пр. р. Пола 146
 Поле, степн. обл. 105, 128
 Поле очаковское, см.: Очаковское поле
 Полесье белорусское, геогр. район 143, 178, 543
 Полесье украинское 338, 554

- Полисть, р., лев. пр. р. Ловать 145
 Полки:
 Алексеевский ландмилицкий, на Южн. Урале 507, 508
 Ахтырский казачий 307, 308, 366
 Белевский ландмилицкий 309
 Белоцерковский казачий 359, 366
 Биллярский ландмилицкий 508
 Борисоглебский ландмилицкий 309
 Брацлавский казачий 359, 366
 Владикавказский ландмилицкий первый 558
 Владикавказский ландмилицкий второй 411, 558
 Вологодский 505
 Волжский казачий 403, 405
 Горский казачий 405, 558
 Ефремовский ландмилицкий 309
 Измайловский, см.: в Петербурге
 Изюмский казачий 308, 366
 Кавказский казачий 404
 Казанский драгунский 328
 Кальницкий казачий 359, 366
 Каневский казачий 359, 366
 Киевский казачий 359
 Кизлярский казачий 401, 558
 Козловский ландмилицкий 309
 Корсунский казачий 359
 Крапивенский казачий 359
 Красницкий казачий 366
 Кубанский территориальный казачий 404, 408
 Лихвинский ландмилицкий 309
 Миргородский казачий 359, 379
 Могилевский казачий 366
 Моздокский казачий 403, 405, 558
 Нежинский казачий 359
 Оренбургский гарнизонный 509
 Орловский ландмилицкий 309
 Острогжский казачий 308, 319
 Острожский казачий 366
 Павлоцкий казачий 366
 Переяславский казачий 359, 384
 Полтавский казачий 359, 379
 Преображенский, см.: в Петербурге
 Прерадовича, сербский 309
 Прилуцкий казачий 359
 Ряжский ландмилицкий 309
 Семеновский, см.: в Петербурге
 Сергиевский ландмилицкий 508
 Слободской ландмилицкий 309, 381
 Ставропольский казачий 408
 Стародубский казачий 364
 Сумской казачий 308, 366
 Сунжинский казачий первый 410, 558
 Сунжинский казачий второй 410, 558
 Тамбовский ландмилицкий 309
 Тарговицкий казачий 366
 Терско-Кизлярский казачий 401
 Терско-Семейный казачий (также: Терско-Семейное казачье войско) 401
 Уманский казачий 359, 366
 Уфимские гарнизонные полки 509
 Харьковский казачий 307, 308, 366
 Хоперский казачий 558
 Черкасский казачий 359, 366
 Черниговский казачий 359
 Чигиринский казачий 359, 366
 Шевича, сербский 309
 Шешминский ландмилицкий 507, 508
 Половечина, обл. в бас. р. Рось 342
 Половецкая земля, степь 162, 163, 490
 Половица, зимовник в Кодацкой паланке (позже Екатеринослав) 376
 половцы, народ 94, 98, 105, 123, 124, 127, 128, 133, 135, 136, 139, 152, 159, 161, 162, 164, 165, 167, 170, 172, 175, 541
 Пологов, слоб. в Азовск. губ. 384
 Полоный, г., пригород Киева 133
 Полота, р., пр. р. Зап. Двина 97
 Полоцк, г. 98, 144, 175, 540
 Полоцкая земля, княжество 143, 144, 145, 173, 175-177, 181, 254
 полоцкие князья 144, 173, 175
 Полоцкое воеводство 497

- полочане, вост. слав. племя 97
 Полтава, г. 337
 Полтавская губ. 75, 366, 419, 473, 480
 Полтавское, куренное сел. в Кубанск. обл. 417
 Полтораново, сел. в Псков. з. 213
 Полуденная, кр. на Пресногорьковск. оборон. линии 464
 Польный Воронеж, р., исток р. Воронеж 302
 польские князья 174
 польские короли 176
 Польско-литовская Украина 73, 335, 554
 Польско-Литовское государство (см. также: Речь Посполитая) 335, 550
 полуэллины, народ 78
 Польская земля, обл. обитания полян 132
 Польша, Польское государство 15, 23-25, 28, 164, 168, 174, 176, 179, 275, 290, 335, 337, 343, 344, 346-348, 354, 364, 373, 374, 379, 381, 384, 390, 423, 467, 495, 539, 541, 554, 555, 557, 559, 571
 Поля, р., прав. пр. р. Клязьма 223
 поляки, народ 134, 173, 174, 279, 327, 425, 462
 поляне, вост. слав. племя 85, 97, 114, 132, 134, 139
 Пома, сел. в Двинск. з. 146
 Поморье, Поморские города 46, 255
 Помостье, район по р. Мста 208
 Понеделя, р., впад. в оз. Ильмень 207
 Понизье, геогр. обл. в низовьях Днестра 130, 179
 Понтус (также: Черное море) 96
 Понца, р. в Заволочье 205
 Поповичское, куренное сел. в Кубанск. обл. 417
 Пората, р. (совр. Прут) 80
 Поонежье, р-н по р. Онега 204
 Поринск, зам. на р. Горынь 350
 Пороги:
 Будило, на р. Днепр 369
 Внук (также: Волниговский), на р. Днепр 369
 Вольный, на р. Днепр 369
 Воронова Запора, на р. Днепр 369
 Дид (также: Ненасытцикий), на р. Днепр 369
 Звонец, на р. Днепр 369
 Кодацкий, на р. Днепр 369
 Княжий, на р. Днепр 369
 Лесной (также: Лишний) на р. Днепр 369
 Лишний (также: Лесной), на р. Днепр 369
 Лоханный, на р. Днепр 369
 Ненасытцикий (также: Дид), на р. Днепр 290, 369
 Стрельчий, на р. Днепр 369
 Сурский, на р. Днепр 369
 Тавроканский, на р. Днепр 369
 на Сухоне 146
 Порогопустыца, вол. в Двинск. з. 146
 Порозовица, р., впад. в Кубенск. оз. 204
 Поросье, геогр. район 123, 132-134, 166
 Поротва, р. см.: Протва
 Порусья, р., лев. пр. р. Ловать 145
 Порхов Высокий, г. в Новг. з. 198, 209
 Порховская, нем. колония ок. Ямбурга 536
 Порховский у. 254
 Посемье, Посеймье, геогр. обл. 168
 Поставские места по р. Ворскла 302
 Посулье, геогр. обл. 123, 135, 342, 348, 349
 Потемкинская, ст. (также: Зимовейко) 316
 Поток, г. 130
 Потребница, зам. на р. Рось 351
 Похорка, р., лев. пр. р. Москва 216
 Пошехонский у. 253
 Почеп, г. в Смолен. з. 249, 254, 256, 286
 Пра, р., лев. пр. р. Ока (Волж.) 127, 232, 252, 253
 Предкавказье, геогр. обл. 44, 61, 95, 273, 315, 392, 399, 405, 411, 412, 420, 557, 558, 559
 Пресновская, ст. на Пресногорьковской оборон. линии 464
 Пресногорьковская (также: Горьковская) оборонит. линия (позже Ишимская) 464, 521, 563, 569
 Пресногорьковская, ст. на оборонит. линии 464
 Пречистинская, кр. на р. Сакмара 507

- Приазовская низменность 100, 101
 Приазовье, геогр. обл. 124
 Приамурье, геогр. обл. 464, 484, 486
 Прибалтийская низменность 102
 Прибалтийская равнина 100, 101
 Прибалтика, Прибалтийский край 60, 62, 529, 539
 Приближная (также: Новопавловская), ст. на Сев. Кавказе 405
 Приволжская возвышенность 100
 Приволжская низменность 101
 Приволжские степи 161, 393
 Пригарина, слоб. в Тверск. кн-ве 187
 Приднепровская низменность 101
 Приднепровье, Поднепровье, геогр. обл. 60, 80, 97, 122, 125, 127, 128, 130, 134, 164, 165, 167, 169, 172, 173, 306, 340-342, 361, 415, 544, 552
 Приднестровье, геогр. обл., см. также: Поднестровье 306, 351
 Прикарпатская возвышенность, Прикарпатье 100, 173, 539
 Прикаспийская низменность 100, 103, 104
 Прикаспийские области 96
 Прикаспийские степи 284
 Прикубанье, геогр. обл. 404, 418, 419
 Прилук, Прилуки, г. в Волоховской з. 134, 352
 Прилука, укр. на р. Десница 351
 Приморская обл. на Дальн. Востоке 465, 484, 485, 486
 Приобщинские форпосты 332
 Приокский край, геогр. обл. 137
 Припять, р. 84-86, 97, 100, 131, 133, 141, 142, 178, 179, 337, 340, 346, 350, 365, 539, 541, 554
 Приуралье, геогр. обл. 46, 61, 405, 448, 461, 554, 561
 Приютное, сел. в Калмыцкой степи 283
 Прогнои (также: Кинбурнская юса) 370
 Прогнои, урочище ок. Кинбурнской косы 377
 Прогноинск, сел., центр одноимен. паланки 377
 Прогноинская паланка 376, 377
 Промысловый, посел. в Астрахан. губ. 283
 Пронск, г. на р. Проня 136, 251, 253, 254, 289
 Пропойск, г. в Смоленск. кн-ве 144, 181
 Протасьевское, сел. в Дмитровск. у. 188
 Протва, Поротва, р., пр. р. Ока (Волж.) 143, 144, 170, 187, 219, 224, 227, 232
 Протовча, р., лев. пр. р. Днепр 374, 377
 Протовчинская паланка 376, 377, 378
 Протоцкий, курдон в Кубанск. обл. 416
 Прохладная, ст. на Сев. Кавказе 405
 Прочноокопская, ст. в Кубанск. обл. 404
 Прочноокопское укр. на Сев. Кавказе 404
 Пруссия, государство 25, 391
 Пруссия Восточная 143
 пруссы, народ 84, 143, 174
 Прут, р. 80, 121, 130, 137, 541
 Псел, р. 106, 134-136, 166, 177, 180, 290, 297, 302, 307, 336, 337, 339, 340, 343, 344, 352, 360, 366, 368, 542
 Псков, г. 54, 57, 98, 210, 211, 213-215, 217, 222, 249, 250, 256, 286, 496
 Пскова, р. 210
 Псковская губ. 107
 Псковская земля 49, 54, 57, 209-215, 249, 254, 545
 Псковская республика 54
 Псковский у. 213, 214, 254
 Псковское оз. 147
 Птичь, р., лев. пр. р. Припять 142, 180
 Пугачевск (также: Николаевск), г. 280
 Пудица, р., пр. р. Медведица (Волж.) 246
 Пужбол, сел. в Ростово-Сузд. з. 241
 Пуйта, р., лев. пр. р. Вага 146
 Пулжово, мыза под Петербургом 534
 Пунема, вол. в Белозерск. кн-ве 154
 Пурголово, мыза (также: Пулжово) 534
 Пустозерский острог 255
 Пустозерский у. в Поморье 255, 440
 Пустынное, кр. на р. Иртыш 463
 Путивль, г. на р. Семь 135, 180, 248, 254, 256, 286, 296, 297
 Путивльский рубеж 343
 Путивльские места 287
 Путивльские сторожи 298
 Путивльский у. 301, 362

- Пфальц, курфюршество 281, 536
 Пшада, р. в Причерноморье 420, 422
 Пшеха, р., лев. пр. р. Белая (Кубанск.) 421
 Пшиш, р., лев. пр. р. Кубань 393, 421
 Пыскорка, р., прав. пр. р. Кама 441
 Пьяна, р., пр. р. Сура 231
 Пьяный Бор, сел. на р. Кама 494, 497
 Пятигòрк, г. (также: Горячеводская ст.) 405, 423, 559
 Пятиизбы, г. на р. Дон 316
 Пятково, дер. в Псков. з. 213
 Пять, р. в Псков. з. 210
- Ра, р. (также: Волга) 85
 Радало, дер. в Новг. з. 200
 Радгостицы, сел. в Новг. з. 199
 Радгостици, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
 Радилово, г. в Тверск., Москов. кн-вах 246
 радимичи, вост. слав. племя 85, 97, 112, 136
 Радогощ, г. 249, 286
 Радомле, дер. в Новг. з. 200
 Радомль, г. в Москов. кн-ве 229
 Радомский стан в Москов. кн-ве 229
 Радонеж, г. в Москов. кн-ве 151, 186, 218
 Радонежский край 186, 191, 192
 Радонежь, дер. в Новг. з. 200
 Радославль, дер. в Новг. з. 200
 Радош, г. на р. Судость 135
 Радчинский, пог. в Новг. з. 202
 Раевский, форт на Черноморск. побер. 420
 Раздоры, г. в устье р. Сев. Донец 313, 315, 316, 552
 Разсыпная, Рассыпная. кр. на р. Яик (Урал) 328, 330, 507
 Раимское (также: Аральское) укр. 522
 Ракуль, сел. на р. Сев. Двина 146
 Рамышовский, пог. в Новг. з. 201
 Рассудовское, сел. в Москов. у. 188
 Рассыпная, см.: Рассыпная
 Раставица, р., лев. пр. р. Рось 132, 351
 Ратиславле, сел. в Дмитров. у. 188
 Ратмер, дер. в Новг. з. 200
 Ратмирово, дер. в Новг. з. 200.
 Рахново сиденье, посел. в Псков. з. 212
 Рачевский, г. на р. Иртыш 443
 Ревель, г. 537, 571
- Ревовка, сел. в Кодацкой паланке 376
 Реж, р., исток р. Ница (пр. р. Тура) 460
 Режицкий у. Витебской губ. 143
 Ремле, р. в Псков. з. 210
 Рету-Саари, о., см.: Котлин 531
 Речица, г. в Чернигов. кн-ве 119, 136, 178
 Речь Посполитая (также: Польско-Литовское государство) 22, 61, 306, 347, 348, 357, 358, 365, 376
 Решетов, г. на р. Дон 316
 ржева, ветвь кривичей 209
 Ржева, вол. в Новг. з. 144, 146, 209
 Ржева, г. в Новг. з. 144, 207, 209, 230, 231
 Ржевский у. 253, 254
 Ржевское удел. княжество 181, 230, 231, 253
 Ржищев, зам. на р. Днепр 351, 366
 Рига, г. 173, 537, 571
 Рим, г. 386
 римляне 81, 82, 83, 85, 89, 90
 Ровнь, местность на р. Мног 343
 Рогачев, г. в Белоцерковском повете 353
 Роггервик (также: Палдиски), г. в Эстляндии 506
 Роговское, куренное сел. в Кубанск. обл. 417
 Рогожина, сел. в Галицк. з. 129
 Рогозна, р., пр. р. Юж. Буг 351
 Родомысль, зам. в Киевском Полесье 350
 Розенфельд, нем. колония в Кавказск. округе 425
 Рождественское Усолье на р. Кама (также: Дедюхино) 440
 Рожев, зам. на р. Здвиж 350
 Рожны, имение на Черниговщине 342
 Ройск, г., на р. Снова 135
 Рокитка, зам. на р. Рось 351
 роксоланы, сармат. племя 81-83, 88
 Романково, зимовник в Кодацкой паланке 376
 Романов, г. на р. Воронеж 302, 303, 304
 Романов, г. в Ярослав. кн-ве 186, 239
 Романова, слоб. в Белозерск. кн-ве 187
 Романовка, зам. на р. Унава 350
 Романовский, г. на р. Дон 316
 Романовский у. в Моск. кн-ве 253
 Романцев стан, в Рязанск. з. 255
 Ромен, г. на р. Сула 134

- Ромно, г. на р. Сула 353
 Ромоданово, вол. в Стародубск. кн-ве 226
 Роска, р., пр. р. Рось 351
 Рославль, Ростиславль, г. в Смоленск. кн-ве 144, 249, 254, 256
 Роспопин, г. на р. Дон 316
 Росс, Русс, р. Неман в нижн. течении 142
 Российская империя 368, 374, 380, 487, 502, 539, 557
 Российская Советская Федеративная Соц. Республика 29, 31
 Россия, 5, 7, 18, 19, 25-28, 30, 31, 37, 39, 44-49, 54, 62, 63, 79, 88, 270, 278, 280, 302, 310, 312, 316, 318, 374, 375, 378-381, 409, 411, 418, 419, 420, 425, 461, 465, 466, 473, 484, 486, 498-502, 515, 521, 522, 524, 530, 531, 533, 556, 557, 558, 563, 569-571
 Ростиславль, г. на р. Ока (Волж.) 136, 251, 253, 254
 Ростов Великий, г. 98, 146, 150, 152, 158, 183, 187, 189, 191, 217, 225, 239, 241
 Ростов-на-Дону, г. 322, 325, 554
 Ростовец, г. в Пронском кн-ве 240
 Ростовская (Вел.) земля, обл., Ростовское княжество 164, 165, 184, 187, 189, 215, 216, 225, 239-241, 243, 253, 541
 Ростовский у. 253
 Ростово-Суздальская земля 43, 53, 145, 150, 151, 153, 158, 164, 165, 170, 172, 183-185, 187, 188, 204, 216, 219, 542, 544, 546
 Ростовское оз. (также: Неро) 185, 189
 Ростунова, слоб. в Москов. кн-ве 186
 Рось, р., пр. р. Днепр 106, 122, 125, 132, 134, 137, 142, 179, 180, 276, 338, 342, 351, 359, 541, 544
 Рось, р., пр. р. Неман 142
 Рошков, зам. в Приднестровье 351
 Роша, посел. на р. Тарусе 229
 Рубежный, г. в обл. яицких казаков 330
 Рубина, р. в Закубанье 422
 Рублев, г. в бас. р. Мерчик 307
 Рудня, слоб. в Верхнетурск. у. 460
 Ружин, зам. на р. Раставица 351
 Руза, г. в Москов. кн-ве 186, 191, 218
 Руза, р., лев. пр. р. Москва 216, 218, 237
 Рузский у. 253
 Ружина, слоб. в Белозерск. кн-ве 187
 Руловцы, г. в Винницком повете 352
 Румское море 112, 121
 Руса, г. в Новг. з. 145, 198, 209
 Русанов, г. в Остерском повете 353
 Русса, р. в бас. р. Неман 85, 143
 Русская Америка 466
 Русская земля (Киевское Приднестровье) 127, 132, 150, 165, 184
 Русские ворота, проход в Карпатах 130
 русские князья 174, 177
 Русский присуд, в Новг. з. 209
 Русский у. 203, 204
 Русское государство (см. также: Русь) 10, 21, 24, 45, 48-51, 60, 62
 руссы, народ 96, 98
 Русское воеводство 178, 179, 180
 Русское оз. в Псков. з. 145
 Русское, сел. в Закубанье 425
 русь, народ 83, 169
 Русь, гос-во 26, 27, 39-42, 44, 45, 48, 51-53, 112, 116, 119-127, 130, 136, 139, 155, 163, 164, 166, 187, 191, 199, 241, 247, 258, 259, 268, 299, 313, 350, 441, 442, 542, 543, 550, 551
 Рухлова, станция на Амурск. жд 486
 Руху, губа в Псков. з. 210
 Ручьевский пог. в Новг. з. 202
 Рша, см.: Орша 144
 Рыбачья слоб. на р. Нева 535
 Рыбная слоб. в Яросл. кн-ве 241
 Рыбный острог на р. Верхняя Тунгузка 449
 Рыльск, г. на р. Семь 135, 180, 248, 254, 256, 286, 296, 297, 466
 Рыльская обл. 310
 Рыльские сторожи 298
 Рычма, р., лев. пр. р. Ока (Волж.) 220
 Рыминское, сел. в Переяслав. (Залес.) у. 188
 Рябань, р. на Украине 348
 Рябина, р., пр. р. Ворскла 307
 Рязжк (также: Рясск), г. 296, 297, 482
 Рязанская земля, обл., Рязанское княжество 105, 136, 137, 150, 161, 162, 165, 184,

- 215, 232, 239, 240, 249, 251, 252, 253, 286, 312, 342, 550, 552
- Рязанская губ. 8, 152, 283, 480
- Рязанская епархия 137
- Рязанские места 304
- Рязанский у. 535
- Рязань, г. 105, 136, 137, 219, 228, 229, 251-253, 286, 289, 290, 546
- Ряполово, вол. в Стародуб. кн-ве 226
- Ряпчинский, г. на р. Иртыш 444
- Ряса, р., пр. р. Воронеж 296, 297
- Рясские (Ряжские) места 304
- Рясск (также Ряжск), г. 296
- Рясское поле 296
- Савренная мыза (позже Царское Село) под Петербургом 534
- Сабля, р., пр. р. Молога 240
- Савинский, г. на р. Сев. Донец 307
- Савранка, р., пр. р. Юж. Буг 179, 336
- Саврань, р., пр. р. Юж. Буг 106, 544
- Садовый бугор, слоб. в Астрах. губ. 281
- Сайма, оз. в междуречье Верхн. Волги и Оки 154
- Сакмара, р., лев. пр. р. Урал 330, 490, 506-509, 513
- Сакмарск, Сакмарский, г. в обл. яицких казаков 327, 330, 505, 554
- Саксагань, р. в Запорожье 374
- Сал, г. на р. Псел 180
- Салтов, г. на р. Сев. Донец 307
- Сальница, р., пр. р. Сев. Донец 97
- Самар (также: Новоселица), центр Самарской паланки 376
- Самара, р., лев. пр. р. Волга 270, 271, 276, 279, 280, 322, 464, 489, 492, 500, 505, 506, 549
- Самара, р., лев. пр. р. Днепр 105, 106, 166, 177, 180, 298, 310, 339, 340, 343, 368-371, 374, 376, 379, 381, 554
- Самара, г. 271, 276, 277, 280, 328, 500, 511, 548
- Самарканд, г. 523
- Самаркандская обл. 527, 570
- Самаркандские провинции 504
- Самаровский г., слоб. на р. Иртыш 443, 458, 459
- Самаровское, сел. в Переяслав. (Залес.) у. 188
- Самарская губ. 280, 281, 471, 480
- Самарская паланка 376-378
- Самарская лука на р. Волга 271, 276-278, 548
- Самарская оборонительная линия 280, 464, 509, 549, 568, 569
- Самарские степи 322
- Самарские (в Поднепровье) степи 383
- самоеды, самоедская этно-язык. группа 148, 433, 434, 562
- самоеды мангазейские 445, 446
- Самоткань, р. в Запорожье 381
- Сан, р., пр. р. Висла 129, 130, 172
- Санбека, р. в бас. р. Дон 322
- Санок, г. в Галицк. з. 129
- Санчурск, г. в Поволжье 266
- Сапожковский у. в Рязанск. губ. 8
- Сара, р., впад. в оз. Неро 150, 241
- Сараи Большие, развалины столицы Золотой Орды 258
- Сарай, г. в Золотой Орде 164
- Сарайская епархия 136, 166
- Сарайчик, зимовище в устье р. Яик 326
- Сарайчиков, форпост на Нижнеяицк. оборонит. линии 329
- Саранск, г. в Поволжье 278, 304
- саранцы, выходцы из Саранск. у. 275
- Саратов, г. 271, 279, 282, 403, 548
- Саратовская городовая команда 282
- Саратовская губ. 471, 480
- Саратовское наместничество 279
- Саратовское Поволжье 279
- Саркел, г. 121
- Сарматы, 81, 84
- сарматы, савроматы, народ 78, 79, 81-84, 92, 93, 105, 126
- сарты, народ в Ср. Азии 527
- Сары-Су, р. в Казахстане 520
- Сары-Тургай, р., исток р. Тургай 520
- сасаниды, народ 96
- Сасанидов государство 96
- Сасык-Ея, р., пр. р. Ея 417
- Сятка, р., пр. р. Ай 513
- Сятцо, г. на р. Дунай 126
- Саургат, г. на р. Иртыш 444

- Сахалин, о. 430, 465, 466, 484
 Сахалинская обл. 484
 Сахаров, форпост на Нижнеяицк. оборонит. линии 329
 Саяны, Саянские горы 429, 430, 433, 434, 446, 449
 Свербеевское, сел. в Коломенск. у. 188
 Сверь, вол. в Обонежье 146
 Свительнов, имение, зам. в Остерском повете 342, 353
 Свиблово, сел. на р. Яуза (Москов.) 188
 Свидка, р., пр. р. Березина 142
 Свидка, р. в бас. р. Днепр 360
 Свиринец, сел. на р. Нарва 537
 Свирь, р., впад. в Ладож. оз. 146, 149
 свислочане, жители Литовской Руси 346
 Свислочь, р. 144, 181
 Свяга, р., пр. р. Волга 264, 266, 304
 Свяжск, Свяжский г. 263-267
 Свяжский у. 267, 305, 496
 Своя, р., пр. р. Семь (Сейм) 297
 Святой, о. в устье р. Урал 328
 Святославля, слоб. в Ростов. кн-ве 187
 Себелай, сел. на Таманском п-ве 319
 Сева, р., пр. р. Сейм 85
 Севастополь, г. 387, 557
 Север Европейской России (также: Русский Север, Северный край) 46, 47, 205, 230, 459, 461, 566
 Северка, р., пр. р. Москва 151, 220
 Северка, р., пр. р. Шелень 151, 220
 Северная, кр. на Сев. Кавказе 403
 Северная низменность 101, 102
 Северская, ст. в Закубанье 422
 Северная Азия 73, 253
 Северная Двина, р. 100, 101, 108, 145, 147, 148, 196, 197, 204-206, 209, 238, 255, 545
 Северное Приуралье 428
 Северные увалы 100, 102
 Северный Кавказ 60, 61, 392, 410, 481
 Северный океан (также: Ледовитый) 466
 Северный Урал 148, 150
 Северо-Американские Соединённые Штаты 466
 Северо-Восточная Русь 15, 21, 41, 43, 48, 52, 53, 226, 231
 Северо-Двинский бассейн 149
 Северо-Двинский край 147, 148, 442
 Северо-Западная Россия 101
 Северо-Японское море 431
 Северская Украина, земля, обл. 248, 286, 289
 Северская, ст. в Закубанье 422
 северские князья (также: верхнеокские князья) 135
 Северское Полесье, геогр. обл. 337
 северяне, вост. слав. племя 97-99, 112, 114, 134, 135
 Севесь Старая (также: Сивец), посел. в Белозерск. крае 152
 Сево, р. в Псков. з. 210
 северюки, потомки северян 346
 Севск, г. на р. Ока (Волж.) 136, 256
 северские волости 344
 Сентова, слоб. ок. Оренбурга 511
 Сеитовский редут, кр. на Кольвано-Кузнецк. оборонит. линии 464
 Сейм, р. (также: Семь) 85, 103, 177, 180, 254, 256, 296, 297, 359, 366, 541
 Семены, урочище на р. Дунай 411
 Сейфун, р. в Южноуссурийск. крае 485
 Селекша, р., прав. пр. р. Нерль (Кляз.) 149
 Селенга, р., впад. в оз. Байкал 430, 452, 467, 484
 Селенгинский округ 468
 Селигер, оз. 144, 151, 191
 Селна, вол. в Москов. кн-ве 154
 Семендер, г. хазар 96
 Семеновичи, сел. в Новг. з. 199
 Семикаракорск, г. на р. Дон 316
 Семипалатинск, кр. на р. Иртыш 463, 464, 476
 Семипалатинская обл. 483, 487, 523, 524, 556, 570
 Семиреченская обл. 476, 483, 527
 Семиреченское казачье войско 522, 569
 Семиречь, геогр. обл. 522, 527, 569
 Семиславка, р., лев. пр. р. Москва 220
 Сенгилейка, р., пр. р. Волга 278
 Семь (также: Сейм), р. 97, 135, 136, 180
 Сенное Привольжье, г. на р. Рябина 307
 Сенча, г. на р. Сула 352

- Сеньга, р., прав. пр. р. Клязьма 223
 Сенькино сиденье, дер. в Новг. з. 203
 Сераль-Юртовская, ст. на р. Асса 410
 Серая, р. в Переяслав. (Залес.) кн-ве 187
 сербы, народ 380, 381, 556
 Сергиевск, г. на Закамск. оборонит. линии 280, 500
 Сергиевское, куренное сел. на р. Кирпили 417
 Сергунь, р., пр. р. Березина 142
 Серебожь, вол. в Переяслав. (Залес.) кн-ве 154
 Серенск, г. на р. Ока (Волж.) 136, 247
 Серет, р. 126, 129, 130, 541
 Серпейск, г. в бас. верх. Оки (Волж.) 254
 Серпухов, г. на р. Нара 186, 292, 295, 296, 297
 Серпуховской у. 186, 188, 253
 Серпуховское княжество 186
 серьяне (также: зыряне), народ 148
 Сестра, р., пр. р. Дубна 221, 226, 246
 Сетомль, р. в Киевск. з. 122
 Сетунка, р., прав. пр. р. Москва 216
 Сибирская губ. 461
 Сибирская дорога в Башкирии 513
 Сибирская жел. дорога 478, 479, 482, 483, 486, 513, 566, 570
 Сибирская Орда 434
 Сибирские укрепленные (оборонительные) линии 330
 Сибирское линейное (казацье) войско 472, 563
 Сибирское царство 256, 434, 439, 440, 442, 443, 454, 489, 561, 567
 Сибирь 12, 45, 46, 47, 60, 73, 212, 326, 428, 429, 431-440, 444-446, 448, 451, 453-463, 465-487, 493, 505, 526, 554, 561-564, 566
 Сибирь (также: Искер-Сибирь), г. 434, 443, 561
 Сивера, Сиверские волости Вел. кн. Литовского 180
 Сивец (также: Севесь Старая), посел. 152
 Сиволочь, г. на Украине 364
 Сиговка (Сиксийоки) р. на сев. Финляндии 197
 Сиговичи, сел. в Псков. з. 212
 Сидорково, посел. в Псков. з. 212
 Сиксийоки р., см.: Сиговка
 Сикуево, дер. в Псков. з. 210
 Силистрия, обл. на р. Дунай 121, 126
 Симбирск, г. 277, 278, 304, 305, 548
 Симбирская губ. 480
 Симбирская оборонительная линия (черта) 277, 278, 305, 549, 551
 Симбирский у. 305
 Симферополь, г. 387
 Синеволдск, г. в Карпатах 129
 Синечь, г. на р. Сула 180
 Синоп, г. 314
 Синюха (также: Синяя Вода), р., пр. р. Юж. Буг 106, 179, 336, 368, 379, 380, 556
 Синяя Вода (также: Синюха), р. 166, 176, 338, 344, 348, 351, 352, 544
 Синяя Орда (также: Большая Орда) 257
 Сирювка, сел. в Протовчинской паланке 377
 Сиротин Новый, г. на р. Дон 316
 Сиротин Старый, г. на р. Дон 316
 Ситха, о. в Архипелаге Александра 446
 Сить, р., пр. р. Молога 107, 162, 225, 240
 Сихоте-Алинь, хребет на Дал. Востоке 430
 Скала, г. в Галицком Понизье 179
 скалоты (также: скифы) народ 80
 Скандинавия, п-в 101, 157
 скандинавы 55
 Сквиря, городище в бас. р. Рось (Днепр) 342
 Сквирский отдел, владение в бас. р. Рось (Днепр) 342
 Сकिрменовская, слоб. в Москов. кн-ве 186
 Скифия Малая (также: Добруджа), обл. 90
 Скифия 78-81, 83, 90
 скифские болота 121
 скифы, народ 77-85, 92, 93, 105, 125
 скифы-пахари 78
 скифы царские 78
 скифы эллинские 78
 склавы, склавины (тоже: славяне) 80, 92
 Скнятин, г., см.: Сокрытин

- Скобелев (также: Новый Маргелан), г. 526
- Скомантовка, слоб. в Малоярослав. у. 186
- Скопинская, ст. на Пресногорьковской оборон. линии 464
- Скуратинский, г. на р. Медведица (Донск.) 317
- Славгород, г. в Томск. губ. 483
- Славечна, р., прав. пр. р. Припять 179
- Славковичи, сел. в Псков. з. 212
- Славонежицы, сел. Новг. з. 199
- Славонежичи, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
- Славония 112
- славяне 78, 79, 80, 83, 84-86, 91-98, 111, 113-116, 119, 121, 124, 125, 127, 131, 143, 149-152, 154, 156, 158, 541
- славяне прибалтийские 84
- Славянка, мыза под Петербургом 534
- Славянка, р., лев. пр. р. Нева 145, 529
- Славяносербия, округ в Запорожье 380, 381, 556
- Славянская, провинция в Азовской губ. 382
- Славянская, ст. в Кубанск. обл. 422
- Славянский, жордон в Кубанск. обл. 416
- Сладкий, лиман в устье р. Ея 417
- Слащевский, г. на р. Хопёр 317
- Слепород (также: Снопорож), г. на р. Сула 134, 180
- Слепород, р., пр. р. Сула 180, 343
- Слепушкинское, сел. в Дмитровск. у. 188
- Слободзея, сел. на Черном м. 412
- Слободище, имение в Киевском Полесье 350
- Слободская Украина Московского гос-ва 60, 306-309, 362, 363, 366-367, 379, 384, 404, 552, 556, 557
- Слободской, г. в Вятской з. 247, 255
- словены, юж. славян. племя 144
- словене, вост. слав. племя 55, 97, 99, 145-147, 275
- Словянка, р., пр. р. Шексна 204
- Слоним, г. в бас. р. Неман 178
- Случь, р., прав. пр. р. Припять 103, 133, 134, 141, 163, 166, 178, 179, 344, 346
- Слуцк, г. в Турово-Пинск. кн-ве 141
- Слюденский маяк, кр. на Колывано-Кузнецк. линии 464
- Смедва, р., лев. пр. р. Ока (Волж.) 252
- Смерде, вол. в Новг. з. 208
- Смоленск, г. 98, 144, 150, 173, 175, 177, 230, 249, 254, 256, 286, 540, 546
- Смоленская губ. 107, 281, 481
- Смоленская епископия 151
- Смоленская земля, Смоленское княжество 143-145, 172, 173, 175-177, 181, 224, 247, 249, 253, 254
- смоленские волости 176
- смоленские князья, смоленские великие князья 173, 177
- Смоленское воеводство 497
- Смотрич, г. в Галицком Полесье 179
- Снежеть, р. в бас. р. Жиздра 180
- Снова, р., пр. р. Десна 135
- Сновск, г. на р. Снова 119, 135
- Снопорож, г. (см.: Слепород)
- Снятынка, зам. на р. Сула 352, 353
- Соб, р. на Брацлавщине 338, 344, 351
- Согожа, р., пр. р. Шексна 229, 238
- Согра, кр. на Колывано-Кузнецк. оборон. линии 464
- Сож, р. 85, 97, 98, 135, 144, 178, 180, 181, 249
- сойоты, народ самоедской этно-язык. группы 433
- Сок, р., лев. пр. р. Волга 500, 510
- соклеб, секалиб, сиклиб (также: скифы), народ 80
- Сокнятин (Скнятин), г. на р. Сула 180
- Сокол, г. в Правобереж. Украине 365
- Соколец, кр. на р. Юж. Буг 351
- Соколов, имение на Звенигородчине 349
- Соколов, г. на р. Можга 307
- Соколы, зимовник в Богогардовской паланке 376
- Сокольский, г. на р. Воронеж 303, 304
- Солдатская, ст. на Сев.Кавказе 405
- Солеварный (также: Соль Камская), г. 497
- Соликамский посад, Соликамск, г. 440, 441
- Соликамский у. 441, 458
- Соловецкий, о. в Белом м. 207

- Солодовская, слоб. на р. Ахтуба 283
 Солонеевка, сел. в Азовск. губ. 383
 Солоница, р., прав. пр. р. Волга 223
 Солоница, р. в бас. р. Сула 348
 Солхат (также: Старый Крым), г. 257
 Соль Вычегодская, вол. и у. на р. Вычегда
 238 440. 457
 Соль / алицкая, р-н соледобычи 253
 Соль Камская (также: Усолье на Каме), г.
 255, 496, 497
 Соль Переяславская, сел. ок. Переяслав.
 оз. 221
 Сорота, Сороть, р., пр. р. Синяя 211
 Сорохта, р. в Верхневолж. бас. 149
 Сорочинская, кр. на р. Самара (Волж.)
 505
 Сосна (также: Быстрая Сосна), р., пр.
 р. Дон 297, 298, 303, 541
 Сосница, г. в Черниговском кн-ве 119, 135
 Сосновое, оз. в Башкирии 493
 Сосновский, острог на р. Томь 454, 464
 Сось, р., лев. пр. р. Волга 246
 Сосьва, р., пр. р. Тавда 429, 439, 442
 Соть, р., прав. пр. р. Кострома 223
 Софрониевская слоб. в Моск. кн-ве 186
 Сохна, вол. в Моск. кн-ве 154
 Союз Советских Социалистич. Республик
 35, 37
 Спассо-Городенский пог. в Ореховском у.
 529
 Спасский у. Тамбовск. губ. 137
 Спасский Выгорецкий у. на Лопьском бе-
 регу 206
 Спасского Хутынского м-ря, слоб. в Новг.
 з. 201
 Спиркува слоб. в Малоярослав. у. 187
 Спирково, сел. в Двинск. з. 146
 Спишский комитат в Угорской Руси 130
 Средневолжская ст. в обл. волж. казаков
 333
 Среднедунайская низменность 91, 121,
 150, 490
 Среднедунайская равнина 100
 Среднеколымское, зимовье на р. Колыма
 450
 Среднерогатская нем. колония на р. Нева
 536
 Среднерусская возвышенность 100-102,
 143
 Средние Чалбисы, местность в Кубанск.
 обл. 426
 Средний, г. на р. Урал 505
 Средняя Азия 60, 61, 100, 156, 489, 500,
 502, 511, 515, 516, 539, 568, 570
 Средняя Европа 73, 75, 156
 Средняя Орда (киргиз-кайсаков) 500,
 520, 521
 Средняя Россия 149, 475
 Средняя (Подкаменная?)Тунгузка, р.,
 прав. пр. р. Енисей 430
 Сретинская половина (удел) Ростовского
 кн-ва 225, 239
 Ставища, местность на р. Гнилой Тыкич
 351
 Ставрополис, греч. колония 400
 Ставрополь, г. на р. Волга 280
 Ставрополь, г. в Предкавказье 408, 549,
 559
 Ставропольская губ. 423, 424, 559, 560
 Ставропольская, кр. на Сев. Кавказе 403,
 423
 Становая, ст. на Пресногорьковск. оборо-
 нит. линии 464
 Становой хребет 430, 431, 450
 Старая Ладога, г. 534
 Старая Меря, пог. в Звенигород. у. 153
 Старая оборонительная линия в Предкав-
 казье 420, 559
 Старая Рязань, г. 190, 251, 253
 Старая Самара, г. на р. Самара (Днепр.)
 379
 Старица, г. в Тверск., Москов. кн-вах 246
 Старицкий у. 253
 Старо-Айдарский, г. на р. Сев. Донец 319
 Старогладковский, г. на р. Терек 400
 Стародуб, г. в Чернигов. кн-ве 135, 151,
 180, 248, 254, 256, 286
 Стародуб, г. в Ростово-Сузд. з. 150, 151,
 152, 193, 226
 Стародуб Воцкий, г. 151
 Стародубское княжество 215, 226, 253
 Старо-Крымский шлях 377
 Старый Заслав, г. на Волыни 363

- Старый Кодак, зимовище в Кодацкой паланке 376, 391
- Старый Койдак, форштат в Екатеринославе 386
- Старый Крым, г. в Крыму 257
- Старый Салтов, сел. в Слободской Украине 309
- Стаблов, г. в Белоцерковск. повете 358
- Степная, кр. на Уйской оборонит. линии 508
- Степная Украина Московского гос-ва, России 44, 45, 47, 61, 74, 211, 304, 306, 335, 348, 356, 364, 366, 463, 563
- Степной край к югу от Зап. Сибири 434
- Стерж, г. и вол. в р-не Верхневож. озёр 199, 207, 210
- Стерль, р. в С.-З. Башкирии 490
- Стехново сиденье, посел. в Псков. з. 212
- Стодеревская, ст. в Моздокском округе 403
- Стожек, г. в Галицк.-Волынск. кн-ве 131, 169
- Стожек, р. в обл. Лучан 131
- Стоклишки, имение в Литве 252
- Столбенский, о. на оз. Селигер 191
- Столбов, зам. на р. Рось 351
- Столпье, г. 131
- Стольное, сел. в Левобережн. Украине 364
- Стоход, р., прав. пр. р. Припять 141
- Стрежев, г. в бас. р. Зап. Двина 144
- Стрелка, р., впад. в Финск. залив 534
- Стрельна, дворец на бер. Финск. зал. 534
- Стремуть, посел. в Псков. з. 212
- Струсь-город (также: Буки) 349
- Стрый, р., прав. пр. р. Днепр 80, 83, 130
- Стugna, р., пр. р. Днепр 103, 122, 132, 134, 179, 275, 337, 350, 351, 359
- Студённое море, см.: Белое море
- Ступинский., пог. в Новг. з. 201
- стурны, племя сарматов 83
- Стырь, р., прав. пр. р. Припять 83, 131, 132, 141
- Судая, Судея (также: Сурож, Судак), г. в Крыму 83
- Сугорье, удельное кн-во в Белозерье 184, 229
- Суда, р. в Верхневожл. бас. 198, 229
- Судак, г. (также: Сугдая, Сурож) 83, 167, 295, 316
- Судбиши, сел. в Тульск. у. 289
- Суджа, г. в Курск. губ. 307, 366
- Суджук-Кала, кр. (также: Новороссийск) 420
- Судза, р., пр. р. Волга 267
- судины (также: судавы), народ балт. этн. гр. 84
- Судогда, р., прав. пр. р.Клязьма 223
- Судость, р., пр. р. Десна 135
- Суерский, форпост на Ишимск. оборонит. линии 463
- Сужань, р. в Заволочье 204
- Сузаль, 2, 146, 150, 152, 158, 162, 183, 239, 260, 541
- Суздальский у. Московск. кн-ва 253
- Суздальское кн-во 187, 162, 204, 253
- Суздальская земля, Суздальщина 52, 107, 127, 150, 163, 164, 165, 172, 200, 215-217, 221, 222, 226, 230, 234, 239, 241
- суздальские князья 173
- Суздальско-Нижегородское княжество 215, 259
- Суйфун, р. на Дальн. Востоке 485
- Сула, р., лев. пр. р. Днепр 97, 98, 106, 122, 134-136, 166, 180, 275, 287, 336, 337, 339, 342-345, 348, 352, 359, 360, 366, 368, 544
- Сулак, р. на Сев. Кавказе 392, 400, 401
- Склица, р., пр. р. Сула 343
- Султанское, греч. сел. на Сев. Кавказе 423
- Сума, р., впад. в Белое м. 206
- Сума, р., пр. р. Псёл 177
- Сумжа, р., пр. р. Псёл 177
- Сумжа, р., пр. р. Волга 223
- Сумская губа в Псков. з. 210
- Сумы, г. на р. Псёл 307
- Сумь (суоми), финны 197
- Сумь, р. в Псков. з. 211
- Сундаев, г., форпост на Нижнеяцк. оборонит. линии 329
- Сундовак, р., пр. р. Ока (Волж.) 235
- Сунжа, р., пр. р. Терек 392, 394, 395, 398-401, 410, 558

- Сунжинская оборонительная линия 410
 Сунжинский, г. 398, 399
 Сунчук, Усть-Сунча-река (также: Сунжа) 394, 395
 Супой, р., пр. р. Днепр 102, 134, 177, 180, 337, 359, 360
 Супонда, р., пр. р. Сев. Двина 204
 Сура, р., прав. пр. р. Волга 103, 154, 155, 235, 255, 265, 278, 297, 304
 Сура, р., прав. пр. р. Днепр 374
 Сургут, г. на р. Обь 445, 446, 458
 Сургутский у. в Зап. Сибири 462
 Суровцево, сел. в Переяслав. (Залес.) у. 188
 Сурож, г., см.: Судак
 Сурожиковская, вол. в Звенигород. у. 153
 Сурск, г. на р. Сула (Волж.) 304
 Сусари, дер. под Петербургом 534
 Сутень, урочище на р. Днепр 105
 Сутка, р., лев. пр. р. Волга 225, 240
 Сухая балка в Запорожье 376
 Сухнево сиденье, посел. в Псков. з. 212
 Суходрев, р., пр. р. Шаня (Угрин.) 187, 224, 232
 Сухой Ерик, р. в Кубанск. обл. 417
 Сухой Лиман 418
 Сухой Ташлык, р., пр. р. Синюха 368
 Сухона, р. 146, 191, 223, 236, 237, 238
 Сухоревский, г. на р. Сев. Донец 319
 Сухореченский, форпост на Новоилецкой дистанции 332
 Сыгва, р., пр. р. Сосьвы 439
 Сызранская защитная черта (оборонит. линия) 279, 549
 Сызрань, г. 278, 328, 548, 549
 Сылта, р., лев. пр. р. Чусовая 441
 Сылвенский острожек, на р. Сылта 441
 Сыр-Дарьинская обл. 527
 Сыр-Дарьинская оборонит. линия 522, 562
 Сыр-Дарья, р. 77, 500, 502, 520, 522, 569
 Сюнь, р., лев. пр. р. Белая (Камск.) 513
 Сяма, р., впад. в Кубенское оз. 187, 238
 Сянжема, р., пр. р. Двиница 239
 Сясь, р., впад. в Ладож. оз. 146
- Таборы, г. вогулов 444
- Табегу, г. на р. Иртыш 444
 Табор, г. в Чехии 24
 Табынский, г. на р. Усолка 497
 Табынская кр., Табынск, г. на р. Самара (Волжск.) 505, 511-513
 Тавань, кр. на р. Днепр 177
 Тавань, о. на Днепр. порогах 369
 Тавастгусский зам. в земле еми 148
 тавасты, народ в Финляндии 147, 153, 198
 Тавда, р., пр. р. Ишим 429, 442-445
 Таврида, Таврическая земля 78, 103
 Таврическая Готия 126
 Таврическая губ., обл. Таврида 257, 310, 386-388, 480
 Таврические горы (также: Крымские) 100
 Таврический полуостров (также: Крымский) 385
 Тагай, г. на Симбирской оборонит. линии 304
 Тагайская, слоб. в Симбирск. у. 305
 Таганрог, г. 325, 381, 386
 Тагил, р., пр. р. Тура 429
 Тагильский острог на Камчатке 464
 таджики, народ 527
 таджики персидские 394
 Таз, р., впад. в Обскую губу 429, 445
 Тайга, г. в Томск. губ. 511
 Такасов, посел. в Москов. кн-ве 228
 Талица, посел. в Москов. кн-ве 228
 Таловка, р. в обл. яицких казаков 332
 Таловская слоб. на Уйской оборонит. линии 511
 Тамаковка, о. на Днепров. порогах 369
 Таманский полуостров, Тамань 315, 319, 412, 413, 417-419, 421
 Тамань, г. 315, 417, 419, 559
 Таматарха (также: Фанагория) 77, 124, 541
 Тамбов, г. 143, 302, 304, 318
 Тамбовская губ. 137, 471, 473, 480
 Тамбовский разряд 304
 Тана, г. 106
 Тана, р., см.: Тенуй
 Танаис, греч. колония 78, 83
 Танаис (также: Дон), р. 96, 77, 78, 121

- Таналык, р., лев. пр. р. Урал 507
 Таналыцкая, кр. в устье р. Таналык 507
 Тара, г. на р. Иртыш 445, 456
 Тара, р., прав. пр. р. Иртыш 445
 таранчи, народ 527
 Тарасовка, зимовник в Кодацкой паланке 376
 Таращанский у. в Киевск. губ. 167
 Тарговица, р., пр. р. Синюха 379
 Тарлык, р., лев. пр. р. Волга 280
 Тарнаклинская вол. в Башкирии 516
 Тарский у. 462
 тарковские шамхалы 393, 394
 Таруса, г. 232, 233
 Таруса, р., пр. р. Ока (Волж.) 229
 Тарусское княжество 231, 232, 233
 Тарханский, г. на р. Вагай 454
 Тата, г. на р. Дунай 126
 Татаровское, куренное сел. на Тамани 418
 Татарск, г., Татарская, ст. в Томск. губ. 483
 Татарская Орда 257, 258
 татарские князья (князьки) 176
 татарские сакумы 303
 Татарский пролив 430
 татары 93, 105, 123, 125, 129, 131-138, 152, 155, 158, 161-170, 173, 176, 177, 179-185, 200, 216, 217, 221, 222, 227, 228, 231, 235, 236, 239, 240, 247, 248, 249, 254, 257, 258, 261, 269, 271, 279, 287, 288, 290, 291, 293-299, 302, 303, 307-310, 312, 316, 322, 326, 327, 333, 336, 338, 340, 341, 344, 345, 356, 362, 363, 364, 366, 370, 376, 377, 379, 380, 382, 384, 388, 391, 393, 398, 403, 421, 433, 434, 436, 441, 443, 445, 446, 449, 451, 463, 493, 506, 509, 510, 515, 527, 544-546, 561
 татары азовские "воровские" 303
 татары белгородские 257
 татары буджанские 337
 татары казанские 238, 258, 394, 491, 496, 504, 511, 515
 татары крымские 256, 263, 265, 270, 291, 293, 294, 315, 337, 363, 371
 татары кубанские 398, 492
 татары кундоровские 283
 татары ногайские (также: ногаи) 256, 277, 307, 315
 татары сибирские (ишимские) 439, 444
 татары сибирские (шибанские) 257, 434
 татары слободские 493
 татары служилые 133, 356, 445, 496
 татары черноморские 257
 татары юртовские 396
 татары ясачные 499
 Татищевская кр. на Нижнеяицкой оборон. линии 506, 507
 Ташатган, г. на р. Иртыш 444
 Ташкент, г. 500, 504, 522, 527, 569
 Таш-Кичинское укр. на Сев. Кавказе 410
 Ташла, р. на Сев. Кавказе 403
 Ташла, р. на Южн. Урале 332
 Твердомир, дер. в Новг. з. 200
 Тверская губ. 107, 151, 152
 Тверская земля, Тверское княжество 52, 184, 187, 216, 217, 222, 230, 239, 240, 245-247, 253
 Тверской у. 253
 Тверца, р., лев. пр. р. Волга 98, 151, 210, 246
 Тверь, Тферь, г. 93, 150, 163, 183, 184, 190, 216, 217, 222, 226, 228, 246, 247
 Тебердинский, г. на р. Тобол 454
 Тебза, р., лев. пр. р. Кострома 223
 Тевкелев брод (позже Новосергиевск), укр. на р. Самара (Волж.) 506
 Тевтонский Орден 174
 Теза, р., лев. пр. р. Клязьма 191, 223
 Текинский оазис в Закасп. пустыни 523, 570
 Текуч, г. в Подунавье 126
 теленгиты, народ 435
 телесы, народ 435
 телеуты (также: белые калмыки) 435, 446
 Телишбекская, ст. в Кубанск. обл. 404
 Темен, г. в устье р. Терек 394, 396
 Теменское кумыцкое владение 394
 Темиргоевский, форпост, ст. на р. Лаба 410
 темиргойцы, черкесское племя 392, 416
 Темников, г. в Мордовии 255, 256, 297, 305

- Темниковский у. 496
Темнолеская, Темлеская, ст. в Кубанск. обл. 404
Темнолесский ретраншемент в Кубанск. обл. 404
Темрюк, г. на Тамани 423
Тенгинское, укр. на Черноморск. побережье 420
Тенуй (также: Тана), р. на Севере России 255
Тепикинский, г. на р. Хопёр 316
тептери, часть мордвы 504
Тервиничи, сел. в Обонежье 146
тервинги (также: вестготы) 82
Теребовль, г. 129
Теребовльское княжество 130
Терек, р. 96, 326, 333, 392-399, 401-404, 406-409, 424, 425, 440, 557
Терехтемиров, см.: Трехтемиров
Терехова, слоб. в Малоярослав. у. 186, 187
Терк, Терки, см.: Терский г.
Терновка, зимовник в Перевиской паланке 376
Терновские степи 383
Терновые, г. на р. Дон 316
Терса, посел. в Заволжье 280
Терса, р. в Запорожье 376
Терская, кр. на Кольвано-Кузнецкой оборонит. линии 464
Терская оборонит. линия 400, 403, 404, 410
Терская обл. 333, 424
Терский город, острог в устье р. Сунжа 395, 396
Терский г. (также: Терк, Терки) в устье р. Терек 396-403, 557
Терское (Терско-Кизлярское) казачье войско, терские казаки 61, 333, 394-397, 399-402, 404, 420-425, 486
Терско-Семейное казачье войско (также: полк) 401
Терьский берег Кольского полуострова 198, 206
Тесуево, дер. в Псков. з. 210
Тетерев, р., прав. пр. р. Припять 132-134, 179, 337, 344, 350
Тетиев, зам. на р. Роска 351, 356
тетрациты, часть готов 88
тетюшане, выходы из Тетюшей 275
Тетюшев, Тетюши, г. на р. Волга 266, 278, 297
Тетюшевская (Тетюшинская) засека 272, 277, 305
Тетюшская слоб. на Симбирск. оборонит. линии 305
Теша, р., прав. пр. р. Ока (Волж.) 231, 232
Тешев стан в Рязанск. з. 255
Тешилов, г. в Пронск. кн-ве 240
Тешковичи, сел. в Новг. з. 199
тиверцы, вост. слав. племя 83, 98, 119, 125-127
Тиверьский, г. в Новг. з. 197
Тивра, р. Карелии 197
Тигерецкая, кр. на Кольвано-Кузнецкой оборонит. линии 464
Тиниск, г. в бас. р. Кама 274
Тилигул, оз. в Новороссии 370
Тимитон, р., пр. р. Зяя 486
Тимишевское, куренное сел. в Кубанск. обл. 417
Тира, греч. колония 77
Тирас (также: Днестр), р. 78, 80
Тирасполь, г. 388, 389, 390
Тираспольский у. 389
Тирегеты (также: тиверцы) 83
Тисмяница, р. в Берестейской з. 132
Тисмяница, г. 129
Тисса, р. 81, 89, 124, 130, 162
Тиунская тундра 148
Тифлисская, ст. в Кубанск. обл. 404
Тихая Сосна, р., лев. пр. р. Дон 97, 137, 302, 308, 552
Тихвинка, р., пр. р. Молога 151
Тихий океан (также: Великий) 431, 465, 466
Тихомль, г. на р. Горынь 131
Тишанский, г. в Подонье 316
Тмугаракань, г. 77, 124, 125, 126, 541
Тобол, р., пр. р. Иртыш 257, 429, 234, 442, 443, 451, 454, 500, 508, 520, 521
Тоболка, р., пр. р. Ока (Волж.) 232
Тобольск, г. на р. Можайка 180
Тобольск, г. в Зап. Сибири 431, 434, 444, 455, 456, 458, 460

- Тобольская губ. 471, 475, 476, 483, 524, 564, 570
 Тобольский у. 497
 Тов, г. в Рязанск., Москов. кн-вах 229
 Товаров, г. на р. Рось 132
 Тойвот, сел. в Обонежье 146
 Тойма, сел. в Двинск. з. 146
 Тойма, р., пр. р. Сев. Двина 146
 Ток, р., прав. пр. р. Самара (Волж.) 492
 Токмак, р. в Бердянском у. 391
 Токмаковка, о. на р. Днепр 371, 372
 Токмолярский пог. под Петербургом 534
 Толмач, г. в Галицк. з. 129
 Толшма, р., прав. пр. р. Сухона 237
 Толыч, местность на р. Вишера 440
 Томаковка, зимовник в Кодацкой паланке 376
 Томск, г. 446, 454, 467
 Томская губ. 470, 471, 472, 475, 476, 483, 564
 Томские казаки 450
 Томь, р., пр. р. Обь 429, 434, 446, 454, 463, 464
 Топля, р. в Угорской Руси 130
 Тополевой, форпост на Нижнеяицкой оборонит. линии 329
 Тор, р., пр. р. Нугуш 513
 Тора, р., пр. р. Сев. Донец 298
 Торбеёво, сел. в Переяслав. (Залес.) у. 188
 Торец, сел. в Азовск. губ. 383
 Торжок (также: Новый Торг), г. в Новг. з. 146, 151, 183, 198, 210, 217, 231, 236
 Торица, р. в Угорск. Руси 130
 торки (также: узы), народ 122-124, 133, 135, 162, 170, 290, 316, 541
 Торопа, р., пр. р. Зап. Двина 144
 Торнео, Торной, р. на Кольском п-ве 197
 Торопец, г. 113, 144, 248, 254
 Торуса, г., см.: Таруса
 Торуское княжество, см.: Тарусское
 Торческ, г. 133
 Торческ, сел. в Киевск. губ. 167
 Тотемский у. 255, 263
 Тотьма, сел. в Двинск. пятине 146
 Тоцкая, кр. на р. Самара (Волж.) 505
 Трапезунд, г. 314
 тре (также: лопь лещая), народ 148, 197
 Треполье, г. в Киевском Полесье 132
 Трех-Островянская, ст. (также: Паншин) 316
 Трехстенный, г., центр терского казачества 394, 397
 Трехтемиров, посел. на р. Сула 343, 351
 Тридисы, укр., сторож. пункт на р. Днепр 351
 Триест, г. 380
 Триполь, зам. на р. Днепр 351
 Тройлин, г. на р. Дон 316
 Троицкая, кр. в устье р. Увелька 508
 Троицкая, ст. в Кубанск. обл. 423
 Троицкий у. 516
 Троицкое, укр. (позже Таганрог) 381
 Троки, г. в Литве 178
 Тростна, вол. в Звенигород. у. 155
 Тростяница, р., пр. р. Иртыш 350
 Тростяница, р., пр. р. Юж. Буг 338
 Троянов, имение в Киевском Полесье 350
 Трубеж, р., лев. пр. р. Днепр 122, 134, 177, 180, 190, 275, 337, 359, 360
 Трубецкий тракт 337
 Трубицино, сел. в Псков. з. 213
 Трубчевск, г. на р. Десна 135, 180, 254
 Тудоров, пог. в Поонежье 146
 Тузлов, р., прав. пр. р. Дон 322, 325
 Тула, г. 228, 229, 240, 254, 256, 287, 289, 290, 295-297
 Тулатинский, укр. на Колывано-Кузнецк. оборонит. линии 464
 Тулва, р., лев. пр. р. Кама 494
 Тульская дорога 293
 Тульская губ. 152
 Тульские места 304
 Тунгир, р., пр. р. Олекма 452
 тунгузы, народ 433, 435, 436, 449-450, 451, 562
 Тунгир, р., прав. пр. р. Олекма 452
 Иура, р., пр. р. Тобол 429, 442-446
 Тура, р., пр. р. Угра 180
 Турабьево, сел. в Юрьевск. у. 188
 Турабьевские села, в Юрьев., Костром. уездах 188
 Турабьевское, сел. в Костром. у. 188
 Тургай, г. в Сев. Казахст. 521

- Турга, р. в Сев. Казахст. 500, 521
 Тургайская обл. 476, 477, 483, 487, 523, 524, 526
 Тургинск (также: Елпачин городок), г. на р. Тура (Тобольск.) 443
 турецко-татарские народы 124, 161
 Турийск, г. на р. Турья 131
 Туринск, г. на р. Тура 446, 458
 Туркестан, р-н в Ср. Азии 500, 523, 524, 526
 Туркестан, г. в Кокандском ханстве 61, 500, 522, 527, 569
 Туркестанская низменность 428
 Туркестанский край 526, 570
 Туркестанское ген.-губернаторство 523
 турки, народ 289, 294, 310, 312, 314, 315, 322, 327, 336, 337, 345, 362, 371, 373, 376, 377, 382, 393, 398, 420, 490
 турки азовские, 314
 туркмены 523, 527
 Туров, г. 141
 Турово-Пинская земля, обл., Турово-Пинское кн-во 132, 141, 143, 173, 176, 177
 турово-пинские князья 173
 туровцы, жители Литовской Руси 346
 турпеи, кочевники 133, 135
 Турухан, р., пр. р. Енисей 449
 Туруханский край 470
 Туруханское зимовье, 449
 Турция, гос-во 273, 309, 385, 389, 395, 398, 402-404, 411, 412, 419-422, 426, 496, 557, 558, 559
 Турчасов на Усть-Моше, становой пункт в Каргопол. у. 205
 Турья, р., пр. р. Припять 131
 Тутур, р., пр. р. Лена 449
 Тутурский острог на р. Лена 449
 Туховитичи, посел. в Псков. з. 212
 Туя, р., впад. в Охотское м. 450
 Тыкин, р. на Звенигородчине 349
 Тым, р., прав. пр. р. Обь 429
 Тьма, р., лев. пр. р. Волга 246
 Тюмень, г. 431, 443, 44, 446, 455, 458
 тюрки, тюркские племена, народы, орды 91-95, 123-1227, 134, 139, 149, 150, 155, 433, 347
 Тягинка, кр. на р. Днепр 177
 Тягинь (также: Бендеры), кр. на р. Днепр 177
 Тясмин, р., пр. р. Днепр 105, 134, 179, 336, 338, 343, 351, 352, 360, 361, 368, 376, 380, 385, 556
 Тясминница, р., пр. р. Вепрь 131, 132
 уар-гунны, омонголившиеся тюрки 91
 Убля, р., пр. р. Оскол 298
 Уборгия, р. в Овруцком повете 353
 Уборть, р., прав. пр. р. Припять 346, 350
 Увельский дистрикт Исетской провинции 511
 Увелька, р., лев. пр. р. Уй 508
 Уводь, р., прав. пр. р. Клязьма 223
 Увск, местность на р. Волга 262
 Углицкий у. 253, 264
 Углицкое княжество 154, 184, 216, 225, 253
 Углич, Угличе поле, г. 107, 150, 152, 183, 217, 225, 229
 Угожь, вол. в Моск. кн-ве 154
 Угол, р. в бас. р. Сев. Донец 135
 Угольники, сел. в Галицк. з. 129
 Угонемский, пог. под Петербургом 534
 Угорская держава 130
 Угорская Русь 130, 169
 Угорские ворота, горный проход в Карпатах 130
 Угорские горы (также: Карпаты) 130, 172
 Угорский Тыкич, р. в Карпатах 351
 Угра, р., пр. р. Ока (Волж.) 85, 151, 180, 181, 187, 224, 232, 249, 254
 Угреша, р., пр. р. Москва 190
 Угровеск, г. на Вольни 131
 угроруссы, население Угор. Руси 130
 угро-финские народы, языковая общность 150, 433
 угры, этнич. общность 96, 121, 124, 149, 490
 Уда, р., впад. в Охотск. м. 450, 453
 Уда, р., прав. пр. р. Селенга 430, 452
 Уда (также: Чуна), р. 449, 453
 Удай, р., пр. р. Сула 134, 339, 343, 344, 348, 352, 359
 Удинский острог на р. Уда (Чуна) 453
 Удра, р., пр. р. Неман 142

- Уды, р., пр. р. Сев. Донец 135, 137, 307
 Удыч, р. в Правобер. Украине 348
 Удычский шлях 348
 Ужгород, г. 130
 Уж, р. в Карпатах 130
 Ужский комитат 130
 Узбой, р. в Закаспийск. пустыне 523
 Узенская кр. в Нижн. Заволжье 281
 Узола, р., лев. пр. р. Волга 235
 Узук-Агач, укр. ок. Алма-Аты 522
 узы (также: торки) 121, 122
 Уй, р., прав. пр. р. Тобол 489, 490, 500, 506, 508, 509, 522, 568
 Уйвар, г. в Угорск. Руси 130
 Уйская, кр. 508
 Уйская оборонит. линия 464, 508, 511
 Уйфейская степь в Башкирии 516
 Укашла, р., прав. пр. р. Белая (Камск.) 513
 Уклы-Карагай, оз. на Южн. Урале 508
 Уклыкарагайская кр. на оз. Уклы-Карагай 508
 Украина, Украина, 44, 48, 61, 69, 75, 166, 307, 308, 335-340, 342-350, 352-369, 371-373, 377, 379, 423, 461, 552, 559
 Украина великорусская 356, 365
 Украина Левобережная 40, 180, 309, 344, 352, 366, 367, 556
 Украина Малорусская 356, 358, 359, 362, 365, 379
 Украина Низовая (также: Низ, Запорожье) 279
 Украина Польская 382, 389
 Украина Правобережная 61, 307, 351, 352, 365-366, 384, 556
 Украина Слободская, см.: Слободская Украина Моск. г-ва
 Украина Степная, см.: Степная Украина Моск. гос-ва
 Украинская оборонит. линия 381
 Украинская Новая оборонит. линия 309, 310, 381
 Украинская ССР 31
 украинцы 173
 украинцы (малорусы) из Гетманщины 381, 382
 украинцы (черкасы) 493
 Уласт, р. в Калмыцк. степи 283
 Улейма, р., прав. пр. р. Волга 225
 Улео, р., см.: Овлуй
 уличи, вост. слав. племя 98, 99, 119, 121, 125, 127, 134
 Улья, р., впад. в Охотское м. 449-451
 Умань, кр. на р. Ятрань 349, 351, 354
 Умань, пустынь 348, 360
 Уманский лес 338
 Уманьское, куренное сел. на р. Сасык 417
 Уман-Юртовское, укр. посел. на Сев. Кавказе 410
 Умба, промысловый пог. на Белом м. 198
 Умба, р., впад. в Белое м. 201
 Унава, р., лев. пр. р. Иртыш 350
 Унежковичи, сел. в Новг. з. 199
 Унжа, г. в Ростов.-Сузд. Руси 150, 235
 Унжа, р., лев. пр. р. Ока (Волж.) 232
 Унжа, р., лев. пр. р. Волга 204, 225
 Унова, р. в бас. р. Днепр 132
 Упа, р., пр. р. Ока 85, 103, 136, 142, 180, 233, 249, 254, 285, 550
 Упек, пр. р. Днестр 177
 Упенез (позже Нежин), г. 360
 Упица, г. в Галицком Понизье 179
 Урал, геогр. р-н, Уральские горы 44, 48, 60, 100, 150, 256, 328, 428, 429, 438, 439, 441, 443, 445, 468, 477, 489, 490, 492, 498, 561, 563, 566, 567, 569
 Урал, р., см.: Яик
 урало-алтайские племена, языковая общность 94, 148, 433, 437
 Уральск, г. 327, 331, 332
 Уральская обл. 476, 483, 520, 523
 Уральский хребет 434
 Уральское (также: Яицкое) казачье войско 331, 332, 333, 486
 Уральское укрепление на р. Ирғиз 521
 Ура-Тюбе, креп. в Туркестане 523
 Урвинское укр. на Сев. Кавказе 405
 Уренский, г. в Сред. Поволжье 304
 Уреска, р. в Башкирии 513
 Уржумская, слоб. на Симбирск. оборонит. линии 305
 Урка, р., лев. пр. р. Амур 452
 Урман-Алаир, р., пр. р. Самара (Волж.) 513
 Уртамский острог в устье р. Томь 454

- Уртасым, р., прав. пр. р. Урал 507
 Уртасымская, кр. в устье р. Уртасым 507
 Уруп, р., лев. пр. р. Кубань 392, 410
 Урупская, ст. на р. Уруп 410
 Урух, р., пр. р. Терек 392
 Уручей, г. в Галиции 129
 Урыв, г. на р. Дон 303
 Урюпинский, г. на р. Хопер 317
 урянхцы, народ самоедской группы 433
 Уса, р., пр. р. Волга 271, 276
 Усвят, г. в Полоцк кн-ве 144
 Усерд, г. на р. Тихая Сосна 302, 308
 Уситова, пог. в Псков. з. 210
 Уситовская губа в Псков. з. 210
 Усица, г. на р. Днестр 130
 Усмань, г. на р. Усмань 303, 304
 Усмань, р., пр. р. Воронеж 303, 304
 Усолка, р., впад. в Самарскую луку 276, 277
 Усолка, р., пр. р. Вишера 440
 Усоль, р., прав. пр. р. Белая (Камск.) 497
 Усолье на Каме (также: Соль-Камская), г. 255
 Успенское, сел. на р. Кубань 425
 Усури, р., пр. р. Амур 431, 465, 473, 485
 Усурийский край 47, 430, 465, 483, 485
 Усурийское казачье войско 486, 563
 Устилуг, г. на Волыни 131
 Устри (также: Остер), р. 134
 Усть-Бузулуцкий, г. на р. Хопер 317
 Усть-Вага, сел. в Двинск. з. 146
 Усть-Важский, г. в Заволочье 197
 Усть-Виллюйск, острожек 450
 Усть-Емцы, становой пункт в Каргопольск. у. 205
 Усть-Ирбитская, слоб. в Верхтурск. у. 460
 Усть-Калитвенский, г. на р. Сев. Донец 317
 Усть-Каменогорская кр., Усть-Каменогорск, г. на р. Иртыш 463, 464
 Усть-Кутский острог на р. Лена 449
 Усть-Лабинская, кр. на р. Лаба 404
 Усть-Лабинская, ст. на р. Лаба 404
 Усть-Ламинская, кр. на Ишимской оборонит. линии 463
 Усть-Медведица, г. на р. Дон 316
 Усть-Мехренга, становой пункт в Каргопольск. у. 205
 Усть-Моша, становой пункт в Новг. з. 205
 Усть-Паша, сел. в Обонежье 146
 Усть-Туйское зимовье на р. Туя 450
 Усть-Удское зимовье в устье р. Уда 450
 Усть-Уйская, кр. в устье р. Уй 508
 Усть-Цыльма, посел. в Поморье 255
 Усть-Хопра, г. на р. Дон 316
 Устье, г. в устье р. Трубеж 134
 Устье, р., впад. в оз. Неро 241
 Устюг Великий, г. в Ростово-Сузд. з. 150, 225, 236, 238, 247, 260, 438
 устюжане, жители Устюжской земли 238, 438
 Устюжская земля, край 204, 236, 238, 255
 Устюжский у. 253, 255, 263
 Устяцкий, острог на р. Вагай 454
 Утряя, р. в Псков. з. 210
 Утруха, р. в Псков. з. 210
 утургуры, болгары в Приазовье 91
 Утятский, форпост на р. Тобол 508
 Уфа, р., пр. р. Белая (Камск.) 103, 155, 266, 492, 493, 497, 513
 Уфа, г. 6, 7, 37, 266, 327, 492-494, 496-499, 504, 505, 509, 511, 513, 548
 Уфимская губ. 471, 475, 476, 518, 569
 Уфимская провинция 507, 511, 512, 514
 Уфимская у. 493, 497, 499, 510
 Уфтыога, р., впад. в Кубенск. оз. 239
 Ухань, г. на Волыни 131
 Уходы (входы):
 Артачин, на Днепре 343
 Билоозеро, у Днепровских порогов 343
 Бозовлук, на Днепровских порогах 343
 Волнец, на Днепровских порогах 343
 Воловский, на Днепре 343
 Гостиловский, на Черниговщине 342, 343
 Дубослей, на Днепре 343
 Еланский, на Днепре 343
 Кашинский, у устья Ворсклы 343
 Котоум, у Днепровских порогов 343

- Кременчугский, у устья р. Псел 343
 Макарино, на р. Суле 343
 Ненасытец, на Днепровских порогах 343
 Носовский, на Днепровских порогах 343
 Орельский, на р. Орель 343
 Отмуть, на Днепровских порогах 343
 Плетеница, на Днепровских порогах 343
 Посельский, на р. Псел 343
 Протолч, на р. Орель 343
 на Ревучем, у Днепровских порогов 343
 Романовский, на р. Орель 343
 На Самаре (Днепр.) 343
 Сивера, Сиверские уходы 344, 345
 на Товени, на Днепровских порогах 343
 Томаковка, на Днепровских порогах 343
 Тясминский 343
 Чекмауво, 343
- Ухорское удельное княжество 184
 Ухра, вол. в Ярославск. у. 241
 Ухра, р., лев. пр. р. Шексна 240, 241
 Ухтома, удел Белозерск. кн-ва 229
 Ухтома, р., пр. р. Согожа 229
 Ухтомское удельн. княжество 173, 184, 229
 Уча, р., лев. пр. р. Клязьма 151, 216
 Уча, р., пр. р. Шексна 151
 Уша, р., прав. пр. р. Припять 133, 179, 180, 337, 350
 Ушма, р., прав. пр. р. Клязьма 223, 232
 Ушна, р., лев. пр. р. Ока (Волж.) 192, 232
 Ушск, г. на р. Уша 133
 уштяк (также: остяки) 433
- Фанагорийский, кордон в Кубанск. обл. 416
 Фанагорийский округ Черноморского казачьего войска 414
 Фанагорийский о., Фанагория (также: Таманский п-ов) 412, 413
- Фанагория (также: Таматарха), греч. колония 77, 124, 414
 Фарос, посел. в Крыму 88
 Федорова, слоб. в Белозерск. у. 187
 Федоровские Свибловы, села в Ростов-Сузд. з. 187
 Федоровские Свибловы, села на р. Сяма 187
 Федоровские Свибловы, села в Отводном (на Вологодчине) 187
 Федоровские Свибловы, села на р. Яуза в Москве 187
 Федоровичи, сел. в Новг. з. 189
 Федоровское (также: Новогригорьевка), сел. 424
 Федосеевский, г. на р. Хопер 317
 Федоровское, сел. на Симбирск. оборонит. линии 305
 Федосвин городок, г. в Белозерском кн-ве 186
 Феодори, г. в Крыму 88
 Феодосия (также: Кафа), г. 83, 106, 295, 387, 550
 Ферганская обл. 523, 527
 Филоновский, г. на р. Бузулук 317
 Финляндия 101, 147, 196-198, 530, 539
 Финляндская возвыш. 100, 102
 финны, финские племена 84-86, 95, 96, 136, 141, 142, 147-150, 153, 154, 157-159, 195, 198, 200, 253, 455, 530, 531, 534, 537
 финны восточные 86, 136, 137, 142-145, 154, 156-158
 финны западные 150
 Финский залив 145, 146, 149, 196, 529, 534
 Финское побережье 530
 Фоминско-Березуйское удел. кн-во 231
 Фонтанка, р., лев. пр. р. Нева 533, 535, 536
 Форт N 1, см.: Казалинский
 Форт N 2, см.: Кармакчинский
 Фракия 88, 162
 франки 91
 Франция, гос-во 385
 Франкфуртская нем. колония близ Ямбурга 536

- Хабаровск, г. 486
Хабаровский пост на р. Амур 465
Хабное, г. в Чернобыльском повете 353
Хаджибей (позже: Очаков), г. 388
хазары, народ 91, 95-99, 111, 121, 124, 155, 257
Хале, г. на р. Дунай 431
Ханка, оз. 431
Ханка, сел. на р. Аму-Дарья 485, 523
Ханская ставка, сел. в уроч. Нарын-Пески 284
Хапское, соленое оз. в Кубанск. обл. 423
Харькин, форпост на Нижнеяицкой линии 329
Харьков, г. 397
Харьков, р., пр. р. Уды 307
Харьковская губ. 283, 362, 366, 409, 419, 419, 480
Хатанга, р. в Вост. Сибири 430, 433, 435
Хаустовское, сел. в Москов. кн-ве 188
Хвастов, зам. в Киев. Полесье 350, 356
Хвостовские, села на р. Клязьма 187
Хвостовские, села ок. г. Перемышля (на р. Ока) 187
Херсон, г. 121, 385-387
Херсонес, 77, 385, 387
Херсонская губ. 480
Херсонская провинция 382
Херсонский у. 384, 391
Хива, г. 500, 505, 523, 570
Хивинское ханство 521, 522, 569
хивинцы, жит. Хивинского ханства 500
Хилок, р., прав. пр. р. Селенга 452
Хинган, горы 430
Хлынов, г. в Вятск. з. 247, 255, 256
Хобльская, ст. в Закубанье 421
Ходжент, кр. в Кокандском ханстве 523
Ходзя, р. в Закубанье 421
Ходорков, имение на р. Ирпень 350
Холм, г. в Галицко-Волынск. кн-ве 131, 169
Холм, г., вол. в Новг. з. 199, 207
Холмский пог. в Великолуцк. вол. 210
Холмогорская слоб. на Симбирской оборонит. линии 305
Холмский у. 254
Холмогоры, сел. в Двинск. з. 210
Холмогорский присуд, в Двинск. з. 210
Холмская з. в Польше 179
Холодная балка в Запорожье 376, 383
Холохольна, р., лев. пр. р. Волга 246
Холгостици, сел. в Ростово-Сузд. з. 188
Хопер, р., лев. пр. р. Дон 106, 136, 137, 166, 254, 295, 312, 316-319, 324, 403, 540
Хопилова, слоб. в Боровском удел. кн-ве 186
Хорабар, г. в Черниг. кн-ве 119, 360
хорваты, вост. слав. племя 98, 127, 130
хорваты белые 130
Хорельский берег Белого м. 206
Хорол, зам. на р. Хорол 135, 352
Хорол, р, пр. р. Псёл 343, 352, 389
Хортица, о. на р. Днепр 105, 369, 371, 372, 390
Хотмышль, г. на р. Ворскла 180
Хотмышский, г. на р. Тихая Сосна 302, 303
Хотемирицы, сел. в Новг. з. 199
Хотемиричи, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
Хотиж, посел. в Псков. з. 212
Хотославичи, сел. в Ростово-Сузд. з. 188
Хотовичи, сел. в Новг. з. 199
Хотунь, г. в Москов. кн-ве 151, 186
Хотча, р., прав. пр. р. Волга 221, 246
Хотыничи, сел. в Рост.-Сузд. з. 188
хуны, сармат. племя 83, 93
Хупта, р. в бас. р. Проня 296
Цалуга (также: Золка), р. на Сев. Кавказе 403
Царев, г. в Астрах. крае 283
Царев-Борисов, г. на р. Оскол 298, 299, 301, 307, 308
Царево, слоб. в Астрахани 281
Царево городище, укр. на р. Уй 506
Царево-Городищенская, слоб. на р. Тобол 508
Царево-Никольский, форпост на Общем Сырте 332
Царица, р., пр. р. Волга 271
Царицын, г. 271, 279, 281, 282, 548, 549
Царицынская городова команда, 282
Царицынская степь 317
Царицынская оборонительная линия 279, 402, 500

- Царичанка, хутор в Протовчинской паланке 377
- Царское село под Петербургом 534, 536, 571
- Царьград, г. 108, 120, 127, 314
- Цаца, сел. в Ергенях 283
- Центральная Россия 381, 477
- Церкви:
- Архангела Михаила, в Пскове 213
 - св. Богородицы, во Владимире-Волынском 163
 - Василия Кесарийского с Горки, в Пскове 213
 - Варвары Великомученицы с Усохи, в Пскове 213
 - Живоначальные Троицы в Крему, в Псков. з. 213
 - Зарубская у Трехтемирова (вернее: Успенского Зарубского м-ря) 393
 - св. Ивана на Опоках, в Новгороде 208
 - св. Петра, в Риме 386
 - Покрова Богородицы, в Новой Сечи 375
 - Преображения, в Екатеринославе 386
 - св. Софии, в Киеве (киевский капицул) 122, 353
 - св. Софии, в Новгороде 209
 - Фрола и Лавра, в монастыре в Дуброво 192
- Цесаревичев, форпост на Общем Сырте 332
- Цимла, г. на р. Дон 316
- Цингалинский, г. на р. Иртыш 443
- Цна, р., пр. р. Мокша 103, 137, 143, 251, 253, 255, 296, 297, 302, 304
- Цна, р., пр. р. Москва 137
- Цна, р., лев. пр. р. Ока 220
- Цна, р., пр. р. Припять 141
- Цыпа, р., лев. пр. р. Витим 452
- Цыбулев, сел. в Запорожье 379
- Цыбульник, р. в Правобереж. Украине 338
- цыгане, народ 279
- цывиляне, выходцы из Цывильского у. 266
- Цывильск, г. в Средн. Поволжье 266
- Чабановская земля, местность на р. Сулица 343
- Чаган, р., прав. пр. р. Урал 327, 332
- Чаганский, г. на Нижнеяицк. оборонит. линии 329
- Чагодоша, р. в Верхневожж. бас. 151
- Чайковичи, пог. в Новг. з. 199
- Чайковичи, сел. в Ростово-Сузд. з. 188
- Чална, р., пр. р. Кама 272, 274
- Чална, сел., затем г. на р. Чална 272, 274
- Чамлык, р., прав. пр. р. Лаба 410
- Чамлыкская, ст. на р. Чамлык 410
- Чапле, сел. в Самарской паланке 376
- Чаплинская Каменка, сел. в Орельской паланке 377
- Чармус, р. в Костром. губ. 154
- Чарома, вол. в Белозер. кн-ве 154
- Чарышская, кр. на Колывано-Кузнец. линии 464
- чаты (также: нарым, пегие калмыки), народ 435
- Чаусский острог (также: Колывань), укр. на р. Обь 463
- Чебаркуль, Чебаркульская, кр. на оз. Чебаркуль 505, 508
- Чебаркуль, оз. на Южн. Урале 508
- Чебоксары, г. 266, 278
- чебоксаряне, выходцы из Чебоксарск. у. 275
- Чегем, р., пр. р. Терек 392
- Челмат, г. на р. Кама 156
- Челнавая (Челновая), р., пр. р. Цна (Мокшан.) 302
- Челнавский, г. на р. Челнавая 302
- Челнинские поселки на р. Челны 494
- Челнинский починок, на р. Челны 494
- Челны, р., пр. р. Кама 494
- Челябинск, г., Челябинский острог 482, 496, 508
- Чемерин, г. на р. Горынь 131
- Чемосов, г. на р. Сула 180
- Чепурники, сел. на р. Ергени 283
- Червенская земля 131
- червенские города 131

- Червень, г. 131
 Червлёный, г. на р. Сунжа 400
 Червона, г. в Житомирск. повете 353
 Червоноград, г. в Галицком Подолье 179
 Чердынь, г. на р. Колва 254, 256, 445, 496
 Черевы, р., пр. р. Водла 204
 Черекское, укр. на Сев. Кавказе 405
 Черемисино, сел. в Костром. губ. 154
 Черемиска, дер. в Костром. губ. 154
 Черемиска, р. в Костром. губ. 154
 Черемисское, сел. в Костром. губ. 154
 черемисы, народ 154, 157, 232, 254, 258, 264-266, 490, 497, 499
 черемисы казанские 356
 Черемха, р., прав. пр. р. Волга 240
 Черемшан, р. в Закамье 549
 Череповесь, вол. 153
 Череповесь, посел. в Белозерск. крае (совр. Череповец) 152
 Череха, р. в Псков. з. 210
 Черкасский, Черкасск, г. в Донской обл. 313, 315, 316, 325, 398, 552
 Черкасский зам. на р. Днепр 345
 Черкасский повет 179, 337, 345, 346, 353, 361
 Черкасское староство 342, 343
 черкасы, поселенные на Украине 299, 307, 425
 черкасы горские (также: черкесы) 315, 397
 черкасы запорожские 315, 493
 черкасы кабардинские 313, 315, 362, 393, 397, 456
 черкасы темрюкские (также: жаны) 315, 398, см. также: черкесы
 Черкасы, посел., затем г. на Днепре 167, 180, 301, 322, 337, 338, 344, 351, 354, 357, 358, 360, 365, 366, 371
 черкесы, черкессы, черкесские племена 124, 327, 373, 383, 392, 393, 396, 402, 406, см. также: жан, касоги
 Черкизовское, сел. Коломен. у. 188
 Черк-Тепе, укр. в Южн. Туркестане 523
 Черлный Яр, лев. пр. р. Дон 97, 136, 137, 166, 254, 312
 Черма, р. в Псков. з. 210
 Чернавский, форпост на Ишимской оборонит. линии 463
 Черная речка, прав. пр. р. Нева 533
 Черная Русь 142, 175, 177
 Чернега, р. 149
 Чернехов, имение на р. Тростяница 350
 Чернеческ, г. на Вольни 131
 Чернигов, г. 98, 119, 124, 135, 163, 168, 180, 248, 254, 256, 540
 Чернигово-Северская земля, княжество 128, 129, 136, 151, 168, 254, 335, 341, 542
 Чернигово-Северские княжества 176, 177, 544
 Черниговская губ. 75, 409, 419, 475, 480, 485
 Черниговская вол. 128
 Черниговская земля 135, 144, 150, 168, 175, 180, 181, 213, 384
 черниговские волости 175
 Черниговское воеводство 335, 360
 Черниговщина 136, 342, 360, 475
 Чернобыль, г. 133, 179, 337, 350
 Чернобыльский повет 179, 337, 353, 360
 Черновцы, г. 353, 354
 Черногородко, имение в Киевском Полесье 350
 черногорцы, народ 380
 Черноград, г. в устье Юж. Буга 126, 127, 540
 Черное море 77, 83, 92, 103, 104, 121, 126, 127, 177, 179, 257, 314-316, 336, 370, 373, 376, 381, 382, 388, 393, 412, 415, 419, 447, 540, 544, 557, 558
 Черноерковский лиман 423
 Черноерковский, посел. в Кубанск. обл. 423
 Чернолуцкая, кр. на р. Иртыш 463
 Черномория 418, 419, 425
 Черноморская губ. 420
 Черноморская низменность 101
 Черноморская оборонительная линия 419, 420
 Черноморский округ 420
 Черноморское казацье войско, черноморские казаки 409, 412, 413, 418, 419, 420
 Черноморо-Азовское побережье 137
 Черноморское побережье 126, 382, 420

- Черноморье 81, 88
 Чернореченская, кр. на р. Урал 506, 507
 Черноярская, ст. на Сев. Кавказе 405
 Черноярская команда Астрахан. казачьего
 войска 282
 Черноярский острог, Черный Яр, г. в Ца-
 рицынской губ. 282
 черные болгары 91, 95
 Черные горы в Предкавказье 421
 черные клобуки, народ 122, 133, 167
 Черный лес у верховьев рек Орели и Са-
 мары 105
 Черный лес между верховьями рек Ингу-
 ла и Ингульца 106, 338, 369
 Черный Тыкич, р., пр. р. Синюха 179
 Черный Ташлык, р., пр. р. Синюха 368
 Черный шлях 295, 336
 Чернь, г. на р. Ока (Волж.) 296, 297, 362
 Чернякова, слоб. в Нижегородск. кн-ве
 187
 Чернятин, г. в Волоховск. з. 134
 Чертанла, дер. на р. Большой Узень (поз-
 же: Новокузнецк) 281
 Чертов Лес 107, 133
 Чертомлык, р., пр. р. Днепр 374
 Чертомлыцкая Сечь 374
 Чертомлыцкий рукав р. Днепр 371
 Черторыйск, г. в обл. Лучан 131, 141, 179
 Чертык, р., пр. р. Кама 272
 Чеславле, дер. в Новг. з. 200
 Чесноковка, дер. в Башкирии 494
 Чехия 20, 23, 24, 25
 Чеченское, укр. на Сев. Кавказе 405
 чеченцы (также: мичигиш), народ 392,
 393, 396, 399-401, 406, 409, 410, 416
 Чечень, о. в устье р. Терек 394
 Чечерск, г. на р. Сож 136
 чечеряне, жители Литовской Руси 346
 Чечня 396, 421
 Чигирин, укр. на р. Тясмин 351, 356, 358,
 360, 361
 Чижы, реки на Урале 332
 Чимкент, г. 522
 Чинги-Тура, г. (ныне Тюмень) 434, 443,
 444
 Чир Верхний, г. на р. Дон 316
 Чир Нижний, г. на р. Дон 316
 Чона, р., пр. р. Вилкой 430, 449, 450
 Чу, р. в Казахстане 520
 чуванши, народ 437
 чувашы, народ 91, 155, 258, 265, 266, 279,
 327, 490, 497, 499, 505, 510
 Чугуев, г. на р. Сев. Донец 302
 Чугуевское городище 362
 Чудинов, г. на р. Тетерев 179
 Чуднов, г. на Украине 337, 350
 Чудская вол. в Галицком (Мерьском) у.
 153
 Чудская, дер. в Гороховецк. у. 153
 Чудское оз. 49, 100, 145, 147, 181, 182,
 211, 256, 537, 540
 Чудской стан в Кашинском у. 153
 Чудца, сел. и вол. в Белозерск. у. 153
 чудь, фин. племена 98, 145, 147, 195, 198,
 489, 490
 чудь, чудца, инородцы в Новг. з. 153, 195
 чудь заволоцкая 147, 148, 205
 чудь прибалтийская (также: эсты) 147,
 149, 197, 200, 275
 чудья (также: водь) 196
 Чукотский п-в 437
 чукчи, народ 437, 438
 Чулымский острожек на р. Чулым 446
 Чулым, р., пр. р. Обь 422, 434, 446, 451
 Чумлянская, кр. на р. Миасс 497
 Чуна (также: Уда), р. в бас. р. Ангара 430
 Чусовая, р., прав. пр. р. Кама 440, 441
 Чухлома, г. в Галицком (Костром.) кн-ве
 225, 253, 256
 Чухломская, вол. 225
 Чухломское, оз. 154, 225
 Чухченемская, вол. в Двинск. з. 207
 Шабин-Даг, г. в верховьях р. Енисей 464
 Шадринск, г. на р. Исеть 508
 Шадринский (Щедринский), г. на р. Сун-
 жа 400
 Шадринский, острог на р. Исеть 496
 Шайское, оз. в Заволочье 204
 Шамсудинское, оз. в Башкирии 494
 Шамшинский, г. на р. Иртыш 444
 Шацы, кр. на Кобыляно-Кузнецкой оборо-
 нит. линии 464
 Шаня, р., пр. р. Угра 187, 224
 шапсуги, черкесское племя 393, 421

- Шара, Шарья, р., пр. р. Неман 142
 Шарань, р., пр. р. Сюнь 513
 Шараповское, сел. в Переяслав. (Залес.) у. 188
 Шарженка, р. 149
 Шариш, г. в Угорской Руси 130
 Шарицкий комитат 130
 Шатор, г. в Угорской Руси 130
 Шать, р., пр. р. Цна (Мокшан.) 296
 Шацк, г. на р. Шать 296, 297
 Шацкие ворота на р. Шать 296
 Шача, р., пр. р. Векса 223
 Шача, р., лев. пр. р. Кострома 223
 Шача, р., прав. пр. р. Волга 223
 Шачебал, вол. в Костром. у. 154
 Шведская колония в Херсонск. у. 391
 шведские владения 256
 шведские колонисты 391
 Шведское государство, Швеция 147, 197, 198, 293, 495, 530, 531
 шведы 148, 197, 254, 327, 467, 529, 530, 531, 534
 Швейцария 281
 Шегринский пог. в Новг. з. 201
 Шексна, р. 43, 152, 189, 204, 229, 238, 240
 Шелешпань, удел Белозерск. кн-ва 230
 Шелкозаводское, сел. на Сев. Кавказе 408
 Шелонская пятина 199, 201, 209
 Шелонь, р. в Новг. з. 151, 198, 203, 209, 243
 Шемеричи, сел. в Псков. з. 212
 Шенвиз, дер. в Павлоград. у. 390
 Шенкурский, пог. в Заволочье 205
 Шенкурье, район в Заволочье 205
 Шенья, р. в Заволочье 205
 Шепяцкий пог. в Новг. з. 201
 Шеполь, г. в обл. Лучан 131
 Шереховичи, пог. в Новг. з. 199
 Шерна, р., пр. р. Волга 217, 221
 Шестерня, зимовник в Перевиской паланке 376
 Шестков, г. в Вятской з. 255
 Шешма, р., пр. р. Кама 273
 Шешминск, г. в Башкирии 273, 497
 Шешминск, острожек на р. Шешма 273
 Шехонское удельное княжество 184
 Шиворонь, р., прав. пр. р. Упа 289
 Шигорам, вол. в Белозерск. кн-ве 154
 Шилка, р. в Вост. Сибири 430, 436, 450-452
 Шилкинский завод, посел. на р. Амур 465
 Шипино, сел. в Новг. з. 146
 Ширенга, р. в бас. р. Сев. Двина 149
 Ширенский лес 107
 Широкий овраг в Запорожье 376
 Шишегда, р. в Верхневолж. бас. 149
 Шишенга, р. в Башкирии 513
 Шкуринское, куренное сел. на р. Ея 417
 Шлиссельбург (также: Орешек, Нотебург) 530, 536
 “шляхи патерские” 350
 Шовар, г. в Угорской Руси 130
 Шола, р., пр. р. Паша 198
 Шолохта, р. 149
 Шопюва, слоб. в Сузд. з. 187
 Шоша, р., прав. пр. р. Волга 237, 246
 Шубачь, вол. в Белозерск. кн-ве 154
 Шуйский, у. в Московск. кн-ве 252, 263
 Шумск, г. на р. Горынь 131
 Шухомаш, вол. в Костром. у. 154
 Шуя, г. в Сузд. з. 191
 Шуя, г. в Смоленск. кн-ве 144
 Шуя, р., впад. в Кубенское оз. 238
 Щедринский (также: Шадринский), г. на р. Суджа 400
 Щекотов, г. в обл. Лучан 131
 Щербиновское, куренное сел. на р. Ея 375, 417
 Щугур, Щугор, р., прав. пр. р. Печора 439
 Щукинское, сел. в Моск. у. 188
 Эйнфельд, нем. колония на Кавказе 425
 элины, народ 79, 83
 Эльба, р. 23
 Эльбрус, гора 103
 Эмба, р., впад. в Касп. м. 500, 520
 Эмбах (Эмайыги), р. в Эстонии, см.: Омовжа
 Эмбенские воды, посел. в р-не р. Эмба 328
 Эндери, местечко на Сев. Кавказе 393

- эндерийцы (также: кумыки эндерийские) 400
- Эржети (также: Ярхенд), г. 463
- Эржковичи, сел. в Псков. з. 215
- эскимосы, народ 437
- Эстляндия 537, 571
- Эстляндская губ. 537
- эсты, эстонцы, эстонская чужь, народ 84, 85, 143, 149, 537
- Этуль, оз. на Южн. Урале 508
- Этульская, кр. в верховьях р. Урал 506, 508
- Юг, р., исток р. Сев. Двина (вместе с р. Сухона) 148, 236
- Юго-Восточная Европа 80, 105
- Юго-Западная Русь 166, 170, 173, 363, 542
- Югорская земля, Югория 438, 439, 456
- Югорское княжение 438
- Югра, р. в Двинск. з. 148, 489
- югра, народ 148, 149, 152, 198
- южане, население на р. Юг 238
- Южная Россия 475
- Южная Тунгузка (также: Верхняя Тунгузка, Ангара), р. 437
- Южное Приуралье 491
- южно-русские земли 119
- Южно-Уссурийский край 425
- Южный Алтай 429
- Южный Буг, р. 77, 78, 84, 97, 98, 100, 102, 103, 106, 119, 125-127, 137, 166, 177, 179, 295, 336-338, 344, 348, 352, 357, 359-361, 368-370, 374, 376, 381, 387, 388, 412, 539, 541, 550, 554
- Южный Урал 490
- Юкагирская земля 437
- юкагиры, народ 437, 450
- Юматовское, сел. в Звенигородском у. 188
- юртовские татары, потомки золотоордынцев, см.: татары юртовские
- Юрьев (также: Тарту, Дерпт), г. в Эстонии 147
- Юрьев, г. на р. Рось 132
- Юрьев Повольский (также: Юрьеvec), г. 150, 158, 235, 256
- Юрьев Польский 107, 150, 152, 158, 183, 188, 217, 224, 234
- Юрьеvec, г. см.: Юрьев Повольский
- Юрьевичи, сел. в Новг. з. 199
- Юрьеvecкий у. 253
- Юрьеvecкий у. 152, 188, 243, 253
- Юрьеvecкое (Польское) княжество 213, 224, 253
- Юрьеvecкое Поле, Юрьево Поле 107, 152
- Юсковское, оз., имеет сток в р. Свирь 146
- Юскол, сел. в Обонежье 146
- Юхотское удельное княжество 184
- Юхоть, р., прав. пр. р. Волга 240
- Юшанск, г. на Симбирск. оборонит. линии 304
- Яблонов, г. на Изюмском шляхе 302
- Яблонов колодезь на Изюмском шляхе 302
- Яблоновый хребет в Вост. Сибири 430
- Явонь, р., пр. р. Пола 199
- яг (также: остяки), народ 433
- Ягорлык, зам. на р. Днепр 351, 388
- Яготын, г. в Переяславск. повете 353
- Яжелбицкая вол. в Новг. з. 146
- Яжолвицы, сел. в Деревской вол. в Новг. з. 209
- Яжолвичская вол. в Новг. з. 209
- языги, часть сарматов 81-83, 89
- языки, предполагаемое племя 83
- Яйва, р., лев. пр. р. Кама 441
- Яйвенский острожек, на р. Яйва 441
- Яйла, район кочевий крымских татар 257
- Яик (также: Урал), р. 100, 102, 122, 257, 271, 281, 326-329, 331, 334, 405, 444, 459, 489, 490, 500, 504-507, 509, 515, 520, 521, 553, 554
- Яицкая оборонительная линия 509
- Яицкий городок 327-331, 507, 554
- Яицкий учуг 328
- Яицкое (позже Уральское) казачье войско, яицкие казаки 326-331, 333, 506, 509, 554
- Якимова слоб. в Малоярославецк. у. 186
- Якимово, сел. в Новг. з. 201
- Яковлевичи, сел. в Новг. з. 199
- Яковля, слоб. в Москов. кн-ве 186

- Якутская обл. 487
 Якутский острог, Якутск, г. на р. Лена 430, 450-452, 486
 якуты, народ 436, 449, 450, 562
 Ялта, г. в Крыму 88
 Ялуторовский острог, в устье р. Исеть 451, 454
 Яма, г. в Водьской з. 195, 198, 256, 530
 Яма, дер. на р. Наров 537
 Яманхалинский, форпост на Нижнеяицкой оборонит. линии 329
 Ямбург, г. 536
 ябургские колонисты 391
 Ямбургский у. в Петерб. губ. 196
 Ямполь, зам. в Приднестровье 351
 Ямский присуд, в Водьской вол. 209
 Ямский у. 202, 208, 254
 Ямышевская, кр. в Прииртышье 463, 464
 Ямышевское, оз. в Прииртышье 463
 ямь (также: емь), народ 98, 205
 Яна, р. в Вост. Сиб. 430, 450, 477, 562
 Январцев, г. в обл. яицких казаков 330
 Янглыч (также: Джанклиш) 394
 Янгссар, р. в Верхневолж. бас. 149
 Яндыковка, посел. в Астрахан. губ. 283
 Янов, укр. на р. Синяя Вода 351
 Япония 466, 478
 Японское море 430, 466, 470, 486
 Яр, г. в Донск. обл. 315
 Яренский у. 255, 440
 Ярилово, д. в Новг. з. 200
 Яровская, кр., Яровский укр. пункт на Кольванно-Кузнецк. оборонит. линии 464
 Ярополчь, г. на р. Ирмень 132
 Ярополчь, г. в Рост.-Сузд. з. 150, 158
 Ярослав Малый (также: Малоярославец), г. 186
 Ярославичи, пог. в Новг. з. 199
 Ярославль, г. в Карпатах 129
 Ярославль, г. на р. Волга 107, 150, 152, 158, 162, 165, 184, 189, 221, 240, 241
 Ярославля, слоб. в Серпуховск. у. 186
 Ярославская губ. 107, 151, 389
 Ярославский у. 151, 253
 Ярославское княжество 184, 216, 239, 240, 253
 Ярхенд, г., см.: Эржети
 Ярыжанский, г. на р. Бузулук 317
 Ярцева, слоб. в Малоярославецк. у. 186
 Ясаулов, г. на р. Дон 516
 Яседь, р., пр. р. Припять 141, 142
 Ясеноватое, сел. в Калмиусской паланке 376
 Ясеновичи, пог. в Новг. з. 199
 Ясенская, ст. в Кубанск. обл. 423
 Ясенское, сел. в Смолен. кн-ве 113
 ясы (также: аланы), народ 82, 92, 124, 393
 Ятвеск, Ятвеско, сел. в Берестейской з. 132
 ятяги, народ 131, 142, 143, 162, 174
 Ятвяжская земля 142
 Ятрань, р. в Правобереж. Украине 348, 351
 Яу, р. в Средн. Азии 520
 Яуза, р., пр. р. Гжать 151
 Яуза, р., пр. р. Лама 151
 Яуза, р., лев. пр. р. Москва 151, 187, 188, 190, 216

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора (<i>А. Я. Дегтярев</i>)	5
Академик М. К. Любавский и его наследие (<i>А. Я. Дегтярев, Ю. Ф. Иванов, Д. В. Карев</i>)	8
Предисловие	73
I. Древнейшие обитатели Восточной Европы	75
Доисторические обитатели Восточной Европы. — Греческие колонии на берегах Черного моря. — Известия Геродота о Скифии и ее населении; вопрос о национальности скифов. — Сарматы; продолжительное господство иранцев в южных областях Восточной Европы и отражение этого факта в географической номенклатуре. — Скифо-сарматская культура и ее влияние на соседей. — Первые известия о населении лесных пространств Восточной Европы - славянах, литовцах и финнах; их первоначальное местожительство. Готы в южных областях Восточной Европы.	
II. Великое переселение народов в Восточной Европе и славянское расселение	88
Нашествие гуннов в южные степи Восточной Европы. — Разгром аланов и вытеснение готов. — Национальность гуннов. Смена их болгарами и аварами. — Очищение южных степей Восточной Европы от кочевников. — Расселение славян в бассейнах Днестра, Южного Буга, Днепра и Дона до Черного и Азовского морей. — Подчинение славян хазарам. Расселение славян в бассейнах верхнего Днепра, верхней Западной Двины, верхней Волги и оз. Ильменя.	
III. Природные условия славянской колонизации в Восточной Европе	100
Равнинный характер страны. Внутренние возвышенности и низменности, речных бассейны. Почвы. Леса и степи; лесные острова в степи и степные оазисы в лесах. Тундры. Разнообразие животного мира.	
IV. Влияние природных условий и хозяйственной деятельности славян на их первоначальное расселение в Восточной Европе .	111
Расселение славян по лесным побережьям степных рек в связи с требованиями безопасности и усиленными занятиями звероловством, рыболовством и бортничеством. — Расселение по безлесным и малолесным местам в лесной области в связи с занятием земледелием. — Экстенсивный характер расселения в связи с господствовавшими системами земледелия и условиями звероловства, рыболовства и бортничества.	
V. Кочевники в южных степях Восточной Европы в IX—XI вв. и отступление славянского населения со степного юга на север и запад	119

Городки, как преобладающий тип поселков и опора славянской оседлости в древнейшее время. — Проход через степи Восточной Европы в IX в. утров. — Появление в конце IX в. печенегов и их господство в степях Восточной Европы до половины XI в. — Вытеснение их узами или торками. — Появление во второй половине XI в. половцев и господство их в южных степях Восточной Европы до прибытия татар. Нападения их на русские города и села. — Передвижка славян с нижнего Подонья на верховья Дона, в бассейн Оки и Нижней Кубани; княжество Тмутараканское. — Передвижение славян с нижнего Буга и Днестра на север и запад, на нижний Дунай и его левые притоки; Берладь. — Уцелевшие города на Черноморском побережье: Олешье, Черноград и Белгород.

VI. Славяно-русская оседлость в лесостепных областях Восточной Европы в Киевскую эпоху (XI—XIII вв.) 129

Галицкая земля и ее города в Прикарпатье; Понизье на среднем Днестре и Покуте на верхнем; Угорская Русь в Закарпатье и ее города. — Волынская земля; приросты к ней; Червенская земля; область Лучан и Погорни; образовавшаяся на земле ятвягов Берестейская земля; их населенные пункты. — Земля Киевская и ее состав: Польская, или Русская земля, Поросье, земля Деревская, Болохово; города. — Переяславская земля северян и ее города: "украина" и ее население. — Чернигово-Северская земля и край вятичей на территории финнов; города. — Земля Муромо-Рязанская на территории мещеры и муромы; ее города; финское соседство. — Стабилизация южных пределов славяно-русской оседлости в дотатарскую эпоху. — Бродники в степях.

VII. Славяно-русская оседлость в лесных областях Восточной Европы в XI—XIII вв. 141

Районы славяно-русской оседлости в лесных областях. Земля Дреговичская, или Турово-Пинская; ее города. — Черная Русь на литовской территории. — Земли кривичей Полоцкая и Смоленская на литовско-финской территории; их города. — Земля новгородских славян на территории чуди; поглощение и оттеснение на запад чуди. — Псковские кривичи и оттеснение на запад летьголы; новгородские данники на севере. — Заселение территории веси и мери новгородскими славянами, смоленскими кривичами и вятичами с юга; образование Ростово-Суздальской земли и ее важнейшие города. Финские элементы в составе населения Ростово-Суздальской земли. Пределы ее на востоке; борьба с мордвой и камскими болгарами.

VIII. Прибытие татар и перемены в размещении русского населения в лесостепных окраинных областях 161

Нашествие Батьевской орды. Завоевание татарами Болгарии и Мордвы. Вторжение в Рязанскую и Ростово-Суздальскую землю; их разорение. Судьба половцев. — Опустошение и разорение Переяславской, Чернигово-Северской, Киевской, Волынской и Галицкой земель. — Распространение татарских кочевий по всему степному пространству Восточной Европы. — Последующие опустошения русских земель. — Пограничное русское население под непосредственной властью татар; казаки в степях. — Сильное уменьшение населения в Киевском и Переяславском Приднепровье и увеличение в бассейнах верхнего Дона и Оки; новые княжества на верхней Оке и ее притоках. — Увеличение населения в Галицко-Волынской земле; новые города. — Малая Русь; консолидация украинской народности. — Новые рязанские города в области р. Протвы.

IX. Объединение Литвы и западно-русских земель в Великом княжестве Литовском, его пределы и размещение в нем населения к половине XVI века 172

Географическое и политическое разобщение восточного славянства в XIII в.; определившееся новое племенное его деление на три народности: великорусскую, белорусскую и малорусскую, или украинскую. — Литовские племена и их местожительство в XIII в. — Объединение верхней и нижней Литвы и Черной Руси в Великое княжество Литовское. — Соединение с Литвой Полоцкой земли, Витебской земли и княжеств Мясного, Друцкого и Лукомского. — Присоединение к Великому княжеству Литовскому земель Волынской, Киевской, Подольской, Чернигово-Северской, Смоленской и верхнеокских княжеств. — Территория нового государства; крепости на нижнем Днепре, по берегам Черного моря и по Днестру. — Сосредоточение населения на территории собственно Литвы, Черной Руси и так называемой Литовской Руси, земли Берестейской с Подляшьем; главные города этой области. — Населенность Волынской земли; главные города и центры многочисленных княжеств. — Литовское Подолье. — Земля Киевская и ее пределы под литовским владычеством; сосредоточение населения в северных лесистых местностях и главнейшие административные центры. Опустошение Переяславщины в 1482 г. — Земля Чернигово-Северская; сосредоточение населения в бассейнах Десны и частью Сожа, правых притоков Угры и верхней Оки; главные города и княжеские резиденции. — Уменьшение территории Смоленской земли в литовскую эпоху; главные ее города. — Земли Витебская и Полоцкая и слабая их населенность; важнейшие города.

X. Заселение Ростово-Суздальской области в эпоху татарского владычества 183

Татарские погромы Ростово-Суздальской земли во второй половине XIII и в XIV в. и передвижка ее населения на запад, в Московское и Тверское княжества. Новые княжества в Заволжье. — Колонизаторская роль князей; новые города и княжеские слободы на окраинах княжеств. — Колонизаторская роль землевладельцев; боярские села и деревни. — Монастыри как самостоятельные поселки; монастырские села и деревни.

XI. Заселение и расширение территорий Новгорода и Пскова в XIII—XV вв. 195

Окончательное покорение веди и корель и заселение новгородцами их земель. — Ижора и лепь малая. — Замирение заволоцкой чуди. — Распространение новгородской власти над Ленью и Квенами. — Остатки финских элементов в составе местного населения. — Новые новгородские города в покоренных землях. — Народная новгородская колонизация занятых земель; деревни, починки и слободы. Колонизаторская роль новгородских землевладельцев, бояр, житых людей, купцов и др.; боярские села, сельца, деревни, слободы и починки. — Промысловая и земледельческая, народная и земледельческая колонизация Заволочья; монастырская и церковная колонизация. — Группировка новгородских поселков по погостам и волостям и уездам. — Занятие кривичами части территории летьголы и чуди в бассейне оз. Чудского; древнейшие города. Борьба с ливонскими немцами и постройка новых городов. Народная промысловая и земледельческая колонизация. Боярские села, сельца и починки. — Монастырская и церковная колонизация. — Группировка населения по губам и волостям и уездам.

XII. Объединение великорусских княжеств и земель 215

Политическое деление великорусской территории в XII в. — Распадение в по-

следующее время Новгородской земли на земли Новгородскую и Псковскую, Муромо-Рязанской на княжество Муромское и Рязанское, Ростово-Суздальской на великое княжество Владимирское и удельные княжества — Ростовское, Переяславское, Юрьевское, Стародубское, Суздальско-Нижегородское, Галицко-Дмитровское и Костромское. Дальнейшее удельное распадение: Рязанского княжества на Рязанское и Пронское, Ростовского — на Ростовское, Ярославское, Углицкое и Белозерское, Переяславского — на Переяславское, Московское, Тверское и т.д. — Первоначальная территория Московского княжества и прилив населения на эту территорию во второй половине XIII и первой половине XIV в. — Скудные природные ресурсы Московского княжества и стремление его к экспансии. Захват Коломны и Лопасни и оккупация Переяславского княжества. — Присоединение к Москве Можайского удела и области Протвы. — Соединение с Московским княжеством Великого княжества Владимирского и вместе с ним выморочных княжеств Костромского и Юрьевского. — Присоединение к Москве княжеств Галицко-Дмитровского и Углицкого, Стародубского и Белозерского; приобретение частей Смоленского княжества и Торусского. — Присоединение княжеств Ржевского и Фоминско-Березуйского, Муромского и Торусского; дальнейшие примыслы в области верхней Оки. Присоединение Мещеры и княжества Нижегородского. — Оккупация новгородских волостей — Волока Ламского, Бежецкого Вера и Вологды. Присоединение половины Ростова и Ростовской колонии в Заволочье — Устюга Великого. — Присоединение княжества Заозерско-Кубенского и соседних с московскими владениями рязанских волостей за Окой. — Присоединение княжества Ярославского и другой половины Ростовского. Покорение Новгорода и присоединение его территорий к московским владениям. Тверское “взятие”. Борьба Москвы с Литвой и присоединение “верховских” княжеств, Чернигово-Северской земли и Смоленской. — Покорение Пскова и присоединение его территории к московским владениям. — Присоединение к Москве Рязанской земли. — Окончательная консолидация основной государственной территории великорусской народности. — Ее города и уезды и их новая группировка.

XIII. Присоединение к Москве царств Казанского и Астраханского и расселение русских людей в Среднем и Нижнем Поволжье

257

Распадение Золотой Орды; юрты Перекопский, Казанский и Астраханский. Набеги казанских татар на восточные области Московского государства и препятствия промыслам на Волге и торговле с Востоком. Безуспешные попытки Москвы привести Казань в вассальное подчинение. — Завоевание Казани и уничтожение ханской власти. — Русские города в новозавоеванном царстве и их первоначальное население. Распространение русского военно-служилого и церковного землевладения в завоеванном крае; прилив русского земледельческого и промыслового населения в бывшее Казанское царство. — Политические и экономические интересы Москвы, вызвавшие покорение Астрахани; первые русские поселники ее. Постройка городов на Волге между Казанью и Астраханью. — Разъединение Крымской и Ногайской орд; упадок Ногайской орды и подчинение ее Москве. — Плодородие земель за Камой и тяга туда русского населения; колонизаторская роль в Закамье монастырей; вольная народная колонизация. Прибытие в начале XVII в. в прикаспийские степи калмыков; разгром ногаев и отступление части их в Предкавказье, а части на север. Нападения калмыков на русские поселки в Закамье. — Постройка в пятидесятых годах XVII в. городов и проведение укрепленной Закамской черты. Состав населения на черте и распространение мелкого служилого землевладения. Переселение в Закамье крестьян из внутренних уездов Московского государства. — Развитие служилого землевладения на правой стороне Волги; перевод крестьян. — Вольная крестьянская колонизация. Промысловая колонизация Самар-

ской луки. — Проведение Сызранской черты. — Монастырские поселки на Волге ниже Сызрани. — Новые укрепления южнее Сызранской черты. Проведение при Петре I Царицынской черты и увеличение населения на правой стороне Волги. Лагифундии екатерининских и павловских вельмож, переселение крестьян в эти лагифундии; пестрота населения. — Нападения калмыков, башкир и киргизов на русские селения на луговой стороне Волги. Проведение в 1732 г. новой Закамской линии и укреплений и в 1734 г. Самарской. Раскольничья колонизация на Иргизе. — Бегство калмыков в Джунгарию в 1771 г. — Узеньская кордонная линия; иноземная колонизация и переселение казенных крестьян и дворян на территорию южнее Самарской черты. — Военно-служилая и промысловая колонизация Астраханского края; новые городки на нижней Волге и ее рукавах. Астраханское казачье войско и его станицы. — Земледельческая колонизация на Ергенях, вдоль Царицынско-Ставропольского тракта. — Промысловая колонизация по берегам нижней Волги и морскому побережью. — Калмыцкие кочевья семи улусов. Киргизы Внутренней, или Букевской, орды.

XIV. Борьба Московского государства с крымскими татарами и заселение черноземных степей 285

Набеги крымских татар на Московскую и польско-литовскую Украину для грабежа и полона; татарские шляхи. Средства обороны на польско-литовской Украине: отдельные замки и отряды замковых слуг и жолнеров; казаки и сторожа в степях. Оборона Московской Украины, укрепление р. Оки, древнейшая засечная черта; сторожа и дозоры в степях; береговая служба. Построение городов в 40-х и 50-х годах XVI в. близ татарских шляхов; засеки, заборы в реках, валы. Новая организация сторожевой и станичной службы в степях; стоялые головы. Основание новых городов как базисов сторожевой и станичной службы; их население временное и постоянное. Совмещение военной службы с хлебопашеством, торговлей и промыслами. Отъезжие поля и выселки из городов. Села и деревни служилых людей и монастырские; пасеки. — Разорение новопостроенных городов в Смутное время и возобновление их при Михаиле; построение новых городов и соединение их непрерывной линией укреплений. Построение новых городов и укреплений при Алексее Михайловиче; Великогородская черта и ее значение в деле заселения черноземной степи. — Укрепления на верхнем течении Воронежа, Цны и Мокши. — Построение Симбирской черты и заселение ее окрестностей. Переселение на московскую Украину черкас в эпоху казачьих восстаний, при Хмельницком и в эпоху “руины”; образование Слободской Украины. Построение укрепленной черты, охватившей эту Украину с востока и юга и усиление ее колонизации. Раздача имений петербургским вельможам и прилив в Слободскую Украину великорусского населения; инородные элементы в составе ее населения: молдаване, сербы и калмыки. Отграничение Слободской Украины от Запорожья; Украинская линия.

XV. Заселение Донской и Уральской областей 312

Естественные богатства Донского бассейна. Ранняя славянская колонизация этого бассейна и запустение его в X—XIV вв. — Хождение на Дон из Рязанской земли на промыслы; рязанские казаки. Первые казачьи городки на Дону; Черкасский городок как пребывание “главного войска”. — Умножение казаков на Дону с конца XVI в.; их военные промыслы. Расслоение донского казачества на домовитых и гольтѣбу; возникновение значительного количества казачьих городков на Дону и его притоках. Участие гольтѣбы в Разинском движении; его разгром. Прилив беглых крестьян и раскольников на Дон и борьба правительства с этим явлением; Булавинский бунт. Уничтожение части казачьих городков и эмиграция части казачества. Ограничение казачьего самоуправления и вмешательство государства во внутренние распоряжки казаков; включение в со-

став донского казачества калмыков и поселение армян. Перемены в экономическом быту казачества в XVIII в., развитие хлебопашества и возникновение казацких хуторов. Крепостные крестьяне на землях казацкой старшины. Положение 1835 г. о земельных наделах рядовых казаков и старшин; право собственности казацких помещиков на их земли. — Увеличение земледельческого населения области. — Развитие горнозаводской промышленности в крае. Новые города. — Донские казаки на Яике во второй половине XVI в. и их промыслы. Первоначальная организация яицкого казачества и его отношение к донскому; Яицкий городок. Городки Илецкий и Сакмарский; хутора и зимовища. Прилив беглых крестьян и раскольников на Яик. Новая организация яицкого казачества и возложение на него охраны нижнего течения Яика; новые казацкие городки и форпосты на нижнем Яике. Участие яицких казаков в Пугачевском движении; переименование Яицкого войска в Уральское. Расселение уральских казаков с развитием у них земледелия; пикеты по Малому Узеню; Новоилецкая дистанция. Увеличение невойского населения в области после разрешения приобретать недвижимую собственность на казацких землях.

XVI. Заселение приднепровской украины во второй половине XVI и в XVII в. 335

Географическое значение термина “украина” в отношении к юго-западной Руси. — Поле Очаковское и Ногайская степь. — Запустение Левобережной Украины после Менгли-Гиреева “вынятья” 1482 г. — Размещение населения в Правобережной Украине ко второй половине XVI в. — Общее малолодство Украины и его причины. — Богатые природные ресурсы Украины и неудержимая тяга русского населения на пустовавшие земли Украины; городища, селища и “уходы” в обладании государства, учреждений и частных лиц; хождение на промыслы черкашан, северюков и болоховцев; промысленики с верхнего Днепра и Литовской Руси и сдача им в аренду угодий. Перемещение населения с верхнего Днепра и Руси Литовской в Киевское Полесье и из Полесья в окраинные поветы до Люблинской унии. — Быстрый рост панского землевладения на Украине после Люблинской унии и его причины; крупные латифундии (Вишневетчина, Уманщина, Звенигородчина и др.). — Построение владельческих замков и основание мест и местечек; состав их населения. — Земледельческие “осады”. — Самовольные поселения (преимущественно казаков) на владельческих и государственных землях; казацкие хутора по люстрациям первой четверти XVII в. — Общие результаты заселения малорусской украины ко второй четверти XVII в. — Типы селений на этой украине. Отсутствие укрепленных черт, или линий; оборона вразброд силами государства и землевладельцев. Борьба казачества с польским правительством и землевладельцами за земли и угодья; переселения казаков и крестьян с Правобережной Украины в Левобережную и далее, в московскую украину; новые города и слободы на московской украине. Разорение и опустение Волынской земли и Правобережной Украины в эпоху Хмельничины и “руины”.

XVII. Заселение Новороссии 368

Территория Запорожья, или Низа. Ее природа и естественные богатства. Запорожские казаки и их промыслы; их “коши” и “сичи”. Обособление запорожских казаков от городовых. Враждебное отношение запорожцев к Москве; запорожцы под властью Турции. — Возвращение в русское подданство и основание Новой Сечи. — Переход запорожцев к оседлой жизни. — Новая Сечь как селение; села, хутора и зимовники и разделение на паланки. — Тяга на запорожские земли крестьян с польской Украины, казаков из гетманщины и Донской области. Поселение сербов; Новая Сербия и Славяно-сербия; новые города. Присоединение к ним молдаван, валахов, болгар, греков,

великороссов раскольников. — Образование Новороссийской губернии с провинциями Екатериинской, Елизаветинской и Бахмутской. — Уничтожение Украинской линии и проведение Днепровской; новые города. — Уничтожение Запорожской Сечи и отобрание в казну ее земель. — Усиленная раздача запорожских земель дворянам, военным и чиновникам и т.д.; перевод крепостных и прием выходцев и беглых на владельческие земли. Вольная крестьянская колонизация запорожских земель; перевод экономических крестьян. — Переселение из Крыма греков и основание Мариуполя, иммиграция евреев. — Градостроительство в Новороссии: основание Херсона и Николаева. — Присоединение Крыма к России; русские города в бывшем Крымском ханстве. — Присоединение к России земель между Южным Бугом и Днестром. Экспедиция строения крепостей в новоприсоединенном крае, построение Тирасполя, Овидиополя и Одессы. Первоначальное население Одессы и быстрое развитие этого города. — Раздача земель в крае дворянам, военным и гражданским чиновникам; перевод крепостных крестьян и прием беглых и выходцев из Польши на владельческие земли. Основание казенных слобод и селений. — Поселение молдаван, армян и болгар. Немецкие колонии в Новороссии.

XVIII. Занятие и заселение русскими людьми Предкавказья 392

Туземные племена на северных склонах Кавказа в XVI в. — Борьба их с персами и турками и между собой; работорговля. Тяга к Москве, принятие теменского князя в московское подданство. Русские казаки в Темени; основание Трехстенного казачьего городка. — Возникновение Гребенского казачьего войска. Основание старого Терского города при устье Терека. — Терские казаки на службе государства: участие их в борьбе с ногаями, турками и татарами. — Мирные отношения к соседям и экономическое процветание терского казачества. — Перемена в отношениях к соседям. — Переселение гребенских казаков на Терек и основание в нем целого ряда городков. — Переход казаков из Терского городка в крепость св. Креста на Сулаке; Аграханское войско. Возвращение на Терек в 1733 году. Основание в 1736 г. города Кизляра и организация Кизлярского полка. — Переселение в Малую Кабарду части донских и волгских казаков; основание г. Моздока и новых станиц на Тереке; образование Моздокского полка. — Присоединение Азова, Азовского моря и Керченского пролива по Кучук-Кайнарджийскому договору 1774 г. и новые задачи по обороне южных границ; перевод на Терек и верхнюю Куму Волгского войска и Хоперского казачьего полка; новые города и станицы. — Присоединение Крыма и Кубанской области по договору в Яссах в 1791 г. — Поселение на верхней Кубани и ее притоках донских и слободских казаков; новые крепости и станицы. Образование Кубанского и Кавказского полков. — Основание новых станиц ген. Ермоловым и формирование Горийского полка. — Быт и организация казачьих общин на Тереке и верхней Кубани; их объединение и образование Кавказского линейного войска. — Переселение части запорожцев на низовья Дуная и основание Задунайской Сечи. Черноморское войско и его первоначальное местопребывание. Пожалоование ему в 1792 г. острова Фанагории и правого берега Кубани до устья Лабы и на север до Азовского моря и Ейского городка. Переселение черноморских казаков на Кубань. Воспроизведение на новом месте запорожских порядков. Основание Екатеринодара, Ейска, Тамани, станиц, хуторов и зимовников; приток беглых. Пополнение кубанского казачества малороссийскими казаками. Проведение в 30-х годах XIX в. береговой Черноморской линии; новые русские крепости и селения на берегу Черного моря. — Объединение в 1860 г. селений Черноморского войска, Береговой Черноморской линии, Лабинской, или Новой линии и Старой линии на верхней Кубани и образование области Кубанского войска. Выселение из Закубанья татар и черкесов и основание новых станиц в этом крае. — Гражданская колонизация области Терского войска. Раздача земель вельможам и заселение этих земель. Новые города — Ставрополь и Пятигорск. Поселение армян, немцев, эстонцев, греков и выходцев из Польши. — Поселение крестьян, приходивших

на заработки. Поселения малорусских крестьян на купленных и арендованных казацких землях. Разработка нефти и других минералов; прилив рабочих. Гражданская колонизация области Кубанского войска. Основание армянской колонии Армавира и немецких колоний в Черноморском округе и на горских землях. Разрешение лицам невоинских сословий приобретать уездные земли, наплыв крестьян из южнорусских губерний и поселение их на арендованных у казаков землях. Зачисление пришлых людей в казацкие станции распоряжениями властей и приговорами обществ.

XIX. Занятие и заселение русскими людьми северного Приуралья, Сибири и Дальнего Востока 428

Природные условия и естественные богатства Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока. — Туземцы в эпоху появления русских в Сибири. — Влияние природных условий Сибири, расселения и быта ее туземного населения на расселение по ней русских людей. — Начало знакомства русских с Северо-Западной Сибирью; походы новгородцев и сбор дани с самоедов, вогуличей и остяков. Походы Москвы за Камень в конце XV и начале XVI в.; покорение Югорской земли и Сибирского Юрта. — Тяга промышленников из Поморских уездов в Великую Пермь для соляных промыслов. — пожалование именитым людям Строгановым обширных владений на верхней Каме и Чусовой. — Устройство ими соляных варниц и заселение края; новые города и села в Камском крае. — Участие других промышленников в заселении нового края; колониционная роль монастырей. — Нападения сибирских татар на вотчины Строгановых в Пермской земле и за Уралом. Предоставление Строгановым права воевать сибирского “салтана”, облагать сибирцев ясаком и следить за деятельностью русских промышленников за Уралом. — Поход Ермака и занятие центра Сибирского царства. — Гибель Ермака и отступление его отряда. Экспедиции московских воевод для окончательного покорения Сибирского царства; построение русских городов в покоренной стране до Смутного времени. Разбросанность русских поселков по огромной территории и причины этого. Возобновление русского колониционного движения на восток по окончании Смуты. — Казаки и промышленники в роли искателей новых земель и плательщиков ясака; мотивы, двигавшие ими. Правительственная колонизация и ее мотивы. Главные пути продвижения русских людей в Восточной Сибири. Основание новых городов и острожков в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. — Попытка утвердиться на Амуре и ее неудача. — Общие итоги русской колонизации Сибири при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче; разбросанность русских селений на необъятной территории и причина этого явления. — Первоначальный состав населения в сибирских городках и его позднейшие пополнения: военно-служилые люди, духовенство, посадские и пашенные крестьяне. Прибор и перевод этого населения; ссылка в Сибирь. — Волная народная колонизация. — Новые виды поселков в Сибири: выселки из городов, деревни и починки служилых людей, посадских пашенных крестьян и ямщиков; слободы государственных пашенных крестьян. — Формирование волостей и уездов в виде населенных оазисов среди пустыни. — Количество русского населения в Сибири в начале XVIII в. Ассимиляция пришельцами туземного населения. — Вымирание туземцев в некоторых местностях. — Борьба с калмыками и киргизами в XVIII в. на южных окраинах Западной Сибири; построение новых городков и острогов и проведение укрепленных линий Ишимской, Пресногорьковской, Иртышской и Кольвано-Кузнецкой. — Занятие русскими Камчатки и построение в ней городов. — Расширение русских владений до р. Амура; присоединение части Сахалина; построение русских городов на Амуре. — Присоединение Уссурийского края; основание Владивостока. — Русские владения на островах и Американском материке; их судьба. Ссылка как преобладающий вид правительственной колонизации Сибири в XVIII в. — Горные заводы в

Сибири и каторжники в качестве их рабочей силы. — Бегство крестьян в Сибирь из Европейской России; “каменьщики”. — Количество русского населения Сибири к концу XVIII в.; количество инородцев. Колонизация Сибири в дореформенную эпоху XIX в.: ссылка порочных элементов; переселения государственных крестьян с разрешения правительства и без разрешения; увеличение ими состава Сибирского линейного войска. Начало колонизации Амурской области; Амурское казачье войско; крестьянская колонизация в этой же области. Массовая тяга крестьян в Сибирь после отмены крепостного права и ее причины; ограничительные меры правительства и их безуспешность. — Вынужденные уступки правительства: легализация самовольных переселений на Алтай и в другие места и усиление самовольного переселенческого движения. — Представления земств, дворянских собраний и губернаторов об урегулировании переселенческого движения; секретные временные 1881 г. правила о переселении. — Закон 1889 г. о переселении. — Фантастические представления о богатствах Сибири и массовый уход крестьян, особенно после неурожая 1891 и 1892 гг. — Прекращение в 1892 г. выдачи разрешений на переселение и продолжение самовольных переселений. — Постройка Сибирской железной дороги и учреждение особого Комитета Сибирской железной дороги. — Поощрение крестьян к переселениям в Сибирь и мероприятия по облегчению переселения; учреждение Переселенческого управления. — Количество переселившихся в 1896—1913 гг. — Районы эмиграции из Европейской России в Сибирь. — Правительственные мероприятия по облегчению передвижения и устройству на местах переселенцев. — Районы иммиграции в Сибирь. — Ссылка на поселение в Сибирь в пореформенную эпоху. — Вызов колонистов для заселения Амурской области и Уссурийского края; мероприятия по их устройству на местах; учреждение комитета по заселению Дальнего Востока; экспедиция по изучению района Амурской железной дороги и ее труды. — Общее количество жителей в Сибири, русских и инородцев в 1914 г.

XX. Занятие и заселение русскими людьми Башкирии 489

Башкирское племя в южном Приуралье. — Естественные богатства Башкирии и первоначальный быт ее обитателей. — Башкирия под властью болгарских ханов и затем под татарским владычеством. — Установление в Башкирии московского владычества. Построение г. Уфы и первые русские насельники в крае; села и деревни военнослуживых людей, дворцовые и монастырские села, деревни и починки. — Восстание башкир в царствование Алексея Михайловича и Федора Алексеевича против московского господства и его причины; новые укрепленные города в Башкирии. — Сильный прилив беглых русских крестьян в Башкирию в конце XVII и начале XVIII в. и борьба с этим русского правительства. — Башкирские мятежи в царствование Анны Ивановны. — Постройка новых городков и проведение Новой Закамской линии. — Построение Оренбурга и проведение Оренбургской укрепленной линии для изоляции башкир от киргизов. — Проведение Самарской укрепленной линии. — Постройка новых укрепленных городков внутри Башкирии. — Продолжение этой деятельности при Елизавете: увеличение числа укрепленных городков на Оренбургской и Самарской линиях; проведение Верхнеуфимской и Уйской линий. Состав населения на линиях. Организация Оренбургского казачьего войска. Новые селения по Новой Московской дороге. Заселение Исетской провинции; новые слободы государственных и монастырских крестьян. Общее число русских селений и их обитателей в Уфимской провинции в половине XVIII в. — Заводская колонизация Башкирии. — Тяга в Башкирию государственных крестьян из соседних с Башкирией губерний с конца XVIII в. — Распродажа башкирских земель частным владельцам и заселение их русскими крестьянами. — Закон о продаже башкирских земель крестьянским обществам и товариществам и усиленный прилив в Башкирию русских крестьян с начала 80-х годов XIX в.

XXI. Занятие киргизских степей и Туркестана и русская колонизация в этих краях	520
<p>Киргиз-кайсацкие орды и их образование; их кочевья. Номинальное подчинение их России и нападения на русские окраинные селения. Меры к их укрощению; устав 1822 г. и построение городков на их землях; проведение Новой линии. — Восстание Кениссары. — Подчинение России Большой Орды и новые русские города в Заилийском крае; организация Семиреченского войска. — Русские укрепления на р. Сыр-Дарье для изоляции киргизов от ханств Хивинского, Кокандского и Бухарского. — Борьба с Кокандским ханством и Бухарским и занятие их городов; упразднение Кокандского ханства и подчинение Бухарского. — Поход на Хиву и ее покорение; приобретение правого берега Аму-Дарьи. — Образование областей Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Зарявшанского округа и Аму-Дарьинского отдела. Занятие Текинского и Мервского оазисов и Памира; образование Закаспийской области. Первые русские насельники в киргизских степях — казаки; крестьянская колонизация киргизских степей. Первые русские насельники в Туркестане и Закаспийской области; новые русские города. Количество русского населения в городах и уездах Туркестана и Закаспийской области.</p>	
XXII. Русская колонизация Прибалтийского края в XVIII и XIX вв.	529
<p>Занятие побережья Финского залива шведами по Столбовскому трактату 1617 года. Борьба со Швецией из-за этого побережья в XVII и начале XVIII вв. Основание Петербурга и Кронштадта. Устройство города Петербурга; перенесение в него из Москвы царской резиденции и его заселение. Построение Новой Ладоги и Петергофа. Дворцы членов царской семьи в окрестностях Петербурга. Раздача поместий в Ингерманландии. Продолжение заселения Петербурга и его окрестностей при Анне Ивановне, Елизавете и Екатерине II; немецкие колонии. Рост Петербурга в XIX веке. Фабрики и заводы в Петербургской губернии и увеличение рабочего населения. — Русские в городах и селах Лифляндской и Эстляндской губерний.</p>	
XXIII. Резюме обзора	539
Указатели	572
Пояснение к указателям	572
Список сокращений	547
Указатель персоналий	575
Указатель географических, этнических и этногеосоциальных названий	599

Научное издание
Любавский Матвей Кузьмич

**ОБЗОР ИСТОРИИ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН И ДО XX ВЕКА**

Редактор *Г.М. Степаненко*
Художественный редактор *Ю.М. Добрянская*
Переплет художника *Б.С. Казакова*
Технический редактор *Н.И. Смирнова*
Корректор *В.А. Ветров*
Компьютерная верстка *И.Д. Труфанов*
Корректоры *В.А. Ветров, Г.А. Ярошевская*

ИБ № 8761

ЛР № 040414 от 27.03.92

Подписано в печать 30.09.96

Формат 60x90/16. Гарнитура таймс. Бумага офсет. № 1. Офсетная печать. Усл.печ.л. 43,0. Уч.-изд.л. 43,94. Тираж 2000 экз.

Заказ 3335 Изд. № 6120

**Ордена "Знак Почета" издательство Московского университета.
103009, Москва, Б.Никитская ул., 5/7**

**Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ
140010, Люберцы, Октябрьский пр. 403**

**В издательстве Московского университета
имеются в продаже книги**

КОНЕЦ КРЕПОСТНИЧЕСТВА В РОССИИ (ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, МЕМУАРЫ, СТАТЬИ)/ Сост., вступ. ст. и коммент. В.А. Федорова. — 35 л. — (Университетская библиотека) (в пер.)

Издание посвящено переломному периоду в истории России — эпохе социально-политического кризиса на рубеже 50—60-х годов XIX в., важнейшее событие которой — отмена крепостного права (1861 г.). В книгу включены официальные записки, проекты, отчеты и донесения, агентурные данные о настроениях различных слоев населения, извлечения из законодательных правовых актов, публицистические материалы и прокламации. Представлены дневники и мемуары лиц разных общественно-политических воззрений, в том числе крупных государственных деятелей (П.А. Валуева, Н.А. Милютина, С.С. Ланского, В.А. Черкасского), писателей и ученых (Л.Н. Толстого, А.Н. Энгельгардта, А.И. Кошелева, П.П. Семенов-Тянь-Шанского). Печатаются важнейшие рескрипты и публичные выступления Александра II.

Для преподавателей вузов, учителей, студентов и широкого круга читателей.

Михаил Литвин

О ПРАВАХ ТАТАР, ЛИТОВЦЕВ И МОСКВИТЯН/ Перевод В.И. Матузовой. Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. — 151 с. (обл.)

Трактат, написанный секретарем польского короля Сигизмунда II Августа, дипломатом и литовским гуманистом Венцеславом Миколаевичем, пронизан тревогой за судьбы Литвы. Автор предлагает многочисленные реформы в области судопроизводства, культуры и быта по образцу идеализируемых им порядков в Русском государстве и Крымском ханстве. Легенда о «римском происхождении» литовцев оказала сильное воздействие на формирование менталитета литовской нации.

В книге использованы элементы оформления из первого издания трактата (1615 г.).

Для широкого круга читателей.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ XIX — начала XX в.: Справочник/Сост. И.И. Линьков, В.А. Никитин, О.А. Ходенков — 20 л. (обл.)

Даны биографические сведения о более чем 50 видных государственных деятелях: выдающихся государственных реформаторах М.М. Сперанском, П.Д. Киселеве, Н.А. Милютине, С.Ю. Витте, П.А. Столыпине, председателе Государственного Совета Н.Н. Новосильцеве, государственном канцлере А.М. Горчакове, сенаторе А.Ф. Кони, обер-прокуроре Синода К.П. Победоносцеве, всех членах Временного правительства, председателе Государственной Думы М.В. Родзянко и других. В конце каждой статьи приведены списки основных работ государственного деятеля и литературы о нем.

Для широкого круга читателей.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ В 1996 ГОДУ**

ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сб. документов/ Сост. В.С. Шульгин, Н.И. Цимбаев, Л.С. Леонова. Под ред. Ю.С. Кукушкина. — 528 с. (в пер.).

В сборнике представлены важнейшие источники, отразившие развитие политической мысли в России, взаимоотношения власти и общества на протяжении тысячелетия — от Владимира Мономаха до наших дней. В его состав вошли государственные акты и законы, политические проекты и воззвания, партийная публицистика и историко-политические размышления, документы по истории православной церкви.

Для преподавателей и студентов гуманитарных факультетов, а также для широкого круга читателей, интересующихся политической историей Российского государства.

Янин В.Л.

**НОВГОРОД И ЛИТВА: ПОГРАНИЧНЫЕ СИТУАЦИИ
XIII — XV ВЕКОВ — 17 л. (обл.).**

В монографии впервые на основе комплексного изучения исторических, археологических и картографических данных исследуются взаимоотношения Новгорода и Литвы в пограничных районах, которые в XV в. находились в двойном подчинении.

Для специалистов-историков, преподавателей, студентов и всех интересующихся отечественной историей.

*По вопросам приобретения литературы
просим обращаться в издательство по телефону:*

939-33-23 (отдел реализации)

229-75-41 (отдел рекламы)

М.К. Любавский

Обзор истории
русской колонизации